
3 1761 08111574 3

Библіотека „Общественной Пользы“.

Луи Бланъ.

Исторія революціи 1848 года.

Переводъ С. Ч.

съ критическимъ очеркомъ Е. КОЛБАСИНА

О ЛУИБЛАНОВСКОМЪ СОЦІАЛИЗМѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1907

О луиблановскомъ соціализмѣ

въ его отношеніи къ соціализму нашего времени.

I.

Предлагаемое нами русскимъ читателямъ сочиненіе Луи Блана [1]) не совсѣмъ точно озаглавлено: это, собственно говоря, не исторія революціи 1848 года, а воспоминанія автора о тѣхъ событіяхъ этого времени, въ которыхъ онъ принималъ прямое или косвенное участіе. То же самое можно сказать объ извѣстныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ двумя другими дѣятелями февральской республики, Ламартиномъ и Гарнье-Пажесомъ, но эти писатели, въ особенности послѣдній, даютъ о внѣшнихъ эпизодахъ переворота свѣдѣнія болѣе полныя и подробныя, чѣмъ тѣ, которыя можно найти въ книгѣ Луи Блана. Пробѣлы послѣдней объясняются ея происхожденіемъ и цѣлью: она, прежде всего, произведеніе полемическое, написанное pro domo sua. Выброшенный политической бурей, въ числѣ прочихъ обломковъ старой республиканской партіи, на берега Англіи, Луи Бланъ видѣлъ, какъ надежды его единомышленниковъ рушились во Франціи одна за другой. Императорскій режимъ процвѣталъ и начиналъ, повидимому, упрочиваться окончательно; а между тѣмъ, многіе демократы отнеслись было сначала ко второй имперіи какъ къ весьма

---

[1]) Оно было уже однажды напечатано въ русскомъ переводѣ, всѣ экземпляры котораго были уничтожены по распоряженію цензуры.

прискорбному, но эфемерному эпизоду, за которымъ должна была вскорѣ наступить *настоящая* республика, не успѣвшая осуществиться въ 1848 году. Годы шли за годами, мракъ абсолютизма окутывалъ Францію все болѣе густой пеленой, а общественное самосознаніе не пробуждалось. Новыя поколѣнія, казалось, все болѣе забывали возвышенные завѣты недавняго прошлаго и все пренебрежительнѣе отзывались объ иллюзіяхъ идеаловъ и мечтателей февральской революціи, хвастаясь своимъ собственнымъ *реализмомъ*, реализмомъ общественнаго застоя и низменныхъ инстинктовъ. Какъ это всегда случалось съ политическими партіями, потерпѣвшими крушеніе послѣ смѣлой и породившей преувеличенныя надежды попытки измѣнить положеніе вещей, — въ особенности когда это крушеніе происходило вслѣдъ за минутнымъ торжествомъ,—республиканцы 1848 года стали подвергаться ожесточеннымъ нападкамъ со всѣхъ сторонъ, стали предметомъ неисчерпаемыхъ насмѣшекъ и сарказмовъ. Ретрограды мстили разгромленной партіи за испытанный было ими страхъ.

Nam cupide conculcatur nimis ante metutum (Лукрецій);

молодые демократы, не участвовавшіе сами въ событіямъ роковой эпохи, не прощали старшему поколѣнію плачевнаго результата его усилій; многіе изъ пережившихъ эти событія разочаровались въ своихъ прежнихъ идеалахъ, присоединились къ новому режиму или прониклись полнымъ политическимъ скептицизмомъ. Одни проклинали дѣятелей 1848 года, другіе глумились надъ ними. Больше всего доставалось соціалистамъ, а, въ частности, Луи Блану. Вѣдь въ 1848 году буржуазія сильно было испугалась движенія, самымъ виднымъ представителемъ котораго былъ знаменитый историкъ; она нѣсколько успокоилась послѣ іюньскаго побоища и свободно вздохнула лишь послѣ декабрьскаго переворота. Во время второй имперіи она оставалась еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ею въ 1848 году страховъ, которые до нѣкоторой степени изгладились изъ ея памяти лишь впослѣдствіи, когда ихъ вытѣснилъ новый кошмаръ,—ужасъ, наведенный на капиталистовъ „Интернаціоналкой", парижской коммуной, по-

явленіемъ организованной соціалъ-демократіи на политической сценѣ. Такимъ образомъ, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ присяжные защитники плутократическихъ интересовъ относились къ Луи Блану съ нескрываемымъ и ничѣмъ не смягченнымъ озлобленіемъ. Съ другой стороны, не служившіе сознательно плутократіи и руководившіеся въ своей дѣятельности сентиментальными и идеологическими побужденіями буржуазные радикалы обвиняли соціализмъ во всѣхъ неудачахъ демократіи, сѣтуя на него за то, что, напугавъ буржуазію, онъ бросилъ ее въ объятія политической реакціи. Одинъ изъ такихъ радикаловъ, Маццини, предалъ анаѳемѣ соціалистовъ за то, что опасныя химеры, пущенныя ими въ обращеніе, вызвавъ естественнымъ образомъ реакцію, способствовали учрежденію диктатуры Луи Бонапарта (которая была ненавистна итальянскому націоналисту Маццини, между прочимъ, и тѣмъ, что она дала Франціи военную гегемонію въ Европѣ), а, кромѣ того, посѣяли въ народѣ сѣмена классовой ненависти, зависти, эгоизма, нравственнаго матеріализма и, наконецъ, разлившись за предѣлы Франціи, ослабили у другихъ народовъ національное чувство пропагандой „какого-то краснаго космополитизма, ведущаго къ бездѣйствію“ (un cosmopolitisme rouge qui conduit à l'inaction) [1]). Наконецъ, новое поколѣніе

---

[1]) Въ своемъ письмѣ противъ соціалистовъ, напечатанномъ въ бельгійской газетѣ „la Nation“, Маццини говоритъ:

„Je les accuse d'avoir.... affaibli, ruiné autant qu' il était en eux, le sentiment national... Je les accuse d'avoir... animalisé l'homme, poussé l'ouvrier vers l'égoisme, en concentrant presque exclusivement l'attention de tous vers le probléme des intérêts matériels... Je les accuse d'avoir laissé croire qu' on régénére un peuple en l'engraissant, d'avoir fait de la question de l'humanité une question de pot-au-feu de l'humanité... Combattez, non la bourgeoisie, mais l'égoisme partout où il se trouve, sous la blouse comme sous l'habit,—non *l'autorité* que nous cherchons tous, mais les fantômes qui singent l'autorité...“.

Раньше, въ рѣчи произнесенной въ Лондонѣ 11 февраля 1852 года и напечатанной въ газетѣ „The Leader“ (отъ 14-го февраля 1852), Маццини сказалъ уже, что онъ не сторонникъ „ни дикой, нелѣпой и безнравственной грезы коммунизма, ни уничтоженія собственности, ни разрѣшенія всяческой свободы путемъ насильственно навязанной системы соціальной организаціи, ни упраздненія капитала, ни исключительнаго культа мате-

соціалистовъ, которыхъ ждали баррикады кровавой недѣли, перлашезская стѣна, казематы Новой Каледоніи, упрекало своихъ идеалистовъ-предшественниковъ въ томъ, что послѣдніе не сумѣли, выбросить за бортъ служителей капитала, крѣпко ухватившись за кормило правленія, и направить націю въ сторону соціальной революціи. Одинъ изъ этихъ молодыхъ соціалистовъ, Верморель, написалъ противъ дѣятелей 1848 года безпощадный историческій памфлетъ, въ которомъ бичевалъ, между прочимъ, и Луи Блана. Нѣсколькими годами ранѣе вышло въ Англіи сочиненіе лорда Норменби, очень враждебное республиканцамъ 1848 года и, въ частности, Луи Блану. Въ отвѣтъ на это сочиненіе, послѣдній и написалъ свою книгу, которая является такимъ образомъ, прежде всего, апологіей временнаго правительства и дѣятельности автора. Живя въ Англіи и сблизившись съ многими интеллигентными англичанами, Луи Бланъ счелъ нужнымъ подробно опровергнуть обвиненія, возведенныя на него лордомъ Норменби.

Не желая, чтобы англійская публика судила о событіяхъ 1848 года по книгѣ этого знатнаго дипломата, Луи Бланъ написалъ свою „*Исторію революціи 1848 года*“ главнымъ образомъ для англичанъ: она вышла въ свѣтъ сначала на англійскомъ языкѣ, и въ ней нерѣдко попадаются ссылки на англійскіе авторитеты, намеки на англійскія дѣла. Затѣмъ, незадолго до паденія Наполеона III-го, она была издана и на французскомъ языкѣ съ предисловіемъ, въ которомъ авторъ очевидно полемизируетъ съ Верморелемъ, хотя и не называетъ его по имени. Значительная часть сочиненія была написана задолго до его выхода въ свѣтъ. Нѣкоторыя главы являются дословнымъ воспроизведеніемъ статей, написанныхъ вскорѣ послѣ бѣгства автора изъ Франціи и собран-

ріальныхъ интересовъ, ни той матеріалистической идеи, что жизнь состоитъ въ поискахъ за физическимъ блаженствомъ, ни замѣны проблемы человѣчества проблемой *кухни* человѣчества“ и т. д. Такъ отнесся къ соціализму человѣкъ, котораго современные итальянскіе республиканцы хотятъ выставить соціалистомъ.

ныхъ въ книгѣ озаглавленной: „Pages d'histoire"; многія страницы цѣликомъ заимствованы изъ предыдущихъ писаній автора. Полемика съ лордомъ Норменби послужила для Луи Блана поводомъ собрать различныя свои статьи о 1848 годѣ въ связный разсказъ, дополнивъ и развивъ ихъ тамъ, гдѣ это было нужно. Получилось сочиненіе, въ которомъ соединены элементы историческій, полемическій и автобіографическій. Послѣдній преобладаетъ; „*Исторія революціи 1848 года*" Луи Блана должна была бы назваться: „О моемъ участіи въ революціи 1848 года". Это не мѣшаетъ книгѣ быть крайне интересной для людей нашего времени. Она, конечно, не можетъ считаться полной, научной и объективной исторіей революціи 1848 года, но такой исторіи этого событія, „самаго славнаго событія XIX-го вѣка, по словамъ Гульельмо Ферреро, пока еще не существуетъ, да, пожалуй, и не можетъ существовать. Кто въ настоящее время можетъ съ полнымъ безпристрастіемъ и объективностью политической и соціальной писать о борьбѣ, которая, въ измѣнившейся, но еще болѣе обостренной формѣ, волнуетъ и поднесь весь цивилизованный міръ? Касаясь подобныхъ темъ, историкъ часто воображаетъ, что онъ лишь доискивается до причинъ и слѣдствій изучаемыхъ фактовъ путемъ холоднаго научнаго анализа, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, всѣ его сужденія безсознательно подсказаны ему его политическими страстями, вѣрованіями, чаяніями, желаніями!... Современный человѣкъ въ состояніи совершенно безучастно относиться къ продолжающей еще развертываться на его глазахъ всемірной соціальной драмѣ только тогда, когда не понимаетъ ея; въ ея живую сущность, во внутреннюю жизнь общества, среди котораго эта драма развивается, никогда не проникнетъ наблюдатель, „добру и злу внимающій равнодушно"; сочувствовать же какой-нибудь группѣ бойцовъ значитъ въ данномъ случаѣ вступать въ ея ряды, значитъ отказаться отъ объективности. Правда, что можно прикрыть свои политическія или соціальныя тенденціи и предпочтенія холодомъ абстрактной терминологіи, біологическими уподобленіями или экономическими теоремами, но это сути дѣла не мѣняетъ. Чтобы нахо-

дить научно вѣрнымъ, точнымъ, объективнымъ, анализъ историческихъ фактовъ, содержащійся въ книгахъ Маркса „Классовая борьба во Франціи“ и „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“, нужно быть [1]) соціалистомъ и соціалистомъ извѣстнаго направленія; для французскаго историка не соціалиста эти сочиненія столь же несвободны отъ партійныхъ предразсудковъ, столь же пристрастны и односторонни, какъ пристрастны и односторонни въ глазахъ демократа сужденія Тэна о великой революціи.

Если „Исторія революціи 1848 года“ Луи Блана не можетъ претендовать на полноту и объективность [2]), за то она представляетъ собой драгоцѣнный историческій документъ. Революція 1848 года во Франціи была порождена соціалистическими стремленіями; ее произвелъ главнымъ образомъ парижскій пролетаріатъ, захотѣвшій освободиться отъ экономическаго рабства. Поэтому въ этой революціи самымъ важнымъ, самымъ существеннымъ моментомъ является тогдашнее соціалистическое движеніе, а главнымъ представителемъ этого движенія въ политикѣ былъ Луи Бланъ. Въ его лицѣ, соціалистическій пролетаріатъ впервые выступилъ на авансцену политической жизни. Въ этомъ отношеніи въ Луи Бланѣ можно видѣть главнаго дѣятеля всей французской революціи 1848 года, и понятно, что мемуары такого человѣка о событіяхъ, въ которыхъ онъ игралъ столь важную роль, представляютъ первостепенный интересъ. Если прибавить къ этому, что книга написана съ обычнымъ мастерствомъ автора, что въ ней встрѣчаются блестящія характеристики различныхъ историческихъ дѣятелей, что

---

[1]) По крайней мѣрѣ, *во Франціи.* Иностранецъ, даже не будучи соціалистомъ можетъ принять цѣликомъ марксовское толкованіе событій французской исторіи, просто потому что, не зная достаточно глубоко французской общественной жизни, онъ не можетъ отнестись къ нему критически.

[2]) Для ознакомленія съ внѣшними фактами революціи 1848 года мы считаемъ наиболѣе пригоднымъ сочиненіе Даніэля Стерна (герцогини д'Агу). Оно сравнительно объективно, по крайней мѣрѣ, для демократически настроеннаго читателя. Странны только симпатіи г-жи д'Агу къ генералу Каваньяку, которыя, впрочемъ, не помѣшали ей воздать должное героизму іюньскихъ инсургентовъ.

она развертываетъ передъ читателемъ яркую картину изображаемой эпохи, близко знакомитъ насъ съ тогдашнимъ настроеніемъ различныхъ слоевъ французскаго общества, также какъ и со всей совокупностью идей, руководившихъ движеніемъ, во главѣ котораго стоялъ Луи Бланъ, то станетъ понятнымъ, что она можетъ живо заинтересовать русскую публику, охотно изучающую въ настоящее время исторію освободительныхъ переворотовъ прежняго времени.

II.

Все, что относится къ исторіи „борьбы за освобожденіе четвертаго сословія", заслуживаетъ вниманія русскаго читателя. Но онъ можетъ спросить себя, есть ли какая-нибудь связь между французскимъ рабочимъ движеніемъ 1848 года и соціалъ-демократіей нашего времени, есть ли что-нибудь общее между соціализмомъ, какъ его понималъ Луи Бланъ, и тѣмъ соціализмомъ, который въ наши дни готовится завоевать міръ. Вопросъ о томъ, былъ ли Луи Бланъ соціалистомъ въ современномъ смыслѣ этого слова, ставится иногда историками соціализма, напр., Полемъ Луи. Правда, Поль Луи отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно [1]) но одинъ уже тотъ фактъ, что объ этомъ заводится рѣчь, показываетъ, что тутъ возможны какія-то сомнѣнія. По опредѣленію предложенному Жоржемъ Ренаромъ, „соціалистомъ называется всякій сторонникъ общихъ мѣропріятій (законодательныхъ или революціонныхъ), клонящихся къ уменьшенію имущественнаго неравенства путемъ примѣненій принципа хозяйственной ассоціаціи къ отношеніямъ между людьми и путемъ расширенія области общественной (коллективной) собственности". Конечно ученіе Луи Блана вполнѣ удовлетворяетъ этому опредѣленію. Но послѣднее столь широко, что подъ него могутъ подойти самыя различныя доктрины, напр., такъ называемый христіанскій соціализмъ, или ученія Адольфа Вагнера, Шмоллера и др.; мы хотимъ знать былъ ли

---

[1]) Paul Louis, les Ètapes du Socialisme, 1903, стр. 10.

Луи Бланъ соціалистомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова и существуетъ ли какая-нибудь связь между его ученіемъ и программой современной соціалъ-демократіи. Энгельсъ, мимоходомъ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно [1]). Но это мнѣніе для насъ не убѣдительно. Во всѣхъ областяхъ мысли смѣлые инициаторы и новаторы нерѣдко придаютъ слишкомъ мало значенія тому, что было сдѣлано ихъ предшественниками; въ силу легко объяснимаго психологическаго явленія, они гораздо отчетливѣе видятъ то, чѣмъ отличаются отъ дѣятелей предыдущаго поколѣнія, чѣмъ свои точки соприкосновенія съ послѣдними, гораздо болѣе настаиваютъ на контрастѣ между новыми и старыми формулами, чѣмъ на связи между тѣми и другими. Не у Аристотеля можно найти указанія на то, что его собственная философія есть лишь дальнѣйшее развитіе теорій Платона: если бы мы повѣрили Декарту, то возмнили бы вмѣстѣ съ нимъ, что, какъ философъ, онъ ничѣмъ не обязанъ ни одному

---

[1]) „Партія, называвшаяся тогда во Франціи демократически-соціалистической была той, представителями которой были Ледрю-Ролленъ въ политикѣ и Луи Бланъ въ литературѣ. Слѣдовательно, она какъ небо отъ земли (himmelweit) отличалась отъ демократическаго соціализма современной Германіи". (Примѣчаніе Энгельса къ четвертой главѣ коммунистическаго манифеста). Замѣтимъ, что Энгельсъ неправъ, отождествляя направленіе Ледрю-Роллена съ направленіемъ Луи Блана. Какъ видно изъ „Исторіи революціи 1848 года", Луи Бланъ считаетъ своимъ полнымъ *единомышленникомъ* среди членовъ Временнаго правительства одного только Альбера, а на Флокона и на Ледрю-Роллена смотритъ лишь какъ на своихъ *союзниковъ*, на перваго какъ на *почти* постояннаго, на втораго какъ на менѣе надежнаго: извѣстно, что Ледрю-Ролленъ иногда присоединялся къ большинству Временнаго правительства, отдѣляясь отъ меньшинства, съ которымъ обыкновенно вотировалъ. Луи Бланъ не только не причисляетъ Ледрю-Роллена къ соціалистамъ, но говоритъ, что послѣдній былъ слишкомъ поверхностно знакомъ съ соціальнымъ вопросомъ и поэтому мечталъ не о соціальномъ переустройствѣ, а всего лишь о возрожденіи учрежденій первой французской республики. Hist. de la Révol. de 1848, т. I, стр. 281. Въ средѣ французскихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ сторонники Луи-Блана и сторонники Ледрю-Роллена представляли собой двѣ совершенно различныя группы. Вокругъ Ледрю-Роллена группировались чисто политическіе республиканцы; отсюда благоволеніе къ нему со стороны Мацципи, о враждебности котораго къ группѣ Луи Блана можно судить по вышеупомянутому письму, помѣщенному въ газетѣ „La Nation".

изъ предшествовавшихъ ему мыслителей; Дарвинъ, несмотря на свою глубокую добросовѣстность, не отдалъ полной справедливости Ламарку, а Спенсеръ удивляетъ насъ жаромъ, съ которымъ доказываетъ, что контовскій позитивизмъ не имѣлъ на его мысль ни малѣйшаго вліянія. Выдающійся мыслитель иногда не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что провозглашенная имъ истина зародилась сначала въ другихъ умахъ, стала тамъ медленно развиваться, созрѣвать, какъ плодъ, ждущій, чтобы его сняли съ вѣтки, и что онъ, новаторъ, считающій себя творцомъ плода, лишь сорвалъ послѣдній съ чужого дерева, очистилъ отъ ненужныхъ оболочекъ, приправилъ по своему вкусу и преподнесъ публикѣ въ лучшей и окончательной формѣ. Ученики же вѣрятъ обыкновенно въ абсолютную оригинальность учителя еще болѣе, чѣмъ онъ самъ, и лишь внѣпартійная историческая эрудиція выясняетъ мало-по-малу, изъ какихъ источниковъ образовалась величественная рѣка мыслей, которой мы восхищаемся въ произведеніяхъ какого-нибудь знаменитаго писателя. Правовѣрные послѣдователи основателя философской или научной школы по большей, части, не долюбливаютъ такихъ изслѣдованій, подозрѣвая тѣхъ, кто ими занимается, въ намѣреніи умалить его заслуги. Отъ этой слабости должны бы быть нѣсколько болѣе свободны приверженцы Маркса. Если, какъ утверждаетъ Эдгардъ Кинэ, главнымъ умственнымъ переворотомъ, главнымъ завоеваніемъ теоретической мысли въ XIX столѣтіи слѣдуетъ считать то открытіе, что естественныя науки могутъ разсматриваться, какъ историческія (трансформистская теорія въ біологіи), а историческія, какъ естественныя (детерминизмъ и закономѣрность соціальныхъ явленій, зависимость исторической эволюціи отъ внѣшней среды), то за Марксомъ, Энгельсомъ и ихъ школой должна быть признана заслуга, что они сильно содѣйствовали этому умственному перевороту той настойчивостью, съ которой старались разъяснить второй изъ этихъ двухъ пунктовъ (детерминизмъ соціальной эволюціи), показывая, что историческія измѣненія вытекаютъ изъ фатальнаго естественнаго процесса, независящаго отъ индивидуальной прихоти. Болѣе чѣмъ кто либо мар-

ксисты возстаютъ противъ преувеличеннаго значенія приписываемаго отдѣльнымъ личностямъ при объясненіи исторической эволюціи, и противъ наивной вѣры въ то, что такія личности создаютъ новыя условія соціологическаго развитія; съ точки зрѣнія марксизма, руководящія идеи каждой данной эпохи суть лишь отраженіе матеріальной, точнѣе выражаясь, экономической жизни общества (способовъ производства и т. п.), а такъ какъ экономическая жизнь обыкновенно измѣняется лишь путемъ постояннаго эволюціоннаго процесса, то и отражающія ее идеи не появляются внезапно, какъ бы падая съ неба, а медленно подготовляются работой мысли цѣлыхъ поколѣній [1]). Для экономическаго матеріалиста не только нѣтъ чудесъ въ политической исторіи, но нѣтъ и внезапныхъ *откровеній*, въ исторіи развитія идей, знаменитыя изобрѣтенія бываютъ обыкновенно гораздо менѣе оригинальны, *новы*, чѣмъ это думаетъ публика, незнакомая съ исторіей техники: они являются, по большей части завершеніемъ цѣлаго ряда попытокъ, слѣдовавшихъ одна за другой и все болѣе приближавшихся къ цѣли [2]). Однако, когда рѣчь идетъ объ ихъ учителяхъ, Марксѣ и Энгельсѣ, марксисты не всегда вѣрны этой точкѣ зрѣнія и подчасъ говорятъ о „Коммунистическомъ манифестѣ“, какъ о какой то священной книгѣ, открывшей людямъ глаза на истины, о которыхъ дотолѣ никто ничего не подозрѣвалъ; соціалъ-демократическое движеніе, вышедшее изъ этого „манифеста“ они представляютъ себѣ какъ нѣчто радикально отличное отъ предыдущихъ соціалистическихъ теченій. Между такъ называемымъ утопическимъ

---

[1]) Мерингъ въ своей книгѣ о Лессингѣ (см. приложенія къ Lessing-legende) смѣется надъ извѣстнымъ соціологомъ, профессоромъ Пауломъ Бартомъ, который де воображаетъ, что философскія идеи развиваются въ какой-то особой сферѣ, высоко возносящейся надъ юдолью земной. (Бартъ сказалъ, что философскія теоріи въ своемъ развитіи слѣдуетъ своей собственной *внутренней* логикѣ).

[2]) Самъ Марксъ, напр. говоритъ: Eine kritische Geschichte der Technologie würde überhaupt nachweisen, wie wenig irgend eine Erfindung des 18 Jahshunderts einem einzelnen Individuum gehört. (Das Kapital, 4-е изданіе, I, 335, въ примѣчаніи). По этому поводу онъ самъ вспоминаетъ о постепенномъ развитіи органовъ животныхъ по Дарвину.

и такъ называемымъ научнымъ соціализмомъ они оставляютъ промежутокъ столь же незаполненный какъ тотъ, которымъ отдѣлялись одинъ отъ другого зоологическіе виды по мнѣнію натуралистовъ, незнакомыхъ съ трудами Ламарка и Дарвина. Ф. А. Ланге осмѣиваетъ гдѣ то нѣмецкіе учебники исторіи, изображающіе все человѣчество погруженнымъ въ мракъ суевѣрія до появленія Лютера, который сразу озарилъ Европу свѣтомъ религіозной истины: endlich kam Luther..., и учебники химіи, въ которыхъ говорится что эту науку, не существовавшую дотолѣ, создалъ въ одинъ прекрасный день Лавуазье: раньше же была алхимія, все былъ флогистонъ, да флогистонъ, пришелъ Лавуазье и выдумалъ химію! Такъ пишутъ исторію и марксисты. Раньше все былъ утопизмъ, да утопизмъ, пришли Марксъ и Энгельсъ и выдумали научный соціализмъ! Замѣчательно, что ученые, которые въ послѣднее время старались выяснить связь между современнымъ соціалъ-демократическимъ движеніемъ и предшествующимъ соціализмомъ, между идейной работой соціалистовъ первой половины XIX столѣтія и теоріями Маркса и Энгельса, не принадлежатъ къ лагерю ортодоксальныхъ марксистовъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Гдѣ видано, чтобы вѣрующіе занимались старательными изысканіями источниковъ писаній пророковъ? А вѣдь Вильфредо Парето несовсѣмъ не правъ, говоря, что ортодоксальные ученики Маркса обращаются съ сочиненіями послѣдняго, какъ съ священнымъ писаніемъ [1]). Не придерживаясь никакой ортодоксіи, мы полагаемъ, что догматизмъ менѣе всего умѣстенъ въ такихъ безконечно сложныхъ и мало еще разработанныхъ наукахъ, какъ науки соціальныя, и не считаемъ соціологическихъ обобщеній Маркса окончательно установленными научными истинами; что марксизмъ—единственно вѣрная, единственно „научная“ форма соціализма, намъ не кажется доказаннымъ. Доктрина Маркса есть лишь одинъ изъ историческихъ фазисовъ этого громаднаго движенія, также какъ и такъ называемыя „утопическія“ системы, противополагаемыя соціализму „научному“. Какъ

---

[1]) Les systémes socialistes, par Vilfredo Pareto, т. II, стр. 323 и сл.

и онѣ, она опирается на отчасти вѣрный, тонкій и проницательный, отчасти неполный, односторонній и сбивчивый анализъ общественныхъ явленій; какъ и онѣ, она содержитъ отчасти подтвердившіяся впослѣдствіи, отчасти оказавшіяся ошибочными предвидѣнія; какъ и онѣ, она отрицаетъ современную дѣйствительность во имя этическихъ требованій [1]) и соціальнаго идеала, осуществимость котораго еще не была доказана опытомъ; какъ и онѣ она ищетъ въ томъ, что *есть*, указаній на то, что *будетъ*, указаній, кажущихся тѣмъ, кто не сочувствуетъ идеаламъ изслѣдователя, проблематическими, спорными, нисколько не убѣдительными... Реформаторскіе проекты прежнихъ утопистовъ не противорѣчили, по большей части, тому, что въ ту эпоху знали о закономѣрности соціальныхъ явленій; марксистскій соціализмъ, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ эти планы гармонируетъ съ научными истинами, утвердившимися во вторую половину девятнадцатаго столѣтія, но онъ разнится отъ болѣе старыхъ соціалистическихъ системъ не такъ, какъ наука разнится отъ утопіи, химеры, иллюзій, а такъ, какъ, напр., современное скорострѣльное ружье разнится отъ кремневаго ружья нашихъ дѣдовъ, или какъ локомотивъ нашего времени отъ локомотива Стефенсона, котораго никто не станетъ упрекать въ „ненаучности" за то что онъ соорудилъ свою машину не на основаніи позднѣе пріобрѣтенныхъ знаній въ области физики и механики. Заимствовавъ у стараго „утопизма" его наиболѣе основательные тезисы, очистивъ ихъ отъ шелухи сентиментальной фразеологіи и спиритуализма, развивъ нѣкоторые изъ нихъ, дополнивъ ихъ данными, добытыми послѣдующей работой экономистовъ, историковъ, этнологовъ, біологовъ, Марксъ и

---

[1]) Одинъ изъ независимыхъ марксистовъ, Бенедетто Кроче говоритъ senza il presupposto morale, come si spiegherebbe, nonché l'azione politica del Marx, quel tono di violenta indignazione e di satira amara che si sente in ogni pagina del *Capitale?* (*Materialismo storico ed economia marxista*, стр. 34). Смѣшно говорить, что соціалистическаго строя слѣдуетъ желать, потому что онъ долженъ наступить неизбѣжно. Вѣдь и старость для всякаго индивидуума неизбѣжна, слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ долженъ ея желать и стараться ускорить ея приближеніе? И охлажденіе земной коры, говорятъ, неизбѣжно....

Энгельсъ создали соціалистическую систему болѣе стройную и живучую, чѣмъ всѣ ея предшественницы; въ теченіе десятилѣтій она остается (благодаря, впрочемъ, не только своимъ научнымъ достоинствамъ, но и всѣмъ тѣмъ весьма сложнымъ обстоятельствамъ, которыя породили гегемонію нѣмецкой соціалъ-демократіи въ международномъ рабочемъ движеніи) оффиціальной доктриной рабочихъ партій почти всѣхъ странъ и большинство отождествляетъ ее съ самимъ соціализмомъ. Такое отождествленіе невѣрно; въ послѣдніе годы оно стало ошибочнымъ даже въ Германіи, не говоря о такихъ странахъ, какъ Англія, Франція, Бельгія, Голландія; повсюду теперь попадаются, даже среди вожаковъ соціалистической партіи, люди, не соглашающіеся съ тѣмъ или другимъ тезисомъ ортодоксальнаго марксизма. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что *въ цѣломъ* и въ главныхъ своихъ чертахъ теоретическій символъ вѣры и практическая программа современныхъ соціалистическихъ партій совпадаютъ съ марксистскимъ ученіемъ. Поэтому, когда мы будемъ сравнивать соціализмъ Луи-Блана съ *соціализмомъ современнымъ*, то подъ этими послѣдними словами будемъ подразумѣвать марксистскую доктрину въ ея наименѣе догматичномъ наиболѣе популярномъ общераспространенномъ видѣ, какой, напр., она является въ програмахъ, принятыхъ рабочими конгрессами, въ пропагадныхъ статьяхъ и брошюрахъ, въ агитаціонныхъ рѣчахъ и т. п.

Сравнивая соціализмъ Луи Блана съ соціализмомъ нашего времени, мы должны отвѣтить на три вопроса:

1) противъ какихъ сторонъ современнаго общественнаго устройства возстаетъ Луи Бланъ?

2) чѣмъ онъ хочетъ замѣнить современный соціальный строй?

3) какими средствами надѣется онъ достигнуть осуществленія своего идеала?

Отвѣчая на эти вопросы, мы отмѣтимъ сходства и несходства между соціализмомъ, какъ его понималъ Луи Бланъ, и доктриной, принятой современной международной соціалъ-демократіей. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе источниковъ луибланов-

скихъ теорій. Достаточно замѣтить, что главными изъ этихъ источниковъ являются сенъ-симонистская и фурьеристская литература и сочиненіе Сисмонди; кромѣ того, существуетъ прямая связь между нѣкоторыми мнѣніями и Луи Блана и бабувизмомъ; наконецъ, несомнѣнно вліяніе Ж.-Ж. Руссо на міросозерцаніе нашего автора, какъ и вообще на весь французскій соціализмъ первой половины XIX столѣтія [1]).

III.

Не касаясь пока того, что Луи Бланъ думалъ о борьбѣ классовъ въ будущемъ, мы должны констатировать, что онъ ясно понималъ ея значеніе въ прошломъ и настоящемъ. Въ противоположность большинству буржуазныхъ соціологовъ, онъ утверждаетъ, что паденіе феодализма не повело за собой уничтоженія классовъ, а создало только новую организацію классоваго неравенства. Въ античномъ и средневѣковомъ мірѣ мы видимъ раздѣленіе общества на классы, раздѣленіе, благодаря которому большинство было угнетено привилегированнымъ меньшинствомъ, пользовавшимся плодами его трудовъ. Не все ли равно для угнетенныхъ, на чемъ держится господство угнетателей, на военной ли силѣ, какъ въ феодальномъ обществѣ, на власти ли суевѣрія, какъ при теократическомъ строѣ, или же на могуществѣ золота, какъ при современномъ порядкѣ вещей? [2]). Въ дореволюціонномъ обществѣ правящіе классы, въ оправданіе своего владычества, ссылались на принципъ авторитета. Противъ нихъ возстала обогатившаяся мало по малу буржуазія, провозгласившая принципъ индивидуализма.

---

[1]) О соціалистическомъ *духѣ* сочиненій Руссо см. Histiore de la littérature française par Gustave Lanson, главу объ этомъ мыслителѣ, принадлежащую къ лучшему, что написано о Руссо.

[2]) Que la tyrannie s'exerce par la supe rtition, par le glaive ou par l'or; qu' elle se nomme influençe du clergé, régime feodal ou régne de la bourgeoisie, qu'importe á cette mére qui pleure le fruit de ses entrailles? qu' importe á ce vieillard qui n'a connu ni le repos, ni l'amour, et qui, sur son grabat oú il meurt emploie son dernier soupir à maudire la vie?— *Histoire de dix ans* (8 изданіе, 1849 г.) I, 130.

людяхъ, крѣпостной видѣлъ, кто его угнетатель, могъ назвать этого угнетателя по имени. Наоборотъ, деспотизмъ буржуазіи, такъ сказать, безличенъ, анониенъ, выражается въ самомъ порядкѣ вещей, а не въ отдѣльныхъ лицахъ; пролетарій не знаетъ, кто его давитъ [1]) и чувствуетъ себя тѣмъ несчастнѣе, что онъ опутанъ невидимыми, неуловимыми оковами, страждетъ подъ гнетомъ, имѣющимъ характеръ какого-то таинственнаго фатума.

Въ чемъ же состоитъ это новѣйшее рабство? Почему нищета и голодъ—постоянный удѣлъ народа?

Это происходитъ отъ того, что современное общество основано на принципѣ частной собственности, которую Луи Бланъ называетъ *исключительной* собственностью, propriété exclusive [2]) въ противоположность собственности *общедоступной* (propriété accessible à tout le monde, généralisée, universalisée), т. е. соціальной. Въ силу законовъ, изданныхъ помимо всякаго участія пролетарія, до его появленія на свѣтъ и направленныхъ противъ него, онъ лишенъ всѣхъ орудій труда, ставшихъ исключительнымъ достояніемъ немногихъ лицъ [3]).

---

[1]) *La Révolution au Luxembourg* стр. 69; ceux qui sont soumis à la tyrannie de la faim... sont plus réellement esclaves que nos fréres des colonies, qui travaillent sous le fouet du commandeur, maisdui, du moins, sont assurés de leur lendemain. *Histoire de la Révolution Française*, I, 113: Ce que les serfs avaient de moins en dignité, ils l'avaient de plus en sécurité. Ils pouvaient sans pâlir s'arrêter á l'idée de leur lendemain. S'ils gémissaient sous une rude tyrannie, ils voyaient en face, au moins cette tyrannie: ils la touchaient en quelque sorte du doigt, ils pouvaient la désigner par son nom propre. Combien n'est pas plus lourde, hélas! celle qu'exprime aujourd'hui le mot effrayant et vague, *la misère*! La liberté! avec la misère et l'isolement, c' est une servitude aussi, et quelle servitude, mon Dieu! Le despotisme féodal était dans les hommes, le despotisme bourgeois est dans les choses; despotisme mystérieux qu'on sent partout, qu'on n'aperçoit nulle part, et au sein duquel l'indigent se voit mourir sans se rendre compte du mal qui le tue. Cf. *Histore de la Révolution de 1848*, II, 268: un despotisme impalpable, mystérieux, mais plus cruel mille fois que tous les despotismes á visage humain.

[2]) См. *Histoire de la Révolution française*, т. III, стр. 285 и 292.

[3]) См. *Organisation du travail* (въ Questions d'aujourd'hui et de demain, IV, 28): Le pauvre est-il un membre ou un ennemi de la socieeté? Qu'on réponde. Il trouve autour de lui le sol occupé. Peu-t-il semer la terre pour

Слѣдовательно, корень соціальнаго зла заключается въ монополизаціи орудій производства и земли, главнаго изъ этихъ орудій [1]). Пролетарій не можетъ свободно упражнять и развивать свои способности, такъ какъ обладаніе средствами къ существованію и орудіями труда является въ капиталистическомъ обществѣ монополіей, привиллегіей опредѣленнаго соціальнаго класса [2]). Свобода состоитъ въ *возможности* (pouvoir) что либо дѣлать, а не въ отвлеченномъ *правѣ* на эту дѣятельность; пролетарій не имѣетъ *возможности* развивать свои способности, выбирать себѣ по своему вкусу работу, профессію: значитъ, онъ не свободенъ [3]). Свободны, даже слишкомъ свободны, только члены класса его господъ (maitres), т. е. владѣльцы орудій производства [4]). Чтобы жить, пролетарій долженъ работать, а работу онъ можетъ достать только у капиталистовъ и собственниковъ, т. е. у монополистовъ, завладѣвшихъ орудіями производства, за пользованіе которыми

---

son propre compte? Non, parce que le droit du premier occupant est devenu droit de propriété Peut il cueillir les fruits?... Non parce que de même que le sol, les fruils ont été *appropriés*.... Ibid. стр. 202: tout a étè *approprié* par quelques uns,... ceux qui, en vertu de lois faites avant moi, *contre moi*, possédent exclusivement ce qui m'est indispensable pour travailler, pour ne pas mourir...

Hist. de la Rèvol. de 1848 I, 158: en naissant nous avous trouvé tout envahi autour de nous;... en vertu de ces lois... faites sans nous et avant nous les *moyens de travail* dont la terre semblait avoir réservé l'usage á tous ses enfants sont devenus la possession exclusive de quelques uns.

[1]) *Hist. de la Rév. de 1848*, II, 202: le droit *égal* au développement de leurs facultés *inégales* est aujourd'hui enlevé á une portion considérable de l'humanité par la *monopolisation* des instruments du travail.

[2]) *Ibid.* I, 158: il y a lá un mal impossible á nier et qui a sa racine dans la possession, transfosmée en privilége, de tous les instruments du travail: état de choses qui fait qu'un grand nombre d'hommes trouvent, dés leur premier pas dans la vie, un obstacle invincible au développement de leurs facultés naturelles et á l'emploi de leurs véritables aptitudes.

[3]) См. въ приложеніи къ „Исторіи революціи 1848 г.“ статью «о Свободѣ», *passim.*

[4]) *Organisation de travail* въ *Quest. d'auj. et de dem.* IV, 16: elle (la liberté) existe assurément, et même avec la facilité de l'abus, pous ceux qui sont en possэssion du sol, du numéraire, du crédit... *Le catéchisme des socialistes*, Paris, 1849, стр. 11: la somme des instruments du travail se trouve aux mains de quelques uns, ce qui rend ceux qui les possédent tout á fait *maitres* de ceux qui ne les possédent pas.

они заставляютъ работника платить дань, идущую въ предпринимательскій карманъ въ видѣ прибыли [1]). Вслѣдствіе своего экономически зависимаго положенія, рабочій принужденъ допускать, чтобы въ трудовомъ контрактѣ капиталистъ выговаривалъ въ свою пользу львиную долю [2]). Что въ этомъ удивительнаго? Торгуясь, капиталистъ имѣетъ въ виду барыши, а рабочій хлопочетъ о заработкѣ, лишившись котораго онъ можетъ умереть съ голоду; первый можетъ пріостановить работы, ждать, второй ждать не можетъ [3]). Такимъ образомъ, обладаніе капиталомъ даетъ людямъ привилегированнаго класса такую же власть надъ бѣдняками, какую физическая сила даетъ атлету надъ слабосильнымъ человѣкомъ. Не все ли равно, какъ погибнуть, жертвой ли физической силы разбойника,—или жертвой могущества капитала? Вѣдь царство Антеевъ и Прокрустовъ замѣнено господствомъ Ротшильдовъ и тамъ и здѣсь владычествуетъ право сильнаго, то въ видѣ кулачнаго права, то въ видѣ свободной конкуренціи [4]). Та сво-

---

[1]) *Le socialisme*, réponse á M. Thiers (1849) въ Quest IV, 325: Le fait... tient aux vices intrinséques de la constitution sociale actuelle. En vertu de cette constitution sociale, la somme des instruments de travail, terres, subsistances, matiéres premiéres de toute sorte, se trouve concentrée aux mains d'une portion déterminée de la société. Or, comme pour travailler il faut des instrumets de travail, ceux qui ne les possédent pas sont naturellement soumis à ceux qui les possédent. De là, nécessité pour les premiers de subir les conditions que les seconds stipulent, et de consentir à ce que le bénéfice obtenu, au lieu de devenir la propriété du travailleur, ne serve qu' á payer le loyer des instruments du travail. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ текстъ показываетъ ошибочность словъ Менгера, будто Луи-Бланъ не касается различія между продуктомъ труда и заработной платой. Если Луи-Бланъ не настаиваетъ на правѣ работника на весь продуктъ своего труда, то это потому что онъ сторонникъ принципа: *каждому по его потребностямъ*, а не потому что не доводитъ своего анализа до конца, какъ это думаетъ Менгеръ.

[2]) *Hist. de la Rév. de 1848*, II, 239: ce qu'ils (les socialistes) trouvent injuste c'est que dans ses stipulations avec le travailleur, le capitaliste ait la part du lion.

[3]) *Hist. de le Rév. de 1848*, II, 262: le premier (le capitaliste) stipule pour son gain et le second (l'ouvrier) pour son pain, le premier pour s'enrichir, le second pour ne pas mourir, ce qui établit entre eux toute la différence qu' il y a entre pouvoir attendre et ne le pas pouvoir, entre être *libre* et ne l'être pas.

[4]) *Hist. de la Rév. de 1848*, II, 251.

бода, которой такъ кичится современное общество, есть только свобода „дѣлать человѣка рабомъ капитала, живое богатство рабомъ богатства мертваго“ [1]). Защитники буржуазнаго порядка вещей, возставая противъ всякой регламентаціи хозяйственныхъ отношеній, утверждаютъ, что современная экономическая жизнь основана на свободѣ сдѣлокъ и соглашеній; они не замѣчаютъ, что существованіе частной собственности предполагаетъ болѣе или менѣе сложную государственную регламентацію; вслѣдствіе именно этой *регламентаціи*, пролетаріи не имѣютъ свободнаго доступа къ орудіямъ производства, не допускаются къ пользованію благами природы и общественности и можно ли отрицать регламентаціонный характеръ института наслѣдства, благодаря которому соціальныя богатства остаются собственностью одного и того же класса, обнаруживая тенденцію къ постепенному сосредоточенію въ небольшомъ числѣ рукъ? [2])

Что касается до *свободы*, которую современное общество обезпечиваетъ своимъ неимущимъ членамъ, то Луи Бланъ по этому поводу разсказываетъ исторію такого *свободнаго* человѣка. Тотъ, кого случай рожденія сдѣлалъ сыномъ бѣдняка, проводитъ жизнь въ изнурительномъ, часто непосильномъ трудѣ, въ лишеніяхъ и страданіяхъ физическихъ и нравственныхъ, въ нищетѣ и невѣжествѣ; онъ строитъ дворцы, работаетъ на заводахъ, гдѣ фабрикуются тонкія яства и дорогіе напитки, создаетъ всѣ предметы роскоши, а самъ часто не имѣетъ крови, здоровой пищи, приличной одежды; въ добавокъ, онъ принужденъ проливать свою кровь, защищая отъ внѣшнихъ враговъ дома и земли не принадлежащіе ему, охраняя такъ называемый общественный порядокъ отъ собственныхъ своихъ братьевъ и рискуя при этомъ убить

---

[1]) *Ibid.* II, 269: la liberté d'asservir l'hommeau capital, la richesse vivante á la richesse morte.

[2]) Ibid. II, 261: ce systéme immense de réglementation, en vertu duquel un homme pauvre и т. д....

. . . La loi *réglementaire* s'il en fut jamais, qui tend, par l'hérédité, á la concentration de tous les instruments de travail.

роднаго отца, замѣшавшагося въ мятежную толпу [1]). Такимъ образомъ, капиталисты вооружаютъ одну половину арміи бѣдныхъ, чтобы сдерживать посредствомъ нея другую половину [2]). Пусть же не говорятъ, что буржуазная революція [3]) уничтожила привилегіи. Развѣ буржуазія не пользуется реальнѣйшими соціальными привилегіями? Исключительное обладаніе орудіями производства есть главная изъ этихъ привилегій и служитъ источникомъ другихъ формъ экономической привилегіи, каковы напр. рента, процентъ, арендная плата [4]). Благодаря своему привилегированному положенію, капиталистъ пользуется плодами труда работника [5]), выжимая изъ этого послѣдняго прибавочную стоимость, какъ выражается Марксъ. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ, становясь мысленно на мѣсто пролетарія, Луи Бланъ: „чтобы жить, я готовъ пахать, но, появляясь на свѣтъ, я нашелъ землю захваченной. Чтобы жить, я готовъ строить, но лѣсъ и камни принадлежатъ другимъ. Чтобы жить, я готовъ изготовлять ткани; но все было *присвоено* нѣкоторыми людьми, начиная съ овцы, дающей шерсть и кончая растеніемъ, приносящимъ хлопокъ. Что мнѣ остается сдѣлать? Обратиться къ тѣмъ, которые въ силу законовъ изданныхъ до моего рожденія, изданныхъ помимо моего участія и противъ меня, стали исключительными обладателями того, что мнѣ необходимо, чтобы не уме-

---

[1]) *Hist. de la Rév. de 1848*, II, 268.

[2]) *Ibid.* II, 269: armer la moitié des pauvres pour contenir par elle l'autre moitié.

[3]) *Organis. du travail*, 9. la révolution bourgeoise de 89.

[4]) Hist. de la Révol. 1848, II, 298: l'interet la rente, tout ce qui constitue les priviléges du propriétaire et du capitaliste. *Organis. du travail*, стр. 20?: ainsi, la condition du salarié et celle du débiteur tirent toutes deux leur origine de ce fait que les moyens de travail sont exclusivement possédés par quelques uns au lieu d'être à la disposition de tous. Cf. Proudhon, *Œuvres complétés*, VI, 174: la propriété est le *veto* mis sur la circulation par les détenteurs de capitaux et d'instruments de travail.... Ce *veto* prend tour á tour les noms de rente, hermage, loyer, intérêt de l'argent, bénéfice, agio, escompte, commission, privilège, monopole, prime, cumul, sinécure, pot-de-vin, etc. etc.

[5]) *Hist. de la Révol. de 1848*, II, 269: liberté... de s'assurer, par l'accaparement des instruments du travail, le moyen de jouir des fruits du travail, á l'exclusion du travailleur.

реть; мнѣ остается сказать имъ: „хотите ли вы, чтобы я вспахалъ *ваше* поле, чтобы изъ *вашихъ* камней я построилъ домъ, чтобы я соткалъ *вашу* шерсть? Я прошу васъ ссудить мнѣ то, что мнѣ будетъ нужно для того чтобы жить въ продолженіе моей работы, въ результатѣ которой вы обрѣтете *возвращенную вамъ заработную плату*, выданную вами мнѣ, и, кромѣ того, процентъ на вашъ капиталъ, оплодотворенной мной". Соглашеніе это нравится капиталистамъ и я становлюсь ихъ наемникомъ" [1]). Такимъ образомъ, въ видѣ задѣльной платы, работникъ получаетъ не эквивалентъ произведенныхъ имъ цѣнностей, а лишь рыночную стоимость труда, опредѣляемую, какъ стоимость всякаго товара, игрой спроса и предложенія и потому низведенную до уровня того, что необходимо работнику для того, чтобы жить и воспроизводиться. Разница между стоимостью продукта и стоимостью труда-товара идетъ въ карманъ капиталиста въ видѣ прибыли [2]).

---

[1]) *Organisation du travail*, въ Questions d'aujourd'hui et de demain, IV, 202—203.

[2]) Non, le produit de notre travail ne sera ni pour nous, ni pour nos enfants. Car notre dénûment nous met au service d'autrui, et ce qu'on nous offre, en échange de notre activité féconde, *ce n'est pas le produit créé*, c'est seulement un salaire qui *nous permettra de vivre en le créant*, salaire dont la concurrence maintient le chifre au niveau de plus strictes nécessité de le vie, et qui ne laisse presque jamais de marge pour des épargnes, que dévorerait, d'ailleurs, le premier jour de chômage on de maladie. *Le Socialisme*, *réponse á M. Thiers* въ *Questions*, IV, 327. Луи-Бланъ признаетъ, что въ современномъ обществѣ заработная плата не превышаетъ того, что рабочему строго необходимо для того, чтобы существовать да еще, чтобы выращивать дѣтей, т. к. она регулируется спросомъ и предложеніемъ: ils (les socialistes) reconnaissent que c'est en effet sur le rapport de l'offre à la demande que se régle la rémunération du travail dans le régime actuel. *Questions*, V, 178. См. тамъ же цитату изъ сочиненій Сэ, въ которой формулируется *желѣзный законъ*. Cf. *Qu'est ce que la propriété?* Прудона стр. 157: qu'est ce que le salaire en économie? C'est ce qui compose la consommation reproductive du travailleur. (Это сочиненіе вышло въ 1840 г.). Въ текстѣ, приведенномъ въ началѣ этого примѣчанія Луи-Бланъ формулируетъ сущность теоріи *прибавочной стоимости*, теоріи, которую съ столь ненужными и утомительными длиннотами Марксъ развиваетъ въ первомъ томѣ своего „Капитала". Эту теорію пред-

Пусть не говорятъ въ защиту этой эксплоатаціи, какъ Бастіа, что капиталистъ оказываетъ работникамъ услугу, снабжая ихъ орудіями труда, безъ которыхъ они ничего не могли бы производить, и что прибыль и процентъ суть справедливое вознагражденіе за эту услугу. Именно и спрашивается, почему, для того, чтобы жить пролетаріи принуждены обращаться къ *услугамъ* капиталистовъ? Если нѣкоторые захватили въ свои руки всѣ орудія производства, то остальные люди, для того, чтобы не умереть, принуждены сдѣлаться *рабами* первыхъ [1]), но не странно ли здѣсь говорить объ *услугѣ* со стороны тѣхъ, которые согласились принять ограбленныхъ въ число своихъ рабовъ? Если бы возможно было монополизировать воздухъ и если бы люди, завладѣвшіе имъ, требовали отъ другихъ дани, подъ угрозой лишить ихъ возможности дышать, то вѣроятно нашлись бы экономисты, которые, въ оправданіе этой монополіи, стали бы распространяться о благодѣтельности и полезности воздуха для человѣка [2]). Точно такимъ же образомъ, писатели школы Бастіа разглагольствуютъ о благодѣтельности и полезности капитала! Вѣдь дань платятъ не *капиталу*, а *капиталисту*, что совсѣмъ не одно и то же. Трудъ нельзя отдѣлить отъ работника, но капиталъ прекрасно можетъ существовать безъ капиталиста, и услугу оказываетъ мнѣ капиталъ, а не капиталистъ! Работникъ оказываетъ *личныя* услуги, услуги капиталиста безличны [3]): со смертью послѣдняго его капиталъ не исчезаетъ. Богатство не перестаетъ быть богатствомъ оттого, что оно становится коллективнымъ владѣніемъ. Представляетъ ли дорога, принадлежащая государству, меньшее богатство, чѣмъ дорога, принадлежащая обществу спекулянтовъ,

---

восхитили Прудонъ и Томпсонъ, послѣдній въ нѣсколько смутной формѣ, такъ какъ его additional value проистекаетъ отъ употребленія машинъ и капиталовъ, дѣлающихъ трудъ болѣе производительнымъ.

[1]) *Organisation du travail,* 202: Est—il vrai, oui ou non, que si quelques uns parviennent á s'emparer de tous les instruments de travail, á accaparer le *pouvoir* de travailler, les autres seront condamnés, par cela même, ou á se faire esclaves des premiers ou á mourir?

[2]) *Ibid.* стр. 208.

[3]) *Ibid.* 272.

взимающихъ съ прохожихъ дань за пользованіе ею [1]). Поэтому не слѣдуетъ смѣшивать *капиталъ* съ *капитализмомъ*: соціалисты нападаютъ на второй, а не на первый. Можно даже сказать, что капитализмъ—смертельный врагъ капитала, т. е. полезность капитала обратно пропорціональна его раздробленности, а капитализмъ предполагаетъ частное, слѣдовательно, раздробленное хозяйство. Именно потому что капиталъ полезенъ, процентъ на капиталъ не можетъ быть оправданъ [2]). Если капиталъ и нуженъ, то капиталисты столь мало необходимы, что можно легко представить себѣ общество, обходящееся безъ нихъ и живущее на коллективный капиталъ, между тѣмъ какъ общество безъ работниковъ невозможно [3]). Но, возражаетъ Бастіа, капиталъ есть накопленный трудъ и капиталиста вознаграждаютъ прибылью или процентомъ за его прошлый трудъ. Я согласенъ, отвѣчаетъ Луи Бланъ, что капиталъ есть накопленный трудъ, но есть ли это трудъ самого капиталиста? Развѣ только трудомъ пріобрѣтается собственность, богатство? Капиталъ, доставляющій процентъ или прибыль, можетъ быть добытъ биржевымъ ажіотажемъ, фальсификаціей продуктовъ, коммерческимъ обманомъ, азартной игрой, наконецъ, достаться въ наслѣдство такъ что, для того, чтобы стать капиталистомъ, иному достаточно по выраженію Бомаршэ, дать себѣ трудъ родиться [4]). При чемъ же тутъ вознагражденіе за трудъ, въ экономическомъ смыслѣ этого слова? А гдѣ вознагражденіе тѣхъ, которые провели

---

1) *Organisation du travail* 210: la richesse ne perd point son caractére de richesse pour être possédée et fécondée collectivement и стр. 209.

2) *Ibid.* стр. 209. Ignorez-vous qu' au service de l'association, le capital se multiplie; que son utilité est en raison inverse de sa division.... C'est justement parce que le capital est utitle, parce qu' il es nécessaire, que l'intérêt.... n'est pas légitime. Criez donc: Vive le *capital!* Nous applaudirons, et nous en attaquerons avec d'autant plus de vivacité le *capitalisme,* son ennemi mortel. Vive la poule aux oeufs d'or, et défendons lá contre qui l'eventre!

3) *Ibid.* 272: on peut concevoir une société sans capitalistes (vivant sur un capital collectif): une société sans travailleurs se peut-elle concevoir? Donc, bien que le capital et le travail soient également nécessaires, les capitalistes et les travailleurs ne le sont pas également.

4) *Ibid.* стр. 204—205.

всю свою жизнь въ нищетѣ надъ созданіемъ *чужого* капитала? Своимъ дѣтямъ они не оставляютъ другого наслѣдства кромѣ страданій [1]). Итакъ, утвержденіе, что прибыль и процентъ—вознагражденіе за трудъ, чистая нелѣпость. Процентъ это, для однихъ, плодъ захвата орудій труда, которыя должны были бы принадлежать всѣмъ, для другихъ, цѣна, которой они покупаютъ возможность осуществлять свое право на жизнь [2]). Но справедливо ли, чтобы возможность осуществлять это право была сосредочена въ немногихъ рукахъ, такъ что родъ человѣческій раздѣляется на два класса, изъ которыхъ одинъ продаетъ лицамъ другого ихъ собственную жизнь, при чемъ послѣдніе *принуждены* покупать ее? [3]). Капиталистъ можетъ быть труженикомъ, но прибыль и процентъ вознаграждаютъ въ немъ *не* труженика [4]). Человѣкъ, родившійся среди богатства, можетъ проводить свою жизнь въ кутежахъ и праздности, можетъ все время спать, его деньги зарабатываютъ за него деньги [5]). И тотъ фактъ, что человѣкъ, проводящій жизнь въ эгоистическихъ наслажденіяхъ или въ праздности, *вознаграждается* доходомъ за то, что онъ не закопалъ въ землю милліона, праведно или неправедно нажитаго его прадѣдомъ, а помѣстилъ этотъ милліонъ въ банкъ, или въ промышленное предпріятіе, есть нарушеніе всѣхъ законовъ справедливости и поношеніе человѣческаго разума [6]). Поэтому незаконность прибыли

---

[1]) *Ibid.* 211.

[2]) *Ibid.* Cet intérêt, c'est, pour ceux-ci, le bénéfice d'un accaparement des moyers du travail qui devraient appartenir á tous; c'est, pour ceux--lá, le prix auquel il faut qu' ils achétent le pouvoir de réaliser leur droit á la vie.

[3]) *Ibid.* 203: est—il juste que tous ayant apporté, en naissant, le droit á la vie, le pouvoir de réaliser ce droit soit concentré aux mains de quelques uns, de telle sorte que l'espéce humaine se trouve divisée en deux classes d'hommes dont les uns vendent la vie, que les autres sont réduits á acheter?

[4]) *Ibid.* стр. 211.

[5]) *Ibid.* стр. 18: Etes-vous né au sein de l'opulence? Prenez du bon temps, menez joyeuse vie, dormez! Votre argent gagne de l'argent pour vous.

[6]) *Organ. du travail,* 271—272: brutale violation de toutes les lois de la justice et un outrage á la raison humaine.

и процента очевидна; эти двѣ формы дохода тождественны по своей сущности. Первая возникаетъ, когда, не имѣя никакихъ орудій труда, я принужденъ сдѣлаться наемникомъ капиталиста для того, чтобы получить къ нимъ доступъ; второй, — когда, обладая какой-нибудь собственностью, напр. полемъ и нуждаясь въ недостающемъ мнѣ орудіи, напр. въ плугѣ, я обращаюсь къ капиталисту, который уступаетъ мнѣ пользованіе этимъ плугомъ на нѣкоторое время, взимая за это плату, которая и называется процентомъ [1]). И прибыль и процентъ являются привилегіей, благодаря которой богатство празднаго человѣка можетъ увеличиваться само собой [2]).

То же самое можно сказать о земельной рентѣ. Она не только является одной изъ формъ нетрудового дохода, но выражается въ постоянномъ увеличеніи цѣнности собственности помимо всякаго участія дѣятельности собственника. Луи Бланъ принимаетъ андерсоновскую и рикардіанскую теорію ренты и говоритъ о возростаніи стоимости земли то же, что впослѣдствіи скажетъ Генри

[1]) *Ibid.* 203.

[2]) *Catéchisme des socialistes*, стр. 22: il (l'intétêt du capital) représente le privilége accordé á certains membres de la société de voir, tout en restant oisifs, leur fortune se reproduire et s'accroître: il représente le prix auquel les travailleurs sont forcés d'acquérir la possibilité de travailler; il représente leur asservissement á une condition que, le plus souvent, ils ne pouvent débattre et que jamais ils ne peuvent éluder. Тамъ же (стр. 21—22) кратко но съ достаточной полнотой резюмированы возраженія на апологію прибыли и процента: il est trés vrai que, sans capital, le travail serait impossible; mais ce n'est pas au capital qu' on paye l'intérêt, c'est au capitaliste. Or, capital et capitaliste sont deux choses parfaitement distinctes. Pour que le capital existe, il n' est pas du tout nécessaire qu'il se trouve disséminé entre les mains des possesseurs exclusifs auxquels on est obligé d'en payer l'usage. Supposez une association de travailleurs jouissant d'un capital collectif, c'est à dire d'un capital qui appartiendrait á l'association elle-même sans appartenir d'une façon particuliére á tel on tel de ses membres, cette association travaillerait sur son capital sans avoir á en payer l'intérêt à qui que ce soit puisqu' il n'y aurait pas ici de capitalistes quoiqu'il y eût un capital. On ne saurait concevoir le travail sans travailleur, mais on conçoit trés bien le capital sans le capitaliste... Il n'y a donc à ètablir entre le capital et le travail aucune paritè d'où l'on soit en droit de conclure à la lègitimité de cette prime qu'on nomme intérêt. Тамъ же Луи Бланъ называетъ теорію Бастіа „теоріей ростовщичества“, la théorie de l'usure.

Джоржъ: *время* беретъ на себя трудъ обогатить земельнаго собственника. Счастливы смертные, къ которымъ богатство приходитъ въ то время какъ они спятъ! [1]). Откуда же вытекаетъ право на ренту? Опять таки изъ присвоенія одного изъ орудій труда, т. е. земли, слѣдовательно. изъ права завоевателей, захватившихъ насильственно и подѣлившихъ между собой общее достояніе [2]). Вотъ какіе *труды* оплачиваются нетрудовыми формами дохода! Вотъ откуда берется иной разъ капиталъ, ссужаемый затѣмъ, въ видѣ одолженія, работнику, который за пользованіе имъ платитъ дань капиталисту!

Тьеръ утверждаетъ, что собственность основывается на трудѣ. Если это правда, то отсюда вытекаютъ два послѣдствія,—которыя Тьеръ принужденъ принять: 1) всякая собственность, не происходящая отъ труда, лишена основанія, т. е. незаконна 2) всякій трудъ, не приводящій къ собственности, притѣснителенъ, такъ какъ онъ не вознаграждается. Все предшествующее доказываетъ, что, съ точки зрѣнія этихъ двухъ правилъ, наше общество должно быть осуждено. Въ немъ царитъ лишь одно правило: источникъ собственности однихъ это—трудъ другихъ! [3]).

Итакъ, монополизація орудій производства ведетъ къ порабощенію одного общественнаго класса, класса трудящагося, другимъ классомъ, классомъ тунеядцевъ и паразитовъ, живущихъ чужимъ трудомъ. Но устройство, которое, съ легкой руки Луи Блана [4]), стали называть *капитализмомъ*, порождаетъ и другія бѣдствія. Оно предполагаетъ раздѣленіе общественной экономіи на значи-

---

[1]) *Dix ans de l'histoite d'Angleterre*, X, 280: le temps se charge de l'enrichir. 260: Convenons en: ce sont d'heurenx mortels á qui le bien vient en dormant.

[2]) *Ibid.* 266: Que représente donc la rente? Elle représente l'ancien droit de conquête, la division du patrimoine commun opérée jadis par la force, l'abandon en fait à quelques uns de ce qui n'a cessé d'être considèrè en principe comme la propriètè de tous.

[3]) *Le socialisme* (въ Quesitons, IV, 325): la source de la propriétè des uns, c'est le travail des autres.

[4]) Антонъ Менгеръ, *Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag*, 4-te Auflage глава XII стр. 146 Cf. Louis Blanc, *Organisation du Travail*, 208.

тельное число частныхъ хозяйствъ, независимыхъ одно отъ другого. Владѣльцы этихъ хозяйствъ производятъ на свой страхъ, собственнымъ трудомъ или посредствомъ наемныхъ работниковъ, различные товары, стараясь затѣмъ сбыть ихъ путемъ обмѣна и получить за нихъ наивозможно бо̀льшее количество цѣнностей. Стремясь къ тому, чтобы сдѣлка была выгодна для него, продавецъ, по этому самому, желаетъ, чтобы она была невыгодна для покупателя; боясь, чтобы соперники не перебили у него покупателя, онъ старается оттѣснить ихъ подальше всяческими способами. Отсюда та явная или скрытая борьба, какъ между производителями и потребителями, такъ и между самими производителями, которая называется *свободной конкуренціей.*

Конкуренція есть система всеобщаго истребленія [1]).

Она превращаетъ общество въ поле битвы, усѣянное трупами побѣжденныхъ. Вмѣсто того, чтобы гармонично комбинировать свои усилія въ борьбѣ съ внѣшней природой, люди тратятъ свою энергію и свои средства въ безплодной братоубійственной войнѣ. Вокругъ себя мы видимъ войну всѣхъ со всѣми. Производитель борется съ производителемъ изъ-за рынка, работникъ съ работникомъ изъ-за задѣльной платы, работникъ съ машиной, которая лишаетъ его заработка, продавецъ съ покупателемъ изъ-за цѣны товара. Повсюду антагонизмъ, повсюду всеобщая, непрестанная, безжалостная война, въ которой побѣда всегда остается за крупными капиталами, какъ въ сраженіяхъ—за большими отрядами. Конкурирующіе борятся оружіемъ сугубо неравнымъ, такъ какъ общественный строй присоединяетъ къ естественному неравенству силъ и способностей неравенство положеній и денежныхъ средствъ, что противорѣчитъ самой цѣли соціальнаго устройства, состоящей въ предотвращеніи притѣсненія, порождаемаго въ первобытной дикости дѣйствіемъ естественныхъ неравенствъ [2]).

---

[1]) *Organis. du travail*, 27.

[2]) *Hist. de la Révol. de 1848*, II, 281 и сл.; *Le socialisme* (réponse á M. Thiers), 333.

La révol. de février au Luxembourg, въ *Questions*, V, 60 и сл. *Organis. du travail* passim.

Если конкуренція отвратительна въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ она дѣлаетъ невозможнымъ человѣческое братство, поселяя повсюду антагонизмъ и обращая людей въ звѣрей, дерущихся изъ-за добычи, то, быть можетъ, скажутъ намъ, она полезна въ другомъ отношеніи; создавая соперничество между производителями и, слѣдовательно, содѣйствуя умноженію и качественному улучшенію продуктовъ, не увеличиваетъ ли она общей суммы богатствъ человѣчества? Нѣтъ, отвѣчаетъ Луи Бланъ. Конкуренція обогащаетъ однихъ, но разоряетъ другихъ. Для побѣдителей она добро, но для побѣжденныхъ она зло. На каждаго побѣдителя приходится, по меньшей мѣрѣ, одинъ побѣжденный [1]), что уже дѣлаетъ конкуренцію вредной, по крайней мѣрѣ, для половины состязующихся. Но, на самомъ дѣлѣ, численное соотношеніе между побѣдителями и побѣжденными гораздо неутѣшительнѣе. Одинъ крупный производитель уничтожаетъ конкуренціей множество мелкихъ, число побѣдителей все уменьшается, богатства сосредоточиваются во все меньшемъ количествѣ рукъ [2]). Разореніе всякаго производителя сопровождается гибелью бóльшаго или меньшаго числа производительныхъ силъ и продуктовъ. Но, кромѣ того, конкуренція, по самой своей сущности, ведетъ не къ увеличенію, а къ растратѣ соціальнаго богатства. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ регулируется производство при режимѣ свободной конкуренціи? Единственно соотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Между тѣмъ, этотъ столь прославляемый экономистами либеральной школы такъ называемый законъ спроса и предложенія есть крайне несовершенное орудіе контроля надъ производствомъ. Онъ осуществляется посредствомъ конкуренціи, т. е. рядомъ проваловъ, нагроможденіемъ развалинъ! Послѣ катастрофъ, вызванныхъ конкуренціей, равновѣсіе возстановляется, но такимъ же точно образомъ, какимъ порядокъ былъ возстановленъ въ Варшавѣ! [3]). Подъ эги-

---

[1]) *Hist. de la Révol. de 1848*, II, 281.

[2]) *Ibid.* II, 286.

[3]) *La révolution de février au Luxembourg*, въ *Questions*, V, 52: car la concurrence, qu' est ce autre chose qu' une interminable série de chutes.

дой этого закона производствомъ управляетъ слѣпой случай. Надѣясь вытѣснить своихъ конкурентовъ, фабриканты, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются произвести какъ можно болѣе товаровъ, не зная, найдутъ ли послѣдніе сбытъ. Не зная положенія рынка въ точности, надѣясь на удачу, производитель покупаетъ, какъ игрокъ, и бросаетъ свои товары на рынокъ, какъ игрокъ свою ставку на зеленый столъ. Всякій разсчитываетъ какъ-нибудь перехитрить или раздавить своихъ конкурентовъ. Поэтому масса товаровъ все увеличивается, производство все развивается, происходитъ нѣчто въ родѣ давки, рынокъ переполняется... Потребленіе не можетъ угнаться за этимъ увеличеніемъ производства и предложенія. Какъ мы увидимъ ниже, конкуренція, увеличивая производство, съуживаетъ сферу потребленія. Отсюда кризисы, крахи, товары не находятъ покупателей [1]). А между тѣмъ, товары, не могущіе быть потребленными, являются простой тратой производительныхъ силъ, уменьшеніемъ, а не увеличеніемъ общаго богатства [2]). Слѣдовательно, конкуренція ведетъ къ разрушенію значительной части народнаго богатства. Случается и наоборотъ, что, не предвидя заранѣе потребностей общества, производители во время не изготовляютъ нужнаго количества товара, что ведетъ къ разорительному для потребителей и вредному для экономической жизни повышенію цѣнъ. Перепроизводство съ одной стороны, недостаточность производства, влекущая за собой вздо-

qu' un entassement quotidien de ruines? *Organis. de travail* 278: L' équilibre se rétablit à la longue! Hélas!..... L'ordre régne à Varsovie! Ср. съ этими словами то, что Марксъ говоритъ о средней (трудовой) цѣнности товаровъ, устанавливаемой рядомъ коммерческихъ катастрофъ и случайныхъ колебаній цѣнъ:... weil sich in zufälligen und stets schwankenden Austauschverhältnisse ihrer Produkte die zu deren Produktion gesellschaftlich nothwendihe Arbeitszeit als regelndes Naturgesetz gewaltsam durchsetzt, wie etwa das Gesetz der Schwere, wenn einem das Haus über dem Kopf zusammenpurzelt (*Das Kapital*, 4-te Auflage, 41) и цитируемыя Марксомъ слова Энгельса: Was soll man von einem Gesetze denken, das sich nur durch periodische Revolutionen durchsetzen kann? Es ist eben ein Naturgesetz, das auf der Bewusstlosigkeit der Betheiligten beruht.

[1]) *Organis. du travail*: 72—73; *Le socialisme*: 341.

[2]) *Le socialisme*: 340. *Hist. de la Révol. de 1848*, II, 285.

рожаніе товаровъ, съ другой, — однимъ словомъ, промышленная анархія, вотъ обычный результатъ свободной конкуренціи. Она приводитъ часто къ тому, что производители сами уничтожаютъ свои не могущіе быть проданными товары, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ, или въ другое время этихъ самыхъ продуктовъ не хватаетъ [1]). Промышленная конкуренція между націями также приводитъ къ гибельнымъ результатамъ. Она вызываетъ, въ концѣ концовъ, военныя столкновенія между націями [2]). Кромѣ того, она дѣлаетъ необходимой покровительственную или запретительную таможенную систему. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе анархіи, порождаемой экономическимъ индивидуализмомъ, и свободной промышленности (liberté d'industrié) создаются часто производства, которымъ не слѣдовало бы возникать, такъ какъ условія для нихъ не благопріятны; они могутъ держаться, лишь взимая оброкъ съ потребителей и высасывая, такъ сказать, кровь изъ другихъ производствъ: государству приходится поддерживать эти ненужныя производства, которыя могли бы быть замѣнены иностраннымъ ввозомъ: отсюда пошлины и таможенные тарифы. Такимъ образомъ, свобода конкуренціи отвѣтственна за все то уменьшеніе общественныхъ богатствъ, въ которомъ по справедливости обвиняютъ протекціонизмъ [3]). Сколько силъ тратится въ безплодной борьбѣ, когда онѣ могли бы обезпечить всеобщее благосостояніе, соединившись въ гармоничной коопераціи! Вести народное хозяйство научно и раціонально возможно будетъ лишь тогда, когда экономическая жизнь будетъ объединена, когда производство будетъ функціонировать по одному общему плану на основаніи надежныхъ статистическихъ свѣдѣній о спросѣ и о существующихъ въ наличности производительныхъ силахъ общества: а это не возможно при системѣ конкурирующихъ между собой частныхъ хозяйствъ.

Разсмотримъ теперь отдѣльно то, что конкуренція приноситъ буржуазіи, и то, что она приноситъ пролетаріату.

---

[1]) *Hist. de la Révol. de 1848*, II, 286.

[2]) Organis. du travail, книга I. глава VI.

[3]) Ibid. стр. 286—287.

Конкуренція обогащаетъ однихъ лишь путемъ разоренія другихъ. Такъ какъ мелкіе капиталы подавляются крупными, то мелкіе производители все болѣе пролетаризируются. Ремесленники замѣняются наемными работниками; фабрики убиваютъ кустарное производство; мелкія лавки уничтожаются большими магазинами [1]). Мелкая торговля все болѣе радикально истребляется; средняя промышленность пожрала мелкую, а среднюю поглотитъ крупная [2]). Такая же пролетаризація происходитъ въ сельскомъ населеніи. Вслѣдствіе законовъ о наслѣдствѣ земельная собственность все болѣе дробится, но владѣльцы мелкихъ клочковъ земли, не будучи въ состояніи улучшать почву и воздѣлывать ее раціонально, не имѣя возможности пользоваться машинами, не могутъ выдерживать конкуренціи съ крупными собственниками, принуждены дѣлаться, или отчасти или совсѣмъ, ихъ поденными батраками, попадаютъ въ кабалу къ ростовщикамъ, запутываются все болѣе и болѣе. Фактически, значительная часть мелкой собственности во Франціи уже экспропріирована ростовщиками, на ней тяготѣетъ ипотечный долгъ въ тринадцать милліардовъ (это Луи Бланъ писалъ въ 1839 г.). На развалинахъ мелкой и средней собственности вновь воцаряется подорванная революціей крупная собственность! Такимъ образомъ, свободная конкуренція приводитъ къ своей теоретической противоположности, къ монополіи [3]). Это насосъ, все болѣе сосредоточивающій богатство вверху и все болѣе разрѣжающій его внизу. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, создается новый денежный и промышленный феодализмъ, иго котораго намъ будетъ еще труднѣе сломить, чѣмъ нашимъ отцамъ болѣе полувѣка тому назадъ,—иго военнаго феодализма; а между тѣмъ, этотъ феодализмъ нужно будетъ разрушить въ интересахъ всего общества [4]). Такимъ образомъ,

---

[1]) Organis. du travail, 77.

[2]) Ibid. 26: dans cet abominable systéme de luttes quotidiennes, l'industrie moyenne a dévoré la petite industrie. Victoires á la Pyrrhus car voilá qu'elle est dévorée á son tour par l'industrie en grand...

[3]) Ibid. 72: le concurrence conduit au monopole.

[4]) *Hist. de la Révol. de 1848*, II, 286: Elle (la concurrence) n'augmente donc pas le capital,... elle tend á le resserrer en un petit nombre de mains

конкуренція ведетъ къ *концентраціи промышленности и капитала*, слѣдовательно къ *всеобщей экспропріаціи* [1]).

Параллельно съ капиталистической концентраціей происходитъ обнищаніе рабочаго класса. Конкуренція между рабочими ведетъ къ постоянному пониженію ихъ задѣльной платы. Тѣ, которые могутъ довольствоваться меньшимъ заработкомъ, (менѣе обремененные семьей, имѣющіе меньше потребностей, болѣе легко переносящіе лишенія) заставляютъ довольствоваться имъ товарищей, нуждающихся въ болѣе высокой платѣ или же вытѣсняютъ ихъ съ рынка рабочихъ рукъ. Такимъ образомъ, заработная плата низводится до минимума необходимаго для существованія [2]). Она стремится пасть даже ниже этого уровня по различнымъ причинамъ. Во-первыхъ, происходитъ постоянное увеличеніе предложенія рабочихъ рукъ, какъ послѣдствіе размноженія бѣднаго населенія. Нищета плодовита, такъ какъ у нея нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы быть предусмотрительной. Статистика показываетъ, что, если въ бѣдныхъ классахъ смертность значительно выше, чѣмъ въ богатыхъ, то и рождаемость въ первыхъ гораздо значительнѣе, такъ какъ бѣдность производитъ на свѣтъ большее количество несчастныхъ, чѣмъ сколько она ихъ истребляетъ (также и во многихъ очень бѣдныхъ странахъ

... elle est la pompe aspirante au moyen de laquelle la richesse est attirée continuellement vers les hauteurs de maniére à y creer la domination d'une féodalité financiére, dont le joug d'or serait plus à craindre, plus difficile á briser et plus lourd que le joug de fer de l'ancienne féodalité militaire. *La Révolution de février au Luxembourg* (изданіе 1849 г. стр. 87, или въ Questions стр. 85); á l'ancienne féodalité territoriale et militaire a succédé, en ces derniers temps, une féodalité financiére, industrielle et commerciale, qu'il s'agit aujourd'hui de détruire au nom de la solidarité humaine, c'est á dire au profit de tous, de tous sans exception.

[1]) *Le socialisme* (въ Questions, IV 345): la bourgeoisie ne s'aperçoit pas que tout ceci conduit la moyenne propriété á être devorée par la grande' que tout ceci méne droit á la destruction du petit commerce; que le dernier terme de ce beau systéme est le vasseláge du gros de la bourgeoisie à l'ègard d'une oligarchie, trés restreinte, de puissants financiers. On parle des périls que court la propriété. Ses véritables périls, je les dénonce ici. Car lorsqu'elle se développe dans un cercle invincible, la concurrence arrive á être... une exrpropriation universelle.

[2]) *Organisation du travail,* 29—30.

населеніе растетъ съ большей быстротой, чѣмъ въ богатыхъ). Поэтому армія труда все увеличивается и составляющимъ ее единицамъ все труднѣе становится находить себѣ мѣсто въ обществѣ. Такъ какъ войны и опустошительныя эпидеміи становятся все рѣже, то тотъ фактъ, что увеличеніе бѣднаго населенія происходитъ быстрѣе, чѣмъ увеличеніе населенія богатаго, получаетъ все болѣе грозное значеніе въ соціальномъ отношеніи [1]). На это можетъ быть возразятъ, что, если возрастаетъ число рабочихъ рукъ, то увеличивается и спросъ на нихъ, вслѣдствіе развитія производства. Тѣ, которые такъ разсуждаютъ, не видятъ, что именно это самое чрезмѣрное развитіе производства обостряетъ конкуренцію между рабочими. Конкуренція, обращая промышленность въ азартную игру, ведетъ къ все болѣе безумно напряженному производству, не руководимому никакимъ общимъ планомъ. Всякій старается завалить рынокъ своими продуктами. Даже въ убытокъ себѣ фабриканты продолжаютъ производить, не желая, чтобы пропадали ихъ машины, ихъ орудія, ихъ сырой матеріалъ, ихъ постройки, не желая потерять своихъ послѣднихъ кліентовъ [2]). Да и зачѣмъ станутъ они себя сдерживать, когда за потери есть надежда вознаградить себя уменьшеніемъ выдаваемой рабочимъ платы? [3]). Къ тому же, ни одинъ игрокъ не отказывается отъ возможнаго, хотя и проблематическаго выигрыша. И вотъ рынокъ все болѣе переполняется. Кромѣ того, въ смятеніи всеобщей борьбы, производители не могутъ въ точности знать ежеминутно мѣняющіяся условія рынка, а мѣняются эти условія постоянно, такъ какъ производители ожесточенно оспариваютъ кліентовъ другъ у друга, при чемъ происходятъ такія же неожиданности такіе же непріятные сюрпризы, какъ и во всякой войнѣ. Увеличиваясь, производство предназначаетъ свои товары для все болѣе обширнаго рынка; когда этимъ рынкомъ становится весь міръ, производители принуждены производить, такъ сказать, въ потемкахъ, такъ какъ имъ совершенно уже невозможно предвидѣть судьбу, которая по-

---

[1]) Ibid. 67—68, 261.

[2]) Ibid. 73.

[3]) Organisat. du travail, 73.

стигнетъ ихъ продукты, направляемые въ отдаленнѣйшія страны. Капризъ моды, неожиданно появившаяся на мѣстѣ сбыта конкуренція, политическія обстоятельства, все можетъ обратить вѣроятную побѣду въ полное крушеніе. По всѣмъ этимъ причинамъ, постоянно происходятъ торговопромышленные кризисы, банкротства, крахи. Закрываются неожиданно магазины, мастерскія, фабрики и наемные рабочіе тысячами выбрасываются на мостовую. За періодами перепроизводства слѣдуютъ періоды безработицы. Незанятые рабочіе увеличиваютъ собой предложеніе труда, что ведетъ къ пониженію заработной платы. Такимъ образомъ, увеличеніе и расширеніе производства ухудшаетъ положеніе рабочихъ [1]). Вслѣдствіе перепроизводства, спросъ постоянно превышается предложеніемъ. Это ведетъ къ удешевленію продуктовъ, въ которомъ экономисты видятъ важное благодѣяніе конкуренціи. Дешевизна сама по себѣ есть вещь хорошая; но, въ данномъ случаѣ, она является оружіемъ посредствомъ котораго наиболѣе сильные, т. е. наиболѣе богатые производители убиваютъ болѣе слабыхъ; по уничтоженіи послѣднихъ, конкуренція смѣняется фактической монополіей и цѣны снова повышаются. Рано или поздно эта дешевизна становится причиной обѣдненія самихъ потребителей [2]). Кромѣ того, это удешевленіе продуктовъ достигается въ значительной степени пониженіемъ заработной платы, которую капиталистъ урѣзываетъ для того, чтобы не обанкротиться отъ постояннаго превышенія спроса предложеніемъ. И заработная плата, дѣйствительно, все понижается и понижается [3]). По причинѣ этого обнищанія рабочихъ массъ, сфера потребленія суживается болѣе, чѣмъ она расширяется удешевленіемъ продуктовъ, такъ что режимъ свободной конкуренціи неизбѣжно влечетъ за собой *увеличеніе силъ производства* и соотвѣтственное *уменьшеніе средствъ потребленія*.

---

[1]) Le socialisme, 334, 335, 336, 341 въ особенности 346.

[2]) *Organis du travail*, 72.

[3]) Ibid. 35—48.

Кто не видитъ, къ какому страшному кризису ведетъ подобное положенiе вещей? [1]).

Развитiе производства оказываетъ на заработную плату еще другое неблагопрiятное дѣйствiе, ведя, подъ давленiемъ конкуренцiи, къ изобрѣтенiю и усовершенствованiю машинъ. Въ рацiонально устроенномъ обществѣ машины были бы благомъ для всѣхъ, сберегая человѣческiя усилiя и увеличивая общественное богатство; будучи монополизированы, онѣ съ одной стороны, разоряютъ конкурентовъ, вооруженныхъ менѣе усовершенствованными орудiями борьбы съ другой стороны, уменьшаютъ спросъ на трудъ, выбрасываютъ на улицу множество рабочихъ, которые, очутившись въ армiи безработныхъ, понижаютъ своей конкуренцiей рабочую плату занятыхъ товарищей [2]). Чтобы пополнить свой недостаточный заработокъ, рабочiй посылаетъ на фабрику свою жену, своихъ дѣтей [3]), но это еще болѣе увеличиваетъ конкуренцiю и понижаетъ задѣльную плату.

Такъ какъ богатство, образующееся насчетъ нищеты большинства, создается въ городахъ, то туда устремляются всѣ капиталы, ищущiе употребленiя. Это уменьшаетъ заработки въ деревняхъ, населенiе коихъ привлекается, кромѣ того, блескомъ большихъ городовъ; соблазняемое перспективой жизни менѣе монотонной, полной неизвѣданныхъ удовольствiй, оно устремляется въ города, куда ведутъ строющiяся повсюду желѣзнодорожныя линiи. Желѣзныя дороги, которыя въ хорошо организованномъ обществѣ были бы лишь громаднымъ прогрессомъ, порождаютъ новыя бѣдствiя при современномъ строѣ. Онѣ обезлюживаютъ мѣстности, гдѣ безъ того недостаетъ рабочихъ рукъ, и переправляютъ массу людей туда, гдѣ и такъ тѣсно, и такъ трудно найти работу. Такимъ образомъ, „города-спруты", les villes tentaculaires, какъ скажетъ впослѣдствiи поэтъ Вергаренъ (Verhaeren), втягиваютъ въ себя и пожираютъ сельское населенiе [4]).

---

[1]) *Le Socialisme*, 343, 346: accroissement des forces de la production décroissance correspondante des moyens de consommation.

[2]) *Le socialisme*, 334—335. *Orgnais. du travail*, 209 и 102.

[3]) *Le socialisme*, 342.

[4]) *Organ. du travail*, 40.

Условія городского и фабричнаго существованія истощаютъ и разрушаютъ физическія силы бѣдныхъ классовъ. Питаніе рабочаго класса совершенно недостаточно и, кромѣ того, все ухудшается. Въ самомъ дѣлѣ, если мануфактурныя издѣлія дешевѣютъ (чему соотвѣтствуетъ пониженіе заработной платы), то цѣна предметовъ первой необходимости, съѣстныхъ припасовъ постоянно повышается. Оно и понятно. Все большее дробленіе мелкой собственности, дѣлая невозможнымъ раціональное веденіе сельскаго хозяйства, уменьшаетъ земледѣльческую производительность Франціи; съѣстные припасы (хлѣбъ, мясо и т. п.) приходится выписывать издалека, цѣны на нихъ поэтому увеличиваются, народъ переходитъ съ мяса на хлѣбъ, съ хлѣба на картофель [1]). Съ другой стороны, вслѣдствіе все большаго скопленія населенія въ городахъ, квартирная плата также повышается [2]), и это происходитъ въ то время, какъ заработная плата падаетъ! Не мудрено, что рабочее населеніе голодаетъ все болѣе и болѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно принуждено ютиться въ жилищахъ еще болѣе нездоровыхъ, антигигіеническихъ, чѣмъ его пища [3]). Что сказать объ ужасныхъ для здоровія условіяхъ работы на заводахъ и фабрикахъ, о воздухѣ, который тамъ почти всегда испорченъ? [4]). При этомъ трудъ рабочихъ однообразенъ, изнурителенъ, чрезмѣрно продолжителенъ. Конкуренція побуждаетъ фабрикантовъ выжимать изъ рабочихъ всѣ соки путемъ продленія рабочаго дня, ибо богатые воюютъ другъ съ другомъ посредствомъ бѣдныхъ [5]). За жалкій заработокъ, пролетаріи трудятся по 12, по 14 часовъ въ сутки и болѣе. Случается, что восьмилѣтнія дѣти работаютъ по семнадцати часовъ въ сутки [6]). Современный капитализмъ готовитъ искалѣченныя, преждевременно одряхлѣвшія, гнилыя, зараженныя поко-

---

[1]) *Le socialisme,* 358—359. *Organis. du travail,* 129.

[2]) *Le socialisme,* 339.

[3]) *Organis. du travail,* 41—42.

[4]) *Organis. du travail,* 131.

[5]) Ibid. 291: c'est avec les pauvres que les riches se font la guerre.

[6]) Ibid. 292. Le Socialisme, 338 и 342.

лѣнія. Скажите, богатые: кто пойдетъ на границу умирать за ваши капиталы? А вѣдь солдаты вамъ нужны! [1]) Физическое вырожденіе бѣдныхъ классовъ сопровождается ихъ вырожденіемъ духовнымъ. Скученность рабочихъ обоего пола въ тѣсныхъ мастерскихъ способствуетъ нравственному растлѣнію, развращаетъ, въ особенности, дѣтей, такъ что напр., докторъ Кюменсъ разсказываетъ, что ему приходилось лѣчить отъ сифилиса одиннадцатилѣтнихъ ребятъ изъ фабричной среды [2]). Страданія, причиняемыя нищетой, ведутъ къ алкоголизму [3]). Недостаточность женскихъ заработковъ способствуетъ развитію проституціи [4]). Вся обстановка фабричной жизни ведетъ къ разложенію семейства [5]). Статистика показываетъ, что въ наиболѣе промышленныхъ мѣстностяхъ совершается наиболѣе дѣтоубійствъ [6]). Наконецъ, различные виды хронической преступности также создаются хронической нищетой городского и индустріальнаго населенія [7]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, умственная жизнь пролетаріата умерщвляется монотоннымъ трудомъ, не оставляющимъ бѣдняку свободнаго времени [8]), и тѣмъ обстоятельствомъ, что, съ первыхъ же лѣтъ своей жизни, дѣти рабочихъ отправляются въ мастерскую, а не въ школу [9]). Современный режимъ гаситъ умъ ребенка-пролетарія, развращаетъ его сердце, разрушаетъ его тѣло [10]).

Безотрадную картину представляетъ собой и сельское трудящееся населеніе. Во Франціи режимъ мелкой собственности ведетъ къ своей противоположности, къ возстановленію крупной собственности. Обѣ системы вредны для общества. Мелкая собственность не совмѣстима съ прогрессомъ сельскохозяйственной техники, поддер-

---

[1]) *Organis. du travail*, 65: Une génération décrépite, estropiée, gangrenée, pourrie. O riches, qui donc ira mourir pour vous sur la frontière? Il vous faut des soldats, pourtant!

[2]) *Organ du trav.* 64.

[3]) *Ibid.* 59.

[4]) *Socialisme*, 340.

[5]) *Organ. du trav.* 59.

[6]) *Ibid.* 59—60.

[7]) *Ibid.* 46—57.

[8]) *La révolution de février au Luxembourg*, 92.

[9]) *Organ. du trav.* 66.

[10]) *Ibid.* 67.

живаетъ застой и рутину, въ дѣлѣ земледѣлія раздѣлъ значитъ разрушеніе (en fait d'agriculture, division c'est destruction. [1]). Заборы и межи уменьшаютъ поверхность воздѣлываемой земли, служатъ источникомъ разорительныхъ процессовъ; необходимость ходить отъ одного клочка земли къ другому, невозможность примѣнять раздѣленіе труда и употреблять машины отнимаютъ у мелкаго собственника много времени, не позволяя ему читать, умственно развиваться, слѣдить за агрономической наукой; мелкая собственность фатально дробится на все болѣе мелкія части, въ концѣ концовъ улетучивается, ея владѣльцы экспропріируются, обращаются въ сельскихъ пролетаріевъ, въ батраковъ. Ихъ съѣдаютъ налоги, ростовщики, ипотека, конкуренція крупныхъ собственниковъ. Мелкая собственность все болѣе поглощается крупной, но въ этомъ нѣтъ ничего утѣшительнаго. Можно ли считать желательнымъ, чтобы Франція была передѣлена между небольшимъ числомъ помѣщиковъ-богачей, на которыхъ будутъ работать наемники, т. е. бѣлые невольники, земледѣльческія орудія во образѣ человѣческомъ? [2]) Пока дѣло до этого дойдетъ, а крестьяне уже теперь голодаютъ; производя пшеницу, они ѣдятъ лишь ржаной хлѣбъ; производя вино, они не могутъ его пить, не ѣдятъ мяса, живутъ въ жалкихъ хижинахъ, не имѣютъ возможности посылать своихъ дѣтей въ школу [3]). Въ духовномъ отношеніи, режимъ мелкой собственности даетъ столь же плачевные плоды, какъ и въ матеріальномъ: онъ убиваетъ въ крестьянинѣ чувство собственнаго достоинства и независимости, дѣлая его рабомъ деревенскаго ростовщика или сельскаго крючка-кляузника; сердце мелкаго собственника ожесточается, умъ притупляется. Подозрительность, эгоизмъ, ненависть, желчное отношеніе къ сосѣдямъ, скупость,—вотъ чувства, которыя въ немъ развиваетъ его экономическая изолированность. При этомъ онъ крайне консервативенъ и невѣжественъ [4]).

[1]) Organ. du travail, 113.

[2]) Organ. du travail, 117.

[3]) Ibid. 125, 128, 150, 148.

[4]) Ibid. 137—138. О неудобствахъ мелкой собственности см. въ томъ же сочиненіи всю книгу вторую (Travail agricole) и Dix sans d'histoire d'Angleterre, X, 226—236.

Изобразивъ въ столь пессимистическомъ освѣщеніи положеніе промышленности и земледѣлія, Луи Бланъ обрисовываетъ столь же мрачными красками современную систему товарнаго и денежнаго обращенія, т. е. торговлю и банковое дѣло. Механизмъ свободной конкуренціи не можетъ дѣйствовать безъ значительнаго числа агентовъ и посредниковъ между различными заинтересованными въ производствѣ лицами, между договаривающимися сторонами, производителями и потребителями и т. д. Такими посредниками являются купецъ, маклярь, биржевой агентъ, банкиръ и т. д. Препровождая цѣнности изъ рукъ однихъ людей въ руки другихъ, они взимаютъ въ свою пользу значительную дань съ циркулирующаго богатства. Коммерсантъ оправдываетъ эту дань услугами, которыя онъ оказываетъ, въ качествѣ посредника между производителемъ и потребителемъ; но, въ сущности, онъ играетъ роль паразита, такъ какъ безъ этого посредничества легко было бы обойтись съ помощью общественныхъ складовъ для товаровъ. Если бы въ экономической жизни господство случайности было замѣнено господствомъ науки, то купецъ былъ бы простымъ агентомъ производства, приказчикомъ [1]). При современномъ же устройствѣ, торговля—это великая язва общества, это—червь, гложущій производство. Купецъ властвуетъ и надъ производителемъ, и надъ потребителемъ, эксплоатируетъ и того и другого [2]). Понукаемые конкуренціей, коммерсанты стали обманывать публику рекламами и другими способами, стали фальсифицировать почти всѣ продукты, даже во вредъ здоровью и жизни человѣка. Такъ что торговля обратилась въ страшную науку лжи, это—нескончаемый рядъ безнаказанныхъ кражъ [3]).

Не лучше обстоитъ дѣло и съ организаціей кредита. Кредитъ играетъ въ промышленности роль двигательной силы, посредствомъ

---

[1]) *La Révol. de février au Luxembourg*, 46; *Organ. du travail*, 103.

[2]) *Organ. du travail*, 103: Ver rongeur de la production... Cette grande plaie de la société.

[3]) *Ibid.* 296: le commerce est devenu une effroyable science de mensonges... une interminable série de vols impunis... Cf. ibid. 251, *Le socialisme*, 331, *Discours politiques*, 390 и мн. др.

кредита можно ускорять, замедлять, направлять производство, обращеніе, потребленіе; кредитъ распоряжается трудомъ, земледѣліемъ, промышленностью, торговлей; закрывая кредитъ, можно разорить множество людей, обанкротить множество фабрикъ, магазиновъ, предпріятій, подорвать правительство; кто господствуетъ надъ кредитомъ, тотъ дѣлается господиномъ страны. А между тѣмъ, эта страшная сила, кредитъ, находится въ рукахъ немногихъ лицъ! Боятся феодализма желѣзнодорожниковъ, но феодализмъ финансистовъ, банкировъ еще страшнѣе! Въ интересахъ производителей—дешевизна капиталовъ, а между тѣмъ, кредитомъ завѣдуютъ люди живущіе, не работая, въ коихъ интересахъ затруднять доступъ къ капиталу! Вотъ почему, до сихъ поръ, кредитъ былъ средствомъ обогащать богатыхъ, онъ всегда функціонировалъ лишь въ пользу капиталистовъ; тому, кто наиболѣе нуждается въ кредитѣ, наиболѣе трудно его достать. Это одно изъ орудій эксплоатаціи большинства меньшинствомъ, облагающимъ все общество податью въ свою пользу.—Банкиръ, этотъ торговецъ деньгами,—паразитъ еще—въ большей степени, чѣмъ обыкновенный купецъ. Монополизація кредита столь же вредна, какъ и монополизація орудій производства. Основное орудіе обмѣна, монета, также увеличиваетъ порабощеніе бѣдняка и соціальное неравенство. Существуя въ ограниченномъ количествѣ, она скопляется въ рукахъ богатыхъ людей и даетъ послѣднимъ громадныя привилегіи. Всѣ нуждаются въ этомъ орудіи обмѣна, а между тѣмъ оно имѣется въ достаточномъ количествѣ лишь у немногихъ лицъ, облагающихъ извѣстной пошлиной въ свою пользу тѣхъ, кто хочетъ превратить свой трудъ или товары въ денежный эквивалентъ этихъ вещей. Система частныхъ банковъ, имѣющихъ право выпускать кредитные билеты (какъ Banque de France) доводитъ до крайней степени эксплоатацію труда путемъ денежныхъ знаковъ [1]).

Индивидуалистическій режимъ такъ радикально и неисправимо

---

¹) La Révol. de février au Luxembourg, 117—120; *Organisat. du travail*, вся книга IV-я, le Crédit.

плохъ, что самыя хорошія вещи онъ дѣлаетъ вредными для людей.

Наука благодѣтельна, между тѣмъ, мы уже видѣли, что создаваемыя ею машины изгоняютъ изъ фабрики мастерскихъ массы рабочихъ, лишая бѣдняка единственной его собственности т. е. могущаго быть проданнымъ труда. Впослѣдствіи равновѣсіе, разстроенное новымъ изобрѣтеніемъ будетъ возстановлено, откроются новые источники заработковъ, но на первыхъ порахъ отъ этого изобрѣтенія страдаютъ и даже гибнутъ слабые.

Раздѣленіе труда знаменуетъ и обусловливаетъ собой успѣхи промышленности; въ нашемъ же обществѣ оно ведетъ къ отупленію и вырожденію работника.

Устраненіе таможенныхъ преградъ, препятствующихъ ввозу иностранныхъ продуктовъ, есть благо, но оно производитъ временный кризисъ, вредно отзывающійся почти всегда лишь на одинхъ рабочихъ, такъ какъ предприниматели вознаграждаютъ себя за паденіе цѣнъ пониженіемъ задѣльной платы. Послѣдніе иногда даже ничего не теряютъ на цѣнахъ, такъ какъ хранятъ товары до того времени, когда ихъ можно будетъ продать по прежнимъ цѣнамъ, а за выдѣлку этихъ товаровъ рабочіе получили, подъ предлогомъ паденія цѣнъ, пониженную плату!

Концентрація средствъ производства есть одна изъ главнѣйшихъ формъ промышленнаго прогресса, но, неимовѣрно расширяя рынокъ, она увеличиваетъ промышленную анархію, т. к. заставляетъ фабриканта разсчитывать на далекихъ кліентовъ, число и измѣнчивыя потребности коихъ ему въ точности неизвѣстны.

Развитіе кредита, само по себѣ, вещь прекрасная. Но оно создаетъ, при индивидуалистическомъ строѣ, экономическую солидарность самаго нежелательнаго рода, вслѣдствіе которой, напр., фабрика можетъ лопнуть во Франціи, оставляя тысячи рабочихъ безъ куска хлѣба, потому что какой-нибудь торговый или банковый домъ неудачно, неумѣло или недобросовѣстно повелъ свои дѣла гдѣ-нибудь въ Англіи или въ Америкѣ [1]).

[1]) Le Socialisme, 334—336.

Такимъ же образомъ пальятивы, которыми хотятъ смягчить бѣдствіе современнаго общества оказываются или безсильными, или вредными. Какъ замѣчаетъ И. Черновъ [1]), радикализмъ Луи Блана совершенно непреклоненъ въ осужденіи благожелательныхъ мѣропріятій, не выходящихъ изъ рамокъ современнаго строя.

Ссудо-сберегательныя кассы не могутъ помочь народу, такъ какъ сбереженія пролетарія всегда будутъ ничтожны. Онѣ побуждаютъ бѣдняка подвергать себя еще большимъ лишеніямъ, чѣмъ тѣ, которыя проистекаютъ изъ его положенія и для чего? Для того, чтобы скопить нѣсколько грошей къ тому времени, когда онъ настолько истощится и одряхлѣетъ, что ничто ужъ его болѣе не будетъ радовать въ жизни. Страсть къ сбереженію можетъ развить въ бѣднякѣ лишь эгоизмъ, вытравить изъ его сердца всѣ лучшія чувства, остановить всякое проявленіе его солидарности съ товарищами по злосчастію. Наконецъ сберегательныя кассы заинтересовываютъ рабочаго въ сохраненіи существующаго соціальнаго строя [2]), внушаютъ ему консервативное настроеніе, подчиняютъ его правительству.

Общественная благотворительность развращаетъ бѣдняка, который перестаетъ заботиться о своемъ престарѣломъ отцѣ, зная, что существуютъ богадѣльни и бюро для раздачи пособій. Призрѣвать бѣдныхъ въ пріютахъ значитъ плодить нищихъ, поощрять лѣность. Заставлять призрѣваемыхъ работать значитъ устраивать конкуренцію свободнымъ рабочимъ. Пріюты для подкидышей благопріятствуютъ распущенности нравовъ, дѣлаютъ то, что число младенцевъ, отъ заботы о которыхъ матери себя освобождаютъ, растетъ съ ужасающей быстротой. Налогъ въ пользу бѣдныхъ, какъ это показываетъ примѣръ Англіи, только размножаетъ нищихъ. Отъ ассоціацій при режимѣ конкуренціи и пока онѣ остаются независимыми одна отъ другой, также нельзя ждать добра. Ассоціація есть прогрессъ только тогда, когда она включаетъ въ себя всѣхъ (l'association ne constitue un

---

[1]) *Louis Branc*, par I. *Tchernoff*, 67—68.

[2]) Lié par un intérêt étroit et factice au maintien des oppressions qui pèsent sur lui, ne pourrait—il pas se trouver enchaîné á son sort par la crainte de voir s'engloutir dans les hasards d'un changement social les quelques oboles, si douloureusement amassées? *Organis. du Trav.*, 58.

progres qu'à la condition d'être universelle[1]). Будутъ ли бороться между собой отдѣльные производители ассоціаціи, тутъ все равно война и царство грубой силы. Такимъ образомъ, Луи Бланъ отвергаетъ пальятивъ чистыхъ коопераціонистовъ, въ родѣ Бюшеза. Смѣшно также надѣяться на улучшеніе судьбы народа посредствомъ распространенія просвѣщенія. Вы хотите, чтобы для народа писались книги, которыя онъ не можетъ покупать и не имѣетъ времени читать. Кромѣ того, неполное образованіе не только не полезно, а прямо вредно. Статистика показываетъ, что преступность значительнѣе тамъ, гдѣ больше школъ. Элементарное образованіе, если человѣкъ на немъ останавливается, ничего не даетъ уму. Образованіе среднее и высшее, при современномъ режимѣ, создаетъ людей ни на что не пригодныхъ и не находящихъ себѣ мѣста въ обществѣ [2]).

Никакая, слѣдовательно, частичная реформа не задержитъ безостановочнаго обнищанія массъ, рабство которыхъ фатально вытекаетъ изъ современнаго общественнаго устройства [3]). Между тѣмъ, богатство все растетъ на противоположномъ полюсѣ общества. Правда, что отдѣленіе капитала отъ рабочихъ рукъ (la séparation du capital d'avec la main d'oeuvre) ведетъ не только къ пониженію заработной платы, но и постоянному пониженію процента на капиталъ [4]), но такъ какъ сумма капитала увеличивается быстрѣе, чѣмъ понижается процентъ, то доходъ капиталиста все возрастаетъ [5]). Поэтому, какъ это мы особенно отчетливо видимъ въ Англіи, бездна нищеты становится все глубже рядомъ съ ростущей массой богатствъ [6]). И поразительно именно то, что язва пауперизма наи-

---

[1]) Organis. du trav., 75.

[2]) *Organisauistion du travail*, 57—62, 75, 292—293, 105. *Quest.* V, 238—239.

[3]) *Le catéchisme des socialistes* (въ *Questions*, V, 218): Est-ce que cet esclavage est une conséquence forcée de la constitution actuelle de la société? Oui... la misère est, pour le plus grand nombre, un fait inévitable.

[4]) *Le Socialisme,* 345

[5]) *Organis. du travail*, 213.

[6]) *Ibid.* 214: l'abîme de la misère se creuse de plus en plus á côté de la masse des richesses de plus en plus croisante.

болѣе громадна въ тѣхъ странахъ, гдѣ производство достигло наибольшаго развитія [1]), что рабочія массы тѣмъ болѣе бѣднѣютъ и тѣмъ менѣе могутъ потреблять, чѣмъ больше онѣ производятъ [2]). Такимъ образомъ трудъ губитъ работника, становясь лишь средствомъ эксплоатировать послѣдняго [3]), подобно тому, какъ машина, орудіе *труда*, ведетъ къ уничтоженію труженика [4]).

Итакъ, лишь поверхностные умы могутъ утверждать, что классовъ болѣе не существуетъ, что буржуазія и народъ составляютъ одно цѣлое [5]). На самомъ дѣлѣ, капиталистическая тираннія есть лишь продолженіе тиранніи феодальной, какъ это писалъ Бланки въ 1834 году [6]). Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы классы исчезли, но возможно ли отрицать ихъ существованіе въ настоящемъ обществѣ [7])? Раздѣленіе на классы столь властно тяготѣетъ надъ современнымъ положеніемъ вещей, что дѣлаетъ невозможнымъ истинно демократическій политическій режимъ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ гнетомъ капиталиста, рабочій не можетъ свободно подавать голосъ за того или другого кандидата на политическихъ выборахъ [8]). Также

---

¹) *Hist. de la Révolut. de 1848,* II, 285.

²) *La Révol. de février au Luxembourg*, 64. Въ 1840-мъ году Прудонъ писалъ: plus on déploie d'activité, plus on se prépare de fériation; plus on rit, dlus on pleurera. Sous le régime de propriété, les fleurs de l'industrie ne servent à tresser que des courrounes funéraires; l'ouvrier qui travaille creuse son tombeau. *Quést. ce que la propriété*, 151.

³) *La Révolut. de février au Luxemb,*, 137: ainsi le travail, que l'on proclame comme la droit de tous, tend à devenir un privilége pour le riche, un moyen d'exploitation contre le pauvre.

⁴) *Ibid.* Марксъ скажетъ впослѣдствіи: das Arbeitsmittel erschlägt den Arbeiter. *Das Kapital,* I, 397.

⁵) *Histoire de dix ans*, V, 461.

⁶) Въ основанной имъ газетѣ *le Dibérateur*. Въ № 1-мъ, (отъ 2-го февраля 1834 года), ратуя за рабочаго, dont le sang sert à graisser les mécaniques de son suzerain industriel, онъ говоритъ: il n'y a rien de changé, en effet, sinon que le privilège, vaincu sous l'armure du haut baron, reparait avec l'habit du capitaliste.

⁷) *Discours politiques,* 6 и 14.

⁸) *Hist. de la Révol. de 1848*, II, 319: malheurà lui s'il oublie trop qu'il est salarie!

La Révolution de février au Luxembourg, 142: le suffrage universel, est-ill'expression de la volonté du peuple? Oui, dan une sociétə où toutes les conditions sont égales;.. dans la société actuelle, non, non, mille fois non!

и равенство передъ закономъ, равенство передъ правосудіемъ существуетъ въ капиталистическомъ строѣ лишь на словахъ [1]).

Но если буржуазія пользуется всѣми преимуществами соціальной организаціи, обременяя народъ всѣми ея тягостями, то это еще не доказываетъ, что лица, принадлежащія къ привилегированнымъ сословіямъ, счастливы. Жизнь этихъ лицъ не представляетъ собой ничего привлекательнаго. Современная организація или, вѣрнѣе, дезорганизація промышленности развила въ буржуазіи страшное нравственное растлѣніе; все стало продажнымъ [2]), сама литература сдѣлалась промысломъ, спекуляціей, своего рода проституціей [3]). Подъ покровомъ богатства, элегантности, бонтонности и веселья происходятъ ужасающія драмы, таится чудовищный развратъ, совершаются невѣроятно утонченныя жестокости и всяческія злодѣянія [4]). Жизнь, посвященная погонѣ за удовольствіями, ведетъ лишь къ пресыщенію ими. Само существованіе начинаетъ быть въ тягость баловнямъ судьбы, и число самоубійствъ возрастаетъ не только въ бѣдномъ, но и въ богатомъ сословіи [5]).

Ко всѣмъ бѣдствіямъ, проистекающимъ отъ порока, развращенія, нравственной неурядицы, пресыщенія, скуки, присоединяется у богатыхъ людей чувство постоянной тревоги по поводу возможныхъ катастрофъ въ будущемъ. При настоящемъ строѣ никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, ни бѣднякъ, ни богачъ. Всякій можетъ разориться, лишиться послѣдняго куска хлѣба не по своей винѣ, вовсе не потому, что онъ плохо работаетъ, неумѣло ведетъ свои дѣла, пускается въ ненадежныя денежныя

---

[1]) *Le catéchisme des socialistes* (въ Questions, 220): Dans la société d'aujourd'hui, l'egalité, existe-t-elle? Non; car d'un côté sont tous les avantages, de l'autre, toutes les charges,... les uns ont le superflu, tandisque les autres manquent du nécessaire. Mais l'égalité devant la lois? Ce n'est qu'un mot. La justice n'étant pas gratuite où est l'égalité entre le riche et le pauvre?

[2]) *Organis. du travail*, 76: l'effroyable pourriture morale que l'industrie organisée, ou plutôt désorganiseé comme elle l'est aujourd'hui, a déposée au sein de la bourgeoisie...

[3]) Ibid. 164.

[4]) Ibid. 52—53.

[5]) *Organis. du travail*, 24—25.

аферы, а потому, что могутъ лопнуть предпріятія, съ которыми онъ связанъ коммерческими интересами, лопнуть по винѣ людей, которыхъ онъ не знаетъ, которые живутъ, можетъ быть, за тридевять земель отъ него; всякій теперь отвѣчаетъ не за свои, а за чужіе грѣхи [1]), всякій зависитъ отъ слѣпого случая. Кромѣ того, если ничто не обуздаетъ свободной конкуренціи, то неизбѣжно всеобщее разореніе, долженъ наступить всеобщій крахъ вслѣдствіе несоразмѣрности производства съ потребленіемъ [2]). Какъ предотвратить этотъ кризисъ? Буржуазія хочетъ спасти себя, завоевывая, по примѣру Англіи, новые рынки посредствомъ колоніальной политики, экономически закрѣпощая далекіе народы. Но эти рынки въ концѣ концовъ переполняются и кризисъ лишь отсрочивается а не устраняется такой системой. Задержать, пріостановить производство невозможно, такъ какъ это значило бы закрыть фабрики и мастерскія, довести рабочихъ до отчаянія, лишивъ ихъ заработка и наводнивъ рынокъ труда голодными людьми, просящими работы; это значило бы уничтожить часть постояннаго и часть перемѣннаго капитала въ индустріи... Остается, значитъ, продолжать производить въ виду рынка, переполненнаго товаромъ, но это готовитъ острый кризисъ перепроизводства, страшную катастрофу [3]). А пока что предпріятія нагромождаются на предпріятія, такъ какъ всѣхъ обуреваетъ страсть къ беззастѣнчивой наживѣ, какъ горячка, какъ игорный азартъ; спекуляція опустошаетъ ряды самой буржуазіи, распростираясь на всѣ предметы, даже на фантастическіе, какъ напр. не существующія копи [4]). Буржуазія раздираетъ себя собственными руками; всѣ группы, изъ которыхъ она состоитъ, враждуютъ одна съ другой, колоніальные плантаторы идутъ войной на фабрикантовъ свекловичнаго сахара, механики на металлургистовъ,

---

[1]) *La Révolution de février au Luxembourg*, 30, 61.

[2]) *Le Socialisme*, 347: ruine pour le fabricant, ruine pour l'ouvrier, ruine pour le consommateur, ruine pour tous. Это то, что марксисты назвали der grosse Kladderadatsch.

[3]) *Ibid.* 346.

[4]) *Ibid.* 341.

приморскіе порты на внутреннія фабрики; Бордо на Парижъ, югъ на сѣверъ, производители на потребителей [1]).

Кромѣ всего этого, буржуазію постоянно мучитъ страхъ. Ей постоянно мерещится возстаніе пролетаріевъ, такъ что современное общество состоитъ въ сущности изъ двухъ обществъ, общества голода внизу и общества страха наверху [2]). Если пролетаріи блѣдны отъ голода, то богачи блѣднѣютъ отъ страха [3]). Привилегированные классы подобны юному спартанцу, улыбавшемуся въ то время, какъ спрятанная подъ его хламидой лисица грызла его внутренности: такъ призракъ революціи поселяетъ тревогу въ душахъ богатыхъ людей среди празднествъ, которыми они себя услаждаютъ [4]). Этотъ страхъ имѣетъ основаніе. Бѣдняки доведены до того, что имъ остается только убивать самихъ себя, или убивать богачей [5]). А когда человѣкъ, добивающійся лишь того, чтобы, служа обществу, получать пропитаніе, фатально принужденъ прибѣгнуть къ нападенію на общество, для того чтобы не умереть, то его поведеніе лишь *кажется* нападеніемъ, на самомъ дѣлѣ, это законная самооборона, а убійцей является наказывающее этого человѣка общество [6]). Никто поэтому ложась спать не увѣренъ, что ему не прійдется проснуться среди соціальной бури [7]), никто не знаетъ, что не наступитъ вскорѣ одинъ изъ тѣхъ періодическихъ промышленныхъ кризисовъ, когда улицы наполняются толпами блѣдныхъ проле-

---

1) *Organis. du travail*, 101.

2) *Histoire de la Révolution Française*, III, 270.

2) *Organisation du travail*, 25.

3) *Ibid.* 24.

4) Le sort de l'homme du peuple qui ne peut plus ni semer, ni cueillir, ni chasser, ni pêcher, ni mendier, ni dormir sur le pavé... est tel qu'il faut qu'il se tue, ou qu'il vous tue. Цитировано въ книгѣ Поля Луи, *les Etapes du socialisme*, 117.

5) *Organis. du travail*, 29: Lorsqu'un homme qui demande á vivre en servant la société en est fatalement réduit à l'attaquer sous peine de mourir, il se trouve, dans son apparente agression, en état de légitime défense, et la société qui la frappe ne juge pas: elle assassine.

6) *Organisat. du travail*, 253: il n'est personne aujourd'hui qui, en s'endormant, soit bien sûr de ne pas se réveiller dans la tempête... En haut, c'est une émulation dévorante et déréglée; en bas, c'est une monotonie de douleur et de fatigue menante et sombre...

таріевъ лишившихся работы, которымъ остается просить милостыню или рѣшиться на возстаніе [1]).

Такимъ образомъ, экономическое зданіе прошлаго даетъ трещины повсюду, самое основаніе его подрыто [2]). Такое общество, какъ то, которое мы описали, чревато гражданской войной. Буржуазія можетъ говорить, что она не заключаетъ въ себѣ анархіи: во всякомъ случаѣ, анархія работаетъ подъ ея ногами и буржуазное господство содержитъ въ себѣ всѣ элементы своего близкаго и неизбѣжнаго крушенія [3]). Но современное общество, чувствуя приближеніе смерти, отрицаетъ свой упадокъ. Окруживъ себя всей ложью своихъ богатствъ, всѣмъ блескомъ исчезающаго могущества, оно ребячески провозглашаетъ свою силу и хвастается ею, не умѣя даже скрыть своего внутренняго смущенія [4]).

Такова рисуемая Луи Бланомъ картина современнаго общественнаго устройства, такова критика, которой онъ его подвергаетъ. Какъ видитъ читатель, эта критика ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того, что говорятъ соціалисты нашихъ дней о капиталистическомъ строѣ. Луи Бланъ не забываетъ ни одного изъ основныхъ изъяновъ буржуазно-индивидуалистической общественности, на которые и теперь указываютъ ея противники. Наиболѣе спорныя утвержденія луиблановской критики (желѣзный законъ, теорія все болѣе полнаго обнищанія рабочаго класса, концентрація земельной собственности [5]) и исчезновеніе мелкаго землевладѣнія) не могутъ

---

[1]) Ibid. 278.

[2]) L'édifice économique du passe craque de toutes parts, miné dans ses fondements. (*La Révolution de février au Luxembourg*, 85).

[3]) *Organis. du travail*, 71: une société semblable á celle que je viens de décrire est en gestation de guerre civile. C'est bien en vain que la bourgeoisie se féliciterait de ne point porter l'anarchie dans son sein, si l'anarchie est sous ses pieds. Mais la domination bourgeoise, même abstraction faite de ce qui devrait lui servir de base, ne renferme-t-elle pas en elle-même tous les éléments d'une prochaine et inévitable dissolution? *Ibid.* 257: au dessus du peuple qui souffre, la bourgeoisie marche à une dissolution manifeste, dont ne la sauveront pas ses courtisans...

[4]) Ibid. 24. Elle (la société) se sent mourir et nie sa décadence и т. д.

[5]) Объ этой концентраціи Луи Бланъ говоритъ, какъ о почти совершившемся уже фактѣ: depuis soixante ans, toutes les anciennes conditions du

отличать ее отъ точки зрѣнія соціализма современнаго, такъ какъ они долго сохранялись въ марксистскомъ символѣ вѣры и если марксисты стали отказываться отъ нихъ или видоизмѣнять ихъ, то сдѣлали это не по собственному почину. Правда, марксовская критика совершенно отличается отъ луиблановской своимъ тономъ, не патетическимъ, а гнѣвнымъ, не сентиментальнымъ, а саркастическимъ. Но этотъ эмоціональный оттѣнокъ не мѣняетъ самой сущности мыслей, не мѣшаетъ обоимъ авторамъ видѣть зло въ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ. Луи Бланъ принадлежалъ къ школѣ французскихъ идеологовъ, воспитанныхъ на литературныхъ пріемахъ Руссо и другихъ публицистовъ XVIII столѣтія. Въ полемикѣ Маркса, Энгельса и Лассаля слышится лессинговская рѣзкость, проявляется мощный и грубый нѣмецкій реализмъ. Полемика Лессинга—это градъ палочныхъ ударовъ, напоминающихъ о дубинкѣ, которой старался иногда дѣйствовать на души своихъ подданныхъ старый Фрицъ, между тѣмъ какъ Наполеонъ I, повинуясь своему латинскому темпераменту, часто считалъ нелишнимъ влiять на людей эффектными и торжественными фразами. Такимъ же образомъ, если тонъ рѣчей и публицистическихъ произведенiй Луи Блана напоминаетъ тонъ, которымъ говорили его политическiе противники въ ту же эпоху (Гарнье-Пажесъ, Ламартинъ, Маррастъ и др.), то есть также несомнѣнное сходство между революціонной рѣзкостью Маркса и Энгельса и суровымъ до грубости дипломатическимъ и парламентскимъ языкомъ Бис-

---

travail ont été changées; une révolution complète s'est opérée dans les procédés agricoles et dans les procédés industriels. Dans nos sociétés modernes, la production ne s'accomplit plus que dans de *vastes exploitations rurales* ou dans de grandes usines, à l'aide d'instruments perfectionnés, de machines puissantes et dispensieuses; la grande culture a remplacé ou remplacera forcément le métayage; la grande industrie a remplacé les petits ateliers d'autrefois; les artisans sont devenus des salaries. Pour cultiver le sol avec avautage.... il faut, avant tout, être capitaliste.

(*la Révolution de février au Luxembvrrg*, 13).

Какъ показываетъ этотъ текстъ, Луи Бланъ не видитъ никакой разницы между экономической эволюціей индустріи и экономической эволюціей сельскаго хозяйства.

марка; и у соціалистовъ и у государственнаго человѣка та же нѣмецкая Derbheit, то же насмѣшливо презрительное отношеніе къ противнику, та же вѣра въ матеріальную силу: Марксъ и Энгельсъ — желѣзные соціологи, какъ Бисмаркъ — желѣзный канцлеръ [1]).

Не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія, какъ это дѣлаетъ Поль Луи, той разницѣ, что Луи Бланъ считаетъ современный строй вреднымъ для самой буржуазіи, тогда какъ соціалисты нашего времени отстаиваютъ исключительно интересы пролетаріата, не заботясь о благополучіи капиталистическаго класса. Луи Бланъ знаетъ и не боится повторять, что капиталисты—господа, а пролетаріи ихъ рабы, что первые наслаждаются (ceux qui jouissent), а вторые страдаютъ (ceux qui souffrent), но это не мѣшаетъ ему видѣть, что необезпеченность, непрочность экономическаго благополучія является существенной чертой капиталистическаго общества и что значительная часть буржуазіи разоряется, банкротится, пролетаризируется. Не то ли же самое часто говорятъ современные соціалисты, обращаясь, въ особенности, къ мелкой буржуазіи и убѣждая ее не поддерживать капиталистическаго режима, который ей-же роетъ могилу? Можно только замѣтить, что Луи Бланъ сильно преувеличивалъ скорость темпа обнищанія среднихъ классовъ. Но въ ту же ошибку впали Марксъ и Энгельсъ и исправили то вѣдь ее не правовѣрные марксисты, а такъ называемые ревизіонисты. Если же Луи Бланъ не видитъ ничего плѣнительнаго въ образѣ жизни современнаго буржуа и полагаетъ, что членъ будущаго капиталистическаго общества будетъ существомъ болѣе здоровымъ, болѣе развитымъ нравственно и умственно, наконецъ болѣе *счастливымъ*, чѣмъ теперешній буржуа, то какой современный соціалистъ не согласится съ этимъ мнѣніемъ? А коли это такъ, то имѣется полное основаніе сказать, что соціальная

---

[1]) Гейне говоритъ, что, приготовляя салатъ, нѣмецъ употребляетъ вдвое больше уксуса, чѣмъ масла, а французъ вдвое больше масла, чѣмъ уксуса, и что въ этомъ выражается вся разница между двумя національными темпераментами.

революція произойдетъ въ интересахъ самихъ буржуа, (не какъ класса конечно, а какъ индивидуумовъ), или, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣтей, если предположить, что старшее поколѣніе не сумѣетъ приспособиться къ измѣнившимся общественнымъ условіямъ. Поэтому, если соціалисты избѣгаютъ теперь такихъ формулъ, какъ луи-блановскія, утверждающія, что всѣ должны желать наступленія новаго порядка вещей, такъ какъ всѣ страдаютъ отъ порядка современнаго, что существуетъ внутренняя солидарность между всѣми классами общества, такъ что бѣдствія однихъ, прямо или косвенно, приносятъ вредъ другимъ, что освобожденіе бѣдныхъ будетъ одновременно освобожденіемъ и богатыхъ, которые также, хотя и иначе чѣмъ бѣдные, суть жертвы индивидуалистическаго строя, и т. п., то дѣлаютъ они это не по научнымъ соображеніямъ, а подъ вліяніемъ извѣстнаго аффекта, извѣстнаго боевого настроенія или потому, что этого требуетъ революціонная тактика. Разсматриваемыя же съ нѣкоторой философской высоты, эти формулы оказываются, въ сущности, вполнѣ гармонирующими съ міросозерцаніемъ современныхъ соціалистовъ, хотя бы правовѣрныхъ марксистовъ. Разногласіе начинается лишь въ вопросѣ о томъ, можно ли надѣяться, что буржуазія захочетъ когда нибудь въ данномъ случаѣ понимать свои интересы такъ, какъ ихъ понимаетъ Луи Бланъ. Но это относится уже не къ критикѣ существующаго строя, а къ теоріямъ о способѣ осуществленія новаго общественнаго устройства: объ этомъ мы будемъ говорить ниже. Итакъ мы приходимъ къ тому заключенію, что современный соціализмъ, лишь болѣе разработаннымъ въ деталяхъ экономическимъ анализомъ, да его историческими, этнографическими и статистическими иллюстраціями, а вовсе не какой нибудь существенной идеей, отличается въ дѣлѣ критикѣ современнаго общества отъ французскаго соціализма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, резюмированнаго Луи Бланомъ.

IV.

Всякая критика какого нибудь общественнаго устройства предполагаетъ извѣстный соціальный идеалъ; порицать существующее,

значитъ находить, что на его мѣстѣ слѣдовало бы быть чему нибудь другому. Въ чемъ же состоитъ идеалъ, во имя котораго Луи Бланъ осуждаетъ современное общество и который онъ желалъ бы видѣть осуществленнымъ?

Достаточно прочесть сочиненія Луи Блана внимательно, и вдуматься въ предлагаемые имъ планы реформъ, чтобы увидѣть, что его соціальный идеалъ есть коммунизмъ.

Луи Бланъ нигдѣ не причисляетъ себя къ коммунистамъ и даже, какъ будто, выдѣляетъ себя изъ этой партіи. Но нигдѣ также онъ не критикуетъ коммунизма, а упрекаетъ приверженцевъ этого ученія единственно въ томъ, что они выбрали для обозначенія своей партіи неудачное наименованіе, испугавшее плохо освѣдомленныхъ людей [1]). Луи Бланъ не только относится съ величайшей симпатіей къ самому Кабэ, но называетъ систему послѣдняго (чистѣйшій коммунизмъ) примѣненіемъ нравственнаго ученія Іисуса къ организаціи общества [2]). Всякій, кто знакомъ съ Луи Бланомъ, знаетъ, что, въ его устахъ, подобное опредѣленіе есть высшая похвала. Выражая свое сочувствіе, въ одномъ предназначенномъ для печати письмѣ, своему другу коммунисту Барбесу, сидѣвшему тогда въ тюрьмѣ. Луи Бланъ говоритъ, что въ его, Барбеса, лицѣ подвергаются гоненію идеи основателей христіанства (которыхъ тогдашніе соціалисты, хотя, за немногими исключеніями, враждебные церкви, охотно представляли себѣ своими единомышленниками), Мюнцера, Кампанеллы, Томаса Мора, Морелли [3])... Какъ это отмѣчаетъ Сюдръ [4]), настойчиво доказывающій, что Луи Бланъ—чистый коммунистъ [5]) (отъ злобной проницательности противниковъ часто не

---

[1]) *Historie de la Révolution de 1848*, II, 227.

[2]) *Questions d'aujourd'hui et de demain*, I, 198: j'y vois, appliqué à l'organisation des sociétés modernes, la morale sublime de Iésus.

[3]) *Questions*, III, 50.

[4]) *Histoire du communisme*, par Alfred Sudre, Bruxelles, 1850, стр. 323.

[5]) Варшауэръ (Geschichte des Sozialismus und Communismus im 19-ten Iahrhundert, von prof. Otto Warschauer, VII-te Abtheilung, стр. 120) говоритъ: L. Blanc war kein Kommunist и въ подтвержденіе этихъ словъ, приводитъ текстъ Луи Блана, гласящій, что не у всѣхъ людей одинаковыя способности.

ускользаетъ то, чего не замѣчаютъ критики нейтральные), нашъ авторъ всегда съ полнымъ сочувствіемъ говоритъ о чисто коммунистическихъ писателяхъ, напр. о Мабли или о Морелли. Прибавимъ къ этому, съ своей стороны, что Луи Бланъ называетъ доктрину Бабефа „едва понятую во время ея появленія“, „лучемъ свѣта передъ наступленіемъ ночи“ [1]). Этотъ свѣтъ, однако, не погасъ совершенно; искру ученія Бабефа бережно сохранилъ его другъ и адептъ Буонарроти, который впослѣдствіи передалъ ее сгруппировавшимся вокругъ стараго монтаньяра послѣ революціи 1830 года республиканцамъ новаго поколѣнія, въ ихъ числѣ были О. Бланки, Шарль Тестъ, [2]) и Луи Бланъ, который въ *Исторіи десяти лѣтъ* говоритъ о Буонарроти въ самыхъ благоговѣйныхъ выраженіяхъ. Буонаротти и находившіяся подъ его вліяніемъ тайныя общества тридцатыхъ годовъ (la Société des droits de l'homme и др.) служатъ промежуточнымъ звеномъ между позднѣйшей революціонной агитаціей и старымъ бабувизмомъ, въ которомъ поэтому вмѣстѣ съ Антономъ Менгеромъ, можно усмотрѣть точку отправленія всего современнаго соціальнаго движенія [3]). Во всякомъ случаѣ, прямое вліяніе „доктрины равныхъ“ на Луи Блана—несомнѣнно. Сопоставленіемъ текстовъ Сюдръ показываетъ, что Луи Бланъ воспроизводитъ не только идеи Бабефа, но и выраженія послѣдняго. Что въ этомъ удивительнаго, разъ Буонарроти былъ политическимъ наставникомъ Луи Блана?

Но всѣ эти косвенныя указанія на сущность идей Луи Блана

---

[1]) Questions, V, 253.

[2]) *Въ Исторіи десяти лѣтъ* (IV, 102) Луи Бланъ называетъ Теста „великимъ гражданиномъ“, говоря о его проектѣ конституціи, предложенномъ въ 1833 году. Главныя статьи этой конституціи были слѣдующія: 1) всѣ движимыя и недвижимыя имущества, находящіяся въ предѣлахъ національной территоріи или принадлежащія въ другихъ странахъ членамъ французскаго общества, принадлежатъ народу, который одинъ только можетъ распредѣлять ихъ; 2) отъ всякаго здороваго (valide) гражданина общество требуетъ труда, какъ долга.

[3]) A. Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, глава VI, стр. 62. Также Thomas, La doctrine des Egaux, avant propos: C'est aux Egaux que par Buonarroti et Blanqui les socialistes d'aujourd'hui peuvent faire remonter leurs origines.

не нужны, такъ какъ они съ достаточной ясностью изложены въ его сочиненіяхъ.

Луи Бланъ, какъ и Бабефъ, исходитъ изъ принциповъ французской революціи, изъ ея лозунга: свобода, равенство, братство. Современный общественный строй не только не осуществляетъ этой формулы, но радикально ей противорѣчитъ. Какъ мы уже видѣли, Луи Бланъ считаетъ наемный трудъ (salariat) новѣйшей формой рабства, называетъ капиталистовъ господами (maîtres) и угнетателями (oppresseurs) пролетаріевъ. Пока бѣднякъ подчиненъ этимъ своимъ господамъ, онъ не можетъ быть свободнымъ гражданиномъ, такъ какъ, подъ угрозой потери работы, онъ долженъ подавать на выборахъ голосъ за тѣхъ кандидатовъ, которыхъ ему укажутъ работодатели. Такимъ образомъ, при капиталистическомъ строѣ неосуществима политическая свобода, не говоря уже о равенствѣ и братствѣ. Но какъ провести въ соціальную жизнь эти идеи? Чѣмъ долженъ быть замѣненъ наемный трудъ, на которомъ держится современный экономическій режимъ? Не раздѣломъ ли имуществъ на равныя части, на мелкія отдѣльныя хозяйства, принадлежащія названнымъ производителямъ (systéme parcellaire)? Эту систему, сторонниками которой были нѣкоторые дѣятели первой французской революціи, кромѣ того, Годвинъ, Голлъ, многіе французскіе и англійскіе радикалы, Луи Бланъ рѣшительно отвергаетъ, полагая, что равенство, установленное *„аграрнымъ закономъ“*, не продержалось бы болѣе одного дня [1]) и что, кромѣ того, раздробленное хозяйство несовмѣстимо съ потребностями современной цивилизаціи, нуждающейся въ крупномъ производствѣ. Господство мелкой собственности повело бы къ всеобщей нищетѣ. Капиталистическій индивидуализмъ слѣдуетъ замѣнить ассоціаціей. Не должно быть наемниковъ (salariés), всѣ они должны превратиться въ членовъ ассоціаціи (associés). Но ассоціація должна быть

---

[1]) *Organis. du travail*, 142. le partage, méme égal, combiné avec la division et l'individualisme, ne serait que l'égalité pendant un jour: il ne saurait y avoir égalité durable que par l'association des forces pour la production et la mise en commun des produits pour la consommation.

всеобщей (universelle), т. е. охватить все общество своей объединенной организацей. Если бы ассоціаціи оставались независимыми одна отъ другой въ томъ смыслѣ, въ какомъ независимы одно отъ другого современныя капиталистическія предпріятія, то онѣ стали бы конкурировать между собой, а нелѣпо сохранять конкуренцію между коопераціями, уничтоживъ ее между индивидуумами [1]). Такимъ образомъ, то возраженіе, которое противопоставляютъ системѣ Луи Блана критики, плохо ее понимающіе, онъ самъ дѣлаетъ тѣмъ, кто не хочетъ довести эту систему до всѣхъ ея логическихъ послѣдствій; онъ заранѣе отстраняетъ это возраженіе, не попадающее въ цѣль, и проводитъ, такимъ образомъ, рѣзкую раздѣльную черту между своимъ собственнымъ ученіемъ и чистымъ коопераціонизмомъ, который въ его время проповѣдывалъ Бюшезъ, сдѣлавшійся въ 1848 году злѣйшимъ врагомъ доктрины Луи Блана, а впослѣдствіи будутъ пропагандировать Луйо Брентано въ Германіи, де-Буавъ и Шарль Жидъ во Франціи и столько другихъ писателей Европы и Америки.

Всѣ ассоціаціи, изъ которыхъ будетъ состоять грядущее общество, будутъ ассоціированы между собой точно такимъ же образомъ, какимъ ассоціированы ихъ члены внутри каждой изъ нихъ [2]), онѣ будутъ взаимно *солидаризированы*. Прежде еще чѣмъ распространиться на все общество, онѣ будутъ владѣть коллективнымъ, постоянно растущимъ капиталомъ, не могущимъ быть отчужденнымъ [1]). Поступая въ ассоціацію, никто не можетъ

---

[1]) Il y aurait lieu d'établir entre tous les ateliers appartenant au même genre d'industrie, le système d'association établi dans chaque atelier particulier. Car il serait absurde, après avoir tué la concurrence entre individus, de la laisser subsister entre corporations (*Organis. du travail*, 98).

[2]) Il faut qu'il s'établisse entre elles *le même* lien qui existe entre tous les membres de chacune d'elles (*Hist. de la Révol. de 1848*, I, 210).

[3]) *Hist de la Révol. de 1848*, I, 161: pour être appelées à jouir de la commandite de l'État, les associations ouvrières devraient être instituées d'aprés le principe d'une fraternelle solidarité, de manière à pouvoir acquerir, en se développant, un capital COLLECTIF, INALIÈNABLE ET TOUJOURS GROSSISSANT; seul moyen de faire que le capital ne fût pas un élément de tyrannie, la possession des insruments de travail... un privilège... Ibid. 163: un grand capital lequel n'appartiendrait à personne en particulier, mais appartiendrait á tous collectivement...

оставаться собственникомъ орудій производства [1]), а такъ какъ связь между ассоціаціями—та же, что и между членами каждой ассоціаціи, то отсюда явствуетъ, что орудія производства, которыми располагаютъ отдѣльныя ассоціаціи, принадлежатъ совокупности послѣднихъ [2]). Луи Бланъ, дѣйствительно, говоритъ намъ, что въ каждой отрасли промышленности всѣ мастерскія будутъ лишь *отдѣленіями* (succursales) одной центральной мастерской, подобно тому какъ находящіяся въ различныхъ городахъ конторы бываютъ отдѣленіями одного центральнаго банка [3]). Это слово succursale, *отдѣленіе*, должно служить ключемъ къ пониманію системы Луи Блана. Онъ заявляетъ, кромѣ того, что всѣ отрасли промышленности должны быть солидаризированы между собой такимъ же образомъ, какимъ объединены всѣ мастерскія каждой индустріи [4]). Это объясняетъ намъ, почему онъ могъ сказать, что соціалистическое общество будетъ жить на коллективный капиталъ [5]). Въ другомъ мѣстѣ *„Организаціи труда“* онъ утверждаетъ, что въ его системѣ собственникомъ является общество (la société propriétaire), а не государство (l'Etat propriétare) [6]). По мнѣнію Чернова, Луи Бланъ установилъ это различіе въ то время, когда полное торжество демократіи казалось возможнымъ

---

[1]) *Organis. du travail*, 144: Nul propriétaire ne serait admis ǎ faire partie de l'association qu'en lui vendant tout son avoir: terres, mobilier d'exploitation, instruments aratoires. Это Луи Бланъ говоритъ о земледѣльческихъ ассоціаціяхъ, но очевидно, что тотъ же принципъ долженъ распространяться и на промышленныя ассоціаціи.

[2]) Луи Бланъ прямо говоритъ, что земледѣльческія ассоціаціи (или *колоніи*) будутъ составлять *національную* собственность: ces colonies seraient des propriétés nationales. (*La Rév. de février au Luxemb.*, 93).

[3]) Il y aurait donc dans chaque sphère de travail que le gouvernement serait parvenu à dominer, un atelier central, duquel relèveraient tous les autres en qualité d'ateliers supplémentaires. De même que M. Rothschild possède, non seulement en France, mais dans divers pays du monde, des maisons qui correspondente avec celle où est fixé le siège principal, de même chaque industrie aurait un siège principal et des succursales. Dès lors, plus de concurrence (*Organis. du travail*, 99).

[4]) Ibid. 100.

[5]) Ibid. 297: vivre sur un capital collectif.

[6]) Ibid. 289.

лишь въ довольно отдаленномъ будущемъ, въ 1848 же году, въ опьяненіи республиканской побѣды, послѣ провозглашенія всеобщей подачи голосовъ, онъ отождествилъ государство съ обществомъ [1]). Это намъ кажется несовсѣмъ вѣрнымъ. Государство для Луи Блана тождественно съ обществомъ, но лишь въ извѣстномъ смыслѣ: государство—это правительственная и законодательная власть, которой облечена небольшая группа людей, избираемыхъ,—въ демократическомъ режимѣ,—всѣмъ обществомъ. Поэтому, когда Луи Бланъ говоритъ, что государство не должно быть предпринимателемъ, производителемъ и т. п., это значитъ, что не роль парламента, не роль законодательнаго собранія или министерства входить во всѣ мелочи производства, распредѣлять работы и продукты: правительству *физически невозможно* заниматься этимъ [2]). Кромѣ того, если бы центральная власть указывала каждому гражданину его дѣло, отпускала ему продукты, то это привело бы къ отвратительной тираннiи [3]). Не слѣдуетъ забывать, что Луи Бланъ, будучи сторонникомъ политической централизаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ, отстаиваетъ самую широкую административную децентрализацію [4]). Въ общественномъ строѣ, котораго онъ хочетъ, организаціей работъ, распредѣленіемъ занятій и продуктовъ будутъ заниматься сами ассоціаціи, т. е. группы работниковъ. Какъ новѣйшіе французскіе синдикалисты, онъ желаетъ чтобы, соціализація шла снизу вверхъ, а не наоборотъ: ассоціаціи должны соединяться въ группы все болѣе обширныя, пока все общество не обратится въ одну объединенную ассоціацію. Но, если государство не будетъ предпринимателемъ, то оно будетъ *регуляторомъ* производства [5]), *господствуя* надъ нимъ [6]), оно сгруппируетъ всѣ отдѣльныя уси-

---

[1]) *Louis Blanc, par I. Tchernoff*, 57.

[2]) *Organis. du travail*, 257.

[3]) *Ibid.*

[4]) См. его брошюру *l'État et la commune.*

[5]) *Organis. du travail*, 97.

[6]) *Ibid.* 98. Dans notre système l'État se rendait maître de l'industrie peu á peu...

лія въ одну систему [1]) и, такъ сказать, заведетъ экономическій механизмъ [2]), какъ лейбницевскій Богъ предустанавливаетъ разъ навсегда гармонію между монадами. Другими словами, оно подчинитъ всѣ ассоціаціи единообразному законодательству, слѣдуя которому онѣ составятъ одно гармоничное хозяйство. Государство устроитъ статистическія бюро, которыя будутъ направлять производство, собирая нужныя свѣдѣнія и сообщая ихъ ассоціаціямъ. Во главѣ всякой земледѣльческой общины будетъ поставленъ государствомъ агрономъ, который будетъ руководить работами и контролировать ихъ [3]). Назначаемый государствомъ инженеръ будетъ руководить каждой отраслью промышленности [4]). Бразды же правленія всѣхъ отраслей промышленности будутъ въ рукахъ центральнаго административнаго совѣта [5]). Такимъ образомъ, не вмѣшиваясь въ детали производства, государство будетъ, посредствомъ своихъ агентовъ, давать ему общее направленіе. Поэтому возможно будетъ вести національное хозяйство столь же планомѣрно, столь же раціонально, какъ отдѣльное частное хозяйство. Назначать лицъ, завѣдующихъ производствомъ, государство будетъ лишь на первыхъ порахъ, пока рабочіе будутъ некомпетентны въ выборѣ такихъ лицъ. Позднѣе вся промышленная іерархія будетъ установлена на выборномъ началѣ, сами подчиненные будутъ избирать управляющихъ [6]). Въ этомъ Луи Бланъ видитъ одно изъ существенныхъ различій между своей системой и сенсимонистской,

---

[1]) *Ibid.* 102: Que l'Ètat se mette résolument à la tête de l'industrie; qu'il fasse converger tous les efforts; qu'il rallie autour du même principe tous les intérêts aujourd'hui en lutte.

[2]) *Ibid.* 269.

[3]) *La Révol. de fevrier au Luxemb.*, 93: chaque colonie serait dirigée par un agronome qui représenterait et surveillerait les travaux.

[4]) *Le Socialisme,* 349: dans le main d'un ingénieur nommé par l'Ètat serait remise la direction de chaque industrie particulière.

[5]) *Ibid.* La réparution de ce capital de la société entière serait confiée á un conseil d'administration placé au sommet de tous les ateliers. Dans ses mains seraient réunies les rênes de toutes les industries.

[6]) *Organis. du tr vail,* 89.

въ которой іерархія назначается сверху [1]). Луи Бланъ не упоминаетъ по этому поводу еще о той разницѣ, что въ его системѣ лицо, занимающее высшую (т. е. болѣе центральную) должность, не пользуется никакими соціальными привилегіями, никакими имущественными выгодами, тогда какъ, въ сенсимонистской системѣ вознагражденіе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ важнѣе занимаемая должность.

Государство не только предписываетъ ассоціаціямъ ихъ общее экономическое законодательство, но и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы послѣднее соблюдалось, т. е. чтобы производительныя группы не отклонялись въ сторону отъ соціалистическихъ статутовъ, отъ принципа имущественнаго (пропорціональнаго) равенства всѣхъ работниковъ.

Если мы спросимъ себя, какимъ образомъ эти статуты охраняютъ имущественное равенство, то увидимъ, что уже въ переходный періодъ, когда общественная собственность будетъ бороться съ частной, Луи Бланъ представляетъ себѣ совокупность ассоціацій какъ единое и нераздѣльное коммунистическое государство въ государствѣ частновладѣльческомъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какимъ образомъ ассоціаціи будутъ солидаризированы одна съ другой по плану Луи Блана [2]).

Прежде всего будетъ опредѣлена стоимость (prix de revient) каждаго товара данной категоріи на мѣстѣ его производства. Эта стоимость въ разныхъ мѣстахъ не одинакова, но для того, чтобы ассоціаціи не конкурировали одна съ другой, всѣ товары одной и той же категоріи, выходящіе изъ солидаризированныхъ мастерскихъ, будутъ всюду продаваться по одной и той же цѣнѣ. Вслѣдствіе этого, однѣ ассоціаціи будутъ получать на этихъ товарахъ бо̀льшую прибыль, чѣмъ другія. Но это не будетъ создавать никакого экономическаго неравенства между различными ассоціаціями. А именно: во-первыхъ, изъ валового дохода, по вычетѣ необхо-

---

[1]) *Ibid.* 269: Dans la doctrine saint-simonienne, la hiérarchie s'établit essentiellement par l'élection *d'en haut.* Dans notre projet, au contraire, la hiérarchie s'établit essentiellement par l'élection *d'en bas.*

[2]) *Le socialisme,* 348—349.

димыхъ расходовъ,—процентовъ на занятый ассоціаціей капиталъ, расходовъ на ремонтъ и пр., — рабочіе *всѣхъ* мѣстностей будутъ получать *пропорціонально одинаковую плату*, т. е. одинаковую не въ отношеніи выражающихъ ее денежныхъ знаковъ, а въ отношеніи ея покупной силы въ данной мѣстности (другими словами, всѣ будутъ получать возможность покупать одинаковое количество продуктовъ на свой заработокъ, гдѣ бы они ни жили). Вовторыхъ, прибыль, которая, по вычетѣ необходимыхъ расходовъ и заработной платы [1]), останется въ кассахъ ассоціацій, будетъ поступать въ общую собственность всѣхъ ассоціацій, а затѣмъ эту сумму будутъ дѣлить поровну между всѣми ихъ членами. Отсюда ясно, что всѣ солидаризованныя ассоціаціи будутъ лишь *отдѣленіями* одного общаго товарищества, владѣя своими капиталами коллективно: доходы съ этихъ капиталовъ будутъ дѣлиться, прямымъ или косвеннымъ способомъ, между *всѣми* членами *общей* ассоціаціи, обнимающей всѣ *ассоціаціи-отдѣленія* (association-succursales). Въ самомъ дѣлѣ, если бы отдѣльныя ассоціаціи посылали *весь* свой *валовой* доходъ въ какую-нибудь общую центральную кассу и если бы затѣмъ каждой ассоціаціи посылалась пропорціональная числу ея членовъ доля общаго дохода, то развѣ эта операція, по своимъ результатамъ, не сводилась бы совершенно къ тому же самому, что предлагаетъ Луи Бланъ? Въ проектѣ этого послѣдняго упраздняется только безполезное путешествіе части денегъ изъ кассъ отдѣленій въ общую кассу и обратно. Ассоціаціи, вмѣсто того, чтобы посылать въ центральное бюро всю свою выручку, т. е. и ту ея часть, которая должна непремѣнно вернуться обратно, удерживаютъ на мѣстѣ эту сумму (состоящую изъ вознагражденія за издержки, рабочей платы и пр.) и посылаютъ въ центральную кассу лишь мѣняющуюся часть дохода,

---

[1]) Заработная плата будетъ существовать въ переходное время лишь въ *промышленныхъ* ассоціаціяхъ; въ земледѣльческихъ ассоціаціяхъ Луи Бланъ находитъ возможнымъ уничтожить ее съ перваго же дня ихъ существованія. Всякій будетъ имѣть право брать то, что ему понадобится изъ того, что будетъ оставаться въ общихъ магазинахъ по уплатѣ общихъ расходовъ *(Organis. du travail*, 145, *примѣчаніе).*

т. е. прибыль, которая затѣмъ дѣлится между членами всѣхъ ассоціацій. А какъ будутъ поступать, если какая-нибудь ассоціація не только не получитъ никакой прибыли, но даже не покроетъ своихъ издержекъ? Такіе случаи будутъ рѣдки, такъ какъ государство не станетъ создавать ассоціацій въ такихъ отрасляхъ промышленности и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ приходилось бы работать въ убытокъ. Но Луи Бланъ не забылъ о возможности и такого исключительнаго обстоятельства и говоритъ намъ, что дефицитъ однихъ ассоціацій будетъ покрываться избыткомъ доходовъ другихъ, благодаря существованію общаго запаснаго фонда взаимопомощи [1]). При такой организаціи, случайныя потери какой-нибудь ассоціаціи, матеріальныя катастрофы будутъ едва отзываться на экономической жизни, такъ какъ ихъ послѣдствія будутъ раскладываться на всѣхъ членовъ общества, при чемъ доля участія каждаго въ несеніи общей тягости будетъ совершенно ничтожна, непримѣтна [2]). И подобно тому какъ будутъ взаимно солидарны всѣ ассоціаціи каждой отрасли промышленности, такимъ же образомъ будутъ взаимно солидаризированы между собой всѣ индустріи, всѣ виды промышленности. Имущества ассоціацій будутъ неотчуждаемы, а доходы будутъ уравниваться все равно, какъ если бы они сначала цѣликомъ поступали въ общую казну, а затѣмъ дѣлились между всѣми; ясно поэтому, что всѣ ассоціаціи вмѣстѣ, въ сущности, владѣютъ лишь одной коллективной собственностью и что корпоративной собственности здѣсь никакой нѣтъ. Такъ дѣло обстоитъ, пока соціализмъ не завоевалъ еще всего общества. Когда завоеваніе это завершится,—а это произойдетъ неминуемо [3]),—то вся промышленность, все производство, вся экономическая жизнь будутъ, очевидно, обобществлены, фактически воца-

---

[1]) *Le Socialisme*, 349: des divers fonds de réserve dont nous parlions tout à l'heure, former un fonds de mutuelle assistance entre toutes les industries, de telle sorte que celle qui, une année, se trouverait en souffrance, fût secourue par celle qui aurait prospéré.

[2]) *Ibid*. 336: l'influence de pareils dêsastres serait bornée; on la sentirait á peine, parce qu'elle se répartirait sur toutes les têtes.

[3]) *Organis. du travail*, 96: dans toute industrie capitale il y aurait un atelier social faisant concurrence á l'industrie privée; 274: l'absorption des capitaux individuels étant rendue tôt ou tard inévitable par notre projet.

рится коммунизмъ. Заработной платы и наемнаго труда не будетъ: всѣ работники будутъ общественными чиновниками, вознагражденіе которыхъ будетъ опредѣляться лишь ихъ потребностями [1]). Нельзя будетъ также говорить о прибыли, такъ какъ это понятіе не имѣетъ смысла внѣ частновладѣльческой системы [2]). Никакой формы нетрудового дохода не будетъ: ни барыша, ни ренты, ни процента [3]). Не будетъ даже *продажи*, не будетъ *обмѣна* въ теперешнемъ смыслѣ этого слова [4]). Какъ и Марксъ, показывающій, что понятія: *мѣновая цѣнность*, *товаръ*, *обмѣнъ*, непримѣнимы внутри семейнаго крестьянскаго хозяйства, обобществленнаго производства и пр., Луи Бланъ думаетъ, что обмѣнъ не есть неизмѣнная категорія экономической жизни [5]). Онъ представляетъ себѣ будущее общество, какъ одно большое семейство [6]), внутри котораго не происходитъ того, что въ политической экономіи называется обмѣномъ. На первыхъ порахъ въ соціалистическихъ ассоціаціяхъ будутъ ходить бумажные денежные знаки [7]), соотвѣтствующіе, вѣроятно; оуэновскимъ, прудоновскимъ и родбертусовскимъ трудовымъ билетамъ, но впослѣдствіи не только металлическія, но и бумажныя деньги будутъ изгнаны изъ соціалистическаго общества [8]),

---

[1]) *Hist. de la Révol. de 1848,* II, Inutile, dans cette hypothèse, de s'inquiéter des salaires: il n'y aurait plus dans la société que des fonctionnaires dont l'emploi serait déterminé par leurs aptitudes, dont la rémunération serait déterminée par leurs besoins.

[2]) *Ibid.* 297.

[3]) *Ibid.* 298: il faut que *l'intérêt*, que la *rente*, que tout ce qui constitue les privilèges du propriétaire et du capitaliste, ait entièrement disparu.

[4]) *Ibid.* : il n'y aura plus... ni salariat, ni intérêt, ni *vente,* ni *valeurs échangeables..*

[5]) Marx, *Das Kapital*, 4-te Auflage, I, 43—45. Луи Бланъ опирается на авторитетъ Д. С. Милля, говорящаго, что считать обмѣнъ основнымъ закономъ распредѣленія продуктовъ это все равно, что считать колеса и повозки основнымъ закономъ движенія.

[6]) *La Formule du Socialisme* (въ *Questions,* V, 197): que la société se modèle sur la famille: c'est tout ce que le socialisme demande. Cf *Révol. de 1848*, II, 298: une société arrivée á n'être plus qu'une grande famille.

[7]) *Le catechisme des socialistes* (въ *Questions*, V, 227—228).

[8]) *La Révolution de février au Luxembourg,* 126: aujourd'hui déjá, le billet pourrait remplacer avec avantage, avec économie, les métaux précieux. Mais dans le régime futur de l'association complète, on se passera même de billets.

денежныя операціи будутъ замѣнены бухгалтерскимъ счетоводствомъ [1]), а экономическія сношенія между различными общинами будутъ состоять не въ мѣнѣ товаровъ на товары, а въ отправкѣ продуктовъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они въ избыткѣ, въ тѣ мѣстности, гдѣ ихъ не хватаетъ. Это будутъ дѣлать, въ качествѣ государственныхъ чиновниковъ, агенты общей ассоціаціи [2]) по указаніямъ инженеровъ и компетентныхъ комиссій, которыя будутъ регулировать производство. Такимъ образомъ, всеобщая ассоціація осуществитъ „право всѣхъ ассоціированныхъ работниковъ на совокупность продуктовъ ихъ труда“ [3]). Всѣ будутъ производить для всѣхъ, всѣ силы и капиталы будутъ ассоціированы, „орудія труда будутъ принадлежать всѣмъ, какъ воздухъ и солнце“ [4]), продукты будутъ поступать въ общую собственность (seront mis en commun) [5]) и всякій работникъ будетъ брать изъ общественныхъ магазиновъ то, что ему будетъ нужно. Распредѣленіе работъ и продуктовъ будетъ слѣдовать лишь одному, чисто коммунистическому правилу: *отъ каждаго по его способностямъ (или силамъ), каждому по его потребностямъ*. Насъ спросятъ, говоритъ Луи Бланъ: какъ будутъ измѣряться потребности? Кто будетъ распредѣлять доли? Отвѣтъ очень простъ: *доли не будутъ существовать*. Если трудно себѣ представить способъ *распредѣленія* богатства по потребностямъ каждаго, то за то легко понять, какимъ образомъ всѣ могли бы быть

---

[1]) *La Revol. 1848 au Luxemb.*: tout se bornera á un balancement de comptes; les teneurs de livres remplaceront les garçons de recettes.

[2]) *Hist. de la Révol. 1848*, II, 294: le transport des produits qui surabonderaient dans un lieu et feraient defaut dans un autre se pourrait opérer par des agents de l'association gènérale, chargés de ce soin en qualité de fonctionnaires.

[3]) *L. Blanc, par I. Tchernoff*, 45: le droit de tous les travailleurs associés á l'ensemble du produit de leur travail.

[4]) *Le catéchisme des socialistes* (*Questions* V, 230): les instruments de travail appártiendraient á tous comme l'air et le soleil.

[5]) *Hist. de la Revol. de 1848*, II: cette doctrine (â chacun selon ses besoins, de chacun selon ses facultés) n'est rèalisable que par la mise en commun des forces pour la production et des produits pour la consommation.

пріобщены, сообразно со своими потребностями, къ коллективному бóгатству. Нѣтъ же надобности *дѣлить* воздухъ для того, чтобы дышать имъ! Каждый вбираетъ въ свои легкія столько воздуха, сколько ему нужно. То же будетъ происходить со всѣми богатствами въ соціалистическомъ обществѣ. Духовныя потребности люди будутъ удовлетворять сообща, en commun, такъ какъ всѣмъ будутъ безплатно открыты театры, концерты, библіотеки, лабораторіи, залы для лекцій; физическія же потребности будутъ удовлетворяться такъ, какъ теперь въ табльдотахъ: каждый тамъ платитъ одну и ту же цѣну, а, между тѣмъ, ѣстъ, смотря по аппетиту, выбираетъ тѣ блюда, которыя ему нравятся [1]). Потребленіе обыкновенно будетъ коллективно благодаря общимъ кухнямъ и общимъ обѣденнымъ заламъ, такъ какъ такая организація удобнѣе и для большинства пріятнѣе, но всякое семейство, если ему будетъ угодно, будетъ имѣть право потреблять въ своей квартирѣ свою долю общей провизіи. И не лучше ли будетъ, чтобы пятьдесятъ семействъ жило въ одномъ великолѣпномъ дворцѣ, чѣмъ чтобы они жили въ пятидесяти отдѣльныхъ лачужкахъ? [2])
Наиболѣе вѣрное понятіе о томъ, чѣмъ будетъ соціалистическое устройство, могутъ дать, по словамъ Луи Блана, англійскіе клубы,

---

[1]) *La formule du socialisme (*въ *Questions*, V, 207): J'ainn moit qui répond á tout ceci: *on ne ferait poiht de parts....* Autant il est difficile d'imaginer comment la richesse commune pourrait être *répartie* suivant les besoins, autant il est aisè de concevoir comment chacun pourrait, suivant ses besoins, y *participer.* Les hommes, pour respirer, se partagent ils l'atmosphére? Non, chacun y respire librement suivant la capacité de ses poumons, et c'est au mo yen de cette participation de tous à un bien qui n'est cependant soumis á aucun partage que chacun jouit de la portion d'air respirable qui lui revient... 207: en ce qui concerne les besoins intellectuels et moraux... la communauté y pourvoirait en ouvrant toutes grandes et sans droits d'entrée les portes des théâtres и т. д. и т. д.

Quant aux besoins physiques... voyez une table d'hôte. Tous paient le même écot, bien que tous ne soient pas doués du même appétit. L'heure du repas venue, chacun participe aux mets suivant sa faim и т. д.

[2]) Ib d. 206: comme si, dans le régime de la consommation en commun, réserve ne pouvait pas être faite, pour qui l'aimerait mieux ainsi, de la liberté de consommer en famille sa part des vivres communs!...

Quand on leur parle de remplacer par un magnifique palais и т. д.

гдѣ всякій участвуетъ въ общихъ расходахъ и пользуется, по своимъ вкусамъ и потребностямъ, коллективной собственностью, или же современные музеи, библіотеки, городскіе сады, даровые курсы [1]). Раздѣленіе общества на ассоціаціи и общины обусловливается лишь удобствами производства и управленія: вѣдь такимъ же образомъ, благодаря раздѣленію арміи на корпуса, полки, баталіоны, роты, милліонное полчище можетъ дѣйствовать и передвигаться, какъ одинъ человѣкъ [2]). Солидарность между ассоціаціями, которая объединитъ сначала всѣхъ членовъ каждой націи, перешагнетъ затѣмъ національные предѣлы и приметъ интернаціональный характеръ: тогда возможна будетъ раціональная эксплуатація всей земли, такъ какъ конкуренція между странами исчезнетъ и будетъ замѣнена международнымъ раздѣленіемъ труда; каждая нація будетъ заниматься тѣмъ производствомъ, къ которому она, по климатическимъ и другимъ условіямъ, наиболѣе приноровлена [3])

Итакъ, тщательное разсмотрѣніе текстовъ приводитъ насъ къ заключенію, къ которому пришелъ Сюдръ: изложивъ систему Луи Блана, этотъ писатель восклицаетъ: „что это такое, какъ не самый полный, самый радикальный коммунизмъ, коммунизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ (бабефовскомъ) *„манифестѣ равныхъ?“* Сюдръ совершенно правъ, когда говоритъ, что отдѣльныя мастерскія Луи Блана „составляютъ всѣ вмѣстѣ одну большую національную мастерскую“, что, „такъ какъ всѣ промышленныя и національныя мастерскія ассоціированы и солидарны между собой, то это сводится къ тому, что всѣ земли, всѣ капиталы становятся имуществомъ обширной національной общины“ (le domaine d'une vaste communauté nationale) [4]). Поэтому Поль Луи выражается слишкомъ робко, когда говоритъ, что „Луи Бланъ, дѣствительно, пришелъ, *нѣкоторыми сторонами своего ученія* (par cer-

---

[1]) *Hist. de la Révol. de 1848*, I, 149.

[2]) *Ibid.* II, 172.

[3]) *Ibid.* II, 165—166.

[4]) Sudre, *Histoire du communisme,* 323—324.

tains côtés) къ коммунистической формулѣ". Но многіе критики, въ томъ числѣ очень серьезные, гораздо грубѣе, чѣмъ Поль Луи, ошиблись относительно этого пункта. Такъ, напримѣръ, такой основательный ученый, какъ Бургэнъ, повидимому, не далъ себѣ труда сколько-нибудь внимательно прочесть Луи Блана и утверждаетъ, что послѣдній въ своемъ идеальномъ строѣ сохраняетъ конкуренцію между ассоціаціями, процентъ и земельную ренту, которой, какъ и болѣе высокой прибылью, будутъ-де пользоваться товарищества, находящіяся въ сравнительно лучшихъ условіяхъ! Правда, прибавляетъ Бургэнъ, Луи Бланъ, *можетъ быть*, подумывалъ объ уничтоженіи неравенства прибыли, но въ его системѣ это невозможно [1]).

Менгеръ, въ противоположность многимъ другимъ, понялъ, по крайней мѣрѣ, что луиблановская система можетъ, „пожалуй" устранить конкуренцію между ассоціаціями одной и той же отрасли промышленности. Но также, какъ и Бургэнъ, онъ кое-что проглядѣлъ. Такъ, онъ утверждаетъ, что въ системѣ Луи Блана взаимно солидаризированы лишь ассоціаціи въ каждой отрасли промышенности, а не сами эти отрасли. Во всей области потребленія (les produits *mis en commun* pour consommation, говоритъ Луи Бланъ!), а также въ сношеніяхъ между различными отраслями промышленности будетъ царить частновладѣльческое право съ своими послѣдствіями: свободой контрактовъ и конкуренціей [2]). Откуда Менгеръ это взялъ, одному только Богу извѣстно, такъ какъ Луи Бланъ говоритъ, какъ разъ противоположное, а именно, что всѣ отрасли промышленности (toutes les industries) будутъ солидарны между собой точно такимъ же образомъ, какимъ будутъ солидарны отдѣльныя ассоціаціи. Далѣе Менгеръ утверждаетъ, прямо наперекоръ текстамъ, что Луи Бланъ сохраняетъ поземельную и капиталистическую собственность, что поэтому въ его идеальномъ

---

[1]) M. Bourguin, *Les systemes socialistes et l'évolution économique*, 1904, стр. 99.

[2]) A. Menger, *Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag*, глава X, sub finem, стр. 124—125.

обществѣ будетъ существовать прибыль и земельная рента — и что профессіональныя ассоціаціи, въ особенности земледѣльческія, будутъ выжимать изъ остального общества еще бо̀льшій нетрудовой доходъ, чѣмъ тотъ, который идетъ теперь въ карманъ капиталистовъ. При этомъ Менгеръ забываетъ только одно маленькое обстоятельство, а именно, что земледѣльческія ассоціаціи *не будутъ* независимы, а будутъ солидарны со всѣми другими корпораціями [1]) и что поэтому то, что до полнаго обобществленія производства является прибылью (bénéfice), а затѣмъ будетъ называться *избыткомъ* (excédent), должно будетъ идти въ центральную кассу или въ центральный складъ ассоціацій [2]). И избытокъ этотъ будетъ состоять изъ того, что будетъ оставаться отъ выручки въ каждой ассоціаціи по покрытіи расходовъ и по доставленіи каждому члену послѣдней всего, въ чемъ онъ нуждается; въ началѣ всѣ работники будутъ получать равную працу, затѣмъ будетъ примѣняться принципъ: каждому по его потребностямъ [3]). Во всякомъ случаѣ, не будетъ позволено членамъ однѣхъ ассоціацій имѣть большіе доходы, чѣмъ доходы членовъ другихъ ассоціацій. Доходы и расходы ассоціацій будутъ контролироваться государственными чиновниками, поэтому, если какія-нибудь ассоціаціи будутъ выручать болѣе, чѣмъ другія, то отъ этого онѣ не станутъ богаче, а только будутъ больше вносить въ общую кассу, посылать болѣе товаровъ въ общіе склады. Гдѣ же здѣсь мѣсто для нетрудовыхъ доходовъ, для ренты и т. п.? Къ тому же, какъ мы уже видѣли, въ луиблановскомъ идеальномъ устройствѣ не будетъ ни продажи, ни мѣновыхъ цѣнностей, слѣдовательно, ни одна корпорація не сможетъ обогащаться на счетъ другихъ путемъ обмѣна, какъ легкомысленно фантазируетъ Менгеръ.

Чѣмъ объяснить ошибку, въ которую впали Менгеръ, Бургенъ и др.? Я объясняю ее крайней осторожностью языка Луи

---

[1]) *La Révolut, de fevrir au Luxemburg*, 100: dans notre pensée, il devrait tre établi des rapports d' *étroite* solidarité entre les différentes colonies, puis entre *tous les ateliers* placés sous la direction de l'État.

[2]) Ibid. 98 и *Organisation du travail*, 146.

[3]) *La Révul. de février au Luxembourg*, 71—75.

Блана. Онъ никогда не называлъ себя коммунистомъ, но никогда не заявлялъ себя и антикоммунистомъ, несмотря на настойчивое требованіе Прудона, чтобы онъ опредѣленно высказался по этому пункту. Въ душѣ Луи Бланъ чувствовалъ себя коммунистомъ, но, какъ мы отмѣтили это выше, находилъ неудобнымъ для себя это обозначеніе, такъ какъ оно могло встревожить плохо освѣдомленныхъ людей, соединяясь въ ихъ умѣ съ представленіемъ о грабежѣ, общности женъ и т. п. Понимая, что онъ натолкнется на сопротивленіе со стороны привилегированныхъ классовъ, но надѣясь привлечь на свою сторону часть буржуазіи и не желая слишкомъ раздражать другую ея часть, Луи Бланъ считалъ нужнымъ прибѣгать къ дипломатическимъ уловкамъ, высказывалъ свои мысли въ смягченной формѣ и въ не очень опредѣленныхъ выраженіяхъ что и обманываетъ иногда невнимательныхъ читателей. Энгельсъ говоритъ о себѣ и Марксѣ, что они назвали себя въ 1847 году соціалистами, а не коммунистами, потому что первый терминъ нисколько не скандализировалъ тогда людей нѣкоторыхъ буржуазныхъ круговъ, тогда какъ слова *коммунистъ* наводило ужасъ на всѣхъ буржуа. По этой-же самой причинѣ Луи Бланъ, наоборотъ, назвалъ себя соціалистомъ, а не коммунистомъ. Недоразумѣнію способствовало и то обстоятельство, что Луи Бланъ не всегда достаточно ясно отграничиваетъ мѣропріятія переходнаго времени отъ учрежденій вполнѣ осуществовавшагося соціалистическаго устройства. Уже въ полемикѣ, происходившей въ 1850 году (Eclaircissements sur les doctrines Luxembourg) онъ долженъ былъ напоминать своимъ противникамъ, что, напр., прибыль и процентъ будутъ существовать въ *переходной* періодъ, но никакъ не послѣ установленія всеобщей ассоціаціи. Иные могли быть введены въ заблужденіе еще тѣмъ, что Луи Бланъ постоянно повторяетъ, что онъ признаетъ *право собственности*. Дѣло только въ томъ, что понимаетъ онъ это право совершенно не такъ, какъ буржуазные экономисты и юристы. Луи Бланъ согласенъ съ Тьеромъ, что собственность есть право, связанное съ существованіемъ общества, присущее человѣческой природѣ. Дѣйствительно,

говоритъ онъ, человѣкъ не можетъ жить, не присваивая (не „аппропріируя“) внѣшнихъ предметовъ, но формы права собственности совершенно различны у разныхъ народовъ, въ разныя времена, въ разничныхъ теоретическихъ системахъ. Ошибка, которую дѣлаетъ Тьеръ, утверждая, что во всѣхъ странахъ и во всѣ времена общество держалось на одномъ и томъ же понятіи о собственности кажется Луи-Блану неслыханной, превосходящей всякое вѣроятіе.“ (C'est à peine vraisemblable). Онъ указываетъ Тьеру на древнія и восточныя цивилизаціи, на Арабовъ, на народы, не признающіе частной собственности, на землю и на общества коммунистическіе, на теоріи физіократовъ и теоріи юристовъ римской школы, на феодальный и на цеховой режимъ, на церковную десятину, уничтоженіе которой въ глазахъ Сіиеса было *ограбленіемъ* (spoliation), а въ глазахъ Мирабо *возвращеніемъ* (restitution)[1]. Итакъ *формы* собственности измѣнчивы. Тотъ, кто утверждаетъ, что современная форма собственности должна быть сохранена, долженъ оправдать не собственность вообще, а эту именно ея форму. На чемъ основывается право собственности? На трудѣ отвѣчаетъ Тьеръ. А между тѣмъ, мы видимъ, что въ современномъ обществѣ трудящееся большинство не имѣетъ никакой собственности, а имущее меньшинство можетъ наслаждаться благами земными, не трудясь. Это не частный случай, а постоянный фактъ, вытекающій изъ всего современнаго устройства[2]. Далѣе, если собственность присущее человѣку *право*, то она не должна быть *привиллегіей*, монополіей. Всякое человѣческое существо должно, слѣдовательно, пользоваться преимуществами этого права. А можно ли сказать, что въ нашемъ обществѣ тѣ тысячи человѣческихъ существъ, которыя работаютъ по 12 и по 13 и даже по четырнадцати часовъ въ сутки за 30 или 40 су въ день *пользуется преимуществами права собственности*? Если право собственности присуще человѣческой природѣ, то люди,

---

[1]) *Le Socialisme*, въ *Questions*, IV, 323.

[2]) Ibid. 325.

не имѣющіе собственности (а таково положеніе большинства) лишены образа челевѣческаго, отверженцы природы. Если собственность—естественное право, то *всѣ* должны имъ пользоваться, а это возможно лишь при режимѣ ассоціаціи [1]).

Такимъ образомъ, изъ того положенія, провозглашаемаго буржуазными мыслителями, что собственность есть естественное право человѣка, Луи-Бланъ заключаетъ, что всѣ люди должны быть пріобщены къ собственности. Нѣчто подобное говоритъ и Гегель, утверждающій, что всѣ люди, чтобы быть людьми, должны быть собственниками, но сходство между этими двумя чисто внѣшнее и ошибочно было бы, видѣть, какъ Адлеръ или Жоресъ, въ словахъ Гегеля тезисъ болѣе или менѣе соціалистическій. Гегель самъ намъ разъясняетъ свою мысль: „разумъ требуетъ, говоритъ онъ, чтобы я владѣлъ собственностью, количество же и родъ этой собственности есть правовая случайность“ [2]). Поэтому Гегель не только направляетъ противъ коммунизма обыкновенныя буржуазныя возраженія, но формально отрицаетъ право на существованія, т. е. то право, съ которымъ Луи-Бланъ отожествляетъ право на собственность. „Чтобы всѣ люди имѣли достаточныя средства для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, это есть лишь моральное и, поскольку оно неопредѣленно благонамѣренное пожеланіе, не имѣющее никакого объективнаго значенія. Имущественное равенство было бы несправедливостью [3]), такъ какъ въ области обособ-

---

[1]) Ibid. 328.

[2]) *Hegel's Werke*, 2-е изданіе (1840), *Philosophie des Rechts*, стр. 84: Im Verhältnisse zu äusserlichen Dingen ist das *Vernünftige*, dass ich Eigenthum besitze; was und wie viel ich besitze, ist daher eine rechtliche Zufälligkeit.

[3]) *Ibid.* стр. 85: Dass alle Menschen ihr Auskommen für ihre Bedürfnisse haben, ist... ein moralischer und, in dieser Unbestimmtheit ausgesprochen, zwar wohlgemeinter, aber, wie das bloss Wohlgemeinte überhaupt, nichts Objektives seyender Wunsch...

Demzufolge müsste jeder Mensch ein Eigenthum haben. Will man daher von Gleichheit sprechen, so ist es diese Gleichheit, die man betrachten muss. Ausser derselben fällt aber die Bestimmung der Besonderheit, die Frage, wie viel ich besitze. Hier ist die Behauptung falsch, dass die Gerechtigkeit fordere, dass Eigenthum eines jeden solle gleich seyn; denn

ленныхъ существованій разуменъ лишь одинъ видъ равенства, состоящій въ томъ, что всѣ люди имѣютъ что-нибудь, но справедливость не требуетъ равенства имуществъ, такъ какъ неравенство послѣднихъ есть необходимое послѣдствіе неравнаго развитія естественныхъ способностей, которыя уже сами по себѣ неравны [1]).

По этой теоріи, достаточно, чтобы человѣкъ имѣлъ, напр., рубашку: онъ уже собственникъ и соціальная справедливость удовлетворена. Совсѣмъ другое говоритъ Луи-Бланъ, когда отрицаетъ, что соціалисты хотятъ уничтожить собственность. „Совершенно наоборотъ, они хотятъ сдѣлать ее доступной всѣмъ людямъ. Такъ какъ человѣкъ не можетъ жить, не присваивая себѣ внѣшнихъ предметовъ для своего употребленія, то соціалисты опредѣляютъ собственность словами: *право на жизнь* и думаютъ, что *право на жизнь* мы не должны обращать въ привиллегію“ [2]).

Въ этомъ же конечно смыслѣ понималъ собственность Луи Бланъ, когда, протестуя въ 1872 году передъ парламентомъ третьей республики противъ законопроекта, объявлявшаго преступнымъ сообществомъ „Интернаціональную ассоціацію рабочихъ“, утверждалъ, что члены этого сообщества не отрицаютъ собственности, а критикуютъ лишь извѣстныя ея формы [3]). Будучи знакомъ, какъ явствуетъ изъ его же рѣчи, съ отчетами засѣданій этой

---

diese fordert nur, dass jéder Eigenthum haben solle. Vielmehr ist die Besonderheit das, wo gerade die Ungleichheit ihren Platz hat, und die Gleichheit wäre hier Unrecht.

[1]) *Ibid.* стр. 256: die Verschiedenheit in der Enwickelung der schon für sich ungleichen natürlichen... Anlagen.... die Ungleichheit des Vermögens zur nothwendigen Folge hat.

[2]) *Le catéchisme des socialistes* (Paris, 1849) стр. 26; est-il vrai que les socialistes veulent détruire la propriété?—Ils veulent. au contraire, la rendre accessible á tous. L'homme ne pouvant vivre qu'à la condition d'approprier les objets extérieurs á son usage, les socialistes définissent la propriété *droit de vivre* et ils ne pensent pas que du droit de vivre il faille faire un privilège.

[3]) *Discours politiques*, стр. 122. Les mots: provocation a l'abolition de la propriété, á l'abolition. de la tamille á l'abolition de la patrie doivent-ils être pris dans un sens strict, absolu, littéral? S'il en est ainsi, messieurs, je crois qu' il n' y a pas d'association au monde qui puisse proclamer ce triple but et se le proposer.

ассоціаціи, онъ не могъ не знать, что коммунисты, коллективисты и анархисты составляли большинство *Интернаціоналки* въ то время!

По мнѣнію Луи Блана, составители *Декларацiи правъ человѣка* 1789 года сдѣлали логическую ошибку, сказавъ, что такъ какъ всякій долженъ имѣть возможность упражнять свои способности, то всякій имѣетъ право на *свою* собственность (à sa propriété). Разсуждая логически, слѣдовало сказать:... то всякій имѣетъ право на собственность (à la propriété) Между этими двумя формулами — цѣлая бездна [1]). Въ самомъ дѣлѣ, *право на собственность* можетъ осуществиться лишь путемъ *коллективнаго* пользованія орудіями труда и первымъ изъ нихъ: землей, par l'usage en commun des instruments du travail et du premier de tous: la terre [2]). Отсюда мы видимъ, что подъ словами *право собственности* Луи-Бланъ понимаетъ гарантированную закономъ возможность доставать вещи, необходимыя для удовлетворенія потребностей. Поэтому, въ глазахъ Луи-Блана всякій членъ ассоціаціи, не владѣя индивидуально никакимъ орудіемъ производства, тѣмъ не менѣе, *собственникъ*, такъ какъ удовлетвореніе его потребностей ему обезпечно: онъ имѣетъ право на пищу, на квартиру и т. д. То, что обыкновенно называютъ *частной* собственностью, Луи-Бланъ обозначаетъ словами: propriété exclusive, possession exclusive (исключительная собственность, исключительное обладаніе). Это учрежденіе онъ не считаетъ неизмѣннымъ, вѣчнымъ, такъ какъ оно вовсе не вытекаетъ изъ естественныхъ правъ, присушихъ человѣку. Онъ вмѣняетъ въ заслугу дѣятелямъ 1789 года то, что, возбудивъ вопросъ о *десятинѣ* и о церковныхъ имуществахъ, они вызвали сомнѣнія въ соціальной полезности ненарушимости принципа исключительной собственности вообще. Такимъ образомъ, они сдѣлали относительнымъ понятіе, которое до того времени считалось абсо-

---

[1]) *Histoire de la Révolution française*, III, 315.

[2]) *Ibid.* 314.

лютнымъ [1]). Дѣйствительно, если церковь владѣла своими имуществами не такимъ же образомъ, какъ частныя лица, то отсюда не слѣдуетъ, что къ имуществу этихъ послѣднихъ непримѣнимъ высшій изъ законовъ—законъ общественной пользы. Дѣятели Учредительнаго собранія забыли то, что Руссо написалъ о человѣкѣ, „которой первый окружилъ изгородью клочекъ земли, сказалъ: это принадлежитъ мнѣ! и нашелъ людей, достаточно простыхъ, чтобы повѣрить ему“, но подвергая обсужденію законность церковныхъ имуществъ, они, сами того не зная, приглашали народъ разслѣдовать законность свѣтскихъ имуществъ. Поэтому, если продажа церковныхъ имуществъ обогатило многихъ собственниковъ, то она непоправимо потрясла принципъ исключительной собственности. Логическій выводъ изъ экспроиріаціи церковныхъ имуществъ не былъ сдѣланъ сейчасъ же. Освобожденію земледѣльцевъ должно было предшествовать освобожденіе тѣхъ, которымъ нечего воздѣлывать, которымъ даже некуда голову преклонить [2]), ибо логически связанные между собой историческіе факты слѣдуютъ одинъ за другимъ медленнѣе, чѣмъ идеи въ головѣ мыслителя, но, рано или поздно, логика беретъ свое. Исторія въ концѣ концовъ разсуждаетъ правильно, но ей иногда нужны столѣтія, чтобы довести разсужденіе до конца [3]). От-

---

[1]) *Ibid.* III, 285. Это значило conduire les peuples à rechercher jusqu'à quelpoint il était conforme à l'utilité publique que le principe de la propriété exclusive demeurât inviolable; c'était assigner uue valeur relative à ce qui avait eu jusqu'alors une valeur absolue.

[2]) *Ibid.* III, 285: de ce que les particuliers possédaient d'une autre manière que l'Eglise, s'ensuivait.-il qu'à leur égard la grande loi du bien publié eût quelque chose de moins sacré et fût moins impérieux?..

En soumettant à la discussion la légitimité des biens ecclésiastiques, l'Assemblée, sans le savoir, appelait le peuple à discuter l'inviolabilité des biens laïques... Le résultat fut donc double, et contradictoire en apparence: beaucoup de propriétaires s'enrichirent, mais le droit de propriété exclusive se trouva irréparablement ébranlé...

Ibid. 281: il ne leur a pas été donné de pouvoir brûler l'étape. L'èmancipation du cultivateur devait précéder l'affranchissement de celui qui n'a rien á cultiver, qui n'a même pas où reposer sa tête.

[3]) *Ibid.*; III, 285: la succession logique des faits dans l'histoire n'est pas, à beaucoup près, aussi rapide que celle des idées dans la tête d'un penseur. L'histoire finit toujours par raisonner juste; mais, quelquefois, elle met des siècles à faire un raisonnement.

мѣтимъ здѣсь, что Луи-Бланъ видитъ въ отрицаніи частной, или, какъ онъ говоритъ *исключительной* собственности законно и вполнѣ логическое послѣдствіе удара, нанесеннаго феодальной и церковной собственности революціей 1789 года. Этотъ взглядъ охотно развиваютъ современные соціалисты.

Воззрѣнія Луи Блана на поземельную собственность гармонируютъ со всѣмъ предыдущимъ. Изъ естественнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *соціальнаго*[1]) права человѣка на собственность вытекаетъ тотъ выводъ, что земля должна быть предоставлена въ распоряженіе всего человѣчества, какъ воздухъ и свѣтъ[2]). Но заключеніе это ослабяется тѣмъ соображеніемъ, что количество земледѣльческихъ продуктовъ ограничено; поэтому можно спросить себя, на всѣхъ ли хватитъ этихъ продуктовъ при коллективномъ пользованіи землей? Несомнѣнно, что замѣна общинной земельной собственности собственностью частной увеличила производительность земли. Эта констатація очень важна, такъ какъ сохраненіе рода человѣческаго—цѣль болѣе важная, чѣмъ все остальное. Но при теперешнемъ состояніи агрономической науки возможно соединить высшую производительность земледѣлія съ коллективнымъ хозяйствомъ. И мелкое и крупное хозяйство имѣютъ свои преимущества и неудобства, но въ томъ и другомъ первыя превышаются вторыми. Подвергнувъ подробной критикѣ систему мелкаго землевладѣнія, показавъ, что она губитъ земледѣліе, которое можетъ быть спасено лишь введеніемъ системы крупнаго хозяйства и указавъ, съ другой стороны на соціальныя бѣдствія порождаемыя ладифундіями[3]), Луи Бланъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „во Франціи нужно ввести крупную эксплоатацію, комбинируя ее

---

[1]) Отъ Луи Блана не ускользаетъ *соціальный* характеръ такъ называемыхъ индивидуальныхъ правъ: les droits qu'on revendique comme des droits individuels ne tirent leur réalité que de leur identification avec l'être social (*Questions*, I, 256).

[2]) *Dix ans de l'histoire d'Angleterre*, X, 215: nul doute que la terre ne soit du domaine de l'humanité, comme la lumière du soleil, comme l'air, comme tout ce qui est absolument indispensable à l'existence de l'homme.

[3]) *Organisation du travail*, книга II-я. *Dix ans de l'histoire d'Angleterre*, X, 227—236.

не съ принципомъ индивидуализма, а наоборотъ съ принципомъ ассоціаціи и коллективной собственности“[1]). Дѣйствительно, послѣдняя заключаетъ въ себѣ всѣ преимущества обѣихъ системъ, не имѣя ни одного ихъ недостатка. Землю должны воздѣлывать общины, но общины, объединенныя взаимной солидарностью и руководимыя государствомъ. Такимъ образомъ, вся французская земля будетъ эксплоатираваться *унитарно* и планомѣрно[2]) какъ одно хозяйство, всякая территорія будетъ производить тѣ продукты, для которыхъ она наиболѣе годна; комбинировать и распредѣлять работы будетъ государство[3]).

Такимъ образомъ, земля не будетъ частной собственностью, частной собственностью должны быть только продукты, получаемые работникомъ[4]). Какъ Прудонъ и нѣкоторые другіе соціалисты, Луи Бланъ указываетъ на то, что законъ объ экспропріаціи въ видахъ общественной пользы, въ сущности, предлагаетъ, въ скрытомъ видѣ, принципъ *права всѣхъ на землю* и ту идею, что государство есть настоящій собственникъ всей земли данной націи[5]). Существованіе же индивидуальной собственности на землю создаетъ классъ привилегированныхъ лицъ, которыя пожинаютъ

---

[1]) *Organis. du travail*, 109: il faut établir en France le système de la grande culture, en le combinant, non pas avec le principe de l'individualisme, mais, au contraire, avec celui de l'association et de la propriété collective.

[2]) *La Révolut. de février au Lexemb.*, 94: les colonies seraient soumises à l'exploitation unitaire, et au régime de la grande culture par familles associées.

[3]) *Ibid.* 100: (chaque groupe) produirait de préférence ce qu'il excelle à produire, soit à raison de la nature même du sol ou de la situation géographique, soit à raison des aptitudes spéciales de la population. L'Etat, directeur suprême, combinerait et distribuerait les travaux, répartirait les commandes, maintiendrait l'équilibre de la production et de la consommation.

[4]) *Dix ans de l'histoire d'Angleterre*, X, 225: la propriété du sol lui même peut-elle être d'avance, inconditionnellement et à jamais, accaparée par quelques uns, sans dommage pour la race humaine, sans confiscation de son droit?

[5]) *Ibid.* 255 и 256.

то, чего они не сѣяли [1]). Поэтому это учрежденіе слѣдуетъ уничтожить, какъ противорѣчащее справедливости и интересамъ общества, но сдѣлать это нужно путемъ выкупа, такъ какъ нельзя попирать ногами права лицъ, заключившихъ различныя сдѣлки, въ увѣренности, что современныя учрежденія гарантированы закономъ [2]).

Соглашаясь съ авторами, отстаивающими сохраненіе общинныхъ земель и протестующими противъ раздѣла, Луи Бланъ говоритъ: да, это вѣрно, но почему же не примѣнить этихъ разсужденій къ той большой общинѣ, которая называется государствомъ и, если не слѣдуетъ дѣлить существующую общую собственность, то почему слѣдуетъ сохранять уже, къ сожалѣнію, осуществившееся раздѣленіе имуществъ [3])?

Мы видимъ, что завѣренія Луи Блана въ его уваженіи къ праву собственности нисколько не противорѣчатъ коммунистическому характеру его соціальнаго идеала. Вѣдь и современныя коллективисты нерѣдко говорятъ, что, желая уничтожить одну лишь *капиталистическую* собственность, они имѣютъ въ виду сохранить собственность *индивидуальную*, т. е. право работника распоряжаться продуктомъ своего труда. Тактика Луи Блана часто состояла въ томъ, чтобы прикрывать радикализмъ мысли дипломатичной осторожностью выраженій. Такъ, напр., въ *Организаціи труда* онъ говоритъ, что въ его системѣ будетъ *возможно* уничтоженіе наслѣдства [4]), а между тѣмъ очевидно, какъ замѣчаетъ Черновъ [5]), что вопросъ о законности права наслѣдовать

---

[1]) *Ibid.* 266: c'est une étrange et dangereuse erreur que celle qui consiste à confondre la propriété absolue du sol lui-même avec la propriété des produits qu'on en tire par l'emploi du capital et l'action du travail. Il est de la plus haute importance, et il est de toute justice que la propriété des produits de la terre soit à qui la féconde; mais il est au moins douteux que l'intérêt de la société et la justice trouvent leur compte à un système en vertu duquel une classe privilégiée de citoyens est appelée à recueillir ce qu'elle n'a pas semé.

[2]) *Ibid.*

[3]) *Organis. du travail,* 141—142.

[4]) Ibid, 297.

[5]) L. Blanc, 42.

даже не имѣетъ смысла въ обществѣ, въ которомъ индивидуальная собственность распространяется лишь *на предметы потребленія*, распредѣляемые между семьями сообразно съ ихъ потребностямъ. И самъ Луи Бланъ намъ говоритъ, что въ его системѣ всякій индивидуумъ, являющійся служить обществу, находитъ свободное употребленіе своимъ способностямъ и возможность пріобщиться къ соціальному капиталу. Когда эта система осуществится, то въ наслѣдствѣ не будетъ надобности, такъ какъ о каждомъ человѣкѣ будетъ заботиться общество [1]).

Замѣтимъ, въ заключеніе, что Луи Бланъ энергично протестовалъ противъ распространенія принципа собственности на новыя категоріи предметовъ, напримѣръ, противъ узаконенія литературной собственности.

Обозрѣвъ все, что Луи Бланъ говоритъ о будущемъ общественномъ устройствѣ, мы убѣждаемся, что онъ стремится къ цѣли, которую преслѣдуютъ современные соціалисты. Эта цѣль состоитъ въ обобществленіи орудій производства, въ кооперативной организаціи труда и въ распредѣленіи продуктовъ между всѣми работниками на началахъ равенства. Отсюда послѣдуетъ уничтоженіе частнаго капитала, наслѣдства, процента, ренты, торговли, конкуренціи, отдѣльныхъ хозяйствъ, денегъ. Обобществленное производство будетъ регулироваться научно и по единому плану государствомъ, т. е. компетентными лицами, назначаемыми народомъ на должность управляющихъ національнымъ хозяйствомъ. Всѣ будутъ имѣть равный доступъ къ продуктамъ коллективнаго труда. Такимъ образомъ, демократическій принципъ, введенный сначала лишь въ политическія отношенія, распространяется затѣмъ на отношенія хозяйственныя; вся экономическая жизнь будетъ демократизирована и республиканизирована. Всѣ будутъ завѣдывать про-

---

[1]) *Organis du travail*, 298: Faites que tout individu qui se présente à la société pour la servir soit certain d'y tróuver le libre emploi de ses facultés et le moyen d'entrer en participation du capital collectif: la prévoyance paternelle est, dans ce cas, remplacée par la prévoyance sociale. Et c'est ce qui doit être. Pour l'enfant, la protection de la famille; la protection de la société pour l'homme!

изводствомъ и пользоваться его плодами. Соціальные классы, соціальныя привилегіи исчезнутъ. Не только бѣдность, но и всякое экономическое неравенство станетъ вещью невозможной: лица, которымъ народъ поручитъ завѣдываніе общественными службами, будутъ получать вознагражденіе не большее, чѣмъ самый скромный труженникъ [1]). Всѣмъ доступно будетъ одно и то же образованіе. Преступленія, поскольку они зависятъ отъ имущественнаго неравенства и соціальной неурядицы, исчезнутъ вмѣстѣ со своей причиной, поскольку же они прямо не связаны съ экономическими причинами, будутъ разсматриваться, какъ болѣзненныя выходки людей, нуждающихся въ лѣченіи и уходѣ, а не въ карахъ. Трудъ станетъ привлекательнымъ, вражда между націями прекратится, войны станутъ вещью невозможной: и всѣ народы сольются въ одну мирную трудовую семью и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, Луи Бланъ изображаетъ будущее общество совершенно такъ, какъ это дѣлаетъ современная соціалъ-демократія. Что онъ скорѣй коммунистъ, чѣмъ коллективистъ, это большого значенія не имѣетъ, такъ какъ и теперь многіе соціалисты видятъ въ коллективизмѣ лишь этапъ по пути къ полному коммунизму, къ той „регулярной анархіи“ (anarchie régulière), въ которой Бланки видѣлъ будущность человѣчества. Во всякомъ случаѣ, помимо этого пункта, нѣтъ никакого разногласія между Луи Бланомъ и современной соціалъ-демократіей относителъно Zukunftstaat'а, между тѣмъ какъ этого нельзя сказать о системахъ сенсимонистовъ, Фурье, Оуэна. Двѣ первыя системы не эгалитарны: сенсимонистская—не вполнѣ демократична и совсѣмъ не либеральна, фурьеристской чужда идея національзаціи всего производства. Что же касается до корпоративнаго коммунальнаго коммунизма Оуэна, то въ немъ есть ретроградныя черты, а именно враждебное отношеніе къ новѣйшему индустріализму и предоставленіе главной роли въ экономической жизни земледѣлію. Итакъ въ критикѣ существующаго экономическаго строя и въ изображе-

[1]) *La Révolution de février au Luxembourg*, въ *Questions*, V, 74—75.

ніи будущаго соціальнаго устройства соціализмъ Луи Блана совершенно совпадаетъ съ соціализмомъ современнымъ, отъ котораго отличается лишь менѣе подробнымъ, менѣе полнымъ развитіемъ основныхъ идей, да кое какими мелочами въ терминологіи [1]). Этими двумя сторонами своей доктрины Луи Бланъ сыгралъ полезную роль въ исторіи соціализма, содѣйствуя широкому распространенію нѣкоторыхъ основныхъ его положеній.

V.

Что касается до средствъ къ осуществленію соціалистическаго идеала, то въ этомъ вопросѣ несходства между идеями Луи Блана и идеями современнаго соціализма многочислены и значительны, хотя, можетъ быть, менѣе, чѣмъ это обыкновенно принято думать. Но и въ этомъ пунктѣ Луи Бланъ ближе къ рабочей партіи нашихъ дней, чѣмъ его предшественники: сенъ-симонисты, Оуэнъ, Фурье. Отъ этихъ такъ называемыхъ утопистовъ Луи Бланъ отличается, прежде всего, тѣмъ, что онъ *соціалъ-демократъ* въ первоначальномъ значеніи этого слова. Нѣмецкіе соціалисты назвали себя соціалъ-демократами, чтобы провести рубежъ между своей партіей и нѣкоторыми другими партіями, съ которыми ихъ прежде могли бы смѣшивать, каковы были, напр., буржуазные демократы 1848 г., съ одной стороны, и, съ другой, различныя группы съ соціально-реформаторскими тенденціями, но чуждыя пролетарскому и демократическому духу (консервативные соціалисты, ученики Родбертуса, христіанскіе соціалисты) [2]). Рабочій соціализмъ, прежде всего,

---

[1]) Такъ напр., во времена Луи Блана, слово *ассоціація* гораздо чаще употреблялось для обозначенія соціалистическаго строя, чѣмъ это дѣлается теперь. Въ этомъ смыслѣ оно употребляется и въ *Коммунистическомъ манифестѣ* (глава II-я, послѣднія строчки). Поэтому Луи Бланъ, какъ, впрочемъ, также Марксъ и Энгельсъ въ ту эпоху, требуетъ „уничтоженія пролетаріата“.

[2]) Въ настоящее время слово *соціалъ-демократъ* употребляется лишь въ германскихъ, да въ славянскихъ странахъ. Т. к., во время образованія русской соціалъ-демократической партіи, въ Россіи не существовало не-

демократиченъ и, чтобы тамъ ни говорили теперешніе ортодоксальные марксисты, является продолженіемъ великаго освободительнаго движенія, главными моментами котораго въ новѣйшей исторіи являются англійская революція въ XVII столѣтіи, основаніе Сѣверо-Американской республики и великая французская революція. Пролетаріатъ сталъ требовать своей эмансипаціи, потому что буржуазія подала ему примѣръ подобныхъ же требованій, достигшихъ, къ тому же своей цѣли. Кромѣ того, требованія, предъявленныя пролетаріатомъ,—съ неотразимой логичностью вытекаютъ изъ предпосылокъ требованій революціонной буржуазіи. Послѣдняя потребовала своей эмансипаціи во имя идеала всеобщаго равенства и братства и ссылаясь на то, что никакая кастовая привилегія, никакое соціальное неравенство не оправдывается, какъ она говорила, „разумомъ и природой". Но, если не должно быть привилегій, если всѣ члены общества должны пользоваться одинаковыми юридическими и политическими правами, должны быть равны передъ закономъ, то, прежде всего слѣдуетъ уничтожить имущественное неравенство, несовмѣстимое съ политической свободой и съ юридическимъ равноправіемъ: вотъ къ какому заключенію неминуемо приводятъ основные тезисы буржуазнаго либерализма. Не должно быть рабства, восклицала просвѣтительная философія XVIII столѣтія. Въ такомъ случаѣ, не должно быть бѣдности, не должно быть наемнаго труда, заключили соціалисты. Такова точка зрѣнія и Луи Блана. Онъ считаетъ возможнымъ полное политическое освобожденіе [1]) и равенство передъ закономъ только по введеніи равенства экономическаго; соціализмъ, по его мнѣнію, есть логическое слѣдствіе республики. Вотъ почему, полагая, что революція 1789 г. была лишь побѣдой буржуазіи, а не освобожденіемъ „народа", т. е. пролетаріата, видя въ режимѣ 1793 и 1794 годовъ результатъ кратковременной диктатуры этого пролетаріата, который,

---

демократическаго соціализма, то терминъ *соціалистъ-демократъ*, или, для вящшаго германизма, *соціалъ-демократъ*, могъ означать только то, что эта партія будетъ во всемъ копировать *нѣмецкихъ* соціалистовъ.

[1]) *La Révol. de février au Luxembourg*, 142—143.

благодаря необычайному стеченію обстоятельствъ, захватилъ въ свои руки политическую власть, но, вслѣдствіе своего тогдашняго невѣжества, вслѣдствіе своей полной неподготовленности къ такой роли, вслѣдствіе того, что защитники его интересовъ не имѣли, по большей части, никакой экономической программы, не руководились никакимъ планомъ соціальныхъ реформъ [1]), потерпѣлъ полную неудачу въ своей попыткѣ осуществить истинную демократію, Луи Бланъ, тѣмъ не менѣе, преклоняется предъ дѣломъ революціи: по его мнѣнію, она открыла намъ новые горизонты и оставила намъ въ наслѣдство сѣмена, которыя дадутъ пышные всходы, такъ какъ весь соціализмъ можетъ быть выведенъ изъ формулы: свобода, равенство и братство [2]). Если принципы, которыми руководилась революція въ своихъ преобразованіяхъ, справедливы, то они заранѣе оправдываютъ реформы соціалистическія. Если въ видахъ общественной пользы можно было экспропріировать церковныя имущества, то, на основаніи тѣже же соображеній, можно будетъ отмѣнить и другіе виды собственности [3]); если принципъ наслѣдованія не справедливъ въ политической области, то не слѣдуетъ ли отсюда съ логической неизбѣжностью, что должно быть уничтожено и право имущественнаго наслѣдства? Всѣ аргументы, направляемые противъ наслѣдственной передачи сана и должности, примѣняются и къ наслѣдственной передачѣ собственности [4]).

Устанавливая, такимъ образомъ, связь между соціализмомъ и освободительно-демократическимъ движеніемъ, выразившимся въ

---

[1]) *Penser et agir* въ *Questions*, V, 252—253. *Organis. du travail*, 9—10

[2]) Ibid. 252: La révolution française a été, depuis l'origine des âges connus, le plus grand fait de l'histoire; mais elle n'est pas toute l'histoire Elle a ouvert plutôt qu'embrassé de magnifiques horizons, et elle nous a laissé en héritage l'admirable formule: *Liberté*, *Egalité*, *Fraternité*, comme un domaine conquis, mais non ensemencé encore.

[3]) *Hist. de la Révolution française*, III, 285—292.

[4]) *Hist. de dix ans*, III, 34: Et, par exemple, ceux qui demandaient avec tant d'ardeur l'abolition de l'hérédité dans l'ordre politique avaient-ils compris qu'au nom des mêmes principes on leur demanderait un jour l'abolition de l'hérédité dans l'ordre social? Car quel argument employer contre la transmission des fonctions publiques, qui ne soit applicable à celle de la richesse?

французской революціи. Луи Бланъ отдаляется отъ великихъ утопистовъ первой половины XIX столѣтія. Сенъ-Симонъ и сенъсимонисты относились къ французской революціи скорѣй отрицательно и мечтали о политической системѣ, скопированной въ значительной степени съ организаціи римско-католической церкви. Фурье не придавалъ никакого значеніе политикѣ и политическимъ формамъ правленія и, такъ сказать, „не примѣтилъ“ французской революціи, пронесшейся передъ нимъ. Оуэнъ считалъ политическую агитацію и всеобщую подачу голосовъ ненужными для соціализма [1]), относился къ политическому радикализму враждебно и надѣялся осуществить свои планы при помощи монарховъ, въ томъ числѣ, при помощи русскаго Императора [2]). Луи Бланъ, наоборотъ,— политическій радикалъ и республиканецъ до мозга костей. Это сближаетъ его, съ одной стороны, съ бабувистами, съ другой стороны, съ современной соціалъ-демократіей. Но уже въ „Исторіи десяти лѣтъ“, изданной въ 1840 году онъ настаиваетъ на разницѣ между республиканцами буржуазными и республиканцами демократическими, т. е. соціалистическими [3]). Первые видятъ въ республикѣ самодовлѣющую цѣль, они хотятъ лишь извѣстной соціальной *формы*, не считая возможнымъ или желательнымъ преобразованіе соціальнаго строя (потому Луи Бланъ называетъ ихъ иногда республиканцами *формалистами*); для вторыхъ политическая реформа, республиканскій образъ правленія,—лишь *средство* въ виду *соціальной революціи*. Послѣдняя невозможна пока революціонеры не завладѣютъ *властью*, которая теперь противопоставляетъ имъ силу законодательныхъ учрежденій, судовъ и штыковъ Тотъ, кто не сдѣлаетъ изъ власти своего *орудія*, натолкнется на нее, какъ на *препятствіе* [4]). Ненужно, слѣдовательно, терять

---

[1]) New Moral World, т. I, стр. 396 и т. IV, 329.

[2]) The Life of Robert Owen. written by himself (Londod, 1857), I, 182—188.

[3]) *Histoire de dix sans*, II, 255: les républicains démocrates, prenant pour devise l'abolition du prolétariat..., les républicains bourgeois...

[4]) *Organisation du travail*, 13: Le pouvoir, c'est la force organisée. Le pouvoir s'appuie sur des chambres, sur des tribunaux, sur des soldats, c'est à dire sur la triple puissance des lois, des arrêts et des baïonnettes. Ne pas le prendre pour instrument, c'est le rencontrer comme obstacle.

изъ виду ни цѣли, ни средства. Ограничиться лишь перемѣной формы правленія, значитъ оставить народъ въ прежнемъ рабствѣ; республика сама по себѣ такъ же совмѣстима съ угнетеніемъ народа, какъ и монархія. Поэтому намъ нужна не республика просто, а республика демократическая и соціальная [1]). Но для того, чтобы осуществился соціализмъ, необходимо свергнуть политическій деспотизмъ во всѣхъ его видахъ, необходимо добиться всеобщей подачи голосовъ. Утверждая, что *соціальная революція* должна быть цѣлью, а политическая—*средствомъ*, Луи Бланъ кореннымъ образомъ расходится съ Прудономъ, говорившимъ, что въ политической революціи нужно видѣть цѣль, а въ соціальной—средство, но за то сходится съ большинствомъ современныхъ соціалистовъ. Въ этомъ вопросѣ онъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, что и классическій марксизмъ, заявляющій устами, напр., Жюля Гэда, что, по завоеваніи демократической формы правленія, рабочая партія пускаетъ въ ходъ не ружейные выстрѣлы, въ которыхъ болѣе не нуждается, а избирательные бюллетени. Поэтому Луи Бланъ такой же *легалистъ*, какимъ является Энгельсъ въ знаменитомъ предисловіи къ сочиненію Маркса о *Борьбѣ классовъ во Франціи*. Онъ не принципіальный противникъ употребленія силы въ политической и соціальной борьбѣ, какими были Робертъ Оуэнъ, Пьеръ Леру и др. Напротивъ, онъ думаетъ, что во многихъ случаяхъ вооруженная революція является правомъ и обязанностью народа [2]). Въ Люксембургской комиссіи онъ говорилъ рабочимъ, что имъ, можетъ быть, придется еще сдѣлаться воинами [3]), а въ 1850 году онъ напечаталъ письмо, въ которомъ, опредѣляя свою партію, партію „соціалистовъ революціонеровъ“, (socialistes revolutionnaires) онъ полемизируетъ какъ съ чистыми революціонерами, желающими разрушить современный политическій строй,

---

[1]) *La Révolution de février au Luxemb.*, 151.

[2]) *Questions*, V, 256: il est donc dans le droit du peudle, il est de son devoir de demander aux révolutions un accroissement de bien être.

[3]) *La Révolut. de février au Luxemb.* 149: sentiment d'ordre, fondés sur la volonté de rester fréres... et seulement, s'il le fallait, douleureuse nécessité, necessité bien comprise de devenir soldats,

но не имѣющими въ виду осуществить затѣмъ опредѣленный соціалистическій идеалъ, такъ и съ тѣми соціалистами, которые принципіально отказываются прибѣгать къ физической силѣ для освобожденія народа и надѣются лишь на силу идей. Одни только соціалисты—истинные революціонеры, такъ какъ одни они хотятъ революціи не только въ политической области, но и въ самой структурѣ общества. Тѣ играютъ въ руку реакціонерамъ, тѣ не соціалисты, которые всегда и систематически удерживаютъ народъ отъ революціоннаго дѣйствія и проповѣдуетъ ему терпѣніе и спокойствіе во чтобы то ни стало. Настанетъ время, когда привилегированные классы будутъ обезоружены, тогда жертвы и мученики не будутъ нужны. Но это время еще не пришло, героизмъ и самопожертвованіе еще не безполезны, необходимы еще не только мыслители, но и подвижники, и рыцари. Нужно быть соціалистомъ-революціонеромъ, или не быть [1]). Такъ писалъ Луи Бланъ въ 1850 году, когда республика становилась все болѣе ретроградной, прежде чѣмъ быть конфискованной декабрьскимъ узурпаторомъ. Но онъ не одобрялъ вооруженнаго возстанія при истинно демократическомъ политическомъ строѣ. Въ противоположность нѣкоторымъ заговорщикамъ-

---

[1]) *Penser et agir* въ *Questions*, V, 215. *Le parti socialiste-révolutionnaire*, Etre Socialiste, c'est vouloir la Revolution et dans le pouvoir et dans la Société. Les Socialistes sont donc les révolutionnaires par excellence, et même eux-seul méritent ce nom... Ceux qui ont peur des idées ont peur du *but*: ils ne sont pas révolutionnaires... Ceux qui proscrivent l'action se privent du moyen: ils ne sont pas socialistes... стр. 253: Vous êtes Socialistes... en ce sens seulement, que c'est l'intelligence seule que vous appelez à affranchir le peuple: l'action vous fait peur... 255: le temps viendra sans doute où le désarmement définitif du privelège dispensera le courage de tout effort. Mais, de bonne foi, ce temps est-it venu? Le mal est-il à la veille de se rendre sans combat? 256: devrions nous rester jusqu'au bout dans le théorie du calme, coûte que coûte, de la patience quand même?. 258: Il est très vrai que la civilisation, en se développant, diminue la nécessité des sacrifices illustres... Mais le progrès n'en est pas encore au point de pouvoir se passer du sacrifice. Respect aux courageux et aux dévoués. En résumé, le parti de l'avenir ne saurait être ni un parti exclusivement militant, ni un parti purement contemplatif. Le moment est venu où il faut être socialiste-révolutionnarie, sous peine de n'être pas. Economistes et chevaliers hommes d'action et penseurs, tous ont à marcher en avant, groupés sous la même bannière.

бунтарямъ того времени, онъ не вѣрилъ въ прочность революціонной диктатуры, учрежденной помимо согласія большинства націи. А воля большинства выражается всеобщей подачей голосовъ; поэтому въ истинно демократическомъ государствѣ соціалисты должны ждать торжества своихъ идей отъ привлеченія избирательнаго большинства на свою сторону. Завоевавъ это большинство, соціалисты овладѣютъ государствомъ и направятъ его дѣятельность на защиту бѣдныхъ классовъ отъ угнетенія. Впослѣдствіи, съ исчезновеніемъ классовъ, сильное и дѣятельное правительство, то, что теперь называютъ государствомъ, перестанетъ быть нужнымъ. А пока вмѣшательство власти (демократической) въ соціальную жизнь необходимо. Такимъ образомъ, лишь политика можетъ оплодотворить соціализмъ [1]).

Всѣ изложенныя нами до сихъ поръ мнѣнія Луи Блана настолько же отдаляютъ его отъ сенъ-симонизма, оуэнизма, фурьеризма, настолько приближаютъ къ новѣйшей соціалъ-демократіи, фактически (если не всегда на словахъ) старающейся достигнуть своихъ цѣлей, путемъ борьбы за обладаніе политической властью, при чемъ всеобщая подача голосовъ является главнымъ орудіемъ этой борьбы [2]).

За то всякому бросается въ глаза различіе между луиблановскимъ соціализмомъ и современнымъ во взглядѣ на борьбу классовъ. Луи Бланъ, какъ громадное большинство соціалистовъ первой половины девятнадцатаго столѣтія, возлагаетъ свои надежды не на

---

[1]) *Organis. du Travail*, 20: le socialisme ne saurait être fécondé que par le souffle de la politique.

[2]) Мы говоримъ здѣсь о такъ сказать оффиціальныхъ тенденціяхъ европейскихъ соціалистическихъ партій, какими послѣднія были до сихъ поръ, и оставляемъ въ сторонѣ различныя новѣйшія теченія, начинающія измѣнять физіономію соціалъ-демократіи, какъ напр. французскій революціонный синдикализмъ, опирающійся на Маркса, но, въ сущности, продолжающій Бакунина и Прудона (замѣтимъ, что Жоржъ Сорель, называющій себя марксистомъ, воспитался на Прудонѣ, котораго и теперь постоянно цитируетъ). Справедливы ли или нѣтъ различныя новыя теоріи, (въ родѣ того, напр., что соціализмъ есть прямая противоположность демократіи), во всякомъ случаѣ, онѣ были чужды *оффиціальной* литературѣ соціалистическихъ партій послѣдней трети девятнадцатаго столѣтія.

борьбу классовъ, а на сотрудничество классовъ. Въ безчисленныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ заклинаетъ правящіе классы, т. е. буржуазію, отказаться отъ своего классоваго эгоизма, вникнуть въ требованіе пролетаріата и помочь послѣднему пересоздать общественный строй въ духѣ экономической справедливости. Этимъ своимъ призывомъ къ сотрудничеству классовъ въ дѣлѣ соціальной реорганизаціи Луи Бланъ, повидимому, безконечно отдѣляется отъ современныхъ соціалистовъ, сдѣлавшихъ изъ призыва къ борьбѣ классовъ *шиболетъ* своей партіи и присоединяется къ идеологамъ утопическаго соціализма. Но тотъ, кто внимательно разсмотритъ отношеніе Луи Блана къ этому вопросу, увидитъ, что оно не совсѣмъ тождественно съ отношеніемъ оуэнистовъ, сенъ-симонистовъ, фурьеристовъ и т. п. Эти реформаторы дѣйствительно ждали осуществленія своихъ плановъ отъ филантропической иниціативы отдѣльныхъ лицъ и пренебрегали политической борьбой, Луи Бланъ же, проповѣдуя политическую борьбу для достиженія экономическихъ цѣлей, волей-неволей и на дѣлѣ, если не на словахъ, призывалъ пролетаріатъ къ классовой борьбѣ. Какъ мы видѣли, Луи Бланъ констатировалъ существованіе борьбы классовъ въ современномъ обществѣ, за что и подвергся нападеніямъ со стороны буржуазныхъ демократовъ [1].... На ихъ протесты Луи Бланъ отвѣчалъ, какъ отвѣчаютъ часто и временные соціалисты, что не его вина, если общество раздѣлено на два враждующихъ лагеря, на классъ имущихъ и классъ неимущихъ, и что нужно именно стремиться къ тому, чтобы классы исчезли. Осуществите соціальную справедливость, если вы желаете, чтобы исчезла великая партія нищеты [2]!

---

[1]) Naguère dans une assemblée nombreuse, un orateur bien connu nous reprochait d'avoir crée une distinction pleine de périls entre la bourgeoisie et le peuple. Cette distinction nous ne l'avons pas crée. mais constatée et constatée précisément pour qu'on s'étudie à la faire disparaître. *Discours politiques*, стр. 6 (рѣчь на дижонскомъ банкетѣ въ 1847 г.).

[2]) *Ibid.* стр. 14. ce qui existe et ce qu'il faut empêcher d'exister, c'est un grand parti, citoyens, c'est un parti frémissant, c'est un parti généreux, mais dont il est grand temps de récompenser la générosité, surtout quand la récompense serait ici la justice, c'est le grand et lamentable parti de la misère.

Хотя Луи Бланъ и обращался къ добрымъ чувствамъ буржуазіи, но въ душѣ онъ не могъ не сознавать, что его идеи восторжествуютъ лишь путемъ борьбы классовъ. Въ царствованіе Луи-Филиппа, онъ требовалъ всеобщей подачи голосовъ именно на томъ основаніи, что депутаты, избранные буржуазіей только ея интересы и защищаютъ, и рѣшительно отвергалъ мнѣніе, будто они представляютъ интересы всей націи. Перечисляя вопросы, рѣшеніе которыхъ наиболѣе важно для бѣднаго класса, онъ указываетъ на то, что избранные при системѣ ценза депутаты не только не рѣшили ихъ, но и не хотѣли рѣшать, встрѣчая гнѣвнымъ ропотомъ всякое о нихъ напоминаніе [1]). Могъ ли Луи Бланъ серьезно надѣяться, что при всеобщей подачѣ голосовъ представители этой самой буржуазіи вдругъ отрекутся отъ своихъ классовыхъ интересовъ? Очевидно нѣтъ; съ ранней молодости погрузившись съ головой въ политику, Луи Бланъ не могъ смотрѣть на государственныя дѣла съ наивностью Оуэна или Фурье. Къ тому же, озлобленіе, съ которымъ буржуазія отнеслась къ его теоріямъ, враждебность къ нимъ группы National'я достаточно ясно показывали, что капиталистическій классъ нисколько не намѣренъ покончить съ собой самоубійствомъ. Вѣдь самъ Луи Бланъ

---

[1]) *Questions d'aujourd'hui et de demain*, I, 219—220 „Qu'importe que la bourgeoisie paraisse seule sur la scène politique? Ne touche-t-elle pas à la classe supérieure par en haut et à la classe inférieure par en bas? Ses intérêts sont donc ceux de la société tout entière, qui, par elle, se trouve complètement représentée".

Ah, vraiment! Eh bien, passons rapidement en revue les questions dont la solution intéresse l'immence classe des cultivateurs et ouvriers.

Comment arriver, par une meilleure organisation du travail, à une plus équitable répartition des fruits du travail? Comment fournir à celui qui entre tout nu dans la vie les instruments dont il a besoin pour développer son intelligence et ses diverses facultés?..... Qu' imaginer pour qu'il y ait vraiment liberté de transactions entre le travailleur qui stipule pour ne pas mourir de faim et le capitaliste qui stipule pour gagner?. . . . . etc. etc.

Ces questions sont difficiles. Soit. Mais je ne demande pas si nos législateurs censitaires les avaient résolues, je demande s'ils avaient eu seulement *la volonté* de les résoudre;. .. si, lorsqu'elles leur étaient soumises par quelque ami du peuple, ils ne répondaient pas par de violents murmures.

въ *Исторіи десяти лѣтъ* замѣчаетъ, что буржуазія не могла принять сенъ-симонистскія теоріи, такъ какъ это значило бы провозгласить свое собственное низложеніе [1]). Тѣмъ менѣе могла бы буржуазія принять луиблановскія теоріи, ведущія, какъ мы это видѣли, къ полному коммунизму. И Луи Бланъ и не могъ этого не понимать. Почему же онъ умоляетъ буржуазію поддержать его проекты? По нашему мнѣнію, онъ руководится здѣсь чисто тактическими соображеніями. Онъ предвидитъ громадное сопротивленіе со стороны правящихъ классовъ и надѣется ослабить его привлеченіемъ части буржуазной интеллигенціи на свою сторону. Онъ считаетъ невыгоднымъ заранѣе заявлять, что буржуазія будетъ видѣть въ стремящемся къ своему освобожденію пролетаріатѣ лишь врага. Рабочій классъ кажется ему не достаточно сильнымъ политически, чтобы повести борьбу съ экономической тираннiей совершенно самостоятельно и на собственный страхъ, не прибѣгая къ союзникамъ. Съ другой стороны, событія великой французской революціи показывали Луи Блану, какъ полезны бываютъ освобождающимся классамъ перебѣжчики изъ классовъ, господство которыхъ клонится къ концу.

Несмотря на призывъ къ сотрудничеству классовъ, рабочіе, находившіеся подъ вліяніемъ Луи Блана, поняли послѣ февральской революціи, что наступила эпоха борьбы ихъ класса съ буржуазіей за политическое господство. Поэтому они рѣшили предложить парижскимъ избирателямъ списокъ кандидатовъ на депутатскую должность, въ которомъ 25 мѣстъ изъ 34-хъ было удѣлено простымъ рабочимъ. Луи Бланъ посовѣтовалъ люксембургскимъ делегатамъ ограничиться двадцатью чисто рабочими кандидатурами и дополнить списокъ 14-ю именами интеллигентовъ, преданныхъ интересамъ рабочаго сословія. Такъ и было сдѣлано, но въ число этихъ четырнадцати кандидатовъ-интелли-

---

[1]) *Hist. de dix ans*, III, 340; Quant aux idées des saint-simoniens sur la réhabilitation du principe d'autorité, sur le crédit de l'État, sur l'abolition du prolétariat... la borgeoisie ne pouvait admettre de pareils systèmes sans prononcer sa propre déchéance.

гентовъ попали исключительно одни только соціалисты, что и повело, по мнѣнію Луи Блана, къ тому, что списокъ не прошелъ на послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ [1]). Этотъ эпизодъ показываетъ, что политическое обособленіе классовъ съ логической неизбѣжностью вытекало изъ общественныхъ стремленій рабочихъ, распропагандированныхъ тогдашними соціалистами и, главнымъ образомъ, Луи Бланомъ. Идея классовой политической кандидатуры тотчасъ же и сама собой зародилась въ умѣ рабочихъ. Если бы какъ того желалъ Луи Бланъ, республика 1848 года прочно утвердилась и ея учрежденія стали функціонировать нормально, то классовое сознаніе стало бы неминуемо развиваться у рабочихъ, несмотря на всѣ призывы къ сотрудничеству классовъ. Какъ замѣчаетъ Энгельсъ, республиканскій режимъ представляетъ то преимущество передъ прочими политическими формами, что при немъ классовый антагонизмъ обнаруживается въ чистомъ видѣ, не будучи тамъ ничѣмъ замаскированъ. Поэтому поведеніе республиканскаго правительства и политическихъ партій, при нормальной парламентской жизни, скоро показало бы рабочимъ, что имъ нечего ждать отъ буржуазныхъ радикаловъ. Несмотря на свои заявленія о томъ, что онъ имѣетъ въ виду интересы всѣхъ классовъ, Луи Бланъ не скрывалъ того, что онъ и Альберъ представляли во временномъ правительствѣ болѣе спеціальнымъ образомъ интересы пролетаріата [2]); рабочіе скоро поняли бы, что они должны посылать въ парламентъ только такихъ представителей, которые обѣщаютъ защищать чисто соціалистическую программу. Вслѣдствіе враждебности, которой она была бы встрѣчена со стороны буржуазныхъ партій, соціалистическая партія вскорѣ рѣзко обособилась бы отъ другихъ и, волей неволей, стала бы на почву борьбы классовъ, сдѣлалась бы похожей на теперешнія соціалистическія партіи. Но политическія событія прервали эту эволюцію въ самомъ ея началѣ. Послѣдствіемъ іюньскихъ дней, кровавымъ заревомъ освѣтившихъ

---

[1]) *Hist. de la Révol. de 1848*, II, 56—61.

[2]) *Ibid*. II стр. 71: Albert et moi, c'est à dire les deux qui représentaieint d'une manière plus spéciale la cause du prolétariat.

бездну, отдѣляющую интересы пролетаріата отъ интересовъ буржуазіи, былъ полный разгромъ зарождавшейся соціалистической партіи. Наступила политическая реакція; республика, управляемая собраніемъ болѣе чѣмъ на половину монархистскимъ, вскорѣ выродилась въ военную диктатуру. Такъ какъ поборникамъ прогресса приходилось дружнымъ усиліемъ спасать отъ грозной ретроградной коалиціи элементарныя условія свободной политической жизни, то соціалистамъ было трудно стать на почву чисто классовой борьбы противъ всего буржуазнаго блока. Тогда, какъ и впослѣдствіи сохраненіе республиканской формы правленія, было для французскихъ соціалистовъ вопросомъ совершенно первостепенной важности. Если въ нѣкоторыхъ странахъ монархическій институтъ не является особенно важнымъ препятствіемъ прогрессу, то не такъ обстоитъ дѣло во Франціи, гдѣ монархическія партіи ретроградны рѣшительно во всѣхъ общественныхъ вопросахъ и неуклонно тяготѣютъ или къ военному цезаризму или къ католической теократіи; отстаивать республику во Франціи значитъ просто отстаивать новѣйшую культуру отъ всяческаго варварства. Вотъ почему, до самаго послѣдняго времени, французскіе соціалисты постоянно были принуждены поддерживать буржуазныхъ республиканцевъ въ ихъ борьбѣ съ церковноказарменной реакціей, мечтающей объ уничтоженіи свѣтскаго народнаго просвѣщенія, элементарныхъ гражданскихъ свободъ, о возвращеніи къ дореволюціоннымъ или наполеоновскимъ порядкамъ, и при этомъ болѣе или менѣе поступаться своимъ классовымъ ригоризмомъ: во Франціи соціалисты особенно дорожатъ республикой, потому что чувствуютъ, что при монархіи ихъ партія не пользовалась бы никакими гарантіями свободнаго развитія, такъ сильны у французскихъ такъ называемыхъ „*консерваторовъ*“ цезаріанскія традиціи и культъ „ежовыхъ рукавицъ“ (le gouvernement à poigne). Въ эпохи реакціи эта необходимость быть прежде всего республиканцами часто мѣшала французскимъ соціалистамъ рѣшительно стать на классовую почву. Такъ произошло и во время реакціи 1848 и 1849 годовъ. Немногіе оставшіеся на свободѣ во-

жаки соціалистической партіи сочли необходимымъ присоединиться къ наиболѣе передовымъ буржуазнымъ республиканцамъ и почти смѣшаться съ ними. Рядовые же соціалистической арміи, т. е. простые рабочіе, въ которыхъ сильнѣе говорилъ аффектъ и которые менѣе руководились тактическими соображеніями, съ трудомъ соглашались слѣдовать въ этомъ за своими вождями. 2 декабря 1851 г. большинство парижскаго пролетаріата отказалось защищать отъ Луи-Наполеона буржуазную республику. Жюль Валлесъ разсказываетъ со словъ очевидцевъ, съ какой враждой въ тюрьмахъ имперіи инсургенты іюньскихъ дней 1848 года относились къ своимъ со-узникамъ, радикаламъ, поплатившимся свободой за попытку мятежа 19 іюня 1849 года; заключенные революціонеры дѣлились на друзей „соціалки“ (la Sociale) и на друзей Маріанны, т. е. на соціалистовъ и на буржуазныхъ республиканцевъ. Тѣмъ не менѣе, политическая реакція сдѣлала свое дѣло и помѣшала тому, что неминуемо произошло бы при мирномъ функціонированіи республиканскихъ учрежденій, а именно образованію классовой соціалистической партіи съ программой рѣзко отдѣлившей бы ее отъ всѣхъ буржуазныхъ партій. Само разочарованіе, вызванное у рабочихъ неудачами ихъ защитниковъ, повело бы къ созданію такой партіи и въ этомъ случаѣ, рядовые соціализма увлекли бы за собой своихъ вождей.

Въ идеяхъ Луи Блана я не вижу ничего, что должно было бы ему не позволить быть постепенно увлеченнымъ самой борьбой съ парламентскими представителями буржуазіи на ту почву, на которой стоятъ современные соціалисты. Рано или поздно Луи Блану пришлось бы опереться исключительно на избирателей-пролетаріевъ и постараться осуществить съ *ихъ* помощью и *противъ* буржуазіи свои планы. Такимъ образомъ, Луи Блану пришлось бы ждать наступленія диктатуры пролетаріата. Конечно, какъ убѣжденный демократъ, Луи Бланъ не могъ желать этой диктатуры въ видѣ захвата власти небольшой группой людей, считающихъ себя представителями пролетаріата. Но если подъ диктатурой пролетаріата понимать политическое господство работниковъ, т. е. истиннаго большинства

населенія, то Луи Бланъ конечно желалъ такой *диктатуры*. Когда Прудонъ говоритъ, полемизируя съ Луи Бланомъ, что рабочіе не предоставятъ послѣднему инниціативы реформъ, но станутъ сами править страной, сдѣлавъ изъ соціалистическаго правительства свое *орудіе*, Луи Бланъ отвѣчаетъ: „мы не только этого не боимся, мы именно этого самаго и хотимъ! Мы хотимъ, чтобы правилъ *народъ*". (какъ уже сказано, подъ словомъ *народъ* Луи Бланъ разумѣетъ пролетаріевъ, или, какъ онъ выражается, „тѣхъ, которые, не имѣя никакой собственности, находятся въ полной зависимости отъ работодателя"). Если мы совѣтуемъ рабочимъ вступать въ ассоціаціи, а ассоціаціямъ соединяться въ одно цѣлое, то именно потому, что желаемъ, чтобы рабочіе взяли свои дѣла въ собственныя руки и обратили государство въ своего служителя... Вы, рабочіе, будете вскорѣ настоящимъ властелиномъ!" [1]). А делегатамъ, представлявшимъ пролетаріатъ въ люксембургской комиссіи, онъ говоритъ: „Объединяйтесь! Въ единеніи ваше спасеніе; пока вы будете разъединены, ваше угнетеніе не прекратится. Одинъ изъ нашихъ великихъ революціонеровъ (Дантонъ) говорилъ, стараясь спасти нашу первую революцію, не принесшую всѣхъ своихъ плодовъ: „нужна смѣлость, смѣлость и смѣлость!" А я вамъ скажу: „тайна освобожденія пролетаріата состоитъ въ единеніи, единеніи и единеніи!" [2]). Этотъ совѣтъ пролетаріямъ *объединяться* невольно наводитъ на умъ заключительный кличъ вышедшаго за нѣсколько мѣсяцевъ передъ

[1]) Cette menace de voir le Peuple gouverner, nous l'acceptons, nous, comme une espérance. Le Peuple gouvernera? Mais c'est bien ainsi que nous l'entendons! Lorsque nous poussons si vivement les ouvriers à s'associer et les associations à s'entendre, quel est donc notre but, sinon d'amener le Peuple à avoir toujours l'oeil et la main à ses propres affaires? sinon de préparer l'avénement de l'État serviteur? Nous redoutons peu cette multitude qu'on annonce comme devant être *désorganisée*... travailleurs qui serez bientôt le vrai souverain! .. *Hist. de la Révol. de 1848*, II, 255.

[2]) *La révolut. de février au Luxembourg*, 148—149: c'est cet intérêt personnel que je vous recommande, particulièrement à vous, hommes du peuple; car, plus que tous les autres, vous avez besoin de rester unis. La division, soyez-en assurés, ce sera votre ruine, ce sera la continuation de votre oppression. Un de nos grands révolutionnaires disait, pour sauver notre première révolution qui n'avait pas porté tous ses fruits: «De l'audace, encore

тѣмъ, но оставшагося незамѣченнымъ *Манифеста коммунистической партіи.* Замѣтимъ, что и та мысль, что это объединеніе должно имѣть *интернаціональный* характеръ, не была чужда французскимъ соціалистическимъ школамъ, родственнымъ луиблановской [1]).

Знаменательно то обстоятельство, что Луи Бланъ никогда не говорилъ въ такомъ мятежномъ тонѣ, никогда такъ близко не подходилъ къ проповѣди борьбы классовъ, какъ въ этой рѣчи, гдѣ онъ призываетъ пролетаріевъ соединяться, послѣдней рѣчи, произнесенной передъ люксембургскими делегатами 29 апрѣля 1848 г. Тамъ онъ называетъ себя неумолимымъ защитникомъ бѣдныхъ *противъ* богатыхъ, слабыхъ *противъ* сильныхъ, страждущихъ *противъ* наслаждающихся; тамъ онъ говоритъ о своей ганнибаловой клятвѣ никогда не примиряться съ существующимъ строемъ; тамъ же, цитируя сонетъ Кампанеллы, della la plebe, сонетъ, въ которомъ говорится, что, хотя все находящееся подъ небомъ принадлежитъ народу, но онъ этого не знаетъ и топчетъ ногами того, кто ему это объясняетъ [2]), Луи Бланъ

---

de l'audace, toujours de l'audace!» Eh bien! A vous, hommes du peuple, je vous dis: „Le secret de la Révolution à maintenir á sauver, à faire aboutir à l'abolition du prolétariat, à l'affranchissement du peuple, c'est l'union, encore l'union, toujours l'union.

Si vous unissez,.... le peuple sera sauvé.

[1]) Сотрудникъ Луи-Блана въ люксембургской коммиссіи, Пекеръ, еще въ тридцатыхъ годахъ писалъ о рабочей организаціи, которая должна перешагнуть черезъ границы, въ видѣ „новаго франмасонства“ (dépassant les frontières.... la nouvelle et la seule franc-maçonnerie du travail. *Des intérêts du commerce,* par Constantin Pecqueur, т. II, стр. 126—130).

А въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ Флора Тристанъ проповѣдывала созданіе рабочаго союза, въ которомъ должны были объединиться рабочіе обоихъ половъ и всѣхъ странъ земли;

L' *Union ouvrière,* procédant au nom de l'*unité universelle,* ne doit faire *aucune distinction* entre les nationaux et les ouvriers et ouvrières appartenant à n'importe quelle nation de la terre.

[2]) Вотъ этотъ замѣчательный сонетъ;

Il popolo è una bestia varia e grossa,
Ch' ignora le sue forze; e però stassi
A pesi e botte di legni e di sassi,
Guidato da un fanciul che non ha possa,

указываетъ на то, какъ непохожъ теперешній народъ на народъ временъ великаго и героическаго предшественника соціализма: „теперешній народъ настолько просвѣщенъ, что не станетъ убивать тѣхъ, которые ему говорятъ, что ему принадлежитъ все находящееся подъ небомъ! Я предалъ анаѳемѣ тираннію богатства, тираннію привилегированныхъ классовъ; это не помѣшало мнѣ получить 122 тысячи голосовъ въ столицѣ цивилизованнаго міра... Знайте, вы будете не только могущественны, не только богаты, но вы будете царями“; тамъ же наконецъ находится фраза, послужившая главнымъ пунктомъ юридическаго обвиненія противъ Луи Блана: „вамъ, можетъ быть, еще придется сознательно стать воинами“ и слѣдующая столь же боевая тирада: „то, что называютъ свободой, я называю тиранніей; въ промышленной жизни слово свобода, какъ его понимаютъ экономисты старой школы, это—свобода конституціонной хартіи. Ее называли хартіей-истиной; февральская революція доказала, что хартія-истина была ложью. Дай

Ch'egli potria disfar con una scossa:
Ma lo teme, e lo serve a tutti spassi,
Nè sa quanto è temuto, chè i bombassi
Fanno un incanto, che i sensi gl'ingrossa.
Cosa stupenda! E' s' appicca e imprigiona
Con le man proprie, e si dà morte e guerra
Per un carlin di quanti egli al re dona.
Tutto é suo quanto stà fra cielo e terra:
Ma no' l, conosce; e se qualche persona
Di ciò l'avvisa, e' l'uccide ed atterra.

Opera di Tommaso Campanella... scelte da Alessandro Ancona Torino, 1854 стр. 79) т. е.: «Народъ—пестрое и громадное животное, не знающее своихъ силъ. поэтому онъ носитъ тяжести вязанки дровъ и каменья, управляемый безсильнымъ ребенкомъ, котораго онъ могъ бы сбросить однимъ сотрясеніемъ, но онъ боится этого ребенка и служитъ всѣмъ его прихотямъ и не знаетъ, какъ сильно боятся его самого, народа, не знаетъ потому, что обманщики околдовываютъ его зельемъ, которое притупляетъ его чувства. Поразительная вещь! Онъ собственными руками вѣшаетъ себя и запираетъ себя въ тюрьму; онъ идетъ на смерть и на войну за одинъ изъ тѣхъ грошей, которые самъ даетъ королю. Все принадлежитъ ему, что существуетъ между небомъ и землей; но онъ этого не вѣдаетъ и если кто-нибудь предупреждаетъ его объ этомъ, то отъ убиваетъ и повергаетъ на землю этого человѣка“.

Богъ, чтобы новая революція не взялась доказать, что и промышленная свобода, о которой намъ говорятъ, есть ложь, пустое слово, съ помощью котораго обманываютъ и угнетаютъ народъ!“ [1]).

Почему въ этой рѣчи Луи Бланъ заговорилъ такимъ воинственнымъ тономъ? Потому, что его планы соціальныхъ реформъ натолкнулись на непреоборимое сопротивленіе со стороны буржуазіи. День 16 апрѣля обнаружилъ ея реакціонныя стремленія; бездна, раздѣлявшая буржуазныхъ республиканцевъ отъ соціалистическихъ, расширилась при злобныхъ крикахъ національной гвардіи: смерть коммунистамъ! Наконецъ, законодательные выборы показали силу консервативныхъ партій. Борьба обострялась, страсти разгорались, тонъ представителей различныхъ партій становился болѣе энергичнымъ, рѣзкимъ, подчасъ грознымъ, по мѣрѣ того какъ въ народныхъ массахъ стало развиваться и укрѣпляться сознаніе классоваго антагонизма. Вотъ почему намъ кажется, что, несмотря на подслащенныя фразы о солидарности всѣхъ интересовъ и о желанномъ сотрудничествѣ классовъ на поприщѣ соціальныхъ реформъ, нормальный ходъ политической жизни поставилъ бы французскихъ соціалистовъ 1848 года на классовую почву, заставилъ бы ихъ бороться съ буржуазіей такимъ же образомъ, какимъ съ ней борются современныя соціалистическія партіи, т. е. легальной агитаціей, парламентской дѣятельностью и профессіо-

---

[1]) *La Révol. de février au Luxembourg*, 144: „Il y a, dans le dix-neuvième siécle un homme qui a crié anathème á la richesse, anathéme à la tyrannie du privilège, anathéme á toutes les tyrannies; et cet homme, dans la capitale du monde civilisé, a obtenu cent-vingt-deux mille voix... Стр. 145. Je ne crois pas que le peuple aujourd'hui soit assez peu éclairé pour terrasser et pour tuer ceux qui lui disent: Tout ce qui est entre la terre et le ciel est á vous! Sachez le donc, vous serez non seulement puissants, non seulement riches, mais rois! Стр. 149. et seulement, s'il le fallait, douloureuse nécessité, nécessité bien comprise de devenir soldats. Стр. 147. Ce qu' on appelle liberté, je l'appelle tyrannie; et dans l'ordre industriel, le mot liberté, entendu comme l'entendent les vieux économistes, c'est la liberté de la charte constitutionnelle! La charte-vérité! avait-on dit. il s'est trouvé que la charte-vérite était un mensonge, la Révolution de février l'a prouvé. Dieu veuille qu'une révolution future ne vienne pas prouver que la liberté industrielle dont on nous parle, est aussi un mensonge, un mot vain au moyen duquel on trompe le peuple, on l'opprime.

нальной корпоративной организаціей. Къ сотрудничеству же классовъ соціалисты стали бы прибѣгать лишь въ опредѣленныхъ случаяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно дѣйствительно необходимо и полезно соціалистамъ, когда къ нему прибѣгаетъ и современная соціалъ-демократія, которая, несмотря на весь ригоризмъ своихъ теоретическихъ заявленій, участвуетъ же, въ концѣ концовъ, въ буржуазной парламентской „стряпнѣ", участвуетъ въ выработкѣ соціальнаго законодательства и т. п. Если бы вокругъ Луи Блана могла сгруппироваться въ парламентѣ серьезная партія, которая одобрила бы его политико-соціальную программу, то эта партія должна была бы, въ общемъ, принять тактику, которой слѣдуетъ современная парламентская соціалъ-демократія, такъ какъ эта тактика, по необходимости и подъ давленіемъ обстоятельствъ, вытекла бы изъ самой партійной программы. Духъ этой партіи не отличался бы радикально отъ духа современныхъ соціалистическихъ парламентскихъ фракцій, въ особенности ихъ праваго крыла (Бернштейнъ, Фольмаръ, Турати, и т. п.). Но французскому соціализму не дано было мирно развиться, какъ это позднѣе посчастливилось нѣмецкому. Манифестація 15 мая и іюньское побоище уничтожили его, какъ политическую партію. Наступила военная диктатура сначала генерала Каваньяка, а затѣмъ Луи Бонапарта. Исчезли всѣ условія для нормальной жизни политическихъ партій: свобода прессы, собраній пропаганды, всѣ гарантіи индивидуальной свободы; республику замѣнилъ фактическій абсолютизмъ. Когда этотъ абсолютизмъ палъ, то произошло новое кровопусканіе: избіеніе коммунаровъ, снова остановившее развитіе соціализма во Франціи болѣе, чѣмъ на десятилѣтіе.

Итакъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что касается до проповѣди борьбы классовъ, нѣтъ *радикальной* противоположности между духомъ ученія Луи Блана и фактическимъ поведеніемъ современной соціалъ-демократіи (по крайней мѣрѣ, ея умѣренной части). Различіе кажется столь рѣзкимъ, отчасти вслѣдствіе несходства тогдашнихъ историческихъ условій съ теперешними, отчасти оттого, что *слова* маскируютъ здѣсь иногда сущность ве-

щей; соціалисты 1848 года не были *на дѣлѣ* столь кроткими христіанскими агнцами, какъ *на словахъ*, подобно тому, какъ теперешніе соціалъ-демократы часто не столь воинственны на практикѣ, какъ въ своихъ агитаціонныхъ рѣчахъ. Какъ замѣчаетъ одинъ французскій критикъ, если французскіе соціалисты поколѣнія Луи Блана, такъ часто говорили о мирѣ, христіанской любви, всеобщемъ братствѣ, порядкѣ и уваженіи къ закону, то это не помѣшало французскимъ пролетаріямъ неоднократно браться за оружіе, между тѣмъ какъ нѣмецкіе соціалъ-демократы только и говорятъ, что о борьбѣ, враждѣ, соціальной войнѣ, революціи, а между тѣмъ, нѣмецкіе соціалистическіе пролетаріи понынѣ ведутъ себя въ высшей степени благонравно и, какъ огня, боятся всякаго нарушенія легальности [1]).

Реакція, послѣдовавшая за 15 мая и іюньскимъ возстаніемъ, забросила Луи Блана въ Англію. Занятый, какъ и другіе французскіе политическіе эмигранты, преимущественно борьбой съ имперіей, живя въ странѣ существенно оппортюнистской и гдѣ въ то время не было никакого соціалистическаго движенія, онъ, хотя и оставаясь вѣрнымъ сущности своихъ соціальныхъ взглядовъ, сталъ настраиваться на все болѣе умѣренный, все менѣе революціонный ладъ, все слабѣе вѣря въ возможность близкаго соціальнаго переворота [2]) и если, съ одной стороны, онъ началъ увлекаться англійскимъ трэдъ-юніонизмомъ, борьбой англійскихъ же рабочихъ за фабричное законодательство, и т. п., то, съ другой стороны, потерялъ связь съ французкимъ соціализмомъ, священный огонь котораго сохранялся, главнымъ образомъ, по тюрьмамъ, да по каторгамъ имперіи, въ сердцахъ узниковъ, жертвъ

---

[1]) Въ Revue de Morale et de Métaphysique, 1905 года. Цитирую на память, не имѣя текста подъ рукой.

[2]) Раньше онъ думалъ, что соціализмъ восторжествуетъ до истеченія XIX вѣка: je sais que la marche du progres est lente... Et toutefois, il ya des symptomes auxquels il est permis de juger que le règne de l'égalité approche. Le dix-neuvième siécle ne s'éteindra pas sans avoir vu le triomphe du socialisme en France et peut-être dans la moitié de l'Europe. (Questions, V, 209).

политическихъ драмъ второй республики (іюньскихъ дней и 2 декабря 1851 г.). Когда выступило на сцену новое поколѣніе соціалистовъ, будущихъ коммунаровъ (въ послѣдніе годы имперіи), то Луи Бланъ не понималъ ихъ, тѣмъ болѣе, что они говорили, по большей части, на языкѣ его стариннаго противника, Прудона. Такимъ же образомъ, говорятъ, Чернышевскій, насильственно вырванный изъ русской общественной жизни, какъ Луи Бланъ изъ французской, также потерялъ связь съ своими единомышленниками и продолжателями и не сочувствовалъ, когда познакомился съ ними, движенію семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, вышедшему въ значительной степени изъ его же прежней пропаганды.

Соціалисты часто упрекали Луи Блана за его поведеніе во Временномъ правительствѣ, а именно за то, что, вмѣсто того, чтобы свергнуть своихъ буржуазныхъ товарищей, опираясь на парижскій пролетаріатъ, или, по крайней мѣрѣ, демонстративно подать въ отставку, онъ согласился отказаться отъ активной власти и принялъ чисто академическую должность предсѣдателя Люксембургской комиссіи. Справедливы ли эти упреки? Самъ Луи Бланъ краснорѣчиво отвѣчаетъ на нихъ въ шестнадцатой главѣ *Исторіи революціи 1848 года*. Какъ сказать съ увѣренностью, было ли въ данномъ случаѣ его поведеніе ложнымъ шагомъ или нѣтъ? Экспериментація невозможна въ исторіи; нельзя воскресить исчезнувшія условія и поступить при нихъ иначе, чѣмъ въ первый разъ. А если это такъ, то нельзя съ несомнѣнностью утверждать что, вслѣдствіе иного поведенія какого-нибудь историческаго дѣятеля, получились бы лучшіе историческіе результаты. Относительно подобныхъ вопросовъ можно дѣлать только шаткія догадки, разсуждая на основаніи темныхъ и неопредѣленныхъ данныхъ. Тѣ данныя, которыя намъ сообщаетъ исторія, не служатъ повидимому, къ осужденію Луи Блана. Въ самомъ дѣлѣ, когда буржуазное большинство Временнаго правительства рѣшилось такъ или иначе выбросить соціалистовъ изъ своей среды, что оставалось Луи Блану дѣлать?—Призвать къ себѣ на помощь парижское рабочее насе-

леніе и затѣять возстаніе?—Но онъ слишкомъ хорошо зналъ тогдашнюю Францію, зналъ, что половина парижскаго населенія и вся провинція пошла бы на революціонеровъ; его устрашила перспектива гражданской войны, междуусобицы, исходъ которой грозилъ гибелью республикѣ и свободнымъ учрежденіямъ.—Просто выйти въ отставку?—Но, если принять во вниманіе тогдашнее настроеніе рабочаго класса, то ясно, что такое рѣшеніе все равно вызвало бы возстаніе. И что оставалось дѣлать, выйдя въ отставку? Вести агитацію? Но какую?—Воинственную ли?—Это значило подстрекать къ гражданской уличной войнѣ, которой Луи Бланъ тогда, не безъ основанія, опасался.—Мирную?—Но Люксембургская коммиссія доставляла ему наиболѣе удобную трибуну для мирной пропаганды. Конечно, иллюзіей оказалась надежда, что Временнымъ правительствомъ или Національнымъ Собраніемъ произведены будутъ серьезныя соціальныя реформы. Но иллюзіей также была мысль нѣкоторыхъ тогдашнихъ революціонеровъ захватить власть уличнымъ мятежомъ, учредить соціалистическую диктатуру и, съ ея помощью произвести соціальную революцію, какъ пустой мечтой оказались всѣ надежды Маркса и Энгельса на полусоціальную, полудемократическую революцію въ Германіи посредствомъ союза пролетаріата съ радикальной частью буржуазіи. Если ошибся тогда Луи Бланъ, то не меньше, хотя и иначе ошиблись въ своихъ разсчетахъ и предвидѣніяхъ и „научные соціалисты“. Не будемъ бросать камнями ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Луи Блана отчасти оправдала исторія. Она показала, какъ незрѣла была еще Франція для пролетарской революціи. Въ этомъ былъ весь трагизмъ тогдашняго положенія. Соціалистическая идея стала уже воодушевлять значительную часть городского пролетаріата, между тѣмъ какъ громадному большинству населенія былъ чуждъ даже сознательно демократическій духъ, даже буржуазный либерализмъ, такъ какъ Франція была страной преимущественно земледѣльческой, съ слабо еще развитой индустріей, съ крайне невѣжественной крестьянской массой. Реакціонерамъ было, на кого опереться въ борьбѣ съ соціализмомъ и политическимъ радикализмомъ. Арміей, частью мелкой

буржуазіи и очнувшимися отъ остолбенѣнія, вызваннаго на первыхъ порахъ революціей, крестьянами, легко было подавить парижскій пролетаріатъ. Къ чему же могло привести рабочее возстаніе, если бы его затѣялъ Луи Бланъ? Къ тому, что парижскій пролетаріатъ, которому было суждено истечь кровью въ іюнѣ 1848 года, былъ бы раздавленъ нѣсколькими недѣлями или мѣсяцами раньше... Тотъ фактъ, что Франція покорно терпѣла затѣмъ въ теченіе двадцати лѣтъ деспотизмъ Наполеона III и что провинція въ 1871 году, пришла на помощь къ версальскому правительству въ его борьбѣ съ коммуной, показываетъ, какъ преждевременны были бы въ 1848 году всякія поползновенія осуществить диктатуру пролетаріата... И если теперь, послѣ столькихъ лѣтъ неимовѣрнаго роста капитализма, нигдѣ еще въ Европѣ соціалисты не привлекли большинства избирателей на свою сторону, нигдѣ еще въ Европѣ не происходитъ реорганизація общества на соціалистическихъ началахъ, то чего можно было ждать въ 1848 году отъ революціонной инициативы двухъ-трехъ членовъ французскаго временнаго правительства? Сѣмена соціализма были тогда только что брошены въ землю; начинавшіе показываться всходы не могли еще заглушить другихъ растеній; можно было, наоборотъ, бояться, чтобы послѣднія ихъ не заглушили. Поэтому не трудно понять опасенія и нерѣшительность Луи Блана, его оппортюнизмъ, который долженъ былъ потерпѣть неудачу: вѣдь, положеніе-то было безвыходное! Правъ былъ Верморель, когда наканунѣ паденія имперіи написалъ книгу противъ дѣятелей 1848 года: онъ боялся, чтобы эти выходцы съ того свѣта снова не завладѣли политической сценой послѣ сверженія Наполеона III и не испортили дѣла народнаго освобожденія своей старческой рутиной: послѣдующія событія показали, что эти опасенія были справедливы. Но не всегда были справедливы отзывы Вермореля о личностяхъ, которыхъ онъ старался не столько охарактеризовать объективно, сколько изобличить. Въ настоящее же время отдаленіе во времени позволяетъ намъ болѣе спокойно и объективно говорить, какъ о людяхъ 1848 года, такъ и о людяхъ 1871.

Но возвратимся къ нашей темѣ. Мы нашли, что даже въ вопросѣ о борьбѣ и сотрудничествѣ классовъ разница между точкой зрѣнія Луи Блана и точкой зрѣнія современной соціалъ-демократіи не такъ радикальна, какъ это кажется на первый взглядъ. Какъ Малонъ и его ученики говорятъ: „мы добиваемся торжества соціализма, а произойдетъ ли оно мирнымъ образомъ, или путемъ кровавой революціи, это будетъ зависѣть отъ поведенія буржуазіи“, тамъ и луиблановскій соціализмъ предполагаетъ, что всеобщая ассоціація осуществится или съ согласія привилегированнаго меньшинства, или, помимо этого согласія, рѣшеніемъ легальнаго большинства, рѣшеніемъ, которому меньшинство волей-неволей должно будетъ покориться.

Намъ кажется, что больше существенна разница между мѣрами, съ помощью которыхъ Луи Бланъ надѣялся преобразовать капиталистическое общество въ соціалистическое и мѣрами, предлагаемыми съ той же цѣлью современными соціалистами.

Что должна будетъ сдѣлать, по мнѣнію Луи Блана, соціалистическая демократія, когда она завоюетъ парламентское большинство?

Она постарается, во-первыхъ, провести рядъ мѣръ, которыя, въ своей совокупности, довольно близко совпадаютъ съ *программой-минимумъ* современныхъ соціалистическихъ партій Европы.

Будутъ націонализированы желѣзныя дороги, копи и рудники, каналы [1]).

Будетъ націонализированъ Французскій банкъ [2]).

Кромѣ того, будетъ произведена націонализація всѣхъ страховыхъ учрежденій; всѣ виды страхованій будутъ сосредоточены въ рукахъ государства, а страхованіе (страхованіе жизни, страхованіе отъ града, мороза, наводненій, падежа скота и т. п.) будетъ сдѣлано *обязательнымъ*. Соціализируя страхованіе, государство не платитъ страховымъ обществамъ *никакого вознагражденія* [3]). Всѣ косвенные налоги будутъ замѣнены *единымъ*

---

1) *La révol. de février au Luxembourg*, 89.
2) *Ibib.* 117—137.
3) *Ibid.* 109—116.

и *прогрессивнымъ* подоходнымъ налогомъ [1]). Наслѣдство по боковой линіи будетъ уничтожено, и цѣнности такимъ образомъ полученныя обществомъ будутъ объявлены неотчуждаемой общинной собственностью [2]).

Затѣмъ Луи Бланъ требовалъ учрежденія государственныхъ складовъ и магазиновъ, что должно было совершенно преобразовать торговлю въ духѣ благопріятномъ соціализму [3]), и совѣтуетъ организовать національныя пекарни и скотобойни [4]). Сокращенію рабочаго дня онъ не только сочувствовалъ, но и постарался осуществить его, насколько это было тогда возможно: едва сдѣлавшись членомъ временнаго правительства, онъ свелъ рабочій день на десять часовъ въ Парижѣ и на одиннадцать въ провинціи. Нѣтъ надобности говорить, что Луи Бланъ былъ сторонникомъ и другихъ соціально-политическихъ мѣропріятій, входящихъ въ настоящее время въ программу-минимумъ соціалистическихъ партій: полной свободы печати, ассоціаціи собраній, отдѣленія церкви отъ государства, уничтоженія смертной казни, уничтоженія какъ сената такъ и должности президента республики; онъ высказывался въ пользу коммунальной децентрализаціи, въ пользу замѣны постоянныхъ армій народной милиціей, въ пользу пропорціональнаго представительства [5]), въ соединеніи конечно, съ всеобщей подачей голосовъ, въ пользу юридическаго и политическаго равноправія женщины и мужчины (въ этомъ вопросѣ онъ раздѣлялъ взгляды Дж. Стюарта Милля). По своимъ мнѣніямъ относительно всѣхъ этихъ пунктовъ, Луи Бланъ не только принадлежалъ къ самымъ передовымъ демократамъ своего времени, но и теперь еще остается, такъ сказать, нашимъ современникомъ.

Что касается до осуществленія программы-максимумъ, состоявшей въ соціализаціи производства, то для достиженія этой цѣли

---

[1]) *Ibid.* 90 и *Catéch. des socialistes*, 224. impôt sur le revenu unique et progressif.

[2]) *Organis. du travail* (изд. 1848 г.) стр. 99.

[3]) *La Révol. du février au Luxemb.* 101 - 109.

[4]) *Ibid.* 134.

[5]) *Questions*, I, 239. De la représentation proportionnelle des minorités.

Луи Бланъ предлагалъ способы совершенно несходные съ тѣми, которые предлагаютъ современные соціалисты. Послѣдніе считаютъ необходимой экспропріацію класса капиталистовъ законодательнымъ или революціоннымъ путемъ. Не таковы планы Луи Блана. Эти планы онъ изложилъ подробно. Сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Благодаря радикальному преобразованію всей финансовой системы, благодаря національзаціи желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, копей, банка, страхованій, благодаря созданію коллективныхъ складовъ и магазиновъ для мелочной торговли, благодаря централизаціи кредита въ разныхъ государствахъ, послѣднее пріобрѣтаетъ громадныя средства, которыя можно назвать *бюджетомъ труда*: этотъ государственный капиталъ будетъ употребленъ на проведеніе соціальной реформы. Государство будетъ основывать кооперативныя мастерскія, давать субсидіи и дѣлать заказы рабочимъ профессіональнымъ ассоціаціямъ, всячески поддерживая ихъ, но подчиняя ихъ единообразнымъ правиламъ. Въ силу этихъ правилъ, ассоціаціи должны будутъ обязательно солидаризироваться между собой, т. е. соединиться въ одно общее предпріятіе съ коллективнымъ капиталомъ. Такимъ образомъ, всѣ онѣ вмѣстѣ составятъ обширное и постоянно растущее кооперативное товарищество съ огромнымъ и постоянно растущимъ коллективнымъ капиталомъ. Рядомъ съ промышленными ассоціаціями, государство создастъ и организуетъ, на такихъ же началахъ, ассоціаціи земледѣльческія. Ассоціаціи *всѣхъ* видовъ будутъ солидаризированы однѣ съ другими, т. е. ихъ доходы будутъ поступать въ общую кассу и дѣлиться затѣмъ поровну между всѣми членами всѣхъ ассоціацій. Руководить какъ различными отраслями производства, такъ и всей совокупностью системы, будутъ инженеры и спеціалисты, которыхъ на первыхъ порахъ будетъ назначать государство, а затѣмъ, будутъ избирать сами рабочіе, когда они пріобрѣтутъ необходимую для этого выбора опытность. Общимъ движеніемъ производства въ этихъ мастерскихъ будетъ руководить государство, которое будетъ распредѣлять работы и заказы, соблюдая въ странѣ

географическое раздѣленіе труда, и поддерживая равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ [1]).

Всѣ эти солидаризированныя ассоціаціи вступятъ путемъ конкурренціи въ борьбу съ частными предпріятіями. Извѣстно, что въ экономической борьбѣ побѣда всегда остается за крупными капиталами, а вѣдь ни одно частное лицо не будетъ располагать капиталомъ столь же крупнымъ, какъ государственный. Поэтому государство, этотъ крупнѣйшій изъ капиталистовъ, побѣдитъ всѣхъ другихъ капиталистовъ. Совокупность ассоціацій была бы своего рода государствомъ въ государствѣ; это экономическое государство, имѣя возможность продавать товары лучшаго качества и по болѣе дешевой цѣнѣ, постепенно убило бы всѣ частныя предпріятія, владѣльцы которыхъ (фабриканты, коммерсанты и пр.) принуждены будутъ сдаться на капитуляцію: вмѣсто того, чтобы вести слишкомъ неравную борьбу, имъ выгоднѣе будетъ самимъ поступить въ ассоціаціи, уступивъ имъ свои капиталы, за которые они, пока, рядомъ съ общественнымъ будетъ существовать и частное хозяйство, будутъ получать вознагражденіе въ видѣ процента. Лишь въ осуществляемой ассоціаціями *прибыли* капиталисты не будутъ участвовать, довольствуясь одними лишь процентами, которые перестанутъ имъ выплачиваться лишь послѣ окончательнаго обобществленія всѣхъ капиталовъ, когда единственнымъ правиломъ вознагражденія будетъ: *отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ*.

Луи Бланъ предлагалъ этотъ планъ, такъ какъ ему казалось, что такой способъ дѣйствія со стороны государства не нарушаетъ традиціонныхъ правовыхъ понятій столь рѣзко, какъ прямая экспро-

---

[1]) *La Récol. de février au Luxemb.* 100: il devrait être établi des rapports d'étroite solidarité entre les différentes colonies, puis entre tous les ateliers placés sous la direction de l'État. Ces ateliers deviendraient naturellement clients les uns des autres, et régulariseraient entre eux les échanges de services. Chacun produirait de préférence ce qu' il excelle á produire, soit à raison de la nature même du sol ou de la situation géographique, soit à raison des aptitudes spéciales de la population. L'État, directeur suprême, combinerait et distribuerait les travaux, répartirait les commandes, maintiendrait l'equilibre de la production et de la consommation.

пріація. Въ его системѣ замѣна частной собственности собственностью общественною происходитъ просто путемъ развитія (гипертрофіи) принципа опеки бѣдныхъ классовъ государствомъ, принципа, признаннаго въ буржуазномъ обществѣ, т. е. путемъ расширенія филантропической дѣятельности центральной власти. Борясь съ пауперизмомъ государство основываетъ и поддерживаетъ рабочія ассоціаціи, которыя постепенно поглотятъ всю частную промышленность. Такимъ образомъ, принципъ государственнаго вмѣшательства (интервенціонизмъ, этатизмъ) приведетъ къ рабочему соціализму (говорю, *рабочему* соціализму такъ какъ по плану Луи Блана, рабочіе сами будутъ избирать и контролировать лицъ, которыя будутъ направлять все экономическое движеніе). Конечно, въ такихъ надеждахъ есть значительная доля иллюзіи. Буржуазіи не трудно было понять, что государственная конкурренція (если только она должна быть побѣдоносна) есть та же экспропріація частныхъ предпринимателей. Въ такой системѣ обобществленія производства содержится нисколько не меньше такъ называемаго насилія (violence), чѣмъ въ прямой національзаціи хозяйствъ законодательнымъ актомъ, тѣмъ болѣе что въ системѣ Луи Блана капиталисты, чьи предпріятія лопнули бы подъ давленіемъ государственной конкурренціи, не получили бы даже вознагражденія (indemnité) за потерянныя богатства, между тѣмъ какъ современные соціалъ-демократы охотно допускаютъ идею выкупа капиталистической собственности при принудительной экспропріаціи. Идея такой экспропріаціи, впрочемъ, не была совершенно чужда уму Луи Блана; такъ для учрежденія земледѣльческихъ коммунъ, онъ считаетъ возможнымъ, чтобы государство принудительно пріобрѣтало земли у частныхъ собственниковъ, опираясь на законъ объ *экспропріаціи въ видахъ общественной пользы* [1]). И онъ не скрываетъ отъ себя, что, въ подобныхъ случаяхъ, приходится не считаться съ нѣкоторыми частными

---

[1]) *La Révol. de févr. au Luxembourg*, 95: On peut acheter des propriétés particuliéres et invoquer au besoin la loi d'exprorpriation, car les colonies (рѣчь идетъ о земледѣльческихъ общинахъ) sont, au plus haut degré, de établissements d'utilité publique.

интересами, такъ какъ, при существующемъ экономическомъ строѣ, всякое соціальное улучшеніе кому-нибудь да вредитъ [1]).

Другой вопросъ, насколько практиченъ вышеизложенный планъ. Стремясь, въ сущности, къ эспропріаціи капиталистовъ, онъ достигаетъ своей цѣли окольными и извилистыми путями, посредствомъ долгаго и мучительнаго процесса. Кто знаетъ, какія перипетіи могутъ встрѣтиться на этомъ пути и прервать начавшійся процессъ? Луи Бланъ хотѣлъ, чтобы, по французской поговоркѣ, „птица была ощипана, не крича при этой операціи“, но это конечно не удалось бы и буржуазія хорошо понимала въ чемъ было дѣло, говоря Луи Блану устами своихъ публицистовъ:

Ah! Doit-on hériter de ceux qu'on assassine?

Поль Луи съ проницательностью указываетъ на различныя затрудненія, которыя встрѣтило-бы на своемъ пути государство, еслибы оно стало бороться съ капитализмомъ посредствомъ луиблановской системы реформъ. Онъ полагаетъ даже, что на почвѣ экономической конкуренціи государство было-бы побѣждено частной промышленностью [2]). Но не слѣдуетъ упускать изъ виду различіе эпохъ. Во времена Луи Блана капитализмъ далеко еще не обладалъ столь колоссальной силой, какъ теперь. Конечно сѣверо-американскіе тресты могутъ легко бороться съ какой угодно государственной промышленностью, но французскому капитализму въ 1848 году и не грезилось подобное могущество; онъ находился еще въ дѣтскомъ періодѣ своего развитія, да вдобавокъ переживалъ тяжелый кризисъ; современникамъ могло казаться, что конкуренція государственной промышленности окончательно доканаетъ его, нанесетъ ему послѣдній ударъ, le çoup de grâce! Въ самой же идеѣ, что конкуренція можетъ убить конкуренцію [3]) нѣтъ ничего страннаго и марксистъ

---

[1]) *Ibid.* 107: On aura beau faire tant, qu'on n'aura pas modifié profondément nos institutios économiques, réalisé la solidarité des intérêts, organisé le travail et l'industrie, toujours une amélioration quelconque, alors même qu'elle serait profitable á l'immense majorité, déplacera des individus, froissera des intérêts particuliers. *Il en faut prendre son parti.*

[2]) *Les étapes du socialisme*, par Paul Louis, 129—132.

[3]) *Ibid.* 132.

не долженъ былъ бы удивляться подобнаго рода діалектическимъ превращеніямъ.

Хотя мы находимъ планъ соціализаціи, предложенный Луи Бланомъ, недостаточно практичнымъ, менѣе удобнымъ, чѣмъ нѣкоторые другіе, тѣмъ не менѣе, совершенно химеричнымъ и утопичнымъ мы его не назовемъ. Можно представить себѣ его осуществленіе при нѣкоторыхъ историческихъ и экономическихъ условіяхъ, не слишкомъ далекихъ отъ дѣйствительности. И тѣ самые соціалисты, которые называютъ его утопіей, вводятъ эту самую „утопію“ въ свой собственный планъ преобразованій, когда говорятъ, что соціалистическая партія, захвативъ въ свои руки власть, не станетъ экспропріировать крестьянъ и мелкихъ собственниковъ, но будетъ ждать, чтобы эти независимые работники, подъ давленіемъ конкуренціи и видя примѣръ благоденствія соціалистической общины, добровольно вступили въ послѣднюю. Что же это, какъ не чистѣйшая доктрина Луи Блана? [1]) Повторяю, что планъ нашего автора можно признать неудовлетворительнымъ,но не слѣдуетъ называть утопическимъ, такъ какъ этотъ планъ не предполагаетъ никакихъ совершенно вымышленныхъ и неосуществимыхъ условій, а построенъ, напротивъ, на положительной индуктивной утвержденіи того правила, что въ промышленной конкуренціи одерживаютъ побѣду наиболѣе крупные капиталы. Не всякій оказавшійся ошибочнымъ планъ слѣдуетъ называть утопіей, иначе Марксъ и Энгельсъ попали бы въ число утопистовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ задуманныхъ ими революціонныхъ плановъ и агитаторскихъ комбинацій не удались и, какъ мы теперь видимъ, не могли удасться. И именно потому, что луиблановскій планъ не былъ совершенно химерическимъ измышленіемъ,

---

[1]) Каутскій (въ Das Erfurter Programm, Stuttgardt, 1892, стр. 153) говоритъ, что крупное соціалистическое хозяйство поглотитъ хозяйства мелкія ohne Expropriation, durch die Anziehungskraft des vortheilhafteren Betriebes. Въ своей книгѣ *Марксизмъ и его критикъ Бернштейнъ* тотъ-же Каутскій утверждаетъ, что послѣ соціализація картелей и трестовъ „капиталисты, съ еще большей поспѣшностью, чѣмъ тепершніе рабочіе, будутъ требовать выгодной соціализаціи своихъ предпріятій“ (французскій переводъ, стр. 335).

но сообразовался съ нѣкоторыми индуктивными данными, къ нему отнесся съ серьезнымъ вниманіемъ такой положительный умъ, какъ Джонъ Стюартъ Милль, желавшій, чтобы былъ продѣланъ этотъ интересный соціальный экспериментъ, а другой трезвый и холодный мыслитель, Фердинандъ Лассаль плѣнился этимъ планомъ настолько, что сталъ его пропагандировать въ Германіи. Система Луи Блана предполагаетъ въ человѣческой натурѣ только тѣ двигательныя пружины, которыя дѣйствуютъ уже и въ настоящее время, она не требуетъ, чтобы человѣческая дѣятельность перестала руководиться личнымъ интересомъ [1]) и если сама постройка неудачна, то, во всякомъ случаѣ, ея фундаментъ покоится на почвѣ дѣйствительности. Опытъ впрочемъ не показалъ могло ли зданіе быть доведено до конца или нѣтъ, такъ какъ (теперь это всѣмъ извѣстно), національныя мастерскія, учрежденныя Временнымъ правительствомъ 1848 года, не имѣли ничего общаго съ планами Луи Блана. Не соотвѣтствуютъ этимъ планамъ и отдѣльныя кооперативныя товарищества, не объединенныя въ общую экономическую организацію. Если были сдѣланы попытки примѣнить на дѣлѣ системы сенсимонистовъ, Фурье, Оуэна, Кабэ и др., то можно сказать, что система Луи Блана, въ ея цѣломъ никогда не была испробована на дѣлѣ.

VI.

Мы сказали выше, что не существуетъ рѣзкой грани между такъ называемымъ утопическимъ и такъ называемымъ научнымъ соціализмомъ. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что соціалистическія теоріи, господствующія въ наше время, гораздо научнѣе, т. е. болѣе соотвѣтствуютъ даннымъ современной намъ науки, чѣмъ теоріи тѣхъ мыслителей, которыхъ принято называть великими утопистами. Доктрина Луи Блана, по нашему мнѣнію, не можетъ

---

[1]) *Révol. de février au Luxemb.*, 148: L'intérêt personnel! C'est nous qui l'invoquons, c'est nous qui demandons qu'il soit développé, mais développé d'une façon normale.

быть отнесена къ утопическому фазису соціализма. Она занимаетъ промежуточное мѣсто между утопическими и научными соціалистическими теоріями. По формѣ она ближе къ первымъ; она постоянно обращается къ чувству, въ изобиліи уснащена спиритуалистическими формулами, разсчитана, повидимому, на благожелательность правящихъ классовъ. Но это только внѣшняя оболочка, столь же мало существенная для основныхъ тезисовъ Луи Блана, какъ „шелуха гегельянства“ для чисто экономическихъ теоремъ первой части марксовскаго „Капитала“. Христіанскія тирады „Организаціи труда“ очень легко перевести на языкъ соціализма нашихъ дней. Луи Бланъ уже не филантропъ, какъ Оуэнъ или Фурье, а политическій вождь, чувствующій за своей спиной присутствіе десятковъ тысячъ пролетаріевъ, готовыхъ поддержать его съ оружіемъ въ рукахъ. Но онъ не хочетъ вооруженнаго столкновенія, всѣми силами старается предотвратить его, говоритъ всегда въ примирительномъ тонѣ, сознавая, что десятки и сотни тысячъ пролетаріевъ ничего не подѣлаютъ противъ остальной массы населенія чуждой или враждебной ихъ стремленіямъ и будутъ раздавлены въ неравной борьбѣ. Это не мѣшаетъ ему видѣть въ организованной рабочей массѣ свою главную опору, и онъ заботится больше всего о сохраненіи свободныхъ политическихъ учрежденій, которыя позволятъ арміи пролетаріевъ развиться, организоваться, окрѣпнуть. Силою вещей онъ сдѣланъ временнымъ вождемъ одного изъ борющихся классовъ, и это придаетъ его доктринѣ реальное содержаніе, котораго часто не имѣли мечтанія его предшественниковъ. Если бы республика 1848 года утвердилась, если бы партіи, сгруппировавшейся вокругъ Луи Блана, дано было свободно развиться, то, подъ вліяніемъ политической борьбы, она постепенно превратилась бы въ соціалистическую партію, которая походила бы, если не на марксистскую соціалъ-демократію, то на французскихъ поссибилистовъ 80-хъ годовъ, или на французскую же соціалистическую фракцію, находившуюся или находящуюся подъ вліяніемъ Малона, Руанэ, Фурньера, Жореса. Такъ впослѣдствіи въ Германіи лассальянцы превратились въ марксистовъ (самъ вѣдь

Бебель продѣлалъ эту эволюцію). Это предположеніе законно, такъ какъ всѣ положенія современнаго соціализма можно распознать въ луиблановскомъ соціализмѣ, гдѣ они находятся въ зачаточномъ или скрытомъ видѣ, какъ цвѣтокъ въ завязи, а иногда въ очень ужъ отчетливой формѣ. Соціализмъ 1848 года отличается отъ соціализма новѣйшаго не столько своимъ характеромъ, сколько своей сравнительно *безхарактерностью*, т. е. туманностью, расплывчатостью линій и очертаній. Такъ дѣтское лицо, съ мягкими, не опредѣлившимися, не сформированными еще чертами, отличается отъ того, какимъ оно будетъ у взрослаго; но глаза проницательнаго наблюдателя уже заранѣе видятъ будущую физіономію; взрослый человѣкъ не будетъ совершенно новымъ существомъ, а лишь продолженіемъ ребенка.

Помимо чисто экономическихъ теорій, все отношеніе Луи Блана къ историческимъ вопросамъ отдаляетъ его отъ утопистовъ и приближаетъ къ новѣйшимъ соціалистамъ. Зомбартъ говоритъ, что утописты „забываютъ или не знаютъ, что только процессъ медленнаго измѣненія можетъ создать такихъ людей и такія вещи, которые сдѣлаютъ возможнымъ новую соціальную организацію“ [1]). Луи Блана нельзя упрекнуть въ подобной ошибкѣ. Онъ вполнѣ проникнутъ сознаніемъ медленности историческаго процесса и постоянно о ней говоритъ. Онъ утверждаетъ соціальный детерминизмъ; ходъ прогресса, по его мнѣнію, фataленъ [2]); соціализмъ развился въ XIX столѣтіи съ силой историческаго закона [3]). Революціи разражаются надъ обществомъ, какъ внезапныя катастрофы, сразу измѣняющія все положеніе вещей, но онѣ подготовляются подземной работой мысли. Вотъ почему быстрота и внезапность рево-

---

[1]) Sie vergessen oder wissen es nicht, dass im langsamen Umgestaltungsprozess Menschen und Dinge erst geschaffen werden müssen um die neue gesellschaftliche Ordnung zu ermöglichen. *Werner Sombart*, *Sozialismus und soziale Bewegung im 19—ten Iahrhundert*, *1901*, *стр. 19*.

[2]) *Révol. de févr. au Lux.* 145: cette marche ascendente, inévitable et heureusement fatale du progrès.

[3]) *Le Socialisme*, 322: il est permis d'affirmer qu'au dix-neuviéme siècle le socialisme a la tou e-puissance d'une loi historique.

люціонныхъ катастрофъ не противорѣчитъ закону постепенности исторической эволюціи [1]). Революцію можно сравнить съ вѣтромъ, срывающимъ съ дерева плоды, когда они уже подгнили [2]). Поэтому, вѣря въ неминуемость соціальной революціи, Луи Бланъ не считаетъ себя утопистомъ. „Кто настоящій утопистъ, спрашиваетъ онъ, тотъ ли, кто въ данную историческую эпоху принимаетъ въ разсчетъ лишь факты, которые существуютъ, но дальнѣйшее сохраненіе (durée) которыхъ невозможно, или тотъ, кто обращаетъ вниманіе, главнымъ образомъ, на факты, которые еще не существуютъ, но появленіе коихъ неизбѣжно и близко?“ [3]) Революціи не импровизируются; ихъ не можетъ сдѣлать какой-нибудь индивидуумъ; когда онѣ происходятъ, самыя могущественныя, повидимому, личности суть только полуслѣпыя орудія общихъ законовъ [4]). Кромѣ того, исторія не можетъ перескакивать черезъ необходимые промежуточные фазисы; такъ, напримѣръ, освобожденіе рабочаго класса не могло произойти одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ отъ феодальнаго ига [5]).

Луи Бланъ былъ очень далекъ отъ доктрины историческаго или экономическаго матеріализма, столь геніально формулированной, еще въ эпоху первой французской революціи, членомъ Учредительнаго Собранія Барнавомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ часто, самъ того не зная, онъ слѣдуетъ этой доктринѣ въ истолкованіи историческихъ фактовъ! Видя въ исторіи послѣдовательное господство

---

[1]) Le progrés ne s'accomplit point peu à peu dans les institutions d'un peuple. Dans le monde des intelligences, il chemine lentement, laborieusement, mais c'est *tout à coup*, dans l'espace d'une année, d'un mois, d'une nuit qu'il fait irruption dans le domaine des faits, changeant les lois d'une manière compléte, ... substituant à tout un systéme de législation tout un systéme de legislation contraire. *Revue du progrés*, I, стр. 309. Цитировано по Чернову.

[2]) Quand les fruits sont pourris, ils n'attendent que le passage du vent. Рѣчь на дижонскомъ банкетѣ.

[3]) *Organisation du travail*, стр. 300.

[4]) *Éclaircissements sur les doctrines du Luxembourg*, въ Questions, V, 155.

[5]) *Hist. de la Révol. Franç.* III, 281: il ne leur á pas étè donné de pouvoir brûler l'étape и т. д.

трехъ принциповъ: *авторитета*, носителями котораго были духовенство и аристократія, *индивидуализма*, провозглашеннаго буржуазіей и *братства*, за которое сражается народъ (т. е. пролетаріатъ), онъ постоянно объясняетъ явленія идеологическаго порядка взаимодѣйствіемъ интересовъ этихъ классовъ. Сенсуализмъ, по его мнѣнію, потому господствовалъ въ XVIII столѣтіи, что соотвѣтствовалъ индивидуалистическимъ принципамъ, торжества которыхъ добивалась буржуазія [1]). Протестантская реформація выражала на богословскомъ языкѣ интересы индустріи, такъ какъ въ XVI столѣтіи просвѣщеніе было уже такъ распространено, что интересы принуждены были опираться на идеи или прикрываться ими [2]). Доктрина, въ которой *нуждалась* буржуазія, называлась въ XVI вѣкѣ *вѣротерпимостью;* въ XVIII столѣтіи эта служившая интересамъ буржуазіи доктрина приняла форму раціонализма въ философіи, конституціонализма въ политикѣ, фритредерства въ политической экономіи [3]). Если въ послѣднія столѣтія мысль и наука были поставлены на столь высокій пьедесталъ, какъ никогда раньше, то это потому что апоѳеоза ума, мысли, требовали интересы буржуазіи [4]). Народы не могутъ серьезно и подолгу волноваться изъ-

---

[1]) Hist. de la Revol. Franç. II, 29: c'est précisément parce qu'elle servait la cause de l'individualisme qu'au XVIII siécle la philosophie des sensations devait prévaloir.

[2]) Ibid. I, 51: les grands peuples protestants devenus les peuples travailleurs...

Ainsi un nouveau principe d'action, un but nouveau d'activité: l'individualisme, *l'industrie*, voilà ce qu' à l'insu de ses propres docteurs, la Réformation venait d'inaugurer dans le monde... 179: la pensée à cette époque était déjá devenue tellement dominante dans le monde qu'elle seule pouvait désormais fournir aux factions soit un point d'appui, soit un but avouable. Les intérêts en étaient venus à ne poavoir plus se produire qu' à la suite des idées.

[3]) *Ibid.* I, 94: la doctrine que le XVIII siecle vint compléter et faire prévaloir au profit de la bourgeoisie, devait s'appeler tour à tour: en philosophie, rationalisme, en politique, équilibre des pouvoirs; en industrie, concurrence illimitée. Au XVI siécle, elle s'appelait déjá de ce beau nom: la tolérance.

[4]) Classe naturellement amie de la paix, vouée á la finance, au commerce, á le cléricature, à l'étude des arts, la bourgeoisie se trouvait condamnée á nôle obscur dans une société, où le signe distinctif de la noblesse était

за чистыхъ химеръ [1]); поэтому и богословскіе споры, когда они волновали все общество, выражали реальные интересы; такъ молинизмъ поддерживалъ идею авторитета, а янсенизмъ поддерживалъ завоевательное движеніе буржуазіи [2]). Съ другой стороны, устами Руссо, испытавшаго на себѣ нужду, новый соціальный классъ, выступившій на историческую сцену вслѣдъ за буржуазіей, требовалъ своего мѣста въ мірѣ [3]). И какъ не вспомнить объ историческомъ матеріализмѣ, читая въ сочиненіяхъ Луи Блана, что внѣшняя политика народовъ вытекаетъ изъ экономической необходимости, такъ что, напримѣръ, нація, въ которой развилась мануфактурная промышленность нуждается въ морѣ и колоніальныхъ предпріятіяхъ, такъ какъ скученность рабочаго населенія въ городахъ грозитъ гражданской войной между бѣдными и богатыми, вслѣдствіе чего нужно найти какой-нибудь предохранительный клапанъ отъ взрыва, нужно канализировать народныя страсти, отвлекая ихъ въ другую сторону посредствомъ внѣшнихъ войнъ и колоніальныхъ экспедицій; или видя, какъ онъ объясняетъ экономическими причинами всю внѣшнюю политику Англіи [4]), или цитируетъ аббата Галіани, остроумно выводящаго всю политическую психологію земледѣльческихъ націй изъ экономическихъ условій ихъ жизни [5])? Въ пре-

---

l'épée. Comment détrôner définitivement la force? En inaugurant la royauté de l'esprit. Richelieu fut l'ami des gens de lettres, le protecteur de Poussin, l'inquiet rival de Corneille, le fondateur de l'Académie française. *Ibid.* I, 159.

[1]) *Ibid.* 193: c'est qu'en effet les peuples ne se passionnent pas pour de pures chimères, lorsqu'ils restent passionnés longtemps.

[2]) *Ibid.* 159: le jansénisme seconda la marche de la bourgeoisie ascendante.

[3]) *Ibid.* II, 100: lui qui avait été réduit á vivre de l'aumône des hôtelleries... Ce n'était plus cette fois, la bourgeoisie réclamant son émancipation; un nouvel ordre de citoyens se présentait, demandant, sa place au monde. Совершенно то-же говоритъ современный марксистъ-революціонеръ проф. Орано: См. Paolo Orano, *I patriarchi del socialismo,* стр. 56 Nella storia del mondo era (Rousseau) il primo senza patria e senza famiglia che si avanzava... 57: il proletariato aveva, dunque, congenita la causa determinante del suo destino... 58: il processo mentale delle classi basse e respinte si inizia con lui.

[4]) *Organisation du travail*, книга 1-я, глава IV.

[5]) *Hist. de Révolut. franç.* II, 179.

дисловіи къ *Исторіи десяти лѣтъ*, онъ показываетъ, что само правленіе Наполеона I было орудіемъ въ рукахъ буржуазіи, которое она разбила, когда оно оказалось для нея неудобнымъ; что „законный“ монархъ Людовикъ XVIII посаженный на французскій тронъ Священнымъ союзомъ, сдѣлался приказчикомъ интересовъ буржуазіи; въ своемъ сочиненіи онъ подобнымъ же образомъ объясняетъ историческую роль Луи-Филиппа. Въ одной статьѣ, напечатанной въ 1839 году, Луи Бланъ, указавъ на то, что соціальныя измѣненія происходятъ вслѣдствіе медленной, постоянной, незамѣтной работы умовъ [1]), такъ что революціи нельзя помѣчать тѣмъ или другимъ календарнымъ числомъ [2]) утверждаетъ, что буржуазія еще до революціи овладѣла всѣми соціальными силами, поработивъ пролетаріатъ и подорвавъ феодализмъ, и что кризисъ произошелъ именно вслѣдствіе этого противорѣчія между соціальнымъ всемогуществомъ буржуазіи и ея политическимъ безправіемъ [3]). Этимъ положеніемъ вещей въ XVIII столѣтіи объясняется характеръ ея требованій, выраженныхъ тогдашней освободительной литературой. Буржуазія *должна* была возставать противъ *нравственнаго* единства, налагаемаго церковью на соціальную жизнь, такъ какъ неподвижный характеръ религіозныхъ предписаній могъ мѣшать промышленному развитію; такъ, напр. церковь осуждала ссуду подъ проценты. Буржуазія *должна* была относиться съ недовѣріемъ къ *соціальному* единству, поскольку оно выражается въ ассоціаціи, такъ какъ, организовавъ въ свою пользу цехи и корпораціи, она боялась, чтобы пролетаріатъ не повернулъ корпора-

---

¹) *Questions d'aujourd'hui et de demain*, II, 3: travail lent, mystérieux, continu: d'abord instincts vagues, puis sentiments incomplets et mal définis...

²) *Ibid.* II, 19: les révolutions n'ont pas de date.

³) *Ibid.* II, 13: la bourgeoisie avait réduit le prolétariat à l'impuissance par la création des corps de métier: le prolétaire ainsi enchaîné et le régime féodal presque entièrement démantibulé, il est clair que la bourgeoisie se trouvait en possession de toutes les forces de l'ordre social. Dans l'ordre politique, au contraire, toutes les forces semblaient concentrées aux mains de la royauté.

тивнаго начала противъ нея самой, буржуазіи. Она *должна* была враждовать съ *политическимъ* единствомъ, т. е. съ монархическимъ режимомъ, стѣснявшимъ ея свободу дѣйствій [1]).

Такъ какъ буржуазія владѣла орудіями труда, которыхъ лишены были пролетаріи, обладала образованіемъ и духомъ инициативы, то ей не нужно было ничего, кромѣ торжества индивидуалистическаго общественнаго устройства. Въ ассоціаціи она не нуждалась, неизмѣнную іерархію ненавидѣла. Отсюда всѣ требованія просвѣтительной литературы XVIII вѣка: буржуазія должна была хотѣть свободы совѣсти противъ духовенства, свободы промышленности противъ пролетаріевъ, свободы политической противъ королевской власти и противъ *обломковъ* аристократіи. Эти тенденціи и выразила литература XVIII вѣка, которая была такимъ образомъ орудіемъ прогресса, такъ какъ разрушила притѣснительныя формы единства и тѣмъ самымъ приблизила торжество единства соціальнаго (т. е. соціализма); но непосредственно она служила лишь интересамъ буржуазіи [2]). Когда провозглашена была индивидуальная и политическая свобода, народъ нашелъ всѣ мѣста занятыми буржуазіей. Не обладая собствен-

---

[1]) *Quest. d'aujour. et de dem.* Quelles devaient être les tendences naturelles de la bourgeoisie? S'étant élevée par le commerce et l'industrie, elle devait s'armer contre l'unité morale, de peur que la rigueur des prescriptions religieuses ne l'entravât daus son essor, et, p. ex., que l'Èglise ne continuât á condamner au nom du ciel le prêt á intèrêt des capitaux.

Elle devait se défier de l'unité sociale et craindre que le principe d'association, dont elle avait elle-méme si habilement profité par les jurandes et les maîtrises, ne finît par être tourné contre elle par les prolétaires.

Elle devait redouter l'unité politique comme pouvant gêner l'indépendance de ses allures.

[2]) *Ibid.* Au fait, ne lui suffisait-il pas, pour maintenir sa domination, que le principe d'individualisme fût proclamé en toutes choses? Possédant les instruments de travail qui manquaient aux prolétaires, doués d'une activité et d'une instruction qui manquaient aux nobles, les bourgeois réunissaent tous les moyens de développement qui dispensent de la nécessité de l'association et font détester la hiérarchie.

La bourgeoisie devait donc vonloir: la liberté de conscience, contre le clergé;

La liberté d'industrie, contre les prolétaires;

La liberté politique contre la royauté unie aux derniers débris de la noblesse.

ностью и капиталами, онъ попалъ въ кабалу къ *собственникамъ труда*. И нетрудно было ему понять смыслъ подраздѣленія установленнаго Учредительнымъ Собраніемъ между *активными* и *неактивными* гражданами! [1])

Эти и тому подобныя разсужденія Луи Блана сыграли важную роль въ исторіи умственныхъ теченій девятнадцаго вѣка. Не будучи экономическимъ матеріалистомъ, постоянно повторяя, что міромъ управляютъ идеи и не проповѣдуя борьбы классовъ, онъ былъ, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ писателей, благодаря которымъ распространилось въ широкихъ кругахъ общества объясненіе историческихъ событій и идеологическихъ явленій борьбой соціальныхъ классовъ за матеріальные интересы [2]). Онъ популяризи-

---

La philosophie du XVIII siécle s'employa naturellement á faire prévaloir ces trois tendances.

La philosophie du XVIII siécle fut donc l'instrument d'un progrés vèritable en ce sens qu' elle détruisit une unité morale devenue oppressive, décria une unité politique placée ou elle ne devait pas l'être et rapprocha, quoique à son insu, la date du grand triomphe de' l'unité sociale. Mais toujours est.—il que son influence immédiate se réduisit à faire prévaloir les intérêts et les tendances de la bourgeoisie.

[1]) Ibid. стр. 23: Or, au temps de la révolution, le peuple trouvait le domaine du travail occupé tout entier par la bourgeoisie. C'était á elle qu' appartenait le numéraire: á elle qu' étaient réservées les inappréciables ressources du crédit. Quant au peuple, n'ayant ni propriétés, ni capitaux, ni avances, ne pouvant rien économiser sur le travail de la veille pour subir sans danger le chômage du lendemain, de quelle valeur pouvait être pour lui le don de la liberté? N'allait-il pas se trouver á la merci des *propriétaires du travail*?.... Et ne lui était-il pas facile de deviner ce que signifiait ce mot: *citoyens inactifs*, dont la Constituante avait *flétri les* hommes du peuple?.... Pour qui donc a été faite la révolution?

[2]) Эту заслугу признаетъ за Луи Бланомъ и Зомбартъ. *Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert*, стр. 513. А Георгъ Адлеръ (Die Grundlagen der Karl Marxschen Kritik der bestehënden Volkswirtschaft, 1887, стр. 225) проф. Отто Варшауэръ (*Geschichte des Sozialismus und Kommunismus im 19 ten Jahrhundert*, VII te Abtheilung, L. Blanc, Berlin, 1896 стр. 161) думаютъ даже, что марксовская матеріалистическая философія исторіи выработалась отчасти подъ вліяніемъ чтенія и луиблановскихъ сочиненій. Варшауэръ говоритъ: (Kann er (L. Blanc) als ein Vorläufer von Karl Marx gelten, ja die Vermutung erscheint begründet, dass die Lectüre von Louis Blancs historischen Schtiften zur Entstehung des Marxschen ma-

ровалъ въ демократіи взглядъ на явленія реформаціи или просвѣтительнаго движенія XVIII столѣтія, какъ на идеологическое выраженіе классовыхъ потребностей данной эпохи, взглядъ на великую революцію не какъ на освобожденіе абстрактнаго человѣка отъ абстрактнаго же угнетенія, а какъ на захватъ политической власти буржуазіей, которая, уже достигнувъ экономическаго могущества, не могла болѣе оставаться подъ опекой представителей отжившихъ и соціально разложившихся классовъ, чѣмъ объясняется то обстоятельство, что революція 1789 года повела не къ уничтоженію классовъ, а лишь къ перемѣнѣ классоваго господства, вслѣдствіе чего необходима новая революція, освобожденіе четвертаго сословія отъ гнета, подъ которымъ его держитъ третье.

Конечно, не Луи Бланъ открылъ эту точку зрѣнія. Идеи болѣе или менѣе приближающіяся къ историческому матеріализму были въ французской литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ меньшей рѣдкостью, чѣмъ это теперь часто думаютъ. У нѣкоторыхъ авторовъ онѣ встрѣчаются рядомъ съ самыми наивно фантастическими представленіями въ области исторіи. Не любопытно-ли, что въ главномъ сочиненіи типичнаго утониста, какъ Кабэ, есть страница, гдѣ формулируется доктрина еще болѣе соотвѣтствующая современному состоянію соціальныхъ наукъ, чѣмъ историческій матеріализмъ, а именно *историческій монизмъ*, слѣдуя которому матеріальные и духовные факторы исторической эволюціи неразрывно связаны между собой и непрерывно другъ на друга вліяютъ, такъ что экономическія, научныя, правовыя, интеллектуальныя явленія являются различными

---

terialistischen Geschichtstheorie beigetragen habe. Замѣтимъ мимоходомъ по этому поводу, что Варшауэръ хотя и довольно основательно изучилъ Луи Блана, тѣмъ не менѣе ошибается, утверждая, что имя Карла Маркса не упоминается ни въ одной рѣчи и ни въ одномъ сочиненіи Луи Блана (*ibid.*, стр. 155) in keiner seinen Reden und Schriften wird Karl Marx erwähnt). Между тѣмъ Луи Бланъ не безъ удовольствія указываетъ на то, что, благодаря Марксу, Прудонъ потерялъ въ Германіи репутацію тонкаго діалектика: devant ceux enfin qui le croiraient sur parole un dialecticien subtil, j' ouvrirais le livre ou Marx l'abandonne tout nu à la risèe des etudiants de Berlin. *Questions d'aujourd'hui et de demain*, III, 211.

сторонами одного и того-же процесса: то, что, разсматриваемое съ одной стороны, является политической свободой, то, съ другой стороны, — есть извѣстный фазисъ развитія промышленной техники? Вотъ это глубокое по мысли мѣсто „*Путешествія въ Икарію*“ Кабэ:

„Замѣтьте хорошенько! Великими открытіями въ наукахъ и промышленности производятся не только *научныя* и *промышленныя* революціи, но и революціи *соціальныя* и *политическія*; ибо все сцѣплено, все связано, или, вѣрнѣе все слито во-едино въ природѣ, которая есть только неизмѣримое единство (car tout se tient, tout se lie, ou plutot tout se confond dans la Nature, qui n'est qu'une immense *Unité*), въ которомъ мы различаемъ разнородные элементы только благодаря слабости нашего ума; и хотя мы отличаемъ торговлю отъ промышленности, промышленность отъ свободы, свободу отъ равенства, все это, въ сущности, одно и то-же (la meme chose), или, по крайней мѣрѣ, всѣ эти вещи оказываютъ одна на другую взаимное и непрерывное воздѣйствіе. Промышленность вліяетъ на торговлю, а торговля на промышленность. Промышленность и торговля порождаютъ свободу, а свобода порождаетъ торговлю и промышленность. Свобода есть мать и дочь равенства, такъ какъ равенство порождаетъ свободу и порождается ею... Три изобрѣтенія: компасъ, порохъ, книгопечатаніе, произвели три соціальныя и политическія революціи, одновременно съ тремя промышленными и коммерческими революціями. Пароходы производятъ въ настоящее время революцію въ морской войнѣ, а слѣдовательно, въ политикѣ, настолько же какъ въ мореплаваніи и торговлѣ. А желѣзныя дороги?...“

„Да, машина, заставляющая насъ вздрагивать при звукѣ ея воя и при видѣ того, какъ она приближается къ намъ и проносится мимо насъ съ такой силой и быстротой, несетъ въ своемъ брюхѣ тысячи маленькихъ революцій и, кромѣ того, великую соціальную и политическую революцію... И когда король прусскій приказываетъ воздать воинскія почести одному изъ изобрѣтателей книгопечатанія, когда англійскій премьеръ, лордъ Ливерпуль, первымъ подписывается на памятникъ одному изъ изобрѣтателей

паровой машины, ихъ влечетъ самъ фатумъ: ибо паръ взорветъ аристократію!“ (car la vapeur fera sauter l'aristocratie) [1]).

Даже тѣ идеи, о которыхъ часто говорятъ, что онѣ впервые были провозглашены „*Коммунистическимъ манифестомъ*“, можно найти въ предшествующей соціалистической литературѣ выраженными въ болѣе или менѣе ясной формѣ. Поль Луи говоритъ, что ни одинъ французскій соціалистъ раньше не высказалъ того положенія „*Коммунистическаго манифеста*“, что соціализмъ вытекаетъ изъ самой промышленной эволюціи, что онъ существуетъ уже потенціально, или что, по крайней мѣрѣ, всѣ его элементы уже налицо [2]). Также та идея, что паденіе капитализма будетъ результатомъ экономическаго детерминизма и эволюціи способовъ производства, не встрѣчается нигдѣ, по мнѣнію Поля Луи [3]) до „*Коммунистическаго манифеста*“. Между тѣмъ, Консиделанъ въ своемъ сочиненіи „La destinée sociale“, вышедшемъ въ 1834 году, разсказавъ крайне интереснымъ образомъ, по фурьеристской схемѣ, соціальную эволюцію, которая привела къ господству капитализма, говоритъ слѣдующее:

„Въ третьемъ фазисѣ (соціальной эволюціи) могущество большихъ капиталовъ, умноженное акціонерной концентраціей, машинами и всѣми средствами, которыми обладаетъ крупное производство, уже раздавливаетъ массу коммерсантовъ и промышленниковъ съ мелкимъ или среднимъ капиталомъ. Развитіе пролетаріата и пауперизма идетъ гигантскими шагами; а такъ какъ капиталисты живутъ въ городахъ, центрахъ торговли и потребленія, то именно въ городахъ водворяется индустріальный феодализмъ, который вскорѣ проявляетъ тамъ свое разрушительное дѣйствіе. Въ городахъ также скучиваются массы пролетаріевъ, живущихъ со дня на день, при чемъ между ними и капиталистами не существуетъ той связи, которая нѣкогда соединяла вассала съ сеньеромъ. Эти баталіоны нищеты угрожаютъ *цивилизаціи* (этимъ словомъ

---

[1]) *Voyage en Icarie*, par Cabet, 5-e изданіе, стр. 468.

[2]) *Les étapes du socialisme*, 241.

[3]) *Ibid.* 242.

фурьеристы обозначаютъ соціальное устройство, водворившееся на мѣстѣ варварства, основанное на паразитизмѣ и которому положитъ конецъ будущее царство *гармоніи)*, ибо, не говоря о промышленныхъ кризисахъ, которые иногда вдругъ вырываютъ у рабочаго населенія кусокъ хлѣба, едва достаточный для его пропитанія, третій фазисъ, вслѣдствіе двухъ движеній, которыя въ немъ происходятъ въ противоположныхъ направленіяхъ (пролетаризація массъ и концентрація капиталовъ), по крайней мѣрѣ, настолько же какъ и второй (періодъ борьбы буржуазіи за свое освобожденіе), чреватъ внутренней борьбой и гражданской войной. Но только революціи, вмѣсто того, чтобы происходить во имя политическихъ правъ, происходятъ теперь во имя правъ соціальныхъ; рѣчь идетъ не о формахъ правленія только, но о формахъ собственности и о правѣ на собственность: дѣло касается самой основы соціальной организаціи“ [1]). Такимъ образомъ, развиваясь, капитализмъ самъ себѣ роетъ могилу. А пока,—онъ всемогущъ. Онъ руководитъ государствами и всей политикой: „Меркантильный духъ и акціонерная концентрація, стремящіеся къ тому, чтобы дать крупнымъ капиталистамъ управленіе индустріей и ея монополію, являются элементами *морской* монополіи, т. е. высшей торговой монополіи, этого краеугольнаго камня третьяго фазиса. Эта монополія вліяетъ на общую политику до такой степени, что измѣняетъ весь ея характеръ: она становится фокусомъ политики и отмѣчаетъ ее совершенно новыми чертами, обнаруживающими соціальную энергію

---

[1]) Не имѣя подъ рукою французскаго подлинника, я принужденъ цитировать Консидерана по добросовѣстному итальянскому переводу: I destini sociali, Genova, 1883, т. I, стр. 116. Въ своемъ „манифестѣ демократіи“, вышедшемъ въ свѣтъ также до *Коммун. ман.*, Консидеранъ писалъ: „Современное положеніе... не можетъ развиваться не вызвавъ новой революціи, революціи не политической, а соціальной, направленной противъ собственности и при крикахъ: жить работая, или умереть, сражаясь! землю работникамъ! (26) Коммунизмъ порожденъ быстрымъ развитіемъ пролетаріата, пауперизма и новаго феодализма и... распространяется быстро особенно среди рабочаго населенія... „Долой частную собственность, Долой собственниковъ! Долой наслѣдство! Земля для всѣхъ“ (18)... Потокъ жизненный влечетъ европейское общество къ соціальной революціи и мы идемъ къ европейской жакеріи“. Цитировано Черкезовымъ.

меркантильнаго элемента этой эпохи. Дѣло доходитъ до того, что, начиная съ этого момента, меркантильный духъ становится высшимъ руководителемъ дипломатіи и всѣхъ международныхъ сношеній. Онъ взбирается на тронъ, усаживаетъ лорда-канцлера на тюкъ хлопчатой бумаги, диктуетъ миръ и войну, навязываетъ международные союзы и, какъ властелинъ, управляетъ всѣмъ соціальнымъ движеніемъ“ [1]).

Современная политическая экономія есть только идеологическое отраженіе потребностей промышленнаго класса. „Ясно, что въ третьемъ фазисѣ тонъ задаютъ иллюзіи экономизма.... подобно тому, какъ рыцарская поэзія запечатлѣла своими красками эпоху феодальнаго дворянства, философская и либеральная идеологія характеризовала эпоху политической эмансипаціи индустріальнаго класса. Рыцарскій духъ былъ убитъ либеральнымъ духомъ, который выставилъ его въ смѣшномъ видѣ, назвавъ его *донкихотствомъ*; а въ настоящее время экономизмъ начинаетъ убивать либеральную тенденцію, проповѣдуя *политику интересовъ*. Открыты шлюзы соціальнаго матеріализма, который разливается широкой волной“ [2]), между тѣмъ, какъ все рѣзче обозначается классовый антагонизмъ [3]).

Но уже въ современномъ экономическомъ строѣ можно распознать элементы будущаго строя, который Консидеранъ называетъ *гарантизмомъ* и который, въ свою очередь, приведетъ къ *гармоніи:*

„Мелочная торговля (gli affari di dettagli) будетъ вскорѣ, въ свою очередь, монополизирована могущественными торговыми баронами, какъ это сначала произойдетъ съ крупными операціями;

---

[1]) Ibid. стр. 117.

[2]) *Ibid*. стр. 118.

[3]) *Ibid*. стр. 114: „Съ того момента, какъ цивилизація, освободивъ политическихъ промышленниковъ отъ феодальнаго ига, вступаетъ въ періодъ полнаго индустріальнаго и коммерческаго развитія, образуются два класса, характеризуемые чертами, выступающими все рѣзче съ каждымъ днемъ, классъ имущій, сохраняющій и накопляющій и классъ, который ничего не имѣетъ и ничего не можетъ пріобрѣтать“.

коммерческая анархія не замедлитъ ограничиться, регуляризація торговли станетъ дѣломъ менѣе труднымъ; черты промышленнаго феодализма выступятъ рѣзче; все это, ускоряя крушеніе цивилизаціи, приблизитъ наступленіе *гарантизма*...“ [1]).

Какъ видитъ читатель, Консидеранъ заранѣе описываетъ явленія, происходящія теперь на нашихъ глазахъ, созданіе *трестовъ* и *картелей*, вслѣдствіе „реакціи, которую вызываетъ коммерческая анархія и очевидная необходимость справиться съ растущимъ безпорядкомъ торговли“. Такимъ образомъ, возродятся въ колоссальной формѣ „цехи, привилегированныя корпораціи, новыя монополіи. Очевидно, что вслѣдствіе подобныхъ учрежденій, въ высшей степени несправедливыхъ и гнусныхъ, какъ и большая часть актовъ цивилизаціи, ряды коммерсантовъ быстро порѣдѣютъ. Вотъ почему я въ этихъ явленіяхъ вижу зародышъ (germe) четвертаго фазиса...“ [2]) Другой зародышъ этого фазиса Консидеранъ видитъ въ сельскомъ ипотечномъ кредитѣ; онъ убьетъ мелкую собственность, создавая крупные центры земледѣльческой дѣятельности съ значительными капиталами, позволяющими планомѣрную эксплуатацію почвы. Посредствомъ своей конкуренціи эти большія имѣнія поглотятъ мелкую, раздробленную собственность [3]).

„Пока это происходитъ, состояніе цивилизаціи совершенно плачевно. Кризисъ и революціи надвигаются... (sono imminenti)... Это теперь ужъ не прежнее индивидуальное *закрѣпощеніе*, дѣлавшее изъ вассала собственность сеньера, это закрѣпощеніе *коллективное*, которое массой отдаетъ низшіе классы въ кабалу владѣльцамъ богатства, сеньерамъ финансовъ, индустріи и собственности“... [4]).

---

[1]) Ibid. стр. 118.

[2]) Ibid. 121.

[3]) Ibid. accumulando le proprietá territtoriali, diverrebbero ben presto grandi centri d'attivitá agricola, convenientemente ordinali, unitariamente amministrati, e ben provvisti da capitali. La concorrenza fatta da questi grandi centri alla proprietá frazionata, favorirebbe maggiosmente l'invasione e l'assorbimento delle piccole possessioni.

[4]) Ibid. 123.

Съ той же удивительной прозорливостью, съ которой Консидеранъ предвидитъ *тресты*, онъ предугадываетъ то, на что въ коммунистическомъ манифестѣ нѣтъ никакого намека, а именно періодъ филантропическихъ реформъ въ пользу рабочаго класса, реформъ, которыя капиталисты предпримутъ *въ собственномъ интересѣ*: рабочіе станутъ предметомъ своекорыстнаго благоволенія (oggetto di benevolenza interessata) со стороны феодаловъ капитализма, послѣ того какъ эти послѣдніе прочно установятъ свое господство и основательно поработятъ своихъ новыхъ вассаловъ. Будутъ введены: участіе въ барышахъ, различныя формы соціальнаго обезпеченія, рабочимъ будутъ обезпечены болѣе гигіеническія условія жизни... Но, такимъ образомъ, общество оріентируется по направленію къ *гарантизму* [1]). Меркантильная аристократія столь же прочно организована, какъ прочно была прежде организована военная аристократія [2]). Но господству первой грозитъ такое же паденіе какъ то, которымъ кончилось господство второй. Аристократическое господство сосредоточилось въ немногихъ рукахъ, потомъ перешло въ руки короля, уничтожившаго феодаловъ, такимъ же образомъ концентрація торговли и промышленности въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, организованныхъ въ тресты, сдѣлаетъ возможнымъ поручить роль регулятора хозяйственной жизни государству, въ рукахъ котораго окажется ждущій лишь импульса, готовый экономическій механизмъ [3]). (Въ режимѣ гармоніи исчезнетъ и само государство). Такимъ образомъ, существуетъ полный параллелизмъ между исторіей феодализма и исторіей капитализма [4]). Концентрація промышленности приготовляетъ будущій строй. „Она увеличиваетъ общую сумму богатствъ"... Кромѣ того, „понятно, что этимъ большимъ заведеніямъ легко будетъ уничтожить анархическую торговлю; они овладѣваютъ путями сообщенія

---

[1]) Ibid. 123

[2]) Ibid. 124.

[3]) Ibid. il governo non avrebbe all'uopo che sottomettere al suo proprio impulso la macchina sociale.

[4]) Стр. 126.

и т. д. Этотъ новый способъ распредѣленія капиталовъ поддается регуляризаціи, учрежденію торговой солидарности и гарантіи. Такимъ же образомъ регулируются производство и потребленіе“ [1]).

„Изъ всего этого явствуетъ, что собственность, пройдя черезъ фазисъ промышленнаго феодализма, изъ неподвижной и раздробленной, дѣлается акціонерной и объединенной (unitaria). Это превращеніе, произведенное общей экспропріаціей или ограбленіемъ (spogliamento) среднихъ и низшихъ классовъ, есть, въ свою очередь, зародышъ, изъ котораго выйдетъ послѣдующая *универсализація* (т. е. переходъ въ общее пользованіе) собственности. Такъ что работа четвертаго фазиса цивилизаціи (т. е. *гарантизма*, приготовляющаго *отрицаніе* цивилизаціи, или *гармонію*) состоитъ въ томъ, чтобы измѣнить форму собственности, сдѣлавъ ее акціонерной, сложной и соціальной изъ индивидуальной, простой и исключительной, какова она теперь“ [2]).

Пусть же судитъ самъ читатель, нужна ли была очень головоломная умственная работа, чтобы вывести изъ этихъ и подобныхъ разсужденій Консидерана тѣ положенія, которыя, по словамъ Поля Луи, были *впервые* провозглашены *Коммунистическимъ манифестомъ*.

Внимательное изученіе произведеній соціалистовъ первой половины XIX столѣтія подтверждаетъ слова Сеньобоса, называющаго этихъ писателей „создателями соціализма“ и говорящаго, что „они-то придумали всю критику существующаго общества, всѣ формулы, даже практическіе пріемы дѣйствія и соціалистическія реформы. До 1848 года уже говорилось объ „эксплоатаціи человѣка человѣкомъ“, о „правѣ на трудъ“, о „прибавочной стоимости“, объ анархіи, о соціальной демократіи, о борьбѣ классовъ, о рабочей партіи, объ интернаціональномъ союзѣ работниковъ, объ эмансипаціи пролетаріата, объ организаціи труда, о промышленной федераціи; предлагали кооперативныя ассоціаціи, національныя ма-

---

[1]) Ibid. 128.
[2]) Ibid. 129—130.

стерскія, безвозмездный кредитъ, обмѣнный банкъ, пенсіонныя кассы, покровительственное рабочее законодательство, коллективную собственность, прогрессивный налогъ, всеобщую стачку, восьмичасовой день, рабочіе конгрессы. Соціалистическія партіи, образовавшіяся позднѣе, жили на счетъ умственной работы первой половины столѣтія“ [1]).

Мы сочли нужнымъ подчеркнуть этотъ пунктъ, такъ какъ въ международной соціалистической средѣ, находящейся нынѣ подъ германской гегемоніей, принято придавать слишкомъ мало значенія соціалистической литературѣ негерманскаго происхожденія. Германія, не довольствуясь своими военными и экономическими побѣдами надъ Франціей, хотѣла бы изгладить изъ памяти людей то, что сдѣлалъ der Erbfeind для общечеловѣческаго прогресса. Прежде это настроеніе было свойственно только буржуазнымъ кругамъ нѣмецкой интеллигенціи, систематически игнорировавшимъ или принижавшимъ заслуги французовъ въ области мысли, науки, литературы. Но въ послѣднее время въ опьяненной экономическими успѣхами Германіи, національное самомнѣніе развилось совершенно необычайнымъ образомъ, проникая даже въ среду, которая прежде давала отпоръ этимъ чувствамъ. Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія колоссальный успѣхъ имѣла въ Германіи вздорная и претенціозная книга „Rembrandt als Erzieher“, утверждавшая, что нѣмцамъ принадлежитъ міръ, такъ какъ они и теперь уже управляютъ имъ въ лицѣ монарховъ и аристократій, которые повсюду въ Европѣ—германскаго происхожденія, мимоходомъ авторъ замѣчалъ, что наиболѣе великіе люди другихъ странъ, напр. Винчи, Тиціанъ, Спиноза (sic!), были нѣмцами по происхожденію. Эта книга была въ то время единичнымъ явленіемъ, но изложенныя въ ней идеи быстро покорили умы, и теперь существуетъ цѣлая литература, проповѣдующая такія мнѣнія. Цѣлый рядъ ученыхъ серьезнѣйшимъ образомъ доказываетъ, что все великое въ человѣчествѣ было создано исключительно одними германцами, *эвгенической ра-*

---

[1]) Histoire politique de l'Europe contemporaine, par Charles Seignobos' 4-е изданіе, стр. 687.

сой, и недавно Вольтманъ[1]) дошелъ на этомъ пути до геркулесовыхъ столбовъ, написавъ кропотливое изслѣдованіе, въ которомъ доказываетъ, что всѣ, рѣшительно всѣ замѣчательные люди Италіи отъ Данте до Рафаэля, отъ Боккачіо до Франциска Ассизскаго, отъ Россини до Кавура, были, за нѣсколькими ничтожными исключеніями, нѣмецкаго происхожденія. Этого рода шовинизмъ обуялъ соціалъ-демократію, по мѣрѣ того какъ, распространившись вширь, соціалъ-демократическое самосознаніе стало приближаться къ среднему національному самосознанію: всякая вѣдь партія, расширяясь, вбираетъ въ себя все бо̀льшее количество наличныхъ этикоинтеллектуальныхъ элементовъ окружающей среды. Это теперешнее настроеніе нѣмецкой соціалъ-демократіи сказалось, между прочимъ, во время дипломатическаго столкновенія Германіи съ Франціей по поводу марокксмихъ дѣлъ, когда одинъ авторитетный членъ германской соціалъ-демократической партіи высказался противъ идеи помѣшать войнѣ съ Франціей отказомъ идти сражаться, обосновывая свое мнѣніе тѣмъ, что Германія сдѣлала для человѣчества гораздо больше, чѣмъ Франція, такъ какъ и хваленая французская революція есть просто не особенно важный историческій придатокъ нѣмецкой реформаціи и что поэтому сохраненіе Германіи для человѣчества важнѣе, чѣмъ сохраненіе Франціи. На словахъ и поведеніи самого Бебеля видно это вліяніе измѣнившейся среды. Какъ мало похожъ на Бебеля 1871 года, протестовавшаго противъ захвата Эльзаса и Лотарингіи Германіей, Бебель нашихъ дней, тревожащійся по поводу политической изолированности Германской имперіи, огорчающійся неудачами германской дипломатіи въ марокксвомъ вопросѣ, заявляющій на амстердамскомъ конгрессѣ, что республику французы получили въ подарокъ отъ Бисмарка, и дающій понять на маннгеймскомъ партайтагѣ, что антимилитаризмъ – хорошая вещь во Франціи, но совершенно неумѣстенъ въ миролюбивой Германіи. Подъ вліяніемъ этого националистическаго настроенія, современные нѣмецкіе соціалъ-демократы не хотятъ, чтобы ихъ учителя были обязаны

[1]) Ludwig Woltmann, Die Germanen und die Renaissance in Italien, Leipzig, 1905.

чѣмъ нибудь своимъ французскимъ или англійскимъ предшественникамъ. Вотъ почему Каутскій [1]) сердито полемизируетъ съ критиками, указывающими на ненѣмецкіе источники марксизма. Нѣмецкіе соціалисты предпочитаютъ указывать, какъ на источникъ своей доктрины, на нѣмецкую философію. Жоресъ одинъ изъ первыхъ, въ своей латинской диссертаціи: De primis socialismi germanici lineamentis apud Lutherum etc. развилъ съ нѣкоторыми натяжками ту мысль, что отцами нѣмецкаго соціализма слѣдуетъ считать Лютера, Канта, Фихте и Гегеля. Нѣмецкіе соціалисты ухватились за это мнѣніе, и оно теперь у нихъ стало общепринятымъ. Такъ напр., въ одной статьѣ своей Антонъ Фендрихъ говоритъ, что германскій соціализмъ родился единственно отъ оплодотворенія нѣмецкой философіи западноевропейской индустріей (или отъ оплодотворенія индустріи философіей, не знаю навѣрно) [2]). Французская и англійская соціалистическая литература XVIII вѣка и первой половины XIX не играли, очевидно, никакой роли въ этомъ интересномъ зачатіи!! Такъ какъ все нѣмецкое окружено въ Россіи особымъ обаяніемъ (ни на одну страну Германія не имѣетъ такого преобладающаго духовнаго вліянія, какъ на Россію), то эта точка зрѣнія не замедлила утвердиться и въ Россіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, рьяный эллинистъ проф. Зѣлинскій, желая въ одной газетной статьѣ новымъ аргументомъ подтвердить полезность изученія классическихъ языковъ, замѣтилъ, что, какъ *основатель* соціализма Лассаль, такъ и *основатель* индивидуализма Нитцше, были оба классическими филологами! Итакъ, до Лассаля не было соціализма, а до Нитцше не было индивидуализма! [3]).

---

[1]) См. его статью: Das Kommunistische Manifest ein Plagiat, въ Die Neue Zeit, 1903 года, № 47, стр. 693.

[2]) So und nicht anders ist in Deutschland der Sozialismus geboren worden aus einer Befruchtung zwischen deutscher Philosophie und westeuropäischer Industrie. Anton Fendrich. *Zur Psychologie des Sozialismus, Sozialische Monatshefte,* Februar 1906 стр. 157.

[3]) Странно, что отъ вниманія ученаго профессора, столь основательно знающаго нѣмецкую *филологическую* литературу, ускользнули, кромѣ различныхъ французскихъ и англійскихъ индивидуалистовъ, Максъ Штирнеръ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, нѣмецкая романтическая школа и др.

Конечно Марксъ, Энгельсъ, Лассаль изучали въ молодости нѣмецкую философію, т. е., главнымъ образомъ, Гегеля. Но смѣшно утверждать, что существенныя части ихъ соціальной философіи ближе къ Гегелю, чѣмъ къ англійскимъ и французскимъ соціалистамъ, предшествовавшимъ имъ. Въ философіи Гегеля конечно можно отыскать соціализмъ и научный эволюціонизмъ, но, по справедливому замѣчанію Вильфредо Парето, для этого нужно обладать проницательностью тѣхъ итальянскихъ комментаторовъ Данте, которые въ знаменитомъ стихѣ о борзомъ псѣ, Veltro [1]), распознали пророческій намекъ на царствованіе короля Виктора Эммануила [2]). Такимъ же образомъ, намъ кажется, что Zukunftstaat современныхъ соціалъ-демократовъ болѣе похожъ на соціальные планы такихъ соціалистовъ, какъ Кабэ, Луи Бланъ, Пьеръ Леру, Бабефъ, аббатъ Морелли, чѣмъ на несуразное, полицейски-бюргерское „закрытое торговое государство“ Фихте, (имѣющаго болѣе права на названіе отца пангерманскаго націонализма и антисемитизма [3]), чѣмъ на часто даваемый ему теперь титулъ „отца соціализма“), или чѣмъ на изображенныя въ Wilhelm Meisters Wanderjahre земледѣльческія колоніи, которыя напоминаютъ, что угодно, кошкаревскую ли деревню (какова она должна была быть въ теоріи), военныя ли поселенія (также конечно теоретическія, а не реальныя), но только не соціализмъ!

---

¹) Въ первой пѣсни дантовскаго ада:.... Infin che il Veltro
Varrá che la fará morir di doglia.

²) Les systémes socialistes, par Vilfredo Pareto I. стр. 327.

³) aber ihnen (den Juden) Burgërrechte zu geben, dazu sehe ich wenigstens kein Mittel als das in einer Nacht ihnen allen die Köpfe abzuschneiden und andere aufzusetzen, in denen auch nicht eine jüdische Idee sey. Um uns vor ihnen zu schützen, dazu sehe ich wieder kein anderes Mittel, als ihnen ihr gelobtes Land zu erobern und sie alle dahin zu schicken... In einem Staate, wo der unumschränkte König mir meine väterliche Hütte nicht nehmen darf, und wo ich gegen den allmächtigen Minister mein Recht ernalte, der erste Iude, dem es gefällt, mich ungestraft ausplüdert. *Fichte's Sämmtliche Werke,* Berlin 1845, B. VI, S. 149—150. Фихте не только не хочетъ, чтобы евреямъ были даны гражданскія права, но, развивая эту мысль, предвосхищаетъ тонъ Люгера, Дрюмона и др.

Историческая справедливость требуетъ, чтобы между такъ называемымъ научнымъ соціализмомъ и его непосредственными предшественниками, а именно французскимъ соціализмомъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, англійскимъ соціализмомъ первой половины XIX вѣка и англійскимъ же чартистскимъ движеніемъ, мы стали проводить менѣе рѣзкую грань, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось соціалистами.

VII.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ историческомъ значеніи луиблановскаго соціализма. По нашему мнѣнію, оно очень велико. Этотъ соціализмъ слѣдуетъ разсматривать въ связи съ французской революціей 1848 года, которой онъ былъ однимъ изъ главныхъ факторовъ. Главная масса бойцовъ сражавшихся на февральскихъ баррикадахъ, подъ сѣнью уже не трехцвѣтнаго, а *краснаго* знамени, состояла изъ парижскихъ рабочихъ болѣе или менѣе затронутыхъ соціалистической пропагандой. Эти рабочіе уже понимали, что перемѣна политическаго режима сама по себѣ не улучшитъ ихъ положенія и поэтому требовали республики демократической и соціальной. Въ 1848 году пролетаріатъ впервые произвелъ революцію одновременно во имя демократическаго идеала и во имя сознательно выраженныхъ своихъ классовыхъ интересовъ. Революціонному взрыву предшествовала въ рабочемъ классѣ агитація столь серьезная, что тѣ поборники республиканской формы правленія, которые послѣ февральской революціи энергично и постоянно (Франсуа Араго, Гудшо) или въ нѣкоторыхъ случаяхъ и наполовину противъ воли (Ледрю-Ролленъ) старались преграждать дорогу рабочему движенію, до этого событія считали нужнымъ для привлеченія рабочихъ массъ на сторону своей партіи, говорить въ своихъ политическихъ рѣчахъ объ „организаціи труда“, объ „эксплоатаціи человѣка человѣкомъ“, о необходимости „уничтожить наемный трудъ“ и т. д. Это и дало впослѣдствіи рабочимъ право говорить, что ихъ одурачили буржуаз-

ные республиканцы, которые обѣщали соціальныя реформы для того только, чтобы самимъ достигнуть власти и не имѣя въ виду сдержать свои обѣщанія. Какъ бы то ни было, въ самомъ разгарѣ боя и тотчасъ же послѣ побѣды инсургенты предъявили новому правительству требованія соціальнаго характера. они потребовали признанія права на трудъ, и созданія „министерства труда и прогресса“, т. е. государственнаго органа для проведенія соціальной реформы (организаціи труда). Наконецъ они потребовали и добились того, чтобы во Временное правительство было включено два представителя ихъ интересовъ; одинъ изъ этихъ представителей былъ самъ пролетаріемъ, простымъ рабочимъ съ соціалистическими убѣжденіями. Нѣтъ надобности настаивать на исторической важности такого событія, какъ вступленіе пролетарія въ качествѣ таковаго, въ члены правительства большой страны подъ давленіемъ пролетаріата, произведшаго политическую революцію. Эта важность очевидна. Появленіе Альбера въ группѣ людей, призванныхъ руководить судьбами Франціи было поразительнымъ „знаменіемъ“, какъ говорятъ христіане, предвозвѣщавшимъ будущую „диктатуру пролетаріата“. Непосредственныхъ практическихъ результатовъ это избраніе соціалистовъ въ члены Временнаго правительства не дало. То немногое, что было сдѣлано, благодаря вліянію этого меньшинства, было сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ унесено волной реакціи. Такой исходъ былъ фаталенъ. Соціалистическіе члены правительства не могли опираться на многочисленную армію сторонниковъ и чувствовали, что вступаютъ въ борьбу съ половиной Парижа и почти со всей остальной Франціей. Экономическихъ условій для созданія обширной, распространенной по всей Франціи, строго пролетарской рабочей партіи не было еще въ наличности. Но сознательная часть пролетаріата всѣхъ странъ встрепенулась и подняла голову, услыхавъ о томъ, что произошло во Франціи. Люксембургская комиссія была придумана антисоціалистическимъ большинствомъ Временнаго правительства съ коварной цѣлью свести активную роль соціалистовъ на чисто академическую. Тѣмъ не менѣе, эта комиссія сдѣлала свое дѣло, явивъ первый въ исторіи примѣръ рабочаго парла-

мента. Когда, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Коммуны, въ Марсели собрался рабочій конгрессъ, (это былъ первый французскій рабочій конгрессъ, принявшій марксистскую программу) Луи Бланъ съ законной гордостью напомнилъ, что этотъ конгрессъ лишь продолжаетъ традицію, созданную первымъ рабочимъ парламентомъ, а именно Люксембургской комиссіей [1]). Если рѣшенія, принятыя этой комиссіей, остались, по большей части, платоническими, тѣмъ не менѣе громадно ихъ агитаціонное и манифестаціонное значеніе. Такъ правительственный декретъ, ограничившій рабочій день мужчинъ, женщинъ и дѣтей десятью часами въ Парижѣ и одиннадцатью въ провинціи,—декретъ внушенный Люксембургской комиссіей и сопровождавшійся слѣдующей мотивировкой: „принимая во вниманіе, что слишкомъ продолжительный трудъ, не только разрушаетъ здоровье работниковъ, но, мѣшая имъ развивать свой умъ, оскорбляетъ человѣческое достоинство“..., былъ, по словамъ Поля Луи, котораго нельзя упрекнуть въ нѣжности къ доктринѣ и дѣятельности Луи Блана, „самымъ рѣшительнымъ актомъ, какой только до того времени былъ санкціонированъ въ какой бы то ни было странѣ въ дѣлѣ государственнаго вмѣшательства“ [2]). И важность этого акта, прибавимъ мы отъ себя, тѣмъ значительнѣе, что онъ

---

[1]) *Discours politiques*, стр. 372: Car c'est par milliers qu'on les compte en France, en Allemagne, en Angleterre, en Russie, en Espagne, dans le Nouveau Monde, partout les travailleurs manuels dont elle (соціалистическая идея) occupe et tourmente la pensée; car son incomparable importance, attestée par le nombre toujours croissant des chambres syndicales, l'est encore par ces congrés ouvriers dont un va prochainement se tenir á Marseille, et qui, pardonnez moi de rappeler avec fiertè un tel sonvenir, continuent la tradition de ce *parlement du travail* que celui-là même qui vous parle convoqua en 1848 dans le palais d'on les pairs de France venaient de s'enfuir.

[2]) Paul Louis, Les lois onuriéres dans les deux mondes, стр. 82. Наступившая затѣмъ реакція отмѣнила этотъ законъ и замѣнила его закономъ о двѣнадцатичасовомъ днѣ. Этотъ второй законъ, несмотря на то, что онъ представляетъ собой шагъ назадъ имѣетъ, по мнѣнію Карла Маркса, нѣкоторыя преимущества передъ англійскими соотвѣтственными биллями: Trotzdem macht die französische revolutionäre Methode auch ihre eigenthümilichen Vorzüge geltend. Mit einem Schlage diktiert sie allen Ateliers und Fabriken ohne Unterschied die selbe Schranke des Arbeitstag-;

былъ принятъ по настоянію комиссіи, большинство которой состояло изъ делегатовъ рабочаго класса, только что передъ тѣмъ завоевавшаго политическую свободу на баррикадахъ. Но такъ какъ буржуазія, въ сущности, не хотѣла сдѣлать серьезныхъ уступкокъ пролетаріату и такъ какъ, съ другой стороны, пролетаріатъ, не хотѣлъ, чтобы сдѣланная имъ революція оказалась для него безплодной, то гражданская война была неминуема. Требованіе „права на трудъ“ и „организаціи труда“, т. е. само ученіе Луи Блана, привело къ іюньскимъ днямъ. Іюньскій мятежъ, самое страшное уличное сраженіе, какое только помнитъ исторія,—былъ первымъ большимъ возстаніемъ не только исключительно пролетарскимъ, но и соціалистическимъ, какъ показываетъ составъ Временнаго правительства, которое хотѣли учредить инсургенты и которое было бы настоящей „диктатурой пролетаріата“. Слѣдуетъ ли упрекать соціализмъ 1848 года за то, что онъ не проповѣдывалъ борьбы классовъ, когда онъ привелъ къ столь кровавому классовому столкновенію, которое пролетаріату всего міра открыло глаза на основной антагонизмъ современной соціальной жизни? Какая теоретическая пропаганда могла быть дѣйствительнѣе такихъ фактовъ? И именно послѣ 1848 года, международный соціализмъ, сначала слабый и, повидимому раздавленный, но затѣмъ окрѣпшій и сдѣлавшійся все болѣе грознымъ, окончательно сталъ на ту почву классовой борьбы, съ которой затѣмъ ужъ не сходилъ. Если что нибудь вырыло бездонную пропасть между буржуазными политическими партіями и рабочимъ движеніемъ, то это сдѣлали именно потоки крови іюньскаго побоища. „Горе тому человѣку“, воскликнулъ тогда Герценъ при звукѣ залповъ каваньяковской арміи, „который можетъ забыть подобныя минуты!“ И пролетаріатъ не забылъ ихъ.

---

während die englische Gesetzgebung bald an diesem Punkt bald an jenem dem Druck der Verhältnisse widerwillig weicht und auf dem besten Weg ist, einen neuen juristischen Rattenkönig auszubrüten. Andererseits proclamiert das französische Gesetz principiell, was in England nur im Namen von Kindern, Unmündigen und Frauenzimmern erkämpft und erst neuerdings als allgemeines Recht beansprucht wird (Das Kapital, 4-е изданіе, I, 264).

Послѣ іюньскихъ дней и декабрьскаго переворота французскіе соціалисты, спасшіеся отъ тюрьмы, каторги, ссылки разсѣялись по разнымъ странамъ. Кто укрылся въ Бельгію, кто въ Англію, кто въ Швейцарію или Соединенные Штаты. Вмѣстѣ съ политическими эмигрантами другихъ національностей, они содѣйствовали внѣ Франціи образованію соціалистическихъ кружковъ и поддержанію революціоннаго духа въ тѣхъ рабочихъ организаціяхъ, которыя тогда могли быть ему доступны. Подпольная дѣятельность революціонныхъ партій въ пятидесятыхъ годахъ очень мало извѣстна; можетъ быть, мы никогда не будемъ имѣть о ней точныхъ свѣдѣній. Но задержаніе „Интернаціоналки" [1]) въ первой половинѣ 60-хъ годовъ было результатомъ этой потайной работы. Какъ думаетъ Черновъ [2]), движеніе, которому послужили исходной точкой Люксембургская комиссія и образовавшійся по совѣту Луи Блана „центральный комитетъ рабочихъ ассоціацій", закрытый реакціонной республикой, осталась не безъ вліянія на *Интернаціоналку*. Французскіе рабочіе, задумавшіе вмѣстѣ съ англійскими рабочими, съ которыми они встрѣтились на лондонской выставкѣ 1862 года, основать эту ассоціацію, были въ то время подъ вліяніемъ не только Прудона, но и Луи Блана, съ которымъ нѣкоторые изъ нихъ находились въ перепискѣ. Такимъ образомъ, посредствомъ промежуточнаго звена *Интернаціоналки*, соціализмъ 1848 года связывается съ вышедшимъ изъ послѣдней соціализмомъ современнымъ.

Съ другой стороны, нѣмецкая соціалъ-демократическая партія выросла изъ агитаціи, поднятой Лассаламъ, который былъ пря-

---

[1]) Мы предпочитаемъ это выраженіе слову «Интернаціоналъ» которое, будучи мужескаго рода, въ данномъ случаѣ ничего не означаетъ. Вѣдь слово Internationale есть прилагательное женскаго рода, употребляемое для сокращенія формулы: Association internationale des travailleurs. Будучи сокращеніями, такія слова, какъ la Sociale (вмѣсто la république sociale), l'Internationale, имѣютъ по французски *фамильярный* оттѣнокъ, позволяющій переводить ихъ словами *соціалка, интернаціоналка*.

[2]) L. Blanc, par Tchernoff, стр. 88—89.

мымъ ученикомъ Луи Блана[1]): соціальная программа Лассаля есть только переводъ [2]) луиблановскаго плана реформъ на нѣмецкій языкъ.

Несомнѣнно также вліяніе Луи Блана на ту отличающуюся идеалистической окраской фракцію французскихъ коллективистовъ, которая, до объединенія французской соціалъ-демократіи, называлась независимой соціалистической партіей. Духовнымъ отцомъ ея былъ Малонъ, а главные ея представители—Руанэ, Фурньеръ и Жоресъ.

Наконецъ кооперативное движеніе, къ которому соціалистическая партія въ теченіе долгаго времени относилась пренебрежительно, или даже враждебно, и которое теперь стало процвѣтать подъ ея эгидой, гордясь такимъ грандіозными ассоціаціями, какъ гентскій Vooruit, есть прямое возвращеніе къ идеямъ Луи Блана. Что можетъ болѣе гармонировать съ этими идеями, чѣмъ рабочій стеклянный заводъ (la Verrerie ouvriére) въ Альби?

Мы видимъ, слѣдовательно, что соціализмъ Луи Блана былъ плодотворенъ и сыгралъ видную роль въ рабочемъ движеніи XIX столѣтія. Были ли политическія неудачи этого дѣятеля результатомъ его принципіальныхъ ошибокъ (во всякомъ случаѣ, *честныхъ*), объясняются ли онѣ роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ, все равно, соціалисты должны чтить въ немъ одного изъ самыхъ выдающихся борцовъ за дѣло пролетаріата, одного изъ предшественниковъ, проложившихъ путь современному рабочему движенію. И вполнѣ можно согласиться съ слѣдующими словами его ближайшаго друга, Виктора Гюго, которому самъ Луи Бланъ сказалъ: „въ біеніяхъ вашего сердца я всегда узнавалъ біенія моего собственнаго“ [3]):

---

[1]) Хотя самъ въ этомъ не признавался. См. объ этомъ. *Kleinwächter*, Lassalle und L. Blanc въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenchaft, 1882, стр. 118.

[2]) Дюрингъ говоритъ; ein *Exceppt* aus dem klaren und natürlichen dargelegten Schema Louis Blancs (Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus von Dr. E. Dühring, Leipzig, 1879, стр. 449). Тамъ же высказывается слѣдующее мнѣніе: Ueberdies ist L. Blanc auch als Theoretiker copirt worden, nämlich von Herrn Marx.....

[3]) Dans les battements de votre coeur j'ai toujours reconnu les battements du mien.

„Луи Бланъ—это апостолъ идеала; это философъ, въ которомъ заключается трибунъ; это честный человѣкъ въ роли бойца; это историкъ, раскапывающій прошлое, для того чтобы посѣять сѣмена будущаго“.

Евгеній Колбасинъ.

Кастель-Гандольфо, октябрь 1906.

Предисловіе.

Я давно выжидалъ случая сообщить истину о февральской революціи 1848-го года, исторію которой исказили едва-ли не болѣе исторіи всякаго другого знаменитаго событія.

Когда вспыхнула революція 1848-го года, лордъ Норменби находился въ Парижѣ, гдѣ, по порученію англійскаго правительства, онъ изучалъ движенія французскаго общества. Передъ его глазами пронеслись эти изумительныя событія, отъ которыхъ на минуту затрепетали радостной надеждой сердца всѣхъ угнетенныхъ народовъ. Вокругъ него прозвучали исполненные столь глубокаго значенія клики, вызвавшіе столько отголосковъ во всѣхъ концахъ міра. Не было, конечно, надобности въ особенно кропотливыхъ изслѣдованіяхъ для того, чтобы быть освѣдомленнымъ касательно событій въ такое время, когда новости гремѣли какъ грозовые удары и исторія ежедневно писалась на самомъ форумѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: Народомъ. И однако—это можетъ показаться невѣроятнымъ!—лордъ Нормэнби какъ будто ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, ничего не зналъ. Очевидно, зрѣлище было слишкомъ величественно для зрителя.

Клеветы со вторыхъ рукъ и ядовитыя сплетни, которыя его сіятельству угодно было преподнести публикѣ подъ видомъ историческихъ воспоминаній, несомнѣнно не заслуживаютъ серьезныхъ возраженій. Какой просвѣщенный человѣкъ сталъ бы придавать значеніе книгѣ, являющейся лишь наборомъ вздорныхъ слуховъ, сообщаемыхъ одними пристрастными людьми другимъ, столь же пристрастнымъ?

Но бѣда въ данномъ случаѣ заключалась въ томъ, что произведеніе лорда Норменби, несмотря на все свое ребячество, имѣло шансы на успѣхъ въ большой публикѣ, благодаря положенію и имени автора. Такъ естественно было предположить, что англійскій посланникъ, дипломатъ, положеніе котораго даетъ ему возможность быть хорошо освѣдомленнымъ, знаетъ что-нибудь изъ того, что онъ разсказываетъ! И, наоборотъ, такъ трудно было допустить, чтобы знатное лицо, исполняющее важную общественную должность, рискнуло выпустить въ свѣтъ книгу, полную ошибокъ, касающихся общеизвѣстныхъ событій! Въ этомъ, по-моему, заключалась опасность и я рѣшился показать посредствомъ неопровержимыхъ свидѣтельствъ и оффиціальныхъ документовъ, чего стоилъ лордъ Нормэнби какъ разсказчикъ и бытописатель.

Не то, чтобы у меня было намѣреніе издать полемическое сочиненіе: я далекъ отъ этого! Отмѣтить иначе, какъ мимоходомъ, поразительныя ошибки благороднаго маркиза значило бы оказать его произведенію незаслуженную честь. Но я воспользовался его книгой для послѣдовательнаго историческаго изображенія удивительныхъ и величественныхъ сценъ, въ которыхъ мнѣ суждено было съиграть извѣстную роль; предоставивъ другимъ позаботиться объ опроверженіи лорда Норменби въ томъ, что лично ихъ касается, я вмѣнилъ себѣ въ обязанность возразить на всякую ложь, направленную противъ дѣла, которому я служу, или противъ народной чести.

Это сочиненіе и предлагаю я читателямъ, такъ какъ наступилъ моментъ издать его во Франціи, куда оно до сихъ поръ не проникало.

Нападокъ на временное правительство со стороны враговъ республики слѣдовало ожидать; но что люди, называющіе себя республиканцами, чернили и ежедневно продолжаютъ чернить его, это надрывало бы сердце, еслибы явленіе это не объяснялось туманомъ, скрывающимъ отъ взоровъ новаго поколѣнія,—выросшаго подъ режимомъ гнета и молчанія,—событія уже очень далекія отъ насъ.

Я былъ членомъ временнаго правительства, въ качествѣ члена

меньшинства его. Идеи, имѣвшія менѣе всего успѣха у моихъ товарищей, были наиболѣе мнѣ дорогими. Мнѣ пришлось бороться и бороться тщетно, со страхомъ, который вызывали въ большинствѣ изъ нихъ стремленія современнаго соціализма. Какъ выразитель этихъ стремленій, вообще мало изучавшихся и столь плохо понимаемыхъ еще и въ настоящее время, я былъ предметомъ предубѣжденій, послужившихъ источникомъ гибельныхъ недоразумѣній. Часто, къ моему огорченію, отвергались мѣры, которыя я считалъ полезными, принимались же тѣ, которыя казались мнѣ вредными, при чемъ отвѣтственность за коллективное рѣшеніе падала и на меня. Двое изъ моихъ прежнихъ сотоварищей, г. де Ламартинъ и г. Гарнье-Пажесъ, сами засвидѣтельствовали въ своемъ разсказѣ о революціи 1848-го года враждебныя чувства, которыя они ко мнѣ питали, и я думаю, что въ теченіе всей своей бурной жизни не встрѣчалъ противниковъ болѣе предубѣжденныхъ и несправедливыхъ, чѣмъ г. де Мари и А. Маррастъ. Слѣдовательно, меня не станутъ подозрѣвать въ пристрастіи, если я вступлюсь за Временное правительство противъ его хулителей. И я, не колеблясь, заявляю, что правительство это, несмотря на ошибки, несмотря на несправедливости, къ которымъ его привела ложная оцѣнка нѣкоторыхъ идей и личностей, можетъ, если принять во вниманіе всю совокупность его дѣйствій, выдержать сравненіе съ лучшимъ изъ когда-либо существовавшихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какое правительство когда-либо обнаружило, посреди громаднаго столкновенія разбушевавшихся страстей, болѣе постоянную невозмутимость, болѣе благородное довѣріе къ нравственному авторитету его принциповъ, болѣе абсолютное безкорыстіе, и болѣе гордое безстрашіе! Какое другое правительство когда либо обошлось со своими врагами съ большимъ великодушіемъ, обнаружило большее отвращеніе къ пролитію крови и съ большей щепетильностью воздерживалось отъ употребленія насилія? Какому другому правительству когда-либо удалось столь чудеснымъ образомъ удержаться на вершинѣ общества, потрясеннаго до самыхъ основаній, не прибѣгая къ силѣ, не зажимая рта даже клеветѣ, не прячась

за спину судей, полиціи, солдатъ, а призывая къ себѣ на помощь одну лишь силу, силу убѣжденія? Да, когда, какъ писалъ я въ своемъ „Воззваніи къ честнымъ людямъ", остынетъ жаръ современныхъ страстей, то вспомнятъ о томъ, какъ великодушны были февральскіе дѣятели, не омрачившіе дней своего могущества ни единымъ арестомъ. Вспомнятъ, что они не нуждались ни въ прокурорахъ, ни въ исключительномъ судопроизводствѣ, ни въ тюремщикахъ, ни въ сыщикахъ; что имъ не приводилось защищать порядокъ ударами сабель; что ни одна семья не надѣла траура, по причинѣ ихъ декретовъ; что они воспользовались своей *диктатурой* для того чтобы отмѣнить смертную казнь, унять народную площадь, защитить побѣжденныхъ, сдѣлать неприкосновеннымъ жилище каждаго гражданина и свободнымъ голосъ каждой газеты; что они, *красные* республиканцы, демократы съ кровавымъ именемъ, созвали народъ на Марсово поле, чтобы отпраздновать тамъ философскій праздникъ забвенія ненависти и сжечь эшафотъ; что они, эти анархисты, выбрали, своимъ девизомъ слова:—*порядокъ въ свободѣ*—и что по призыву этихъ апостоловъ разрушенія двѣсти тысячъ голодныхъ людей съ оружіемъ въ рукахъ охраняли Парижъ.

Временное правительство не провело борозды такой широкой и глубокой, какую, по моему мнѣнію, оно могло провести. Но развѣ право упрекать его за тѣ вещи, которыхъ оно не имѣло неустрашимой мудрости сдѣлать, влечетъ за собой также право забыть то благородное и великое, что оно сдѣлало? Въ какую эпоху и въ какой странѣ найдется правительство, которое, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, — двухъ мѣсяцевъ!—издало бы столько декретовъ, запечатлѣнныхъ любовью къ свободѣ и движеніемъ къ человѣческому достоинству? Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отмѣнить смертную казнь, установить всеобщее избирательное право, провозгласить право на трудъ, дать трибуну пролетаріату, издать декретъ объ эмансипаціи невольниковъ, изъять тѣлесныя наказанія изъ морского законодательства, выработать проектъ всеобщаго и безплатнаго обученія, расширить институтъ присяжныхъ, отмѣнить политическую присягу, уничтожить долговую тюрьму, провозгласить принципъ временнаго

или окончательнаго отставленія судей отъ должности (т. е. ихъ смѣняемости), облегчить натурализацію иностранцамъ, организовать прямое представительство рабочаго класса, открыть эру великаго кооперативнаго движенія, и оффиціально заклеймить наемный трудъ какъ послѣднюю форму рабства,—неужели же все это не имѣло значенія? Пусть перечитаютъ въ *Монитерѣ* декреты, изданные въ короткій промежутокъ времени отъ 24-го февраля 1848-го года до 4-го мая того же года: въ нихъ заключается защита Временнаго правительства!

Крайне странная несправедливость, въ которую однако часто впадаютъ, состоитъ въ томъ, что Временному правительству вмѣняютъ въ вину ошибки, совершенныя уже послѣ того, какъ оно перестало существовать, и политическія несчастія, порожденныя этими ошибками. Совершенно вѣрно, что Исполнительная коммиссія состояла изъ пяти членовъ, которые передъ тѣмъ всѣ входили въ составъ Временнаго правительства; но эта Коммиссія, изъ которой постарались удалить элементъ соціалистическій и народный, въ которую Г-на Ледрю Ролена допустили лишь для того, чтобы парализовать его дѣйствія, и которая подчинена была, кромѣ того, контролю собранія, гдѣ преобладающее значеніе имѣли роялисты, эта коммиссія не была Временнымъ правительствомъ. Не воспроизводя его состава, она не выражала его духа; у нея не было его независимой и верховной власти; она никоимъ образомъ не могла являться его продолженіемъ.

Кто желаетъ быть справедливымъ къ Временному правительству, тотъ не долженъ дѣлать его отвѣтственнымъ за дѣйствія, не при немъ и не имъ совершенныя и которыя никогда не совершились бы, если-бы оно продлило свое существованіе.

Къ несчастію, событія въ 1848 году неслись такъ быстро, а партійный духъ имѣлъ съ тѣхъ поръ столько удобныхъ случаевъ для того, чтобы исказить ихъ, что въ Англіи я часто слышалъ, какъ Временному правительству приписывались поступки, совершенные во

время военной диктатуры генерала Каваньяка [1]). Одинъ именитый англичанинъ сказалъ мнѣ какъ-то: „доказательство нежизнеспособности Временнаго правительства, — это то, что оно пало“. Велико было его удивленіе когда я воскликнулъ! „Пало, милостивый государь? Но откуда это вы взяли? Временное правительство оставалось безусловнымъ хозяиномъ положенія, пока желало этого. Оно удалилось свободно, добровольно, въ часъ заранѣе для этого имъ назначенный и ни минутой ранѣе; оно удалилось послѣ того, какъ передало врученную ему народомъ власть избранникамъ всеобщаго голосованія созваннымъ этимъ же Временнымъ правительствомъ; оно удалилось послѣ торжественнаго вотума, провозгласившаго его „заслуги передъ отечествомъ“, и при звукахъ единодушнаго двадцать разъ повтореннаго клика: „да здравствуетъ республика!“—привѣтствовавшаго успѣхъ дѣла имъ совершеннаго.

Значитъ ли это что Временное правительство не совершило ошибокъ, которыхъ дальнѣйшія послѣдствія могутъ быть, по справедливости, вмѣнены ему въ вину? Странно было бы, если бы я сталъ оправдывать, послѣ того какъ событія вынесли свой приговоръ, то, что я порицалъ прежде, чѣмъ вопросъ былъ рѣшенъ этимъ приговоромъ. Главная ошибка заключалась въ непредусмотрѣніи того обстоятельства, что ускореніе выборовъ давало контръ-революціонерамъ средство воспользоваться старинными предразсудками и призрачными страхами, подъ властью которыхъ еще находилась провинція по отношенію къ республикѣ. Дать судить республику, не давъ ей времени хорошенько ознакомить съ собою тѣхъ судей, которые о ней составили себѣ столь ложное представленіе, значило вооружить невѣжественное деревенское населеніе противъ просвѣщеннаго городского, провинцію противъ Парижа, это значило создать тотъ антагонизмъ, который повлекъ за собою роковые майскіе и іюньскіе дни.

Что, въ этомъ отношеніи, временному правительству не до-

---

[1]) Мы пишемъ, слѣдуя принятому всѣми образованными французами произношенію, Каваньякъ, а не Кавэньякъ, какъ обыкновенно пишутъ въ Россіи. Перев.

стало прозорливости и предусмотрительности, это несомнѣнно. Но гдѣ причина его заблужденія? Въ крайнемъ уваженіи ко всеобщему голосованію, въ чрезмѣрно щепетильной поспѣшности, съ которой оно преклонилось передъ самодержавіемъ націи или выраженіемъ этого самодержавія.

Но что доказываетъ это заблужденіе кромѣ того, что въ 1848-мъ году Франція, разсматриваемая въ томъ, что составляетъ ея численную силу, т. е. въ деревенскомъ населеніи, во многихъ отношеніяхъ не была подготовлена даже къ чисто политическому обновленію предоставленному всеобщей подачей голосовъ?

Вотъ, съ чѣмъ не считаются юные аристархи, воображающіе что февральскимъ дѣятелямъ стоило сказать одно лишь слово, сдѣлать одно лишь движеніе, чтобы радикально преобразовать общество. Временное правительство, конечно, дѣйствовало слишкомъ робко, слишкомъ спѣшило сложить съ себя бремя отвѣтственности за положеніе, оно не знало, сколько силы при извѣстныхъ обстоятельствахъ, таится, въ рѣшимости дѣйствовать; кромѣ того, повторяю это снова, большинство членовъ временнаго правительства видя въ учрежденіи республики скорѣе *цѣль*, чѣмъ *средство*, боялось соціализма. Но, откровенно, ихъ ли однихъ мучилъ этотъ страхъ? Но, даже и ограничивая свои желанія одной лишь мыслью о республикѣ. не шли ли они гораздо дальше того, что французская деревня была способна ясно понимать и желать въ то время? А кому же когда нибудь было дано передѣлать общество по своему желанію?

Иные, угрюмо настроенные умы удивляются тому, что революція 1848-го года не съумѣла извлечь элементовъ истиннаго возрожденія изъ тогдашняго положенія вещей. Увы! Если бы эти элементы существовали въ то время въ нашей странѣ, развѣ Франція могла бы подчиняться затѣмъ въ теченіе двадцати лѣтъ абсолютистскому режиму, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія? Что отвѣтили бы иные соціалисты новаго поколѣнія, безпощадно критикующіе своихъ предшественниковъ, если бы послѣдніе заговорили съ ними слѣдующимъ образомъ:

„Какими усиліями, какими блистательными актами самоотверженія, какими проявленіями мужественной независимости, какими геніальными находками добыли вы право судить столь строго? Что за двадцать лѣтъ сдѣлали вы такого, что вы могли бы съ съ торжествомъ противопоставить дѣятельности старшаго поколѣнія? Не для того ли, чтобы васъ самихъ не упрекали за то, что вы не свергли вашего ига, вы такъ горячо упрекаете ихъ за то, что они не избавили васъ заранѣе отъ этого труда? Почему же вы не съумѣли завоевать этого сокровища, если вы ихъ обвиняете за то, что они не умѣли его сохранить? Какъ, вы—на лицо, а у Франціи нѣтъ еще иныхъ вольностей, кромѣ тѣхъ которыя ей соглашаются подарить какъ милостыню! Вы—на лицо, а Франція не только не получила отъ васъ благодѣяній соціальной революціи, но еще только вздыхаетъ о политическомъ освобожденіи, примѣръ котораго ей подала Австрія,—да, Австрія! Не говорите, что противъ васъ сила штыковъ; она угрожала и вашимъ предшественникамъ: могущество настоящаго общественнаго мнѣнія, тамъ, гдѣ оно существуетъ—непреодолимо; оно приводитъ въ замѣшательство самыхъ ярыхъ, охранителей власти; оно смѣется надъ разсчетами стратегіи; ему не приходится выламывать дверей казармъ, эти двери сами открываются передъ нимъ; оно заставляетъ солдата выронить изъ рукъ оружіе“.

Но васъ оправдыетъ то, что продолжительный упадокъ общественнаго настроенія лишалъ до сихъ поръ поддержки всякое великодушное предпріятіе.

Общественное мнѣніе всетаки, пробуждается: недавніе выборы служатъ тому доказательствомъ. Но сами выборы эти не свидѣтельствуютъ ли о томъ, какъ мало деревенское населеніе, даже и въ настоящее время, способно слѣдовать шагъ за шагомъ за населеніемъ большихъ городовъ?

Я не имѣю ни малѣйшей охоты оспаривать значеніе достигнутаго результата. Но слѣдуетъ видѣть его границы. Нѣсколько безчинствъ, произведенныхъ провокаторами на слѣдующій послѣ объявленія выборныхъ результатовъ день, достаточно было, чтобы вы-

звать у переполошившейся буржуазіи восторженные клики въ честь Наполеона III-го, при его проѣздѣ. Такъ легко еще вернуть ее подъ иго посредствомъ страха! Настолько еще она находится подъ властью заблужденія, что нужно выбирать одно изъ двухъ: либо опасность разнуздать безпорядокъ, либо униженіе подчиняться властителю.

Вотъ куда мы пришли черезъ двадцать лѣтъ послѣ водворенія республики во Франціи. Многіе серьезно думаютъ, что нашествіе соціализма возвѣщается разносомъ кіосковъ въ дребезги и битьемъ стеколъ; для того, чтобы защитить себя отъ подобнаго врага, они не могутъ придумать ничего лучшаго, какъ призвать на помощь перваго попавшагося властелина!

Наконецъ, еслибы страна серьезно вернулась къ мысли о необходимости принадлежать самой себѣ, какъ объяснить то, что упадокъ, о которомъ я только что говорилъ, былъ настолько продолжителенъ и глубокъ, если, начиная съ 1848-го года, *вся Франція* готова была подвергнуть себя опыту обновленія одновременно политическаго и соціальнаго? Энтузіазмъ парижскаго населенія и населеніе нѣсколькихъ большихъ городовъ былъ могущественнымъ рычагомъ въ рукахъ демократической власти—съ этимъ я согласенъ: но, вѣдь, и препятствія были громадны: справедливо ли будетъ не придавать имъ никакого значенія?

Но довольно объ этомъ. Я считалъ себя обязаннымъ возстать противъ преувеличенныхъ, по моему мнѣнію, обвиненій. Но я не способенъ набрасывать угодливый покровъ на ошибки, которыя я считаю дѣйствительными, о комъ бы ни шла рѣчь, о другѣ или недругѣ. Читатели этой книги скоро убѣдятся въ этомъ.

И, всетаки, разглядывая слѣды своихъ собственныхъ шаговъ на этихъ крутыхъ тропинкахъ, къ которымъ возвращаютъ меня мои воспоминанія, я старался о томъ, чтобы мои чувства не заговорили громче моего разсудка. Если у меня вырвалось нѣсколько слишкомъ горькихъ словъ, пусть видятъ въ нихъ лишь невольное отраженіе моихъ былыхъ треволненій. Я выучился терпѣливо на-

дѣяться, да и рана моя такъ долго сочилась, что, наконецъ, закрылась на половину. Съ такою же силой какъ и прежде я ненавижу насиліе и несправедливость; но отстраненный втеченіе столькихъ лѣтъ отъ политической сцены я достигъ, по крайней мѣрѣ, того, что сужу своихъ враговъ съ большимъ спокойствіемъ, и яснѣе различаю въ ихъ поведеніи то, что проистекаетъ отъ предразсудковъ, незнанія, минутнаго порыва, наконецъ, отъ мотивовъ, считающихся почтенными, ибо человѣческій умъ удивительно способенъ заблуждаться, насчетъ истиннаго характера своихъ побужденій.

Февральская революція 1848 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Луи-Филиппъ и его царствованіе.

Кажущаяся жизнеспособность іюльской монархіи наканунѣ февральской революціи.—Сравненіе ея паденія съ паденіемъ правительства Реставраціи.—Луи-Филиппъ.—Измѣнчивость его судебъ.—Вліяніе, которое эта измѣнчивость оказала на его взгляды и характеръ.—Его традиціонное самолюбіе.—Значеніе, которое онъ придавалъ вопросамъ этикета.—Его качества въ частной жизни.—Луи-Филиппъ, какъ государь.—Его воспитаніе.—Его военная карьера.—Жизнь, которую онъ велъ, будучи эмигрантомъ.—Его политическое поведеніе послѣ 1815 года.—Историческая роль Орлеанскаго дома.—Луи-Филиппъ, какъ король.—Промахи его правленія.—Корыстолюбіе дѣлается общественной добродѣтелью.—Saint-Zeu.—Blaye.—Какую роль Луи-Филиппъ могъ бы сыграть послѣ 1830 года.—Его дѣятельное и постоянное вмѣшательство въ управленіе.—Несовмѣстимость избирательнаго принципа съ принципомъ наслѣдственности.—Умственное движеніе въ народѣ при Луи-Филиппѣ.—Горицiя и Клермонтъ.

Немного лѣтъ тому назадъ, Луи-Филиппъ казался однимъ изъ могущественнѣйшихъ королей въ мірѣ. Промышленная Франція привѣтствовала въ немъ предопредѣленнаго ей представителя. Въ немъ буржуазія любила самое себя. Престижъ, недостававшій его вступленію на престолъ, онъ черпалъ въ 17-ти годахъ царствованія, которому время отъ времени грозила опасность, но всегда тщетно. Республиканцы были истощены, потерявъ въ безплодныхъ возстаніяхъ лучшую часть своей крови. Легитимистская партія распалась. Нѣсколько разъ руки злоумышленниковъ поднимались на героя 1830 года, но какое-то таинственное покровительство свыше, казалось, окружало его, обращая все къ его благу, начиная съ

адской машины Фіески до ружья-трости Алибо; сами опасности, которымъ онъ подвергался, служили лишь его успѣху, а постоянство его удачъ утомило въ концѣ концовъ геній заговоровъ, обезкуражило убійство. Опираясь на значительную массу матеріальныхъ интересовъ, требовавшихъ отъ него прочности правленія и обезпечивавшихъ ее ему, пользуясь услугами искусныхъ министровъ, располагая большинствомъ въ обѣихъ палатахъ, будучи главой многочисленнаго и процвѣтающаго семейства, счастливый въ своемъ потомствѣ, еще при его жизни продленномъ рожденіемъ внука, чего онъ могъ опасаться? Впечатлѣніе, производимое его счастьемъ, было таково, что наиболѣе нетерпѣливые изъ его враговъ ждали для осуществленія своихъ надеждъ дня, который наступитъ послѣ его смерти, разсчитывая на затрудненія, въ которыя попадетъ регентство, и на претендентское соперничество герцога Немурскаго и герцогини Орлеанской. Но и этотъ разсчетъ разбился о здоровье Луи-Филиппа и его бодрую старость. „Увидите, весело говорилъ онъ своимъ близкимъ, что я еще перескочу черезъ регентство". И не только во Франціи, но и въ Италіи, въ Германіи и въ Польшѣ революція отсрочивалась изъ-за него, такъ что онъ представлялся государямъ главнымъ тормазомъ передовыхъ движеній, условіемъ всеобщаго спокойствія, предопредѣленнымъ самой судьбой. Положеніе, по истинѣ импонирующее и служившее льстецамъ поводомъ называть его „Наполеономъ мира!"

Но вотъ, о удивленіе, это величественное зданіе вдругъ рушится! Въ одно прекрасное утро, внезапно разбуженная Европа узнаетъ, что король Франціи бѣжалъ, что королевская семья разсѣялась по лицу земли, что Франція стала республикой. Обнажились, вѣроятно, тысячи мечей? Конечно, пролиты были потоки крови? Нѣтъ, для того, чтобы опрокинуть этотъ неприступный тронъ, не нужно было ни борьбы, ни гнѣва: для этого понадобился одинъ лишь часъ и одинъ только кликъ!

Пускай же, пускай маленькіе умы и мелкія души усматриваютъ въ этой удивительной трагедіи лишь результатъ нечаянныхъ обстоятельствъ; не станемъ отнимать у нихъ утѣшенія заявлять,

что французскій народъ, этотъ великій народъ, былъ мистифицированъ исторіей: кто серьезно судитъ о серьезныхъ вещахъ, знаетъ, что подобныя событія бываютъ всегда вызваны глубокими причинами.

У Луи-Филиппа были добродѣтели, заслуживающія быть отмѣченными; и сказать ли это?—когда я думаю о правленіи Луи-Филиппа, сердце мое едва можетъ справиться съ тайнымъ волненіемъ.

А между тѣмъ, я не люблю королей: это достаточно хорошо извѣстно; но осыпать безцѣльной бранью тѣхъ, кто вчера былъ у власти, прилично лишь тѣмъ, кто собирается поклоняться власти завтрашней. Заносчивость придворныхъ нравовъ объясняется ихъ низменностью; республиканскому же сердцу никогда не было свойственно издѣваться надъ несчастіемъ; лордъ Норменби выступаетъ только въ своей роли придворнаго, когда онъ хохочетъ надъ могилой государя, всегда хорошо къ нему относившагося, по его же, лорда Норменби, признанію [1]); республиканецъ остается въ своей роли, когда отдаетъ должное достоинствамъ низверженнаго государя, съ которымъ до его паденія онъ велъ борьбу. Итакъ, изъ уваженія къ истинѣ, къ своей партіи и къ самому себѣ, я постараюсь не обойти молчаніемъ ничего изъ того, что говоритъ въ пользу Луи-Филиппа.

Но я буду также остерегаться мягкосердечной снисходительности, ибо, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ, далеко распространяющемъ съ высоты своего положенія вліяніе своихъ добродѣтелей и пороковъ; когда жизнь его является поученіемъ, завершающимся его смертью, когда отъ вынесеннаго надъ нимъ приговора можетъ произойти много добра или много зла, то о такомъ человѣкѣ истина должна глаголать съ особенной строгостью.

Карлъ X-й палъ потому, что престолъ его покоился на ложномъ принципѣ; Луи-Филиппъ палъ, потому что его престолъ не основывался ни на какомъ принципѣ.

---

¹) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 183.

Не удивительно же, что есть такая разница между тѣмъ и другимъ паденіемъ!

Карлъ X-й въ 1830 году не покинутъ, а побѣжденъ. Онъ не отдаетъ своей короны, ее у него отнимаютъ. Онъ не бѣжитъ, а удаляется; онъ удаляется торжественно, небольшими этапами по извѣстнымъ всякому дорогамъ, окруженный своею семьею, среди народа, сбѣжавшагося смотрѣть на погребальное шествіе старой монархіи. Мало того, его сопровождаетъ почетная свита, состоящая изъ коммиссаровъ, избранныхъ побѣдителями. Въ Шербургѣ слѣдовавшіе за нимъ тѣлохранители выстраиваются во фронтъ на молу и, глубоко растроганные, обращаются къ нему съ прощальными привѣтствіями военной вѣрности. И когда, наконецъ, онъ взбирается на корабль, который унесетъ его въ вѣчное изгнаніе, находятся вѣрные слуги, которые обнимаютъ его колѣни, со слезами умоляя его милостиво разрѣшить имъ раздѣлить его будущія страданія.

Напротивъ, Луи-Филиппъ въ 1848 г, лишь только опасность начинаетъ ему угрожать, уже погибъ. Онъ чувствуетъ себя умирающимъ отъ пустоты, которая внезапно образуется вокругъ него. Если онъ оказывается побѣжденнымъ, то это не потому, что у него есть враги, а потому, что у него нѣтъ друзей. Его не свергаютъ, а покидаютъ! Увѣдомленный такимъ образомъ о своемъ безсиліи, онъ въ свою очередь спѣшитъ въ изгнаніе; но какъ? на подобіе какого-нибудь безвѣстнаго преступника, окольными путями, подъ вымышленнымъ именемъ, переодѣтый! И къ довершенію униженія, всѣ эти предосторожности оказываются излишними; никто и не думалъ преслѣдовать этого бѣглаго короля.

Въ чемъ тайна этого явленія? Посмотримъ, чѣмъ былъ Луи-Филиппъ, какъ человѣкъ, какъ государь и какъ король.

Природа не дала Луи-Филиппу ничего изъ того, что образуетъ величіе. Сердце его рано оказалось закрытымъ для поэтическихъ стремленій,—умъ — для широкихъ помысловъ. Онъ не познал ни увлеченій страсти, ни возвышенныхъ радостей самоотверженія. Что въ немъ было замѣчательнаго, такъ это соединеніе и рѣдкая уравновѣшенность второстепенныхъ качествъ. Но

сами эти достоинства съ годами превратили въ недостатки, а королевскимъ саномъ — въ пороки; — такимъ образомъ, на тронѣ, здравый смыслъ Луи-Филиппа измельчалъ вмѣсто того чтобы стать болѣе крупнымъ достоинствомъ. Его природная осторожность выродилась въ хитрость. Его бережливость дошла до крайности. Знаніе людей, добытое имъ продолжительнымъ жизненнымъ опытомъ и продолжительной борьбой съ несчастіемъ, внушило ему, по отношенію къ человѣческому роду, чувство, слишкомъ походившее на презрѣніе. Его умѣлость была скорѣе ловкостью купца, изощрившагося въ веденіи дѣлъ, чѣмъ тактичностью короля. Черта эта была у Людовика XI но въ соединеніи съ глубиной замысловъ и съ самобытнымъ геніемъ, которыхъ нельзя было найти у Луи—Филиппа.

Его образованіе было столь же обширно, какъ и разнообразно; его рѣчь лилась свободно и изобильно, его память была поразительна; разговоръ его полонъ фактическихъ данныхъ. Судьба его столько разъ мѣнялась—и, вслѣдствіе этихъ перемѣнъ, столько лицъ, столько событій прошло передъ его глазами! Чѣмъ только не случилось ему быть! Почти современникомъ Вольтера, свидѣтелемъ зарождавшейся революціи, внушавшимъ подозрѣніе гостемъ стараго тюйлерійскаго дворца, членомъ клуба якобинцевъ, солдатомъ Келлермана, соратникомъ Дюмурье, школьнымъ учителемъ въ Швейцаріи, предполагаемымъ кандидатомъ на греческій и мексиканскій троны, бѣднякомъ, нуждавшимся въ кускѣ хлѣба и богачемъ милліонеромъ! Какое существованіе было когда-либо болѣе исполнено превратностей въ эпоху, болѣе обильную перемѣнами? Но вліяніе этой романической судьбы было безсильно наэкзальтировать эту натуру—совершенно недоступную экзальтаціи. Луи Филиппъ успѣлъ изучить все, кромѣ того, что оплодотворяетъ науку. Онъ хорошо говорилъ но искра краснорѣчія ни разу не блеснула въ его рѣчахъ, онъ умѣлъ вести бесѣду, но никогда его уста не произносили словъ, остающихся въ памяти людей; у него была извѣстная любовь къ искусству,—къ архитектурѣ въ особенности, но у него отсутствовало пониманіе грандіознаго.

Прибавьте къ этому, что физическая внѣшность этого человѣка совершенно соотвѣтствовала его духовному существу. Ни малѣйшей величественности въ осанкѣ, ни малѣйшей горделивости во взглядѣ, никакого сіянія на лицѣ. Его манеры, не лишенныя извѣстнаго достоинства, не были внушительны; въ выраженіи его лица доброта соединялась съ лукавствомъ. Ему достаточно было показаться, чтобы охарактеризовать себя.

И все таки, какъ это ни странно, въ этомъ буржуазномъ монархѣ, въ этомъ конституціонномъ королѣ, въ этомъ человѣкѣ съ мѣщанскими подчасъ пріемами, таился извѣстный запасъ традиціоннаго самолюбія и крайней обидчивости. Онъ любилъ у себя во дворцѣ поминать своихъ предшественниковъ и говорить о своемъ *родѣ*, одинъ видъ лести могъ тронуть и одурачить его: сравненіе его съ Людовикомъ XIV. Но и въ этой слабости выражалась преобладающая сторона его натуры: въ его душѣ гордость крови вырождалась въ тщеславіе. Наблюдавшіе Карла X-го, послѣ его сверженія съ трона въ 1830 году, на пути въ Шербургѣ, замѣтили, что перенося мужественно свою судьбу, въ ея цѣломъ, онъ не могъ примириться съ нѣкоторыми мелочами.

Самое, ничтожное нарушеніе этикета возмущало человѣка который покорно переносилъ все остальное: такъ напр., въ маленькомъ городкѣ Эглѣ пришлось, какъ я это разсказалъ, велѣть соорудить для обѣда этого монарха, терявшаго цѣлое царство, четыреугольный столъ, сообразно съ придворнымъ обычаемъ. Такимъ же былъ и Луи-Филиппъ. Его привязанность къ торжественнымъ пустякамъ королевскаго положенія доходила до крайности, почти невѣроятной.

Онъ никогда не могъ простить революціи 1830-го года, подарившей ему корону, того, что она уничтожила древнюю лилію на его гербахъ.

О томъ, какое значеніе онъ придавалъ вопросамъ этикета, свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо, написанное имъ принцу Кондэ 1-го октября 1820-го года:

Нельи, 1-го октября 1820-го года.

Такъ какъ мнѣ извѣстно, Ваше Высочество, что вы желали бы узнать заранѣе то, что я узналъ о церемоніяхъ, на которыя мы приглашены, то я спѣшу Васъ увѣдомить о томъ, что сообщилъ мнѣ бывшій у меня вчера г. де-Брезэ, касательно благодарственнаго молебна, который будетъ отслуженъ во вторникъ, въ соборѣ Богоматери, по случаю рожденія герцога Бордосскаго. Онъ сказалъ мнѣ, что короля тамъ не будетъ, но что Его Величество будетъ почитаться присутствующимъ; что, поэтому его кресло будетъ поставлено посреди нашихъ стульевъ, которые будутъ стоять на одной линіи, съ ковррикомъ передъ каждымъ пюпитромъ; что онъ распорядился, чтобы всѣ девять стульевъ были одинаковы, также какъ и коврики, и обтянуты одной и той же матеріей; что Его Высочество герцогъ Артуасскій привезетъ въ своей каретѣ герцога Ангулемскаго, Васъ и меня, и что наши кареты въ кортэжѣ будутъ непосредственно предшествовать ихъ каретамъ. На этомъ основаніи, я сказалъ г-ну де-Брезэ, что пріѣду на церемонію, и что во вторникъ въ 10 часовъ утра я буду у герцога Артуасскаго, съ тѣмъ, чтобы сопровождать его туда. Я буду въ полной формѣ, въ сапогахъ съ голубой лентой на мундирѣ, г. же де-Брезэ долженъ намъ сообщить, будутъ ли кареты въ кортэжѣ запряжены восьмеркой или парой лошадей, для того, чтобы *наша упряжь не отличалась отъ упряжи старшихъ принцевъ*. Если онъ ничего не сообщитъ, я запрягу въ свою карету восемь лошадей. Ея Высочество, герцогиня Ангулемская, подобнымъ же образомъ повезетъ всѣхъ принцессъ, которыхъ, слѣдовательно, въ каретѣ будетъ пять.

Радуюсь случаю, Ваше Высочество, выразить Вамъ и т д.

Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій.

При всемъ этомъ, Луи-Филиппъ обладалъ достоинствами, которыя, на всякомъ иномъ мѣстѣ кромѣ трона, сіяли бы яркимъ блескомъ.

Прежде всего,—мужество.

Есть люди, которые находятъ, что чрезвычайно благородно со стороны государя, власти котораго угрожаютъ, проявить преступную силу характера, заключающуюся въ томъ, что онъ ограждаетъ себя отъ народа цѣлой арміей и сдается, если ужъ нужно сдаться, лишь противъ потока крови. Они называютъ это—„пасть по-королевски". Они правы, если поступать по-королевски значитъ отличаться свирѣпостью тигра, но не его безстрастіемъ. Я же ненавижу и презираю такую крайнюю степень эгоизма, пользующагося услугами такой крайней степени варварства. „Малодушный поступокъ!"—такъ говорили объ отреченіи Луи-Филиппа, подписанномъ имъ безъ пролитія крови. „Гуманный поступокъ"—скажу я, въ свою очередь. Ибо Луи-Филиппъ не былъ малодушнымъ человѣкомъ. Замѣчательно то, что въ немъ глубокое отвращеніе къ пролитію крови соединялось съ большимъ мужествомъ, не съ тѣмъ слѣпымъ мужествомъ, которое жаждетъ приключеній и создаетъ преступниковъ и героевъ, но съ мужествомъ систематическимъ, пассивнымъ и холоднымъ, представляющимъ собой лишь энергію размышленія, твердость здраваго смысла.

Въ 1830 году, послѣ угрожающаго посѣщенія, республиканцевъ въ Пале-Роялѣ, на слѣдующій день въ городской ратушѣ, позднѣе, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ему грозила опасность быть убитымъ, онъ никогда не проявлялъ страха. И это тѣмъ болѣе заслуживаетъ .быть отмѣченнымъ, что у него не было ни того восторженнаго культа славы, ни тѣхъ религіозныхъ вѣрованій, ни тѣхъ сильныхъ страстей, которые презираютъ смерть. Если правда, что въ 1848 году онъ добровольно выпустилъ изъ рукъ свой скипетръ потому, что отпаденіе національной гвардіи заставило его думать, будто сама буржуазія была противъ него, и что, слѣдовательно, онъ не былъ ничьимъ представителемъ на тронѣ, если правда, что, подъ вліяніемъ этой мысли, онъ не счелъ себя въ правѣ подать сигналъ къ бойнѣ и сохранить за собой тронъ посредствомъ убійства, то паденіе его, при такомъ объясненіи, должно разсматриваться, какъ единственный поступокъ въ его жизни, отмѣченный печатью величія, и онъ останется вѣчной

честью его памяти. Онъ палъ не какъ король, говорите вы? Нѣтъ, онъ съумѣлъ пасть, какъ человѣкъ.

Человѣченъ онъ былъ болѣе всякаго другого государя того времени, изъ теоретическаго уваженія къ неприкосновенности человѣческой жизни, изъ природной доброжелательности и изъ философскаго отношенія къ вещамъ. Воспитанный въ школѣ 18-го вѣка, поклонникъ Вольтера и раціоналистъ, онъ любилъ терпимость, отчасти какъ вольнодумецъ, отчасти, какъ литературно-образованный умъ. Еслибы его министры позволили ему это, онъ уничтожилъ бы эшафотъ, какъ Вольтеръ заклеймилъ пытку.

Если взглянуть на Луи-Филиппа въ кругу его домашнихъ привязанностей, то нельзя отрицать того, что онъ былъ образцовымъ отцомъ семейства. Цѣломудренность его нравовъ преодолѣла всѣ искушенія, окружающія высокій санъ, примѣры чему были до тѣхъ поръ довольно рѣдки въ его родѣ. Совершенно свободный самъ отъ ига религіозныхъ вѣрованій, онъ относился къ набожности своей жены съ трогательной и неизмѣнной снисходительностью. Не имѣя никакой внутренней опоры, кромѣ совѣтовъ своей сестры, Аделаиды, принцессы одаренной чисто мужскимъ умомъ, онъ руководилъ своими близкими съ кротостью, но въ то же время и съ твердостью, искусно предупреждая раздоры между ними и еще искуснѣе удерживая подъ эгидой своего благоразумія всю свою семью. Это удалось ему настолько, что даже обзаведясь собственными семьями, дѣти его продолжали жить въ отцовскомъ дворцѣ, у одного, такъ сказать, очага. Къ несчастію, монархія имѣетъ тотъ недостатокъ, что она дѣлаетъ несовмѣстимыми достоинства отца семейства съ достоинствами правителя. Хорошій отецъ семейства,—значитъ дурной король! Такъ учитъ логика, и Луи-Филиппъ слишкомъ хорошо это доказалъ, сдѣлавъ задачей своего правленія поддержаніе и возвеличеніе своего дома.

Мы оставили бы портретъ Луи-Филиппа незаконченнымъ, если бы къ перечню его добрыхъ качествъ не прибавили терпѣнія и спокойствія. Онъ называлъ время своимъ первымъ министромъ, и, по свидѣтельству одного выдающагося писателя, вѣрно ему служившаго, а теперь съ чувствомъ защищающаго его память,

любилъ говорить: „И не такіе еще виды мы видали!“ Слова опытности, дошедшей до состоянія постоянной безмятежности. Но, изъ словъ того же писателя, г-на Кювилье-Флери, явствуетъ, что Луи-Филиппъ очень заботливо охранялъ свой покой, удерживаясь отъ чтенія газетъ, охотно пребывая въ добровольномъ невѣдѣніи направленныхъ на него нападеній, старательно избѣгая непріятныхъ образовъ. Но невозмутимость гордыхъ сердецъ достигается съ меньшими усиліями и совершенно не нуждается въ такихъ трусливыхъ предосторожностяхъ. Когда чувствуешь себя выше нападеній, то не станешь ухищряться, чтобы ничего не знать о нихъ, напротивъ, стараешься ознакомиться съ ними, чтобы не лишиться удовольствія питать къ нимъ презрѣніе. Что значитъ для того, кто оцѣненъ по достоинству порядочными и образованными людьми, припадки бѣшенства, вызванные завистью, ярость посредственности, шипѣнье змѣй извивающихся въ грязи? Есть враги, которыхъ лестно имѣть.

Людовикъ-Филиппъ, герцогъ Орлеанскій, родился въ Парижѣ, 6-го октября 1773 года, отъ отца, бывшаго въ то время „философомъ“ [1]) и сдѣлавшагося впослѣдствіи якобинцемъ и цареубійцей. Когда ему было пять лѣтъ, въ наставники ему былъ назначенъ кавалеръ де-Бонаръ, эротическій поэтъ; но, главнымъ образомъ, забота о его воспитаніи досталась на долю г-жи де-Жанлисъ. „*Эмиль*“ Жанъ-Жака Руссо былъ въ то время настольной книгой всѣхъ: г-жа де-Жанлисъ помимо наукъ, составляющихъ общее образованіе, заставила молодого принца обучиться столярному ремеслу и хирургическому искусству. Это значило заранѣе дать ему въ руки оружіе противъ превратностей судьбы. Ихъ не трудно было предвидѣть. Все предвѣщало близость переворота въ Европѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ Руссо его предсказалъ, предзнаменованія умножились... Въ своихъ Мемуарахъ г-жа де-Жанлисъ не скрываетъ своихъ симпатій къ революціи, какой, по крайней

---

[1]) Т. е. сторонникомъ освободительныхъ идей XVIII-го столѣтія. *Перев.*

мѣрѣ, она ей въ то время представлялась; „гувернантка“ называетъ въ числѣ своихъ друзей революціонеровъ Таллейрана, Барера, Вуаделя, Петіона. Въ дневникѣ Луи-Филиппа, относящемся къ тому времени, когда онъ былъ еще только герцогомъ Шартрскимъ, встрѣчаются слѣды идей, о которыхъ напоминаютъ эти имена, и которыя объясняютъ его сношенія съ клубомъ якобинцевъ.

„Я обѣдалъ въ Муссо. На слѣдующій день, въ виду того, что мое горячее желаніе быть принятымъ въ клубъ якобинцевъ было одобрено моимъ отцомъ, г. де-Сильери ввелъ меня туда... Мнѣ много апплодировали. (*Дневникъ герцога Шартрскаго*). Извѣстно, къ тому же, что, послѣ своего принятія, онъ долженъ былъ втеченіи мѣсяца исполнять при этомъ клубѣ обязанности придворника или педеля.

Назначенный въ 1791-мъ году, начальникомъ 14-го драгунскаго полка, онъ отправляется въ Вандомъ, чтобы вступить въ эту должность.

Его первые шаги были удачны. Онъ вырвалъ священника изъ рукъ разъяреннаго народа; онъ спасъ утопавшаго и могъ написать въ своемъ дневникѣ: „Какой день! Я ложусь спать очень довольный“.

Много и разно говорилось о военной карьерѣ Луи-Филиппа. Вальми и Жемаппъ дали одинаковый поводъ какъ лести, такъ и сарказму.

Открывъ „Біографію современниковъ“, книгу, которую можно сильно подозрѣвать въ орлеанизмѣ, мы тамъ читаемъ, что 20-го сентября 1791-го года герцогъ Шартрскій покрылся славой въ Вальми, съ рѣдкой храбростью защищая трудную позицію, на которую врагъ постоянно направлялъ самые убійственные удары; что „6-го сентября, въ безсмертной битвѣ при Жемаппѣ, онъ внезапно превратилъ позорное бѣгство въ полный тріумфъ, вернувъ на поле сраженія многочисленные полки, безпорядочно бѣжавшіе, и воскресивъ чудеса священнаго Ѳивскаго отряда“.

Если же заглянуть, напротивъ, въ біографію Луи-Филиппа,

составленную Мишо, то въ ней можно прочесть, что дѣло при „Вальми, изъ котораго захотѣли сдѣлать большое сраженіе, было лишь пушечной перестрѣлкой“; что „сынъ Филиппа-Эгалитэ оставался во все ея продолженіе въ полной бездѣятельности, вмѣстѣ съ дивизіей, которой онъ командовалъ подъ начальствомъ Келлермана, занимая позицію вѣтряной мельницы,—позицію на которой онъ не подвергся серьезному нападенію и куда врагъ подходилъ не ближе чѣмъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла“ и. т. д.

Противорѣчивыя преувеличенія, внушенныя партійнымъ духомъ. Вѣрно во всемъ этомъ то, что, не родившись героемъ,—хотя онъ и сказалъ послѣ 10-го августа: „я предпочитаю креслу законодателя сѣдло моей лошади“, — Луи-Филиппъ, какъ солдатъ, обнаружилъ качества, отличавшія его впослѣдствіи, какъ монарха: твердость, хладнокровіе, наблюдательность, незаурядный талантъ приспособляться къ обстоятельствамъ, привычку быть спокойнымъ, храбрость, не увлекающуюся, но выжидательную.

Мысленно переносясь въ ту эпоху, убѣждаешься, что это были качества, крайне драгоцѣнныя. Клокотаніе народныхъ страстей въ лагерѣ; столкновеніе дисциплины съ чувствомъ независимости, возбужденнымъ революціей; генералы, которыхъ постоянно подозрѣваютъ въ измѣнѣ, грозя имъ смертью; демократическіе солдаты, вышедшіе изъ парижскихъ предмѣстій; на вражеской сторонѣ—старые полки Фридриха, ведомые въ бой военачальникомъ, воспитаннымъ въ великой школѣ; съ нашей стороны—могущественное скопище, армія и народъ въ одно и то же время,—армія, которой управлять нужно было властно, народъ, чувства котораго нужно было щадить и котораго приходилось бояться...; вотъ какъ представляются исторіи кампаніи 1792-го и 1793-го годовъ. Въ то время, какъ пушки гремѣли въ Вальми, Парижъ провозглашалъ республику; такъ что курьеры съ этими новостями встрѣтились по дорогѣ. Съ одной стороны, война, съ другой стороны и кругомъ—ревъ революціи!

Положеніе офицера, котораго титулъ принца подвергалъ по-

дозрѣніямъ, со стороны демократіи въ мундирахъ, несомнѣнно было очень трудное. Тѣмъ не менѣе, Луи-Филиппъ справился съ нимъ, его слѣдуетъ похвалить; и болѣе всего за это, ибо, что касается до его военныхъ подвиговъ, включая сюда и воспоминаніе о Нервинденскомъ сраженіи, неудачу котораго онъ постарался уменьшить, то совершенно невозможно отвести имъ значительное мѣсто въ вѣкѣ, военномъ по преимуществу, въ вѣкѣ Наполеона; и только придворные могли обратить въ патентъ на великаго полководца докладъ, въ которомъ Дюмурье говоритъ о *присутствіи герцога Шартрскаго во время канонады.*

Революція шла, между тѣмъ, своей дорогой. Изданъ былъ декретъ объ изгнаніи Бурбоновъ; начался процессъ Людовика XVI, который былъ затѣмъ осужденъ, и, какъ всѣмъ извѣстно, имя Орлеана, вмѣстѣ съ именемъ Робеспьера, упало на дно кровавой урны. Пока это происходило, герцогъ Шартрскій оставилъ свой лагерь и вернулся въ Парижъ. Онъ ясно предвидѣлъ, что топоръ, занесенный на Людовика XVI, опустится и на другія головы не столь высокія, какъ эта, но все же еще слишкомъ высокія. Онъ сталъ уговаривать своего отца спастись добровольнымъ изгнаніемъ отъ угрожавшаго ему эшафота. Его предостереженіями пренебрегли: Филиппъ Эгалитэ противопоставилъ свое обычное равнодушіе опасеніямъ сына, юность котораго была благоразумнѣе отцовскаго зрѣлаго возраста. Тогда Луи-Филиппъ вернулся на свой постъ. Но приливъ все прибывалъ, прибывалъ... видя, что волны достигаютъ до него, онъ сталъ думать лишь о бѣгствѣ, и Дюмурье увелъ его, опутавъ преступными сѣтями собственнаго дизертирства.

Начиная съ этого момента и до 1814-го года, жизнь Луи-Филиппа представляетъ собою лишь изумительную смѣсь тяжелыхъ несчастій и романическихъ приключеній. Укрывшись въ Швейцаріи отъ ярости якобинцевъ, онъ тамъ наталкивается на месть эмигрантовъ. Король-бродяга, нищій изъ знатнаго дома, онъ долженъ скрывать свое происхожденіе, принужденъ зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный. Сегодня онъ мнимый секретарь генерала

Монтескью, по имени Корби; завтра онъ будетъ преподавателемъ въ училищѣ Рейхенау, гдѣ онъ замѣщаетъ Шабо-Латура. Среди своей безвѣстной бѣдности, не имѣя возможности вмѣшиваться въ событія, онъ прислушивается къ шуму ударовъ, наносимыхъ революціей во всей Европѣ. Повсюду сражаются съ нею, съ этой великой и ужасной революціей, но нигдѣ эта борьба не ведется во имя или въ пользу герцога Орлеанскаго. Его забыли бы, если бы не ненавидѣли. Шареттъ, получивъ случайно письмо съ ходатайствомъ о герцогѣ Орлеанскомъ, грубо отвѣчаетъ: „Любезный Дюмурье, скажите сыну гражданина Egalité, чтобы онъ убрался къ...“. Наконецъ, послѣ паденія Робеспьера, когда изгнанному принцу кажется, что онъ можетъ свободно вздохнуть, его открываютъ, и онъ принужденъ искать убѣжища въ сѣверныхъ странахъ Европы; но, преслѣдуемый и тамъ подозрительнымъ правительствомъ Директоріи, онъ вынужденъ отплыть въ Америку. Его возвращеніе въ Европу, пріѣздъ въ Фэльмаусъ въ 1800-мъ году, пребываніе въ Твикэнгэмѣ, остановка на отстровѣ Мальтѣ въ промежуткѣ между смертью одного изъ его братьевъ и смертью другого; посѣщеніе имъ въ Сициліи короля Фердинанда, зятемъ котораго онъ дѣлается; его предложеніе, къ его счастью отвергнутое, пойти въ Испанію сражаться съ Наполеономъ въ то время, когда Наполеонъ былъ, въ концѣ концовъ, шпагой Франціи; тронъ, доставшійся ему въ три дня, послѣ того, какъ онъ стремился къ нему 15 лѣтъ, и 17 лѣтъ царствованія, таковы главныя черты Одиссеи, съ которой не сравнятся превратности никакого современника, если дополнить ее этимъ простымъ словомъ: *„Клермонтъ“* (Clairemont).

Я сказалъ: „тронъ, къ которому онъ стремился пятнадцать лѣтъ“. Дѣятельно ли было это стремленіе? Ничто не заставляетъ предполагать этого. Получивъ обратно свои богатыя помѣстія, возвращенный ко всѣмъ почестямъ своего званія, титулуемый королевскимъ высочествомъ, онъ, которому Людовикъ XVIII оказывалъ вниманіе, а Карлъ X почтеніе,—какую безотлагательную надобность имѣлъ онъ хлопотать объ успѣхѣ революціи, показывавшей ему корону лишь

издали, чтобы между декретомъ объ изгнаніи и смертнымъ приговоромъ? Стоилъ ли выигрышъ ставки? Ясно, что въ данномъ случаѣ, неблагодарность не нашла бы въ его глазахъ, даже оправданія въ практичности: она заранѣе оказывалась осужденной его здравымъ смысломъ. Притомъ же, его мужество заключалось въ умѣніи противостоять обстоятельствамъ, а не въ исканіи опасности. Если бы онъ даже любилъ непредвидѣнныя случайности въ той же мѣрѣ, въ какой онъ не любилъ ихъ, то, и въ такомъ случаѣ, онъ пережилъ достаточно приключеній для того, чтобы исчерпать доставляемыя ими ощущенія, и онъ далеко не принадлежалъ, повидимому, къ числу тѣхъ сильныхъ душъ, которыя рады злосчастію, если оно сопряжено со славой. Потому онъ сначала меньше думалъ о томъ, чтобы ускорить паденіе Бурбоновъ, чѣмъ о томъ, чтобы предостеречь отъ него себя. Онъ даже давалъ имъ полезные совѣты. Незамѣтно онъ удалился отъ нихъ, т. е. отъ ихъ безумія, и продержался въ сторонѣ до той минуты, когда, убѣдившись въ томъ, что они себя губили, онъ началъ подготовлять себѣ шансы въ будущемъ. Въ это-то время онъ открылъ свои салоны раздавателямъ популярности, сталъ ухаживать за Лафайеттомъ, опираться на Бенжамена Констана, улыбаться Жану Лафиту, приручать Манюэля и, путемъ бесѣдъ въ лицѣ тогдашнихъ агитаторовъ, рекрутировать будущихъ охранителей новаго режима. Но онъ остерегся идти дальше этого. Онъ менѣе всего связывалъ себя обѣщаніями тогда, когда показывалъ видъ, что связываетъ; не двигаясь самъ, онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы его несло само теченіе.

Такова же, впрочемъ, была роль его отца, только еще болѣе пассивная; ибо Филиппъ-Эгалитэ совершенно не зналъ неистоваго честолюбія, приписаннаго ему столькими историками, которымъ ненависть замѣнила документы. Рано истаскавшись, утомленный всѣмъ и самой жизнью, Филиппъ-Эгалитэ обладалъ безкорыстіемъ равнодушія, будучи, можетъ быть, способнымъ на честолюбіе, если бы честолюбіе было лишь забавой; но оно было трудомъ! Какихъ только не употребляли усилій Мирабо, Лакло, Сильери, словомъ орлеанисты, чтобы заставить его желать короны! Онъ же находилъ, что

поступаетъ хорошо, предоставляя дѣйствовать другимъ за него, и его по справедливости могли упрекнуть въ томъ, что онъ *не принадлежалъ къ своей партіи.*

Что касается до регента, то всякій знаетъ, какой заботливостью этотъ принцъ, вообще столь мало щепетильный и столь достойный своего учителя, аббата Дюбуа, окружилъ дѣтство Людовика XV, также какъ и то, что онъ смотрѣлъ, какъ на свой долгъ чести, на возвращеніе ввѣренной ему короны, по принадлежности.

Но, въ такомъ случаѣ, этой постоянной войны между двумя линіями, этой безпощадной войны никогда не было? Въ такомъ случаѣ, это лишь знаменитая химера, дурное сновидѣніе исторіи? Погодите минуточку! Соперничество двухъ линій не только было совершенно реальнымъ фактомъ, но фактъ этотъ имѣлъ глубокіе корни, быть можетъ, болѣе глубокіе, чѣмъ предполагаютъ тѣ, которые приписываютъ его чисто личному честолюбію.

Борьба велась между двумя положеніями, между двумя различными порядками соціальныхъ интересовъ, которымъ соотвѣтствовали эти положенія.

Вотъ, что слѣдуетъ исторически установить.

Орлеанская династія и буржуазія выросли въ нашей исторіи параллельно и бокъ о бокъ, опираясь одна на другую, страдая отъ однѣхъ и тѣхъ же неудачъ и пользуясь одинаковыми благопріятными обстоятельствами.

Въ началѣ XVII вѣка является геніальный человѣкъ, который хочетъ укрѣпить монархическій принципъ.

Но, игралище незримой силы, которой онъ только помогаетъ своими усиліями, побороть, ее человѣкъ этотъ хлопочетъ лишь объ увеличеніи тяжести короны, не думая о томъ, что онъ на волоскѣ привѣшиваетъ ее надъ головой короля. Намѣреваясь избавить королевскую власть отъ ея враговъ, онъ, одну за другой, отнимаетъ у нея всѣ ея подпорки. Онъ низвергаетъ военный феодализмъ; онъ истощаетъ казну духовенства; онъ повергаетъ къ ногамъ капуцина это могущественное дворянство, которое

Людовикъ XI посылалъ въ переднюю своего цирюльника; словомъ, онъ расчищаетъ мѣсто для буржуазіи.

Такъ вотъ, этотъ самый человѣкъ, одинъ изъ основателей политической силы буржуазіи, Ришелье, закладываетъ первые камни Пале-Рояля, будущаго жилища Орлеанскаго дома.

Мазарини слѣдуетъ за Ришелье: возникаетъ фронда. Въ чемъ дѣло? Арестованы два парламентскихъ совѣтника; парламентъ разгорячается противъ двора; принцы крови, завидуя вліянію кардинала-министра, обнажаютъ свои шпаги противъ него; пылкій коадъюторъ, Де-Ретцъ обходитъ всѣ парижскіе кварталы, разжигая народныя страсти: отсюда—всеобщее броженіе, мятежи, *баррикады*; дворъ бѣжитъ изъ Парижа, возвращается туда для того, чтобы снова бѣжать оттуда и снова туда возвратиться; словомъ гражданская война, которой не придается большаго значенія, потому что въ ней сражаются главнымъ образомъ пѣснями и острыми словами. Но неужели вы не замѣчаете за этимъ придирчивымъ парламентомъ, за этимъ столь явно взбунтовавшимся дворянствомъ, за этимъ герцогомъ Бофорскимъ, провозглашеннымъ „королемъ рынка“ *за свои длинныя и золотистыя кудри*, ничего серьезнаго? Развѣ вы не видите, что на народной площади появляется съ оружіемъ въ рукахъ страшная и новая сила, буржуазія? Торжество двора ничего не значитъ. Оно свелось на возвращеніе въ Парижъ маленькаго Людовика XIV. Побѣжденные—это тѣ, кому Мазарини даетъ спуститься по темной палерояльской лѣстницѣ; это принцъ де-Кондэ, принцъ де-Конти, герцогъ де-Лонгвиль: т. е. знать. Что касается до буржуазіи, то, пройдя черезъ всѣ эти смуты, она прекрасно узнала свою силу; двѣ тысячи памфлетовъ разъ навсегда расправились съ таинственнымъ, съ обаяніемъ королевской власти и, по выраженію коадъютора де-Ретца, *сорвали, наконецъ, завѣсу!*

Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, фронда оказывается не простой стычкой, а началомъ большого сраженія, которое буржуазія дастъ старинной королевской власти. Буржуазія эта, слѣдовательно, нуждается въ вождѣ: она найдетъ его среди Орлеанскаго дома.

Соперничество двухъ линій королевской фамиліи началось еще у колыбели Людовика XIV-го. Анна Австрійская такъ отчетливо предчувствовала это соперничество, что любила выводить къ придворнымъ Филиппа въ женскомъ платьѣ, рядомъ съ Людовикомъ, одѣтымъ, какъ король. А Мазарини, со своей стороны, не забывалъ говорить воспитателю Филиппа: „зачѣмъ вы стараетесь сдѣлать дѣльнаго человѣка изъ брата короля"? Послѣ же фронды раздѣленіе становится совершенно яснымъ. Дворецъ, выстроенный кардиналомъ Ришелье, переходитъ къ Орлеанскому дому; борьба не заставитъ себя ждать. Съ одной стороны, Людовикъ XIV-й; съ другой Филиппъ, глава Орлеанскаго дома; съ одной стороны, одряхлѣвшая аристократія вокругъ стараго трона, съ другой—буржуазія, которая укрѣпляется и возвышается вокругъ молодой династіи; съ одной стороны Тюильри, съ другой—Пале-Рояль.

Однажды узнаютъ, что въ Касселѣ одержана большая побѣда; „Да здравствуетъ Monsieur [1]), выигравшій сраженіе!" кричитъ повсюду парижская буржуазія. Людовикъ XIV не можетъ утѣшиться послѣ этого торжества; и братъ его за то, что онъ доказалъ, что умѣетъ выигрывать сраженія, теряетъ право командовать арміями.

Зависть эта переходитъ съ герцога Орлеанскаго на его сына. Взятіе Лериды этимъ молодымъ человѣкомъ повергаетъ дворъ въ уныніе. Мало того: втеченіе одного года умираетъ дофинъ, умираетъ герцогъ Бургундскій, умираетъ герцогиня Бургундская, умираетъ ея старшій сынъ: смерть окружаетъ старость Людовика XIV-го громадной и безотрадной пустыней. Гдѣ разгадка этой ужасной тайны? Гдѣ искать убійцу? Герцогъ Орлеанскій тутъ не былъ виновенъ; между тѣмъ, обвиненіе падаетъ на него, ибо, подобно тому, какъ среди общества было въ наличности двѣ силы, дворянство и буржуазія, такъ наверху его въ наличности было два трона, тронъ старшей и тронъ младшей линій.

И, дѣйствительно, Людовикъ XIV умираетъ; онъ оставляетъ

---

[1]) Monsieur—титулъ старшаго брата короля.

Перев.

дѣтей, ихъ отстраняютъ; онъ оставляетъ завѣщаніе, его уничтожаютъ. Кто же дѣлаетъ это? Герцогъ Орлеанскій. Съ чьей помощью? Съ помощью парламента. Опираясь на кого? На буржуазію.

Мы дошли до эпохи регентства. Иностранецъ, шотландецъ родомъ, является къ регенту и говоритъ ему: „индивидуальный кредитъ, т. е. кредитъ банкировъ и другихъ торговцевъ деньгами, смертеленъ для промышленности, ибо эти жадные заимодавцы проявляютъ настоящій деспотизмъ, по отношенію ко всѣмъ работникамъ, нуждающимся въ капиталахъ, и потому, что выжиманіе соковъ изъ этихъ работниковъ всѣми возможными способами—единственная цѣль этихъ господъ. *Частный кредитъ* нужно замѣнить государственнымъ. Государю подобаетъ открывать кредитъ, а не пользоваться имъ“.

Подобныя слова могли быть произнесены лишь устами великаго человѣка, истиннаго друга народа. Но еслибы плану Ло послѣдовали, если бы народный трудъ могъ опереться на государственный кредитъ, что сталось бы со всемогуществомъ обладателей капиталовъ, со всемогуществомъ буржуазіи? Регентъ смотритъ на предложеніе Ло, лишь какъ на волшебную операцію, посредствомъ которой изъ бумаги можно дѣлать золото. Онъ злоупотребляетъ финансовой машиной Ло и ломаетъ ее, заставляя ее работать на своихъ придворныхъ, своихъ roués (повѣсъ), своихъ сводниковъ, своихъ любовницъ, отысканныхъ въ придворной или оперной: грязи столько для Носэ, столько-то для аббата Дюбуа, столько-то для госпожи де-Сабранъ, столько для поставщика живого товара на малые и большіе ужины. Если же банкъ Ло долженъ рухнуть, раздавливая подъ своими обломками тысячи семействъ, если Ло отправляется умирать въ изгнаніе, бѣдный, непонятый, проклинаемый, оклеветанный, то что за бѣда? Регентъ, можете быть увѣрены въ этомъ, найдетъ достаточно историковъ, которые станутъ его оправдывать, и въ числѣ его панегиристовъ окажется Вольтеръ!

Но посмотрите, какой огромный шагъ буржуазія дѣлаетъ во время этого регентства одного изъ герцоговъ Орлеанскихъ! Одинъ изъ герцоговъ Орлеанскихъ прилаживаетъ ко двору тотъ страш-

ный рычагъ,—банкъ, посредствомъ котораго буржуазія перевернетъ общество; при одномъ изъ герцоговъ Орлеанскихъ буржуазія начинаетъ понимать могущество этихъ капиталовъ и этого кредита, единственной обладательницей которыхъ она является и при одномъ изъ герцоговъ Орлеанскихъ опустившееся дворянство бѣжитъ на улицу Кенкампуа играть денежными бумагами, заодно съ публичными женщинами и лакеями.

Я дошелъ до Филиппа-Эгалитэ. Здѣсь обстоятельства придаютъ борьбѣ между младшей и старшей линіями ужасный характеръ. Прочтите до конца списокъ голосовъ, пославшихъ Людовика XVI на эшафотъ!

Для того, чтобы лучше отмѣтить свой союзъ съ этой буржуазіей, въ то время столь предпріимчивой и столь безпокойной, герцогъ Орлеанскій обращаетъ свой дворецъ въ гостиный дворъ; онъ дѣлаетъ изъ лавки фундаментъ своего будущаго трона; онъ позволяетъ построить между палерояльскимъ садомъ и параднымъ дворомъ досчатые сараи, образовавшіе то, что сначала называли „*татарскимъ лагеремъ*" потомъ—*деревянными галлереями*. Въ этомъ странномъ зданіи, наполовину *купеческомъ*, наполовину *королевскомъ*, будетъ впослѣдствіи провозглашена буржуазная монархія. Сюда приходили толковать о политикѣ; сюда собирались, чтобы протестовать противъ тройной тираніи: королевской власти, дворянства и духовенства; наконецъ, отсюда въ одинъ прекрасный день вышла толпа, ставшая носить по Парижу бюстъ Неккера, перваго министра буржуазіи во Франціи.

Десятое августа явилось сигналомъ громадной реакціи. Революція, сдѣланная во имя народа, должна была попытаться стать на мѣсто революціи, сдѣланной во имя буржуазіи. И вотъ, комитетомъ общественной безопасности былъ изданъ приказъ объ арестѣ герцога Орлеанскаго. Принцъ этотъ лишился жизни, а дворецъ его былъ конфискованъ въ то самое время, когда народъ завладѣлъ общественной площадью, намѣреваясь *самъ* стать ея хозяиномъ.

Въ 1814-мъ году Имперія, задушившая народную реакцію,

сама пала подъ напоромъ буржуазіи и двери Палерояля открылись наслѣднику герцоговъ Орлеанскихъ. Извѣстно, гдѣ при старшихъ Бурбонахъ, зародилось то сопротивленіе, о которое разбился ихъ ветхій тронъ! Лишь только были изданы пресловутые рескрипты (ordonnances) Карла X, буржуазія съ оружіемъ въ рукахъ устремилась изъ Пале-Рояля на улицу, ведя за собою обольщенный народъ, какъ въ ту пору, когда Камилль Демуленъ сталъ кричать: „въ Бастилію, въ Бастилію!“ Чей былъ одинъ изъ бюстовъ, который въ ту эпоху тріумфально носили по улицамъ? Это былъ бюстъ отца. На этотъ разъ, революція вышедшая изъ Пале-Рояля возложила вѣнецъ на голову сына.

Какимъ образомъ Пале-Рояль, пересталъ быть жилищемъ герцога Орлеанскаго, сдѣлавшагося королемъ? Безполезно было бы разсказывать здѣсь это. Мы можемъ ограничиться указаніемъ на то, что Орлеанскій домъ и буржуазія выросли вмѣстѣ, вмѣстѣ видѣли развитіе своего могущества и были увлечены потокомъ однихъ и тѣхъ же историческихъ событій.

Луи-Филиппъ въ правленіе Людовика XVIII и Карла X не имѣлъ, слѣдовательно, надобности устраивать заговоры: заговоръ устроила за него сама исторія.

Правленіе Луи-Филиппа втеченіе долгаго времени приковывало къ себѣ вниманіе Европы; на одну изъ первыхъ націй міра оно имѣло вліяніе еще продолжающееся по сю пору; оно отмѣчаетъ собою глубокій переломъ, какъ въ развитіи, матеріальнаго благосостоянія Франціи, такъ и въ условіяхъ ея духовной жизни. Во всякомъ случаѣ, будутъ ли его хвалить или порицать, прославлять или проклинать, значеніе его не подлежитъ сомнѣнію, имъ завоевано неотъемлемое мѣсто въ памяти человѣчества.

Событія этого правленія были столь шумны, что ихъ нельзя не знать, они слишкомъ недавни для того, чтобы можно было ихъ забыть. О нихъ разсказано въ другомъ сочиненіи, здѣсь рѣчь идетъ только объ ихъ оцѣнкѣ.

Луи-Филиппа можно упрекнуть въ томъ, что онъ все замѣнилъ грубымъ культомъ матеріальныхъ интересовъ;

Въ томъ, что онъ не былъ достаточно щепетиленъ въ выборѣ средствъ своего правленія;

Въ томъ, что онъ удѣлялъ слишкомъ много вниманія голосу своихъ семейныхъ привязанностей;

Въ томъ, что онъ нарушилъ договоръ, заключенный имъ при вступленіи на престолъ, и не понялъ характера своей власти.

Посмотримъ, насколько эти упреки справедливы.

Во-первыхъ, невозможно отрицать того, что Луи-Филиппъ открыто поклонялся деньгамъ. Едва утвердившись на тронѣ, о чемъ онъ прежде всего подумалъ? О томъ, чтобы отдѣлить въ своемъ лицѣ короля отъ богатаго человѣка. Чего онъ прежде всего пожелалъ? Перевести на имя своихъ дѣтей имущества, которыя во Франціи, по обычаю, принятому монархіей съ незапамятныхъ временъ, должны были быть включены въ коронные удѣлы. Изъ всѣхъ европейскихъ государей, онъ, какъ извѣстно былъ самымъ богатымъ. 86.000 гектаровъ земли, приносившихъ около четырехъ милліоновъ чистаго дохода, такіе великолѣпные замки, какъ замокъ въ Нельи, такіе прекрасные парки, какъ паркъ Монсо, 325.000 франковъ ренты въ акціяхъ канализаціонныхъ и страховыхъ компаній, болѣе 100.000 франковъ государственной ренты, огромное количество движимыхъ цѣнностей; таково, по самой скромной расцѣнкѣ, имущество, оставленное Луи-Филиппомъ по его смерти. Онъ могъ бы, стало быть, какъ мнѣ кажется, нѣсколько поумѣрить свою страсть къ стяжанію. Но нѣтъ: любостяжаніе было въ его глазахъ королевской добродѣтелью. Посмотрите его частные счета, извлеченные изъ секретныхъ архивовъ послѣдняго правительства, и вы увидите, что онъ употреблялъ на покупку государственной ренты почти всѣ суммы, которыя предоставлялъ въ его распоряженіе для его личныхъ надобностей чиновникъ, завѣдывавшій королевскимъ окладомъ, и что онъ, употребляя свои деньги на покупку купоновъ, въ то же самое время бралъ деньги взаймы и откладывалъ платежи, заставляя своихъ кредиторовъ ждать подолгу.

Эта страсть къ лихоимству казалась ему, притомъ, столь мало

зазорной, она настолько соотвѣтствовала принципу его правленія, что онъ и не пытался никогда ее скрывать. Кто не помнитъ его просьбъ о деньгахъ, столько разъ отклонявшихся палатой и постоянно повторявшихся имъ съ упорствомъ королевскаго попрошайничества, производившимъ скандальное впечатлѣніе? Послѣ того, какъ въ февралѣ 1840-го года палата отказалась даровать удѣлъ герцогу Немурскому, какой человѣкъ, на мѣстѣ Луи-Филиппа, будь онъ государемъ или нѣтъ, не счелъ бы себя получившимъ предостереженіе? Какой монархъ не былъ бы живо задѣтъ подобнымъ оскорбленіемъ и не согласился бы скорѣе умереть, чѣмъ подвергнуться униженію вторичнаго отказа? Его же алчность только удвоилась, и ничто не могло его удержать: ни взрывъ народнаго неудовольствія, ни представленія, сдѣланныя ему его интимными совѣтниками, ни оппозиція его министровъ, ни старанія самого г-на Гизо отклонить повтореніе испытанія, столь опаснаго для достоинства престола.

Справедливо будетъ прибавить, что любовь къ деньгамъ не доходила въ Луи-Филиппѣ до того, чтобы уничтожить въ немъ охоту къ расходамъ, полезнымъ въ политическомъ отношеніи. Ни при какихъ торжественныхъ случаяхъ иностранцы не могли пожаловаться на его гостепріимство; онъ умѣлъ, въ случаѣ надобности, давать монаршія празднества, и онъ же былъ основателемъ Версальскаго музея. Но отъ этихъ усилій расчитанной тароватости далеко до непринужденной, каждодневной, чисто инстинктивной щедрости, соединявшейся въ Карлѣ X-мъ съ такой граціей. Пышность, проявляющаяся въ отдѣльныхъ случаяхъ, не исключаетъ скупости въ остальные дни.

Да и то сказать, что Луи-Филиппъ обожалъ деньги, не какъ мономанъ скупости, но изъ холоднаго расчета, какъ опытный человѣкъ, котораго практическая жизнь научила понимать силу богатства, понимать, какимъ оно является чудеснымъ средствомъ управленія людьми; ибо столкновеніе съ несчастіями возвышаетъ лишь большія души. Луи-Филиппъ же, какъ я уже сказалъ, извлекъ изъ своего пребыванія въ школѣ „несчастія“ лишь система-

тическое презрѣніе къ человѣческому роду. Онъ и сдѣлалъ правиломъ своего правленія правило, руководившее его собственнымъ поведеніемъ. Онъ легко предполагалъ въ другихъ страсть, которая властвовала надъ нимъ самимъ; онъ льстилъ ей, поощрялъ ее, пользовался ею. Онъ пользовался ею, какъ западней, для уловленія совѣстей. Нравственность личной выгоды проповѣдывалась громко,—такъ сказать, оффиціально—и индустріализмъ возсѣдалъ на тронѣ.

Вотъ что тогда произошло:

Возбуждаемое всѣми способами стремленіе къ благосостоянію стало дѣлать чудеса. Всюду принялись сооружать машины, прокладывать дороги, открывать магазины, обрабатывать желѣзо, рыть землю. Нетерпѣливое желаніе разбогатѣть породило полезныя открытія, нашло невѣдомые источники дохода. Индустрія развилась. Торговля расширилась.

Но какое нравственное крушеніе!

Франція, поистинѣ, перестала быть самой собою. Эта нація, столь изящная и столь гордая, столь великодушная и столь подвижная, возвышавшая все, къ чему она прикасалась, благородная въ самыхъ ошибкахъ своихъ и героическая въ самыхъ своихъ крайностяхъ, сумѣвшая облагородить изувѣрство суевѣрія рыцарствомъ и режимъ террора самоотверженіемъ, эта нація подпала подъ иго какой-то карѳагенской расы. Все стало предметомъ торговли,—и репутація, и слава, и честь, и добродѣтель. Шесть словъ: *каждый за себя, каждый у себя*, стали выражать и заключать въ себѣ всю мудрость, всю науку. Обдѣлывать свои аферы стало единственной заботой дня. Религія? афера! Политика? афера! Философія, литература, искусство? все это аферы! Сколько писателей обратили свою умственную дѣятельность въ промыселъ и открыли лавочку истинъ! Высчитали денежную стоимость генія лучшихъ изъ нихъ и то же самое готовы были сдѣлать съ ихъ душой. Въ это-то время бракъ заслужилъ себѣ мѣсто, которое сохранилось за нимъ въ сводѣ нашихъ законовъ, рядомъ съ контрактомъ о наймѣ, и стали высчитывать, принесетъ ли любовь

четырехъ или пяти-процентный доходъ. Былъ моментъ,—кто могъ его забыть?—когда во Франціи только и говорили о томъ, какъ покупать акціи, не платя за нихъ, о погонѣ за дивидентами, о полученіи премій, о легальной кражѣ милліоновъ. Улица Кэнкампуа была вновь найдена. Завербовать акціонеровъ для эксплоатаціи вымышленныхъ копей, обманывать людей ложнымъ изобрѣтеніемъ, это называлось—имѣть идеи. Шарлатаны, торгаши и эксплоататоры химеръ встрѣчались на каждомъ шагу. На сцену поставили, вѣроятно въ качествѣ самой злой ироніи, *Робера Макера*, отвратительное олицетвореніе господствовавшаго духа: весь салонный Парижъ сбѣжался на пьесу, выставлявшую въ смѣшномъ видѣ отеческую нѣжность, сыновнее почтеніе, дружбу, преданность, любовь; и весь этотъ Парижъ вернулся со спектакля восхищенный. Избиратели массами предлагали себя за деньги; одинъ пресловутый процессъ доказалъ, что не было недостатка въ кандидатахъ, готовыхъ купить ихъ. Старались попасть въ депутаты, съ единственной цѣлью получить мѣсто или концессію. Что еще сказать? На талантъ каждаго должностного лица былъ установленъ тарифъ, каждый идолъ состоялъ изъ грязи и золота. Затѣмъ, въ концѣ этого царствованія, какъ бы для того чтобы, лучше его опредѣлить и резюмировать, случилось, что одинъ изъ придворныхъ вынужденъ былъ бѣжать, проворовавшись; что одинъ изъ принцевъ былъ заклейменъ судомъ за подлогъ: что одинъ изъ министровъ былъ приговоренъ за взяточничество, а одинъ изъ пэровъ Франціи—за убійство.

Я, конечно, очень далекъ оттого, чтобы утверждать, что все это—дѣло одного Луи-Филиппа,—индивидууму никогда не было дано такой силы въ области зла. Нѣтъ, нѣтъ: всеобщее потрясеніе, произведенное въ нравственномъ мірѣ смѣлостью свободнаго изслѣдованія, крушеніе древнихъ вѣрованій, которыхъ еще не замѣнили новыя, пыль, повсюду поднятая полувѣкомъ революцій и сраженій; столкновеніе противорѣчивыхъ и льстивыхъ утвержденій столькихъ партій, поочередно одерживавшихъ побѣду разочарованія, потребность въ спокойной дѣятельности, наконецъ, естествен-

ная реакція тѣла послѣ исключительныхъ усилій души,—вотъ, главныя причины состоянія Франціи въ послѣднее царствованіе: Луи Филиппъ отнюдь не создалъ всего этого, но онъ представилъ собой его окончательный результатъ.

Принято сравнивать опытъ со свѣточемъ: но это ошибочное сравненіе. Опытъ не всегда освѣщаетъ, а такъ какъ онъ не можетъ не оказывать извѣстнаго вліянія, то онъ увеличиваетъ темноту, когда не приноситъ свѣта. Луи-Филиппъ прожилъ, такъ сказать, нѣсколько жизней въ одной и что же онъ видѣлъ? Много клятвопреступленій, награждаемыхъ удачей, много торжествующей низости, онъ видѣлъ, какъ святая любовь къ справедливости приводитъ къ катастрофамъ, какъ вѣрность принципамъ вознаграждается страданіемъ, пораженіемъ, проклятіемъ и смертью. Могли ли подобныя впечатлѣнія подѣйствовать на умъ, отъ природы скептическій? Смуты его вѣка и ихъ результаты научили Луи-Филиппа видѣть въ искреннихъ и сильныхъ убѣжденіяхъ помѣху, остерегаться непреклонности принциповъ, править изо дня въ день, жить изворачиваясь, измѣрять законность средствъ лишь вѣроятностью успѣха.

Я не имѣю намѣренія снова приподнять покровъ, наброшенный на смерть послѣдняго Кондэ; я не раскрою вторично дѣла г-жи де-Фешеръ. Но, принимая въ пользу одного изъ своихъ сыновей наслѣдство, запятнанное вымогательствомъ и окруженное трагическими подозрѣніями, покровительствуя женщинѣ, которую считали способной на все, принимая ее при дворѣ, вознаграждая ее за ея усердное служеніе дѣлу герцога Омальскаго, въ то время какъ общественная молва обвиняла это усердіе въ томъ, что оно дошло до преступленія, не навлекалъ ли Луи-Филиппъ на себя нареканія? И не приносилъ ли онъ открыто свой нравственный интересъ въ жертву интересу матеріальному, оставляя скрытой во мракѣ драму, тайну которой онъ долженъ былъ бы стараться раскрыть, болѣе всякаго другого? Рекомендуемъ любителямъ историческихъ сопоставленій слѣдующее: принцъ Кондэ умеръ 26-го августа 1830-го года; Луи-Филиппъ умеръ 26 го августа 1850-го года, двадцать

лѣтъ спустя, день въ день. Было бы ребячествомъ находить эту случайность многозначительной, но позволительно находить ее любопытной.

Что же касается до поведенія бывшаго короля, по отношенію къ герцогинѣ Беррійской, то пусть оправдываетъ его, кто на это рѣшится! Держать въ плѣну женщину, племянницу, съ одной лишь цѣлью—выдать міру тайну и доказательство ея любовныхъ похожденій; окружить шпіонами ея беременность, въ самый моментъ родовъ дать полиціи возможность узнать дату позора этой женщины,—наконецъ,—вещь почти невѣроятная, вещь, заслуживающая вѣчнаго отвращенія,—приказать составить протоколъ этого позора... „Свидѣтели войдутъ въ спальню. Будутъ присутствовать при рожденіи ребенка: су-префектъ города Блая, мэръ, одинъ изъ его помощниковъ, предсѣдатель суда, королевскій прокуроръ, мировой судья, начальникъ національной гвардіи, гг. Дюбуа и Меньеръ. Свидѣтели эти войдутъ въ спальню, при началѣ родовъ; они засвидѣтельствуютъ личность принцессы. Они спросятъ ее, беременна ли она и чувствуетъ ли близость разрѣшенія отъ бремени, отмѣтятъ ея отвѣты или ея молчаніе. Затѣмъ свидѣтели осмотрятъ комнату, кабинеты, шкапы, письменные столы, ящики комода и даже кровать принцессы, чтобы увидѣть, нѣтъ ли новорожденнаго въ комнатѣ. Упомянуты будутъ крики ребенка въ моментъ его рожденія...“ У меня не хватаетъ духу продолжать. Что за инструкціи, Господи! И подумать, что онѣ были исполнены буквально, отъ пункта до пункта, съ холоднымъ и торжественнымъ безстыдствомъ! Пусть ссылаются сколько угодно на государственные интересы; зло не перестаетъ быть зломъ оттого, что оно дѣлается въ большихъ размѣрахъ; и когда государственные интересы противорѣчатъ справедливости, они просто являются государственнымъ преступленіемъ. И кромѣ того, развѣ отъ этого отвратительнаго скандала политика выиграла больше, чѣмъ честность? Какъ? Неужели Луи-Филиппъ не замѣтилъ, что стараясь заклеймить свою племянницу, онъ подвергалъ презрѣнію самый принципъ, на которомъ покоятся монархіи? Отъ него ускользнуло

то обстоятельство, что унижать принцессъ и принцевъ значитъ отучать народъ отъ уваженія, и что минутная польза, которую могло ему доставить дискредитированіе легитимистской партіи, никогда не искупитъ непоправимаго удара, нанесеннаго тронамъ униженіемъ одного изъ королевскихъ домовъ!

А, между тѣмъ, Луи-Филиппъ былъ добрымъ отцомъ семейства. Онъ былъ имъ до такой степени, что забывалъ иногда свою страну, ради своихъ дѣтей. Какое положеніе онъ занималъ въ 1830-мъ году и какую прекрасную роль онъ могъ бы сыграть, хотя бы въ качествѣ умиротворителя! Внутри страны буржуазія ввѣрила ему власть, освященную, повидимому, народнымъ согласіемъ. Внѣ Франціи его окружалъ еще блескъ тріумфа, заставившаго народы встрепенуться и посѣявшаго ужасъ среди ихъ притѣснителей. Успокоить революцію онъ могъ. Распространить ее по Европѣ ему было еще легче. Итакъ, гроза была въ его рукахъ, и онъ легко могъ бы всего добиться отъ монархической Европы, именемъ этой грозы. Зачѣмъ ему было выпрашивать мира, когда дипломатическіе кабинеты, пораженные ужасомъ, отъ него же ждали этой милостыни? Но нѣтъ: близорукое благоразуміе взяло въ немъ верхъ надъ дальновиднымъ. Совершенно отдавшись желанію, чтобы его династія была признана королями, онъ предсталъ передъ ними, неся свою корону въ рукахъ, а не на головѣ. Увѣрившись, наконецъ, въ своей надъ нимъ власти, они только стараются извлечь выгоду изъ его смиренности, и за то, что его терпѣли, онъ заплатилъ цѣной величія своей страны.

Какому французу неизвѣстны послѣдствія этого? Трактаты 1815-го года открыто признаны; испанскіе революціонеры, которыхъ вчера подстрекали, сегодня покинуты: Бельгія предоставляется Лондонской конференціей враждебнымъ вліяніямъ; въ Краковѣ—Священный союзъ; въ Феррарѣ—Австрійцы; имя Франціи замѣшивается въ подвиги шпіоновъ въ Швейцаріи; со стороны Росаса терпятъ оскорбленія; французская дипломатія посрамляется въ притчардовскомъ дѣлѣ; наконецъ, Мегеметъ-Али падаетъ съ высоты своихъ удачъ, за то, что разсчитывалъ на могущество

нашей дружбы, и выпускаетъ изъ рукъ бразды господства надъ востокомъ, который открывается затѣмъ англійскому вліянію. Вотъ, наша исторія за эти семнадцать лѣтъ, вотъ, во что намъ обошлась семейная дипломатія, замѣнившая политику національную.

При режимѣ абсолютныхъ монархій случается, что государь преслѣдуетъ свое собственное величіе въ величіи страны. Человѣкъ, рѣшающійся смотрѣть на націю, какъ на свою вотчину, тѣмъ самымъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не допустить ея униженія или уменьшенія; онъ и не допуститъ этого, если есть логичность и гордость въ его дерзновеніи. Защищая территорію своего королевства и честь своихъ подданныхъ, онъ будетъ думать, что защищаетъ свое собственное имущество. Я не знаю ничего равнаго ревнивой щепетильности, которую Людовикъ XIV проявлялъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Франціи оказывалось недостаточное уваженіе. Но тамъ, гдѣ никто не можетъ сказать „государство—это я!“, и гдѣ, между тѣмъ, не существуетъ народнаго верховенства,—тамъ, гдѣ королевская власть наталкивается на власть, которая соперничаетъ съ ней, ей не уступаетъ, борется съ ней и угрожаетъ ей,—въ монархіяхъ конституціонныхъ, т. е. анархическихъ, неудивительно, что государь, встрѣчая слишкомъ сильную оппозицію внутри страны, ищетъ опоры въ иностранныхъ державахъ. Что придумалъ Карлъ II-й въ Англіи, чтобы обойтись безъ субсидій палаты общинъ? Онъ добился пенсіи отъ Людовика XIV. Напрасно апологисты Луи-Филиппа станутъ приводить въ доказательство его безкорыстія отказъ отъ Бельгійской короны, предложенной герцогу Немурскому, одному изъ его сыновей. Не слѣдуетъ забывать, что въ эту пору Луи-Филиппу нужно было водвориться, а не обогатиться, что онъ боялся, какъ бы, желая слишкомъ много выиграть, не потерять всего, что отказался онъ, притомъ, не по собственной волѣ, что враждебный союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи дѣлалъ этотъ отказъ необходимымъ, что ему совѣтовалъ такъ поступить Таллейранъ, что отъ него этого потребовала Англія, и что, наконецъ, бракъ одной изъ его дочерей съ Леопольдомъ доставилъ ему очень при-

личное вознагражденіе. Къ тому же, позднѣе, какъ только онъ почувствовалъ себя прочнѣе утвердившимся, династическое честолюбіе его сдѣлалась менѣе сговорчивымъ. Пусть спросятъ у англичанъ, что они думаютъ о знаменитой исторіи съ испанскими браками. Не зналъ развѣ Луи-Филиппъ, что подталкивать герцога Монпансье къ ступенькамъ Испанскаго трона значило жертвовать той англійской дружбой, за преимущества которой онъ заставилъ Францію заплатить такъ дорого и которую всегда объявлялъ необходимой для европейскаго мира? Какимъ образомъ, подобное соображеніе не остановило его? Франція ли, ради увеличенія своей территоріи или своего вліянія, требовала отъ него такого рѣзкаго и непредвидѣннаго нарушенія системы, состоявшей въ сохраненіи союза съ Англіей во что бы то ни стало и въ поддержаніи мира какой бы то ни было цѣной? Но прошло то время, когда иностранная принцесса, выходя замужъ за французскаго принца, приносила ему въ приданое столько-то головъ скота и столько-то человѣческихъ душъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началась эра хартій, союзы между королями не служатъ болѣе даже гарантіей союза между націями. Слѣдуетъ помнить, что время, въ которое Людовикъ XIV думалъ сдѣлать Испанію французской территоріей, посадивъ своего внука на испанскій престолъ, было временемъ, когда одна семья занимала мѣсто цѣлаго народа. Притомъ же, событія обманули предвидѣнія Версальскаго двора, такъ какъ посланные за Пиренеи Бурбоны обратились въ Испанцевъ, какъ, позднѣе, Людовикъ Бонапартъ обратился въ голландца, а въ наши дни Леопольдъ сдѣлался бельгійцемъ. Слѣдовательно, Франція ничего не могла выиграть отъ ловкихъ интригъ г-на Брессона, отъ его будуарныхъ успѣховъ, отъ его альковной дипломатіи, и если Англія имѣла основаніе видѣть въ этомъ нѣчто для себя обидное, то она была бы совершенно неправа, усмотрѣвъ тутъ поводъ для безпокойства. Дѣло здѣсь было лишь въ семейномъ интересѣ Луи-Флиппа, выдавшаго тайну своей господствовавшей страсти той энергіей воли, смѣлостью и рѣшительностью, съ которой онъ обезпечилъ побѣду этому семейному интересу,—онъ столь прыткій...

на уступки и столь робкій, когда дѣло шло объ интересахъ Франціи.

Луи-Филиппу вмѣнено было въ большое преступленіе то, что своимъ дѣятельнымъ и постояннымъ вмѣшательствомъ въ управленіе королевствомъ онъ преступилъ конституціонныя границы своей власти и нарушилъ договоръ, заключенный при вступленіи на престолъ. Въ этомъ случаѣ я не могу присоединиться къ его обвинителямъ.

Я согласенъ съ тѣмъ, что въ 1830 году излюбленнымъ изрѣченіемъ буржуазіи были знаменитыя слова: „король царствуетъ, но не управляетъ"; я согласенъ, что она желала короля, который былъ бы безъ инициативы, безъ мысли, безъ движенія, безъ жизни. Но могла ли существовать королевская власть на такихъ условіяхъ, въ такой странѣ, какъ Франція? Франція, эта страна насмѣшливыхъ умовъ, долго ли уважала бы бездѣйствующаго короля? Конечно, нѣтъ, да и сама буржуазія не замедлила бы найти комично накладною обязанность „откармливать борова", по выраженію Бонапарта.

Что хорошо никогда не оставлять незанятымъ первое мѣсто въ государствѣ. точку, на которую естественно направляются всѣ интриги, и которая является яркой цѣлью всѣхъ честолюбій, это большой вопросъ. Но если бы это даже было доказано, проблема не была бы еще рѣшена; ибо—окажется ли или нѣтъ въ теоріи выгоднымъ посадить статую на тронъ, разсматриваемый, какъ ниша, которая должна быть безпрерывно занята,—остается вопросомъ, согласится ли статуя оставаться на немъ неподвижною, когда эта статуя—человѣкъ. Разсчитывать же на это—неразумно, даже если бы случай, въ угоду теоріи, вѣнчалъ на царство лишь дураковъ. Умный король дѣйствуетъ, король-идіотъ всегда находитъ людей, заставляющихъ его дѣйствовать или дѣйствующихъ отъ его имени. Въ лицѣ своихъ министровъ Наполеонъ имѣлъ слугъ, Карлъ X имѣлъ опекуновъ въ лицѣ своихъ министровъ. Что же вышло изъ этого? А то, что революціи не стали разбираться въ тонкостяхъ

и покарали Карла X, который давалъ все дѣлать другимъ,—не болѣе и не менѣе, какъ и Наполеона, который самъ все дѣлалъ.

Правда, что, когда въ 1830 году Франціи воображали дать истинно конституціоннаго короля, на лицо былъ примѣръ Англіи. Но не принималось во вниманіе то, что, если въ Англіи королевская власть, въ крайнемъ случаѣ, можетъ существовать какъ символъ, такъ это потому, что она является выраженіемъ могущественной и сильной аристократіи потому, что она воплощаетъ принципъ наслѣдственности и первородства, т. е. принципъ служащій основаніемъ всему зданію англійскаго общества, наконецъ, потому что она опирается на чувство іерархіи, болѣе почтительное, слѣпое и прямое въ Англіи, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ.

Видимъ ли мы что-либо подобное во Франціи? Не умерло ли у насъ дворянство? Не отнялъ ли у политической наслѣдственности ея единственную солидную и логическую опору принципъ постояннаго раздѣла земли? Не одержимъ ли нашъ народъ, далекій отъ движенія къ традиціямъ и фанатическаго поклоненія іерархіи, почти мучительной страстью къ равенству? Чѣмъ же, спрашивается, оправдывалось бы во Франціи существованіе недѣятельной королевской власти? Какъ сдѣлать эту власть представительницей того, что не существуетъ вовсе или перестало существовать? Возможна ли она, какъ символъ несуществованія, какъ олицетвореніе смерти?

Въ 1830-мъ году Луи-Филиппъ могъ, конечно, и долженъ былъ бы отказаться отъ короны, которую ему предлагали на нелѣпыхъ условіяхъ. Но его можно было вполнѣ извинить за то, что, разъ провозглашенный королемъ, онъ не желалъ уподобиться на тронѣ вокансоновскому автомату.

Къ сожалѣнію, буржуазія имѣла на него другіе виды. Повторяю, она желала *игрушечнаго* короля, причемъ ей скоро должно было надоѣсть дорого платить за эту плохую шутку. Почему такъ? Я писалъ объ этомъ до 1848 года. Дѣло въ томъ, что буржуазія, сама того не зная, по самой своей сущности, была республикански настроена. Она стояла за монархію лишь изъ эгоизма, надѣясь пользоваться ею въ борьбѣ съ народомъ и видя

въ ней лишь одно изъ тѣхъ чучелъ, которыя разставляютъ на поляхъ, чтобы разгонять птицъ.

Такимъ образомъ, наша исторія, начиная съ 1830-го года, была лишь продолжительнымъ недоразумѣніемъ, и различныя политическія собранія въ царствованіе Луи-Филиппа работали на республику, не желая и не подозрѣвая этого, при крикахъ: „да здравствуетъ король!“.

Вспомнимъ, какъ было дѣло.

Естественно было окружить, по крайней мѣрѣ, блескомъ эту королевскую власть, которую постарались парализовать; нужно было сохранить подлѣ нея дружественную ей силу. Такой силой была наслѣдственная палата пэровъ. Что̀ же дѣлаютъ? Уничтожаютъ аристократическую наслѣдственность пэріи. Затѣмъ, какъ будто недостаточно было этого, чтобы докончить пэрію, ей влагаютъ въ руки палочку Бридуазона и говорятъ: „Суди“! И вотъ пэрія заживо погребена, а палата рукоплещетъ этому.

Не видя болѣе вокругъ себя аристократіи, королевская власть хочетъ окружить себя дворомъ. Возбуждается знаменитый костюмный вопросъ. Палата приходитъ въ безпокойство. Какъ, посѣтители Тюильри будутъ туда ходить въ одѣяніи маркиза? *Caveant consules*! Королевская власть вынуждена уступить, и принимается рѣшеніе, которое приблизительно означаетъ, что каждый во Франціи, за исключеніемъ самого короля, будетъ властенъ устанавливать этикетъ королевскаго дома.

Завязывается оживленный споръ на тему о конверсіи рентъ. Палата, непонимающая вопроса, смущается, колеблется. Но министръ Бартъ неосторожно заявляетъ, что принять эту мѣру значило бы нанести ударъ королевской власти. Тогда со всѣхъ сторонъ требуютъ голосованія, и палата съ энтузіазмомъ вотируетъ мѣру, нежелательную королю.

Король, по хартіи, имѣлъ право выбирать своихъ министровъ,— палата требуетъ предоставленія ей самой этого права. „Коронѣ“, говоритъ она, „принадлежитъ право *назначать* министровъ. Намъ — право *выбирать* ихъ“. Королевской власти не нравится быть

сведенной на простую подпись подъ бумагами. Она сопротивляется. Палата упрямится. Образуется коалиція. Цѣлое возмущеніе происходитъ въ Бурбонскомъ дворцѣ; для того, чтобы оно прекратилось, понадобилось возмущеніе на улицѣ. Наконецъ, король требуетъ 500.000 франковъ, въ даръ одному изъ принцевъ крови. Палата читаетъ произведенія г-на де-Корменена, безъ преній отказываетъ въ просьбѣ и рукоплещетъ, при видѣ монархіи, побитой памфлетомъ.

Да что я говорю! Наканунѣ того самаго дня, когда короля лишили возможности создавать себѣ креатуръ при помощи денегъ, т. е. дорого стоющей формы подкупа, у него отняли возможность создавать ихъ себѣ, посредствомъ кусочковъ красной ленточки, т. е. посредствомъ подкупа экономнаго.

Очень хорошо! У короны сначала захотѣли отнять всякую власть, и, вотъ, теперь ее лишаютъ всякаго обаянія. Ее сначала обезоружили, теперь ее унижаютъ. Чего еще нужно?

Дѣло въ томъ, что монархія, дѣйствительно, втеченіе 27-ми лѣтъ существовала во Франціи лишь по имени. Могло ли быть иначе? Изъ всѣхъ условій, которыя Монтескье и всѣ публицисты его школы объявляютъ необходимыми для поддержанія монархіи, въ настоящее время не существуетъ ни одного. Объявивъ собственность безконечно дѣлимой, Каи Гракхи гражданскаго кодекса провозгласили аграрный законъ; право первородства погибло; субституціи были уничтожены; вторженіе коммерческихъ интересовъ въ общественныя отношенія замѣнило любовь къ традиціямъ разгуломъ бурныхъ вожделѣній и смѣлостью замысловъ въ погонѣ за наживой; банкъ сталъ верхней ступенью соціальной іерархіи, самой нижней ступени которой нельзя найти; придворный духъ потерялся; всемогущій этикетъ перешелъ въ область комичнаго; расшитые золотомъ наряды стали служить лишь для маскарадовъ веселящихся разночинцевъ; лакей пересталъ отличаться отъ своего господина и могъ иногда, опираясь на законъ, дать себѣ титулъ графа, котораго не имѣлъ его господинъ; случалось, что настоящіе графы,—графы древняго происхожденія,—водили своихъ женъ

танцовать на публичные балы, куда ходили дочери ихъ привратниковъ, и мы видѣли тѣхъ, кто 40 лѣтъ тому назадъ составлялъ аристократію, играющими на сценѣ передъ платнымъ партеромъ, освистывающимъ ихъ и находящимъ вполнѣ естественнымъ, чтобы свѣтскія дамы развлекали его, какъ онѣ когда-то развлекали короля, въ то время, когда не народъ былъ королемъ. Вотъ что̀ произвели революціи. Онѣ разсѣяли власть и смѣшали ряды; онѣ раздѣлили землю, чтобы создать матеріальное равенство, и сблизили условія существованія, чтобы создать равенство духовное. Философія восемнадцатаго вѣка сдѣлала изъ насъ резонерскій народъ, что дѣлаетъ невозможными всякія фикціи, и на нашихъ глазахъ умерло столько безсмертныхъ владычествъ, что мы не можемъ вѣрить въ величія, еще держащіяся на ногахъ. Втеченіе одного дня передъ нашими окнами прошло столько вѣнценосцевъ, которые казались собранными для того, чтобы пресытить насъ монархическимъ величіемъ, что каждый изъ насъ могъ сказать, пожимая плечами, какъ добрая женщина, о которой говоритъ Викторъ Гюго: Des rois? J'en ai tant vu, des rois! [1]).

Да, противъ собственной воли, французская буржуазія питаетъ республиканскія чувства, въ соединеніи съ громаднымъ запасомъ недовѣрія ко всему, что напоминаетъ демократію; и насколько ей чуждо монархическое чувство, это она очень ясно показала въ тотъ день когда отказалась, такимъ оскорбительнымъ образомъ, исполнить желаніе короля и не дала ничего герцогу Немурскому.

Мнѣ кажется, что я слышу еще рѣчи, въ которыхъ, въ ту эпоху, проявились враждебныя королю чувства доктринеровъ конституціонализма. Луи-Филиппъ, на ихъ взглядъ, былъ слишкомъ жаденъ и ничего не понималъ въ теоріи буржуазной монархіи, которая, по ихъ мнѣнію, должна была быть покладистой особой и довольствоваться малымъ. И, наконецъ, развѣ Луи-

---

[1]) Короли? Я ихъ столько видала,—этихъ королей!

Филиппъ не имѣлъ оклада въ двѣнадцать милліоновъ, и ему ли было жаловаться, что его посадили на хлѣбъ и на воду?

Эти великіе логики забывали опредѣленіе, которое Бомарше даетъ существованію монархіи: „*брать, получать и требовать*". Монархія, ничего недѣлающая и немогущая что-либо дѣлать, лишенная даже внѣшняго блеска, берущая свою должность съ торговъ, въ ущербъ своему достоинству, монархія, сведенная на проѣданіе суммы въ двѣнадцать милліоновъ человѣкомъ, который называется королемъ, это можетъ казаться прекраснымъ, но, если это гдѣ-либо возможно, то лишь на тѣхъ леденцовыхъ островахъ, которые описалъ оптимумъ добраго Фенелона.

Вамъ хотѣлось бы монархіи, на манеръ Санчо Пансы? Вы слишкомъ добры! Но самъ Санчо Панса не захотѣлъ своей верховной власти когда докторъ Ресіо де Агуэро сталъ говорить ему во время обѣда: „вамъ нельзя кушать этого блюда, ни того, ни вотъ, этого!"

Какъ! Вы берете человѣка и говорите ему, что онъ превыше цѣлаго народа, что никто болѣе его не имѣетъ права на всеобщее уваженіе, что онъ не можетъ поступать дурно; что онъ обладаетъ славнымъ и ему одному принадлежащимъ преимуществомъ увѣковѣчивать себя на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ лицѣ своихъ дѣтей, что спасеніе общества покоится на его августѣйшей головѣ, что достаточно ему лишь жить для того, чтобы революція была обуздана, что онъ неизмѣненъ, какъ судьба, неприкосновененъ, какъ Богъ. И вы воображаете, что этотъ человѣкъ никогда не вздумаетъ имѣть дворъ льстецовъ, камергеровъ, пажей, тѣлохранителей, и что ему не нужны будутъ обширныя удѣльныя помѣстія, роскошные замки; что онъ не станетъ требовать все новыхъ денежныхъ суммъ и удѣльныхъ имѣній для своихъ сыновей, и что ему не понадобится тратить деньги, много денегъ, на принцевъ, принцессъ, придворныхъ и танцовщицъ! Но это, поистинѣ, самая странная изъ всѣхъ утопій, и, относительно этого пункта, свидѣтельство исторіи поучительнѣе всѣхъ разсужденій въ

мірѣ. Мы производимъ уже пятый опытъ монархіи,—посмотрите же, чѣмъ всѣ эти монархіи походили одна на другую.

Людовикъ XVI былъ государемъ, отличавшимся простыми привычками, скромными вкусами, строгимъ поведеніемъ. Смогъ ли онъ, или,—что сводится къ одному и тому же,—смогли ли лица, управлявшіе его дѣйствіями, подчиниться режиму партіи и тщательно провѣренныхъ счетовъ.

Наполеона окружало обаяніе, имъ самимъ созданное. Если какой-нибудь король могъ обойтись безъ всякаго заимствованнаго величія, то это былъ онъ. Какой скипетръ когда-либо стоилъ этого блистательнаго меча? И сколько маркизовъ потребовалось бы для замѣны одного капрала, которому императоръ надѣвалъ орденъ на Аустерлицскомъ полѣ битвы? И что же? Наполеонъ, будучи тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, не смогъ не пожелать того, чего желаютъ короли, и опустился до неумѣнія обойтись безъ пажей.

Карлъ X, уже, конечно, хорошо зналъ, почему Людовикъ XVI погибъ на эшафотѣ. Помѣшало ли это ему стараться, со страстью, доходившей до безумія, возстановить то, изъ-за чего, въ настоящее время, пустуетъ одно мѣсто въ склепахъ Сенъ-Дени?

Подобно Людовику XVI, Наполеону, Карлу X, Луи-Филиппъ поддался роковому вліянію монархическаго принципа. Отсюда требованіе придворныхъ одѣяній, возстановленіе былого значенія титуловъ *барона и маркиза*; отсюда систематическія старанія надѣлять, на общественный счетъ, принцевъ удѣлами, а принцессъ приданымъ, старанія, столь замѣчательныя, со стороны государя, который, казалось, долженъ былъ бы назвать себя, подобно Вильгельму III, королю англійскому, „первымъ мастеромъ въ цехѣ торговцевъ колоніальными товарами“.

Но у общественныхъ положеній есть своя логика, и не вина Луи-Филиппа, если ремесло короля сдѣлалось столь труднымъ, что самому Людовику XIV пришлось бы теперь не мало повозиться, чтобы справиться съ нимъ, какъ слѣдуетъ.

Какъ искусно умѣлъ этотъ монархъ обращать на пользу трона всю эту жалкую и громадную силу человѣческой глупости! Какъ

ловко онъ умѣлъ завлекать въ игру мелкіе интересы, мелкое тщеславіе, мелкія людскія суевѣрія! Нѣтъ, онъ никогда не достигъ бы такого поразительнаго вліянія на окружающихъ, если бы онъ только одерживалъ побѣды, посредствомъ Тюренна и Виллара, строилъ крѣпости, посредствомъ Вобана, и дворцы, посредствомъ Мансара, завѣдывалъ государственной экономіей черезъ Кольбера, соизволяя, чтобы столько краснорѣчивыхъ людей и славныхъ поэтовъ обезсмертили его столѣтіе. Людовикъ XIV былъ великимъ *королемъ*, потому что онъ удивительно умѣлъ беречь силу, заключающуюся въ *престижѣ*. Онъ былъ великимъ королемъ потому, что (это не парадоксъ и не шутка), никогда, ни даже ложась спать, не показывалъ своей королевской головы безъ парика. Искусство царствовать есть искусство обращать извѣстныя ребячества въ важное дѣло. Вотъ, это-то искусство въ настоящее время и невозможно. При Луи-Филиппѣ нескромные люди захотѣли увидѣть нѣчто, право, болѣе сокровенное, по своей сущности, чѣмъ обнаженная голова Людовика XIV: они захотѣли увидѣть подвязку герцогини Орлеанской, и имъ ее показали!

Счастливъ былъ Людовикъ XIV! Ему не приходилось зависѣть въ денежныхъ дѣлахъ отъ скупого угрюмаго и ворчливаго собранія. Когда его сундуки оказывались совершенно пустыми, онъ приглашалъ какого-нибудь Ротшильда того времени, Самуила Бернара, напр., придти взглянуть на Марли. Тамъ онъ, съ утраченной въ настоящее время граціей, показывалъ своему гостю это роскошное обиталище и обращался, такимъ образомъ, въ чичероне господина Самуила Бернара, не переставая быть Людовикомъ XIV. По окончаніи прогулки, во время которой и рѣчи не было о деньгахъ, нашъ богачъ-банкиръ спѣшилъ въ Парижъ къ Демарэ и говорилъ ему: „Что за очаровательный человѣкъ король! Сколько вамъ нужно? Вотъ, ключъ отъ моей кассы: берите!“

Въ настоящее время дѣло дѣлается не такъ, неправда ли? Съ одной стороны сила обольщенія, которой располагаетъ королевскій санъ, теперь значительно меньше, чѣмъ прежде; съ другой

стороны, сердце Самуиловъ Бернаровъ нашего времени гораздо труднѣе тронуть.

Будемъ говорить серьезно. Въ тотъ день, когда поставили лицомъ къ лицу принципъ выборной власти и принципъ власти наслѣдственной, когда безвозвратно рѣшено было, что короли будутъ раздѣлять съ парламентами опасную честь управленія человѣческими обществами, въ этотъ день началась жаркая и роковая борьба,—борьба, въ которой королевской власти суждено было постепенно утратить свой престижъ, свой блескъ, свою силу, всю свою опору. Даже въ Англіи, гдѣ на лицо была могущественная аристократія, готовая защищать тронъ своей грудью, борьба эта, какъ извѣстно, была полна ужасными перипетіями. Голова Карла I, попавшая на эшафотъ, съ котораго, передъ тѣмъ, по его приказанію скатилась голова Страффорда, бурное правленіе Карла II, позорное паденіе послѣдняго Стюарта: не показываетъ ли все это, что тамъ, гдѣ во власти нѣтъ единства, революціи всегда готовы нагрянуть на общество? А во Франціи, сколько произошло волненій, сколько смертельныхъ потрясеній, сколько бурь съ тѣхъ поръ какъ введенъ былъ этотъ странный дуализмъ? Людовикъ XVI надѣется жить въ добромъ согласіи съ законодательнымъ собраніемъ. Напрасная надежда! Поединокъ начинается съ затрудненій, по вопросу о томъ, кто какое долженъ занимать мѣсто въ торжественныхъ церемоніяхъ, и кончается при грохотѣ барабановъ, заглушающемъ голосъ короля, возведеннаго на эшафотъ. Наполеонъ, чтобы положить конецъ шуму, поднятому Стодневной Палатой, подписываетъ, трепеща отъ злости, „добавочный актъ“ (acte additionnel): тщетная уступка! Стодневная Палата боится новаго 18-го брюмера и одобряетъ Ватерлоо. Карлъ X, вступая на престолъ, клянется въ своемъ уваженіи къ избирательному принципу; но сила вещей заставляетъ его объявить войну этому соперническому принципу, и старый король падаетъ при звукахъ перепалки 1830 года. О чемъ шла рѣчь въ теченіе семнадцати лѣтъ царствованія Луи-Филиппа? *О борьбѣ двухъ прерогативъ.* И кто не знаетъ, какой развязкой эта борьба, возобновленная при

республикѣ или при томъ, что было ея тѣнью, кончилась 2-го декабря 1851 года? Вздумали дать двѣ головы соціальному тѣлу: удивительно ли, что жизнь этого тѣла стала такой настойчивой и бурной? Какое названіе дать въ политикѣ тому, что назвали бы чудовищемъ въ естественной исторіи?

И если бы все это было лишь страннымъ! Но мы слишкомъ хорошо знаемъ, чего намъ стоитъ эта странность. Могла ли анархія не быть въ обществѣ, если она гнѣздилась въ правительствѣ? Могли ли свободно развиваться трудъ и промышленность, когда имъ постоянно приходилось расплачиваться то за паденіе министерства, то за отклоненіе предложенія о пожалованіи удѣльныхъ имуществъ членамъ королевскаго семейства, то за коалиціи, составлявшіяся въ кулуарахъ какой-нибудь изъ палатъ, то за попытки подготовить въ салонахъ какого-нибудь замка государственный переворотъ? Осмѣлимся же, наконецъ, признаться, что конституціонная форма правленія съ ея странными поединками, съ ея постоянной сутолокой и ерзаніемъ взадъ и впередъ, годится лишь на то, чтобы рядомъ суетныхъ безпорядковъ доводить народы до революцій. Это—режимъ, подвергающій страну опасности наступленія эры уличныхъ сраженій, а, въ ожиданіи этого, умерщвляющій ее булавочными уколами.

Это хорошо доказало правленіе Луи-Филиппа!

Теперь, если мы себя спросимъ, какова была въ это царствованіе жизнь общества, разсматриваемая не на его поверхности, а въ его потаеннѣйшихъ глубинахъ, то мы найдемъ неясныя и могучія желанія, дѣятельные порывы къ неизвѣстному, стремленіе къ равенству во всѣхъ его видахъ, поразительное броженіе идей, ставящихъ себѣ цѣлью духовное или матеріальное улучшеніе положенія народа. То было новое восемнадцатое столѣтіе, порожденное во Франціи развитіемъ человѣческаго ума. Но здѣсь война со священниками замѣнена была войной съ деспотизмомъ денегъ; на этотъ разъ, рѣчь шла объ освобожденіи пролетаріевъ, а не объ эмансипаціи буржуазнаго класса, и соціальная экономія заняла оставшееся вакантнымъ мѣсто философіи. Но (кто могъ бы это подумать?) о существованіи этого громаднаго движенія, которое, подъ именемъ соціализма, привело

къ взрыву 1848 года и которое отводитъ 19-му вѣку такое характерное и высокое мѣсто въ исторіи, Луи-Филиппъ даже и не подозрѣвалъ. Ни одному государю не были болѣе абсолютно, чѣмъ Луи-Филиппу, чужды жгучія заботы, связанныя съ вопросомъ объ уничтоженіи нищеты. „Было констатировано, говоритъ Даніель Стернъ въ своей „*Исторіи февральской революціи*“, что съ 1830 года по 1848-ой, все усиліе правительства, направленное къ разрѣшенію соціальныхъ вопросовъ, ограничилось тремя циркулярами о пауперизмѣ, адресованными министромъ внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ и забытыми въ папкахъ администраціи.

Вѣрно то, что ни Луи-Филиппъ, ни его министры, ни его близкіе, ни вожаки парламентскихъ партій не замѣтили, что подъ ихъ міромъ,—міромъ, эгоистическимъ и суетнымъ, волнуемымъ безплодными битвами, создавался другой, возникновеніе котораго предвѣщалось то радостными, то сумрачными симптомами. Изъ этихъ двухъ обществъ, слишкомъ, увы, различныхъ, изъ коихъ одно, шумное, увлеченное спекуляціей, снѣдаемое страстью къ наживѣ, думало и на яву и во снѣ лишь о „дѣлахъ“, опираясь на ростовщиковъ и жандармовъ, а другое, набравшееся подземной силы, беззавѣтно преданное своимъ смѣлымъ мыслямъ, но пока еще безмолвное, вербуемое въ мастерскихъ посредствомъ книгъ, приготовляло свое владычество глубокими думами; изъ этихъ двухъ обществъ, стоящихъ одно на другомъ, Луи-Филиппъ служилъ лишь первому, о второмъ... онъ ничего не зналъ!

Правленіе его протянулось семнадцать лѣтъ потому, что онъ былъ представителемъ перваго изъ этихъ обществъ, когда оно находилось въ апогеѣ своего могущества; палъ же онъ потому, что продолжалъ игнорировать второе, когда пришло время считаться съ нимъ.

Я писалъ слѣдующее о Карлѣ X: „Утромъ 4-го ноября 1836-го года, въ день Св. Карла онъ почувствовалъ во время мессы внезапный ознобъ; онъ не смогъ присутствовать на обѣдѣ, по словамъ одного изъ его спутниковъ по изгнанію, г-на де-Монбеля; и когда вечеромъ онъ вошелъ въ салонъ, гдѣ находились

члены его семьи, вмѣстѣ съ нѣсколькими придворными, дѣлившими ихъ несчастье, видъ его ужаснулъ ихъ. Черты его лица были сведены странной судорогой, голосъ его былъ какъ-то странно и заунывно звученъ; за нѣсколько часовъ онъ постарѣлъ на много лѣтъ, и нельзя было болѣе сомнѣваться въ томъ, что смерть уже пришла къ нему. Ночью наступилъ кризисъ. Позвали докторовъ Бугона и Марколини, и кардиналъ де-Латиль соборовалъ кончавшагося короля. Затѣмъ была отслужена месса у его постели. Сраженный холерой Карлъ X все еще молился. Когда епископъ гермопольскій пришелъ утѣшить и ободрить его въ эти часы предсмертныхъ мукъ, умирающій казался спокойнымъ, готовымъ къ отходу и бесѣдовалъ безъ смятенія о вѣчности. Нѣсколько минутъ спустя, подъ его благословленіе подвели герцога Бордосскаго и его сестру. Тогда, простирая надъ ихъ головами свои дрожащія руки, онъ сказалъ: „Да хранитъ васъ Богъ, дѣти мои! Ходите по стезѣ справедливости... не забывайте меня... молитесь иногда за меня“. Въ ночь на 5-ое ноября онъ впалъ въ глубокое забытье. Его принадлежность къ внѣшнему міру выражалась лишь легкимъ движеніемъ губъ. Надъ нимъ стали читать отходную. Наконецъ, 6-го ноября 1836-го года, въ четверть второго ночи, по знаку доктора Бугона, всѣ стали на колѣни, послышались сдержанныя рыданія, и дофинъ подошелъ къ отцу, чтобы закрыть ему глаза. 11-го ноября ворота Графенбергскаго замка раскрылись для похоронъ. Колесницѣ, окруженной служителями, съ факелами въ рукахъ, предшествовалъ принцъ—архіепископъ герцскій [1]). Слѣдовали затѣмъ герцоги Ангулемскій и Бордосскій, облеченные въ черные плащи, одинъ—подъ именемъ графа Марнскаго, другой — подъ именемъ графа Шамборскаго, и, среди множества иностранцевъ, нѣсколько французовъ. Впереди шли, съ факелами, бѣдные. Тѣло было отнесено во францисканскій монастырь, расположенный на высотѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ города. Тамъ, въ простомъ склепѣ, при свѣтѣ догоравшей лампады,

[1]) Герцъ (Görz), по-итальянски—Гориція, австрійскій городокъ между Венеціей и Тріестомъ. *Прим. перев.*

друзей монарха допустили взглянуть въ послѣдній разъ на его лицо, бѣлое и серьезное подъ саваномъ. Тѣло было сначала и временно положено въ деревянный гробъ; затѣмъ оно было вынуто оттуда и перемѣщено въ гробъ свинцовый, на которомъ вырѣзана слѣдующая надпись:

ЗДѢСЬ ПОКОИТСЯ
высочайшій, могущественнѣйшій и превосходнѣйшій государь
Карлъ, имени сего X
милостью Божіей король Франціи и Наварры
опочившій въ Герцѣ 6-го ноября лѣта 1836-го
79-ти лѣтъ и 28-ми дней отъ роду.

Всѣ царствующіе дома Европы надѣли положенный этикетомъ трауръ, за исключеніемъ одного дома: Орлеанскаго.

Такова была кончина Карла X, этого государя, вынесшаго столь различныя испытанія. Размышляя объ источникѣ, изъ котораго проистекли его вины, и объ искупленіи, которому подвергъ его за нихъ Богъ, великодушные люди стараются не вспоминать о томъ, какъ пагубно было его кратковременное правленіе во Франціи. Въ униженіи его сѣдинъ, въ злополучіяхъ его старости, ненаходившей себѣ спокойнаго пристанища, въ томъ, что было унылаго и надрывающаго душу въ его прощаніи съ землей, иные видѣли лишь естественныя послѣдствія побѣды, одержанной Революціей надъ королями; но и они были тронуты столь великимъ несчастіемъ.

Между тѣмъ, что это значитъ, въ сравненіи съ долгой, нескончаемой агоніей народовъ, тянувшейся изъ вѣка въ вѣкъ? И не гораздо ли большее количество состраданія должна была бы хранить въ запасѣ исторія, на случай размышленій о всѣхъ тѣхъ слезахъ, которыя были пролиты ни въ чемъ неповинными людьми, вслѣдствіе войнъ, вызванныхъ раздорами изъ-за какого-нибудь трона, о столькихъ народахъ, раздавленныхъ колесницами являвшихся на міровую сцену или исчезавшихъ съ нея королей, о столькихъ націяхъ, безпрерывно приносившихся въ жертву маленькому числу людей, ихъ личнымъ счетамъ, ихъ капризамъ, ихъ жестокимъ развлеченіямъ,

ихъ гордости, которой невѣдома была жалость! Во всякомъ случаѣ, послѣ того, какъ впечатлѣніе прошло, нужно, чтобы урокъ остался. И какимъ сильнымъ и грустнымъ доказательствомъ упадка монархій является рядъ трагическихъ превратностей, наполнившихъ собою послѣднія шестьдесятъ лѣтъ: Тампльская тюрьма и Людовикъ XVI на эшафотѣ; странная, необъясненная смерть Людовика XVII; всѣ эти сыновья, братья или племянники королей, испуганно бѣгущіе по большимъ дорогамъ Европы и просящіе милостыни у порога республикъ; казаки, являющіеся во Францію низвергнуть имперію, сидя на коняхъ, помѣченныхъ тавромъ императорской буквы N; островъ Эльба, св. Елена; сынъ герцогини Беррійской, воспитанный въ изгнаніи; сынъ Наполеона, погребенный руками австрійцевъ; Людовикъ-Бонапартъ, плывущій въ Америку подъ бременемъ неудачи; и въ глубинѣ далекой страны, въ какой-то безвѣстной церкви, не имѣющей названія, — „реквіемъ, исполненный вокругъ гробницы Карла X иностранными монахами“. Строки эти я впослѣдствіи имѣлъ случай воспроизвести, при звонѣ колоколовъ, сопровождавшемъ похороны Луи-Филиппа, его похороны въ изгнаніи!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народъ въ Тюильри.

Симптомы, предвѣщавшіе февральскую революцію.—Дижонскій и Лильскій банкеты.—Рѣчи произнесенныя на нихъ.—Растлѣніе—слово, характеризовавшее то время.—Банкетъ 12-го округа.—Отсутствіе гостей.—Гг. Одилонъ Барро и Тьеръ, Д'Арагонъ и Д'Альтонъ-Ше.—Дочь Лаббе-де-Помпьера.—Упованіе Луи-Филиппа.—Народное возстаніе.—Бѣгство короля и королевской семьи.—Народъ овладѣваетъ Тюильри.—Разныя стороны революціонной драмы.—Великодушіе бойцовъ.—Лордъ и лэди Норменби въ Тюильри; справедливость, отданная народу тогда, забытая впослѣдствіи. — Съ 24-го февраля Тюильри охраняются оборванцами —Апокрифическій анекдотъ.—Короткая расправа.—Трогательная мысль.—Тюильрійскія сокровища въ неприкосновенности передаются въ казнохранилище.—Намѣренная ошибка лорда Норменби, по поводу бѣгства Луи-Филиппа.

Изъ предыдущей главы явствуетъ, что Луи-Филиппъ былъ государемъ, одареннымъ почтенными качествами, что его домашнія добродѣтели внушали къ нему уваженіе, что онъ обладалъ просвѣщеннымъ умомъ, что онъ былъ человѣкомъ гуманнымъ; что, въ концѣ концовъ, свободѣ не было нанесено при немъ ни одного смертельнаго удара, что въ трудный часъ ему удалось отвратить грозныя опасности, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, и что промышленные классы, въ теченіе почти восемнадцати лѣтъ, были ему обязаны столь драгоцѣннымъ для нихъ спокойствіемъ.

Но оттуда также явствуетъ, что онъ не понялъ того, что есть благороднаго и возвышеннаго во французскомъ геніи, что онъ обращался лишь къ низшимъ побужденіямъ человѣческой природы, что онъ сдѣлалъ главнымъ орудіемъ своего правленія эгоизмъ буржуазіи и ея страхи; что его политика непомѣрно поощряла грубый культъ золота, оставаясь равнодушной къ возвышеннымъ стремленіямъ. Даже

то, что эта политика произвела желательнаго, носитъ на себѣ отпечатокъ мелкихъ средствъ употребленныхъ для его достиженія. Какой французъ, достойный этого имени, не нашелъ бы, что купить миръ, цѣною національнаго достоинства, значило заплатить за него слишкомъ дорого!

И дѣйствительно, что же случилось? Когда пробилъ роковой часъ, не раздалось ни одного энергическаго голоса въ пользу Луи-Филиппа; едва нашелся человѣкъ, готовый протянуть ему дружескую руку; придворные разбѣжались; финансисты держались въ сторонѣ; солдаты или отказались сражаться или сражались противъ воли; національная гвардія открыто склонилась на сторону возстанія, и, примиренный на этотъ разъ съ барабаннымъ боемъ, лавочникъ, казалось, говорилъ: „Дайте свершиться народному правосудію"! Тогда старый король осмотрѣлся, почувствовалъ себя страшно одинокимъ, покорился судьбѣ, и правительство, долго считавшееся непреоборимымъ, было опрокинуто однимъ дуновеніемъ. Луи-Филиппъ такъ мало заботился о поддержаніи вокругъ себя священнаго огня преданности, что, въ рѣшительную минуту, у него подъ рукой не оказалось этого крайняго средства. Его одиночество было отчасти дѣломъ его рукъ.

Паденіе его было возвѣщено ясными симптомами, въ особенности, на Днусонскомъ банкетѣ, извѣстіе о которомъ пронеслось по Франціи съ быстротою молніи и шумомъ грома. Тамъ, въ обширномъ залѣ, убранномъ символическими девизами и знаменами, въ присутствіи 1300 сотрапезниковъ, рабочихъ, фабрикантовъ, комерсантовъ, чиновниковъ, прозвучали слова, которыя г. де-Ламартинъ назвалъ „набатомъ общественнаго мнѣнія".

Въ Лиллѣ, незадолго передъ тѣмъ, г. Ледрю-Ролленъ, сказалъ:

„Бываетъ также, что лужи пересохшаго Нила и разлагающіеся отбросы на его берегахъ приносятъ гниль эпидеміи; но пусть наступитъ наводненіе, и рѣка, въ своемъ бурномъ теченіи, мощно унесетъ всѣ эти нечистоты, отложивъ на берегахъ зачатки плодородія и новой жизни" [1]).

[1]) Отчетъ о Лильскомъ банкетѣ.

На Дижонскомъ банкетѣ эти смѣлые намеки были повторены гг.-ми Ледрю-Ролленомъ и Флокономъ, и не вызвали ни малѣйшаго удивленія, настолько жива была идея близости революціи! По той же причинѣ никто не удивился этому мѣсту моей рѣчи, содержавшему пророчество и угрозу:

„Власть, которая недавно казалась столь сильной, рушится сама собой, помимо всякаго на нее нападенія. Невидимая воля сѣетъ въ высшихъ сферахъ унизительныя катастрофы. Неожиданные акты безумія, позорныя паденія, преступленія, отъ которыхъ волосы дыбомъ встаютъ на головѣ, необъясненныя самоубійства слѣдуютъ одно за другимъ, приводя въ тупикъ общественное мнѣніе. Тогда это общество, столь благоденствующее съ виду, начинаетъ волноваться: оно тревожно спрашиваетъ себя, нѣтъ ли въ его жилахъ скрытаго яда, присутствіе котораго начинаетъ давать чувствовать себя. „*Растлѣніе*“—вотъ, слово, характеризующее настоящій моментъ, и каждый восклицаетъ: „это не можетъ такъ продолжаться; что принесетъ намъ завтрашній день?“ Господа, когда плоды сгнили, они ждутъ лишь дуновенія вѣтра, чтобы упасть съ дерева!“ [1]).

Это было въ концѣ декабря; а въ концѣ февраля, едва два мѣсяца спустя, прошелъ ураганъ, унесшій монархію.

Обстоятельства, отмѣтившія это рѣшающее событіе извѣстны: кто не знаетъ, что сигналомъ къ взрыву послужилъ вызовъ брошенный г-номъ Одилономъ Барро и его друзьями, депутатами династической оппозиціи министерству Гизо, объявившему, на манеръ министерства Полиньяка, что банкетъ 12-го округа не состоится? „Правительство не уступитъ“, сказалъ г. Дюшатель. Оно дѣйствительно не уступило, но оно пало. Какъ встрепенулся весь Парижъ, утромъ 22-го февраля! Я какъ теперь вижу народъ движущійся ревущей ратью по бульварамъ. На мѣстѣ, назначенномъ для банкета, разсчитывали застать Одилона Барро и его друзей, готовились защищать ихъ. О изумленіе! Агитаціи недоставало лишь агитаторовъ! Народъ былъ на лицо; гдѣ были участники банкета?

[1]) Отчетъ о Дижонскомъ банкетѣ.

Накануне они собрались было для обсужденія того, что не подлежитъ обсужденію: а именно, даннаго слова. Слѣдовало ли упорствовать въ рѣшеніи идти на банкетъ, когда правительство собиралось обнажить мечъ? Слѣдовало ли пойти навстрѣчу столкновенію, которое подвергало право опасности быть поруганнымъ силой? Плачевно было это обсужденіе, подробности котораго я знаю отъ одного изъ участвовавшихъ въ немъ. Что г. Одилонъ Барро, умъ довольно слабый подъ рѣшительной внѣшностью, внезапно растерялся передъ новыми обстоятельствами, это можно было понять, но многіе были поражены поведеніемъ г-на Тьера, человѣка, съ характеромъ энергическимъ, и проявившаго такую рѣшительность во время революціи 1830-го года. Макбетъ, при видѣ призрака Банко, былъ испуганъ не болѣе, чѣмъ показался испуганнымъ господинъ Тьеръ, при одной мысли о присутствіи народа на условленномъ празднествѣ. Г. Д'Арагонъ, напротивъ, выказалъ твердость, достойную удивленія, также какъ и г-нъ Д'Альтонъ-Ше, бывшій тогда пэромъ Франціи, ставшій соціалистомъ впослѣдствіи. Какъ тотъ, такъ и другой объявили, что они смотрятъ на свое присутствіе на означенной сходкѣ, какъ на долгъ чести, отъ котораго ихъ не могъ освободить вотумъ, угодный господамъ Барро и Тьеру; они отправятся на банкетъ одни, если ихъ коллеги откажутся отъ этой мысли. *Etiamsi omnes, ego non*. Г-нъ Тьеръ настаивалъ на своемъ; слово было за нимъ, когда въ залъ внезапно вошла женщина, взглядъ, лицо, всѣ движенія которой обнаруживали сильное волненіе. То была безстрашная дочь безстрашнаго Лаббэ де Помпьера, госпожа Одилонъ Барро. Она поспѣшила сюда, чтобы благороднымъ усиліемъ отклонить своего мужа отъ совѣтовъ заблудшей осторожности; она явилась отстоять честь носимаго ею имени отъ сторонниковъ малодушнаго отступленія. Обратившись къ г-ну Тьеру съ горячими словами, она стала упрекать его въ томъ, что онъ увлекаетъ ея мужа... Но все было напрасно: жребій былъ уже брошенъ.

Какъ изобразить негодованіе, охватившее народъ? Какъ! Они заставили Парижъ возстать, и возставшій Парижъ напрасно искалъ ихъ глазами! За кого же будетъ литься кровь? Но народъ

могъ обойтись безъ нихъ и обошелся. Послѣ того, какъ залпы данные по толпѣ вечеромъ 23-го на бульварахъ, уложили на мостовую много жертвъ, видъ которыхъ взывалъ къ отмщенію, рабочіе взвалили мертвецовъ себѣ на плечи, стали носить ихъ по предмѣстіямъ, при свѣтѣ факеловъ, и все было сказано.

За нѣсколько минутъ до убійственной пальбы, вызвавшей эту приснопамятную трагическую процессію, я былъ занятъ на политическомъ собраніи, происходившемъ въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, редактированіемъ слѣдующаго манифеста, напечатаннаго на другой день демократическими газетами:

„Министерство свергнуто; это хорошо.

„Но послѣднія событія, взволновавшія столицу, требуютъ чтобы вниманіе всѣхъ добрыхъ гражданъ направилось на мѣры, сдѣлавшіяся отнынѣ необходимыми.

„Законная манифестація, съ давнихъ поръ возвѣщенная, была внезапно остановлена свободоубійственной угрозой, брошенной министромъ съ высоты трибуны. Сдѣланы громадныя военныя приготовленія, какъ еслибы непріятель былъ у воротъ Парижа, или, вѣрнѣе, въ самомъ городѣ. Солдаты прорѣзали ряды народа, охваченнаго благороднымъ волненіемъ и безоружнаго. Пролилась геройская кровь.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, мы, члены Демократическаго Избирательнаго Комитета Сенскихъ округовъ, считаемъ своимъ долгомъ громко напомнить, что гарантіи свободы, по словамъ самой Хартіи, покоятся на патріотизмѣ всѣхъ гражданъ, организованныхъ въ національную гвардію.

Мы видѣли, какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ солдаты останавливались съ благородной печалью, въ братскомъ смущеніи, передъ безоружнымъ народомъ. И дѣйствительно, сколь прискорбна для людей чести эта необходимость выбора между нарушеніемъ законовъ дисциплины и убійствомъ согражданъ! Городъ науки, искусствъ, промышленности, цивилизаціи,—словомъ Парижъ, не можетъ быть желаннымъ полемъ битвы для храбрыхъ французскихъ

солдатъ. Ихъ поведеніе доказало это. Оно служитъ осужденіемъ навязываемой имъ роли.

„Съ другой стороны, національная гвардія энергично высказалась, какъ ей и слѣдовало это сдѣлать, въ пользу преобразовательнаго движенія, и несомнѣнно, что добытый результатъ могъ бы быть достигнутъ безъ кровопролитія, если бы не было прямой провокаціи въ грубомъ пріемѣ, пущенномъ въ ходъ министерствомъ, которое выставило на улицу какъ можно болѣе войска.

„Посему, члены Избирательнаго Демократическаго Комитета предлагаютъ всѣмъ гражданамъ подписать слѣдующую петицію:

„Принимая во вниманіе“:

что употребленіе арміи для подавленія гражданскихъ смутъ есть посягновеніе на чувство достоинства свободнаго народа и на нравственность самой арміи;

„что оно является низверженіемъ истиннаго порядка и постояннымъ отрицаніемъ свободы;

„что исключительное обращеніе къ силѣ и только силѣ есть преступленіе противъ права;

„что принуждать благородныхъ людей къ выбору между обязанностями военнаго и обязанностями гражданина есть несправедливость и варварство;

„что національная гвардія была установлена именно для того, чтобы гарантировать спокойствіе города и охранять свободу націи;

„что ея дѣло—и ея лишь одной—отличать революцію отъ мятежа;

Нижеподписавшіеся граждане требуютъ, чтобы весь народъ былъ включенъ въ національную гвардію;

Они требуютъ, чтобы муниципальная гвардія была распущена;

Они требуютъ, чтобы законодательнымъ путемъ было рѣшено, что армія впредь не будетъ употребляться для подавленія гражданскихъ безпорядковъ“.

Вмѣстѣ съ г-мъ Гинаромъ и нѣсколькими другими друзьями я

выходилъ изъ собранія, на которомъ и отъ имени котораго былъ проредактированъ этотъ манифестъ, когда, у дверей одной винной лавки, мы замѣтили значительное сборище. Мы подошли... Нѣтъ, этотъ образъ никогда не изгладится изъ моей памяти. На мостовой лежалъ красивый юноша, принесенный сюда. Странная, неизъяснимая, ужасная улыбка оживляла его лицо, обагренное кровью и подернутое смертной блѣдностью. Тутъ то мы и узнали о сценѣ бойни на бульварѣ. Я оставилъ невдалекѣ оттуда моего брата, Шарля Блана. Охваченный страшнымъ безпокойствомъ, я устремился къ указанному мѣсту. Слава Богу! брата не было въ числѣ мертвецовъ; но онъ находился въ толпѣ, когда въ нее стрѣляли, онъ видѣлъ, какъ вокругъ него земля усѣялась трупами, и онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые теперь бѣжали по бульвару, внѣ себя, взбѣшенные, крича: „Убиваютъ гражданъ! Къ оружію! къ оружію!“ Какой комментарій къ манифесту, цѣлью котораго было помѣшать вооруженному вмѣшательству солдатъ! Что оно произвело въ данномъ случаѣ, извѣстно каждому. Конечно, никакая революція не вытекаетъ цѣликомъ изъ случайности, какой бы страшной послѣдняя ни была; но когда назрѣли условія, подготовившія взрывъ, онъ вызывается подобными *„случайностями“*. Только тотъ можетъ хорошо понять крайній ужасъ, проникшій тогда въ души, кто слышалъ проклятія, внезапно замѣнившія въ злосчастный вечеръ 23-го числа патріотическія и веселыя пѣсни, оглашавшія передъ тѣмъ бульвары, кто видѣлъ тысячи гражданъ, которые незадолго, до 10-ти часовъ вечера, спокойно прогуливались при свѣтѣ иллюминацій, внезапно охваченными испугомъ или бѣшенствомъ, и, съ горящими глазами, съ дикимъ выраженіемъ лица, стучащимися въ двери домовъ, прося убѣжища, или устремляющимися въ темныя улицы, надъ которыми рѣетъ духъ баррикадъ, или сопровождающими кучу труповъ, нагроможденныхъ на колесницѣ, которую при свѣтѣ факеловъ, обливавшихъ ее блѣдножелтымъ свѣтомъ, можно было принять за колесницу Эвменидъ! Еще недалеко было то время, когда г. Маррастъ говорилъ толпѣ, тѣснившейся у балкона редакціи le National: „Мы хотимъ смѣщенія министерства и преданія мини-

тровъ суду!“. Вещи, о которыхъ теперь шла рѣчь, были поважнѣе. Эта ночь съ 23-го на 24-е февраля не знала сна, а на слѣдующій день Луи-Филиппъ бѣжалъ, бросивъ на полъ свою корону.

Касательно обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому бѣгству и ознаменовавшихъ его, я ничего не могу разсказать, въ качествѣ свидѣтеля, и я поэтому промолчу о нихъ. Притомъ же существуетъ множество разсказовъ о колебаніяхъ монарха, въ виду опасности, объ отставкѣ г-на Гизо, которой требовала и добилась королева 23-го числа, о томъ, какъ г-ну Тьеру около 11 часовъ вечера была поручена миссія составить кабинетъ и какъ утромъ 24-го г-нъ Барро былъ назначенъ премьеромъ; о томъ, какъ гг. Эмиль де-Жирарденъ, Кремье, герцогъ де-Монпансье живо представили королю необходимость отречься отъ престола и какъ ее напрасно отрицали г. Пискатори, маршалъ Бюжо, королева; наконецъ, объ отъѣздѣ всѣхъ членовъ королевскаго семейства, за исключеніемъ герцогини Орлеанской. Что касается борьбы, то также нѣтъ недостатка въ историкахъ описывающихъ ее, да и кромѣ того, отнюдь не къ уличнымъ сраженіямъ относятся ошибки, которыя я задался цѣлью отмѣтить въ книгѣ лорда Нормэнби. Но чего я не могу обойти молчаніемъ, такъ это ядовитаго и лживаго разсказа, которымъ забавляется его сіятельство, говоря о вторженіи толпы въ Тюильри; ибо здѣсь подвергается нападенію честь Франціи, честь народа.

Всякій знаетъ, какъ произошло, въ февралѣ 1848-го года, взятіе Тюильри народомъ: это было среди обстоятельствъ, наиболѣе удобныхъ для покрытія тѣхъ разнуздавшихся страстей, которыя нуждаются въ безпорядкѣ для того, чтобы спрятаться за нимъ; это было среди бури, не поддающейся описанію, въ которой все перемѣшалось: клики сражающихся, сумятица нахлынувшей толпы, барабанный бой, выстрѣлы, взрывы хохота, вызываемые тѣми бойкими остротами, которыя такъ ловко импровизируетъ въ подобныхъ случаяхъ живой умъ парижскихъ „гаменовъ“. Возбужденіе, порожденное битвой, еще не начинало успокаиваться, одинъ уже видъ этихъ роскошно разукрашенныхъ залъ будилъ множество раздражающихъ воспоминаній, и этотъ дворецъ, куда не въ пер-

вый разъ возвращались тѣни десятаго августа... являлся воспаленному воображенію въ видѣ вражеской крѣпости, взятой приступомъ; и что же произошло?

Лордъ Норменби, который жилъ въ Парижѣ, не понимая его, и говорилъ о немъ совершенно также, какъ житель Беотіи могъ бы говорить объ Аѳинахъ, начинаетъ съ того, что призываетъ негодованіе человѣческаго рода на Этьена Араго (брата великаго Араго), который, найдя въ передней книгу, гдѣ расписывались посѣтители короля, вписалъ въ нее свое имя, приглашая другихъ послѣдовать этому примѣру [1]). Если проявленія французской веселости суть преступленія, то лордъ Норменби могъ бы доставить себѣ удовольствіе составить гораздо болѣе полный перечень послѣднихъ; ему достаточно было бы обратиться ко всеобщей молвѣ, которая сообщила бы ему, что въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, трагедія человѣческой жизни имѣла свою комичную сторону, черта, которая не удивила бы и не скандализировала бы генія Шекспира; что нѣкоторые изъ побѣдителей, напримѣръ, были замѣчены сидящими вокругъ игорныхъ столовъ и разыгрывающими съ иронической важностью милліоны „цивильнаго листа"; что многіе весельчаки облачились въ бархатные халаты или преобразовали въ фригійскіе колпаки лоскутья гардинъ; что два инсургента, поставивъ ружья на землю, неподвижные среди самаго разгара окружавшей ихъ суматохи, разыграли шахматную партію; что одинъ молодой парень, занятый изученіемъ плана Нельи, отвѣтилъ, смѣясь, своему товарищу, который его спрашивалъ: „что это ты дѣлаешь, маркизъ?—Я разсматриваю планъ своихъ владѣній, виконтъ". Все это составляетъ собраніе злодѣяній, которыми лордъ Норменби, къ сожалѣнію, забылъ обогатить свои записки.

Но, быть можетъ, онъ самъ смутно понялъ, что эта Ювеналовская сатира, осуществленная на дѣлѣ, имѣла глубокій и тайный смыслъ, который не слѣдовало предоставлять размышленію проницательныхъ умовъ. Онъ предпочитаетъ, поэтому, внушить

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 206.

своимъ читателямъ мысль, что все происходившее въ Тюильри втеченіе двухъ недѣль, for nearly a fortnight [1]), сводилось лишь къ сценамъ грубаго обжорства, необузданнаго распутства и воровства, откуда слѣдуетъ, что тяжка вина временнаго правительства, позволившаго, чтобы мѣсто, освященное столькими историческими воспоминаніями, было отдано въ распоряженіе самой низкой парижской сволочи, „the lowest canaille of Paris“ [2]).

Разсмотримъ, чего стоятъ эти обвиненія и оскорбленія. Первымъ дѣяніемъ этой *сволочи*, въ рядахъ которой, мимоходомъ сказать, фигурировали ученики Политехническаго училища, національные гвардейцы, люди, пользовавшіеся очень почетной извѣстностью, былъ актъ великодушія. Какъ! Неужели лордъ Норменби, находившійся тогда въ Парижѣ, ничего не слыхалъ о тѣхъ муниципальныхъ гвардейцахъ, которыхъ настигъ въ дворцовой галлереѣ и спасъ авангардъ побѣдителей, при чемъ инсургенты довели свою заботливость до того, что сняли съ себя часть платья, чтобы облечь въ него своихъ враговъ и тѣмъ вѣрнѣе обезпечить ихъ бѣгство! Какъ? до свѣдѣнія его не дошло, что если парижская „сволочь“ оказала въ Тюильри неуваженіе къ портрету маршала Бюжо, героя кровавыхъ усмиреній, то встрѣтивъ на королевскомъ мосту (Pont Royal) его самого и узнавъ его, эта самая „сволочь“ почувствовала себя обезоруженной, какъ только онъ напомнилъ ей о своихъ военныхъ заслугахъ, и, далекая отъ того, чтобы сводить съ нимъ счеты по поводу побоища на улицѣ Транснонэнъ, конвоировала его, съ цѣлью охраны его личности, до порога его дома? [3]) Были разбиты гипсовыя статуи, выброшены за окно бюсты, проколоты ружейными штыками картины; но если эти увлеченія были лишь проявленіями одичалости, то чѣмъ объяснить, что аппартаменты герцогини Орлеанской остались въ сохранности, что толпа не дотронулась ни до портрета принца Жуанвильскаго, ни до

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 204.

[2]) Ibib стр. 204 и 205.

[3]) Эти два факта, общеизвѣстные впрочемъ, подробно и чрезвычайно увлекательно разсказаны въ „Исторіи Революціи 1848-го года,“ Даніеля Стерна, т. I, стр. 199 и стр. 189, 190.

портрета его матери, и что вышиванія королевы, ея шерстяныя и шелковыя вещи были ей возвращены въ неприкосновенности? [1]) Произошли разгромы, крайне прискорбные, конечно, но въ большинствѣ изъ нихъ виновенъ лишь пылъ политическихъ страстей, доведенныхъ борьбой до крайняго возбужденія. Лордъ Норменби постарался не сказать этого, а, между тѣмъ, онъ это зналъ. Послѣднее можно доказать фактомъ, который онъ чрезвычайно кстати для себя позабылъ. При посѣщеніи имъ дворца въ сопровожденіи лэди Норменби, когда отъ народнаго нашествія оставались лишь кое-какіе слѣды, г. Сентъ-Аманъ, бывшій тогда главнымъ комендантомъ Тюильри, обратилъ вниманіе англійскаго посланника на то, что рядомъ съ гипсовымъ бюстомъ Луи-Филиппа, продырявленнымъ пулями, сохранилась въ неприкосновенности серебряная статуя; послѣ чего его сіятельство не могъ удержаться отъ признанія того, что парижскій народъ совершенно необыкновенный народъ, а лэди Норменби соблаговолила присоединить къ этому свидѣтельству свое собственное. Я знаю этотъ фактъ отъ самого г-на Сентъ-Амана.

Разъ ужъ я произнесъ это имя, я приведу, не медля болѣе, оффиціальный документъ, показывающій, до какой степени клеветническимъ является обвиненіе въ безучастіи, возведенное лордомъ Норменби на временное правительство. Въ „Монитёрѣ“, 25-го февраля 1848-го года мы читаемъ слѣдующій декретъ, подписанный членами временнаго правительства, *въ самый моментъ ихъ водворенія на должность*:

„Временное правительство назначаетъ г-на Сентъ-Амана, капитана перваго легіона, главнымъ комендантомъ Тюильрійскаго дворца.

„Городская ратуша, *24-го февраля* 1848 года.

Но что удивительнаго въ томъ, что въ такомъ большомъ городѣ, какъ Парижъ, современное общество не могло быть взбудоражено сверху до низу безъ того, чтобы на поверхности его не

---

[1]) Ibid стр. 203.

появилось немного пѣны; что извѣстіе о вторженіи громадной и безпорядочной толпы во дворецъ, переполненный богатствами, привлекло туда, черезъ часъ или два послѣ нашествія сражавшихся [1]), нѣкоторыхъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которымъ современная цивилизація даетъ коснѣть и развращаться въ глубинахъ, куда никогда не проникаетъ ея свѣтъ? Обратное было бы чудомъ. Такимъ образомъ, вѣрно то, что когда потокъ разлился настолько, что далъ нѣсколькимъ несчастнымъ возможность стушеваться и спрятаться, такъ сказать, въ общей суматохѣ, совершено было нѣсколько частичныхъ безчинствъ; захвачено было два боченка рому, найденныхъ у принца Жуанвильскаго, и въ дворцовыхъ погребахъ разыгрались сцены пьянства. Лордъ Норменби можетъ даже, если ему угодно, отмѣтить тотъ фактъ, что сигары герцога Немурскаго были выкурены безъ зазрѣнія совѣсти народомъ, „т. к. курильщики убѣдились въ томъ, что сигары эти были ввезены во Францію контрабандой [2])“.

Что же касается до недостойнаго разгула, мѣстомъ дѣйствія котораго, по увѣреніямъ лорда Норменби, былъ Тюильрійскій дворецъ, то никогда еще клевета не выступала впередъ съ большей развязностью. Мѣсто это заслуживаетъ быть приведеннымъ буквально: „Я имѣю основаніе думать, что всякаго рода преступленія были совершены грубыми натурами, имѣвшими возможность укрыться отъ взглядовъ и увѣренными въ безнаказанности“ [3]). I have reason to bilieve,—„Я имѣю основаніе думать!“ Вотъ, какія доказательства представляетъ Его Сіятельство!

Что касается до анекдота о ребенкѣ, который встрѣчаетъ отца на улицѣ, приглашаетъ его завтракать во дворецъ, ведетъ его съ собой и „почтительно предлагаетъ ему блюдо превосходной бара-

---

[1]) Констатировано, что не было совершено никакого безчинства втеченіе перваго часа по вторженіи. См. объ этомъ разсказъ г-на Сентъ-Амана и сочиненіе г-жи d'Агу.

[2]) См. разсказъ, опубликованный г-номъ Сентъ-Аманомъ, подъ заглавіемъ: Тюильрійская драма, стр. 17.

[3]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 205.

нины съ городовыми консервами“ [1]), то нашъ историкъ совершилъ здѣсь роковую оплошность: онъ относитъ это великое событіе къ эпохѣ, дѣлающей его невозможнымъ, т. е. помѣчаетъ его числомъ, на нѣсколько дней болѣе позднимъ, чѣмъ вторженіе во дворецъ. Но черезъ нѣсколько дней послѣ вторженія, первый встрѣчный не могъ водить во дворецъ своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, съ тѣмъ чтобы угощать ихъ тамъ трюфелями или молодымъ горошкомъ, такъ какъ охрана дворца была поручена, со времени назначенія господина Сентъ-Амана на мѣсто, гарнизону, раздѣленному на нѣсколько народныхъ отрядовъ, и даже постояннымъ обитателямъ дворца, его сторожамъ, былъ назначенъ „ежедневный раціонъ, состоявшій всего лишь изъ одного килограмма мяса, одного килограмма хлѣба и литра вина цѣною въ 70 сантимовъ [2]), да и это продолжалось недолго потому, что лишь только сторожевые отряды, главнымъ образомъ состоявшіе изъ простолюдиновъ, изъ которыхъ иные были покрыты лохмотьями, узнали, что за предѣлами дворца ихъ обвиняютъ въ пьянствѣ, какъ тотчасъ героически отвѣтили на клевету тѣмъ, что отказались отъ своей порціи вина и перешли на воду [3])!

Разсказъ лорда Норменби, помимо того, что онъ переполненъ поклепами на народъ, грѣшитъ еще и тѣмъ, что оставляетъ въ тѣни множество вещей, которыя слѣдовало бы знать. Если когда нибудь, рискуя быть принужденнымъ измѣнить свое заключеніе, онъ пожелаетъ дополнить свой разсказъ, то слѣдующіе нѣсколько фактовъ помогутъ ему въ этомъ.

Народъ написалъ на стѣнахъ Тюильри: „Смерть ворамъ!“ Какой-то несчастный, котораго замѣтили выходящимъ изъ дворца не „въ одеждахъ, подбитыхъ серебромъ, и съ руками, наполненными банковыми билетами“, но съ украденнымъ бѣльемъ, былъ безжалостно разстрѣлянъ подъ павильономъ часовъ (pavillon de l'Horloge), наказаніе, противъ котораго сердце протестуетъ и которое

---

1) Ibid., стр. 206.

2) См. разсказъ Сентъ-Амана стр. 17.

3) См. разсказъ Г-на Сентъ-Амана стр. 17.

*

осуждаетъ совѣсть,—столь ужасна его несоразмѣрность съ преступленіемъ", но которое, по крайней мѣрѣ, доказываетъ, наперекоръ инсинуаціямъ благороднаго маркиза что воровство далеко не царило въ Тюилри. Народъ написалъ также на стѣнахъ: „Гражданскіе инвалиды". Трогательна была эта мысль подарить человѣческимъ страданіямъ то, что было отнято у человѣческой низости,—мысль посвятить культу національной благодарности и состраданія храмъ, воздвигнутый въ честь холопскаго духа дворовъ. Замѣчательно, что, хотя и не одобряя этой метаморфозы, г-нъ Сентъ-Аманъ признаетъ, что она имѣла рѣшительное вліяніе на быстрое очищеніе большихъ залъ отъ толпы [1]): никто не счелъ себя въ правѣ остаться тамъ, куда должны были прибыть больные и раненые! Я сказалъ, что охрана дворца была ввѣрена людямъ изъ народа: то были столяры, продавцы рѣдкостей, шоссейные рабочіе, стекольщики, каменщики, наборщики, разносчики газетъ, зеркальщики и пр., и среди нихъ нѣсколько литераторовъ, нѣсколько художниковъ. И, вотъ, безкорыстіе этихъ людей, случайно набранныхъ, большинство которыхъ прикрывало свое тѣло жалкимъ отрепьемъ, и которые простаивали на караулѣ по шести часовъ, безъ сторожевой будки и безъ плаща [2]), было столь надежно, что были посты, гдѣ „золото и алмазы нетолько не были заперты на ключъ, но были выставлены напоказъ безъ всякой предосторожности" [3]). На ихъ глазахъ, то и дѣло проносили корзины, наполненныя драгоцѣнностями, которыя могли бы сдѣлать ихъ богатыми людьми, и отъ которыхъ они были отдѣлены лишь стекломъ, прикрытымъ зеленой занавѣской, и „эти честныя души", пишетъ г-нъ-Сентъ-Аманъ, смотрѣли на то, что мы дѣлали, ни однимъ движеніемъ не обнаруживая сомнѣнія или корыстнаго вожделѣнія" [4]). 26-го февраля былъ отправленъ въ Казначейство первый фургонъ съ сундуками, посылавшимися изъ Тюильри. За нимъ послѣдовали другіе, нагружавшіеся на виду у всѣхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 16.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.

сокровищами. Безъ всякой другой охраны, кромѣ слабаго конвоя изъ волонтеровъ, въ лохмотьяхъ, предводительствуемаго двумя учениками Политехнической школы, эти возы проѣхали „безъ тѣни опасности“ [1]), черезъ городъ, охваченный революціей. Таковы были эти „разбойники“, такова была эта „презрѣнная сволочь“, о которой говоритъ лордъ Норменби.

Мы принуждены, впрочемъ, признать что Его Сіятельство обходитъ истину съ настойчивостью, чуждой всякой односторонности, и историческая точность его грѣшитъ не тамъ только, гдѣ онъ рисуетъ побѣдителей. Объ этомъ можно судить по его описанію бѣгства Луи-Филиппа:

„Король и королева прибыли въ Руанъ и сѣли на пароходъ, на которомъ добрались до Гавра; но имъ пришлось пройти небольшое разстояніе съ одной набережной на другую, чтобы пересѣсть на англійскій пароходъ. Тутъ-то король чуть не выдалъ себя усердіемъ, съ которымъ игралъ роль добраго британскаго буржуа, нетерпѣливо стремящагося домой. Было, разумѣется, крайне важно, чтобы въ мѣстѣ, гдѣ его такъ легко могли узнать, онъ держался спокойно и не навлекалъ на себя вниманія. Вмѣсто того, какъ увѣряютъ меня, онъ поднялъ большую кутерьму, громко крича: „Гдѣ госпожа Смитъ? гдѣ моя старуха? (my old woman)? Поди сюда, моя милая“! Онъ продѣлывалъ это такъ усердно, что былъ узнанъ женой одного рыбака, которая закричала: „Вотъ, король,—онъ хочетъ бѣжать!“ Но было уже слишкомъ поздно для того, чтобы можно было задержать его“ [2]).

Это мѣсто, гдѣ бѣгство Луи-Филиппа такъ неосновательно и жестоко выставлено въ смѣшномъ видѣ, вызвало письмо, опубликованное 29-го мая 1858-го года въ „Athenaeum'ѣ“, одномъ изъ наиболѣе уважаемыхъ англійскихъ журналовъ. Это письмо слѣдуетъ привести.

Воспроизведя только-что прочтенный читателемъ разсказъ, корреспондентъ „Athenaenm'а“ прибавляетъ:

---

[1]) Это подлинныя выраженія Г-на Сентъ-Амана.
[2]) A Year of Revolution in Paris, стр. 181, 182.

„Въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одного обстоятельства, которое не было бы ложно передано. Луи-Филиппъ не садился на пароходъ въ Руанѣ и не спускался внизъ по Сенѣ. Онъ отплылъ на паромѣ изъ Гонфлера съ однимъ англичаниномъ, который долженъ былъ изображать изъ себя его племянника. Король и королева сошли на берегъ въ Гаврѣ, разстались тамъ и направились различными путями къ англійскому пароходу, король—съ генераломъ Дюма, а королева,—опираясь на руку англійскаго консула. Луи-Филиппъ снова увидѣлся съ королевой, лишь когда они были въ открытомъ морѣ и внѣ опасности. Вотъ, что̀ должно быть сказано пошлой, по поводу басни: „Гдѣ моя старуха?“

Но слѣдующее затѣмъ—вещь столь серьезная, что я предпочитаю (и Вы раздѣлите мое мнѣніе) констатировать это въ елико возможно простыхъ выраженіяхъ. Подробный докладъ о происшедшемъ былъ тотчасъ же посланъ англійскимъ консуломъ лорду Норменби въ Парижъ и министру иностранныхъ дѣлъ въ Лондонъ. Лордъ Пальмерстонъ представилъ этотъ докладъ англійской королевѣ, которая повелѣла напечатать его и положить въ бюро министерства иностранныхъ дѣлъ, въ коллекцію историческихъ бумагъ. Копія съ доклада, напечатаннаго и положеннаго на храненіе, была отослана, какъ вторичное сообщеніе о тѣхъ же обстоятельствахъ, лорду Норменби въ Парижъ.

„Теперь, я спрашиваю какъ могло случиться, что, имѣя передъ глазами подлинный документъ, точность котораго ему такъ легко было провѣрить пунктъ за пунктомъ, лордъ Норменби счелъ благоразумнымъ и добросовѣстнымъ опубликовать по поводу этого трагическаго событія версію, столь абсолютно расходящуюся съ истиной? Существуютъ, кажется мнѣ, тысячи лицъ, знающихъ изъ первыхъ рукъ о бѣгствѣ Луи-Филиппа; Луи-Филиппъ велъ дневникъ, который видѣли тысячи лицъ, и которымъ покойный г. Крокеръ воспользовался, для статьи въ *Quarterly Review*. Документъ, напечатанный по приказанію королевы англійской, находится въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Что подумаютъ

друзья и издатели лорда Нерменби о странномъ способѣ, которымъ онъ изобрѣлъ въ данномъ случаѣ факты“ [1]).

Отмѣтимъ, что это уничтожающее обвиненіе осталось безъ отвѣта. Вотъ, чего не должны забывать тѣ, кого будетъ искушать желаніе опереться, понося народъ, на показанія его сіятельства!

---

[1]) Athenaeum, 29 мая 1858 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Учрежденіе временнаго правительства.

Преобладаніе республиканской партіи въ Парижѣ, въ моментъ, когда вспыхнула революція.—Ослѣпленіе Луи-Филиппа на этотъ счетъ.—Изреченіе господина Дюпена.—„Le National“ и „la Réforme“—органы демократическаго направленія.—Ихъ тенденціи.—Составъ редакціи „la Reforme“; ея политическая и соціальная программа.—О такъ называемой *анархистской* доктринѣ, изобрѣтенной впослѣдствіи. — Сила, которую смерть Годфруа Каваньяка отняла у революціонной идеи.—Соглашеніе, въ цѣляхъ общей дѣятельности между двумя республиканскими газетами.—Списокъ членовъ временнаго правительства, установленный ими и утвержденный народнымъ одобреніемъ.—Смѣшанный составъ этого списка былъ необходимостью момента.—Народъ требуетъ, чтобы было присоединено имя Альбера.—Полное безсиліе Палаты.—Изобличеніе лорда Норменби *Монитеромъ*. — Странная иллюзія г-на Ламартина. — Видъ Городской Ратуши 24-го февраля.—Народное собраніе, въ Сенъ-Жанской залѣ.—Каждый изъ членовъ временнаго правительства излагаетъ передъ этимъ собраніемъ свои принципы.—Временное правительство засѣдаетъ.—Позиція, занятая парламентской фракціей.—Дѣйствительность выборовъ, сдѣланныхъ внѣ Бурбонскаго дворца, на минуту оспаривается.—Вопросъ о секретаряхъ.— Аттицизмъ лорда Норменби.

Если вѣрить лорду Норменби, который, въ этомъ случаѣ, просто является издателемъ признаній г-на де-Ламартина, то временное правительтство въ 1848-мъ году образовалось такимъ образомъ, что придало революціи чисто парламентскій характеръ [1]);

---

[1]) До меня дошелъ слухъ, что лицо, всего горячѣе настаивавшее на томъ, чтобы книга лорда Норменби была напечатана, это г. Ламартинъ. Я не могу этому вѣрить:

1) потому что эта книга лишь пасквиль на февральскую революцію, на парижскій народъ и на Францію;

2) потому что она кишитъ грубыми ошибками, отвѣтственность за которыя логически падала бы на г-на Ламартина;

3) потому что бывшіе товарищи г-на Ламартина поносятся въ ней, въ его пользу, на основаніи словъ, которыя ему приписываются.

читатель увидитъ, какимъ поруганіемъ истины нужно признать такой способъ изображать событія.

Прежде всего, велико заблужденіе тѣхъ, которые думаютъ, что въ 1848-мъ году у революціи были лишь очень слабые корни. Вѣрно то, что республиканская партія, представлявшая собою въ провинціи лишь незначительное меньшинство, имѣла рѣшительный перевѣсъ въ Парижѣ. Но этого-то и не зналъ Луи-Филиппъ. Онъ считалъ свое положеніе на тронѣ настолько прочнымъ, что при первомъ извѣстіи о народномъ волненіи, смѣясь, сказалъ тѣмъ, кто казался озабоченнымъ вокругъ него: „Вы называете баррикадой наемный кабріолетъ, опрокинутый парою сорванцовъ!“ И сердце забилось у него лишь тогда, когда онъ узналъ, что на площади Petits Pères національная гвардія сдѣлала на-руку, увидѣвъ приближеніе войскъ. Но и тогда даже его успокоила на нѣкоторое время мысль о томъ, что послѣ монархіи ничто другое не было возможно; это показываютъ слова, сказанныя имъ г-ну Дюпену Старшему: „Вы думаете, что они хотятъ меня свергнуть? Но они не могутъ замѣстить меня никѣмъ“. Дюпенъ отвѣтилъ: „Никѣмъ, Ваше Величество, это такъ; но, можетъ быть, они замѣстятъ васъ *чѣмъ-то*!“ [1]).

Это *нѣчто*, бывшее республикой, имѣло въ Парижѣ два органа: одинъ изъ нихъ, „le National“, чисто политическаго характера, имѣлъ большое вліяніе на самую умную и дѣятельную часть буржуазіи, другой, „la Réforme“, выражалъ тѣ мощныя, соціалистическія стремленія, которыя сдѣлались впослѣдствіи славной мукой нашего вѣка, а въ то время волновали до самой его глубины задумчивое населеніе мастерскихъ. Г. Маррастъ редактировалъ „le National“ перомъ, которое можно было бы назвать наслѣдіемъ Камилла Демулена; главнымъ редакторомъ газеты La Rèforme состоялъ г. Флоконъ, ясный, твердый и сжатый слогъ котораго и содѣйствовалъ ея успѣху такъ же, какъ и талантъ Рибейролля, писателя, одареннаго родомъ краснорѣчія, одновременно

---

[1]) Исторія революціи 1848 года, Даніэля Стерна, т. II, стр. 126.

ослѣпительнымъ и дикимъ, исполненнымъ оригинальности и силы; газета эта,—въ томъ, что касалось ея общаго политическаго направленія, — руководилась комитетомъ, состоявшимъ изъ слѣдующихъ лицъ: Араго, Бóна, Дюноти, Этьена Араго, Феликса Авриля, Флокона, Гинара, Жоли, Ледрю-Роллена, Лемассона, Лессере, Луи Блана, Паскаля Дюпра, Рекюра, Шелькера, Валье.

Слѣдующая программа, изложеніе которой было мнѣ поручено и которая появилась въ „la Réforme“ за нашей общей подписью, резюмируетъ ученіе, развивать которое задалась цѣлью эта газета:

„Всѣ люди—братья.

„Тамъ, гдѣ не существуетъ равенства, свобода есть ложь.

„Общество не могло бы существовать безъ неравенства способностей и разнообразія функцій; но болѣе высокія способности не должны давать большихъ правъ; онѣ налагаютъ большія обязанности.

„Въ этомъ состоитъ принципъ равенства; его необходимой формой является ассоціація.

„Конечная цѣль ассоціаціи—обезпечить удовлетвореніе умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ потребностей всѣхъ людей, путемъ употребленія ихъ различныхъ способностей и объединенія ихъ усилій.

„Работники были *рабами*; они стали затѣмъ крѣпостными; теперь они наемные рабочіе: нужно стремиться къ тому, чтобы перевести ихъ на положеніе членовъ ассоціаціи.

„Этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ только дѣятельностью демократическаго правительства.

„Демократическимъ называется то правительство, котораго принципомъ является верховенство народа, источникомъ—всеобщее голосованіе, а цѣлью осуществленіе формулы: „*Свобода, равенство, братство*“.

„Члены правительства въ хорошо организованномъ демократи-

ческомъ государствѣ суть лишь уполномоченные народа; слѣдовательно, они должны быть отвѣтственны и смѣняемы.

„Общественныя функціи не суть отличія; онѣ должны быть не привилегіями: это обязанности.

„Такъ какъ всѣ граждане имѣютъ равное право на участіе въ назначеніи народныхъ выборныхъ и въ выработкѣ закона, нужно,—дабы правовое равенство не оказалось призрачнымъ,—чтобы всякая общественная должность была оплачиваема.

„Законъ есть народная воля, формулированная уполномоченными народами. Всѣ обязаны повиноваться закону, но всѣ имѣютъ право обсуждать его во всеслушаніе, для того, чтобы онъ былъ измѣненъ, если онъ плохъ.

„Свобода печати должна быть сохранена и освящена, какъ гарантія противъ возможныхъ заблужденій большинства и какъ орудіе прогресса человѣческаго разума.

„Обученіе гражданъ должно быть одинаковымъ для всѣхъ и безплатнымъ. Организовать его должно государство.

„Каждый гражданинъ долженъ пройти черезъ школу солдатчины. Никто не имѣетъ права освобождать себя за деньги отъ обязанности содѣйствовать защитѣ своей родины.

„Государство должно взять на себя инициативу экономическихъ реформъ, ведущихъ къ организаціи труда, которая преобразуетъ положеніе рабочихъ, превративъ ихъ изъ наемныхъ тружениковъ въ участниковъ ассоціаціи.

„Нужно замѣнить услуги частнаго кредита кредитомъ государственнымъ. Въ ожиданіи эмансипаціи пролетаріата, государство должно сдѣлаться банкиромъ бѣдныхъ.

„Рабочій имѣетъ такое же право на признательность государства, какъ и солдатъ. Сильному и здоровому гражданину государство обязано доставать работу, престарѣлому и немощному—помощь и покровительство“.

Здѣсь нужно вставить нѣсколько замѣчаній, которыя, быть

может, будут не безъинтересны для тѣхъ, кто, въ великой драмѣ исторіи, ищетъ мысли, скрытой за завѣсой фактовъ.

Въ ту пору, когда была издана вышеприведенная программа, никто еще не дерзалъ писать на демократическомъ знамени слова „*анархія*", переименовывать такимъ образомъ, *свободу*, не нуждающуюся въ перемѣнѣ своего славнаго имени. Не то было впослѣдствіи, и въ извѣстной фракціи демократической партіи вошло въ моду кричать: „Анархія, анархія!" [1]). Какъ ни мало понятенъ этотъ боевой возгласъ въ теоріи и какъ бы ни гибельнымъ могъ онъ оказаться для народной массы на практикѣ, — если бы *было возможно*, чтобы онъ одержалъ верхъ,—ему, увы, едва-ли приходится удивляться, когда просматриваешь кровавую исторію столькихъ правительствъ—язвъ, когда вспоминаешь, какъ часто даже выборные блюстители свободы оборачивали противъ нея оружіе, данное имъ для ея защиты, и что слова: *монархія, аристократія*, *олигархія*, *демократія* почти всегда служили лишь для обозначенія различныхъ формъ угнетенія. Но слѣдовало ли бы отнести къ числу мудрецовъ того логика, который, замѣтивъ недостатки современнаго общества, сталъ бы восклицать: „Долой общество!" И что слѣдовало бы думать о томъ, кто, ссылаясь на всѣмъ извѣстныя бѣдствія, которымъ подверженъ человѣческій родъ, предалъ бы проклятію самый принципъ жизни?

Правъ конечно тотъ, кто болѣе не хочетъ имѣть надо собой *господъ* ни подъ какимъ названіемъ, ни подъ какимъ предлогомъ, ни въ какой формѣ; но, въ силу закона, царящаго надо всѣми теоріями, народу нужны агенты, отвѣтственные и смѣняемые уполномоченные, прикащики, служители.

Желать обойтись безъ правительства, *даже такимъ образомъ опредѣленнаго* и этими предѣлами ограниченнаго, значитъ просто требовать, чтобы общество распалось. Ибо какимъ образомъ могло бы, въ такомъ случаѣ, осуществляться то, что есть общаго въ чувствахъ и хотѣніяхъ Петра, Якова, Павла, Франциска... трид-

---

[1]) Всѣмъ извѣстно, что начало этому движенію было положено проповѣдями г-на Прудона.

цати шести милліоновъ людей, напримѣръ, составляющихъ Францію, и изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особую организацію, чувства ему одному присущія, волю, стремящуюся быть отличной отъ воли сосѣда, свою личную жизнь? Могутъ ли тридцать четыре милліона человѣкъ составить коллективное существо, не вступивъ въ сообщество? Могутъ ли они составить сообщество, не условившись относительно началъ, на которыхъ оно будетъ организовано? и можетъ ли это соглашеніе сначала устроиться, а затѣмъ соблюдаться безъ помощи посредниковъ? Правительство, стоящее внѣ общества и надъ нимъ, есть конечно вещь чудовищная; но правительство, организованное такимъ образомъ, что оно является лишь обществомъ, дѣйствующимъ, какъ таковое, или, если угодно, средствомъ осуществить союзъ всѣхъ, въ интересахъ каждаго, подобное правительство, есть вещь настолько необходимая, что тѣ, которые отрицаютъ эту необходимость, отрицаютъ очевидность и забываютъ, что первое условіе для того, чтобы быть понятымъ другими, это понимать самого себя. Чѣмъ объясняется въ человѣческомъ тѣлѣ удивительная согласованность его движеній? Вотъ, предметъ, который нужно схватить; что же происходитъ? Глазъ его различаетъ, нога къ нему ведетъ, рука беретъ его. Но какимъ образомъ эти различныя дѣйствія ведутъ къ одному результату? Вся тайна заключается въ существованіи и дѣятельности головы. Голова въ человѣческомъ тѣлѣ есть то, что составляетъ его *единство*. Правда, что на этомъ основаніи она не присваиваетъ себѣ права, презирать другіе члены или употреблять, въ свою пользу, принадлежащую имъ долю питанія; правда, что она съ такимъ же вниманіемъ относится къ ихъ нуждамъ и интересамъ, какъ и къ своимъ собственнымъ; правда также, что, какъ это замѣчаетъ Св. Павелъ, она не говоритъ рукамъ: „Вы мнѣ не нужны“, ни ногамъ: „Я не имѣю надобности въ васъ“; правда, наконецъ, что ея **власть** состоитъ въ томъ, что она **служитъ** всему тѣлу. Но, вѣдь, это прообразъ *государства*, какимъ оно являлось бы въ обществѣ, основанномъ на чудной формулѣ: *свобода*, *равенство*, *братство*... И требовать, чтобы *даже въ подобномъ обществѣ* было упразд-

нено то, что составляло бы его единство, это все равно, что требовать упраздненія головы въ человѣческомъ тѣлѣ [1]).

Что касается до меня, то признаюсь, что эта пресловутая анархистская доктрина, столь нашумѣвшая въ послѣднее время, всегда казалась мнѣ, скажу, не только ложной, но совершенно непонятной. Провозгласить, на развалинахъ народнаго верховенства верховенство индивидуума, какъ таковаго, это болѣе чѣмъ отрицаніе демократіи и человѣческой солидарности, это отрицаніе общества; и я не могу достаточно надивиться заблужденію тѣхъ, которые воображаютъ, что въ тотъ день, когда каждый будетъ зависѣть лишь отъ самого себя, свобода воцарится на землѣ. Если мой сосѣдъ сильнѣе меня, и если между нимъ и мною нѣтъ никакой другой силы, то, что помѣшаетъ ему сдѣлаться моимъ тираномъ? Верховенство индивидуума есть принципъ, управляющій міромъ животныхъ, и примѣненіе его приводитъ къ тому, что тигръ, встрѣчая газель, пожираетъ ее. Если только подобныя идеи смогутъ когда нибудь осуществиться, то горе тогда слабымъ, горе бѣднымъ! [2]).

Прибавляю еще, что, наперекоръ намѣреніямъ тѣхъ, кто проповѣдуетъ эти идеи, людей, въ искренности которыхъ я не сомнѣваюсь, эти идеи по существу, анти-революціонны. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь, революція должна готовиться къ отчаянному сопротивленію. Злоупотребленія не позволятъ себя разрушить безъ борьбы. Нельзя будетъ безъ усилія сдвинуть съ мѣста страшную глыбу стараго міра. Чего же можно ждать, если мощно централизованнымъ и организованнымъ силамъ будутъ противопоставлены, какъ этого хотятъ анархисты, лишь разрозненныя нападенія и индивидуальныя попытки? Дезорганизація, насколько мнѣ извѣстно, никогда не была хорошимъ средствомъ одержанія побѣды, и можно съ увѣ-

---

[1]) Въ сущности, это ученіе чистаго анархизма настолько нелѣпо, что, когда сторонники его припираются къ стѣнѣ и принуждены выражаться ясно, оказывается, что, съ ихъ стороны, все сводится къ словопренію, такъ какъ они ограничиваются тѣмъ, что замѣняютъ слово: *правленіе* словами: завѣдываніе, присмотръ и т. п.

[2]) См. въ Приложеніи № 1—Споръ, завязавшійся на эту тему между г-номъ Прудономъ и мною.

ренностью предсказать, что, еслибы друзья прогресса были безумны настолько, чтобы ринуться, по одиночкѣ, въ бой съ арміей зла, столь сплоченной въ настоящее время, они достигли бы лишь того, что ихъ всѣхъ перебили бы, одного за другимъ, вплоть до послѣдняго!

Возвращаюсь къ разсказу о событіяхъ. Годфруа, самый дорогой изъ моихъ друзей, всѣхъ болѣе мною оплакиваемый, былъ членомъ комитета газеты „la Réforme“ и безусловно раздѣлялъ его принципы. Къ несчастію, когда наступила революція, его уже не было въ живыхъ; великая потеря, къ которой мы всѣ отнеслись, какъ къ общественному бѣдствію, ибо это былъ сильный умъ, необыкновенно мужественная душа; онъ былъ, во всѣхъ отношеніяхъ, выше своего брата, генерала Каваньяка. Какую силу придало бы революціонной идеѣ присутствіе Годфруа среди членовъ временнаго правительства!

Какъ бы то ни было, въ послѣдніе дни правленія Луи-Филиппа, успѣхи республиканской партіи, казалось, угрожали трону близкимъ паденіемъ, когда между „la Réforme“ и „le National“, къ концу января 1847 г.,—возникли разногласія, которымъ вскорѣ придалъ острый характеръ жаръ политическихъ страстей. Революція ихъ прервала и заставила всѣхъ понять необходимость живо покончить съ ними. Дѣйствительно, нельзя было надѣяться на торжество республики, пока республиканцы воевали между собой. „La Réforme“ могла разсчитывать въ Парижѣ на поддержку, со стороны предмѣстій. Со своей стороны, „le National“ обладалъ, въ лицѣ наиболѣе дѣятельной части парижской буржуазіи, вкупѣ съ патріотами [1]), жившими въ провинціи, силой, отъ союза съ которой было бы несправедливо и опасно отказаться. Неотложная необходимость совмѣстной дѣятельности почти не подверглась сомнѣнію; такъ сильно было давленіе обстоятельствъ. Г-ну Мартену (изъ

---

[1]) Напоминаемъ разъ навсегда читателю, что слово *патріотъ* обозначало, какъ во время Великой Революціи, такъ и на языкѣ дѣятелей 1848 г., *людей съ передовыми политическими убѣжденіями*. Слово *патріотизмъ* означало *политическій радикализмъ*. *Прим. перев.*

Страсбурга), человѣку съ умомъ, одновременно очень миролюбивымъ и очень стойкимъ, „le National“ поручилъ миссію повести переговоры о сближеніи между двумя газетами, а меня назначила делегатомъ газеты „la Réforme“, чтобы я столковался съ нимъ.

Положеніе было изъ тѣхъ, съ какими приходится считаться, когда къ самымъ благороднымъ порывамъ энтузіазма примѣшивается у нѣкоторыхъ лицъ слѣпая экзальтація. Страсти, разбушевавшіяся во время борьбы, продолжали клокотать. Видъ Парижа былъ ужасенъ. То и дѣло показывались выползавшіе изъ-за баррикадъ ратники возстанія въ одеждѣ, забрызганной кровью, текшей изъ ихъ собственныхъ ранъ; они шли, потрясая саблями, ружьями, топорами и пиками, крича страшнымъ голосомъ: „Долой Бурбоновъ!“

Притомъ, не существовало никакого опредѣленнаго плана, никакой организаціи,—казалось, все было предоставлено на волю случая. А тѣмъ временемъ парламентскія и монархическія группы уже принялись за свои интриги; уже предполагавшееся регентство герцогини Орлеанской дѣлалось сборнымъ пунктомъ всѣхъ враговъ республики; уже г. Одилонъ Барро возвѣстилъ департаментамъ по телеграфу, что возстаніе окончилось и что онъ назначенъ главой министерства.

Правда, что на улицѣ, куда онъ пошелъ испытать свою популярность, въ сопровожденіи генерала Ламорисьера и художника Ораса Вернэ, ему былъ оказанъ очень враждебный пріемъ, и что одно ужъ это рѣшало вопросъ въ пользу республики, насколько она зависѣла отъ настроенія народныхъ массъ. Но оставлять положеніе невыясненнымъ было крайне опасно. Вѣдь, оружіе выпало изъ рукъ солдатъ, лишь вслѣдствіе поддержки, оказанной возстанію частью національной гвардіи, при нейтральномъ поведеніи остальной; но могло случиться, что національные гвардейцы, оставшіеся нейтральными, были бы выведены изъ своей апатіи возобновленіемъ своихъ обычныхъ страховъ, вслѣдствіе чего находя, что революція заходитъ слишкомъ далеко, они сплотились бы дружнымъ строемъ вокругъ герцогини Орлеанской. За

вождями у нихъ въ этомъ случаѣ дѣло, конечно, не стало бы; они могли бы опереться на совершенно готовую организацію, и возвращенныя своимъ привычкамъ пассивнаго послушанія войска, которыя перестали бы парализовать уваженіе къ муниципальному мундиру, смогли бы явиться смертоносными пособниками новобранцевъ регентства.

При такихъ обстоятельствахъ, задача, возложенная на г-на Мартена (изъ Страсбурга) и на меня, не могла состоять въ томъ, чтобы вдругъ и въ опредѣленный часъ оба органа республиканской партіи столковались, относительно различныхъ пунктовъ доктринъ, раздѣлявшихъ ихъ; нужно было *дѣйствовать*, дѣйствовать сообща и немедленно. Для того, чтобы предупредить возможное возобновленіе борьбы и закрѣпить побѣду надъ монархическимъ принципомъ, нужно было создать центральное управленіе, ибо что можетъ быть очевиднѣе безсилія элементовъ неорганизованныхъ передъ организованными?

Это, впрочемъ, всегда чудесно понималъ парижскій народъ своимъ галльскимъ здравымъ смысломъ, и это интуитивное пониманіе необходимости организаціи, сочетающееся въ немъ съ самыми страстными увлеченіями, является одной изъ характерныхъ чертъ этого населенія. Парижъ никогда не былъ свидѣтелемъ возстанія, въ которомъ инсургенты, даже въсамомъ разгарѣ сраженія, наравнѣ съ живостью не проявляли бы разумной заботливости о способахъ обезпечить за собой сохраненіе побѣды послѣ того, какъ она будетъ одержана. Въ іюнѣ, въ эти страшные іюньскіе дни, не было ли констатировано, что инсургенты, эти несравненные бойцы, въ то время, какъ ихъ со всѣхъ сторонъ обступала смерть, начертывали списокъ новаго временнаго правительства на камняхъ, обагренныхъ ихъ кровью?

Отсюда также поспѣшность, съ которой февральскіе инсургенты, тотчасъ послѣ сраженія, окружили редакціи „le-National“ и „la-Réforme“, съ цѣлью создать центральное управленіе.

Когда ничего не готово для выборовъ въ обычной формѣ, когда положеніе не терпитъ, когда каждая потерянная минута

является ошибкой, всенародное одобреніе (acclamation) есть единственно возможный способъ избранія, а этотъ способъ предполагаетъ списокъ именъ, которыя предлагаются народному выбору. Нужно было, слѣдовательно, составить такого рода списокъ: тотъ, относительно котораго, благодаря усиліямъ г-на Мартена (изъ Страсбурга) и моимъ, столковались *la Réforme* и *le National*, былъ слѣдующій: Дюпонъ (изъ департамента Эры), Франсуа Араго, Ледрю-Ролленъ, Флоконъ, Мари, Гарнье-Пажесъ, Арманъ Маррастъ, Кремье, Ламартинъ, Луи-Бланъ [1]).

Сближеніе этихъ именъ (и кто болѣе меня, увы! имѣетъ право сдѣлать это замѣчаніе?) было, конечно, результатомъ компромисса; послѣдующія событія и доказали, что компромиссы этого рода сопряжены со множествомъ неудобствъ и скоро становятся источникомъ всевозможныхъ помѣхъ. Но *возможно* ли было въ ту пору что-либо другое? и должна ли была республика, за неимѣніемъ лучшаго, подать въ отставку? Весь вопросъ въ этомъ. Нужно было желать между столь злополучно и безумно враждебными интересами, разрывающими современное общество на двѣ части, бѣшеной войны не на животъ, а на смерть,—войны, которая легко могла окончиться избіеніемъ рабочаго класса; нужно было закрывать глаза на столь значительный и неподлежащій отрицанію фактъ, какъ то обстоятельство, что буржуазія составляетъ въ наши дни силу, развѣтвленія которой безчисленны, чтобы желать отстранить ее, въ подобный моментъ, отъ всякаго участія во власти. И если даже предположить, что это было возможно, было ли бы это разумно? было ли бы это справедливо? Какой здраво разсуждающій умъ станетъ отрицать, что, напримѣръ, г. де-Ламартинъ былъ не только опасностью, но также и силой, которой нужно было воспользоваться?

---

[1]) Не стану тратить времени на опроверженіе каррикатурнаго разсказа, который подноситъ своимъ читателямъ г. Гранье де-Кассаньякъ, въ своей „*Исторіи паденія Луи-Филиппа*“, подъ гарантіей г-на Люсьена де-ля-Годда (de la Hodde), да, г-на Люсьена де-ля-Годда! Авторъ ссылается на него въ примѣчаніи, какъ на авторитетъ! Положительно, не стоитъ объ этомъ распространяться. (Де-ля-Годдъ быдъ шпіонъ и провокаторъ служившій правительству Луи-Филиппа. *Перев.*).

Развѣ присутствіе его въ новомъ правительствѣ не служило къ обезоруженію силъ, пренебрегать сопротивленіемъ которыхъ было бы ребячествомъ? И развѣ нельзя было сильно подѣйствовать на умъ многихъ честныхъ, но боязливыхъ людей, указывая имъ на примѣръ новообращеннаго г-на де-Ламартина, безповоротно обязавшагося служить республикѣ? Я слышу, какъ жалуются на непредусмотрительность господа пророки заднимъ числомъ; но я обращаюсь къ ихъ добросовѣстности: пусть скажутъ они, положа руку на сердце, лучше ли нашего проникъ тогда ихъ взоръ за завѣсу будущаго; пустъ скажутъ, лучше ли, чѣмъ мы, они предвидѣли это удивительное сцѣпленіе роковыхъ обстоятельствъ, въ массѣ которыхъ болѣе или менѣе заслуживающій порицанія выборъ членовъ временнаго правительства вѣситъ, по истинѣ, не болѣе, чѣмъ капля воды, по отношенію къ цѣлой рѣкѣ. Прибавляю еще, что, въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ сдѣланныя ошибки, временное правительство основало то, что оно было призвано основать: республику. Было ли оно свержено? Нѣтъ: оно удалилось въ моментъ, имъ самимъ заранѣе назначенный, для того, чтобы уступить мѣсто народному самодержавію, принципъ котораго оно провозгласило; и, если всеобщая подача голосовъ, приведенная въ дѣйствіе, обманула надежды преданныхъ народу людей, если провинціи, когда имъ пришлось высказаться, не оправдали ожиданій Парижа, если событія 15-го мая доставили реакціи оружіе, въ которомъ она нуждалась, если она водворилась среди потоковъ крови, которыми іюньскіе дни залили столицу, чтобы, переживъ рядъ эпилептическихъ припадковъ, завершиться государственнымъ переворотомъ второго декабря..., то временное правительство, въ томъ его составѣ, который былъ принятъ 24-го февраля 1848 года, не можетъ отвѣчать за эти несчастія. Его историческая отвѣтственность снимается съ него тамъ, гдѣ закончилось его существованіе, т. е. 4-го мая 1848 года. А въ этотъ день триста тысячъ человѣкъ, собравшихся вокругъ Бурбонскаго дворца, огласили его стѣны торжествующимъ кличемъ, который разнесся по всей Франціи: „Да здравствуетъ республика!“

*

Какъ бы то ни было, обстоятельства не настолько зависятъ отъ человѣка, чтобы онъ могъ устраивать ихъ, по прихоти своей фантазіи. Составъ списка временнаго правительства 24-го февраля былъ необходимостью даннаго момента. Огромная толпа сбѣжалась съ баррикадъ къ редакціи „la Réforme“, главной квартирѣ возстанія; она тѣснилась, эта нетерпѣливая и вооруженная толпа, во дворѣ бюллїонскаго дворца и, выходя оттуда, наводняла улицу Жанъ-Жака Руссо и всѣ слѣдующія улицы. Страстные крики, несшіеся оттуда замолкли въ торжественной тишинѣ, воцарившейся въ ту минуту, когда я появился въ одномъ изъ оконъ, съ листомъ бумаги въ рукахъ. Я прочелъ имена списка и могу сказать, что они были приняты съ восторгомъ. Но тотчасъ же произнесено было имя, которое повторили тысячи голосовъ: „Альберъ, Альберъ!“

Большинство изъ насъ не знало Альбера; что касается до меня, то я его никогда не видалъ. Рабочій механикъ, стрѣлявшій еще, можетъ быть, по солдатамъ, въ послѣдней стычкѣ, гдѣ-нибудь на баррикадахъ, въ ту самую минуту, когда, вдали отъ него, его товарищи, безъ его вѣдома, привѣтствовали его имя, Альберъ всегда ревностно служилъ дѣлу рабочихъ, пренебрегая шумомъ и блескомъ. Преданный республикѣ, но такой республикѣ, которая составила бы себѣ цѣлью освобожденіе наемныхъ работниковъ, онъ никогда не просилъ у нея ничего, кромѣ чести умереть за нее. Обладали ли мы болѣе уважительными правами на участіе въ правительствѣ, чѣмъ этотъ избранникъ предмѣстій, назначеніе котораго было результатомъ столь неподдѣльнаго и самопроизвольнаго народнаго порыва? И сколь глубокое значеніе имѣлъ этотъ фактъ врученія власти рабочему, это открытіе совершенно новой эры, это оффиціальное признаніе правъ труда, этотъ славный вызовъ, производившій впечатлѣніе скандала, брошенный старому міру! Я съ сердечнымъ волненіемъ записалъ имя Альбера и, побѣжавъ въ редакцію „le National“, велѣлъ присоединить его къ списку, который, будучи тотчасъ же распространенъ по Парижу, оказался согласнымъ въ томъ, что касалось другихъ именъ, со списками, выработанными въ другихъ центрахъ борьбы, за исключеніемъ того обстоятельства, что на нѣкоторыхъ

изъ этихъ списковъ г-нъ Рекюръ, впослѣдствіи сдѣлавшійся министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ то время чрезвычайно популярный въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, фигурировалъ на мѣстѣ г-на Гарнье-Пажеса.

Вернувшись въ редакцію „la Réforme“, я нашелъ толпу въ состояніи неописаннаго гнѣва. Дѣло было въ томъ, что пришло извѣстіе, что въ палатѣ депутатовъ сторонники регентства требовали для графа Парижскаго того самаго опорожненнаго трона, который въ это время нѣкоторые изъ инсургентовъ съ тріумфомъ несли на площадь Бастиліи для того, чтобы его тамъ сжечь.

„Да, вѣдь, палата депутатовъ“, восклицали со всѣхъ сторонъ, „не имѣетъ болѣе никакой законной власти! Она составляла часть этой системы растлѣнія и національнаго униженія, которую мы разгромили въ дребезги. Неужели напрасно было пролито столько крови? Неужели мы снова подчинимся изношенному игу монархіи? *Долой регентство! Долой продавшихся! Продавшіеся!* (les corrompus),—таково было названіе, данное народомъ членамъ Палаты при Луи-Филиппѣ.

И, вотъ, одни шумной толпой направляются къ Бурбонскому дворцу, рѣшивъ сразу пресѣчь тамъ всякія дальнѣйшія обсужденія мнимыхъ правъ герцогини Орлеанской, въ то время, какъ другіе увлекаютъ насъ, т. е., г-на Флокона и меня, къ Ратушѣ.

Такъ какъ я не присутствовалъ на засѣданіи палаты депутатовъ 25-го февраля, то не стану подробно разсказывать о томъ, что тамъ происходило. Я ограничусь только тѣми пунктами, относительно которыхъ различныя показанія сходятся, и скажу:

Въ этотъ день въ Бурбонскомъ дворцѣ не было почти ни тѣни правильныхъ преній;

Что депутаты должны были очень скоро признать легальную недѣйствительность своихъ полномочій, констатированную г-номъ де ля Рошжаклэномъ въ слѣдующихъ выразительныхъ словахъ: „Теперь господа, вы—ничто“;

Что несмотря на присутствіе и трогательное, исполненное достоинства поведеніе герцогини Орлеанской, бывшей тутъ и дер-

жавшей за руку своихъ обоихъ дѣтей, усилія господъ Дюпена, Созэ и Одилона Барро, въ ея пользу, показали только безсиліе последнихъ:

Что истинное положеніе не могло быть выражено точнѣе, чѣмъ въ словахъ Г-на Пьера, когда, внезапно устремившись въ залъ, съ блѣднымъ лицовъ и въ изодранной одеждѣ, онъ воскликнулъ: „Господа, приливъ прибываетъ! приливъ прибываетъ!“

Наконецъ, что палата депутатовъ, въ качествѣ таковой, ничего не могла сдѣлать, ничего не сдѣлала, не пришла ни къ какому рѣшенію.

Болѣе того: въ ту минуту, когда приняли подобіе рѣшенія, палата депутатовъ прекратила свое существованіе, т. к. вооруженныя дружины ворвались въ залъ; г-нъ Созэ, президентъ, исчезъ, какъ тѣнь; пораженное ужасомъ большинство депутатовъ разбѣжалось; герцогиню Орлеанскую, неспособную дольше противостоять грозѣ, почтительно заставили удалиться,—а занимавшій въ это время трибуну капитанъ Дюнуайе, размахивая трехцвѣтнымъ знаменемъ, которое онъ держалъ въ одной рукѣ, и своей саблей, которую держалъ въ другой, успѣлъ уже провозгласить народное самодержавіе. Правъ былъ, конечно, Ледрю Ролленъ, когда сказалъ: „Намъ нужно временное правительство, избранное народомъ,—*не палатой*“.

Теперь посмотримъ, какую роль игралъ до тѣхъ поръ г. Ламартинъ. Случилось ли ему высказать какое-нибудь мнѣніе? Ничуть. Онъ старался разслышать, съ какой стороны горизонта приближается гроза. Онъ рѣшился поддержать предложеніе объ учрежденіи временнаго правительства, лишь когда стало очевиднымъ, что плыть по теченію было удобнѣе, чѣмъ идти противъ него. Да и не имъ былъ прочитанъ списокъ, содержавшій имена Дюпона (изъ Эры), Ламартина, Ледрю-Роллена, Мари, Гарнье-Пажеса, Кремье[1]).

---

[1]) См. о засѣданіи 24-го февраля *Moniteur*, *Исторію февральской революціи*,—г-на Робена, *Исторію февральской революціи*—г-на Дельво, и очень замѣчательное сочиненіе на ту же тему г-жи д'Агу, подъ псевдонимомъ Даніэля Стерна.

Здѣсь я долженъ остановиться, чтобы отмѣтить одну изъ безчисленныхъ ошибокъ, которыми переполнена книга лорда Норменби. Его сіятельство пишетъ самымъ серьезнымъ образомъ:

„Имена, начертанныя Ламартиномъ, не могли быть услышаны въ то время, какъ ихъ произносилъ съ президентскаго кресла бѣдный старый Дюпонъ (изъ Эры). Онъ передалъ списокъ лицу, находившемуся подлѣ него, которое, имѣя слабый голосъ, не могло быть услышано. А такъ какъ, между тѣмъ, важно было не терять времени, имена эти были переданы г. Кремье, обладающему стенторовскимъ (громоподобнымъ) голосомъ и прибавившему къ списку свое собственное имя, которое, во всей этой суматохѣ, было принято наравнѣ съ другими[1]).

Лордъ Норменби, какъ мы видимъ изъ самой книги, писалъ это 26-го февраля. А между тѣмъ 26-го февраля отчетъ Монитёра былъ въ рукахъ у всѣхъ жителей Парижа, — за исключеніемъ, повидимому, лорда Норменби,—и не было въ Парижѣ швейцара, который бы не зналъ того, что было неизвѣстно англійскому посланнику,—а именно, что списокъ, предложенный въ Бурбонскомъ дворцѣ, 24-го февраля, былъ прочтенъ Ледрю-Ролленомъ, а не Кремье, который, мимоходомъ сказать, не обладаетъ стенторовскимъ голосомъ, а потому не могъ быть избранъ для этой роли, въ качествѣ, такъ сказать, рупора.

Вѣрно только то, что эти имена были прочитаны посреди такого смятенія, что ихъ принятіе подверглось сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ томъ, что касается гг. Мари и Гарнье-Пажеса, списокъ натолкнулся на сильную оппозицію[2]).

Изъ этихъ неоспоримыхъ и неоспариваемыхъ фактовъ вытекаютъ два слѣдствія:

Во-первыхъ, списокъ Бурбонскаго дворца имѣлъ не болѣе цѣны, съ парламентской точки зрѣнія, чѣмъ тотъ, который народъ одобрилъ въ редакціяхъ la Réforme и le National.

Во-вторыхъ, г. Ламартинъ долженъ былъ находиться подъ

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 127.

[2]) См. „*Монитёръ*“ и вышеупомянутыя книги.

властью чрезвычайно странной иллюзіи, когда онъ писалъ слѣдующее: „Ламартину стоило произнести лишь одно слово для того, чтобы регентство было сейчасъ же провозглашено. Достаточно было, чтобы онъ сказалъ герцогинѣ и ея сыновьямъ: „Встаньте!“ [1]).

О, легковѣріе генія, влюбленнаго въ самого себя! Правда заключается въ томъ, что въ торжественномъ шествіи республики поэтъ, вознесшій столько ѳиміама на алтаряхъ монархіи, былъ въ числѣ побѣжденныхъ; лишь для того, чтобы лучше выставить на показъ этого прославленнаго плѣнника, республика посадила его позади себя на тріумфальную колесницу.

Такъ какъ въ Парижѣ мѣстомъ, избраннымъ для посвященія всѣхъ революціонныхъ властей, была Ратуша, подобно тому, какъ нѣкогда Реймсъ былъ городомъ, избраннымъ для коронованія государей, то гг. де-Ламартинъ, Ледрю Ролленъ и ихъ товарищи не замедлили туда отправиться, и они уже находились въ этихъ народныхъ Тюильри, когда туда пришли мы съ г. Флокономъ.

Ужасенъ былъ видъ революціонныхъ силъ, развернувшихся вокругъ Ратуши. Гревская площадь была покрыта такой густой толпой, что намъ было бы совершенно невозможно пробраться, если бы всенародное добровольное принятіе списка, составленнаго объединенными республиканскими газетами, не облекло нашихъ именъ своего рода волшебной силой. Толпа не только разступилась, при нашемъ приближеніи, но вышло даже такъ, что нѣсколько дюжихъ рабочихъ, опасаясь, чтобы меня не раздавили, вслѣдствіе моего малаго роста, подняло меня на плечи и понесло въ Ратушу, крича толпѣ: „Дорогу, дорогу! пропустите члена временнаго правительства!“ Такимъ образомъ, я смогъ достигнуть лѣстницы, запруженной волнами народа, раздѣлившимися на два противоположныя теченія, такъ какъ образовалось и поддерживалось безпрерывное сообщеніе между большимъ народнымъ собраніемъ, происходившимъ въ залѣ св. Іоанна, и толпой, находившейся снаружи, такъ что рѣшенія принятыя собраніемъ, можно было сейчасъ же передавать на-

[1]) Ламартинъ, Исторія революціи 1848 года (Histoire de la Révolution de 1848, par A. de Lamartine, t. I, p. 132, Bruxelles).

роду, наводнявшему Гревскую площадь: единственное возможное средство для того, чтобы дать этимъ рѣшеніямъ характеръ нѣкоторой регулярности.

Торжественное настроеніе, очень необычайное въ столь бурные часы, царило въ залѣ св. Іоанна, вопреки минутнымъ взрывамъ негодованія или энтузіазма. Но снаружи, въ прихожихъ и во дворахъ Ратуши, царилъ хаосъ. Одни не переставали кричать: „Да здравствуетъ республика!“ Другіе пѣли марсельезу, и въ звукахъ ихъ пѣнія наивный энтузіазмъ соединялся съ мрачнымъ изступленіемъ. Дворы, запруженные лошадьми безъ всадниковъ, ранеными, валявшимися на соломѣ, ошеломленными зрителями, импровизированными ораторами, солдатами, въ лохмотьяхъ, и рабочими, которые размахивали знаменами, являли одновременно зрѣлище перевязочнаго пункта, поля битвы и лагеря.

Ночь спускалась на городъ. Меня повели въ залъ св. Іоанна, гдѣ должны были сойтись всѣ члены временнаго правительства, чтобы изложить публично свои принципы; народное голосованіе должно было тамъ освятить избраніе членовъ, найденныхъ достойными столь важнаго полномочія.

Войдя въ залъ, я узналъ, что гг. Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Пажесъ, Дюпонъ (изъ Эры), Араго и Ламартинъ только-что подверглись этому необходимому испытанію. Г. Ледрю-Ролленъ, на просьбу заявить, считаетъ ли онъ свои полномочія полученными имъ отъ палаты депутатовъ, рѣшительно отвѣтилъ, что *нѣтъ*, и рѣчь его была встрѣчена повторившимися нѣсколько разъ аплодисментами.

Г. Гарнье-Пажесъ, относительно котораго предполагали, что онъ склонился было на сторону регентства, былъ не такъ хорошо принятъ. Тѣмъ не менѣе, его избрали парижскимъ мэромъ; не безъ нѣкоторыхъ сомнѣній, относительно того, слѣдуетъ ли сохранить его имя въ народномъ спискѣ, какъ члена временнаго правительства. Изъ уваженія къ лѣтамъ престарѣлаго Дюпона (изъ Эры), къ его несравненной честности и всѣмъ извѣстной приверженности къ республиканскимъ принципамъ, собраніе хотѣло

избавить его отъ всякаго заявленія своихъ убѣжденій; онъ съ большимъ благородствомъ настоялъ на противномъ, но смогъ произнесть лишь нѣсколько словъ. Подавленный внутреннимъ волненіемъ и усталостью, маститый старецъ поблѣднѣлъ; силы покинули его, и его унесли, среди самыхъ трогательныхъ выраженій участія и симпатіи.

Здоровье г. Франсуа Араго было сильно поколеблено за послѣдніе мѣсяцы: появившись на короткое время, онъ смогъ удалиться. Настала очередь г. Ламартина, которому событія поставили ультиматумъ: нужно было занять опредѣленную позицію. Странной запутанностью отличалась вступительная часть его рѣчи. Онъ сказалъ, что вопросъ, подлежавшій рѣшенію,—вопросъ чрезвычайно важный, что нація, конечно, будетъ призвана къ его разсмотрѣнію, а что касается до него, Ламартина, то онъ не намѣренъ рѣшать его напередъ. Эти слова вызвали цѣлую бурю. Грозный возгласъ: „Да здравствуетъ республика!“ потрясъ стѣны зданія. Лавиронъ, этотъ безстрашный французъ, который впослѣдствіи, сражаясь за Римскую республику, былъ убитъ на стѣнахъ Рима, горячо запротестовалъ противъ всякой попытки лишить народъ того, за что онъ такъ дорого заплатилъ. Предостереженіе было достаточно ясно: г. Ламартинъ сталъ продолжать свою рѣчь, но для того, чтобы постепенно сойти съ пути, на который онъ сначала вступилъ, и онъ закончилъ при апплодисментахъ собранія на этотъ разъ, заявленіемъ, окончательно дѣлавшимъ его республиканцемъ.

Таковы обстоятельства, которыя поспѣшили мнѣ сообщить нѣкоторые члены собранія; и Ламартинъ только-что покинулъ собраніе, когда я вошелъ въ залъ. На мнѣ былъ мундиръ національнаго гвардейца, ранѣе непользовавшійся популярностью, но реабилитированный въ тотъ день поведеніемъ нѣкоторыхъ батальоновъ. Сумерки уступили мѣсто ночи, и вооруженный ареопагъ, строгій и горделивый, былъ озаренъ свѣтомъ факеловъ и зажженныхъ головешекъ, игравшимъ на лѣсѣ штыковъ.

Я всегда былъ того мнѣнія, что республиканская форма прав-

ленія далеко не единственная цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться даже политическимъ дѣятелямъ республиканской школы, если ихъ преданность общественному благу искренна. Дѣйствительно, нѣтъ образа правленія, который не могъ бы стать оружіемъ, направленнымъ противъ народныхъ интересовъ. Какъ часто слово республика служило маской угнетенія и позолотой тиранніи! 24-го февраля, я, конечно, не могъ предвидѣть, что при республикѣ кровь народа будетъ литься потоками, что республиканецъ, генералъ Каваньякъ, издастъ приказъ о ссылкѣ, массовой и безъ суда, и предоставитъ Парижъ ужасамъ обезумѣвшей мести, что Людовикъ Бонапартъ, президентъ Французской республики, пошлетъ солдатъ въ Римъ, чтобы низвергнуть Римскую республику. Нѣтъ,— предвидѣть подобныя вещи было невозможно. Но исторія прошлаго воскресла въ моей памяти, и этого было достаточно. Тогда, какъ и теперь, я думалъ, что главная цѣль усилій истиннаго республиканца состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить работнику плодъ его труда, вернуть природное человѣческое достоинство тѣмъ, кого принижаетъ чрезмѣрная бѣдность, и просвѣтить тѣхъ, умъ которыхъ, за недостаткомъ образованія, есть лишь тусклый свѣтильникъ, едва мерцающій въ потемкахъ,—словомъ, освободить народъ отъ этого двойного рабства: невѣжества и нищеты; трудная, по истинѣ, задача, требующая усерднаго изученія, со стороны однихъ, большого благоразумія и терпѣнія, со стороны другихъ,—задача, которая можетъ быть выполнена лишь медленной разработкой и послѣдовательными завоеваніями, но которая должна быть постоянной заботой и мукой всякой благородной души!

Таковы были принципы, которые я изложилъ; г. Флоконъ высказался въ томъ же духѣ, и мы выразили довѣріе, которое внушала намъ энергичная поддержка Альбера. „Да здравствуетъ соціальная республика!“ закричало собраніе. Тогда всталъ одинъ рабочій; въ простыхъ и сильныхъ выраженіяхъ онъ поздравилъ насъ съ тѣмъ, что мы представили вопросъ въ его настоящемъ свѣтѣ, и наше избраніе было подтверждено шумными привѣтствіями.

Чтобы отдохнуть отъ грохота бури, раскаты которой продолжали еще раздаваться, гг. Дюпонъ (изъ Эры), Араго, Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ укрылись въ отдаленную комнату, куда, съ своей стороны, гг. Мари, Гарнье-Пажесъ, Маррастъ и Кремье не замедлили явиться. Не безъ труда удалось намъ пробраться къ нимъ черезъ закоулки корридоровъ Ратуши. Пять или шесть учениковъ Политехнической школы, со шпагами въ рукахъ, стояли на часахъ у дверей. Они посторонились, чтобы пропустить насъ, и мы вошли.

Сцена заслуживаетъ описанія. Г. Ламартинъ казался сіяющимъ; видъ г-на Ледрю-Роллена былъ рѣшительный, г-на Кремье—чрезвычайно возбужденный, г-на Мари—раздражительный и мрачный. Лицо г-на Дюпона (изъ Эры) выражало чувство благородной покорности судьбѣ. Уста г-на Марраста были подернуты его обычной улыбкой, улыбкой очень тонкой и слегка скептической. Мнѣ показалось, что наше присутствіе удивляло г-на Гарнье-Пажеса. Что касается до г-на Араго, то я его не узнавалъ, столь непохожъ онъ сталъ на самого себя! Если бы разстроенное состояніе его здоровія не объясняло его умственнаго упадка, перемѣна, произошедшая съ нимъ, была бы почти непостижима. Втеченіе почти шести лѣтъ онъ удостаивалъ меня своей дружбой; его похвалы, которымъ онъ съ почти отеческимъ благоволеніемъ старался найти откликъ у другихъ, были для меня драгоцѣннымъ поощреніемъ; онъ одобрялъ иногда то, что другіе называли моими продерзостями, и ему даже нерѣдко случалось спрашивать моего совѣта: скромность и снисхожденіе, которыя тутъ сказывались, были достойны его генія, но, со стороны человѣка его лѣтъ, они часто смущали и затрудняли меня, настолько же, какъ и восхищали. Какимъ образомъ его отношеніе ко мнѣ внезапно измѣнилось, этого я рѣшительно не могу объяснить. 24-го февраля онъ показался озадаченнымъ, увидавъ меня, вздумалъ поднять вопросъ о дѣйствительности выборовъ, произведенныхъ внѣ Бурбонскаго дворца. Нѣтъ надобности прибавлять, что споръ этотъ очень быстро прекратился. Мы, т. е. гг. Маррастъ, Флоконъ и я, являлись представителями прессы, которая подготовила,

направила и выполнила переворотъ; а чего были представителями депутаты, исключительно въ качествѣ таковыхъ, какъ не той самой власти, противъ которой была произведена революція? Утверждать,— въ то время, какъ вооруженный народъ наполнялъ Гревскую площадь, и когда большинство депутатовъ думало только о томъ, чтобы быть забытымъ, или о бѣгствѣ,—что революція имѣла парламентскій характеръ, было бы слишкомъ смѣшно. Когда позднѣе слѣдственная коммиссія призвала г-на Кремье, чтобы снять съ него показаніе, вотъ, что онъ сказалъ о себѣ и о своихъ товарищахъ: „Если бы насъ спросили, кѣмъ мы были избраны, мы могли бы сказать: „мы были избраны въ палатѣ депутатовъ“, но отнюдь не могли бы сказать: „палатой депутатовъ“ [1]). Это буквально вѣрно: объ этомъ свидѣтельствуетъ „Moniteur“; и на этотъ счетъ не могло быть никакого сомнѣнія въ умахъ членовъ временнаго правительства. По этой причинѣ, и преній никакихъ не произошло, по этому вопросу. Только г. Гарнье-Пажесъ, свойственнымъ ему дружескимъ и фамильярнымъ тономъ, произнесъ слово: „секретари“, относя его къ г-мъ Маррасту, Флокону и мнѣ и имѣя приэтомъ, повидимому, въ виду наши спеціальныя писательскія привычки. Въ моментъ, когда дѣло шло о столь крупныхъ интересахъ, не время было препираться изъ-за личныхъ претензій и спорить о вѣрности того или другого обозначенія. Выраженіе, употребленное г-мъ Гарнье-Пажесомъ, сошло. Важно, въ концѣ концовъ, было лишь то, чтобы наше мнѣніе сохраняло свой вѣсъ въ общихъ совѣщаніяхъ, какъ это и было. Рѣшенія принимались всѣми нами вмѣстѣ, послѣ преній, въ которыхъ мы всѣ участвовали, на совершенно равной ногѣ. Мало того: два лица, которыя, вечеромъ 24-го февраля, всего болѣе повліяли на оффиціальное и безповоротное провозглашеніе республики, были, какъ это покажетъ слѣдующая глава, г. Флоконъ и я, въ союзѣ съ г-омъ Ледрю-Ролленомъ.

Какъ бы то ни было, наименованіе: „*секретари*“, сопровождавшее четыре внѣ-парламентскихъ имени подъ декретами, опубли-

---

[1]) См. въ протоколахъ слѣдственной коммиссіи показаніе г-на Кремье.

кованными въ „Монитёрѣ“ 25-го февраля, естественно навело публику на мысль, что такое различіе въ титулахъ указывало на различіе и въ функціяхъ. Это встревожило наиболѣе горячихъ изъ республиканцевъ. Пробудилось воспоминаніе о томъ, что называли парламентскимъ фокусъ-покусомъ (escamotage) 1830 года. Не собирались ли уже дать разсчетъ народной площади? Не считали-ли возможнымъ подчинить функціи тѣхъ, кто получилъ полномочія отъ одной лишь революціи, оффиціальнымъ положеніямъ, добытымъ при режимѣ, который она ниспровергла? Ужъ не хотѣли ли дать понять провинціи, что за парижскимъ народомъ не признается права производить революціонные выборы? Рабочіе, смотрѣвшіе на Флокона, Альбера и меня, какъ на представителей ихъ интересовъ преимущественно передъ прочими членами временнаго правительства, сочли себя оскорбленными тѣмъ, что походило на желаніе увернуться отъ ихъ требованія, выраженнаго, между тѣмъ, столь яснымъ образомъ. Послѣдствія могли быть серьезны. Всѣ члены временнаго правительства почувствовали это, доказательствомъ чему служитъ то, что обозначеніе: *секретари*, прибавленное было къ именамъ четырехъ членовъ, *не-депутатовъ*, исчезло въ тотъ же день, въ который оно въ первый и послѣдній разъ употреблено было въ „Монитёрѣ“, т. е., что его упразднили утромъ 25-го, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ правительство впервые собралось 24-го вечеромъ; и это произошло безъ преній, безъ протестовъ, какъ нѣчто естественное и законное; выраженіе: *секретари*, ужъ болѣе не встрѣчается ни подъ какой прокламаціей, ни подъ какимъ декретомъ временнаго правительства: объ этомъ свидѣтельствуютъ номера „Монитёра“.

Все это изображено въ книгѣ лорда Норменби не только въ самыхъ ложныхъ краскахъ, но съ явнымъ намѣреніемъ (читатель скоро самъ объ этомъ посудитъ) унизить революцію 1848 года. Вотъ почему я настаиваю на истинѣ; а тѣмъ, кто въ этой настойчивости усмотрѣлъ бы лишь проявленіе уязвленнаго самолюбія, могу только сказать, что напрасно они въ этомъ случаѣ судятъ о другихъ, по себѣ самимъ. Крайне вульгарно было бы то сердце, въ которомъ,

рядомъ съ воспоминаніями о столь грандіозныхъ обстоятельствахъ, нашлось бы мѣсто для столь мелкихъ помысловъ! Да, я настаиваю, потому что, если этотъ вопросъ, дѣйствительно, не имѣетъ никакого значенія, по отношенію къ *лицамъ*, то онъ имѣетъ большое значеніе, по отношенію къ *вещамъ*. Допущенный къ чести служить, въ качествѣ общественнаго дѣятеля февральской революціи, я считаю своей обязанностью внушить уваженіе къ ея характеру. Въ лицѣ тѣхъ ея представителей, которыхъ стараются ошельмовать, хотятъ нанести ударъ ей самой; въ тѣхъ, о комъ лордъ Норменби говоритъ въ выраженіяхъ, достоїныхъ низменности внушившаго ихъ чувства: „видно, что столь же легко урвать себѣ кусокъ такъ называемой народной диктатуры, какъ сдѣлать подлогъ или опустошить чужой карманъ“ [1]), онъ хочетъ обезславить не того или другого индивидуума, называющагося Альберомъ, Луи-Бланомъ или Флокономъ,—опозорить онъ хочетъ народъ, революцію и Парижъ. Какое торжество для враговъ французскаго народа, для враговъ принциповъ, ради осуществленія которыхъ онъ провелъ пол-столѣтія въ битвахъ, если бы удалось распространить убѣжденіе, что въ 1848 году Парижъ склонилъ выю подъ игомъ унизительной диктатуры! Какая радость въ лагерѣ деспотовъ, троны которыхъ пошатнулись въ 1848 году, если бы можно было предать на посмѣяніе грядущимъ поколѣніямъ первый актъ народа, провозгласившаго себя самодержавнымъ, и если бы ни одинъ голосъ не запротестовалъ противъ этой возмутительной и недостойной лжи, будто февральская революція была результатомъ интриги!

13-го марта, какъ онъ самъ сообщаетъ, лордъ Норменби предложилъ слѣдующій вопросъ г-ну Ламартину: „Какимъ образомъ правительство, первоначально состоявшее изъ *семи* только членовъ, оказалось потомъ состоящимъ изъ *одиннадцати*?“ [2]).

---

[1]) It appears to be aseasy to filch a share of a soi-disant popular dictatorship as to forge an acceptance, or to pick a pocket. *A Year of Revolution in Paris*, т. I, стр. 223.

[2]) „How the original Governement of *seven* had become *eleven*“—A Year of Revolution in Paris, t. I, p. 223.

Вотъ, отвѣтъ, приписываемый лордомъ Норменби г-ну Ламартину, отвѣтъ, который, какъ мнѣ хочется думать, является клеветой перваго на второго.

„Г. Ламартинъ сказалъ, что не можетъ отвѣтить вполнѣ точнымъ образомъ“. „Четверо другихъ“ (the four others) были назначены сначала секретарями и, въ качествѣ таковыхъ, подписывали декреты въ концѣ страницы; но, мало по малу, они втерлись въ число семерыхъ; наименованіе „секретари“ было выпущено, и они въ свою очередь добились совѣщательнаго голоса“ [1]).

И Его Сіятельство восклицаетъ: „Вотъ, курьезный образчикъ народнаго избранія!“

Извините меня, милордъ: это чрезвычайно курьезный образчикъ исторической фальсификаціи и только. Сказалъ-ли, дѣйствительно, г. Ламартинъ лорду Норменби то, что послѣдній влагаетъ ему въ уста,—а именно, что „четверо другихъ мало-по-малу втерлись въ число семерыхъ?“ Это было бы уму непостижимо. Если въ числѣ моихъ читателей найдутся желающіе узнать, до какой степени можетъ дойти смѣлость иныхъ утвержденій, то предлагаю имъ справиться съ „Монитёромъ“. Тамъ они увидятъ, что декреты, напечатанные въ „Монитёрѣ“ 26-го февраля, и, слѣдовательно, подписанные 25-го,—на слѣдующій же день, послѣ того, какъ образовалось временное правительство, что произошло 24-го вечеромъ,—всѣ были подписаны „четырьмя другими“, не въ качествѣ секретарей, а въ качествѣ членовъ временнаго правительства, и что поэтому смѣшно и нечестно изображать ихъ „втирающимися мало-по-малу“ [2]). И я замѣчу мимоходомъ, что 27-го февраля имя Альбера, одного изъ тѣхъ, которые „втерлись мало-по-малу“, помѣщено было во главѣ списка [3]), подъ декретомъ, спеціально обращавшимся къ страждущимъ классамъ, и,—обстоятельство, заслуживающее быть отмѣченнымъ,—это было сдѣлано по просьбѣ „семи другихъ“! Теперь, кто бы могъ повѣрить, не при-

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 22.
[2]) См. „le Moniteur“, отъ 26-го февраля 1848 года.
[3]) См. „Le Moniteur“, отъ 28-го февраля 1848 года.

знайся въ этомъ лордъ Норменби самъ, что 13-го марта, онъ, англійскій посланникъ, совершенно не зналъ, какимъ образомъ сформировалось тремя недѣлями раньше временное правительство? Какъ! 13-го марта его сіятельству приходилось справляться объ этомъ у г-на Ламартина! Какъ! 24-го февраля, пять или шесть списковъ ходили по всему Парижу, были расклеены по всѣмъ стѣнамъ, обсуждались на всѣхъ улицахъ; а 13-го марта, три недѣли спустя, лордъ Норменби не зналъ, что на этихъ спискахъ, вышедшихъ изъ всѣхъ народныхъ центровъ: предмѣстій, юридическаго факультета, медицинскаго факультета, редакцій республиканскихъ газетъ,—фигурировали имена „четырехъ другихъ"! 13-го марта лордъ Норменби не зналъ также того, что 24-го февраля, въ ратушѣ произошло большое собраніе, состоявшее изъ національныхъ гвардейцевъ, артистовъ, студентовъ, рабочихъ, писателей, людей всѣхъ классовъ и положеній, именно для того, чтобы санкціонировать народнымъ голосованіемъ избраніе различныхъ членовъ новаго правительства, что тѣ, имена которыхъ внесены были въ списки, должны были туда явиться и изложить свои убѣжденія предъ этимъ народнымъ собраніемъ, и что оно встрѣтило съ энтузіазмомъ имена „четырехъ другихъ" тогда какъ среди „семи" оказались имена, которыя были приняты не безъ сопротивленія! По истинѣ, живя на лунѣ, лордъ Норменби не могъ бы остаться болѣе абсолютно чуждымъ этимъ событіямъ 48-го года, о которыхъ онъ толкуетъ съ такой самоувѣренностью. Что-же касается духа, вѣющаго съ каждой страницы его книги, то онъ ниже всякой критики; я предоставляю другимъ, основательнѣе меня посвященнымъ въ дипломатическіе обычаи и въ правила этикета, рѣшить, въ какой мѣрѣ посланнику, говорящему объ иностранномъ правительствѣ, постоянно поддерживавшемъ дружескія отношенія съ правительствомъ, которому онъ служитъ, позволительно выражаться слѣдующимъ утонченнымъ языкомъ; „It appears to be as easy to filch a share of a soi-disant popular dictatorship as to forge an acceptance, or to pick a pocket". Это просто на просто оскорбленіе французскаго народа; и я увѣренъ, что не найдется благовоспитаннаго англичанина,

который не покраснѣлъ бы, читая подобныя строки, сорвавшіяся съ пера англійскаго посланника.

По моему смиренному мнѣнію, быть назначеннымъ въ посланники первымъ министромъ, благодаря могущественнымъ семейнымъ связямъ или близости съ оффиціальными лицами, немножко менѣе трудно, чѣмъ сдѣлаться членомъ временнаго правительства, сумѣвъ привлечь къ себѣ взгляды около двухсотъ тысячъ человѣкъ, надѣленныхъ тѣмъ проницательнымъ и живымъ умомъ, который каждый признаетъ за парижанами, и завоевать симпатіи этихъ людей. Скажу еще, что не внушеніямъ пошлаго честолюбія повинуются тѣ, которые, въ часъ опасности и рискуя навлечь на себя смертельную ненависть, дерзаютъ ринуться впередъ, чтобы способствовать спасенію своей страны какъ отъ деспотизма, такъ и отъ анархіи. Приходится жалѣть человѣка, въ сердцѣ котораго не нашлось движенія, которое побудило бы его если уже не сочувствовать людямъ, поступающимъ такимъ образомъ, то по крайней мѣрѣ дать имъ справедливую оцѣнку. Но оставимъ это. Состязаться въ ругательствахъ съ его сіятельствомъ есть грубое удовольствіе, которое нисколько меня не привлекаетъ. Не имѣя чести быть ни дипломатомъ, ни *ноблъмэномъ*, я не имѣю права говорить языкомъ, недостойнымъ *джентльмэна*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Провозглашеніе республики.

Временное правительство обсуждаетъ вопросъ о республикѣ. — Мнѣнія, высказанныя въ пользу и противъ ея немедленнаго провозглашенія. — Компромиссъ, предложенный г. Ламартиномъ. — Двусмысленность редакціи предъявленнаго текста. — Поправка, введенная меньшинствомъ. — Народные делегаты присутствуютъ при совѣщаніи Совѣта.—Провозглашеніе республики на площади Ратуши.—Народный энтузіазмъ.—Манифестъ, посланный въ „Монитеръ", снова подвергается исправленію въ корректурѣ. — Организація общественныхъ службъ. — Лордъ Норменби жалуетъ г. Ламартину титулъ президента временнаго правительства. — Вліяніе, которое англійскій дипломатъ приписываетъ г. Ламартину, на основаніи этого званія, неизмѣнно принадлежавшаго Дюпону (изъ Эры).— Декреты, изданные въ ночь на 25 февраля. Первая трапеза диктаторовъ.—Ночная прогулка среди баррикадъ.—Почтительность вооруженнаго народа къ членамъ временнаго правительства.

Прежде всего нужно было рѣшить вопросъ: „Будетъ ли провозглашена республика? да или нѣтъ?"

Г. Ледрю-Ролленъ, г.Флоконъ и я формально требовали ея провозглашенія, гг. Дюпонъ изъ Эры, Араго и Мари отстаивали противное мнѣніе. Г. Ламартинъ склонялся на нашу сторону. Гг. Гарнье-Пажесъ, Маррастъ и Кремье, какъ мнѣ показалось, предпочитали нѣкоторый компромиссъ.

Я до сихъ поръ еще спрашиваю себя, какимъ образомъ могъ возникнуть подобный споръ. Всѣ члены временнаго правительства были республиканцами; всѣ были избраны въ качествѣ таковыхъ. Притомъ же, народъ, какъ внѣ Ратуши, такъ и въ ея стѣнахъ, могъ возмутиться такимъ промедленіемъ, и въ его группахъ уже шептали слово: измѣна!

Нужно отдать членамъ временнаго правительства справедливость: они были недоступны никакому личному страху. Нѣтъ, ни у одного изъ нихъ не смутилось сердце; ни въ одномъ изъ нихъ эгоистическія опасенія не заглушили голоса долга. Если у нѣкоторыхъ изъ нихъ заговорилъ страхъ, то это былъ страхъ за Францію.

Съ самаго начала Совѣтъ раздѣлился на двѣ группы, каждая изъ которыхъ отстаивала одно изъ слѣдующихъ мнѣній:

„Парижъ не есть Франція. Самый принципъ народнаго самодержавія велитъ прибѣгнуть ко всеобщему голосованію прежде, чѣмъ принять столь важное рѣшеніе, какъ немедленное провозглашеніе республики. Крайняя осторожность здѣсь тѣмъ болѣе необходима, что приходится опасаться дать новую пищу зависти, внушаемой Парижемъ нѣкоторымъ городамъ провинціи. Если мы провозгласимъ республику, подъ давленіемъ толпы, поддавшейся мимолетному увлеченію, то мы дадимъ роялистамъ поводъ изображать республику, какъ случайность, или результатъ неожиданнаго подвоха; а что болѣе этого можетъ унизить ее въ глазахъ Европы?“

— „Вы говорите, что Парижъ не есть Франція! это смотря по тому, съ какой стороны взглянуть на дѣло. Есть ли огромный перевѣсъ, обезпеченный Парижу надъ прочими городами нашей современной системой централизаціи, добро или зло, этого мы не станемъ здѣсь разсматривать; несомнѣнно то, что, такъ какъ вся Франція стекается въ Парижъ, то Парижъ является для провинцій тѣмъ, чѣмъ море является для впадающихъ въ него рѣкъ. Въ лицѣ Парижа говоритъ Франція, если подъ Франціей разумѣть то, что выражаетъ ея настоящіе инстинкты и составляетъ ея геній. Такъ какъ республиканское правительство заимствуетъ свою законность единственно у народной воли, выраженной формальнымъ образомъ, въ отличіе отъ правительства монархическаго, основаннаго на безмолвномъ, т. е. *предполагаемомъ* согласіи народа, то ясно, что „народное верховенство“ (souveraineté) и „республика“ суть термины равнозначащіе. Цѣлая нація не могла бы отвергнуть республиканской формы правленія, не отрекшись этимъ самымъ отъ

своего верховенства (суверенитета), не совершивъ самоубійства, гораздо болѣе того, не конфисковавъ позорнымъ образомъ права будущихъ поколѣній; откуда слѣдуетъ, что, провозглашая республику, Парижъ дѣлаетъ то, чего Франція не можетъ передѣлать, путемъ всеобщей подачи голосовъ, не уничтожая этой послѣдней. Такова теоретическая сторона вопроса. Что же касается практической его стороны, то что можетъ быть опаснѣе, при настоящихъ обстоятельствахъ, того, чтобы оставить подобный вопросъ нерѣшеннымъ! Это значило бы лишить всѣ интересы увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, разнуздать всѣ страсти, подстрекнуть всѣ честолюбивыя желанія, открыть свободное поприще множеству интригъ. И затѣмъ, въ нашей ли власти обмануть упованія или желанія тѣхъ, которые сдѣлали насъ тѣмъ, чѣмъ мы теперь являемся? Развѣ вы не слышите вокругъ насъ этого неумолкающаго шума оружія и лошадей, не слышите этихъ кликовъ? Республика отнынѣ фактъ: намъ остается только признать его. Если мы этого не сдѣлаемъ, другіе готовы насъ замѣнить. Пусть враги республики судятъ о нашемъ поведеніи, какъ имъ заблагоразсудится: что намъ до этого? Мы совершенно напрасно стали бы стараться обезоружить ихъ враждебную критику! Наша совѣсть, вотъ, что должно быть единственнымъ источникомъ нашихъ рѣшеній. Побѣдить бурю невозможно; бѣжать отъ нея было бы позоромъ; попытаться направить ее—вотъ наша миссія и нашъ долгъ“

Г. Ламартинъ составилъ проектъ прокламаціи содержавшей слѣдующія слова, представляющія собой явную попытку компромисса.

„Хотя временное правительство дѣйствуетъ исключительно отъ имени французскаго народа и хотя оно предпочитаетъ республиканскій образъ правленія, тѣмъ не менѣе, ни парижскій народъ, ни временное правительство не намѣреваются замѣнить своимъ мнѣніемъ мнѣніе гражданъ, которые будутъ опрошены, относительно окончательной формы правительства, долженствующей быть провозглашенной народнымъ самодержавіемъ“.

Заявленіе это было крайне двусмысленно; оно оставляло вопросъ нерѣшеннымъ; оно предполагало возможность того, что кровь, проли-

тая парижскимъ народомъ за республику, большинству въ провинціяхъ окажется пролитой напрасно, если только большинству въ провинціяхъ случится высказаться за монархію; оно означало, что всеобщая подача голосовъ имѣла право уничтожить единственную форму правленія, совмѣстимую со всеобщей подачей голосовъ; и въ словахъ: „предпочитаетъ республиканскій образъ правленія“, казалось, проглядывала неувѣренность, которая могла превратить народныя опасенія въ настоящую тревогу.

Подобная редакція не пришлась по душѣ ни г. Ледрю-Роллену, ни г. Флокону, ни мнѣ. Во всякомъ случаѣ, невозможно было допустить, чтобы оставлены были въ текстѣ слова: „хотя временное правительство *предпочитаетъ* республиканскій образъ правленія“; я ихъ вычеркнулъ и замѣнилъ ихъ въ рукописи слѣдующими, гораздо болѣе опредѣленными: „Хотя временное правительство *стоитъ за* республиканскій образъ правленія“.

Снаружи, между тѣмъ, народъ приходилъ въ нетерпѣніе и роппталъ. Какъ онъ могъ понять, что нужно было столько времени для того, чтобы рѣшить столь простой вопросъ? Одинъ народный ораторъ предлагаетъ послать депутацію, которая слѣдила бы за преніями правительства; предложеніе это было принято, и вскорѣ группа вооруженныхъ людей, не взирая на часовыхъ, ворвалась въ залъ, гдѣ мы совѣщались. Собраніе, происходившее въ залѣ св. Іоанна, еще продолжало засѣдать. Г. Ламартинъ отправляется туда и ему удается успокоить умы своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ. Я вышелъ со своей стороны и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ учениковъ Политехнической школы, форма которыхъ была популярна въ народѣ, спустился на Гревскую площадь. У подножія лѣстницы былъ поставленъ столъ, я встаю на него и кричу толпѣ: „Временное правительство желаетъ республики!“ При этихъ словахъ лучъ радости засвѣтился на суровыхъ лицахъ, которыя меня окружали и которымъ отблескъ факеловъ придавалъ какой-то грозный видъ; раздался громкій торжествующій кликъ.

Въ то время, какъ это происходило, нѣкоторые рабочіе, найдя въ углу Ратуши широкую холстину, написали на ней углемъ, колос-

сальными буквами: *Во Франціи провозглашена единая и нераздѣльная республика.* Сдѣлавъ это, они взбираются на выступъ одного изъ оконъ Ратуши и развертываютъ надпись при свѣтѣ факеловъ. Раздались горячіе привѣтные крики, за которыми вскорѣ послѣдовалъ крикъ тревоги.... Одинъ изъ державшихъ свертокъ оступился и упалъ на площадь; его унесли истекающаго кровью.

Подъ вліяніемъ столькихъ впечатлѣній, народное возбужденіе приняло такой характеръ, что, когда составленная г. Ламартиномъ прокламація вернулась изъ типографіи „Монитера", всѣ на этотъ разъ сознали необходимость опредѣленнаго рѣшенія. На этомъ я и настаивалъ съ возрастающей энергіей, когда г. Кремье покончилъ съ вопросомъ, написавъ вмѣсто двусмысленныхъ фразъ г-на Ламартина, слѣдующія слова: „Правительство хочетъ республики, при условіи подтвержденія этого рѣшенія народомъ, который будетъ немедленно опрошенъ". Измѣненная такимъ образомъ прокламація была наскоро переписана на нѣсколькихъ сотняхъ листовъ бумаги, которые и были брошены народу изъ оконъ Ратуши.

Ходилъ слухъ, что г. Биксіо[1]), тайно стакнувшійся съ г. Маррастомъ, отправился въ редакцію „Монитера", чтобы остановить печатаніе этой прокламаціи, но что этотъ маневръ остался безуспѣшнымъ. Правда ли это? Я слыхалъ, что да, но не могу ничего утверждать касательно этого пункта.

Самымъ спѣшнымъ дѣломъ послѣ провозглашенія республики была реорганизація общественныхъ службъ. Всѣмъ извѣстно то, что произошло. Г. Ледрю-Роллену было поручено министерство внутреннихъ дѣлъ; г. Ламартину — министерство иностранныхъ дѣлъ; г.

---

[1]) Жакъ Александръ Биксіо, итальянецъ по происхожденію и братъ Нино Биксіо, извѣстнаго гарибальдійца, сдѣлавшагося впослѣдствіи генераломъ въ арміи Виктора Эммануила, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ National'я. Избранный въ члены Учредительнаго, а затѣмъ въ члены Законодательнаго собранія, онъ присоединился тамъ къ наиболѣе консервативной фракціи республиканской партіи и принималъ энергическое участіе въ подавленіи іюньскаго возстанія, причемъ былъ раненъ пулей навылетъ. Несмотря на свое республиканство и свое участіе въ сопротивленіи наполеоновскому Coup d'Etat, онъ остался послѣ этого событія въ довольно хорошихъ отношеніяхъ съ новымъ императоромъ.

Мари—министерство общественныхъ работъ и т. д. Въ одной изъ замѣтокъ своего дневника, помѣченной 27 февраля, лордъ Норменби говоритъ:

„Преобладающее вліяніе г. Ламартина сказывается все сильнѣе, и въ то время, какъ его усилія прилагаются въ самомъ похвальномъ направленіи, счастливые результаты его краснорѣчія и сила его мужества награждаются его назначеніемъ на постъ президента временнаго правительства, такъ какъ преклонныя лѣта и немощи отстранили г. Дюпона (изъ Эры) отъ должности, занимать которую онъ былъ сначала призванъ лишь номинальнымъ образомъ“ [1]).

Положительно, нѣтъ ни одного пункта, относительно котораго Его Сіятельство не былъ бы дурно освѣдомленъ. Никогда г. де-Ламартинъ не призывался къ должности президента временнаго правительства. Отъ перваго до послѣдняго дня Совѣтъ не имѣлъ другого предсѣдателя, какъ достопочтенный Дюпонъ (изъ Эры), который не только получилъ титулъ этой должности, но исполнялъ ея обязанности съ усердіемъ и аккуратностью, по-истинѣ удивительными въ восьмидесятилѣтнемъ старцѣ. „*Moniteur*“ доказываетъ, кромѣ того, что имена наши помѣщались подъ различными декретами безъ всякаго опредѣленнаго порядка, за исключеніемъ имени Дюпона (изъ Эры), которое почти всегда находилось во главѣ списка.

Поразительную дѣятельность проявило временное правительство въ памятную ночь 24-го февраля. Пришлось отвѣтить на безчисленныя просьбы, выполнить всякаго рода требованія, недопускавшія отсрочки; нужно было разобраться въ хаосѣ. Между декретами, помѣченными 24-мъ февраля, есть одинъ, заслуживающій упоминанія, такъ какъ онъ даетъ самимъ своимъ лаконизмомъ яркое доказательство той громадной власти, которою внезапно оказалось облечено временное новое правительство. Чтобы уничтожить Палату пэровъ, оказалось достаточнымъ этихъ словъ, наскоро занесенныхъ на клочекъ бумаги: „Палатѣ пэровъ воспрещается собираться“.

---

[1]) A. Year of Revolution in Paris, т. I стр. 127.

Совершенно вѣрно, какъ это разсказано во многихъ реляціяхъ, что первая трапеза импровизированныхъ *диктаторовъ* состояла изъ куска чернаго хлѣба, оставленнаго солдатами, нѣсколькихъ объѣдковъ сыра и бутылки вина; кувшинъ воды былъ принесенъ, благодаря доброжелательству одного рабочаго, а круговой чашей, изъ которой пили, служила... сломанная сахарница. Всѣмъ извѣстна остроумная фраза г-на де-Ламартина: „Это хорошее предзнаменованіе для дешеваго правительства“! Но если бы лордъ Норменби былъ тамъ, то, безъ сомнѣнія, онъ увидѣлъ бы въ такой бѣдности плохое предназнаменованіе для будущаго, судя по слѣдующему замѣчанію въ его книгѣ, въ которомъ сказывается его острая наблюдательность и оригинальность его воззрѣній: „Всякій знаетъ, что такое происходитъ подъ давленіемъ нужды даже въ обществахъ, наиболѣе правильно организованныхъ; поэтому невозможно безъ страха думать о результатахъ, которые она должна породить въ обществѣ, столь глубоко потрясенномъ [1]).

Здѣсь въ моей памяти встаетъ характерное обстоятельство: въ ночь на 25-ое изнемогая отъ усталости и желая избавиться отъ своего національно-гвардейскаго мундира, я хотѣлъ вернуться домой. Чтобы добраться до своего жилища, я долженъ былъ пройти черезъ нѣсколько маленькихъ, темныхъ улицъ, существовавшихъ тогда вблизи ратуши.

Я отправляюсь въ путь, въ сопровожденіи брата и одного друга. Баррикады еще не были разобраны, и народъ охранялъ ихъ съ тревожной бдительностью, такъ какъ пронесся было слухъ, что войска, стоявшія въ Венсеннѣ, замышляли атаку. Мы достигаемъ баррикады, черезъ которую нужно перейти. „Стой!“—кричитъ командующій ею и угрожающимъ тономъ требуетъ пароля, заключавшагося, сколько мнѣ помнится въ словахъ: „Havre-sac, Liberté, Réforme“. Мы не знали этого необходимаго пароля. Командующій, который меня никогда не видалъ, находитъ наше присутствіе подозрительнымъ, и приказываетъ держать насъ подъ крѣпкой

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, t. I, chap. V, p. 214.

стражей, пока дѣло не выяснится. И вотъ я, членъ Временнаго Правительства, арестованъ и нахожусь подъ стражей. Положеніе было пикантно, но не могло затягиваться не причиняя неудобствъ. Я называю себя; нѣкоторые изъ бойцовъ, находившихся на караулѣ на этомъ посту, приблизились къ намъ: они меня узнаютъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что намъ позволили продолжать наше странствіе; намъ даже дали нѣчто въ родѣ почетнаго конвоя. Что̀ меня поразило въ этой ночной прогулкѣ по баррикадамъ, такъ это необычайное соединеніе торжественной почтительности, военной дисциплины и гражданской гордости, съ которыми повсюду былъ привѣтствуемъ одинъ изъ членовъ этого правительства, получившаго отъ народа и свое существованіе и всю свою силу. Эти умные, благородные и гордые люди чувствовали, что культъ равенства столь же далекъ отъ грубости, какъ и отъ низкопоклонства, они чувствовали, что, повинуясь власти, вышедшей изъ нихъ однихъ и находившейся въ зависимости отъ нихъ, они повиновались лишь себѣ самимъ и, уважая ее, уважали лишь свое собственное верховенство.

Я не замедлилъ вернуться въ ратушу. Народъ расположился бивуаками на улицѣ, точно въ лагерѣ. Большіе костры горѣли тамъ и сямъ, освѣщая на рѣдкость выразительныя лица. Время отъ времени, прорѣзывая ночную тишину, отъ баррикады до баррикады доносился крикъ перекликавшихся отрядовъ: „Часовые, берегитесь!“

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Республика признана всѣми.

Восторженныя симпатіи, встрѣтившія повсюду во Франціи февральскую революцію.—Депутаціи и адресы отъ всѣхъ классовъ населенія посылаются временному правительству.—Пастырское посланіе парижскаго архіепископа.—Заявленіе газеты l'Univers rèligieux.—Добровольное присоединеніе государственнаго совѣта, университета, государственнаго контроля, кассаціонной палаты, начальниковъ арміи, и пр. — Предложеніе услугъ со стороны маршала Бюжо и генерала Шангарнье. — Г-нъ де ла Рошжакленъ въ Люксембургскомъ дворцѣ. — Избирательный циркуляръ г-на де Монталамбера.—Гнъ де Фаллу восхищается парижскимъ народомъ.—Письмо Людовика Бонапарта къ временному правительству.—Похороны февральскихъ покойниковъ.—Величественный характеръ этой церемоніи.—Привѣтствованіе *Монитера*. — Такъ называемое «нечаянное» правительство свободно привѣтствуется всѣми партіями.—Утвержденіе, что республика невозможна во Франціи. — Ложность этого утвержденія съ исторической и философской точки зрѣнія.—Параллель между англійскимъ и французскимъ умомъ.

Въ Парижѣ не оставалось ни единаго солдата, ни единаго будочника. Временное правительство не располагало никакимъ средствомъ, чтобы заставить себѣ повиноваться: ни артиллеріей, ни штыками, ни стражей, ни даже организованнымъ отрядомъ сторонниковъ. Вооруженныя массы, наводнявшія, отъ времени до времени улицы и городскія площади, отнюдь не составляли постоянной силы и еще менѣе того силы, которою правительство могло бы воспользоваться для борьбы съ мятежомъ или для подавленія протеста. Кромѣ того, неограниченная свобода прессы была признана съ первой же минуты, и каждый могъ свободно выражать свои мысли [1]).

---

[1]) Въ слѣдующей главѣ читатель увидитъ, до чего доходила эта свобода.

И вотъ, при такой полной свободѣ заявленія о присоединеніи къ новому режиму приходили массами. Рабочіе всѣхъ корпорацій, купцы всѣхъ классовъ, чиновники всѣхъ категорій, депутаціи отъ судебнаго вѣдомства, депутаціи отъ духовенства стали безпрестанно и одни за другими являться въ Ратушу. Поздравительнымъ адресамъ не было и счету. Во всякое время по Гревской площади двигались безпрерывнымъ теченіемъ процессіи, предшествуемыя знаменами, и не проходило минуты, чтобы не былъ поднесенъ какой-нибудь денежный подарокъ. Никогда еще подати не платились съ такой поспѣшностью, какъ въ первые дни февральской революціи. Женщины изъ высшей аристократіи, графиня де Ламуаньонъ, графиня де Шантене, графиня де Бренкуръ, маркиза де Лагранжъ, герцогиня де Малье и многія другія почли за честь вписать свои имена въ списки жертвователей, въ пользу раненыхъ.

Въ самый вечеръ 24-го февраля, Его Преосвященство Аффръ, архіепископъ Парижскій, говоря отъ имени духовенства, засвидѣтельствовалъ свою преданность республикѣ и приказалъ священникамъ своей епархіи пѣть въ церквахъ: „Domine, salvum fac populum,—вмѣсто—Domine, salvum fac regem“. Пастырское посланіе его начиналось такъ:

Въ виду великаго событія, разыгравшагося въ столицѣ, первымъ движеніемъ нашимъ было оплакать участь жертвъ, которыхъ поразила смерть столь непредвидѣннымъ образомъ; мы оплакиваемъ ихъ всѣхъ, ибо они — братья наши; мы оплакиваемъ ихъ, ибо мы лишній разъ увидѣли, сколько въ сердцѣ парижскаго народа заключается безкорыстія, уваженія къ собственности и великодушныхъ чувствъ“ [1]).

А, нѣсколько дней спустя, отецъ Лакордэръ, намекая на рабочихъ, которые въ пылу битвы почтительно отнесли въ церковь

---

[1]) Изъ чего можно заключить, что архіепископъ Парижскій совершенно не раздѣлялъ мнѣній лорда Норменби, который, въ своей книгѣ, называетъ этихъ самыхъ людей—*ruffians*.

св. Роха статую Христа Тюильрійской капеллы, воскликнулъ съ высоты каѳедры Парижской Богоматери:

„Доказывать вамъ существованіе Бога! Но вы имѣли бы право назвать меня отцеубійцей и святотатцемъ! Если бы я дерзнулъ взяться доказывать вамъ существованіе Бога, то врата сего собора сами собой разверзлись бы и явили бы вамъ сей народъ, великолѣпный въ гнѣвѣ своемъ, несущій Бога на алтарь Его, благоговѣйно Ему поклоняясь!“

Въ свою очередь, ультрамонтанская газета, „l'Univers“, напечатала слѣдующее заявленіе: „Богъ говоритъ голосомъ событій. Революція 1848-го года есть возвѣщеніе воли Провидѣнія. Не заговоры могутъ такимъ образомъ и въ столь короткое время всколыхнуть сверху до низу человѣческое общество! Кто думаетъ въ настоящую минуту во Франціи о томъ, чтобы защищать монархію? Кто можетъ объ этомъ думать? Франція еще считала себя монархической страной, а была уже страной республиканской. Монархія нынѣ не имѣетъ болѣе сторонниковъ. Не найдется лучшихъ и болѣе искреннихъ республиканцевъ, чѣмъ французскіе католики“.

Члены государственнаго совѣта поручили де Корменену выразить чувства восхищенія, которыя имъ внушало то, что они называли „этой великой и прекрасной революціей“.

Г-нъ Жерюзэзъ, отъ имени парижскаго университета, явился привѣтствовать эту революцію, которая, какъ онъ сказалъ, совершена была для спасенія человѣчества и должна была быть окрещена „непогибающей во вѣкъ республикой!“. Всѣ судебныя корпораціи, одна за другой, поспѣшили въ Ратушу, чтобы скрѣпить свою оффиціальную присягу добровольными полными энтузіазма заявленіями.

Заявленіе государственнаго контроля я самъ принялъ 29-го февраля, и я помню, какимъ порывомъ почти юношеской симпатіи эти старые чиновники встрѣтили слѣдующую фразу моего короткаго отвѣта:

„Девизомъ республики не будетъ болѣе: *Свобода, общест-*

венный порядокъ;—эти двѣ вещи нераздѣльны. То, что у насъ теперь будетъ, это *порядокъ въ свободѣ*“ [1]).

Въ свою очередь, 3-го марта, члены кассаціонной палаты отправились въ Ратушу, гдѣ, устами своего старшаго предсѣдателя, г-на Порталиса, они торжественно заявили, что Временное Правительство есть центръ, вокругъ котораго всѣ обязаны собраться воедино. Г-нъ Порталисъ закончилъ свою рѣчь такъ:

Мы вѣримъ въ вашу мудрость, въ вашъ патріотизмъ, въ вашу твердость: то, что вы сдѣлали до сихъ поръ, отвѣчаетъ намъ за то, что вы сдѣлаете. Нація васъ поддержитъ“ [2]).

Начальники, арміи наперерывъ другъ передъ другомъ, приходили предлагать свои услуги республикѣ, напримѣръ, маршалы Сультъ, Себастіани, Жераръ, генералы Удино, Лагиттъ, Барагэ д'Иллье и др. Письма, въ которыхъ эти важныя лица поклялись въ вѣрности республикѣ, наполнили бы толстый томъ. Я удовольствуюсь тѣмъ, что процитирую нижеслѣдующія; выборъ, мною сдѣный, не нуждается въ комментаріяхъ.

Военному министру.

„Господинъ министръ.

„Только-что совершившіяся событія, необходимость всеобщаго единенія для обезпеченія внутренняго порядка и внѣшней независимости вмѣняютъ мнѣ въ обязанность предоставить мою шпагу къ услугамъ вновь учрежденнаго правительства.

„Я всегда смотрѣлъ на защиту отечественной территоріи, какъ на священную изъ обязанностей.

„Прошу Васъ увѣдомить меня о полученіи этого заявленія и принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи.

„Герцогъ69;слійскій [3]).

Письмо это знаменательнѣе всякаго другого, такъ какъ оно

---

[1]) См. „le Moniteur„ отъ 1-го марта 1848 года.

[2]) См. „le Moniteur“ отъ 4-го марта 1848 года.

[3]) Титулъ маршала Бюжо, одержавшаго побѣду при Исли.
Прим. перев.

написано тѣмъ самымъ маршаломъ Бюжо, который при Луи-Филиппѣ, покрылъ себя кровью республиканцевъ, оставшейся на немъ, какъ неизгладимое пятно.

За этимъ заявленіемъ вскорѣ послѣдовало заявленіе генерала Шангарнье.

Вотъ, его письмо:

Военному министру.

„Господинъ министръ.

„Прошу республиканское правительство воспользоваться моей преданностью Франціи.

„Я ходатайствую о командованіи войсками наиболѣе угрожаемой границы. Привычка управлять войсками, довѣріе, которое они ко мнѣ питаютъ, опытность, просвѣщенная серьезнымъ изученіемъ вопросовъ, страстная любовь къ славѣ, воля и привычка побѣждать позволяютъ мнѣ, какъ мнѣ кажется, съ успѣхомъ выполнять всѣ обязанности, которыя смогутъ выпасть на мою долю.

„Въ томъ, что я осмѣливаюсь утверждать о себѣ, соблаговолите усмотрѣть не проявленіе ребяческаго тщеславія, а выраженіе пылкаго желанія отдать всѣ свои способности на службу отечеству“.

Шангарнье.

Слѣдующій фактъ, относительно генерала Шангарнье, заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, упоминанія. Этотъ генералъ имѣлъ въ совѣтѣ одного крайне горячаго сторонника, въ лицѣ г-на Марраста, и одного рѣшительнаго противника, меня. Не то, чтобы я чувствовалъ склонность принижать его военные подвиги; никто, напротивъ, не воздалъ ему должнаго полнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ я въ „*Исторіи десяти лѣтъ*“. Но я считалъ его положительнымъ противникомъ республики; и одно обстоятельство утверждало меня въ этомъ мнѣніи: я узналъ, что провозглашеніе республики вырвало у него восклицаніе, правда, очень *военное*, по своей неблагопристойности, но очень выразительное, слишкомъ даже выразительное для того, чтобы быть здѣсь приведеннымъ. Свѣдѣніе это я по-

черпнулъ изъ вѣрнаго источника, такъ какъ одинъ изъ моихъ друзей присутствовалъ при этой сценѣ. Вотъ почему, когда г. Маррастъ упомянулъ въ совѣтѣ имя генерала Шангарнье, я воспротивился тому, чтобы ему довѣрили власть, которую онъ при первомъ удобномъ случаѣ могъ бы употребить для обезпеченія перевѣса на сторонѣ противной партіи. Я имѣю полное основаніе думать, что г. Маррастъ не счелъ себя обязаннымъ соблюсти тайну касательно этого спора, ибо генералъ Шангарнье, не теряя времени, пришелъ ко мнѣ въ Люксембургскій дворецъ, сталъ увѣрять меня, что его изобразили въ ложныхъ краскахъ, и ничего не забылъ изъ того, что могло мнѣ доказать его готовность вѣрой и правдой служить республикѣ. Въ ту же эпоху, въ томъ же мѣстѣ, г. де ла Рошжакленъ также сдѣлалъ мнѣ визитъ, который одно особое обстоятельство запечатлѣло въ моей памяти. Въ ту минуту, когда о немъ доложили, у дверей ждала очереди многолюдная депутація рабочихъ. Я сдѣлалъ знакъ, чтобы ввели г-на де ла Рошжаклена, но для того только, чтобы выразить ему самолично свое сожалѣніе, по поводу необходимости отложить свиданіе, о которомъ онъ меня просилъ. Онъ былъ въ состояніи полнаго восторга, совершенно, какъ мнѣ кажется, искренняго. „Все равно, все равно!“ воскликнулъ онъ поспѣшно. „Я не собирался сказать Вамъ ничего особеннаго; я желалъ лишь выразить Вамъ чувства, которыми столько чудесныхъ событій переполнили мое сердце. Ахъ! какъ это прекрасно! какъ это прекрасно!“ И, сжавъ меня въ своихъ объятіяхъ, онъ вышелъ.

Я не стану останавливаться на публичныхъ заявленіяхъ гг. Дюпена и Бароша. Образъ дѣйствія этихъ господъ въ подобныхъ случаяхъ всѣмъ извѣстенъ. Но читателямъ не можетъ не быть интереснымъ знать, какимъ языкомъ говорили въ то время такіе люди, какъ г. де Монталамберъ и г. де Фаллу, двое изъ предводителей партіи легитимистовъ. Г. де Монталамберъ; обращаясь къ избирателямъ Дубскаго департамента, въ слѣдующихъ выраженіяхъ сожалѣлъ о томъ, что не былъ во̀-время посвященъ въ науку соціализма:

„Въ политическомъ порядкѣ у меня всегда лишь одно знамя: свобода во всемъ и для всѣхъ. Я требовалъ свободы преподаванія, свободы союзовъ, какъ основы и гарантіи всѣхъ прочихъ свободъ. Мнѣ, можетъ быть, слѣдуетъ упрекнуть себя въ томъ, что я раздѣлялъ, если не равнодушіе, то невѣжество большинства политическихъ дѣятелей, касательно вопросовъ соціальныхъ и экономическихъ, занимающихъ въ настоящее время столь обширное и справедливо имъ принадлежащее мѣсто въ помышленіяхъ и заботахъ націи. Если бы поприще политической дѣятельности открылось для меня благодаря голосамъ моихъ согражданъ, то я сталъ бы трудиться добросовѣстно и безъ малѣйшей задней мысли, надъ основаніемъ республиканской конституціи".

Г. де Фаллу, въ одномъ письмѣ, выражавшемъ его сокровеннѣйшія чувства, въ слѣдующихъ словахъ воздалъ должное тѣмъ, кого лордъ Норменби называетъ ruffians.

„Я не могу, впрочемъ, закончить это маранье, не выразивъ здѣсь моего *восхищенія* (я подчеркиваю это слово) парижскимъ народомъ, что сможетъ удивить лишь тѣхъ изъ нашихъ друзей, которые находятся вдали отъ театра дѣйствій. Въ его храбрости было нѣчто героическое, въ инстинктахъ его сказались великодушіе и деликатность, до которыхъ далеко было политическимъ группамъ, господствовавшимъ надъ Франціей втеченіе послѣднихъ 60 лѣтъ. Можно сказать, что бойцы, съ оружіемъ въ рукахъ, въ двойномъ опьяненіи опасностью и тріумфомъ, подали всѣ примѣры, которымъ въ настоящее время могутъ слѣдовать лишь люди, находящіеся въ хладнокровномъ состояніи. Они придали своей побѣдѣ *священный характеръ*; присоединимся же къ нимъ для того, чтобы отнынѣ ничто не извратило или же не измѣнило этого характера".

А Луи-Бонапартъ! Пріѣхавъ въ Парижъ 28-го февраля, онъ нижеслѣдующимъ образомъ засвидѣтельствовалъ Временному Правительству свою преданность:

„Милостивые Государи,

„Послѣ того, какъ парижскій народъ разрушилъ своимъ героизмомъ послѣдніе остатки чужеземнаго нашествія, я поспѣшилъ

явиться изъ изгнанія, чтобы стать подъ знамя только-что провозглашенной республики.

„Не имѣя иного честолюбія, кромѣ желанія служить своей странѣ, я заявляю о своемъ прибытіи членамъ Временнаго Правительства, увѣряя ихъ въ своей преданности тому дѣлу, представителями котораго они являются, а равно и въ моей личной къ нимъ симпатіи.

„Луи Наполеонъ Бонапартъ“.

Въ это время, декретъ объ изгнаніи, направленный противъ императорской семьи, не былъ еще уничтоженъ. Но Временное Правительство вступило на путь политики, настолько великодушной, что оно не могло воспользоваться столь несправедливымъ закономъ. Я не знаю, правда ли, какъ это разсказывали, что нѣкоторые члены временнаго правительства оффиціозно дали знать Людовику-Бонапарту, что они боятся, какъ бы его присутствіе не послужило поводомъ къ какимъ-либо безпорядкамъ; но я совершенно не помню, чтобы мѣра подобнаго рода была результатомъ рѣшенія, принятаго въ совѣтѣ, или вообще когда-либо тамъ подвергалась обсужденію. Кромѣ того, къ этому не представлялось, случая, ибо присутствіе Луи-Бонапарта въ Парижѣ тогда едва было замѣчено. Онъ вскорѣ сообразилъ, что ему выгоднѣе будетъ удалиться и вернулся въ Лондонъ. Но письмо его останется вѣчнымъ свидѣтельствомъ жизненности той неотразимой силы, которая вынудила всѣ партіи преклониться передъ республикой.

Можетъ быть, скажутъ, что столь многочисленныя изъявленія преданности и вѣрности, исходившія изъ столь различныхъ лагерей, были всѣ одинаково неискренни. Но, если предположить, что это было такъ, можно ли было бы дать болѣе убѣдительное доказательство поразительной нравственной силы новаго правительства? Если бы мысль о его прочности не овладѣла настолько умами, согласились ли бы всѣ люди, пользовавшіеся нѣкоторой извѣстностью, добиваться такимъ образомъ его благосклонности? Пустились ли бы они на клятвопреступленіе и лицемѣріе безъ надобности, для того только, чтобы снискать благоволеніе мертво-

рожденнаго правительства? Я не стану отрицать того, что во Франціи есть люди, для которыхъ *сила* есть *право* и которые клялись въ вѣрности только своимъ окладамъ; но лица съ такимъ характеромъ менѣе всего спѣшатъ присоединяться къ ненадежному правительству. Каковъ бы, слѣдовательно, ни былъ смыслъ, который хулителямъ республики угодно придавать порывамъ симпатіи, повсюду встрѣтившимъ февральскую революцію, самые порывы эти были бы совершенно необъяснимы, если бы на республику всѣ не смотрѣли, какъ на учрежденіе, исполненное жизни.

Но допустимо ли только-что разсмотрѣнное предположеніе? Желая быть справедливымъ къ своей странѣ, я отвѣчаю безъ колебанія: нѣтъ! Что даже и тогда у успѣха были свои поклонники, это несомнѣнно; но я отрицаю, что въ сущности того громаднаго движенія, свидѣтелями котораго мы были въ Ратушѣ, не было ничего, кромѣ лжи. Во всеобщемъ увлеченіи многіе были искренни, болѣе искренни, чѣмъ они, можетъ быть, готовы въ этомъ теперь сознаться. Великодушіе, проявленное народомъ въ февральскіе дни, нравственно покорило самыхъ рѣшительныхъ хулителей этого народа. Видя, насколько безкорыстны и благородны оказались люди, которыхъ имъ изображали въ видѣ варваровъ, собиравшихся разгромить цивилизацію, многіе, какъ, напримѣръ, г. де Фаллу и архіепископъ Парижскій, почувствовали себя растроганными и не смогли сдержать крика удивленія. Нашлись такіе, которые, никогда до сихъ поръ не считали республику возможной, сдѣлались вдругъ республиканцами. Гордецы въ первый разъ обратили тогда свое вниманіе на все то истинное благородство, которое можетъ скрываться подъ лохмотьями. Отрадно было видѣть, какъ чувство коллективной чести усилилось, и тонъ общественной жизни во всѣхъ классахъ изумительно повысился.

Это ясно обнаружилось 24-го февраля, при провозглашеніи республики, которое привѣтствовали на Бастильской площади свободные клики всего Парижа, и, еще болѣе поразительнымъ образомъ, 4-го марта, на похоронахъ гражданъ, погибшихъ въ борьбѣ, Цере-

монія происходила среди огромнаго стеченія народа, въ церкви св. Магдалины (la Madeleine), и никто изъ присутствовавшихъ на панихидѣ не забудетъ трогательнаго настроенія, проявленнаго народомъ въ этотъ день траура. Церковь, обтянутая чернымъ, была освѣщена пятнадцатью погребальными факелами. Большой катафалкъ, по сторонамъ котораго можно было прочесть надпись: „Погибшіе за родину!“, былъ воздвигнутъ между кораблемъ храма и хоромъ. Тамъ, безъ всякаго знака отличія, кромѣ трехцвѣтнаго шарфа, находились члены Временнаго Правительства; ихъ окружали парижскій муниципалитетъ, мэры двѣнадцати округовъ, семьи жертвъ, главные чины арміи и флота, политехническая школа, юридическій и медицинскій факультеты, депутаціи научныхъ и литературныхъ учрежденій, рабочихъ корпорацій, кассаціонной палаты, судебной палаты, государственнаго контроля, государственнаго совѣта и трибуналовъ; словомъ, были представители всего французскаго общества.

Въ половинѣ второго, по окончаніи панихиды, кортежъ оставилъ церковь и двинулся по направленію къ площади Бастиліи, между двумя рядами національной гвардіи, растянувшейся отъ Маделенской площади вплоть до Іюльской колонны. Не было тутъ суетной пышности, ни роскошныхъ экипажей, ни толпы лакеевъ, ни всадниковъ, гарцующихъ, со шпагой на-голо, вокругъ королевскихъ каретъ. Члены Временнаго Правительства, шли пѣшкомъ посреди своихъ согражданъ; ихъ охраняли только любовь и уваженіе народа.

Въ половинѣ пятаго гробы были опущены въ могилы подъ Іюльской колонной, съ высоты которой ниспадалъ длинный флеръ, усыпанный серебряными слезами. И послѣ рѣчей, въ которыхъ г.г. Кремье и Гарнье-Пажесъ выразили чувства, охватывавшія всѣ сердца, народъ удалился безмолвный и задумчивый.

Слѣдующее мѣсто изъ „Монитера“ даетъ вѣрную картину этой величественной церемоніи:

„Вчера мы видѣли опьяненіе тріумфомъ; сегодня величіе покоя. Толпа, которую можно исчислить лишь сотнями тысячъ, безъ шума и въ полномъ порядкѣ ждала погребальнаго шествія.

Весь Парижъ былъ на улицахъ или у оконъ. Рабочіе всѣхъ профессій явились, чтобы выстроиться не подъ хоругвью суевѣрія, какъ въ средніе вѣка, но подъ просвѣщенными знаменами республиканскаго братства, съ нетерпѣніемъ ожидая временнаго правительства, которое, идя за семьями жертвъ, представляло, казалось, преемную семью послѣднихъ, всю Францію. Кто не знаетъ необыкновенной понятливости парижскаго народа, тотъ могъ бы удивиться тому, что самопроизвольно и ничего не говоря другъ другу, триста или четыреста тысячъ человѣкъ повиновались одному и тому же чувству и повсюду держали себя одинаково. Въ этой несмѣтной толпѣ никто не ждалъ кликовъ, которыми встрѣчаются обыкновенно восторжествовавшія правительства. Парижане, своимъ тонкимъ чутьемъ приличій, которое является въ нихъ лишь природнымъ инстинктомъ, всѣ поняли, что въ присутствіи столькихъ гробовъ спокойствіе твердаго убѣжденія должно было замѣнить бурный восторгъ побѣды. Во всѣхъ окнахъ, на балконахъ, на бульварахъ женщины махали платками и посылали привѣтствія рукой; граждане обнажали голову, когда проходило мимо нихъ Временное Правительство; но повсюду волненіе сдерживалось, повсюду сохранялось торжественное настроеніе. На этотъ разъ надъ связкой оружія не возвышалась консульская сѣкира. Страшный образъ исчезъ послѣ возвышеннаго декрета, уничтожившаго смертную казнь. Сѣкира гражданскихъ войнъ была замѣнена копьемъ, которое должно обращаться только противъ врага, такъ, что даже воспоминаніе о героическихъ временахъ было изглажено этой революціей, которая превосходитъ всѣ другія, такъ какъ она соединяетъ великодушіе новѣйшихъ временъ съ величіемъ древняго міра. Одна лишь республика, лишь французская республика, смогла вызвать этотъ энтузіазмъ, сдержанный, дисциплинированный и грозный, котораго никогда не знали льстецы монархіи. Молчаніе, которое прежде называли урокомъ королей, было теперь въ первый разъ краснорѣчивымъ выраженіемъ симпатій цѣлаго народа“ [1]).

---

[1]) См. „Le Moniteur“ 5-го марта 1848 года.

Чего еще нужно, чтобы доказать, что чистое безуміе называть республику 1848 года нечаянной? Если бы, какъ не постыдился сказать, лордъ Норменби, диктатура всѣхъ или нѣкоторыхъ членовъ временнаго правительства была результатомъ безчестнаго захвата (escamotage), то Франція, не поспѣшившая покарать сейчасъ же столь чудовищную и столь безразсудную попытку, заслуживала бы названія послѣдней изъ націй, и наиболѣе выдающіеся люди Франціи должны были бы навѣки быть заклеймены печатью позора за то, что преклонили колѣна передъ призрачными узурпаторами. И съ другой стороны, если бы французскій народъ былъ столь сильно и единодушно враждебенъ республикѣ, какъ утверждаютъ политики школы лорда Норменби, то тѣ, которые, безъ денежныхъ запасовъ, безъ солдатъ, безъ полиціи, безъ всякаго подобія организованной силы, сумѣли сохранить свою власть втеченіе того времени какое они считали необходимымъ, установили новую форму правленія, провозгласили новые принципы, водворили новыхъ чиновниковъ, умиротворили народъ, удержали армію въ подчиненіи, сдѣлали изъ своей воли законъ, издали декреты, которыхъ никто не преступилъ и, послѣ своего добровольнаго отреченія, удостоились со стороны Національнаго Собранія, призваннаго судить ихъ поступки, слѣдующаго признанія ихъ заслугъ: „Національное Собраніе декретируетъ: Временное правительство заслужило благодарность отечества“, эти люди были бы, по истинѣ, существами, превосходящими уровень человѣческихъ способностей!

Итакъ, утверждать, что республика 1848 года была „нечаяннымъ правительствомъ“, это значитъ не только отрицать установленные факты и обнаруживать непониманіе всѣмъ извѣстнаго характера французскаго народа; кромѣ того, это еще значитъ смѣшнымъ образомъ нарушать всѣ законы вѣроятности.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы опровергнуть мнѣніе, которое могло бы невзначай ослабить въ будущемъ столь желательныя между Англіей и Франціей узы дружбы.

Въ странѣ, гдѣ я живу, такъ часто повторяли будто респу-

бликанскія учрежденія не годятся для французской націи, что эта фраза почти *вошла* въ пословицу. Хотя я полагаю, что это глубокая ошибка, но я долженъ сознаться, что такое мнѣніе англичанъ основано на обстоятельствахъ, которыя, если ихъ разсмотрѣть поверхностно, повидимому, оправдываютъ такое заключеніе.

Во-первыхъ, англичанъ давно уже увѣрили, что французская республика 1792—1793 годовъ была лишь безумной скачкой анархіи къ деспотизму.

Во-вторыхъ, пытаются доказать, что республика 1848—1852 годовъ была, въ концѣ концовъ, лишь неудавшейся попыткой.

Наконецъ, въ третьихъ, иностранцы, лишь поверхностно знающіе французскій народъ и тайныя причины историческихъ превратностей Франціи, естественнымъ образомъ склонны отказывать въ республиканскомъ темпераментѣ народу, которымъ теперь, какъ они видятъ, правитъ императоръ.

Для того, чтобы хорошо понять эти факты, нужно дать имъ должное освѣщеніе.

Прежде всего, нужно признать, что, такъ какъ французская революція 1792—1793 годовъ была лишь исполинской борьбой между старымъ міромъ и міромъ совершенно новымъ, то само величіе этой борьбы, истощивъ націю и бросивъ ее обезсиленной въ объятія военнаго деспотизма, сдѣлало невозможнымъ, пока эта борьба продолжалась, окончательное установленіе какой бы то ни было политической формы. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что конституція 1793 года никогда не примѣнялась на дѣлѣ, такъ какъ ея составители рѣшили отсрочить ея введеніе до заключенія мира. Это доказываетъ, что насильственный режимъ, къ которому республиканцы должны были тогда прибѣгнуть, не былъ никогда, даже въ ихъ собственныхъ глазахъ, регулярной формой правленія.

Что касается до февральской республики 1848 года, то она пала потому, что тѣ, кому она вручила правленіе, оказались ея смертельнѣйшими врагами. И это не было слѣдствіемъ какого-ни-

будь основного недостатка, неизбѣжнаго при новизнѣ учрежденій. Все зло проистекло отъ случайнаго сочетанія предательствъ и ошибокъ, сцѣпленіе коихъ должна показать настоящая книга. Когда большинство послѣдняго законодательнаго собранія измѣнило своему мандату, отреклось отъ своего происхожденія, стало всякими способами подкапываться подъ республику, расточая проклятія самымъ прямымъ выводамъ республиканскаго символа вѣры, принялось преслѣдовать всякаго искренняго республиканца, довело народныхъ учителей до нищенства, умышленно довело рабочихъ до крайней степени раздраженія, обезоружило народъ и, изъ ненависти къ республикѣ, уничтожило всеобщую подачу голосовъ, то развѣ нельзя сказать, что оно лишь приготовило матеріалъ для вооруженія той власти, которою воспользовался Луи-Бонапартъ второго декабря для того, чтобы раздавить это самое большинство?

Такимъ образомъ, англійское мнѣніе, мною оспариваемое, не опирается ни на какое историческое основаніе; если же стать на философскую точку зрѣнія, то это мнѣніе окажется еще менѣе основательнымъ.

Что касается меня, то я готовъ признать, что политическія учрежденія каждаго народа должны сообразоваться съ его характеромъ, и по этому самому я думаю, что республиканскія учрежденія годятся для французскаго народа.

Англичане проникнуты мыслью, что ихъ заламаншскіе друзья неумѣренно любятъ все показное, парадно-торжественное. (А въ какой же странѣ дѣло обстоитъ иначе?) Отрицать этого я не стану. Но, когда парижане толпятся на улицахъ, чтобы поглядѣть на проѣздъ какихъ-нибудь важныхъ особъ, сопровождаемыхъ пышной вереницей позолоченныхъ каретъ и всадниковъ, то любопытство ихъ характеризуется явной склонностью потѣшаться надъ всякими ливреями и подымать на смѣхъ пышную внѣшность, подъ которой нѣтъ никакого содержанія. И затѣмъ, французскіе республиканцы не видятъ своего идеала въ республикѣ спартанскаго образца. Они не считаютъ обязательной черную похлебку; имъ очень по душѣ успѣхи цивилизаціи въ ея наиболѣе блестящихъ проявленіяхъ;

подобно Камиллу Демулену, они хотятъ, чтобы „республика сдержала передъ Франціей обѣщаніе *доставить всѣмъ супъ съ курицей*“; также какъ и очаровательный авторъ „*Стараго Кордельера*“, они полагаютъ, что свобода не есть бѣдность и можетъ обойтись безъ кафтановъ, продранныхъ на локтяхъ; французскій народъ—народъ артистическій, любящій искусства, грандіозныя зрѣлища; празднества привлекаютъ его. Пусть такъ. Что же во всемъ этомъ несовмѣстимаго съ республиканскими учрежденіями въ той формѣ, которую имъ придаетъ новѣйшая цивилизація? Правда, что республику трудно было бы согласовать съ тѣмъ блескомъ роскоши отдѣльныхъ лицъ, который является оскорбленіемъ бѣдности большинства; правда, что ей не нужно было бы то глупое великолѣпіе, которымъ ослѣпляются народы, оставшіеся въ дѣтскомъ возрастѣ. Но приписывающіе Франціи поклоненіе ливреямъ клевещутъ на нее. Очень странно было бы, если бы въ странѣ, гдѣ обаяніе королевской власти было разрушено столькими революціями, народъ предпочиталъ наглое выставленіе напоказъ могущества одного человѣка величественнымъ заявленіемъ своего собственнаго господства!

Опровергнемъ еще другое возраженіе.

Въ чудесной статьѣ, написанной въ отвѣтъ лорду Бруму, по поводу февральской революціи, мыслитель, столь глубокій, какъ г. Джонъ Стюартъ Милль, говоритъ:

„Постоянная привычка и всеобщій пріемъ англійскаго ума—это компромиссъ...—Англичане никогда не сочли бы себя въ безопасности, если бы они не жили подъ сѣнью какой-нибудь условной фикціи. Между тѣмъ, конституціонная монархія есть именно комбинація такого рода. Ея сущность въ томъ, что конституціонный государь (souverain) лишь по имени; онъ не правитъ, не долженъ править, и существуетъ, не для того чтобы править; и то, что было вначалѣ лишь компромиссомъ между защитниками народной свободы и сторонниками абсолютной монархіи, въ концѣ концовъ вкоренилось, какъ искреннее чувство, въ душу націи, которая сочла бы себя оскорбленной, если бы король или королева

не удовлетворялись въ своемъ правленіи ролью, состоящей въ томъ, что они формально санкціонируютъ парламентскіе акты и назначаютъ въ министерство или, вѣрнѣе, въ министры лицъ, указываемыхъ парламентскимъ большинствомъ, и усмотрѣла бы въ этомъ опасность для своей свободы. И этотъ самый народъ былъ бы непритворно и глубоко шокированъ, если бы значительный правительственный актъ, каковъ бы онъ ни былъ, не считался актомъ и повелѣніемъ лица, сидящаго на тронѣ“ [1]).

Съ французскимъ народомъ дѣло обстоитъ совершенно иначе; я говорю это отнюдь не съ намѣреніемъ критиковать направленіе англійскаго ума; вовсе нѣтъ! Любовь англичанъ къ компромиссамъ есть результатъ того практическаго и терпѣливаго духа, которому они обязаны спокойствіемъ своей политической жизни. Совершенно не желая дѣлать сравненія, невыгоднаго для той или другой изъ этихъ двухъ великихъ націй, я позволяю сказать, что привычка французскаго ума есть логическое движеніе по прямой линіи. Французы никогда не подчинятся добровольно системѣ, которая выдавала бы себя не за то, что она есть на самомъ дѣлѣ. Свойственный имъ способъ думать и чувствовать непреодолимо приводитъ ихъ къ убѣжденію въ томъ, что если роль короля сводится къ механическому акту регистраціи законовъ, то автоматъ выполнялъ бы ее столь же хорошо и обходился бы менѣе дорого. Отсюда невозможность привить по ту сторону Ламанша это тонкое подраздѣленіе: *король царствуетъ, но не управляетъ.* Король, который захотѣлъ бы сообразоваться съ этимъ правиломъ, не сохранилъ бы за собой общественнаго уваженія и въ продолженіи мѣсяца. Да и возможно ли было бы найти во Франціи подобнаго короля? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь. Нужно ли напомнить читателю о томъ, съ какой настойчивостью, исполненной пронырства, Луи-Филиппъ старался разорвать путы конституціонной теоріи? А между тѣмъ, кто болѣе его казался созданнымъ для положенія, требующаго посредствен-

---

[1]) *Westminster and Foreign Quarterly Review*, for April, 1848.

наго дарованія, лишь небольшой гордости, честолюбія безъ идеала и извѣстной дозы здраваго смысла?

„Но французы столь легкомысленный народъ!“ —охотно говорятъ англичане. Еще одно заблужденіе! Но тѣмъ не менѣе, такъ какъ это заблужденіе находитъ извѣстнаго рода подтвержденіе въ по истинѣ обманчивой видимости, то разоблачить его возможно лишь путемъ строгаго изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что прямолинейность принимается здѣсь за легкомысліе. Французы имѣютъ замѣтную склонность сообразовать свое поведеніе съ этимъ принципомъ, который, при всей своей вѣрности въ математикѣ, опасенъ въ политикѣ, — а именно, что прямая линія есть кратчайшая. Вслѣдствіе этого, разъ принявъ посылки, они прямо идутъ къ логическому заключенію, готовые сломить всѣ препятствія, которыя встрѣтятся по дорогѣ, если послѣднихъ нельзя избѣжать иначе, какъ путемъ обхода. Такъ что, всякій разъ какъ новая идея, торжества которой они добиваются, встрѣчаетъ успѣшное сопротивленіе со стороны могущественнаго союза отжившихъ интересовъ и закоренѣлыхъ предразсудковъ, борьба заканчивается отступленіемъ, не намѣреннымъ, но фактическимъ. И всѣ поверхностные умы думаютъ, что эта нація, незадолго передъ тѣмъ столь быстро подвигавшаяся впередъ, внезапно оставила свои принципы и сбилась съ пути. Ничего подобнаго. Она привязывается къ нимъ, напротивъ, съ еще большимъ упорствомъ, чѣмъ когда-либо и потаенными путями снова завоевываетъ потерянныя позиціи, пока, наконецъ, однимъ ударомъ не сломитъ препятствія и, сдѣлавъ это, не устремится съ удвоенной силой, все по прямой линіи, къ слѣдующему этапу. Исторія нашихъ послѣдовательныхъ революцій, втеченіе послѣдняго столѣтія, даетъ намъ поразительные примѣры этого движенія, ибо не было у насъ ни одной революціи, которая не являлась бы непосредственнымъ и логическимъ послѣдствіемъ предыдущей, хотя промежутокъ между обѣими почти всегда отмѣчался кажущимся отреченіемъ отъ предшествующихъ завоеваній. Ясно, что подобному народу нужна достаточно гибкая система учрежденій для того, чтобы они могли поддаваться постоянному движенію общественнаго

мнѣнія. Такое преимущество представляютъ республиканскія учреждения. Замѣнить ихъ непреклонностью монархическаго принципа значитъ запрудить тихую рѣку плотиной, которая, рано или поздно, обратитъ ее въ бурный потокъ.

Быть можетъ, возразятъ, что преимущество, проистекающее изъ эластичности республиканскихъ учрежденій, сохраняется въ конституціонной монархіи, допускающей свободу прессы и свободное обсужденіе вопросовъ. До извѣстной степени, я съ этимъ согласенъ; но я только что объяснилъ, что конституціонная монархія основывается на идеѣ компромисса, совершенно несогласной съ характеромъ французскаго ума; и если я добавлю къ этому философскому соображенію политическіе аргументы, вытекающіе изъ самой природы вещей, то это дополнитъ мое доказательство.

Когда, при французскомъ монархѣ Генрихѣ III, пришли сказать герцогу Гизу, что король желаетъ его смерти, онъ отвѣтилъ: „Никто не посмѣетъ". Король посмѣлъ и герцогъ былъ убитъ. Было ли это со стороны монарха доказательствомъ силы? Напротивъ: именно чувство собственной слабости сдѣлало изъ него подлаго убійцу. А какъ поступила королева Анна, когда она захотѣла отдѣлаться отъ Марльборо? Она удовольствовалась тѣмъ, что написала ему, что отставляетъ его отъ должности. Сопоставленіе этихъ двухъ фактовъ показываетъ, что въ Англіи королевская власть, даже стѣсненная въ своихъ конституціонныхъ предѣлахъ, обладаетъ бóльшей силой, чѣмъ сколько ея было у французскихъ королей въ то время, когда, теоретически, они были абсолютными монархами. „Конституціонная монархія у англичанъ" говоритъ Делольмъ, „это хорошій корабль, который парламентъ, по своему желанію, можетъ лишить воды для плаванія". Пусть будетъ такъ! что за дѣло? Королевская власть въ Англіи никогда не была тѣмъ, чѣмъ она обречена быть во Франціи: изолированной властью на вершинѣ общества, волнуемаго страстью къ равенству. Королева здѣсь заимствуетъ свою силу также, какъ и свой блескъ отъ окружающей ее аристократіи,—аристократіи, заинтересованной прежде всего въ под-

держаніи трона, потому что, если только коснуться перваго звена іерархіи, то вся цѣпь всколыхнется.

Кромѣ того, королевская власть въ Англіи имѣетъ серьезную точку опоры во всеобщемъ уваженіи къ классовымъ отличіямъ. Иностранецъ, изучающій англичанъ, удивляется, видя какъ они горды и въ тоже время столь смиренны, столь независимы и столь покорны, столь приверженны къ формамъ свободы и столь привязанны къ прерогативамъ аристократіи. Въ этой своеобразной странѣ языкъ прессы воинственъ, смѣлъ, необузданъ, и, тѣмъ не менѣе, ранги тамъ разъ навсегда установлены и признаны. Индивидуальная гордость у англичанъ развита въ высшей степени; а, между тѣмъ, съ какой точностью они соблюдаютъ законы о старшинствѣ и мѣстничествѣ! Когда королева желаетъ проѣхать черезъ ворота City, она проситъ объ этомъ позволенія у лорда-мэра; а между тѣмъ, культъ іерархическаго этикета соблюдается здѣсь въ кухнѣ почти столь же усердно, какъ въ салонѣ.

Такимъ образомъ, два чувства господствуютъ въ англійской націи: сильная любовь къ свободѣ и глубокое уваженіе къ іерархіи; исторія объясняетъ причины этого явленія. Завоеваніе поставило лицомъ къ лицу двѣ расы: саксонскую и норманскую. Такъ какъ ни одна изъ нихъ не могла поглотить другой, то произошелъ компромиссъ между двумя принципами: побѣжденная раса была принуждена, съ цѣлью самозащиты, установить прочную систему гарантій, а побѣдоносная раса должна была, для того, чтобы поддержать свое господство, ревниво слѣдить за неприкосновенностью своихъ привилегій.

Ничего подобнаго не было во Франціи, гдѣ не существуетъ ни одного изъ условій, необходимыхъ для монархій. Монтескье, напримѣръ, устанавливаетъ слѣдующую политическую аксіому: „Безъ монарха нѣтъ знати (noblesse), безъ знати нѣтъ монарха“. Между тѣмъ, во Франціи знати больше нѣтъ, и она не можетъ воскреснуть. По мнѣнію Монтескье, монархія невозможна безъ закона о первородствѣ: а гдѣ теперь во Франціи подобный законъ и какъ ввести его?

Я заключаю:

Въ Англіи корни королевской власти связаны съ корнями самой націи, вмѣстѣ съ которой она нормально развилась подъ властью одной и той же необходимости.

Во Франціи не осталась неразрушенной ни одна изъ традицій, на которую могла бы опереться королевская власть.

Въ Англіи корона заимствуетъ свой блескъ и свою силу отъ могущественной аристократіи.

Во Франціи нѣтъ болѣе знати, а образованіе новой знати невозможно.

Въ Англіи принципъ наслѣдственности короны гармонируетъ съ принципомъ субституцій.

Во Франціи законъ, дробящій земельную собственность на мельчайшія части, лишаетъ монархическую наслѣдственность ея соціальной точки опоры.

Въ Англіи уваженіе къ іерархіи распространено во всемъ обществѣ.

Во Франціи страсть къ равенству отнынѣ непреодолима.

Поэтому, было бы противно результатамъ наблюденія и законамъ логики утверждать, что конституціонная монархія годится для Франціи потому, что она годится для Англіи [1]).

Напрасно стали бы придавать въ этомъ спорѣ нѣкоторое значеніе 17-тилѣтнему царствованію Луи-Филиппа; при Луи-Филиппѣ конституціонная монархія имѣла лишь значеніе политической уловки; и онъ самъ это хорошо зналъ. Его правительство, ловко умѣя поддерживать среди буржуазіи боязнь революціонныхъ потрясеній, одной только этой боязнью и держалось.

Что касается *абсолютной* монархіи, то можно ли предположить хоть на минуту, чтобы она была окончательно принята Франціей? Абсолютная монархія есть наиболѣе невозможная вещь въ историческомъ развитіи принциповъ 89-го года.

Это была бы власть аристократическая по своему характеру, созданная той самой буржуазіей, которая разбила цѣпи наслѣдственныхъ отличій.

---

[1]) Все это я развилъ подробно въ первой главѣ этой книги.

Это была бы власть исключительно консервативная, созданная той самой буржуазіей, которая открыла безпредѣльное поприще человѣческому честолюбію.

Это была бы власть традиціонная, созданная той самой буржуазіей, которая осмѣяла всѣ старинныя преданія.

Это была бы власть всемогущая, созданная той самой буржуазіей, которая потопила въ крови всемогущество Людовика XVI и наказала вѣчнымъ изгнаніемъ всемогущество Карла X.

Однимъ словомъ, это была бы власть самая необъяснимая, самая чудовищная, такъ какъ ея характеръ противорѣчилъ бы ея происхожденію, а ея происхожденіе—ея характеру. Король въ этомъ случаѣ былъ бы подобенъ протестанту, избранному въ папы.

Такимъ образомъ, когда 24-го февраля 1845-го года, члены Временнаго Правительства взяли на себя отвѣтственность, перемѣна формы правленія, ихъ рѣшеніе не имѣло ничего общаго съ *увлеченіями* юношескаго энтузіазма; оно было основано на обдуманной и *практической оцѣнкѣ не только нуждъ времени, но также истинныхъ потребностей* и истинныхъ стремленій Франціи. Можно ли въ этомъ сомнѣваться? Можно ли, по совѣсти, это отрицать? Развѣ республика, сейчасъ же послѣ своего провозглашенія, не была свободно признана всѣми?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Великодушный характеръ февральской революціи.

Напрасные страхи Людовика-Филиппа.—Комиссары посылаются въ Гавръ, чтобы охранять его безопасность.—Герцогиня де Монпансье и герцогъ Немурскій, оставшіеся въ Парижѣ, выѣзжаютъ оттуда безъ всякаго затрудненія.—Ложныя извѣстія объ арестѣ герцогини Орлеанской.—Одинъ только членъ Временнаго Правительства требуетъ оставленія въ силѣ этого ареста, въ случаѣ подтвержденія извѣстія о немъ.—Декретъ, уничтожающій смертную казнь по политическимъ дѣламъ.—Обстоятельства, среди которыхъ этотъ декретъ былъ изданъ.—Краснаго знамени требуютъ тѣ самые, которые наиболѣе содѣйствовали уничтоженію политическаго эшафота.—Почему демократы хотѣли краснаго знамени.—Сохраненіе трехцвѣтнаго знамени большинствомъ Временнаго Правительства.—Красная розетка принимается, какъ условный знакъ.—Странныя галлюцинаціи господина де Ламартина.—Его рѣчь къ мятежному народу на площади городской ратуши.—Историческая ошибка.—Истинные спасители порядка.

Никогда, можетъ быть, исторіи не приходилось описывать чего нибудь похожаго на то великодушіе, которое проявили въ февралѣ народъ и его избранники. Страсти, возбужденныя борьбой, еще не успѣли остынуть, какъ уже всѣ обиды были забыты. Мягкія души не были опечалены ни однимъ крикомъ мести. Ни одинъ роялистъ не палъ жертвой общественныхъ или личныхъ страстей; ни одинъ республиканецъ не вызвалъ изъ гроба тѣней бойцовъ Трансноненской улицы, и не вспомнилъ о столькихъ преслѣдованіяхъ, перенесенныхъ его единомышленниками. Тѣ, кого побѣдила февральская революція, были защищены, какъ непроницаемымъ щитомъ, покровительствомъ людей, которые еще наканунѣ были ихъ жертвами.

Луи-Филиппу не было надобности нисходить до заботъ о пос-

пѣшномъ бѣгствѣ, соединенномъ съ унизившимъ его переодѣваніемъ, ибо никто среди правительства и среди народа не думалъ о немъ. Я не помню, чтобы въ первыхъ совѣщаніяхъ Временнаго Правительства его имя было произнесено хотя бы одинъ разъ; и когда, наконецъ, одинъ изъ насъ, не помню кто, вздумалъ спросить: „Кстати, господа, что сталось съ Луи-Филиппомъ“,—то этотъ вопросъ вызвалъ лишь чувство великодушной заботливости. Г-ну Маррасту было поручено пуститься въ погоню за бѣжавшимъ королемъ, чтобы... охранять его безопасность. Марраста должны были сопровождать г.г. Фердинандъ Барро и Лафайетъ. Правда, онъ отказался отъ этого порученія, не желая быть Одилономъ Барро второго Карла X-го; но онъ послалъ комиссаровъ въ Гавръ, предписавъ имъ окружить павшаго монарха строгой, но лишенной злобы бдительности и облегчить ему отплытіе.

Герцогиня де Монпансье нашла убѣжище у госпожи де Ластейри. Послѣ короткаго пребыванія въ этомъ гостепріимномъ домѣ, она смогла оставить Парижъ и проѣхать всю Францію въ полной безопасности.

Герцогъ Немурскій оставался въ теченіе двухъ дней въ Парижѣ, при чемъ никто его не тревожилъ. Мы знали, что онъ скрывается въ домѣ, находившемся по близости отъ Люксембургскаго дворца, но мы не захотѣли этого знать.

Само собою разумѣется, что лордъ Норменби не нашелъ достойными своего вниманія подобные факты. Эта политика, настолько рыцарская, настолько великодушная, что ей нѣтъ примѣра въ исторіи какой-либо другой торжествующей революціи, не могла, очевидно, нечего сказать сердцу благороднаго лорда. Единственное что онъ соглашается допустить, это то, что среди членовъ Временнаго Правительства былъ одинъ, а именно г. де Ламартинъ, доступный добрымъ чувствамъ. Пусть же узнаетъ благородный маркизъ одно обстоятельство: оно напомнитъ ему объ опасности ограничивать слишкомъ тѣсными предѣлами дань, которую мы должны приносить истинѣ. Когда распространился ложный слухъ, будто герцогиня Орлеанская арестована въ Мантѣ, г. Фердинандъ де Ластейри, сильно встревоженный, при-

бѣжалъ къ намъ съ мольбой о ея немедленномъ освобожденіи. Всѣ члены правительства сказали, *да*; одинъ сказалъ *нѣтъ*; то былъ г. де Ламартинъ. Онъ отвѣтилъ на просьбу г-на де Ластейри слѣдующими словами: „Спасеніе общества держится на моей популярности; я не хочу ею рисковать". Тогда выступилъ впередъ одинъ изъ насъ и сталъ столь энергично протестовать противъ всего, что было бы похоже на преслѣдованіе по отношенію къ женщинѣ и матери, что г. де Ламартинъ уступилъ. Тотъ, о чьемъ рыцарскомъ вмѣшательствѣ я здѣсь упоминаю, былъ простой рабочій, это былъ Альберъ.

Уничтоженіе смертной казни въ политическихъ дѣлахъ — это одно изъ тѣхъ событій, которыя, такъ сказать, насильно привлекаютъ общественное вниманіе; поэтому лордъ Норменби долженъ былъ что-нибудь сказать о немъ. Но какъ онъ это сдѣлалъ? Слова его заслуживаютъ быть приведенными:

„Г. де-Ламартинъ возвѣстилъ народу, среди всеобщихъ рукоплесканій, что Временное Правительство, взявъ назадъ свое вчерашнее рѣшеніе, уничтожило смертную казнь въ политическихъ дѣлахъ. Этотъ добродѣтельный поступокъ былъ большимъ *личнымъ* торжествомъ для г-на Ламартина, въ особенности если вспомнить о томъ, что произошло накануне. Тогда шли пренія относительно предложенія замѣнить трехцвѣтное знамя краснымъ. Г. де-Ламартинъ съ большой энергіей воскликнулъ, что трехцвѣтное знамя было побѣдоносно пронесено съ одного конца Европы до другого. Между тѣмъ какъ красное знамя было извѣстно только тѣмъ, что, влачимое въ крови народа, обошло Марсово поле" [1]).

Никогда истина и справедливость не попирались ногами такъ явно, какъ въ этомъ мѣстѣ. Приписывать единственно г-ну де-Ламартину честь декрета, которымъ была уничтожена смертная казнь, это значитъ впадать въ грубую ошибку, а противопоставлять эту мѣру требованію краснаго знамени—это значитъ пользоваться своимъ собственнымъ промахомъ для закрѣпленія несправедливости.

Лордъ Нормэнби вѣроятно находится подъ вліяніемъ той свѣтлой идеи, что нельзя желать краснаго знамени, не будучи

¹) A Year of Revolution in Paris, t. I, стр. 127, 128.

человѣкомъ, жаждущимъ крови, такъ какъ красный цвѣтъ есть цвѣтъ крови. Каково же будетъ его удивленіе, когда онъ узнаетъ, что человѣкъ, который отстаивалъ во Временномъ Правительствѣ требованіе краснаго знамени, тотъ самый, да, тотъ самый, который добился уничтоженія смертной казни, и что этотъ человѣкъ—я! И какъ усилится Ваше удивленіе, милордъ, когда я прибавлю, что съ моей стороны здѣсь не было никакой заслуги, потому что милосердіе, гуманность, кроткія чувства были тогда въ воздухѣ, которымъ каждый дышалъ, потому, что мѣра этого рода была одною изъ тѣхъ, которыя съ непобѣдимой силой вытекали изъ общаго настроенія умовъ, потому что не нужно было отличаться сильнымъ духомъ иниціативы или большой храбростью, чтобы предложить то, что было общимъ желаніемъ этого великаго февральскаго народа!

Факты таковы:

25-го февраля, г. де-Ламартинъ поднялъ въ Совѣтѣ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли уничтожить смертную казнь въ политическихъ дѣлахъ. Что касается до самаго принципа, то въ этомъ отношеніи не было никакого затрудненія принципіально всѣ высказались за отмѣну но, касательно практической полезности этого мѣропріятія при данныхъ обстоятельствахъ, были высказаны различныя возраженія, и вопросъ былъ оставленъ открытымъ. На слѣдующій день, въ одной роялистской газетѣ появилась статья, смыслъ которой былъ тотъ, что во Франціи топоръ палача снова долженъ сдѣлаться средствомъ управленія. Когда я прочелъ эту статью, кровь ударила мнѣ въ лицо, и, побѣжавъ въ ратушу, я вошелъ въ залу Совѣта, держа въ рукѣ клеветническій листокъ. Я выразилъ все, что мое сердце внушало мнѣ; я сказалъ, что лишать человѣка жизни, исключая случая законной обороны есть, кощунственная узурпація, что непоправимость кары предполагаетъ *непогрѣшимость* судьи: что убійство, выдаваемое за актъ справедливости, въ особенности чудовищно во времена гражданской войны, когда такъ легко выставить преступленіемъ ошибку, сдѣланную съ чистой совѣстью, а побѣжденныхъ — мятежниками. Сколько за короткій пятидесятилѣтній періодъ слав-

ныхъ головъ покатилось въ кровавую крутизну вмѣстѣ съ головами самыхъ презрѣнныхъ преступниковъ! Даже съ чисто практической точки зрѣнія, крайне важно чтобы колыбель второй республики не окружали тѣ неистовые образы которые душили первую республику! Какимъ страшнымъ бременемъ тяготѣлъ еще надъ умами терроръ 1793 и 1794 годовъ! Нужно было дать свободно вздохнуть общественной совѣсти, ниспровергнувъ гильотину. Къ тому же, нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное проявленіе довѣрія и спокойствія со стороны Временнаго Правительства понравится такому народу, какъ народъ французскій, симпатіи котораго всегда на сторонѣ того, что носитъ печать величія.

Въ то время, какъ я говорилъ, г. де-Ламартинъ неподвижно стоялъ въ другомъ концѣ залы. Вдругъ онъ бросается ко мнѣ, восторженно жметъ мои руки и восклицаетъ: „Вы совершаете благородный поступокъ!“ Тогда произошла сцена сдержаннаго энтузіазма, которая можетъ быть вызоветъ улыбку у нашихъ теперешнихъ великихъ государственныхъ людей. Что дѣлать? Мы не имѣемъ претензіи считаться адептами той политической науки, которая состоитъ въ систематическомъ презрѣніи ко всему возвышенному въ человѣческой природѣ. Старый Дюпонъ (изъ Эры) возблагодарилъ Бога за то, что Онъ далъ ему дожить до этого событія, и мы вотировали съ извѣстнаго рода религіознымъ волненіемъ слѣдующій декретъ, вторая часть котораго принадлежитъ перу г-на де-Ламартина, а вступительныя соображенія (considerants) были составлены мной:

„Временное Правительство,

убѣжденное, что великодушіе есть наиболѣе мудрая политика и что каждая революція, совершенная французскимъ народомъ, должна освятить въ глазахъ міра какую-нибудь новую философскую истину;

принимая во вниманіе, что нѣтъ принципа болѣе высокаго, чѣмъ неприкосновенность человѣческой жизни;

принимая во вниманіе, что въ настоящіе достопамятные дни Временное Правительство съ гордостью констатировало, что ни

одного крика, призывающаго къ мести или убійству, не раздалось изъ устъ народа;

заявляетъ:

что мысленно оно уже уничтожило смертную казнь въ политическихъ дѣлахъ и что оно предъявитъ это свое желаніе на окончательное утвержденіе Національному Собранію.

Временное Правительство столь глубоко убѣждено въ истинѣ, которую оно провозглашаетъ отъ имени французскаго народа, что, еслибы преступные люди, по винѣ которыхъ лилась надняхъ французская кровь, находились въ рукахъ народа, то оно сочло бы преданіе ихъ позору болѣе примѣрнымъ наказаніемъ, чѣмъ преданіе ихъ смерти“ [1]).

Позволю себѣ теперь повторить, что человѣкъ, который настоялъ на принятіи этого декрета,—тотъ самый, который поддержалъ требованіе краснаго знамени; не явствуетъ ли отсюда, что это требованіе не имѣло ничего общаго съ террористическими и кровожадными идеями? Позволю себѣ также напомнить къ чести народа, что, когда въ Люксембургскомъ дворцѣ я предложилъ, чтобы обломки гильотины были сожжены на народной площади со всей торжественностью національнаго празднества, то народъ присоединился къ этому мнѣнію съ пыломъ и увлеченіемъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ — „Moniteur“. (См. Moniteur 28-го февр. 1848 г.).

---

[1]) См. „Moniteur“ отъ 11-го марта 1848 года. Г. Гарнье Пажесъ признаетъ, какъ это уже сдѣлалъ г. Ламартинъ въ своей книгѣ о революціи 1848 года, что 26-го февраля декретъ объ уничтоженіи смертной казни въ политическихъ дѣлахъ былъ принятъ по моему предложенію; но онъ говоритъ, что, когда наканунѣ г. Ламартинъ поднялъ этотъ вопросъ, то только я „одинъ сталъ просить болѣе зрѣлаго размышленія“. Мнѣ трудно понять, какимъ образомъ воспоминанія такъ обманули г-на Гарнье Пажеса. Всѣ читавшіе меня знаютъ, съ какимъ жаромъ, съ какой страстью, съ какимъ постоянствомъ я нападалъ на смертную казнь, съ того времени какъ сталъ держать перо въ рукахъ. Вѣрно то, что г-на Ламартинъ потребовалъ первый 25-го февраля, чтобы смертная казнь была уничтожена; что вопросъ, какъ это разсказываетъ г. Ламартинъ, натолкнулся на возраженія юристовъ, что я воспользовался вышеупомянутымъ обстоятельствомъ, чтобы вернуться къ этому вопросу, что я это сдѣлалъ съ энергіей, которая, къ счастью, соотвѣтствовала чувствамъ

Предпочтеніе же, оказанное красному знамени, было внушено весьма разумными соображеніями, связанными съ важной мыслью.

Конечно, англичанамъ, можетъ показаться страннымъ что такое значеніе было придано перемѣнѣ знамени. Но такова уже французская нація, нація по преимуществу артистическая. Воображеніе, даже зрительныя впечатлѣнія играютъ роль въ ея исторіи.

Не стану здѣсь останавливаться на вопросѣ о національныхъ цвѣтахъ въ древнѣйшую эпоху французской монархіи, эпоху, покрытую непроницаемой завѣсой; но извѣстно, что со времени царствованія Генриха I-го, до царствованія Карла VII-го, національнымъ знаменемъ былъ красный флагъ извѣстный подъ именемъ орифламмы, а бѣлая хоругвь, покрытая лиліями, была тѣмъ, что Фруассаръ называетъ „*верховною хоругвью короля*“. Бѣлое знамя замѣнило красное знамя въ царствованіе Карла VII-го, т. е. именно въ ту эпоху когда, во Франціи была установлена роковая система постоянныхъ армій,—главной опоры деспотизма. Въ 1789 году, когда буржуазія достигла политической власти на развалинахъ феодализма, Лафайетъ 13-го іюля предложилъ въ парижской ратушѣ принятіе знамени, состоявшаго изъ соединенія *бѣлаго* цвѣта, считавшагося тогда цвѣтомъ королевской власти, съ *краснымъ* и *синимъ*, цвѣтами парижскаго третьяго сословія. Трехцвѣтное знамя было, такимъ образомъ, результатомъ и символомъ компромиса между королемъ и народомъ. Послѣ февральской революціи не было болѣе короля; поэтому не было основанія символизировать его власть. Конечно, парижскіе ра-

всѣхъ моихъ сотоварищей и прекратила всякое колебаніе, что мои слова произвели на г-на Ламартина и на моихъ другихъ сотоварищей впечатлѣніе, которое описалъ самъ г. Ламартинъ: „Г. Ламартинъ поблагодарилъ сердцемъ и взглядомъ своего молодого товарища. Онъ схватилъ протянутую ему руку, возвращаясь къ своей собственной мысли. Пренія были лишь краткимъ обмѣномъ выраженій согласія и взаимныхъ поздравленій; сердце заглушало робкія возраженія ума“. Вѣрно наконецъ то, что декретъ былъ составленъ г-номъ Ламартиномъ и мною.

бочіе не основывали своего требованія на тонкостяхъ исторической эрудиціи. Но они знали—и этого было достаточно,—что бѣлый цвѣтъ былъ цвѣтомъ королевской власти, что королевская власть умерла и что цвѣтъ, который втеченіе долгаго времени обозначалъ націю, былъ красный цвѣтъ. На ихъ глазахъ исчезло обаяніе трецвѣтнаго знамени, ставшаго при Луи-Филиппѣ знаменемъ *мира во что бы то ни стало*. Отказаться отъ этого знамени это значило отречься отъ окончательно осужденной 17-тилѣтней политики. Народъ чувствовалъ это столь отчетливо, что на баррикадахъ онъ не водружалъ другого знамени, кромѣ краснаго. Отстаивая его во время сраженія, онъ отстаивалъ его и послѣ побѣды.

Кромѣ того, всѣ понимали, что новыя учрежденія требуютъ новыхъ эмблемъ. Тревожные слухи носились о какихъ то заговорахъ, замышлявшихся роялистами. Говорили о тайныхъ интригахъ; само Временное Правительство не внушало подозрительному населенію предмѣстій безграничнаго довѣрія, такъ какъ среди него были люди новообращенные, какъ Ламартинъ и люди, о которыхъ говорили, что они склонились было на минуту въ пользу регентства. Эти обстоятельства дѣлали дорогимъ для народа завоеваніе залога, который разсѣялъ-бы его опасеніе, чтобы республика не сдѣлалась послѣднимъ этапомъ на пути революціи.

Вотъ почему на слѣдующій день послѣ сраженія такое множество гражданъ, появлялось съ красными ленточками въ петлицѣ: ихъ видѣли на всѣхъ общественныхъ площадяхъ, на всѣхъ улицахъ, вдоль набережныхъ. Самъ лордъ Норменби сообщаетъ намъ, что онъ замѣтилъ нѣсколькихъ своихъ соотечественниковъ, гулявшихъ съ красной розеткой въ петлицѣ [1]).

Дѣло въ томъ, что красное знамя было потребовано сразу и со страстью, обнаружившей глубину народныхъ инстинктовъ. Гревская площадь покрылась красными кокардами. Красныя знамена развѣвались въ окнахъ и надъ крышами. Собрался Совѣтъ. Я изложилъ ту мысль, что порядокъ вещей, къ которому мы перешли,

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 114.

требуетъ соотвѣтственнаго символа. Прошло то время, когда въ націи можно было различать нѣсколько націй; старое раздѣленіе общества на различные классы и власти было оффиціально уничтожено; зачѣмъ же было сохранять изображеніе того, что перестало существовать? Почему нельзя было принять яркаго символа объединенія великой французской семьи, подъ единой властью, народнымъ самодержаніемъ? Я не помню, чтобы у меня въ этомъ случаѣ былъ иной противникъ, кромѣ г-на де-Ламартина, проявившаго сильную неохоту разорвать такимъ образомъ связь съ прошлымъ. Тѣмъ не менѣе, споръ совершенно не имѣлъ рѣзкаго характера; и я даже вынесъ впечатлѣніе, что г. де-Ламартинъ начиналъ колебаться, когда внезапно вошелъ г. Гудшо, энергично протестуя противъ выставленія напоказъ народныхъ силъ, въ которомъ онъ усматривалъ предвзятое намѣреніе застращать насъ. Такимъ образомъ, онъ далъ г ну де-Ламартину особенно сильный аргументъ. Какой не лишенный гордости человѣкъ отнесся бы спокойно къ мысли о томъ, что его мнѣніе можетъ быть принято за уступку силѣ? Споръ закончился компромисомъ, формулированнымъ въ слѣдующемъ декретѣ: „Временное Правительство объявляетъ, что національное знамя есть трехцвѣтное знамя, цвѣта котораго будутъ возстановлены въ порядкѣ, принятомъ французской республикой; на этомъ знамени написаны слова: *Французская республика*, *Свобода*, *Равенство*, *Братство* — три слова, объясняющія въ самомъ широкомъ смыслѣ демократическія доктрины, символомъ которыхъ является это знамя, между тѣмъ какъ его цвѣта являются выраженіемъ республиканскихъ традицій.

„Какъ условный знакъ и какъ благодарное воспоминаніе о послѣднемъ актѣ народной революціи, члены Временнаго Правительства и прочія власти будутъ носить красную розетку, которая будетъ также прикрѣплена къ древку знамени [1])“.

Изъ этого текста, пропущеннаго г-номъ де Ламартиномъ въ

---

[1]) См. „Le Moniteur“ отъ 27-го февраля 1848 года.

его книгѣ, но который каждый можетъ прочесть въ „Moniteur“ отъ 27-го февраля 1848 года, явствуетъ, что красный цвѣтъ вовсе не былъ отвергнутъ, а былъ напротивъ принятъ, какъ символъ революціонной силы, а также, выражаясь словами декрета, какъ *условный знакъ* (signe de ralliement).

Оставалось сообщить о принятомъ рѣшеніи толпѣ, собравшейся вокругъ ратуши,—обязанность, естественно выпавшая на долю г-на де-Ламартина, такъ какъ вопросъ заключался уже въ томъ, чтобы добиться отъ народа согласія на *условное* сохраненіе трехцвѣтнаго знамени.

Я не могу описать и проанализировать натуру г-на де-Ламартина лучше, чѣмъ примѣнивъ къ нему то, что авторъ *Джэнъ Эйръ* [1]) влагаетъ въ уста героини этого прекраснаго романа: „Моимъ единственнымъ утѣшеніемъ было давать отдыхъ моимъ духовнымъ взорамъ на блестящихъ видѣніяхъ, вызванныхъ моей волей, видѣніяхъ многочисленныхъ и поразительно яркихъ; я любила чувствовать мое сердце вздымающимся отъ движеній, которыя, наполняя его смятеніемъ, пробуждали въ немъ всѣ жизненныя силы, а больше всего я любила прислушиваться своимъ внутреннимъ ухомъ къ безконечной сказкѣ, которую мое воображеніе не переставало создавать и разсказывать, удивительной сказкѣ, гдѣ были собраны тысячи различныхъ эпизодовъ, оживленныхъ той поэзіей, тѣмъ огнемъ, тѣмъ чувствомъ, которыхъ я искала въ моемъ дѣйствительномъ существованіи, не находя ихъ“. Да, таковъ былъ г. де-Ламартинъ. Игралище постоянной галлюцинаціи, которой онъ былъ одновременно и предметомъ и творцомъ, онъ видѣлъ множество льстившихъ ему волшебныхъ сновъ, которые его поэтическое легковѣріе претворяло въ живую дѣйствительность; онъ видѣлъ незримое; его внутренній слухъ внималъ невозможнымъ звукамъ; онъ отдавался наслажденію разсказывать другимъ всѣ сказки, которыя его воображеніе нашептывало ему самому. Будучи честенъ, но поддаваясь чарамъ собственнаго воображенія, онъ не сталъ-бы

---

[1]) Jane Eyre, романъ извѣстной англійской писательницы Шарлотты Бронте. *Прим. перев.*

васъ обманывать, если-бы его самаго не обманывалъ милый демонъ, которымъ онъ былъ одержимъ. Я отдаю справедливость выдающимся качествамъ, которыми онъ отличался. Но, признаться, я смотрю на его разсказы, какъ на признанія какого нибудь любителя гашиша.

Поэтому, одну за другой; я не стану опровергать въ этомъ серьезномъ разсказѣ прелестныя выдумки его музы я не стану разбирать по одиночкѣ подробности, которыми онъ украсилъ невольно вылившійся изъ-подъ его пера романъ о его побѣдахъ надъ буйной толпой; я не стану даже жаловаться на роль, которую онъ мнѣ приписываетъ, когда „сквозь тотъ туманъ, импровизацій покрывающій глаза импровизатора"—это его собственныя выраженія — онъ видитъ меня въ обморокѣ, несомымъ на рукахъ народа и блѣднымъ, какъ призракъ. Было бы ребячествомъ подвергать историческому обсужденію простыя оптическія иллюзіи. Вотъ что произошло въ моемъ присутствіи, если отбросить всякое преувеличеніе:

Хотя толпа была вооружена, но Ламартинъ храбро пошелъ ей навстрѣчу, какъ дѣлали въ подобныхъ обстоятельствахъ всѣ его товарищи и какъ сдѣлали тогда тѣ изъ нихъ, которые находились въ ратушѣ. Среди этой толпы было нѣкоторое количество людей, до крайности возбужденныхъ, какъ это можно было наблюдать втеченіе двухъ мѣсяцевъ на Гревской площади, въ Люксембургскомъ дворцѣ, въ Префектурѣ полиціи, повсюду. Конечно, невидимая и невѣдомая рука могла бы направить на оратора ружейный выстрѣлъ; но истина заставляетъ меня сказать, что реляціи объ этомъ событіи, всѣ болѣе или менѣе списанныя съ разсказа г-на Ламартина, чрезмѣрно раздули представлявшуюся опасность. На самомъ дѣлѣ въ умахъ, господствовала лишь склонность къ подозрѣнію,—не болѣе. Г-ну де-Ламартину приходилось дать удовлетворительное объясненіе, а не то, чтобы побѣдить враждебное настроеніе. Къ тому же, предположить хоть на мгновеніе, что парижскій народъ способенъ наброситься на людей безоружныхъ и полныхъ довѣрія, идущихъ ему навстрѣчу

значитъ клеветать на него. При подобныхъ обстоятельствахъ ручательствомъ противъ всякой отдѣльной попытки произвести насиліе является великодушіе массы, которая не позволила бы безнаказанно обезчестить себя.

Я упомянулъ о подозрѣніяхъ: все краснорѣчіе г-на де-Ламартина было пущено въ ходъ для того, чтобы разсѣять ихъ ловкими завѣреніями. Онъ сталъ утверждать, что сохраненіе трехцвѣтнаго знамени нисколько не выражаетъ намѣренія вернуться къ прошлому, что Временное Правительство твердо рѣшилось сохранить республику; что оно дорожитъ трехцвѣтнымъ знаменемъ именно какъ республиканскимъ символомъ. Онъ пошелъ такъ далеко въ этомъ направленіи, что объяснилъ причину оказываемаго имъ предпочтенія трехцвѣтному знамени передъ краснымъ въ слѣдующей фразѣ, которую впослѣдствіи столь часто цитировали: „Трехцвѣтное знамя обошло міръ вмѣстѣ съ именемъ, свободой и славой отчества; *красное знамя, влекомое въ крови народа, обошло лишь Марсово поле*“.

Любопытно, что этотъ аргументъ поэта, который такъ часто повторяли, есть лишь огромная историческая ошибка. Совершенно ложно утвержденіе, будто 18 іюля 1721 года красное знамя влачилось вокругъ Марсова поля въ крови народа. Болѣе того: злосчастный Бальи былъ приговоренъ къ смерти именно за то, что онъ принесъ на Марсово поле лишь нѣчто въ родѣ *карманнаго знамени*; за то, что онъ не развернулъ его, чтобы предупредить толпу, и за то что онъ, передъ ружейнымъ залпомъ, не приказалъ выполнить формальности троекратнаго обращенія къ толпѣ.

Если бы 17-го іюля 1721 года формальности, предписанныя закономъ и имѣвшія цѣлью избѣжаніе кровопролитія были соблюдены,—а самая важная изъ этихъ формальностей состояла въ обязанности развернуть красное знамя,—то кровь народа не была бы пролита, потому что толпа, собравшаяся на Марсовомъ полѣ, была вполнѣ безобидна, безоружна, состояла отчасти изъ отцовъ семейства, женщинъ дѣтей съ ихъ няньками, продавцовъ нан-

террскихъ пирожныхъ и т. п.; это было мирное, веселое сборище, какія бываютъ въ праздничные или солнечные дни, и оно охотно розошлось бы.... если бы ему дали на то время [1]).

Другое замѣчаніе заслуживаетъ размышленія. Легко понять, что преступленіе краснаго знамени въ глазахъ враговъ республики состояло въ томъ, что оно развѣвалось на баррикадахъ во время сраженія. Но они побоялись поставить на видъ этотъ дѣйствительный мотивъ. Они притворились, будто отвергаютъ новую эмблему вслѣдствіе того, что она выражаетъ идеи анархіи и крови; они забыли, что до февральской революціи и сообразно съ военнымъ закономъ, красное знамя развертывалось только въ часы бурь агентами установленныхъ властей, не для того, чтобы проливать кровь, но, напротивъ, для того, чтобы избѣгнуть ея пролитія, не для того, чтобы разнуздывать анархію, но для того, чтобы поддерживать порядокъ. Такимъ образомъ знамя, которое, съ легальной точки зрѣнія, было знаменемъ порядка, было вдругъ окрещено знаменемъ анархіи; и кто это сдѣлалъ? Такъ называемая партія порядка.

Послѣдовавшее извѣстно. Г-на де-Ламартина превознесли до небесъ за то, что онъ восторжествовалъ надъ краснымъ цвѣтомъ, этимъ бичемъ человѣческаго рода; и никто, ни даже лордъ Норменби, бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ г-номъ де-Ламартиномъ, не обратилъ вниманія на то, что побѣдитель краснаго цвѣта былъ принужденъ носить и дѣйствительно носилъ красную розетку въ петличкѣ въ силу декрета, подписаннаго его собственной рукой!

Но нѣтъ: всѣ враги республики стали дружно трубить повсюду, что общество спаслось отъ окончательной гибели, что этимъ чудомъ оно было обязано нѣсколькимъ волшебнымъ словамъ, произнесеннымъ современнымъ Златоустомъ, и что, благодаря этому,

---

[1]) См. процессъ Бальи въ „Histoire parlementaire“, т. 21-й, и въ пятомъ томѣ моей „Исторіи революціи“ главу о побоищѣ на Марсовомъ полѣ.

республика, какъ это ни непонятно, смогла установиться, не предавъ всего огню и мечу.

Въ теченіе этого времени, сто тысячъ рабочихъ вооруженныхъ съ ногъ до головы и голодныхъ, съ героической заботливостью охраняли Парижъ; кровожадные сторонники краснаго знамени, въ то время хозяева улицы, старались о томъ, чтобы ни одинъ волосъ не упалъ съ чьей-нибудь головы; дома богатыхъ оберегались бѣдными, и люди, одѣтые въ лохмотья, стояли на часахъ у дверей своихъ клеветниковъ!

Примѣчаніе. Вотъ письмо очевидца, г-на Корбона, бывшаго представителемъ народа, касательно дѣла о *красномъ знамени*, напечатанное въ газетѣ *Le Siècle*.—Оно подтверждаетъ то, что было сказано выше о настроеніи народа:

„По приглашенію нѣкоторыхъ членовъ временнаго правительства я со своими друзьями и сотрудниками по газетѣ „l'Atelier" (Мастерская) возвращался въ пятницу 25-го числа, среди дня въ ратушу, гдѣ я уже провелъ предыдущую ночь. Толпа, наводнявшая лѣстницу и корридоры передъ залой, гдѣ засѣдало правительство, была такъ густа, что послѣ долгихъ усилій, я долженъ былъ отказаться отъ мысли достигнуть цѣли и укрылся съ двумя сопровождавшими меня друзьями въ большомъ салонѣ, всѣ окна котораго выходятъ на площадь. Онъ имѣлъ такой разоренный видъ, что больше походилъ на кордегардію, чѣмъ на парадный салонъ ратуши. Ожидая, уже съ нѣкотораго времени, полной реставраціи, онъ не заключалъ въ себѣ другой мебели, кромѣ двухъ или трехъ кабачныхъ столовъ, принесенныхъ въ предыдущую ночь, стакановъ, двухъ или трехъ бутылокъ и нѣсколькихъ табуретовъ; было тутъ еще два бивака, крытыхъ краснымъ бархатомъ и прислоненныхъ къ стѣнѣ въ глубинѣ зала: это были остатки прежней меблировки.

Я описываю видъ этого зала, т. к. эта подробность имѣетъ историческій интересъ: дѣло въ томъ, что здѣсь произошелъ про-

логъ драмы, разыгравшейся на моихъ глазахъ. Когда я вошелъ туда съ двумя моими товарищами, тамъ было всего лишь три или четыре человѣка. Въ глубинѣ залы находился человѣкъ высокаго роста съ просѣдью въ волосахъ, съ широкимъ и багровымъ лицомъ: у него былъ раненъ правый високъ.

Молодой человѣкъ въ формѣ фельдшера національной гвардіи перевязывалъ его раны. Мы узнали, что раненый былъ просто человѣкомъ, упавшимъ на камни баррикады.

Перевязавъ ему голову бѣлымъ бинтомъ, фельдшеръ поставилъ раненаго на столъ передъ однимъ изъ оконъ и показалъ его громадной толпѣ, тѣснившейся на площади. Его приняли за одного изъ бойцовъ предыдущаго дня и привѣтствовали несмолкавшими аплодисментами. Фельдшеръ, видя эффектъ, произведенный такимъ способомъ вздумалъ произвести другой эффектъ съ помощью того же индивидума. Замѣтивъ стоявшіе здѣсь диваны, онъ взялъ свои хирургическія ножницы, въ одну минуту содралъ съ ихъ помощью весь бархатъ съ одного изъ дивановъ, набросилъ его какъ покровъ на голову раненнаго и снова выставилъ его напоказъ народной толпѣ.

Эффектъ вполнѣ удался, и обрадованный своей выдумкой помощнимъ хирурга, отстранивъ своего паціента, бросилъ въ толпу красный бархатъ. Не довольствуясь этимъ, онъ произвелъ такую же операцію надъ вторымъ диваномъ, съ помощью, нужно въ этомъ признаться, одного изъ моихъ спутниковъ, и второй кусокъ бархата послѣдовалъ за первымъ. Мы всѣ смотрѣли на то, что толпа сдѣлаетъ съ этими двумя кусками.

Въ группѣ, которая ихъ подхватила, раздались голоса: „сдѣлаемъ изъ нихъ знамена!“ Эта идея понравилась; нашлись двѣ палки отъ метелъ, и оба куска бархата, прикрѣпленные къ нимъ, стали развѣваться надъ толпой.

До тѣхъ поръ не произошло ничего серьезнаго и, главное ничего вызывающаго. Но личности, доведенныя до сумасшествія боязнью краснаго знамени, или интриганы, желавшіе подольститься къ новому правительству, прибѣжали къ нему съ испуганнымъ видомъ, въ тревогѣ, говоря, что врагъ — у дверей,

что партія красныхъ надвигается громадными массами со своимъ знаменемъ и что отечество подвергается самой серьезной и самой неминуемой опасности. Правительство, знавшее о манифестаціи только по этимъ разсказамъ, повѣрило имъ. Оно сейчасъ же приняло рѣшеніе пойти навстрѣчу тому, что оно считало опасностью и мужественно исполнило это. При этихъ обстоятельствахъ каждый изъ его членовъ былъ готовъ пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти республику отъ кризиса, который могъ погубить ее.

Между тѣмъ, выйдя на подъѣздъ, они были встрѣчены горячими аплодисментами, которые должны были ихъ успокоить. Они выставили своего обычнаго оратора, Ламартина, который былъ выслушанъ съ глубокимъ вниманіемъ. Единственное что можно было замѣтить въ толпѣ,—и намъ это было удобнѣе чѣмъ другимъ,— это нѣсколько индивидуумовъ, пытавшихся вызвать ропотъ, но дѣлавшихъ это съ робостью, боясь очевидно встрѣтить суровый отпоръ; таковы были кровожадныя чувства, волновавшія эту толпу!

Едва лишь Ламартинъ окончилъ свою рѣчь, какъ люди изъ народа стали хватать его за руки и цѣловать ему ихъ съ невыразимымъ восторгомъ. Луи Блана подняли на руки и понесли съ тріумфомъ; и слышны были лишь клики: „да здравствуетъ Временное Правительство! Да здравствуетъ республика!“, сто разъ раздававшіеся во всѣхъ пунктахъ этого народнаго моря. Вотъ истинная исторія, разсказанная реально. Она нисколько не умаляетъ ни Ламартина, ни Временнаго Правительства. Всѣ его члены повѣрили въ существованіе опасности и не поколебались выполнить свой долгъ. И всякій спокойный умъ, если онъ потрудится немного поразмыслить, пойметъ, что нѣсколькими словами, сколь-бы они ни были краснорѣчивы, одинъ человѣкъ не смогъ бы побѣдить цѣлую партію, опиравшуюся на народную силу и рѣшившуюся захватить власть, съ цѣлью установить то, что называютъ красной диктатурой.

Къ тому же, по правдѣ сказать, этой партіи тогда не существовало, если даже допустить, что позднѣе она дѣйствительно существовала. На самомъ дѣлѣ, имѣлось сравнительно очень небольшая

группа лицъ, сильно возбужденныхъ торжествомъ демократіи, которые считали смѣлымъ дѣломъ замѣну одного знамени другимъ, трехцвѣтнаго — краснымъ. Вотъ и все. Сторонники диктатуры появились лишь позже; и я не скажу, что это были „личности безъ полномочій", это были „люди безъ связи между собой и безъ послѣдователей". Нѣтъ, Ламартинъ не спасъ общества въ этотъ пресловутый день, или, вѣрнѣе, онъ спасъ его отъ опасности, выдуманной заднимъ числомъ и слишкомъ эксплоатировавшейся впослѣдствіи.

Еще одно слово: первый актъ манифестаціи 25-го февраля вытекъ изъ инцидента, лишеннаго всякаго значенія. Если второй актъ, вмѣшательство правительства, имѣлъ свое величіе, то развязка дѣлаетъ честь лишь только народу, который, давно уже страдая отъ дороговизны хлѣба и отъ безработицы, былъ преисполненъ лишь довѣрія къ мудрости своихъ избранниковъ и радостно привѣтствовалъ ихъ, когда они шли ему навстрѣчу. Поэтому на него постыдно клевещутъ, когда хотятъ увѣрить публику, что онъ готовъ былъ подвергнуть общество опасности. Вотъ что я могу засвидѣтельствовать".

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Право на трудъ.

Народъ предъявляетъ свое требованіе Временному Правительству.—Рабочій Маршъ.—Декретъ, признающій право на трудъ.—Ложное истолкованіе этого декрета. — Его защищаетъ англійскій экономистъ, Джонъ Стюартъ Милль. — Принципъ и его примѣчаніе.—День 28-го февраля.—Депутація, посланная Временному Правительству съ требованіемъ созданія министерстерства труда. — Я поддерживаю въ Совѣтѣ эго требованіе. — Сильное сопротивленіе со стороны г-на де-Ламартина: я предлагаю подать въ отставку; ея не принимаютъ.—Совѣтъ создаетъ, въ видѣ компромисса, правительственную комиссію о рабочихъ. — Мотивы, которые побудили меня принять президентскій постъ въ этой комиссіи.

Утромъ 25-го февраля, мы были заняты организаціей мэріи, когда страшный шумъ окружилъ вдругъ ратушу. Вскорѣ двери залы Совѣта отворились съ трескомъ, и вошелъ человѣкъ, явившійся внезапно, какъ призракъ. Его лицо, съ выраженіемъ—въ эту минуту,—суровымъ, но благороднымъ, полное жизни и прекрасное, было подернуто блѣдностью. У него было ружье въ рукѣ, и его голубые глаза, уставленные на насъ, сверкали. Кто послалъ его? Чего онъ хотѣлъ? Онъ явился отъ имени народа, указалъ повелительнымъ жестомъ на Гревскую площадь и, загремѣвъ по паркету прикладомъ своего ружья, потребовалъ признанія права на трудъ.

Я долженъ признаться, что угрожающая форма этого требованія пробудила во мнѣ невольное чувство задѣтой гордости; но, побѣдивъ сейчасъ же это движеніе, несправедливое по отношенію къ человѣку, который требовалъ своего права, я въ сущности обрадовался тому, что давленіе, за которое я не былъ отвѣтственъ, ускоряло осуществленіе самаго дорогого изъ моихъ желаній. Г. де Ламартинъ, мало знако-

мый съ политической экономіей и котораго запугали новыми идеями, какъ стращаютъ дѣтей какимъ-нибудь фантастическимъ наказаніемъ, подошелъ, съ ласковымъ видомъ, къ пришельцу и сталъ оплетать его извивами своего неизсякаемаго краснорѣчія. Маршъ,—такъ назывался рабочій,—уставилъ въ теченіе нѣкотораго времени на оратора взглядъ, выражавшій умъ и нетерпѣніе; потомъ, сопровождая звукъ своего голоса вторымъ ударомъ мушкета объ полъ, разразился слѣдующими словами: „довольно эдакихъ фразъ!“ Я поспѣшилъ вмѣшаться. Я привлекъ Марша въ амбразуру окна и написалъ передъ нимъ слѣдующій декретъ, къ которому Ледрю Ролленъ прибавилъ заключительный пунктъ:

„Временное Правительство Французской республики обязывается гарантировать рабочему средства существованія посредствомъ труда.

„Оно обязывается обезпечить трудъ за всѣми гражданами; оно признаетъ, что рабочіе должны вступать во взаимную ассоціацію, чтобы пользоваться продуктомъ своего труда.

„Временное Правительство возвращаетъ рабочимъ принадлежащій имъ милліонъ королевскаго оклада, срокъ уплаты котораго долженъ теперь наступить [1])“.

Лордъ Норменби разсказываетъ по этому поводу слѣдующее:

„Когда первая буйная депутація пришла въ Ратушу, требуя права на трудъ и обезпеченной работы, самъ Луи-Бланъ постарался вернуть ее на правый путь.

— Хорошо же!—сказалъ онъ съ полнымъ спокойствіемъ,— вы рабочій?

— Да, милостивый государь, я рабочій,—мы всѣ рабочіе.

— Подите же сюда, вы, знающій больше нашего; садитесь сюда, рядомъ съ нами, и напишите, какъ это сдѣлать.

Рабочій показался смущеннымъ и сталъ чесать себѣ лобъ.

---

[1]) См. „le Moniteur“ отъ 26-го февраля 1848 года. Разсказъ объ этой сценѣ въ „Исторіи февральской революціи“ г-на Гарнье Пажеса содержитъ нѣсколько неточностей. Я упомяну лишь объ одной, потому что она касается принципіальнаго вопроса. Г. Гарнье Пажесъ выставляетъ меня сторонникомъ *принудительной* ассоціаціи рабочихъ. Его воспоминанія не обманули бы его до такой степени, если бы ему случалось читать меня...

— Да вѣдь я не умѣю писать.

— Ничего не значитъ. Я буду вашимъ секретаремъ, диктуйте. Какимъ образомъ это сдѣлать, по-вашему?

— Чтобы работа была обезпечена всѣмъ!

— Хорошо.—Это я написалъ.

— Во 2-хъ Чтобы за работу платили.

— Хорошо!

— Въ 3-хъ (*Продолжительная пауза*). Но... Какъ это устроить... но... право, не знаю!

При этомъ, всѣ другіе рабочіе расхохотались.

Луи-Бланъ воспользовался этимъ благопріятнымъ моментомъ, чтобы прибавить:

— Вы видите, друзья мои, это вещи, требующія размышленія. Постарайтесь же не нарушать порядка, который есть лучшая гарантія труда, а что касается до остального, то положитесь на насъ, которымъ дороги ваши интересы.

Затѣмъ депутація удалилась въ прекрасномъ расположеніи духа“ [1]).

Если тономъ своего разсказа и нѣкоторыми украшеніями, честь за которыя, какъ я по совѣсти долженъ это признать, принадлежитъ ему самому, лордъ Норменби хотѣлъ выставить въ смѣшномъ видѣ требованіе права на трудъ и зачислить меня въ ряды людей, отказывающихъ съ глупымъ самомнѣніемъ народу во всякомъ пониманіи собственныхъ интересовъ, то я долженъ сказать, что Его Сіятельство вовсе не достигъ цѣли. Я дѣйствительно помню, что, когда одинъ человѣкъ изъ народа сталъ повелительнымъ тономъ требовать немедленнаго разрѣшенія, въ назначенный часъ, самаго труднаго вопроса новѣйшихъ временъ, и всѣ его товарищи единогласно высказали ему неодобреніе, то я прибѣгнулъ, чтобы показать ему всю неразумность его требованій, къ способу, о которомъ упоминаетъ лордъ Норменби; но я постарался избѣжать всего, что въ вышеприведенномъ разсказѣ имѣетъ характеръ урока, унижаю-

---

[2]) A Jear of Revolution in Paris, т. I, стр. 167, 168.

щаго того, кто получаетъ его, и лордъ Норменби можетъ быть увѣренъ, что, если бы я нарушилъ, въ какой бы то ни было степени, тѣ правила приличія и деликатности, которыя такъ живо чувствуетъ парижскій народъ, то присутствовавшіе при этой сценѣ рабочіе не поспѣшили бы стать на мою сторону, противъ своего товарища.

И затѣмъ, что доказываетъ въ концѣ концовъ этотъ фактъ, какъ не здравый смыслъ этого самаго народа, къ которому благородный маркизъ относится съ такимъ пренебреженіемъ? Нѣтъ и нѣтъ, оффиціальное признаніе права на трудъ не было понято рабочими, какъ обязательство, взятое на себя Временнымъ Правительствомъ, осуществить это право въ назначенный моментъ и сразу. Соединеніе законнаго нетерпѣнія и мужественной покорности судьбѣ, составлявшее сущность ихъ чувствъ, было выражено ими въ энергической формулѣ: „Мы предоставляемъ три мѣсяца нищеты къ услугамъ республики“. Это значило сказать правительству, что улучшеніе положенія страждущихъ классовъ должно было стать его самой неотложной заботой.

И въ этомъ состояла, на мой взглядъ, вся важность вышеприведеннаго декрета. Я понималъ, до какой степени онъ обязывалъ правительство; я зналъ хорошо, что онъ могъ быть примѣненъ, лишь посредствомъ соціальной реформы, имѣющей основой ассоціацію, а дальнѣйшей цѣлью—уничтоженіе пролетаріата. Но я именно хотѣлъ, чтобы правительство было связано торжественнымъ обѣщаніемъ и принуждено было, такимъ образомъ, дѣятельно приняться за работу.

Такъ какъ декретъ 26-го февраля далъ поводъ ко множеству страстныхъ нападокъ, въ особенности въ Англіи, то я поручу его защиту человѣку, котораго англичане давно привыкли чтить, умъ и сердце котораго не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію,—человѣку безусловно являющемуся первымъ экономистомъ нашего времени,—г-ну Джону Стюарту Миллю.

„Странно“, говоритъ онъ, „что этотъ актъ Временнаго Правительства встрѣтилъ наиболѣе язвительныхъ критиковъ среди жур-

палистовъ, которые не перестаютъ восхищаться „закономъ о бѣдныхъ“ королевы Елисаветы; и нельзя понять, почему одни и тѣ же лица объявляютъ столь дурнымъ для Франціи то, что они такъ одобряютъ, по отношенію къ Англіи и Ирландіи; ибо право на трудъ—это есть елисаветинскій законъ о бѣдныхъ и ничего болѣе. Обезпеченіе пособія тому, кто не можетъ работать, и труда за тѣмъ, кто можетъ работать, таковъ актъ Елисаветы и таково обѣщаніе, данное Франціи Временнымъ Правительствомъ, за которое такъ обвиняютъ послѣднее.

Не только Временное Правительство не предложило ничего такого, чего бы не было въ актѣ Елисаветы, но оно сдѣлало это предложеніе въ гораздо лучшей формѣ и при лучшихъ условіяхъ. Въ англійской приходской системѣ законъ даетъ каждому бѣдному право требовать, индивидуально для самого себя, или работы или пособія безъ работы. Временное правительство не имѣло въ виду признать подобное право; оно не думало подавать милостыню отдѣльнымъ лицамъ; его вмѣшательство должно было проявляться лишь на общемъ рынкѣ труда; планъ его состоялъ въ томъ, чтобы создать тамъ, гдѣ работы очевидно не хватало, нужное количество производительныхъ занятій, съ помощью фондовъ, ссуженныхъ государствомъ. Но не дѣломъ государства было искать работы для Ивана или для Петра. Въ системѣ Временнаго Правительства, государство оставляло за собой право выбора рабочихъ, къ услугамъ которыхъ оно обращалось. Оно не освобождало никого отъ необходимости добывать себѣ средства существованія собственными усиліями; оно лишь принимало мѣры, чтобы не было недостатка въ работѣ. Излишнимъ было бы сказать, что вмѣшательство правительства, въ пользу рабочихъ, разсматриваемыхъ, какъ коллективное цѣлое, представляетъ безконечно менѣе неудобствъ, чѣмъ это приходское вмѣшательство, состоящее въ доставленіи занятія всякому здоровому индивидууму, недостаточно честному или недостаточно дѣятельному, чтобы найти ее самому.

Право на трудъ, какъ его поняло Временное Правительство не напрашивается на возраженія, которыя вызываетъ противъ себя

законъ о бѣдныхъ. Оно наталкивается лишь на самое основное изъ возраженій, на то, которое относится къ закону о населеніи. Но, если этого не считать, то противъ этой мѣры нельзя возразить ничего. Съ точки зрѣнія того, кто не принимаетъ въ разсчетъ закона о населеніи, право на трудъ должно быть самой несомнѣнной изъ нравственныхъ истинъ, а признаніе этого права— самымъ священнымъ изъ политическихъ обязательствъ.

Временное Правительство думало, какъ должны думать всѣ люди съ возвышеннымъ умомъ и съ неэгоистическимъ сердцемъ, что земля принадлежитъ прежде всего человѣческимъ существамъ, которыя ее населяютъ; что всякій, кто работаетъ надъ полезнымъ предметомъ, долженъ быть накормленъ и одѣтъ прежде, чѣмъ люди, могущіе работать, получатъ хлѣбъ за свою лѣность. Это— нравственная аксіома. Но нельзя руководиться какимъ-нибудь принципомъ, не принимая во вниманіе другихъ принциповъ, связанное съ нимъ Временное Правительство не замѣтило, — но многіе ли изъ его критиковъ это замѣтили?—что, если каждый членъ великой человѣческой семьи имѣетъ право на мѣсто на пиру, приготовленномъ коллективными усиліями всего его рода, то отсюда не слѣдуетъ, что каждый имѣетъ право, не заручившись согласіемъ своихъ братьевъ, приглашать на этотъ пиръ сверхкомплектныхъ сотрапезниковъ. Если нѣкоторые поступаютъ такимъ образомъ, то изъ ихъ то доли и слѣдуетъ брать то, что нужно вновь пришедшимъ. Конечно, есть достаточно—и болѣе чѣмъ достаточно—благъ для всѣхъ *родившихся*; но этихъ благъ не хватаетъ и не можетъ хватать для всѣхъ *могущихъ родиться*; и если бы за каждымъ индивидуумомъ, являющимся на свѣтъ Божій, признавали абсолютное право протягивать руку къ общему достоянію, то вскорѣ каждый имѣлъ бы лишь то, что абсолютно необходимо для существованія, и даже въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ средства не замедлили бы изсякнуть. Такимъ образомъ, право на трудъ, осуществленное сообразно со смысломъ обѣщанія, которое оно въ себѣ заключаетъ, было бы роковымъ подаркомъ для тѣхъ самыхъ, кому оно должно было помочь, исключая того

случая, когда ростъ населенія пріостановился бы, соотвѣтственно увеличенію потребленія.

Дѣло въ томъ, что Временное Правительство было право, и что правы также осуждающіе его. Половина истины находится на одной сторонѣ, а другая половина—на другой сторонѣ. Эти двѣ половины когда-нибудь соединятся въ одно цѣлое. Можетъ быть, практическій результатъ истины въ ея цѣломъ будетъ тотъ, что всѣ живущія лица гарантируютъ другъ другу, посредствомъ своего общаго представителя—государства, возможность жить, работая, но зато откажутся отъ права производить потомство, по своему желанію и безъ ограниченій: въ такомъ случаѣ, и богатые и бѣдные должны будутъ одинаково подчиниться правиламъ, предписываемымъ соціальнымъ интересомъ. Но, прежде чѣмъ подобное рѣшеніе вопроса перестанетъ казаться фантастическимъ, нужно, чтобы произошелъ почти полный переворотъ въ идеяхъ и чувствахъ человѣческаго рода [1]).

Вотъ, въ какомъ освѣщеніи вопросъ о правѣ на трудъ является одному изъ наиболѣе выдающихся умовъ современной Англіи. Читатель видитъ, что единственное возраженіе, которое Стюартъ Милль направляетъ противъ права на трудъ, заимствовано изъ соображеній, касающихся чрезмѣрнаго увеличенія населенія, увеличенія, которое, по мнѣнію этого мыслителя, было бы очень опасно поощрять. Мы замѣтимъ г-ну Джону Стюарту Миллю, при всемъ нашемъ уваженіи къ его высокому уму, что правила, принятыя во французской семейной жизни, значительно ослабляютъ это возраженіе. Во Франціи, для того, чтобы гарантировать трапезу соціальнаго пира противъ раззорительнаго нашествія сверхкомплектныхъ гостей, нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ запретительнымъ законамъ. Въ моей странѣ чрезмѣрному размноженію населенія препятствуетъ здравый смыслъ и предусмотрительность каждаго отца семейства, пользующагося благосостояніемъ. Среди отцовъ семейства мало найдется такихъ, которые не сообразуютъ числа

[2]) Защита революціи 1848 года, въ отвѣтъ лорду Бруму и др. „Westminster and Quarterly Review“, for April 1849, стр. 31—33.

своихъ дѣтей съ размѣрами своихъ доходовъ, чтобы сначала имѣть возможность ихъ воспитать и чтобы затѣмъ доставить имъ независимое положеніе. Статистическое описаніе Франціи недавно показало, что ростъ французскаго населенія не только не внушаетъ опасенія своей быстротой, но почти остановился. Если существуетъ избытокъ рождаемости, могущій вызвать безпокойство, то это именно въ классѣ людей бѣдныхъ и неимѣющихъ занятія: отсюда наше французское слово: *пролетаріи*. Почему же это? Потому что тотъ, кто не имѣетъ власти надъ настоящимъ, не заботится о будущемъ; потому что слова: бѣдность и предусмотрительность противорѣчатъ одно другому; потому что культъ грубой чувственности есть логическій результатъ положенія, непредставляющаго другихъ источниковъ радости; наконецъ, потому что бѣднякъ, привыкшій жить изо дня въ день, естественнымъ образомъ приходитъ къ тому, что, какъ по отношенію къ самому себѣ, такъ и по отношенію къ своимъ дѣтямъ, полагается на „*милость Божію*"! Отсюда слѣдуетъ, что безработица, увеличивая бѣдность, ведетъ къ увеличенію населенія, между тѣмъ какъ право на трудъ, провозглашенное искреннимъ образомъ и благоразумно примѣненное, имѣло бы практическимъ послѣдствіемъ ограниченіе этого слѣпого размноженія рода, которое проистекаетъ отъ совмѣстнаго дѣйствія невѣжества, безпечности и вынужденной праздности.

Какъ бы то ни было, людямъ предавшимъ анаѳемѣ право на трудъ, не мѣшало-бы поразмыслить надъ сравненіемъ, проведеннымъ въ статьѣ Джона Стюарта Милля, между этой мѣрой, подвергавшейся столь ожесточеннымъ нападкамъ и Елисаветинскимъ закономъ о бѣдныхъ. Пусть не забываютъ они, въ особенности, этихъ замѣчательныхъ словъ: „Съ точки зрѣнія того, кто не принимаетъ въ разсчетъ закона о населеніи, право на трудъ должно быть *самой несомнѣнной изъ истинъ, самымъ священнымъ изъ политическихъ обязательствъ*". Если теперь мы разсмотримъ само по себѣ требованіе, о которомъ идетъ рѣчь, то не показываетъ ли оно значительную возвышенность чувствъ, со сто-

роны народа? Онъ былъ тогда хозяиномъ Парижа и сейчасъ же послѣ революціи, доставившей ему верховную власть, чего онъ потребовалъ? хлѣба и зрѣлищъ, panem et circenses? Отнюдь нѣтъ, но *хлѣба, заработаннаго трудомъ*. Много ли это? Ничто не свидѣтельствуетъ болѣе поразительнымъ образомъ, въ пользу историческаго прогресса, какъ это возвышенное настроеніе души парижскаго народа, среди бурныхъ событій, которыя мы здѣсь разсматриваемъ.

Послѣ провозглашенія принципа оставалось оживотворить его немедленнымъ созданіемъ министерства, которое спеціально занялось бы осуществленіемъ даннаго обѣщанія. Народъ именно этого и хотѣлъ.

28-го февраля происходило засѣданіе Совѣта. Вдругъ изъ оконъ ратуши мы увидѣли, какъ народъ наводнилъ Гревскую площадь и расположился тамъ, такъ сказать, въ боевомъ порядкѣ. Надъ тѣснившимися головами развѣвались многочисленныя знамена, на которыхъ были написаны слова: *Министерство Труда!—Организація Труда!* Почти въ ту же минуту намъ доложили о явившейся въ ратушу народной депутаціи. Нужно было принять рѣшеніе. Я, не колеблясь, высказался въ пользу того, чтобы народное требованіе было исполнено. Революція имѣла соціальный смыслъ. Зачѣмъ медлить ея опредѣленіемъ? Революція показала, кто истинный властитель страны, и этотъ властитель оставался рабомъ, такъ какъ онъ былъ пролетаріемъ. Почему не признать сейчасъ же существованіе этого мучительнаго противорѣчія? Создать министерство, которое занялось бы будущимъ строемъ, замѣнить братской организаціей труда анархію, которая подъ своими многообразными безпорядочными формами скрываетъ угнетенное положеніе массъ и лицемѣрно украшаетъ ихъ рабство гербами свободы,—вотъ, что нужно было сдѣлать.

Эти заключенія встрѣтили въ г-нѣ де Ламартинѣ горячаго противника. Онъ заявилъ, что мы—не учредительная власть, что мы не имѣли права, относительно столь важныхъ пунктовъ, заранѣе связывать свободу рѣшеній будущаго собранія; что онъ не видитъ

необходимости предлагаемаго министерства, а что касается до такъ называемой „организаціи труда“, то онъ никогда не понималъ ея и никогда не пойметъ.

Большинство стало аплодировать, и я сейчасъ же возвѣстилъ свою отставку, потому что, по моему мнѣнію, участвовать въ правительствѣ, не будучи представителемъ своихъ собственныхъ идей, есть худшее изъ униженій, а желать власти ради самой власти значитъ быть послѣднимъ изъ людей.

Моя отставка была съ живостью отвергнута. А такъ какъ я настаивалъ на своемъ рѣшеніи, то мнѣ предложили президентскую должность въ комиссіи, которая должна была разрабатывать и обсуждать соціальные вопросы въ ожиданіи созыва національнаго собранія.

Такимъ образомъ, вмѣсто министерства, имѣющаго подъ рукой свое бюро, своихъ агентовъ, бюджетъ, административный механизмъ, дѣйствительную власть, средства для *дѣйствія*, мнѣ предлагали... что? Открытіе бурной школы, гдѣ я долженъ былъ читать курсъ о голодѣ передъ голоднымъ народомъ! Нужно ли говорить, съ какой энергіей я отвергъ это полное опасностей предложеніе? Тогда, взволнованнымъ голосомъ, г-нъ Франсуа Араго сталъ умолять меня не настаивать на отказѣ, который повлекъ бы за собой возстаніе Парижа. Онъ сослался въ спорѣ со мною на авторитетъ своего преклоннаго возраста. Онъ затронулъ въ моемъ сердцѣ всѣ силы старой и постоянной привязанности. Онъ заявилъ свою готовность засѣдать въ комиссіи и засѣдать тамъ, въ качествѣ вице-президента. Я любилъ г-на Франсуа Араго, я его уважалъ; его искренность никогда не вызывала и теперь не вызываетъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія; безкорыстіе его предложенія одновременно затрудняло и трогало меня... Но, въ подобныя минуты, лишь въ самомъ себѣ слѣдуетъ искать совѣта и указанія. Жестокая альтернатива!

Если я уступлю, то у меня на рукахъ окажется страждущая масса, охваченная нетерпѣливыми желаніями, повелительная, самодержавная, несдерживаемая никакой властью, кромѣ власти слова; я возьму значитъ на себя, въ самой тягостной формѣ, отвѣтствен-

ность эи положеніе, надъ которымъ мнѣ не давали средствъ господствовать. Я явлюсь предметомъ недовѣрія, а затѣмъ гнѣва, со стороны народа, справедливо раздраженнаго ожиданіемъ; я подвергну идеи, которыя считаю истинными, опасности быть дискредитированными, вслѣдствіе невозможности ихъ примѣнить; кто знаетъ! Передомною, можетъ быть, разверзается бездна.

Если я не возьму моего рѣшенія назадъ, то могу ли я отвѣчать за послѣдствія? Если произойдетъ расколъ въ правительствѣ при подобныхъ обстоятельствахъ и по такой причинѣ, то не будетъ ли это сигналомъ къ народному возстанію? Не рискуетъ ли республика среди гражданской войны, обезумѣть или погибнуть? И разъ, по роковой случайности, я долженъ былъ избрать одну изъ двухъ отвѣтственностей, страшныхъ какъ та такъ и другая, то не лучше ли предпочесть ту, которая мнѣ не казалась кровавой?

Таковы различныя мысли, которыя мучили мой умъ, втеченіе этихъ ужасныхъ часовъ!

Съ другой стороны, я помнилъ знаменитыя слова: *Mens agitat molem*; я говорилъ себѣ, что несравненный случай представлялся соціализму имѣть въ своемъ распоряженіи трибуну, съ которой онъ могъ обратиться съ рѣчью ко всей Европѣ; что не слѣдуетъ пренебрегать пропагандой, въ пользу великой идеи, съ высоты виднаго положенія; и что большой силой была возможность подвергнуть обсужденію, передъ громадной толпой, царство зла. Что за бѣда въ концѣ концовъ, если будетъ опрокинутъ,—растоптанъ ногами одинъ человѣкъ, если дѣло его не умретъ, если борозда будетъ проведена? Эти послѣднія соображенія меня убѣдили. Было сейчасъ же рѣшено, что будетъ организована правительственная комиссія по рабочему вопросу, что Альберъ будетъ ея вице-президентомъ, и что она будетъ засѣдать въ Люксембургскомъ дворцѣ. Депутацію впустили къ намъ.

Рабочій механикъ, съ холодными и рѣшительными манерами, со строгимъ лицомъ выступилъ впередъ, держа въ рукѣ бумагу и прочелъ петицію, требовавшую созданія министерства труда. Я не могъ отвѣчать по совѣсти, не разоблачая преній, которыя передъ

тѣмъ происходили и не измѣняя своимъ товарищамъ. Говорить сталъ г. Ламартинъ. Въ то время, какъ онъ говорилъ, недоумѣніе отражалось на лицѣ народныхъ делегатовъ. Они вопросительно смотрѣли на меня и, какъ-бы прочитавъ то, что происходило въ глубинѣ моей души, молча удалились.

Я составилъ слѣдующій декретъ, который „Moniteur" напечаталъ на другой день за подписью всѣхъ членовъ Временнаго Правительства:

„Принимая во вниманіе, что революція, совершенная народомъ, должна быть совершена для него;

„Что пора положить конецъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ работниковъ;

„Что рабочій вопросъ—вопросъ наиболѣе важный изъ всѣхъ;

„Что нѣтъ вопроса болѣе высокаго и болѣе достойнаго заботъ республиканскаго правительства; что, въ особенности, Франціи надлежитъ со страстью заняться изученіемъ и разрѣшеніемъ задачи, поставленной теперь передъ всѣми индустріальными націями Европы;

„Что нужно безъ малѣйшаго замедленія принять мѣры, необходимыя для того, чтобы гарантировать народу законные плоды его труда;

„Временное Правительство республики постановляетъ:

„Будетъ назначена постоянная комиссія, которая будетъ называться *Правительственной комиссіей о рабочихъ*, со спеціальной и опредѣленной миссіей заниматься ихъ положеніемъ.

„Чтобы показать, какое значеніе Временное Правительство придаетъ рѣшенію этой великой задачи, оно назначаетъ президентомъ *Правительственной комиссіи о рабочихъ* одного изъ своихъ членовъ, г-на Луи Блана, а вице-президентомъ—другого своего члена, г-на Альбера, рабочаго.

„Рабочіе будутъ призваны участвовать въ комиссіи.

„Комиссія будетъ засѣдать въ Люксембургскомъ дворцѣ".

Этотъ декретъ, конечно, не могъ отвѣчать желаніямъ, пробужденнымъ революціей. Тѣмъ не менѣе, онъ открывалъ имъ выходъ. Онъ въ первый разъ призывалъ народъ къ публичному обсужденію

своихъ интересовъ; онъ дѣлалъ изъ рѣшенія вопроса объ *уничтоженіи пролетаріата* главную задачу нашего времени; изъ числа вопросовъ, заслуживающихъ вниманія республиканскаго правительства, онъ ставилъ на первый планъ рабочій вопросъ. Вотъ, какимъ образомъ „Moniteur" разсказываетъ о сообщеніи этого декрета народу:

„Многочисленныя корпораціи рабочихъ со знаменами, образуя толпу въ пять или шесть тысячъ человѣкъ, явились сегодня въ 3 часа по полудни на площадь ратуши, съ требованіемъ учрежденія *Министерства Труда и Прогресса.* Принявъ нѣсколько депутацій, Временное Правительство, въ лицѣ господъ Араго, Луи-Блана, Мори, Бетмона, спустилось на Гревскую площадь, къ рабочимъ. Въ различныхъ группахъ Араго произнесъ нѣсколько рѣчей, вызывая вездѣ своимъ появленіемъ самыя горячія привѣтствія. Затѣмъ Луи Бланъ обратился къ народу, съ рѣчью, и возвѣстилъ ему учрежденіе *Правительственной комиссіи о рабочихъ*, которая завтра же должна будетъ собраться въ Люксембургскомъ дворцѣ и немедленно начать свои труды, при содѣйствіи всѣхъ компетентныхъ лицъ и, главнымъ образомъ, рабочихъ, выбранныхъ своими товарищами. Луи Бланъ сказалъ, что сила Временнаго Правительства въ довѣріи народа, а сила народа—въ его умѣренности; что нужно, чтобы его твердость подѣйствовала на недоброжелателей и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ его спокойствіе позволило Временному Правительству вполнѣ свободно обсуждать вопросы. Оживленнѣйшіе аплодисменты встрѣтили эти слова, и г-на Луи Блана, который, по причинѣ своего маленькаго роста, былъ скрытъ отъ глазъ толпы, двое рабочихъ посадили на свои плечи и обнесли вокругъ площади, среди привѣтственныхъ возгласовъ" [1]).

Увы! при видѣ этихъ порывовъ наивнаго и горячаго энтузіазма, я чувствовалъ, что мое сердце разрывается. Я съ тайнымъ страхомъ, спрашивалъ себя смогу ли оплатить истинными

---

[2]) См. „le Moniteur" отъ 1-го марта 1848 года.

услугами долгъ, который налагало на меня выраженіе народной симпатіи. Цѣлый міръ мрачныхъ предвидѣній вставалъ въ моей мысли. Зловѣщимъ предзнаменованіемъ былъ страхъ, выраженный большинствомъ Совѣта, при одной мысли о началѣ соціальнаго обновленія! Будетъ ли намъ возможно дѣйствовать совмѣстно?.. А если нѣтъ, то какая роковая развязка готовится!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Люксембургскій дворецъ.—Соціализмъ въ теоріи.

У герцога Деказа.—Рабочіе въ креслахъ пэровъ Франціи.—Альберъ.—Его прошлое.—Его поведеніе среди Совѣта.—Его преданность дѣлу и самоотверженіе.—Мои предчувствія, при вступленіи въ Люксембургскій дворецъ.—Критическое состояніе промышленности и производства во Франціи, въ моментъ паденія Луи-Филиппа.—Фабриканты сами требуютъ оффиціальнаго изслѣдованія рабочаго вопроса.—Революція 48-го года и промышленный кризисъ.—Работа соціалистовъ, предшествовавшая этой революціи и остававшаяся неизвѣстной государственнымъ людямъ монархіи.—Открытіе правительственной комиссіи рабочихъ.—Прокламація къ рабочимъ.—Доктрины, предлагаемыя, какъ дальнѣйшая цѣль; переходныя мѣры.—Привлекательный трудъ.—Примѣръ результатовъ, которыхъ можно отъ него ожидать.—Птибургская колонія.—Пропорціональное равенство: другой примѣръ.—Опредѣленіе соціальной свободы г-номъ Пьеромъ.—Заключеніе, которое можно оттуда извлечь.—Эмансипація труда, приготовленная государственнымъ вмѣшательствомъ.—На первыхъ порахъ,—солидарность между мастерскими одной и той же индустріи, затѣмъ,—солидарность между всѣми индустріями.—Проектъ закона въ этомъ духѣ, предъявленный Люксембургской комиссіи.—Мнѣніе г-на Джона Стюарта Милля.

Кончивъ коллежъ, я былъ почти ребенкомъ; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ, очень тяжелыхъ, очень стѣсненныхъ, я долженъ былъ стараться собственными усиліями завоевать себѣ мѣсто въ жизни. Въ числѣ друзей моей матери былъ человѣкъ съ большими достоинствами, г-нъ Фложергъ, тотъ самый, который, въ качествѣ вице-президента Законодательнаго корпуса, въ эпоху агоніи первой имперіи, произнесъ, при извѣстіи о Ватерлооскомъ пораженіи, слѣдующія прекрасныя слова: „Господа, прошу васъ оставаться спокойными. Послѣ битвы при Каннахъ, волненіе охватило Римъ, но въ сенатѣ царило спокойствіе“. У г-на Фложерга были очень либеральные взгляды,

а характеръ независимъ и гордъ; поэтому, онъ имѣлъ мало вліянія въ министерскихъ салонахъ. Но я зналъ, что онъ близокъ съ г-мъ Деказомъ, главнымъ референдаріемъ Палаты пэровъ, и я къ нему обратился. Я сохранилъ яркое воспоминаніе о томъ, что тогда произошло. Въ одно прекрасное утро, г-нъ Фложергъ ведетъ меня въ Люксембургскій дворецъ. О немъ докладываютъ. Герцогъ, сидя въ своей постели, помню, читалъ газету „le Constitutionnel“. Г-нъ Фложергъ послѣ обычныхъ формальностей, рекомендуетъ меня благосклонности главнаго референдарія. Этотъ послѣдній, медленно оборачиваясь ко мнѣ и хлопая меня по щекѣ покровительственнымъ жестомъ, сказалъ: „Ладно, посмотримъ, что можно сдѣлать для этого мальчика“. Я вышелъ и больше его уже не видалъ. Странная насмѣшка судьбы! 1-го марта 1848 года, этому мальчику привелось лечь въ постель, въ которой онъ видѣлъ герцога нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и которую герцогъ только что оставилъ [1]). Но если ужъ дѣлать сопоставленія, то насколько болѣе удивительно зрѣлище собранія блузниковъ — рабочихъ, пришедшихъ засѣдать въ роскошномъ дворцѣ Маріи Медичи и въ той самой залѣ, гдѣ имѣли обыкновеніе собираться пэры Франціи! Когда я отправился въ Люксембургскій дворецъ, назначенный мнѣ резиденціей, меня сопровождалъ Альберъ, въ качествѣ вице-президента Правительственной комиссіи о рабочихъ. До сихъ поръ, я почти не говорилъ объ Альберѣ. На слѣдующій день послѣ февральской бури, въ числѣ лицъ, окружавшихъ столъ Совѣта, я замѣтилъ одно, которое видѣлъ тогда въ первый разъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ блѣднымъ лицомъ и правильными чертами, съ физіономіей строгой, но выражавшей большое прямодушіе. Рабочій, онъ жилъ до тѣхъ поръ лишь въ мірѣ рабочихъ. Его манера держать себя поразила меня. Брошенный внезапно въ об-

---

[1]) Этотъ фактъ, вѣроятно, послужилъ точкой отправленія нелѣпой легенды о томъ, какъ г. Поццо-ди-Борго представилъ меня герцогинѣ Дино. Это чистая сказка. Я никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ герцогиней Дино. Я никогда ея не видалъ.

щество такихъ людей, какъ Араго или какъ Ламартинъ, отличавшійся утонченной элегантностью обращенія, Альберъ не казался ни ослѣпленнымъ, ни смущеннымъ, и его скромность подчеркивала достоинство его манеръ. Во время преній, онъ молчалъ, прислушиваясь со страстнымъ вниманіемъ къ каждому нашему слову и направляя на каждаго изъ насъ поочередно взглядъ, который проникалъ въ глубину нашихъ мыслей. При выходѣ изъ залы Совѣта, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Я вижу, что вы дѣйствительно любите народъ". Онъ протянулъ мнѣ сердечно руку, и мы стали друзьями.

Альберъ былъ недюжиннымъ человѣкомъ. Поглощенный съ самаго дѣтства чисто ручнымъ трудомъ, онъ не могъ посвятить много времени своему образованію; но я скоро замѣтилъ, что у него былъ живой умъ, трезвое сужденіе и здравый смыслъ, съ которыми ничего не могли подѣлать ни самыя блестящія видимости, ни ухищренія утонченнѣйшаго краснорѣчія. Онъ говорилъ мало, но всегда кстати. Преданность его, по отношенію ко мнѣ, имѣла, такъ сказать, героическій характеръ. Какъ онъ старался держаться не на первомъ планѣ! Съ какимъ великодушнымъ рвеніемъ онъ старался употребить свое вліяніе въ мою пользу, всегда готовый, въ мое отсутствіе, или приписать мнѣ всю заслугу какой нибудь мѣры, произведшей хорошее впечатлѣніе, или же взять на себя исключительную отвѣтственность за всякое рѣшеніе, которое можно было или плохо понять или осудить! И это самоотверженіе было тѣмъ прекраснѣе, что оно проистекало изъ безграничной привязанности къ тому дѣлу, которому я служилъ, и которое онъ считалъ правымъ. Поэтому, я скажу безъ всякой аффектаціи и платя ему этимъ лишь дань справедливости, что въ Люксембургскомъ дворцѣ наиболѣе прекрасную роль сыгралъ онъ.

Я имѣлъ уже случай описать впечатлѣніе, испытанное мною при входѣ въ опустѣвшій Люксембургскій дворецъ. Печальны и нѣмы были эти обширныя залы, гдѣ сѣдовласую аристократію долженъ былъ замѣнить одѣтый въ лохмотья народъ. Когда я въ

первый разъ прошелъ черезъ нихъ среди торжественной ночной тишины, мнѣ показалось, что мои мысли, какъ блѣдные призраки, встали вокругъ меня. Я съ горечью почувствовалъ, что на непротоптанномъ и темномъ пути, на который я вступалъ, мнѣ придется не разъ наступить на уснувшую гадюку. Ожидавшія меня клеветы какъ-бы облачались въ тѣлесный образъ: я ихъ видѣлъ, я ихъ осязалъ. Нѣтъ, мое сердце не волновалось бы такъ сильно, даже еслибы самъ Фаустъ былъ тамъ и шепталъ мнѣ на ухо эти страшныя слова:

„Всегда распинали и сжигали тѣхъ немногихъ, которые знали кое что о мірѣ и были настолько неблагоразумны, что не оберегали своего переполненнаго сердца и открывали толпѣ свои чувства, свои видѣнія...“ [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было найти болѣе подходящее условіе для осуществленія этой угрозы, какъ самый характеръ идей, которыя я собирался провозгласить? Продолжить новый путь въ области, находившейся выше, гораздо выше партійной сферы;— отдать себя на съѣденіе злобѣ всѣхъ ослѣпленныхъ клевретовъ стараго соціальнаго строя, называя бѣдностьея настоящимъ именемъ— рабствомъ; — противопоставить преимущества системы ассоціаціи, постепенно осуществленной на практикѣ, бѣдствіямъ конкурренціи, которая дѣлаетъ изъ поприща промышленности настоящее поле битвы, и, такимъ образомъ, навсегда разъярить противъ меня всѣхъ тѣхъ, чье благоденствіе построено на слезахъ и отчаяніи ближняго; вызвать на бой всѣхъ владѣльцевъ письменной гласности, всѣхъ раздавателей славы, всѣхъ мастеровъ, по части произведенія шума, и все это, не имѣя иного средства защиты, кромѣ временныхъ симпатій, со стороны людей необразованныхъ, слабыхъ, бѣдныхъ, кромѣ ихъ привѣтственныхъ кликовъ, за которыми должно было послѣдовать долгое молчаніе; затѣмъ, что хуже всего, быть

---

[1]) Die Wenigen, die was davon erkannt,
Die thöricht g'nug ihr volles Herz nicht wahrten,
Dem Pöbel ihr Gefühl, ihr Schauen offenbarten,
Hat man von je gekreuzigt und verbrannt.

Гёте. Фаустъ, I-я часть.

принужденнымъ предостерегать и удерживать отъ всякой безцѣльной агитаціи, отъ всякаго самоубійственнаго усилія тѣхъ, которыхъ испытанныя ими чрезмѣрныя страданія и несправедливости заставляютъ ждать борьбы съ нетерпѣніемъ, этихъ людей, подобныхъ мечамъ, которые бойцы ломаютъ послѣ сѣчи, или окровавленнымъ игральнымъ костямъ въ рукахъ лже-трибуновъ и честолюбцевъ. Да, я имѣю право сказать это: когда я рѣшилъ смѣло итти впередъ, меня не обманывала никакая иллюзія. Я зналъ, что общество, давно погрязшее въ порокахъ, не позволитъ безнаказанно критиковать себя; я зналъ, что больной, незнающій своей болѣзни и нехотящій ей вѣрить, раздражается противъ того, кто ему о ней говоритъ; и когда судьба меня раздавила, я этому не удивился.

Прежде, чѣмъ перейти къ актамъ Люксембургской комиссіи, я изложу въ нѣсколькихъ словахъ обстоятельства, сдѣлавшія необходимымъ оффиціальное разслѣдованіе рабочаго вопроса.

Задолго до февральской революціи, зло, коренившееся въ глубинахъ общества, разъѣдало во Франціи промышленность и требовало радикальнаго лѣкарства. Обнаруживъ непобѣдимую настойчивость, покоривъ море, захвативъ отдаленные рынки и, однимъ словомъ, завоевавъ міръ своей торговлей, почти столь же полнымъ образомъ, какъ Римъ завоевалъ его своими войсками, Англія смогла избавиться отъ опасностей конкурренціи; но во Франціи дѣйствіе этого принципа было стѣснено столь узкимъ кругомъ, что катастрофы должны были наступить неминуемо. Промышленный міръ сталъ боевымъ лагеремъ; индустрія—сраженіемъ не на животъ, а на смерть; производство—азартной игрой, въ которую играли авантюристы, съ лихорадочнымъ увлеченіемъ, отъ безработицы до банкротства; всѣ интересы сталкивались одинъ съ другимъ, а на фонѣ картины—изможденная толпа работниковъ, безъ хлѣба, на перебой предлагавшихъ свои руки и тщетно искавшихъ себѣ покупателей,—толпа, которая росла, какъ приливъ, готовый все затопить. Кто не помнитъ этого страшнаго девиза: *„Жить, работая, или умереть, сражаясь“*?

*

У меня въ рукахъ много писемъ, посланныхъ мнѣ различными фабрикантами послѣ моего назначенія въ Люксембургскую комиссію. Ничего нѣтъ болѣе трагическаго: одни предлагаютъ свои заведенія, которыя не могутъ болѣе держаться; другіе, предоставляя въ распоряженіе государства свои постройки, сырые матеріалы, машины, просятъ, взамѣнъ, лишь должности въ новой соціальной системѣ; и всѣ требуютъ государственнаго вмѣшательства, въ пользу промышленности, которая, по ихъ словамъ, должна умереть, если ее предоставить самой себѣ. Мало извѣстенъ тотъ фактъ, что идея о необходимости плана соціальной реформы была внушена настойчивыми просьбами не только со стороны рабочаго класса, но также и со стороны многихъ фабрикантовъ, пришедшихъ въ отчаяніе [1]).

Революція 1848 года не произвела промышленнаго кризиса: она его лишь обнаружила. Приписывать люксембургскимъ проповѣдямъ разстройство дѣлъ—это верхъ невѣжества и ребячества. Тѣ, которые приписываютъ соціальнымъ реформамъ, предложеннымъ, но еще неиспробованнымъ, затрудненія, порожденныя самымъ положеніемъ, вызвавшимъ мысль объ этихъ реформахъ, походятъ на больного, который, отвергнувъ совѣты медика, приписалъ бы имъ ухудшеніе своего состоянія.

Съ другой стороны, не нужно думать, что соціализмъ заро-

---

[1]) Вотъ тому любопытное доказательство 22-го марта 1848 года: я получилъ слѣдующее письмо:

Кабинетъ Оберъ-прокурора.

„Гражданинъ, членъ правительства,

г-нъ Л. — фабрикантъ въ М... и въ С...—проситъ меня обратить ваше особое вниманіе на прилагаемыя двѣ статьи, касающіеся порядка, установленнаго въ заведеніяхъ, и предложенія уступить правительству, въ обмѣнъ на трехпроцентную ренту, эти два заслуживающіе поддержки предпріятія въ городахъ С... и М... Опытъ, которымъ могла бы, такимъ образомъ, руководить ваша высокая мысль, далъ бы крайне важные практическіе результаты, и Франція осталась бы лишь въ выигрышѣ отъ этихъ образцовыхъ работъ, которыя открыли бы новый и болѣе вѣрный путь для организаціи труда.

Парижъ, 22-го марта 1848 года. Привѣтъ и братство. Авг. Порталисъ.

дился во время революціи 1848 года; она лишь дала ему видную сцену, но не была его колыбелью. Давно уже въ народѣ,—не сельскомъ, но городскомъ,—происходила подземная работа, которая ничѣмъ не заявляла о себѣ на парламентской трибунѣ и лишь слабо выражалась въ газетахъ и книгахъ. Въ то время, какъ тѣ, кого толпа считала великими людьми, удовлетворяли свое честолюбіе въ избирательной борьбѣ и наполняли міръ суетнымъ шумомъ, бѣдные рабочіе, которыхъ считали поглощенными заботами своего насущнаго труда, возносились изъ глубины своихъ мастерскихъ въ область вопросовъ, имѣющихъ безконечное значеніе, и жили въ мірѣ высокихъ помысловъ. Этому обществу, испорченному и больному, они готовили въ своихъ мечтахъ свѣтлое будущее. Они доискивались закона соціальныхъ измѣненій въ прошломъ, чтобы узнать, не предстоитъ ли цивилизаціи сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ; и, помня, что дѣти народа перестали быть рабами, а затѣмъ — крѣпостными, они, въ благородномъ порывѣ надежды, спрашивали себя, не перестанутъ ли дѣти народа быть пролетаріями, такъ какъ пролетаріатъ есть лишь послѣдняя форма рабства.

Но гдѣ найти средство освобожденія? Оно было указано нашему поколѣнію этой формулой, заключающей въ себѣ глубокій смыслъ: *свобода, равенство, братство*; нужно было лишь хорошо опредѣлить каждое слово этого прекраснаго девиза. Народный инстинктъ это почуялъ.

Народъ понялъ:

Что свобода есть не только *право*, но *возможность* для каждаго человѣка развивать свои способности, подъ управленіемъ справедливости и охраной закона;

Что различіе функцій и способностей есть для общества жизненная необходимость, и что равенство состоитъ въ томъ, чтобы всѣ имѣли возможность *одинаково* развивать свои *различныя* способности;

Что, наконецъ, братство есть лишь поэтическое выраженіе того состоянія солидарности, которое должно сдѣлать изъ всего общества одну большую семью.

Такимъ образомъ:

Не нужно индивидуализма, потому что онъ равносиленъ предоставленію бѣднаго, слабаго, невѣжественнаго на произволъ судьбы, потому что laisser passer значитъ—laisser mourir (т. е. полная свобода экономическихъ отношеній выражается въ свободѣ умирать).

Не нужно анархической конкурренціи, такъ какъ анархія есть лишь безпорядочный деспотизмъ, а борьба между слабымъ и сильнымъ ведетъ къ угнетенію.

Не нужно, чтобы дѣйствіями людей руководилъ яростный антагонизмъ интересовъ, потому что тамъ, гдѣ успѣхъ однихъ является разореніемъ другихъ, общество чревато гражданской войной.

Но эта умственная работа, совершавшаяся въ нѣдрахъ общества, оставалась неизвѣстной тѣмъ, кто жилъ на его вершинахъ. Такъ называемые государственные люди монархіи, такъ называемые ученые, въ области политики и законодательства, умѣлые финансисты, именитые промышленники не подозрѣвали, что подъ ихъ ногами былъ новый міръ. Долженъ былъ наступить моментъ, когда имъ предстояло внезапно пробудиться, при раскатахъ громового удара. Этотъ моментъ наступилъ и останется извѣстенъ въ исторіи, подъ названіемъ *Февральской соціальной революціи*. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что чисто политическая революція въ 1848 году была бы встрѣчена рабочимъ классомъ, какъ разочарованіе, и сцены, описанныя выше, достаточно показываютъ, къ какимъ страшнымъ результатамъ разочарованіе этого рода могло бы насъ привести.

Вотъ, при какихъ обстоятельствахъ была учреждена Правительственная комиссія о рабочихъ, и можно ли насъ обвинять въ томъ, что мы вздумали преобразовать общество *втеченіе одного дня* или что мы покусились на принципъ свободы, пытаясь навязать наши идеи *силой?*

Вотъ, отвѣтъ на это обвиненіе:

Едва водворившись въ Люксембургскомъ дворцѣ, мы, т. е.

Альберъ и я, обратились къ рабочимъ со слѣдующей прокламаціей:

„Граждане работники, Правительственная комиссія, учрежденная для того, чтобы подготовлять рѣшеніе великихъ задачъ, касающихся вашего положенія, собирается выполнять свою миссію съ неутомимымъ усердіемъ. Но, какъ бы законно ни было ваше нетерпѣніе, она васъ умоляетъ не опережать ея трудовъ вашими требованіями. Всѣ вопросы, касающіеся организаціи труда, сложны, по самой своей сущности. Они охватываютъ множество интересовъ, противоположныхъ одинъ другому, если не въ дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, судя по внѣшнему виду. Эти вопросы нужно обсуждать спокойно, обдумывать зрѣло. Слишкомъ большое нетерпѣніе, съ вашей стороны, слишкомъ большая поспѣшность, съ нашей, могутъ лишь все испортить. Національное Собраніе будетъ вскорѣ созвано. Мы представимъ на его обсужденіе законопроекты, которые мы теперь вырабатываемъ, съ твердой рѣшимостью улучшить ваше положеніе, въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи, законопроекты, относительно которыхъ ваши делегаты призваны высказать свое мнѣніе...“ [1]).

Итакъ, изслѣдовать соціальныя язвы осторожной рукой; изложить добросовѣстно результатъ этого изслѣдованія; пользоваться свободнымъ обсужденіемъ, какъ оружіемъ, и признать общественное мнѣніе судьею, приглашая его высказаться посредствомъ національнаго собранія, избраннаго всеобщей подачей голосовъ,—таковъ былъ путь, по которому, съ самаго начала, добровольно и громогласно мы обязались итти.

Это обязательство было выполнено, какъ покажетъ продолженіе нашего разсказа. Въ самомъ дѣлѣ, мы ограничились тѣмъ, что предложили рядъ временныхъ мѣръ, сообразовавшихся съ обстоятельствами, и немедленное примѣненіе которыхъ было возможно; ибо мы знали, что въ этомъ долгомъ и мучительномъ странствованіи человѣчества къ царству справедливости существуютъ не-

---

[1]) См. „Le Moniteur“ отъ 5-го марта 1848 года.

обходимые промежуточные привалы. Кто, не будучи безумцемъ, можетъ думать о томъ, чтобы сразу перенести невѣжественное и легкомысленное общество въ міръ, созерцаемый людьми, съ великимъ сердцемъ и избраннымъ умомъ? Но если безумецъ тотъ—кто воображаетъ, что можетъ достигнуть однимъ прыжкомъ цѣли долгаго путешествія, то не менѣе безуменъ тотъ, кто отправляется въ путь, не зная, куда онъ идетъ. Когда механикъ строитъ машину, онъ не имѣетъ, конечно, претензіи соорудить ее иначе, чѣмъ постепенно, но это не мѣшаетъ ему заранѣе охватывать умственнымъ взоромъ ея совокупность. Когда писатель сочиняетъ драму, онъ, разумѣется, располагаетъ факты въ послѣдовательномъ порядкѣ, но прежде онъ позаботился о томъ, чтобы набросать общій планъ пьесы, и въ то время, какъ онъ пишетъ первую сцену, онъ имѣетъ въ виду развязку.

Поэтому, не слѣдуетъ смѣшивать доктринъ, которыя излагались въ Люксембургской комиссіи, какъ отдаленная, окончательная цѣль, къ которой нужно стремиться, съ мѣропріятіями, чисто переходнаго характера, предлагавшимися тамъ къ немедленному осуществленію.

Первыя можно резюмировать такимъ образомъ:

Человѣкъ получилъ отъ природы различныя способности, — способности любить, знать, дѣйствовать. Но онѣ не были ему даны для того, чтобы онъ ихъ упражнялъ въ одиночествѣ; поэтому, онѣ являются главнымъ указаніемъ на то, что̀ каждый долженъ давать обществу, членомъ котораго онъ состоитъ; и это указаніе запечатлѣно неизгладимыми чертами въ организаціи каждаго. Если ты вдвое сильнѣе своего сосѣда, это доказываетъ, что природа предназначила тебѣ нести двойное бремя. Если твой умъ выше, это знакъ того, что твоя миссія заключается въ томъ, чтобы ты распространялъ вокругъ себя больше свѣта. Слабость предъявляетъ искъ къ силѣ, невѣжество—къ образованію. Чѣмъ болѣе человѣкъ *можетъ*, тѣмъ болѣе онъ *долженъ*; таковъ смыслъ этихъ прекрасныхъ словъ Евангелія: „Пусть первый изъ васъ будетъ слу-

гой другимъ". Отсюда аксіома: *Отъ каждаго по его силамъ* (способностямъ). Въ этомъ состоитъ *обязанность.*

Но, вмѣстѣ со способностями, человѣкъ получилъ отъ природы потребности: потребности умственныя, нравственныя и физическія; потребности сердца, ума, внѣшнихъ чувствъ, воображенія. Между тѣмъ, возможно ли, чтобы каждый выполнялъ функцію, для которой создала его природа, если соціальныя учрежденія, тяготѣющія надъ нимъ, мѣшаютъ полному развитію его существа, отказывая ему въ удовлетвореніи потребностей, свойственныхъ его индивидуальной организаціи? Отсюда (въ границахъ соціальныхъ средствъ и понимая слово *потребности* въ самомъ широкомъ и благородномъ смыслѣ этого слова)—другая аксіома, соотвѣтствующая первой и дополняющая ее: *каждому по его потребностямъ.* Въ этомъ заключается *право.*

Утопія! воскликнутъ, конечно, люди поверхностные или тѣ, которымъ подобнаго рода разсужденія совершенно чужды. Тѣмъ не менѣе, разсмотримъ вопросъ ближе.

Первое возраженіе, представляющееся невнимательнымъ умамъ, это кажущаяся невозможность установить мѣру какой-нибудь потребности. Возраженіе крайне легковѣсное. Мѣра потребности опредѣляется степенью напряженности этой потребности. Развѣ мы не перестаемъ ѣсть послѣ того, какъ у насъ проходитъ голодъ, пить, по исчезновеніи жажды; ходить, когда мы устали, читать или играть, когда это перестаетъ доставлять намъ удовольствіе? Даже болѣзненныя потребности имѣютъ свой естественный и непреступаемый предѣлъ. Поэтому, трудность состоитъ не въ томъ, чтобы найти мѣру нашихъ потребностей, но въ томъ, чтобы достигнуть такого соціальнаго устройства, въ которомъ предписаніямъ природы не мѣшало бы никакое условное препятствіе, вытекающее изъ самаго этого устройства: какъ, напримѣръ, въ современномъ обществѣ, гдѣ можно видѣть паралитиковъ, лишенныхъ всякаго способа передвиженія, между тѣмъ какъ есть лошади и кареты у людей, здоровью которыхъ движеніе было бы полезно. Странно, что факты, въ которыхъ, очевидно, заключаются сѣмена возможныхъ

совершенствованій общества, совершаются на нашихъ глазахъ каждый день, безъ того, чтобы кто нибудь далъ себѣ трудъ проанализировать ихъ. Развѣ, къ примѣру, дѣти въ семьѣ не *даютъ*, соотвѣтственно тому, что они *могутъ* дать, и не *получаютъ*, сообразно съ тѣмъ, что имъ *нужно*? Развѣ тотъ, кто можетъ помогать своей работой семьѣ, считаетъ себя въ правѣ, на основаніи своихъ услугъ, отнять для себя долю братьевъ, составляющихъ для семейства пока лишь одну тягость? Здѣсь очевидно дѣйствіе двухъ принциповъ, формулированныхъ выше; если же возразятъ, что это дѣйствіе объясняется здѣсь естественными узами привязанности, существованіе которыхъ невозможно предположить между людьми, незнающими другъ друга, то можно найти рѣшительный отвѣтъ на такое возраженіе въ томъ, что мы видимъ въ любомъ клубѣ. Будучи разъ принятъ въ клубѣ, каждый его членъ свободно пользуется газетами, библіотекой, курильнымъ заломъ и пр. Но развѣ, дѣйствительно, каждый пользуется этими различными удобствами, въ той же мѣрѣ, какъ и его сосѣдъ? Нѣтъ: одинъ посѣщаетъ предпочтительно билліардный залъ, другой читальню, некурящій охотно участвуетъ своими взносами въ содержаніи курильной. *Каждому по его потребностямъ*,—вотъ, принципъ, на которомъ основанъ всякій англійскій клубъ. Да, съ точки зрѣнія пропорціональнаго удовлетворенія потребностей человѣка, живущаго въ обществѣ, клубъ есть практическое осуществленіе соціализма въ маленькомъ масштабѣ, такъ какъ онъ имѣетъ цѣлью доставлять всѣмъ своимъ членамъ *одинаковое* удовлетвореніе *различныхъ* потребностей. Я могъ бы умножить подобные примѣры и доказать съ помощью того, что мы видимъ каждый день, какъ легко осуществленіе этой доктрины, даже по отношенію къ умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое даровые курсы, публичныя библіотеки, музеи, парки, въ родѣ Гайдъпарка, сады въ родѣ Тюильри, какъ не прекрасныя заимствованія, сдѣланныя *современнымъ* обществомъ у *будущаго* идеальнаго общества.

Но тамъ, гдѣ каждый получалъ бы отъ общества *то, что ему нужно*, было бы необходимо и справедливо, чтобы каждый дѣ-

лалъ для общества *то, что можетъ.* И это происходило бы добровольно и безъ усилія и даже помимо чувства долга, въ обществѣ, гдѣ гармонія, установленная между различными функціями и соотвѣтственными способностями, сдѣлала бы изъ труда удовольствіе, ибо изъ всѣхъ наслажденій человѣка нѣтъ болѣе сильнаго, чѣмъ то, которое онъ извлекаетъ изъ свободнаго, изъ добровольнаго упражненія своихъ способностей.

Если мы теперь видимъ столько лѣнивцевъ, то въ этомъ виноваты учрежденія, благодаря которымъ распредѣленіе соціальныхъ функцій зависитъ отъ случайности и отъ бѣдности, причемъ не принимаются во вниманіе ни спеціальный характеръ призваній, ни способности, ни склонности. Тотъ родился поэтомъ,—бѣдность заставляетъ его быть плотникомъ; иной родился, какъ Людовикъ XVI-ый, съ склонностью и очевидными способностями къ механикѣ; случайность рожденія принуждаетъ его быть королемъ. Удивительно ли, что среди этой всеобщей неурядицы въ распредѣленіи функцій и способностей, среди этого постояннаго подавленія естественныхъ стремленій развивается ненависть къ труду? Что человѣкъ предпочитаетъ бездѣліе труду, къ которому онъ не сознаетъ себя способнымъ, который онъ принимаетъ, какъ суровый законъ бѣдности, и тяжесть котораго не вознаграждается достаточной платой? Развѣ это не достаточно ясно? Для негровъ, которымъ рабство внушило отвращеніе ко всякому труду, абсолютная праздность есть идеалъ свободы,—и легко понять, что лѣность есть дочь рабства. Но представьте себѣ соціальный порядокъ, гдѣ различныя функціи будутъ распредѣлены сообразно спобностямъ и склонностямъ. Скажите мнѣ, существовала ли бы тамъ всеобщая лѣность? Развѣ поэты не любятъ писать стихи, художники—картины, развѣ механики не любятъ сооружать машины? Развѣ истинный математикъ не находитъ наслажденія въ рѣшеніи задачъ, истинный архитекторъ — въ постройкѣ домовъ, развѣ земледѣліе не имѣетъ большой прелести, когда оно не является вынужденнымъ и чрезмѣрнымъ трудомъ? Я знаю людей, которые, обладая колоссальнымъ состояніемъ, работаютъ по 12 часовъ въ день. Я знаю негоціантовъ, которые, составивъ себѣ боль-

шое состоянiе, остаются при дѣлахъ, для того, чтобы не подвергнуться несчастiю впасть въ скуку: столь справедливо мнѣнiе, что можно любить трудъ ради него самого и независимо отъ выгодъ, имъ доставляемыхъ, тогда, когда онъ избранъ совершенно свободно и по склонности. И дѣйствительно, законы природы были бы достойны жалости и презрѣнiя, если бы они давали намъ, вмѣстѣ съ опредѣленными способностями, инстинктивное отвращенiе къ ихъ упражненiю; если бы, давъ намъ глаза, она сдѣлала бы зрительную дѣятельность, непрiятной для насъ, если бы, давъ намъ уши, она сдѣлала бы тягостной слуховую дѣятельность. Нѣтъ и нѣтъ; абсолютная лѣность не есть нормальное состоянiе человѣка; сдѣлавшись обязательной, она обратилась бы въ пытку. Рапъ, основатель гражданской и религiозной коммуны въ Америкѣ, ввелъ, съ цѣлью наказанiя лѣнивцевъ, *насильственную праздность* втеченiе опредѣленнаго времени; результаты показали дѣйствительность этого средства.

Нѣтъ надобности прибавлять, что осуществленiе ученiя, которое мы вкратцѣ изложили, исключаетъ всякую идею антагонизма, всякое противорѣчiе между частнымъ интересомъ и интересомъ общественнымъ, однимъ словомъ, все то, что не есть *ассоцiацiя*. Если принять во вниманiе, съ одной стороны, силу принципа ассоцiацiи, его безграничную плодотворность, количество тратъ, которыхъ онъ позволилъ бы избѣгнуть, и размѣры сбереженiй, которыя онъ дѣлаетъ возможными; и если, съ другой стороны, вычислить громадное количество цѣнностей, теряемыхъ подъ властью противоположнаго принципа, вслѣдствiе банкротствъ, исчезновенiя магазиновъ, закрытiя мастерскихъ, растущей безработицы, переполненiя рынковъ, промышленныхъ переворотовъ, происходящихъ по причинѣ слишкомъ быстраго введенiя новыхъ машинъ, при монополизацiи этихъ послѣднихъ частными лицами, наконецъ, вслѣдствiе коммерческихъ кризисовъ, которые перiодически разражаются, какъ громовой ударъ, но не исчезаютъ столь же скоро, какъ молнiя, то нужно признать, что отъ замѣны второго принципа первымъ народы выиграютъ въ экономическомъ отношенiи не меньше, чѣмъ въ нравственномъ.

Я упомянулъ о прiятномъ трудѣ: слѣдующiй фактъ дастъ

яркое доказательство удивительныхъ результатовъ, которыхъ можно отъ него ждать, а также силы, съ которой воспитаніе можетъ измѣнять человѣческую природу.

Въ маѣ 1848 года, мнѣ сдѣлалъ визитъ директоръ промышленнаго училища, основаннаго въ Пти-Бургѣ, съ цѣлью воспитанія нѣкотораго количества бѣдныхъ людей. Г. Алье—такъ назывался директоръ — желалъ показать мнѣ свое заведеніе; г. и г-жа Викторъ Гюго должны были отправиться туда, вмѣстѣ съ нами. Мы отправились въ путь. Когда мы пріѣхали, то г. Алье обошелъ съ нами мастерскія, въ которыхъ дѣти обучались всякаго рода ремесламъ. Радостное усердіе маленькихъ учениковъ удивило насъ. Глядя на нихъ, можно было бы подумать, что они играютъ въ работу. Наше удивленіе удвоилось, когда въ кузнечной мастерской, среди шума и чернаго дыма, мы замѣтили молодого парня, рука котораго, подымавшаяся и опускавшаяся надъ наковальней, казалась неутомимой. На его устахъ играла улыбка, а глаза его сверкали, какъ искры, летавшія вокругъ него. Былъ разведенъ большой огонь, а дѣло было въ жаркій майскій день! Насъ повели въ садъ, гдѣ мы нашли толпу маленькихъ садовниковъ, которые очень дѣятельно занимались, одни — воздѣлываніемъ цвѣтовъ, другіе—уходомъ за растеніями, третьи—поливкой. Сіяющія лица этихъ дѣтей, великолѣпіе дня, красота мѣстности, расположенной на высотѣ, откуда открывался видъ, который я скорѣе всего сравнилъ бы съ сайденгемскимъ,—все это вмѣстѣ составляло восхитительное зрѣлище. Я подумалъ о молодыхъ гефестахъ, погребенныхъ въ Пандемоніумѣ, который мы только что оставили, и мнѣ пришла на умъ мысль, что они должны были завидовать судьбѣ счастливыхъ жителей Эдема, въ которомъ мы находились. Я высказалъ это. Но вѣдь это дѣло выбора — воскликнулъ съ торжествующимъ видомъ г. Алье.— Эти дѣти занимаются лишь тѣмъ, чему они выразили свое предпочтеніе. Въ этомъ вся тайна проявляемаго ими усердія". И онъ намъ объяснилъ, что первоначально, въ обычаѣ заведенія было распредѣлять работы, на основаніи болѣе или менѣе произвольной оцѣнки

различныхъ способностей. Но вскорѣ обнаружился недостатокъ этого метода: дѣтямъ становилась противна работа, имъ порученная; они занимались ею съ отвращеніемъ и постоянно просили перемѣны занятій. „Тогда—продолжалъ г-нъ Аллье—мы испробовали другой пріемъ. Когда къ намъ поступаетъ новый ученикъ, мы предоставляемъ ему, втеченіе опредѣленнаго времени, свободу ходить повсюду и все осматривать: затѣмъ, онъ долженъ самъ выбрать занятіе, которое ему по душѣ, съ тѣмъ условіемъ, что онъ останется ему вѣренъ. У васъ передъ глазами результаты этой системы“.

Нужны ли комментаріи?

Это посѣщеніе напоминаетъ мнѣ другое обстоятельство, не менѣе поучительное и интересное: я посвящаю его вниманію тѣхъ, которые спѣшатъ провозгласить невозможнымъ все то, что находится внѣ круга либо ихъ умственныхъ привычекъ, либо ихъ личнаго опыта.

Продолжая осмотръ птибургскаго заведенія, мы посѣтили залъ наказаній. Въ немъ былъ лишь одинъ узникъ. Мы, на основаніи права гостей, исходатайствовали безъ труда его помилованіе. Въ то время, какъ ребенокъ выходилъ г. Аллье сказалъ ему: „Пусть же теперь вашъ другъ хорошо себя ведетъ“. Этотъ способъ журить провинившагося показался намъ, само собою разумѣется, загадочнымъ. Мы получили слѣдующее объясненіе: „Каждый вновь поступившій въ заведеніе долженъ, по истеченіи извѣстнаго времени, выбрать себѣ друга среди своихъ товарищей и публично заявить объ этомъ. Цѣль этого научить дѣтей обязанностямъ дружбы и пріучить ихъ ко взаимной преданности; и вотъ, какимъ образомъ: когда ребенокъ противится, — вы будете смѣяться,—то наказываютъ не его, а его друга“. Согласно съ предсказаніемъ, мы стали смѣяться и вспомнили исторію нѣкоторыхъ маленькихъ величествъ, которыя за каждое изъ своихъ прегрѣшеній подвергались сѣченію, въ лицѣ своихъ плебейскихъ друзей. „О — возразилъ г-нъ Аллье — это совсѣмъ другое дѣло: въ случаѣ, о которомъ вы говорите, не было взаимности“. Затѣмъ онъ намъ сообщилъ, что со времени введенія этого обычая, столь страннаго и кажущагося столь несправедливымъ,—наказывать друга виновнаго вмѣсто самого виновнаго, число провин-

ностей въ училищѣ значительно уменьшилось. Всякій изъ самолюбія старался не подвести подъ наказаніе своего товарища. Тотъ, съ кѣмъ это случилось, чувствовалъ себя опозореннымъ, между тѣмъ какъ, напротивъ, тотъ, кто терпѣлъ матерьальное наказаніе, испытывалъ нѣчто въ родѣ горделивой радости, перенося его съ твердостью; такъ что, въ нравственномъ отношеніи, заслуженному искупленію, дѣйствительно, подвергался виновный. Упоминая объ этомъ своеобразномъ пріемѣ, я не имѣю въ виду рекомендовать его, но не прекрасно ли показываетъ онъ, до какой степени воспитаніе можетъ вліять на направленіе нашихъ идей, нашихъ чувствъ и на характеръ мотивовъ, опредѣляющихъ наши поступки?

Я возвращаюсь къ темѣ. Что люди не рождаются съ одинаковымъ умомъ и съ однѣми и тѣми же склонностями, также какъ они не рождаются съ одинаковымъ ростомъ и съ одинаковымъ лицомъ, никто не станетъ отрицать. Общественная жизнь состоитъ лишь во взаимномъ обмѣнѣ услугъ, основанномъ на различіи силъ, способностей, потребностей и вкусовъ. Природа создала людей неравными именно потому, что она создала ихъ существами соціальными. Поэтому, Люксембургская комиссія не проповѣдывала никакого другого догмата, кромѣ *относительнаго* равенства, равенства, понятаго не въ смыслѣ *тожества*, а въ смыслѣ *пропорціональности*: равенство, которое для всѣхъ состояло бы въ *равномъ* развитіи ихъ *различныхъ* способностей и въ *равномъ* удовлетвореніи ихъ *различныхъ* потребностей. Внѣ этого принципа нѣтъ ничего, кромѣ несправедливости и угнетенія. И я спрашиваю, въ чемъ можетъ заключаться цѣль общественнаго устройства, какъ не въ томъ, чтобы помѣшать естественному неравенству, царящему между людьми, сдѣлаться источникомъ тиранніи и страданія? Къ несчастію, цѣль соціальной жизни далеко еще не достигнута, и современное общество, недопускающее злоупотребленія физической силой, являетъ намъ печальное зрѣлище непрестанной борьбы, въ которой гибнутъ невѣжественные и бѣдные. Если бы люди повиновались законамъ справедливости и разума, источники просвѣщенія были бы доступны всѣмъ во время дѣтства, и для всѣхъ было

бы мѣсто на жизненномъ пиру, при вступленіи на поприще дѣятельности; распредѣленіе соціальныхъ функцій не было бы предоставлено случайности, но опредѣлялось бы специальнымъ характеромъ призваній; трудъ большинства пересталъ бы основываться на деспотической власти голода, — и человѣкъ былъ бы, по истинѣ, свободенъ. Но увы! часто самыя несомнѣнныя и самыя ясныя истины съ наибольшимъ трудомъ овладѣваютъ умами. Въ предразсудкахъ и въ заблужденіяхъ, внѣдрившихся въ насъ съ колыбели, есть удивительная сила сопротивленія. „Не нужно скупиться на время“ (Il ne faut pas être envieux du temps), говорилъ Неккеръ. Прекрасныя слова, но они сжимаютъ сердце, когда думаешь о мучительной медленности, съ которой длятся подъ крышей пролетарія часы агоніи.

Однажды, въ этой странѣ, куда меня забросило изгнаніе, я бесѣдовалъ о поднятомъ мною въ вышенаписанныхъ строкахъ важномъ вопросѣ съ однимъ своимъ другомъ англичаниномъ, человѣкомъ, съ умомъ, порабощеннымъ предразсудками, противъ которыхъ напрасно возстаетъ великодушіе его сердца. На взгляды, которые я ему излагалъ, онъ сдѣлалъ много возраженій, настаивая не только на невозможности *немедленнаго* ихъ осуществленія, — невозможности, которую я допускалъ, — но также на якобы основномъ моемъ заблужденіи, состоявшемъ, по его словамъ, въ томъ, что я видѣлъ въ основѣ своихъ взглядовъ отдаленную цѣль соціальнаго прогресса.

Между тѣмъ, случилось, что на слѣдующій день должна была произойти загородная прогулка, въ которой мы должны были участвовать оба. Нужно было отправиться обѣдать на травѣ, на знаменитый островъ, гдѣ была подписана великая хартія англійскихъ вольностей, *Magna Charta*. Нашъ караванъ состоялъ изъ лицъ обоего пола, отличавшихся другъ отъ друга только своимъ соціальнымъ положеніемъ, состояніемъ, умомъ, и взаимная и просвѣщенная доброжелательность которыхъ сближала всѣхъ между собою. Нужно было достать извѣстную сумму денегъ, собрать извѣстное количество провизіи: это было дѣломъ тѣхъ, у кого были деньги въ кошелькѣ и вино въ погребѣ. Въ назначенный часъ, мы всѣ явились въ условленное мѣсто. Насъ ждали лодки. Мы сѣли въ нихъ

и отплыли. Умѣвшіе грести взялись за весла, не заставляя себя просить, и, въ то время какъ они весело трудились, другіе занимались тѣмъ, что смотрѣли на уходящіе берега Темзы, играли съ дѣтьми и бесѣдовали съ дамами.

Когда мы высадились на землю и когда пришлось перенести въ назначенное мѣсто наши мирные припасы, наиболѣе сильные изъ насъ потребовали для себя привилегіи обременить себя драгоцѣнной ношей, причемъ каждый изъ насъ надѣялся, что и для него настанетъ очередь быть полезнымъ. Такъ и вышло. Дамамъ выпало на долю право сдѣлать всѣ приготовленія для нашей полевой трапезы; въ великой радости дѣтей нашлась работа и для ихъ. Само собою разумѣется, что во время обѣда общая гармонія не была нарушена какой нибудь претензіей, основанной на бо́льшихъ или меньшихъ достоинствахъ кого нибудь изъ участниковъ, или на различіи услугъ, оказанныхъ тѣмъ или другимъ гребцамъ, потрудившимся болѣе другихъ. Никому не пришло въ голову требовать на этомъ основаніи чего бы то не было въ ущербѣ тѣмъ, которые не гребли. Наиболѣе красивыя дамы привлекали, можетъ быть, взгляды болѣе, чѣмъ другія, но ихъ поведеніе показалось-бы очень страннымъ и недопустимымъ, если-бы, вслѣдствіе этого, онѣ потребовали лучшихъ винъ, и наиболѣе тонкихъ кушаній. Каждый ѣлъ и пилъ, сколько его душѣ хотѣлось. Затѣмъ нужно было позаботиться о томъ, чтобы вечеръ былъ проведенъ пріятно и каждый постарался содѣйствовать этой цѣли. Одинъ пѣлъ пѣсни, другой игралъ на гитарѣ, третій продекламировалъ прелестные стихи, имъ сочиненные. Ни у кого не требовали, чтобы онъ дѣлалъ то, чего онъ не умѣлъ, никто не отказывался сдѣлать то, что умѣлъ и всѣ получали сердечную благодарность, хотя не всѣ одинаково содѣйствовали удовольствіямъ дня. Однимъ словомъ, мы вернулись домой въ восторгѣ, что провели вмѣстѣ столь пріятные часы, и обѣщая другъ другу какъ можно скорѣе повторить прогулку.

Въ ту минуту, когда мы расходились, я отвелъ въ сторону моего недавняго собесѣдника и сказалъ ему: „Ну, что вы ска-

жете? Сегодня вы видѣли на дѣлѣ мои вчерашнія разсужденія. Почему мы были такъ счастливы и чувствовали себя друзьями? Потому что мы инстинктивно примѣнили формулу: *отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ*". „Но вѣдь здѣсь", отвѣчалъ онъ съ нѣкоторой запинкой, рѣчь идетъ о развлеченіи".—„Что-же изъ этого"?—отвѣчалъ я ему;—„въ томъ то и вся задача, чтобы обратить трудъ въ удовольствіе; и вы могли замѣтить, какую прелесть сообщило нашему труду отсутствіе всякаго принужденія и свобода выбора".—„Это исключительный случай" — Но что же изъ этого? Если правило хуже исключенія, то почему же намъ не постараться сдѣлать исключеніемъ правило? О безуміе человѣческое!"

Мой другъ англичанинъ ничего мнѣ не отвѣтилъ; онъ пожалъ мнѣ руку и удалился съ задумчивымъ видомъ.

Когда въ сентябрѣ 1848-го года право на трудъ обсуждалось въ національномъ собраніи, г. Тьеръ далъ слѣдующее опредѣленіе общественной свободы: „Она состоитъ" сказалъ, онъ, „въ возможности располагать своими способностями по своему желанію и въ свободномъ выборѣ профессіи" [1]). Странно, что г. Тьеръ не замѣтилъ, что, выражаясь такимъ образомъ, онъ произнесъ самый суровый приговоръ современному общественному строю и невольно провозласилъ справедливость того, что назвали люксембургскими теоріями; ибо нужна была бы необыкновенная степень смѣлости, чтобы утверждать, что теперешнее общественное устройство совмѣстимо со свободой, какъ ее опредѣлилъ г. Тьеръ. Могутъ ли вступить въ судебное сословіе, заняться литературой, добиваться выгодныхъ финансовыхъ должностей, однимъ словомъ располагать своими способностями по своему желанію и выбирать себѣ профессію, тѣ бѣдныя дѣти, которыя, принуждены дополнять плодомъ своего болѣе чѣмъ преждевременнаго труда рабочую плату

---

[1]) Засѣданіе 13-го сентября 1848 года.

отца, работать съ 7 лѣтъ отъ роду на фабрикѣ, гдѣ гаснетъ огонь ихъ ума, гдѣ гибнетъ ихъ душевное здоровье, гдѣ чахнутъ всѣ ихъ способности, поглощаемыя наблюденіемъ за вращающимся колесомъ? Свободны ли слѣдовать своей склонности къ земледѣлію и торговлѣ юноши, дѣти бѣдняка, принуждаемые отбывать воинскую повинность, дѣти богача отъ которой цѣною золота откупаются. Свободны ли стать честными матерями семейства тѣ грѣшницы, которымъ, посвящено трагическое сочиненіе Парана-Дюшатлэ, и которыхъ крайняя бѣдность съ непреоборимой силой толкаетъ на путь проституціи? Кто не видитъ, что при современномъ режимѣ, когда почти всѣ блага жизни даются случайностью счастливаго рожденія, выборъ карьеръ опредѣляется этой случайностью, а не естественнымъ закономъ призваній? Тѣхъ, которые, благодаря рѣдкой энергіи и особеннымъ обстоятельствомъ, съумѣли справиться съ препятствіями, окружающими колыбель бѣдняка мы знаемъ по именамъ и считаемъ по пальцамъ. Свобода бѣдняка!! Эта свобода не простирается даже на пользованіе нашими улицами и дорогами, ибо мы наказываемъ за нищество того, кто протягиваетъ руку за неимѣніемъ работы, и — за бродяжничество того, кто за неимѣніемъ пристанища ложится спать на ступеньки дворца. Нѣтъ, бѣдный не пользуется той свободою, безъ которой жить не стоитъ; да и богачъ настолько скованъ предразсудками, дѣлающими его рабомъ самого себя что онъ самъ едва пользуется этой свободой. Людовикъ XVI-ый, который могъ быть почтеннымъ и счастливымъ слесаремъ, вслѣдствіе случайности своего рожденія, умеръ, на эшафотѣ; а иной проведя свою жизнь въ лачугѣ, умираетъ на соломѣ, между тѣмъ какъ въ его умѣ было заложено достаточно способностей, чтобы управлять цѣлой имперіей. Вамъ нужны доказательства? Ихъ даетъ каждая революція, которая, волнуя общество, и, снося его верхніе пласты, зачастую извлекаетъ изъ его глубины таланты, удивляющіе людей. Всякій безпристрастный наблюдатель долженъ сознатся, что принципъ, на которомъ основано современное общество, есть прямое отрицаніе великаго правила, недавно

провозглашеннаго въ Англіи съ такимъ блескомъ: *The right man in the right place.*

Существованіе этого зла, нельзя отрицать; оно коренится въ частномъ, превращенномъ въ привилегію присвоеніи всѣхъ средствъ развитія и пропитанія, всѣхъ орудій труда: положеніе, ведущее къ тому, что множество людей съ первыхъ шаговъ своей жизни наталкивается на непобѣдимое препятствіе, мѣшающее развитію ихъ естественныхъ способностей и примѣненію ихъ настоящихъ дарованій.

Такимъ образомъ, весьма многіе изъ тѣхъ, къ которымъ вздумали бы обратиться съ проповѣдью труда, въ надеждѣ пожать плоды его, могли бы отвѣтить:

Вы намъ говорите: „Работай!“, но у насъ нѣтъ ни поля, для обработки ни лѣса, чтобы строить, ни желѣза, чтобы ковать, ни шерсти, шелка, хлопчатой бумаги, чтобы приготовлять матеріи. Мало того: развѣ намъ не запрещено срывать плоды съ этихъ деревьевъ, черпать воду изъ этого источника, охотиться за животными, устраивать себѣ убѣжище подъ этимъ лиственнымъ сводомъ? У насъ нѣтъ ничего для работы и... для жизни. Потому что, родившись, мы нашли все вокругъ себя захваченнымъ; потому что законы, изданные помимо нашего участія и до нашего появленія на свѣтъ, предоставили заботу о нашей судьбѣ жестокой случайности; потому что, вслѣдствіе этихъ законовъ, **орудія труда,** пользованіе которыми земля предоставила, повидимому, всѣмъ своимъ дѣтямъ, стали исключительной собственностью частныхъ лицъ. Эти лица и распологаютъ нами, такъ какъ мы не можемъ располагать самими собой. „Работай!“—мы готовы работать, но развѣ это зависитъ только отъ нашей воли? „Работай, и за тобой будутъ обезпечены плоды твоего труда“, но какимъ образомъ вы можете гарантировать намъ плоды нашего труда, когда вы не можете и не осмѣливаетесь обязаться найти употребленіе нашимъ рукамъ? Наша нищета отдаетъ насъ въ распоряженіе другихъ, и то, что намъ предлагаютъ въ обмѣнъ за нашу дѣятельность, это не созданный нами продуктъ, а только

заработная плата, которая позволитъ намъ жить, высота которой поддерживается конкурренціей на уровнѣ самыхъ необходимыхъ и элементарныхъ жизненныхъ потребностей, такъ что намъ не остается почти никакой возможности дѣлать сбереженія, которыя, къ тому же, были бы поглощены въ первый же день безработицы или болѣзни. Поэтому не перспектива будущаго благоденствія нашихъ дѣтей побуждаетъ насъ работать: у насъ нѣтъ другого стимула, кромѣ голода. Какимъ образомъ происходитъ, что люди, оплодотворяющіе землю,—нуждаются въ кускѣ хлѣба, люди ткущіе драгоцѣнныя матеріи, нуждаются въ простой одеждѣ, а люди, строющіе дворцы, иногда не знаютъ, гдѣ преклонить свою голову?

Таковы были жалобы, которыя доносились на слѣдующій день послѣ революціи 1848 года изъ глубины фабрикъ и мастерскихъ не только Парижа, но и всѣхъ большихъ городовъ Франціи; что касается меня, то я не могъ отрицать законности этихъ жалобъ, не измѣняя своимъ самымъ глубокимъ убѣжденіямъ. Что же было дѣлать? Обѣщать народу, то ученіе, направленіе и духъ котораго я только-что вкратцѣ охарактеризовалъ, осуществится въ близкомъ будущемъ — значило заслужить упрекъ въ поощреніи грезъ; какъ членъ Временнаго Правительства, какъ политическій дѣятель, принимающій во вниманіе дѣйствительное положеніе вещей, я не могъ сдѣлать ничего такого, что граничило бы съ опасной ошибкой. Дѣло было въ томъ, чтобы показать идеалъ отдаленнаго будущаго, который нужно было осуществить, и въ томъ, чтобы не возбуждая химерическихъ надеждъ и не вызывая опасныхъ сотрясеній, первой жертвой которыхъ былъ бы самъ народъ, предложить, въ то же время, рядъ частичныхъ и постепенныхъ мѣръ, которыя согласовались бы съ этимъ идеаломъ и немедленное примѣненіе коихъ не встрѣтило бы никакихъ серьезныхъ трудностей. Этими предѣлами и ограничила свою дѣятельность Люксембургская комиссія.

Я часто замѣчалъ, что, когда рѣчь идетъ о промышленныхъ или военныхъ опытахъ, хотя бы незначительныхъ сомнительной

полезности, и сопряженныхъ съ опасностью для человѣческой жизни, то люди, стоявшіе у власти, не жалѣютъ на нихъ ни времени, ни денегъ; и въ тоже время никогда не было сдѣлано попытки съ цѣлью узнать, какая система соціальныхъ отношеній способна лучше всего гарантировать людямъ счастье и справедливость. И я нашелъ, что такой вопросъ заслуживаетъ того, чтобы тѣ, которые съ такой важностью и охотой украшаютъ себя званіемъ государственныхъ людей, посвятили бы ему нѣкоторое вниманіе. Оставалось рѣшить, какого рода инициатива могла дать результаты выгодные для народа.

Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что въ Англіи обычай помогать частнымъ предпріятіямъ посредствомъ фондовъ, взятыхъ изъ общественной казны, далеко не безызвѣстенъ; могу, напримѣръ, сослаться на фонды, врученные Частнымъ Совѣтомъ, подъ гарантіей контроля и на извѣстныхъ условіяхъ, лицамъ, образовавшимъ ассоціацію съ цѣлью основать нѣкоторое число школъ и управлять ими. Правда, что въ сессію 1849 года эта мѣра послужила предметомъ сильныхъ нападеній со стороны сэра Роберта Пиля и другихъ. Но почему? Потому что актъ, подвергшійся критикѣ, исходилъ отъ исполнительной власти, за которой не признавали права располагать какой бы то ни было частью общественныхъ денегъ, иначе какъ послѣ и на основаніи парламентскаго голосованія.

И вотъ, планъ Люксембургской комиссіи состоялъ въ томъ, чтобы приготовить освобожденіе рабочаго класса путемъ такого же вмѣшательства къ какому прибѣгли въ Англіи въ интересахъ народнаго просвѣщенія, но съ той разницей, что предложенія Люксембургской комиссіи не вызвали возраженій, высказанныхъ сэромъ Робертомъ Пилемъ; такъ какъ, съ одной стороны, рѣчь шла о правительственной ссудѣ рабочимъ ассоціаціямъ, ссудѣ, обезпеченной ипотеками на цѣнность ихъ заведеній, а съ другой — рѣшеніе, касающееся этой мѣры, должно было быть принято Національнымъ Собраніемъ и только имъ.

Вотъ резюме законодательныхъ мѣръ, предложенныхъ въ Люксембургской комиссіи:

Ст. 1-я. Будетъ создано Министерство Труда съ спеціальной миссіей подготовить соціальную революцію, и осуществить, постепенно, мирнымъ образомъ и безъ потрясеній, уничтоженіе класса пролетаріата.

Ст. 2-я. Министерству прогресса будетъ поручено: 1) выкупить посредствомъ государственныхъ рентъ желѣзныя дороги и копи; 2) преобразовать Французскій банкъ въ Государственный банкъ; 3) централизовать, къ общей выгодѣ и къ выгодѣ государства, всѣ виды страхованія; 4) учредить, подъ управленіемъ отвѣтственныхъ чиновниковъ, открытые склады, гдѣ производители и фабриканты будутъ имѣть право держать свои товары и продукты, на которые будутъ выдаваться росписки, имѣющія продажную цѣнность и могущія служить кредитными вполнѣ гарантированными, билетами, такъ какъ ихъ залогомъ будетъ опредѣленный и оцѣненный экспертизой товаръ; 5) наконецъ, открыть магазины, для мелочной торговли, аналогичные складамъ для оптовой продажи.

Ст. 3-я. Изъ доходовъ, отъ желѣзныхъ дорогъ, копей и рудниковъ, страховыхъ учрежденій и банковъ обогащающихъ теперь частную спекуляцію и которыя въ новой системѣ будутъ поступать въ государственную казну, а равно и изъ доходовъ, которые государство будетъ получать отъ платы за пользованіе складами, Министерство Труда составитъ свой спеціальный бюджетъ, бюджетъ работниковъ.

Ст. 4-я. Процентъ и погашеніе суммъ, взятыхъ взаймы для предыдущихъ операцій, будутъ учитываться изъ бюджета работниковъ; остальное будетъ употребляться: 1) на коммандитную ссуду рабочимъ ассоціаціямъ, 2) на основаніе земледѣльческихъ колоній.

Ст. 5-я. Чтобы имѣть право на государственную ссуду, рабочія ассоціаціи должны быть организованы на началахъ братской солидарности, такъ чтобы онѣ могли пріобрѣсть, по мѣрѣ своего развитія, капиталъ **коллективный, неотчуждаемый и постоянно растущій,**—единственное средство убить ростовщичество, крупное и мелкое, и достигнуть того, чтобы капиталъ пересталъ быть элемен-

томъ тираннiи, обладанiе орудiями труда—привилегiей, кредитъ—товаромъ, благосостоянiе—исключенiемъ, праздность—правомъ.

Ст. 6-я. Поэтому, всякая рабочая ассоцiацiя, желающая пользоваться государственной ссудой, должна будетъ принять, въ основу своего существованiя слѣдующее правило:

По вычетѣ стоимости рабочей платы, процента на капиталъ, расходовъ на содержанiе заведенiя и на покупку матерiала, прибыль будетъ распредѣлена слѣдующимъ образомъ:

Одна четверть на погашенiе капитала, принадлежащаго собственнику, съ которымъ государство вошло въ соглашенiе.

Одна четверть на погашенiе фонда пособiй, предназначенныхъ для стариковъ, больныхъ, немощныхъ и т. п.

Одна четверть будетъ подѣлена между рабочими въ качествѣ дохода, какъ это будетъ сказано дальше.

Одна четверть, наконецъ, будетъ употреблена на образованiе запаснаго фонда, назначенiе котораго будетъ указано ниже.

Такимъ образомъ будетъ организована ассоцiацiя въ каждой мастерской.

Остается включить въ одну общую ассоцiацiю всѣ мастерскiя одной и той же отрасли промышленности, чтобы сдѣлать ихъ солидарными между собой.

Для этого достаточно двухъ условiй:

Сначала нужно будетъ опредѣлить, что стоитъ производство каждаго продукта; затѣмъ, принимая во вниманiе положенiе промышленнаго рынка, будетъ назначена цифра той прибыли, которую будетъ дозволено получать сверхъ стоимости производства, чтобы установить вездѣ одинаковую цѣну и устранить всякую конкурренцiю между мастерскими одной и той же промышленности.

Затѣмъ, во всѣхъ мастерскихъ одной и той же промышленности будетъ установлена рабочая плата, не равная, но пропорцiональная, такъ какъ условiя матерiальной жизни не одинаковы въ различныхъ пунктахъ Францiи.

Когда солидарность между всѣми мастерскими одной и той же промышленности, будетъ такимъ образомъ установлена, нужно будетъ

наконецъ, осуществить главное условіе соціальнаго порядка, то, которое сдѣлаетъ навсегда невозможными распри, войны, революціи; нужно будетъ установить солидарность между всѣми различными отраслями промышленности, между всѣми членами общества.

Для этого необходимы два условія:

Нужно соединить въ одну общую сумму доходы всѣхъ отраслей промышленности и дѣлить эту сумму между всѣми работниками.

Затѣмъ, изъ различныхъ запасныхъ фондовъ, о которыхъ мы упомянули выше, образовать фондъ взаимопомощи для всѣхъ индустрій, такъ что тѣ изъ нихъ, дѣла которыхъ въ какомъ-нибудь году будутъ идти плохо, получатъ поддержку отъ тѣхъ, которыя будутъ благоденствовать. Такимъ образомъ образуется громадный капиталъ, который не будетъ принадлежать никому въ частности, но будетъ *коллективнымъ достояніемъ всѣхъ.*

Распредѣленіе этого капитала, принадлежащаго всему обществу, будетъ поручено административному совѣту, который будетъ поставленъ во главѣ всѣхъ мастерскихъ. Въ его рукахъ будутъ сосредоточены бразды правленія всѣхъ отраслей промышленности, между тѣмъ какъ управленіе каждой отдѣльной промышленностью будетъ поручено инженеру, назначенному государствомъ.

Государство осуществитъ этотъ планъ рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ. Оно не будетъ никого неволить. Государство создастъ ассоціаціи, которыя будутъ служить образцомъ: рядомъ будутъ жить частныя ассоціаціи и современная экономическая система. Но такова сила эластичности, приписываемой нами нашей системѣ, что въ скоромъ времени, эта послѣдняя распространится, по нашему глубокому убѣжденію, на все общество, втягивая въ себя противоположныя ей системы неодолимымъ притяженіемъ своего могущества. Такимъ образомъ, паденіе камня въ воду образуетъ круги, рождающіеся одинъ отъ другого и постоянно расширяющіеся.

Ст. 7-я Земледѣльческія колоніи будутъ основаны съ той же цѣлью, на тѣхъ же началахъ и основаніяхъ.

Цѣль и границы настоящей книги не позволяютъ дать научнаго, основательнаго и полнаго анализа ученій, излагавшихся въ Люксем-

бургской комиссіи; главнѣйшія возраженія я разбираю въ приложеніи но я не могу не цитировать того, что написалъ въ защиту Люксембургской комиссіи человѣкъ, котораго „Economist“ очень вліятельный (англійскій антисоціалистическій журналъ) провозгласилъ первымъ политико-экономическимъ, писателемъ нашего времени.

„По истинѣ“, говоритъ г. Джонъ-Стюртъ Милль, „въ предложеніяхъ Люксембургской комиссіей, нѣтъ ничего, что объясняло бы безумный ужасъ, внушаемый по обѣимъ сторонамъ Ламанша тѣмъ, что носитъ зловѣщее имя: — соціализмъ. — Кажется совершенно справедливымъ требовать отъ правительства, чтобы оно въ должныхъ границахъ ссужало фонды, для облегченія устройства индустріальныхъ коммунъ, основанныхъ на соціалистическихъ принципахъ. Если даже это предпріятіе должно потерпѣть неудачу, то такую попытку все же слѣдуетъ сдѣлать, такъ какъ рабочіе никогда не повѣрятъ, что оно не можетъ удасться по самому своему характеру, пока имъ этого не докажутъ фактами; ихъ можно будетъ убѣдить въ этомъ лишь послѣ того, какъ будетъ испробовано, все возможное; наконецъ, національный опытъ этого рода, даже въ случаѣ его неудачнымъ способствовалъ бы развитію высокихъ нравственныхъ качествъ, и вслѣдствіе своей поучительности, стоилъ бы тѣхъ милліоновъ, которые тратятся теперь на все что связано съ такъ называемымъ народнымъ образованіемъ“ [1]).

И такъ, вотъ въ чемъ состоялъ планъ, который послужилъ предметомъ столькихъ ядовитыхъ комментаріевъ, мишенью для столькихъ несправедливыхъ нападокъ онъ просто состоялъ въ томъ, чтобы заложить, среди настоящей соціальной системы, фундаментъ другой системы, системы кооперативной, придавъ этой послѣдней характеръ громаднаго національнаго опыта, сдѣланнаго съ помощью и подъ контролемъ государства.

Такимъ образомъ, лицомъ къ лицу были бы поставлены двѣ системы экономическихъ отношеній.

---

[1]) „Westminster and Foreign Quarterly Review“, April 1849.

Одна, исходящая изъ принципа антагонизма; другая — изъ принципа коопераціи.

Одна, заставляющая каждаго индивидуума, очертя голову, преслѣдовать свою личную цѣль, не заботясь о другихъ и даже топча ихъ ногами; другая, — ведущая къ тому, чтобы каждый отождествлялъ свои личные интересы съ интересами всего общества.

Одна, по самой своей сущности, сѣющая раздоръ, зависть, ненависть; другая—дѣлающая изъ согласія главное условіе успѣха.

Одна, похожая на дуэль, гдѣ опасеніе одного требуетъ смерти другого, а иногда приводитъ къ смерти обоихъ; другая—создающая истинное соревнованіе, то, которое стимулируетъ личные интересы, не противополагая ихъ непремѣнно благосостоянію другихъ людей.

Одна, обращающая производство въ ужасающую азартную игру; другая—регулирующая его на основаніи статистики потребностей и потребленія; одна, увѣнчивающая успѣхомъ хитрость, и слѣпую игру случая; другая, обезпечивающая успѣхъ знанію, уму и труду.

Во всякомъ случаѣ, опытъ долженъ былъ рѣшить, какая изъ этихъ двухъ системъ была наилучшая; та, въ чью пользу онъ произнесъ бы приговоръ, постепенно расширила бы область своего примѣненія одной лишь силой своего обаянія, безъ насилія, безъ потрясенія, между тѣмъ какъ другая—постепенно исчезла бы вслѣдствіе своего несовершенства, доказаннаго самими фактами и вскорѣ всѣми признаннаго.

Отъ читателя вѣроятно не ускользнуло то обстоятельство, что всѣ эти идеи были лишь мерцаніемъ отдаленныхъ надеждъ; онѣ развертывались передъ глазами пылкой и побѣдоносной толпы среди бури, сдѣлавшей эту толпу всемогущей. Какое героическое усиліе, какое терпѣніе, благородное самообладаніе позволило этой толпѣ не раздражаться препятствіями и добровольно подчиниться суровому игу судьбы? Несомнѣнно, это зрѣлище—единственное въ исторіи и человѣкъ, достойный понять это зрѣлище не можетъ смотрѣть на него безъ восхищенія. Видано-ли чтобы какой-нибудь

другой народъ“, пишетъ одинъ современный историкъ, забылъ бы свои страданія и выслушивалъ бы философскіе тезисы, обманывая свой голодъ умственной пищей. Какое другое правительство осмѣлилось бы отдать самого себя на всенародный судъ, не боясь духа изслѣдованія, не боясь хитросплетенныхъ парадоксовъ? Можно ли требовать лучшаго признака силы и нравственности? Какое высокое сознаніе своего права предполагаетъ это обращеніе къ народному собору, призывающее выработать текстъ новаго догмата? Въ какую другую эпоху гражданскія войны кончались такой развязкой?“ [1]). Да, все что произошло будетъ вѣчной славой парижскаго народа. Но когда пришелъ часъ опасности, какъ мало услышалъ благодарности за свою умѣренность, этотъ великій народъ! И какъ невыразимо печально воспоминать объ этомъ.

---

[1]) Histoire du Gouvernement provisoire, par M. Elias Regnault p. 120.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Люксембургская комиссія.—Соціализмъ на практикѣ.

Первое засѣданіе Правительственной комиссіи о работникахъ. –Немедленная организація представительства рабочаго класса.—Делегаты требуютъ сокращенія рабочаго дня и уничтоженія подрядовъ съ торговъ.—Возраженіе противъ немедленнаго осуществленія этого требованія.—Вмѣшательство г-на Франсуа Араго.—Дѣйствіе его словъ.—Собраніе хозяевъ и рабочихъ.—Мѣры, принятыя въ этомъ собраніи.—Окончательный составъ комиссіи.—Общіе принципы, принятые ею.—Открытіе рабочаго парламента.—Вступительныя рѣчи, произнесенныя по этому поводу.—Кто такіе были Люксембургскіе делегаты?—Ихъ трогательное попеченіе объ Альберѣ и обо мнѣ.—Проектъ созданія рабочихъ городовъ и пр.—Отсутствіе средствъ осуществленія.—Заговоръ съ цѣлью парализовать усилія комиссіи, раскрытый впослѣдствіи г-номъ Эмилемъ Тома.—Декреты, послѣдовательно изданные по требованію комиссіи: объ учрежденіи оффиціальныхъ бюро для спроса и предложенія труда; объ отмѣнѣ контрактовъ, касающихся работы заключенныхъ въ тюрьмахъ; противъ исключенія иностранныхъ рабочихъ и пр.—Посредничество комиссій по просьбѣ хозяевъ и рабочихъ.—Прекращеніе стачекъ, полюбовныя соглашенія, улаженіе вопросовъ о рабочей платѣ.

1-го марта 1848 года въ Люксембургскомъ дворцѣ произошло первое засѣданіе Правительственной комиссіи о рабочихъ.

Въ девять часовъ утра, около двухсотъ рабочихъ, избранныхъ различными парижскими корпораціями, заняли мѣста, на которыхъ недавно еще засѣдали пэры Франціи. Въ этотъ залъ, гдѣ насъ ждали, я вошелъ вмѣстѣ съ Альберомъ при крикахъ: „Да здравствуетъ Республика!“, за которыми послѣдовало торжественное молчаніе. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, касавшихся величія и новизны этого зрѣлища, я объяснилъ, что задача Правительственной комиссіи о рабочихъ состояла въ томъ, чтобы подвергнуть соціальные вопросы основательному изслѣдованію, пред-

ставить результаты этого изслѣдованія Національному Собранію, которое выйдетъ изъ всеобщей подачи голосовъ, а пока принимать заявленія рабочихъ, такъ какъ наша миссія и наши желанія состоятъ въ томъ, чтобы сдѣлать все, что возможно, все, что справедливо.

Сейчасъ же всталъ одинъ рабочій и, отъ имени своихъ товарищей, выразилъ два требованія, на которыя, по его словамъ, нуженъ былъ немедленный отвѣтъ. Эти требованія были: сокращеніе рабочаго дня и уничтоженіе подрядовъ рабочихъ рукъ (marchandage).

Я указалъ на то, что, прежде всего, нужно было организовать представительство рабочаго класса въ Люксембургской комиссіи и предложилъ, чтобы каждая корпорація назначила трехъ делегатовъ, изъ которыхъ одинъ участвовалъ бы въ ежедневныхъ работахъ Правительственной комиссіи о рабочихъ, между тѣмъ какъ оба другіе присутствовали-бы на общихъ собраніяхъ, гдѣ они обсуждали бы доклады ею представленные. Иначе выражаясь, я предложилъ учредить въ Люксембургскомъ дворцѣ **парламентъ труда**; предложеніе это было встрѣчено самыми горячими апплодисментами.

Наступилъ часъ испытанія. Оба выше упомянутыя требованія были предъявлены снова. На ихъ немедленномъ удовлетвореніи стали настаивать съ энергіей, въ которой слышалась угроза. Но справедливость обязываетъ меня сказать, что соображенія, на которыя опирались рабочіе въ своемъ требованіи, имѣли крайне благородный характеръ. „Мы настаиваемъ“, говорили они „на уменьшеніи рабочихъ часовъ, для того чтобы болѣе значительное число нашихъ братьевъ могло найти себѣ работу и для того чтобы каждый изъ насъ могъ посвятить хотя-бы одинъ часъ въ день жизни ума, сердца и домашняго очага. Что касается до уничтоженія подрядовъ рабочихъ рукъ съ торговъ, то мы хотимъ этого, потому что находимъ возмутительнымъ, чтобы промежъ хозяина и работника втирался алчный посредникъ, эксплоатирующій вто-

рого и низводящій рабочую плату до голоднаго уровня даже вопреки добрымъ намѣреніямъ перваго.

Во всемъ этомъ не было ничего, что не согласовалось бы вполнѣ съ моими взглядами, ничего такого, чего бы я не высказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Тѣмъ не менѣе, я счелъ справедливымъ не рѣшать этого вопроса въ отсутствіе хозяевъ. Я объяснилъ это откровенно и энергично и привлекъ вниманіе собранія на возраженія, которыхъ можно было ожидать, главнымъ образомъ касательно сокращенія рабочаго дня. Не нанесетъ ли эта мѣра ударъ производительнымъ силамъ, вызывая вздорожаніе продуктовъ и ограничивая потребленіе, не рискуемъ ли мы обезпечить за иностранными продуктами на нашемъ собственномъ рынкѣ преимущество, которое можетъ повредить самому рабочему? Я посовѣтовалъ рабочимъ обратить вниманіе на эти возраженія, прибавивъ, что, въ ихъ интересахъ было бы умѣрить свои желанія, потому что современная экономическая организація до такой степени сложна, что нельзя среди нея сдѣлать ни одного шага, не наталкиваясь на какое - нибудь препятствіе, не подвергаясь какой - нибудь опасности.

Мои слова въ этомъ случаѣ не были приняты, я долженъ въ этомъ признаться, столь же дружелюбно, какъ впослѣдствіи, когда мы лучше узнали другъ друга. Наступила тишина предвѣщавшая бурю и, дѣйствительно, едва прошло двѣ, три минуты, какъ нѣсколько рабочихъ, вставъ и говоря всѣ вмѣстѣ, заявили, что наступитъ забастовка, которая продолжится, пока не уважатъ требованій народа касательно двухъ выше означенныхъ пунктовъ. Какъ тягостно было мое положеніе! Мое личное чувство или, вѣрнѣе, все мое сердце было на сторонѣ рабочихъ. Но моя совѣсть говорила мнѣ, что, по этому самому, я долженъ былъ остерегаться всякаго увлеченія и показать съ самаго же начала, что я твердо рѣшилъ служить орудіемъ лишь тѣхъ требованій, которыя будутъ мнѣ казаться вполнѣ справедливыми. Поэтому я продолжалъ утверждать, что никакое рѣшеніе не могло быть при-

нято, пока не будутъ опрошены всѣ заинтересованные въ данномъ вопросѣ люди.

Въ эту минуту вышелъ въ собраніе г. Араго. Онъ узналъ о томъ, что происходило и, вѣрный данному въ ратушѣ обѣщанію, благородно поспѣшилъ прійти мнѣ на помощь.

Кто видѣлъ г-на Араго и помнитъ его высокій ростъ, его пылающіе глаза, осѣненные густыми бровями, его голову, напоминавшую Зевса Олимпійскаго, его прекрасное лицо, тогда совершенно блѣдное вслѣдствіе недавней болѣзни, легко представитъ себѣ впечатлѣніе, произведенное появленіемъ этого знаменитаго человѣка.

Необыкновенно убѣдительны и мягки были совѣты, съ которыми онъ обратился къ рабочимъ, и я воспользовался этимъ, чтобы со своей стороны импровизировать горячее воззваніе къ ихъ патріотизму и довѣрію.

Люди, которые передъ тѣмъ строили баррикады, опрокинули правительство, защищавшееся пушками, и проявили храбрость, которая никогда не была превзойдена на поляхъ битвы, эти люди въ одно мгновеніе уступили нѣсколькимъ добрымъ словамъ, исходившимъ отъ сердца! Можно ли найти болѣе поразительное доказательство великодушія и возвышенности парижскаго народа? Оппозиція исчезла, какъ по волшебному мановенію. Ни ропота, ни жалобы; и собраніе разошлось при кликахъ: „Да здравствуетъ республика!“

Сейчасъ же были посланы къ наиболѣе извѣстнымъ представителямъ главныхъ отраслей парижской промышленности, верховые нарочные чтобы созвать ихъ на общее собраніе, которое и произошло на слѣдующій день въ одной изъ залъ дворца. Явилось много хозяевъ. Вопросы, поставленные наканунѣ, были подвергнуты обсужденію, спокойно разсмотрѣны и такъ какъ большинство хозяевъ, или по искреннему убѣжденію, или изъ страха передъ послѣдствіями отказа, признало справедливость требованій, предъявленныхъ рабочими, то былъ изданъ декретъ, уничтожавшій подряды рабочихъ рукъ съ торговъ и сводившій рабочій

день съ 11 часовъ на 10—въ Парижѣ, и съ 12 на 11—въ провинціи. Извѣстіе объ этомъ вскорѣ распространилось по Парижу и въ этотъ день Люксембургскій дворецъ былъ осаждаемъ до самой ночи рабочими депутатціями, наполнившими всѣ его углы звуками своихъ радостныхъ кликовъ.

Льстить силѣ большинства—не меньшая низость, чѣмъ угодничать могуществу одного человѣка; и тотъ не любитъ искренно народа, кто не умѣетъ—для того, чтобы служить ему—подвергнуться риску вызвать его неудовольствіе: вотъ, что поняла Люксембургская комиссія, что бы тамъ ни говорили, и это достаточно доказываютъ приведенныя выше подробности, подтвержденіе которыхъ можно найти въ оффиціальныхъ документахъ [1]).

Что касается роковаго опьяненія, въ которое золотыя обѣщанія, срывавшіяся съ моихъ устъ, будто бы ввергли толпу, то читатель ниже увидитъ, насколько это обвиненіе несправедливо. На ложныя утвержденія лорда Норменби, я отвѣчу неопровержимыми фактами. Въ сущности, я могъ бы избавить себя отъ этого труда, такъ какъ могу здѣсь противопоставить имъ свидѣтельство человѣка, одобреніе котораго, выраженное въ трехъ строчкахъ и положенное на одну чашу вѣсовъ, имѣетъ болѣе вѣсу, чѣмъ два толстыхъ наполненныхъ оскорбленіями тома, на другой чашѣ. Говоря о моихъ люксембургскихъ рѣчахъ, Джонъ-Стюартъ Милль замѣчаетъ: „Нельзя представить себѣ ничего менѣе рѣзкаго, менѣе вызывающаго, чѣмъ тонъ его рѣчей, ничего болѣе умѣреннаго и болѣе легко осуществимаго, чѣмъ мѣры, предложенныя имъ, какъ немедленно примѣнимыя [2]).“

Рабочій парламентъ былъ учрежденъ, сообразно съ данными мною указаніями; и каждая корпорація была представлена въ Люксембургскомъ дворцѣ тремя делегатами, взятыми изъ ея среды. Такимъ образомъ, могущественный рычагъ оказался въ рукахъ Правительственной комиссіи о рабочихъ; и посредствомъ постоян-

---

[1]) См. „Moniteur“, 3-го марта 1848 года.—Протоколъ Правительственной комиссіи о рабочихъ.

[2]) *Westminster and Foreign Quarterly Review*, for April, 1849.

наго собранія, состоявшаго изъ его избранниковъ, парижскій народъ могъ дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ.

Что касается комиссіи, то оно поспѣшила присоединить къ себѣ всѣхъ компетентныхъ людей, безъ различія школъ: въ нее напр., были приглашены г. Шарль Дюверье и г. Казо [1]); г. Жанъ Рэно (Reynaud), г. Туссенэль, г. Викторъ Консидеранъ, г. Воловскій [2]). Если отсутствовали нѣкоторые выдающіеся мыслители, то это потому, что ихъ тогда или не было въ Парижѣ,—какъ г-на Пьера Леру,—или потому, что они отказались участвовать, какъ г. Эмиль де Жирарденъ,—или потому, что они думали, какъ г. Анфантенъ, что ихъ идеи достаточно представлены въ комиссіи ихъ друзьями, засѣдавшими въ ней.

---

[1]) Charles Duveyrier, сен-симонистскій публицистъ, сотрудникъ журналовъ Globe, Organisateur и сочиненія Exposrition de la doctrine de St. Simon; по дѣлу менильмонтанскаго общежитія сен-симонистовъ, онъ былъ приговоренъ къ году тюремнато заключенія. *Перев.*

[2]) Жанъ Рэно или Рейно (оба произношенія существуютъ во Франціи), сен-симонистъ и сотрудникъ энциклопедіи Пьера Леру, вдавшійся впослѣдствіи въ туманную и мистическую метафизику, авторъ извѣстнаго сочиненія Terre et ciel.

Toussenel, талантливый и остроумный писатель фурьеристской школы, авторъ многочисленныхъ статей и брошюръ по соціальному вопросу, популярныхъ книжекъ по естественной исторіи и сочиненія Les juifs, rois de l'époque, на которое французскіе антисемиты, съ Дрюмономъ во главѣ, опираются и поднесь, хотя духъ этой книги существенно отличается отъ духа современнаго антисемитизма.

Воловскій, французскій экономистъ, финансовый и политическій дѣятель; родомъ полякъ, учившійся во Франціи и Германіи, онъ затѣмъ вернулся на родину, гдѣ участвовалъ въ революціи 1830 г. Сдѣлавшись затѣмъ французскимъ гражданиномъ, онъ былъ назначенъ профессоромъ политической экономіи въ Парижѣ, былъ членомъ учредительнаго и законодательнаго собраній второй республики, депутатомъ и сенаторомъ третьей республики; въ парламентѣ онъ всегда принадлежалъ къ умѣренно республиканской партіи (centre gauche), послѣ паденія имперіи поддерживалъ политику Тьера. Принимая самое дѣятельное участіе въ парламентской жизни Франціи, онъ неутомимо работалъ и на поприщѣ экономической науки, защищая интересы крупнаго капитализма и манчестерскіе тезисы. Онъ оставилъ множество сочиненій этого направленія. Въ 1848 году, онъ энергично полемизировалъ противъ соціализма.

Имена Пьера Леру, Консидерана, наиболѣе выдающагося изъ фурьеристовъ, а также геніально-ловкаго журналиста-afериста, де-Жирардена, и „отца“ Анфантена хорошо извѣстны русскому читателю. *Перев.*

Но прежде всего, я обязанъ отмѣтить неоцѣненную поддержку, со стороны г. Видаля, генеральнаго секретаря комиссіи, и г. Пекера, людей, съ выдающимися достоинствами, обширными знаніями и глубоко свѣдущихъ въ политико-экономическихъ вопросахъ [1]). Послѣ того, какъ комиссія основательно обсудила общіе принципы, мы, т. е. гг. Видаль, Пекеръ, Альберъ и я, приняли планъ, заключавшій въ себѣ: учрежденіе земледѣльческихъ колоній на кооперативныхъ началахъ; основаніе кредитныхъ учрежденій въ большомъ масштабѣ; обобществленіе всякаго рода страхованій; учрежденіе складовъ и магазиновъ, съ цѣлью постепеннаго преобразованія торговли; созданіе государственнаго банка съ отдѣленіями въ департаментахъ; словомъ, рядъ мѣръ, задуманныхъ въ виду конечной цѣли, но существенно практическій характеръ которыхъ согласовался съ требованіями современной экономической организаціи, каковую онѣ должны были измѣнить, избѣгая всякаго опаснаго толчка, всякаго слишкомъ внезапнаго потрясенія. Подробное изложеніе этого плана и разсмотрѣніе возраженій, которыя онъ естественнымъ образомъ вызываетъ, потребовали-бы отдѣльной книги. Тѣхъ изъ моихъ читателей, которые пожелали бы познакомиться съ этимъ пред-

---

[1]) Франсуа Видаль (1814—1872 г.), выдающійся соціалистическій писатель того времени. Онъ находился подъ вліяніемъ Фурье и Луи-Блана, но былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самостоятельнымъ критикомъ буржуазной политической экономіи. Замѣчательна его полемика противъ школъ Жана-Батиста Сэя и манчестерцевъ. Подвергая безпощадному анализу язвы капиталистическаго строя, Видаль противополагаетъ ему, какъ идеалъ, который рано или поздно долженъ восторжествовать, коммунистическое общественное устройство. Практическія мѣры, предлагаемыя имъ для перехода отъ капитализма къ соціализму, отличаются крайней умѣренностью и осторожностью, не выходя изъ предѣловъ довольно робкаго реформизма. Константинъ Пекеръ (Pecqueur), выступившій на поприще экономической публицистики еще въ 1839 году, долженъ считаться отцомъ коллективизма. Какъ и Видаль, онъ подвергаетъ суровой критикѣ экономическій строй, основанный на частномъ владѣніи и конкуренціи, и видитъ исходъ изъ бѣдствій, имъ порождаемыхъ, въ обобществленіи орудій производства, не считая необходимымъ распространеніе коммунистическаго принципа на предметы потребленія. См. объ этихъ мыслителяхъ Paul Louis, Les Etapes du Socialisme и E. Fournierè, les Théories socialistes au XIX siècle.

*

метомъ, я отсылаю къ прекрасному докладу г-на Видаля. Этотъ докладъ, составленный съ замѣчательной ясностью и точностью, былъ помѣщенъ, сначала частями, въ Moniteur'ѣ и собранъ затѣмъ, въ отдѣльную книгу, озаглавленную La Révolution de février au Luxembourg [1]).

Открытіе рабочаго парламента произошло 10-го марта, и лучшимъ отвѣтомъ на клеветы, распространителемъ которыхъ угодно было сдѣлаться лорду Норменби, могутъ послужить цитаты изъ рѣчи, которую я произнесъ, по этому поводу.

„Видя васъ, собравшимися въ этихъ стѣнахъ, гдѣ былъ храмъ привилегій и гдѣ было издано столько законовъ безъ вашего участія, вопреки вамъ и противъ васъ, я не могу не испытывать глубокаго волненія. На этихъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ блестѣли расшитые золотомъ мундиры, я вижу изношенныя въ благородномъ трудѣ блузы, продырявленныя, можетъ быть, въ недавнихъ сраженіяхъ. Вы помните: съ высоты трибуны, на которой я нахожусь, трибунъ привилегированныхъ сословій призывалъ недавно на борьбу противъ республиканской идеи самыя зловѣщія силы прошлаго, и при звукѣ его голоса пэры Франціи поднялись съ своихъ мѣстъ въ неописуемомъ порывѣ энтузіазма. Сѣдовласые законодатели обнаружили страсти, которыя можно было считать угасшими. Здѣсь, въ этомъ самомъ залѣ, была проклята республика нашихъ отцовъ; дѣтямъ нашимъ осмѣлились запретить думать о республикѣ, и всѣ руки поднялись вверхъ, чтобы поклясться въ ненависти къ будущему. И что же? нѣсколько дней спустя, дерзкій ораторъ исчезъ. Гдѣ они всѣ теперь? Никто этого не знаетъ, и, на ихъ мѣстѣ засѣдаете вы, избранники труда. Вотъ, какъ отвѣтило будущее!.. О республиканцахъ говорили, что они крамольники, невозможные люди, мечтатели. Что же, благодаря народной побѣдѣ, вышло такъ, что крамольникамъ была ввѣрена отвѣственность за порядокъ, и что невозможные люди стали вдругъ необходимыми людьми. Ихъ объявили апостолами террора; и въ тотъ день, когда они достигли

---

[1]) См. также Vivre en travaillant! projets, voies et moyens de réformes sociales, par François Vidal—Paris, 1848.

власти, они уничтожили смертную казнь, такъ какъ ихъ самая дорогая надежда состоитъ въ томъ, чтобы скорѣе повести васъ на городскую площадь и тамъ, въ блескѣ большого національнаго праздника, сжечь послѣдніе обломки эшафота... Къ несчастію, не легко рѣшить вопросы, обсужденіе которыхъ намъ предстоитъ. Затронуть одно изъ злоупотребленій значитъ угрожать всѣмъ другимъ. Отъ одного конца общества до другого зло образуетъ собою непрерывную цѣпь: поколебать одно изъ ея звеньевъ, не сотрясая всей цѣпи, нельзя. Вы знаете, какъ убійственна и погубна для человѣческаго труда конкуренція машинъ, и какъ часто онѣ, будучи орудіемъ борьбы въ рукахъ одного человѣка, изгоняютъ изъ мастерскихъ людей, живущихъ своимъ трудомъ. Между тѣмъ, машины являются прогрессомъ. Откуда же происходитъ эта трагическая аномалія? Она происходитъ оттого, что среди царящей теперь промышленной анархіи и вслѣдствіе антагонизма интересовъ все обращается само собою въ орудіе борьбы. Пусть индивидуализмъ будетъ замѣненъ ассоціацией—и употребленіе машинъ сдѣлается сейчасъ же громаднымъ благодѣяніемъ, такъ какъ онѣ, въ этомъ случаѣ, будутъ служить на пользу всѣмъ и будутъ сокращать трудъ, не упраздняя работника. Вы видите, что вопросы, которые мы должны изучать, должны быть разсматриваемы въ своей совокупности. Принципъ, торжество котораго мы должны приготовить, это принципъ солидарности интересовъ, и мы должны постараться, чтобы эта солидарность существовала въ добрѣ, какъ она существуетъ во злѣ. Общество подобно человѣческому тѣлу, гдѣ больная нога мѣшаетъ дѣйствовать другой, здоровой. Невидимая, но дѣйствительная и роковая связь соединяетъ угнетателя со злополучіемъ угнетеннаго, и, рано или поздно, наступаетъ моментъ, когда эта солидарность проявляется въ страшномъ искупленіи... Да, защищать дѣло бѣдныхъ значитъ—я не устану повторять это—защищать дѣло богатыхъ,—значитъ защищать общіе интересы. Поэтому, мы здѣсь не защищаемъ интересовъ какой-нибудь отдѣльной группы. Мы любимъ отечество, мы обожаемъ его, мы рѣшили служить *всѣмъ* его

дѣтямъ. Вотъ, подъ вліяніемъ какихъ чувствъ была учреждена Правительственная комиссія о рабочихъ. Правительство сказало себѣ, что наступило время, когда люди, имѣющіе дерзость повелѣвать, могутъ найти себѣ оправданіе, стараясь быть полезными, и что нужно, наконецъ, дать слѣдующее великое опредѣленіе власти: править значитъ самоотвергаться... Что касается характера миссіи, ввѣренной намъ, я его обозначу въ нѣсколькихъ словахъ. Цѣль комиссіи состоитъ въ томъ, чтобы старательно изучать вопросы, касающіеся либо духовнаго, либо матеріальнаго улучшенія вашего положенія, формулировать въ законодательныхъ проектахъ рѣшеніе этихъ вопросовъ и представить эти проекты, одобренные Временнымъ Правительствомъ, на обсужденіе Національнаго Собранія. Нужно ли указывать на то, какимъ величественнымъ будетъ собраніе, которому поручатъ разсмотрѣніе величайшихъ вопросовъ, когда-либо волновавшихъ человѣчество? [1]). Въ самъ дѣлѣ, вѣдь, рѣчь идетъ объ уничтоженіи рабства: рабства, въ формѣ бѣдности, невѣжества, зла; рабства работника, ненаходящаго убѣжища для своего стараго отца; рабства дочери народа, которая въ 16 лѣтъ продаетъ себя; рабства сына народа, котораго, въ 10 или 12 лѣтъ, погребаютъ въ зачумленной прядильнѣ. На столько ли все это связано съ самой сущностью вещей, что слѣдуетъ считать безуміемъ мысль о томъ, что все это будетъ впослѣдствіи измѣнено? Кто осмѣлится утверждать, что подобная мысль — безуміе, и, такимъ образомъ, кощунственно отрицать прогрессъ? Если общество дурно организовано, то передѣлайте его: уничтожьте рабство! Но, еще разъ повторяю, что эта задача крайне трудна, требуетъ самыхъ глубокихъ размышленій, самой внимательной осторожности. Поспѣшность могла бы здѣсь быть гибельной и, чтобы приступить къ такой задачѣ, нужно соединеніе усилій всѣхъ просвѣщенныхъ и желающихъ добра людей..."

---

[1]) Эти слова оправдались бы на дѣлѣ, еслибы Временное Правительство, на основаніи соображеній, дѣлающихъ ему честь въ нравственномъ отношеніи, но неблагоразумныхъ, не обратилось преждевременно ко всеобщей подачѣ голосовъ и не заставило начать все сызнова. Я вернусь къ этой ошибкѣ, которая, по моему мнѣнію, имѣла рѣшающее значеніе.

Пусть же лордъ Норменби отвѣтитъ: въ этихъ ли словахъ онъ видитъ призывъ къ дикому нетерпѣнію, кровавый лозунгъ, брошенный буйной черни, повелительное внушеніе народу взяться за ружье и покончить все разомъ? И далѣе,—какимъ образомъ была принята эта рѣчь, исполненная такой умѣренности и предлагавшая терпѣніе, столь трудное для людей, умирающихъ съ голоду? Пусть объ этомъ намъ разскажетъ „Moniteur": „Всѣ присутствующіе встаютъ; рабочіе плачутъ, подъ вліяніемъ невыразимаго волненія" [1]). Вотъ, люди, о которыхъ лордъ Норменби говоритъ лишь въ презрительныхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ!

Я, состоявшій съ ними въ болѣе близкихъ отношеніяхъ и знавшій ихъ лучше, чѣмъ благородный лордъ, разскажу, что за люди были люксембургскіе делегаты.

Прежде всего, нужно знать, что ихъ услуги были совершенно безкорыстны. Ни разу, они не получили въ вознагражденіе за потерянное ими время, ни одного гроша, ни отъ меня, неимѣвшаго въ своемъ распоряженіи никакихъ фондовъ, ни отъ кого либо другого. Это не все: миссія, которую они такъ великодушно взяли на себя, стала для большинства изъ нихъ и для ихъ семействъ источникомъ самыхъ тяжелыхъ лишеній. Ихъ окружили тайнымъ преслѣдованіемъ. Одинъ былъ лишенъ мѣста, другому былъ закрытъ, варварскимъ образомъ, всякій доступъ къ труду. Тѣмъ не менѣе, съ ихъ стороны не раздалось ни одного протеста, ни одной жалобы, — и всѣ, не взирая на жертвы, съ благородной твердостью остались на томъ посту, который имъ довѣрили ихъ товарищи.

Не менѣе замѣчательна была крайняя привязанность, проявленная ими, по отношенію къ лицамъ, которыя, какъ Альберъ и я, не располагали никакимъ способомъ немедленно смягчить ихъ страданія, и которымъ была поручена неблагодарная задача сдерживать недовольство, во всякомъ случаѣ, законное. Да будетъ мнѣ позволено привести примѣръ этой привязанности, столь же безкорыст-

---

[1]) См. Moniteur, отъ 11-го марта 1848 года.

ной, по своей сущности, какъ и трогательной, по своимъ проявленіямъ.

Мы съ Альберомъ имѣли обыкновеніе, ходить пѣшкомъ всякій разъ, какъ крайняя неотложность дѣлъ не понуждала насъ брать карету, которая, замѣчу мимоходомъ, была наемнымъ фіакромъ [1]), а не одной изъ тѣхъ дворцовыхъ колесницъ, о которыхъ роялисты распространяли клеветническіе слухи. Однажды вечеромъ, въ то время, какъ мы отправлялись въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по маленькимъ темнымъ улицамъ, извивающимся вокругъ церкви св. Сульпиція, Альберу показалось, что за нами слѣдуетъ вооруженный человѣкъ, не теряя изъ виду ни одного изъ нашихъ движеній. Чтобы увѣриться въ этомъ, мы сдѣлали нѣсколько обходовъ. Неизвѣстный продолжалъ слѣдовать за нами на небольшомъ разстояніи и, повидимому, старался улучить минуту, удобную для выполненія какого то чернаго замысла. Потерявъ терпѣніе, мы внезапно оборачиваемся и идемъ ему навстрѣчу. Мы спрашиваемъ, что ему нужно. Сначала онъ ничего не отвѣчаетъ. Онъ кажется крайне смущеннымъ. Затѣмъ, онъ отвѣчаетъ уклончивымъ образомъ, что еще болѣе подтверждаетъ наши подозрѣнія. Наконецъ, чувствуя невозможность выпутаться изъ своего положенія иначе, онъ вынимаетъ изъ кармана билетъ люксембургскаго делегата и показываетъ его намъ, со словами: „Я сегодня вечеромъ дежурю“. Мы не знали, что это значитъ; — онъ объяснилъ намъ, что нѣкоторые изъ его товарищей встревожились тѣмъ, что мы вышли одни и безъ оружія, и рѣшили, по очереди, слѣдить за нашей безопасностью. Они дѣлали это и раньше безъ нашего вѣдома, и мы никогда не узнали бы объ этомъ, не произойди случая, о которомъ я сообщилъ.

Вотъ еще случай, рельефно обрисовывающій утонченную деликатность чувства, столь замѣчательную въ парижскомъ рабочемъ. Незадолго до моего отъѣзда изъ Парижа, еще неуспокоившагося послѣ іюньскихъ волненій, мнѣ пришлось очутиться въ уединенномъ

---

[1]) Ниже я вернусь къ этому пункту.

мѣстѣ одного изъ внѣшнихъ бульваровъ, гдѣ ко мнѣ подошла старая женщина, съ просьбой о милостынѣ. Я сунулъ руку въ карманъ и увидѣлъ, что забылъ свой кошелекъ. Старуха казалась страшно несчастной и стала настаивать, раздирающимъ душу голосомъ. Не выразилось ли на моемъ лицѣ огорченіе, которое я испыталъ оттого, что не могъ помочь ей? По всей вѣроятности, да, ибо въ ту же минуту ко мнѣ подбѣжалъ человѣкъ въ блузѣ, очевидно слѣдовавшій за мною, и сказалъ мнѣ такимъ трогательнымъ голосомъ и съ такимъ трогательнымъ смущеніемъ, что у меня слезы выступаютъ на глаза, при воспоминаніи объ этомъ: „Гражданинъ, я—бывшій люксембургскій делегатъ. Пусть не будетъ сказано, что къ вамъ напрасно обратилось страдающее существо. Сдѣлайте милость, примите отъ меня это для того, чтобы эта бѣдная старушка, въ свою очередь, благословила васъ“. И онъ почтительно подалъ мнѣ частицу того заработка, которая достается простолюдину, цѣной столь тяжелыхъ трудовъ. Я не могу выразить словами того, что почувствовалъ тогда. Я пожалъ протянутую мнѣ благородную руку и сознаЛъ, что не долженъ былъ жаловаться ни на одну изъ тѣхъ бѣдъ, которыя навлекъ на себя, служа дѣлу подобныхъ людей.

Пятаго марта я напомнилъ собравшейся *Правительственной комиссіи о рабочихъ*, что наша задача состоитъ не только въ томъ, чтобы приготовить по рабочему вопросу законодательные проекты, которые должны были поступить на утвержденіе Національнаго Собранія, но также и въ принятіи всѣхъ мѣръ, необходимыхъ для того, чтобы сколько-нибудь облегчить народныя страданія. Поэтому, я сдѣлалъ своимъ сотрудникамъ слѣдующее предложеніе, которое, какъ мнѣ казалось, могло принести много добра, безъ всякаго неудобства: предполагалось создать въ каждомъ изъ наиболѣе густо населенныхъ кварталовъ Парижа учрежденіе, настолько обширное, что въ немъ могло бы помѣститься около 400 семействъ рабочихъ, каждое изъ коихъ имѣло бы свою отдѣльную квартиру и пользовалось бы преимуществами, вытекающими изъ сбереженій, осуществленныхъ, благодаря системѣ ассо-

ціацій, для закупки пищевыхъ продуктовъ и расходовъ, по найму квартиръ, отопленію и освѣщенію, преимуществами, равносильными увеличенію заработной платы. Въ этихъ учрежденіяхъ были бы залы для чтенія, дѣтскія ясли, школы, сады, дворы, ванная. По смѣтамъ, представленнымъ мнѣ двумя искусными архитекторами, гг. Ноттомъ и Дали, каждое изъ такихъ учрежденій должно было стоить около милліона. Чтобы покрыть этотъ расходъ, правительство сдѣлало бы заемъ; женщины занялись бы сборомъ пожертвованій, и всѣ классы общества были бы призваны доставлять агентовъ, которые радѣли бы объ успѣхѣ финансовой операціи, столь новой и имѣющей столь благодѣтельное значеніе.

Самъ по себѣ, этотъ проектъ не представлялъ собой ничего неисполнимаго и былъ даже осуществленъ въ другихъ странахъ. Тѣмъ не менѣе, были сдѣланы возраженія: напр., стали утверждать, что преимущества, доставляемыя этого рода учрежденіями, повлекутъ за собой такое множество прошеній о принятіи въ послѣднія, что невозможно будетъ ихъ всѣхъ удовлетворить: на это мы отвѣтили, что предпочтеніе будетъ отдаваться людямъ семейнымъ—наиболѣе обремененнымъ семьей. Эта мѣра была необходима *лишь въ самомъ началѣ*, во избѣжаніе затрудненій; подразумѣвалось, что этотъ проектъ будетъ лишь первымъ шагомъ на пути развитія системы, которая послѣ того, какъ опытъ докажетъ ея практическое превосходство постепенно расширится и распространится на все общество. Вопросъ былъ всесторонне разсмотрѣнъ, съ большой проницательностью и большимъ талантомъ, гг. Видалемъ, Дюкоти, Дюссаромъ и Малармъ; этотъ послѣдній, рабочій, бронзовщикъ, обладалъ высокимъ умомъ и глубокимъ знаніемъ вопроса. Было принято заключеніе, по которому составленное резюме мнѣнія большинства комиссіи должно было быть передано на одобреніе Временнаго Правительства.

Этотъ проектъ, столь важный для благосостоянія рабочаго класса въ Парижѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могли бы быть немедленно осуществлены, если бы было учреждено спеціальное министерство, созданія котораго я добивался. Къ несча-

стію, въ томъ положеніи, въ какомъ мы находились, я могъ лишь *внести* предложеніе; быстрое теченіе событій вскорѣ совершенно измѣнило положеніе, и это предложеніе было устранено подобно столькимъ другимъ!...

Я считаю себя въ правѣ подчеркнуть этотъ пунктъ, такъ какъ въ Англіи постарались распространить ту мысль, что люксембургскіе планы потерпѣли крушеніе вслѣдствіе своей неосуществимости и моей „административной неспособности“, несмотря на то, что я имѣлъ подъ рукой „громадные рессурсы“. Такъ, одинъ выдающійся писатель, г. Сентъ-Джонъ, говоритъ обо мнѣ въ своей *Біографіи Луи Наполеона*: „его замѣчательный литературный талантъ еще рельефнѣе выставилъ его административную несостоятельность“ [1]. Другой англійскій писатель также сомнѣвается въ моихъ административныхъ способностяхъ, принимая во вниманіе обширныя средства (ample means), которыми, по его ни на чемъ неоснованному предположенію, я будто-бы располагалъ [2]. Хотѣлось бы знать, какъ бы я могъ быть *администраторомъ* тамъ, гдѣ совершенно нечѣмъ было *завѣдывать*; и по истинѣ странно, что писатели, имѣющіе претензію на знакомство съ вещами, о которыхъ они говорятъ, рѣшаются такъ громко трубить о моихъ ample means, когда всѣмъ извѣстно, что при Люксембургской коммиссіи никогда не было ни кассы, ни бюро, ни тѣни административной организаціи. Читатель помнитъ, что въ ратушѣ лишь настойчивыя мольбы г-на Араго побудили меня принять, скрѣпя сердце, предсѣдательство въ Правительственной комиссіи о рабочихъ, т. е. пойти навстрѣчу громадной отвѣтственности, совершенно не имѣя соотвѣтствующихъ полномочій: послѣдующія разоблаченія слишкомъ хорошо выяснили тайные мотивы, которыми руководились нѣкоторые члены совѣта, настаивая на томъ, чтобы я принялъ этотъ постъ. Но спѣшу заявить, что я къ нимъ не причисляю г-на Араго, который въ

---

[1]) Louis Napoleon: A Biography, by Augustus Saint John, стр. 268, 1857 г.

[2]) Napoleon the Third. Review of his Life, Character and Politic etc., by a Britisch officer, стр. 141, 1857 г.

этомъ случаѣ былъ, самъ того не зная, орудіемъ заговора, разсказаннаго г-номъ Эмилемъ Тома слѣдующимъ образомъ:

„Г-нъ Мари сказалъ мнѣ, что формальное намѣреніе правительства состояло въ томъ, чтобы этотъ люксембургскій опытъ былъ произведенъ, такъ какъ этотъ опытъ дастъ прекрасный результатъ, а, именно, докажетъ пустоту непримѣнимыхъ теорій Луи Блана (и начинали съ того, что лишали меня всякой возможности примѣнить ихъ); что, такимъ образомъ, рабочее сословіе не замедлитъ разочароваться, что его идолопоклонство, по отношенію къ Луи Блану, исчезнетъ само собою, что онъ потеряетъ навсегда свое вліяніе, свое обаяніе и перестанетъ быть опаснымъ“ [1]).

Правда, что событія нѣсколько обманули эту надежду, если она была такова. Не только довѣріе делегатовъ ко мнѣ осталось до конца незыблемымъ, но оно приняло необычайно великодушный и величавый характеръ. Народъ узналъ своихъ.

Къ тому же, несмотря на то, что были приняты всевозможныя предосторожности, чтобы связать мнѣ руки, я смогъ извлечь изъ своего положенія нѣкоторые практическіе результаты, самымъ важнымъ изъ которыхъ является толчокъ, данный развитію рабочихъ ассоціацій. Исторія ихъ зарожденія будетъ предметомъ отдѣльной главы. Здѣсь я удовольствуюсь тѣмъ, что напомню въ нѣсколькихъ словахъ, о томъ, чѣмъ выразилась дѣтельность люксембургской комиссіи, помимо этого замѣчательнаго движенія.

Трудность для рабочихъ находить себѣ занятіе, а для хозяевъ—находить въ данный моментъ работниковъ, имъ нужныхъ, была однимъ изъ бѣдствій тогдашняго положенія. Я добился отъ Временнаго Правительства декрета, предписавшаго учрежденіе при каждой мэріи оффиціальнаго бюро, имѣвшаго цѣлью сближеніе спроса на трудъ съ его предложеніемъ.

Существовало злоупотребленіе, на которое рабочіе громко и справедливо жаловались: это была гибельная конкуренція, которую противопоставлялъ свободному труду трудъ арестантовъ, содержав-

---

[1]) Histoire des ateliers nationaux, par M. Emile Thomas, стр. 47.

шихся на государственный счетъ. Правительственная комиссія о рабочихъ добилась немедленнаго расторженія договоровъ, заключенныхъ съ подрядчиками арестантскихъ работъ, а также рѣшенія, что, въ случаѣ необходимости вознагражденія, это послѣднее будетъ уплачено государствомъ, будучи опредѣлено или по взаимному соглашенію съ заинтересованной стороной или подлежащими трибуналами, на основаніи доклада экспертовъ [1]).

Та же мѣра была примѣнена къ работамъ, исполняемымъ военными, находящимися на службѣ или получающими отъ государства жалованіе, содержаніе, пищу и квартиру [2]).

Вязальная и швейная работа, организованная въ такъ называемыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, до такой степени обезцѣнила ручной трудъ, что матери, жены и дочери рабочихъ не могли, несмотря на чрезмѣрную трату силъ и на безчисленныя лишенія, удовлетворять самыя необходимыя потребности. По предложенію Правительственной комиссіи о рабочихъ, Временное Правительство издало декретъ, прекратившій это нестерпимое злоупотребленіе [3]).

Мнѣ пришлось бы слишкомъ распространиться, если бы я захотѣлъ перечислить всѣ мѣры, принятыя люксембургской комиссіей, въ виду борьбы съ насущными страданіями; но я не могу обойти молчаніемъ фактъ, который докажетъ, что, несмотря на свои горячія симпатіи къ рабочему классу, комиссія не приносила справедливости имъ въ жертву.

Англичане узнали изъ множества колкихъ памфлетовъ, сопровождавшихся колкими комментаріями, и,—въ числѣ прочихъ пасквилей,—изъ книги лорда Норменби, что послѣ февральской революціи поднялся сильный ропотъ, противъ сдѣлавшейся очень чувствителной конкуренціи иностранныхъ рабочихъ [1]). Это правда;

---

[1]) См. „Le Moniteur“, отъ 25-го марта 1848 года.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 178.

я съ горестью признаюсь въ этомъ. Но съ этимъ фактомъ связаны обстоятельства, о которыхъ лордъ Норменби постарался умолчать передъ своими согражданами и о которыхъ слѣдуетъ упомянуть.

Едва я узналъ въ Люксембурскомъ дворцѣ объ агитаціи, начавшейся въ нѣкоторыхъ мастерскихъ, какъ рѣшилъ принять надлежащія мѣры. Въ данномъ случаѣ, съ моей стороны не нужно было никакого усилія храбрости, ибо я достаточно зналъ парижскихъ рабочихъ и поэтому былъ заранѣе увѣренъ, что всякое обращеніе къ ихъ чувству права и чести произведетъ на нихъ желаемое дѣйствіе.

Вслѣдствіе этого, я составилъ слѣдующую прокламацію, подъ которой охотно согласились подписаться всѣ мои товарищи и члены Временнаго Правительства, и которая появилась въ „Монитерѣ“ 9-го апрѣля 1848-го года.

„По предложенію Правительственной комиссіи о рабочихъ:

Принимая во вниманіе, что принципъ, провозглашенный торжествующей республикой, есть принципъ братства;

Что мы сражались и побѣдили во имя и ради всего человѣчества;

Что одно ужъ названіе человѣка выражаетъ нѣчто неприкосновенное и священное, чего не можетъ стереть различіе отечествъ;

Что, кромѣ того, славная особенность Франціи, ея геній, ея обязанность состоятъ въ томъ, чтобы ея побѣды и,—когда это нужно, — даже ея страданія призывали на нее благословеніе народовъ;

Принимая во вниманіе, что, если она кормитъ въ настоящее время много иностранцевъ,—еще бо̀льшее число ея гражданъ живетъ своимъ трудомъ въ Англіи, въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Америкѣ,—подъ самыми отдаленными небесами;

Что вызывать отвѣтныя мѣры, со стороны другихъ народовъ, изгоняя изъ нашей страны нашихъ иностранныхъ братьевъ, было бы не только позоромъ для насъ, но и бѣдствіемъ;

Временное Правительство поручаетъ иностранныхъ рабочихъ, живущихъ во Франціи, покровительству французскихъ рабочихъ и ввѣряетъ честь гостепріимной республики великодушію народа“ [1]).

Бо́льшаго не потребовалось: агитація затихла, какъ по волшебству.

Для того, чтобы вліять на этотъ народъ, самый благородный изъ всѣхъ, достаточно было обращаться къ его разуму и къ его сердцу. И даже это было необходимо лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Я могъ бы привести тысячи примѣровъ способности рабочихъ находить въ самихъ себѣ мотивы великодушныхъ поступковъ; достаточно напомнить, съ какой трогательной и добровольной готовностью тѣ изъ нихъ, которые имѣли мѣсто, предложили Временному Правительству, несмотря на свою бѣдность, выручку отъ складчины, предназначенной для доставленія работы ихъ незанятымъ товарищамъ [2]).

Но не менѣе достойна похвалъ была умѣренность ихъ требованій и ихъ тона въ тѣ дни, когда они были всемогущи. Доказательствомъ можетъ служить заявленіе, расклеенное по всѣмъ парижскимъ стѣнамъ, подписанное значительнымъ числомъ рабочихъ и въ которомъ заклинали народъ отказаться отъ всякаго требованія, могущаго повлечь за собой банкротство хозяевъ и закрытіе мастерскихъ [3]).

Благодаря этому соединенію умѣренности и здраваго смысла въ рабочемъ классѣ, люксембургская комиссія могла вмѣшиваться существеннымъ образомъ въ разногласія между рабочими и хозяевами, и пусть читатель замѣтитъ, что это происходило, лишь по просьбѣ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Я сказалъ, какъ великодушенъ былъ, въ цѣломъ, февральскій народъ: нѣтъ историческаго факта, который былъ бы болѣе неопровержимо установленъ. Тѣмъ не менѣе, было бы чудомъ, если бы такая соціальная буря, какъ февральская революція, про-

[1]) См. „le Moniteur“, 9-го апрѣля 1848 года.

[2]) Рабочіе г. Анри Леклерка подали примѣръ. См. Moniteur, отъ 11-го марта 1848 г.

[3]) Ibid.

неслась надъ Франціей, не взволновавъ въ ней много интересовъ и страстей. Поэтому случилось, что надежды, пробужденныя революціей стали выражаться въ жалобахъ иногда горестныхъ, иногда гнѣвныхъ. Тамъ, гдѣ страданія, проистекающія отъ недостатковъ соціальныхъ учрежденій, были совершенно невыносимы, угнетенные должны были попытаться сбросить съ себя иго. Этимъ попыткамъ привилегированныя лица противополагали несправедливое сопротивленіе, которое, въ свою очередь, вызывало бурный протестъ, а крайнія формы этого послѣдняго могли имѣть роковыя послѣдствія для самихъ протестующихъ. Можно догадаться, къ какимъ несчастьямъ могли бы привести подобныя столкновенія, если бы не существовало третейскаго суда, пользовавшагося общественнымъ довѣріемъ. Сама сила вещей поручила эту роль люксембургской комиссіи, которая, въ этомъ отношеніи, оказала громадныя услуги.

Ея вмѣшательство прекратило очень незначительныя стачки, какъ, напр., на мануфактурѣ Дерона и Кайля; горячіе споры были умиротворены или предупреждены; улажены многочисленныя соглашенія изъ которыхъ нѣкоторыя были столь важны, что отъ нихъ зависѣло общественное спокойствіе.

Кто не помнитъ, каковъ былъ видъ Парижа, во время первыхъ дней революціи? Вездѣ—баррикады или ихъ обломки. Прекращеніе торговли, пріостановка движенія безотлагательно требовали, чтобы камни мостовой, вынутые во время сраженія, были положены на мѣсто. Возникло большое затрудненіе. Мостильщики соглашались работать, лишь на новыхъ условіяхъ и, въ случаѣ отказа, заявляли свое рѣшеніе устроить забастовку. Какова была бы развязка кризиса, еслибы не существовало люксембургской комиссіи? Къ ней обратились, съ общаго согласія, хозяева и рабочіе; открылись пренія, отстранившія силу и давшія слово справедливости; требованія мостильщиковъ, признанныя справедливыми, были удовлетворены, и улицамъ возвратили ихъ обычный видъ [1]).

---

[1]) См. приложеніе № 3.

Но едва лишь камни мостовой очутились на прежнемъ мѣстѣ, какъ на всѣхъ пунктахъ Парижа остановились экипажи. Сначала это произошло съ омнибусами, „фаворитками" и пр., затѣмъ съ фіакрами, кабріолетами, всѣми наемными экипажами. Рѣчь шла и здѣсь о заработной платѣ. Обратились къ посредничеству люксембургской комиссіи; кучера и хозяева являются на этотъ судъ, къ которому и тѣ и другіе прибѣгли, ожидая его рѣшенія съ одинаковымъ волненіемъ; делегаты обѣихъ сторонъ совмѣстно выслушиваются; происходитъ соглашеніе къ общему удовольствію — и вездѣ возстанавливается экипажное движеніе [1]).

Нужно было построить временный залъ для преній Національнаго собранія, т. к. помѣщеніе прежней Палаты депутатовъ не было достаточно обширно для республики. Въ то время, когда работа должна была подвигаться впередъ съ наибольшей поспѣшностью, кровельщики спускаются съ крыши зданія и, вслѣдствіе разногласій съ подрядчиками, отказываются работать. Просятъ вмѣшательства люксембургской комиссіи, и простого призыва къ ихъ патріотизму оказалось достаточно, чтобы кровельщики предложили безплатно работать на республику: великодушное предложеніе, котораго республика не могла принять, но которое, тѣмъ не менѣе, налагало на нее долгъ второй платы: благодарности.

Длиненъ былъ бы списокъ всѣхъ устроенныхъ нами соглашеній, если бы мы хотѣли все разсказать. Механики, обойщики, кучера, выгрузчики, мостильщики, шляпочники, цинковщики, хлѣбопеки, кузнецы, бѣлильщики... мало найдется профессій, въ которыхъ люксембургская коммиссія не возстановила труда и согласія. Объ этомъ существуютъ протоколы, подписанные обѣими сторонами. Пусть разорветъ, кто можетъ, эту страницу исторіи [2]).

И не слѣдуетъ забывать, что чаще всего хозяева первые приходили просить нашего посредничества [3]). Хозяева и рабочіе

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

порознь отправлялись въ Люксембургскій дворецъ—и возращались изъ него почти всегда вмѣстѣ.

Одно изъ вышеупомянутыхъ соглашеній заслуживаетъ вниманія читателя, такъ какъ оно спасло Парижъ отъ неминуемой опасности.

29-го марта Парижъ чуть не проснулся безъ хлѣба. 25-го числа я получилъ слѣдующее письмо отъ делегатовъ синдиката пекарей:

„Гражданинъ представитель народа.

Двое изъ представителей синдиката парижскихъ пекарей должны сдѣлать вамъ безотлагательное сообщеніе по поводу серьезныхъ опасеній, касающихся изготовленія хлѣба въ нынѣшній вечеръ; они вчера дважды совѣщались съ гражданиномъ префектомъ полиціи; сегодня они должны снова съ нимъ увидѣться въ половинѣ втораго. Можетъ быть, вы прійдете на совѣщаніе. Этотъ мотивъ дѣлаетъ необходимымъ сообщеніе, которое они просятъ васъ выслушать во имя спокойствія Парижа.

Они остаются и пр.

Подписано: Паръ, Ш. Пекуръ.

Суббота, 25-го марта, 11 часовъ и три четверти“.

Касательно послѣдствій этого письма, предоставляю слово „Монитеру“:

„Сегодня опять прибѣгли къ оффиціозному вмѣшательству Правительственной комиссіи о рабочихъ, но на этотъ разъ при исключительныхъ обстоятельствахъ. Рѣчь шла объ одномъ изъ производствъ (изготовленія хлѣба въ Парижѣ), малѣйшія пертурбаціи котораго могутъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія для продовольствія столицы. Рабочіе-пекари образуютъ корпорацію, страданія которой требовали самыхъ быстрыхъ и самыхъ дѣйствительныхъ палліативныхъ средствъ. Ясное сознаніе несчастнаго положенія, которое незамѣтнымъ образомъ выпало на ихъ долю среди трудовой организаціи, сдѣлавшуюся вообще невыносимой, еще болѣе раздражало ихъ и внушало имъ крайнія рѣшенія. Парижу грозила возможность остаться безъ хлѣба черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, на слѣдующій же

день. Тѣмъ не менѣе, соглашеніе, и соглашеніе полное, было устроено сейчасъ же послѣ того, какъ его стали добиваться: делегаты хозяевъ и работниковъ пришли сегодня утромъ представить свою тяжбу на третейскій судъ президента и вице-президента комиссіи. Новый тарифъ былъ выработанъ путемъ непродолжительнаго полюбовнаго и совмѣстнаго обсужденія тяжущимися и былъ охотно принятъ обѣими сторонами. Большинство рабочихъ пекарей стояло во дворѣ Люксембургскаго дворца, ожидая съ нетерпѣливымъ волненіемъ исхода переговоровъ. Г. Луи-Бланъ пришелъ прочесть рѣшеніе, которое было встрѣчено всеобщимъ и восторженнымъ одобреніемъ. Свидѣтельства самой искренней благодарности, принесенныя делегатами той и другой стороны, съ лихвой вознаградили комиссію за ея неутомимыя старанія. Между тѣмъ какъ хозяева выражали свою благодарность комиссіи, одинъ рабочій, избранный въ делегаты добровольнымъ рѣшеніемъ своихъ товарищей, подошелъ въ сильномъ волненіи къ г-ну Луи Блану, горячо пожалъ ему руку и предложилъ ему отъ ихъ имени по два франка, которые должны быть вычтены у каждаго изъ нихъ изъ платы за ближайшій рабочій день и предоставлены въ распоряженіе Временнаго правительства. Эти факты многознаменательны, такъ какъ они не представляютъ собою отдѣльныхъ и исключительныхъ случаевъ. Не станемъ вспоминать о затруднительныхъ случаяхъ, къ которымъ было примѣнено посредническое рѣшеніе комиссіи; большая часть изъ нихъ была предана гласности; не дальше какъ вчера, посредствомъ своевременныхъ переговоровъ съ Ліонской желѣзнодорожной компаніей, комиссія устранила затрудненія, грозившія продолжить разорительную безработицу рабочихъ механиковъ заведенія Фарко въ городѣ Сентъ-Уанѣ; сегодня утромъ рабочіе получили увѣреніе въ томъ, что они могутъ снова взяться за работу, такъ какъ ихъ плата не будетъ понижена" [1]).

Имѣя передъ глазами подобные документы, лордъ Норменби пишетъ: „Въ городѣ не было больше муки и булочники перестали раздавать хлѣбъ. Мы обязаны удачнымъ усиліямъ Ламартина

[1]) См. „le Moniteur", отъ 28-го марта 1848 года.

*

тѣмъ, что спаслись, благодаря снесенію баррикадъ, отъ опасности болѣе серьезной, хотя и менѣе явной, чѣмъ рѣзня“ [1]).

Можно судить по этому образчику объ исторической цѣнности комплиментовъ, расточаемыхъ во всей его книгѣ Его Сіятельствомъ г-ну де Ламартину, въ ущербъ революціи и народу.

Чтобы получить точное понятіе о бремени, которое было возложено на Люксембургскую комиссію, читатель не долженъ забывать, что все разсказанное выше было совершено, (правда, благодаря очень дѣятельной и очень плодотворной помощи г-на Видаля), въ короткій промежутокъ двухъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ, кромѣ того, мы должны были участвовать въ преніяхъ Временнаго правительства. Я не помню, чтобы за это время мнѣ пришлось хоть одинъ разъ работать менѣе 14-ти часовъ въ сутки. Альберъ, обладавшій желѣзнымъ здоровіемъ, хорошо перенесъ усталость. Не такъ было со мною и мое здоровье сильно тогда пошатнулось.

Таковы наши преступленія.

А теперь, принужденный писать эти строки на чужбинѣ.... но какой солдатъ имѣетъ право жаловаться на то, что былъ раненъ, сражаясь? Къ тому же, сколько другихъ, гораздо болѣе достойныхъ, гораздо болѣе страдали? Какъ ни тяжело быть на многіе годы, можетъ быть навѣки, оторваннымъ отъ того, что для насъ всего дороже, какъ ни тяжело скитаться въ изгнаніи подъ двойнымъ бичемъ клеветы и бѣдности, все же дышать чистымъ воздухомъ, имѣть возможность окидывать взглядомъ небесный сводъ, видѣть передъ собою пространство, чувствовать себя свободнымъ,— это значитъ жить. Ужасъ, агонія, смерть съ сознаніемъ, что живешь въ смерти—это быть погребеннымъ въ глубинѣ темницы, куда не проникаютъ ни лучи солнца, ни звуки человѣческаго голоса, это кочевать изъ тюрьмы въ тюрьму, гдѣ тебя смѣшиваютъ съ ворами и убійцами, это знать изъ всего лишь то, что тебѣ позволяетъ видѣть по-пути изъ каземата въ казематъ движеніе одиночной арестантской кареты, т. е. движеніе могилы. Бѣдный Альберъ!

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 145.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Кооперативныя ассоціаціи, учрежденныя Люксембургской комиссіей.

Делегатъ Бераръ.—Ассоціація работниковъ-портныхъ. — Правительство заказываетъ ей 100.000 мундировъ для національной гвардіи.—Тюрьма Клиши превращается въ мастерскую.—Статуты и регламенты ассоціаціи.—Добытые результаты.—Безкорыстіе членовъ ассоціаціи.—Пособіе въ видѣ работы, данное ими работницамъ различныхъ корпорацій.—Ассоціація работниковъ-сѣдельщиковъ.—Правительство заказываетъ имъ партію военныхъ сѣделъ.—Генералъ Удино возстаетъ противъ этой мѣры.—Ассоціаціи прядильщиковъ; басонщиковъ и пр.—Усилія реакціонеровъ съ цѣлью помѣшать ихъ упроченію.—Мнѣніе г-на Уилльяма Коннингэма о кооперативной системѣ.—Рабочія ассоціаціи на промышленной выставкѣ.—Интриги и преслѣдованія, направленныя противъ нихъ.—Союзъ ассоціацій основывается на началахъ, указанныхъ *Новымъ Міромъ*.—Преданіе суду и осужденіе г-на Дельбрука, организатора этого союза.—Ассоціаціи, дожившія до нашего времени.

Въ слѣдующей главѣ я покажу, какимъ образомъ была внушена всей Европѣ мысль, что соціализмъ долженъ быть отвѣтственъ за пресловутыя національныя мастерскія, которыя, напротивъ, были учреждены и организованы, изъ ненависти къ соціализму, его оффиціальными противниками; я намѣреваюсь поговорить здѣсь объ учрежденіяхъ совершенно другого рода, а именно о кооперативныхъ ассоціаціяхъ, учрежденіе коихъ имѣло столь поразительные и столь прочные результаты. Я надѣюсь, что эта тема не покажется лишенной новизны и интереса. Я постараюсь освѣтить усилія, направленныя къ осуществленію принципа, „который можно разсматривать“, говоритъ графиня д'Агу, въ своей прекрасной и великодушной *Исторіи февральской революціи*, „какъ исходный пунктъ естественной организаціи пролетаріата,

какъ зародышъ индустріальной общины, которая современемъ станетъ для пролетаріевъ новаго времени тѣмъ, чѣмъ была средневѣковая община для буржуазіи, а именно гарантіей правъ и обезпеченнаго существованія посредствомъ организаціи и конфедераціи рабочихъ силъ“ [1]).

Я уже объяснилъ, что, по моему мнѣнію, иниціатива учрежденія рабочихъ ассоціацій должна была бы принадлежать государству; эта иниціатива дала бы безконечно важные результаты, еслибы Временное правительство не отвергло самой мысли о ней, отказываясь создать спеціальное министерство, предложенное мною. Читатель знаетъ объ этомъ предложеніи, о моихъ настояніяхъ на его принятіи, о поддержкѣ, которую мнѣ оказали, въ этомъ пунктѣ, рабочіе, о возраженіяхъ, противопоставленныхъ мнѣ большинствомъ Совѣта, о моемъ рѣшеніи подать въ отставку, объ энергіи, съ которой меня упрашивали взять его обратно, о мотивахъ, которые, послѣ долгаго колебанія, побудили меня согласиться. Такимъ образомъ, мои усилія были совершенно парализованы. Тѣмъ не менѣе, случилось два обстоятельства, подавшихъ мнѣ нѣкоторую надежду получить возможность, несмотря на столько препятствій, провести рабочія ассоціаціи въ жизнь, хотя бы частичнымъ образомъ.

Во первыхъ, Временное правительство издало временный декретъ, причислявшій къ національной гвардіи всѣхъ гражданъ, и рѣшило выдать на государственный счетъ военную форму всякому гражданину, который по бѣдности не будетъ въ состояніи взять на себя этотъ расходъ [2]).

Во-вторыхъ, Временное правительство отмѣнило задержаніе за долги декретомъ, мотивированнымъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ виду того, что задержаніе за долги, старый остатокъ римскаго законодательства, низводившій личность на одинъ уровень съ вещью, несовмѣстимо съ общественнымъ правомъ;

---

[1]) См. Histoire de la Révolution de 1848, книгу, изданную подъ псевдонимомъ Daniel Stern, т. 2, гл. VIII, стр. 205 и 206.

[2]) „le Moniteur“, отъ 16-го марта 1848 г.

„принимая во вниманіе, что, если права кредиторовъ заслуживаютъ покровительства со стороны закона, это покровительство не должно проявляться въ мѣрахъ, отвергаемыхъ разумомъ и гуманностью; что недобросовѣстность и обманъ достаточно караются уголовнымъ закономъ; что человѣческое достоинство попирается ногами въ этой разцѣнкѣ, дѣлающей изъ свободы гражданъ законный эквивалентъ денежнаго долга и пр...“ [1]).

Вслѣдствіе этого, тюрьма Клиши стала свободной.

Такимъ образомъ, можно было: во 1-хъ основать ассоціацію рабочихъ, сдѣлавъ ей заказъ мундировъ національной гвардіи; во 2-хъ обратить тюрьму Клиши въ мастерскую.

Въ это время я узналъ, что среди делегатовъ корпораціи портныхъ былъ рабочій, одаренный выдающимися качествами и пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ своихъ товарищей. Ему передали, что я желаю его видѣть; онъ пришелъ. Никогда не забуду впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на меня съ самаго своего появленія. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и средняго роста. Его лицо было спокойно, хотя немного печально, съ крайне кроткимъ выраженіемъ. Его тѣло, тощее и хилое, его впалыя щеки, его болѣзненно-блѣдное лицо, его преждевременно облысѣвшая голова—ясно говорили, что онъ много выстрадалъ и что онъ не будетъ долго жить. Но въ общемъ характерѣ его манеръ и въ глубокомъ спокойствіи его голубыхъ глазъ выражалась душа, умѣющая бодро нести бремя жизни. Онъ назывался Бераръ.

— „Я послалъ за вами, сказалъ я ему, чтобы узнать ваше мнѣніе о возможности основать ассоціацію работниковъ портныхъ.

— Прежде всего,—отвѣчалъ онъ,—позвольте мнѣ васъ спросить, готово ли Временное правительство употребить нѣкоторые фонды на предпріятія этого рода?

— Нѣтъ; я этого добивался и съ этой цѣлью я настаивалъ на созданіи спеціальнаго министерства; но вы знаете, что мое предложеніе было отвергнуто.

— Я знаю это, и мои товарищи это знаютъ.

---

[1]) См. „le Moniteur“, отъ 10-го марта 1848 г.

При этомъ на его губахъ показалась горькая улыбка, и онъ замолчалъ. Я понялъ, что онъ дѣлалъ усилія, чтобы удержать упрекъ, вырывавшійся изъ глубины его сердца.

— Такъ что же?—спросилъ я его.

— Видите ли,—продолжалъ онъ тономъ одновременно сердечнымъ и твердымъ, который поразилъ меня,—парижскіе рабочіе были горестно изумлены, увидя, что вы уступили, когда вы могли быть увѣрены, что они васъ будутъ поддерживать до самой смерти.

— Наступитъ день—и этотъ день, надѣюсь, недалекъ,—когда справедливо оцѣнятъ мотивы моего поведенія.... но вернемся къ нашему вопросу. Думаете ли вы, что въ вашей профессіи возможна кооперативная ассоціація даже помимо государственнаго вмѣшательства“?

Онъ задумался на минуту, потомъ сказалъ:

— Главное затрудненіе, это отсутствіе орудій труда и денегъ на первые расходы. Въ Парижѣ есть теперь около 2000 работниковъ, принадлежащихъ къ нашей профессіи, которые охотно сгруппировались бы въ ассоціацію. Но для этого нуженъ нѣкоторый денежный запасъ. А гдѣ найти необходимыя деньги? Не могутъ же обратиться къ своимъ сбереженіямъ люди, большая часть которыхъ, вслѣдствіе коммерческаго кризиса, не имѣетъ ни работы, ни хлѣба?

— По вашему мнѣнію это единственное затрудненіе?

— Есть еще другое, котораго не слѣдуетъ терять изъ виду въ такой профессіи, какъ моя. Вамъ, милостивый государь, безъ сомнѣнія извѣстно, откуда фабриканты готоваго платья извлекаютъ бо̀льшую часть своихъ барышей: будутъ ли имѣть возможность ассоціаціи, основанныя на принципѣ человѣческаго братства, богатѣть на счетъ безработицы и нищеты, какъ то дѣлаютъ фабриканты? Возможно ли будетъ, чтобы онѣ, исполняя работу по дешевой цѣнѣ, понижали еще болѣе и безъ того уже низкую заработную плату? Поэтому онѣ будутъ принуждены продавать дороже; а въ такомъ случаѣ, въ состояніи-ли онѣ будутъ выдержать конкурренцію? Знаете ли вы, милостивый государь, сколько получаетъ бѣдная жен-

щина за жилетъ, который зачастую требуетъ двухъ дней работы? Пятнадцать су! да, пятнадцать су! Вотъ какъ объясняются крупные барыши, получаемые иными спекулянтами. Лучше ужъ умереть съ голоду, чѣмъ достигнуть богатства такими путями! И чувство это мы всѣ раздѣляемъ, такъ какъ женщинѣ невозможно прожить, зарабатывая менѣе полутора франковъ въ день, и ужасно подумать объ этихъ долгихъ безсонныхъ ночахъ, во время которыхъ, безпрерывно сгибаясь надъ столь непроизводительной для нихъ работой, несчастныя молодыя дѣвушки теряютъ здоровье и борются съ отчаяніемъ, въ мукахъ агоніи, единственнымъ концомъ которой является иногда проституція".

Говоря это, честный рабочій постепенно пришелъ въ крайнее возбужденіе; живая краска залила его скулы, и душевное волненіе его выразилось въ влажномъ блескѣ его глазъ.

— Но, продолжалъ я, если бы государство сдѣлало вамъ серьезный заказъ, если бы оно предоставило вамъ помѣщеніе?

— О! тогда это было бы другое дѣло, особенно если бы намъ предложили приличную задѣльную плату. Какъ я вамъ уже сказалъ, въ Парижѣ въ настоящее время находится много рабочихъ портныхъ, въ которыхъ принципъ ассоціаціи найдетъ искреннихъ сторонниковъ; что же касается до меня, то я готовъ всецѣло посвятить себя его торжеству, считая это торжество необходимымъ и справедливымъ.

— Но мнѣ извѣстно, что вы очень искусны въ вашемъ дѣлѣ и что вы принадлежите къ числу тѣхъ, которые привыкли имѣть хорошій заработокъ. Вы идете навстрѣчу тяжелой задачѣ...

Онъ прервалъ меня восклицаніемъ:

— Э, видали мы не такіе виды!

Результатомъ этого свиданія было образованіе ассоціаціи портныхъ, во главѣ которой фигурировали Бераръ и двое рабочихъ, подобно ему выбранныхъ корпораціей. Я добился для нихъ заказа ста тысячъ мундировъ; опустѣвшая тюрьма Клиши обратилась въ мастерскую [1]), и члены ассоціаціи водворились въ ней приблизи-

[1]) См. „le Moniteur", отъ 17-го марта 1848 года.

тельно въ числѣ двухъ тысячъ; они выработали для внутренняго распорядка инструкцію, въ основаніе которой положили принципы, изложенные восемь лѣтъ передъ тѣмъ въ книгѣ, озаглавленной *Организація труда* [1]).

Съ самаго начала, члены ассоціаціи глубоко прониклись сознаніемъ обязанности содѣйствовать постепенной эмансипаціи своихъ собратьевъ, давая имъ практическое доказательство преимуществъ кооперативной системы, задуманной въ духѣ солидарности. Условія принятія въ семью („семья"—наиболѣе подходящее слово)—были: во 1-хъ возможность употреблять добавочныхъ работниковъ; во 2-хъ со стороны кандидата,—хорошее поведеніе, желаніе работать и достаточное знаніе ремесла. Не было тутъ никакой власти, кромѣ власти всѣхъ, представленной нѣсколькими избранными уполномоченными, безкорыстными служителями общихъ интересовъ и, въ качествѣ таковыхъ, увѣренными въ любви, уваженіи, послушаніи, со стороны прочихъ. Убѣжденные, что въ братской ассоціаціи слабый никогда не долженъ быть приносимъ въ жертву сильному, что неравное распредѣленіе плодовъ коллективнаго труда ведетъ къ поощренію эгоизма въ однихъ, къ возбужденію зависти въ другихъ, къ ослабленію узъ ассоціаціи и, слѣдовательно, къ приготовленію ея крушенія; что люди, работающіе бокъ о бокъ, въ виду общихъ интересовъ, естественно доступны тому же чувству чести, которымъ одушевлены солдаты, сражающіеся другъ подлѣ друга для общей побѣды, что ассоціація, по отношенію къ созидательной силѣ, есть то же, что есть поле битвы по отношенію къ силѣ разрушительной, и что столь же позорно отступать передъ работой, какъ и отступать передъ врагомъ; принимая все это во вниманіе, клишійскіе рабочіе вовсе не сочли ошибкой принятіе системы полнаго равенства, какъ въ распредѣленіи заработной платы, такъ и въ распредѣленіи прибыли. Рѣшено было, кромѣ того, что особый фондъ будетъ назначенъ на помощь вдовамъ, сиротамъ, больнымъ, и что сумма

---

[1]) Первое изданіе ея вышло въ 1840 г. девятое, въ 1850 г.

прибыли будетъ раздѣлена на двѣ части: одна распредѣлится между членами ассоціаціи, другая будетъ сохранена для постепеннаго образованія коллективнаго нераздѣльнаго капитала, принадлежащаго, такъ сказать, самому принципу ассоціаціи и предназначеннаго къ его укрѣпленію, увѣковѣченію, расширенію.

Странно, что тѣ, которые такъ запальчиво возражали противъ системы равенства заработной платы, системы принятой въ Клиши, а затѣмъ во многихъ другихъ рабочихъ ассоціаціяхъ, не обратили вниманія на то, что именно эта система процвѣтаетъ во множествѣ ремеслъ, въ арміи, во флотѣ, въ общественныхъ должностяхъ всякаго рода! Я не могу вспомнить безъ улыбки, что въ 1848 г., въ Учредительномъ Собраніи, каждый членъ котораго получалъ по 25 фр. въ день и гдѣ, слѣдовательно, наиболѣе прославленные ораторы и наиболѣе блестящіе геніи, въ смыслѣ вознагражденія, находились на совершенно одномъ уровнѣ съ людьми, достоинства которыхъ составляли очень легкую поклажу, я слышалъ—какъ нѣкоторые изъ людей этого послѣдняго сорта громили равенство заработной платы, во имя правъ таланта; эти добрые люди забывали лишь одно: примѣнить къ себѣ самимъ свою теорію. И что̀ отвѣтили бы они тому, кто бы ихъ спросилъ, всѣ ли солдаты,—которые вѣдь получаютъ одинаковую плату,—одинаково усердны, дѣятельны, храбры? существуетъ ли между судьями одного ранга равенство ума и знанія соотвѣтственно равенству жалованія? Почему же никто не находитъ этого равенства жалованія чудовищнымъ. Можетъ быть, скажутъ, что, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, надежда на повышеніе, открывающіяся перспективы являются достаточными стимулами индивидуальной дѣятельности. Но ассоціація, въ родѣ той, о которой здѣсь идетъ рѣчь, приводитъ въ дѣйствіе совершенно такіе же стимулы, такъ какъ интересъ каждаго связанъ въ ней съ интересомъ всѣхъ и коллективная прибыль не можетъ въ ней возрастать, безъ того, чтобы, пропорціонально этому, не увеличивалась доля, приходящаяся на каждаго. Болѣе того: есть основаніе утверждать, что личный интересъ здѣсь тѣмъ болѣе замѣшанъ, что вознагражденіе здѣсь

вѣрнѣе и непосредственнѣе. Но въ чемъ можетъ быть увѣренъ, напр., солдатъ? Рабъ своихъ начальниковъ, жертва ихъ несправедливыхъ предпочтеній или игрушка ихъ прихотей, завися отъ тысячи обстоятельствъ, ускользающихъ отъ его контроля, и брошенный въ жизнь исполненную случайностей, безпрерывно сталкивающую его лицомъ къ лицу со смертью, можетъ ли онъ сказать, что питаемая имъ надежда на повышеніе разнится отъ самой туманной грёзы?

Съ другой стороны, нельзя отрицать, что въ кооперативной ассоціаціи есть такъ же, какъ въ націи или арміи, та импульсивная сила, которая въ большомъ масштабѣ называется *общественнымъ* духомъ, а въ маломъ масштабѣ *духомъ корпоративнымъ*. Также и здѣсь существуетъ, вслѣдствіе сближенія хотѣній, вслѣдствіе согласованія усилій, тотъ законъ чести, (loi du point d'honneur) могущество котораго такъ велико, несмотря на то, что не подлежитъ матеріальному измѣренію. *Долгу чести* (point d'honneur) повинуется солдатъ, когда на глазахъ своихъ товарищей онъ долженъ убивать: почему же долгъ чести не можетъ заговорить столь же громко въ работникѣ, которому то же на глазахъ товарищей нужно производить? Онъ обкрадываетъ ихъ, если, призванный участвовать въ ихъ барышахъ, онъ уклоняется отъ обязанности раздѣлять ихъ труды; и позоръ быть *воромъ* въ братской мастерской, есть узда столь же дѣйствительная, какъ позоръ быть *трусомъ* на полѣ битвы.

Совершенно справедливо то, что противъ системы равенства заработной платы можно не безъ основанія возразить, что она даетъ отцу семейства не болѣе, чѣмъ холостяку. Но насколько сильнѣе это возраженіе противъ обратной системы распредѣленія, въ силу которой бѣдный рабочій, обремененный четырьмя дѣтьми, будучи слабымъ, заработаетъ меньше, чѣмъ иной сильный и ловкій парень, которому приходится кормить лишь самого себя?

Впрочемъ, само собой разумѣется, что ни клишійскіе рабочіе, ни ихъ позднѣйшіе подражатели и не думали считать равенство заработной платы истиннымъ принципомъ общественной справедли-

вости; о нѣтъ! Они захотѣли испробовать этотъ способъ, но найдя въ существующемъ порядкѣ вещей средства осуществить доктрину: „отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ“, единственную, которая опредѣляетъ основы справедливаго распредѣленія и дѣлаетъ возможнымъ полное развитіе человѣческаго существа въ каждомъ изъ насъ, единственную, которая согласуетъ общество съ природой. Несмотря на свое явное несовершенство и на свои возможныя неудобства, система равенства заработной платы была принята единственно потому, что изъ всѣхъ *переходныхъ* способовъ, употребленіе коихъ совмѣстимо съ современнымъ общественнымъ устройствомъ, менѣе всего отдаляется отъ принциповъ соціальной науки тотъ, исходной точкой котораго является прекрасная аксіома: „кто дѣлаетъ то, что онъ можетъ, дѣлаетъ то, что онъ долженъ“.

Что касается до результатовъ, то позволительно утверждать, что они были во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательны.

Я помню, что однажды двое выдающихся англичанъ, гг. Уильсонъ и Моффаттъ, почтили меня своимъ посѣщеніемъ въ Люксембургскомъ дворцѣ. Они желали рекомендательнаго письма къ управляющему клишійской ассоціацией. Я поспѣшилъ имъ его дать, и знаю, что они никогда не могли забыть ни любезнаго пріема, оказаннаго имъ въ этомъ учрежденіи, ни соединенія природнаго достоинства съ предупредительностью, которые они отмѣтили въ манерахъ своихъ *чичероне*—блузниковъ, ни наконецъ впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ видомъ этихъ мастерскихъ, гдѣ, къ своему удивленію, они не нашли ничего, что не указывало бы на порядокъ, дисциплину, трудолюбіе и согласіе.

Несомнѣнно, что ассоціація выполнила въ то время всѣ свои обязательства съ тщательной добросовѣстностью; заказанная работа была во̀-время окончена; сумма въ одиннадцать тысячъ франковъ, данная портными-хозяевами, въ займы вступившимъ въ ассоціацію работникамъ, выплачена была въ короткое время и когда, по истеченіи контракта заключеннаго съ городомъ Парижемъ, ассоціація

ликвидировала свои дѣла, съ тѣмъ чтобы возродиться на менѣе широкихъ основаніяхъ, она сдѣлала это съ барышемъ [1]).

Что еще заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, такъ это—примѣръ, который ассоціированные клишийскіе рабочіе подали своимъ братьямъ, какъ граждане и какъ люди. Усердіе, вотъ что они прежде всего принимали во вниманіе, деликатно оказывая покровительство наиболѣе слабымъ членамъ товарищества, наименѣе способнымъ, стараясь устранять передъ ними препятствія. У нихъ не было ничего похожаго на фаворитизмъ. Каждый назначался на свое мѣсто свободнымъ выборомъ со стороны равноправныхъ съ нимъ товарищей. Каждая должность носила тамъ священный характеръ обязанности, а всякій санъ являлся ношей. Тамъ бѣдные рабочіе, единственнымъ законодателемъ которыхъ была ихъ совѣсть, осуществили глубокое и трогательное изреченіе Евангелія: „Первый изъ васъ да будетъ служителемъ всѣхъ остальныхъ".

Нѣсколько фактовъ покажутъ намъ, какимъ духомъ была проникнута ассоціація въ Клиши. Какъ-то разъ, когда клишийская ассоціація должна была выполнить заказъ, не терпѣвшій отлагательства, одна особа, стоявшая во главѣ большого числа вышивальщицъ, предложила заведенію изготовить вышитыя гранаты для мундировъ національной гвардіи, по цѣнѣ, которую эта особа сама назначила и которая была немедленно принята. Вскорѣ послѣ этого являются вышивальщики. Они не знали о предложеніи со стороны работницъ и предложили свои собственныя услуги по очень низкой цѣнѣ. Ассоціація, зная, къ какой безнравственности приводитъ женщинъ унижающая тираннія голода, не поколебалась отказаться, въ пользу болѣе слабаго пола, отъ наиболѣе выгоднаго изъ двухъ предложеній [2]).

Въ это время въ столицѣ было множество безработныхъ швей,

[1]) См. въ „Nouveau Monde" письмо, адресованное Берарамъ въ „Constitutionnel", отъ 11-го іюля 1849 года.

[2]) См. въ „Nouveau Monde" письмо, подписанное пятьюдесятью девятью рабочими и адресованное въ Voix du Peuple, въ январѣ 1850 г. „Voix du Peuple", это журналъ издававшійся г-мъ Прудономъ, а письмо было написано въ отвѣтъ на возмутительно несправедливые нападки, которымъ этотъ журналъ далъ мѣсто на своихъ столбцахъ.

и парижскіе мэры, которыхъ онѣ осаждали жалобными мольбами спѣшили посылать ихъ въ Клиши, предполагая, что онѣ найдутъ себѣ тамъ занятіе. И дѣйствительно, ассоціація ни разу не отказала имъ въ ихъ просьбѣ о работѣ, хотя иныя изъ нихъ были столь мало къ ней способны, что приходилось раздѣлывать ихъ рукодѣлье и дѣлать его наново. Это была большая потеря времени и денегъ, но какая цѣна могла быть слишкомъ дорогой, когда дѣло шло о счастливой возможности вырвать у нищеты и ея жестокихъ искушеній нѣсколько лишнихъ жертвъ? [1])

Когда договоръ съ городомъ Парижемъ былъ расторгнутъ, количество работы, подлежавшей выполненію, естественнымъ образомъ перестало соотвѣтствовать числу занятыхъ рабочихъ. Что же произошло? А то, что многіе изъ тѣхъ, для кого не хватило работы, не желая оставлять ассоціацію, отказались взять обратно свой взносъ, между тѣмъ какъ другіе, все способные работники, подвергли себя суровымъ лишеніямъ и вмѣнили себѣ въ обязанность вносить въ общую кассу всю свою заработную плату; это дало возможность основать въ самомъ помѣщеніи ассоціаціи кухню, гдѣ около трехсотъ безработныхъ кормилось нѣсколько мѣсяцевъ за тридцать сантимовъ въ день [2]).

Я легко могъ бы привести много другихъ примѣровъ; но я не пишу спеціальной книги, а изобиліе матеріаловъ заставляетъ меня торопиться.

Второй ассоціаціей, учрежденной Люксембургской комиссіей, была ассоціація сѣдельниковъ. Вспомните изданный Временнымъ правительствомъ декретъ, цѣлью котораго было защитить рабочій классъ отъ подавляющей конкурренціи людей, кормившихся и квартировавшихъ на счетъ государства: на основаніи этого декрета я добился того, чтобы изготовленіе части сѣделъ, дѣлавшихся въ сомюрской военной мастерской, было поручено нѣкоторому числу парижскихъ сѣдельниковъ, которымъ этотъ заказъ далъ возможность образовать ассоціацію. Нечего и говорить, что мнѣ пришлось по-

[1]) Ibid.
[2]) См. письмо въ „Nouveau Monde.“

бѣдить разныя сопротивленія. Легко догадаться, откуда они шли. Но Франція въ то время шла съ поднятой вверхъ головой, со скипетромъ разума въ рукахъ и правосудіе не было подчинено мечу! Однажды ко мнѣ въ Люксембургскій дворецъ являются делегаты корпораціи сѣдельниковъ, измѣнившіеся въ лицѣ и съ пылающими глазами. „Гражданинъ, воскликнули они, мы васъ умоляемъ вмѣшаться. Дѣло идетъ объ уничтоженіи рѣшенія о сѣдлахъ, изготовляемыхъ въ Сомюрѣ, и въ настоящую минуту одинъ генералъ держитъ рѣчь на эту тему передъ огромной толпой народа, собравшейся на улицѣ Сентъ-Оноре, въ залѣ Валентино. О, пойдемте съ нами, пожалуйста, пойдемъ!“ Я сажусь съ ними въ карету и мы отправляемся въ путь. Залъ Валентино, дѣйствительно, былъ наполненъ народомъ и человѣкъ, котораго я сейчасъ же узналъ, ораторствовалъ передъ толпой съ большимъ оживленіемъ. Это былъ тотъ самый генералъ Удино, при одномъ имени котораго въ настоящее время содрогается Римъ! Я прямо направился къ нему: „Правда ли, генералъ, что вы пришли сюда для того, чтобы воспротивиться исполненію приказаній Временнаго правительства?“ Онъ отвѣтилъ, что и не думалъ ни о чемъ подобномъ, что онъ только счелъ нужнымъ сообщить собранію нѣсколько соображеній, казавшихся ему вѣрными, и затѣмъ онъ разсыпался въ изъявленіяхъ готовности къ услугамъ, въ увѣреніяхъ преданности. Толпа огласила залъ громкими криками и привѣтствовала удаленіе генерала столь сильными проявленіями радости, что понадобилось ихъ умѣрить.

Такъ возникла ассоціація сѣдельниковъ. Она развилась параллельно клишійской ассоціаціи и въ августѣ 1848 года, когда я оставилъ Парижъ, она процвѣтала.

Люксембургской же комиссіи обязана своимъ возникновеніемъ третья ассоціація,—ассоціація прядильщиковъ. Я предоставляю слово делегатамъ корпораціи:

„Декретъ, постановившій экипировать сто тысячъ солдатъ національной гвардіи, положилъ начало ассоціаціи прядильщиковъ, такъ какъ гражданинъ Луи Бланъ немедленно сталъ ходатайство-

вать у мэра города Парижа о снабженіи насъ заказомъ ста тысячъ эполетъ. Гражданинъ Маррастъ не захотѣлъ поручить такое серьезное дѣло рабочимъ, не имѣвшимъ ни матеріаловъ и орудій производства, ни капиталовъ и бывшимъ въ состояніи представить въ видѣ гарантіи лишь свою добропорядочность. Благодаря вмѣшательству Луи Блана, былъ подписанъ 26-го числа договоръ города съ ассоціацией, которая не могла бы образоваться безъ этого важнаго заказа, если принять во вниманіе количество денегъ, необходимое для существованія прядильни, и слабость надежды на сбытъ продуктовъ въ эту эпоху".

„Тогда Луи Бланъ свелъ насъ съ делегатами басонщиковъ, образовавшими въ своей корпораціи коммандитное общество, съ которымъ мы заключили контрактъ касательно изготовленія эполетъ. Мы должны были доставлять ему промытую, трепанную, чесанную, сученую и крашеную шерсть. Такимъ образомъ, по инціативѣ Люксембургской комиссіи, нѣсколько сотъ рабочихъ съ первыхъ же дней революціи стали осуществлять на практикѣ принципъ ассоціаціи, въ настоящее время столь плодотворно развившійся".

„Возникло другое затрудненіе: несмотря на представленныя въ нашемъ договорѣ гарантіи кредитоспособности, ни одинъ купецъ не захотѣлъ дать намъ товаръ въ долгъ, ни одинъ банкиръ — дать намъ ссуду. Мы обратились къ предсѣдателю комиссіи о рабочихъ: онъ не имѣлъ бюджета; человѣкъ, которому поручено было организовать ассоціаціи, не имѣлъ ни одного сантима въ своемъ распоряженіи!! Тѣмъ не менѣе, благодаря его ходатайству, мы получили отъ Учетнаго банка, 10-го апрѣля, взаймы 12.000 франковъ, давшій намъ возможность начать руботу.

„Когда реакція одержала верхъ, дѣйствіе нашего договора было пріостановлено, позднѣе контрактъ былъ грубо расторгнутъ, на основаніи права сильнаго. Отказались вознаградить насъ за пятьдесятъ тысячъ тѣхъ эполетъ, которыя мы должны были еще доставить. „Жалуйтесь въ судъ", сказали намъ, вмѣсто всякаго другого отвѣта; и процессъ протянется годъ; въ теченіе всего этого

времени вы не будете видать денегъ. Если же вы согласитесь на мировую сдѣлку, то мы вамъ уплотимъ то, что мы вамъ должны за прежнюю работу, а также вычетъ трехъ десятыхъ. Голодъ разсудилъ въ пользу повѣренныхъ города [1]).

„Буляръ и Лефракъ.

Бывшіе делегаты прядильщиковъ".

Вотъ изъ какихъ усилій, встрѣтившихъ сначала глухое сопротивленіе, а потомъ подвергшихся открытому гоненію, вышло движеніе, которое, за короткій періодъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, породило болѣе сотни рабочихъ ассоціацій всяческихъ профессій.

Правда, задолго до 1848-го года кооперативной системѣ было посвящено нѣсколько сочиненій, распространенныхъ въ народѣ дѣятельными-пропагандистами. Я самъ, уже въ августѣ 1840 г., очень подробно разобралъ этотъ вопросъ, а въ 1843 г. группа очень смышленыхъ и трудолюбивыхъ рабочихъ-ювелировъ съ успѣхомъ примѣнила плодотворный принципъ объединенія интересовъ и обобществленія производительныхъ силъ. Но эта ассоціація, хотя созданная на прочныхъ основаніяхъ, никогда не насчитывала болѣе семнадцати членовъ и не пріобрѣла послѣдователей. Новый принципъ просуществовалъ въ зачаточномъ состояніи въ самой сущности вещей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; но онъ развился и выступилъ на свѣтъ божій лишь подъ могущественнымъ воздѣйствіемъ февральской революціи.

Одному Богу извѣстно, путемъ какихъ подвиговъ воли и цѣной какого самопожертвованія простые рабочіе сумѣли повести крупныя промышленныя предпріятія! То, что они создали, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, съ избыткомъ доказываетъ, какъ много они могли бы сдѣлать, если бы государство помогло имъ. Но правительство не только не оказало имъ помощи, а старалось лишь загромождать ихъ путь препятствіями. Едва успѣли реакціонеры захватить власть, какъ между ними и рабочими ассоціаціями разгорѣлась война не на животъ, а на смерть. У тѣхъ ассо-

---

[1]) См. „Nouveau Monde", декабрь, 1849.

ціацій, чьихъ колыбелью была Люксембургская комиссія, жестокія руки вырвали плодъ контрактовъ, заключенныхъ подъ гарантіей всего, что дѣлаетъ условіе ненарушимымъ и священнымъ; когда былъ поднятъ вопросъ о вознагражденіи за убытки, послѣдовалъ ясный и короткій отказъ; или же согласіе сопровождалось отсрочками почти столь же губительными, какъ и отказъ [1]).

Кромѣ того, можно себѣ представить трудности, которыя приходилось побѣждать! Вѣдь рѣчь шла ни болѣе ни менѣе какъ о томъ, чтобы провести въ жизнь благородныя идеи, побѣждая рутину, сражаясь съ привычками и предразсудками стараго міра, борясь съ страстями разъяренныхъ враговъ, располагавшихъ громадными средствами, и сопротивляясь союзу всѣхъ монополій: монополіи власти, монополіи богатства, монополіи знанія! Если бы даже этотъ, столь плачевно неравный, бой кончился пораженіемъ принципа ассоціацій, это нисколько не говорило бы противъ внутреннихъ преимуществъ послѣдняго. Да и кто не знаетъ, что промахи и неудачи неизбѣжно сопровождаютъ всякую первую попытку? Сколько кораблей погибло на бурныхъ моряхъ Новаго свѣта, прежде чѣмъ искусство мореплаванія проложило вѣрные пути генію путешествій!

Но, совершенно наоборотъ, въ данномъ случаѣ попыткѣ было суждено удасться сверхъ всякаго ожиданія. Хулителямъ ассоціаціи парижскіе рабочіе начали, было, отвѣчать, какъ тотъ древній философъ, который сталъ ходить для того, чтобы опровергнуть отрицавшихъ движеніе. Для того, чтобы доказать, что ассоціація возможна и плодотворна, они сгруппировались въ ассоціаціи и сдѣлали это подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же чувствъ, слѣдуя закону однихъ и тѣхъ же идей, имѣя передъ глазами одну и ту же цѣль: героическую цѣль, заключавшуюся въ освобожденіи рабочаго путемъ своего рода взаимнаго обезпеченія и въ возвращеніи всякому человѣческому существу его человѣческаго достоинства.

Одинъ фактъ поразительнымъ образомъ показываетъ, до чего дошелъ успѣхъ парижскихъ рабочихъ ассоціацій: въ нѣсколькихъ

[1]) См. письмо делегатовъ прядильщиковъ, цитированное выше.

*

кварталахъ Парижа росписки, выдававшіяся этими ассоціаціями вмѣсто денегъ, росписки, по которымъ онѣ расплачивались въ концѣ каждаго мѣсяца, стали обращаться въ мелкой торговлѣ, служа такимъ образомъ и денежными знаками и рекламой [1]).

Вотъ что г. Уилльямъ Коннингэмъ, бывшій въ то время членомъ англійскаго перламента, разсказалъ на многолюдномъ митингѣ, состоявшемся 28-го іюля 1851 года: „24 апрѣля я уѣхалъ въ Парижъ... Бывъ всегда исполненъ вѣры въ практическое значеніе кооперативной системы, я не безъ удивленія прочелъ нѣсколько газетныхъ сообщеній о провалѣ различныхъ рабочихъ ассоціацій и о банкротствѣ послѣдней изъ нихъ, организованной поварами. Но я удивился еще гораздо больше, когда личное посѣщеніе убѣдило меня, что, подобно разговорамъ г-на Лендора (Landor), все это было вымышлено; что, вопреки всѣмъ росказнямъ, ассоціація поваровъ продолжала твердо стоять на ногахъ, и что непрерывавшаяся дѣятельность ихъ „братскихъ котловъ“ продолжала возвѣщать о себѣ прохожимъ свойственнымъ ей запахомъ. Вѣрно то, что я нашелъ въ Парижѣ не менѣе сорока ассоціацій поваровъ. Кромѣ того, я убѣдился, что братская ассоціація портныхъ, основанная г-номъ Луи Бланомъ и ставшая предметомъ столькихъ нападокъ, не только не скончалась, а напротивъ получила барышъ въ 70,000 франковъ и открыла въ Сенъ-Денисскомъ предмѣстьѣ рядъ просторныхъ, свѣтлыхъ и богатыхъ воздухомъ мастерскихъ, гдѣ освобожденные отъ тиранніи подрядчиковъ рабочіе имѣли дѣло лишь съ ими же выбранными агентами, умѣлыми администраторами общаго капитала. Я долженъ, впрочемъ, прибавить, что первоначальные статуты подверглись большимъ измѣненіямъ, и что была принята система поштучной работы [2]). Словомъ кооперативная система не только

---

[1]) Этотъ фактъ былъ констатированъ въ Парижѣ, въ апрѣлѣ 1851 г., г-номъ Уилльяномъ Коннингэмомъ (Conningham), представителемъ города Брайтона въ Палатѣ общинъ, имѣвшимъ впослѣдствіи случай привести его въ публичной рѣчи, какъ блистательное доказательство побѣдъ, одержанныхъ кооперативной системой.

[2]) Это ошибка: крупныхъ измѣненій сдѣлано не было. Что касается принятія системы поштучной работы, то читатель увидитъ дальше, что

не умерла, но проникла даже въ провинцію, и наиболѣе интеллигентные рабочіе только и думали, что объ образованіи новыхъ ассоціацій, проявляя въ этомъ дѣлѣ усердіе, которое выше всякой похвалы, и ту способность къ самоотверженію, которую въ состояніи породить лишь принципъ братской ассоціаціи. Благодаря этому успѣху вопросъ переходитъ изъ области теоріи въ область практики и настойчиво обращаетъ на себя вниманіе законодателя“ [1]).

Когда основалась клишійская ассоціація, то въ нѣкоторыхъ высокихъ сферахъ говорили съ увѣренностью, что подобный опытъ верхъ нелѣпости; что рабочимъ не хватитъ ни любви къ порядку, ни ума для того, чтобы обойтись безъ хозяина. Результатъ показалъ несправедливость этихъ рѣзкихъ утвержденій и если бы мнѣ пришлось писать исторію коопоративной системы во Франціи, я затруднился бы лишь богатствомъ доказательствъ того, что я здѣсь утверждаю. Въ декабрѣ 1849 г. я могъ съ удовольствіемъ напечатать въ „Новомъ мірѣ“ („Nouveau monde“), журналѣ издававшемся на чужбинѣ, слѣдующія свѣдѣнія:

„Ассоціація напильныхъ мастеровъ (tailleurs de limes) получила на промышленной выставкѣ серебряную медаль за свои продукты не имѣвшіе себѣ равныхъ въ промышленности. Основанная въ декабрѣ 1848 г. эта ассоціація для того, чтобы удовлетворить требованія своихъ многочисленныхъ кліентовъ, должна была основать въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ первое вспомогательное отдѣленіе. Со скидкой въ 25% она доставляетъ рабочимъ инструменты, равные по качеству лучшимъ издѣліямъ англійскихъ фабрикъ. Черезъ нѣкоторое время Франція освободится отъ дани, которую она платитъ въ этомъ отношеніи своимъ за-ламаншскимъ сосѣдямъ.

„*Поварамъ* пришлось преодолѣть большія препятствія прежде, чѣмъ имъ удалось организоваться. Ихъ первыя ассоціаціи открылись какъ разъ во время осаднаго положенія, при режимѣ воен-

---

это измѣненіе было обусловлено причинами не имѣвшими никакого отношенія къ достоинствамъ этой системы.

[1]) Public lecture delivered at Brighton by William Conningham, on the 28 july 1851.

ныхъ судовъ и ссылки, послѣ шестимѣсячной всеобщей безработицы, вынудившей три четверти парижскаго рабочаго населенія питаться насчетъ скудныхъ подаяній общественной благотворительности. Мы помнимъ, что основатели одного изъ этихъ учрежденій, для того чтобы купить нужную въ день открытія провизію, должны были заложить свои часы, драгоцѣнности, одежды, вещи всякаго рода. Въ настоящее время, они имѣютъ болѣе сорока процвѣтающихъ домовъ, а ихъ инвентарь констатируетъ отнынѣ дѣловой оборотъ въ *два милліона пятьсотъ тысячъ франковъ* въ годъ.

„Кухмистерскія ассоціаціи произвели переворотъ въ народномъ питаніи. Онѣ замѣнили скверныя харчевни, истинныя лавки отравы, чистыми, обширными, удобными помѣщеніями, гдѣ рабочіе, вмѣсто грязныхъ отбросовъ, чуть не подобранныхъ на улицѣ, находятъ разнообразную и всегда совершенно здоровую пищу. Ежедневно возникаютъ новыя ассоціаціи; нужно, чтобы онѣ избѣжали создавать себѣ слишкомъ близкимъ сосѣдствомъ вредную конкурренцію. Созданіе общаго синдиката кухмистерскихъ ассоціацій есть событіе высокой важности, которое дастъ крупные результаты.

„*Формовщики* открыли свою ассоціацію впятеромъ; теперь ихъ сорокъ пять человѣкъ и они не въ состояніи справиться со всѣми заказами. Доброкачественность и дешевизна ихъ издѣлій откроютъ для экспорта послѣднихъ новые рынки. Въ Лондонѣ, въ сезонное время, они такъ же какъ и сапожники, могли бы имѣть значительные заказы.

„*Краснодеревцы* показываютъ въ настоящее время въ своихъ магазинахъ великолѣпный книжный шкафъ, за который имъ дали серебряную медаль на промышленной выставкѣ, гдѣ онъ вызывалъ всеобщее восхищеніе. Есть еще лица, воображающія, что произведенія искусства, вышедшія изъ мастерскихъ нашихъ краснодеревцевъ и ювелировъ сдѣланы рукой хозяина, имя котораго красуется на магазинѣ. Мастерское произведеніе, созданное краснодеревцами и ювелирами рабочей ассоціаціи, вызываетъ въ нихъ глубокое удивленіе.

„Ассоціація *столяровъ-кресельщиковъ*, состоявшая сначала изъ восьми членовъ, въ настоящее время насчитываетъ ихъ сто пятьдесятъ, и ея огромныя мастерскія скоро наводнятъ весь дворъ Св. Іосифа. Четвертая часть корпораціи вступила въ эту ассоціацію, три остальныя четверти записаны на вакантныя мѣста“.

Несомнѣнно, что изъ многочисленныхъ ассоціацій, возникшихъ и расцвѣтшихъ за столь короткій промежутокъ времени, нѣкоторыя погибли при самомъ рожденіи, другія, пройдя блестящее, но короткое поприще; но причину этого слѣдуетъ искать не въ недостаткахъ самаго принципа.

Прежде всего, нужно помнить, что не всѣ ассоціаціи имѣли одинаковое происхожденіе. Видя, что туда, гдѣ раздавалось волшебное слово, народъ стекался толпами, и что, просуществовавъ мѣсяцъ, нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій достигли колоссальнаго развитія, иные промышленники, бывшіе на пути къ банкротству, вдругъ закрасили свои вывѣски, намалевали на нихъ треугольникъ, символъ братской ассоціаціи, и, съ маской на лицѣ, стали обманывать публику, продолжая обирать своихъ рабочихъ. Братскаго здѣсь не было ничего, кромѣ названія. Обманъ не замедлилъ открыться, покупатели исчезли, спекуляція лопнула, и хулители кооперативной системы не приминули сдѣлать ее отвѣтственной за жалкую подтасовку.

Съ другой стороны, правительство не только не протянуло дружественной руки рабочимъ ассоціаціямъ, но пустило въ ходъ *все*, *рѣшительно* все, чтобы подкопаться подъ нихъ и ихъ разрушить.

Правда, что, въ 1848 году, подъ давленіемъ идей, незадолго передъ тѣмъ высказанныхъ Люксембургской комиссіей, большинство Учредительнаго Собранія не сочло возможнымъ отказать братскимъ ассоціаціямъ въ трехмилліонномъ кредитѣ. Но ни это большинство, въ которомъ господствовали орлеанисты, ни правительство, въ то время состоявшее изъ республиканцевъ, принадлежавшихъ къ старой политико-экономической школѣ, не было одушевлено желаніемъ произвести сколько нибудь значительныя соціальныя реформы; такъ что вотированный кредитъ, въ дѣйствительности, явился лишь

приманкой, которой воспользовались для того, чтобы заставить нѣкоторыя ассоціаціи измѣнить свои уставы и принести общую цѣль въ жертву своимъ частнымъ интересамъ.

А въ это время всѣ тѣ, которые, по различнымъ причинамъ, жаждали гибели новаго принципа, старались совлечь рабочихъ съ прямого пути. Притворяясь, что они горячо радѣютъ о *матеріальномъ* благосостояніи рабочаго класса, эти люди старались постепенно ослабить *нравственную* связь, которую я старался создать между ассоціаціями. Что система равенства заработной платы очень несовершенна съ экономической точки зрѣнія, этого никто конечно не зналъ лучше, чѣмъ я; но соціальное значеніе этой системы заключалось въ томъ, что она вводила въ рабочій классъ и развивала въ немъ зародышъ тѣснаго союза между сильнымъ и слабымъ, союза, предназначеннаго къ тому, чтобы незамѣтнымъ образомъ сдѣлать изъ всѣхъ обездоленныхъ мирную, но сплоченную и внушительную армію.

По моему мнѣнію, важно было пріучить рабочихъ смотрѣть на усилія *каждаго* изъ нихъ, какъ на средство, ведущее къ освобожденію *всѣхъ*. Это значило создать *силу* подъ формой *долга*, и обратить принципъ человѣческаго братства въ орудіе освобожденія.... Люди прошлаго не ошибались на этотъ счетъ и они ничѣмъ не побрезгали, чтобы только, дѣйствуя на личные отдѣльные, минутные интересы, раздѣлить членовъ великой семьи работниковъ. Горя желаніемъ оторвать отъ общаго дѣла наиболѣе искусныхъ изъ рабочихъ, они обратились къ ихъ наименѣе благороднымъ инстинктамъ, громя несправедливость, состоявшую въ томъ, что имъ отказывали въ вознагражденіи сообразномъ ихъ умѣнію или уму; подумаешь, что примѣненіе принципа справедливаго распредѣленія вознагражденій является существенной чертой современнаго соціальнаго строя, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаешь то глупость въ каретѣ, обрызгивающую грязью, дарованіе идущее пѣшкомъ, то принцевъ въ пеленкахъ и милліонеровъ въ младенческихъ чепчикахъ, и столько счастливцевъ, которымъ, для того, чтобы ими сдѣлаться, пришлась лишь „дать себѣ трудъ родиться“!

Какъ бы то ни было, кооперативный принципъ долго держался въ нѣкоторыхъ профессіяхъ, а въ другихъ подвергся лишь частичнымъ пораженіямъ. Но наряду съ ревностными апостолами идеи, наряду съ мужественными инициаторами, вступившими на вновь проложенный путь, людьми съ серцемъ, готовымъ на жертву, были такіе, которыхъ искушала надежда на немедленный успѣхъ и одушевляло эгоистическое нетерпѣніе. Сколько разъ я говорилъ такимъ людямъ: „Знайте!—Не вамъ суждено достигнуть обѣтованной земли, да и не цвѣтами покрыты тропинки, ведущія къ ней. Не баюкайте себя иллюзіями, на днѣ которыхъ вы рискуете найти лишь горькія разочарованія. Всякое завоеваніе требуетъ терпѣнія и мужества. Помните, что вамъ нужно не *принять* счастье, а *завоевать* его [1]". Къ несчастію, подобный языкъ не всюду и не всегда могъ быть понятъ. Многіе обнаружили удивительное постоянство, но иные не устояли.

Кромѣ того, къ подпольнымъ проискамъ присоединились результаты дикаго гоненія. Полиція опутала своими грязными сѣтями ассоціаціи рабочихъ; подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ лишь замаскированныя политическія общества, ихъ преслѣдовали всѣми возможными способами; чтобы вѣрнѣе подорвать ихъ кредитъ, чтобы ихъ лишить заказовъ, реакціонная пресса не постыдилась лживо возвѣщать каждый день крахъ даже тѣхъ изъ нихъ, процвѣтаніе которыхъ являлось достаточнымъ опроверженіемъ всяческихъ клеветъ. Наиболѣе ядовитые нападки направились на клишійскую ассоціацію. Старшая дочь Люксембургской комиссіи, она была отмѣчена клеймомъ первороднаго грѣха и ей пришлось испить чашу горечи до дна. Сколько разъ бѣдный Бераръ принужденъ былъ отражать стрѣлы, направленныя въ ассоціацію со всѣхъ сторонъ! Сколько разъ приходилось ему отбиваться отъ *Constitutionnel*'я.... что я говорю! отъ Voix du Peuple

---

[1]) Это я говорилъ въ Люксембургѣ (какъ о томъ свидѣтельствуетъ „le Moniteur") и не переставалъ говорить на чужбинѣ, какъ это видно изъ одного изъ нумеровъ журнала „le Nouveau Monde", (августъ, 1849).

г-на Прудона [1]). Я спрашиваю, въ какой цивилизованной странѣ дозволяется разрушать промышленное предпріятіе, подкапываясь подъ его кредитъ публичными и лживыми нападками? А между тѣмъ, это не только разрѣшалось, но и поощрялось при режимѣ, смѣнившемъ Временное правительство.

Я находился тогда въ изгнаніи и все, что я могъ дѣлать для рабочихъ, это высказывать имъ мое мнѣніе, когда они дѣлали мнѣ честь спрашивать у меня совѣта. Въ августѣ 1849 г. я слѣдующимъ образомъ отвѣтилъ на письмо, которое мнѣ написали нѣкоторые изъ нихъ:

„Существуетъ пунктъ, дорогіе друзья, на который я направляю ваше вниманіе съ особенной настойчивостью. Бойтесь окружать выши ассоціаціи непроходимой, или, хотя-бы съ трудомъ проходимой оградой. Это значило бы вернуться къ тираннической и возмутительной системѣ цеховъ и корпорацій. Если бы ассоціаціи, вмѣсто того, чтобы оставаться открытыми для всѣхъ, сдѣлались скопищами точно опредѣленнаго числа лицъ, собранныхъ общимъ желаніемъ обогащаться на счетъ своихъ братьевъ, онѣ совершенно перестали бы отличаться отъ коммерческихъ обществъ извѣстнаго рода, которыя кишатъ вокругъ насъ, и явились бы новыми шайками эксплоататоровъ.

При Временномъ правительствѣ, нѣкоторыя ассоціаціи получили отъ государства большіе заказы. Однимъ изъ первыхъ актовъ вступившей во власть реакціи былъ грубый отказъ отъ исполненія этихъ договоровъ, составленныхъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, дѣлающихъ контрактъ обязательнымъ и священнымъ. Это значило сразу разорить ассоціаціи, которыя, въ разсчетѣ на формальные договоры, уже сдѣлали значительные расходы. Когда рѣчь зашла о вознагражденіи нѣкоторыхъ ассоціацій за убытки, стали откладывать и оттягивать уплату въ надеждѣ, что ассоціаціи, которымъ былъ нанесенъ столь жестокій ударъ, погибнутъ до платежа. Разъ даже прямо отказались отъ уплаты вознагражденія.

---

[1]) См. въ „Nouveau Monde'ѣ“, 1850 г. письмо адресованное г. Прудону пятьюдесятью девятью рабочими.

Вотъ въ чемъ заключалась вся поддержка, полученная рабочими ассоціаціями отъ правительства.

„Другая причина неуспѣха: въ эти ассоціаціи, созданныя для того, чтобы безъ потрясеній достигнуть уничтоженія режима конкурренціи, вкралась конкурренція. Рядомъ съ кооперативнымъ заведеніемъ, расположеннымъ въ удобномъ кварталѣ, водворялась вторая ассоціація, вскорѣ затѣмъ третья. Разрозненныхъ такимъ образомъ покупателей оказывалось недостаточно для поддержанія трехъ учрежденій, которыя погибали всѣ три тамъ, гдѣ одно могло бы процвѣтать. Этого не случалось бы, если распредѣленіе и соотношеніе ассоціацій было бы дѣломъ предусмотрительнаго управленія, вмѣсто того чтобы зависѣть отъ случая и прихоти, если бы вездѣ слѣдовали методическому плану, заранѣе установленному собраніемъ компетентныхъ лицъ.

„Дѣло въ томъ, что ассоціаціи могутъ существовать лишь благодаря солидарности. Нужно, чтобы между ними всѣми существовала связь, подобная той, которая соединяетъ отдѣльныхъ членовъ каждой изъ нихъ. Оставаясь изолированными, онѣ неизбѣжно должны погибнуть въ борьбѣ съ обладателями соціальныхъ привилегій. Прочно соединенныя, опираясь одна на другую и подавая одна другой взаимную помощь, онѣ составятъ сплоченную рать и смогутъ преодолѣвать политическіе и промышленные кризисы до того времени, когда государство сочтетъ одной изъ своихъ главнѣйшихъ обязанностей заняться положеніемъ тружениковъ.

Первый шагъ на пути къ соціальной эмансипаціи сдѣланъ; ассоціаціи существуютъ. Теперь нужно создать между ними солидарность. Вотъ цѣль, къ которой въ настоящее время должны направляться всѣ ваши усилія. Вотъ въ какомъ порядкѣ вы можете дѣйствовать:

Подъ именемъ Центральнаго комитета рабочихъ ассоціацій, будетъ учрежденъ совѣтъ, въ которомъ будутъ представлены всѣ ассоціаціи, основанныя на принципѣ братства.

Миссіей этого совѣта будетъ:

Сосредоточивать всѣ отдѣльныя усилія;

Обсуждать важнѣйшіе вопросы производства и распредѣленія;

Помогать образованію создающихся ассоціацій и развитію уже существующихъ;

Контролировать взаимоотношеніе ассоціацій въ томъ, что касается обмѣна продуктовъ, заключенія займовъ, выдачи ссудъ, отдачи работъ съ торговъ, выдачи росписокъ мѣновыхъ и поступающихъ въ обращеніе и т. п.

Комитетъ рабочихъ ассоціацій займется учрежденіями, являющимися дополненіемъ естественной ассоціаціи, какъ напр. склады, магазины (bazars), рабочіе города, пенсіонныя кассы, пріюты.

Онъ подвергнетъ братскому назору всѣ ассоціаціи въ ихъ совокупности и придастъ ихъ движенію столь желательное единообразіе.

Ассоціаціи существуютъ въ провинціи и за границей; Комитетъ возьмется завязать сношенія между ними и парижскими ассоціаціями.

Наконецъ, онъ постарается создать рынки для вывоза продуктовъ, являющагося источникомъ заказовъ, столь необходимымъ для постояннаго функціонированія крупныхъ мастерскихъ.

Внѣ сферы дѣйствій этого Комитета, ассоціаціи сохранятъ свое особое управленіе, также какъ и распоряженіе и завѣдываніе своими капиталами.

Таковъ, друзья мои, планъ, который я предлагаю на ваше обсужденіе“ [1]).

Чувства эти настолько гармонировали съ народными, что сейчасъ же образовался комитетъ, подъ названіемъ Союза ассоціацій, занявшійся объединеніемъ силъ. Онъ состоялъ изъ двадцати трехъ членовъ и въ короткое время пріобрѣлъ значительное вліяніе. Не выходя изъ поставленныхъ мною себѣ границъ, я не могъ бы вдаваться здѣсь въ подробности промышленныхъ операцій Комитета: довольно будетъ сказать, что онѣ, прежде всего, знаменовали возникновеніе учрежденія, дѣйствовавшаго въ интересахъ

---

[1]) Это письмо напечатано въ „Nouveau Monde“, въ августовскомъ номерѣ 1849 г.

работниковъ и дѣлавшаго для нихъ, съ ихъ помощью, то, что государство отказывалось дѣлать и чему оно даже старалось помѣшать. Вскорѣ учрежденіе это достигло такого значенія, что внушило опасенія правительству, которое, не имѣя въ своемъ распоряженіи законныхъ средствъ, прибѣгло къ жалкой уловкѣ. Между бумагами Комитета нашли письмо, написанное мною; оно относилось лишь къ промышленности, но этимъ не затруднились; требовавшійся предлогъ былъ найденъ: „члены Комитета суть руководители политическаго общества, — это совершенно ясно!" Въ Англіи никогда не повѣрятъ, что можно было возбудить преслѣдованія на такомъ скандально вздорномъ основаніи. А между тѣмъ, это произошло; и г-нъ Дельбрукъ, организаторъ этого движенія, несмотря на свою чудесную рѣчь, полную здраваго смысла, умѣренности, логики, рѣчь, въ которой цѣль учрежденія, его характеръ, его способы дѣйствовать были объяснены такъ неопровержимо, что самая наглая недобросовѣстность должна была почувствовать себя сбитой съ позиціи, былъ приговоренъ, благодаря возмутительному злоупотребленію силой, къ пятнадцатимѣсячному тюремному заключенію, пяти-стамъ франкамъ штрафа и лишенію гражданскихъ правъ на пять лѣтъ. „Но", говоритъ одинъ писатель, вообще относящійся очень неблагосклонно къ попыткамъ осуществленія соціализма въ обширномъ масштабѣ и въ виду будущаго строя, „эта защита не пропала даромъ для практическаго соціализма, показавъ умѣренность и возвышенность души тѣхъ, которые себя ему посвящаютъ" [1]).

Мы видѣли, какъ и почему клишійская ассоціація сдѣлалась мишенью враговъ соціализма или его ложныхъ друзей [2]). Нѣко-

---

[1]) См. „Association ouvrière, industrielle et agricole", г. Фежерэ, стр. 126. Парижъ, 1851.

[2]) Съ прискорбіемъ приходится вспомнить, что однимъ изъ людей, которые при временномъ правительствѣ съ наибольшей рѣзкостью и яростью нападали на Люксембургскую коммиссію и клишійскую ассоціацію и дали распространиться самымъ печальнымъ заблужденіямъ былъ г. де-Ламеннэ.

Въ „Peuple constituant" онъ осмѣлился утверждать въ апрѣлѣ 1848 г., что срокъ назначенный для исполненія заказовъ истекъ двадцать дней

торые изъ членовъ ассоціаціи стали думать, что измѣненіе ея первоначальныхъ статутовъ могло бы, пожалуй, смягчить неистовство преслѣдованій, борьба съ которыми требовала сверхчеловѣческаго терпѣнія. Изъ чувства деликатности, которымъ я былъ очень тронутъ, Бераръ не захотѣлъ принять никакого рѣшенія, не написавъ сначала объ этомъ мнѣ. Я ему отвѣтилъ, что онъ и его друзья всего лучше могли судить о томъ, чего требовало давленіе обстоятельствъ,—что, каково бы ни было ихъ рѣшеніе, мои симпатіи останутся на ихъ сторонѣ, но что, по моему мнѣнію, измѣненіе статутовъ не спасетъ ихъ отъ несправедливыхъ нападеній, такъ какъ преступленіе Клишійской ассоціаціи, въ глазахъ ея враговъ, состоитъ въ ея происхожденіи, и то, чего они не могутъ ей простить, это—самаго факта ея существованія.

Это сужденіе оправдалось болѣе, чѣмъ въ достаточной сте-

тому назадъ, а контрактъ рабочихъ съ городомъ гласилъ, что заказанныя издѣлія должны были быть окончательно сданы 15-го мая!

Онъ осмѣлился утверждать, что на каждомъ мундирѣ потеряно было по 8 франковъ; а рабочіе, со своимъ инвентаремъ въ рукахъ, доказали ему, что по вычетѣ всѣхъ необходимыхъ первыхъ расходовъ и покупки матеріала на 1.100 франковъ, у нихъ, по истеченіи двадцати пяти дней работы, остался барышъ въ 734 франка!

Онъ не побоялся непостижимаго утвержденія, будто Люксембургская комиссія платила по два франка въ день каждому клишійскому рабочему, тогда какъ у Люксембургской коммиссіи не было ни одного сантима въ распоряженіи.

Онъ не побоялся утверждать, что члены ассоціаціи теряли время въ бездѣйствіи, а они ему доказали, что для того чтобы быть увѣренными въ выполненіи своихъ обязательствъ, они добровольно работали по 12 часовъ въ день и по воскресеньямъ!

Въ жизни г-на де-Ламеннэ есть страницы искупающія эту, и героизмъ его смерти внушаетъ мнѣ уваженіе, запрещающее мнѣ сдѣлать какое нибудь горькое замѣчаніе по данному поводу. Поэтому я воздержусь отъ воспроизведенія краснорѣчиваго и страшнаго письма, посланнаго ему 29-го апрѣля 1848 года отъ имени 1.500 рабочихъ, трудившихся дружной семьей, гражданъ, имена которыхъ слѣдуютъ: Эрмундъ Фроссаръ, *агентъ Правительственной коммиссіи о рабочихъ;* Бераръ, Леклеркъ и Шалонъ, *делегаты ассоціаціи портныхъ*; Мамозъ, Лефебръ, Дьедонэ, Ленуаръ, Мартуженъ, *члены комитета ассоціацій.* Это письмо можно прочесть въ „Moniteur“ отъ 1-го мая 1848 года.

пени. Ненависть и партійный духъ не обезоруживаются робкими уступками. Война съ учрежденіемъ, гибель котораго была рѣшена, продолжалась, — война, которой не могла бы вынести ни одна торговая фирма, какой бы солидной она ни была. Къ тому же, Бераръ обладалъ добродѣтелями апостола, а не качествами дѣльца; возвышенность его души не находила достаточной точки опоры въ силѣ его характера; онъ оказался ниже своей роли, какъ только ему пришлось управлять дѣломъ, гдѣ не довольно было беззавѣтной преданности идеѣ. Предпріятіе, которому онъ посвятилъ себя съ такимъ героическимъ и въ то же время скромнымъ усердіемъ, наконецъ, пало, и онъ умеръ, пораженный въ самое сердце зрѣлищемъ крушенія своихъ надеждъ и видомъ побѣдоносной реакціи.

Но чего реакціи не удалось погубить, несмотря ни на что, такъ это принципа ассоціаціи, который пережилъ столько испытаній и еще теперь своими примѣненіями доказываетъ свою силу. Черезъ много лѣтъ послѣ эпохи, о которой здѣсь идетъ рѣчь, мнѣ попался на глаза документъ, гдѣ было отмѣчено благоденственное, какъ это видно было изъ неопровержимаго краснорѣчія цифръ, состояніе ассоціацій: столяровъ, каменщиковъ, формовщиковъ, краснодеревцевъ, токарей, жестянниковъ, щеточниковъ, очечныхъ мастеровъ, кузнецовъ, граверовъ, каретниковъ, строителей машинъ, фортепіанныхъ мастеровъ и т. д., и т. д.

Нечего спрашивать, подозрѣвалъ ли даже лордъ Норменби о существованіи этого великаго соціальнаго движенія, происходившаго передъ нимъ. Жестянники, токари, кузнецы, что это такое? И могло ли быть англійскому посланнику интересно знать, что формовщики, которые могли вносить въ общую кассу по два франка, достигли, посредствомъ ассоціаціи, дѣловыхъ оборотовъ въ 79.000 франковъ, или что каменщики, съ основнымъ капиталомъ въ 38 франковъ, пріобрѣли въ нѣсколько лѣтъ капиталъ въ 237.000 франковъ, посредствомъ котораго они въ 1857 году дѣлали милліонные обороты? Это мелочи, которыя не могутъ привлекать вниманіе нашихъ государственныхъ людей. Не слѣдуетъ

къ тому же удивляться, что Его Сіятельство, сочтя нужнымъ наговорить столько лишняго, взамѣнъ того умолчалъ о многихъ вещахъ, о которыхъ слѣдовало что-нибудь сказать. Но между тѣмъ вы не могли не знать, милордъ, что вопросъ о кооперативной промышленности былъ даже въ Англіи предметомъ глубокихъ размышленій нѣкоторыхъ выдающихся умовъ, и если вы изъ скромности побоялись занять мѣсто въ столь хорошемъ обществѣ, то намъ остается только пожалѣть за васъ объ этомъ избыткѣ скромности, и пожелать, чтобы васъ не отнесли къ числу тѣхъ оффиціальныхъ наблюдателей, о которыхъ одинъ прогремѣвшій торійскій писатель говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Астрономы политической экономіи не преминутъ направить свои подзорныя трубы на первые опыты кооперативной системы, и я издали слышу, какъ они съ обычной увѣренностью предсказываютъ ея результаты; но, откровенно говоря, я не довѣряю непогрѣшимости этихъ *star-gazers*. Въ то время какъ они забавляются прорицаніями, намъ остается скромная задача изучать развитіе этого эксперимента, выжидая его исхода. Пока это еще нѣчто маленькое, это облачко—величиною, самое большее, съ ладонь. Разсѣется ли оно, какъ безполезный туманъ, или изольется освѣжительной росой на изсохшую и увядшую часть человѣческаго общества? Одному Богу это извѣстно, и одно лишь время это откроетъ“ [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, время пріоткрыло свою завѣсу, и облако стало все виднѣе.

Прибавимъ, что въ числѣ тѣхъ, кого Сауси иронически называетъ *star-gasers*, нашлись истинные и достославные астрономы; но нужно замѣтить, что они-то именно и поняли и отмѣтили значеніе кооперативной системы. Въ своихъ *Принципахъ политической экономіи* г. Джонъ Стюартъ Милль говоритъ:

---

[1]) Quarterly Review, nº 98. Статья о кооперативныхъ обществахъ стр. 359—371. Мы не колеблясь приписываемъ эту статью Сауси (Southey), высказавшему тѣ же идеи въ своемъ очень извѣстномъ произведеніи: „Colloquies with sir Thomas Moore, or Prospects and Progress of society“.

„Крайне желательно, чтобы поощрялись всѣ попытки этого рода. Почти всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ черты, требующія провѣрки опыта. Кромѣ того, нѣтъ другого средства исправить то, что можетъ быть преувеличеннаго въ ожиданіи, которое въ настоящее время у всѣхъ великихъ народовъ держитъ въ напряженномъ состояніи народныя массы, съ каждымъ днемъ все болѣе многочисленныя. Февральская революція, повидимому, открыла было такимъ попыткамъ благопріятное поприще и обезпечила имъ въ должной степени всѣ преимущества, присущія предпріятіямъ, поддерживаемымъ правительствомъ, искренно желающимъ имъ успѣха [1]). Крайне прискорбно, что заставили рухнуть проекты, которые были тогда задуманы, и что реакція средняго класса противъ доктринъ, враждебныхъ собственности, создала слѣпое и неразумное отвращеніе по отношенію къ самымъ безобиднымъ и самымъ справедливымъ идеямъ, если только онѣ пахли соціализмомъ. Это такое умственное настроеніе, освободиться отъ котораго, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, вліятельные классы рано или поздно почувствуютъ необходимость. Соціализмъ безвозвратно занялъ мѣсто среди главныхъ элементовъ европейской политики. Онъ поставилъ вопросы, которые нечего надѣяться, просто отказываясь приступить къ нимъ, оставить въ тѣни: они перестанутъ тревожить умы лишь тогда, когда [2]) та же самая цѣль, которую поставилъ себѣ соціализмъ, станетъ осуществляться все болѣе полнымъ образомъ, при чемъ нужно будетъ принять во вниманіе тѣ изъ мѣръ, предложенныхъ соціализмомъ, которыя можно съ пользой примѣнить“ [3]).

---

[1]) Если г. Милль разумѣетъ здѣсь тѣхъ членовъ правительства, которые стали во главѣ этихъ попытокъ, то онъ правъ; но если онъ говоритъ о правительствѣ въ его цѣломъ, то онъ ошибается, потому что именно отсутствіе единства дѣйствій въ этомъ пунктѣ задержало успѣхи ассоціацій.

[2]) Для болѣе яснаго пониманія мысли Милля, читатель долженъ добавить: „если не соціализмъ, то та же самая цѣль и т. д.

[3]) Principles of Political Economy, by John Stuart Mill, ч. II, гл. VII, стр. 320. *Прим. перев.*

Значеніе этого замѣчательнаго мѣста увеличивается тѣмъ, что кооперативная система далеко не провалилась, какъ это могъ предполагать г. Милль въ то время, когда онъ писалъ свою книгу, а, напротивъ, дала результаты поразительные, если только подумать о громадности препятствій, которыя въ предъидущей главѣ описаны еще слишкомъ блѣдно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Національныя мастерскія г-на Мари, направленныя противъ Люксембургской коммиссіи [1]).

Упорство взведенной на меня клеветы.—Декретъ, которымъ Временное правительство поручаетъ г-ну Мари, министру общественныхъ работъ, организовать національныя мастерскія.—Названіе и сущность.—Г. Мари, какъ отъявленный противникъ соціализма.—Онъ одинъ подписываетъ декретъ объ учрежденіи національныхъ мастерскихъ.—Кѣмъ и подъ вліяніемъ какихъ чувствъ былъ составленъ этотъ декретъ.—Г. Эмиль Томà, неизвѣстный мнѣ и враждебный моимъ идеямъ, назначается директоромъ мастерскихъ. — Изъ показаній его передъ слѣдственной коммиссіей явствуетъ, что ему было поручено дѣйствовать противъ меня.—Показаніе г-на Франсуа Араго.—Полная противоположность между индустріальнымъ режимомъ, изложеннымъ въ „*Организаціи труда*“ и системой установленной въ Національныхъ мастерскихъ.—Послѣдующія разоблаченія г-на Эмиля Томà.—Противъ соціализма организуется нѣчто въ родѣ запасной арміи. — національныя мастерскія всячески поощряются и субсидируются.—Безпрерывныя преслѣдованія противъ люксембургскихъ делегатовъ и основанныхъ ими ассоціацій.—Признанія г-на Ламартина.—Контръ-революціонеры обманываютъ общественное мнѣніе.

Тотъ фактъ, что европейское общественное мнѣніе обвинило меня въ учрежденіи и организаціи національныхъ мастерскихъ. послѣ того какъ это обвиненіе было самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуто моими сочиненіями, моими рѣчами и поступками, рядомъ оффиціальныхъ документовъ, напечатанныхъ въ *Мониторѣ*, показаніями, сдѣланными передъ учрежденной въ 1848 г. слѣдственной коммиссіей, „*Исторіей національныхъ*

---

[1]) Эта книга содержитъ нѣсколько страницъ о *Національныхъ мастерскихъ, 17 марта и 16 апрѣля*, уже опубликованныхъ мною, но которыя я долженъ былъ ввести сюда для того, чтобы не оставить пробѣловъ въ своемъ разсказѣ и чтобы дополнить его.

мастерскихъ" г.-на Эмиля Тома̀, ихъ директора, публичными заявленіями г.г. Араго, Ламартина, всѣхъ членовъ Временнаго правительства, моими громогласными публичными возраженіями, тысячу разъ повторенными, наконецъ, собственными признаніями тѣхъ самыхъ лицъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за это дѣяніе, служитъ изумительнѣйшимъ примѣромъ силы клеветы, сдѣлавшейся общимъ оружіемъ различныхъ страстей, объединенныхъ стремленіемъ погубить идею въ лицѣ одного человѣка. Да будетъ же мнѣ позволено остановиться на этой печальной страницѣ нашей современной лѣтописи. Въ сущности, вышеупомянутая клевета получила такую широкую огласку и увѣнчалась такимъ колоссальнымъ успѣхомъ [1]) только потому, что ее считали способной уронить соціализмъ въ общественномъ мнѣніи. Такъ что не защищаться отъ обвиненій, направленныхъ противъ меня, значило бы быть дезертиромъ того дѣла, которому я служу.

27-го февраля 1848-го года, когда еще не было рѣчи о Люксембургской комиссіи, „Moniteur" опубликовалъ слѣдующій декретъ [2]):

„Временное правительство декретируетъ учрежденіе національныхъ мастерскихъ. Министру общественныхъ работъ поручается приведеніе настоящаго декрета въ исполненіе".

Министромъ общественныхъ работъ былъ въ ту пору г-нъ Мари.

Читатель помнитъ, въ какомъ положеніи былъ Парижъ послѣ великаго февральскаго потрясенія. Естественнымъ послѣдствіемъ такого остраго и внезапнаго кризиса было то, что промышленный міръ пришелъ въ разстройство, капиталистовъ обуяла паника, а значительное число рабочихъ, внезапно лишившихся занятій, было выброшено на улицу съ лицами, поблѣднѣвшими отъ голода,

---

[1]) Я долженъ отдать лорду Норменби справедливость, что онъ не повторилъ этой клеветы въ своей книгѣ; но разъ онъ говоритъ о національныхъ мастерскихъ, онъ долженъ былъ бы сказать, что я не былъ ихъ учредителемъ, и назвать этихъ учредителей. Почему онъ объ этомъ умалчиваетъ!

[2]) См. „le Moniteur", отъ 27-го февраля 1848 года.

и съ ружьями въ рукахъ. Безпокойство охватило Временное правительство и заставило его издать вышеприведенный декретъ.

Но чѣмъ будутъ эти *національныя мастерскія?* Къ жалкой ли уловкѣ прибѣгнуло правительство или къ благородному и мощному опыту организаціи труда? „Moniteur" произнесъ *названіе*, но что представитъ изъ себя самъ *предметъ*?

Г. Мари зналъ или долженъ былъ знать мои взгляды лучше, чѣмъ кто-нибудь другой. За нѣсколько дней до февральской революціи я ясно ихъ высказалъ на собраніи депутатовъ и журналистовъ, происходившемъ у него; и прибавлю, что моимъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ выступилъ тогда именно Мари. А между тѣмъ, ему и ему одному, открытому врагу соціализма, Временное правительство захотѣло довѣрить и довѣрило организацію національныхъ мастерскихъ, какъ нѣчто относящееся къ вѣдомству министерства общественныхъ работъ.

Если бы 28-го февраля, когда народъ запруживалъ Гревскую площадь, громкими криками требуя созданія *министерства труда*, требованіе это было принято, я могъ бы немедленно заняться практическимъ осуществленіемъ идей, которыя г. Мари отвергалъ и которымъ я посвятилъ свою жизнь. Я разсказалъ выше о сопротивленіи, которое я встрѣтилъ, о томъ, какъ была отклонена моя отставка, съ энергіей предложенная, и какъ кровавый образъ гражданской войны рѣялъ надъ преніями, какъ, наконецъ, вмѣсто спеціальнаго министерства, создали простую анкетную комиссію, безъ административныхъ рессурсовъ, безъ офиціальныхъ агентовъ, безъ бюджета, безъ всякихъ другихъ средствъ дѣятельности кромѣ... слова!

Такимъ образомъ, національныя мастерскія сдѣлались исключительнымъ дѣломъ самаго страстнаго противника соціализма, г-на Мари, и декретъ 6-го марта 1848-го года, подъ которымъ красуется всего лишь одна подпись, его собственная, можетъ подтвердить справедливость моихъ словъ [1]).

---

[3]) См. „le Moniteur", отъ 7-го марта 1848 года.

Нужно замѣтить, что этотъ декретъ 6-го марта 1848 года, объ учрежденіи національныхъ мастерскихъ, былъ составленъ послѣ совѣщанія, состоявшагося не въ Совѣтѣ, какъ это слѣдовало, а внѣ его. Лицами, призванными разрѣшить страшную задачу, въ нѣдрахъ которой крылось іюньское возстаніе, были: г.г. Бюшезъ, Флоттаръ, Барбье, Тремизо, Робекъ, Мишель, Бодъ, Онффруа де-Бревиль. О томъ, что тутъ былъ и г. Мари нечего и говорить; предсѣдательствовалъ г. Гарнье-Паже, парижскій мэръ. Что касается до меня, то со мной не только не совѣтовались, но меня даже не извѣстили о собраніи [1]): слишкомъ хорошо знали эти господа, что не было ничего общаго между моими идеями и планомъ, который они собрались принять.

Слѣдуетъ, кромѣ того, отмѣтить, что управленіе національными мастерскими постарались поручить человѣку, котораго я не зналъ даже въ лицо, мало того, человѣку, главнымъ достоинствомъ котораго въ глазахъ г-на Мари была его горячая оппозиція моимъ доктринамъ. Заявленія г-на Эмиля Тома передъ слѣдственной комиссіей уничтожаютъ всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ. Въ своемъ показаніи на засѣданіи 28-го іюля 1848-го года онъ заявляетъ: „Я никогда въ жизни не говорилъ съ Луи Блaномъ; я его не знаю“. Затѣмъ: „Когда я завѣдывалъ мастерскими, я встрѣчалъ г-на Мари каждый день, часто два раза въ день, господъ Рекюра, Бюшеза и Марраста—почти всякій день, г-на де-Ламартина я видѣлъ одинъ разъ, я не видѣлъ ни разу г-на Ледрю Роллена, ни разу г-на Луи Бланъ, ни разу г-на Флокона, ни разу г-на Альбера“ [2]). Еще раньше, въ своемъ показаніи, данномъ 28-го іюня 1848-го г., директоръ національныхъ мастерскихъ высказался уже въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я всегда дѣйствовалъ заодно съ парижской мэріей противъ вліянія г-дъ Ледрю Роллена, Флокона и другихъ. Я былъ въ открытой враждѣ съ Люксембургской комиссіей. Я открыто воевалъ съ вліяніемъ Луи Блана“ [3]).

---

[1]) См. Histoire des ateliers nationaux Эмиля Томà, стр. 45—57.

[2]) См. *Докладъ слѣдственной коммиссіи*, т. I, стр. 352 и 353.

[3]) Ibid, стр. 352.

3-го іюля 1848-го года, г. Францъ Араго, бывшій членъ Временнаго правительства, призывается слѣдственной комиссіей; его спрашиваютъ о національныхъ мастерскихъ, и онъ отвѣчаетъ: „Организаціей національныхъ мастерскихъ занимался г. Мари“ [1]).

Что можно противопоставить этимъ оффиціальнымъ показаніямъ столь яснымъ и опредѣленнымъ? или, можетъ быть, существуютъ противоположныя показанія? Нѣтъ, ни одного, ни одного рѣшительно! Просмотрите всѣ три тома доклада слѣдственной комиссіи. Въ этой лабораторіи контр-революціоннаго озлобленія, въ этомъ арсеналѣ, куда сносили со всѣхъ сторонъ и съ радостью принимали всякое отравленное оружіе, которымъ только можно было воспользоваться противъ меня, не найдется ни одного заявленія, на которое можно было бы опереться, для того, чтобы выставить меня или учредителемъ, или организаторомъ, или просто сторонникомъ національныхъ мастерскихъ.

И пусть не возражаютъ, что онѣ были организованы, если помимо моего участія, то, по крайней мѣрѣ, сообразно съ моими принципами. Справедливо именно противное.

Мы видѣли изъ словъ самого г-на Мари, насколько онъ былъ враждебенъ моимъ доктринамъ, и съ какой жгучей страстью онъ втайнѣ старался ихъ подорвать. Возможно ли было предположить, что онъ съ легкимъ сердцемъ попытается ихъ осуществить насчетъ государственной казны?

И, конечно, не существуетъ ничего болѣе противоположнаго промышленному режиму, изложенному въ *организаціи труда*, чѣмъ столь справедливо осужденный режимъ національныхъ мастерскихъ, управлявшихся г-номъ Эмилемъ Тома̀, подъ отвѣтственностью г-на Мари.

Соціальныя мастерскія въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ предлагалъ, должны были собрать, въ каждой отдѣльной группѣ, лишь рабочихъ одной и той же опредѣленной профессіи. *Національныя мастерскія*, находившіяся подъ управленіемъ г-на Мари,

---

[2]) „Докладъ слѣдственной коммиссіи“, ч. I, стр. 228.

являлись безпорядочнымъ сборищемъ рабочихъ всевозможныхъ профессій и, верхъ безсмыслицы, они принуждены были заниматься одной и той же работой.

Въ *соціальныхъ мастерскихъ*, въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ предлагалъ, рабочіе должны были работать съ помощью государственной субсидіи, но на самихъ себя, въ виду общей выгоды, т. е. съ пыломъ личнаго интереса, соединеннаго съ силой ассоціаціи и корпоративнымъ самолюбіемъ.

Въ *національныхъ мастерскихъ*, находившихся подъ управленіемъ г. Мари, государство выступало лишь въ качествѣ предпринимателя, а рабочіе—въ качествѣ наемниковъ. Но т. к. здѣсь дѣло шло о работѣ безплодной, смѣхотворной, къ которой большинство неизбѣжно должно было оказаться неспособнымъ, то дѣятельность государства состояла здѣсь въ расточеніи финансовъ, вознагражденіе являлось преміей за лѣность; заработная плата была замаскированной милостыней.

Соціальныя мастерскія,, въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ предлагалъ, представляли собой рабочія семьи, связанныя узами самой тѣсной солидарности, семьи, заинтересованныя въ поддержаніи духа трудолюбія и потому плодотворныя.

Національныя мастерскія подъ управленіемъ г-на Мари были лишь нужнымъ сходбищемъ пролетаріевъ, которыхъ только кормили, такъ какъ не знали, на что ихъ употребить, которые, не будучи связаны между собою ничѣмъ, кромѣ военной организаціи, должны были жить вмѣстѣ съ начальниками, носившими столь странное и въ то же время столь характерное названіе **бригадировъ**.

Я могъ бы здѣсь остановиться, но я желаю больше, я желаю доказать, что національныя мастерскія были организованы противъ меня.

Выше мы привели показаніе г-на Эмиля Тома, извлеченное изъ *Доклада слѣдственной комиссіи* и гласившее слѣдующее: „Я былъ въ открытой враждѣ съ Люксембургской комиссіей. Я открыто воевалъ съ вліяніемъ Луи-Блана“. Къ этому

признанію, столь простодушному и точному, бывшій директоръ національныхъ мастерскихъ присоединилъ очень любопытныя разъясненія, съ которыми слѣдуетъ познакомиться.

Прежде всего, онъ формально заявляетъ, что, если моя система осталась въ состояніи теоріи, такъ это благодаря сопротивленію парижской мэріи [1]) т. е. власти, съ которой г. Эмиль Тома, по его собственному признанію, сговаривался въ дѣлѣ управленія національными мастерскими.

Въ сущности, онѣ были созданы лишь для того, чтобы предоставить въ распоряженіе оффиціальныхъ противниковъ соціализма армію, которую, въ случаѣ надобности, можно было-бы ему противопоставить. Разсказавъ въ своей книгѣ, въ какихъ выраженіяхъ г. Мари жаловался ему однажды на вліяніе, которое я оказывалъ на народъ посредствомъ Люксембургской комиссіи, бывшій директоръ національныхъ мастерскихъ пишетъ:

„Г. Мари позвалъ меня въ Ратушу. Послѣ правительственнаго засѣданія, я отправился туда и узналъ тамъ новость, а именно, что національнымъ мастерскимъ предоставленъ кредитъ въ 5 милліоновъ и что это упроститъ финансовую сторону вопроса. Затѣмъ г. Мари отвелъ меня въ сторону и очень тихо спросилъ меня, могу-ли я разсчитывать на рабочихъ. „Мнѣ кажется, что могу,—отвѣтилъ я; но число ихъ такъ быстро возрастаетъ, что мнѣ теперь очень трудно имѣть на нихъ то прямое вліяніе, какого-бы я хотѣлъ.“ — „Не безпокойтесь по поводу числа, сказалъ мнѣ министръ. Оно никогда не будетъ слишкомъ велико, если вы только держите ихъ въ рукахъ; но найдите способъ искренно привязать ихъ къ себѣ. Не жалѣйте денегъ, въ случаѣ надобности вамъ даже выдадутъ секретные фонды.“—Я не думаю, чтобы это оказалось нужнымъ; впослѣдствіи это, можетъ быть, сдѣлалось бы источникомъ довольно серьезныхъ затрудненій; но съ какой цѣлью, кромѣ цѣли общественнаго спокойствія, даете вы мнѣ эти указанія?“—„Съ цѣлью обществен-

---

[1]) См. „Histoire des ateliers nationaux“, стр. 200.

наго спасенія. Надѣетесь-ли вы достигнуть полнаго господства надъ своими людьми? Можетъ быть, недалекъ тотъ день, когда ихъ придется вывести на улицу [1]).“ (т. е. послать на бой. *Перев.*)

Такимъ образомъ, я въ Люксембургской комиссіи не имѣлъ ни сантима, а директору національныхъ мастерскихъ, чтобы создать для него силу, которую онъ, по его собственному признанію, хотѣлъ направить противъ меня, „*очень тихо*“ предлагали сумму, взятую изъ секретныхъ фондовъ!

Такимъ образомъ, чисто нравственной власти, почерпнутой Альберомъ и мной въ безграничномъ довѣріи, которое мы внушали Люксембургскимъ делегатамъ, старались противопоставить вліяніе, снисканное тайными путями, на счетъ общественной казны, цѣною золота!

Такимъ образомъ, въ то время какъ мы произносили съ высоты Люксембургской трибуны лишь слова мира, лишь призывы къ спокойствію и согласію [1]), директору національныхъ мастерскихъ потихоньку говорили: „Не жалѣйте денегъ... Надѣетесь ли вы вполнѣ взять въ руки вашихъ людей? Можетъ быть, близокъ день, когда придется вывести ихъ на улицу!“

Это не все: для того чтобы обезпечить за собой постоянный способъ воздѣйствія на рабочее населеніе національныхъ мастерскихъ, г. Мари и г. Эмиль Тома́ попытались устроить клубъ.

„Поданная однимъ изъ делегатовъ мысль объ основаніи клуба, разсказываетъ г. Эмиль Тома́, осталась въ умѣ министра, который, послѣ того какъ делегаты ушли, сталъ говорить о ней со мною и спросилъ меня, что̀ я о ней думаю. Я отвѣтилъ ему, что эта вещь можетъ дать хорошіе результаты... Я видѣлъ въ этомъ проектѣ то громадное преимущество, что этимъ путемъ былъ бы воздвигнутъ новый алтарь въ противовѣсъ Люксембургскому [1]).“

Но новый алтарь остался безъ вѣрующихъ. Популярность

---

[1]) См. „Histoire des ateliers nationaux“, стр. 146 и 147.

[2]) См. рѣчи буквально воспроизведенныя въ „Moniteur“'ѣ отъ 10-го марта, 11-го марта, 26-го марта, 7-го апрѣля, 2-го мая 1848 года.

[3]) „Histoire des ateliers nationaux“, стр. 156 и 157.

пріобрѣтается, но не покупается. Тѣ, которые распоряжались общественной казной, тѣ, которые располагали существованіемъ нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ семей, имѣя возможность по своему желанію открыть или запереть передъ ними двери національныхъ мастерскихъ, напрасно захотѣли завоевать силою народныя симпатіи, напрасно стали они добиваться народнаго расположенія: сердце народа продолжало лежать лишь къ тѣмъ, которые могли купить его только благородными мыслями, да свободнымъ словомъ.

Пусть не забываютъ, что Люксембургскіе делегаты никогда не получали ни полушки. Ихъ миссія всегда оставалась совершенно безплатной; она даже сдѣлалась для нихъ источникомъ самыхъ тяжелыхъ лишеній, самыхъ острыхъ страданій. Большинство изъ нихъ было выброшено изъ мастерскихъ взбѣшенными хозяевами. Противъ нихъ, адвокатовъ всенародной нищеты, образовалась цѣлая лига съ цѣлью лишить ихъ трудового хлѣба. И затѣмъ не постыдились воспользоваться самимъ ихъ несчастіемъ, какъ аргументомъ противъ нихъ же.

„Ну что?—говорили имъ,—что же вы выиграли отъ столькихъ обманчивыхъ теорій? Вамъ говорятъ объ организаціи труда; вамъ восхваляютъ блага ассоціаціи; какъ на цѣль, вамъ указываютъ вдали на уничтоженіе пролетаріата. Все это—обѣщанія риторовъ, грезы утопистовъ, блестящіе призраки, за которыми васъ заставляютъ гоняться, нагихъ и холодныхъ, по странѣ химеръ! Очнитесь, несчастные! Оставьте этихъ трибуновъ, щедрыхъ на золотыя и безплодныя слова! Вспомните, что бѣдность—неизбѣжный удѣлъ большинства. Развѣ были когда нибудь ваши страданія жесточе, чѣмъ теперь? Поймите лучше плачъ вашихъ дѣтей и присмотритесь къ блѣдности лицъ ихъ матерей!“

Да, вотъ что говорили нѣкоторые люди, которые нарочно прятали свои капитала, подрывали кредитъ своими громкими сѣтованіями на его гибель, отмѣняли начатыя работы, отказывались отъ предлагавшихся рабочихъ рукъ. Они поддерживали или увеличивали зло для того, чтобы доказать невозможность его уничтоженія; горя желаніемъ показать неосуществимость новыхъ идей, они ссылались

на результаты маневровъ, ими самими пущенныхъ въ ходъ для того, чтобы помѣшать осуществленію этихъ идей: они сѣяли тиранію на почвѣ бѣдности!

Но народъ не далъ себя обмануть. Угрозы, обѣщанія, коварные совѣты, чрезмѣрно затянувшееся бѣдственное положеніе, ничто не поколебало представителей корпорацій, ничто не смутило спокойствія, съ которымъ засѣдалъ въ Люксембургскомъ дворѣ великій парламентъ голода.

А мы, свидѣтели этого ежечаснаго героизма, этого неустаннаго и скромнаго самоотверженія, этихъ добродѣтелей, вознаграждавшихся лишь радостями своего рода священнаго энтузіазма, могли ли мы не быть растроганными и не проникнуться движеніемъ къ вамъ? Люди съ великой душой, пріймите это свидѣтельство, которое посылаетъ вамъ изъ глубины изгнанія сердце, всѣ біенія котораго были вамъ извѣстны. Среди посѣтившихъ меня бѣдствій и въ этомъ горькомъ одиночествѣ, окружившемъ меня, мнѣ еще остается счастье, котораго не могли у меня отнять ни враги, ни судьба; это отрада и честь быть любимымъ такими людьми, какъ вы [1])!

---

[1]) Вотъ письмо, которое я получилъ во время буржскаго процесса отъ лицъ, изъ которыхъ состояла комиссія Люксембургскихъ делегатовъ. Тѣмъ, кто поноситъ народъ, постоянно настаивая на измѣнчивости его симпатій, это письмо, столь благородное, выразительное и трогательное, покажетъ—какія сокровища привязанности и благодарности могутъ заключать сердца людей изъ народа:

Отъ делегатовъ люксембургской коммиссіи.

Парижъ, 9-го марта 1849 г.

„Дорогой гражданинъ.

Мы съ радостью узнали, что Вы не явитесь отдаться въ руки исключительнаго судопроизводства, созданнаго не въ интересахъ справедливости, но для удовлетворенія злобныхъ страстей политической партіи. Вы хорошо поступили, принявъ такое рѣшеніе, такъ какъ предоставить себя въ распоряженіе своихъ враговъ при подобныхъ обстоятельствахъ по нашему было бы не актомъ гражданскаго мужества, а величайшей глупостью. Къ тому же, вы болѣе дѣйствительнымъ образомъ будете служить дѣлу соціализма за границей, чѣмъ подъ давленіемъ свободоубійственнаго правительства, позорящаго Францію. Правда, изгнаніе имѣетъ свои печальныя стороны, и, со времени вашего удаленія, мы сильнѣе чѣмъ когда либо чувствуемъ, какъ тяжело быть разлученными

Нужно ли закончить представленныя мной доказательства!

Вотъ признанія, которыя вынужденъ сдѣлать, по поводу національныхъ мастерскихъ, г. де-Ламартинъ въ своей *Исторіи февральской революціи*, гдѣ онъ проявилъ по отношенію ко мнѣ (я жалѣю, что вынужденъ сдѣлать тоже замѣчаніе касательно книги г-на Гарнье-Пажеса) недоброжелательство, настолько исключительное и выраженное столь умѣло, что заявленіе этого автора не можетъ въ данномъ случаѣ возбудить подозрѣнія:

„Г. Мари медлилъ съ общественными работами, слишкомъ часто пріостанавливающимися и рутинными. Одинъ изъ способовъ разрѣшить политическій и соціальный кризисъ состоялъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Временнаго правительства, въ томъ, чтобы произвести въ обширныхъ размѣрахъ наборъ праздныхъ людей и сейчасъ же занять ихъ какими нибудь большими работами по оплодотворенію французской территоріи. Ламартинъ былъ того же мнѣнія.

съ дорогими людьми, но, каковы бы ни были горести, претерпѣваемыя вами вдали отъ друзей и родины, мы во сто разъ предпочитаемъ ваше пребываніе въ Англіи тому мѣстожительству, которое въ своей слѣпой ненависти готовятъ вамъ наши общіе враги. Повѣрьте, гражданинъ, что чувства дружбы и преданности, которыя вы съумѣли намъ внушить, лишь увеличиваются вашимъ отсутствіемъ. Не теряйте надежды, можетъ быть, уже недалеко то время, когда мы сможемъ устно выразить Вамъ всю нашу благодарность и показать вамъ всѣ тѣ чувства, которыя мы питаемъ къ Вамъ въ нашихъ сердцахъ.

18-го числа этого мѣсяца, мы даемъ обѣдъ, чтобы отпраздновать годовщину учрежденія Люксембургской делегаціи; для того, чтобы придать этому собранію его настоящій характеръ, намъ необходимо Ваше содѣйствіе. Поэтому, мы просимъ Васъ быть столь добрымъ и прислать намъ рѣчь для этого торжества, на которое мы, къ своему горькому сожалѣнію, не можемъ пригласить Васъ.

„Тостъ, который Вы предложили въ Лондонѣ въ честь Люксембургскихъ делегатовъ, доставилъ намъ большое удовольствіе. Не безъ нѣкотораго чувства гордости (сознаемся въ этомъ откровенно) встрѣтили мы эту добрую вѣсть; мы тутъ узнали истиннаго друга, чье сочувственное сердце отвѣчаетъ біенію нашихъ сердецъ. Между нами и Вами, Луи-Бланъ, братство никогда не будетъ пустымъ звукомъ; мы связаны съ Вами на жизнь и на смерть.

„Члены коммиссіи.

Готье, Брасселэ, Перно, Авг. Блюмъ, Дюбюкъ, Луи Лавуа, А. Лефоръ“.

Нѣкоторые соціалисты, въ то время умѣренные и политичные, впослѣдствіи раздраженные и крамольные, требовали инниціативы правительства въ этомъ направленіи. Палліативомъ, который казался имъ подходящимъ для республики, желавшей сохранить миръ и спасти собственность, покровительствуя пролетарію и улучшая его положеніе, была большая внутренняя компанія, въ которой орудія замѣняли бы оружіе, подобная мирнымъ компаніямъ римлянъ или египтянъ съ цѣлью прорытія каналовъ или осушенія понтійскихъ болотъ. Такова была злоба дня. Обширное министерство общественныхъ работъ явилось бы первымъ шагомъ политики, приспособленной къ тогдашнему положенію. Одной изъ крупныхъ ошибокъ правительства было то, что оно слишкомъ долго оставалось въ выжидательномъ положеніи, прежде чѣмъ осуществить эти мысли. Пока оно ждало, національныя мастерскія, разросшіяся, благодаря нищетѣ и праздности, становились съ каждымъ днемъ болѣе обременительными, безплодными и опасными для общественнаго порядка.

„Въ это время онѣ еще ему не угрожали. Онѣ были лишь уловкой людей и кое-какимъ опытомъ общественной благотворительности, вызваннымъ на слѣдующій день послѣ революціи необходимостью кормить народъ, при этомъ не оставляя его празднымъ, дабы избѣжать безпорядковъ, проистекающихъ отъ праздности. Г. Мари организовалъ ихъ умно, но не слѣлалъ ихъ полезными съ точки зрѣнія производительной работы. Онъ раздѣлилъ ихъ на бригады, далъ имъ начальниковъ, внушилъ имъ духъ дисциплины и порядка. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, онѣ, благодаря ему, вмѣсто того, чтобы являться силой въ рукахъ соціалистовъ и мятежниковъ, были преторіанской, но праздной, арміей въ рукахъ правительства. *Командуемыя, управляемыя, поддерживаемыя начальниками, знавшими тайныя мысли антисоціалистической части правительства*, мастерскія служили, до созыва національнаго собранія, противовѣсомъ нафанатизированнымъ рабочимъ Люксембурскаго дворца и мятежнымъ рабочимъ клубовъ. Онѣ скандализировали весь Парижъ количествомъ своихъ

рабочихъ единицъ и безполезностью своихъ работъ; но онѣ охраняли столицу и нѣсколько разъ спасли ее безъ ея вѣдома. *Очень далекія отъ того, чтобы, какъ это разсказывали, состоять на жалованіи у Луи Блана, онѣ слѣдовали внушеніямъ ума его противниковъ*" [1]).

Что послѣ этого умудрились сдѣлать меня жертвой обвиненія, ложность котораго доказывало рѣшительно все, это, повторяю, является однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ эпизодовъ, какіе только встрѣчаются въ исторіи клеветы. Національныя мастерскія безъ всякой пользы истощали казну; онѣ унижали рабочаго, вынужденнаго получать, какъ милостыню, хлѣбъ, который онъ желалъ зарабатывать; онѣ дискредитировали государственное вмѣшательство въ экономическіе вопросы; онѣ ставили на мѣсто рабочихъ ассоціацій батальоны незанятыхъ ничѣмъ полезныхъ наемниковъ, странную армію, которую рано или поздно нужно было распустить, рискуя затѣять гражданскую войну!

Теоретикамъ свободнаго обмѣна, его панегиристамъ, припертымъ къ стѣнѣ, было крайне выгодно приписать намъ подобную неурядицу. Какое счастье для столповъ старой политической экономіи, если имъ удастся обмануть общественное мнѣніе, если имъ удастся выставить, какъ наивысшее примѣненіе организаціи труда, эти національныя мастерскія, бывшія лишь гнусной пародіей на нее! Обманъ имѣлъ здѣсь несомнѣнное значеніе; онъ давалъ нашимъ противникамъ, истратившимъ запасъ своихъ аргументовъ, возможность сказать: „къ чему всѣ эти длинныя разсужденія? Всѣмъ вашимъ теоріямъ мы можемъ противопоставить фактъ".

Но развѣ ассоціацій, вышедшихъ изъ Люксембургской комиссіи, какъ напр. ассоціаціи портныхъ, прядильщиковъ, бассонщиковъ, сѣдельниковъ, столь радикально отличавшихся отъ національныхъ мастерскихъ, недостаточно было для того, чтобы зажать ротъ этой клеветѣ, самой безстыдной, которая когда-либо пускалась въ обращеніе? Казалось, должно было бы быть такъ; но агенты этого за-

[1]) „Histoire de la Révolution de février", г-на Ламартина, т. II, стр. 120.

говора лжи постарались съ такимъ ожесточеніемъ и съ такой наглостью все затемнить, что еще и въ настоящее время многіе смѣшиваютъ съ несуществующими болѣе національными мастерскими рабочія ассоціаціи, зародившіяся подъ вліяніемъ Люксембургской комиссіи.

По-истинѣ, есть отъ чего содрогнуться, когда подумаешь, сколько злобы, несправедливости и жестокости можетъ заключаться въ одномъ лживомъ измышленіи.

Въ качествѣ организатора національныхъ мастерскихъ, организованныхъ противъ меня, я пріобрѣлъ легіоны враговъ.

Въ качествѣ организатора національныхъ мастерскихъ, организованныхъ противъ меня, я долженъ въ глазахъ громадной толпы невѣждъ нести отвѣтственность за страхи промышленности и бѣдствія нашего вѣка.

Въ качествѣ организатора національныхъ мастерскихъ, организованныхъ противъ меня, я былъ проклятъ всякимъ, кто чувствовалъ, что рушится его состояніе.

Въ качествѣ организатора національныхъ мастерскихъ, организованныхъ противъ меня, я былъ одно время выставляемъ виновникомъ іюньскаго возстанія, произошедшаго изъ-за этихъ мастерскихъ, столь безразсудно распущенныхъ, послѣ того какъ онѣ были столь безразсудно учреждены.

Въ качествѣ организатора національныхъ мастерскихъ, организованныхъ противъ меня, я подвергся двумъ подлымъ покушеніямъ на мою жизнь: первое произошло на самомъ порогѣ національнаго собранія, второе среди бѣла дня и на самомъ бульварѣ.

Вы ищете синонима слова: *клеветникъ*? Этотъ синономъ слово: *убійца*.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Внѣшняя политика временнаго правительства.

Принципъ вмѣшательства въ пользу угнетенныхъ народовъ.—Какъ на это смотрѣли конвентъ и монтаньяры.—Статья конституціи 1793 года, освящающая этотъ принципъ.—Манифестъ г-на Ламартина къ Европѣ.—Поведеніе республики по отношенію къ иностраннымъ правительствамъ.—Историческая роль Англіи въ дѣлѣ вмѣшательства.—Противорѣчія лорда Брума.—Параграфъ манифеста, относящійся къ договорамъ 1815 года.—Поправка, внесенная меньшинствомъ Совѣта.—Сплетня лорда Норменби.—Манифестъ подвергается сразу нападенію со стороны двухъ крайнихъ мнѣній.—Чего требовало положеніе вещей.—Italia farà da se.—Сардинское правительство протестуетъ противъ присутствія корпуса французской арміи у подножія Альпъ.—Письмо Маццини къ г-ну Жюлю Бастиду, отклоняющее вмѣшательство.—Военные рессурсы Франціи 24-го февраля.—Совѣтъ генераловъ высказывается противъ всякой немедленной войны.—Аналогичное заявленіе Комитета защиты.—1793 и 1848 гг.—Сила примѣра.—Пробужденіе національностей.

Французскихъ республиканцевъ обвинили въ томъ, что они требовали для своей страны права помогать каждой націи, попираемой ногами иностранной тиранніи: сохрани меня Богъ опровергать это почетное обвиненіе! Да, я признаю, и признаю громко и съ гордостью, что партія, къ которой я принадлежу, полагаетъ, что сила Франціи есть достояніе человѣчества и что Франція должна вмѣнить себѣ защиту угнетенныхъ народовъ въ такую-же неуклонную обязанность, какъ и собственное самосохраненіе. Одно изъ главныхъ обвиненій, направляемыхъ французскими республиканцами противъ монархическаго правительства, состоитъ въ томъ, что характеръ этого правительства заставляетъ его жертвовать чисто династическимъ интересамъ тѣмъ, что они считаютъ священнѣйшей изъ обязанностей и истинно-національной политикой. Свидѣтели энергіи, съ

которымъ деспотическія государства поддерживаютъ одно другое, французскіе республиканцы не видятъ, почему свободному народу не выступить защитникомъ дружескаго угнетеннаго народа, и вотъ почему они пришли въ такое сильное негодованіе, когда, въ царствованіе Луи-Филиппа, Казиміръ Перье воскликнулъ съ высоты парламентской трибуны: „Французская кровь принадлежитъ одной только Франціи“.

Но насколько они расположены помогать угнетеннымъ національностямъ, предлагая имъ свое посредничество, свои деньги, или же въ случаѣ надобности, обнажая мечъ, настолько же они враждебны всякой войнѣ, единственнымъ мотивомъ которой является честолюбіе, единственнымъ принципомъ, бранная слава, единственной цѣлью—завоеваніе. Необходимость войны при извѣстныхъ обстоятельствахъ есть въ ихъ глазахъ лишь прискорбное доказательство, что міръ еще находится въ состояніи дѣтства; они считаютъ систему постоянныхъ армій несовмѣстимой со свободой и знаютъ, какъ легко побѣдоносному генералу превратиться въ тирана.

Кто въ 1792 г. съ наибольшей энергіей старался предотвратить войну? Робеспьеръ. Если Франція взялась за оружіе противъ Австріи, то это произошло вопреки его сопротивленію, подкрѣплявшемуся сопротивленіемъ якобинцевъ. Вполнѣ достовѣрно установлено исторически,—хотя этотъ фактъ и не всѣмъ извѣстенъ,—что въ 1793 г. Конвентъ былъ *вынужденъ* прибѣгнуть къ войнѣ систематически повторявшимися вызовами Питта, желавшаго войны во что бы то ни стало. [1]) Не слѣдуетъ также забывать, что конституція 1793-го года, бывшая произведеніемъ монтаньяровъ, содержитъ слѣдующую статью: „Французскій народъ не вмѣшивается въ управленіе другихъ націй. Онъ не допускаетъ вмѣшательства другихъ націй въ его собственныя дѣла“ [2]).

Но Робеспьеръ и монтаньяры предполагали, что этотъ принципъ

---

[1]) Желающій основательнѣе познакомиться со всѣмъ, что относится къ этому великому событію, можетъ обратиться къ моей „Histoire de la Revolution“, т. VIII, глава, озаглавленная „Pitt et la Convention“.

[2]) Ibid, т. IX, стр. 29.

примѣнимъ лишь при обычныхъ обстоятельствахъ и, ставя его, они не отказывались отъ права и обязанности вмѣшательства въ случаѣ совершенія актовъ тираніи, влекшихъ за собой *явное* нарушеніе вѣчныхъ законовъ человѣчности и справедливости. Ибо другая статья конституціи 1793-го года гласитъ: „Французскій народъ — естественный союзникъ свободныхъ народовъ"; что же касается до Робеспьера, то онъ не поколебался заявить въ своей деклараціи правъ человѣка: „Кто угнетаетъ одну націю, объявляетъ себя врагомъ всѣхъ націй".

Такъ республиканская партія смотрѣла на внѣшнюю политику, когда 2-го марта 1848-го года Временное правительство было призвано разсмотрѣть манифестъ къ Европѣ, составленный г-номъ де-Ламартиномъ.

Приходилось рѣшить три вопроса:

Слѣдуетъ ли подтвердить именемъ французскаго народа право съ оружіемъ въ рукахъ оказывать помощь угнетеннымъ націямъ въ дѣлѣ освобожденія отъ иностраннаго ига?

Слѣдуетъ ли отречься отъ трактатовъ 1815-го года?

Слѣдуетъ ли выразить желаніе сохранить миръ?

Относительно перваго пункта не возникло затрудненій; и слѣдующее мѣсто манифеста г-на де Ламартина было принято безъ возраженій:

„Мы громогласно это заявляемъ: если бы намъ показалось, что въ судьбахъ Божіихъ пробилъ часъ возстановленія нѣкоторыхъ національностей въ Европѣ или въ другихъ частяхъ свѣта, если бы Швейцаріи, нашей вѣрной союзницѣ со времени Франциска I-го, грозило бы внѣшнее давленіе или какая-нибудь опасность по поводу того прогрессивнаго движенія, которое въ ней теперь происходитъ и которое должно дать лишнюю силу союзу демократическихъ правительствъ; еслибы произошло нашествіе на независимыя итальянскія государства; еслибы поставили границы или воздвигли препятствія ихъ внутреннему преобразованію; еслибы, съ оружіемъ въ рукахъ, стали оспаривать у нихъ право вступить между собой въ союзъ для упроченія общеитальянскаго отечества,

то французская республика сочла бы себя въ правѣ взяться за оружіе, чтобы поддержать это законное движеніе національнаго роста народовъ“ [1]).

Нужно замѣтить, что это былъ очень щекотливый вопросъ. Случаи національной узурпаціи имѣютъ вообще болѣе или менѣе относительный и спорный характеръ; поэтому трудно, если не невозможно, заранѣе провести границу между обязанностью вмѣшательства и правиломъ невмѣшательства. Слѣдовательно, благоразумна была политика, оставлявшая за Франціей право разсмотрѣнія причинъ и обстоятельствъ и право выбора подходящей минуты.

Тѣмъ не менѣе, даже заключенное въ этихъ рамкахъ утвержденіе права, провозглашенное манифестомъ, породило самыя диковинныя нападки на Временное правительство. Мы встрѣчали людей, восхищавшихся Питтомъ за то, что онъ подстроилъ много роялистскихъ мятежей съ нескрываемой цѣлью уничтожить Конвентъ,—собраніе, вышедшее изъ всеобщаго голосованія,—мы слышали, какъ эти самые люди называли насъ дерзкими нарушителями „международнаго права“. Мы слышали, какъ лордъ Брумъ съ оскорбительнымъ и глупымъ бѣшенствомъ упрекалъ насъ въ томъ, что мы исповѣдывали ту самую доктрину, которую Англія исповѣдывала всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ своихъ усиліяхъ спасти Неаполь не отъ ига иностраннаго завоевателя, но,—попытка гораздо болѣе смѣлая,—отъ ига туземнаго тиранна! Если принципъ невмѣшательства долженъ считаться совершенно неприкосновеннымъ, то почему же, какъ это прекрасно отмѣтилъ Милль [2]), европейскія правительства трижды нарушили его, вмѣшавшись, сначала при Наваринѣ въ греко-турецкое столкновеніе, при Антверпенѣ въ голландско-бельгійское, потомъ, наконецъ, при Акрѣ въ турецко-египетское? Если международное право, какъ его понимаетъ лордъ Брумъ, абсолютно не допускаетъ вмѣшательства одного

---

[1]) См. „le Moniteur“, отъ 5-го марта 1848 г.

[2]) Въ прекрасной брошюрѣ, въ которой онъ уничтожилъ лорда Брума.

народа въ дѣла другого, то почему русскимъ позволили присоединиться къ Австріи для подавленія Венгріи? Потому ли, что принципъ, ложный тамъ, гдѣ онъ покровительствуетъ угнетеннымъ, становится истиннымъ и священнымъ, когда онъ благопріятствуетъ угнетенію?..

Касательно трактатовъ 1815 года проектъ представленный Временному правительству, далеко не высказывался съ опредѣленностью. Г. де-Ламартинъ очевидно боялся, чтобы его манифестъ не пронесся по Европѣ, какъ трубный звукъ. Я запротестовалъ противъ такого избытка осторожности и указалъ на то, что опасно оставлять нерѣшеннымъ вопросъ столь важный, какъ трактаты 1815 года. Можно сказать, ничего не преувеличивая, что нѣтъ ни одной французской фибры, которая не вздрагивала бы при воспоминаніи объ этихъ трактатахъ. Ихъ намъ навязало иностранное нашествіе; они были подписаны отъ нашего имени правительстомъ, котораго мы не желали; они были заключены прежде, чѣмъ врагъ покинулъ нашу территорію, при обстоятельствахъ, отъ которыхъ наши лица покрывались краской стыда, и съ громко заявленной цѣлью елико возможно унизить Францію. Въ сущности, рѣчь шла о томъ, чтобы посадить Францію подъ арестъ. „Въ то время какъ Англія, Пруссія, Россія могли похвалиться значительнымъ расширеніемъ своихъ владѣній за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, Франція должна была удовольствоваться территоріей меньшей, чѣмъ та, которую она занимала при Людовикѣ XV-мъ“ [1]). Могла ли и должна ли была Франція считать себя навсегда связанной обязательствами этого рода? Подобная претензія была бы безуміемъ со стороны другихъ договаривавшихся сторонъ, которыя никогда не стѣснялись нарушать эти самые трактаты всякій разъ, какъ это было имъ выгодно. Послѣ того, что произошло въ Краковѣ, Италіи, Венгріи, можно ли усматривать въ трактатахъ 1815 года что-нибудь иное, кромѣ листа бумаги, который сами наши враги

---

[1]) Такъ выражается одинъ англійскій писатель объясняя чувства вызванныя во Франціи трактатами 1815 г. См. „Edinburgh-Review“, т. XXXV, стр. 585.

дружно разорвали на части! Я не поколебался поэтому предложить, чтобы ихъ смѣло объявили несуществующими. И я долженъ сказать, что выразилъ этимъ чувства всѣхъ членовъ Совѣта. Дѣло только въ томъ, что меньшинство, къ которому я принадлежалъ, гораздо меньше большинства поддавалось боязни оскорбить иностранныя правительства и скомпрометтировать этимъ миръ. Чтобы выйти изъ затрудненія, прибѣгли къ компромиссу, заключавшемуся въ томъ, чтобы, съ одной стороны, торжественно отвергнуть обязательность трактатовъ 1815 года, а съ другой стороны, принять существующія территоріальныя отношенія, но какъ нѣчто могущее быть измѣненнымъ, какъ путемъ соглашеній, такъ и путемъ болѣе энергическихъ мѣръ, смотря по обстоятельствамъ. Такимъ образомъ былъ принятъ слѣдующій текстъ:

„Трактаты 1815 г. не существуютъ болѣе de jure въ глазахъ французской республики; тѣмъ не менѣе, территоріальныя раздѣленія, принятыя этими трактатами, суть фактъ, который она принимаетъ какъ базисъ переговоровъ и точку исхода въ своихъ сношеніяхъ съ другими націями. Но если трактаты 1815 года существуютъ теперь только лишь какъ факты, подлежащіе измѣненію съ общаго согласія, и если республика громко заявляетъ, что считаетъ своимъ правомъ и своей миссіей правомѣрно и мирно приступить къ этимъ измѣненіямъ, то здравый смыслъ, умѣренность, добросовѣстность и благоразуміе республики остаются въ силѣ и являются для Европы лучшей и болѣе почетной гарантіей, чѣмъ буква этихъ трактатовъ, столь часто нарушавшихся или измѣнявшихся ею“ [1]).

Въ книгѣ лорда Норменби я читаю:

„3-го марта. Ламартинъ сказалъ мнѣ сегодня, что желалъ бы меня познакомить съ сущностью своего манифеста къ Европѣ, который обсуждался вчера на Совѣтѣ и будетъ опубликованъ черезъ два или три дня. „Вамъ не безызвѣстно, сказалъ онъ мнѣ, какъ относилась Франція въ теченіе этихъ послѣднихъ тридцати лѣтъ къ трактатамъ 1815 года и насколько это униженіе осталось жи-

---

¹) См. „le Moniteur“, отъ 5-го марта 1848 г.

вымъ въ памяти націи". Онъ прибавилъ, что *желалъ бы совсѣмъ не говорить объ этомъ, но что это показалось невозможнымъ. Онъ принужденъ-де* намекнуть на тотъ способъ, которымъ они были нарушены" [1]).

Я отказываюсь вѣрить, къ чести г-на де Ламартина, что память лорда Норменби не измѣнила ему въ данномъ случаѣ. Возможно ли было бы объяснить подобную безтактность? Если г. де Ламартинъ дѣйствительно ощущалъ то нежеланіе, которое ему приписываетъ лордъ Норменби, вѣроятно ли, чтобы онъ сообщилъ эту тайну иностранному дипломату?

Вопросъ о томъ, выскажетъ ли французская республика желаніе сохранить миръ, не вызвалъ никакихъ преній. Тѣмъ не менѣе, я имѣю основаніе думать, что въ этомъ пунктѣ редакція манифеста не совсѣмъ отвѣчала чувствамъ меньшинства Совѣта. Я лично находилъ желательной бо́льшую сдержанность тона. Мнѣ казалось, что говорить, напримѣръ: „Французская республика желаетъ войти въ семью установленныхъ правительствъ" значило хватать черезъ край, не говоря уже о томъ, что подобныя слова не очень-то согласовались съ слѣдующими, которыя мнѣ были гораздо болѣе по душѣ: „Республикѣ для того чтобы существовать нѣтъ надобности быть признанной". Какъ бы то ни было, разъ была принята поправка касательно трактатовъ 1815 года, трудно отрицать, что, въ цѣломъ, манифестъ г-на де Ламартина являлся краснорѣчивой декларацiей единственной возможной въ то время политики.

Между тѣмъ, эта политика подвергалась сильнымъ нападкамъ со стороны людей, исходившихъ изъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Одни упрекали насъ въ томъ, что мы разнуздали въ Европѣ духъ слѣпой смуты и анархіи, другіе—въ томъ, что мы недостаточно поддержали плодотворныя волненія свободы.

Какова цѣна первому обвинительному пункту, мы это сейчасъ видѣли; второй пунктъ имѣетъ не больше основаній.

Каково было тогдашнее положеніе? Въ 1792 году вся Европа

---

1) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 164, 165.

шла на насъ съ оружіемъ въ рукахъ; въ 1848 году нечего было бояться чего-нибудь подобнаго; никакая вооруженная коалиція не угрожала и не могла угрожать колыбели республики. Наученные ли опытомъ, подъ давленіемъ ли внутреннихъ затрудненій, иностранныя правительства, повидимому, твердо рѣшили воздержаться отъ вмѣшательства, если только на нихъ не нападутъ. Англія, бывшая душой первыхъ коалицій, направленныхъ противъ насъ, обѣщала стать союзницей Франціи въ случаѣ мира, между тѣмъ какъ, пытаясь зажечь всеобщій пожаръ, мы рисковали сдѣлать ее нашимъ врагамъ. Къ тому же, можно ли было быть увѣреннымъ въ томъ, что, торопясь оказать вооруженное покровительство націямъ еще не готовымъ къ рѣшительной борьбѣ, Франція не вызоветъ съ ихъ стороны скорѣе недовѣріе, чѣмъ симпатію? Нѣмцы сохраняли горькое воспоминаніе о занятіи Франкфурта и Майнца революціонными французскими войсками; знаменитая пѣсня о Рейнѣ [1]) не была у нихъ забыта, даже въ средѣ демократовъ; что же касается до итальянскихъ патріотовъ, то ихъ господствующей идеей была та—(мы знаемъ это съ достовѣрностью),—что недостоинъ независимости народъ, который не умѣетъ самъ себѣ ее завоевать. Армія, переходящая черезъ Альпы, была бы встрѣчена лишь смѣшаннымъ чувствомъ безпокойства и уязвленной гордости. Что могло быть яснѣе предостереженія, заключающагося въ итальянскомъ лозунгѣ: Italia farà da se?

Впрочемъ, существуютъ многочисленныя и неопровержимыя свидѣтельства благородной заботливости Временнаго правительства объ угнетенныхъ народахъ, также, какъ и указанія на препятствія, имъ встрѣченныя со стороны тѣхъ, которые казались призванными воспользоваться этой заботливостью.

Вспомнимъ, что послѣ сицилійскаго возстанія заволновался Миланъ, и что въ то время когда произошла февральская революція, въ Ломбардіи обнаружились симптомы приближавшагося возстанія. Обѣщать рѣшительнымъ актомъ помощь Франціи этому возстанію значило бросить вызовъ Австріи и въ какую минуту? Въ минуту,

---

[1]) Николая Беккера. *Прим. перев.*

когда, какъ я это сейчасъ покажу, въ нашемъ распоряженіи была лишь дезорганизованная армія и пустая казна. Тѣмъ не менѣе, Временное правительство не задумалось; и однимъ изъ его первыхъ дѣйствій было стянуть къ подножію Альпъ корпусъ въ 30.000 человѣкъ, которому было приказано поддержать, въ случаѣ надобности, итальянское освободительное движеніе. Но что же произошло? Лишь только Миланъ заставилъ маршала Радецкаго удалиться, лишь только Венеція изгнала чужестранца, какъ при свѣтѣ ряда революціонныхъ взрывовъ въ Павіи, Брешіи, Кремонѣ, Бергамо, пьемонтскій король Карлъ-Альбертъ вторгся въ Ломбардію со шпагой въ рукѣ. Попросилъ ли онъ въ этой крайней нуждѣ помощи у Франціи? Нисколько. Такъ какъ онъ дѣйствовалъ гораздо больше въ качествѣ монарха, чѣмъ въ качествѣ итальянца, такъ какъ для него вопросъ былъ нестолько въ томъ, чтобы избавить Италію отъ австрійскаго владычества, сколько въ томъ, чтобы подчинить своему собственному господству ломбардскіе города, такъ какъ онъ въ особенности боялся того, чтобы республиканская Франція, вѣрная своему принципу, не принесла республики изъ-за Альпъ, то онъ употребилъ всѣ старанія для того, чтобы отвратить французское вмѣшательство. Присутствіе маленькой арміи на варской [1]) границѣ, арміи сформированной нами тамъ съ тѣмъ, чтобы служить, по выраженію г. Бастида, арьергардомъ итальянской революціи, возбудило въ пьемонтскомъ правительствѣ тревогу, выраженіе которой подчасъ принимало оскорбительную для насъ форму. Сардинскій министръ въ Парижѣ, маркизъ де-Бриньоль, сталъ жаловаться, протестовать, грозить, говоря, что шпага Карла-Альберта достаточно защищаетъ Италію, что въ глазахъ правительствъ и *населеній* мы могли перейти Альпы лишь съ честолюбивой цѣлью завоеванія; что поэтому итальянцы не будутъ видѣть никакой разницы между австрійцами и нами, и что пушки форта Даміано уже готовы были принять насъ“ [2]).

[1]) Рѣка Варъ отдѣляла въ то время Францію отъ Италіи.

Прим. перев.

[2]) Это подлинныя выраженія, которыя употребляетъ, передавая слова маркиза де-Бриньоля, г. Жюль Бастидъ, бывшій министръ иностранныхъ

Привожу двѣ депеши, живо рисующія положеніе; заимствую ихъ изъ произведенія г-на Жюля Бастида *„Французская республика и Италія въ 1848 году“*.

Маркизъ де Парето г-ну де Ричи.

24-го марта.

„Сегодня вечеромъ король (Карлъ-Альбертъ) рѣшилъ войти съ войсками въ Ломбардію. Этого рѣшенія Его Величества настоятельно потребовало нынѣшнее положеніе Италіи, въ которой стремленіе къ національной независимости достигло наивысшей степени. Можно было также опасаться, что многочисленныя политическія сообщества, существующія въ Ломбардіи, и близость Швейцаріи поведутъ къ провозглашенію республиканскаго правительства. Эта форма правленія оказалась бы гибельной для дѣла Италіи, для нашего правительства, для *августѣйшей Савойской династіи*“.

Маркизъ де Парето сэру Аберкромби.

Туринъ, 30-го марта.

„Я написалъ г-ну министру де Бриньолю, чтобы онъ уговорилъ Временное правительство держать это сборище (корпусъ въ 30.000 человѣкъ, собранныхъ за Альпами) подальше отъ границы, *для того чтобы нашему населенію не могло прійти въ*

дѣлъ при генералѣ Каваньякѣ. Приведенное мѣсто есть отрывокъ изъ очень интересной книги, изданной г-номъ Бастидомъ подъ заглавіемъ: *Французская республика и Италія въ 1848 году.* Мы находимъ тамъ сборникъ дипломатическихъ документовъ первостепенной важности, чтеніе которыхъ мы убѣдительно рекомендуемъ тѣмъ, кто желаетъ основательно познакомиться съ эпохой, о которой идетъ рѣчь.

Послѣ отрывка изъ моей книги (въ англійскомъ изданіи), которую ему угодно было цитировать въ своей, г. Жюль Бастидъ пишетъ: „Я счастливъ, что могу привести здѣсь, въ подкрѣпленіе моихъ словъ, мнѣніе человѣка, заслуживающаго всяческаго уваженія и котораго несчастное стеченіе обстоятельствъ могло заставить подумать, что я его врагъ“. Я дѣйствительно могъ это думать; но даже тогда къ испытанному мною страданію не примѣшалось ни малѣйшей горечи. Служа тому дѣлу республики, которому г. Жюль Бастидъ посвятилъ свою жизнь, я слишкомъ хорошо зналъ благородство его характера и его республиканскую лояльность, чтобы приписывать то, что насъ на минуту разлучило, чему нибудь, кромѣ одного изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя являются почти неизбѣжнымъ результатомъ большихъ политическихъ потрясеній.

голову, что Францiя желаетъ какимъ бы то ни было образомъ вмѣшаться въ наши дѣла, ибо намъ крайне важно, чтобы знали, что Италiя хочетъ *farè da se*" [1]).

Что могло сдѣлать Временное правительство при такихъ обстоятельствахъ? Должно ли оно было прiйти на помощь Карлу-Альберту для того, чтобы задушить въ Ломбардiи зарождавшуюся республику? Или, не будучи никѣмъ къ этому приглашеннымъ, оно должно было объявить сразу войну готовымъ сцѣпиться Пьемонту и Австрiи, возстановить противъ себя одновременно Вѣну и Туринъ, и, пославъ французскихъ солдатъ брать „пушки форта Дамiано", пролить потоки итальянской крови изъ любви къ Италiи?

И если бы еще республиканцы, находившiеся по ту сторону Альпъ, простирали намъ свои объятiя! Но вѣдь и этого не было. Сторонники и противники монархiи соединились въ желанiи держать насъ подальше.

31-го iюля,—число это заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, ибо, это былъ тотъ моментъ, когда Радецкiй снова бралъ верхъ и когда борцы за итальянскую независимость были притиснуты на край бездны, г. Мацции писалъ г-ну Бастиду: „я думаю, что наша обязанность въ томъ, чтобы мы сами себя спасли. Я всегда надѣялся на европейскую войну, *но никогда—на вмѣшательство въ итальянскiй вопросъ*" [2]).

Но почему же мы не зажгли этой европейской войны, которая, сквозь пламя мiрового пожара, привела бы къ торжеству всемiрной республики?—Почему? Да потому, что прежде чѣмъ пуститься въ авантюру, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ нѣсколькихъ миллiоновъ людей, нужно справиться о своихъ средствахъ. Наши же средства столь мало соотвѣтствовали гигантскому предпрiятiю, о которомъ идетъ рѣчь, что броситься въ него съ легкимъ сердцемъ было бы актомъ безумiя, безпримѣрнаго въ исторiи.

Прежде всего, недоставало военныхъ средствъ, такъ какъ Луи-Филиппъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ дезорганизованную и не

---

[1]) См. книгу г-на Бастида, стр. 38 и 32.

[2]) La République française et l'Italie en 1848 г., стр. 44 и 45.

способную двинуться въ походъ армію. Я помню, что почти на второй послѣ революціи день состоялось совѣщаніе генераловъ, которыхъ Временное правительство просило опредѣлить размѣры имѣвшихся силъ. Нельзя было заподозрить ихъ, людей меча, въ излишней любви къ миру. А между тѣмъ, ихъ формальный отвѣтъ гласилъ, что положеніе вещей не позволяло Франціи немедленно начать войну и что, если бы она на нее рѣшилась, то у нея не было бы никакихъ разумныхъ шансовъ на успѣхъ. Образованъ былъ комитетъ защиты, съ спеціальной миссіей установить военные рессурсы страны. Такъ вотъ этотъ комитетъ, состоявшій изъ генераловъ Пеле, Удино, Пальу, Бедо, Вальяна, Ламорисьера, г-на Денье, одного изъ начальниковъ комиссаріата и маіора Шарраса, представилъ докладъ, изъ котораго явствовало, что не имѣлось ни одного полка, который могъ бы доставить болѣе двухъ наличныхъ батальоновъ въ инфантеріи, по пятисотъ человѣкъ въ каждомъ, и болѣе четырехъ наличныхъ эскадроновъ въ кавалеріи, состоявшихъ, всѣ вмѣстѣ, изъ 525 человѣкъ [1]). По разсчету Комитета, общее число людей, которыми можно было располагать, не превосходило 101.000; а между тѣмъ, въ случаѣ если бы пришлось бороться съ монархической коалиціей, число солдатъ, которыхъ пришлось бы поставить на наши границы, не выводя войскъ изъ Африки, не могло быть ниже 514.000!

Правда, можно было прибѣгнуть къ новому набору; но чего рѣшительно недоставало, какъ покажетъ слѣдующая глава,—такъ это, кромѣ времени потребнаго для обученія рекрутовъ, денегъ нужныхъ для ихъ содержанія. Монархія Луи-Филиппа, въ дѣлѣ финансовъ, завѣщала республикѣ лишь... банкротство; а возможно ли было обратиться къ кредиту? Революціонное потрясеніе убило его. Дальше читатель, увидитъ, къ какимъ средствамъ правительство должно было прибѣгнуть, по моему мнѣнію, чтобы справиться съ положеніемъ; но никакой финансовый планъ, какъ бы онъ ни былъ остроуменъ, не могъ дать намъ возможности выдержать натискъ

---

[2]) Докладъ г-на Араго Національному собранію, засѣданіе 8-го мая 1848 г.

всей Европы на насъ. Республика, по всей вѣроятности утонула бы въ томъ громадномъ потокѣ крови, черезъ который ей пришлось бы перейти. А Франція?

Я знаю, что въ жизни націй бываютъ героическіе часы, когда мудрость состоитъ въ томъ, чтобы дерзать и дерзать. Я самъ разсказалъ съ волненіемъ, жгучіе слѣды котораго никогда не изгладятся въ моемъ сердцѣ, чудеса смѣлости, благодаря которымъ наши отцы смогли устоять въ 1792-го и 1793 годахъ противъ соединенныхъ силъ Европы. Но все-таки, несмотря на свой стальной закалъ, они приняли вызовъ на борьбу, а не искали ея; и куда она привела ихъ, въ концѣ концовъ, черезъ рядъ чудесныхъ побѣдъ? Къ диктатурѣ солдата!

Обстоятельства, къ тому же, сильно измѣнились съ тѣхъ поръ. Сколько вещей сдѣлавшихся невозможными, сколько пружинъ навсегда сломилось, не говоря о террорѣ, позволившемъ людямъ 1793 г. обуздать внутреннія сопротивленія во время борьбы съ внѣшнимъ врагомъ! Взяться за топоръ для того, чтобы облегчить тяжелую работу меча, вотъ чего люди 1848 года не захотѣли бы сдѣлать ни за что на свѣтѣ. Можно ли вмѣнить имъ это въ преступленіе?

А между тѣмъ, внутреннія препятствія, окружавшія ихъ, были громадны. Спѣшнымъ дѣломъ республики 1848 года было утвердиться, а не расшириться. Ея враги въ провинціи были многочисленны; они были богаты и вліятельны. Монархическія партіи, ошеломленныя сначала громомъ февральской революціи, вскорѣ ободрились; смятеніе, которое вызвалъ бы всемірный пожаръ, доставило бы имъ именно тотъ случай приняться за работу, о которомъ они мечтали. Война внушала буржуазіи ужасъ; рабочій классъ былъ поглощенъ желаніемъ соціальной эмансипаціи, желаніемъ совершенно законнымъ, разумѣется. Былъ ли это подходящій моментъ для того, чтобы поставить на кровавую карту судьбы республики, и чтобы навлечь на Францію третье нашествіе?

Но въ то же время естественно было полагать, что нравственной силы примѣра и одной надежды на дѣйствительную поддержку, въ случаѣ необходимости, будетъ достаточно, для того чтобы

началось освобожденіе порабощенныхъ народовъ. Такъ, дѣйствительно, и произошло. Въ Европѣ не было ни одного деспота, который не почувствовалъ бы, что его тронъ начинаетъ колебаться; возстанія стали вспыхивать сами собой со всѣхъ сторонъ. И если они были подавлены, то не слѣдуетъ забывать, что это произошло не при Временномъ правительствѣ и не было слѣдствіемъ его политики. Если бы не были нарушены принципы, изложенные въ манифестѣ къ Европѣ, если бы всѣ тѣ, кто ихъ провозгласилъ, остались бы нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ у власти, Римская республика никогда не подверглась бы нападенію со стороны иностранныхъ, а тѣмъ болѣе французскихъ войскъ, и Россія не смогла бы безнаказанно бросить свой мечъ на вѣсы судебъ Венгріи. Временное правительство слишкомъ рано сняло съ себя свои полномочія; оно не стало ждать, чтобы безостановочное распространеніе республиканскихъ идей позволило департаментамъ догнать Парижъ; вотъ въ чемъ было зло, непоправимое зло, и нельзя вмѣнять его въ вину тѣмъ, которые, какъ я, дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, для того чтобы добиться отсрочки выборовъ.

Еще одно слово. Въ 1848-мъ году республиканцы протянули Англіи дружественную руку; пусть Англія это помнитъ и пусть знаетъ, что только отъ ихъ симпатій зависятъ шансы истиннаго и прочнаго союза нашихъ двухъ народовъ!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Финансовый кризисъ.

Послѣдній бюджетъ монархіи.—Дефицитъ.—Наличность государственной кассы 24-го февраля 1848 года.—Министръ финансовъ г. Гуджо.—Его испугъ и отставка.—Ложное истолкованіе данное его увольненію.—Его замѣщаетъ и Гарнье Пажесъ.—Младшій государственный секретарь г. Дюклеркъ.—Учрежденіе учетныхъ конторъ.—Государственныя ссуды подъ закладъ.—Недостаточность этихъ мѣропріятій.—Бунтъ негоціантовъ, которые требуютъ отсрочки всѣхъ платежей на три мѣсяца.—Снисходительное отношеніе лорда Норменби ко всѣмъ этимъ агитаторамъ въ черныхъ фракахъ.—Положеніе парижской коммерціи.—Заговоръ капиталистовъ и богачей съ цѣлью парализовать общественный кредитъ.—Самоотверженіе и пожертвованія низшихъ классовъ.—Луи-Филиппъ превращаетъ вклады сберегательныхъ кассъ въ государственныя расписки.—Наплывъ просьбъ о возвращеніи вкладовъ.—Невозможность удовлетворить эти просьбы.—По настояніямъ министва финансовъ декретируется стомилліонный заемъ.—Подписка не удается вслѣдствіе систематическаго недоброжелательства.—Интенсивность кризиса.—Г. Делямаръ предлагаетъ принудительный налогъ на богатыхъ.—Финансовый планъ предложенный Люксембургской коммиссіей.—Теорія о банкахъ.—Преимущества государственнаго банка.—Въ 1848 году возможно было создать такой банкъ.—Средства выполненія.—Сопротивленіе со стороны рутины.—Декретъ 15-го марта назначаетъ банковымъ билетамъ обязательный курсъ.—Это средство спасаетъ лишь Французскій банкъ.—Сорокапяти-сантимный налогъ.—Эта мѣра обсуждается Совѣтомъ.—Она принимается и декретируется — Ея гибельныя послѣдствія.—Обращеніе къ справедливости исторіи.

На слѣдующій же день послѣ революціи, Временное правительство очутилось на краю зіяющей бездны.

Бюджетъ 1848 г.,—(это былъ послѣдній бюджетъ монархіи, а не, какъ многіе думали, первый бюджетъ республики)—представлялъ дефицитъ въ 652 милліона 525 тысячъ франковъ.

Такъ какъ министры Луи-Филиппа, за короткій промежутокъ

семи лѣтъ въ мирное время, прибавили къ капиталу государственнаго долга сумму въ 912 милліоновъ 329.328 франковъ, то капиталъ этотъ, 1-го января 1841-го года не превышавшій 4 милліардовъ 267.315.402 франковъ [1]), 1-го января 1848-го года дошелъ до 5 милліардовъ 179.644.730 фр.

Монархическое правительство пошло такими быстрыми шагами по пути къ банкротству, что въ теченіе послѣднихъ 268 дней своего существованія оно истратило, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, 294 милліона 800.000 франковъ, т. е. расходовало болѣе милліона въ день [2]).

Государственныя росписки достигли безпримѣрной дотолѣ цифры въ 325 милліоновъ, а неутвержденный долгъ превышалъ 872 милліона [3]).

Теперь посмотримъ, что заключалось въ государственныхъ кассахъ въ утро 25-го февраля?

57 милліоновъ въ бумагахъ и 135 милліоновъ звонкой монетой, изъ коихъ 127 милліоновъ принадлежали банку. Изъ этой суммы приходилось еще вычесть 73 милліона для уплаты пятипроцентной ренты за шесть мѣсяцевъ.

Итакъ, какъ сказалъ, опираясь на авторитетъ фактовъ и неоспоримыхъ цифръ, министръ финансовъ Временнаго правительства, г. Гарнье Пажесъ, для того чтобы справиться къ сроку съ уплатой баснословнаго неподтвержденнаго долга, чтобы покрыть текущіе расходы, доходившіе приблизительно до 125 милліоновъ въ мѣсяцъ, чтобы продолжать общественныя работы, чтобы помочь рабочимъ, чтобы поддержать промышленность и торговлю, чтобы реорганизовать наши сухопутныя и морскія силы, какую сумму нашло республиканское правительство въ кассахъ монархіи? Шестьдесятъ два милліона“ [4])!

Такое наслѣдство могло испугать. Человѣкъ, которому сначала

---

[1]) *Отчетъ о финансовомъ положеніи республики.* См. „le Moniteur“, отъ 10-го марта 1848 г.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

довѣрили эту ношу, былъ мужественъ и неподкупенъ, но это былъ одинъ изъ тѣхъ республиканцевъ—формалистовъ [1]), которые смѣло сопротивляются всякой смѣлой идеѣ и энергично борятся со всякимъ энергичнымъ мѣропріятіемъ. Если-бы задача республики состояла лишь въ томъ, чтобы упразднить короля, то никто не былъ бы болѣе, чѣмъ г. Гудшо, способенъ занять постъ министра финансовъ при Временномъ правительствѣ; ибо высокая честность соединилась въ немъ съ глубокими финансовыми познаніями и долгимъ опытомъ банкира. Къ несчастію (на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ), необходимы были еще другія качества на слѣдующій день послѣ революціи, требовавшей уничтоженія столькихъ злоупотребленій и открывавшей человѣческому уму столько новыхъ перспективъ. Г. Гудшо, который, самъ того не зная, подчинялся духу рутины и котораго характеръ его ежедневныхъ занятій плохо подготовилъ къ умѣнію охватить спокойнымъ взглядомъ всю совокупность соціальныхъ потребностей, безмѣрно испугался при извѣстіи о томъ, что въ Люксембургскомъ дворцѣ будутъ происходить совѣщанія рабочихъ, и опасенія его превратились въ панику, когда рѣчь зашла объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ налоговъ, сдѣлавшихся невыносимыми, какъ напр. штемпельнаго сбора, налога совершенно несовмѣстимаго со свободой прессы и роковое значеніе котораго Ламеннэ опредѣлилъ слѣдующими горькими словами: *Бѣднякъ пусть молчитъ* (silence au pauvre)!

3-го марта въ собраніи, на которомъ присутствовали всѣ члены Временнаго правительства, за исключеніемъ г. Флокона, бывшаго тогда больнымъ, г. Гудшо нарисовалъ захватывающую картину бѣдственнаго положенія государственныхъ финансовъ. Его разбитый голосъ, выраженіе его лица, мрачный характеръ подробностей, въ которыя онъ вдался, произвели впечатлѣніе настолько обезкураживающее, что г. де-Ламартинъ, наклонившись къ уху г-на Гарнье Пажеса, сказалъ ему съ видимымъ страхомъ: „Неужели это правда, Гарнье-Пажесъ? Такъ значитъ, мы пропали [2])“!

[1]) Т. е. желающихъ республиканской *формы* правленія, а не соціальныхъ преобразованій. *Перев.*

[2]) Подтвержденіе этого факта читатель найдетъ въ брошюрѣ г-на Гарнье Пажеса, *Un épisode de la Révolution de 1848,* стр. 63.

Послѣ обсужденія, имѣвшаго поистинѣ трагическій характеръ, рѣшено было мужественно вступить въ борьбу съ опасностью. Но 5-го марта г. Гудшо подалъ въ отставку, и такъ какъ большинство Совѣта не рѣшалось ее принять, то онъ заявилъ, что пуститъ себѣ пулю въ лобъ, если будутъ продолжать настаивать на своемъ. Его знали за человѣка рѣшительнаго и побоялись, чтобы онъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы: пришлось уступить. Друзья г-на Гудшо утверждали, и самъ онъ кажется, тоже это сказалъ въ своемъ докладѣ слѣдственной комиссіи—(я не увѣренъ въ этомъ послѣднемъ, т. к. не имѣю подъ рукой документовъ), что одной изъ причинъ отставки министра былъ страхъ, вызванный смѣлымъ обнародованіемъ Люксембургскихъ доктринъ. Простое сопоставленіе чиселъ покажетъ, насколько это утвержденіе ошибочно:

Отставка г. Гудшо была принята 5-го марта [1]).

Моя первая рѣчь въ Люксембургской комиссіи была произнесена 30-го [2]).

Трудно понять, какимъ образомъ рѣшеніе г-на Гудшо могло быть слѣдствіемъ пропаганды, начавшейся лишь послѣ того, какъ это рѣшеніе было принято!

Сокращеніе рабочихъ часовъ и отмѣна работъ съ торговъ, вотъ двѣ единственныя мѣры, въ которыхъ выразилась дѣятельность Люксембургской комиссіи до 5-го марта. Но слѣдуетъ помнить, что эти двѣ мѣры были приняты (при чёмъ г. Араго, членъ большинства Совѣта и я дѣйствовали заодно)—въ собраніи, на которомъ хозяева сидѣли рядомъ съ рабочими, послѣ того какъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ тѣми и другими и по ихъ взаимному соглашенію. Къ тому же, обстоятельства были, въ этомъ отношеніи, такъ повелительны что владѣльцы сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ были вынуждены сократить число рабочихъ часовъ *еще до открытія совѣщаній Люксембургской комиссіи* [3]). Лордъ Норменби самъ констатируетъ этотъ фактъ.

---

[1]) См. „le Moniteur“, отъ 7-го марта 1848 г.

[2]) Ibid, 31-го марта 1848 г.

[3]) A Year of Revolution in Paris, ч. I, стр. 212.

Правда заключается въ томъ, что г. Гудшо подалъ въ отставку послѣ того, какъ, средство къ которому онъ прибѣгнулъ съ наилучшими намѣреніями, обмануло, его надежды. Чтобы разсѣять безпокойство, вызванное въ публикѣ финансовымъ положеніемъ, и скрыть по возможности, затрудненія того момента, онъ заявилъ, что правительство уплатитъ 6-го марта ренту за истекшее полугодіе, между тѣмъ какъ срокъ уплаты наступалъ лишь 22-го [1]). Поспѣшность, съ которой правительство предлагало то, чего у него не просили, показалась подозрительной: опасенія, вмѣсто того чтобы исчезнуть, удвоились.

Должность министра финансовъ была сразу предложена г-ну Гарнье-Пажесу. Онъ тотчасъ же ее принялъ съ той самоувѣренностью, которая является одной изъ чертъ его характера, но которая въ данномъ случаѣ выражала дѣйствительно нравственное мужество.

Подобно генералу Каваньяку, г. Гарнье Пажесъ былъ отчасти обязанъ своимъ политическимъ положеніемъ крупной роли, которую одинъ изъ его братьевъ, преждевременно унесенный смертью, игралъ въ распряхъ, ознаменовавшихъ царствованіе Луи-Филиппа. Хотя пронесся было слухъ—слухъ, которому онъ противопоставилъ формальное и неизмѣнное опроверженіе,—что его видѣли 24-го февраля склоняющимся на сторону равенства, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ искреннимъ республиканцемъ; но также и онъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ, которые, принимая средство за цѣль, останавливаются на республикѣ и не понимаютъ, что посредствомъ нея нужно достигнуть переустройства самого общества. Такая ложная оцѣнка конечной цѣли, къ которой нужно стремиться, могла оказать лишь гибельное вліяніе на мѣропріятія этого министра. Но если оставить въ сторонѣ вопросъ о достоинствѣ этихъ мѣръ, то справедливость требуетъ признать, что Гарнье-Пажесъ проявилъ, при исполненіи своихъ трудныхъ обязанностей, силу воли, непрерывную дѣятельность и, если можно такъ выразиться, умственное безстрашіе, которыхъ едва ли можно было ждать отъ него,

[1]) *Un épisode de la Révolution* и пр., стр. 65.

*

судя по болѣзненному выраженію его лица, окаймленнаго длинными волосами, по его хрупкому сложенію и по нѣкоторымъ припадкамъ нервности, въ которыхъ обнаруживалась горячность его раздражительнаго темперамента.

Г. Дюклеркъ, умъ возвышенный, холодный и твердый, былъ приглашенъ занять мѣсто младшаго государственнаго секретаря и, въ этой должности, онъ заодно съ г-омъ Гарнье Пажесомъ долженъ былъ поддерживать рушившееся зданіе финансовъ.

Первымъ актомъ министра было прійти на помощь буржуазіи, которая дѣйствительно извлекла изъ этого акта нѣкоторую выгоду и извлекла бы еще бòльшую, если бы государственное вмѣшательство не ограничилось слишкомъ тѣсными предѣлами.

Среди кризиса, порожденнаго предшествующими революціи обстоятельствами, но ускореннаго революціей, коммерческія катастрофы были неизбѣжны. Вышло такъ, что всюду стали говорить о неизбѣжности краховъ. Учрежденія, считавшіяся до тѣхъ поръ вполнѣ солидными, пошатнулись; буря унесла уже нѣсколько банковъ; другіе банки боролись съ потокомъ, но ихъ усилія, казалось, свидѣтельствовали лишь объ энергіи отчаянія; мануфактурщики, коммерсанты, купцы всѣхъ классовъ, пораженные и ошеломленные, обращали взоры къ Временному правительству и взывали о помощи!

Такъ какъ Французскій банкъ (Bangue de France) учитываетъ коммерческіе векселя только, когда они скрѣплены тремя надежными подписями, а ближайшимъ результатомъ всякаго кризиса является крайнее сокращеніе кредита, то, въ данномъ случаѣ, торговля не могла не оказаться парализованной. Чтобы пособить горю, предложили слѣдующее средство: учредить національныя конторы для учета коммерческихъ векселей за двумя подписями, при чемъ этимъ конторамъ не разрѣшалось выпускать билеты, имѣющіе денежный курсъ, а учтенныя ими бумаги должны были быть переучтены Французскимъ банкомъ. О принятіи этого предложенія было сообщено слѣдующимъ декретомъ:

„Во всѣхъ промышленныхъ и коммерческихъ городахъ будутъ

учреждены національныя учетныя конторы, съ цѣлью расширенія кредита и распространенія его на всѣ отрасли промышленности.

„Эти конторы будутъ обладать капиталами различной величины, смотря по потребностямъ мѣстности.

„Капиталъ этотъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ частей:

„1. Одна треть въ деньгахъ, внесенныхъ членами подписчиками.

„2. Одна треть въ облигаціяхъ, внесенныхъ городами.

„3. Одна треть въ роспискахъ, внесенныхъ государствомъ [1])".

Нужно замѣтить, что государственныя росписки и городскія облигаціи фигурировали здѣсь лишь въ качествѣ гарантій, осуществимыхъ только въ случаѣ дефицита. Слѣдовательно капиталъ, съ которымъ національныя конторы должны были начать дѣйствовать, въ сущности, долженъ былъ имъ быть доставленъ подписчиками, т. е. тѣмъ самымъ классомъ, которому нужно было помочь, и, повидимому, въ этомъ отношеніи, виновниковъ мѣропріятія можно было упрекнуть въ непослѣдовательности. Между тѣмъ, противорѣчіе тутъ было болѣе кажущееся, чѣмъ действительное. Какъ ни обширенъ былъ раіонъ кризиса, послѣдній коснулся не всѣхъ состояній; рядомъ съ тѣми, которыя шли ко дну, были такія, которыя всплывали: и дѣло было въ томъ, чтобы дать возможность вторымъ спасти первыхъ, не подвергаясь слишкомъ большому риску.

То, что старались сдѣлать по отношенію къ бумагамъ, естественнымъ образомъ привело къ подобной же попыткѣ по отношенію къ товарамъ. Открыты были общественные магазины и владѣльцамъ продуктовъ, нуждавшимся въ помощи, предложено было довѣрить свои товары этимъ магазинамъ: эти товары были залогомъ, продажная стоимость котораго, установленная экспертизой, должна была служить гарантіей равноцѣнной ссуды, выдававшейся вкладчику національной конторой.

Также и здѣсь намѣреніе было доброе, но цѣль не оказалась

---

[1]) См. „le Moniteur", отъ 8-го марта 1848 года.

достигнутой, вслѣдствіе узости кругозора и вслѣдствіе этого слѣпого, скажемъ больше, ребяческаго страха дойти до соціализма. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно было разрѣшить національнымъ конторамъ ссужать, подъ залогъ товаровъ тамъ, гдѣ онѣ сочтутъ это возможнымъ, фонды, которые должны были быть возвращены къ опредѣленному сроку. Оказались ли бы имѣвшіеся въ виду вкладчики въ состояніи выплатить въ установленный срокъ суммы, которыя были предоставлены въ ихъ распоряженіе? Не была ли состоятельность большинства изъ нихъ въ то время, по меньшей мѣрѣ, сомнительной? Если они не заплатятъ въ опредѣленные сроки, какой рессурсъ останется у конторы кромѣ продажи хранимыхъ ею продуктовъ съ аукціона? А чего было ждать отъ этого рессурса, когда каждому извѣстно, насколько, даже въ обычное время, продажа съ аукціона обезцѣниваетъ товары, которые ей подлежатъ?

Эти опасенія были настолько естественны, что не могли не парализовать дѣятельности національныхъ конторъ. Онѣ скупо отпускали пособія и то только владѣльцамъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ продуктовъ; такъ что, если это учрежденіе не оказалось совершенно безплоднымъ, то полезность его, во всякомъ случаѣ, далеко не соотвѣтствовала потребностямъ положенія.

Получился бы совершенно иной результатъ, я въ этомъ убѣжденъ, если бы, какъ это предлагала Люксембургская коммиссія, Временное правительство открыло для публики склады и магазины, въ которыхъ продавались бы ввѣренные имъ продукты и которые сносились-бы между собой по всей Франціи, при чемъ „каждый производитель, каждый фабрикантъ, доставляющій въ складъ товары или продукты, получалъ бы взамѣнъ росписку или варрантъ, оторванный отъ корешка книги и опредѣляющій характеръ отданнаго на храненіе предмета, его количество, качество и установленную экспертизой стоимость. Эта росписка, могущая быть передаваемой изъ рукъ въ руки посредствомъ индосаментной надписи, давала бы право собственности на оставленный въ складѣ предметъ, за который отвѣчало бы государство обязанное или представить его натурой владѣльцу документа, или же уплатить его стои-

мость. Продажи происходили бы на наличныя деньги, по опредѣленной цѣнѣ, или въ кредитъ, въ случаѣ формальнаго согласія со стороны вкладчика, который, въ такомъ случаѣ, бралъ бы на себя расходы по продажѣ и храненію товаровъ въ магазинахъ. Росписки, такъ же какъ и купчіе билеты, принимались бы банкомъ, какъ гарантія выданныхъ имъ суммъ; эти документы сами обратились бы въ продажную цѣнность, въ прекрасную бумажную монету, такъ какъ такой билетъ покрывался бы положительнымъ, опредѣленнымъ и экспертизированнымъ залогомъ, рыночную цѣну котораго легко было бы опредѣлить; на самомъ дѣлѣ, они играли бы въ обмѣнѣ роль подобную той, которую играютъ въ Англіи *доковые* варранты. Чтобы покрыть свои расходы, государство взимало бы, по установленному тарифу плату за храненіе, которая явилась бы для казны изобильнымъ источникомъ доходовъ. Наконецъ, съ той же цѣлью были бы учреждены магазины (bazars), которые, по отношенію къ складамъ, были бы тѣмъ, чѣмъ является мелочная лавка по отношенію къ оптовой продажѣ [1])“.

Избавленіе представителей промышленности отъ тиранніи спекуляторовъ, обезпеченіе свободнаго сбыта доброкачественнымъ и предлагаемымъ по сходной цѣнѣ продуктамъ, расширеніе основъ кредита, на солидной почвѣ посредствомъ росписокъ, освобожденіе потребителя отъ разорительной дани, налагаемой на него многочисленностью посредниковъ, доставленіе гарантій покупателю отъ возможности быть обманутымъ въ качествѣ или въ цѣнѣ продуктовъ, обузданіе алчности недобросовѣстныхъ продавцовъ путемъ ознакомленія публики съ рыночной цѣной товаровъ, соединеніе коммерческихъ операцій съ постоянной выставкой богатствъ промышленности,—таковы были нѣкоторыя изъ преимуществъ, получившихся бы отъ принятія плана, торопливо набросаннаго здѣсь мною въ главныхъ чертахъ. Но принять этотъ планъ значило бы рѣшительными шагами вступить на путь серьезной реформы; это

---

[1]) См. въ книгѣ, озаглавленной „La Révolution de février au Luxembourg“ замѣчательное заявленіе, сдѣланное, отъ имени правительственной коммиссіи о рабочихъ, ея главнымъ секретаремъ г. Видалемъ.

значило бы извлечь изъ самихъ затрудненій въ настоящемъ первое начало великихъ улучшеній въ будущемъ; а къ несчастію, большинство Временнаго правительства не желало этого. Вмѣсто того, чтобы постараться обновить торговлю, очистить и облагородить ее, г. Гарнье Пажесъ сталъ думать только о томъ, какъ-бы отстранить отъ класса коммерсантовъ логическія послѣдствія порядка вещей, на несовершенства и опасности котораго послѣдняя революція пролила столь яркій свѣтъ.

Но пока онъ старался помочь буржуазіи, какъ умѣлъ, люди, принадлежавшіе къ буржуазіи, приготовляли финансовое возмущеніе съ неслыханной цѣлью заставить Временное правительство издать декретъ о продленіи сроковъ всѣхъ платежей на три мѣсяца. Если бы подобный декретъ былъ изданъ, каковы были бы его послѣдствія? Какимъ образомъ фабрикантъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ лишенный суммъ, на поступленіе которыхъ онъ разсчитывалъ, могъ бы заплатить за понадобившійся сырой матеріалъ и выдать задѣльную плату своимъ рабочимъ? Въ этой громадной цѣпи взаимообязательствъ, не имѣющей ни начала, ни конца, ибо каждый является, въ большей или меньшей степени, кредиторомъ по отношенію къ однимъ и заимодавцемъ по отношенію къ другимъ, гдѣ остановился бы произведенный въ соціальныхъ отношеніяхъ переполохъ? Денежное обращеніе, столь же необходимое для жизни общества, какъ кровообращеніе для жизни человѣка, было бы пріостановлено внезапнымъ и ужаснымъ образомъ. Прощай тогда, внутри страны, наша промышленность, прощай, наша внѣшняя торговля! То, чего требовали, это было бы, какъ совершенно справедливо выразился г. Гарнье-Пажесъ — „всеобщее банкротство“ [1]).

А между тѣмъ, это требованіе, столь роковое для тѣхъ, кто его предъявлялъ, было заявлено съ какимъ-то яростнымъ изступленіемъ. 9-го марта около 3.000 индивидуумовъ вышло изъ зданія биржи и направилось къ мѣсту засѣданій Временнаго правитель-

---

[1]) „Un épisode de la Révolution de 1848“, стр 75.

ства. Они были такъ возбуждены, произносили такія угрозы, что по Парижу не замедлилъ пронестись слухъ о нападеніи на Ратушу. Мнѣ что-то не помнится, чтобы я находился подлѣ г-на Гарнье Пажеса въ эту минуту, когда ему пришлось, съ помощью г. Паньера, вынести этотъ неожиданный натискъ; но я знаю, что въ этомъ случаѣ они оба держали себя съ большимъ достоинствомъ, соединеннымъ съ большой энергіей. Борьба затянулась. Произнесены были слова, равносильныя, оскорбленіямъ. Когда одинъ изъ членовъ Совѣта упрекнулъ наиболѣе кипятившихся за ихъ эгоистическое нетерпѣніе, которое онъ противопоставилъ героической безропотности рабочихъ, „Ваши рабочіе!“ воскликнулъ одинъ изъ этихъ господъ, внѣ себя, „мы ихъ выгонимъ изъ нашихъ мастерскихъ, мы ихъ выбросимъ на мостовую, мы имъ скажемъ, чтобы они шли къ вамъ просить хлѣба, и тогда мы посмотримъ, удовольствуются ли они тѣмъ, что вы будете восхвалять ихъ патріотизмъ!“ Все было тщетно. Передъ тѣмъ дана была отсрочка на 10 дней подъ давленіемъ необычайныхъ обстоятельствъ: безчинствовавшимъ посѣтителямъ ничего больше не удалось вырвать у Временнаго правительства.

Только что они удалились и лишь только тишина вернулась въ Ратушу, какъ на Гревскую площадь, точно на поле битвы, явилась учащаяся молодежь. Студенты узнали, что Ратушѣ угрожаютъ, и прибѣжали изъ Латинскаго квартала, чтобы защищать насъ. Прибывъ тѣмъ временемъ въ Ратушу, я вышелъ къ нимъ; я поблагодарилъ ихъ отъ имени Временнаго правительства, и они разошлись съ обычными кликами: „Да здравствуетъ республика“ [1]).

Любопытно увидѣть, какъ лордъ Норменби смягчаетъ характеръ этихъ фактовъ, которые всѣмъ были извѣстны, когда онъ писалъ свой дневникъ:

„11-ое марта. Два дня тому назадъ правительство должно было принять очень серьезное рѣшеніе; къ нему явилась *депутація* лицъ, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ торговли, лицъ,

---

¹) См. объ этомъ въ „Moniteur“'ѣ, отъ 10-го марта 1848 г.

которыя *просили* его издать декретъ о *10 дневной* отсрочкѣ платежей [1]).

Никогда еще столько меду не текло съ пера Его Сіятельства. Правда что здѣсь мятежники были одѣты въ черные фраки, а лордъ Норменби строгъ только по отношенію къ блузамъ.

Такъ какъ кризисъ становился все острѣе, то было необходимо какъ можно скорѣе найти отъ него лекарство. Изъ трехъ мѣновыхъ знаковъ, съ помощью которыхъ во Франціи происходило обращеніе цѣнностей: звонкой монеты, банковаго билета и частныхъ денежныхъ бумагъ, первая спряталась немедленно послѣ революціи, второй казался дискредитированнымъ, третьи исчезли.

Повторяю, революція не создала этого зла, она лишь обнаружила его. Давно уже, очень давно, пущенный въ оборотъ вексель пересталъ обозначать дѣйствительную передачу добросовѣстнымъ продавцемъ серьезному покупателю цѣнности, равной той, которая значится на этомъ векселѣ. Уже давно свора безчестныхъ и несостоятельныхъ спекулянтовъ засорила каналы денежнаго обращенія массой бумагъ, не гарантированныхъ никакими реальными цѣнностями.

Вспыхнувшая революція подала сигналъ тревоги; недовѣріе сдѣлало всѣхъ зоркими; взгляды заинтересованныхъ сторонъ проникли въ тайну многихъ маневровъ, до того времени ускользавшихъ отъ вниманія; обнаружилось, что многія фирмы существовали лишь искусственнымъ образомъ, что огромное количество бумагъ держалось на чисто фиктивномъ капиталѣ. Послѣдствія должны были неизбѣжно сказаться: пріостановились всѣ сдѣлки, происходившія посредствомъ этого мѣнового знака: крахъ колоссальный, если вспомнить, что до февральской революціи частныя бумаги, такимъ образомъ теперь дискредитированныя, составляли 12 милліардовъ изъ 15 милліардовъ всей, находившейся въ обращеніи, денежной суммы, въ которой звонкой монеты было лишь на 2 съ половиной милліарда, а банковыхъ билетовъ на 400 милліоновъ.

Остальное легко себѣ представить: такъ какъ въ оборотномъ

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, стр. 218.

капиталѣ коммерческихъ или промышленныхъ предпріятій звонкая монета занимаетъ лишь ничтожное мѣсто сравнительно съ бумажными цѣнностями, то произошло всеобщее потрясеніе. Лопнуло множество фирмъ, имѣвшихъ для выполненія своихъ обязательствъ лишь недостаточное количество звонкой монеты и массу обезцѣненныхъ бумагъ.

Долженъ ли я говорить о томъ, насколько слабымъ средствомъ являлось учрежденіе національныхъ конторъ въ виду такого зла? Къ тому же вопросъ былъ въ томъ, явятся ли желающіе стать акціонерами этихъ конторъ; и по правдѣ сказать, послѣдніе не особенно торопились. Совокупность акцій Парижской конторы должна была достигнуть, по правительственному проэкту, 6-ти милліоновъ 666,000 франковъ; а между тѣмъ, въ началѣ августа она едва равнялась суммѣ въ 4,051,804 франка.

Еще болѣе опасный видъ придавало кризису поведеніе тѣхъ богатыхъ людей, чьи предразсудки были задѣты революціей, чей эгоизмъ она встревожила, чью гордость она уязвила. Многіе изъ нихъ, пуская въ ходъ недостойный маневръ, примѣръ котораго подало Сенъ-Жерменское предмѣстье при Луи-Филиппѣ, сразу урѣзали свои расходы, продавая экипажи и лошадей и разсчитавъ прислугу, и обрекли себя на экономію, которая не могла не быть убійственной для множества рабочихъ и работницъ: ювелировъ, портныхъ, живописцевъ, скульпторовъ, швей, модистокъ, всѣхъ, кому искусство и роскошь обезпечиваютъ кусокъ хлѣба.

Лордъ Норменби не упустилъ изъ виду ничего изъ того, что могло сгустить мрачныя краски въ картинѣ матеріальныхъ результатовъ революціи: почему же онъ не указалъ на настоящія причины этихъ результатовъ? И почему не прибавилъ онъ, для контраста, что народъ, бывшій жертвой этого заговора будуара и столовой, проявилъ въ это время патріотическій энтузіазмъ, не останавливающійся передъ голодомъ, и почти невѣроятную способность терпѣть? Ибо тогда, какъ и въ дни первой революціи, лишь только было объявлено, что отечество въ опасности, бѣдные рабочіе поспѣшили принести въ Ратушу остатки своего заработка,

добытаго ими съ такимъ трудомъ, дочери народа принесли Временному Правительству свои кольца, свои серьги, а женщины изъ народа предоставили въ его распоряженіе даже свои свадебные подарки! Много было такихъ даяній и, когда наступятъ лучшіе дни, исторія не безъ умиленія вспомнитъ, что, для принятія даровъ бѣдняка, приносившихся въ часы столь жестокіе для нег о пришлось учредить цѣлую комиссію, во главѣ которой стояли два такихъ человѣка, какъ Беранже и Ламеннэ.

Цѣнность этихъ даяній, конечно, не соотвѣтствовала ихъ изобилію и что тутъ удивительнаго? Они приносились изъ мастерской и мансарды; но, ничтожные по своему финансовому значенію, они свидѣтельствовали о томъ, до какого самоотверженія способенъ возвыситься народъ, лишь только его коснется могучее дыханіе свободы!

Этой картинѣ недоставало бы еще одной черты, если бы я забылъ упомянуть объ эпизодѣ съ сберегательными кассами,

Изъ 872 милліоновъ неутвержденнаго долга 355 милліоновъ принадлежало ссудосберегательнымъ кассамъ. Между тѣмъ, правительство Луи-Филиппа закрѣпило въ видѣ акцій каналовъ и въ видѣ рентъ большую часть вкладовъ. Лишь только кризисъ объявился, вкладчики, охваченные испугомъ, бросились требовать возвращенія вкладовъ. Положеніе было крайне критическое. Денегъ не доставало, и министръ финансовъ очутился на краю пропасти. Онъ предложилъ слѣдующій компромиссъ: возвратить каждому вкладчику сумму въ 100 франковъ, предоставляя желающимъ дополучить остальное на половину въ видѣ пятипроцентной ренты al pari, на половину въ государственныхъ роспискахъ. Пятипроцентная рента тогда ходила по 77 франковъ, на государственныхъ роспискахъ приходилось много терять; условія, предложенныя вкладчикамъ, были поэтому достаточно тяжелы, чтобы вызвать съ ихъ стороны бурные протесты. Г. Гарнье Пажесъ находился подъ давленіемъ обстоятельствъ, и его безпощадные критики, можетъ быть, недостаточно ясно представляли себѣ трудности его положенія; но тѣмъ не менѣе вкладчики имѣли бы право сказать ему: „Какъ!

мы — бѣдные люди, привыкшіе жить изъ дня въ день, и наши маленькія сбереженія, скопленныя по грошамъ, являются плодомъ долгихъ лишеній, мужественно вынесенныхъ; когда же мы приходимъ требовать возвращенія вклада, который долженъ быть для васъ священнымъ, ввѣреннаго добросовѣстности правительства, его чести, вы откладываете уплату послѣ того, какъ вы заплатили въ назначенный часъ, съ щепетильной точностью, ренту за полугодіе другимъ кредиторамъ государства, по большей части, гораздо болѣе богатымъ, чѣмъ мы, и имѣвшимъ возможность подождать!" Да, вотъ что можно было сказать. Но изъ среды несчастныхъ, которымъ эта мѣра наносила ударъ, не раздалось ни единой жалобы. Народъ перенесъ страданіе молча, гордясь тѣмъ, что страдаетъ за республику.

Нашлись даже такіе, которые не поколебались ухудшить свое положеніе великодушіемъ, носившимъ героическій характеръ. Вотъ письмо, полученное г-номъ Гарнье Пажесомъ и являющееся образчикомъ многихъ другихъ, которыя заняли бы слишкомъ много мѣста, если бы мы вздумали ихъ здѣсь цитировать:

„Вамъ понадобятся деньги. Позвольте бѣдному рабочему, который, какъ говоритъ Ламартинъ, „преданъ республикѣ головой, сердцемъ и грудью", заслужить право прибавить: *„и своимъ имуществомъ"*. Все мое имущество состоитъ изъ пяти сотъ франковъ, въ ссудо-сберегательной кассѣ. Будьте же такъ добры записать за мною первымъ пожертвованіе въ 400 франковъ, которые я предоставлю въ ваше распоряженіе черезъ три дня послѣ востребованія. Пусть отечество проститъ меня за то, что я оставляю 100 франковъ на свои нужды; но вотъ уже 6 мѣсяцевъ, какъ я безъ работы [1])".

Эти необыкновенные порывы энтузіазма и самоотверженія со стороны бѣдныхъ классовъ ввели министра финансовъ въ заблужденіе, за которое едва хватаетъ мужества порицать его. Онъ по-

---

[1]) Г. Гарнье Пажесъ опубликовалъ это письмо въ своей книгѣ „Episode de la Révolution de 1848", (стр. 171—172) откуда я его заимствую.

вѣрилъ въ успѣхъ займа, и займа, заключеннаго на условіяхъ, очевидно, невыгодныхъ для заимодавца. Онъ не допускалъ мысли о томъ, чтобы въ то время, какъ бѣдняки отдавали послѣднее, люди имущіе стали равнодушно смотрѣть на бѣдственное положеніе Франціи. Ибо дѣло теперь было не въ той или другой формѣ правленія: дѣло шло о самой Франціи и когда, устами министра финансовъ, она взывала къ банкирамъ, къ крупнымъ собственникамъ, къ богатымъ капиталистамъ, говоря имъ: „Приближается банкротство; помогите мнѣ прогнать этотъ призракъ; сожалѣете ли вы о монархіи или нѣтъ, но она привела насъ на край бездны; помогите же мнѣ заполнить эту бездну или перешагнуть черезъ нее“, то не значили ли эти слова слѣдующее: „Корабль, на которомъ вы находитесь, идетъ ко дну; вы рискуете погибнуть всѣ, сколько васъ ни на есть: помогите намъ спасти васъ?“ Слава Богу, во Франціи патріотизмъ существуетъ не въ одной только мансардѣ и мастерской. Республика, какъ я уже говорилъ, своей умѣренностью привлекла къ себѣ не мало умовъ, возстававшихъ сначала противъ нея; великодушіе народа обратило многихъ на путь новыхъ идей; и во всѣхъ классахъ общества нашлись люди, предлагавшіе намъ свои услуги. Но въ дѣлѣ займовъ успѣхъ почти всегда зависитъ отъ того, съ какой стороны идетъ вѣтеръ на биржѣ. А цари ажіотажа всѣ сговорились противъ республики; они поклялись въ глубинѣ своего сердца уничтожить ее во что бы то ни стало, ибо они были увѣрены, что если республика удержится и принесетъ свои естественные плоды, то царству ихъ наступитъ конецъ. Между ними и республикой, режимомъ общественной честности, должна была начаться борьба не на животъ, а на смерть. Ребячествомъ было считатѣ надежду примирить ихъ между собою; искать ихъ поддержки было опасно. Но члены большинства Совѣта захотѣли остаться слѣпыми на этотъ счетъ, такой трепетъ внушала имъ всякая тѣнь нововведенія, и столь охотно они баюкали себя фантастической надеждой совершить революцію помимо революціонныхъ элементовъ!

Итакъ, 9-го марта 1848 года г. Гарнье Пажесъ объявилъ

пяти-процентный стомилліонный заемъ al pari [1]), между тѣмъ, какъ бумаги ходили тогда по 77 фр. Это значило просить капиталистовъ покупать у государства за 100 франковъ ренту, которую имъ можно было купить сейчасъ же за 77 франковъ. Успѣхъ этого романтическаго обращенія къ духу соціальной солидарности у денежныхъ дѣльцовъ зависѣлъ отъ того, какой примѣръ подадутъ обыкновенные заправилы финансоваго міра. Такимъ образомъ, предложенный заемъ не удался: къ концу мѣсяца подписка дала 500.000 франковъ!

Въ тотъ самый день, когда была открыта подписка, г. Гарнье Пажесъ получилъ отъ Временнаго Правительства разрѣшеніе обратить въ деньги: 1) коронные алмазы (которые были національной собственностью и которыми корона могла только пользоваться); 2) земли и лѣса, составлявшіе часть бывшаго королевскаго оклада; 3) часть національныхъ лѣсовъ, своей стоимостью не превышающую ста милліоновъ [2]).

Хотя ни одно предшествовавшее правительство не задумалось бы воспользоваться національными лѣсами, Временному Правительству эта мѣра была очень не по сердцу; во-первыхъ, такъ какъ оно находило очень тяжелой необходимость продавать по низкой цѣнѣ національную собственность, а, во-вторыхъ, потому, что оно видѣло большое зло въ распространеніи этой системы обезлѣсенія, которая уже столько разъ обращала рѣки въ потоки и давала наводненіямъ опустошать долины. Поэтому рѣшено было прибѣгнуть къ вышеупомянутой мѣрѣ лишь въ крайнемъ случаѣ, что и явствовало изъ вступительныхъ словъ декрета [1]), который, на самомъ дѣлѣ, никогда не былъ примѣненъ.

Все это не наполняло государственныхъ кассъ. По энергическому выраженію г. Гарнье Пажеса, „деньги уходили, какъ вода изъ открытой шлюзы“. Каждое утро директоръ общаго движенія

---

[1]) См. „le Moniteur“, отъ 10-го марта 1848 года.

[2]) См. „le Moniteur“, отъ 10-го марта 1848 года.

[3]) Тамъ было сказано: Министръ финансовъ уполномоченъ отчуждать, *если онъ найдетъ нужнымъ*, и т. д.

фондовъ или центральный кассиръ являлся къ министру и говорилъ ему: „Господинъ министръ, мы можемъ просуществовать еще пятнадцать дней, еще двѣнадцать дней, еще десять дней… восемь дней [1]“. Такимъ образомъ, каждый часъ, каждая минута приближали насъ къ смерти, стоявшей прямо передъ нами, въ двухъ шагахъ отъ насъ.

И къ какой смерти! Это была бы всеобщая гибель!

Дѣло было настолько очевидно, что даже среди наиболѣе раздраженныхъ враговъ республики нѣкоторые забили тревогу. Это доказывается слѣдующимъ эпизодомъ:

Однажды, когда я находился въ Люксембургскомъ дворцѣ, мнѣ сказали, что меня желалъ бы видѣть г. Деламаръ. Г. Деламаръ былъ очень извѣстный банкиръ и, если не ошибаюсь, основатель крайне-реакціонной газеты „la Patrie“. Чего ему могло быть нужно отъ меня? Я велѣлъ ввести его ко мнѣ; и вотъ сущность того, что онъ мнѣ сказалъ:

„Полагаю, что мнѣ нѣтъ надобности, милостивый государь, сообщать вамъ, что я не изъ вашихъ и что республика не пользуется моими симпатіями. Тѣмъ не менѣе я чувствую, что при настоящемъ кризисѣ, въ интересахъ каждаго—поддержать Временное Правительство. Я трепещу при мысли о томъ, что произойдетъ въ случаѣ его паденія. Поэтому я позволилъ себѣ придти къ вамъ, милостивый государь, чтобы предложить на ваше разсмотрѣніе мысль, которая мнѣ кажется очень важной. Правительство сможетъ спасти себя и другихъ только въ томъ случаѣ, если оно найдетъ деньги, а чтобы ихъ найти, нужно поискать ихъ тамъ, гдѣ онѣ имѣются, т. е. у богатыхъ. Не всѣ мои собратья становятся въ этомъ вопросѣ на мою точку зрѣнія и есть между ними слѣпцы, не понимающіе, что въ настоящую минуту гибель Временнаго Правительства была бы ихъ собственной гибелью. Такъ вотъ, нужно спасти ихъ, помимо ихъ воли, и вы можете это сдѣлать, если рѣшитесь примѣнить къ нимъ диктаторскую власть, которой облекли васъ обстоятельства“.

---

[1]) *Un episode de la Revolution de 1848,* стр. 111.

Такимъ образомъ, г. Деламаръ совѣтовалъ обложить принудительной контрибуціей лицъ его категоріи. Были ли его слова въ данномъ случаѣ искренни? Я подумалъ, что да, и я думаю это до сихъ поръ. Но, если только мнѣ это вѣрно передали, г. Гарнье Пажесъ, къ которому онъ обратился съ такимъ же совѣтомъ, увидѣлъ въ этомъ лишь западню, въ своемъ страхѣ вступить въ прямое столкновеніе съ тѣми, кого онъ надѣялся привлечь на свою сторону путемъ уступокъ и мягкости.

Между тѣмъ, нужно было принять окончательное рѣшеніе. Но какое? Добровольный заемъ не удался; принудительный не былъ по душѣ правительству; декретъ о продажѣ части національныхъ имуществъ, въ сущности, являлся лишь уловкой, къ которой прибѣгли для того, чтобы оживить довѣріе, выставивъ напоказъ рессурсы, остававшіеся у Франціи на случай крайней необходимости. Оставались налоги. Но, прибѣгнувъ ли къ косвеннымъ налогамъ, ложащимся на рабочаго столь тяжелымъ бременемъ, оказавъ ли предпочтеніе увеличенію земельныхъ податей, столь ненавистныхъ крестьянамъ-собственникамъ, въ обоихъ случаяхъ можно было быть равно увѣреннымъ, что на республику обрушатся проклятія со стороны тѣхъ, во имя и для блага кого она была учреждена. Отсюда вытекала необходимость искать новыхъ путей Это со всѣхъ сторонъ говорили Временному Правительству; и, что касается до меня, то я не скрывалъ, насколько я считалъ логически противорѣчивымъ и роковымъ для республики примѣненіе обычныхъ мѣръ къ исключительнымъ обстоятельствамъ. Ниже я изложу финансовый планъ, который, по моему мнѣнію, надлежало принять; но чтобы дать читателю возможность правильно судить о дѣлѣ, нужно сначала упомянуть о нѣсколькихъ характерныхъ чертахъ кризиса.

Вечеромъ 15-го марта, въ министерство финансовъ явился г. д'Аргу, въ сопровожденіи младшихъ директоровъ банка. Господа эти были взволнованы до крайности, о чемъ достаточно говорило выраженіе ихъ лицъ. Г. д'Аргу заявилъ, что банкъ находится въ осадномъ положеніи, что возбужденная толпа наводнила улицы,

ведущія къ этому учрежденію, что не поддающійся успокоенію страхъ владѣльцевъ билетовъ достигъ высшаго предѣла, что банку недалеко до той минуты, когда онъ не сможетъ дать взамѣнъ своихъ бумагъ ни одного экю. „Мы имѣемъ, сказалъ онъ въ заключеніе, всего 63 милліона въ департаментахъ, гдѣ не замедлитъ распространиться паника, здѣсь у насъ 59 милліоновъ, изъ которыхъ мы вамъ должны 45, необходимыхъ вамъ для платы вашимъ рабочимъ, арміи и вамъ самимъ. Мы пропали [1])“!

Дѣйствительно, въ промежуткѣ между 24-мъ февраля и 15-мъ марта металлическій запасъ банка уменьшился со 140 милліоновъ до 59-ти, изъ которыхъ 45 банкъ былъ долженъ правительству; такъ что для того, чтобы покрыть 264 милліона билетовъ, находившихся въ обращеніи, и 81 милліонъ, должный банкомъ по другимъ обязательствамъ, банкъ имѣлъ всего 63 милліона во всѣхъ провинціальныхъ отдѣленіяхъ и 14 милліоновъ въ Парижѣ!

При этомъ извѣстіи большинство Временнаго Правительства остолбенѣло. Если банкъ рухнетъ, что будетъ со старой финансовой системой, которой онъ служилъ опорой? А послѣдствія? Что произойдетъ съ купцами и фабрикантами, еще держащимися на ногахъ, когда передъ ними захлопнутся двери учетныхъ конторъ? Не равнялась ли ликвидація банка смерти кредита?

Да, безъ сомнѣнія, если на развалинахъ этого учрежденія не воздвигнуть другого учрежденія, лучшаго, чѣмъ первое. Случай представлялся самъ собою: почему было не ухватиться за него? Отъ этого зависѣло спасеніе республики.

Вотъ вкратцѣ мои идеи относительно этого пункта:

Если дать себѣ трудъ заглянуть поглубже въ причины коммерческихъ кризисовъ и порождаемыхъ ими опустошеній, то оказывается, что главная изъ этихъ причинъ заключается въ томъ, что распредѣлителями кредита являются исключительно частныя лица или учрежденія въ родѣ банковъ, представляющія собой группы

---

1) Это разсказано самимъ г-номъ Гарнье-Пажесомъ. См. Un Episode de la Révolution de 1848, стр. 103.

такихъ лицъ. Поэтому, когда горизонтъ омрачается, когда появляются знаменія, предвѣщающія соціальный переворотъ, и еще болѣе—когда переворотъ этотъ наступаетъ, частные распредѣлители кредита, боясь потерять свои деньги, пріостанавливаютъ дисконтъ. Тогда тотъ, кто не получаетъ того, что ему слѣдуетъ, оказывается не въ состояніи уплатить того, что онъ долженъ; крахи слѣдуютъ за крахами; катастрофы порождаютъ катастрофы; повсюду опасность, повсюду разореніе.

Когда же, напротивъ, кредитъ распредѣляется государствомъ, то, въ случаѣ кризиса, оно оказывается заинтересованнымъ не въ томъ, чтобы воздерживаться отъ дѣятельности, а въ томъ, чтобы удвоить ее, такъ какъ цѣль его не въ томъ, чтобы спасти или увеличить принадлежащій ему капиталъ, а въ томъ, чтобы предотвратить замедленіе дѣлъ, для того чтобы не затормозился сборъ податей, чтобы народное богатство не подверглось опасности и чтобы не прекратилось кровообращеніе въ жилахъ общественнаго тѣла. Развѣ на слѣдующій день послѣ революціи кто-нибудь меньше прежняго нуждается въ ѣдѣ, питьѣ, одеждѣ, жилищѣ, словомъ, въ средствахъ существованія? И не всѣмъ ли извѣстно, на слѣдующій день послѣ революціи такъ же, какъ и наканунѣ ея, что тамъ, гдѣ останавливается работа, останавливается и сама жизнь? Отчего же происходитъ въ подобныя минуты застой въ дѣлахъ? Оттого, что распредѣлители кредита суживаютъ его тогда, вмѣсто того чтобы стараться его расширить; другими словами, оттого, что они поступаютъ и заинтересованы въ томъ, чтобы поступать образомъ діаметрально противоположнымъ тому поведенію, котораго, на ихъ мѣстѣ, должно было бы держаться государство.

Исходя изъ этихъ принциповъ, истинность которыхъ съ достаточной ясностью доказывалась зрѣлищемъ, развертывавшимся предъ мною, ибо въ 1848 году Временное правительство напрягало всѣ свои усилія для того, чтобы возстановить довѣріе, которое всѣ вокругъ него, казалось, дружно старались подорвать, я неуклонно дошелъ до логическихъ выводовъ. Почему бы, не

уничтожая частныхъ кредитныхъ учрежденій, не создать новаго учрежденія, которое имѣло бы національный характеръ и дѣлало бы къ общей выгодѣ то, что Французскій банкъ уполномоченъ дѣлать къ выгодѣ небольшого числа акціонеровъ? Такимъ образомъ привилегія дѣлать, посредствомъ выпуска банковыхъ билетовъ, деньги вернулась бы къ государству, которому никогда и не слѣдовало отказываться отъ нея въ пользу частной компаніи, тѣмъ болѣе, что нелѣпо отдавать на полный произволъ частныхъ интересовъ циркуляцію и само дыханіе торговли.

И я ничего не преувеличиваю, говоря о дѣланіи денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ родъ операцій оборотнаго банка? Возьмемъ напр. Французскій банкъ. Негоціантъ несетъ туда коммерческій вексель, имѣющій опредѣленный срокъ уплаты и взамѣнъ котораго онъ получаетъ, по вычетѣ платы за услугу, оказанную банкомъ, билетъ допущенный къ обращенію въ качествѣ монеты. Слѣдовательно, выпускъ этихъ билетовъ есть буквально *монетазація* коммерческихъ векселей, которые въ портфелѣ банка служатъ этимъ билетамъ залогомъ. Оборотные банки дѣйствительно дѣлаютъ изъ бумаги деньги. Удобно ли предоставлять частнымъ лицамъ подобныя привилегіи? Всмотрѣвшись глубже въ этотъ вопросъ, мы убѣдимся, что доходъ, получаемый отъ этой привилегіи тѣми, кому она дана, является платою за услуги, оказанныя обществу дѣйствіемъ, *не ихъ собственнаго кредита*, но *кредита общественнаго*. Это съ избыткомъ доказывается банковымъ механизмомъ. Всякій знаетъ, что банки никогда не держатъ въ своихъ погребахъ звонкой монеты, въ точности соотвѣтствующей цѣнности выпущенныхъ билетовъ. Регулируя свой дисконтъ сообразно съ массой серьезно гарантированныхъ коммерческихъ векселей, которые имъ приносятъ, а не сообразно съ количествомъ звонкой монеты, находящейся въ ихъ распоряженіи, они всегда выпускаютъ больше билетовъ, чѣмъ сколько у нихъ есть денегъ; другими словами, никогда *всѣ* билеты, пущенные въ оборотъ банкомъ не могутъ быть немедленно обращены въ звонкую монету; а т. к., несмотря на это, они *всѣ* приносятъ проценты банку,

то онъ извлекаетъ двойную выгоду изъ тѣхъ изъ нихъ, которые ничѣмъ не представлены въ погребахъ банка. Отчего это происходитъ? Отчего публика принимаетъ какъ деньги, бумагу, о которой она отлично знаетъ, что часть ея не опирается на металлическій запасъ и не могла бы быть обмѣнена на звонкую монету, если бы въ извѣстный моментъ *всѣ* владѣльцы билетовъ бросились въ банкъ, требуя этого обмѣна? На это можно дать только одинъ и очень простой отвѣтъ. Публикѣ не безъизвѣстно, что банковые билеты, находящіеся въ обращеніи, гарантированы, помимо болѣе или менѣе значительнаго количества золота или серебра, которыми можетъ располагать банкъ, коммерческими векселями соотвѣтственной цѣнности; и питая довѣріе къ солидности этихъ коммерческихъ векселей, она беретъ гарантированные ими банковые билеты. Истинной гарантіей банковыхъ билетовъ, въ глазахъ публики, слѣдовательно, является не *денежная наличность въ кассѣ*, а такъ называемый *портфель*. Металлическій запасъ, соотвѣтствующій всегда лишь *части* билетовъ, находящихся въ обращеніи, есть дополненіе гарантіи, но не болѣе. Не будь уваженія, внушаемаго портфелемъ, т. е. солидностью коммерсантовъ, бумаги которыхъ онъ содержитъ, билеты не циркулировали бы, или циркулировали бы съ трудомъ. Ихъ поддерживаетъ, слѣдовательно, не *частный кредитъ* выпускающаго ихъ банка, а *кредитъ общественный*.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣтъ основанія предоставлять важную функцію дѣланія монеты посредствомъ бумаги частнымъ лицамъ, какъ вознагражденіе за услуги, которыя общество такъ легко могло бы само себѣ оказывать, учредивъ національный банкъ, независящій отъ исполнительной власти и подчиненный прямому контролю власти законодательной.

Такимъ путемъ, не только общество, въ своей совокупности, получило бы огромные доходы, которые въ настоящее время концентрируются въ немногихъ рукахъ, но денежное обращеніе перестало бы находиться въ ленной зависимости отъ спекуляціи, всегда столь эгоистичной. Директора національнаго банка, будучи общественными чиновниками и не имѣя никакого интереса въ томъ, чтобы повышать

дисконтъ, удерживали бы его на елико возможно низкомъ уровнѣ, вслѣдствіе чего денежный процентъ понизился бы въ большинствѣ сдѣлокъ, что было бы неоцѣнимымъ благодѣніемъ для торговли, земледѣлія и всякаго рода предпріятій.

Меня, можетъ быть, спросятъ, какимъ образомъ учрежденіе національнаго банка было бы возможно въ февралѣ 1848-го года при отчаянномъ финансовомъ положеніи, въ которомъ находилось Временное правительство, и какимъ образомъ послѣднее достало бы количество звонкой монеты, нужное для запаса въ подобномъ банкѣ. Этотъ вопросъ предполагаетъ абсолютную необходимость запаса. Но, какъ бы ни было распространено противное мнѣніе, я нахожу эту мнимую необходимость совершенно призрачной.

Говорятъ, что владѣльцы билетовъ, находящихся въ обращеніи, должны быть гарантированы отъ возможныхъ потерь банка. Говорятъ, что билеты должны по предъявленію уплачиваться металлической монетой.

Но, во-первыхъ, шансы потери, о которыхъ намъ говорятъ, суть, въ дѣйствительности,—лишь воображаемая опасность, выставляемая на видъ для отвода глазъ публики. Какія потери потерпѣлъ Французскій банкъ со времени своего основанія? Ни единой. Далекій отъ этого, онъ постоянно могъ распредѣлять между своими акціонерами дивиденды столь же вѣрные, какъ и значительные. Слѣдующія цифры не нуждаются въ комментаріяхъ. Цѣна акціи Французскаго банка al pari равняется 1.000 франкамъ. Между 1-го февраля 1848-го года онѣ ходили по 3.190 франковъ, а въ 1856, ихъ цѣна превысила 4.000 франковъ. Даже въ самомъ разгарѣ революціонной бури 1848-го года, т. е. 1-го марта, онѣ ходили по 2.400 франковъ, и въ ту минуту, когда г. д'Аргу, блѣдный и взволнованный, пришелъ сказать министру финансовъ: „мы пропали!“, акціи агонизировавшаго банка еще ходили по 1.300 франковъ, т. е. были выше номинальной стоимости!

Вѣрно то, что Французскій банкъ всегда игралъ навѣрняка. Ссужая деньги только подъ совершенно солидные коммерческіе векселя, гарантированные тремя надежными подписями, и не болѣе

чѣмъ на 90 дней, онъ никогда не подвергался ни малѣйшему риску при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, и не видно, почему національный банкъ подвергался бы большему риску, слѣдуя тѣмъ же правиламъ осторожности и ссужая лишь подъ серьезныя гарантіи.

Утверждать же, что банковые билеты циркулируютъ только потому, что могутъ быть обращены въ звонкую монету по желанію предъявителей—было бы полнымъ заблужденіемъ. И это доказывается тѣмъ, что, когда Французскій банкъ былъ уполномоченъ пріостановить свои платежи, и когда декретированъ былъ обязательный курсъ его билетовъ, то эта крайняя мѣра, какъ мы сейчасъ увидимъ, вмѣсто того чтобы убить довѣріе, воскресила его и при томъ въ такой степени, что публика вскорѣ стала предпочитать билеты золоту, былъ даже моментъ, когда за нихъ приплачивали! Что можетъ быть убѣдительнѣе? Итакъ истинной гарантіей билетовъ служитъ не металлическій запасъ; ихъ способность циркулировать не зависитъ абсолютно отъ возможности обращать ихъ въ звонкую монету; потому національный банкъ безъ металлическаго запаса былъ бы возможенъ въ 1848-мъ году.

Но въ этомъ случаѣ, чтобы избѣжать обезцѣненія билетовъ, неизбѣжно проистекающаго отъ всякаго преувеличеннаго выпуска, нужно было бы строго соблюдать два условія. Нужно было бы: 1) чтобы банкъ выпускалъ лишь бумагу, гарантированную реальнымъ, извѣстнымъ, совершенно опредѣленнымъ залогомъ; 2) чтобы онъ обязался принимать, для изъятія ихъ изъ обращенія, билеты, которые ему представятъ, и уплачивать при этомъ ихъ предъявителямъ процентъ, равный высотѣ дисконта въ моментъ ихъ выпуска. Очень простое средство вернуть въ банкъ лишніе билеты и оставить въ обращеніи лишь количество, отвѣчающее потребностямъ.

Принимая во вниманіе эти данныя, слѣдовало дѣйствовать по слѣдующему плану:

учредить національный банкъ съ отдѣленіями въ департаментахъ;

образовать изъ лицъ, выбранныхъ муниципалитетами, коммерческими палатами, синдикатами, совѣтъ, которому поручено было бы наводить справки о состоятельности заемщиковъ и доставлять всѣ необходимыми свѣдѣнія;

подчинить банкъ прямому контролю законодательной власти, постаравшись сдѣлать его независимымъ отъ власти исполнительной;

объявить билеты законной монетой, гарантируя ихъ при томъ залогами солидными и легко оцѣнимыми;

обязать національный банкъ принимать, для изъятія ихъ изъ обращенія, излишніе билеты, уплачивая ихъ предъявителямъ процентъ, равный высотѣ дисконта въ моментъ выпуска этихъ билетовъ;

устроить склады, въ которые каждому производителю предложено будетъ приносить свои продукты, для обмѣна на *варрантъ*, дающій право собственности на помѣщенный предметъ и могущій такимъ образомъ играть роль бумажныхъ денегъ;

уполномочить національный банкъ ссужать деньги подъ эти варранты;

употреблять всѣ доходы банка на увеличеніе *рабочаго бюджета*, предназначеннаго на субсидіи рабочимъ ассоціаціямъ.

Нужно ли настаивать на преимуществахъ подобнаго плана?

Національный банкъ не имѣлъ бы никакой побудительной причины поддерживать высокій дисконтъ и не имѣлъ бы другой цѣли, какъ оживленіе сдѣлокъ посредствомъ дешевизны обмѣннаго знака; поэтому онъ произвелъ бы всеобщее пониженіе денежнаго процента, такъ какъ правила, слѣдуя которымъ заимодавцы ведутъ свои операціи, всегда устанавливаются главнымъ кредитнымъ учрежденіемъ въ данной странѣ.

Посредствомъ складовъ и превращенія продуктовъ въ *варранты*, остающіеся въ рукахъ производителя, многіе залежавшіеся продукты пріобрѣли бы мѣновую цѣнность и ускорили бы обмѣнъ, оплодотворивъ его.

Доходы отъ дисконта, перейдя отъ нѣсколькихъ частныхъ

лицъ къ государству, позволили бы оказывать дѣйствительное покровительство введенію принципа трудовой ассоціаціи въ общественный строй и употреблять плату за услуги, оказанныя однимъ членомъ общества, на приготовленіе соціальной эмансипаціи другихъ.

Наконецъ, ясно, что подобный банкъ сильно помогъ бы Временному правительству совладать съ кризисомъ.

Но принятію этого плана мѣшало одно рѣшительное препятствіе: фанатизмъ рутины. Г. Гарнье Пажесъ, всѣ идеи котораго встрѣчали въ большинствѣ Совѣта согласіе, столь же поспѣшное, какъ и слѣпое, сталъ думать лишь объ одномъ: какъ бы спасти французскій банкъ; и онъ дѣйствительно спасъ его декретомъ 15-марта, гласящимъ,

что отнынѣ банковые билеты будутъ приниматься какъ законная монета;

что, впредь до новаго распоряженія Французсій банкъ освобождается отъ обязанности уплачивать за свои билеты звонкой монетой;

что, для облегченія обмѣна, банкъ уполномачивается выпускать купоны, которые однако должны быть, по меньшей мѣрѣ, въ 100 франковъ, и т. д [1]).

Тогда произошло явленіе, о которомъ я упомянулъ выше: банковые билеты, послѣ легкаго и едва замѣтнаго паденія курса, снова дѣлаются al pari и вскорѣ ихъ начинаютъ предпочитать золоту; что же касается до акцій французскаго банка, то онѣ сразу поднялись съ 1.300 до 1.500 франковъ.

Такъ что, если г. Гарнье Пажесъ имѣлъ въ виду лишь спасеніе вреднаго въ политическомъ отношеніи учрежденія, являвшагося краеугольнымъ камнемъ системы, вокругъ которой группировались всѣ враги республики, то невозможно отрицать, что онъ повелъ дѣло съ большей энергіей и успѣхомъ. Эта была, увы, пиррова побѣда! Она доказывала, что рядомъ съ рухнувшимъ частнымъ

---

[1]) См. „le Moniteur", отъ 16-го марта 1848 г.

кредитомъ, общественный кредитъ оставался въ силѣ; но вмѣсто того, чтобы дать вліянію общественнаго кредита развиться посредствомъ его естественнаго органа, государства, г. Гарнье Пажесъ воспользовался этимъ органомъ исключительно для того, чтобы вдохнуть новую жизнь въ финансовую олигархію, твердо рѣшившуюся никогда не мириться съ республикой.

Обмѣнъ банковыхъ билетовъ на звонкую монету являлся условіемъ столь мало необходимымъ для обезпеченія имъ денежнаго обращенія, что въ періодъ между мартомъ 1848 года и 6-мъ августа 1850 года форсированный курсъ нисколько не повліялъ на ихъ цѣнность! Какъ же послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что въ 1848 году возможно было учредить національный банкъ безъ металлическаго запаса?

Ссылались на то, что Французскій банкъ показалъ себя благодарнымъ, ссудивъ Временному правительству, какъ награду за крупную услугу, оказанную послѣднимъ ему 15-го марта, 50 милліоновъ; это правда; но что значила сумма въ 50 милліоновъ въ сравненіи съ размѣрами нуждъ того момента и въ виду необходимости упрочить республику? Лѣса и другія національныя имущества, цѣнность которыхъ составляла 800 милліоновъ, и которыя приносили отъ 30 до 35 милліоновъ дохода, являлись превосходнымъ залогомъ, подъ который національный банкъ могъ безъ всякаго риска ссудить государству 600 милліоновъ билетами, а это позволило бы правительству преодолѣть кризисъ.

Очутившись внѣ опасности, смогъ ли Французскій банкъ доставить правительству возможность избавиться отъ необходимости вводить новые налоги, (а вѣдь этотъ послѣдній пунктъ былъ для республики вопросомъ жизни или смерти)?

Оказалось, что нѣтъ: ибо на слѣдующій же день послѣ спасенія банка, г. Гарнье-Пажесъ убѣждалъ Временное правительство декретировать этотъ навсегда роковой сорока-пяти сантимный налогъ, который долженъ былъ убить республику въ сердцѣ крестьянъ.

Альтернатива, конечно, была страшная; но какъ было ея избѣг-

нуть, разъ Временное правительство рѣшило не прибѣгать ни къ какому новшеству.

16-го марта, г. Гарнье-Пажесъ созвалъ собраніе Совѣта во дворцѣ министерства финансовъ; и, опираясь на примѣръ Наполеона, Людовика XVIII, Луи-Филиппа, которые всѣ послѣдовательно прибѣгали къ увеличенію прямыхъ повинностей, онъ предложилъ знаменитый сорока-пяти сантимный налогъ, валовой доходъ съ котораго онъ опредѣлялъ въ 190 милліоновъ.

Чего было ждать отъ подобной мѣры въ случаѣ, если бы она прошла? Какой шумъ должна была поднять эта масса мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, для которыхъ лучшее изъ правительствъ то, которое требуетъ отъ нихъ меньше повинностей, и для которыхъ государство олицетворяется въ сборщикѣ податей? Можно ли было обольщать себя надеждой на то, что земледѣльческое населеніе привяжется къ республикѣ, возвѣщающей о своемъ пришествіи прибавочнымъ налогомъ на земельную собственность? И не вложимъ ли мы такимъ образомъ остраго меча въ руки реакціи?

Ужъ лучше было прибѣгнуть къ подоходному налогу, хотя и отвергнутому министромъ финансовъ, какъ требующему для своего осуществленія слишкомъ долгаго времени и какъ имѣющему инквизиторскій характеръ; неудобства этого налога возможно было отчасти устранить, вводя его по способу, принятому въ Англіи.

Какъ бы тамъ ни было, рѣшившись ввести сорока-пяти сантимный налогъ, нужно было, по крайней мѣрѣ, смягчить его суровость для наиболѣе бѣдныхъ собственниковъ, если бы даже пришлось вслѣдствіе этого, увеличить бремя тѣхъ, чьи плечи были достаточно сильны для того, чтобы выдержать послѣднее. Это ограниченіе таксы, кромѣ того, что оно являлось справедливымъ, было бы актомъ благоразумія. Образованные крестьяне стали бы ему аплодировать и одно ужъ это помѣшало бы крупнымъ собственникамъ жаловаться; между тѣмъ какъ обратная система, раздраживъ первыхъ, открывала свободное поприще жалобамъ вторыхъ и рисковала возстановить противъ насъ всѣхъ.

Поэтому мы потребовали, г. Ледрю-Ролленъ и я, установленія

минимума въ самомъ декретѣ; на что г. Гарнье Пажесъ возразилъ, что все, что можно было сдѣлать, это приказать сборщикамъ податей принимать во вниманіе рессурсы каждаго плательщика, освобождать отъ всей подати или отъ части ея тѣхъ, кого они сочтутъ не могущими уплатить ее. Я настаивалъ на своемъ. „Вы не знаете деревни“, сказалъ онъ мнѣ тогда.—„Но я ее знаю, живо воскликнулъ Дюпонъ (изъ Эры); я долго тамъ жилъ въ ней, и знаю, что въ подобныхъ случаяхъ, пощадить стараются богатаго, такъ какъ онъ пользуется вліяніемъ, а не бѣдняка, который вліянія не имѣетъ“. Это замѣчаніе благороднаго старца, казалось, должно было имѣть тѣмъ болѣе вѣса, что онъ обыкновенно вотировалъ заодно съ г. Гарнье Пажесомъ. Тѣмъ не менѣе, мѣра прошла въ томъ видѣ, въ какомъ ее предложилъ министръ финансовъ.

Это была крупная политическая ошибка, какъ показали послѣдствія. Тщетно г. Гарнье-Пажесъ уже 18-го марта поспѣшилъ послать правительственнымъ комиссарамъ циркуляръ, предписывавшій мэрамъ, съ помощью сборщика и одного или нѣсколькихъ распредѣлителей податей, составить, въ формѣ вѣдомостей о не могущихъ быть взысканными недоимкахъ, поименный списокъ плательщиковъ, явно неспособныхъ уплатить налогъ; тщетно онъ 5-го апрѣля повторилъ мэрамъ и финансовымъ чиновникамъ, предписаніе освободить отъ податей, частью или вполнѣ, лицъ, находящихся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и бѣдныхъ; тщетно онъ подтвердилъ это требованіе новымъ циркуляромъ 25-го апрѣля,— все это свидѣтельствовало о добрыхъ намѣреніяхъ министра, но нисколько не устраняло опасности, навстрѣчу которой онъ пошелъ, предоставивъ мѣстнымъ властямъ, т. е. произволу ихъ предпочтеній, рѣшеніе вопроса, относительно котораго онъ съ самаго начала долженъ былъ бы высказаться прямо, точно и ясно.

Что же случилось? То, что министерскія приказанія не были ни исполнены тѣми, къ кому они были обращены, ни оцѣнены тѣми, кому покровительствовать было ихъ цѣлью. Кромѣ того, враги республики получили оружіе, въ обращеніи съ которымъ они выказали роковую ловкость; ихъ посланцы по деревнямъ воз-

буждали крестьянъ до бѣшенства противъ этой республики, которая, какъ они говорили, заставляетъ такъ дорого платить за свое пришествіе; роялисты стали хоромъ проклинать налогъ, который долженъ былъ заполнить пропасть, вырытую монархіей; г. Гарнье-Пажесъ, поносимый и оклеветанный людьми, которыхъ онъ предохранилъ отъ разоренія, сдѣлался мишенью всякаго рода ядовитыхъ обвиненій и предметомъ всеобщей ненависти подъ именемъ *человѣка 45 сантимовъ*; сдѣланное Временнымъ правительство добро было упущено изъ виду; добро, которое оно хотѣло сдѣлать, совершенно не было принято во вниманіе; забыли, что оно отмѣнило возмутительнѣйшій изъ налоговъ, налогъ на соль, отказавшись, такимъ образомъ, чтобы облегчить бѣдняка, отъ ежегоднаго дохода въ 70 милліоновъ; словомъ, сорока-пяти сантимной налогъ, хотя учрежденный въ пользу нашихъ преемниковъ и собранный ими, оказался роковымъ лишь для насъ... Бѣда была бы невелика, если бы онъ не оказался роковымъ и для республики!

А теперь, что скажетъ исторія, если она будетъ справедлива? Она скажетъ, что дѣйствительно, излишняя робость большинства членовъ Временнаго правительства натолкнула его на нѣкоторыя мѣры, несовмѣстимыя съ правильно понятыми интересами республики; но что, въ заблужденіяхъ его, во всякомъ случаѣ, не было ничего корыстнаго, ничего низменнаго, ничего эгоистичнаго. Когда я коснусь клеветъ, безстыдство которыхъ было, по истинѣ, чудовищно и въ которыхъ теперь тогдашніе ихъ распространители не рѣшаются признаться, я докажу посредствомъ признаній самихъ клеветниковъ, что Временное правительство заботилось о деньгахъ, имѣя въ виду лишь національные интересы; что тѣ изъ его членовъ, которые были бѣдны до революціи, такъ и остались бѣдными, что тѣ изъ нихъ, которые, вступая во власть, были богаты, оказались менѣе богатыми, покидая ее... И я обязанъ отдать эту справедливость г-ну Гарнье-Пажесу, я, который болѣе, чѣмъ кто-бы то ни было сожалѣлъ о его финансовой политикѣ,—что, если, преувеличенная боязнь всякаго нововведенія вовлекала его, какъ мнѣ кажется, въ заблужденія, то сами заблужденія эти произошли

изъ почтеннаго чувства, а именно изъ желанія выполнить, какъ по отношенію къ другу и недругу, взятыя на себя правительствомъ обязательства, и изъ твердой рѣшимости,—которую мы, впрочемъ всѣ раздѣляли,—спасти республику, спасти Францію отъ позора банкротства—того банкротства, которое рекомендовалъ въ эту эпоху г. Фульдъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся министромъ Луи-Наполеона Бонапарта [1]).

---

[1]) Позднѣе это послужило формальной статьей обвиненія, направленнаго противъ г-на Фульда г-номъ Ледрю-Ролленомъ съ высоты трибуны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Революція за работой.

Г. Кремье, какъ министръ юстиціи.—Главные акты его управленія.—Его осторожность при введеніи реформъ въ судебномъ вѣдомствѣ.—Его вотумы въ Совѣтѣ.—Междувременіе въ военномъ министерствѣ.—Созданіе подвижной національной гвардіи.—Г. Араго, какъ морской министръ.—Подъ вліяніемъ г. Шёльхера, онъ издаетъ декретъ объ эмансипаціи рабовъ и уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ морскомъ уставѣ.—Г. Карно какъ министръ народнаго просвѣщенія.—Онъ составляетъ съ помощью г-дъ Рейно и Шартона планъ всеобщаго, безплатнаго обученія.—Коварное истолкованіе, данное его циркуляру къ преподавателямъ.—Г. Ледрю-Ролленъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ.—Гнусныя оскорбленія со стороны лорда Норменби по его адресу.—Члены Временнаго правительства изображаются Его Сіятельствомъ какъ brair.—Коммиссары республики.—Выборъ персонала.—Инструкціи министра.—Притворный ужасъ реакціи.—Заботы Ледрю-Роллена объ изящныхъ искусствахъ.—Предразсудки артистовъ противъ демократическихъ правительствъ.—Г. Шарль-Бланъ, какъ директоръ изящныхъ искусствъ.—Декретъ, организующій безплатныя народныя представленія.—Полицейская префектура.—Какой она имѣла видъ на слѣдующій день послѣ революціи.—Г. Маркъ Коссидьеръ.—Его административныя услуги.—Недовѣріе къ нему большинства Совѣта.—Г. Собріе.—Его клубъ вооружается; кѣмъ?—Центральное республиканское общество.—Г. Бланки.—Революціонный клубъ.—Г. Барбесъ; его прошлое, его характеръ.—Клубъ друзей народа.—Г. Распайль.—Порывъ прессы, освобожденной отъ штемпельнаго сбора.—Временное правительство даетъ полную свободу выраженію общественной мысли.

Революція шла своимъ путемъ.

Ея пришествіе было ознаменовано въ министерствѣ юстиціи, ввѣренномъ г-ну Кремье, актами, запечатлѣнными глубокимъ уваженіемъ къ правамъ и достоинству человѣка.

Отмѣна знаменитыхъ сентябрьскихъ законовъ; расширеніе сферы вѣдѣнія суда присяжныхъ; уничтоженіе позорнаго столба, безчело-

вѣчно и унизительно усиливающаго карательныя мѣры, безполезнаго по отношенію къ закоренѣлому преступнику, и способнаго заглушить раскаяніе во всякой не непоправимо испорченной душѣ; облегченіе приговореннымъ способовъ перейти на лучшее положеніе въ случаѣ исправленія; уничтоженіе политическихъ присягъ, нарушеніе которыхъ является нравственнымъ скандаломъ, а соблюденіе—орудіемъ тиранніи; сокращеніе судебныхъ расходовъ; отмѣна тюремнаго заключенія за долги; дарованіе иностранцамъ новыхъ способовъ натурализаціи [1]),—вотъ какіе акты дѣлаютъ честь управленію г. Кремье.

Наиболѣе настоятельной изъ всѣхъ республиканскихъ реформъ, соотвѣтствовавшихъ англійскому духу, была реформа судебнаго вѣдомства, состоявшаго поголовно изъ людей, обязанныхъ при Луи-Филиппѣ своимъ повышеніемъ почти исключительно развращающей системѣ, бывшей тогда въ ходу. Никогда судебное вѣдомство не было болѣе покладистымъ, какъ въ царствованіе Луи-Филиппа; никогда партійный духъ не заражалъ судебной администраціи своимъ ядомъ болѣе открыто. Принципъ несмѣняемости, принятый, яко-бы, для того чтобы обезпечить независимость судебныхъ чиновниковъ, послужилъ лишь къ тому, чтобы рельефнѣе выставить ихъ раболѣпство; и въ республикѣ, при режимѣ подчиняющемъ все народному суду, нелѣпо было бы полагать, что судья долженъ сохранять за собой свои функціи, даже когда онъ ихъ дурно выполняетъ. И какія функціи! Наиболѣе важныя изъ функцій общественнаго строя, наиболѣе страшныя, тѣ, отъ которыхъ зависитъ и имущество гражданъ и самая жизнь ихъ.

Временное правительство имѣло, слѣдовательно, основаніе декретировать, что чиновники судебнаго вѣдомства могутъ быть временно или окончательно смѣщены [2]). Это значило приступить къ реформѣ судебнаго вѣдомства. Но министръ юстиціи не воспользовался

---

[1]) Въ „Moniteur"'ѣ можно найти всѣ декреты, относящіеся къ этимъ реформамъ, съ вступительными разсужденіями, объясняющими ихъ значеніе и выражающими чувство, продиктовавшее ихъ.

[2]) „le Moniteur", отъ 18-го апрѣля 1848 года.

данной ему властью: во первыхъ, потому-что это потребовало бы ряда преобразованій, для которыхъ не хватало времени, а вовторыхъ потому, что подобная задача совершенно не подходила г-ну Кремье, замѣчательному криминалисту, оратору, исполненному живости и граціи, одному изъ самыхъ блестящихъ адвокатовъ Парижа, но человѣку съ благожелательнымъ и мягкимъ характеромъ, который плохо вязался бы со строгими мѣрами.

Лордъ Норменби сильно и несправедливо нападаетъ на г. Крамье въ своей книгѣ. Чтобы лучше доказать, что г. Кремье обязанъ былъ 24-го февраля своимъ назначеніемъ въ члены Временнаго правительства лишь вставкѣ своего имени, сдѣланной исподтишка имъ самимъ и обманнымъ образомъ въ списокъ этихъ членовъ, Лордъ Норменби изображаетъ его, какъ мы уже видѣли, читающимъ вслухъ этотъ списокъ, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что онъ былъ прочтенъ г. Ледрю-Ролленомъ. Но нападки подобнаго рода по истинѣ не стоятъ того, чтобы оказывать имъ честь своимъ вниманіемъ.

Въ Совѣтѣ г. Кремье вотировалъ обыкновенно заодно съ большинствомъ; но его впечатлительный и чрезвычайно воспріимчивый умъ довольно часто заставлялъ его переходить на сторону меньшинства, такъ что онъ служилъ, такъ сказать, промежуточнымъ звеномъ между двумя воззрѣніями, раздѣлявшими Совѣтъ. Ему иногда недоставало твердости, но въ великодушіи у него никогда не было недостатка.

Духъ революціи проникъ и туда, куда ему всего труднѣе было пробраться, а именно въ военное и морское министерство.

Когда нѣкій г. Дюбуръ, организовавшій въ 1830 году *волонтеровъ хартіи*, подалъ 24-го февраля мысль о сформированіи отряда изъ февральскихъ бойцовъ, то г. де Ламартинъ ухватился за нее и издалъ соотвѣтствующій декретъ. Во всѣхъ мэріяхъ сейчасъ же были изготовлены рекрутскіе списки для образованія „подвижной гвардіи“, или „гвардіи мобилей“. Назначена была цифра въ 20.000 человѣкъ. На призывъ сбѣжалась воинственная молодежь предмѣстій, привлеченная не столько предложеніемъ полу-

торафранковаго въ день жалованія, сколько притягательной силой военнаго дѣла и прелестями мундира. Подъ командой генерала Дювивье, человѣка съ пылкимъ и обширнымъ умомъ и въ которомъ храбрость солдата соединялась съ смѣлостью новатора, „гвардія мобилей“ составила бы истинно республиканскую силу, если бы нашлось время организовать ее подходящимъ образомъ; но, вслѣдствіе прискорбнаго стеченія обстоятельствъ, она попала, послѣ ухода Временнаго правительства, въ руки враговъ республики, которымъ, какъ мы это разскажемъ дальше, удалось,—о ужасъ! побѣдить народъ посредствомъ самаго народа, отцовъ посредствомъ дѣтей.

Вначалѣ, военное министерство было поручено генералу Сюберви, которому его преклонный возрастъ не позволилъ проявить достаточной дѣятельности. Тогда генералъ Каваньякъ былъ призванъ на этотъ постъ, а такъ какъ онъ находился тогда въ Африкѣ, то г. Араго, на чьихъ рукахъ было уже морское министерство, долженъ былъ временно исполнять должность министра военнаго; двойное бремя, очень тяжелое конечно, но съ которымъ этотъ мощный умъ могъ справиться. Въ г. Араго широта политическихъ взглядовъ не была той, какой можно было ожидать отъ такого человѣка и ученаго. Поэтому онъ не рѣшался совершить, въ качествѣ морского министра, одинъ изъ актовъ всего болѣе дѣлающихъ честь Временному правительству. Уступая приставаніямъ находившихся въ Парижѣ колонистовъ, онъ послалъ губернаторамъ колоній депешу, повидимому, откладывавшую уничтоженіе рабства. Пріѣздъ въ Парижъ г. Шельхера рѣшалъ вопросъ.

Г. Шельхеръ, живущій въ настоящее время въ изгнаніи въ Англіи [1]), очутился тогда въ Парижѣ по возвращеніи изъ Сенегала, куда онъ ѣздилъ для изученія положенія рабовъ, чтобы дополнить благородныя изысканія, которыя онъ сдѣлалъ цѣлью своей жизни. Можетъ быть, никогда еще не соединялись въ одномъ лицѣ

---

[1]) Онъ напечаталъ здѣсь очень интересную и полную ученыхъ изслѣдованій книгу: *Жизнь Генделя* (La vie de Haendel).

столь разнородныя качества въ столь высокой степени, какъ у г. Шельхера: привычки свѣтскаго человѣка и строгая нравственность философа; страстная любовь къ искусствамъ и добродѣтельная жизнь стоика; высокоразвитое сознаніе собственнаго достоинства и глубокая симпатія къ этому чувству у другихъ; пристрастіе къ изящному въ жизни и ригоризмъ принциповъ не допускающій даже самыхъ извинительныхъ компромиссовъ. Преданный всей душой культу справедливости и права, г. Шельхеръ, былъ во Франціи по отношенію къ чернокожимъ тѣмъ, чѣмъ Уильберфорсъ былъ въ Англіи. Когда вспыхнула февральская революція, онъ былъ подготовленъ къ разрѣшенію вопроса о невольничествѣ долгими трудами и путешествіями, въ которыхъ онъ не останавливался ни передъ какими затратами, ни передъ какой усталостью, ни передъ какой опасностью. Едва прибывъ въ Парижъ, онъ спѣшитъ къ г. Араго, обращается къ его сердцу, торопитъ и увлекаетъ его; и 4-го марта появился декретъ, назначавшій особую комиссію, которой было поручено составить актъ объ освобожденіи невольниковъ. Декретъ начинался слѣдующими простыми и прекрасными словами: „Временное правительство республики, полагая, что отнынѣ ни на какой французской территоріи не можетъ быть рабовъ“ [1])...

Освободительный актъ былъ намъ представленъ 27-го апрѣля, и всѣ мы подписали его съ волненіемъ подобнымъ тому, которое охватило насъ, когда мы уничтожили смертную казнь за политическія преступленія. Въ другой формѣ, это было освященіе того же принципа, великаго принципа неприкосновенности человѣческой жизни; ибо не принадлежать себѣ значитъ не жить. Къ дѣятельности же г. Шельхера относится декретъ, которымъ Временное правительство положило конецъ тѣлеснымъ наказаніямъ во флотѣ, считая этотъ родъ кары какъ бы оскорбленіемъ человѣческой природы, а отмѣну его средствомъ усилить въ матросѣ чувство чести.

---

[1]) „le Moniteur“, 5-го марта 1848 г.

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія интересамъ республики усердно служилъ г. Карно, сынъ знаменитаго члена Комитета общественнаго спасенія, того самаго, который „организовалъ побѣду“. Съ помощью двухъ выдающихся людей, г.г. Жана Рейно и Эдуарда Шартона г. Карно образовалъ Высшую комиссію литературныхъ и научныхъ трудовъ, спеціальной задачей которой было разсмотрѣніе различныхъ вопросовъ, порожденныхъ учрежденіемъ республики; онъ основалъ школу для лицъ, готовящихся къ общественнымъ должностямъ, и, убѣжденный въ томъ, что невѣжество есть источникъ преступленій, онъ постарался заложить основанія системы всеобщаго и дарового обученія.

И этого-то человѣка роялисты изобразили Европѣ, какъ апостола невѣжества! И почему? Потому что, подобно всѣмъ здравомыслящимъ людямъ, онъ полагалъ, что собраніе изъ девятисотъ лицъ не можетъ заключать въ себѣ девятьсотъ Ликурговъ, что въ подобномъ собраніи не слѣдуетъ высоко цѣнить остроумничаніе, страсть сыпать блестящими фразами, претензіи, основанныя на поверхностномъ знаніи или на безсодержательномъ краснорѣчіи, что умы, открывающіе новые пути, по самой своей природѣ очень немногочисленны, и что поэтому кандидатами въ національное собраніе могутъ быть всѣ тѣ, которые отличаются незапятнанной честностью, надежнымъ патріотизмомъ, здравымъ сужденіемъ и практическимъ пониманіемъ дѣлъ, о которыхъ ихъ приглашаютъ высказаться. Циркуляръ г. Карно, или, лучше сказать, фраза этого циркуляра, по поводу которой роялисты подняли такой шумъ, содержала два или три слова недостаточно взвѣшенныхъ; но какая крайняя недобросовѣстность нужна была для того, чтобы обратить въ панегирикъ невѣжеству слѣдующее мѣсто, единственное, которое дало поводъ къ нападкамъ.

„Самое большое заблужденіе, отъ котораго слѣдуетъ предостеречь населеніе нашихъ деревень,—это мысль, что для того, чтобы быть народнымъ представителемъ, необходимо богатство или образованіе (éducation). Что касается образованія или воспитанія (éducation), то ясно, что честный крестьянинъ, обладающій здра-

вымъ смысломъ и опытностью, явится въ собраніи безконечно лучшимъ представителемъ интересовъ своего сословія, чѣмъ богатый и образованный гражданинъ, чуждый жизни полей и ослѣпленный интересами, отличными отъ интересовъ крестьянской массы. Что же касается до состоянія, то вознагражденіе, которое будетъ назначено всѣмъ членамъ собранія, хватитъ и самымъ бѣднымъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ такомъ большомъ собраніи, какъ предстоящее, большая часть членовъ исполняетъ обязанность присяжныхъ. Словами:—*да* или—*нѣтъ*—она одобряетъ или отвергаетъ то, что предлагаетъ отборная часть собранія. Она нуждается лишь въ честности и здравомъ смыслѣ, она ничего не изобрѣтаетъ".

Я согласенъ, что мѣсто это могло бы быть составлено удачнѣе и что промахомъ было употреблять слово éducation—не опредѣляя его; но давало ли это право врагамъ республики утверждать, какъ они не постыдились это сдѣлать, что, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, не умѣть читать было первымъ условіемъ для того, чтобы быть хорошимъ законодателемъ? Г. Карно, очевидно, разумѣлъ, что не слѣдуетъ придавать болѣе цѣны утонченнымъ манерамъ, чѣмъ практическимъ познаніямъ, пустому школьному набору словъ, чѣмъ привычкѣ къ дѣламъ, остроумію, чѣмъ здравому смыслу, и мошнѣ, чѣмъ патріотизму. Все это было не только вполнѣ республиканской точкой зрѣнія, но и вполнѣ разумно. До того времени народъ не имѣлъ представителей; совершенно естественно было желаніе, чтобы, будучи допущенъ къ назначенію своихъ уполномоченныхъ, онъ сталъ выбирать ихъ по возможности изъ своей среды. Такъ онъ и сдѣлалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и сдѣлалъ хорошо. Чтобы ограничиться однимъ только примѣромъ, я спрошу, кѣмъ его интересы защищались въ собраніи усерднѣе, съ бо̀льшимъ практическимъ смысломъ и съ большей душевной возвышенностью, чѣмъ г-номъ Надо̀, простымъ каменщикомъ?

Дѣйствительная ошибка г-на Карно замѣчалась въ слишкомъ мягкой его политикѣ по отношенію къ іезуитамъ, которые, овла-

дѣвъ народнымъ воспитаніемъ, и поддерживаемые церковнымъ бюджетомъ, дѣлали частнымъ преподавателямъ почти непреодолимую конкуренцію. Но какъ легко было тогда поддаться этому заблужденію! Духовенство было такъ смиренно, такъ ласково! Оно такимъ горячимъ виватомъ встрѣтило пришествіе республики! Я видѣлъ, собственными глазами, видѣлъ шествіе, состоявшее изъ шестисотъ священниковъ, которые направились въ Ратушу и тамъ съ увлеченіемъ привѣтствовали Временное правительство. Я слышалъ, и мнѣ кажется, что я до сихъ поръ еще слышу ихъ святыя возглашенія; и кто изъ насъ не видѣлъ при Временномъ правительствѣ, какъ они толпились повсюду, гдѣ сажалось древо свободы, и съ простертыми дланями и воздѣтыми горѣ очами молили Бога даровать республикѣ безсмертіе!

Перехожу къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Имъ завѣдывалъ г. ЛедрюРолленъ, которому, во многихъ отношеніяхъ, очень подходила эта миссія, заключавшаяся, главнымъ образомъ, въ революціонной пропагандѣ. Чрезвычайно быстрый и проницательный умъ, политическая энергія, смягченная открытыми и привѣтливыми манерами, способность горячо хотѣть, честность, сильное желаніе обезпечить торжество республикѣ и первоклассный ораторскій талантъ,—таковы были качества, которыя были тогда въ распоряженіи г-на Ледрю Роллена при исполненіи его функцій; къ нимъ присоединялось красивое лицо, внушительный ростъ и какой-то магнетическій тонъ, который, казалось, исходилъ изъ каждаго его жеста, когда онъ говорилъ. Это было много, но, между тѣмъ, этого можетъ быть еще не было достаточно, такъ велики были требованія тогдашняго положенія вещей! Нужно было бы, чтобы въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ умѣніе увлекать дополнялось умѣніемъ сдерживать; ему нужна была бы сила характера, которая позволяетъ сопротивляться, въ случаѣ надобности, своимъ союзникамъ, даже своимъ друзьямъ. Между тѣмъ, г. ЛедрюРолленъ, натура довѣрчивая и великодушная, натура артиста, скорѣе былъ способенъ мужественно бороться съ противникомъ, чѣмъ обидѣть друга; это дѣлало его слишкомъ воспріимчивымъ къ вліянію окружавшихъ его лицъ,

антипатіи которыхъ не всегда были справедливы и просвѣщенны. Съ другой стороны революція для г. Ледрю Роллена была скорѣе вещью, которую нужно было вновь завоевать дѣйствіемъ, чѣмъ движеніемъ, которое нужно было продолжать и развивать дѣйствіемъ и знаніемъ одновременно. Его живое воображеніе, наполненное воспоминаніями о славномъ прошломъ, охотно перенесло бы однимъ махомъ въ будущее это прошедшее, рисовавшееся въ его умѣ въ такомъ блестящемъ свѣтѣ. Онъ недостаточно считался съ работой мысли въ этомъ вѣкѣ, работой, съ которой онъ былъ знакомъ лишь поверхностно, и которой его нетерпѣніе, бывшее, впрочемъ, нетерпѣніемъ благороднаго сердца, раздражалось, какъ препятствіемъ.

Во всякомъ случаѣ, г. Ледрю Ролленъ приступилъ къ своей задачѣ съ безстрашіемъ и усердіемъ, о которыхъ будутъ помнить еще тогда, когда оскорбленія, которыми его награждаетъ лордъ Норменби, будутъ давнымъ давно забыты. Возможно ли человѣку, знающему г-на Ледрю Роллена, прочесть безъ негодованія слѣдующее мѣсто:

„Г. Ледрю Ролленъ—человѣкъ съ неважными способностями и съ сомнительнымъ нравственнымъ мужествомъ; но это истинный ораторъ черни, разорившійся, желающій какъ можно дольше продержаться у власти и достаточно смѣлый для того, чтобы предпринять что угодно, если только онъ чувствуетъ, что масса его поддерживаетъ“ [1]).

Если бы прежде чѣмъ прибавлять ко всѣмъ этимъ грубостямъ возмутительныя инсинуаціи, Его Сіятельство потрудился навести справки, какъ того требовали самыя простыя правила справедливости, онъ узналъ бы, что г. Ледрю Ролленъ, способности и нравственное мужество котораго могъ оспаривать во всемъ мірѣ одинъ только лордъ Норменби, былъ богатъ, когда революція пріобщила его къ власти, что, съ точки зрѣнія своихъ частныхъ интересовъ, онъ ничего не могъ выиграть, а напротивъ все потерять отъ революціи и что мысль о разстройствѣ, которое столь

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 228.

сильный кризисъ могъ произвести въ его дѣлахъ, ни на минуту не заставила его поколебаться. Лордъ Норменби—романистъ; очень хорошо, но для исторической книги не достаточно того, чѣмъ удовлетворяешься въ романѣ. И что сказать, напримѣръ, о слѣдующей сценѣ, разсказанной съ самымъ серьезнымъ видомъ, на основаніи сообщеній, объ источникѣ коихъ лордъ Норменби постарался умолчать:

„Г. ЛедрюРолленъ сказалъ большинству правительства: „знаете ли вы, что ваша популярность ничто въ сравненіи съ моею? Мнѣ стоитъ только открыть окно и позвать народъ для того, чтобы онъ выбросилъ васъ всѣхъ, сколько васъ здѣсь ни на есть, на улицу. Хотите, я попробую?“ И онъ подошелъ къ окну, подъ которымъ стояла собравшаяся толпа. Г. Гарнье Пажесъ, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, направился прямо къ нему, вынулъ пистолетъ изъ кармана и, приставивъ его ему къ груди, воскликнулъ: „если вы сдѣлаете еще одинъ шагъ, это будетъ вашъ послѣдній шагъ“. Угроза сверкнула въ глазахъ г-на Ледрю Роллена; но онъ сдержалъ себя и сѣлъ на мѣсто“ [1]).

Я увѣренъ, что гг. ЛедрюРолленъ и Гарнье Пажесъ испытали нѣкоторое удивленіе при чтеніи этой смѣхотворной страницы, если только они сдѣлали Его Сіятельству честь прочесть его книгу. Что же касается до меня, съ большой усидчивостью слѣдившаго за засѣданіями Совѣта пока Временное правительство оставалось у дѣлъ, то я заявляю, что никогда не былъ свидѣтелемъ ничего подобнаго, и могу увѣрить лорда Норменби въ томъ, что члены Временнаго правительства, даже во время своихъ самыхъ оживленныхъ преній, никогда не забывали приличій, которыхъ должны держаться по отношенію другъ къ другу благовоспитанные люди. А изображать насъ въ видѣ *брави*, отправляющихся на Совѣтъ съ пистолетами въ карманѣ, съ тѣмъ чтобы прострѣливать другъ другу голову, прямо комично.

Возвращаюсь къ своему разсказу. На г-нѣ ЛедрюРолленѣ,

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 239.

какъ на министрѣ внутреннихъ дѣлъ, въ числѣ прочихъ обязанностей, лежала обязанность политическаго управленія департаментами: онъ поспѣшилъ послать туда комиссаровъ, т. к. смѣна враждебныхъ новому режиму чиновниковъ была самой необходимой и самой неотложной изъ всѣхъ мѣръ; ибо какое же правительство соглашалось когда-нибудь дѣлать своими агентами своихъ враговъ? Возможно ли было бы совершить большее безуміе, какъ предоставить судьбы республики на произволъ людей, завѣдомо желавшихъ гибели и назначенныхъ при Луи-Филиппѣ на общественныя должности единственно изъ-за ихъ монархическихъ взглядовъ? Если можно упрекнуть здѣсь въ чемъ-либо Временное правительство, такъ это именно въ чрезмѣрномъ великодушіи по отношенію къ враждебнымъ ему партіямъ, въ томъ, что оно слишкомъ довѣрчиво выслушивало обѣщанія новообращенныхъ,—въ томъ, что оно слишкомъ поддалось рыцарскому желанію привлечь ихъ на свою сторону благосклонностью!

Посылая комиссаровъ въ департаменты, г. Ледрю Ролленъ повиновался необходимости тѣмъ болѣе властной, что, при первомъ извѣстіи о революціи, префекты г-на Дюшателя либо сами оставили свои посты, либо были съ нихъ согнаны народнымъ возстаніемъ. Неужели же республика, для удовольствія роялистовъ, должна была сложить руки?

Что касается до выбора, то возможно, что онъ не всегда былъ удаченъ; и это нисколько не удивительно, если подумать, что г. Ледрю Ролленъ долженъ былъ рѣшаться быстро, немедленно, иногда на основаніи неполныхъ или ложныхъ свѣдѣній, т. к. крайняя безотлагательность мѣры не давала времени провѣрять ихъ. И нелегко было импровизировать республиканскихъ администраторовъ во всей Франціи съ помощью персонала, состоявшаго изъ людей, по большей части, неизвѣстныхъ. Этотъ пользовался вліяніемъ въ своемъ департаментѣ, но его взгляды внушали подозрѣніе; тотъ былъ надежнымъ человѣкомъ, но его вліяніе было ограничено. Вообще говоря, слѣдовало дать каждой мѣстности администраторовъ, пользовавшихся въ ней довѣріемъ. Но среди

всеобщей сумятицы, порожденной столь сильнымъ и внезапнымъ потрясеніемъ, какъ было найти подъ рукой, на мѣстѣ, сейчасъ же, наиболѣе подходящіе инструменты?

Впрочемъ, несомнѣнно, что многіе выборы, даже большая часть изъ нихъ, были удачны, нѣкоторые превосходны, и что, если и произошло нѣсколько ошибокъ, то г. Ледрю Ролленъ поспѣшилъ ихъ исправить, какъ только ему ихъ указали. Изъ всѣхъ назначеній, сдѣланныхъ министромъ, больше всего вызвало шума назначеніе нѣкоего Ріанкура младшимъ комиссаромъ въ Гаврѣ. Но каково же было удивленіе набожныхъ душъ, призывавшихъ по этому случаю земныя и небесныя кары на г-на Ледрю Роллена, когда было доказано, что этотъ Ріанкуръ былъ назначенъ по рекомендаціи архіепископа парижскаго! Архіепископъ былъ обманутъ, вѣроятно, но за что же тутъ было порицать г-на Ледрю Роллена?

Несправедливые нападки не остановились на этомъ. Между хулителями республики нѣкоторые—къ числу ихъ принадлежитъ лордъ Норменби въ своей книгѣ, [1]),—стали горько упрекать министра внутреннихъ дѣлъ за то, что въ своей инструкціи къ комиссарамъ онъ употребилъ слѣдующія слова: „ваши полномочія неограниченны“. Мысль была выражена въ формѣ абсолютной, слишкомъ абсолютной, быть можетъ, но смыслъ этихъ словъ циркуляръ объяснялъ заранѣе такимъ образомъ, что, казалось, дѣлалъ невозможнымъ всякое недобросовѣстное толкованіе. Тамъ было сказано о судебномъ вѣдомствѣ, о которомъ всѣ знали, что оно враждебно республикѣ: „судебное вѣдомство зависитъ отъ исполнительной власти *лишь въ точно опредѣленной сферѣ, указанной законами* [2]). Неужели это означало, что агенты исполнительной власти должны были считать себя стоящими выше законовъ? Если перенестись мысленно въ ту эпоху, если представить себѣ тогдашнее положеніе нѣкоторыхъ департаментовъ, то придется, можетъ быть, признать, что благоразуміе требовало, чтобы съ ними

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 217.

[2]) См. „le Moniteur“, отъ 12-го марта 1848 года.

говорили строгимъ тономъ именно для того, чтобы не быть потомъ вынужденнымъ принимать строгія мѣры. Временному правительству извѣстно было, что въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ роялизмъ, ободряемый отдаленностью Парижа и разъяренный, громко призывалъ анархію къ себѣ на помощь, что вокругъ многихъ вновь назначенныхъ чиновниковъ разжигали мятежъ, что нѣсколькихъ комиссаровъ оскорбили, другихъ принудили уступить угрозѣ. Слѣдовательно, необходимо было, пока все кипѣло, застращать недоброжелательство, смирить духъ крамолы, предупредить столкновенія и внушить агентамъ центральной власти довѣріе къ собственной силѣ, способное одновременно спасти ихъ какъ отъ унынія, такъ и отъ безсилія. И содержалось ли, наконецъ, въ этомъ циркулярѣ, подвергшемся столь желчнымъ нападкамъ, хоть слово, хоть одно слово, взывавшее къ насилію? Инструкція гласила: „Благодаря нашимъ правамъ, въ вашей миссіи нѣтъ ничего ужаснаго“ И гдѣ тутъ дѣйствительно былъ терроръ? Какіе законы нарушили эти могущественные проконсулы съ „неограниченными полномочіями“? Какіе акты произвола были совершены за все время существованія Временнаго Правительства? Какія газеты были безцеремонно закрыты, чья семейная святыня была осквернена? Было ли человѣчество опечалено массовыми ссылками, оскорбляющими правосудіе? Какія жертвы были отданы на съѣденіе знойному климату Кайенны?

Я вернусь къ той части циркуляра, которая относится къ выборамъ, и покажу, что никогда, ни въ одной странѣ, свобода избирателя не уважалась съ большей щепетильностью, чѣмъ во Франціи при Временномъ Правительствѣ; но предъидущаго достаточно, чтобы дать возможность судить о добросовѣстности нападковъ, которымъ подверглось управленіе г-на Ледрю-Роллена.

Въ исторіи управленія г-на Ледрю-Роллена есть вещь, о которой стоитъ вспомнить, это его просвѣщенное радѣніе о будущности искусства. Онъ такъ близко принималъ ее къ сердцу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ глубоко вѣрилъ въ судьбы революціи, что уже 24-го февраля, среди бушующей бури, онъ подписалъ декретъ, назначавшій на 15-ое марта открытіе ежегодной выставки

живописи, скульптуры и архитектуры. При монархіи допущеніе произведеній искусства на ежегодныя выставки вызывало безчисленныя жалобы на жюри, отъ котораго это принятіе зависѣло; при республикѣ естественно было ввести въ область искусства, на мѣсто привилегированныхъ или конвенціональныхъ авторитетовъ, выборный принципъ; это и было сдѣлано. Разборчивость, обнаруженная художниками въ выборѣ тѣхъ изъ нихъ, которые должны были составить жюри, рѣшавшее о принятіи произведеній искусства въ Луврскую галлерею, доказывается уже простымъ перечисленіемъ избранниковъ; это были: гг. Леонъ Конье, Энгръ, Эженъ Делакруа, Орасъ Вернэ, Деканъ (Decamps), Роберъ-Флери, Ари Шефферъ, Мессонье, Коро, Поль Делярошъ, Жюль Дюпре, Э. Изабэ, Дроллингъ, И. Фландренъ, К. Рокпланъ; въ отдѣлѣ скульптуры: гг. Рюдъ, Жуффруа, Бари, Давидъ, Дантонъ старшій, Прадье, Туссенъ, Жанъ Дебэ, Мендронъ, Петито, Домà; въ отдѣлѣ архитектуры: гг. Лабрусъ, Дюбанъ, Блуэ, Лебà, Жильберъ; въ отдѣлѣ гравюры: гг. Дюпонъ, А. Каронъ, Мартинэ, Жираръ, Гато.

Выборъ этотъ былъ особенно удаченъ тѣмъ, что содержалъ въ себѣ представителей всѣхъ школъ и поэтому давалъ надежную гарантію безпристрастія въ предстоявшихъ рѣшеніяхъ [1]).

Г. Жанронъ, назначенный г-номъ Ледрю-Ролленомъ на мѣсто директора музеевъ, принялъ прекрасныя мѣры: между прочимъ, онъ размѣстилъ по школамъ и вѣкамъ картины, классификація которыхъ до тѣхъ поръ не сообразовалась ни съ какой методой; ему же мы обязаны замѣчательнымъ докладомъ о возвращеніи предметовъ искусства, разсѣянныхъ по королевскимъ резиденціямъ, въ центральный музей [2]).

Со своей стороны, г. Гарро, поставленный сначала во главѣ департамента изящныхъ искусствъ, открылъ конкурсъ композицій символическаго изображенія республики [3]); въ конкурсѣ приняло участіе не менѣе семисотъ артистовъ. Къ сожалѣнію, результатъ

---

[1]) См. „le Moniteur“, отъ 12-го марта 1848 года.

[2]) См. этотъ отчетъ въ „Moniteur“’ѣ, отъ 10-го апрѣля 1848 года.

[3]) См. „le Moniteur“, отъ 18-го марта 1848 года.

этого благороднаго состязанія не отвѣтилъ возбужденному имъ ожиданію. Тамъ, гдѣ нужно было показать силу въ спокойствіи, невозмутимость послѣ бури, и творческій духъ, встающій изъ груды развалинъ, большинство дало лишь изображеніе вульгарно-мощной богини, въ родѣ той, которую живописали жгучіе ямбы Огюста Барбье. Стало очевиднымъ, что искусству еще нужно было найти идеалъ новаго режима. И что же тутъ удивительнаго? Февральская революція открыла поприще стремленіямъ, правда, возвышеннымъ, но еще искавшимъ своей формулы; она дала намъ возможность взбираться на гору, на величественную вершину которой еще не вела ни одна тропа, проложенная твердой рукой. И какое воспитаніе могъ дать искусству низвергнутый наканунѣ режимъ, этотъ режимъ лишенный величія, смѣлой инціативы, вѣрованій, которыя составляли бы его собственное достояніе, и имѣвшій существенно переходный характеръ, этотъ режимъ, который у искусства, сдѣлавшагося наемнымъ слугой частныхъ вкусовъ и индивидуальныхъ капризовъ, требовалъ не всенародныхъ монументовъ, а комфортабельныхъ маленькихъ жилищъ, не картинъ съ героическимъ содержаніемъ, а портретовъ по стольку то за аршинъ; не статуй для обширныхъ общественныхъ садовъ, а статуэтокъ предназначенныхъ для украшенія магазинной витрины, не мастерскихъ произведеній, а торопливо набросанныхъ виньетокъ? Ничто не дѣлаетъ большей чести французской школѣ, ничто лучше не показываетъ, сколько въ ней жизненности, какъ значительность того, что ей удалось создать, несмотря на такое тлетворное вліяніе. Но въ произведеніяхъ этихъ, даже въ наиболѣе высокихъ изъ нихъ, дышетъ прошлое, только прошлое; и какъ было требовать, чтобы искусство сразу вознеслось до совершенно яснаго пониманія будущаго и предвосхитило формы, наиболѣе пріуроченныя къ преобразовательному соціальному движенію, которое только-что начиналось?

Другая трудность заключалась въ этомъ сильно распространенномъ между художниками предразсудкѣ, что они могутъ существовать лишь при роскоши дворовъ и что въ республикахъ нѣтъ

мѣста для нихъ. Глубокое заблужденіе, по поводу котораго мнѣ естественнымъ образомъ приходитъ на умъ мѣсто изъ краснорѣчиваго доклада о графическихъ искусствахъ, представленнаго моимъ братомъ Шарлемъ Бланомъ, въ бытность его директоромъ изящныхъ искусствъ:

„Единственныя формы правленія, благопріятствовавшія величію искусства, это чистыя монархіи или могущественныя демократіи, съ той разницей, что первыя дѣлали изъ искусства—раба, или льстеца, между тѣмъ какъ вторыя почти всегда давали ему героическую задачу. Случается, что деспотъ, желая задобрить въ свою пользу потомство, доставляетъ генію возможность быть великимъ; но это бываетъ при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, дѣлающемъ изъ героя избранника случайно или вселяющемъ въ него счастливыя прихоти, служащія на пользу всему человѣчеству. Нужно, кромѣ того, замѣтить, что на генія, предоставляющаго свои услуги тщеславію великихъ міра сего или государей, помимо его воли, ложится первородное пятно рабства, никогда не изглаживающееся. Рафаэль, столь неудачно введя въ свои послѣдніи шедевръ фигуры папы и одного изъ его капеллановъ, нарушившія своимъ присутствіемъ торжественную симметрію верхней группы, собственоручно засвидѣтельствовалъ на этомъ божественномъ полотнѣ свою вынужденную покорность прихотямъ первосвященника.

„Не въ республикахъ ли Греціи и Этруріи искусства создали эти удивительные памятники, нетлѣнной красотой которыхъ снова научилъ восхищаться всю Европу республиканскій живописецъ, великій Давидъ? Не въ республикахъ ли Флоренціи и Венеціи былъ снова зажженъ священный факелъ? Наконецъ, фламандская школа, шедевры которой плѣняютъ весь міръ, не воспиталась ли подъ опекой Батавской республики? А Рембрандты, Тербурги, Метцу, Вувермансы, Рейсдали—не были ли они современниками Корнелія и Іоанна де Витта?.. Ибо въ исторіи искусства замѣчательно то, что оно повсюду создается однимъ лишь величіемъ событій и героевъ, образы которыхъ оно намъ передаетъ. Красоты античнаго искусства зародились одновременно съ другими чудесами человѣ-

ческаго генія; фризъ Пароенона и побѣды Перикла относятся съ одной и той же эпохѣ.

И если эти слабыя республики прошлаго, занимающія такъ мало мѣста на картѣ Европы, могли сотворить столь великія произведенія, то чего только нельзя ждать отъ юной и сильной республики, которую провозгласила Франція?.. Все полнѣе развиваясь въ области имущества, прекрасный принципъ, которому мы обязаны нашими музеями, фонтанами, общественными садами, доставитъ архитектурѣ, живописи, скульптурѣ возможность творить достойныя ихъ произведенія. Искусство было стѣснено въ своемъ полетѣ, пока ему приходилось выражать лишь личныя фантазіи праздныхъ людей или банальную и заказанную лесть... Но толчекъ, данный современнымъ возрожденіемъ, не остановится на промышленности; и, въ свою очередь, вмѣсто любителей и государей, искусство найдетъ себѣ покровителя въ лицѣ этого великаго государя, этого богатаго любителя, имя которому—*всѣ*. Тогда образуются могущественныя ассоціаціи, которыя смогутъ открыть художникамъ широкое поприще, доставить имъ случай созидать памятники, покрывать стѣны той монументальной живописью, о которой мечталъ Жерико на своемъ смертномъ одрѣ, населять статуями огромные сады, наполнять дворцы всѣмъ, что напоминаетъ о побѣдахъ человѣческаго ума и о вѣчной красотѣ, и пр. [1])“.

Тотъ, кто писалъ эти строки уже послѣ того, какъ Временное правительство перестало существовать, былъ назначенъ директоромъ изящныхъ искусствъ, 5-го апрѣля, при Временномъ правительствѣ и по особому указанію нѣсколькихъ художниковъ, среди которыхъ фигурировали выдающіяся имена [2]). И, несмотря на то, что похвала брата можетъ показаться не имѣющей значенія, мнѣ, можетъ быть,

---

[1]) Докладъ о графическихъ искусствахъ и ихъ будущности въ республикѣ. См. *Moniteur*, 1848 г. № 284.

[2]) См. объ этомъ *Moniteur* отъ 6-го апрѣля 1848 г. формальнымъ образомъ констатирующій этотъ фактъ. Г-на Гарро смѣнили, если не ошибаюсь, единственно потому, что онъ былъ скульпторомъ, и что художники, справедливо или нѣтъ, считаютъ профессію художника несовмѣстимой съ обязанностями директора изящныхъ искусствъ.

будетъ позволено сказать, что выборъ г-на Шарля Блана принадлежитъ къ числу удачныхъ выборовъ, сдѣланныхъ г-номъ Ледрю-Ролленомъ; и я не боюсь вызвать опроверженія со стороны художниковъ, прибавивъ, что при монархіи имъ никогда не случалось имѣть дѣло съ директоромъ изящныхъ искусствъ, который такъ заботился бы объ ихъ благосостояніи, такъ ревниво охранялъ-бы ихъ честь, такъ умѣлъ бы находить талантъ, и такъ почтительно покровительствовалъ бы ему. Впрочемъ, его права заключались не въ одной только преданности республикѣ: ученикъ Каламатты въ гравированіи, ученикъ Поля Деляроша въ рисункѣ, онъ посвятилъ всю свою жизнь изученію искусства, страстно предавшись этому занятію съ юныхъ лѣтъ. Соревнователь и другъ Торе, завоевавшаго столь высокое мѣсто въ художественной критикѣ, Шарлъ Бланъ успѣлъ еще до 1848-го года напечатать выдающіяся труды, отличавшіеся очаровательнымъ стилемъ и начать свою большую—*Исторію художниковъ всѣхъ школъ.*—Его компетентность была, слѣдовательно, прочно установлена и подтвердилась его дѣятельностью въ качествѣ директора изящныхъ искусствъ. Ему принадлежитъ счастливая идея давать художникамъ, въ видѣ національной награды, великолѣпныя фарфоровыя вазы севрской фабрики, бывшія до того времени добычей всякаго рода людей, не имѣвшихъ на нихъ ни малѣйшаго права: атташе посольствъ, женщинъ, пользовавшихся успѣхомъ при дворѣ, и т. д. Онъ-же придумалъ употребить на гравированіе факсимиле рисунковъ луврскихъ мастеровъ фонды, отчисленные на произведенія искусства: плодотворное нововведеніе, результатомъ котораго явилось значительное развитіе любви къ рисунку во Франціи. Я могъ бы удлинить это перечисленіе, если бы дѣло шло не о моемъ братѣ; но я ограничусь тѣмъ, что напомню о томъ, какимъ живымъ и всеобщимъ сожалѣніемъ была встрѣчена въ средѣ художниковъ его отставка, вызванная политическими причинами [1]).

---

[1]) Прошу читателя простить меня за то, что я съ удовольствіемъ остановился на предметѣ, лично столь дорогомъ для меня. Но не слѣдуетъ терять изъ виду, что назначеніе моего брата директоромъ изящ-

Однимъ изъ прекрасныхъ декретовъ г-на Ледрю-Роллена былъ слѣдующій:

„Министръ внутреннихъ дѣлъ.

Принимая во вниманіе, что, если государство обязано доставлять народу работу, которой онъ живетъ, оно также должно поощрять всѣ усилія, клонящіяся къ тому, чтобы пріобщить его къ духовнымъ радостямъ, возвышающимъ душу,

Принимая во вниманіе, что представленіе шедевровъ французскаго театра можетъ лишь развить благородныя и добрыя чувства,

По предложенію гражданина Локруа, правительственнаго комиссара при театрѣ республики,

По разсмотрѣніи доклада директора изящныхъ искусствъ [1]), постановляетъ:

Правительственный комиссаръ при театрѣ республики уполномочивается давать безплатныя и частныя народныя представленія;

Эти представленія будутъ состоять изъ произведеній классиковъ французской сцены въ передачѣ лучшихъ артистовъ. Въ антрактахъ хорами будутъ исполняться національные гимны и пѣсни.

Залъ будетъ раздѣленъ на нумерованныя мѣста; каждое мѣсто будетъ имѣть свой билетъ.

Эти билеты будутъ разсылаться равномѣрными партіями и въ видѣ двухмѣстныхъ купоновъ въ двѣнадцать парижскихъ муниципалитетовъ, въ Ратушу и въ префектуру полиціи съ тѣмъ, чтобы быть розданными въ мастерскихъ, клубахъ, школахъ бѣднѣйшимъ гражданамъ, которымъ они будутъ доставаться по жребію“ [2]).

Я присутствовалъ на нѣсколькихъ даровыхъ представленіяхъ, данныхъ въ силу этого декрета, и я охотно описалъ бы глубокое

ныхъ искусствъ было истолковано нѣкоторыми пасквилянтами,—правда, очень низкаго сорта,—какъ примѣръ республиканскаго непотизма, что совершенно ложно. Назначеніе моего брата произошло лишь 5-го апрѣля и, повторяю, по представленію сдѣланному нѣсколькими выдающимися художниками, которые сочли себя обязанными указать на него министру.

[1]) Въ то время это былъ г. Гарро.

[2]) См. „le Moniteur“, отъ 25-го марта 1848 года.

впечатлѣніе, ими на меня произведенное, если бы не предпочелъ предоставить въ этомъ случаѣ слово автору, сужденіе котораго имѣетъ болѣе вѣса, чѣмъ мое, такъ какъ этотъ авторъ—женщина, обладающая изысканнымъ вкусомъ и привыкшая ко всѣмъ тонкостямъ, ко всѣмъ изяществамъ такъ называемой великосвѣтской жизни.

„Никогда еще прогрессъ нравовъ не чувствовался такъ, какъ на этихъ народныхъ представленіяхъ, гдѣ взаимная вѣжливость, тишина, растроганное вниманіе этой аудиторіи, одѣтой въ блузы и куртки, энергія и мѣткость ея аплодисментовъ, показывали, что она способна на всякаго рода благородную любознательность и проникнута уваженіемъ къ классикамъ и къ своему собственному достоинству, уваженіемъ, которое есть несомнѣнный признакъ нравственнаго чувства“ [1]).

Въ Парижѣ министръ внутреннихъ дѣлъ опирался на полицейскую префектуру.

У меня еще до сихъ поръ стоитъ передъ глазами картина, развернувшаяся предо мной при моемъ первомъ посѣщеніи полиціи. Какая метаморфоза! Предо мною была не мрачная пещера, въ которой при прежнемъ режимѣ царило гробовое молчаніе и гдѣ самый воздухъ былъ насыщенъ подозрѣніями, недовѣріемъ, ненавистью. Зловѣщій городовой исчезъ и нечего было больше опасаться столкнуться мимоходомъ съ однимъ изъ этихъ шпіоновъ въ черныхъ сюртукахъ, съ шныряющими взглядами, съ подлой душей, являющихся позоромъ цивилизаціи, состоящей подъ ихъ унизительнымъ покровительствомъ, и безчестіемъ правительства, пользующагося ими. Въ февралѣ 1848-го года префектура полиціи имѣла совершенно иной видъ, нежели при Луи-Филиппѣ. Это было не логовище, а кордегардія. Наступала ночь, когда я пришелъ; но при свѣтѣ факеловъ, зажженныхъ кое-гдѣ, я распозналъ множество людей, ходившихъ туда и сюда. Главный дворъ, лѣстницы, залы наполнены были людьми съ энергичными, веселыми и откровенными лицами. Ихъ шеи были повязаны красными шерстяными галсту-

---

[1]) „Histoire de la Révolution de 1848“ Даніэля Стерна, ч, II, стр. 350.

хами, и они были опоясаны красными поясами изъ той же матеріи. Одни курили, другіе лежали на походныхъ кроватяхъ; я слышалъ какъ нѣкоторые изъ нихъ ругались совсѣмъ по-военному и, признаться, уха моего коснулось не одно двусмысленное слово. Конечно, въ цѣломъ, сцена эта могла оскорбить дэндизмъ постояннаго посѣтителя будуаровъ, но въ ней не было ничего отталкивающаго. Веселое и грубовато добродушное настроеніе искупало нѣсколько рискованный способъ выражаться и безцеремонность этихъ молодцовъ въ красныхъ галстухахъ. Ихъ шумное оживленіе пугало въ сто разъ меньше, чѣмъ убійственное спокойствіе призраковъ, которыхъ они замѣстили, и выставленное ими оружіе всякаго рода нисколько не вызывало той мысли объ убійствѣ, которая такъ долго была связана съ видомъ узкой шпаги полицейскаго.

Я иду въ главный секретаріатъ, гдѣ наталкиваюсь на человѣка съ геркулесовскимъ тѣлосложеніемъ и бычачьей шеей, гигантскій ростъ котораго бросался въ глаза тѣмъ болѣе, что голова была очень мала; при этомъ самыя привѣтливыя манеры, чрезвычайно мягкій звукъ голоса, добродушная внѣшность и въ то же время взглядъ, наполовину затуманенный, блескъ котораго открывалъ внимательному наблюдателю необычайную смѣсь гибкости характера и энергіи, эксцентрическихъ порывовъ и благоразумія, тонкости и прямодушія. Не трудно догадаться, что рѣчь идетъ о г-нѣ Маркѣ Коссидьерѣ.

24-го февраля онъ отправился, во главѣ нѣсколькихъ рабочихъ, возвращавшихся съ баррикадъ, въ полицейскую префектуру гдѣ, сообразуясь лишь съ событіями, объявилъ себя охранителемъ общественнаго порядка, въ ожиданіи послѣдующей ратификаціи со стороны Временнаго правительства. Отъ свиданія съ нимъ у меня осталось впечатлѣніе, что избранная имъ роль вполнѣ подходила ему. Къ тому же онъ не былъ для меня чужимъ человѣкомъ. Я знавалъ его въ редакціи „Реформы“, вліяніе которой онъ распространялъ съ большимъ усердіемъ и отмѣннымъ тактомъ. Когда незадолго до революціи, мы, т. е. г. Ледрю-Ролленъ, Флоконъ и я, отправились на Дижонскій банкетъ, онъ былъ нашимъ спутникомъ,

и рѣчи, съ которыми онъ при насъ обращался къ народу, показали намъ, что онъ обладалъ своеобразнымъ краснорѣчіемъ — отрывистымъ, фантастическимъ, испещреннымъ сомнительными цитатами и вульгарными выраженіями, но изобильнымъ, горячимъ, поражающимъ неожиданными оборотами и идущимъ къ своей цѣли, несмотря на кажущуюся путаницу.

Меньшинство Временнаго правительства не имѣло, слѣдовательно, никакой причины не поддерживать г-на Коссидьера, всѣ дѣйствія котораго, съ перваго дня его водворенія въ полицейскомъ вѣдомствѣ, были отмѣчены печатью общественной полезности. Онъ сталъ неустанно и успѣшно заниматься доставленіемъ провизіи на рынки, сократилъ волокиту оффиціальной рутины, позаботился объ освѣщеніи и чистотѣ города, возстановилъ полицейскія правила о свободномъ движеніи на улицахъ, неутомимо охраняя, между тѣмъ, всеобщую безопасность. Дѣйствительно, его административныя услуги были найдены столь цѣнными, что въ критическихъ обстоятельствахъ сама буржуазія оказала ему поддержку [1]).

Существуетъ любопытное свидѣтельство о духѣ терпимости, миролюбія и любезности, который онъ вносилъ въ отправленіе своихъ обязанностей; это слѣдующее письмо, написанное ему его предшественникомъ г-номъ Делессеромъ, 29-го апрѣля 1848-го года:

„Господинъ префектъ,

Я узналъ отъ своихъ парижскихъ друзей о благосклонности, съ которой Вы выразились по поводу очень короткаго пребыванія г-жи Делессеръ въ Пасси, и о сожалѣніи, которое Вы высказали относительно того обстоятельства, что она не обратилась лично къ Вамъ. Позвольте мнѣ поблагодарить Васъ за эти слова. Я дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что это доставляетъ мнѣ возможность сказать Вамъ, какъ я былъ тронутъ Вашей добротой по отношенію ко мнѣ,

---

[1]) Читатель помнитъ, что послѣ 15-го мая 1848 г., обвиненный въ томъ, что въ качествѣ префекта полиціи, онъ не защитилъ національнаго собранія отъ нападенія, онъ подалъ въ отставку и обратился къ народному голосованію. Результатомъ было то, что клубъ шосседантенскаго манежа, состоявшій изъ консерваторовъ, согласился на его кандидатуру, и что онъ былъ выбранъ въ представители народа 147.000 голосовъ.

выражавшейся въ томъ, что Вы съ такой любезностью разрѣшили взять изъ префектуры полиціи вещи, лошадей и другіе предметы, принадлежавшіе лично мнѣ и моей женѣ. Я радуюсь случаю выразить вамъ, господинъ префектъ, свою совершенно искреннюю и сердечную благодарность.

Прошу Васъ принять выраженіе моего глубокаго уваженія.

Габріэль Делессеръ" [1]).

Но все это не помѣшало большинству Совѣта встревожиться присутствіемъ г-на Коссидьера въ префектурѣ полиціи. Въ особенности, гг. Гарнье Пажесъ и Маррастъ безпокоились по тому поводу, что этотъ постъ былъ порученъ человѣку, о которомъ они знали, что онъ не изъ ихъ партіи. Ихъ страхъ усугубился, когда ихъ извѣстили, что г-на Коссидьера окружала въ префектурѣ двухтысячная толпа рѣшительныхъ людей, которые, подъ названіемъ *Народной гвардіи*, составляли единственную организованную силу, существовавшую въ то время въ Парижѣ. Разныя хитрости были пущены въ ходъ сначала, чтобы его вытѣснить, потомъ чтобы подчинить его парижскому мэру; но большинство встрѣтило въ Совѣтѣ сопротивленіе, не считаться съ которымъ оно сочло неполитичнымъ. 13-го марта, по предложенію г-на Ледрю Роллена, рѣшено было нетолько что г. Коссидьеръ останется на своемъ посту, но что онъ будетъ зависѣть отъ одного лишь министра внутреннихъ дѣлъ. Дѣятельность префекта полиціи впредь должна была освободиться отъ всякаго стѣсненія и городское благоустройство ничего не потеряло отъ этого. Что же касается до общественной безопасности, то никто не охранялъ ея лучше бдительныхъ *монтаньяровъ* Коссидьера, которому, выражаясь его собственными словами, удалось *создать порядокъ посредствомъ безпорядка*.

Среди лицъ сопровождавшихъ 24-го февраля г-на Коссидьера въ префектуру полиціи, находился блѣдный молодой человѣкъ по имени Собріе; натура нѣжная и нервная онъ былъ слабаго тѣло-

---

[1]) „Мемуары Коссидьера", т. I, стр. 69—70.

сложенія, съ душою хотя и кроткой, но способной на сильную экзальтацію. Онъ только-что получилъ богатое наслѣдство, и его первой заботой было посвятить двадцать тысячъ франковъ пропагандѣ республиканскихъ принциповъ. Въ свое время много говорили о вооруженномъ клубѣ, засѣдавшемъ въ квартирѣ самого Собріе на улицѣ Риволи, въ № 16-мъ. Совершенно вѣрно, что клубъ этотъ существовалъ, какъ и то, что учрежденіе чего-то въ родѣ гарнизона въ частномъ домѣ, посреди самаго спокойнаго изъ парижскихъ кварталовъ, будучи явленіемъ, при обычныхъ обстоятельствахъ, совершенно недопустимымъ, даже и въ то время вызвало и должно было вызвать многочисленныя жалобы. Но чего не знали тогда и чего большею частью не знаютъ и теперь, такъ это того, что оружіе, собранное въ домѣ Собріе, было доставлено префектурой полиціи, безъ вѣдома меньшинства Совѣта, *на основаніи письма написаннаго г-номъ де-Ламартиномъ* [1]).

Невозможно изображать революціонную жизнь 1848-го года, не упоминая о клубахъ, ежедневно или ежеминутно собиравшихся въ каждомъ кварталѣ Парижа и открывшихъ посредствомъ слова неограниченное поприще распространенію идей.

Двумя клубами, болѣе всего привлекавшими на себя вниманіе въ эту эпоху, были: клубъ *Центральнаго общества*, съ г-номъ Бланки во главѣ, и тотъ, который основалъ въ Національномъ дворцѣ г. Барбесъ подъ названіемъ *клуба революціи*. Я слышалъ отъ сторонниковъ г-на Бланки большія похвалы его умственнымъ способностямъ, его монашескому аскетизму, его умѣнію прокапывать подземныя мины и управлять народными страстями, наконецъ, власти, которую ему даютъ надъ нѣкоторыми людьми уединенная жизнь, смѣлая и холодная манера выражаться, мрачное выраженіе глазъ, исхудалое лицо. Я не могу ручаться за вѣрность этого изображенія, не зная лично г-на Бланки. До наступленія революціи я видѣлъ его одинъ только разъ и то мимоходомъ. Впослѣдствіи я его никогда не видалъ и никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ

---

[1]) См. *Мемуары Коссидьера*, которому было адресовано письмо г-на Ламартина, т. II, стр. 177.

отношеній, прямыхъ или косвенныхъ. Съ его взглядами на организацію демократіи я знакомъ не лучше, и мнѣ неизвѣстно, высказалъ ли онъ что-нибудь опредѣленное по этому поводу.

Что-касается до г-на Барбеса, то кто изъ слѣдившихъ за событіями современной французской исторіи не знаетъ, какую крупную роль онъ игралъ въ нихъ. О томъ, что онъ выказалъ, въ соединеніи съ храбростью рыцаря и самоотверженіемъ мученика, качества серьезнаго и мужественнаго общественнаго дѣятеля, едва-ли есть надобность упоминать, настолько его жизнь сама за себя говоритъ! Но лишь тѣ, которые видѣли его вблизи, знаютъ что это человѣкъ, который никогда не вступалъ въ компромисъ съ несправедливостью, никогда не склонялся передъ силой, никогда не останавливался передъ опасностью, никогда не смущался передъ лицомъ смерти, проявляетъ въ житейскихъ отношеніяхъ такую мягкость характера и такую обворожительность, что знать его значитъ его любить. У меня есть его письма, являющіяся истинными шедеврами граціи, чувства и стиля; нѣкоторыя изъ нихъ, гдѣ онъ бесѣдуетъ со мною о Франціи, проникнуты такой захватывающей меланхоліей, что могли бы вызвать слезы у многихъ людей, которые, повѣривъ презрѣннымъ клеветамъ, дрожатъ при звукѣ его имени. Позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы въ исторіи могъ найтись примѣръ непрерывнаго самоотверженія, подобный тому, который намъ представляетъ жизнь Барбеса. Когда г. Барбесъ отдался душой и тѣломъ служенію республикѣ, въ которой его возвышенный умъ увидѣлъ прежде всего не болѣе или менѣе совершенную форму правленія, но средство, могущее быть полезнымъ въ борьбѣ съ соціальной неурядицей, зрѣлище которой съ раннихъ лѣтъ поразило и опечалило его; онъ только что закончилъ блестящимъ образомъ университетскій курсъ; онъ былъ молодъ, красивъ и богатъ, обладалъ образованіемъ, умомъ, привлекательными манерами и могъ, слѣдовательно, надѣяться занять въ современномъ соціальномъ строѣ положеніе, которое соотвѣтствовало бы столь рѣдкому сочетанію личныхъ качествъ и внѣшнихъ преимуществъ. Но миссіей, выпавшей ему на долю, было самоотверженіе; и, хотя возможность соціальнаго

обновленія рисовалась лишь вдалекѣ, онъ не поколебался стать на сторону страдающихъ, твердо рѣшившись служить ихъ дѣлу до послѣдняго издыханія. О томъ, какъ онъ боролся при Луи-Филиппѣ, я подробно разсказалъ въ моей *Исторіи десяти лѣтъ*. Побѣжденный въ этой борьбѣ, отдаленнымъ результатомъ которой должна была быть февральская революція, онъ не сталъ защищаться передъ судьями, которыхъ ему дали. Онъ скромно и презрительно хранилъ молчаніе и лишь на требованіе, чтобы онъ объяснился, отвѣтилъ: „Когда дикій индѣецъ оказывается побѣжденнымъ, когда превратности войны отдаютъ его въ руки враговъ, онъ не тратитъ попусту словъ, а покоряется судьбѣ и подставляетъ свою голову подъ скальпъ“. Когда на слѣдующій день г. Паскье, президентъ палаты пэровъ, не постыдился сказать узнику, что онъ былъ правъ, сравнивая себя съ дикаремъ, Барбесъ отвѣтилъ съ спокойнымъ презрѣніемъ: „Не тотъ безжалостный дикарь, кто подставляетъ свою голову подъ скальпъ, а тотъ, кто скальпируетъ“. Его присудили къ смертной казни на основаніи обвиненія, ложность котораго была доказана [1]).—Вѣрно было лишь то, чего не отрицалъ г. Барбесъ и что было настоящимъ поводомъ его осужденія,—а именно его соучастіе въ возстаніи; остальное было вымышлено лишь съ цѣлью отвратить отъ него живое участіе, вызванное его героическимъ поведеніемъ. Напрасное ухищреніе! Мысль о томъ, что должна скатиться съ плахи столь благородная голова наполнила сердце народа печалью. Мастерскія были брошены, загородныя гулянья опустѣли. Я былъ тогда въ Парижѣ и видѣлъ собственными

---

[1]) Такъ какъ клеветническое обвиненіе, на которое я здѣсь намекаю, ходило по Англіи, то я считаю своимъ долгомъ разсказать, какъ было дѣло.

Когда въ день 12-го мая солдаты, которыми командовалъ капитанъ Друинно, столкнулись съ повстанцами, эти послѣдніе, по принятому во Франціи обычаю, предложили имъ побрататься съ ними, на что капитанъ Друинно отвѣтилъ приказаніемъ стрѣлять. Повстанцы отвѣтили тогда залпомъ, попавшимъ, между прочимъ, въ капитана. Все это было безобразно искажено въ обвинительномъ актѣ, приписавшемъ лично г-ну Барбесу и обратившемъ въ предательство одно изъ тѣхъ несчастій, которыя влечетъ за собой всякое сраженіе.

глазами, какъ 3.000 студентовъ шло на Вандомскую площадь, съ обнаженными головами, въ трауръ. Они шли въ *chancellerie* просить помилованія Барбеса. Благодаря этому внушительному выраженію общественнаго настроенія, и какъ мнѣ кажется, благодаря также тому отвращенію къ пролитію крови, которое составляло одну изъ добродѣтелей Луи-Филиппа, приговоръ былъ смягченъ, и г. Барбесъ ввергнутъ въ темницу, откуда его вывела лишь революція [1]). Когда онъ появился въ первый разъ въ Ратушѣ послѣ девятилѣтняго заключенія, то всѣ члены Временнаго правительства поспѣшили къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями. Лицо его поблѣднѣло въ неволѣ, щеки впали, голова облысѣла, пламенный взглядъ потускнѣлъ, но спокойствіе его духа, оставшееся все тѣмъ же послѣ столь суровыхъ испытаній, тѣмъ больше трогало, производило тѣмъ больше впечатлѣнія.

Легко понять, какой популярностью долженъ былъ пользоваться клубъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ. Тамъ собирались толпой наиболѣе вліятельные члены республиканской партіи: г. Мартэнъ Бернаръ, близкій другъ Барбеса, его товарищъ въ опасностяхъ и страданіяхъ, г. Торе, завоевавшій себѣ столь почетное мѣсто среди журналистовъ и въ мірѣ искусства, г. Этьенъ Араго, братъ знаменитаго астронома, и г. Эммануэль Араго, его сынъ, отличавшіеся. какъ тотъ, такъ и другой, и своими *личными* достоинствами, г. Греппо ліонскій рабочій, который вскорѣ затѣмъ попалъ въ депутаты, г. Прудонъ, столь прославившійся впослѣдствіи, г. Ландольфъ, который принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ, происходившей при предыдущемъ режимѣ и котораго его широкія познанія, энергическія убѣжденія, твердость характера и умъ естественно влекли къ г-ну Барбесу. Тамъ каждый вечеръ въ присутствіи многочисленной аудиторіи, внимательной и исполненной симпатіи къ ораторамъ, обсуждались важнѣйшіе вопросы соціальной науки и политики; тамъ, языкомъ обыкновенно смѣлымъ, но не

---

[1]) Мы считаемъ своимъ долгомъ напомнить также о благородномъ личномъ ходатайствѣ Виктора Гюго передъ королемъ о помилованіи, Барбеса.

грубымъ, развивались всякаго рода теоретическія мнѣнія о будущности Франціи и о счастіи человѣчества, какъ слѣдствіи строгаго примѣненія законовъ справедливости.

Много посѣщался и хорошо велся также клубъ *Друзей народа*, учрежденнаго г-номъ Распайлемъ въ залѣ улицы Монтескье. Политическое вліяніе г-на Распайля, его ораторскій талантъ и его двойная репутація, какъ врача и какъ ученаго, привлекли къ нему много почтительныхъ слушателей. Особенность его клуба заключалась въ томъ, что это была скорѣе школа науки и философіи, чѣмъ арена для преній. „Моими слушателями, сказалъ онъ самъ, были мои вылѣчившіеся паціенцы, мои преданные ученики, мои старые товарищи въ дѣлѣ самообразованія, дѣланія добра и перенесенія страданій [1])“.

Независимо отъ главныхъ клубовъ существовало множество другихъ, соотвѣтственно всѣмъ оттѣнкамъ во мнѣніяхъ. Сторонники фаланстера группировались вокругъ господъ Консидерана и Кантагреля, коммунисты—вокругъ г-на Кобэ. Существовали клубы орлеанистовъ, были клубы легитимистовъ: напримѣръ *республиканскій клубъ свободы выборовъ* подъ предсѣдательствомъ г-на Віеннэ, и *клубъ X округа* подъ предсѣдательствомъ г-на Ватимениля.

Внутренняя политика, внѣшняя политика, налоги, улучшеніе участи рабочихъ, безплатное народное обученіе, сліяніе народовъ, какіе только вопросы не поднимались и не обсуждались въ этихъ пламенныхъ лабораторіяхъ общественнаго мнѣнія! О, какъ быстро текли тогда часы! Какъ сильно билось тогда каждое сердце! и какія огненныя крылья придавало настроеніямъ ума взволнованное воображеніе! Революція такъ глубоко всколыхнула всѣ жизненныя силы въ нѣдрахъ общества, что въ нѣсколько дней число клубовъ дошло до трехсотъ и, хотя въ распоряженіе постоянныхъ народныхъ собраній были предоставлены огромныя залы общественныхъ зданій, изъ каждой такой залы, всякій вечеръ переполнявшейся до

---

[1]) Отчетъ о процессѣ г-на Распайля въ буржской высшей судебной палатѣ 5-го марта 1849 года.

такой степени, что въ ней лишь съ трудомъ можно было дышать, народная толпа, за неимѣніемъ мѣста внутри, разливалась на сосѣднія улицы, такъ что магнетическій токъ мысли, исходившій оттуда, передавался отъ человѣка къ человѣку и проникалъ, наконецъ, въ тѣ бѣдныя жилища, гдѣ такъ долго спали благороднѣйшія человѣческія способности.

Эту плодотворную любознательность одновременно подстрекала и утоляла пресса, которой отмѣна штемпельной пошлины дала возможность умножаться до безконечности, пресса и печатное слово, о вліяніи и блескѣ котораго можно судить уже по одному тому обстоятельству, что его представителями были тогда такіе писатели, какъ Мишле, Эдгаръ Кинэ, Ламеннэ, Евгеній Сю, Феликсъ Піа, Жоржъ Зандъ [1]).

Само собой разумѣется, среди этого водоворота стремленій, вѣрованій, симпатій и антипатій, различныхъ взглядовъ и мнѣній, развитію которыхъ ничто не препятствовало, порывъ которыхъ ничто не стѣсняло, Временное Правительство, восхваляемое одними, поносилось другими. Если большинство Совѣта опиралось на газету „Le National“, а меньшинство на газету „la Réforme“, въ которой блисталъ талантъ г-на Рибейроля, сколько другихъ листковъ направляло на правительство яростные нападки! Ни одно изъ его дѣйствій не ускользало отъ язвительной критики г. де-Жирардена, главнаго редактора газеты „la Presse“; оно не сдѣлало ни одного движенія, на которое г. Прудонъ не напалъ бы сейчасъ же, указывая на оное, какъ на доказательство превосходства своей системы, *ан-архіи*. Что же касается до г-на Ламеннэ, то, какъ я уже сказалъ, онъ громилъ въ то время соціализмъ, на сторону котораго перешелъ впослѣдствіи.

Носясь, такимъ образомъ, по волнамъ этого рокочущаго моря,

---

[1]) Викторъ Гюго лишь позднѣе присталъ къ партіи революціи; тѣмъ не менѣе его писанія, даже предшествовавшія этому присоединенію, полны соціалистическихъ и республиканскихъ стремленій. Его письмо къ Сентъ-Бёву, помѣченное 1832 годомъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ его настоящихъ чувствъ. «*Республика провозглашенная въ Европѣ Франціей увѣнчаетъ наши сѣдины*». Кто можетъ утверждать въ настоящее время, что это желаніе великаго поэта не осуществится?

какъ повело себя Временное Правительство? Запретило ли оно пренія, водворило ли молчаніе вооруженной рукой, стало ли дрожать при одной мысли о критическомъ замѣчаніи, блѣднѣть передъ тѣнью намека, вступало ли оно въ союзъ со тьмой? Нѣтъ. Временное Правительство было настолько убѣждено въ своей нравственной силѣ, такъ гордилось своими добрыми намѣреніями, такъ было увѣрено въ добровольной поддержкѣ со стороны народа, что, далекое отъ боязни свѣта, — боязнь эту слѣдуетъ оставить злоумышленникамъ,—оно старалось оберегать свободу своихъ злѣйшихъ враговъ. Когда типографія г-на Эмиля де-Жирардена подверглась угрозамъ со стороны группы людей, выведенныхъ изъ себя систематическими и необузданными нападками газеты „la Presse“ на офиціальныхъ служителей республики, г. Коссидьеръ поспѣшилъ послать своихъ *монтаньяровъ* на помощь тѣмъ, кто ихъ порочилъ, а г. Ледрю-Ролленъ отправился самолично защитить отъ всякаго посягновенія эту свободу слова, которою г. де-Жирарденъ пользовался съ такою безпощадностью по отношенію къ намъ. Нѣчто подобное произошло и въ Люксембургскомъ дворцѣ. Когда нѣсколько делегатовъ пришли сказать мнѣ, что многіе изъ ихъ товарищей раздражены нашимъ упорнымъ терпѣніемъ по отношенію къ клеветамъ „Constitutionnel'я“ и что въ эту самую минуту дворъ дворца наполняется толпой рабочихъ, толкующихъ о томъ, чтобы отправиться прямо въ редакцію „Constitutionnel'я“ и потребовать отъ него справедливаго къ нимъ отношенія, я поспѣшно вышелъ, велѣлъ поставить посреди двора столъ, на который взобрался, и съ такой энергіей сталъ отклонять ихъ отъ ихъ плана, что они отъ него отказались.

Существуетъ, впрочемъ, оффиціальное и рѣшительное свидѣтельство довѣрія Временнаго Правительства къ симпатіямъ націи: это воззваніе, опубликованное имъ 20-го апрѣля и касающееся клубовъ. Оно начинается словами: „республика живетъ преніями и свободой“, а заканчивается такъ: „Лучшей охраной свободы служитъ сама свобода [1])“.

---

[1]) См. „le Moniteur“, 20-го апрѣля 1848 г.

Впрочемъ, свобода, данная какъ клубамъ, такъ и прессѣ, рядомъ съ нѣкоторыми неудобствами, нераздѣльными со всѣмъ человѣческимъ, имѣла преимущества, плоды которыхъ соберетъ будущее. Предложенные на изученіе вопросы, вызвавшіе ярость эгоистовъ, встревожили и нѣкоторыхъ искреннихъ людей; искусственная агитація нашла себѣ опасное поощреніе; стремленіе къ нововведеніямъ проявлялось подчасъ въ смѣшной формѣ; не было недостатка въ фразерствѣ и любознательности, публикѣ часто преподносилась несущественная или нездоровая пища. Но на задачи первостепенной важности былъ пролитъ неожиданный свѣтъ; мысль проложила новые пути къ истинѣ и увидѣла на горизонтѣ соціальную справедливость; на ряду съ вздорными или химерическими идеями возникли другія, которыя обогатили сокровищницу разума; словомъ, почва была глубоко вспахана во всѣхъ направленіяхъ, и въ нее запало сѣмя, котораго ничто не сможетъ уничтожить; оно произрастаетъ въ тиши и дастъ, когда пройдетъ зима, жатву, богатству которой изумится Европа.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Народная манифестація 17-го марта.

Чѣмъ должно было быть Временное правительство? на что ему слѣдовало рѣшиться?—Причины, по которымъ оно должно было взять на себя иниціативу реформъ и стремиться къ ихъ осуществленію.—Политическая ошибка, сдѣланная большинствомъ его членовъ.—Вопросъ объ отсрочкѣ выборовъ обсуждается рабочимъ классомъ.—Оповѣщеніе о народной манифестаціи. — Страхъ, который она внушала самымъ преданнымъ друзьямъ народа.—Мы съ Альберомъ стараемся предотвратить ее, заставивъ рѣшить вопросъ, который долженъ былъ быть ея предметомъ.—Большинство Совѣта отклоняетъ наши предложенія.—Мы принимаемъ рѣшеніе подать въ отставку.—Вмѣшательство г-на Ледрю-Роллена.—Вопросъ остается открытымъ.—Демонстрація избранныхъ отрядовъ національной гвардіи, отмѣненныхъ декретомъ.—Семнадцатое марта.—Корпораціи на Гревской площади.—Ихъ внушительное и спокойное поведеніе.—Народные делегаты въ Ратушѣ.—Отвѣтственность, которой подвергала меня манифестація.—Моя рѣчь къ делегатамъ, въ которой я прошу предоставить правительству свободно обсудить вопросъ.—Рѣчи гг. Ледрю-Роллена и Ламартина.—Корпораціи удаляются въ полномъ порядкѣ.

Едва учреждено было народными кликами Временное Правительство, какъ оно должно было спросить себя, какъ себя опредѣлить. Смотрѣть ли ему на себя, какъ на диктаторскую власть, освященную революціей, сдѣлавшейся необходимой, власть, которая должна была отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ избирателямъ лишь послѣ того, какъ она сдѣлаетъ все то добро, которое слѣдовало сдѣлать?

Ограничить ли ему, напротивъ, свою миссію немедленнымъ созывомъ Національнаго собранія, довольствуясь принятіемъ неотложныхъ мѣръ и совершеніемъ административныхъ актовъ второстепенной важности?

Изъ этихъ двухъ рѣшеній второе безспорно отличалось характеромъ формально болѣе правильнымъ и менѣе рискованнымъ: оно снимало всякое подозрѣніе съ безкорыстія Временнаго Правительства и наполовину спасало насъ отъ упрека въ узурпаціи.

Совѣтъ высказался за это рѣшеніе.

Что касается до меня, то я держался мнѣнія прямо противоположнаго тому, которое восторжествовало, и полагалъ, что принятіе перваго рѣшенія имѣло бы самое благотворное вліяніе на судьбы новой республики.

Я не скрывалъ отъ самого себя неудобствъ и опасностей, съ которыми оно было связано. Я зналъ, что общество не легко дастъ себя повести дальше того, что оно знаетъ и что оно думаетъ. Ходъ исторіи не сообразуется ни съ біеніемъ великодушнаго сердца, ни даже съ логическимъ развитіемъ справедливой идеи, и никому не дано ускорить, по своей прихоти, ея шагъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы быть справедливымъ, это послѣднее замѣчаніе не должно пониматься въ слишкомъ абсолютномъ смыслѣ; ибо, въ концѣ концовъ, обстоятельства суть лишь результатъ извѣстнаго сочетанія единичныхъ усилій, и дѣятельность нѣсколькихъ хорошихъ людей, когда они имѣютъ возможность заставить сильную власть служить торжеству великой идеи, имѣетъ свое значеніе на вѣсахъ судебъ человѣчества.

Поэтому, принимая во вниманіе духъ французской деревни, живущей въ состояніи глубокаго невѣжества и нравственнаго порабощенія, громадность рессурсовъ, которые предоставляетъ врагамъ прогресса исключительное обладаніе всѣми средствами вліянія и всѣми источниками богатства, принимая во вниманіе всю ту гниль, которая скопилась на днѣ общества за полвѣка имперіалистскаго или монархическаго растлѣнія, и, наконецъ, численное превосходство невѣжественнаго сельскаго народа надъ просвѣщеннымъ городскимъ, я думалъ:

что намъ слѣдовало отодвинуть какъ можно дальше моментъ выборовъ;

что, пока, мы должны были взять на себя иниціативу обшир-

ныхъ реформъ и сдѣлать это открыто и смѣло, отвѣчая за нихъ своей головой, и оставивъ за Національнымъ собраніемъ право закрѣпить потомъ или разрушить самодержавной рукой сдѣланное нами дѣло.

Такимъ образомъ, мы сдѣлали бы время своимъ союзникомъ. Мы могли бы дѣйствовать со всей силой, которую даетъ обладаніе властью, на эту французскую націю, столь живую и смышленую, столь склонную слѣдовать великодушнымъ импульсамъ. Мы, такъ сказать, зажгли бы на вершинѣ общества маякъ, который яркимъ свѣтомъ озарилъ бы его на всемъ его протяженіи. Однимъ словомъ, когда народное самодержавіе, признанное и провозглашенное съ самаго начала, было бы призвано къ урнамъ, оно успѣло бы уже получить нѣкоторое воспитаніе.

Альберъ раздѣлялъ мое мнѣніе, что болѣе всего утверждало меня въ послѣднемъ; ибо въ Альберѣ рѣдкое прямодушіе соединялось съ тонкимъ чутьемъ и возвышеннымъ умомъ. Когда онъ говорилъ въ Совѣтѣ, то всегда высказывалъ справедливыя или благородныя мысли въ выраженіяхъ точныхъ и сильныхъ.

Къ совершенно инымъ и плачевнымъ результатамъ привелъ противоположный путь. Временное Правительство принуждено было торопиться въ своей дѣятельности и тѣмъ самымъ испортить ее; естественное движеніе революціи заставляло власть приступать къ бросающимся въ глаза реформамъ, при чемъ она останавливалась на грубыхъ набросках этихъ реформъ,—тамъ, гдѣ нужны были послѣдовательныя примѣненія, она ограничивалась простыми указаніями; выборы предоставлены были владычеству старинныхъ предразсудковъ и прежнихъ мѣстныхъ вліяній; всеобщая подача голосовъ вывела на сцену, благодаря коалиціи различныхъ побѣжденныхъ партій, собраніе враждебное принципу, въ силу котораго оно было созвано; духъ реакціи былъ ободренъ недолговѣчностью правительства и его недовѣріемъ къ самому себѣ, а избранники народной площади, въ виду этого духа реакціи, заранѣе обезоружили себя... Все это я предчувствовалъ и все это дѣйствительно осуществилось!

Да, заявляя это, не колеблясь, я желалъ, чтобы Временное

Правительство съ перваго же дня своего существованія поставило себѣ очень высокія задачи и окружило себя силой, соотвѣтствующей такимъ обязанностямъ.

Къ тому же, въ жизни народовъ бываютъ исключительные моменты, въ умѣніи уловить которые и заключается инстинктъ государственнаго человѣка. Замѣна Французскаго банка банкомъ національнымъ, пріобрѣтеніе государствомъ желѣзныхъ дорогъ, объединеніе страхованій въ одномъ національномъ учрежденіи, образованіе бюджета работниковъ, созданіе министерства труда, сколько вещей, бывшихъ легкими въ то время, а впослѣдствіи, хотя и ошибочно, но съ успѣхомъ объявленныхъ неосуществимыми!

По всему этому можно судить, сколь важнымъ являлся вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли поспѣшить съ выборами или отложить ихъ.

Оказалось, что въ этомъ случаѣ мое мнѣніе совпало съ настроеніемъ парижскаго народа.

Внезапно призванные пользоваться столь новымъ для нихъ избирательнымъ правомъ, рабочіе не захотѣли импровизировать свое спасеніе. Имъ нужно было разобраться въ положеніи; они попросили, чтобы имъ дали время на это и возможность столковаться между собой относительно кандидатуръ.

Это желаніе, разожженное въ нихъ вожаками клубовъ, было столь же законно, какъ и разумно. Они были неправы лишь въ томъ отношеніи, что, при выборѣ срока, недостаточно приняли въ разсчетъ положеніе провинцій, рѣзко отличавшееся отъ положенія Парижа. Они стали настаивать на отсрочкѣ приблизительно на одинъ мѣсяцъ; это было слишкомъ много, или слишкомъ мало. Очевидно, слѣдовало либо немедленно приступить къ выборамъ, чтобы воспользоваться февральскимъ революціоннымъ подъемомъ духа, либо отложить ихъ на достаточно отдаленное время для того, чтобы Временное Правительство пріучило общественное мнѣніе лучше понимать республиканскій режимъ, чувствовать его прочность, цѣнить его благодѣянія. Выбрать средній срокъ значило дать побѣжден-

нымъ партіямъ время поднять голову, не удержавъ за собой силы, съ помощью которой можно было бы справиться съ ними.

Какъ бы то ни было, я узналъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, за нѣсколько дней до 17-го марта, что парижскій народъ приготовляетъ величественную манифестацію съ двойной цѣлью добиться отсрочки выборовъ, какъ національной гвардіи, такъ и членовъ Учредительнаго Собранія, и удаленія войскъ, которыя еще находились въ Парижѣ.

Во всемъ этомъ не было ничего, что не согласовалось бы съ моими завѣтнѣйшими убѣжденіями. Отсрочки выборовъ, помимо вопроса о срокѣ, я пламенно желалъ по причинамъ, уже упомянутымъ. Что касается до удаленія войскъ, то я всегда думалъ, что присутствіе арміи въ непограничныхъ городахъ и, особенно, въ Парижѣ является одной изъ серьезнѣйшихъ опасностей, какой только можетъ подвергаться свобода. Это настолько вѣрно, что наканунѣ февральской революціи я составилъ, въ качествѣ члена одного политическаго собранія, въ которомъ я принималъ участіе, протестъ противъ употребленія солдатъ въ подавленіи гражданскихъ безпорядковъ. Я привелъ его выше (см. главу вторую).

Мнѣ оставалось, слѣдовательно, лишь привѣтствовать двойную цѣль манифестаціи 17-го марта. Но, признаюсь, идея самой манифестаціи испугала меня. Мнѣ трудно было допустить—за эти опасенія я былъ затѣмъ наказанъ... исполнившимъ меня радости благоразуміемъ народа,—чтобы болѣе ста пятидесяти тысячъ рабочихъ прошло черезъ весь Парижъ, не произведя въ немъ ни малѣйшаго волненія, не вызвавъ никакого безпорядка. Но какъ было предупредить возвѣщенную манифестацію? Даровавъ народу то, чего онъ, по моему мнѣнію, имѣлъ основаніе требовать, этого-то мы, т. е. Альберъ и я, и стали добиваться.

Къ несчастію, наши товарищи забрали себѣ въ голову, что предостереженія наши проистекаютъ, главнымъ образомъ, изъ желанія оказать давленіе на пренія Совѣта и угрозами увлечь его за собой.

Въ совѣщаніи, состоявшемся однажды вечеромъ въ Маломъ

Люксембургскомъ дворцѣ, на которое были приглашены гг. Куртэ и Бенаръ, начальники національной гвардіи, я добросовѣстно сообщилъ все, что зналъ. Народъ долженъ былъ массой явиться къ Ратушѣ, чтобы добиться отсрочки выборовъ. Не представляетъ ли опасности такое народное движеніе? До сихъ поръ Парижъ, революціонный Парижъ, поражалъ всѣхъ величественной тишиной и могущественнымъ спокойствіемъ: не обязаны ли мы позаботиться о томъ, чтобы онъ до конца остался вѣренъ столь благородному поведенію? Если правда, что невѣдомые агитаторы собираются произвести бурю съ помощью толпы, приведенной въ движеніе, то подобные проекты не трудно разстроить. Кто предупреждаетъ народныя желанія, не рискуетъ быть вынужденнымъ повиноваться имъ. Конечно, намъ не надлежало преклоняться заранѣе передъ этими желаніями, каковы бы они ни были: бываютъ обстоятельства, при которыхъ правительство, не умѣющее сопротивляться желаніямъ народа, измѣняетъ этому народу. Но если, по отношенію къ инымъ несправедливымъ требованіямъ, хорошіе люди должны предпочесть верховенство своей совѣсти верховенству народа, зачѣмъ они стали бы колебаться тамъ, гдѣ имъ предъявляются требованія законныя? Не лучше ли сдѣлать до манифестаціи, для того, чтобы предотвратить опасность, то, что намъ придется сдѣлать потомъ для пресѣченія послѣдней? Достоинство правительства согласовалось здѣсь съ его благоразуміемъ.

Къ этимъ соображеніямъ присоединялись другія, говорить о которыхъ запрещало мнѣ чувство приличія.

Въ настоящее время нѣтъ надобности скрывать того факта, что между членами Временнаго правительства существовали серьезныя разногласія. Но разногласія, которыя, съ точки зрѣнія единства дѣйствія, сдѣлали бы изъ этого правительства весьма дурную власть, составляли его оригинальность въ роли переходнаго правительства, которому поручено было оберегать мѣсто верховной власти. Да, самая разнородность элементовъ, изъ которыхъ оно состояло, могла содѣйствовать спасенію положенія, потому что она клонилась къ поддержанію равновѣсія между различными об-

щественными силами. Такъ напр., прошлое г-на де Ламартина давало послѣднему возможность увлечь на путь прогресса наиболѣе неподвижную часть націи, тогда какъ я обязанъ былъ хорошо извѣстному характеру моихъ идей успокоительнымъ вліяніемъ на рабочій классъ. Вотъ почему я могъ сказать однажды г-ну де Ламартину: „Мы очутились оба въ томъ странномъ положеніи, что вы отвѣтственны за прогрессъ, а я—за порядокъ“.

По этимъ причинамъ я считалъ необходимымъ, чтобы Временное Правительство, если оно должно было продолжать считаться таковымъ, сохранялось въ своей цѣлости. Дотронуться до него не значило ли пробить брешь, черезъ которую устремились бы къ власти, трепеща отъ нетерпѣнія, всѣ алчные честолюбцы? Вотъ одно изъ соображеній, боровшихся въ моемъ умѣ съ мыслью о возвѣщенной манифестаціи; я боялся, безкорыстно, но по зрѣломъ размышленіи, чтобы ею не воспользовались для того, чтобы низвергнуть нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей.

Легко догадаться, что я испыталъ, когда мои заключенія были отвергнуты подъ вліяніемъ чувства недовѣрія, столь мало мною заслуженнаго. Глубоко оскорбленный я всталъ и заявилъ, что перестаю быть членомъ Временнаго Правительства. Альберъ, съ своей стороны, бурно поднялся, и мы уже выходили изъ залы Совѣта, когда, охваченные безпокойствомъ, дѣлавшимъ имъ честь, товарищи наши позвали и удержали насъ. Г. Ледрю-Ролленъ сейчасъ же съ живостью заговорилъ о томъ, что въ концѣ концовъ не было надобности назначать сейчасъ же опредѣленный моментъ для выборовъ, что для этого нужно было сначала продѣлать матеріальную работу, что эта работа не была кончена; что необходимыя свѣдѣнія, ожидавшіяся изъ провинціи, еще не пришли. Это открывало намъ всѣмъ выходъ: вопросъ снова остался нерѣшеннымъ.

Между тѣмъ, народъ продолжалъ волноваться. Такъ какъ, благодаря делегатамъ корпорацій, Люксембургское собраніе сдѣлалось какъ-бы звучнымъ эхомъ, разносившимъ по всему Парижу гласъ велій предмѣстій, то я узналъ, что это волненіе имѣло

особенно серьезный и торжественный характеръ. 16-го марта упраздненіе избранныхъ ротъ національной гвардіи вызвало съ ихъ стороны демонстрацію столь же безплодную, сколь и неосторожную; Парижъ пришелъ въ смятеніе, и мои страхи усилились. Инціатива манифестаціи исходила изъ корпорацій, а не изъ клубовъ [1]). Я поспѣшилъ позвать въ Люксембургскій дворецъ, утромъ 17-го марта, рабочихъ, о которыхъ зналъ, что они имѣютъ вліяніе на своихъ товарищей. „Движеніе начато, сказали они мнѣ, оно сдѣлалось непреоборимымъ“. Тогда я сталъ увѣщевать ихъ воздерживаться отъ всякаго вызывающаго крика, самимъ сдерживать всякое опасное увлеченіе, словомъ, повести манифестацію такимъ образомъ, чтобы она навсегда сдѣлала честь народному благоразумію. Они обѣщали мнѣ это съ такимъ убѣжденіемъ, что ихъ увѣренность сообщалась мнѣ, и, почти совершенно успокоенный, я отправился къ своимъ товарищамъ въ Ратушу.

Тамъ уже была извѣстна новость дня. Но такъ какъ мои коллеги не хотѣли сознаться самимъ себѣ въ томъ, что они были неправы, недовѣрчиво отнесясь къ предостереженіямъ Альбера и моимъ, то они старались вѣрить или дѣлали видъ, что вѣрятъ, будто дѣло идетъ о простой манифестаціи рабочихъ противъ угрозъ избранныхъ ротъ: легкомысленное толкованіе, которое блистательно опровергли сами рабочіе обдуманнымъ порядкомъ своего шествія и самими выраженіями поданной ими петиціи!

Мы ждали... Вдругъ на одномъ изъ концовъ Гревской площади показалась темная и сплоченная масса. Это были корпораціи. Раздѣленныя одна отъ другой равными промежутками и предшествуемыя своими различными знаменами, онѣ подвигались торжественно, безмолвно, соблюдая порядокъ и дисциплину настоящей арміи. Да, это, дѣйствительно, была прекрасная и доблестная армія! Но, вмѣсто смерти, она несла въ своихъ нѣдрахъ трудъ, источникъ жизни; и развертывая подъ лучами солнца республики свои мирные батальоны, она шла съ руками свободными отъ тя-

[1]) См. „Gazette des Tribunaux“, отъ 24-го марта 1849 г. Буржскій процессъ, показаніе Лавуа, люксембургскаго делегата.

жести мечей и поднявъ взоры къ небу. Глаза мои наполнились слезами, и, вспомнивъ о своихъ опасеніяхъ, я попросилъ въ своемъ взволнованномъ сердцѣ прощеніе за нихъ у народа.

Радость эта омрачилась, между тѣмъ, мимолетнымъ облакомъ. Послѣ того какъ делегаты вошли въ Ратушу и одинъ изъ нихъ, гражданинъ Жераръ, прочелъ петицію, требовавшую, отъ имени парижскаго народа, удаленія войскъ, отсрочки выборовъ національной гвардіи до 5-го апрѣля, а выборовъ въ Собраніе до 31-го мая [1]), я замѣтилъ среди присутствовавшихъ незнакомыя лица, въ выраженіи которыхъ было что-то угрожающее. Я сейчасъ же понялъ, что къ движенію примѣшались посторонніе корпораціямъ люди и что выдававшіе себя за делегатовъ толпы не всѣ были ими въ дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, въ одинаковомъ смыслѣ слова. Желаніе корпорацій было выражено петиціей; но здѣсь были люди нетерпѣливо желавшіе опрокинуть въ пользу взглядовъ, представителями которыхъ были Ледрю-Ролленъ, Флоконъ, Альберъ и я, тѣхъ членовъ Временнаго Правительства, которые держались противоположныхъ мнѣній. Что-то будетъ? Положеніе было критическое. Стоило какому-нибудь смѣлому человѣку открыть въ эту минуту окно Ратуши и крикнуть толпѣ, покрывавшей Гревскую площадь: „Ваши требованія отвергнуты, вашихъ делегатовъ оскорбляютъ“, и все, можетъ быть, было бы кончено! Кто знаетъ, какія несчастія могли бы произойти отъ внезапнаго призыва къ всемогущему гнѣву обманутаго народа? Каковы были бы послѣдствія зажженнаго такимъ образомъ пожара? Гдѣ бы онъ остановился? и какую страшную отвѣтственность приписали бы мнѣ окружавшія меня лица, которыя подозрѣвали меня въ стремленіи къ диктатурѣ и могли теперь сослаться на присутствіе люксембургскихъ делегатовъ во главѣ движенія! Я почувствовалъ, что особенность моего положенія въ этомъ кризисѣ требуетъ, чтобы я заговорилъ первый, и я выступилъ впередъ со словами [2]): „Граждане, республиканское правительство основано на общественномъ

---

[1]) См. „le Moniteur“, отъ 18-го марта 1848 г.

[2]) См. „le Moniteur“, отъ 18-го марта 1848 года.

мнѣніи, оно этого никогда не забудетъ. Мы знаемъ, что наша сила въ народѣ; наша воля всегда должна согласоваться съ его волей. Мы васъ благодаримъ за обращенныя къ намъ слова, исполненныя симпатіи и преданности. Временное Правительство заслуживаетъ ихъ за свое мужество, за свое твердое желаніе служить народному благу съ помощью народа и опираясь на него. Выраженное вами уваженіе къ порядку освящаетъ свободу во Франціи. Нужно, чтобы сила народа проявлялась въ спокойной формѣ: спокойствіе есть величіе силы. Вы выразили намъ желанія, обсужденіемъ которыхъ мы займемся. Вы сами не захотѣли бы, граждане, чтобы правительство, призванное быть вашимъ представителемъ, уступило угрозѣ". И я закончилъ заявленіемъ, что мы отнесемся съ совершенно особымъ вниманіемъ къ выраженнымъ требованіямъ, не отказываясь отъ свободы и человѣческаго достоинства.

Такимъ образомъ, рискуя погибнуть вмѣстѣ съ ними, я взялся защищать дѣло тѣхъ изъ моихъ товарищей, которые были мнѣ наиболѣе враждебны. Мои слова были очень благопріятно встрѣчены представителями корпорацій; но экзальтированные люди, присоединившіеся къ рабочимъ, обнаружили мрачное неудовольствіе. Я сказалъ, что мы сумѣемъ умереть за народъ въ случаѣ надобности. Раздался рѣзкій голосъ: „Будьте увѣрены, что и рабочій народъ съ своей стороны умретъ за васъ, *разумѣется если вы будете защищать его права*" [1]). Я повторилъ свое предыдущее заявленіе и прибавилъ: „Дайте намъ обсудить дѣло, дабы не было сказано, что республиканское правительство принимаетъ рѣшенія подъ давленіемъ угрозы. Представителямъ привилегій позволительно было питать страхъ, намъ это не позволено, ибо мы ваши представители, и, соблюдая свое достоинство, мы соблюдаемъ ваше" [2]). „Мы не выйдемъ отсюда, пока не получимъ отвѣта, который мы должны передать народу!" сказалъ съ запальчивостью одинъ изъ присутствовавшихъ. Но граждане Собріе и Кабэ поспѣшили по-

---

[1]) См. „le Moniteur", отъ 18-го марта 1848 года.
[2]) Ibid.

крыть этотъ повелительный голосъ словами, дышавшими умѣренностью, благоразуміемъ и самымъ оптимистическимъ патріотизмомъ.

Затѣмъ, одинъ за другимъ, говорили г.г. Ледрю-Ролленъ и Ламортинъ: первый обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на то, что Франція состоитъ не изъ однихъ жителей Парижа, но изъ совокупности гражданъ, и что, прежде чѣмъ назначить день для выборовъ, необходимо узнать желаніе провинціи; второй протестовалъ противъ опасенія, выраженнаго въ требованіи удаленія войскъ. „Въ Парижѣ, сказалъ онъ, нѣтъ войскъ, если не считать 1.500 или можетъ быть 2.000 человѣкъ, разставленныхъ на внѣшнихъ постахъ для охраны воротъ и желѣзныхъ дорогъ, и неправда, что правительство собиралось придвинуть войска къ Парижу. Послѣ того, что произошло, послѣ того какъ на глазахъ павшей монархіи 80.000 солдатъ растаяло передъ безоружнымъ парижскимъ народомъ, оно было бы безумно, если бы воображало, что можно навязать народу, съ помощью нѣсколькихъ разбросанныхъ тамъ и сямъ и одушевленныхъ тѣми же республиканскими чувствами отрядовъ, волю противную вашей волѣ и вашей независимости! Мы объ этомъ не помышляли, не помышляемъ и никогда не станемъ помышлять... Внутри страны республика не хочетъ имѣть иного защитника, кромѣ вооруженнаго народа“ [1]).

Тѣ, которые доходили до желанія низвергнуть часть Временнаго Правительства, хранили молчаніе; другіе стали апплодировать и депутація собиралась удалиться, когда съ Гревской площади донесся страшный шумъ. Народъ хотѣлъ видѣть членовъ республиканскаго правительства: мы спустились внизъ, чтобы удовлетворить это желаніе. Въ ту минуту, когда мы проталкивались сквозь толпу, скучившуюся на лѣстницахъ Ратуши, человѣкъ съ энергическими тѣлодвиженіями и горящими глазами, озарявшими его необыкновенно блѣдное лицо, быстро подскочилъ ко мнѣ, и, гнѣвно схвативъ меня за руку, воскликнулъ: „Ты, стало быть, тоже измѣнникъ“? Ибо были люди, вмѣнявшіе мнѣ въ престу-

---

[1]) См. „le Moniteur“, отъ 18-го марта 1848 года.

пленіе то, что я не пользовался случаемъ, чтобы свергнуть своихъ коллегъ, въ то время какъ другіе обвиняли меня въ томъ, что я хотѣлъ, на развалинахъ власти этихъ самыхъ коллегъ, утвердить и расширить свою собственную власть! При мысли объ этой несправедливости страстей, я не могъ удержаться отъ горькой улыбки и не произнесъ ни слова. Когда мы дошли до эстрады, поставленной у центральныхъ дверей Ратуши, я обратился къ корпораціямъ, прося ихъ удалиться въ полномъ порядкѣ [1]). Онѣ отвѣтили живымъ выраженіемъ согласія и тотчасъ же, тронувшись съ мѣста, направились съ удивительной торжественностью черезъ удивленный и безмолвный городъ, къ Бастильской колоннѣ. Шествіе продолжалось нѣсколько часовъ, и послѣдніе изъ ста пятидесяти тысячъ человѣкъ прошли, какъ свидѣтельствуетъ „Moniteur", передъ фасадомъ Ратуши въ 5 часовъ по-полудни.

---

¹) См. „le Moniteur", отъ 18-го марта 1848 года.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Фальшивая тревога.

Отвѣтъ на безразсудные упреки.—Историческая оцѣнка дня 17-го марта.—Что должно было сдѣлать правительство.—Что оно сдѣлало.—Съ чьей помощью оно это сдѣлало.—Впечатлѣніе, произведенное днемъ 17-го марта на членовъ большинства Совѣта и, въ особенности, на г-на Ламартина.—Манифестація 16-го апрѣля.—Ея причины и ея характеръ.—Ее заранѣе изображаютъ, какъ коммунистическій заговоръ, руководимый гг. Кабэ и Бланки.—Нелѣпость этой басни.—Г-нъ Кабэ осуждаетъ всякое употребленіе насилія.—Къ г-ну Бланки въ то время относилась подозрительно его собственная партія.—Тѣмъ не менѣе, Ратуша обращается въ укрѣпленное мѣсто.—Г-нъ Ледрю-Ролленъ, введенный въ обманъ, приказываетъ бить сборъ національной гвардіи.—Позднѣе судебное слѣдствіе показываетъ, что заговора не существовало.—Намѣренное распространеніе тревожныхъ слуховъ.—Корпораціи приходятъ на Гревскую площадь.—Ихъ негодованіе при видѣ щетины штыковъ, покрывающей площадь.—Моя рѣчь къ делегатамъ.—Корпораціи дефилируютъ между рядами національной гвардіи.—Роль тайной полиціи въ этотъ день.—Протесты делегатовъ противъ возмутительныхъ подозрѣній, вызванныхъ ихъ манифестаціей.—Поведеніе Временнаго правительства послѣ 16-го апрѣля.—Тайное свиданія г-на Ламартина съ г-мъ Бланки наканунѣ манифестаціи.

Въ книгѣ, изданной подъ заглавіемъ: *Исповѣдь революціонера* и представляющей собой нѣчто въ родѣ вавилонскаго столпотворенія, гдѣ автору достаточно одного голоса, его собственнаго, чтобы явить намъ зрѣлище смѣшенія языковъ, г. Прудонъ упрекнулъ меня, какъ въ очевидномъ противорѣчіи, въ томъ, что я вѣрилъ въ необходимость диктаторской власти, а между тѣмъ не воспользовался манифестаціей 17-го марта для того, чтобы опрокинуть тѣхъ изъ моихъ товарищей, которые отвергали эту диктаторскую власть.

Существовало бы, дѣйствительно, противорѣчіе между моей

мыслью и моимъ поведеніемъ, если бы, съ одной стороны, достаточно было арестовать большинство членовъ Совѣта, чтобы свергнуть его, не производя всеобщаго пожара, и если бы, съ другой стороны, мнѣ было доказано, что, опрокинувъ большинство Совѣта, я при данныхъ обстоятельствахъ, спасъ бы республику.

Но даже и теперь, при печальномъ свѣтѣ послѣдующихъ событій, которыхъ тогда невозможно было предвидѣть, я утверждаю, что опрокинуть 17-го марта большинство Временнаго правительства значило поставить на карту не только тысячи головъ, но и судьбы республики.

Прежде всего, если что-нибудь несомнѣнно на свѣтѣ, такъ это то, что рѣшающія причины манифестаціи 17-го марта въ умѣ громадной толпы, которая ее произвела, были тѣ, которыя я указалъ: другихъ причинъ не было. Утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Прудонъ, что въ глазахъ народа удаленіе войскъ означало обезсиленіе правительства, значитъ противорѣчить истинѣ. Народъ не только не хотѣлъ смерти Временнаго правительства, но желалъ, чтобы оно было дѣятельно, полно жизни; онъ только о томъ и думалъ, какъ бы подтолкнуть его впередъ. Если онъ требовалъ удаленія войскъ, то это для того, чтобы отнять у правительства возможность дѣлать зло, а не для того, чтобы сдѣлать его безсильнымъ въ осуществленіи добра. Я также хотѣлъ удаленія войскъ, что не мѣшало мнѣ кричать: Скорѣе! Будемъ спѣшить! Воспользуемся властью, ввѣренной намъ народомъ, и пусть наша дѣятельность будетъ плодотворна; пусть наша смѣлая иниціатива закрѣпитъ республику на-вѣки на ея истинныхъ основаніяхъ! Кто правитъ съ помощью идей, тотъ избавляется отъ необходимости править съ помощью солдатъ!

Тому, кто судитъ о событіяхъ заднимъ числомъ и изъ глубины своего кабинета, тому, кто не отвѣчаетъ за каждое изъ своихъ рѣшеній передъ своей страной, передъ исторіей, передъ собственнымъ сердцемъ, легко и удобно воскликнуть: „я выбросилъ бы моихъ товарищей за окна Ратуши и тѣмъ спасъ бы республику!“

Погодите минуточку, пожалуйста! Не будемъ такъ спѣшить и сперва поразмыслимъ!

Не пользовался ли тогда г. де Ламартинъ, котораго, въ этомъ случаѣ, слѣдовало бы перваго устранить, блестящей популярностью, правда, не среди нѣсколькихъ клубовъ, но за то среди массъ? А присутствіе во временномъ правительствѣ господъ Мари, Гарнье-Пажеса, Марраста? Не было ли оно единственнымъ рычагомъ, съ помощью котораго, хотя и съ трудомъ, намъ удавалось склонять буржуазію на сторону республики? Въ тотъ день, когда были бы, насильственнымъ образомъ, изгнаны изъ Ратуши представители этой самой буржуазіи, не перешла ли бы она отъ страха къ отчаянію? Можно ли быть увѣреннымъ, что отчаяніе не повело бы къ гражданской войнѣ? Можно ли быть увѣреннымъ, что республика долго протянула бы свое существованіе, разъ попавъ ногами въ кровь? Зачѣмъ таить правду? Большая часть департаментовъ въ 1848 г. была еще на сторонѣ монархіи, на нихъ нашло нѣчто въ родѣ столбняка, когда они узнали о провозглашеніи республики. Они скорѣй покорились ей, чѣмъ встрѣтили ее привѣтственными кликами. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвело бы на провинцію, находившуюся въ этомъ настроеніи, извѣстіе о томъ, что существованіе республики, провозглашенной нѣсколько дней передъ тѣмъ, снова стало спорнымъ и что въ Парижѣ сражаются? Очевидно, гражданская война при такихъ обстоятельствахъ была бы смертельно-опаснымъ испытаніемъ для новаго режима.

Я знаю, что этому гибельному испытанію республика позднѣе подверглась. Но не будемъ забывать, что ужасными іюньскими днями было чревато 16-е апрѣля. А какимъ образомъ могъ я предвидѣть, что, по недоразумѣнію на всегда прискорбному, приказаніе бить сборъ противъ повторенія манифестаціи 17-го марта будетъ дано министромъ внутреннихъ дѣлъ? Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что іюньское сраженіе произошло лишь послѣ того, какъ восторжествовала всеобщая подача голосовъ и послѣ оффиціальнаго и торжественнаго провозглашенія республики Національнымъ

собраніемъ. Такъ что въ іюнѣ мѣсяцѣ гражданская война лишь временно побѣдила соціализмъ, обнаруживъ при этомъ его могущество, между тѣмъ какъ въ мартѣ гражданская война, по всему вѣроятію, задушила бы республику въ ея колыбели.

Теперь сдѣлаемъ самое благопріятное предположеніе; допустимъ, что, на слѣдующій день послѣ сверженія правительственнаго большинства, буржуазія была бы обуздана собственнымъ страхомъ; во всякомъ случаѣ, торговлѣ былъ бы нанесенъ смертельный ударъ; капиталы, которые и безъ того уже охотно прятались, разбѣжались бы во всѣ стороны; мастерскія стали бы закрываться одна за другой; послѣдовала бы всеобщая, глубокая пертурбація, послѣдствія которой невозможно было предвидѣть. А толпа голодныхъ все росла, она вздымалась, какъ море! Чтобы побѣдить кризисъ, что оставалось сдѣлать? Перевернуть общество вверхъ дномъ путемъ насилія, пріемъ, о которомъ я будто бы мечталъ по несправедливому обвиненію, взводимому на меня г-номъ Прудономъ, и который внушаетъ ему отвращеніе? Не нужно ли было удержать внутри страны капиталы путемъ декретовъ, подвергнуть границы надзору, обыскать дома, возстановить максимумъ, составить опись всѣхъ частныхъ состояній, воскресить терроръ и, въ случаѣ слишкомъ энергическаго сопротивленія, вновь воздвигнуть эшафотъ, который мы только что развалили?

Но это еще не все. Что за правительство, въ пользу какихъ именно идей, съ какой вѣроятностью успѣха, сдѣлало бы все это? На мѣста, оставшіяся незанятыми вслѣдствіе низложенія большинства Совѣта, развѣ не явились бы кандидаты? Первое измѣненіе состава Временнаго правительства не послужило ли бы поощреніемъ для честолюбцевъ, которые захотѣли бы измѣнить его во второй, въ третій разъ, такъ что брешь постоянно оставалась бы открытой? Всѣмъ безъ исключенія членамъ демократической партіи, извѣстно, какъ глубоки были въ то время несогласія между нѣсколькими лицами, которыя могли поставить свою кандидатуру на мѣста членовъ правительства, опираясь на почти одинаковыя права и заслуги; возможно ли было имъ столковаться, столко-

ваться безъ всякаго промедленія,—положеніе не терпѣло,—столковаться въ тотъ же день, въ тотъ-же часъ, передъ возмущенной буржуазіей, передъ взволнованнымъ народомъ, въ самомъ разгарѣ бурно клокотавшихъ страстей, столковаться, несмотря на неизбѣжныя соперничества между клубами, среди страшнаго смятенія, вызваннаго этимъ подражаніемъ фрюктидорскому перевороту?

О, нѣтъ, не революціонной смѣлости мнѣ недостаетъ, когда она мнѣ кажется плодотворной; я это достаточно доказалъ въ Люксембургской комиссіи и, если кто въ этомъ сомнѣвается, то пусть обратится за свѣдѣніями къ моимъ многочисленнымъ врагамъ: ихъ ненависть, въ этомъ отношеніи, отдала мнѣ справедливость! Но сдѣлать сызнова все спорнымъ, прибѣгнувъ къ насильственному перевороту, въ которомъ одни увидѣли бы предательство съ моей стороны, а другіе преступленіе обезумѣвшаго честолюбія; доказать внимательно слѣдящимъ за событіями департаментамъ, что ихъ не обманывали, запугивая ихъ буйной неустойчивостью всякаго республиканскаго правленія; пойти навстрѣчу новому 93-му году съ развязкой въ видѣ Имперіи, не будучи къ тому принужденнымъ, какъ Робеспьеръ, котораго гналъ по этому пути фатумъ; предоставить, наконецъ, мою страну на произволъ бурь и отказаться отъ этой великой, отъ этой удивительной новины: громадной и мирной революціи... упрекать меня за то, что я побоялся этого — значитъ упрекать меня за то, что я не былъ безумцемъ!

Единственная политика, сообразная съ положеніемъ, единственная благоразумная и энергическая политика была та, которой слѣдовало меньшинство Совѣта и которая состояла въ томъ, чтобы, пользуясь толчкомъ полученнымъ колеблющимися душами, дѣлать революціонную работу вмѣстѣ съ членами большинства и посредствомъ ихъ, хотя и противъ ихъ воли. Пусть мнѣ не возражаютъ, указывая на трудность такого предпріятія. Факты отвѣчаютъ на это возраженіе. Не добились ли мы послѣдовательно провозглашенія республики, всеобщей подачи голосовъ, формальнаго признанія права на трудъ, учрежденія, самимъ правитель-

ствомъ, цѣлой системы соціалистической пропаганды? А что говорила противореволюціонная часть націи при чтеніи каждаго декрета, являвшагося шагомъ по направленію къ будущему строю? „Видно, эта мѣра дѣйствительно необходима, если ея необходимость признана такими людьми, какъ гг. Маррастъ и Мари“. Вотъ, что она говорила и поэтому покорялась, а революція шла своей дорогой, увлекая за собой торжествующей колесницей своихъ умолкнувшихъ враговъ.

Именно поэтому день 17-го марта былъ крупнымъ историческимъ событіемъ. Онъ намъ далъ, въ противовѣсъ численному превосходству нашихъ противниковъ въ Совѣтѣ, нравственный авторитетъ, вліяніе котораго клонилось къ тому, чтобы революція вполнѣ захватила дѣла въ свои руки. И я не сомнѣваюсь, что, не будь событій 16-го апрѣля, вещи сложились бы совершенно иначе. Но 16-е апрѣля!... Пусть вспомнятъ, какое обстоятельство оказало рѣшающее вліяніе на исходъ событій этого дня и пусть мнѣ докажутъ, что была логическая возможность предвидѣть такую катастрофу!

Послѣ этого, что думать о г-нѣ Прудонѣ, когда, совершенно серьезно, онъ называетъ 17-е марта *реакціей Луи Блана?* Подобныя ребяческія выходки ниже всякой критики: я не стану на нихъ останавливаться. 17-е марта было дѣломъ народа. Да умолкнутъ клеветники!

Что касается до послѣдствій 17-го марта, то нужно признать ихъ счастливыми и согласиться, что они имѣли рѣшающее значеніе; по этому поводу слѣдуетъ разъ навсегда отвѣтить на нападки, ежедневно направляемые противъ дѣятельности Временнаго правительства, какъ врагами революціи, такъ и ея ложными друзьями.

Плачевна была судьба, которую сумѣли пріуготовить республикѣ, неправда ли? Основатели республики—въ тюрьмѣ или въ изгнаніи, интриганы и измѣнники—на почетныхъ мѣстахъ, вчерашніе бѣглецы,—съ дикими завываніями призывающіе себѣ на помощь гражданскую войну; издѣвательства надъ голодомъ и отрицаніе его существованія, пока онъ умоляетъ, а, когда онъ раздражается—

угроза пустить въ ходъ противъ него оружіе; наконецъ, партіи, измѣряющія одна другую глазами и задыхающіяся отъ ненависти: вотъ какая картина развернулась въ концѣ концовъ передъ нашими глазами.

Такъ что же? Я утверждаю, что все это служитъ только къ славѣ истинныхъ республиканцевъ, которымъ народъ ввѣрилъ въ февралѣ дѣло революціи; не только потому, что это ужасное положеніе водворилось съ того дня, когда они были устранены отъ власти нетолько потому что оно было дѣломъ ихъ злѣйшихъ враговъ, но также потому, что оно показываетъ, какія безчисленныя препятствія прежнее общественное устройство противопоставляло новому режиму и какія успѣшныя усилія нужны были для того, чтобы, несмотря на эти препятствія, установить республику, привести въ движеніе всеобщую подачу голосовъ, провозгласить права труда, измѣнить девизъ Франціи и двухмѣсячной работой приблизить, можетъ быть, на полвѣка наступленіе царства справедливости.

Я вижу, какъ протестуютъ противъ моихъ словъ хулители революціи, я слышу ихъ возгласы... Пускай себѣ! Не для нихъ я пишу. Я пишу для людей прозорливыхъ, а не для добровольныхъ слѣпыхъ, для тѣхъ, которые твердой поступью идутъ навстрѣчу восходящему солнцу, а не для фанатическихъ поклонниковъ мрака, съежившихся вокругъ развалинъ прошлаго; я пишу для жизни, а не для смерти.

Да, я не боюсь это предсказывать: мѣсяцы мартъ и апрѣль 1848 года будутъ однимъ изъ предметовъ удивленія исторіи. Да, когда, спустя нѣкоторое время, будутъ вспоминать о томъ обществѣ, которое было завѣщано февральской революціи полувѣкомъ монархическаго развращенія, и о тѣхъ вещахъ, которыя сдѣлало Временное правительство, то онѣ будутъ казаться одва заслуживающими вѣроятія.

Въ самомъ дѣлѣ, существовали ли когда либо элементы болѣе непокорные, чѣмъ тѣ, съ которыми пришлось имѣть дѣло республиканскому правительству въ февралѣ? Помимо народа большихъ

городовъ, столь занятаго мыслью о будущемъ обществѣ и столь смышленнаго, гдѣ было найти Францію? Въ классахъ, возвышавшихся надъ этимъ народомъ, существовала-ли, хотѣлъ-бы я знать, другая страсть, кромѣ страсти къ золоту? Въ царствованіе Луи-Филиппа грубая и безграничная жажда матеріальнаго благосостоянія, меркантильный духъ въ своихъ самыхъ низменныхъ формахъ, тщеславіе въ своихъ самыхъ узкихъ проявленіяхъ, побѣдоносно, заняли мѣсто всякой сильной мысли, всякаго благороднаго стремленія, всякаго порыва законной гордости и самоотверженія. Сама буржуазія стала тревожиться по поводу этой испорченности, которой она была насквозь проникнута. Прибавьте къ этому отсутствіе настоящаго общественнаго воспитанія, господство монархическихъ предразсудковъ среди $^4/_5$ націи, умственную ночь, окутывавшую деревни, численную слабость республиканской партіи, воспоминанія о 93-мъ годѣ, лицемѣрно выставляющіяся на видъ реакціонерами и рисовавшія, въ испуганномъ воображеніи многихъ людей, образъ республики въ кровавыхъ чертахъ: передъ вашими глазами будетъ вѣрная картина общества, которое мы должны были направить на болѣе высокіе пути.

Между тѣмъ, вотъ, что было сдѣлано въ два мѣсяца:

Была освящена республика, т. е. единственная форма правленія, достойная совершеннолѣтняго народа.

Народъ былъ признанъ самодержавнымъ, и верховная власть была ему вручена въ видѣ всеобщей подачи голосовъ.

Неприкосновенность человѣческой жизни была во всеуслышаніе провозглашена; во имя цивилизаціи, правительство отказалось отъ палача; рабство чернокожихъ было уничтожено.

Декретъ, забытый въ знаменитую ночь 4-го августа, объявилъ дворянскіе титулы уничтоженными и стеръ послѣдніе слѣды аристократіи.

Заключеніе за долги было отмѣнено, какъ безпрерывное принесеніе человѣческой свободы въ жертву могуществу денегъ, причемъ опустѣвшія вслѣдствіе этого тюрьмы были обращены въ мастерскія.

Признаніе права на трудъ, одно изъ священнѣйшихъ правъ человѣка, явилось предвѣстіемъ паденія тираніи денегъ.

Сокращеніе часовъ физическаго труда, декретированное по требованію бѣдняковъ, торжественно подтвердило присущее всякому человѣческому существу право жить жизнью ума и жизнью сердца.

Формула изъ трехъ лучезарныхъ, предрекающихъ и заключающихъ въ себѣ все будущее, была начертана золотыми буквами на національныхъ памятникахъ и на знаменахъ отечества, и, дабы запечатлѣть ее въ сердцахъ, евангеліе равенства,—неслыханная новость!—стала проповѣдывать сама власть.

Неужели же все это не имѣло никакого значенія?

А теперь пусть подумаютъ о томъ, какими рессурсами мы могли располагать и какія средства были нами пущены въ ходъ. Посмотримъ!

Гдѣ были наши пушки, наши солдаты, наши жандармы и наши судьи въ красныхъ мантіяхъ? Пусть назовутъ хоть одно лицо, которое бы мы арестовали за эти два мѣсяца, хоть одно жилище, въ которое бы мы ворвались, газету, которую бы мы пріостановили, оскорбленіе, за которое бы мы отомстили, голосъ, клеветавшій на насъ, который бы мы заставили умолкнуть, какую-нибудь свободу, которую бы мы отняли, насиліе, которое бы мы употребили или допустили, мать, которая могла бы требовать отъ насъ своего сына, сосланнаго на каторгу или безчеловѣчно умерщвленнаго на другой день послѣ битвы! Въ чемъ была наша сила противъ столькихъ предвидѣнныхъ сопротивленій, противъ стариныхъ заблужденій общественнаго мнѣнія, противъ коалиціи всѣхъ обветшалыхъ предразсудковъ, противъ застарѣлой развращенности и встревоженнаго эгоизма однихъ, противъ невѣжества другихъ? —Въ словѣ.

И когда мы возвратили націи полномочія, врученныя намъ событіями и парижскимъ народомъ, мы съ радостью увидѣли, что вся Франція преклоняется передъ образомъ республики, которую должны были признать ея и наши враги.

Разскажемъ послѣдствія 17-го марта. День этотъ показался роялистамъ какъ бы откровеніемъ новаго міра. Это эпическое безмолвіе народа встревожило ихъ больше, чѣмъ ружейная пальба, чѣмъ грохотъ пушекъ, катящихся по мостовой. Въ безсонныя ночи имъ мерещились эти спокойные легіоны, внезапно вышедшіе изъ столькихъ братскихъ мастерскихъ и проходящіе черезъ Парижъ. Какой силой была бы эта армія для государственныхъ людей, дѣйствительно проникнутыхъ духомъ революціи! Но не велика цѣна рычагу Архимеда въ рукахъ людей, упорно желающихъ, чтобы міръ оставался неподвижнымъ!

Дѣйствительно, 17-ое марта привело въ большое замѣшательство большинство Временнаго правительства, въ особенности г-на де-Ламартина.

Вліяніе 17-го марта съ тѣхъ поръ какъ бы не переставало жить въ Совѣтѣ. Правда, съ одной стороны, все еще было семь голосовъ, съ другой—четыре; но къ этимъ четыремъ голосамъ воспоминаніе о 17-мъ марта присоединяло пятый голосъ... голосъ народа. Человѣкъ съ умомъ, доступнымъ благороднымъ сомнѣніямъ и подвижнымъ, какъ прогрессъ, съ душой, способной къ энтузіазму, г. Кремье, рѣшительно примирился съ такимъ оборотомъ дѣла; но изъ всѣхъ членовъ большинства онъ одинъ былъ склоненъ безраздѣльно отдаться революціи. Г. Араго, котораго слишкомъ отдалила отъ политики наука, сталъ въ тупикъ передъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ. Г-на Дюпона (изъ Эры), одного изъ тѣхъ людей, которыхъ уважаешь и любишь, будутъ ли они твоими союзниками, или твоими противниками, очевидно, предубѣждало противъ революціи и противъ порывовъ его собственнаго сердца чувство страха, понятное въ столь преклонномъ возрастѣ. Г. г. Гарнье Пажесъ и Маррастъ скрывали свое безпокойство; послѣдній подъ искусно надѣтой личиной легкомысленной безпечности, а первый подъ видомъ дѣловитости, не скупившейся на слова: что же касается до г-на Мари, то объ его опасеніяхъ легко было догадаться по его судорожно искривленнымъ губамъ, по его озабоченному лицу, по его взглядамъ, метавшимъ подозрѣніе.

Что же касается до г-на де Ламартина, то вина 17-го марта въ его глазахъ была въ особенности та, что оно было дѣломъ Люксембургскихъ делегатовъ и устроило передъ Временнымъ правительствомъ смотръ великой, мирной и могущественной арміи рабочихъ корпорацій. Ибо онъ, столь охотно расточавшій всѣмъ любезности и ласки, онъ, столь усердно добивавшійся одобренія со стороны клубовъ, дабы утвердить имъ свою салонную популярность, онъ, поддерживавшій постоянныя сношенія съ Собріе и не отступавшій даже передъ заигрываніемъ съ Бланки, онъ всегда былъ слѣпо и упорно враждебенъ Люксембургской Коммиссіи. Правда ли, что ему не нравился соціализмъ вслѣдствіе того, что, сдѣлавшись оффиціальнымъ предметомъ обсужденія, онъ отвлекалъ отъ него, Ламартина, общественное вниманіе? Правда ли, что, предоставивъ себѣ театральную сторону революціи, г. де Ламартинъ тревожился ея серьезной стороной? Правда ли, что его приближенные совѣтовали ему бороться съ популярностью, мѣшавшей его собственной? Что касается до меня, то я всегда думалъ, что ненависть, которой ему угодно было удостоить меня, была вполнѣ безкорыстна, лойяльна и искренняя. Чуждый политико-экономической наукѣ, онъ совершенно честнымъ образомъ возненавидѣлъ доктрины, которыхъ не изучалъ и въ которыя къ тому же онъ мало способенъ былъ углубиться по самому характеру своего ума. Окруженный эгоистами, которые ненавидѣли соціальныя идеи, потому что они ихъ слишкомъ хорошо поняли, онъ считалъ эти идеи опасными только потому, что не понималъ ихъ. Жалѣть его за это будетъ справедливѣе, чѣмъ порицать.

Къ тому же, его опьянилъ ѳиміамъ салоновъ. Эксплоатируя его слабость,—чрезмѣрное пристрастіе къ похваламъ,—враги республики повторяли ему на всѣ лады, что ему должна, по справедливости, достаться слава „спасителя общества“. И онъ до такой степени далъ себя обольстить этими хитрыми похвалами, что сталъ искать указаній для своего поведенія у людей, по незнанію, положенію и привычкамъ наиболѣе враждебныхъ республикѣ. Книга лорда Норменби устраняетъ всякое сомнѣніе на

этотъ счетъ. Кто могъ бы ожидать, что членъ Временнаго правительства, республиканецъ, сдѣлаетъ своимъ постояннымъ совѣтникомъ и довѣреннымъ лицомъ иностраннаго дипломата, члена англійской аристократіи, посланника страны, еще не признавшей оффиціально французской республики, человѣка, написавшаго: „Я сказалъ вчера г-ну де Ламартину: *что, еслибы я былъ французомъ и республиканцемъ, а я настолько же не республиканецъ, насколько не французъ...*"? [1])

Что касается до тайныхъ переговоровъ, которые велъ г. де Ламартинъ, то я не зналъ тогда многаго, о чемъ узналъ впослѣдствіи; я не зналъ, напр., того, что онъ искалъ въ арміи и въ провинціяхъ силу, посредствомъ которой онъ могъ бы укротить Парижъ, повтореніе пріема былой жирондистской партіи; я не зналъ, что, взявъ втихомолку подъ свое покровительство фантастическое и весьма мало ортодоксальное военное учрежденіе Собріе, онъ въ то же время посылалъ таинственныхъ эмиссаровъ генералу Негріе, командовавшему на сѣверѣ арміей въ 29.000 человѣкъ [2]), и сговаривался съ г-номъ Маррастомъ съ цѣлью обратить парижскую Ратушу въ крѣпость. Но мнѣ было болѣе чѣмъ ясно, что онъ все съ большимъ и большимъ недовѣріемъ относится къ народу и недалекъ отъ того, чтобы призвать, въ случаѣ надобности, силу штыковъ противъ идей, съ которыми ему слѣдовало бы, вмѣсто этого, знакомиться.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ съ 17-го марта. Ободренныя невозмутимой умѣренностью Временнаго правительства, побѣжденныя партіи стали поднимать голову и изливать свои чувства въ пересыпанныхъ угрозами рѣчахъ. Что касается роялистской прессы, то, увѣренная въ безнаказанности, она безъ отдыха осыпала ругательствами и клеветами правительство, твердая рѣшимость котораго

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 383.

[2]) См. объ этомъ *Histoire du Gouvernement provisoire* г-на Эліаса Реньо (Élias Régnault), бывшаго въ то время товарищемъ министра (chef de cabinet) внутреннихъ дѣлъ, стр. 247.

уважать свободу, даже въ оскорбленіяхъ, на него направленныхъ, была ей извѣстна.

Съ другой стороны, представители корпорацій съ законнымъ и возраставшимъ нетерпѣніемъ ждали, чтобы начался наконецъ походъ противъ ихъ врага—бѣдности; они упрекали правительство, вышедшее изъ революціи, въ томъ, что оно медлило приступить къ задачѣ, въ рѣшеніи которой заключался весь смыслъ этой революціи. Съ безпокойствомъ озираясь на провинціи, на деревни, еще наполовину погруженныя во тьму, они спрашивали себя, не будутъ ли ихъ надежды погребены на днѣ урнъ подъ еще слишкомъ значительнымъ, увы, числомъ шаровъ, принадлежавшихъ вліянію соціальнаго положенія, интриги, невѣжества, случая. Поэтому нужно было поддержать Временное правительство, поощрить его благія начинанія недвусмысленными выраженіями симпатіи, но въ то же время двинуть его на путь великодушной инициативы, напомнить ему, что въ его заботахъ первое мѣсто должно быть отведено изысканію способовъ уничтожить бѣдность.

Таково было настроеніе умовъ, когда я получилъ письмо отъ своего друга г-на Гинара, командовавшаго подъ начальствомъ генерала Куртэ національной гвардіей. Онъ увѣдомлялъ меня о томъ, что собирались составить генеральный штабъ этого войска и что считали полезнымъ ввести въ него четырнадцать офицеровъ, принадлежащихъ къ рабочему классу. Оставалось позаботиться объ избраніи этихъ офицеровъ ихъ товарищами.

Случай показался мнѣ удобнымъ для того, чтобы доказать большинству Совѣта, что, торопя моихъ товарищей заняться рѣшеніемъ вопросовъ, касавшихся улучшенія судьбы трудящихся и страждущихъ классовъ, я выражалъ лишь желаніе, живо чувствовавшееся самимъ народомъ. Поэтому мною и Люксембургскими делегатами было рѣшено, что корпораціи соберутся сначала на Марсовомъ полѣ, выберутъ 14 офицеровъ, а затѣмъ въ столь же безукоризненномъ порядкѣ, какъ и 17-го марта, направятся въ городскую Ратушу, гдѣ не только представятъ Временному правительству свои требованія, *но выразятъ ему также свои сим-*

патіи, съ каковой цѣлью сдѣлано будетъ патріотическое приношеніе.

Отрицать утверждаемое мною — невозможно: доказательство имѣется въ *Монитерѣ* [1]) и наконецъ въ самой петиціи, которую рабочіе принесли въ Ратушу 16-го апрѣля. Эта петиція гласила:

„Граждане! реакція поднимаетъ голову; клевета, это излюбленное оружіе людей безъ принциповъ и чести, обливаетъ истинныхъ друзей народа своимъ заразительнымъ ядомъ. Намъ, людямъ революціи, людямъ дѣла и самоотверженія, надлежитъ заявить Временному правительству, что народъ хочетъ демократической республики, что народъ хочетъ уничтоженія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, что народъ желаетъ организаціи труда посредствомъ ассоціаціи.

— Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Временное правительство!“

Эти послѣднія слова, служившія заключеніемъ петиціи и резюмировавшія ее, обращенный къ рабочимъ совѣтъ собраться невооруженными, даръ, который приносила общественному богатству складчина, устроенная этими великодушными бѣдняками, мѣры, заранѣе принятыя, для того, чтобы посторонніе лица не могли попытаться измѣнить характеръ и цѣль манифестаціи,—все это вполнѣ доказывало, что созванные на нее рабочіе были очень далеки отъ мысли о томъ, чтобы низвергнуть часть членовъ Временнаго правительства. Но они требовали, чтобы правительство занялось организаціей труда посредствомъ ассоціаціи. Это-то и приводило въ волненіе и бѣшенство враговъ революціи.

Что касается до меня, то я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ настолько открыто и чистосердечно, что 14-го апрѣля, за два дня до манифестаціи, объявилъ передъ всѣмъ Совѣтомъ, что рабочіе собираются представить петицію и что эта петиція разсѣетъ всѣ сомнѣнія относительно нравственной необходимости заняться вопросомъ, безъ разрѣшенія котораго республика рискуетъ стать пустымъ звукомъ или своего рода надувательствомъ. Я прибавилъ, что

[1]) См. „Moniteur“ отъ 17-го апрѣля.

подателей петиціи, къ тому же, нечего бояться, что демонстрація будетъ столь же мирной, какъ демонстрація 17-го марта; что приняты были необходимыя предосторожности для охраны порядка, и что возгласомъ рабочихъ, не дѣлающихъ различія между большинствомъ и меньшинствомъ, будетъ: „Да здравствуетъ Временное правительство!“

Сказать ли это? Эти увѣренія не произвели ожидаемаго мною впечатлѣнія. Мысль о публичномъ заявленіи народнаго желанія, выраженнаго спокойно, почтительно, даже съ симпатіей къ властямъ, но соціальное значеніе котораго было очевидно, испугала г. г.-дъ де Ламартина, Марраста и Мари больше, чѣмъ если бы рѣчь шла о вооруженномъ нападеніи; и они рѣшились пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать нравственному эффекту, который получился бы отъ столь рѣшительнаго образа дѣйствій рабочихъ.

Лучшимъ средствомъ достигнуть этого было внушить буржуазіи, что движеніе корпораціи входитъ въ планъ коммунистическаго заговора, что оно связано съ какими-то замыслами г-на Бланки, ставшаго, благодаря таинственности, которой онъ себя окружалъ, главнымъ страшилищемъ того времени.

Поэтому первымъ дѣломъ г-на Марраста было распространить среди національной гвардіи мрачное извѣстіе, будто рабочіе собираются низвергнуть Временное правительство 16-го апрѣля, что движеніе носитъ коммунистическій характеръ, что предводителями предполагавшагося возстанія будутъ г. г. Кабэ и Бланки.

Никогда не было сочинено басни болѣе нелѣпой, чѣмъ эта.

Во-первыхъ, г. Кабэ, какъ по темпераменту, такъ и принципіально, былъ противъ всякой попытки произвести возстаніе. И никто не могъ заблуждаться на этотъ счетъ, ибо, на второй же день послѣ революціи, онъ постарался, чтобы по всѣмъ стѣнамъ Парижа было расклеено слѣдующее воззваніе, которое нѣкоторые изъ моихъ читателей прочтутъ, удивляясь, быть можетъ, смѣлости иныхъ клеветъ:

„Лишь *единеніе, порядокъ и дисциплина* могутъ обезпечить народу плоды его побѣды, гарантируя его права и интересы.

„Такъ сплотимся же вокругъ Временнаго правительства, которое, подъ предсѣдательствомъ Дюпона (изъ Эры), замѣнило собою омерзительное правительство, обагрившее себя кровью гражданъ.

„Поддержимъ это Временное правительство, заявляющее себя республиканскимъ и демократическимъ, провозглашающее верховенство и единство націи, дѣлающее братство, равенство и свободу своими принципами...

„Но потребуемъ всего, что вытекаетъ изъ этихъ принциповъ.

„Потребуемъ, чтобы всѣ французы были объявлены братьями, равными въ обязанностяхъ и правахъ, безъ всякихъ привилегій, чтобы всѣ они были членами національной гвардіи, избирателями, чтобы всѣ могли быть выбираемы на всѣ общественныя должности, безъ презрѣннаго денежнаго ценза.

„Потребуемъ естественнаго и неотчуждаемаго права союзовъ, собраній и преній, свободы личности, свободы печати, безъ стѣсненій въ родѣ залога и штемпельной пошлины.

„Потребуемъ формальнаго признанія права *жить работая* для того, чтобы отецъ семейства не оказался въ страшной необходимости покинуть семью и дѣтей и почти *умереть сражаясь* [1]).

„Вѣрные своимъ принципамъ братства, гуманности и умѣренности, разума и справедливости, будемъ всегда и всюду восклицать: Не нужно мести! не нужно безпорядка! не нужно насилія, не нужно посягновеній на собственность! но нужна непоколебимая настойчивость въ томъ требованіи, чтобы употреблены были всѣ допускаемыя справедливостью средства для уничтоженія нищеты.

„Остережемся требовать немедленнаго примѣненія нашихъ коммунистическихъ доктринъ. Мы всегда говорили, что желаемъ, чтобы они восторжествовали лишь путемъ обсужденія, силой общественнаго мнѣнія, съ согласія индивидуумовъ и по волѣ націи: останемся вѣрны своимъ словамъ“.

„Парижъ, 25 февраля 1848-го года.

Кабэ.

---

[1]) Намекъ на девизъ ліонскихъ рабочихъ инсургентовъ: *жить работая, или умереть сражаясь. Перев.*

Такъ обстояло дѣло съ коммунистическимъ заговоромъ. Что же касается до роли, приписываемой г-ну Бланки, то нужно знать, что между г-номъ Бланки и Люксембургской Комиссіей никогда не было ничего общаго.

Къ тому же, если даже предположить, что г. Бланки желалъ свергнуть Временное правительство, приплетать его имя къ манифестаціи, задуманной рабочими корпораціями, значило страннымъ образомъ злоупотреблять общественнымъ легковѣріемъ. Но тѣ, которые опасались вліянія предъявленной стотысячнымъ сходбищемъ рабочихъ петиціи въ пользу организаціи труда, были заинтересованы въ томъ, чтобы создать въ обществѣ полную путаницу понятій, они горѣли желаніемъ добиться этого во что бы то ни стало.

Упомяну о диковинномъ фактѣ, бывшемъ тогда неизвѣстнымъ и къ которому я вскорѣ вернусь: 15-го апрѣля, какъ разъ наканунѣ проектировавшейся манифестаціи, г. Бланки, котораго я зналъ лишь по имени, но котораго въ распускаемыхъ съ коварнымъ разсчетомъ слухахъ старались выставить моимъ соучастникомъ, г. Бланки, этотъ страшный заговорщикъ, отъ тенетъ котораго г. де Ламартинъ собирался „спасти общество", имѣлъ тайное свиданіе... съ кѣмъ? со мною? Нѣтъ: съ г-номъ де Ламартиномъ [1])!

Тѣмъ временемъ г. Маррастъ приготовлялъ Ратушу къ защитѣ, словно дѣло шло о томъ, чтобы выдержать осаду, и ставилъ подъ начальство полковника Рея два только что обмундированныхъ батальона *гвардіи мобилей*.

Это еще не все. Въ ночь съ 15-го на 16-е г. Ледрю-Ролленъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ оплетенъ интригой нѣсколькихъ лицъ, которыя, запугавъ его мнимыми замыслами г. Бланки и вліяніемъ Люксембургской комиссіи, толкнули его на шагъ, приведшій его къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ: онъ самъ, по всей вѣроятности, горько о нихъ сокрушался впослѣд-

---

[1]) См. ниже подробности и *доказательство*.

ствіи. Въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ одинъ имѣлъ право сзывать національную гвардію, приказомъ *бить тревогу.* Обманутый ложными донесеніями и росказнями окружающихъ, онъ рано встаетъ 16-го апрѣля, спѣшитъ къ г-ну де Ламартину, чтобы переговорить съ нимъ о приготовляющихся событіяхъ, и, убѣжденный послѣднимъ, рѣшается дать приказъ, чтобы били сборъ [1]).

По этому сигналу національная гвардія поспѣшно собирается, со всѣхъ сторонъ сходится въ Ратушу, занимаетъ окружающія послѣднюю улицы, и, вооруженная съ головы до ногъ, поджидаетъ рабочихъ. Эти же послѣдніе, въ то время какъ происходили столь странныя вещи, были заняты, собравшись на Марсовомъ полѣ, лишь сборомъ денегъ, которыя рѣшено было принести Временному правительству, какъ партіотическій даръ.

Условлено было, что 16-го апрѣля произойдетъ засѣданіе Совѣта на улицѣ Риволи, въ министерствѣ финансовъ, и что всѣ члены Временнаго правительства будутъ присутствовать на этомъ засѣданіи. Къ нашему большому удивленію, г. де Ламартинъ туда не явился: мы узнали, что онъ отправился въ Ратушу, и каждый изъ насъ счелъ нужнымъ, со своей стороны, отправиться туда же. Я пошелъ туда съ Альберомъ.

Что же такое произошло? Въ своей *Lettre aux dix departaments*, г. де Ламартинъ самъ разсказываетъ, что въ шесть часовъ утра преисполненные рвеніемъ люди пришли предупредить его, что клубы, проведя всю ночь въ совѣщаніяхъ, рѣшили засѣдать непрерывно; что рѣшено было подвергнуть его, Ламартина, остракизму; что провозглашенъ былъ Комитетъ общественнаго спасенія, составленный изъ нѣсколькихъ членовъ Временнаго правительства, назначенныхъ безъ ихъ вѣдома, и изъ нѣкоторыхъ лицъ, обладавшихъ въ то время могуществомъ, въ качествѣ агитаторовъ; что эти клубы со своими отдѣленіями станутъ во главѣ

---

[1]) Что касается до приставаній, которыми г. Ледрю Ролленъ былъ окруженъ 16-го апрѣля въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, то объ этомъ можно справиться въ *Histoire du Gouvernement provisoire*, г-на Эліаса Реньо, помощника министра.

рабочихъ, собравшихся на Марсовомъ полѣ для выборовъ, затѣмъ увлекутъ ихъ въ Ратушу и произведутъ тамъ задуманное нападеніе на Временное правительство.

Странныя свѣдѣнія! Тысячи рабочихъ обвиняются въ томъ, что они соглашаются служить арміей, съ помощью которой заговорщики хотятъ низвергнуть Временное правительство; а оказывается, что каждый изъ этихъ рабочихъ оставляетъ свое ружье дома! оказывается, что эти крамольники, которые должны были осадить Ратушу, мирно приносятъ въ нее свой патріотическій даръ, нагруженный на повозку! оказывается, что эти инсургенты, рѣшившіеся свергнуть Временное правительство, представляютъ ему петицію, оканчивающуюся словами: *Да здравствуетъ Временное правительство!*

Нѣтъ, нѣтъ, неправда, созваніе рабочихъ было связано съ какимъ-нибудь проектировавшимся заговоромъ; нѣтъ, неправда, что Временное правительство подверглось хотя бы малѣйшей опасности въ этомъ случаѣ. Вѣрно только то, что было въ интересахъ контръ-революціи, въ то время прятавшейся, но прятавшейся повсюду, даже въ корридорахъ парижской Ратуши, выставить бѣсноватыми передъ встревоженнымъ общественнымъ мнѣніемъ сто тысячъ мирныхъ подателей петиціи, для того чтобы дать поводъ такимъ образомъ къ вооруженному вмѣшательству національной гвардіи. Во что бы то ни стало, хотѣли уничтожить впечатлѣніе, произведенное манифестаціей 17-го марта, и успѣть въ этомъ надѣялись тѣмъ болѣе, что, такъ какъ рабочіе должны были собраться *безъ оружія*, то достаточно было просто противопоставить имъ *вооруженныхъ* людей. Но что нужно было для этого? Нужно было, чтобы былъ данъ приказъ бить тревогу. А какъ добиться этого приказа, не имѣя къ тому предлога? Отсюда коварно распространенный слухъ о томъ, что задуманъ былъ обширный заговоръ, что образовался комитетъ общественнаго спасенія, что Временному правительству предстояло погибнуть.

Послѣ 16-го апрѣля я потребовалъ, чтобы произвели формальное слѣдствіе о заговорѣ, о которомъ было столько разговоровъ. Под-

держанное г-номъ Ледрю-Ролленомъ, предложеніе это прошло. Призвали г-на Ландрека. Мы возложили на него порученіе произвести старательное дознаніе съ цѣлью обнаруженія мнимыхъ козней мнимыхъ заговорщиковъ. Добиваясь слѣдствія, я былъ заранѣе увѣренъ, что результатомъ его будетъ лишь разоблаченіе контръ-революціонной интриги. И, дѣйствительно, слѣдствіе было произведено и показало, что никакого революціоннаго заговора 16-го апрѣля не существовало, что опасность была воображаемая и что это былъ лишь предлогъ, прикрывавшій намѣренія, которыя я не знаю, какъ назвать.

Скажемъ все: притворные страхи должны бы замаскировать истинные. Опасались, въ сущности, вліянія Люксембургской комиссіи на народъ, нравственнаго эффекта, который произвело бы новое 17-е марта, зрѣлище манифестаціи, тѣмъ болѣе величественной, что она должна была имѣть мирный характеръ, наконецъ, смотра, торжественнаго смотра силъ соціализма, т. е. новаго міра; но въ этихъ опасеніяхъ не могли признаться.

Вотъ съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ взглянуть на мѣры, принятыя г-номъ де Ламартиномъ въ утро 16-го апрѣля,—мѣры, которыя не имѣли бы ни цѣны, ни значенія и не привели бы ни къ какому результату, если бы г. Ледрю-Ролленъ, введенный въ обманъ, не велѣлъ бить сборъ.

Какъ выразить скорбь, охватившую меня и Альбера, когда, подойдя къ Ратушѣ, мы увидѣли Гревскую площадь ощетиненной штыками, а народное зданіе обращеннымъ въ крѣпость? Къ чему эти боевыя приготовленія? Противъ кого это изобиліе угрожающихъ предосторожностей? Неужели противъ рабочихъ, которые въ это самое время, благородно отдавая свои послѣдніе гроши, собирали пожертвованіе, предназначенное въ даръ Временному правительству? Неужели противъ подателей петиціи, которые, должны были прійти въ Ратушу безоружными и съ кликомъ: „Да здравствуетъ Временное правительство!“ и предъявить республиканскому правительству законнѣйшее и священнѣйшее изъ требованій? Говорили о какомъ-то таинственномъ Комитетѣ общественнаго спасенія.

называли Бланки; но если бы агитаторы, дѣйствительно, собирались низложить большинство Совѣта, то смогли ли они это устроить помимо поддержки со стороны рабочихъ, собравшихся на Марсовомъ полѣ? Очевидно, что нѣтъ. А между тѣмъ мы знаемъ, что поддержка эта не была обѣщана, и что о ней даже не просили. Зачѣмъ же и противъ кого были направлены эти военныя приготовленія?

Предаваясь этимъ горькимъ и мрачнымъ размышленіямъ, мы съ Альберомъ вошли въ Ратушу. Ратуша представляла собой самое странное зрѣлище въ эту минуту. Во всѣхъ взглядахъ проявлялось недовѣріе; неопредѣленная тревога отражалась на всѣхъ лицахъ; одни съ растеряннымъ видомъ сновали взадъ и впередъ; другіе неподвижно и какъ бы въ состояніи столбняка глядѣли на это безцѣльное движеніе. Проталкиваясь сквозь приливы и отливы вооруженныхъ людей, запруживавшихъ лѣстницы и корридоры, мы добрались до зала Совѣта, гдѣ г-нъ де Ламартинъ сидѣлъ и писалъ въ это время. На наши замѣчанія онъ отвѣтилъ, не *„гордо и съ плохо скрываемымъ гнѣвомъ“*, какъ ему потомъ показалось [1]), но, напротивъ, со своей обычной вѣжливостью и съ той корректностью, къ которой обязывалъ его характеръ говорившихъ съ нимъ людей; вѣдь, въ концѣ концовъ, зналъ же онъ насъ! И въ этомъ случаѣ, вообще, не произошло ничего, чѣмъ можно было бы объяснить похвальбы, которыя лордъ Норменби въ слѣдующихъ выраженіяхъ приписываетъ г-ну де Ламартину: „Ламартинъ заставилъ г-на Луи-Блана замолчать, сказавъ ему, что, если его, Ламартина, вынудятъ заговорить, то окажется, что ему извѣстны вещи, объ обнаруженіи которыхъ коекому придется пожалѣть. Г. Луи-Бланъ понялъ и ничего не отвѣтилъ“ [2]).

Насколько подобный языкъ со стороны г-на де Ламартина былъ *невозможенъ,* читатель увидитъ, когда я, нѣсколькими страни-

---

[1]) См. его книгу *О февральской революціи*, стр. 331 второго тома.
[2]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 326.

цами ниже, покажу, кто былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы нѣкоторыя вещи остались тайной!

Тѣмъ временемъ, неизвѣстные люди ходили по всему городу, распространяя разные вымыслы, въ коварномъ разсчетѣ на впечатлѣніе, которое послѣдніе должны были произвести. Около полудня въ Люксембургскій дворецъ прибѣжалъ какой-то человѣкъ, сообщившій, что меня убили кинжаломъ въ клубѣ Гипподрома, и исчезъ прежде, чѣмъ его успѣли разспросить. Почти въ ту же минуту стало извѣстно, что верховой гонецъ разъѣзжалъ по тампльскому предмѣстью и распространялъ повсюду новость о томъ, что я убитъ. О томъ же въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо съ большимъ шумомъ возвѣщали барабанщики, которымъ поручено было бить тревогу. По улицамъ стали кричать: „Люксембургская коммиссія въ опасности!“ что произвело возбужденіе, которое могло бы привести къ серьезнѣйшей катастрофѣ. Группа мужественныхъ студентовъ явилась въ Люксембургскій дворецъ съ предложеніемъ своихъ услугъ; она осталась тамъ подъ ружьемъ до ночи со вторника на среду. Въ свою очередь, *Общество правъ человѣка* извѣстило насъ о томъ, что въ 11-мъ и 12-мъ округахъ оно разставило много постовъ, и что, по первому же сигналу, 3.000 человѣкъ займутъ дворъ дворца.

Въ другомъ пунктѣ Парижа, на Марсовомъ полѣ, эмиссары получили тайную миссію взбунтовать рабочій классъ и обратить предполагавшуюся манифестацію въ возстаніе. Лозунгомъ служили слова: „Ледрю-Ролленъ повѣшенъ, а Луи-Бланъ убитъ“ [1]). Это отвратительное подстрекательство къ гражданской войнѣ могло бы имѣть пагубный успѣхъ, не будь тутъ, по счастью, делегатовъ Люксембургской комиссіи, которые разрушали впечатлѣніе, производимое этимъ слухомъ, и опровергали его содержаніе!

Ратуша, какъ я уже сказалъ, была обращена въ крѣпость, и національная гвардія охраняла подходы къ ней ружьями и штыками. Когда рабочія корпораціи, въ томъ же порядкѣ и такъ же

---

[1]) См. *Gazette des Tribunaux* отъ 24-го марта 1849 г. Буржскій процессъ, показаніе Клейна.

держа себя, какъ и 17-го марта, продефилировали вдоль набережныхъ и дошли до Гревской площади, національная гвардія преградила имъ дорогу, и ихъ делегатамъ лишь съ трудомъ удалось проникнуть въ Ратушу. Я находился тамъ со своими товарищами въ залѣ Совѣта, когда кто-то крикнулъ, отворивъ дверь, что явились делегаты корпорацій, что они грозятся взбунтовать собравшуюся на площади толпу своей жалобой на причиненную имъ обиду, что они бурно требуютъ, чтобы я къ нимъ явился. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ нимъ, въ сопровожденіи одного изъ моихъ коллегъ, г-на Кремье. Я дѣйствительно засталъ ихъ въ припадкѣ невыразимаго негодованія. „Какъ!—воскликнули они гнѣвно, увидавъ меня,—мы явились сюда для того, чтобы увѣрить Временное правительство въ нашей симпатіи и готовности поддержать его, мы пришли безоружные, чтобы сообщить ему свои желанія, мы пришли, предшествуемые возомъ, нагруженнымъ нашими послѣдними грошами, которые мы приносимъ въ даръ нуждамъ республики, и насъ встрѣчаютъ какъ крамольниковъ! и народъ не пускаютъ на Гревскую площадь! и депутатамъ этого народа агенты парижскаго мэра устраиваютъ оскорбительную встрѣчу!“

Обстоятельства вполнѣ оправдывали эту вспышку. Я постарался, тѣмъ не менѣе, успокоить делегатовъ примирительными словами. Объясняя характеромъ пронесшихся слуховъ приготовленія и пріемъ, противъ неожиданной оскорбительности котораго такъ горячо возставали рабочіе, я употребилъ всѣ свои усилія, чтобы отвратить отъ республики опасность столкновенія, въ которомъ народъ въ этотъ день былъ бы раздавленъ. Такъ какъ представители корпорацій спрашивали, почему рабочимъ запретили дефилировать мимо Ратуши, то я позвалъ полковника Рея и велѣлъ ему принять всѣ надлежащія мѣры, для того чтобы эта демонстрація произошла. Нужно было расчистить дорогу въ толпѣ національной гвардіи, покрывавшей Гревскую площадь: я наказалъ полковнику Рею постараться, чтобы эта дорога шла вдоль Ратуши. Но всякое честное стараніе разбивалось о сопротивленіе, подло поощрявшееся темными личностями, подосланными парижской мэріей и запрятав-

шимися въ народной массѣ. Такъ что *безоружные* рабочіе принуждены были дефилировать между двумя плотными массами *вооруженныхъ* національныхъ гвардейцевъ, по длинной линіи, очень узкой, которую каждыя 10 минутъ старались перерѣзать, для того чтобы лишить манифестацію всякаго внушительнаго вида. Стоя въ окнѣ Ратуши, я видѣлъ издали тысячи поднятыхъ шляпъ, видѣлъ тысячи простертыхъ рукъ; но крики рабочихъ, выражавшіе симпатію энтузіазма, братскія упованія не доходили до меня: ихъ заглушалъ крикъ ненависти, первый крикъ, которымъ контръ-революція заявляла о своемъ существованіи: „Долой коммунистовъ!"

Послѣ того, какъ продефилировали корпораціи, національная гвардія незамѣтно разошлась и громадная народная толпа наводнила Гревскую площадь и въ свою очередь заняла ее всю. Вотъ какъ разсказываетъ „Мониторъ" о томъ, что произошло тогда:

„Приблизительно около пяти часовъ, вслѣдствіе того, что распространился слухъ, будто жизнь нѣкоторыхъ членовъ правительства подверглась опасности, на площади Ратуши собралась огромная толпа, требовавшая громкими криками ихъ появленія передъ ней. Замѣтивъ ихъ вскорѣ въ одномъ окнѣ Ратуши, народъ выразилъ свою радость самыми горячими привѣтствіями. Среди депутацій была одна, явившаяся съ самаго утра изъ мѣстечка Иври, привлеченная въ Парижъ тѣмъ же чувствомъ безпокойства. Она вошла въ Ратушу съ оружіемъ въ рукахъ, настойчиво требуя гражданина Луи-Блана. Когда послѣдній вышелъ на ея зовъ, депутація съ энтузіазмомъ привѣтствовала его" [1]).

Такъ обманулись въ одной части своихъ разсчетовъ тѣ, которые возлагали на вліяніе ложныхъ извѣстій свои постыдныя надежды. Но, въ другихъ отношеніяхъ, это была ихъ побѣда, т. к. имъ удалось испортить манифестацію. Жалкая, правда, побѣда, въ которой интрига, хотя и удавшаяся, не могла даже похва-

---

[1]) См. „Moniteur" отъ 17-го апрѣля 1848 года.

литься ловкостью! Ибо для того, чтобы духъ хитрости потерпѣлъ позорное пораженіе, достаточно было одного: чтобы не былъ данъ приказъ бить сборъ. А кто могъ предвидѣть, что приказъ этотъ будетъ данъ?

На Парижъ спустилась ночь. Изъ всѣхъ членовъ Временнаго правительства, въ Ратушѣ, а именно въ залѣ Совѣта, оставалось лишь двое: мой коллега Флоконъ и я. На Гревской площади лишь нѣсколько запоздалыхъ группъ свидѣтельствовало о недавнемъ шествіи толпы и о волненіяхъ пережитаго дня. Между тѣмъ, крикъ: „Смерть коммунистамъ!“ раздавался все съ большею силой и яростью, по мѣрѣ того какъ толпа уменьшалась. Г. Флоконъ подѣлился тогда со мною наблюденіемъ, которое могло пролить печальный свѣтъ на событія. „Видите ли вы, — сказалъ онъ, указывая на сотню индивидуумовъ съ зловѣщими лицами, жавшихся къ рѣшеткѣ Ратуши,—видите ли вы этихъ людей? Они здѣсь съ сегодняшняго дня: я внимательно наблюдалъ за ними, и для меня несомнѣнно, что они принадлежатъ къ особой полиціи. Ими управляетъ этотъ субъектъ въ зеленыхъ очкахъ, котораго вы замѣчаете среди нихъ, и крики раздаются по сигналу, который онъ подаетъ“.

Вдругъ загремѣли барабаны. То приближался, при свѣтѣ факеловъ, одинъ изъ легіоновъ національной гвардіи. Какой смыслъ имѣла эта почти ночная прогулка? Отвѣтить на это могъ лишь тотъ, кто ее устроилъ; кто же ее устроилъ? Намъ назвали г-на Марраста.

Я спустился на площадь вмѣстѣ съ г-мъ Флокономъ, чтобы взглянуть на шествіе національныхъ гвардейцевъ, и смогъ убѣдиться въ вѣрности наблюденій моего коллеги. Въ то время, какъ батальоны проходили передъ Ратушей, выстроившейся у рѣшетки, индивидуумы надсаживали грудь криками ненависти и смерти, мрачными отзвуками которыхъ задумано было огласить Парижъ. Возмущенный, я прямо подошелъ къ одному изъ этихъ несчастныхъ и съ живостью сказалъ ему: „чѣмъ тѣ, чьей смерти вы требуете, заслуживаютъ ея?“ Онъ пробормоталъ, что не знаетъ

этого, что онъ кричалъ то, что ему велѣно было кричать,—и стушевался въ толпѣ. Подобный же опытъ, произведенный, кажется, г-мъ Флокономъ, далъ такой же результатъ. Впрочемъ, что касается до послѣдняго обстоятельства, то я не отвѣчаю за точность своихъ воспоминаній [1]).

Таковъ былъ первый походъ контръ-революціи противъ соціализма.

На слѣдующій день, объятые законнымъ и благороднымъ гнѣвомъ, делегаты Люксембургской коммисіи представили въ Ратушу слѣдующій протестъ, являющійся историческимъ документомъ первостепенной важности [2]):

„Граждане!

„Наша вчерашняя манифестація послужила поводомъ къ контръ-революціоннымъ проискамъ, породила тысячи ложныхъ слуховъ, такъ что еще и сегодня нѣкоторыя газеты вдаются по поводу ея въ комментаріи, столь же опасные, сколь и нелѣпые.

„Съ другой стороны, ложные слухи, предшествовавшіе нашему вчерашнему появленію въ Ратушѣ, произвели тамъ недоразумѣніе, разъяснить которое мы считаемъ обязаннымъ.

„Прежде всего, мы клянемся честью, что, собираясь на Марсовомъ полѣ, чтобы пойти оттуда въ Ратушу, мы имѣли лишь слѣдующую цѣль:

---

[1]) Можетъ быть легче будетъ объяснить роль, которую играла въ день 16-го апрѣля нѣкоторая подпольная полиція, если поразмыслить надъ слѣдующимъ мѣстомъ доклада г-на Дюко о счетоводствѣ Временнаго правительства: „Г-ну Арману Маррасту, принадлежавшему къ умѣренной фракціи Временнаго правительства, было поручено составить, въ качествѣ парижскаго мэра, особую полицію. Судя по заявленію г-на Марраста и по собраннымъ нами многочисленнымъ свидѣтельствамъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, полиція эта не имѣла никакого оффиціальнаго характера; она не являлась даже результатомъ правильнаго и формальнаго рѣшенія, что не мѣшало ей быть очень дѣятельной и могущественной. Можно сказать, что *умѣренные члены правительства условились о ней съ полуслова и по взаимному невыраженному договору*“. (См. „Moniteur“ отъ 26-го апрѣля 1849 г.).

[2]) См. „Moniteur“ отъ 18-го апрѣля 1848 г.

„1. Избрать изъ своей среды 14 человѣкъ, которые составятъ часть генеральнаго штаба національной гвардіи;

„2. Доказать, что идеи организаціи труда и ассоціаціи, столь мужественно отстаиваемыя людьми, посвятившими себя нашему дѣлу, суть единственныя идеи, раздѣляемыя народомъ, и что, по его мнѣнію, февральская революція должна была бы считаться недоноскомъ, если бы она не привела къ прекращенію эксплоатаціи человѣка человѣкомъ;

„3. Наконецъ, выразивъ Временному правительству наши требованія, предложить ему воспользоваться нашимъ патріотизмомъ, какъ опорой противъ реакціонеровъ.

„Вотъ, что ясно доказывается девизомъ, написаннымъ на знаменахъ нашихъ корпорацій, текстомъ петиціи, поданной нашими представителями въ Ратушѣ, ненарушимымъ спокойствіемъ нашего поведенія, и даромъ, принесеннымъ нами Временному правительству республики.

Почему же экстренно созвали національную гвардію, приказавъ ей вооружиться, какъ если бы грозила опасность? Почему до появленія въ Ратушѣ нашихъ друзей и представителей, гражданъ Луи-Блана и Альбера, нашимъ делегатамъ была оказана встрѣча, носившая всѣ признаки недовѣрія?

„Мы знаемъ теперь, въ чемъ тутъ дѣло и выскажемъ это:

„Именно потому, что они знали, сколь спокойнымъ, истинно республиканскимъ и благопріятнымъ февральской революціи характеромъ будетъ отличаться наша манифестація, реакціонеры распустили сначала слухъ о томъ, что мы собираемся низложить Временное правительство въ пользу гражданина Бланки; это они сдѣлали для того, чтобы натравить на насъ всѣхъ, кто видитъ во Временномъ правительствѣ гарантію порядка и свободы.

„Въ то же самое время, посланцы реакціи разносили повсюду чудовищную клевету, будто граждане Луи-Бланъ и Альберъ подстрекали насъ расколоть, путемъ насилія, Временное правительство на двѣ части, клевету, противъ которой мы протестуемъ всѣми силами нашей негодующей души.

„Если бы мы хотѣли низвергнуть правительство, или измѣнить его, мы не собрались бы на Марсовомъ полѣ безоружными; мы приняли бы необходимыя мѣры, чтобы оказаться тамъ въ числѣ не ста тысячъ, какъ вчера, а двухсотъ тысячъ, что намъ легко было сдѣлать; наконецъ, мы не стали бы устраивать складчину, сборъ съ которой мы принесли въ Ратушу, и не закончили бы своей петиціи словами: *Да здравствуетъ Временное правительство*!

„Вотъ, что мы сочли нужнымъ сообщить публикѣ.

„Мы должны также указать, какъ на доказательство происковъ нѣкоторыхъ агентовъ реакціи, на извѣстіе о покушеніи на жизнь гражданина Луи-Блана, извѣстіе, которое распространяли съ несомнѣннымъ намѣреніемъ произвести безпорядки, но ложность котораго намъ къ счастію удалось во-время узнать, и которое лишь доставило рабочимъ случай показать всѣмъ и каждому, какъ тѣсно и глубоко,—чтобы тамъ ни говорили реакціонеры, — единеніе народа съ тѣми, къ кому онъ возымѣлъ довѣріе.

„Да будетъ же извѣстно, что вчера не произошло ничего—что оправдывало бы тревогу. Народъ знаетъ, что онъ силенъ: ему поэтому позволительно оставаться спокойнымъ. Онъ готовъ защищать революцію въ томъ видѣ, какъ онъ ее понимаетъ; подъ его охраной она не погибнетъ.

„Мы ввѣряемъ этотъ протестъ Временному правительству, съ просьбой опубликовать его.

„Парижъ, 17 апрѣля
1848 года.

„Делегаты корпорацій,

„*Лагардъ*, президентъ центральнаго комитета;

„*Дюмонъ*, *Годенъ*, вице-президенты;

„*Лефоръ*, секретарь“.

Хотя этотъ энергическій протестъ являлся формальнымъ осужденіемъ мѣръ, принятыхъ гг. Маррастомъ и Ламартиномъ, ни тотъ, ни другой не рѣшился воспротивиться его оффиціальному опубликованію, и онъ былъ напечатанъ въ *Монитерѣ* отъ 18-го апрѣля, гдѣ каждый можетъ его прочесть.

Событія 16-го апрѣля не вполнѣ оправдали ожиданія людей, столь неосторожно сѣявшихъ въ этотъ день ненависть и раздоръ; но побѣжденныя въ февралѣ партіи снова обрѣли голосъ и очевидно готовились къ болѣе смѣлымъ предпріятіямъ. Сдѣланное зло нужно было, по возможности, исправить принявъ энергическія мѣры, которыя могли бы оказать воздѣйствіе на общественное мнѣніе и доказать, что революція продолжаетъ жить; что она бдительнымъ окомъ слѣдитъ за своими врагами, что она не намѣрена ни отрекаться отъ своей задачи, ни дѣлать уступокъ. Отсюда различные декреты, появившіеся въ *Монитерѣ* отъ 19-го апрѣля, съ явной цѣлью укрѣпить революціонное дѣйствіе; отсюда оффиціальное увѣдомленіе, сообщавшее, въ какія, строго опредѣленныя, границы будетъ, начиная съ этого дня, заключено право бить сборъ, въ виду того, что несвоевременное примѣненіе этого права „можетъ произвести переполохъ въ городѣ, испугать обывателей, повредить торговлѣ, промышленности, труду, причиняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, безполезное утомленіе національной гвардіи“;—отсюда, наконецъ, прокламація, которую я самъ проредактировалъ, прокламація совершенно недвусмысленнаго содержанія: „Убѣжденное въ томъ, что права человѣческой совѣсти священны и ненарушимы, что между истинными республиканцами борьба должна происходить лишь въ формѣ преній, доброжелательныхъ и свободныхъ, что единеніе умовъ близко къ осуществленію тамъ, гдѣ оно подготовлено единеніемъ сердецъ, что лишь враги республики могутъ быть заинтересованы въ томъ, чтобы распространять недовѣріе и подстрекать гражданъ къ распрямъ, измышляя партійныя клички, которыя очень быстро переходятъ въ крики враждебные той или другой личности, „—Временное правительство объявляетъ, что оно самымъ формальнымъ образомъ порицаетъ всякій вызывающій крикъ, призывъ къ раздору между гражданами, всякое посягательство на независимость взглядовъ мирныхъ людей.

„Правительство, написавшее слово *братство* на знаменахъ отечества, можетъ быть лишь властью покровительственной и умиротворяющей.

„Возгласъ, который ему пріятно слышать и къ которому оно всегда готово подать сигналъ, это возгласъ великодушной побѣды, возгласъ свободы, возгласъ надежды, это спасительный возгласъ: „Да здравствуетъ республика!“ [1]).

Эту прокламацію, написанную моей рукою, подписали всѣ члены Временнаго правительства, и ни г. Ламартинъ, ни г. Марр́астъ не сдѣлали противъ нея никакихъ возраженій.

Поведеніе Временнаго правительства, на слѣдующій же день послѣ 16-го апрѣля, на первыхъ порахъ озадачило контръ-революцію и угомонило ее на нѣсколько дней; но роковой сигналъ сбора сдѣлалъ уже то, что она стряхнула съ себя кажущійся сонъ; она встала и осталась на ногахъ. Въ настоящее время извѣстно, что изъ этого вышло!

Я упомянулъ лишь мелькомъ о свиданіи, состоявшемся между г-мъ де Ламартиномъ и г-мъ Бланки наканунѣ 16-го апрѣля. Г. Альберъ, извѣщенный объ этомъ, пришелъ сообщить мнѣ эту новость въ Люксембургскій дворецъ. Дѣло показалось мнѣ невѣроятнымъ и т. к. я отказывался ему вѣрить: „Хорошо же, воскликнулъ Альберъ, когда мы будемъ въ Совѣтѣ, заявлю объ этомъ фактѣ въ присутствіи г-на де Ламартина: повѣрите ли вы мнѣ тогда?“ Затѣмъ мы отправились въ Совѣтъ. Едва мы усѣлись, какъ Альберъ со своей нѣсколько рѣзкой, но честной манерой человѣка, прямо идущаго къ цѣли, сказалъ г-ну де Ламартину, глядя ему въ лицо: „Милостивый государь, вы видѣлись съ Бланки“. Произошло движеніе всеобщаго изумленія. Смутившись на минуту, г. де Ламартинъ вскорѣ оправился и небрежнымъ тономъ отвѣтилъ: „Ахъ, да, господа, дѣйствительно, я забылъ вамъ это сказать. И что же оказывается? Этотъ Бланки, котораго изображаютъ такимъ страшнымъ человѣкомъ, въ сущности,—добрый малый“.

Что свиданіе состоялось и что оно состоялось 15-го апрѣля, (крайне важное и многозначущее число!) съ очевидностью доказываетъ слѣдующее извлеченіе изъ *Буржскаго процесса*.

---

[1]) См. *Moniteur* отъ 19-го апрѣля.

Г. де-Ламартинъ, призванный въ качествѣ свидѣтеля, подвергся слѣдующему допросу со стороны г. Бланки:

„*Гражданинъ Бланки.*—Правда ли, что я явился къ вамъ, какъ разсказывали нѣкоторыя газеты, одѣтый въ броню, точно какой-нибудь *bravo*?

Гражданинъ Ламартинъ. Я долженъ сказать, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, я не зналъ гражданина Бланки. Я раздѣлялъ до извѣстной степени предубѣжденіе противъ него, которое, какъ онъ вамъ сказалъ, оказало немного позднѣе свое дѣйствіе. Я зналъ, лишь, что г. Бланки человѣкъ замѣчательнаго ума и характера. Я зналъ гражданина Дефлотта, отставного морского офицера, связаннаго узами близкой дружбы съ Бланки, и члена его клуба, если я не ошибаюсь. Я попросилъ его сказать мнѣ откровенно, что онъ думаетъ о Бланки, не утомился ли этотъ столь свѣтлый умъ кровавыми революціями и тѣмъ, что онъ обреченъ вѣчно кружиться въ вихрѣ политическихъ агитацій. Дефлоттъ отвѣтилъ мнѣ, что я сильно ошибаюсь, что Бланки одушевленъ лучшими чувствами, въ чемъ свиданіе съ нимъ могло бы убѣдить меня. Нѣсколько дней спустя гражданинъ Бланки пришелъ ко мнѣ; я вышелъ къ нему навстрѣчу и съ улыбкой на устахъ протягивая ему руку, сказалъ ему, намекая на нелѣпыя сообщенія, напечатанныя въ нѣкоторыхъ газетахъ: „Не убить ли меня вы пришли, гражданинъ Бланки?“ Я повелъ его въ свой кабинетъ, гдѣ наша бесѣда, очень интересная со стороны г. Бланки, продлилась цѣлыхъ три часа. Мы коснулись всѣхъ важныхъ вопросовъ, приковывавшихъ къ себѣ въ то время общественное вниманіе; справедливость требуетъ, къ моему удовольствію, сказать, что гражданинъ Бланки изложилъ передо мной самымъ блестящимъ образомъ самыя здравыя идеи относительно всѣхъ этихъ пунктовъ: собственности, семьи, необходимости сильнаго и унитарнаго правительства, необходимости сосредоточить власть въ національномъ собраніи, вышедшемъ изъ всеобщей подачи голосовъ и выражающемъ народную волю. А между тѣмъ его ничто не стѣсняло, мы бесѣдовали на совершенно равной ногѣ. На моей сто-

ронѣ была нравственная сила; на его сторонѣ — могущество народныхъ бурь. Въ результатѣ, я вынесъ благопріятное впечатлѣніе изъ этого разговора, который внушалъ мнѣ справедливое уваженіе къ намѣреніямъ и характеру г. Бланки.

„*Прокуроръ республики.*—Какого числа происходилъ этотъ разговоръ?

„*Гражданинъ Бланки.*—15-го апрѣля.

„*Гражданинъ Ламартинъ.*—Мнѣ кажется, что гражданинъ Бланки ошибается, это было нѣсколько раньше.

„*Гражданинъ Бланки.*—Прошу извиненія; позвольте напомнить мнѣ лишь вамъ одно обстоятельство, которое освѣжитъ ваши воспоминанія. Въ теченіе нашего разговора, мы коснулись статьи, напечатанной противъ меня въ *Revue rétrospective.*

Гражданинъ Ламартинъ.—Это правда.

Гражданинъ Бланки.—Мой отвѣтъ на эту статью помѣченъ 13-мъ апрѣля.

Гражданинъ Ламартинъ.—Да; но онъ еще не былъ напечатанъ, что отодвигаетъ наше свиданіе на десять или двѣнадцать дней назадъ.

Гражданинъ Бланки.—Мой отвѣтъ не былъ напечатанъ, но мы говорили не о моемъ отвѣтѣ. Вотъ Флоттъ, у котораго я тогда жилъ; если присяжные будутъ такъ добры выслушать его показаніе, то онъ сможетъ разъяснить этотъ пунктъ.

Гражданинъ Флоттъ.—Дефлоттъ попросилъ меня сказать Бланки, что вы (Ламартинъ) примете его; Бланки отправился къ вамъ утромъ 15-го апрѣля.

Гражданинъ Ламартинъ.—Вы ошибаетесь. Если бы это было такъ, я неизбѣжно долженъ былъ бы коснуться того, что должно было произойти на слѣдующій день, и я постарался бы отговорить гражданина Бланки отъ участія въ этомъ дѣлѣ.

Гражданинъ Бланки.—Вотъ генералъ Куртэ, который случайно узналъ объ этомъ свиданіи. Пусть скажетъ онъ, что ему извѣстно.

Гражданинъ президентъ.—Говорите, генералъ.

Гражданинъ Куртэ. — Бланки пошелъ къ Ламартину 15-го апрѣля въ 6 часовъ утра. Мнѣ разсказало объ этомъ въ тотъ же день лицо, видѣвшее какъ Бланки входилъ къ Ламартину. На слѣдующій день, получивъ приказъ бить сборъ и услыхавъ, что Бланки—во главѣ манифестаціи, я сказалъ Маррасту: „Но онъ былъ вчера у Ламартина!“

Гражданинъ Ламартинъ.—Я не увѣренъ математически въ справедливости утверждаемаго мною, но я убѣжденъ въ томъ, что генералъ Куртэ ошибается относительно этого пункта, не имѣющаго впрочемъ никакого значенія [1]).

Пусть читатель, который теперь знаетъ, какое употребленіе было сдѣлано 16-го апрѣля изъ имени г-на Бланки,—судитъ, имѣетъ ли этотъ вопросъ значеніе! и, если заговоръ существовалъ, какъ увѣряетъ въ томъ лордъ Норменби [2]), то пусть читатель судитъ, кто былъ тутъ заговорщикомъ!

Какъ бы то ни было, черезъ нѣсколько дней послѣ 16-го апрѣля, послѣ того какъ большинство Временнаго правительства послало г-ну Коссидьеру приказъ арестовать г-на Бланки,—приказъ, единственной цѣлью котораго было выясненіе того, что казалось тайной,—г. Ландренъ, генеральный прокуроръ республики, не замедлилъ принести префекту полиціи бумагу объ отмѣнѣ приказа. Причиной же этой отмѣны было формальное несогласіе г-на Ламартина на арестъ г-на Бланки [3]).

Итакъ, факты передъ глазами читателя: пусть онъ самъ судитъ!

---

[1]) Буржскій процессъ въ высшей судебной палатѣ. Аудіенція 19-го марта 1849 г.

[2]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 320.

[3]) Memoires de Conssidière, т. II, стр. 51. Тамъ разсказанъ этотъ фактъ и приводится бумага объ отмѣнѣ приказа (контръ-ордеръ).

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Реакціонныя клеветы.

Псовая охота въ Шантильи, выдуманная Constitutionnel'емъ. Отвѣтъ г-на Ледрю-Роллена.—Постыдные происки, которые выводитъ на свѣжую воду въ „La Reforme" г. Кроче Спинелли.—Мнимыя оргіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Единогласное заявленіе коммиссіи, которой поручено было провѣрить счеты Временнаго правительства.—Г-на Кремье обвиняютъ въ покупкѣ лѣса на награбленныя имъ деньги.—Г-нъ Ламартинъ принужденъ публично изложить свое финансовое положеніе.—Клевета на честность г-на Марраста, опровергнутая его смертью.—Альберъ выставляется лже-работникомъ, фабрикантомъ и милліонеромъ.—Роялистскія газеты утверждаютъ, что г-нъ Луи Бланъ отказывается отдать въ наемъ рабочимъ *свой домъ въ Сентъ-Жермэнскомъ предмѣстіи*.—Противорѣчія клеветниковъ.—Объ Альберѣ и обо мнѣ говорятъ, что мы воскресили въ Люксембургскомъ дворцѣ роскошь Барраса.—Грубость этой лжи не вредитъ успѣху послѣдней.—Авторъ *Жерома Патюро*.—Письмо г. Женевэ, администратора Люксембургскаго дворца редактору-издателю Constitutionnel'я.—Лукуллы Временнаго правительства.—Біографія главнаго редактора газеты „Le Lampion".—Фабрика клеветъ; въ томъ, что она существовала, теперь признаются ея создатели.—Что означаютъ на языкѣ реакціонеровъ слова: *артиллерія острыхъ словъ*.

Я всегда спрашивалъ себя съ изумленіемъ, почему дознанная клевета не приравнивается самимъ закономъ къ числу такихъ же преступленій, какъ убійство, въ странѣ, гдѣ всякій заявляетъ, что онъ болѣе дорожитъ своей честью, чѣмъ своей жизнью?

Безстыдство клеветъ, посыпавшихся на Временное правительство, дошло до того, что ихъ можно было бы счесть легендой, а не историческимъ фактомъ.

Какъ ни противно мнѣ рыться въ подобныхъ воспоминаніяхъ, я долженъ ихъ воскресить, такъ какъ они поучительны.

Однажды въ газетѣ *Constitutionnel* появилась слѣдующая замѣтка:

„*Придворныя новости.* Вчера былъ данъ завтракъ въ маленькомъ тріанонскомъ дворцѣ. Присутствовали дамы. Принималъ гостей г. Ледрю-Ролленъ. Была также охота въ Шантильи; была устроена облава на оленей въ Апремонскомъ паркѣ“.

Охота въ Шантильи во времена Временнаго правительства! Какой ужасъ! Не удивительно, что это вызвало единодушный взрывъ негодованія у роялистскихъ Катоновъ, которые впослѣдствіи смягчились настолько, что стали мечтать только о придворныхъ пріемахъ, о большихъ и малыхъ выходахъ (levers), фрейлинахъ, пажахъ и т. п., да еще въ царствованіе монарха, который былъ не болѣе, какъ parvenu и самъ этимъ хвалился [1]). Очень хорошо, но чтобы этотъ гнѣвъ имѣлъ основаніе, нужно было бы, по крайней мѣрѣ, чтобы г. Ледрю-Ролленъ былъ дѣйствительно виновенъ въ этомъ страшномъ преступленіи: охотѣ въ Шантильи. Между тѣмъ не произошло ничего подобнаго: обвиняемый, въ рукахъ котораго была почти диктаторская власть, ограничился слѣдующимъ возраженіемъ на ядовитые комментаріи лжецовъ:

„Милостивый государь, какъ членъ ли правительства, какъ членъ ли оппозиціи, я всегда пренебрегалъ грязными клеветами, направленными противъ моей личности. Только съ этимъ условіемъ можно прямо идти къ поставленной совѣстью цѣли. Но я не хочу пренебрегать клеветами, касающимися моей должности, ибо въ этомъ случаѣ стараются унизить авторитетъ самой республики. Позавчера я, по вашимъ словамъ, присутствовалъ на охотѣ въ Рамбулье, вчера на оргіи съ женщинами въ Тріанонѣ и на охотѣ Шантильи. Дворъ! Да, дѣйствительно, о немъ-то вы и мечтаете: эти удовольствія—удовольствія людей, чьимъ представителемъ вы являетесь. Что касается до меня, то знайте, что съ 24-го февраля и понынѣ я не покидалъ Парижа ни на одинъ мигъ, что на каждые двадцать четыре часа я посвящалъ работѣ двадцать часовъ. Если я не сдѣлалъ народу всего добра, которое хотѣлъ сдѣлать,

---

[1]) См. рѣчь, въ которой Луи-Бонапартъ возвѣстилъ свой бракъ съ m-lle де Монтихо.

то причиной, помѣшавшей этому, является не недостатокъ старательности и усердія съ моей стороны.

Ледрю-Ролленъ.

Но клевета была возведена въ систему и каждый день ознаменовывался какой-нибудь новой выдумкой. Слѣдующее письмо въ газету *La Réforme* покажетъ, къ какимъ средствамъ прибѣгали, чтобы опозорить Временное правительство:

„Граждане, я состою подъ страннымъ слѣдствіемъ. Болѣе двадцати человѣкъ посѣтило меня сегодня, спрашивая, правда ли, что гражданинъ Ледрю-Ролленъ заключилъ у меня долгъ въ 25.000 или 30.000 франковъ на покупку драгоцѣнностей. Я отвѣчалъ, согласно съ истиной, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ не долженъ былъ мнѣ ни одного сантима, но мои посѣтители уходили, покачивая головой съ недовѣрчивымъ видомъ, который я тщетно пытаюсь объяснить себѣ. Для чего же этимъ господамъ нужно, чтобы гражданинъ Ледрю-Ролленъ былъ мнѣ что-нибудь долженъ? Позвольте мнѣ повторить имъ черезъ посредство вашей газеты, господинъ редакторъ, что кто-то сыгралъ надъ ними глупую шутку и что 1-е апрѣля все еще продолжается для нихъ.

Кроче-Спинелли, place de la Bourse, 12“.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ маленькій салонъ смежный съ кабинетомъ министра. Тамъ собирались иногда, послѣ длиннаго посвященнаго работѣ дня и никогда не раньше полуночи, нѣкоторые друзья г-на Ледрю-Роллена, радуясь возможности улучить минуту, чтобы, со всей непринужденностью неоффиціальной бесѣды, поговорить съ нимъ о новостяхъ и текущихъ дѣлахъ. Завсегдатаями этихъ собраній были г.г. Жюль Фавръ, Картерэ, Эліасъ Реньо, Этьенъ Араго, Жанронъ, Ландренъ [1]); эти имена достоточно показываютъ, что главной темой разговоровъ были политика, литература, искусства. И что же? Эти собранія послужили точкой исхода

[1]) См. Histoire du gouvernement provisoire, par M Élias Regnault, стр. 157.

множеству грязныхъ пасквилей, въ которыхъ говорилось о вакханкахъ и о рѣкахъ шампанскаго. „Правда заключается въ томъ“, писалъ г. Эліасъ Реньо, при чемъ никто не осмѣлился ничего ему возразить, „что никогда, ни на одномъ изъ этимъ вечеровъ, не появлялось другого напитка, кромѣ невиннаго питія парламентской трибуны, а именно сахарной воды. Что касается до вакханокъ, то онѣ существовали лишь въ видѣ метафоръ, эффектно фигурировавшихъ на столбцахъ памфлетовъ“.

Послѣ отставки Временнаго правительства, Національное собраніе, назначило, для разсмотрѣнія денежныхъ отчетовъ правительства, комиссію, состоявшую изъ людей очень враждебныхъ республикѣ. Каковъ же былъ результатъ слѣдствія? Пусть отвѣчаетъ сама комиссія:

„Мы утверждаемъ единогласно, что, по долгомъ и тщательномъ изслѣдованіи, произведенномъ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ, намъ невозможно было найти ни малѣйшаго слѣда какой-нибудъ некорректности въ дѣйствіяхъ Временнаго правительства, или чего бы то ни было, что могло бы внушить малѣйшее подозрѣніе въ недобросовѣстномъ завѣдываніи общественными средствами“ [1]).

Тѣмъ не менѣе, въ 1848 г. только и рѣчи было въ реакціонныхъ листкахъ, что о громадныхъ суммахъ, похищенныхъ Временнымъ правительствомъ и помѣщенныхъ имъ въ англійскіе банки! Какъ не чувствовать глубокаго отвращенія при воспоминаніи о томъ, что анонимные пасквилянты не постыдились обвинить г-на Кремье въ покупкѣ, па награбленныя имъ деньги, лѣса и о томъ, что г. де Ламартинъ счелъ нужнымъ представить публикѣ отчетъ о своихъ личныхъ дѣлахъ и ввести, такимъ образомъ, перваго встрѣчнаго въ свой собственный домъ? Если послушать нѣкоторыхъ людей, то г. Маррастъ въ теченіе своей двухмѣсячной административной дѣятельности, пріобрѣлъ колоссальное состояніе, и эти низкіе слухи пользовались бы, вѣроятно, успѣхомъ еще и поднесь, если бы онъ самъ не опровергъ ихъ,—увы, слишкомъ рѣшительнымъ

[1]) Докладъ комиссіи, которой было поручено разсмотрѣть счеты Временнаго правительства, 14-го апрѣля 1849 г.

образомъ,—тѣмъ, что умеръ, не оставивъ даже денегъ на собственныя похороны [1]).

Понятно, что среди этого разгула клеветъ, Люксембургская комиссія не была пощажена.

Съ непостижимой наглостью стали утверждать, что, назвавъ себя рабочимъ, г. Альберъ обманулъ публику, что это былъ богатый фабрикантъ, милліонеръ! И эту ложь повторяли съ такимъ систематическимъ упорствомъ, что г. Альберъ вынужденъ былъ напечатать слѣдующія подробности о своемъ прошломъ:

„Альберъ, родившійся въ Бюри (департаментъ Уазы) въ 1815 г., сынъ фермера, былъ ученикомъ у одного изъ своихъ дядей, гражданина Рибу, фабриканта машинъ, на улицѣ Basse-des-Ursins, n° 21. Затѣмъ онъ служилъ у нѣсколькихъ лицъ, среди которыхъ мы можемъ назвать г-на Пекера, фабриканта машинъ, возлѣ Попенкурскаго рынка, гражданина Маргокса, на Менильмонтанской улицѣ, № 21. Наканунѣ дня провозглашенія республики, г. Альберъ работалъ, въ качествѣ простого рабочаго, на пуговичной

---

[1]) Клевета не болѣе пощадила Флокона, чѣмъ его товарищей, членовъ Временнаго правительства. Поэтому мы считаемъ своей обязанностью разсказать фактъ, дѣлающій столько же чести Флокону, какъ и женевскимъ рабочимъ.

Однажды въ Женевѣ Флоконъ попалъ въ самую крайнюю нужду; отъ своего скромнаго прошлаго онъ сохранилъ лишь послѣднюю драгоцѣнность, священный знакъ памяти съ семейнымъ шифромъ: не разъ онъ изнемогалъ въ когтяхъ нищеты, не рѣшаясь разстаться съ нимъ.

Между тѣмъ теперь надобность въ деньгахъ была совершенно неотложна.

Приходилось покориться необходимости. Флоконъ отправился къ часовщику и продалъ свои часы. Онъ хотѣлъ уйти, но часовщикъ удержалъ его, потребовавъ, чтобы онъ записалъ свое имя въ магазинной книгѣ. Флоконъ покраснѣлъ и подумалъ было о томъ, не расторгнуть ли сдѣлку, но ужасная необходимость не позволяетъ ему сдѣлать это. Онъ росписывается въ книгѣ и выходитъ изъ лавочки. Жертва принесена.

Но лавочникъ обращаетъ свое вниманіе на имя Флокона, наводитъ справки, столковывается съ своими сосѣдями и друзьями и, черезъ нѣсколько дней, изгнанникъ получаетъ свои часы съ выгравированной внутри надписью: „Господину Флокону, бывшему министру французской республики, отъ женевскихъ рабочихъ“.

фабрикѣ гражданина Баптеруза, на улицѣ la Muette, № 16, гдѣ еще находятся его блуза и его инструменты“ [1]).

Само собой разумѣется, что и я утопалъ въ богатствѣ, я, который изъ литературныхъ трудовъ, которымъ посвятилъ свою жизнь, никогда не извлекалъ ничего сверхъ того, что строго необходимо для жизни. Повѣрятъ ли, что въ Парижѣ, гдѣ было такъ легко констатировать, что я не имѣлъ ни дома, ни какой другой собственности, *Le Lampion*, маленькая газетка поставлявшая большимъ газетамъ запасъ клеветъ, не постыдилась утверждать, что *я запретилъ привратнику моего дома въ Сенъ-Жермэнскомъ предмѣстьи отдавать квартиры въ наемъ рабочимъ, такъ какъ я предпочитаю имѣть квартирантами людей богатыхъ*!

Я здѣсь не стану распространяться о той наглой недобросовѣстности, съ которой мои враги искажали мои идеи, то влагая въ мои уста рѣчи, которыхъ я никогда не произносилъ, то умалчивая о самой существенной части того, что я говорилъ, вслѣдствіе чего совершенно измѣнялся смыслъ моихъ словъ. Принципъ, который я поставилъ, не думая, что онъ можетъ быть сейчасъ же примѣненъ, но который выражалъ, по моему мнѣнію, идеалъ усовершенствованнаго общества, долженствующій осуществиться лишь въ отдаленномъ будущемъ: „отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ“, этотъ принципъ всюду приводили, выпуская первую часть фразы, ту, которая относится къ *обязанности*, что же касается до второй части, то ее цитировали, не упоминая о широкомъ и возвышенномъ опредѣленіи данномъ мной слову, выражающему *право*: отсюда тотъ выводъ, что я стараюсь обновить общество путемъ животнаго удовлетворенія чисто мате-

---

[1]) См. „Moniteur“ отъ 5-го мая 1848 г.

Г. Крокеръ (Croker) содѣйствовалъ укорененію въ Англіи легенды, будто Альберъ былъ богатымъ фабрикантомъ, который игралъ при Луи-Филиппѣ значительную роль въ ліонскихъ безпорядкахъ и о которомъ я говорю въ *Исторіи десяти лѣтъ*. Къ несчастію для г-на Крокера, оказывается, что онъ смѣшалъ двухъ однофамильцевъ, не имѣющихъ ничего общаго другъ съ другомъ.

ріальныхъ влеченій и что я вижу улучшеніе судьбы народа въ закармливаніи его до отвала. Между тѣмъ,—странное противорѣчіе! — въ то время какъ одни обращались ко мнѣ съ этимъ упрекомъ, основаннымъ на подтасовкѣ текстовъ, другіе изображали меня въ видѣ ума крайне склоннаго къ химерамъ, въ видѣ апостола нравственнаго совершенства и самоотверженія, которое невозможно не только примѣнить на дѣлѣ, но даже представить себѣ,—въ видѣ человѣка, безуміе котораго доходитъ до желанія вычеркнуть соображенія о личной выгодѣ изъ числа мотивовъ человѣческой дѣятельности. И почему на меня взводилось такое обвиненіе? Потому только, что я сказалъ, послѣ столь многихъ другихъ, что цѣль учрежденій въ цивилизованномъ обществѣ состоитъ въ томъ, чтобы заставить каждаго искать торжества своихъ собственныхъ интересовъ лишь въ томъ, чего требуютъ интересы всего общества, какъ это и происходитъ во всякой настоящей ассоціаціи.

Что касается до Люксембургской комиссіи, то охотнѣе всего повторяли выдумку, имѣвшую цѣлью сдѣлать меня и г. Альбера ненавистными рабочимъ и состоявшую въ томъ, что мы будто бы явились наслѣдниками роскоши Барраса. Конца не было разсказамъ о нашихъ барскихъ привычкахъ, дивились утонченности нашихъ вкусовъ, называли наши любимыя блюда, описывали наши эпикурейскіе ужины въ этихъ великолѣпныхъ залахъ, которыя Лукуллы директоріи избрали театромъ своихъ оргій.

Трудно найти примѣръ болѣе необыкновеннаго лганья, такъ такъ съ самаго нашего водворенія въ Люксембургскомъ дворѣ мы завели такую простоту стола, что въ этомъ можно было-бы видѣть аффектацію, если бы мы не должны были тогда помнить о столькихъ бѣдныхъ людяхъ, интересы которыхъ мы защищали и которые сидѣли безъ хлѣба. Но чѣмъ грубѣе была ложь, тѣмъ болѣе пресса, недостойная этого имени, старалась ее распространить.

Все это вызывало лишь наше презрѣніе. Стоило-ли безпокоиться по поводу обвиненія, безстыдная лживость котораго была извѣстна тысячамъ свидѣтелей? Развѣ мы не превратили Люксем-

бургскій дворецъ въ стеклянный дворецъ? Развѣ не было достаточно предъявить делегатскій билетъ, чтобы быть допущеннымъ къ намъ во всякое время дня и ночи? Развѣ народъ, въ лицѣ тѣхъ или другихъ своихъ представителей, не присутствовалъ ежедневно на нашихъ трапезахъ? Кромѣ того, въ презрительномъ отношеніи къ обвиненіямъ и противникамъ извѣстнаго сорта, оскорбленный въ своемъ достоинствѣ честный человѣкъ находитъ горделивое наслажденіе.

Наше молчаніе унизило нашихъ хулителей, но пригодилось имъ. Презираемая тѣми, противъ кого она была направлена, жадно подхваченная и распространяемая тѣми, чьей злобѣ она давала оружіе, клевета проникла въ провинцію, гдѣ никто не опровергалъ ея, она стала ходить по роялистскимъ салонамъ, она вошла въ составъ грязи, наполнявшей пасквили. Не знаю, что такое теперь думаетъ г. Луи Рейбо (Reybaud) о грубомъ памфлетѣ, изданномъ имъ, въ тотъ моментъ, когда воздухъ, которымъ авторъ дышалъ, былъ весь напоенъ ненавистью и озаглавленномъ Jèrome Paturot, но, если онъ помнитъ изъ какихъ клеветъ онъ извлекъ соль нѣкоторыхъ своихъ шутокъ, то мучительны должны быть его угрызенія совѣсти.

Но всякая несправедливость и всякая низость длятся лишь нѣкоторое время. Послѣ того какъ Constitutionnel однажды намекнулъ на нашу *роскошь*, г. Женевэ, бывшій тогда управляющимъ Версальскаго дворца, а раньше, т. е., при Временномъ правительствѣ, завѣдывавшій Люксембургскимъ дворцомъ, послалъ редактору слѣдующее письмо, которое можно прочесть въ Constitutionnel'ѣ отъ 2-го іюня 1848 г.:

„Милостивый Государь! состоявъ управляющимъ Люксембургскаго дворца съ того самаго дня, какъ въ него были помѣщены граждане Луи-Бланъ и Альберъ, я считаю долгомъ честности протестовать изо всѣхъ силъ противъ слуха, который, къ сожалѣнію, проникъ въ нѣкоторыя газеты. Утверждаютъ, будто граждане Луи Бланъ и Альбергъ тратили громадныя суммы на свой столъ: это ошибка или клевета. Въ первый мѣсяцъ, послѣ большого сопро-

тивленія со стороны обоихъ членовъ Временнаго правительства, ихъ столовали за 6 франковъ въ день на каждаго; въ слѣдующій мѣсяцъ, граждане Альбергъ и Луи Бланъ, найдя пищу все еще слишкомъ изобильной, разрѣшили расходъ только въ 2 франка 50 сантимовъ на завтракъ въ 2 франка 50 сантимовъ на вечерній обѣдъ. Я могу немедленно представить доказательства и документы въ удостовѣреніе моихъ словъ.

31-го мая 1848 г. А. Женевэ.

Обѣды въ пятьдесятъ су, вотъ въ чемъ состояли ежедневныя оргіи Лукулловъ Временнаго правительства!

Я упомянулъ о маленькой газеткѣ, называвшейся le Lampion. Это была мастерская, гдѣ искусившіяся въ этой работѣ руки изготовляли клеветы, которыя оттуда переходили въ болѣе вліятельные органы, какъ напр. *l'Assemblée nationale* и *le Constitutionnel*. Между тѣмъ, 31-го августа 1856-го г. г-ну Шарлю Батайлю случилось напечатать въ *le Diogène* біографію человѣка, который въ 1848-го редактировалъ *le Lampion* и въ этой біографіи, благопріятствующей своему герою, сказать о Lampion'ѣ, охарактеризовавъ его какъ дьявольскую и обезумѣвшую отъ бѣшенной ярости газету: „Тамъ было придумано знаменитое ананасовое пюре́, которымъ будто-бы наслаждались члены Временнаго правительства; тамъ сочинили исторію о томъ, какъ г. Маррастъ укралъ для собственнаго своего сына колыбель графа Парижскаго; тамъ открыли, если память меня не обманываетъ, что лучшая кашемировая шаль герцогини Орлеанской служила скатертью г-ну Луи Блану, тамъ была никогда не закрывавшаяся лавочка всякаго рода необузданныхъ ругательствъ. Даже женщины, которыя конечно не имѣли никакого отношенія къ партійнымъ распрямъ, не были пощажены этой грубой и распущенной печатью... Въ репертуарѣ издателя газеты *Le Lampion* есть двѣ фразы, авторомъ которыхъ я не согласился-бы быть за все остроуміе Вольтэра. Это было въ іюнѣ 1848-го года. Толпа безоружныхъ людей шла подъ конвоемъ линейнаго полка, причемъ за ней слѣдовала повозка, наполненная ружьями инсургентовъ: „*вотъ вилки дядюшки*

Дюшена“, язвительно сказалъ издатель Lampion'а при видѣ этихъ несчастныхъ. Въ тотъ-же вечеръ подъ рубрикой: *Смѣсь*, La Lampion помѣстилъ слѣдующія строки: „Нашли на убитомъ соціалистѣ слѣдующій демократическій билетъ: „*билетъ, дающій право на трехъ дамъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія.*“ А въ то время, какъ это печаталось, кровь лилась потомъ во всѣхъ концахъ Парижа“.

Отвѣтъ журналиста, привлеченнаго такимъ образомъ къ нравственной отвѣтственности, поражаетъ своей наивностью и дѣлаетъ излишнимъ всякіе комментаріи:

„Да хранитъ меня Богъ отъ того, чтобы воскрешать угасшія страсти эпохи одновременно столь близкой и столь далекой отъ насъ, когда всѣ мы, побѣдители и побѣжденные, грѣшили преувеличеніями. Но я долженъ сказать, что, среди гражданскихъ раздоровъ, наиболѣе виновенъ не тотъ, кто на акты соціальнаго одичанія отвѣчаетъ *артиллеріей* острыхъ *словечекъ*“ [1]).

Перечисленіе всѣхъ убійственныхъ выдумокъ, пущенныхъ въ обращеніе „Constitutionnel'емъ“ и другими газетами этого рода, и принятыхъ въ число несомнѣнныхъ истинъ тѣми, въ чьихъ интересахъ было имъ вѣрить, заняло бы слишкомъ много мѣста. Да и возможно ли прослѣдить ужасное развитіе клеветъ, которыя распространились по всей Европѣ, постоянно разростаясь, какъ катящійся снѣжный комъ?

Не стану болѣе останавливаться на этой печальной темѣ. Но, сказавъ безъ околичностей, въ чемъ можно упрекнуть Временное правительство, я требую права сказать съ той же откровенностью, за что его можно похвалить.

Что бы ни думать о направленіи, представителемъ котораго было это правительство, и какъ ни плачевны были заблужденія, въ которыя большинство его членовъ было ввергнуто неразумнымъ недовѣріемъ ко всякой новой идеѣ, все же кратковременное появленіе этого правительства на бурной міровой сценѣ оставило

---

[1]) „Figaro“, 7-го сентября 1856 г.

по себѣ неизгладимое воспоминаніе о его честности, любви къ общественному благу и преданности долгу. Не отрицаю, что между членами, изъ которыхъ оно состояло, существовали тѣ недоразумѣнія и тѣ несогласія, безъ которыхъ не обходится человѣческая слабость, тѣмъ не менѣе, я глубоко убѣжденъ, что Временное правительство, если взглянуть на совокупность его актовъ, можетъ выдержать сравненіе съ лучшими правительствами, когда либо существовавшими. Да, когда замолкнетъ партійная перебранка, исторія скажетъ, что никогда ни одно правительство въ короткій двухмѣсячный промежутокъ времени не издало столько декретовъ благопріятныхъ свободѣ и запечатлѣнныхъ столь глубокимъ уваженіемъ къ человѣческому достоинству, что никакое правительство среди колоссальнаго столкновенія разнуздавшихся страстей, не проявило болѣе постояннаго спокойствія духа, болѣе благородной вѣры въ нравственный авторитетъ своего принципа, болѣе полнаго безкорыстія и болѣе горделиваго безстрашія, что ни одно правительство не обошлось со своими врагами съ большимъ великодушіемъ, не обнаружило большаго отвращенія къ пролитію крови, и болѣе старательно не воздерживалось отъ всякаго поступка, сопряженнаго съ насиліемъ; однимъ словомъ, что ни одно правительство не сумѣло столь удивительнымъ образомъ удержаться на вершинѣ потрясеннаго до самыхъ основаній общества, пока считало это нужнымъ, не прибѣгая къ силѣ, не пуская въ ходъ ни судей, ни полиціи, ни солдатъ и призывая къ себѣ на помощь одну лишь силу убѣжденія [1]).

---

[1]) Въ подтвержденіе нашихъ словъ объ уваженіи Временнаго правительства къ свободѣ прессы, лучше всего привести здѣсь инструкціи, разосланныя 8-го мая 1848 года г-номъ Кремье, министромъ юстиціи, старшимъ прокурорамъ (procureurs généraux) республики:

Господинъ старшій прокуроръ.

Свобода прессы есть право, сызнова завоеванное февральской революціей. Распущенность прессы—самый смертельный врагъ свободы; но правительства смотрятъ съ точки зрѣнія своихъ интересовъ на границу между распущенностью и свободой: это большая ошибка, которой не должно подражать правительство республиканское.

Нападки, направленные на должностныхъ лицъ, раздѣляются на двѣ категоріи: нападки на служебныя дѣйствія, нападки на личность.

Первымъ нападкамъ нужно предоставить наивозможную свободу. Если

дѣйствія, на которыя нападаютъ, дѣйствительно совершались и только невѣрно оцѣниваются, или даже искажаются съ политическимъ умысломъ, пока лица, комментирующія эти дѣйствія, не призываютъ къ возстанію, къ нарушенію законовъ, эти комментаріи составляютъ право партій. *Чтобы судить о прессѣ, нужно представить себя въ рядахъ той партіи, которой служитъ журналистъ, со всѣми ея идеями и стремленіями.* Подозрѣніе, въ особенности при республиканскомъ устройствѣ, сопутствуетъ власти, ее сдерживаетъ, надзираетъ за нею. Почему этого не сказать? Подозрѣніе, послѣ столькихъ обмановъ, является правомъ; оно есть обязанность въ трудныя времена; дѣло человѣка, облеченнаго общественной должностью,—стать выше подозрѣнія.

Что касается до нападковъ на личность, то относительно этого я не могу дать никакого точнаго указанія. По моему мнѣнію, если только они не вырождаются въ клеветы, пятнающія честь, должностное лицо должно отвѣчать на нихъ своею жизнью и своими поступками. Всякій знаетъ, что ложь слѣдуетъ по пятамъ каждаго человѣка, занимающагося общественной дѣятельностью и выставляетъ его слова и дѣйствія въ невѣрномъ и неблагопріятномъ свѣтѣ. Пусть самъ чиновникъ судитъ, долженъ ли онъ подать жалобу на газету или пренебречь ложью. Лучше всего—не затѣвать судебнаго разбирательства и стараться завоевать общественное уваженіе; это уваженіе можно сохранить, несмотря на наносимыя отдѣльными лицами оскорбленія, когда оскорбленіямъ противопоставляется дѣятельность, не скрытая ни отъ чьихъ глазъ и частная жизнь, которая у всѣхъ на виду.

Если клевета стремится обезчестить представителя власти, то пусть онъ приметъ во вниманіе обстоятельства, мѣсто, пусть онъ освѣдомится, введено ли относительно его общественное мнѣніе въ заблужденіе, пусть онъ взвѣситъ преимущества юридическаго разъясненія истины и неудобства судебнаго преслѣдованія и пусть руководится своимъ собственнымъ благоразуміемъ.

Я прибавлю только, что *тотъ не общественный дѣятель, кто не чувствуетъ себя защищеннымъ отъ прессы непроницаемой броней.* Не слѣдуетъ такъ сильно гнѣваться на газеты: ихъ критика, ихъ утвержденіе, ихъ ручательства, иногда даже ихъ лганье могутъ быть полезны. Коли ужъ высказать всю мою мысль, должностныя лица должны подпимать судебныя преслѣдованія, только когда ихъ къ этому обязываетъ самая властная, самая абсолютная необходимость.

Таковы мои принципы, я ихъ исповѣдывалъ, когда находился въ оппозиціи и сохраняю ихъ, находясь у власти, я ихъ отстаивалъ, будучи депутатомъ и придерживаюсь ихъ, ставъ членомъ правительства; я ихъ защищалъ въ качествѣ адвоката и провозглашаю ихъ, сдѣлавшись министромъ.

Что касается до статей, на которыя вы мнѣ указываете, то я думаю, что трудно было бы, на слѣдующій день послѣ провозглашенія нашей республики, добиться судебнаго рѣшенія, благопріятнаго преслѣдованію. Наши нервы должны быть менѣе чувствительны, чѣмъ нервы частнаго

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Выборы.

Праздникъ братства.—Раздача знаменъ національнымъ гвардейцамъ и арміи.—Присяга начальниковъ отрядовъ.—Войска дефилируютъ передъ Временнымъ правительствомъ.—Патріотическій энтузіазмъ арміи.—Руанскія событія.—Декретъ объ общихъ выборахъ примѣняетъ принципъ всеобщей подачи голосовъ.—Спокойствіе, повсюду сопровождавшее во Франціи выборы.—Происки реакціонеровъ.—Циркуляры нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Люксембургскіе паріи.—Смотръ національныхъ мастерскихъ, проектировавшійся, въ виду выборовъ, г-ми Маррастомъ и Мари.—Почему этотъ проектъ пришлось оставить.—Отсутствіе именъ Ледрю-Роллена, Флокона, Альбера и Луи-Блана на бюллетеняхъ, раздававшихся парижской мэріей.—Люксембургъ проповѣдуетъ соглашеніе.—Делегаты корпорацій избираютъ рабочихъ кандидатовъ.—Экзаминаціонная коммиссія.—Вопросы, поставленные кандидатамъ.—Мои усилія помѣшать составленію делегатами слишкомъ исключительнаго списка.—Успѣхъ коалиціоннаго списка умѣренныхъ.—Избирательное торжество г-на Ламартина.—Политическій дѣятель и поэтъ.

20-го апрѣля Парижъ былъ свидѣтелемъ полувоеннаго, полугражданскаго празднества, которое назвали *праздникомъ братства* и торжественность котораго показала, какой нравственной силой обладала республика въ Парижѣ.

Такъ какъ поводомъ къ этому празднеству послужила раздача новыхъ знаменъ какъ арміи, такъ и національнымъ гвардейцамъ, то нѣсколько отрядовъ кавалеріи и полковъ инфантеріи пришлось вернуть въ Парижъ.

человѣка. Тотъ, кто имѣетъ честь распоряжаться, въ томъ или другомъ видѣ, общественной силой пусть умѣетъ провести рукой по своему лицу и сказать: *я не раненъ*.

Привѣтъ и братство.

Министръ юстиціи

Ад. Кремье.

Въ семь часовъ утра болѣе двухсотъ тысячъ гражданъ, какъ рабочихъ, такъ и буржуа, было на ногахъ въ мундирахъ національной гвардіи, а линейныя войска вмѣстѣ съ гвардіей мобилей составляли не менѣе ста тысячъ человѣкъ. Улицы были переполнены народомъ. Въ концѣ Елисейскихъ полей была воздвигнута, въ формѣ амфитеатра, громадная эстрада, прислоненная къ тріумфальной аркѣ Звѣзды. Въ девять часовъ двадцать одинъ пушечный выстрѣлъ, донесшійся съ Гипподрома, привѣтствовалъ прибытіе Временнаго Правительства. Члены послѣдняго сѣли въ первомъ ряду эстрады; посрединѣ сидѣлъ г. Дюпонъ (изъ Эры). Позади находились блестящій генеральный штабъ, представители судебной власти въ полномъ облаченіи, высшіе государственные чиновники. По обѣимъ сторонамъ два оркестра играли патріотическіе гимны и марши. Наверху эстрады сидѣла группа элегантно одѣтыхъ женщинъ, державшихъ букеты, обвязанные трехцвѣтными лентами. У подножія эстрады — полковники различныхъ отрядовъ были размѣщены въ видѣ полукруга.

Въ десять часовъ г. Араго всталъ держа знамя республики въ рукахъ и, обращаясь къ полковникамъ, сказалъ взволнованнымъ и полнымъ достоинства голосомъ: „Полковники, во имя республики, мы беремъ Бога людей въ свидѣтели, что вы клянетесь въ вѣрности этому знамени“. Полковники, поднявъ вверхъ шпаги, отвѣчали: „Мы клянемся. Да здравствуетъ республика!“ Тогда загремѣли пушки, воздухъ огласился революціонными пѣснями и войска стали дефилировать.

Погода была мягкая, небо было покрыто облаками. Время отъ времени лучъ солнца, прорѣзавъ облака, игралъ на движущемся лѣсѣ штыковъ, которыми была ощетинена вся главная аллея Елисейскихъ полей. Эта поразительная масса вооруженныхъ людей, двигавшихся въ совершенномъ порядкѣ, хотя и исполненныхъ энтузіазма, гирлянды цвѣтовъ, закрывавшихъ жерла пушекъ, сиреневыя и боярышниковыя вѣтви, покачивавшіяся на ружейныхъ дулахъ, гимны радостнаго патріотизма, въ которыхъ почти терялся грохотъ барабановъ, отсутствіе всякой принужденности,

представители народа, съ довѣріемъ идущіе навстрѣчу ему, образъ войны, преклоняющейся передъ символомъ братства,—все это вмѣстѣ представляло собой зрѣлище, о величіи котораго не можетъ дать понятіе никакое описаніе.

По мѣрѣ того, какъ каждый легіонъ, каждый отрядъ, каждый полкъ достигалъ арки Звѣзды, командиръ всходилъ на эстраду, гдѣ одинъ изъ членовъ Временнаго Правительства,—каждый по очереди,—вручалъ ему знамя, говоря: „во имя народа, клянетесь ли вы защищать это знамя, которое вамъ ввѣряетъ республика?“ Офицеръ отвѣчалъ: „Клянусь. Да здравствуетъ республика!“ Онъ бралъ знамя, возвращался на свое мѣсто и отдавалъ солдатамъ приказъ идти дальше. Какъ описать достойнымъ образомъ это страстное настроеніе цѣлаго вооруженнаго народа, шествовавшаго передъ изображеніемъ республики, наконецъ, восторжествовавшей? Я видѣлъ въ этотъ день припадки восторженности, доходившей до сумасбродства. Тщетно лордъ Норменби обдаетъ холодомъ своего стиля эти пламенныя воспоминанія, тщетно онъ утверждаетъ, будто пріемъ, оказанный членамъ Временнаго Правительства по ихъ прибытіи, „поразилъ его своей крайней холодностью“; напрасно онъ говоритъ тономъ, выдающимъ нѣкоторое чувство неловкости: „судя по тому, что я видѣлъ, большого энтузіазма не было, но я слыхалъ, что другіе вынесли съ различныхъ пунктовъ шествія болѣе благопріятное впечатлѣніе“ [1]); я съ своей стороны осмѣливаюсь утверждать, что ни въ одной странѣ и ни въ одну эпоху не было болѣе бурнаго, болѣе единодушнаго, болѣе неподдѣльнаго сердечнаго порыва, чѣмъ тотъ, который извлекъ изъ груди трехсотъ тысячъ человѣкъ громовое восклицаніе: *да здравствуетъ республика*! Свидѣтельству же лорда Норменби, я противополагаю свидѣтельство всего Парижа. Въ эти слишкомъ короткія минуты какая душа не была растрогана? Чье лицо не поблѣднѣло отъ наплыва героическихъ чувствъ? Мелкія соперничества затихли: жалкія страсти устыдились самихъ себя: партійная

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 335.

злоба была отсрочена на слѣдующій день. Это былъ день согласія, день сладкаго забвенія и мимолетной надежды.

Какъ всѣ мои другіе товарищи, я долженъ былъ привести къ присягѣ нѣсколькихъ полковниковъ: утверждаю, что всѣ они произнесли торжественныя слова: „я клянусь!“ тономъ искренности, который у нѣкоторыхъ изъ нихъ походилъ на энтузіазмъ.

Среди всѣхъ этихъ офицеровъ, которые въ теченіе двѣнадцати часовъ дефилировали на нашихъ глазахъ, только одинъ безмолвствовалъ. Была ночь, но тысячи факеловъ освѣщали эстраду и окружавшее ее пространство. Изъ одиннадцати членовъ правительства насъ оставалось двое, г. Франсуа Араго и я. На слѣдующій день генералъ Бедо пришелъ ко мнѣ и сталъ меня увѣрять, что военный, который столь неблагопріятнымъ для себя образомъ привлекъ мое вниманіе, является, тѣмъ не менѣе, служакой, на вѣрность котораго можно разсчитывать, что онъ, генералъ Бедо, знаетъ его и отвѣчаетъ за него и что у республики не будетъ болѣе вѣрнаго слуги, чѣмъ этотъ офицеръ.

Англичане, которые будутъ читать эти строки, спросятъ себя, можетъ быть съ удивленіемъ, какимъ образомъ, 2-го декабря 1851-го года Луи-Бонапартъ могъ опереться на эту армію, которая 20-го апрѣля 1848 г. столь горячо браталась съ парижанами и столь беззавѣтно предоставляла себя къ услугамъ республики? Объясненіе этого явленія, почти непостижимаго для иностранца и въ высшей степени горестнаго для француза, можно найти въ самой сущности постоянной арміи въ тѣхъ странахъ, гдѣ регулярнымъ войскамъ поручается подавленіе гражданскихъ смутъ. Во Франціи армія, съ точки зрѣнія дѣйствія, есть обширный механизмъ, пружины котораго повинуются съ безсознательной точностью паровой машины, двигательной силѣ, называемой властью. У заслуживающаго удивленія въ военное время и вооодушевленнаго на полѣ битвы самыми благородными чувствами солдата—въ мирное время, есть лишь одна цѣль: повышеніе по службѣ; лишь одна религія: служебная іерархія; лишь одна наука: дисциплина; лишь одинъ законъ: повиновеніе. Такъ какъ простой солдатъ есть

лишь пассивное орудіе въ рукахъ капрала, капралъ—въ рукахъ сержанта и т. д., то движеніе арміи въ томъ или другомъ направленіи зависитъ отъ воли того человѣка, кто бы онъ ни былъ, который можетъ прижать главную пружину механизма. Если бы наканунѣ декабрьскаго переворота національное собраніе не сдѣлало непоправимой ошибки, подчинивъ армію власти президента, то, по моему глубокому убѣжденію, въ случаѣ борьбы, генералъ Шангарнье арестовалъ бы Луи-Бонапарта съ помощью тѣхъ же самыхъ солдатъ, которыми воспользовался Луи-Бонапартъ для того, чтобы арестовать генерала Шангарнье: это значитъ, что свобода невозможна тамъ, гдѣ постоянная армія находится въ рукахъ исполнительной власти.

Именно поэтому я былъ противъ возвращенія войскъ въ Парижъ, предчувствуя, что, рано или поздно, ихъ присутствіе въ столицѣ будетъ имѣть роковыя послѣдствія. Но то, что для меня было источникомъ тревоги, то для другихъ было предметомъ надеждъ. Тѣ, которые въ душѣ горѣли желаніемъ „образумить народъ“, стали стараться подъ всевозможными предлогами не выпускать войскъ изъ Парижа. Также и въ этомъ случаѣ большинство Временнаго правительства впало въ роковую ошибку. Оно не поняло смысла желанія, настойчивое выраженіе котораго должно было бы показаться подозрительнымъ и, само того не подозрѣвая, сыграло въ руку нашимъ врагамъ и опрометчиво поддержало дѣйствія, которыя слѣдовало бы во всеуслышаніе осудить или даже наказать.

Такъ напримѣръ, когда 27-го апрѣля произошли въ Руанѣ безпорядки по поводу выборовъ, при чемъ генералъ, командовавшій тамошними войсками, двинулъ ихъ на рабочихъ, собравшихся на улицѣ безпорядочными, но безоружными группами, состоявшими отчасти изъ женщинъ и дѣтей, группами, которыя національная гвардія смогла бы разсѣять безъ кровопролитія, я не могъ добиться отъ Совѣта, чтобы сейчасъ же было наряжено строгое слѣдствіе объ этомъ прискорбномъ событіи. Между тѣмъ, къ намъ вскорѣ пришли раздирающія душу извѣстія: на улицахъ стрѣляли изъ пушекъ,

кровь народа лилась рѣкой, а между тѣмъ, ни одинъ солдатъ не погибъ; столь ненужна и неравна была борьба! Къ довершенію всего, *побѣдоносный* генералъ послалъ намъ рапортъ, настоящій бюллетень великой арміи, дышавшій какимъ то дикимъ чувствомъ удовлетворенія. Въ негодованіи я потребовалъ, чтобы этотъ военный тотчасъ же былъ призванъ въ Парижъ и далъ отчетъ въ своемъ поведеніи; въ этомъ требованіи, насколько я помню, меня поддержалъ г. Ледрю-Ролленъ. Но я встрѣтилъ столь бурное, столь гнѣвное сопротивленіе со стороны г-на Араго, что, въ первый и единственный разъ въ моей жизни, пожалѣлъ о стѣсненіи, которое налагалось на меня почтеніемъ къ его сѣдинамъ.

Приближался конецъ назначеннаго нами срока нашему правленію, и вышелъ декретъ, призывавшій націю къ вступленію въ свои верховныя права. Никогда, въ одной странѣ не вводился еще законъ, болѣе искренно демократическій. Онъ заключался въ слѣдующемъ: всякій французъ, достигшій двадцати одного года отъ роду, объявляется избирателемъ послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ мѣстѣ, гдѣ происходятъ выборы; всякій французъ можетъ быть избранъ въ народные представители; подача голосовъ будетъ тайная; для того, чтобы политическая дѣятельность была доступна и бѣдному, каждый народный представитель будетъ получать вознагражденіе въ 25 франковъ въ день [1]). Это была всеобщая подача голосовъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Что результаты всеобщаго голосованія будутъ сейчасъ же благопріятны, я на это не надѣялся. Я слишкомъ хорошо зналъ, въ какомъ состояніи зависимости и невѣжества прозябало сельское населеніе. Но я зналъ также, что, для того, чтобы судить о соціальномъ значеніи какого-нибудь принципа, не слѣдуетъ становиться исключительно на точку зрѣнія интересовъ даннаго момента; я зналъ, что всеобщей подачѣ голосовъ свойственно пріобрѣтать все большую практическую цѣнность по мѣрѣ того, какъ народъ просвѣщается, по мѣрѣ того, какъ его умственный уровень возвышается,

[1]) Подробности см. въ „Moniteur'ѣ“.

и его политическая жизнь развивается. Къ тому же, всеобщая подача голосовъ основана на понятіи о правѣ, и въ одномъ уже фактѣ торжественнаго признанія права заключается нѣчто имѣющее громадное значеніе. Только мнѣ хотѣлось бы, чтобы съ меньшей поспѣшностью ввѣряли крестьянамъ оружіе, которымъ они, какъ это я предвидѣлъ, должны были ранить самихъ себя.

Итакъ, я подписалъ декретъ, устанавливавшій всеобщее голосованіе, принципъ, коего торжества никто не желалъ сильнѣе, чѣмъ я.

Выборы были назначены на 23-е апрѣля, т. е. на пасхальное воскресеніе. Они произошли во всей Франціи съ замѣчательнымъ спокойствіемъ. Не только они нигдѣ, кромѣ Руана, не повели къ безпорядкамъ, но во многихъ мѣстахъ имѣли характеръ деревенскаго праздника. Во многихъ деревняхъ крестьяне выстраивались въ рядъ передъ церковной папертью при выходѣ съ обѣдни и, подъ предводительствомъ мэра, съ распущенными знаменами и предшествуемые музыкой, отправлялись въ видѣ процессіи къ избирательнымъ урнамъ.

Въ Парижѣ противъ меня и Альбера были пущены въ ходъ двумя моими товарищами подпольныя интриги, разсказать которыя меня заставитъ мое уваженіе къ истинѣ, но, за исключеніемъ этого обстоятельства, тамъ не произошло ничего, что могло бы указывать на незаконное вмѣшательство въ выборы.

Правда, что въ своемъ циркулярѣ отъ 12-го марта г. Ледрю-Ролленъ публично наказывалъ комиссарамъ хорошо объяснить избирателямъ небходимость выбирать республиканцевъ; правда, что циркуляръ содержалъ слѣдующую фразу: „страна не получила воспитанія, вы должны служить ея вожатыми“; правда, наконецъ, что онъ послалъ въ сельскіе округа, не тайно, но средь бѣла дня и на глазахъ у всѣхъ нѣкоторое число умныхъ людей, которымъ было поручено распространять принципы революціи. Такъ что же? Этимъ онъ только выполнилъ свой долгъ, за что его слѣдуетъ только похвалить. Всеобщая подача голосовъ, когда она примѣняема во мракѣ, внѣ того вліянія, которое естественнымъ образомъ принад-

лежитъ и должно принадлежать знанію по отношенію къ невѣжеству, есть лишь жалкій фарсъ, лишь лицемѣрное средство пользоваться народнымъ самодержавіемъ для угнетенія самаго народа. Г. Ледрю-Ролленъ заслужилъ бы порицаніе исторіи, если бы воспрепятствовалъ обсужденію кандидатуръ, воспретилъ избирательныя собранія, навязалъ прессѣ гробовое молчаніе и поставилъ избирательную урну между солдатомъ и жандармомъ. Слава Богу, Временное правительство не сдѣлало ничего подобнаго. Не оно боялось свѣта. Оно не только не лишило своихъ враговъ слова, но предоставило имъ полную свободу нападать, поносить и клеветать... Извѣстно, какъ они воспользовались этой свободой! Не ограничиваясь разжиганіемъ недовольства, вызваннаго въ деревняхъ сорокасантимнымъ налогомъ, они стали злоупотреблять легковѣріемъ крестьянъ, ловя ихъ въ западню самыхъ нелѣпыхъ басенъ. Несомнѣнно, напр., какъ мало вѣроятно это ни кажется, что въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, г. Ледрю Ролленъ, подъ именемъ герцога Роллена (le duc Rollin) слылъ человѣкомъ крайне распущеннаго поведенія, имѣющимъ одновременно двухъ любовницъ: „Марію (la Marie) и Мартину (la Martine)“; и добрые люди, которыхъ обманывали столь постыднымъ образомъ, восклицали: „ого! одна любовница, это ужь много, но двѣ любовницы, это изъ рукъ вонъ!“ [1])

Само собою разумѣется, подобнымъ интригамъ не могло быть ходу въ сколько-нибудь значительныхъ городахъ. Тамъ республиканскія чувства такъ быстро развились послѣ февральскихъ событій, что всякій кандидатъ, который не объявилъ бы себя республиканцемъ, пошелъ бы навстрѣчу почти несомнѣнному и позорному пораженію. Это объясняетъ однообразный тонъ избирательныхъ professions de foi того времени. Ограничусь немногими цитатами, достаточно любопытными, чтобы быть занесенными на эти страницы и не быть забытыми въ исторіи сановниковъ имперіи.

---

[1]) Г. Мишле цитируетъ этотъ фактъ, хорошо извѣстный во Франціи, какъ курьезное указаніе на тотъ способъ, какимъ, вѣроятно, образовались многія легенды въ Средніе Вѣка.

Г. Барошъ [1]) писалъ избирателямъ Нижней-Шаранты: „Я республиканецъ по разуму, по чувству, по убѣжденію. Не какъ изъ двухъ золъ меньшее и не какъ временный компромиссъ принимаю я республику, а какъ единственную форму правленія, могущую обезпечить величіе и благоденствіе Франціи".

По мнѣнію г. Руэра [2]), революція была одновременно политической и соціальной. Поэтому онъ требовалъ „полной и безусловной свободы собраній, непрерывной дѣятельности клубовъ, прогрессивнаго налога, организаціи труда; все для народа и посредствомъ народа!"

Г. Фіаленъ-де-Персиньи [3]) въ слѣдующихъ словахъ обращался къ луарскимъ избирателямъ: „Это не завершеніе политической революціи, а начало соціальной". „Поэтому онъ клялся что „все то количество мужества, ума и рѣшимости, которое ему далъ Богъ, онъ посвятитъ отнынѣ дѣлу освобожденія народа отъ единственнаго вида рабства, еще тяготѣющаго надъ нимъ, отъ ига бѣдности" [4]).

---

[1]) Барошъ, одинъ изъ главныхъ соучастниковъ coup d'Etat 2-го декабря 1851 г., былъ затѣмъ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, правой рукой Наполеона III въ дѣлѣ борьбы съ „крамолой" путемъ всевозможныхъ административныхъ злодѣйствъ. *Перев.*

[2]) Читателю извѣстно, какую громадную офиціальную роль сыгралъ министръ второй имперіи Руэръ, послужившій отчасти прототипомъ Этьена Ругона въ романахъ Зола. *Перев.*

[3]) Фіаленъ де Персиньи былъ главнымъ организаторомъ матеріальной стороны декабрьскаго переворота. *Перев.*

[4]) Въ корреспонденціи изъ Парижа въ газетѣ „Times" отъ 19-го февраля 1859 г. мы читаемъ слѣдующее: „Biographie universelle издала приложеніе, содержащее біографію человѣка, на котораго друзья его смотрятъ какъ на человѣка, выдающагося, если не очень устойчиваго и какъ на самую *удачливую* знаменитость нашихъ дней; я говорю о г-нѣ Барошѣ президентѣ Государственнаго Совѣта, кавалерѣ ордена почетнаго легіона первой степени (grand croix de la Légion d'honneur) и пр..... Между тѣмъ, нужно знать, что прежде, чѣмъ быть допущенной къ розничной продажѣ (colportage) всякая книга должна быть визирована министромъ внутреннихъ дѣлъ, дающимъ свое разрѣшеніе лишь на основаніи мнѣнія коммиссіи о розничной продажѣ, коммиссіи, собирающейся разъ въ недѣлю въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Къ каждому экземпляру должна быть приложена печать министра, въ противномъ случаѣ, книга можетъ быть конфискована. Въ біографіи вышеупомянутаго достославнаго и на

Комментаріи тутъ излишни.

Въ Парижѣ вотъ что произошло.

Г. Маррастъ, въ качествѣ парижскаго мэра, находился въ центрѣ избирательнаго движенія. Будучи ярымъ противникомъ соціализма и боясь, чтобы успѣхи новыхъ идей не проявились яркимъ образомъ въ результатахъ парижскихъ выборовъ, онъ рѣшилъ всю свою дѣятельность направить противъ люксембургской коммиссіи; его оффиціальное положеніе позволяло ему сдѣлать это съ надеждой на успѣхъ. Г. Бюшезъ предложилъ ему свои услуги по этой части, и онъ же, г. Бюшезъ, вмѣстѣ съ г.г.-ми Маррастомъ и Мари приготовилъ планъ смотра національныхъ мастерскихъ въ Сен-Морѣ наканунѣ дня, на который были назначены выборы въ Парижѣ. Предоставляю слово г. Эмилю Тома̀, бывшему орудіемъ, выбраннымъ этими господами. Разсказавъ, что цѣлью смотра было расположить рабочихъ въ пользу Ратуши, что каждый изъ нихъ долженъ былъ получить добавочную плату и что эта идея, предложенная имъ (т. е. г. Тома̀) г.г.-мъ Маррасту и Мари, была принята послѣдними съ живѣйшимъ удовольствіемъ, г. Эмиль Тома̀ выражается слѣдующимъ образомъ:

„Вслѣдствіе этого, съ утра 21-го числа я все приготовилъ

дѣленнаго дарами фортуны гражданина заключался, въ видѣ историческаго свѣдѣнія, намекъ на участіе, которое онъ принималъ въ дѣлахъ 1848 года и на его знаменитую profession de foi, обращенную къ гражданамъ Нижней Шаранты... Къ несчастію, нельзя было бы, въ защиту г-на Бароша, сослаться на неопытность юности, ибо ему было тогда 48 лѣтъ и онъ имѣлъ за собой блестящее прошлое въ адвокатурѣ. Видя нѣкоторое неудобство въ томъ, чтобы каждый селянинъ, всякій ремесленникъ могъ познакомиться съ прежними очень передовыми мнѣніями человѣка, обращеніе котораго въ имперіализмъ какъ то совпало, по счастливой случайности, съ достиженіемъ почестей, высокаго положенія и доходнаго мѣста, нѣкій благоразумный другъ, членъ коммиссіи о розничной продажѣ, воспротивился изданію біографіи въ свѣтъ, если только изъ нея не должно было быть выпущено неподобающее мѣсто. Это послѣднее предложеніе, кажется, и было принято, такъ что издателю придется изъять изъ продажи свое первое изданіе и приготовить новое изданіе, свободное отъ всякаго докучливаго республиканскаго воспоминанія. Хорошо въ нуждѣ имѣть друга и я не сомнѣваюсь, что г-нъ Барошъ выскажетъ свою признательность за такую услугу.

для этого смотра, который долженъ былъ произойти на Сен-Морскомъ полѣ для маневровъ, 22-го числа, и вечеромъ кончиться оффиціальнымъ пріемомъ делегатовъ въ залѣ дворца биржи въ присутствіи двухъ упомянутыхъ членовъ Временнаго правительства. По этому случаю и дабы вознаградить ихъ за расходы, въ которые должна была ихъ ввести поѣздка, рабочіе должны были получить не ту же плату, что за обыкновенный рабочій день, но всего лишь добавочную плату въ 50 сантимовъ" [1]).

Повидимому, побоялись комментаріевъ, ибо въ тотъ же самый день г. Эмиль Тома́ получилъ отъ г. Бюшеза слѣдующее письмо:

Парижская мэрія.

21 апрѣля 1848 г.

„Милый Эмиль! утро вечера мудренѣе. Мнѣ пришло въ голову, что смотръ національныхъ мастерскихъ былъ бы слишкомъ сходенъ съ избирательнымъ маневромъ. Я сообщилъ это опасеніе Маррасту и Рекюру. Они пришли къ тому же выводу.

Подписано: *Бюшезъ* [2]).

Тотчасъ же, какъ онъ самъ это разсказываетъ, г. Эмиль Тома̀ побѣжалъ въ Ратушу. Онъ изложилъ г. Бюшезу неудобства отмѣны приказанія и замѣтилъ, что „произведенное нашимъ поступкомъ впечатлѣніе имѣетъ мало значенія, лишь бы вполнѣ достигнута была цѣль, которая должна послужить дѣлу умѣренности и благоразумія" [3]).

Другими словами, по мнѣнію г. Эмиля Тома̀, цѣль оправдывала средства!

Таково же было, вѣроятно, мнѣніе г.г. Бюшеза и Марраста, такъ какъ г. Эмиль Тома̀ присовокупляетъ: „Г. Бюшезу мои доводы пришлись по душѣ, и онъ повелъ меня къ г. Маррасту, который вполнѣ вернулся къ моему мнѣнію" [4]).

Несмотря на все это, смотръ не состоялся. Почему? Г. Эмиль

---

[1]) Histoire des Ateliers nationaux, par M. Émile Thomas, стр. 213.
[2]) Ibid. стр. 214.
[3]) Ibid, стр. 215.
[4]) Histoire de Ateliers nationaux, par M. Émile Thomas, стр. 215.

Томà, вѣроятно, не зналъ; почему я не могу объяснить, въ чемъ было дѣло.

Увѣдомленный о намѣреніи мэріи, я перенесъ вопросъ въ Совѣтъ и, по моему настоянію, было рѣшено, что, если Сен-морскій смотръ состоится, то онъ произойдетъ въ присутствіи не двухъ только членовъ Временнаго правительства, а всего Временнаго правительства. Что же касается до добавочной платы, то я не зналъ объ этой характерной подробности и о ней не было рѣчи.

Между тѣмъ, когда наступилъ назначенный моментъ, то проектъ былъ оставленъ тѣми самыми лицами, которыя задумали его. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ члены Временнаго правительства должны были явиться на эту манифестацію, то во что̀ обращалась цѣль, указанная выше г. Эмилемъ Томà? Какимъ образомъ воспользоваться такого рода праздникомъ, „чтобы обезпечить г.г. Маррасту и Мари значительный перевѣсъ надъ ихъ товарищами?" Какъ знать: послужитъ ли испытаніе „дѣлу умѣренности и благоразумія", какъ ихъ понимали въ Ратушѣ?

Но мы еще не исчерпали сокровища поучительныхъ признаній. Такъ, напримѣръ, самъ г. Эмиль Томà соблаговолилъ сообщить намъ, что парижская мэріявелѣла напечатать въ количествѣ милліона экземпляровъ, на розовой бумагѣ, избирательный списокъ, въ которомъ не было именъ г.г. Луи Блана, Альбера, Флокона и Ледрю-Роллена; что этотъ списокъ раздавали завѣдомые сторонники политическаго направленія мэріи, что онъ былъ разосланъ окружнымъ мэрамъ, на которыхъ можно было разсчитывать, что, наконецъ, его распространялъ г. Бартелеми Сентъ-Илеръ [1]).

„Мы подумываемъ о томъ, чтобы вычеркнуть нѣсколько именъ, писалъ г. Бюшезъ 21 апрѣля г. Эмилю Томà.—Соблаговолите повидаться съ министромъ".

И такъ какъ, цитируя эту фразу, г. Эмиль Томà боится, чтобы читатель не нашелъ ее слишкомъ темной, то онъ заботливо объясняетъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

[1]) Тамъ же, стр. 216.

„Эта замѣтка касается состава избирательныхъ списковъ. Сначала изъ нихъ были устранены имена г.г. Луи Блана и Альбера; рѣчь здѣсь идетъ объ именахъ г.г. Ледрю-Роллена и Флокона, которые также были затѣмъ исключены“.

Чему, можетъ быть, лишь съ трудомъ повѣрятъ, хотя фактъ этотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ достовѣренъ, такъ это тому, что г. Эмиль Тома не постѣснялся употребить государственныя деньги на обезпеченіе успѣха этимъ недобросовѣстнымъ проискамъ. Раскройте докладъ г. Дюко (Ducos) о счетахъ Временнаго правительства („Moniteur“ отъ 26 апрѣля 1849 г.),—и вы тамъ прочтете:

„Явствуетъ изъ показаній г. Гаріепюи, что, незадолго до выборовъ 1848 г., Эмиль Тома приказалъ ему представить тридцать шесть человѣкъ его бригады въ распоряженіе г. Мутона, бывшаго предсѣдателемъ *Союза работниковъ*, съ цѣлью оказанія послѣднему помощи въ дѣлѣ распространенія избирательныхъ списковъ. Позднѣе были даны новые приказы, чтобы та же роль, что и тѣмъ тридцати шести, была поручена восьми стамъ рабочимъ, хотя бы каждому изъ нихъ пришлось за это платить по 5-ти франковъ въ день“.

Между тѣмъ, разъ рѣшались дѣлать эти печальныя признанія, то нужно было найти способъ уменьшить впечатлѣніе, производимое ими. Поэтому г. Эмиль Тома старается въ своей книгѣ выставить избирательные происки Ратуши простой отместкой за поведеніе люксембургскихъ дѣятелей. Къ несчастью, это заявленіе, сдѣланное въ извиненіе интриги, падаетъ само собою въ виду доказательствъ, почерпнутыхъ изъ документовъ, которыхъ никто не станетъ оспаривать.

Докладъ слѣдственной комиссіи, составленный моими врагами съ нескрываемой цѣлью погубить меня, содержитъ мою рѣчь, о которой я могу напомнить тѣмъ авторитетнѣе, что она не была предназначена къ огласкѣ и что она состоитъ изъ стенографическихъ замѣтокъ, составленныхъ и собранныхъ усердной рукой самихъ моихъ обвинителей. Что же произошло, когда въ Люксембургскомъ дворцѣ зашелъ разговоръ о составленіи избирательнаго списка? Я цитирую:

*

„*Одинъ голосъ*. Вы сами должны были бы его составить.

Луи Бланъ. Я не могу этого сдѣлать, такъ какъ я членъ Временнаго правительства“ [1]).

Тѣмъ не менѣе, я вмѣшался въ выборы; но знаете ли, какимъ образомъ? Я это разскажу, подтверждая, какъ и раньше, мои слова доказательствами.

Призванный въ первый разъ къ отправленію своей верховной власти, народъ сильно волновался желаніемъ, чтобы представителями труда были сдѣланы... работники. Парижъ долженъ былъ избрать тридцать четыре кандидата, и до свѣдѣнія моего дошло, что среди народа рѣчь шла о томъ, чтобы въ ихъ числѣ было 24 или 25 рабочихъ. Эта цифра показалась мнѣ преувеличенной, и я это ясно высказалъ делегатамъ Люксембургской комиссіи.

„Вы мнѣ позволите, сказалъ я имъ, говорить съ вами откровенно; было бы очень важно въ вашихъ же интересахъ, чтобы вашъ списокъ не состоялъ исключительно изъ рабочихъ. Среди людей, которые не принадлежатъ, какъ вы, къ числу рабочихъ, есть такіе (вы знаете нѣкоторыхъ изъ нихъ), которые, по сердцу и чувству,—заодно съ вами, любятъ васъ, какъ если бы они раздѣляли ваши страданія, есть такіе, которые, не будучи доведены до тяжелой необходимости заниматься разнымъ трудомъ по двѣнадцати, тринадцати, четырнадцати часовъ въ день, что лишаетъ умъ части его развитія, тѣмъ не менѣе, посвятили свою жизнь изученію вашихъ бѣдствій, вашихъ интересовъ; они знаютъ эти интересы, въ состояніи защищать ихъ, хотятъ и будутъ это дѣлать... Поэтому я вамъ предложу на тридцать четыре мѣста избрать двадцать лицъ, принадлежащихъ къ рабочему сословію, и четырнадцать, принадлежащихъ къ категоріи тѣхъ, которые, не будучи рабочими, дали народу достаточныя доказательства своей преданности его дѣлу“ [1]).

Читатель замѣтитъ, что цыфра, предложенная мной, оставляла мѣсто на избирательномъ спискѣ корпорацій и моимъ двѣнадцати товарищамъ, и двумъ министрамъ и не бывшимъ членами Времен-

---

[1]) Докладъ слѣдственной коммиссіи, т. I, стр. 121.

наго правительства. Такъ что я старался оставить свободнымъ доступъ въ избирательные списки тѣмъ самымъ людямъ, которые въ это время думали о томъ, какъ бы мнѣ преградить его!

Правда, что корпораціи оставили въ своемъ избирательномъ спискѣ имена только четырехъ изъ членовъ Временнаго правительства: Ледрю-Роллена, Альбера, Флокона и мое. Но чему тутъ удивляться! Развѣ не было всѣмъ извѣстно, ясно, какъ Божій день, что Совѣтъ раздѣлился на двѣ революціонныя группы? И не естественно ли, что народныя предпочтенія были на сторонѣ меньшинства, которое, какъ это всѣ знали, выражало болѣе точнымъ образомъ чувства и интересы народа? Отвѣтственъ ли я за результаты выборовъ, свобода которыхъ должна была быть и, была всегда, священна въ моихъ глазахъ? Если бы мнѣ вручили ключъ отъ избирательныхъ урнъ, то я отбросилъ бы его подальше съ негодованіемъ и страхомъ. Вѣрно то,—и никто не дерзнетъ во всеуслышаніе отрицать это, —что Люксембургскіе делегаты остановились на своемъ выборѣ независимо отъ всякаго личнаго вліянія и послѣ самаго серьезнаго, самаго основательнаго, самаго безпристрастнаго разсмотрѣнія мнѣній и заслугъ каждаго рабочаго кандидата.

Вотъ какъ это происходило.

Было постановлено, что каждая корпорація представитъ своего кандидата, что кандидаты должны будутъ предстать передъ коммиссіею, которой поручено будетъ подвергнуть ихъ допросу, что отвѣты будутъ стенографированы и затѣмъ занесены въ протоколъ; что этотъ протоколъ будетъ прочтенъ въ присутствіи кандидатовъ; что, на основаніи этихъ данныхъ, собраніе составитъ списокъ изъ двадцати именъ, на которыя оно укажетъ народному голосованію.

Такимъ образомъ, не было удѣлено никакой роли ни фаворитизму, ни минутному увлеченію, ни товарищескому пристрастію, ни какому бы то ни было оффиціальному давленію.

Лишь три недѣли оставалось до всеобщихъ выборовъ отъ того дня, когда былъ принятъ указанный способъ дѣйствія.

Экзаменацiонная комиссiя образовалась 5-го марта 1848 г. Она состояла изъ гражданъ: Вieза (Viez), делегата типографовъ; Сикса, делегата обойщиковъ; Бонфона, делегата поваровъ; Пассара, делегата щеточниковъ; Перно, делегата мебельщиковъ; Дюшене, делегата наборщиковъ.

Гдѣ было засѣдать этой комиссiи? Конечно, было достаточно залъ для ея засѣданiй въ Люксембургскомъ дворцѣ, ставшемъ народнымъ дворцомъ. Но делегаты не хотѣли дать контръ-революцiи поводъ заподозрить независимость ихъ выбора и оклеветать мое влiянiе, а такъ какъ ихъ гордость одинаково пострадала бы какъ отъ отказа со стороны Ратуши, такъ и отъ даровъ послѣдней, то они стали искать двухъ несчастныхъ комнатъ въ десять квадратныхъ футовъ, они, представители этихъ могущественныхъ дружинъ, великодушно сторожившихъ столько дворцовъ оставшихся пустыми!

Съ большой любезностью и предупредительностью г. Дюма предоставилъ въ распоряженiе экзаменацiонной комиссiи частную квартиру, которую онъ занималъ въ Сорбоннѣ въ качествѣ профессора химiи: тамъ то и устроилась эта комиссiя.

Были назначены предсѣдатель и секретарь; собрали протоколы корпорацiй, констатировавшiе дѣйствительность кандидатуръ, и сообщили письменно каждому изъ кандидатовъ день и часъ, когда его должны будутъ выслушать.

Главные вопросы были слѣдующiе:

Что вы думаете о современныхъ учрежденiяхъ?

Каковы ваши мнѣнiя въ области религiи? Сторонникъ ли вы свободы культовъ? Должно ли государство оплачивать культы?

Каковы ваши взгляды на организацiю труда?

Какiя реформы нужно, по вашему мнѣнiю, произвести въ судебномъ вѣдомствѣ?

Какъ вы смотрите на организацiю армiи? Какова должна быть роль армiи въ настоящее время и впослѣдствiи?

На какихъ устояхъ должна, по вашему мнѣнiю, покоиться система налоговъ?

Какъ вы смотрите на разводъ?

Что вы думаете объ отношеніяхъ, которыя нужно будетъ установить между Франціей и различными народами Европы, въ частности, Германіей и Италіей?

Комиссія засѣдала въ теченіе восьми дней. Она выслушала семьдесятъ кандидатовъ, представленныхъ такимъ же числомъ корпорацій, и я знаю отъ стенографовъ, присутствовавшихъ на этихъ проникнутыхъ серьезностью собраніяхъ, что среди допрошенныхъ рабочихъ нѣкоторые обнаружили замѣчательный умъ.

Трогательное обстоятельство ознаменовало окончаніе трудовъ комиссіи. На послѣднемъ засѣданіи гражданинъ, которому было поручено вводить кандидатовъ, возвѣстилъ, что одинъ человѣкъ любимый народомъ, желаетъ быть принятымъ. Этотъ человѣкъ вошелъ. Его видъ одновременно былъ привлекателенъ и вселялъ почтеніе. Его взоръ былъ мягокъ, проницателенъ, полонъ мысли. Его манеры, въ которыхъ простота соединялась съ благородствомъ, его черты тонкія и задумчивыя, его пышные волосы, его лицо, исполненное мощной, деревенской, красоты, его голова, слегка склонившаяся долу подъ бременемъ долгихъ ночныхъ размышленій вся его внѣшность—внушали уваженіе, но уваженіе, соединенное съ довѣрчивой симпатіей. „Граждане, сказалъ онъ, я узналъ, что работники сдѣлали мнѣ честь занести меня въ свой избирательный списокъ, какъ кандидата въ Учредительное собраніе. Я счелъ своей обязанностью явиться въ ихъ комиссію, чтобы подвергнуться передъ ней экзамену“.

Рабочіе взглянули другъ на друга, тронутые и изумленные. Человѣкъ, говорившій имъ это, былъ однимъ изъ тѣхъ, вся жизнь которыхъ является яркой profession de foi. Его сочиненія давно уже распространили по Европѣ его извѣстность, какъ одного изъ самыхъ сильныхъ мыслителей и самыхъ великодушныхъ философовъ нашего столѣтія. Нужно ли говорить, что это былъ Пьеръ Леру?

По окончаніи трудовъ комиссіи, протоколы были доставлены въ Люксембургскій дворецъ, а 17-го апрѣля, сейчасъ же послѣ

рокового дня, делегаты сошлись на общее собраніе, чтобы составить окончательный списокъ кандидатовъ.

Изъ трехъ засѣданій, посвященныхъ этой работѣ и начинавшихся въ восемь часовъ утра, послѣднее продолжалось до двухъ часовъ по полуночи. Не желая расходиться до окончанія своего дѣла, делегаты пообѣдали въ своихъ бюро. Хлѣбъ, сыръ и вода, вотъ изъ чего состоялъ пиръ работниковъ въ этомъ Люксембургскомъ дворцѣ, куда контръ-революціонные пасквилянты помѣстили впослѣдствіи дѣйствіе романа своихъ паскудныхъ клеветъ. А такъ какъ рабочіе настолько горды, что не желаютъ быть обязанными кому бы то ни было даже водой, то делегаты, чтобы покрыть расходы своей скромной трапезы, сдѣлали складчину, которая дала сорокъ два франка; изъ этой суммы они дали двадцать франковъ прислуживавшему имъ гарсону.

Нужно ли теперь вспоминать, до чего дошли наши противники въ избирательной борьбѣ съ Люксембургскими кандидатами? Въ день выборовъ Перно, делегатъ рѣзчиковъ по дереву, возвращался съ Марсова поля въ сопровожденіи знаменоносца корпораціи, какъ вдругъ, передъ мэріей 7-го округа, онъ замѣтилъ нѣсколько субъектовъ, раздававшихъ избирательный списокъ и увѣрявшихъ, что это Люксембургскій списокъ: а между тѣмъ это былъ списокъ Ратуши! Перно разразился презрительными упреками, народъ пришелъ въ негодованіе.... и несомнѣнно, что на многихъ пунктахъ подобныя же сцены были вызваны подобными же обманами.

Такова переданная въ точности исторія первыхъ выборовъ, къ которымъ былъ призванъ парижскій народъ подъ эгидой великаго принципа всеобщей подачи голосовъ.

Что касается до меня, то не только я не указалъ ни одного имени, но я даже ни разу не присутствовалъ на избирательныхъ преніяхъ и довелъ свою щепетильность до тщательнаго скрыванія моихъ симпатій. Это настолько вѣрно, что въ люксембургскій списокъ не попали имена, которыя я наиболѣе желалъ бы тамъ

видѣть, какъ, напримѣръ, имя Пекера, помогавшаго мнѣ въ Люксембургской комиссіи съ такимъ талантомъ и усердіемъ!

Нравственная щепетильность, столь властная надъ честными душами, является большой помѣхой въ особенности въ политикѣ. Лишь только Люксембургскіе делегаты были предоставлены самимъ себѣ, они впали въ ошибку, въ которой обнаружилась, вмѣстѣ съ достойнымъ уваженія пуританствомъ, большая неопытность въ дѣлѣ избирательной тактики. Вмѣсто того, чтобы составить свой списокъ такъ, чтобы его могла принять та часть республиканской партіи, которая не совсѣмъ доходила до соціализма, какъ они его понимали, они избрали въ кандидаты только явныхъ соціалистовъ и рабочихъ, наилучше извѣстныхъ своимъ товарищамъ.

Источникомъ такой прямолинейности было очень благородное чувство и истинно сильное убѣжденіе, но результатъ былъ такой, какого можно было ожидать: многіе республиканцы, которые охотно вотировали бы за рабочій списокъ, если бы онъ былъ менѣе исключителенъ, подали свои голоса за другіе списки, а нѣкоторые даже за списки, поддерживавшіеся легитимистами и орлеанистами.

Другимъ обстоятельствомъ, сослужившимъ большую службу планамъ парижскаго мэра и его приспѣшниковъ, было соперничество, которое сумѣли создать между національными мастерскими и Люксембургскими делегатами. Къ тому же, вѣдь, въ національныхъ мастерскихъ было столько тысячъ людей, существованіе которыхъ, также какъ и существованіе ихъ семействъ, зависѣло отъ министра общественныхъ работъ! Поэтому, подъ суровымъ гнетомъ нужды, они допустили, чтобы Ратуша вырвала у нихъ нѣкоторое количество голосовъ, которые впослѣдствіи были для нихъ предметомъ горькихъ сожалѣній. Но тогда было ужъ поздно жалѣть о сдѣланномъ!

Такимъ то образомъ, за списокъ Ратуши, содержавшій имена господъ Ламартина, Араго, Дюпона (изъ Эры), Марраста, Мари, Гарнье-Пажеса, Кремье, и изъ котораго были исключены имена Ледрю-Роллена, Флокона, Альбера и мое, было подано наибольшее число голосовъ, благодаря коалиціи между всѣми старыми пар-

тіями: легитимистами, орлеанистами, республиканцами, партіями, къ которымъ, кромѣ того, присоединилась та часть рабочаго класса, которую, какъ мы видѣли, министръ общественныхъ работъ подчинилъ чисто военной дисциплинѣ. Что же касается до Люксембургскаго списка, то весьма естественно, что онъ не одержалъ численной побѣды, такъ какъ онъ былъ выраженіемъ одной лишь партіи, партіи безъ посторонней примѣси.

Я принужденъ признаться, что мои противники, дѣлая мнѣ честь считать меня особенно опаснымъ человѣкомъ, употребили всѣ средства, чтобы помѣшать моему избранію. *„Исторія десяти лѣтъ“*, *„Организація труда“*, мои постоянныя усилія, направленныя къ освобожденію рабочаго класса, навлекли на меня смертельную ненависть. Если бы я могъ когда нибудь въ этомъ сомнѣваться, то теперь долженъ былъ узнать объ этомъ. Тѣмъ не менѣе, я получилъ 121.140 голосъ. Альберъ, на котораго направлялась менѣе сильная, хотя и столь же заслуженная ненависть, получилъ 133.041 голосъ, т. е. всего на 15.000 голосовъ менѣе, чѣмъ г. Ледрю-Ролленъ. Другіе члены Временнаго правительства, за исключеніемъ г-на Флокона, всѣ заняли первыя мѣста въ спискѣ изъ 34-хъ членовъ, которые были избраны.

Этотъ списокъ, заканчивавшійся именемъ г-на Ламеннэ, открывался именемъ г-на де Ламартина, получившаго не менѣе 259.800 голосовъ. Г. де Ламартинъ узналъ о своей блистательной побѣдѣ на парижскихъ выборахъ отъ г-на Марраста. Поэтъ, утомленный волненіями этого дня, отдыхалъ дома, лежа на диванѣ вмѣстѣ съ своей любимой левреткой. Когда г. Маррастъ сообщилъ ему число голосовъ, г. де Ламартинъ вскочилъ съ своего ложа и, вставъ на ноги, возведя очи къ небу и простирая руки впередъ, воскликнулъ: „теперь я головой выше Александра и Цезаря!“ Потомъ онъ добавилъ: „по крайней мѣрѣ, *они* это говорятъ!“ [1]).

О какъ плохо понялъ г. де Ламартинъ эту сверкающую цыфру, ослѣпившую тогда его глаза! Отъ него ускользнуло то обстоя-

---

[1]) *Histoire du Gouvernement provisoire*, par Élias Regnault, т. I, стр. 358.

тельство, что эти 259,800 избирателей, сближенныхъ въ временномъ союзѣ, заключавшемъ мутную смѣсь искреннихъ вѣрованій, лицемѣрныхъ честолюбій, затаенныхъ надеждъ на отсроченную отместку и всякаго рода заднихъ мыслей, представляли собой безконечно менѣе дѣйствительную силу, чѣмъ 133.000 голосовъ, полученныхъ Альберомъ, такъ какъ на эту послѣднюю цифру приходилось, по крайней мѣрѣ 100.000 человѣкъ раздѣлявшихъ одни и тѣ-же взгляды, принимавшихъ одну и ту-же программу, исповѣдывавшихъ одну и ту же вѣру, вѣру настолько глубокую, настолько непреклонную, что они предпочли рискъ пораженія выгодѣ компромисса.

Но если иллюзія г-на де Ламартина была сладка, то она была и недолговѣчна. Легитимисты и орлеанисты скоро показали, что, подавая за него голоса, они хотѣли лишь создать для себя орудіе, которое можно было бы разбить, какъ только они не будутъ больше въ немъ нуждаться.

Никто болѣе меня не восхищается геніемъ г-на де Ламартина, его неподкупностью, рыцарскимъ характеромъ его порывовъ и блескомъ его воображенія, располагающаго столь лучезарнымъ стилемъ. Но сами эти качества имѣли роковую сторону, прикрывая, въ чужихъ глазахъ и въ его собственныхъ, истинный характеръ его ошибокъ. Будучи одаренъ удивительной способностью къ самообольщенію, онъ вдругъ вообразилъ, что именно онъ далъ Франціи эту республику, которую онъ столь долго считалъ химерой и противъ которой боролся; захваченный потокомъ общаго движенія, онъ вообразилъ, что руководитъ послѣднимъ и ему показалось, что ему легко было-бы съ нимъ совладать. Но какимъ образомъ, съ какой цѣлью онъ взялъ на себя эту роль? Онъ взялъ на себя эту роль,—нужно это сказать,—подъ безусловнымъ господствомъ литераторской страсти, которую можно опредѣлить слѣдующими словами: ему хотѣлось аплодисментовъ. Постоянно прислушиваясь къ шуму, производимому его собственнымъ именемъ, постоянно боясь, какъ бы не разстроили концерта доносившихся до него славословій, онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону всѣхъ,

кто умѣлъ заставить бояться себя. Онъ добивался хвалы отовсюду, кокетничалъ со всѣми мнѣніями и становился на перекресткѣ всѣхъ партій. Съ одинаковымъ усердіемъ онъ снискивалъ одобренія со стороны салоновъ и со стороны клубовъ, старался подладиться къ лорду Норменби и понравиться г-ну Собріс, предлагалъ должность посланника г-ну Ларошжаклену и устраивалъ тайные свиданія съ г-номъ Бланки.

Г. де Ламартинъ могъ думать, что такимъ образомъ онъ работаетъ на пользу вообщаго примиренія; его природное великодушіе позволяетъ намъ предположить, что онъ такъ дѣйствительно думалъ. Но онъ скоро понялъ-бы всю тщету подобнаго усилія, сводившагося на попытки личнаго обвороженія, если бы онъ не поддавался внутреннему побужденію, въ которомъ, вѣроятно, самъ себѣ не признавался. Въ нашихъ лучшихъ чувствахъ таится столько непримѣтныхъ софизмовъ и человѣческое сердце такъ умѣетъ обманывать себя!

Это не все. Подкупать можно двумя способами. Первый способъ, простой и грубый, бить на жажду денегъ или на желаніе получить мѣсто; второй, болѣе утонченный, разсчитанъ на тщеславіе. Расточать безъ мѣры лесть всякому встрѣчному, это пріемъ обычный у людей, усиленно заботящихся о своей извѣстности. Убѣжденные, что лесть, ниспадающая съ высоты, исполнена непобѣдимыхъ чаръ, они охотно становятся, для того, чтобы увеличить число своихъ поклонниковъ, льстецами своихъ собственныхъ приспѣшниковъ, своихъ глашатаевъ; они снисходятъ до того, что заинтересовываютъ въ своемъ собственномъ тщеславіи чужое тщеславіе, завоевавъ сначала славу съ бою, они затѣмъ хитрятъ съ ней. Это было одной изъ слабостей г-на де Ламартина, это было однимъ изъ его несчастій. Однимъ изъ его несчастій, такъ какъ ему случалось наталкиваться на натуры умныя и сильныя, какъ г. Барбесъ, въ глазахъ которыхъ онъ лишь вредилъ себѣ слишкомъ усерднымъ заискиваніемъ, или на проницательные умы, которые какъ г. Бланки, видѣли его насквозь и пользовались имъ, въ то время какъ онъ воображалъ, что пользуется ими.

Какъ-бы то ни было, эта систематическая и заурядная благосклонност г-на де Ламартина перестала распространяться на гостей Люксембургскаго дворца, когда этотъ дворецъ аристократіи сталъ дворцомъ народа. Почему? Потому что г. де Ламартинъ ничего не зналъ объ истинномъ движеніи умовъ, потому что онъ не могъ простить люксембургскимъ труженикамъ того обстоятельства, что они были тѣломъ и душой той самой революціи, шумомъ и тѣнью которой было все остальное; наконецъ потому, что—(я уже сказалъ это и теперь повторяю),—онъ боялся соціализма, этой великой дѣйствительности, какъ дѣти боятся призраковъ.

Если-бы нужно было только любить народъ поэтической любовью, то на это хватило бы его силъ и никто охотнѣе, чѣмъ онъ, не излилъ бы на человѣческія страданія запаса своей чувствительности, щедрой на метафоры. Но смѣло защищать противъ сильныхъ дѣло слабаго и угнетеннаго, презирать, въ порывѣ своей неукротимой души, несправедливость, вооруженную мечомъ или хотя бы только увѣнчанную цвѣтами, подвергаться опасности въ борьбѣ за вѣчную истину, быть непонятымъ, оклеветаннымъ, захаяннымъ, осмѣяннымъ, искусаннымъ до крови тысячами гадовъ, привольно чувствовать себя средь ненависти безчестныхъ людей, и рѣшаться возстановить противъ себя, когда нужно, весь міръ, для того чтобы заслужить одобреніе собственнаго сердца,—вотъ что нужно умѣть общественному дѣятелю. Г. де Ламартинъ благородно готовъ былъ пойти на встрѣчу смерти: это храбрость воина; онъ дрожалъ при мысли о хулителяхъ: слабость поэта. Ему недоставало умѣнія создавать себѣ смертельныхъ враговъ.

И это объясняетъ, какимъ образомъ въ продолженіе одного дня всѣ партіи были на его сторонѣ. Онъ легъ спать, въ увѣренности, что Франція сидитъ у его изголовія; онъ уснулъ въ самоупоеніи; ему снилась диктатура; проснувшись онъ увидѣлъ, что онъ одинокъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Вторженіе толпы въ Національное Собраніе.

Составъ національнаго собранія.—Контингентъ роялистскихъ партій.—Первое засѣданіе.—Пріемъ, оказанный населеніемъ членамъ Временнаго правительства.—Рѣчь Дюпона (изъ Эрч).—Республика привѣтствуется Собраніемъ въ залѣ засѣданій и внѣ ея.—Декретъ, выражающій благодарность отечества Временному правительству.—Назначеніе исполнительной коммиссіи.—Альбера и меня отстраняютъ отъ власти.—Я предлагаю собранію, чтобы было учреждено министерства труда.—Это предложеніе отвергается.—Праздникъ согласія.—Люксембургскіе делегаты отказываются участвовать въ немъ.—Праздникъ отсрочиваютъ.—Отставка Беранже, ея причины.—Критическое положеніе польскихъ инсургентовъ.—Проектируется манифестація въ ихъ пользу.—Зачинщики этого движенія.—Губеръ.—Клубъ Барбеса и клубъ г-на Кабэ высказываются противъ этой манифестаціи.—Г. Прудонъ заявляетъ, что она можетъ скомпрометировать дѣло свободы.—Открытіе засѣданія 15-го мая.—Прибытіе народныхъ отрядовъ къ мосту Согласія.—Недостаточность мѣръ, принятыхъ съ цѣлью защиты Собранія.—Гвардія мобилей пропускаетъ толпу.—Вторженіе въ залъ засѣданій.—Меня нѣсколько разъ просятъ обратиться къ толпѣ съ рѣчью.—Я уступаю этимъ просьбамъ, получивъ разрѣшеніе бюро Собранія.—Мои рѣчи къ народу въ залѣ и внѣ ея.—Безполезная борьба съ оваціей.—Г.г. Распайль, Бланки, Барбесъ на трибунѣ.—Губеръ провозглашаетъ распущеніе Собранія.—Очищеніе залы отъ толпы.—Вечернее засѣданіе.—Насилія, направленныя противъ меня національными гвардейцами.—Манифестанты и лордъ Норменби.

Открытіе національнаго Учредительнаго собранія, избраннаго всеобщей подачей голосовъ, произошло четвертаго мая 1848 года. Ужъ одинъ видъ зала показывалъ, какіе перемѣны произошли въ истекшій двухмѣсячный промежутокъ времени. Присутствующіе указывали другъ другу одновременно съ любопытствомъ и волненіемъ на Барбеса, сидѣвшаго насупротивъ своихъ вчерашнихъ судей, ставшихъ теперь его товарищами, на отца Лакордера въ бѣлой до-

миниканской рясѣ, засѣдавшаго бокъ-обокъ съ протестантскимъ пасторомъ, г-номъ Кокрелемъ, на Баранже, вольтерьянскаго автора *Бога добрыхъ людей*, среди священниковъ ставшихъ его созаконодателями, на одного бретонца, носившаго лиловый поясъ своей страны рядомъ съ депутатами въ черныхъ фракахъ, и на членовъ французской академіи, засѣдавшихъ между крестьяниномъ и рабочимъ.

Никто не могъ сказать, что выйдетъ изъ этого смутнаго и таинственнаго сборища столь различныхъ элементовъ. Пойдетъ ли общество по старымъ колеямъ, или проложитъ себѣ новые пути къ болѣе свѣтлымъ горизонтамъ? Будетъ ли начатая въ концѣ прошлаго столѣтія революція спокойно катить свои непобѣдимыя волны или-же, снова задержанная, она прорветъ свои преграды, съ опасностью все опустошить своимъ разливомъ?

Одно, во всякомъ случаѣ, казалось несомнѣннымъ: это то, что республика, какъ форма правленія, была основана. Но это не удовлетворяло пылкихъ друзей прогресса. Для нихъ не столь важно было завоеваніе новаго политическаго орудія, какъ то употребленіе, которое должно было быть дѣлано изъ этого орудія. Между тѣмъ, составъ собранія, несмотря на нѣкоторыя бросавшіяся въ глаза видимости, внушалъ имъ тайное безпокойство. Передъ ними было много хорошо извѣстныхъ лицъ. За исключеніемъ г-на Тьера и нѣсколькихъ другихъ, самые дѣятельные сторонники исчезнувшаго режима попали въ число депутатовъ. Г.Г. Беррье, Одилонъ Барро, Дюпенъ, Ремюза, Дювержье-де-Горапнъ Монталамберъ и др., сколько именъ принадлежавшихъ прошлому! Правда, и провинція послала много республиканцевъ въ парламентъ; но не говоря о томъ, что эти послѣдніе, вообще говоря, были сторонниками лишь простой перемѣны формы правленія, мало успокоительнаго было въ томъ фактѣ, что на 900 членовъ собранія было 150 легитимистовъ и 300 орлеанистовъ.

Такимъ образомъ, съ самаго начала обнаружилось, что Временное правительство сдѣлало громадную ошибку, поспѣшивъ съ выборами. 4-го мая достаточно было бросить взглядъ на скамьи правой, чтобы увидѣть, что вообще голосованіе перемѣстило центръ

политической власти изъ Парижа въ провинцію, изъ самой просвѣщенной части Франціи въ части наименѣе просвѣщенныя. Первымъ усиліемъ всеобщей подачи голосовъ была побѣда сельскихъ округовъ т. е. царства невѣжества, надъ городомъ, лучезарнымъ очагомъ свѣта. Привилегированные классы должны были подавить рабочихъ посредствомъ крестьянъ, — народъ посредствомъ народа!

Члены Временнаго правительства условились собраться въ канцелярскомъ домѣ, на Вандомской площади. Тамъ мы, т. е. Альберъ и я, нашли нашихъ остальныхъ товарищей и оттуда вмѣстѣ мы отправились въ Собраніе. День былъ великолѣпный. 5-й уланскій полкъ, 2-й драгунскій, 11-й полкъ легкой инфантеріи и 60-й линейный, республиканская гвардія, мобильная гвардія выстроились на нѣкоторыхъ бульварахъ на вандомской площади, улицѣ Мира, улицѣ Риволи и вблизи законодательнаго дворца. Многочисленные отряды національной гвардіи пришли изъ глубины провинціи, вслѣдъ за своими депутатами, чтобы побрататься съ парижскими легіонами, и безчисленная толпа, распѣвая марсельезу, наводняла улицы ведущія къ площади Революціи.

Члены Временнаго правительства направились къ бывшему «Бурбонскому дворцу» по улицѣ Мира, бульвару и площади Согласія. О пріемѣ, оказанномъ имъ населеніемъ, всѣ отзываются въ одинаковомъ смыслѣ. Госпожа д'Агу описываетъ этотъ моментъ въ слѣдующихъ словахъ въ своей прекрасной исторіи *Февральской революціи*:

„Предшествуемые главнымъ начальникомъ національной гвардіи, они шли съ обнаженной головой между двумя офицерами со шпагами въ рукахъ; за ними шли всѣ мэры и помощники мэровъ Парижа и парижскихъ пригородовъ. Непрерывные привѣтственные клики, раздавшіеся одновременно изъ толпы, тѣснившейся при проходѣ процессіи, изо всѣхъ оконъ и со всѣхъ крышъ, встрѣтили этихъ людей съ безстрашнымъ сердцемъ и съ мягкой душой, которые, не совершивъ ни одного деспотическаго акта, не проливъ ни одной капли крови, не покусившись ни на чью свободу, ввели во Францію, среди самыхъ критическихъ обстоятельствъ, царство

демократіи. То не были аплодисменты, раздающіеся по заказу, но самостоятельное, единодушное выраженіе благодарности при видѣ этихъ первыхъ гражданъ новой республики, торжественно шедшихъ передать власть, которая была имъ ввѣрена привѣтственными кликами народа, его законнымъ представителямъ» [1]).

Сообщивъ тѣ же подробности, авторъ другой интересной и патріотической исторіи революціи 1848 г. восклицаетъ: «Никогда никакое правительство не было встрѣчено подобной оваціей» [2]).

Пушка дворца инвалидовъ возвѣстила прибытіе членовъ Временнаго правительство въ Національное собраніе. Когда маститый Дюпонъ (изъ Эры) вошелъ, опираясь съ одной стороны на руку г-на де Ламартина, а съ другой на мою, все Собраніе по собственному движенію встало на ноги, громко крича: «да здравствуетъ республика!» Зрители повторили этотъ крикъ, и какъ только успокоилось сильное возбужденіе, произведенное этимъ порывомъ, г. Дюпонъ (изъ Эры), взойдя на трибуну, прочелъ глубоко взволнованнымъ голосомъ краткую и простую рѣчь, оканчивавшуюся слѣдующими словами: «наконецъ, наступилъ моментъ для Временнаго правительства передать въ ваши руки неограниченную власть, которой облекла его революція. Вы знаете, что для насъ эта диктатура была лишь чисто духовной силой среди трудныхъ обстоятельствъ, съ которыми намъ приходилось бороться. Вѣрные нашему происхожденію и нашимъ личнымъ убѣжденіямъ, мы не побоялись провозгласить рождавшуюся февральскую республику. Теперь мы открываетъ труды Національнаго собранія, при звукахъ этого клича, который всегда долженъ его объединять: *Да здравствуетъ республика*".

Послѣ того какъ онъ спустился съ трибуны, г-на Дюпона (изъ Эры) проводили къ его мѣсту, гдѣ его ждалъ Беранже, и эти благородные старцы упали другъ другу въ объятія среди всеобщаго умиленія. Новые клики потрясли стѣны залы, клики, страстные со сто-

---

[1]) Histoire de la Révolution de 1848, par Daniel Stern, т. II, стр. 370—371.

[2]) Histoire de la Révolution de 1848, par Charles Robin, т. II, стр. 260.

роны однихъ, невольные со стороны другихъ; они повторялись нѣсколько разъ во время засѣданія.

Къ вечеру, генералъ Куртэ, въ парадномъ мундирѣ главнаго командира національной гвардіи, вдругъ является въ залъ, возвѣщая, что площадь Согласія, мостъ, ведущій къ дворцу, и всѣ сосѣднія улицы переполнены гражданами, съ нетерпѣніемъ ждущими возможности присоединить свои пожеланія къ голосу собранія. Тотчасъ же, уступая неудержимому порыву, всѣ члены собранія вскакиваютъ со своихъ скамей и становятся въ преддверіи дворца, выходящемъ на площадь Революціи. Какія слова могли бы нарисовать удивительный и истинно религіозный характеръ этой сцены? Былъ мягкій весенній день, и заходящее солнце золотило своими прощальными лучами самую красивую часть самаго красиваго города въ мірѣ. Въ то время, какъ представители народа появились въ преддверіи дворца, раздался пушечный выстрѣлъ; знамена и флаги арміи и національной гвардіи склонились; музыка каждаго полка заиграла священный гимнъ—марсельезу; и къ небу вознесся одинъ изъ тѣхъ могущественныхъ кликовъ, отъ которыхъ, во время олимпійскихъ игрищъ, вороны падали мертвыми на арену ристалища. Это было одно изъ тѣхъ высокихъ мгновеній, слишкомъ мимолетныхъ въ жизни народовъ, когда мысли всѣхъ сливаются въ таинственномъ взаимномъ проникновеніи, когда души зовутъ издалека одна другую и отвѣчаютъ одна другой; когда люди, забывая на минуту свои желанія, раздоры и на крыльяхъ одного и того же вдохновенія всѣ вмѣстѣ возносятся къ вѣчному источнику ихъ общаго существованія.

„Нѣсколько дней спустя, собраніе почти единогласно издало слѣдующій декретъ:

«Національное учредительное собраніе принимаетъ изъ рукъ Временнаго правительства, власть ввѣренную послѣднему. Временное правительство, значительностью своихъ услугъ, заслужило благодарность отечества“ [1]).

[1]) См. „Moniteur“, отъ 8-го мая 1848 года.

Но, хотя и рѣшившись временно покориться республикѣ, какъ неизбѣжной необходимости, старыя монархическія партіи не хотѣли помириться съ ея соціалистическими послѣдствіями. И, къ несчастію, имъ служила оплотомъ въ этомъ сопротивленіи та часть республиканской партіи, которая ставила себѣ лишь чисто политическія задачи. Эта неосторожная фракція поступила тогда такъ, какъ военный отрядъ, который вдругъ сталъ бы стрѣлять въ свой авангардъ. Обманутая хитрымъ самоотреченіемъ легитимистовъ и орлеанистовъ, которые всѣми силами старались стушеваться, она согласилась вступить въ союзъ съ ними для того, чтобы изгнать республиканцевъ-соціалистовъ со всѣхъ мѣстъ въ пользу республиканцевъ формальныхъ.

Отсюда составъ исполнительной комиссіи, въ которую Собраніе включило гг. Араго, Гарнье-Пажеса, Мари, де Ламартина и, съ тайной надеждой свести его вліяніе къ нулю, Ледрю-Роллена. Г. Маррастъ остался мэромъ Парижа, а г. Кремье — министромъ юстиціи. Г-ну Флокону досталось министерство торговли. Что касается до г. Дюпона (изъ Эры), то его лѣта давали ему право на отдыхъ.

Такимъ образомъ, почти все Временное правительство осталось на высшихъ мѣстахъ. Лишь двое изъ его членовъ была устранены, Альберъ и я, т. е. тѣ, которые болѣе спеціальнымъ образомъ были представителями интересовъ пролетаріата.

Наканунѣ того дня, когда оповѣстили эту новую комбинацію, мы оба сложили съ себя свои оффиціальныя полномочія въ Люксембургской комиссіи: я воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы заявить мою твердую рѣшимость не принимать никакой общественной должности, пока будетъ существовать Учредительное Собраніе [1]). Доказавъ такимъ образомъ, что я не имѣю въ виду никакой личной выгоды и заранѣе отразивъ этимъ возраженія, которыя могли относиться къ моей особѣ, я чувствовалъ себя свободнымъ потребовать снова и съ большей силой, чѣмъ прежде, созда-

[1]) См. „Moniteur“, засѣданіе 10-го мая 1848 года.

*

ніе министерства, которому было бы поручено заняться этимъ великимъ вопросомъ, о трудѣ. Я это и сдѣлалъ въ засѣданіи 10 мая, въ очень живыхъ выраженіяхъ, съ большимъ волненіемъ и съ сердцемъ, исполненнымъ мрачныхъ предчувствій. О іюньскіе дни, іюньскіе дни!... Тѣ, кто присутствовалъ на этомъ засѣданіи, знаютъ: остался ли безъ отголоска ужасъ, наполнявшій мою душу. Въ какомъ яростномъ порывѣ члены правой стороны вскочили со своихъ мѣстъ, когда я сказалъ, что я всю жизнь буду защищать священное дѣло народа. Мнѣ мнится, что они еще теперь стоятъ передо мной съ протянутыми къ трибунѣ руками, блѣдные и трясущіеся отъ гнѣва; я еще теперь слышу, какъ они кричатъ мнѣ: „и мы тоже! и мы тоже!“ [1]). И какъ они вздрогнули, когда я прибавилъ: „дѣло въ томъ, чтобы помочь положенію ужасному, ужасному, ужасному: я видѣлъ его вблизи“! Но они твердо рѣшились идти на опасность. Я окончилъ мою рѣчь этими словами, въ пророческій смыслъ которыхъ я самъ тогда едва отваживался вникнуть: „Въ царствованіе Людовика-Филиппа вамъ сказали: „берегитесь *революціи презрѣнія*!“ Теперь намъ предстоитъ сдѣлать невозможной *революцію голода*!“ [1]).

Отверженіе предложеннаго мной въ этотъ день законопроекта удручило меня тѣмъ болѣе, что, за исключеніемъ Альбера, ни одинъ изъ моихъ товарищей не поддержалъ меня. Таковъ былъ результатъ столькихъ тревогъ, столькихъ безсонныхъ ночей, такой борьбы! Итакъ роль Альбера и моя оканчивалась этимъ офиціальнымъ уничтоженіемъ цѣли нашихъ усилій, среди оскорбленій съ одной стороны и молчанія съ другой! Итакъ, насъ послали въ Люксембургскій дворецъ, съ спеціальной миссіей подготовить рѣшеніе самой трагической задачи новаго времени, а теперь, когда мы заклинали Собраніе серьезно приступить къ ожидавшемуся рѣшенію, насъ покидали, оплевали, называли чуть не мятежниками, и на помощь къ намъ не приходилъ ни одинъ изъ тѣхъ, которые бросили намъ на руки голодный пролетаріатъ! Значитъ, лишь для

[1]) См. „Moniteur“, засѣданіе 10-го мая 1848 года.

[2]) Ibid.

того, чтобы усыпить его страданія, показали видъ, что ввѣряютъ намъ его дѣло? И въ довершеніе всего, роялисты притворялись будто они приписываютъ честолюбивымъ замысламъ настойчивость, съ которой я требовалъ исполненіе обѣщаній, данныхъ народу! Напрасно я заявлялъ самымъ формальнымъ образомъ, что стремлюсь лишь къ чести оставаться депутатомъ, они прикидывались, незнающими этого и повсюду повторяли: „онъ предлагаетъ учрежденіе министерства труда, потому что онъ хочетъ быть министромъ!“ [1]).

Что касается до рабочихъ, то нетрудно угадать вызванныя въ нихъ всѣмъ этимъ чувства. Былъ назначенъ день для „*празднества Согласія*“, и, само собой разумѣется, они были приглашены на торжество. Вотъ, что они отвѣтили на это приглашеніе. 11-го мая можно было прочесть на всѣхъ парижскихъ стѣнахъ:

„Такъ какъ обѣщанія, данныя на баррикадахъ, остались не выполненными и такъ какъ національное собраніе въ засѣданіи 10-го мая отказалось учредить *министерство труда*, то рабочіе делегаты люксембургской коммиссіи рѣшили единогласно не идти на празднество Согласія.

Парижъ 11-го мая 1848 г.

За делегатовъ, члены бюро:

Лагардъ, предсѣдатель;

Бенаръ, Годенъ, Лавуа, вице-предсѣдатели;

Лефоръ, Дели, Пети, секретари [2]).

Пришлось отсрочить празднованіе Согласія и министръ внутреннихъ дѣлъ предупредилъ собраніе, что празднество не можетъ состояться по независящимъ отъ него обстоятельствамъ [3]).

---

[1]) Эта ложь,—ибо, послѣ моего заявленія, это не могло быть простой ошибкой,—содержится въ обвинительномъ актѣ, произнесенномъ на буржскомъ процессѣ г-номъ Барошемъ, который теперь состоитъ однимъ изъ сановниковъ имперіи. Эта обвинительная рѣчь, приснопамятная въ лѣтописяхъ лганья, представляетъ собой нѣчто невѣроятное. Нужно ее прочесть, чтобы знать, до чего можетъ дойти наглость неправды.

[2]) См. „le Représentant du Peuple“, май, 1848 номеръ 42.

[3]) См. „Moniteur“, май, 1848, № 137.

Такимъ образомъ, черныя тучи собирались на горизонтѣ; радостныя перспективы исчезли. Беранже, которому его популярность, его лѣта, его высокій и спокойный умъ, повидимому, предназначали въ собраніи роль посредника, увидѣлъ приближеніе бури и, не надѣясь имѣть возможность отдалить ее, подалъ президенту собранія прошеніе объ отставкѣ отъ должности народнаго представителя, отставкѣ уже разъ предложенной, непринятой тогда, а теперь уже окончательной. Его письмо оканчивалось слѣдующими словами: „это желаніе не философа, еще менѣе это желаніе мудреца, это желаніе стараго риѳмоплета, которому казалось бы, что онъ пережилъ самого себя, если бы онъ потерялъ, среди шума общественныхъ дѣлъ, независимость души, единственное благо, котораго онъ когда-либо домогался“ [1]).

Нѣкоторые горячіе умы упрекали и теперь еще упрекаютъ Беранже за то, что онъ не остался въ эти бурные дни на посту, гдѣ его присутствіе, можетъ быть, помѣшало бы многимъ бѣдамъ. Что касается до меня, то я долженъ сказать, что его рѣшеніе не удивило меня. Онъ, такъ сказать, былъ моимъ воспріемникомъ въ политикѣ [2]), онъ съ почти отеческой нѣжностью старался руководить моими первыми шагами на суровой стезѣ. Поэтому я имѣлъ случай изучить его и никто лучше меня не зналъ этого крайняго благоразумія, совѣты котораго раздражали иногда мое

---

[1]) „Moniteur“, май, 1848 г. № 137.

[2]) Я обязанъ Беранже тѣмъ, что не потратилъ части моей жизни на кропаніе плохихъ стиховъ. Кончивъ коллежъ, я совершенно неосновательно вообразилъ, что я призванъ былъ питомцемъ музъ и, по прискорбной случайности, мои первые опыты были увѣнчаны академіей. Возможно ли было, послѣ этого, сомнѣваться въ моемъ призваніи? Беранже, любившій меня бдительной и прозорливой дружбой, захотѣлъ ближе познакомиться съ моими увѣнчанными поэмами и взялъ съ меня обѣщаніе, что, если результатъ этого разсмотрѣнія будетъ мнѣ неблагопріятенъ, я не напишу болѣе ни одного стиха въ жизни. Былъ назначенъ день для произнесенія рѣшенія. Никогда подсудимый Миноса въ минуту приговора не испытывалъ волненія, подобнаго тому, которое меня охватило, когда открылась передо мной дверь квартиры Беранже. „О, сказалъ онъ, увидѣвъ меня, я требую не обѣщанія, а клятвы“. Я испустилъ глубокій вздохъ и поклялся... Какъ я впослѣдствіи радовался тому, что меня такъ огорчило тогда!

юношеское нетерпѣніе, сковывавшееся ими. Онъ былъ конечно республиканцемъ, но онъ предвидѣлъ республику лишь въ далекомъ будущемъ, потому что ему казалось, что современное поколѣніе не можетъ дать настоящихъ республиканцевъ; потому что у большинства тѣхъ, которые такъ себя называли и которыхъ онъ считалъ искренними, онъ видѣлъ только великодушныя стремленія, а не продуманныя убѣжденія; наконецъ потому что многіе изъ нихъ, по его мнѣнію, безразсудно принимали за чувство личнаго достоинства презрѣніе ко всякой дисциплинѣ, а зависть—за любовь къ равенству. Я помню, что разъ онъ сказалъ мнѣ съ мягко насмѣшливой улыбкой: „вы слишкомъ торопитесь, дитя мое. Вы хотите республики? Но въ республикѣ нуженъ вице-президентъ, такъ какъ президентъ можетъ заболѣть. А гдѣ найти теперь человѣка, который удовольствовался бы ролью вице-президента? Вотъ, въ чемъ трудность“! Эта мудрость столь спокойная, столь изящная, столь легко пугавшаяся всего и охотно преувеличивавшая, въ своихъ наблюденіяхъ, отрицательную сторону человѣческихъ дѣлъ, плохо предрасполагала Беранже къ принятію на себя какой нибудь роли въ бурѣ 1848 года. Назначенный противъ собственной воли въ члены собранія, въ которомъ таилось столько неумолимой злобы, едва разслышалъ онъ глухое рычаніе послѣдней, какъ сталъ предчувствовать послѣдствія. Онъ былъ не изъ такихъ, которые могли не понять значеніе борьбы между избранниками провинціи и избранниками Парижа. Могъ ли онъ вмѣшаться въ нее сколько-нибудь полезнымъ образомъ? Разнузданность реакціонныхъ страстей, обнаружившаяся съ самаго начала, систематическіе отказы въ самыхъ законныхъ требованіяхъ, нежеланіе народа присутствовать на организованномъ при такихъ обстоятельствахъ праздникѣ Согласія, газетная перебранка, раздраженіе клубовъ, все повидимому предвѣщало, что столкновеніе, и столкновеніе бѣшеное должно неминуемо произойти. Беранже, убѣжденный въ своемъ безсиліи предотвратить событія, попросилъ чтобы его старость избавили отъ ужасной необходимости участвовать въ нихъ.

Одной изъ характерныхъ чертъ Франціи является то, что ни-

когда ощущеніе своихъ собственныхъ бѣдствій не дѣлало ее безучастной къ страданіямъ другихъ народовъ: не менѣе живо, чѣмъ вопросомъ о трудѣ она волновалась... чѣмъ? положеніемъ истерзанной Польши и потрясавшей своими цѣпями Италіи, въ особенности положеніемъ первой, которую могло спасти только наше вмѣшательство. Въ это время въ Парижъ пришли удручающія извѣстія. Въ Познани возставшіе поляки сражались съ удивительнымъ безстрашіемъ, но были раздавлены численнымъ превосходствомъ врага; сожженіе деревень, избіеніе распространившееся на женщинъ и на дѣтей, по обыкновенію, обезчестили побѣду силы надъ правомъ. Всѣ спрашивали себя: слѣдуетъ ли дать Польшѣ погибнуть, погибнуть, испуская крикъ отчаянія: „до Бога высоко, а до Франціи далеко"? Увлеченіе было всеобщее, громадное. Объ этомъ можно судить по первой демонстраціи, которая произошла 13-го мая. Около десяти тысячъ гражданъ прошли по бульварамъ отъ площади Бастиліи до церкви св. Магдалины (la Madeleine), повторяя тысячу разъ крикъ: „да здравствуетъ Польша"! Вечеромъ же во всѣхъ клубахъ обсуждался проектъ болѣе внушительной и болѣе многолюдной манифестаціи.

Ея хотѣлъ клубъ, предсѣдателемъ котораго былъ г. Бланки. Самъ г. Бланки, какъ онъ заявилъ впослѣдствіи, ничего хорошаго отъ нея не ждалъ, но онъ не счелъ разумнымъ противиться чувству, которое, повидимому, повсюду брало верхъ. Онъ настаивалъ только на двухъ пунктахъ: чтобы манифестація была спокойной и чтобы на нее отправились безъ оружія. Онъ прибавилъ: „ненужно даже, чтобы изъ Національнаго Собранія можно было видѣть народныя полчища" [1]).

Идея манифестаціи нравилась г-ну Распайлю, который желалъ, чтобы она была мирной и надѣялся что она будетъ величественна.

Однако, даже въ республиканскихъ рядахъ раздалось нѣсколько голосовъ, умолявшихъ публику не заходить въ своемъ увлеченіи за предѣлы возможнаго. Прежде чѣмъ бросаться въ такое приклю-

---

[1]) Заявленіе г-на Бланки на буржскомъ процессѣ, аудіенція 1-го марта 1849 г., См. „*le Peuple*", № 116.

ченіе, какъ война, которая зажгла бы пожаръ во всемъ мірѣ, не лучше ли было подождать, чтобы республика набралась силъ противъ внѣшней ненависти и внутренней измѣны? Двинувъ на рѣзню столько патріотовъ съ гордымъ и благороднымъ сердцемъ, столько безстрастныхъ республиканцевъ, которыхъ реакція нетерпѣливо желала удалить, не будетъ ли война содѣйствовать успѣху тѣхъ внутреннихъ заговоровъ, которые перестали быть тайной для публики? Италія постоянно отказывалась отъ нашего вмѣшательства: неужели слѣдовало навязать ей это вмѣшательство насильно, заставить ее перенести его, какъ оскорбленіе? Что касается до Польши, то добраться до нея было невозможно, не пройдя по тѣлу Германіи. Въ энергичной статьѣ газета, издававшаяся господиномъ Прудономъ, воскликнула: „Для того, чтобы послужить свободѣ *тамъ*, мы подвергнемъ ее опасности *здѣсь*"! [1]) Напрасные разговоры! Космополитическій геній Франціи заговорилъ, онъ требовалъ, чтобы ему повиновались.

Но развѣ симпатіи, вызванныя судьбой Польши, не могли иначе проявиться какъ посредствомъ процессіи въ сто тысячъ человѣкъ, которая должна была хлынуть къ дверямъ собранія? Вопросъ серьезный и заслуживавшій конечно зрѣлаго размышленія.

Дѣйствительно, со времени манифестаціи 17-го марта положеніе очень измѣнилось. 17-го марта еще не было въ наличности, какъ въ первые дни мая, двухъ силъ, готовыхъ столкнуться; 17-го марта народъ еще не боялся встрѣтиться въ своемъ мирномъ шествіи къ Ратушѣ съ военно—организованной контръ-революціей; 17-го марта нечего было опасаться, что правительственные барабаны подадутъ сигналъ къ гражданской войнѣ; 17-го марта существовалъ центръ, Люксембургскій дворецъ, откуда могъ быть данъ толчокъ правильному движенію, которое предотвратило бы всякій безпорядокъ; наконецъ 17-го марта манифестація не имѣла передъ собой собранія вышедшаго изъ всеобщей подачи голосовъ и, какъ такое, воплощающаго въ себѣ принципъ народнаго самодержавія. Теперь же

---

[1]) См. „le Représentant du Peuple", май, 1848, № 44.

какая разница! Кромѣ того, неужели даромъ прошелъ роковой урокъ событій 16-го апрѣля, герой которыхъ, г. Маррастъ, засѣдалъ теперь въ Ратушѣ? Рѣчь шла о томъ, чтобы въ Бурбонскій дворецъ была принесена петиція нѣсколькими гражданами, за которыми слѣдовала бы стотысячная толпа. Но если эта толпа, образовавшаяся какъ попало, состоящая изъ разношерстныхъ элементовъ и волнуемая противоположными теченіями, станетъ безпорядочной, бурной, неподдающейся руководству? Если грязные агенты реакціи вотрутся въ эту толпу для того, чтобы посѣять въ ней анархію? Если, дойдя до дверей собранія, народное сонмище, подъ вліяніемъ подстрекательствъ темныхъ личностей, захочетъ ворваться въ святое святыхъ, чтобы разбѣжаться вслѣдъ затѣмъ при появленіи вооруженной національной гвардіи, скомпрометтировавъ предварительно популярныя имена и явивъ зрѣлище революціи приводящей къ хаосу!.. Вотъ чего нужно было бояться.

Съ другой стороны, были ли во главѣ движенія лишь люди, заслуживавшіе абсолютнаго довѣрія?

Однажды,—много времени спустя послѣ описываемыхъ событій,—меня посѣтилъ въ Лондонѣ человѣкъ, котораго я никогда не видалъ и который, войдя ко мнѣ сказалъ мнѣ: „я Губеръ“. Услышавъ это имя, я ощутилъ чувство, которое онъ, вѣроятно, прочелъ на моемъ лицѣ, такъ какъ крайнее смущеніе выразилось сейчасъ же въ его способѣ держать себя. О связяхъ этого человѣка, очень разнообразныхъ и отчасти очень темныхъ, о письмѣ, которое, выпавъ случайно или какъ *будто* случайно изъ его портфеля, сообщило когда-то правительству Луи-Филиппа о существованіи заговора, тайныя нити котораго были въ рукахъ г-на Губера, о его назначеніи въ управляющіе удѣльнымъ имѣніемъ Ренси,—назначеніи, котораго добился отъ совѣта г. Маррастъ наканунѣ 15-го мая, о его письмахъ, найденныхъ въ префектурѣ полиціи и доказавшихъ, что, при Луи-Филиппѣ, онъ, изъ тюрьмы, въ которой сидѣлъ, велъ переписку съ тогдашнимъ префектомъ полиціи, обо всемъ этомъ ходили очень серьезные слухи и какъ только онъ явился ко мнѣ, я вспомнилъ обо всѣхъ этихъ обличительныхъ

обстоятельствахъ, не забывая, что это была та личность, которая 15-го мая съ высоты трибуны и среди страшнаго безпорядка осмѣлилась произнести столь гибельныя для республики слова: „Собраніе распущено!“ Потому я принялъ его крайне холодно, что не помѣшало ему сказать мнѣ, что онъ пришелъ попросить у меня услуги. „Какой услуги, милостивый государь?“ — Я желалъ бы имѣть свиданіе съ г-номъ Коссидьеромъ. Онъ распространилъ сплетни которые я хотѣлъ бы смыть съ моей репутаціи, или онъ содѣйствовалъ ихъ распространенію. Я долженъ объясниться съ нимъ по этому поводу и желалъ бы это сдѣлать въ вашемъ присутствіи. — Пусть будетъ такъ“. Я написалъ г-ну Коссидьеру, что жду его на слѣдующій день по дѣлу его касающемуся. Въ назначенный часъ онъ является. Г. Губеръ пришелъ раньше его. Я былъ не чуждъ опасеній по поводу рѣзкой сцены, которой можно было ожидать со стороны человѣка, который выставлялъ себя жертвой оскорбительныхъ и несправедливыхъ обвиненій: каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что, какъ только г. Коссидьеръ вошелъ, г. Губеръ побѣжалъ къ нему навстрѣчу и заключилъ его въ свои объятія! Удивленіе г-на Коссидьера, разумѣется, равнялось, по меньшей мѣрѣ, моему. Началось объясненіе. Удивительно мягкимъ голосомъ, казавшимся еще болѣе мягкимъ вслѣдствіе манеръ говорившаго, г. Губеръ сталъ жаловаться на то, что онъ принужденъ защищаться отъ обвиненій, распространяемыхъ „старымъ товарищемъ“. Какъ могъ онъ заслужить это несчастіе, онъ, который столько лѣтъ сражался и страдалъ за дѣло республики, онъ, въ чью пользу свидѣтельствовала его продолжительная агонія въ тюрьмахъ монархіи? „Но вѣдь изъ глубины этихъ тюремъ, сказалъ ему г. Коссидьеръ, вы писали префекту полиціи и обѣщали ему доставить свѣдѣнія: отрицаете ли вы это?“ — „Нѣтъ, я этого не отрицаю, но выслушайте меня...“ И онъ разсказалъ, что, находясь въ одиночномъ заключеніи, онъ былъ не въ состояніи вытерпѣть до конца весь ужасъ этой системы наказанія; что, подъ страшнымъ бременемъ полнаго одиночества, окруженный гробовой тишиной, онъ почувствовалъ, какъ

его умственныя способности стали мало-по-малу угасать; что зловѣщія видѣнія вставали передъ нимъ; что ему показалось, что онъ вотъ-вотъ сойдетъ съ ума; что, охваченный ужасомъ, онъ сталъ думать лишь объ одномъ: какъ бы добиться переведенія въ другую тюрьму. Поэтому онъ написалъ только префекту полиціи Луи-Филиппа, дѣйствительно обѣщая, довольно неопредѣленнымъ образомъ, доставить ему важныя разоблаченія, но съ единственной цѣлью выйти изъ положенія заживо погребеннаго человѣка и съ твердой рѣшимостью обмануть, выйдя изъ могилы, злобное любопытство своихъ мучителей. „Я считалъ себя, прибавилъ онъ, столь мало виновнымъ, поступая такимъ образомъ, что я намѣревался самъ занести эти факты на страницы мемуаровъ, въ которыхъ я собирался описать психическія послѣдствія одиночнаго заключенія“. Въ этомъ объясненіи не было ничего неправдоподобнаго; оно противопоставляло состраданіе порицанію; и содержаніе бумагъ, найденныхъ въ префектурѣ полиціи, не противорѣчило ему. Тѣмъ не менѣе оно оставляло на республиканскихъ чувствахъ того, кто 15-го мая объявилъ собраніе распущеннымъ, нѣкоторую тѣнь, которую его послѣдующее поведеніе далеко не разсѣяло. Письмо, которое онъ написалъ въ январѣ 1852-го года изъ Белль-Ильской тюрьмы Луи-Бонапарту, и въ которомъ онъ проситъ о помилованіи, привѣтствуетъ имперію и отрекается отъ наименованія республиканца, бросаетъ печальный свѣтъ на предыдущія подробности. Мнѣ остается добавить къ нимъ лишь одну черту. По поводу участія его въ событіяхъ 15-го мая, съ языка г-на Губера, сумѣвшаго съ большимъ искусствомъ уклониться отъ объясненій касательно этого пункта, которыхъ я отъ него добивался, сорвалась, тѣмъ не менѣе, слѣдующая фраза, произнесенная во время перваго посѣщенія, только,-что мной разсказаннаго: „Видите ли, Маррастъ меня обманулъ“. Я не смогъ добиться другихъ свѣдѣній.

Несомнѣнно то, что въ маѣ 1848-го года г. Маррастъ и г. Губеръ были въ близкихъ сношеніяхъ; что первый имѣлъ свою полицію, отличную отъ общей полиціи и дѣйствовавшую въ его

пользу [1]); что второй, состоявшій президентомъ централизаторскаго клуба, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ вожаковъ движенія, приведшаго народъ къ дверямъ собранія. Между тѣмъ, какъ пишетъ авторъ замѣчательной исторіи, изданной подъ именемъ Даніэля Стерна: „члены партіи той республики, которую называли буржуазной (г.г. Маррастъ, Бюшезъ и др.), не находили никакой опасности и видѣли нѣкоторыя преимущества въ безобидной манифестаціи, которая позволила бы имъ утвердиться въ качествѣ вершителей судебъ, между соціализмомъ, всѣ опасныя вожди котораго были бы такимъ образомъ устранены, и монархистами, которыхъ стали бы охранять отъ пролетаріата, но давъ имъ сначала хорошо почувствовать, насколько они еще должны его бояться [2]).

14-го мая нѣкоторые народные представители, въ этомъ числѣ г.г. Барбесъ, Торэ, Греппо, Детуръ и мой прекрасный другъ, безстрашный и великодушный Гамбонъ [3]), собрались у меня для обсужденія основъ конституціи, разработкой которой въ это время было занято Собраніе. Разсмотрѣвъ различныя стороны великаго вопроса, ради котораго мы собрались и, условившись относительно принциповъ, которые мы должны были поддерживать нашими го-

---

[1]) Это буквальное выраженіе г-на Карліе, директора тогдашней полиціи, въ его показаніи передъ буржской высшей судебной палатой. См. аудіенцію 10-го марта 1849 г. въ газетѣ „le Peuple“, № 113.

[2]) Histoire de la Révolution française, par Daniel Stern, т. III, стр. 21.

[3]) Гамбонъ (Gambon) былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ своему дѣлу соціалистовъ поколѣнія 1848 года. Просидѣвъ въ тюрьмѣ отъ 1849 г. до 1859 года, онъ надѣлалъ шуму въ послѣдніе годы второй имперіи своимъ протестомъ противъ правительства, выразившемся въ отказѣ платить налоги. Газеты того времени много писали объ этомъ отказѣ, о послѣдовавшей вслѣдствіе него продажѣ коровы Гамбона и пр. Какъ членъ коммуны, Гамбонъ остался въ Парижѣ, сражаясь на баррикадахъ до послѣднихъ часовъ кровавой недѣли, затѣмъ эмигрировалъ и вернулся во Францію лишь послѣ амнистіи коммунаровъ. Въ бытность свою членомъ „Интернаціоналки“, Гамбонъ издалъ брошюру, гдѣ рекомендуетъ, какъ революціонный пріемъ, осуществимый въ настоящее время, отказъ платить налоги. Эту брошюру перевели на русскій языкъ и напечатали русскіе революціонеры въ Женевѣ. Гамбонъ умеръ въ 1887 году.

Прим. перев.

лосами, мы естественнымъ образомъ стали толковать о манифестаціи, мысль о которой волновала всѣ умы; наши пренія привели къ тому выводу, что тутъ была серьезная опасность, противъ которой было въ высшей степени важно принять предохранительныя мѣры.

Но уже комиссія членовъ централизаторскаго клуба, предсѣдателемъ коего былъ Губеръ, успѣла возвѣстить манифестацію и назначила ее на слѣдующій день, т. е. 15-е мая [1]).

Около половины пятаго, встрѣтивъ Барбеса, я ему съ живостью выразилъ мои опасенія: онъ раздѣлялъ ихъ и разстался со мной, завѣривъ меня, что отправляется въ свой клубъ для того, чтобы изо всѣхъ силъ воспротивиться тамъ движенію, роковыя послѣдствія котораго мы слишкомъ ясно предвидѣли. Нѣтъ надобности прибавлять, что онъ сдержалъ свое слово. Г. Ландольфъ съ большой энергіей поддержалъ его, и было рѣшено, что клубъ Барбеса не приметъ участія въ манифестаціи.

Таково же было рѣшеніе клуба, которымъ руководилъ г. Кабэ: онъ самъ мнѣ это объявилъ на сходкѣ, которая происходила у меня утромъ и на которой онъ присутствовалъ.

Съ своей стороны, г. Прудонъ помѣстилъ 13-го мая въ „le Représentant du Peuple“, статью, подписанную его именемъ, въ которой онъ говорилъ: „Хотятъ манифестацій! Что такое она докажетъ? Въ чемъ будетъ состоять ея программа, ея идея, средства ея выполненія, ея формула, ея рѣшеніе? Чему научитъ она депутатовъ? Какое убѣжденіе, какую вѣру вдохнетъ она въ ихъ душу?“ И онъ умолялъ патріотовъ не поступать какъ „безмозглые клубисты“ [2]).

15-го мая я въ обычный часъ отправился въ Собраніе. Я засѣдалъ рядомъ съ г-номъ Барбесомъ. Зная, что я живу на бульварѣ, онъ сказалъ съ патріотическимъ безпокойствомъ, лишь

---

[1]) См. объ инициіативѣ централизаторскаго клуба, показаніе одного изъ его главныхъ членовъ, г-на Дандюрана передъ буржской высшей судебной палатой (аудіенція 10-го марта 1849 г.)

[2]) Le Représentant du Peuple, мая, 1848, номеръ 45.

только меня завидѣлъ: „ну, что?“ Я отвѣтилъ ему, что на бульварахъ большое оживленіе, что по нимъ движется народъ сплоченными рядами; это удостовѣряли надежныя лица. Онъ измѣнился въ лицѣ, пожалъ мнѣ руку выразительнымъ образомъ и голосомъ, который до сихъ поръ звучитъ въ моемъ сердцѣ, когда мысль моя возвращается къ этимъ тяжелымъ воспоминаніямъ, сказалъ мнѣ: „Эхъ, мой другъ, я боюсь, что республика погибла!“ Засѣданіе открылось чтеніемъ прошенія Беранже объ отставкѣ; за симъ послѣдовалъ запросъ великодушнаго г-на д'Арагона г-ну Бастиду по поводу Италіи. Отвѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ показался нѣсколько уклончивымъ. Между тѣмъ, его рѣчь утверждала обязанность Франціи вступаться за угнетенные народы, когда они сами просятъ этого заступничества; она выражала надежду, что вскорѣ конгрессъ представителей свободныхъ націй осуществитъ принципъ, первымъ бойцомъ за который охотно сдѣлается французскій народъ,—принципъ общеевропейскаго верховнаго союза; она отрицала въ лицо царямъ трактаты 1815-го года и содержала эти прекрасныя слова: „Мы не считаемъ себя вполнѣ освобожденными, пока вокругъ насъ есть страждущія націи“ [1]).

Г. Воловскій взошелъ на трибуну. Онъ началъ говорить о Польшѣ, какъ вдругъ отдаленный ревъ возвѣстилъ намъ приближеніе толпы. Ораторъ продолжалъ говорить. Шумъ надвигается все ближе. Ораторъ все еще хочетъ говорить: страшные крики, доносящіеся извнѣ, наполняютъ залъ. Нѣсколько депутатовъ входятъ торопливой поступью; въ залѣ кричатъ: „по мѣстамъ!“ Въ ту же самую минуту г. Дегузэ, одинъ изъ квесторовъ, появляется на трибунѣ и сообщаетъ съ взволнованнымъ видомъ, что командующій національной гвардіей приказалъ мобилямъ вложить штыки въ чехлы и что въ залу сейчасъ вторгнется толпа.

То, чего многіе изъ насъ боялись, осуществилось: шествіе, похожее въ началѣ на тихую рѣку, обратилась въ потокъ прежде чѣмъ достигнуть Собранія. Генералъ Куртэ, командовавшій вой-

---

[1]) См. „le Moniteur“ за май 1848 г. № 137.

скамп расположенными вокругъ собранія, пошелъ навстрѣчу манифестаціи, встрѣтилъ ее возлѣ церкви св. Магдалины и обѣщалъ пропустить нѣсколькихъ делегатовъ: это было все, чего желалъ народъ и все, что имѣли въ виду искренніе руководители движенія, между прочимъ, г. Распайль, которому было поручено прочесть петицію. Но они не знали о *тайныхъ заправилахъ* [1]), поставившихъ себѣ цѣлью произвести безпорядокъ и безвозвратно компрометировать *явныхъ* руководителей. Странное обстоятельство, болѣе краснорѣчивое, чѣмъ всякіе комментаріи: генералу Куртэ, который наканунѣ хотѣлъ созвать по тысячѣ національныхъ гвардейцевъ изъ каждаго легіона, г. Маррастъ возразилъ, что для безопасности Собранія достаточно пятисотъ человѣкъ. Нѣсколько національныхъ гвардейцевъ вокругъ законодательнаго дворца и батальонъ любителей, разставленныхъ на лѣстницахъ перистиля: вотъ вся вооруженная сила, которой хотѣлъ для охраны національнаго представительства,—въ случаѣ если бы это понадобилось,—тотъ самой человѣкъ, который 16-го апрѣля окружилъ Ратушу цѣлымъ лѣсомъ штыковъ! Фактически, дорога была свободна. Поэтому, когда процессія появилась на площади Революціи, то подосланныя лица, которыя ее тамъ поджидали, смогли безъ труда, ставъ во главѣ шествія и испуская громкіе крики, увлечь за собой, на мостъ, за мостъ и до рѣшетки параллельной рѣкѣ, толпу, возбужденную столькими соединенными причинами. Трагическимъ было положеніе генерала Куртэ. Толпа устремляется впередъ, ревущая, непреодолимая, движимая собственной тяжестью. Приказать ли стрѣлять въ нее? Но вотъ мобили, спѣша заявить свои мирныя намѣренія, влагаютъ шомполы въ ружейныя дула. Къ тому же, если произойдетъ сраженіе, то возможно ли будетъ спасти

---

[2]) Показаніе г-на Дандюрана, гражданскаго инженера, одного изъ главныхъ членовъ централизаторскаго клуба, передъ буржской высшей судебной палатой, на аудіенціи 10-го марта 1849 г.: „Я клянусь, что манифестація должна была остановиться у обелиска. Кто ее направлялъ? По совѣсти не могу этого сказать, но были тайные заправилы; и если манифестація сдѣлалась безпорядочной, то нужно это приписать людямъ, поставленнымъ у входа на мостъ“.

Національное собраніе отъ нашествія, которое борьба можетъ превратить въ рѣзню? „Штыки въ чехлы!“ кричитъ генералъ, который хочетъ избѣгнуть ужасовъ кровопролитія и надѣется, что, пропустивъ делегатовъ, онъ остановитъ тѣхъ, которые идутъ за ними [1]). Но передніе ряды въ мигъ перелѣзаютъ черезъ рѣшетки и, въ то время какъ тысячи пылкихъ манифестантовъ, съ стремительностью выступившаго изъ береговъ океана, проникаютъ съ этой стороны во дворецъ, хвостъ колонны, хлынувъ въ главному ходу, выходящему на площадь Бургундіи, также и тамъ побѣждаетъ препятствіе, представляемое рѣшетками, заталкиваетъ мимоходомъ генерала Куртэ прибѣжавшаго для того, чтобы сдержать толпу [2]), опрокидываетъ его на руки г-на Этьена Араго и разливается бурными волнами по заламъ зданія, наводненнаго народомъ, врывающимся со всѣхъ сторонъ.

Страшно сжалось мое сердце въ моментъ нашествія на залъ засѣданій, когда я услышалъ пронзительные крики охваченныхъ ужасомъ женщинъ среди рева обезумѣвшей толпы; когда я увидѣлъ, какъ одни бросились въ дверямъ, что по обѣимъ сторонамъ бюро, а другіе, протиснувшись впередъ, на хоры, стали спускаться по стѣнамъ, хватаясь за карнизы; когда сквозь тучу пыли, я увидѣлъ благородныя знамена Ирландіи, Польши, Италіи, колыхавшіяся надъ волновавшейся толпой, точно мачты тонущаго корабля! Но демонъ лжи можетъ дойти до такой наглости, что нашелся человѣкъ, имѣвшій гнусность сказать обо мнѣ: „Мнѣ показалось, что въ эту минуту онъ улыбался“ [3]). На самомъ же дѣлѣ, я оставался пригвожденнымъ къ своему мѣсту, какъ недвижный, нѣмой, сокру-

---

[1]) См. объ условіи, поставленномъ генераломъ Куртэ для открытія рѣшетокъ, показаніе полицейскаго комиссара Бертольо (Bertoglio) передъ буржской судебной палатой (засѣданіе 10-го марта 1849 г.).

[2]) См. относительно этого пункта показаніе г. Этьена Араго, которое доказываетъ, что генералъ Куртэ употребилъ всѣ усилія для того, чтобы помѣшать вторженію въ Собраніе и съ отчаянной энергіей боролся съ толпой. (Буржскій процессъ, засѣданіе 12-го марта 1849 г.)

[3]) См. мой отвѣтъ на эту выдумку въ отчетѣ о засѣданіи 25-го августа 1848 г. въ „Moniteur'ѣ“.

шенный сердцемъ зритель этой судорожной агоніи республики, какъ вдругъ пришли мнѣ сообщить, что часть народа, тѣснившаяся во дворѣ, со стороны Бургундской улицы, съ азартомъ требуетъ меня и что, если я не явлюсь къ ней, то она грозитъ присоединиться къ потоку, ворвавшемуся въ Собраніе. Въ теченіе приблизительно получаса, депутаты, пристава палаты, гарсоны зала засѣданій подходили ко мнѣ одинъ за другимъ, умоляя меня вмѣшаться въ дѣло и попытаться въ эту роковую минуту подѣйствовать на народъ моимъ словомъ, которое считали способнымъ унять его. Долго я оставался глухъ къ этимъ неотступнымъ просьбамъ, не надѣясь, что мое вмѣшательство сколько-нибудь поможетъ возстановленію порядка, и будучи болѣе, чѣмъ увѣренъ, что оно вложитъ острый мечъ въ руки моихъ враговъ. Одинъ изъ моихъ товарищей, г. Гюо (Huot), пошелъ уговаривать толпу удалиться; ему стали кричать: „мы требуемъ не васъ, а Луи Блана". Онъ поспѣшно пришелъ передать мнѣ это; я ему энергично отвѣтилъ: „мое мѣсто здѣсь, на моей скамьѣ, я не хочу его покидать" [1]). Разнесся слухъ, будто я арестованъ, поэтому внѣ дворца произошелъ взрывъ народнаго гнѣва: одинъ гражданинъ, по имени Ларжеръ, прибѣжалъ ко мнѣ со словами: „Ходитъ опасный слухъ; народъ думаетъ, что вы арестованы. Идите, идите скорѣй доказать ему противное вашимъ появленіемъ". Я отвѣтилъ: „Я не могу этого сдѣлать безъ разрѣшенія президента собранія" [2]). Но настоянія усиливались; нѣкоторые члены правой, въ томъ числѣ, если память меня не обманываетъ, г. Люсьенъ Мюратъ, окружили меня; одинъ изъ нихъ даже сказалъ мнѣ: „Какъ! Вы, можетъ быть, могли бы успокоить волненіе и вы отказываетесь попытаться это сдѣлать! А если произойдетъ кровопролитіе!" Мнѣ не хватило силъ до конца сопротивляться разсужденіямъ этого рода. Не останавливаясь дольше на мысли о послѣдствіяхъ, относительно которыхъ у меня ни на

---

1) См. заявленіе г-на Гюо въ засѣданіи 31-го мая 1848. „Moniteur", іюнь, 1848 г., № 153.

2) См. показаніе г-на Ларжера на буржскомъ процессѣ, аудіенція 11-го марта 1849 г.

минуту не было сомнѣнія, я подошелъ къ бюро президента палаты, г-на Бюшеза, и сказалъ послѣднему: „Считаете ли вы полезнымъ, чтобы я обратился съ рѣчью къ народу и, въ этомъ случаѣ, разрѣшаете ли вы мнѣ сдѣлать это отъ имени Національнаго собранія?“ Въ большомъ замѣшательствѣ онъ отвѣтилъ мнѣ: „Въ качествѣ президента, мнѣ нечего давать вамъ разрѣшеніе говорить; какъ человѣкъ и гражданинъ, я приглашаю васъ сдѣлать это“. Я настаивалъ, добиваясь болѣе категорическаго отвѣта; тогда г. Корбонъ, вице-президентъ, сказалъ мнѣвъ присутствіи г-на Бюшеза, который молчалъ съ видомъ согласія: „Хорошо же, бюро даетъ вамъ разрѣшеніе“.

Въ эту минуту на трибунѣ находился г. Распайль, державшій въ рукѣ петицію, прочесть которую мѣшалъ окружавшій его шумъ. Между тѣмъ, важно было, чтобы эта петиція была прочтена, такъ какъ въ этомъ заключался единственный шансъ добиться очищенія зала отъ толпы, за устраненіемъ всякаго повода оставаться въ ней. Меня поставили на столъ секретарей; раздался крикъ изъ среды послѣднихъ, какъ мнѣ показалось: „по крайней мѣрѣ, выслушайте вашего друга!“ Когда тишина на мгновеніе возстановилась, я воспользовался этимъ, чтобы произнести краткую рѣчь, напечатанную затѣмъ въ „Moniteur'ѣ“, рѣчь, въ которой, стараясь переубѣдить народъ, не раздражая его, я заклиналъ его не создавать, своимъ собственнымъ поведеніемъ, препятствіе окончательному признанію права петицій и „не посягать на свое собственное верховенство“ [1]).

Наконецъ г. Распайль получилъ возможность прочесть петицію, которая оканчивалась требованіемъ, чтобы дѣло Польши стало дѣломъ Франціи. Страстныя рукоплесканія привѣтствовали это пожеланіе.

Г. Бланки, призванный на трибуну нѣкоторыми членами клу-

---

[1]) Въ обвинительной рѣчи, произнесенной въ Буржѣ противъ меня господиномъ Барошемъ, въ мое отсутствіе, нѣтъ ни слова объ этомъ моемъ воззваніи къ народу. Между тѣмъ оно занесено въ „Moniteur“. Ничего не добавляю къ этому.

бовъ, началъ говорить объ ужасныхъ руанскихъ событіяхъ, о рабочемъ и польскомъ вопросахъ; рѣчь эту публика слушала сочувственно, какъ вдругъ сумятица снаружи удвоилась и меня снова стали донимать тревожными упрашиваніями. Имѣя за собой согласіе президента собранія, я пошелъ къ одному изъ оконъ двора, ведущаго къ Бургундской площади, сталъ на подоконникъ, на который затѣмъ взобрались также Альберъ и Барбесъ, и обратился къ толпѣ, скученной во дворѣ, съ той рѣчью, которая, по моему мнѣнію, могла оказать на нее наиболѣе успокоительное дѣйствіе. Сущность этой рѣчи заключалась въ томъ, что нельзя отрицать законности того требованія, чтобы трудъ былъ распредѣленъ болѣе справедливо и чтобы бѣдность была постепенно уничтожена, но что Собраніе, по всему вѣроятію, сочтетъ одной изъ своихъ первыхъ обязанностей изслѣдовать этотъ важнѣйшій изъ вопросовъ; что впослѣдствіи вѣчной честью республики будетъ именно то обстоятельство, что она неустанно стремилась осуществить право всѣхъ на счастье; что, если безумно питать относительно этого пункта слишкомъ радужныя надежды, то, во всякомъ случаѣ, это одно изъ тѣхъ возвышенныхъ безумій, посвящать которымъ всю жизнь— вполнѣ извинительно; что, кромѣ того, очень трогательно и очень благородно—зрѣлище, являемое народомъ, забывающимъ о своихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, чтобы заняться страданіями дружественнаго народа; что въ этомъ сказывался существенно космополитическій и великодушный геній Франціи, но что, чѣмъ болѣе народныя чувства были достойны уваженія, тѣмъ болѣе надлежало выражать ихъ легальнымъ, регулярнымъ образомъ. Въ заключеніе я умолялъ толпу освободить отъ своего присутствія Національное Собраніе, для того чтобы оно могло свободно обсуждать вопросы. Г. Піетри, одинъ изъ моихъ политическихъ противниковъ, который впослѣдствіи былъ префектомъ полиціи при имперіи, присутствовалъ при этой сценѣ; онъ очень добросовѣстно засвидѣтельствовалъ съ высоты трибуны примирительный и патріотическій характеръ словъ, произнесенныхъ мной при этихъ обстоятельствахъ. Одинъ ученикъ Сентъ-сирской школы (высшаго военнаго учи-

лица. *Пер.*), по имени Люка̀, заявилъ, когда его объ этомъ спросили, что въ моихъ увѣщеваніяхъ было нѣчто столь трогательное, что онъ не могъ удержаться отъ слезъ [1]).

Я направился къ своему мѣсту, чтобы сѣсть среди товарищей, какъ вдругъ меня схватила многочисленная группа, образовавшаяся сзади окна, и потащили меня черезъ входную залу (salle de Pas-Perdus). Народъ хотѣлъ слышать меня еще разъ и властно этого требовалъ; меня обступили кругомъ, принесли стулъ, на который меня заставили стать, и я принужденъ былъ говорить. Тогда-то, говоря о непобѣдимой силѣ февральской республики, но вмѣстѣ съ тѣмъ о необходимости заставить весь міръ удивляться умѣренности и благоразумію, такъ какъ это единственное средство доставить ей вскорѣ побѣду надъ всѣми королями, я произнесъ эти слова, которыя исказила впослѣдствіи ложь, услужившая ненависти: „Эта революція не изъ тѣхъ, которыя ихъ низвергаютъ“. Заключеніемъ, резюмировавшимъ мою рѣчь, былъ этотъ кличъ, повторенный всѣми моими слушателями съ энтузіазмомъ: „да здравствуетъ всемірная республика!“

Почти въ ту же минуту меня окружаютъ со всѣхъ сторонъ, поднимаютъ на руки, хотятъ понести въ собраніе. Напрасно я изступленно отбивался: напрасно я нѣсколько разъ отвѣчалъ на страстныя привѣтствія, раздававшіяся вокругъ меня, что единственный возгласъ, истинно достойный народа, это возгласъ: „да здравствуетъ республика!“—мои усилія ни къ чему не привели. Десять разъ я падалъ въ толпѣ, увлекавшей меня, десять разъ

---

[1]) См. его заявленіе въ засѣданіи 31-го мая 1848 г. „Moniteur“, іюнь 1848, № 153. Я цитировалъ это показаніе въ моей рѣчи, произнесенной 25-го августа 1848 г. См. въ „Moniteur'ѣ“ отчетъ объ этомъ засѣданіи.

Г. Барошъ, въ своей буржской обвинительной рѣчи, постарался не привести этихъ свидѣтельствъ. За то, на основаніи словъ какого-то жителя города Кемпера, онъ не забываетъ изобразить Барбеса, Альбера и меня „*сгруппированными въ складкахъ трехцвѣтнаго знамени*“. Дѣло въ томъ, что въ ту минуту, когда я оканчивалъ свою рѣчь, мнѣ всунули въ руки трехцвѣтное знамя, которое я продолжалъ затѣмъ держать, не думая, что растоптать его ногами или отбросить его было бы хорошимъ способомъ успокоить народъ. Вотъ и вся исторія.

мощныя руки подымали меня. Одинъ, атлетически сложенный, рабочій сказалъ мнѣ, грозя мнѣ кулакомъ съ улыбкой, выражавшей нѣжность: „эхъ, маленькій злодѣй, если бы ты только захотѣлъ!..“ [1]) Нѣкоторые бросались обнимать меня, другіе кричали: „смотрите, не задушите его!..“ Если возбуждать подобныя симпатіи, отвергая ихъ безпорядочныя проявленія изо всѣхъ силъ и служа всегда дѣлу, которое считаешь правымъ, безъ потворства, безъ лести, безъ суетной погони за популярностью,—преступно, то я совершилъ это преступленіе: пусть найдутъ другую вину въ моемъ поведеніи!

Такимъ образомъ, несмотря на мои протесты и сквозь густую массу людей, меня донесли до самой средины Національнаго собранія, ставшаго сценой самыхъ бурныхъ сценъ. Стенографы „Moniteur'a“, которые, среди безпримѣрной сумятицы, могли лишь въ очень неполномъ видѣ описать то, что происходило вокругъ нихъ, нарисовали слѣдующую картину моего вторичнаго появленія въ залѣ, картину, которой позднѣе воспользовались, какъ оружіемъ противъ меня, съ такой жестокостью и съ такимъ успѣхомъ. „Г. Ледрю-Ролленъ пытается успокоить народъ... Его прерываютъ... Крики, требующіе учрежденія министерства труда. Многочисленные голоса въ толпѣ: „мы хотимъ Луи Блана! Мы хотимъ министерства труда! Луи Блана! Луи Блана!“ Гражданина Луи Блана поднимаютъ на руки лица, собравшіяся въ залѣ. Его тріумфально носятъ передъ депутатскими скамьями, крича: „Луи Блана! Луи Блана!“ [2])

Не отрицаю вѣрности этихъ подробностей; но нужно было бы прибавить то, чего „Moniteur“ не говоритъ и что видѣли тысячи свидѣтелей, а именно, что я отбивался отъ этой роковой оваціи съ энергіей отчаянія; что я совершенно выбился изъ силъ въ этой невозможной борьбѣ; и какихъ еще доказательствъ этого нужно

---

[1]) Одинъ изъ моихъ товарищей, г. Морери, былъ свидѣтелемъ этого обстоятельства, которое онъ подтвердилъ передъ буржской судебной палатой.

[2]) См. „Moniteur“, май, 1848, № 138.

было, помимо моего совершенно охрипшаго голоса, той крайней блѣдности лица, которая поразила всѣхъ видѣвшихъ тогда меня, и пота, стекавшаго крупными каплями по моимъ щекамъ? [1])

---

[1]) Изъ безчисленныхъ свидѣтельствъ, которыя я могъ бы здѣсь привести, я выбираю слѣдующее письмо (посланное мнѣ съ разрѣшеніемъ напечатать его), такъ какъ оно написано человѣкомъ очень выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ, бывшимъ въ то время членомъ англійской палаты общинъ, состоящимъ теперь членомъ палаты лордовъ подъ именемъ лорда Гаутона (Houghton) и присутствовавшимъ на засѣданіи 15-го мая, въ качествѣ вполнѣ безпристрастнаго свидѣтеля, чуждаго интересамъ нашихъ партійныхъ раздоровъ.

My dear sir,

I have been told that you are desirous that I should record my opinion of your conduct and demeanour in the National Assembly of the 15-th May 1848, when the scene of its deliberations was invaded and occupied by the populace of Paris. I chanced to be there present in the diplomatic box, during the whole of that day so fatal to the constitutional liberties of France, and I watched with a natural interest the proceedings of all the important personages whom I knew by sight.

At this distance of time, it is difficult to recall details; but it was then my distinct impression, which I imparted to many persons immediately afterwards, that your attitude towards the intruders was expressive of reproof and regret aud had nothing about it to encourage the suspicion that you had invited or welcomed the outrage upon the representatives of the Nation.

I saw you taken up and raised upon the shoulders of the people; but you appeared to me to deprecate the triumph that was offered to you, and to express by your destures your disapproval alike of the hommage and of the passions that prompted it. You appeared to me to leave the hall at the time it was deserted by the other members and I was never more surprised, than when I heard that you were accused of complicity in the attack upon the Assembly. I had no personal acquaintance with you at the time and I only observed your actions from the same motive that I did those of other public men. I am afraid this testimony can be of no great value or importance; but such as it is, I am very ready to give it to you.

I remain, my dear sir, yours sincerely,

Richard Monckton Milnes.

16, Upper Brook street, February 14-th, 1859.

Дорогой сэръ! мнѣ сказали, что вы желали бы, чтобы я изложилъ письменно мое мнѣніе о вашемъ поведеніи и вашихъ дѣйствіяхъ въ Національномъ Собраніи 15-го мая 1848 г., когда парижская чернь вторглась на арену его преній и заняла послѣднюю Мнѣ привелось находиться тамъ въ дипломатской ложѣ въ теченіе всего этого дня, столь рокового для конституціонныхъ свободъ Франціи, и я слѣдилъ съ естественнымъ

Разлученный съ г. Барбесомъ народной волной, я не слышалъ, какъ онъ потребовалъ для того, чтобы спасти дружественный народъ отъ угнетенія и смерти, налога въ милліардъ *на богатыхъ*, въ случаѣ надобности; но тѣ, которые такъ упрекали его за это предложеніе, его, принадлежавшаго, во всякомъ случаѣ, къ классу, который долженъ былъ бы уплатить эту сумму, помнили ли они, что, желая насытить жадность эмигрантовъ, реставрація декретировала налогъ въ милліардъ и *на бѣдныхъ*? [1])

интересомъ за дѣйствіями всѣхъ важныхъ лицъ, бывшихъ извѣстными мнѣ по виду.

По истеченіи столь значительнаго промежутка времени, трудно упомнить подробности, но тогда я получилъ отчетливое впечатлѣніе, которое я и передалъ тотчасъ же затѣмъ многимъ лицамъ, что ваша манера держать себя по отношенію къ людямъ, ворвавшимся въ Собраніе, выражала неодобреніе и сожалѣніе и ни малѣйшимъ образомъ не подтверждала подозрѣнія, будто вы пригласили этихъ людей нанести оскорбленіе представителямъ націи, или же отнеслись благопріятно къ этому оскорбленію.

Я видѣлъ, что народъ васъ поднялъ и понесъ на плечахъ, но мнѣ казалось, что вы отвергаете тріумфъ, который вамъ предлагаютъ, и выражаете жестами свое неодобреніе какъ воздаваемымъ вамъ почестямъ, такъ и страстямъ, откуда онѣ проистекаютъ. Мнѣ видно было, что вы оставили залъ Собранія одновременно съ другими членами послѣдняго, и никогда я не былъ такъ удивленъ, какъ когда услышалъ, что васъ обвиняютъ въ соучастіи въ нападеніи на Собраніе. Я тогда не былъ съ вами лично знакомъ, и я наблюдалъ ваши дѣйствія по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, по которымъ наблюдалъ дѣйствія другихъ общественныхъ дѣятелей. Я боюсь, что это свидѣтельство можетъ имѣть мало цѣны и значенія, но какое оно ни на есть, я очень радъ, что могу его вамъ выдать.

Остаюсь, дорогой сэръ, истинно вамъ преданный

Ричардъ Монктонъ Милюзъ.

16, Upper Brook sreet, 14-го февраля 1859 г.

[1]) На буржскомъ процессѣ Барбесъ произвелъ большую сенсацію, заявивъ съ характеризующей его героической твердостью души: „Я, дѣйствительно, отвѣтственъ за это требованіе милліарда, суммы, которая была дарована эмигрантамъ въ награду за ихъ дѣйствія противъ Франціи“.

Стоитъ отмѣтить то обстоятельство, что только одинъ депутатъ всталъ, чтобы поддержать предложеніе Барбеса. Кто же былъ этотъ депутатъ? Дюпенъ старшій! (Одинъ изъ предводителей правой. Поступокъ этотъ объясняется крайнимъ малодушіемъ Дюпена, проявившимся 2-го

Между тѣмъ, народное возбужденіе росло съ минуты на минуту. Вдругъ раздается вдали грохотъ барабана. Г. Распайль, г. Барбесъ умоляютъ народъ удалиться. Г. Губеръ требуетъ, какъ бы вступаясь за присутствующихъ, чтобы имъ позволено было имѣть честь продефилировать передъ Собраніемъ. Раздается крикъ: „хоры проваливаются!“ Проявленіе испуга. А грохотъ барабана все приближается. Это бьютъ тревогу, а бить тревогу значитъ затѣвать междоусобную войну. Пусть только національная гвардія, съ штыками на рукахъ, войдетъ въ залъ,—и горе всѣмъ! Самимъ депутатамъ грозила въ этомъ случаѣ столь громадная опасность, что только слѣпой партійный фанатизмъ могъ увидѣть преступленіе въ поступкѣ г. Барбеса, потребовавшаго, чтобы всякій, кто приказалъ бы бить тревогу, былъ объявленъ измѣнникомъ отечеству. Барабанный грохотъ сталъ удаляться, потомъ мы опять стали слышать его приближеніе. Нужно было избѣгнуть кровопролитія: президентъ, за спиной котораго стоялъ артиллерійскій капитанъ, съ мрачнымъ видомъ и обнаженной шпагой, принужденъ былъ написать на нѣсколькихъ летучихъ листкахъ: „не велите бить тревогу“. Наконецъ, усадили меня, разбитаго усталостью, на одну изъ скамей крайней лѣвой стороны. Ко мнѣ подходитъ рабочій и говоритъ: „вы ужъ потеряли голосъ,—но если вы въ послѣдній разъ заклинаете толпу удалиться, то, можетъ быть, я смогу прочесть это воззваніе такъ, чтобы меня можно было услышать“. Я взялъ перо и поспѣшно написалъ слѣдующія строки: *„Во имя отечества, республиканскаго отечества, во имя народнаго верховенства, интересовъ всѣхъ, я заклинаю васъ...“* какъ вдругъ съ трибуны слетѣли эти слишкомъ знаменитыя слова, произнесенныя г. Губеромъ

декабря 1851 г., когда онъ былъ президентомъ палаты, малодушіемъ, заклейменнымъ безсмертными стихами Виктора Гюго въ Châtiments. (*Перев.*).

См. въ газетѣ „le Peuple“, № 115, отчетъ о буржскомъ процессѣ (засѣданіе 12-го марта 1849 г.) и въ „Rappel“, отъ 3-го октября 1869 г. свидѣтельство Корбона, вице-президента Учредительнаго собранія, сообщенное Франсуа-Викторомъ Гюго въ письмѣ къ Огюсту Вакри.

послѣ продолжительнаго обморока: „Національное Собраніе распускается!..“

Тогда въ залѣ произошло большое движеніе, стремительный напоръ котораго отбросилъ меня въ залу конференцій. Меня звали со всѣхъ сторонъ. Толпа тѣсно сплоченная, бурная, окружила меня, крича, чтобы я шелъ въ Ратушу [1]). Мнѣ хотѣлось повидаться съ Альберомъ, о которомъ никто не смогъ мнѣ сообщить никакого извѣстія, и съ Барбесомъ, который, съ своей стороны, искалъ меня. Но сойтись намъ оказалось невозможнымъ. Кто-то сказалъ мнѣ, что Барбеса попытались повести въ Ратушу, но что онъ съ большимъ одушевленіемъ воспротивился этому. Это сообщеніе было невѣрно. Хотя Барбесъ и сожалѣлъ о вторженіи толпы въ Національное собраніе, хотя онъ употребилъ всѣ свои усилія, сначала, чтобы предотвратить это вторженіе, а затѣмъ, чтобы прекратить его, тѣмъ не менѣе, когда онъ увидѣлъ, что всѣ депутаты разбѣжались въ разныя стороны, что ошалѣлая толпа сновала туда и сюда, что крикъ: „Къ оружію“! отвѣчалъ на погребальные призывы барабана и что Парижъ предоставленъ во власть ужаснаго безпорядка, то, повинуясь лишь своему желанію помѣшать, елико возможно, всякому дѣйствію невыгодному для народнаго дѣла, онъ, не колеблясь, принялъ новое рѣшеніе и отправился прямо въ Ратушу. Что касается до меня, то, такъ какъ я не имѣлъ возможности, по очень печальной фатальности, узнать его впечатлѣнія и передать ему мои собственныя, не могъ добиться извѣстій о томъ, что сталось съ нимъ и съ Альберомъ, то мнѣ пришлось дѣйствовать на основаніи иной оцѣнки необходимостей положенія, и я съ живостью воспротивился осаждавшимъ меня просьбамъ пойти въ Ратушу. Но такъ какъ всѣ устремлялись къ дверямъ, то потокъ увлекъ меня наружу, при чемъ я былъ такъ затерянъ въ окружавшей меня толкотнѣ, что еще и теперь не вѣдаю, черезъ какой выходъ и какимъ путемъ я добрался до площади Инвалидовъ.

---

[1]) Гдѣ должно было образоваться новое временное правительство, состоявшее изъ соціалистовъ. См. примѣчаніе въ концѣ этой главы.

Прим. перев.

Тамъ я встрѣтилъ моего брата Шарля Блана, безстрашная преданность и недремлющая заботливость котораго не покидали меня никогда среди испытаній и опасностей моего существованія. Въ сопровожденіи художника Целестина Нантейля и нѣсколькихъ друзей, онъ съ безпокойствомъ искалъ меня и, найдя, пустилъ въ ходъ неслыханныя усилія, чтобы освободить меня, ибо я былъ среди такой давки, что мои ближайшіе сосѣди, взявъ другъ друга подъ руки, должны были образовать изъ своихъ тѣлъ стѣну, защищавшую меня отъ натиска толпы. Тѣмъ на менѣе, одинъ разъ произошла на минуту передышка, которой я воспользовался, чтобы снова посовѣтовать людямъ, окружавшимъ меня, разойтись. „Вы сдѣлаете только то, что васъ перебьютъ и отъ вашей смерти не будетъ никакой пользы", говорилъ я имъ. Но нѣкоторые изъ нихъ, въ какомъ-то бреду и указывая на свою обнаженную грудь, отвѣчали: „не осмѣлятся убивать безоружныхъ людей". Мой братъ съ живостью воскликнулъ: „стало быть, вы хотите сдѣлать такъ, чтобы убили *его*"? Удивительная и трогательная черта! Эти люди, только-что предъ тѣмъ столь упорные въ своемъ намѣреніи, были сейчасъ же побѣждены этими словами. „Это правда! Это правда! воскликнули они, не нужно подвергать его опасности!" Остановили проѣзжавшій кабріолетъ и заставили его хозяина выйти изъ него: это былъ виноторговецъ, возвращавшійся въ Берси. Онъ заявилъ, что у него въ кабріолетѣ были цѣнности и изъявилъ желаніе не оставлять его; такимъ образомъ насъ оказалось въ кабріолетѣ четверо: собственникъ, кучеръ, мой братъ и я. Я былъ въ состояніи такого физическаго изнеможенія, что почтенный гражданинъ, давшій мнѣ мѣсто въ своемъ экипажѣ, великодушно предложилъ мнѣ повезти меня къ какому-нибудь своему пріятелю, у котораго я могъ бы немного отдохнуть. И дѣйствительно онъ отвезъ меня въ кварталъ медицинской школы къ какому-то молодому человѣку, который оказалъ мнѣ самое радушное гостепріимство. Затѣмъ я вернулся къ себѣ домой, остановившись на нѣсколько минутъ, чтобы перемѣнить бѣлье, въ сосѣднемъ книжномъ магазинѣ гражданина Массона, который отсутствовалъ и племянники котораго приняли меня. Утверждать, что меня видѣли въ

Ратушѣ, это значитъ—произносить ложь, безстыдство которой превосходитъ все, что можно вообразить.

Узнавъ дома, что Національное собраніе снова открыло свое засѣданіе, я поспѣшилъ туда, чтобы вернуться на свое мѣсто.

Достигнувъ преддверія дворца, я былъ узнанъ нѣсколькими національными гвардейцами. Они набросились на меня въ невѣроятномъ припадкѣ бѣшенства. „Подъ судъ его, подъ судъ!“ кричали одни. — „Нужно его убить! Такъ будетъ проще!“ кричали другіе. Къ счастью, другіе національные гвардейцы,—съ удовольствіемъ констатирую это здѣсь,—стали меня защищать съ такимъ же пыломъ, съ какимъ другіе напали на меня. Генералъ Дювивье явился въ мундирѣ и, однимъ изъ первыхъ, сталъ отстаивать мою жизнь. Въ числѣ тѣхъ, которые меня окружили и успѣли спасти отъ самой слѣпой ярости, которая когда-либо проявлялась, я съ благодарностью укажу на моихъ коллегъ Ларошжаклена, Булэ (изъ Мерты), Воловскаго, Адельсварда, моего земляка [1]), Конти, депутата Корсики, а кромѣ депутатовъ, на гражданина Муссэта, художника Жигу, лейтенанта національной гвардіи по имени Ферэ, бывшаго делегатомъ въ Люксембургской комиссіи. Впослѣдствіи мнѣ разсказали, что, вѣрный традиціямъ нашей долголѣтней дружбы, г. Франсуа Араго поспѣшно выбѣжалъ изъ палаты, чтобы прійти ко мнѣ на помощь. Мнѣ пріятно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы публично выразить мою глубокую благодарность тѣмъ, которые меня спасли отъ этой невѣроятной попытки убійства.

Несомнѣнно, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятно, что, не будь этого вмѣшательства, я бы погибъ. У меня вырвали нѣсколько клочьевъ волосъ, мою одежду разодрали на части, злодѣи пытались нанести мнѣ сзади удары штыками; одинъ изъ нихъ, не имѣя возможности повредить мнѣ иначе, выворачивалъ мнѣ пальцы. Мое негодованіе было столь сильно, что, во время всей этой сцены, я не переставалъ кричать: *подлецы*! *подлецы*! *Вы—подлецы*! Съ окровавленнымъ лицомъ и едва прикрытый одеждой, по истинѣ рас-

---

[1]) Луи Блапъ былъ корсиканцемъ по матери, урожденной Поццо-ди-Борго. *Прим. перев.*

терзанной на клочки, вошелъ я въ собраніе. Находясь въ этомъ состояніи я, повидимому, могъ бы ожидать отъ моихъ коллегъ тѣхъ знаковъ участія, источникомъ которыхъ служитъ простое чувство гуманности. Но гражданскія распри порождаютъ такую жестокость, что въ части собранія я встрѣтилъ только враждебное отношеніе ко мнѣ. Мое появленіе на трибунѣ, куда меня призывала самая повелительная обязанность, обязанность свидѣтельствовать въ пользу моихъ несчастныхъ друзей Альбера и Барбеса, вызвало самые рѣзкіе протесты.

Правда ли что, какъ это разсказали нѣкоторыя газеты, къ этому ропоту присоединились оскорбленія, которыхъ человѣкъ, дорожащій своимъ достоинствомъ, не можетъ снести? Я въ правѣ отрицать это, не только потому, что я не слыхалъ этихъ оскорбленій, но также потому, что я написалъ затѣмъ письмо, приглашавшее мнимыхъ оскорбителей назвать себя. Между тѣмъ, на это письмо не воспослѣдовало отвѣта; мое уваженіе къ собранію, членомъ котораго я имѣлъ честь состоять, не позволяетъ мнѣ думать, что въ немъ было хотя бы одно лицо, способное снизойти до анонимнаго оскорбленія, до оскорбленія неотвѣтственнаго [1]).

---

[3]) Вотъ письмо, посланное мною редактору газеты „La Presse“:

Гражданинъ,

Вы говорите въ вашемъ сегодняшнемъ номерѣ, что я обратился къ народу съ рѣчью, которая резюмируется въ слѣдующихъ словахъ: „сегодняшняя *демонстрація* не изъ тѣхъ, которыя потрясаютъ, а изъ тѣхъ, которыя низвергаютъ“.

Я этого не говорилъ: я сказалъ, говоря о вліяніи, которое наша великая и безсмертная февральская революція оказала на монархическую Европу: „Дѣйствительно, эта революція не изъ тѣхъ, которыя потрясаютъ троны, а изъ тѣхъ, которыя ихъ низвергаютъ“.

Не стану настаивать на различіи этихъ двухъ варіантовъ, важномъ, въ особенности при теперешнихъ обстоятельствахъ. Не буду говорить также объ анонимныхъ оскорбленіяхъ, о коихъ вы упоминаете, оскорбленіяхъ, которыя затерялись для меня въ общемъ шумѣ и отъ которыхъ меня могли бы избавить среди великодушной націи, послѣ недостойнаго и позорнаго насилія, которому я подвергся на самомъ порогѣ Національнаго Собранія.

Я никогда никого не вызываю, но тѣ, которые меня знаютъ, знаютъ также, что я не отступаю передъ вызовомъ не безымяннымъ.

„Moniteur“ сообщаетъ, что разрѣшеніе предать Альбера суду было вотировано въ этотъ вечеръ *единогласно*. Отъ имени нѣсколькихъ моихъ друзей и отъ своего собственнаго имени я публично и энергично протестовалъ противъ этого ложнаго утвержденія.

Таково мое поведеніе въ день пятнадцатаго мая, разсказанное съ самой абсолютной, самой педантической точностью.

Что касается до парижскаго народа, то лордъ Норменби клевещетъ на него съ едва понятной смѣлостью, когда говоритъ о „кровожадной мести“, объ „извергахъ, ждавшихъ только случая кратковременнаго торжества, чтобы добраться до своихъ жертвъ“ и пр. и пр... [1]). Суматоха, правда, была велика, и произошли прискорбныя сцены безпорядка, но кто не знаетъ, что въ событіяхъ этого рода достаточно двухъ десятковъ подстрекаемыхъ агентами провокаторами бѣсноватыхъ, для того чтобы создать настоящій хаосъ? То, что заслуживаетъ здѣсь вниманія, такъ это поведеніе массъ. А это поведеніе 15-го мая ни малѣйшимъ образомъ не оправдываетъ извѣтовъ лорда Норменби. Одни дѣйствовали, какъ люди, разгоряченные до лихорадочнаго состоянія великодушнымъ чувствомъ, другіе,—какъ взбунтовавшіеся школьники, сами удивляющіеся,—не безъ нѣкотораго безпокойства по поводу послѣдствій тому, что они натворили. Г. Монктонъ Милнзъ разсказалъ мнѣ, что среди самаго разгара бурной манифестаціи, онъ замѣтилъ старика-француза, который обливался слезами и восклицалъ страстнымъ голосомъ: „Бѣдная Польша! Бѣдная Польша! Значитъ, она будетъ спасена!“ И таково было настроеніе всѣхъ. Во время вторженія въ Собраніе, тѣ, которые вломились въ дверь дипломатской ложи,—это я знаю отъ того же г-на Монктона Милнза,—внезапно остановились при видѣ находившихся тамъ дамъ и, снявъ фуражки, почтительно

Обращаюсь къ вашей добросовѣстности, гражданинъ, въ надеждѣ, что это письмо будетъ напечатано въ вашемъ слѣдующемъ номерѣ

Привѣтъ и братство.

Парижъ, 16-го мая 1848 г.

Луи Бланъ.

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр. 393—396.

попросили позволенія пройти черезъ ложу. По истинѣ, если чему-нибудь нужно удивляться, такъ это тому, что среди толпы, возбужденной до такой степени и вооруженной, не было совершено никакого дикаго насилія. Была ли пролита хоть одна капля крови? Можетъ ли лордъ Норменби повѣдать исторіи хотя бы одно обстоятельство, объясняющее, почему эти desperados, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе возможности убивать, не воспользовались столь благопріятнымъ случаемъ, чтобы утолить свою „кровожадную жажду мести“? Но что же? Онъ самъ, поддавшись желанію быть пикантнымъ, забывается до того, что разсказываетъ объ учтивомъ вниманіи, предметомъ котораго были со стороны вторгнувшейся толпы онъ самъ и дамы, имъ сопровождавшіяся. Вотъ что его сіятельство лично вытерпѣлъ отъ толпы,—предоставляю ему слово:

„Тогда рабочій, сидѣвшій верхомъ на одной изъ перегородокъ нашей ложи, кликнулъ одного изъ своихъ товарищей, сидѣвшаго на противоположной перегородкѣ, и сказалъ, что присутствовалъ при постройкѣ этого новаго зданія, что зала эта конечно не была построена для того, чтобы содержать столько народа и что лучше было-бы спуститься внизъ, предоставивъ дѣйствовать тѣмъ, которые взялись заняться дѣломъ. Это естественнымъ образомъ встревожило дамъ, сидѣвшихъ на переднихъ креслахъ и онѣ спросили съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, возможно ли имъ будетъ уйти. Молодой предводитель (the young leader), вмѣшательство котораго разъ уже было намъ столь полезно, предложилъ идти впереди насъ, если мы этого пожелаемъ, и проложить намъ дорогу сквозь толпу. Поэтому мы ушли, при чемъ нашъ покровитель указывалъ намъ путь... Я долженъ признать, что хотя корридоры были крайне узки, тѣмъ не менѣе, наше отступленіе не встрѣтило никакихъ препятствій и густая толпа, которую нужно было прорѣзать, вѣжливо разступалась передъ нами“ [1]).

Я не сомнѣваюсь, что, какъ благовоспитанный человѣкъ, лордъ Норменби выразилъ этимъ desperados благодарность, въ которой онъ, въ качествѣ историка, считаетъ себя вправѣ отказать имъ.

---

2) A Year of Revolution in Paris, стр. 397—398.

Что касается до членовъ Національнаго Собранія, то я долженъ замѣтить въ заключеніе—ибо я постыдился бы здѣсь умолчанія, которое было бы несправедливостью,—что въ засѣданіи 15-го мая 1848 г., они держали себя съ важностью и достоинствомъ; къ несчастію они потеряли послѣ бури то спокойствіе, которое сохранили во время бури [1]).

Примѣчаніе.

Говоря о манифестаціи 15-го мая, Луи Бланъ разсказываетъ лишь о томъ, что онъ самъ видѣлъ. Поэтому онъ не даетъ полныхъ свѣдѣній о событіяхъ этого дня, о которыхъ, такимъ образомъ, читатель не можетъ составить себѣ достаточно отчетливаго понятія. Въ виду этого, мы сочли нелишнимъ пополнить тотъ пробѣлъ, пользуясь Moniteur'омъ и историческими сочиненіями о революціи 1848-го года.

Послѣ того какъ Губеръ провозгласилъ распущеніе Національнаго Собранія и президентъ послѣдняго, Бюшезъ, былъ сброшенъ съ своего мѣста, надъ которымъ водрузили черное знамя съ фригійскимъ колпакомъ и символической обнаженной шпагой, Лавиронъ (см. о немъ въ воспоминаніяхъ Герцена) занялъ президентское кресло и прочелъ списокъ членовъ новаго Временнаго правительства, въ составъ коего входили: Барбесъ, Бланки, Луи Бланъ, Ледрю-Ролленъ, Губеръ, Распайль, Коссидьеръ, Э. Араго, Лагранжъ, Кабэ, П. Леру, Консидеранъ, Прудонъ, Альберъ. За исключеніемъ двухъ или трехъ именъ, этотъ списокъ состоялъ изъ соціалистовъ, но часть публики запротестовала противъ имени

---

[1]) Нужно знать, что существуетъ въ „Moniteur'ѣ" два отчета о засѣданіи 15-го мая; изъ нихъ второй, составленный заднимъ числомъ, есть разсказъ подтасованный. Это явствуетъ изъ показанія, которое принужденъ былъ дать на буржскомъ процессѣ (засѣданіе 12-го марта 1849 г.) ревизоръ парламентской стенографіи. Между тѣмъ, именно въ этомъ подтасованномъ изданіи нѣкоторые члены клубовъ изображаются кричащими: „намъ нужно два часа грабежа!" Это грубая клевета. Человѣка, который доставилъ это свѣдѣніе, потребовали на буржскій судъ, и онъ формально взялъ назадъ свои слова. См. по этому поводу отчетъ о процессѣ, засѣданіе 21-го марта 1849 г. въ газетѣ „le Peuple" № 124.

Этьена Араго, какъ слишкомъ умѣреннаго. Былъ предложенъ и другой списокъ, состоявшій исключительно изъ именъ соціалистовъ: Кабэ, Л. Бланъ, Пьеръ Леру, Распайль, Консидеранъ, Барбесъ, Бланки, Прудонъ. Изъ публики раздались голоса, заявлявшіе, что этотъ списокъ можетъ вызвать слишкомъ сильные протесты части общества и не привлечетъ на свою сторону достаточнаго числа сторонниковъ. Въ эту минуту пришла гвардія мобилей и затѣмъ національная гвардія, которыя разогнали толпу, ворвавшуюся въ Собраніе. Около двухсотъ депутатовъ возвращаются на свои мѣста и Собраніе вновь приступаетъ къ очереднымъ занятіямъ. Ламартинъ предлагаетъ, чтобы Собраніе вотировало благодарственный адресъ національной гвардіи, спасшей республику отъ анархистовъ. Это предложеніе принимается. О тогдашнемъ настроеніи національной гвардіи можетъ дать понятіе тотъ фактъ, что она чуть не убила своего главнаго начальника, генерала Куртъ, когда онъ, желая во что бы то ни стало избѣгнуть кровопролитія, скомандовалъ ей удалиться. Затѣмъ національная гвардія, съ 6-ю пушками и предводительствуемая сидѣвшими на коняхъ Ламартиномъ и Ледрю-Ролленомъ (присоединившимся на этотъ разъ, какъ и 16-го апрѣля, къ партіи буржуазныхъ республиканцевъ), отправилась на завоеваніе Ратуши, гдѣ въ это время революціонеры, съ Барбесомъ и Альберомъ во главѣ, пытались организовать новое правительство. Монтаньяры Коссидьера, вооруженные карабинами, вздумали преградить путь «защитникамъ порядка,» но послѣдніе, разступившись, показали имъ свои пушки, при видѣ которыхъ сторонники революціонеровъ разсѣялись, такъ что національная гвардія безпрепятственно достигла Ратуши.

Во время бурныхъ сценъ въ Національномъ Собраніи, въ Ратушѣ также произошелъ рядъ инцидентовъ. Сначала ее охраняло отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ національныхъ гвардейцевъ и мобилей, но подоспѣвшіе „Клубисты“ разсказали имъ, что національное собраніе распущено, что 80.000 пролетаріевъ идутъ на Ратушу и что къ послѣднимъ присоединилась гвардія мобилей. Подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій, отчасти подтвер-

ждавшихся тѣмъ, что среди инсургентовъ были люди въ мундирахъ національной гвардіи, внѣшняя охрана Ратуши разсѣялась. Оставалась находившаяся за рѣшеткой республиканская гвардія, но она противопоставила мятежникамъ лишь слишкомъ слабое и вялое сопротивленіе, такъ что они перелѣзли черезъ рѣшетку и наполнили собой залы и корридоры зданія, бросая изъ оконъ тысячи прокламацій. Въ это время Барбесъ и Альберъ пришли въ Ратушу, но не застали тамъ ни одного изъ революціонныхъ предводителей. Бланки увидѣвъ, что изъ мятежа ничего не выйдетъ, ушелъ укрыться къ одному изъ своихъ друзей; Л. Бланъ, Распайль, Пьеръ Леру были увлечены толпой въ разныя стороны, не имѣя возможности встрѣтиться съ людьми своей партіи; Кантена арестовалъ самъ Араго, а Собріе былъ арестованъ другимъ депутатомъ, нѣкіимъ Руло! Губера арестовали національные гвардейцы, затѣмъ онъ былъ выпущенъ на свободу мэромъ 4-го округа. Ледрю Ролленъ остался на сторонѣ правительства. Несмотря на всю эту неудачу, Барбесъ взбирается на столъ среди громадной толпы и провозглашаетъ новое Временное правительство, въ которомъ господствуетъ соціалистическій элементъ; въ этотъ списокъ входятъ слѣдующія имена: Альберъ, Луи Бланъ, Ледрю Ролленъ, Губеръ, Торэ, Распайль, Кабе, Пьеръ Леру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ издаетъ декреты: первый декретъ распускаетъ національное собраніе, второй ставитъ внѣ закона гражданъ, носящихъ мундиръ національной гвардіи, третій приказываетъ русскому и польскому правительствамъ возстановить польскую республику подъ страхомъ войны съ Франціей. Въ это время раздается грохотъ барабановъ, бьющихъ къ атакѣ, и во дворѣ ратуши раздаются крики: да здравствуетъ Національное Собраніе! Долой коммунистовъ!» Это національная гвардія, штурмующая Ратушу на штыки. Большинство присутствующихъ разбѣгается вразсыпную, кто куда можетъ. Группа, въ которой находятся Альберъ и Барбесъ, отступаетъ изъ комнаты въ комнату до залы, откуда ужъ нельзя уйти. Туда врываются національные гвардейцы подъ предводительствомъ офицера, который спрашиваетъ Барбеса: „что вы здѣсь дѣлаете?“

—Я членъ новаго Временнаго правительства, отвѣтилъ Барбесъ. «А я васъ арестовываю именемъ стараго», сказалъ офицеръ и приказалъ солдатамъ увести арестованнаго. Курьезно, что во время всей этой сумятицы оба правительства одновременно дѣйствовали и засѣдали въ Ратушѣ, издавая противоположные декреты; сновавшіе по кулуарамъ служащіе часто по ошибкѣ попадали не къ тому правительству, къ которому направлялись.

Пока Барбесъ издавалъ свои декреты, генералы Фуше, Бедо, затѣмъ Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Клеманъ Тома, [1]) съ національной гвардіей подошли къ Ратушѣ, войска заняли площадь и окружили зданіе, отвоевали рѣшетку у плохо защищавшихъ ее мятежниковъ и взобрались по лѣстницамъ туда, гдѣ засѣдало революціонное правительство, которое и было при этомъ арестовано. Въ это время по городу ходили самые нелѣпые слухи, доводившіе ярость буржуазіи до крайнихъ предѣловъ. Импровизированные ораторы разсказывали на всѣхъ перекресткахъ, что Барбесъ захватилъ въ свои руки власть и далъ разрѣшеніе босякамъ грабить Парижъ въ теченіе двухъ часовъ.

Кончилось все это преданіемъ Барбеса, Альбера и генерала Куртъ суду, какъ измѣнниковъ отечеству. *Перев.*

—

[1]) Читатель помнитъ, что разстрѣляніе генерала Клемана Тома̀ въ 1871 г. было первымъ актомъ возстанія, извѣстнаго подъ названіемъ *Коммуны*.

*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Годовщина 31-го мая.

Реакція сбрасываетъ съ себя маску.—Тактика ея органовъ, подготовлявшихъ ударъ, который долженъ былъ быть нанесенъ мнѣ.—Требуютъ, чтобы Собраніе разрѣшило начать противъ меня судебное преслѣдованіе.—Аргументы обвинительной рѣчи г-на Порталиса, генеральнаго прокурора, противъ меня.—Письмо, написанное президенту Національнаго Собранія Барбесомъ, заявившимъ себя отвѣтственнымъ за слова, приписанныя мнѣ обвинительной рѣчью.—Докладъ Жюля Фавра въ пользу разрѣшенія судебныхъ преслѣдованій.—Обсужденіе этого доклада.—Противъ его заключеній говорятъ г.г. Матье (изъ Дромы), Лоранъ (изъ Ардеши), Теодоръ Бакъ и Дюпонъ (изъ Бюссака).—Молчаніе правой.—Самостоятельное свидѣтельство одного гражданина въ мою пользу.—Исподтишка распространяютъ слухъ о моемъ присутствіи въ Ратушѣ въ день 15-го мая.—Заявленіе г-на Марраста по этому поводу.—Разрѣшеніе судебныхъ преслѣдованій отвергается всего 32-мя голосами большинства.—Объясненіе событій этого дня.—Парламентская хроника газеты „la Liberté“.—Г. Кремье высказывается въ мою пользу.—Отставка г-дъ Жюля Фавра, Порталиса, Ландрена.

Послѣ 15-го мая реакція сбросила съ себя маску. Роялисты увидѣли возможность опрокинуть республику; бодрость вернулась къ нимъ. Стали подкапываться подъ исполнительную комиссію. Орлеанисты и легитимисты удвоили свои нападки на г-на Ледрю-Роллена. Несмотря на покровительство г-на де-Ламартина, или вѣрнѣе, вслѣдствіе этого покровительства, г. Коссидьеръ былъ смѣщенъ съ поста префекта полиціи. И самъ г. Ламартинъ, который, ухаживая за монархическими партіями, потерялъ народное довѣріе, увидѣлъ, что его вдругъ оставляютъ тѣ, кому онъ служилъ орудіемъ, и почувствовалъ, какъ почва всюду ускользаетъ изъ подъ его ногъ.

Теперь я ужъ не былъ, какъ названныя лица, виноватъ своимъ причастіемъ къ власти, но мое преступленіе было гораздо чернѣе: мнѣ осталось вѣрно сердце народа и симпатіи послѣдняго никогда даже не высказывались въ мою пользу съ большой живостью, чѣмъ послѣ того какъ передъ моимъ носомъ захлопнули двери оффиціальнаго міра. Мое присутствіе служило помѣхой: рѣшено было отдѣлаться отъ меня прежде всего и во что-бы то ни стало.

Но, прежде, чѣмъ подвергнуть меня карѣ, какъ агитатора, нужно было подготовить умы къ удару, который собирались мнѣ нанести. Этимъ неустанно занимались реакціонныя газеты еще и раньше. То дѣлая видъ, что онъ удивляется рѣдкости моихъ появленій на трибунѣ, le Constitutionnel давалъ понять, что моя дѣятельность развертывалась на иномъ поприщѣ, во мракѣ и тишинѣ; то la Patrie, не отступая передъ наглой ложью, извѣщала читателей о томъ, что я пересталъ посѣщать парламентскія засѣданія; то газета l'Assemblée nationale, разоблачая ужасные заговоры, готовые будто бы разразиться, восклицала: «Ахиллъ удалился подъ свою скинію», вмѣняя мнѣ такимъ образомъ въ преступленіе исключеніе, которому меня подвергли. Легко видѣть, какъ пришелся кстати день 15-го мая тѣмъ, кто поклялся погубить меня! Было наряжено нѣчто въ родѣ слѣдствія, стали впопыхахъ разыскивать враждебныхъ мнѣ свидѣтелей, дѣлали оружіе противъ меня изъ фактовъ совершенно мнѣ чуждыхъ, изъ словъ, произнесенныхъ другими лицами, изъ обстоятельствъ, которыхъ я не могъ предотвратить или знать. Какъ отрицать мою виновность? Вѣдь одинъ индивидуумъ заявилъ, что въ то время, какъ манифестація проходила 15-го мая мимо моихъ дверей, раздался крикъ: „да здравствуетъ Луи Бланъ!"; другое лицо сказало, что польскія знамена лежали у моего консьержа; третье,—что кто-то слышалъ, во время нашествія на Національное Собраніе, какъ двоюродный братъ генерала Куртэ говорилъ, указывая на меня пальцемъ: „Луи Бланъ будетъ провозглашенъ президентомъ республики;

онъ одинъ можетъ спасти насъ отъ анархіи“ [1]) Сильно настаивали на оваціи, которая мнѣ была устроена, но при этомъ не упоминали, конечно, о моемъ сопротивленіи демонстрантамъ. Изображали меня ораторствующимъ съ высоты трибуны передъ мятежниками, но умалчивали о томъ, что меня умоляли сдѣлать это члены правой стороны, что, только уступая ихъ просьбамъ, я рѣшился говорить и не для того, чтобы подлить масла въ огонь, а для того чтобы попытаться потушить этотъ огонь; умалчивали и о томъ, что мое вмѣшательство было одобрено, отъ имени Національнаго Собранія, парламентскимъ бюро. О характерѣ моей рѣчи, хотя она была буквально воспроизведена въ Moniteur'ѣ, не заикались ни единымъ словомъ и о ней упоминали только для того, чтобы прійти къ слѣдующему заключенію: „если тишина возстановилась при его словахъ, то, значитъ, между нимъ и манифестантами существовало соумышленіе!“ Съ другой стороны, для того, чтобы заранѣе ослабить впечатлѣніе, которое должна была произвести вѣсть о моемъ арестѣ, возвѣщали о немъ въ видѣ неопредѣленнаго слуха. Судебный слѣдователь пригласилъ меня къ себѣ въ качествѣ свидѣтеля: тотчасъ-же газеты стали разсказывать, что меня видѣли выходящимъ изъ его кабинета въ состояніи необыкновеннаго замѣшательства и съ блѣднымъ лицомъ.

Какъ ни очевидна была цѣль этихъ происковъ, я нисколько не безпокоился по поводу ихъ возможныхъ послѣдствій, не считая людей способными дойти въ своей злости до того, чтобы хладнокровно совершить несправедливость, которой невозможно было ничѣмъ скрасить и противъ которой протестовали всѣ законы очевидности. До меня дошло извѣстіе, что меня обвиняютъ въ томъ, что я будто бы, во время вторженія толпы въ Національное собраніе, произнесъ слова: „я васъ поздравляю съ тѣмъ, что вы вновь

---

[1]) На буржскомъ процессѣ лицо, которому свидѣтель Гюжо д'Ориньи приписалъ эти слова, отвѣтило, что совершенно не помнитъ объ этомъ. Но еслибы даже они были произнесены, могли ли они, спрашиваю я, служить противъ меня обвинительнымъ пунктомъ? См. относительно этого отчетъ о засѣданіи 21-го марта 1849 г., въ газетѣ „le Peuple“, № 124.

завоевали право предъявлять петиціи; отнынѣ у васъ не будутъ оспаривать этого права“. Но если даже предположить, что эти слова, произнесенныя въ такую минуту, представляли собой проступокъ, во всякомъ случаѣ, ихъ произнесъ не я, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ „Moniteur“. Нуженъ былъ хоть какой-нибудь предлогъ, чтобы начать противъ меня преслѣдованія, между тѣмъ, нельзя было найти и тѣни предлога.

31-го мая случилось, что, чувствуя себя не совсѣмъ хорошо, я отправился въ Собраніе позднѣе обыкновеннаго. Какъ далекъ я былъ отъ предвидѣнія того, что меня тамъ ожидало! На трибунѣ находился г. Піетри. Въ своей рѣчи онъ называетъ меня. Я спрашиваю у моихъ сосѣдей, въ чемъ дѣло, и узнаю, что г. Порталисомъ, генеральнымъ прокуроромъ республики, и г. Ландреномъ, генеральнымъ адвокатомъ [1]), подано въ Національное собраніе прошеніе о разрѣшеніи начать противъ меня судебное преслѣдованіе.

Здѣсь кстати будетъ вспомнить о заявленіи, сдѣланномъ позднѣе, о которомъ справедливость не позволяетъ мнѣ умолчать. Г. Ледрю-Ролленъ былъ тогда членомъ исполнительной комиссіи. Впослѣдствіи, призванный, въ качествѣ свидѣтеля, въ буржскую высшую судебную палату, онъ далъ слѣдующее показаніе:

„Когда, послѣ 15-го мая, генеральный прокуроръ потребовалъ разрѣшенія подвергнуть Луи Блана судебнымъ преслѣдованіямъ, это требованіе было представлено на обсужденіе исполнительной комиссіи. Мы его разсмотрѣли,—одинъ изъ моихъ товарищей и я. Я долженъ сказать по душѣ и совѣсти, что мы не нашли и тѣни основанія для этого разрѣшенія. Но такъ какъ генеральный прокуроръ настаивалъ на своемъ, грозя своей отставкой, въ случаѣ, если исполнительная комиссія не уступитъ его настояніямъ, то я самъ потребовалъ, хотя и былъ другомъ гражданина Порталиса, его немедленнаго отставленія отъ должности“ [2]).

---

[1]) Avocat général, также какъ procureur и substitut,—представитель обвинительной власти въ французскихъ судахъ. *Перев.*

[2]) Заявленіе г-на Ледрю-Роллена передъ высшей буржской палатой; засѣданіе 19-го марта 1849 г.

Но не Ледрю-Ролленъ одержалъ верхъ, и передъ тѣмъ, какъ я вошелъ въ Собраніе 31-го мая, слѣдующее обвиненіе было прочтено г. Порталисомъ:

„Принимая во вниманіе, что, по его собственному признанію, гражданинъ Луи Бланъ два раза обращался съ рѣчью къ народу, вторгшемуся въ Національное собраніе; что, послѣ произнесенія этихъ двухъ рѣчей, онъ былъ понесенъ на рукахъ мятежниками; что во время смятенія онъ произнесъ рѣчь и сказалъ между прочимъ: „Я васъ поздравляю съ тѣмъ, что вы вновь завоевали право предъявлять петиціи; отнынѣ никто не будетъ у васъ оспаривать этого права“; что *нѣтъ надобности разсматривать другія обстоятельства, вмѣняемыя ему въ вину, и опредѣлять окончательнымъ образомъ смыслъ словъ, имъ произнесенныхъ*, такъ какъ изъ всей совокупности данныхъ начатаго разслѣдованія явствуетъ, что есть основанія считать Луи Блана намѣреннымъ соучастникомъ вторженія въ Національное собраніе и угнетенія онаго,—

Мы просимъ, чтобы угодно было Національному собранію разрѣшить судебныя преслѣдованія и пр....

Составлено въ судебной палатѣ, 31-го мая 1848 г.“ [1]).

Итакъ, мое преступленіе состояло въ томъ, что: 1) я обратился съ рѣчью къ народу, что сдѣлали,—замѣтьте это,—многіе изъ моихъ товарищей и, между прочимъ, г. Ледрю-Ролленъ, бывшій тогда членомъ исполнительной комиссіи, что 2) мнѣ устроили овацію, что 3) я поздравилъ народъ съ завоеваніемъ права подавать петиціи. Но что же именно я сказалъ народу? *„не было надобности этого опредѣлять“*. Но *принялъ* ли я овацію, въ которой меня упрекаютъ, или только *подвергся* ей? Это обстоятельство *„не было надобности разслѣдовать“*. Но эти поздравленія, которыя влагали мнѣ въ уста, произнесъ ли я ихъ? И, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, почему же „Moniteur“ приписываетъ ихъ Барбесу? Слѣдствіе о томъ, что произошло во

---

[1]) См. „Moniteur“, іюнь, 1848 г., № 153.

время одного изъ засѣданій Національнаго собранія, пренебрегло лишь однимъ источникомъ свѣдѣній, а именно источникомъ оффиціальнымъ! Если только послѣ того, какъ это время горячки и ослѣпленія миновало, г. Порталисъ перечиталъ свой невѣроятный обвинительный актъ, то, должно быть, велико было его изумленіе.

Меня ни о чемъ не предупредили, и я подвергся было опасности оказаться осужденнымъ, не бывъ выслушаннымъ. Я взбѣжалъ на трибуну, охваченный невыразимымъ негодованіемъ. Я объявилъ, что мнѣ невозможно снизойти до того, чтобы оправдываться. Но, какъ народный представитель, я долженъ былъ сказать и я сказалъ, что Собраніе спускалось по наклонной плоскости, которая должна была привести къ кровавымъ столкновеніямъ, къ гоненію, направленному однѣми партіями на другія, къ возстановленію смертной казни, къ гражданской войнѣ. „Смертная казнь! смертная казнь!“ кричали мнѣ яростные голоса со всѣхъ скамей правой стороны. „Кто ее возстановитъ? Объяснитесь! Кто ее возстановитъ?“ Я отвѣтилъ: „логика страстей, если ихъ разнуздаютъ!“ [1]) Читатель знаетъ, подтвердили ли событія это предсказаніе! По трагическому совпаденію, засѣданіе это происходило въ годовщину той знаменитой проскрипціи жирондистовъ (31-го мая 1793 г.), которая вырыла подъ Конвентомъ бездну, наполнившуюся кровью!

Національное собраніе назначило комиссію для разсмотрѣнія прошенія о разрѣшеніи судебнаго слѣдствія противъ меня, а на слѣдующій день я роздалъ моимъ коллегамъ письменное объясненіе моего поведенія въ день 15-го мая, объясненіе, не оставлявшее никакой увертки духу лжи.

2-го іюня, открывая засѣданіе, президентъ Національнаго собранія возвѣщаетъ, что ему только-что принесъ письмо комендантъ Венсенскаго замка. Это было письмо благороднаго Барбеса. Вотъ оно:

„Венсенскій тюремный замокъ, 1-го іюня 1849 г.

Президенту Національнаго собранія.

---

[1]) См. „le Moniteur“, іюнь, 1848 г., № 153.

„Гражданинъ президентъ,

Пусть всякій несетъ отвѣтственность лишь за *свои* слова и за *свои* поступки.

Гражданина Луи Блана обвиняютъ въ томъ, что онъ сказалъ въ день 15-го мая подателямъ петиціи:

„Я васъ поздравляю съ тѣмъ, что вы вновь завоевали право приносить самолично ваши петиціи въ Палату депутатовъ; отнынѣ никто этого права не будетъ у васъ оспаривать“.

Эти слова, или слова равнозначущія, были дѣйствительно произнесены въ этотъ день; но перепутаны лица. Не Луи Бланъ произнесъ эти слова, а я; вы можете прочесть ихъ въ „Moniteur'ѣ“, напечатанныя вслѣдъ за моимъ именемъ.

Единственная цѣль настоящаго письма—заявить это Собранію. Прошу васъ, г. президентъ, принять мой братскій привѣтъ ему и вамъ.

А. Барбесъ“ [1]).

Нѣтъ надобности прибавлять, что дѣйствительно въ „Moniteur'ѣ“ оказалось подтвержденіе этого письма: слово такого человѣка, какъ Барбесъ, избавляло отъ необходимости заглядывать въ „Moniteur“.

Такимъ образомъ, исчезло единственное основаніе, на которое опирался обвинительный актъ г. Порталиса. Что оставалось послѣ этого? Ничего, абсолютно ничего... Я ошибаюсь,—оставалось одно подозрѣніе, происхожденіе котораго я сейчасъ укажу.

Г-ну Жюлю Фавру былъ порученъ докладъ о моемъ дѣлѣ. Какимъ горестнымъ изумленіемъ были поражены всѣ истинные республиканцы, когда они узнали, что онъ высказался въ пользу судебнаго преслѣдованія! Г. Жюль Фавръ—ораторъ удивительной силы: онъ оказалъ, онъ, можетъ быть, призванъ и впредь оказывать, значительныя услуги республикѣ. Поэтому я воздержусь отъ всякаго горькаго замѣчанія по его адресу. Но не отвѣчалъ ли онъ на тайный упрекъ своей собственной совѣсти, когда говорилъ:

---

[1]) См. „le Moniteur“, іюнь, 1848 г., № 155.

„можетъ ли здравый умъ допустить мысль, что такого человѣка, какъ Луи Бланъ, человѣка, уже прославившагося своими историческими трудами, связаннаго дружескими сношеніями и общностью мнѣній съ тѣми самыми людьми, которые указываютъ теперь на его вину, человѣка, раздѣлявшаго преданность общественнымъ интересамъ, труды и опасности того самаго Временнаго правительства, чьи несомнѣнныя услуги вы провозгласили, наконецъ, человѣка, на котораго нападали за его теоріи, но котораго всѣ всегда уважали и чтили за его великодушныя чувства, не заглушенныя его экономическими заблужденіями, что такого человѣка стали бы приносить въ жертву какой-то злобной системѣ?“ [1]) И ораторъ требовалъ, чтобы человѣка, котораго онъ изображалъ такимъ образомъ, поспѣшили лишить депутатской неприкосновенности, а въ данныхъ обстоятельствахъ это значило выдать безоружнаго ударамъ его завѣдомыхъ враговъ.

Въ сущности, г. Жюль Фавръ требовалъ, чтобы палата вотировала въ пользу его заключеній *на вѣру*. Г. Матье (изъ Дромы) въ засѣданіи 3-го іюня показалъ яркими доводами, насколько опасенъ былъ такой прецедентъ, и выяснилъ, что послѣдній поведетъ къ тому, что палата станетъ раздирать себя собственными руками. Г. Лоранъ (изъ Ардеши) произвелъ сенсацію, затронувшую даже правую сторону, когда, намекая на похвалы, которыя мнѣ расточалъ г. Жюль Фавръ, онъ произнесъ эти слова, полныя горькой и величавой ироніи: „Съ обвиняемымъ 31-го мая 1848 г. поступили не такъ, какъ съ обвиняемыми 31-го мая 1793 г. Эти послѣдніе лишились неприкосновенности среди оскорбленій, и одинъ изъ нашихъ товарищей, Лантюинэ, упрекнулъ въ этомъ членовъ Конвента, напомнивъ имъ, что древніе не только не оскорбляли своихъ жертвъ, но украшали ихъ цвѣтами и повязками. И вотъ, болѣе счастливый, чѣмъ обвиняемые 31-го мая 1793 г., Луи Бланъ украшенъ цвѣтами и повязками!..“ [2])

Замѣчательно, что среди стольких людей, съ нетерпѣніемъ

---

[1]) Ibid. № 155.

[2]) См. „le Moniteur“, іюнь, 1848 г., № 156.

ждавшихъ минуты, когда они смогутъ нанести мнѣ ударъ, ни одинъ не осмѣлился встать и заявить, что онъ считаетъ меня виновнымъ, ни одинъ! [1]) Напрасно призывалъ ихъ на трибуну краснорѣчивый и горделивый голосъ г. Теодора Бака, который, припомнивъ собранію мои слова о *заговорѣ лжи*, пожаловался на *заговоръ молчанія*; никто изъ тѣхъ, которые готовились вотировать противъ меня, не осмѣлился оправдать предварительно свой вотумъ. Оставленный всѣми, г. Жюль Фавръ попытался защитить съ юридической точки зрѣнія заключеніе своего доклада, но встрѣтилъ, въ лицѣ г. Дюпона (изъ Бюссака), противника, логика котораго совершенно уничтожила его. Чего еще было нужно? Президенту передаютъ письмо; онъ открываетъ его и читаетъ слѣдующее:

„Гражданинъ президентъ!

Я полагаю, что выполняю долгъ честнаго человѣка, доводя до свѣдѣнія Національнаго собранія факты, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Какъ многіе другіе, увлеченный внутрь зала, я слѣдилъ за движеніемъ Луи Блана и, въ то время, какъ экзальтированныя личности, надѣясь еще компрометтировать его, старались втащить его на эстраду, состоявшую изъ стула и дивана, я видѣлъ, какъ онъ вырвался изъ ихъ рукъ и ушелъ отъ ихъ преслѣдованій при апплодисментахъ всѣхъ лойяльныхъ республиканцевъ.

Маршанъ,

Эмалировщикъ, rue de la Croix, № 3“.

Я упомянулъ объ одномъ подозрѣніи... Оно основывалось на слухѣ, который исподтишка распускали среди членовъ Національнаго Собранія, будто 15-го мая меня видѣли въ Ратушѣ. Личностью, которая распространила этотъ слухъ, прося каждаго хранить тайну, былъ г. Маррастъ. Благодаря бдительности одного моего друга, я обо всемъ узналъ, что дало мнѣ возможность отпарировать ударъ, приготовленный во тьмѣ, какъ видитъ читатель, и который поразилъ бы меня, не давая мнѣ даже возможности

[1]) См. „le Moniteur“, засѣданіе 3-го іюня 1848 г.

знать, откуда онъ исходитъ. Заручившись этимъ драгоцѣннымъ свѣдѣніемъ, я потребовалъ отъ г. Марраста, чтобы онъ, если только посмѣетъ, явился заявить, противопоставляя свою клятву моей, что видѣлъ меня въ Ратушѣ. Высокомѣрная форма подобнаго требованія доставила ему предлогъ для того, чтобы молчать, прикрываясь вопросомъ личнаго достоинства; но, снова призванный на трибуну г-номъ Дюпономъ (изъ Бюссака), онъ принужденъ былъ объясниться и сдѣлалъ слѣдующее заявленіе, бывшее лишь повтореніемъ документа, который заставили его подписать въ Ратушѣ, до засѣданія, мои коллеги Лефранъ (Lefran), Феликсъ Матэ, Пелльтье и Рэналь.

„Когда я вышелъ изъ Ратуши, одинъ гражданинъ, сопровождавшій меня, сказалъ мнѣ, что гражданинъ Луи Бланъ былъ передъ тѣмъ въ Ратушѣ, и что онъ, сообщившій мнѣ это свѣдѣніе, помогъ его бѣгству, выпустивъ его наружу черезъ маленькую дверь, выходившую на улицу Лобáу. Я сейчасъ же нарядилъ поиски, съ одной стороны, чтобы снова найти этого гражданина, а съ другой стороны, чтобы узнать, вѣрны ли эти свѣдѣнія, и я долженъ съ той же искренностью сказать, что, разыскавъ гражданъ, стоявшихъ на часахъ на лѣстницѣ, по которой долженъ былъ пройти Луи Бланъ, и разузнавъ, какія мѣры были приняты внутри Ратуши, допросивъ, кромѣ того, тѣхъ, которые входили въ различные залы, подвергнувшіеся нашествію, я пришелъ къ полнѣйшему убѣжденію, что 15-го мая и ноги Луи Блана не было въ Ратушѣ“ [1]).

Что послѣ всего этого просьба о разрѣшеніи преслѣдованіи была отвергнута всего лишь большинствомъ 369-ти голосовъ противъ 337, это лучше всего доказываетъ, съ какой плачевной легкостью, въ эпоху гражданскихъ раздоровъ, несправедливость укореняется въ человѣческомъ сердцѣ.

Объ интригахъ и тайныхъ распряхъ, относящихся къ этому печальному эпизоду современной исторіи „la Liberté“, газета того времени, хорошо знавшая тогдашнюю закулисную политическую

[1]) См. „le Moniteur“, засѣданіе 3-го іюня 1848 г., № 156.

жизнь, напечатала, подъ заглавіемъ Note communiquée, очень любопытныя подробности, вѣрность которыхъ не подвергла сомнѣнію ни одна оффиціальная или полуоффиціальная газета. Подробности эти, воспроизведенныя нѣсколькими важными органами прессы и не вызвавшія никакихъ возраженій, заслуживаютъ быть занесенными на страницы нашей книги, въ качествѣ историческаго документа. Я цитирую:

„Послѣ 15-го мая весь исполнительный комитетъ, за исключеніемъ двухъ членовъ, раздѣлился на враждующія единицы. Одни только Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ, члены наиболѣе скомпрометтированные, согласно хотѣли продолжать завѣдывать дѣлами. Араго и Гарнье Пажесъ оставались болѣе нейтральными. Мари, недовольный, готовъ былъ удалиться, если только не будетъ продолжено слѣдствіе о вторженіи въ Національное собраніе. Карно, министръ въ собственномъ значеніи этого слова, оставался въ раздраженномъ настроеніи. Жюль Фавръ шелъ безконечно дальше его въ своей враждебности по отношенію къ Ламартину и Ледрю-Роллену. Но настоящимъ противникомъ комитета, настоящимъ предводителемъ оппозиціи, былъ Арманъ Маррастъ.

„Арманъ Маррастъ собралъ 200 депутатовъ въ клубѣ Palais-National (Національнаго дворца). Порталисъ, генеральный прокуроръ республики, и Ландренъ, его товарищъ, съ жаромъ тамъ его поддерживали и требовали разслѣдованія, которое было бы направлено противъ исполнительной власти и доведено неуклонно до самаго конца, разслѣдованія не судебнаго, какъ нѣкоторые думали, а политическаго. На всѣхъ этихъ собраніяхъ Арманъ Маррастъ выступалъ впередъ съ видомъ истиннаго государственнаго мужа нашего времени, который рѣшилъ порвать всякія связи съ партіей неспособныхъ ультрареволюціонеровъ, такихъ, какъ Ледрю-Ролленъ, или даже, какъ Ламартинъ. Онъ выказывалъ особенную враждебность по отношенію къ соціалистической партіи, которой и раньше никогда не могъ переварить. Рѣшили,—(и это показывало необычайную умѣлость и большое знаніе симпатій, или, вѣрнѣе, антипатій Учредительнаго собранія), что нужно сначала повести атаку на Луи

Блана. Предполагали, что изъ самыхъ преній станетъ яснымъ болѣе или менѣе полное соучастіе Ламартина и Ледрю-Роллена въ событіяхъ 15-го мая. Это должно было нанести косвенный ударъ Исполнительному комитету. Можетъ быть (на то, по крайней мѣрѣ, надѣялись), онъ распадется при самомъ началѣ преній по этому дѣлу. Это привело къ засѣданію 3-го іюня въ Учредительномъ собраніи.

„Когда наступилъ день засѣданія, Арманъ Маррастъ и двѣсти депутатовъ, членовъ клуба Національнаго дворца, должны были нанести рѣшительный ударъ. Общую атаку въ этомъ новомъ 9-мъ термидорѣ ловко повелъ Жюль Фавръ, какъ нѣкогда Бареръ. Генеральный прокуроръ республики и его товарищъ разыграли комедію судейской строгости и неподкупности. Луи Бланъ считался погибшимъ, и, къ тому же, обычное настроеніе Собранія и его послѣдовательныя голосованія въ этомъ засѣданіи доказывали, что разсчетъ былъ вѣренъ: разрѣшеніе начать судебное преслѣдованіе неизбѣжно должно было быть дано. Одно только обстоятельство, оставшееся невыясненнымъ послѣ судебнаго слѣдствія, испортило все дѣло и разрушило или, по крайней мѣрѣ, отсрочило умыслы Армана Марраста противъ Луи Блана и Исполнительнаго комитета. Арманъ Маррастъ заявилъ было формально, что Луи Бланъ въ день 15-го мая ходилъ въ Ратушу: онъ, Маррастъ, былъ-де въ этомъ убѣжденъ. Этотъ-то фактъ нужно было доказать, а доказанъ онъ не былъ. Нужно было назвать свидѣтелей, но ни Арманъ Маррастъ, ни кто-либо изъ его друзей не смогъ этого сдѣлать. Національное собраніе, призванное въ третьей перебаллотировкѣ, вотировать противъ Луи Блана, должно было отказать въ разрѣшеніи преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ. Но какимъ большинствомъ было это вотировано? Большинствомъ всего въ 32 голоса!

„Итакъ, несомнѣнно, что предпріятіе, задуманное Арманомъ Маррастомъ, Жюлемъ Фавромъ, Порталисомъ и Ландреномъ, чуть-чуть не удалось. Этотъ новый термидоръ не выгорѣлъ.

„Но что-то будетъ теперь? Смѣлъ будетъ тотъ, кто возьмется

это предсказать! Но Исполнительный комитетъ боится всего со стороны Марраста...

„Вотъ каково истинное положеніе. Національное собраніе терпитъ еще Исполнительный комитетъ, но не долго будетъ оно его терпѣть. Что касается до парламентскаго дня 3-го іюня, то его можно охарактеризовать однимъ словомъ, уже произнесеннымъ: *если бы Маррасту удался его замыселъ, Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ сидѣли бы теперь въ Венсенскомъ тюремномъ замкѣ...*“ [1])

Я не имѣю возможности подтвердить точность этихъ подробностей. Замѣчу только, что онѣ не покажутся неправдоподобными тому, кто вспомнитъ, что г. Арманъ Маррастъ, бывшій 15-го мая мэромъ города Парижа и покровителемъ г-на Губера, приготовившаго манифестацію, открылъ ей свободный путь къ собранію, и что онъ былъ политическимъ наставникомъ того самаго генерала Каваньяка, который въ іюнѣ сталъ на мѣсто Исполнительной комиссіи,—читатель увидитъ ниже, какимъ образомъ.

Какъ бы то ни было, г.г. Жюль Фавръ, Порталисъ и Ландренъ не были поддержаны ни Исполнительной комиссіей, которая стушевалась, какъ только могла, ни министрами, которые всѣ, за исключеніемъ одного, вотировали въ мою пользу, ни даже министромъ юстиціи г-номъ Кремье, который демонстративно высказался въ мою пользу: это потрясло основы, на которыхъ покоился оффиціальный міръ. Г. Жюль Фавръ сталъ горько жаловаться на то, что его оставили безъ поддержки и, по своему прошенію, былъ уволенъ отъ должности товарища государственнаго секретаря; въ свою очередь, г.г. Порталисъ и Ландренъ должны были отказаться отъ своихъ должностей и рѣзко напали на г-на Кремье, обвиняя его въ томъ, что онъ будто бы польстилъ имъ надеждой на свою поддержку, которой въ рѣшительную минуту не оказалось: отсюда бурный обмѣнъ взаимныхъ обвиненій, за которымъ вскорѣ послѣдовала отставка самого г. Кремье.

---

[1]) Эта статья цѣликомъ напечатана въ газетѣ „Le Représentant du Peuple“, отъ 11-го іюня 1848 г., № 71.

Что касается до меня, то я былъ добычей, которую все еще надѣялись уловить люди, у которыхъ она была вырвана, тѣмъ болѣе раздраженные своимъ пораженіемъ, что его дѣлали чувствительнымъ для нихъ трогательныя проявленія народной радости. Отчетъ о засѣданіи 3-го іюня въ „le Représentant du Peuple" (газета Прудона) начинался такимъ образомъ: „Хорошая новость, граждане! Луи Бланъ не будетъ преданъ суду!—А! Благодарю васъ, гражданинъ, благодарю!.. и добрые люди изъ народа, которымъ мы сообщали эту хорошую новость, горячо жали намъ руки. Дѣло въ томъ, что народъ умѣетъ любить тѣхъ, кто его любитъ" [1]).

---

[1]) *Примѣчаніе Луи Блана:* См. „le Représentant du Peuple", іюнь 1848 г. № 64.

Въ письмѣ, написанномъ 12-го мая 1869 г. Шарлю Гюго, Барбесъ слѣдующимъ образомъ устанавливаетъ свое и мое участіе въ событіяхъ 15-го мая 1848 г.

„13-го и 14-го числа я попытался со своими дорогими и добрыми друзьями, Луи Бланомъ и Альберомъ, помѣшать манифестаціи (въ пользу Польши), которая, вслѣдствіе декрета, изданнаго Національнымъ Собраніемъ незадолго передъ тѣмъ, казалась намъ чреватой опасностями для народа.

Вслѣдствіе моего рѣшенія, клубъ Революціи, президентомъ котораго я имѣлъ честь быть въ эти дни, воздержался, несмотря на свои несомнѣнно горячія симпатіи къ Польшѣ, отъ участія въ манифестаціи.

Когда толпа вторглась въ Собраніе, я держалъ рѣчь и заявлялъ парламенту требованія...

Но, какъ депутатъ, я имѣлъ право взойти на трибуну и произнести рѣчь.

И кто осмѣлится сказать, что я поступилъ наперекоръ моему долгу и народнымъ интересамъ, потребовавъ того, чего я потребовалъ?

Собраніе было распущено вслѣдствіе обстоятельства чуждаго и противоположнаго моей волѣ. Всѣ, кажется, это знаютъ.

Скамьи опустѣли.

Здѣсь-то начинается мое преступленіе, или моя слава передъ моей совѣстью и моей страной.

Я отправился въ Ратушу. Я не былъ увлеченъ туда толпой, какъ разсказывали на буржскомъ процессѣ нѣкоторые свидѣтели, которые, не зная моихъ побужденій, думали оказать мнѣ услугу, освѣщая факты такимъ образомъ.

Нѣтъ! Я пошелъ туда,—какъ я это сказалъ въ томъ, что я называлъ своею *исповѣдью* передъ судомъ,—рѣшительно и безъ всякаго колебанія.

Я отправился туда, чтобы постараться основать тамъ республику, болѣе согласную съ идеаломъ равенства (болѣе „эгалитарную“) и лучшую, чѣмъ та, представительство которой болѣе не существовало.

Вскорѣ тамъ ко мнѣ присоединился Альберъ, пришедшій туда съ тѣмъ же намѣреніемъ. Луи Бланъ же, который ни за что не хотѣлъ оставить зала, былъ дѣйствительно увлеченъ народнымъ потокомъ, но въ сторону Елисейскихъ полей.

Его осужденіе—одна изъ величайшихъ несправедливостей, о которыхъ помнитъ исторія.

Арманъ Барбесъ.

Примѣчаніе переводчика: Въ дополненіе къ характеристикѣ Барбеса, котораго Прудонъ назвалъ „Баяромъ демократіи“, приведемъ отзывъ о немъ Даніэля Стерна (Histoire de la Révolution de 1848). Разсказавъ о несчастьяхъ, постигшихъ семейство Барбеса, когда послѣдній былъ еще ребенкомъ, авторъ продолжаетъ:

„Эти мрачныя событія и, можетъ быть, также вліяніе крови рано отмѣтили душу Барбеса печатью самоотверженія и религіозной грусти. Казалось, что онъ чувствовалъ себя обреченнымъ на мученичество. Съ сосредоточеннымъ жаромъ онъ сталъ защищать дѣло страждущихъ. Получивъ значительное наслѣдство, онъ сталъ исповѣдывать коммунистическія доктрины въ ихъ самой абсолютной формѣ и сравнивалъ современное общество, отстаивающее противъ коммунистовъ то, что онъ называлъ „кумиромъ капитала“, съ язычествомъ, защищавшимъ Юпитера и Меркурія противъ Христа, принесшаго міру новую вѣру. Состраданіе, проникнувъ въ его сердце, поглотило всѣ его другія способности. Неотвязная мысль о страданіяхъ народа произвела на него то же дѣйствіе, что внутренніе обѣты, посвящавшіе средневѣковыхъ рыцарей какому-нибудь героическому предпріятію. Крайняя кротость и выдержанность характеризовали всю его личность съ того времени, какъ онъ замѣшался въ политическія волненія“.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Допущеніе Луи Бонапарта въ Національное Собраніе.

Политика Исполнительной комиссіи.—Чѣмъ она отличалась отъ политики Временнаго правительства.—Проектъ декрета объ изгнаніи младшей линіи Бурбоновъ.—Протесты, заявленные Національному Собранію герцогомъ Омальскимъ и принцемъ Жуанвильскимъ.—Обсужденіе законопроекта.—Онъ принятъ громаднымъ большинствомъ голосовъ.—Въ это большинство входятъ голоса роялистскихъ партій.—Объясненіе моего вотума противъ законопроекта.—Частные выборы въ Парижѣ.—Успѣхи соціалистовъ.—Луи Бонапартъ въ числѣ избранныхъ въ депутаты.—Его агенты ведутъ агитацію въ народѣ.—Проскрипціонные законы и претенденты.—Нелогичность соображеній о государственныхъ интересахъ.—Проектъ декрета о недопущеніи Луи Бонапарта въ число депутатовъ.—Усилія г-на Ламартина въ пользу принятія этого декрета.—Потеря обаянія его слова.—Моя рѣчь противъ законопроекта.—Собраніе высказывается въ пользу допущенія.—Различные элементы этого голосованія.—Луи Бонапартъ отказывается засѣдать.—Причины его отказа.—Вопросъ о будущемъ президентѣ.

Между днемъ 15-го мая и попыткой добиться отъ Національнаго Собранія разрѣшенія подвергнуть меня проскрипціи, одинъ поразительный фактъ показалъ, до какой степени духъ Исполнительной комиссіи отличался отъ духа сошедшаго со сцены Временнаго правительства.

Временное правительство не издало ни одного декрета, не запечатлѣннаго какимъ-нибудь благороднымъ чувствомъ: оно уничтожило смертную казнь за политическія преступленія, оно покрыло своихъ враговъ своимъ великодушнымъ покровительствомъ и, исполненное вѣры въ силу справедливости, не остановилось ни на одну минуту на мысли объ охраненіи незыблемости республики посредствомъ исключительныхъ законовъ. Совершенно инымъ было пове-

деніе Исполнительной комиссіи, какъ показываетъ проектъ декрета, имѣвшаго цѣлью распространить на Луи-Филиппа и на все его семейство примѣненіе закона 10-го апрѣля 1832 г., закона, воспрещавшаго старшей линіи Бурбоновъ пребываніе на территоріи Франціи и ея колоній.

Какимъ предлогомъ ни скрашивай подобную мѣру, остается несомнѣннымъ, что, если бы она была принята Временнымъ правительствомъ, то показалась бы явно противорѣчащей его духу и его политикѣ. Какимъ же образомъ могла она согласоваться съ духомъ и политикой Исполнительной комиссіи? Развѣ гг. Араго, Ламартинъ, Гарнье-Пажесъ, Ледрю-Ролленъ, Мари были уже не тѣми людьми, что прежде? Дѣло въ томъ, что вокругъ нихъ произошла большая перемѣна: измѣнился воздухъ, которымъ они дышали. Разъ подчинившись вліянію большинства Національнаго Собранія, они были принуждены дышать атмосферой одной изъ буржуазныхъ группъ, между тѣмъ какъ Временное правительство жило среди атмосферы народной.

26-го мая приступили къ обсужденію вопроса о безсрочномъ изгнаніи семейства Луи-Филиппа.

Двумя днями раньше былъ прочтенъ передъ собраніемъ протестъ герцога Омальскаго и принца Жуанвильскаго; тамъ было сказано: „... Мы имѣли основаніе думать, что, покинувъ Алжиръ при первомъ обращеніи къ нашему патріотизму, мы дали нашей странѣ явное доказательство нашего твердаго намѣренія не содѣйствовать разъединенію Франціи, между тѣмъ, какъ съ другой стороны почтительно приняли идею обращенія къ націи. Мы льстили себя надеждой, что страна не станетъ отвергать насъ, всегда вѣрно служившихъ ей на морскомъ и военномъ поприщѣ“ [1]).

Пренія были непродолжительны. Когда г. Лоранъ (изъ Ардеши) произнесъ эти горячія и сильныя слова: „Значитъ, вы хотите создать *политическій первородный грѣхъ?*“, то онъ былъ прерванъ враждебными криками. Странная вещь! Проектъ декрета

[1]) См. въ „Moniteur'ѣ“ засѣданіе 24-го мая 1848 г.

опирался на законъ 1832 г., а между тѣмъ двое изъ лицъ, противъ которыхъ былъ направленъ этотъ законъ, находились теперь въ Національномъ Собраніи, въ качествѣ избранниковъ всеобщаго голосованія! Это были Пьеръ и Наполеонъ Бонапартъ. Когда намекнули на то, что они занимаютъ лишь *временное* положеніе, то послѣдній сталъ съ большимъ жаромъ настаивать на своемъ правѣ считаться французскимъ гражданиномъ, а когда г. Дюку, для того вѣроятно, чтобы вызвать объясненіе, проронилъ эти слова: „никто изъ насъ не думаетъ о надеждахъ, которыя очевидно были-бы преступны", то Пьеръ и Наполеонъ Бонапартъ съ одинаковой живостью воскикнули: „никто! никто!".

Подъ впечатлѣніемъ этого инцидента приступили къ голосованію. О слабость человѣческая! Среди орлеанистовъ одни подали голосъ противъ своихъ вчерашнихъ идоловъ; другіе, въ томъ числѣ г. Одилонъ Барро, сочли геройствомъ съ своей стороны... воздержаться отъ голосованія: отсюда, въ результатѣ получилось въ пользу декрета подавляющее большинство въ 632 голоса противъ 63-хъ.

Не знаю, много ли въ числѣ этихъ 63 черныхъ шаровъ было шаровъ, поданныхъ членами партіи, къ которой я принадлежу; къ прискорбію моему я долженъ думать, что нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ, одинъ республиканскій шаръ, брошенный въ урну открыто, такъ чтобы его всѣ могли увидѣть, протестовалъ противъ проскрипціонныхъ законовъ: это былъ мой шаръ. И я могу гордиться этимъ поступкомъ, какъ наиболѣе республиканскимъ изъ всѣхъ поступковъ, внушенныхъ мнѣ совѣстью. Да, я подалъ голосъ противъ безсрочнаго изгнанія Бурбоновъ и Орлеановъ.

Я протестовалъ по соображеніямъ принципіальнымъ,

Потому что подвергать одного человѣка наказанію за проступокъ другого есть грубое нарушеніе справедливости;

Потому что произнесеніе приговора надъ еще неродившимися дѣтьми не только несправедливо, но чудовищно;

Потому что соображенія, опирающіяся на „государственные интересы" (raison d' Etat), суть софизмы, которыя нужно оста-

вить тиранамъ, и потому что для истинныхъ республиканцевъ „государственные интересы“ состоятъ въ *справедливости*;

Потому что создавать нѣкоторымъ людямъ исключительное положеніе, хорошее или дурное, значитъ слѣдовать монархической логикѣ;

Потому что нельзя допустить, чтобы сынъ короля, потому только что онъ сынъ короля, имѣлъ право быть преслѣдуемымъ, когда не допускаешь, чтобы, какъ таковой, онъ имѣлъ право на корону;

Потому что слѣдуетъ нанести послѣдній ударъ принципу монархической наслѣдственности, это обязанность республики, ея интересы и ея честь.

Я протестовалъ по соображеніямъ фактическимъ:

Потому что заявлять, что боишься кого нибудь, это значитъ ужъ сдѣлать его опаснымъ;

Потому что политическое преслѣдованіе даетъ своей жертвѣ обаяніе и дѣлаетъ само несчастіе сообщникомъ претендента;

Потому что династическую интригу можно вести издалека съ такимъ же удобствомъ и съ большей безопасностью, чѣмъ вблизи;

Потому что хорошо имѣть королевскихъ сыновей подъ рукой, когда они устраиваютъ заговоры;

Потому что позволить смѣшному соперничеству претензій проявиться въ одномъ мѣстѣ передъ лицомъ великаго принципа, возносящагося надъ ними, значитъ нейтрализировать однѣ изъ нихъ другими;

Потому что ничто лучше не послужило бы величію республики, лучше не показало бы, что она единственная гарантія спокойствія народовъ, ничто не сдѣлало бы болѣе драгоцѣннымъ ея сохраненіе, чѣмъ зрѣлище безсильной толпы претендентовъ, за которыми внимательно слѣдили бы и которые принуждены были бы либо скрывать, либо отрицать свои претензіи, какъ скрываютъ или отрицаютъ преступленіе;

Наконецъ, потому что не будетъ ни королей, ни принцевъ въ

тотъ день, когда люди поймутъ все, что выражаетъ великое слово: *общее право* [1]) (le droit commun).

Вопросъ, рѣшенный Національнымъ Собраніемъ въ смыслѣ неблагопріятномъ Орлеанамъ, вскорѣ былъ снова поднятъ по поводу Луи Бонапарта.

Такъ какъ нѣкоторые изъ народныхъ представителей, избранныхъ одновременно Парижемъ и провинціей, предпочли быть депутатами провинціи, и такъ какъ, съ другой стороны, г. Коссидьеръ и отецъ Лакордэръ, по неодинаковымъ причинамъ, подали въ отставку, то парижанамъ пришлось снова избрать одиннадцать представителей. Выборы дали слѣдующіе результаты:

Коссидьеръ	147.000	голосовъ.
Моро	126.889	„
Гудшо	107.097	„
Шангарнье	105.539	„
Пьеръ	97.394	„
Пьеръ Леру	91.375	„
Викторъ Гюго	85.965	„
Луи Бонапартъ	84.420	„
Лагранжъ	78.682	„
Буассель	77.247	„
Прудонъ	77.094	„

Затѣмъ слѣдовали, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, гг. Торэ, Распайль, Кабэ, рабочіе Савари, Малармэ, Аданъ и бывшій пэръ Франціи д'Альтонъ Ше: всѣ эти лица принадлежали къ соціалистической партіи.

Эти цифры были замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. То обстоятельство, что имя г. Коссидьера оказалось во главѣ списка, ясно говорило, что Парижъ былъ не за одно съ Національнымъ Собраніемъ, а большое число голосовъ поданныхъ за соціализмъ показывало несомнѣннымъ образомъ, какъ значительны были успѣхи

---

[1]) Въ смыслѣ *равенства передъ закономъ.* *Перев.*

новыхъ идей. Но вожаки Національнаго Собранія и правительство наиболѣе встревожены были неожиданнымъ избраніемъ Луи Бонапарта.

Ловко распространенное его друзьями и сторонниками извѣстіе, что ему не позволятъ засѣдать въ Собраніи, послужило конечно источникомъ агитаціи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней родъ тайны, покрывавшій рѣшеніе этого вопроса, привлекалъ къ Законодательному дворцу шумныя и любопытныя народныя массы. Признаки народнаго возбужденія проявились на Площади Революціи и вокругъ Собранія. Несомнѣнно, что эти признаки доказывали вліяніе могущественнаго и рокового имени; но никогда волненіе не было бы столь сильно, если бы не мысль, что приготовляется декретъ объ изгнаніи Луи Бонапарта: народъ коментировалъ съ возроставшимъ раздраженіемъ это намѣреніе, видя въ немъ несправедливость и посягновеніе на свое избирательное самодержавіе. Правда, существовалъ давній законъ, запиравшій двери Франціи передъ семействомъ Бонапартовъ. Но народный здравый смыслъ и народная логика не допускали мысли, чтобы этотъ законъ, отмѣненный фактически, былъ примѣненъ къ одному лишь члену изгнаннаго семейства и въ то самое время, когда на скамьяхъ Національнаго Собранія, въ силу верховнаго рѣшенія всеобщаго голосованія, сидѣли два двоюродныхъ брата Луи Бонапарта и сынъ Мюрата. Зачѣмъ это единичное исключеніе, противное справедливости? Зачѣмъ, послѣ того какъ избирательныя урны повѣдали народную волю, высказывать законы монархіи, унесенной волнами февральской революціи? Значитъ, находили, что у этого человѣка гораздо больше силы, чѣмъ у республики, если считали нужнымъ ограждать послѣднюю отъ него океаномъ и, такъ сказать, вѣчностью. Такъ разсуждали многіе прямые и простые люди, недостаточно посвященные въ таинства политики; негодуя на общее направленіе, котораго держалось до того времени Національное Собраніе, они, изъ антипатіи къ послѣднему, начинали чувствовать пріязнь къ тому, кого оно, повидимому, такъ ненавидѣло и такъ боялось.

Какова должна была быть, при такихъ обстоятельствахъ, политика Исполнительной комиссіи?

Очевидно, что запереть двери Національнаго Собранія передъ Луи Бонапартомъ, законно избраннымъ въ депутаты, это значило прибавить къ обаянію его имени то участіе, которое всегда вызываетъ къ себѣ всякая истинная или предполагаемая жертва несправедливости. Съ другой стороны, создавать ему исключительное положеніе значило дѣлать его кандидатомъ на постъ правителя Франціи. Показывая, что его боялись, тѣмъ самымъ возвеличивали его.—Но вѣдь онъ замышлялъ заговоръ!—Пусть такъ. Но не лучше ли было, въ такомъ случаѣ, чтобы онъ жилъ во Франціи, гдѣ можно было слѣдить за его дѣйствіями, разстраивать его козни и, при первомъ преступномъ поступкѣ, захватить въ свои руки его особу? Въ Національномъ Собраніи, сталкиваясь лицомъ къ лицу съ людьми, значительно превосходившими его парламентской опытностью, политическимъ авторитетомъ и ораторскимъ талантомъ, онъ былъ бы оттиснутъ на задній планъ, подвергался бы унизительнымъ испытаніямъ; ему приходилось бы тамъ постоянно выступать на арену, гдѣ его ждало вѣрное пораженіе. Внѣ Собранія онъ былъ бы окруженъ людьми, которые очень скоро погубили бы его окончательно своей дурной славой, своимъ безразсуднымъ нетерпѣніемъ и своимъ безтактнымъ рвеніемъ. Насколько выгоднѣе было его положеніе заграницей! Тамъ ничто не мѣшало ему обдумывать, безъ малѣйшей опасности для себя, свои планы и подготовлять ихъ осуществленіе со всей необходимой осторожностью, тамъ ничто не вело къ уменьшенію обаянія его имени, обаянія, становившагося, напротивъ того, болѣе опаснымъ для республики вслѣдствіе отдаленія и преслѣдованія, которому онъ подвергался. Въ самомъ дѣлѣ, его пребываніе въ Парижѣ было сопряжено лишь съ однимъ неудобствомъ, очень, правда серьезнымъ: оно позволяло ему попытать счастья на президентскихъ выборахъ. Но существовало средство устранить это неудобство, средство очень простое и рѣшительное: достаточно было заявить въ конституціи, которую собирались издать, что во Франціи не будетъ президен-

та республики, избираемаго всеобщей подачей голосовъ, т. е. исполнительной власти независимой отъ законодательной власти и проистекающей изъ общаго съ ней источника, имѣющей, слѣдовательно, столько же, или даже больше вѣса и, по самой природѣ вещей, не расположенной дѣлить свою силу съ другими [1]). Другой вопросъ и болѣе высокаго порядка: насколько справедлива была такая мѣра? Правда, Луи Бонапартъ два раза выступалъ въ качествѣ претендента: сначала въ Страсбургѣ, затѣмъ въ Булонѣ Но онъ противопоставилъ свои претензіи лишь спорной и оспаривавшейся власти Луи-Филиппа. Что же касается до республики, то онъ не только смиренно стушевался передъ ней, но поклялся въ преданности и вѣрности ей; если же, какъ на то имѣлось основаніе, его считали не искреннимъ въ данномъ случаѣ, то это было достаточной причиной, для того чтобы слѣдить за нимъ, но не для того чтобы подвергнуть его карѣ. Докажите, что я виновенъ, иначе я остаюсь невиннымъ. Тиранны, когда желаютъ сразить своихъ враговъ, считаютъ доказательства ихъ виновности вещью излишней: республиканскому же правительству дѣлаютъ честь затрудненія, проистекающія отъ того, что оно не можетъ обходиться безъ доказательствъ; и всякій, кто караетъ безъ суда, поступаетъ какъ тиранъ. Я знаю, что есть люди, по мнѣнію которыхъ „государственными интересами“ (raison d' E'tat) можно оправдать всякій поступокъ. Но я, признаюсь, чувствую отвращеніе къ этой мнимой мудрости, приносящей вѣчные законы справедливости въ жертву минутнымъ интересамъ политики: и если что нибудь мнѣ еще болѣе ненавистно, чѣмъ безстыдство открытой несправедливости,

---

[1]) Я съ самаго начала обратилъ вниманіе на неудобство этой анархической организаціи, вслѣдствіе чего написалъ тогда же изданную позднѣе статью, въ которой говорилъ:

„Двуглавое общество можетъ существовать только цѣной самыхъ ужасныхъ потрясеній и, даже этой цѣной, можетъ существовать лишь недолго. Когда власть оспариваютъ другъ у друга отдѣльный человѣкъ и собраніе, то несомнѣнно, что, или это собраніе чревато 10-мъ августа, или этотъ человѣкъ носитъ въ себѣ 18-е брюмера“.

Это я писалъ въ началѣ 1848 года, а въ концѣ 1851 г. Луи Бонапартъ послалъ солдатъ низвергнуть власть Національнаго Собранія силою штыковъ.

такъ это прикрывающія ее лицемѣрныя соображенія о „государственныхъ интересахъ“.

Наконецъ, если взглянуть на дѣло съ нѣкоторой высоты, то окажется, что выгодность несправедливыхъ поступковъ обманчива и тѣ, которые думаютъ посредствомъ несправедливости избавиться отъ великихъ несчастій, суть безсильные умы, не подозрѣвающіе, что нѣчто существуетъ внѣ ихъ узкаго кругозора и, какъ говоритъ поэтъ, „принимающіе горизонтъ за предѣлы міра“. Францію привели къ имперіи совокупность и сцѣпленіе общихъ и глубокихъ причинъ: ребячествомъ было бы думать, что ихъ дѣйствіе было бы задержано сохраненіемъ проскрипціоннаго закона, неразумнаго и несправедливаго. Если бы Луи Бонапартъ не вернулся во Францію волей Національнаго собранія, то онъ вернулся бы туда наперекоръ его волѣ, насильно, со скандаломъ и, можетъ быть, достигъ бы власти, не прибѣгнувъ къ государственному перевороту, 2-го декабря, перевороту, который какъ будто основалъ Имперію, а на самомъ дѣлѣ заранѣе прорвалъ ее.

Какъ бы то ни было, ничто такъ не благопріятствовало кандидатурѣ Луи Бонапарта, какъ политика страха и гоненія, которую открыто повела по отношенію къ нему Исполнительная комиссія.

12-го іюня г. де Ламартинъ отправился въ Собраніе, подписавъ уже декретъ, который всѣхъ тамъ озабочивалъ. Засѣданіе открылъ Наполеонъ Бонапартъ увѣреніями въ лояльныхъ намѣреніяхъ своего кузена,—„который де никогда ничего не сдѣлалъ и не сдѣлаетъ противъ республики“. Затѣмъ генералъ Бедо заявилъ, что претендентовъ нечего бояться и что, если бы какой нибудь начальникъ попытался взбунтовать армію, то она сама предала бы его въ руки законныхъ властей. Г. де Ламартинъ всталъ съ своего мѣста. Что то онъ скажетъ? Вмѣсто того, чтобы сразу приступить къ вопросу, волновавшему умы, онъ сталъ подробно обозрѣвать дѣйствія исполнительной комиссіи, стараясь пробудить въ свою пользу описаніемъ оказанныхъ имъ услугъ остатки былого энтузіазма. Тщетная попытка! Роялисты, переставъ нуждаться въ немъ, какъ въ своемъ орудіи, перестали обращаться съ нимъ, какъ со своимъ идоломъ. Менѣе

чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ вліяніе Ламартина сдѣлалось анахронизмомъ. Онъ въ свою очередь испыталъ на себѣ непреклонную и затаенную враждебность правой стороны, тяготѣвшую ледянымъ бременемъ на моемъ словѣ всякій разъ, какъ я всходилъ на трибуну. Не поддерживаемый, ни той общей пріязнью слушателей, которая окрыляетъ оратора, ни яростными нападеніями, которыя его возбуждаютъ, онъ упалъ духомъ, запутавшись въ своемъ утомившемся краснорѣчіи и не зная, какъ кончить свою рѣчь. Былъ допущенъ перерывъ избранія на нѣсколько минутъ. Вдругъ странные слухи проникаютъ въ залу, говорятъ о серьезныхъ безпорядкахъ, начавшихся на улицѣ, произносятъ имя Луи Бонапарта. Г. де Ламартинъ, запросто сѣвшій было на ступеньки трибуны, всходитъ на нее снова и говоритъ: „Роковое обстоятельство прервало рѣчь, съ которой я имѣлъ честь обратиться къ Собранію. На улицѣ стрѣляли: сначала въ командующаго парижской національной гвардіей, затѣмъ въ одного армейскаго офицера, наконецъ въ грудь одного офицера національной гвардіи. Выстрѣлы сопровождались крикомъ: „да здравствуетъ императоръ!“ Это первая капля крови, запятнавшая чистую и навѣки славную революцію 24-го февраля... За часъ до засѣданія мы подписали заявленіе, которое мы намѣревались прочесть вамъ... Когда дерзкіе интриганы захвачены на мѣстѣ преступленія, съ рукой обагренной въ французской крови, законъ слѣдуетъ вотировать не подачей билетовъ, а общимъ кликомъ (d'acclamation)[1]“, — и онъ прочелъ составленный заранѣе декретъ.

Собраніе было тогда столь враждебно настроено по отношенію къ г-ну де Ламартину, что во всемъ этомъ оно увидѣло лишь намѣреніе вызвать у депутатовъ вотумъ съ помощью театральнаго эффекта. Къ довершенію бѣды, вскорѣ узнали, что первыя свѣдѣнія о томъ, что произошло, были неточны; выстрѣлъ былъ всего лишь одинъ, а пролита была лишь кровь одного національнаго гвардейца, который, по несчастной случайности, самъ себя ранилъ. Г. де Ламартинъ еще разъ хочетъ испробовать силу

---

[1]) См. въ „Moniteur'ѣ“ засѣданіе 12-го іюня 1848 г.

своего краснорѣчія; но холодность, съ которой слушатели встрѣчаютъ его слова, предупреждаетъ его, что его роль перемѣнилась. Изъ тріумфатора онъ сдѣлался обвиняемымъ. Тогда-то въ отвѣтъ на упрекъ въ сношеніяхъ съ г-номъ Огюстомъ Бланки, онъ воскликнулъ: „я соумышлялъ съ нимъ, какъ громоотводъ соумышляетъ съ молніей". Одни разсмѣялись, другіе возроптали. Время метафоръ, покрывавшихся рукоплесканіями, миновало. Для борьбы съ народомъ, реакція считала теперь нужнымъ мечъ, а не звучныя рѣчи. Сначала она сражалась съ республикой съ помощью республиканца Ламартина, ей оставалось теперь сражаться съ ней съ помощью республиканца Каваньяка, въ ожиданіи того времени, когда, завладѣвъ полемъ битвы, она сможетъ употреблять орудія, найденныя въ ея собственной средѣ. Въ голосованіи общимъ кликомъ (vote d'acclamation) Ламартину было отказано и пренія были отложены до слѣдующаго дня.

Лордъ Норменби пишетъ: „утверждаютъ, что въ низшихъ классахъ (lower classes) всѣ тѣ, на кого можетъ повліять Луи Бланъ, благопріятствуютъ бонапартистскому движенію" [1]). Прошу у васъ извиненія, милордъ. Я не только не содѣйствовалъ бонапартистскому движенію, но ни о чемъ такъ не старался, какъ о томъ, чтобы остановить его, устраняя его *причину*, а именно декретъ противный принципамъ, принятіе котораго открывало эру политическихъ проскрипцій.

Проникнутый этимъ чувствомъ, я взошелъ 13-го іюня на трибуну, съ которой развилъ вышеизложенныя соображенія.

„Ни возвеличивайте претендентовъ отдаленіемъ, говорилъ я; лучше видѣть ихъ вблизи, потому что, такимъ образомъ, ихъ можно легче измѣрить" [2]). Я замѣтилъ, что лучшее средство сдѣлать претендентовъ невозможными, это—сдѣлать республику столь великой, столь великодушной, столь дорогой народу, что съ его стороны было бы безуміемъ предпочесть ей какой-нибудь другой режимъ, и я присовокупилъ: „что говорилъ дядя Луи-Наполеона?

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. I, стр 466.

[2]) См. „Moniteur", засѣданіе 13-го іюня 1848 г.

что *„республика подобна солнцу“*: дайте же племяннику императора приблизиться къ солнцу нашей республики: онъ исчезнетъ въ его лучахъ“. Эта фраза была встрѣчена рукоплесканіями, но она могла быть вѣрной лишь при одномъ условіи, обозначивъ которое я вызвалъ ропотъ неудовольствія: это условіе заключалось въ томъ, чтобы республика показала себя,—(не въ пустыхъ разглагольствованіяхъ а на дѣлѣ), —покровительницей труда, озабоченной нравственнымъ и матеріальнымъ улучшеніемъ положенія страждущихъ классовъ, союзницей прогресса, радѣющей о счастіи народа, подобной, наконецъ, тому солнцу, съ которымъ ее сравнилъ Наполеонъ и которое является для всѣхъ, для всѣхъ безъ исключенія, источникомъ тепла и свѣта.

Краткая выписка изъ моей рѣчи покажетъ лорду Норменби,—если онъ дѣйствительно этого не знаетъ,—какимъ страннымъ образомъ я поддерживалъ *„бонапартистское движеніе“*:

„Я не стану разсматривать вопроса о легальности; я не стану васъ спрашивать, можетъ ли, съ точки зрѣнія народнаго верховенства, Луи Бонапартъ быть исключенъ изъ этого собранія, въ которомъ засѣдаютъ три члена его семейства. Я ограничусь только тѣмъ заявленіемъ, что, по моему мнѣнію, всѣ исключительные и проскрипціонные законы—законы существенно антиреспубликанскіе. Республиканская логика не можетъ допустить, чтобы сына наказывали за преступленія отца. Республиканская логика, отвергающая наслѣдственную солидарность въ пользованіи властью, не допускаетъ наслѣдственной солидарности въ примѣненіи наказаній.

„Вотъ почему, что до меня касается, я открыто вотировалъ противъ изгнанія семейства Орлеановъ, хотя я провелъ десять лѣтъ моей жизни въ борьбѣ съ этимъ пагубнымъ для Франціи королевскимъ домомъ.

„Да, исключительные законы, законы о вѣчномъ изгнаніи, суть законы существенно антиреспубликанскіе. Я знаю хорошо, что всякое правительство должно, прежде всего, жить; но не всѣмъ правительствамъ нужны одинаковыя условія жизни и могущества.

„Сила деспотизма—въ насиліи, сила конституціонныхъ монархій—въ подкупѣ; сила республики, и поэтому то я ей поклоняюсь, —въ справедливости“ [1]).

Лордъ Норменби согласится со мной, что Луи Бонапартъ не сидѣлъ бы теперь на тронѣ, если бы у него никогда не было другихъ сторонниковъ, кромѣ людей способныхъ такъ мыслить и говорить.

И пусть не обвиняютъ меня въ томъ, что я довелъ свое ревностное поклоненіе справедливости до того, что добровольно закрылъ глаза на опасность, которая могла возникнуть отъ допущенія Луи Бонапарта въ палату; это невѣрно, ибо я предложилъ, чтобы въ конституцію, которую собирались провозгласить, была вставлена слѣдующая статья, пресѣкавшая въ самомъ корнѣ бонапартистскіе замыслы: „У французской республики, основанной 24-го февраля 1848 г., нѣтъ президента“ [1]).

Вотъ что давало моему мнѣнію, независимо отъ его нравственной цѣнности, цѣнность чисто *практическую*; и вотъ чего не слѣдуетъ забывать.

Г. Ледрю-Ролленъ взглянулъ на вопросъ съ другой точки зрѣнія: онъ выступилъ съ большимъ воодушевленіемъ и краснорѣчіемъ противъ допущенія Луи Бонапарта, но его усилія остались втуне. Національное собраніе рѣшило, что Луи Бонапартъ можетъ вернуться во Францію и засѣдать къ качествѣ народнаго представителя. Бѣда была только въ томъ, что предложенная мной идея о томъ, чтобы подрѣзать крылья его стремленіямъ уничтоженіемъ президентства, была неблагопріятно встрѣчена большинствомъ собранія, многіе члены котораго видѣли въ президентствѣ какъ бы мостъ, ведущій отъ республики къ монархіи. Сказать ли правду? Бо̀льшей части даже тѣхъ, которымъ была чужда эта задняя мысль, трудно было представить себѣ республику безъ президента! Такъ ослѣплялъ ихъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ Америки! Такъ мало они понимали необходимость подчинить вполнѣ

---

[1]) См. „Moniteur“, засѣданіе 13-го іюня 1848 г.

[2]) Ibid.

исполнительную власть власти законодательной вездѣ, гдѣ существуетъ постоянная армія! [1]) Еще разъ повторяю, опасность заключалась въ этомъ, а не въ допущеніи Луи Бонапарта. И онъ самъ почувствовалъ, что его присутствіе въ Парижѣ могло только ухудшить его положеніе, уменьшить его шансы. Поэтому онъ остерегся воспользоваться рѣшеніемъ собранія, предпочитая утилизировать обаяніе и безопасность, обезпеченныя ему отдаленіемъ, до того времени, когда ему возможно будетъ поставить свою кандидатуру, въ случаѣ если сочтутъ нужнымъ выбрать президента. Поэтому существовалъ очень простой способъ разстроить его планы: нужно было рѣшить, чтобы, какъ я того требовалъ, во Франціи не было президента, или, по крайней мѣрѣ, президента избраннаго всеобщимъ голосованіемъ [2]).

Удалось ли бы мнѣ повліять относительно этого пункта на мнѣніе большинства, если бы я находился въ Парижѣ во время обсужденія плана новой конституціи? Это очень мало вѣроятно, но я знаю только, что я не пожалѣлъ бы своихъ усилій для этой цѣли. Къ несчастію, въ то время, какъ я возставалъ противъ проскрипцій, направленныхъ на другихъ, враги мои искали только случая подвергнуть проскрипціи меня самого.

---

[1]) Возможно ли было Франціи обойтись безъ постоянной арміи? Не въ этомъ былъ тогда вопросъ. Такъ какъ, справедливо ли или нѣтъ, постоянную армію считали вещью необходимой, то невозможно было въ оцѣнкѣ политическихъ формъ не считаться съ фактомъ столь важнымъ. Правда, что въ Соединенныхъ Штатахъ есть три независимыя власти, одинаково исходящія изъ народа, но онѣ исходятъ изъ него различными способами, что вліяетъ на результаты. Кромѣ того, въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ постоянной арміи подъ рукой у ихъ президента!

[2]) Во время дебатовъ о конституціи, было предложено, чтобы президента избирало Національное Собраніе: это было бы безконечно разумнѣе и безконечно менѣе опасно, чѣмъ предоставить всеобщему голосованію выбирать его.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Возстаніе голода.

Реакція требуетъ немедленнаго распущенія національныхъ мастерскихъ.—Преобразованіе, предложенное г-номъ Эмилемъ Тома.—Отвергаются всѣ паліативы.—Военныя силы сосредоточиваются въ Парижѣ.—Г. Трела, министръ общественныхъ работъ.—Чудовищный приказъ, имъ изданный.—Пренія въ Собраніи 15-го іюня.—Г. Пьеръ Леру; г. Гудшо.—Отвѣтъ рабочихъ на рѣчь этого послѣдняго.—Усложненія, созданныя бонапартистскими интригами.—Адресъ делегатовъ, собравшихся въ Люксембургскомъ дворцѣ, и національныхъ мастерскихъ.—Переговоры делегатовъ съ г-номъ Мари.—Г Пюжоль.—Народное броженіе.—Генералу Каваньяку, военному министру, сообщается приказъ занять площадь Пантеона.—Этотъ приказъ не исполняется.—Рѣзкія пренія въ комитетѣ.—Разногласія между генераломъ Каваньякомъ и исполнительной комиссіей.—Возстаніе свободно развивается.—Арміи обѣщается реваншъ.—Роль бонапартистовъ въ мятежѣ.—Каменщикъ Ларъ.—Утро 23-го іюня.—Тревога истинныхъ друзей народа въ Національномъ Собраніи.—Ихъ подвергаютъ надзору.—Въ то время, какъ строятъ первыя баррикады, г-ну Фаллу предъявляетъ свой докладъ о распущеніи національныхъ мастерскихъ.—Циркуляръ г-на Марраста къ двѣнадцати муниципалитетамъ.—Характеръ возстанія.—Съ нимъ сражается одна лишь національная гвардія.—Система сосредоточенія войскъ.—Она наводитъ подозрѣнія на исполнительную комиссію.—Перипетіи борьбы.—Напрасно настаиваютъ на томъ, чтобы генералъ Каваньякъ приказалъ повести атаку на баррикады.—День 24-го іюня.—Въ Парижѣ вводится осадное положеніе. и генералъ Каваньякъ, облеченный диктаторской властью, рѣшается дѣйствовать.—Результаты военныхъ операцій.—Послѣдніе часы сраженія.

Для того, чтобы спасти больного, недостаточно отрицать лекарство. Число тѣхъ, которые терпѣли голодъ или должны были вскорѣ терпѣть его, было громадно. Учрежденіе національныхъ мастерскихъ, въ томъ видѣ, какъ оно было задумано, продолжало поглощать огромныя суммы денегъ, подъ предлогомъ работъ не-

нужныхъ, унизительныхъ и безплодныхъ, какъ милостыня, которой онѣ были лишь лицемѣрной маской. А населеніе Національныхъ мастерскихъ все росло, да росло. И эта эпическая глупость тянула въ бездонную пропасть всѣ государственныя средства. Что оставалось дѣлать? Ничего, разъ было рѣшено, что организація труда есть химера, разъ устанавливали тотъ принципъ, что бѣдность и голодъ безсмертны по самой своей сущности и что лучше всего—помириться съ этимъ; ничего, разъ упрекали соціализмъ, какъ въ преступленіи, въ томъ, что онъ возсталъ противъ этой трогательной аксіомы экономистовъ: *laissez faire, laissez passer;* ничего, такъ какъ главная задача того времени для реакціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ состояла въ томъ, чтобы „раздавить гадину“ [1]).

Хорошенько пораздумавши объ этомъ, они наконецъ нашли одно средство: если національныя мастерскія являются такой ужасной обузой, то почему бы... ну да!... почему бы не распустить ихъ?...—Распустить ихъ! Праведное небо! Но если не будетъ данъ выходъ ревущимъ волнамъ, наполняющимъ ихъ, если не будетъ найдено полезное занятіе работникамъ, которые получаютъ тамъ только кормъ, если, однимъ словомъ, вы ни за что не хотите *впасть въ соціализмъ*... то распустить національныя мастерскія значитъ выбросить на улицу сто семь тысячъ голодныхъ рабочихъ, вложивъ имъ ярость въ сердце и оружіе въ руки, это значитъ—вещь, которая раньше могла бы показаться невозможной,—совершить безуміе еще болѣе колоссальное, чѣмъ то, которое состояло въ учрежденіи этихъ мастерскихъ. Но увы! реакція и ея слѣпые союзники боялись истиннаго лекарства почти больше, чѣмъ самого зла. Они говорили, не сознавая противорѣчивости своихъ желаній: „Не нужно національныхъ мастерскихъ и не нужно соціализма!“ „Чего же вамъ нужно тогда, несчастные?“ Отвѣтомъ явилось іюньское возстаніе!

Что навстрѣчу этому результату шли хладнокровно,—какъ

---

[1]) Ecraser l'infâme. Извѣстно, что въ этой формулѣ Вольтэръ подразумѣвалъ подъ словомъ infâme („гнусная“) христіанскую религію; здѣсь же это слово относится къ соціализму. *Прим. перев.*

нѣкоторые писатели рѣшились это сказать,—что его *желали*, этому я не могу и не хочу вѣрить. Пусть хулители соціализма приписывають намъ, въ дикомъ пылу своей злобы, жажду крови и страсть къ разрушенію: служа истинѣ, соціалисты не защищаются отъ клеветы оскорбленіемъ и клеветой, они уважають родъ человѣческій даже въ своихъ опьянѣвшихъ врагахъ. Поэтому я постараюсь выяснить только одно: что *іюньское возстаніе было исключительно порождено мыслью распустить Національныя мастерскія, не прибѣгая къ соціализму.*

Въ это время, любимой темой разсужденій недобросовѣстности, вступившей въ союзъ съ невѣжествомъ, была мысль, что народу даны были обѣщанія, которыхъ невозможно было сдержать.

Въ чемъ же состояли эти данныя народу обѣщанія, которыхъ невозможно было сдержать? Обѣщали дать ему возможность жить, работая; слишкомъ ли это была высокая плата за кровь, которую онъ проливалъ, за великодушное покровительство оказанное людьми, сидѣвшими безъ хлѣба, людямъ утопавшимъ въ изобиліи, за самоотверженіе, съ которымъ люди, не имѣвшіе пристанища, стояли, овладѣвъ Парижемъ, на часахъ у дверей дворцовъ?

„*Которыхъ невозможно было сдержать*"!... но вы, проявившіе такую храбрость въ борьбѣ съ нашими утопіями, когда между этой храбростью и народной площадью стояли армія и пушки, почему не явились вы тогда на взволнованный форумъ крикнуть толпѣ, что ее обманываютъ, что ее дурачатъ, что, послѣ столькихъ усилій и сраженій, ей *нельзя* было ничего обезпечить, даже возможности зарабатывать себѣ пропитаніе въ потѣ лица своего?

„*Невозможно сдержать*"!... но кто вамъ пожаловалъ даръ знать это и право говорить это? Наконецъ, что попытались вы сдѣлать для того, чтобы это обѣщаніе осуществилось? и чего только вы ни дѣлали, чтобы помѣшать его осуществленію?

Не возвращаясь къ перечисленію препятствій, которыя были воздвигнуты на пути всякой практической попытки Люксембургской комиссіи, я напомню только читателю о томъ, какъ былъ принятъ

пишущій эти строки, когда на засѣданіи 10-го мая онъ предложилъ Національному собранію учредить министерство труда и прогресса, т. е. министерство, которому было бы спеціально поручено изысканіе способовъ борьбы съ бѣдственнымъ положеніемъ работниковъ и даны средства, необходимыя для примѣненія этихъ способовъ. Нечего было опасаться, что авторъ этого предложенія хочетъ вернуться къ власти; онъ рѣшился, во что бы то ни стало, оставаться простымъ народнымъ представителемъ и, для того чтобы уничтожить всякій предлогъ для отказа, основаннаго на постыдныхъ истолкованіяхъ его дѣйствій, онъ позаботился заранѣе объявить свое рѣшеніе торжественно и съ высоты трибуны. Тѣмъ не менѣе, что же произошло? Единодушно бѣлые и синіе [1]) закричали: „Нѣтъ, нѣтъ! Не нужно соціализма!“ —Но въ такомъ случаѣ, начнется, быть можетъ, гражданская война!—„Нѣтъ, нѣтъ! Не нужно соціализма!“—Но, если вы ограничитесь только тѣмъ, что изгоните изъ національныхъ мастерскихъ сто семь тысячъ рабочихъ, то вы доведете ихъ до отчаянія!—„Нѣтъ, нѣтъ: не нужно соціализма“!... Тщетно авторъ предложенія указывалъ на черную точку, показавшуюся на горизонтѣ; тщетны были его пророческія слова: „Вамъ говорили наканунѣ февральской революціи: „берегитесь революціи презрѣнія! Я же вамъ говорю: берегитесь революціи голода!“

Все было безполезно.

Мѣшали осуществленію данныхъ народу обѣщаній, для того чтобы имѣть возможность развязно заявить затѣмъ, что эти обѣщанія невозможно сдержать. Это было продолженіемъ той тактики, которую г. Мари столь наивно объяснялъ г-ну Эмилю Тома, говоря ему, что люксембургскій опытъ докажетъ *непримѣнимость* ученій, *примѣненію которыхъ намѣренно помѣшали.*

Наступило 15-е мая. Хотя я былъ изгнанъ за участіе въ событіяхъ этого рокового дня, такъ какъ нѣтъ несправедливости, на которую не были бы способны партійныя страсти, я могу громко заявить, что никто въ бо̀льшей степени, чѣмъ я, не былъ

---

[1]) Т. е. монархисты и республиканцы. *Перев.*

противникомъ этой манифестаціи. Я слишкомъ хорошо предвидѣлъ ея послѣдствія. Они были ужасны. Съ перваго же дня были ввергнуты въ тюрьму такіе люди, какъ Барбесъ и Альберъ большая часть ихъ сторонниковъ подпала подъ подозрѣніе и была обезсилена. Парижъ находился въ нерѣшительности, а провинція была изумлена; потеря престижа была, какъ это всегда случается, послѣдствіемъ ошибки, поведшей къ неудачѣ; реакція дошла до безграничной вѣры въ силы своего бѣшенства. Таковы были результаты событій 15-го мая. Они довершали крушеніе, начатое 16-го апрѣля.

Начиная съ этого момента, распущеніе Національныхъ мастерскихъ стало неотступной мыслью (idée-fixe) контръ-революціонеровъ, и тогда-то были произнесены зловѣщія слова: *Пора съ этимъ покончить!*

Пора съ этимъ покончить! Но постоянно возникалъ трагическій вопросъ: „какимъ образомъ?“

Кто повѣритъ этому? Директоръ Національныхъ мастерскихъ, г. Эмиль Тома̀, былъ наконецъ принужденъ признать, что невозможно безъ кровопролитія выйти изъ этого положенія, если только не принять, по крайней мѣрѣ отчасти... какъ вы думаете, чего?.. Идей Люксембургской комиссіи!! Да, этихъ идей, изъ ненависти къ которымъ г. Мари поручилъ ему управленіе Національными мастерскими и на борьбу съ которыми, вѣрный своей роли, онъ потратилъ столько смѣшныхъ и яростныхъ разглагольствованій!

Такъ какъ здѣсь правда можетъ показаться неправдоподобной, то нужно воспроизвести, и воспроизвести буквально, съ его собственныхъ словъ, планъ, предложенный г-номъ Эмилемъ Тома̀:

„Я предложилъ, чтобы учредили выборнымъ порядкомъ и по спеціальностямъ, на первыхъ порахъ въ Парижѣ, синдикатъ, который состоялъ бы на половину изъ хозяевъ, на половину изъ рабочихъ и назначалъ бы какъ синдикальнаго судью, такъ и профессіональнаго управителя. Правильно установленные профессіональные синдикаты, объединившись по спеціальностямъ, обра-

зовали бы синдикаты групповые (группа строительная, группа одежды, съѣстныхъ припасовъ и пр.), посылая туда по два делегата каждый. Наконецъ, такимъ же путемъ, групповые синдикаты составили бы общій Совѣтъ индустріальныхъ профессій, подчиненный управленію министерства общественныхъ работъ или министерства торговли.—Приступая къ неотложному вопросу, къ вопросу о всеобщей стачкѣ, каждый изъ синдикатовъ предъявилъ бы временный тарифъ работъ по своей части, принимая часъ за единицу.—Затѣмъ каждый синдикатъ поручилъ бы своему управителю завѣдываніе спеціальными мастерскими, въ которыя были бы допущены, за плату сбавленную наполовину, незанятые работники этой профессіи. Недѣйствующія фабрики сейчасъ же и за самую низкую плату доставили бы помѣщенія и орудія.— Въ этихъ мастерскихъ фабриковались бы предметы въ родѣ такъ-называемыхъ „шедевровъ“ [1]), въ которыхъ матеріалъ имѣетъ мало цѣнности, а выдѣлка составляетъ почти все; такіе продукты возможны почти во всѣхъ отрасляхъ парижской промышленности.— Изготовленные товары, будучи обезпеченіемъ суммъ, данныхъ государствомъ взаймы мастерскимъ на плату рабочимъ, экспортировались бы или же продавались бы на мѣстѣ по рыночной цѣнѣ, при чемъ прибыль была бы предоставлена синдикатамъ на устройство кассы для вспомоществованія.—Наконецъ, построили бы кварталы для рабочихъ, кварталы, состоящіе изъ маленькихъ меблированныхъ домовъ въ два или три этажа, не болѣе; въ этихъ домахъ жило бы по три или по четыре семейства. Въ этихъ кварталахъ были бы устроены коллективныя булочныя, коллективныя кухни и печи, однимъ словомъ, все, что составляетъ дешевую жизнь на началахъ ассоціаціи“ [2]).

Какъ это вамъ нравится? Можетъ ли быть болѣе полный плагіатъ? То, что Эмиль Тома безстрашно называетъ *своимъ*

---

[1]) Такъ назывались образцовыя издѣлія, которыя должны были предъявлять въ прежнихъ цехахъ кандидаты на званіе мастера. *Перев.*

[2]) Histoire de Ateliers nationaux, par M. Émile Thomas, стр. 240, 241 и 242.

планомъ, не есть ли это неумѣлая копія плана, предложеннаго Люксембургской комиссіей и преданнаго самимъ же г. Эмилемъ Тома самой энергической анаѳемѣ? *Спеціальныя* мастерскія, открытыя незанятымъ рабочимъ соотвѣтственной профессіи, государственная субсидія, государственныя ссуды съ ипотекой на продукты мастерскихъ, коллективное пользованіе прибылью, учрежденіе рабочихъ городовъ,—ничего здѣсь не забыто! Напрасно увѣряетъ г. Тома, что онъ „такимъ образомъ не возвращался къ системѣ Луи Блана“, а только „замѣнялъ *въ этомъ порядкѣ идей* прямое дѣйствіе государства гарантіей и пособіями со стороны послѣдняго“ [1]); говорить это значитъ издѣваться надъ публикой и слишкомъ ужъ разсчитывать на ея невѣжество. Какое же другое *прямое дѣйствіе государства* мы когда-либо предлагали, какъ не субсидіи государства и его гарантіи? Если бы г. Эмиль Тома былъ достаточно мужественъ, онъ признался бы, что, нападая на Люксембургскую комиссію, онъ грубо ошибся, что приходилось вернуться къ ея идеямъ, чтобы не быть раздавленнымъ силой обстоятельствъ, что соціализмъ, по разсмотрѣніи, оказался не тѣмъ, чѣмъ онъ его считалъ, и что не было другого выхода изъ положенія для тѣхъ, кто желалъ избѣгнуть гражданской войны.

Г. Эмиль Тома однако не сдѣлалъ этого и сталъ развивать въ Ратушѣ, въ качествѣ своихъ собственныхъ, тѣ самыя идеи, на которыя онъ до тѣхъ поръ взводилъ невѣжественныя клеветы. Но г.г. Корбонъ, Бетмонъ, Данги и др. не дали себя обмануть; они прекрасно поняли, гдѣ была найдена исходная точка подобной реорганизаціи Національныхъ мастерскихъ и отвергли послѣднюю. Берегитесь, господа, заклинаю васъ именемъ неба, берегитесь! Сохранить Національныя мастерскія—невозможно, просто распустить ихъ—поведетъ къ ужаснымъ послѣдствіямъ. Мы гигантскими шагами, господа, приближаемся къ гражданской войнѣ.— Нѣтъ, нѣтъ: не нужно соціализма!..

А исполнительная комиссія? И ее также обуяло какое-то

[1]) Ibid, стр. 240.

безуміе. Ей былъ представленъ докладъ касательно нѣкоторыхъ мѣръ, которыя нужно было принять, какъ палліативныя средства, если не какъ лекарство. Она отказалась подписать этотъ докладъ на томъ основаніи, что онъ содержалъ принципіально признаніе „права на трудъ“. А между тѣмъ Исполнительная комиссія состояла изъ людей, которые, когда они были членами Временнаго правительства, закрѣпили авторитетомъ своего имени декретъ, освящавшій „право на трудъ“.

Все это прямо вело къ великой битвѣ: можно ли было въ этомъ сомнѣваться? Поэтому, уже 20-го мая Исполнительная комиссія приказала генералу Каваньяку (онъ передъ тѣмъ былъ назначенъ военнымъ министромъ и ужъ прошло три дня со времени его пріѣзда въ Парижъ) собрать, какъ обычный гарнизонъ столицы, 20.000 человѣкъ линейнаго войска, 15.000 гвардейцевъ-мобилей, 2.600 человѣкъ республиканской гвардіи, 2.500 парижскихъ полицейскихъ сержантовъ,—всего 45.000 человѣкъ, готовыхъ къ бою [1]). Кромѣ того, 15.000 человѣкъ должно было быть разставлено въ районѣ столицы и двѣ дивизіи альпійской арміи должны были быть поспѣшно созваны [2]). Что Исполнительная комиссія, когда она давала это приказаніе, имѣла въ виду предупредить кровопролитіе, развернувъ громадное количество военныхъ силъ, это было сказано отъ ея имени [3]) и естественно этому повѣрить. Но голодъ есть призракъ, вселяющій больше страха, чѣмъ пушка. Велико было заблужденіе людей, воображавшихъ, что тѣ, которые не могли „жить работая“, побоятся „умереть сражаясь!“ Кромѣ того, каждый шагъ по этому темному пути былъ шагомъ назадъ. Преобразовывая въ виду возможной борьбы, республиканскую гвардію, гвардію Ратуши,

---

[1]) Этой цифры, засвидѣтельствованной отъ имени бывшей исполнительной комиссіи г-номъ Бартелеми Сентъ-Илеромъ, въ засѣданіи 25-го ноября 1848 года, генералъ Каваньякъ не сталъ оспаривать. См. „Moniteur“, ноябрь, 1848, № 331.

[2]) Ibid.

[3]) См. рѣчь г-на Бартелеми Сентъ-Илера въ засѣданіи 25-го ноября 1848 г.

префектуру полиціи и генеральный штабъ національной гвардіи [1]) Исполнительная комиссія разрушала по частямъ дѣло февральской революціи и сама себѣ копала яму.

Такъ какъ г. Мари былъ назначенъ членомъ Исполнительной комиссіи, то г-ну Трела̀, какъ министру общественныхъ работъ, пришлось рѣшить судьбу Національныхъ мастерскихъ. Никогда еще болѣе трудное дѣло не было возложено на человѣка, отличавшагося болѣе рѣдкой неспособностью. Замѣнить г-на Эмиля Тома г-номъ Лаланномъ; образовать *комиссію о Національныхъ мастерскихъ*, планы которой остались тайной, а дѣйствія, дошедшія до свѣдѣнія публики, сводились къ совершенно незначительнымъ распоряженіямъ; измѣнить своимъ прежнимъ друзьямъ, запятнать все свое республиканское прошлое союзомъ своего собственнаго озлобленія съ озлобленіемъ реакціи; совершить дѣйствія, отмѣченныя такимъ неистовымъ произволомъ, что ихъ постыдились бы въ Турціи и что они напоминаютъ тираннію Совѣта десяти въ Венеціи,—вотъ и все, что сумѣлъ сдѣлать г. Трела̀, находясь у дѣлъ [2]).

Между тѣмъ, рана, зіяющая рана, все растравлялась, все расширялась. Чтобы заставить уйти г. Эмиля Тома, г. Трела̀ послалъ ему постановленіе, содержавшее, въ числѣ прочихъ притѣснительныхъ мѣръ, слѣдующія:

„Холостые рабочіе, возрастомъ отъ 18-ти до 21-го года, будутъ приглашены поступить въ республиканскую армію, чтобы пополнить различные полки; тѣ, которые откажутся записаться въ волонтеры, будутъ немедленно вычеркнуты изъ списковъ Національныхъ мастерскихъ.

„Хозяева смогутъ потребовать такого числа этихъ рабочихъ (т. е. рабочихъ Національныхъ мастерскихъ), какое признаютъ необходимымъ для возобновленія или продолженія своихъ работъ. Рабочіе,

---

[1]) См. рѣчь г-на Бертелеми Сентъ-Илера въ засѣданіи 25-го ноября 1848 г.

[2]) Способъ, которымъ, по его приказанію, былъ арестованъ г. Эмиль Тома̀, нельзя ни съ чѣмъ сравнить въ лѣтописяхъ деспотизма.

которые откажутся послѣдовать приглашенію хозяевъ, будутъ немедленно вычеркнуты изъ общаго списка Національныхъ мастерскихъ".

Это чудовищное постановленіе было подписано такъ:

За Министра общественныхъ работъ,
по его порученію, генеральный секретарь

Булажъ.

Такимъ образомъ, наиболѣе молодыхъ заставляли сдѣлаться пушечнымъ мясомъ, а остальныхъ—продаться по той цѣнѣ, которую капиталисты захотятъ за нихъ дать. Правда, что этимъ способомъ избѣгали несчастія „*впасть въ соціализмъ*!"

А въ торжественныхъ предостереженіяхъ не было недостатка. Сколько раздалось голосовъ, и самыхъ краснорѣчивыхъ, которые должны были бы спасти Францію отъ этого ужаснаго испытанія! Никто изъ присутствовавшихъ на засѣданіи 15-го іюня 1848 г. не могъ забыть того трепета, который пробѣжалъ по всѣмъ скамьямъ Національнаго собранія, когда, съ компетентностью философа и съ захватывающимъ чувствомъ скорбящаго пророка, Пьеръ Леру воскликнулъ, обращаясь къ правой сторонѣ: „Если вы не хотите выйти изъ колеи старой политической экономіи, если вы непремѣнно хотите уничтожить обѣщанія французской революціи во всемъ ея величіи; если вы не хотите, чтобы само христіанство сдѣлало новый шагъ, если вы не хотите человѣческой ассоціаціи, то я говорю вамъ, что вы подвергаете цивилизацію опасности умереть въ страшной агоніи" [1]).

Г. Гудшо попытался опровергнуть г-на Пьера Леру и произнесъ эти слова: „Нужно, чтобы Національныя мастерскія немедленно исчезли въ Парижѣ и въ провинціи". По его мнѣнію, рабочимъ недоставало только дарового низшаго, средняго и высшаго обученія, доступа къ кредиту, облегченія податныхъ тягостей, преобразованія рабочаго законодательства въ духѣ покровительства труду. Но эти мѣропріятія, если бы даже не слѣдовало желать ничего бо̀льшаго, не давали рѣшенія задачи, кото-

---

[1]) См. „Moniteur", засѣданіе 15-го іюня 1848 г.

рая должна была быть рѣшена *безотлагательно*. А между тѣмъ г. Гудшо столь хорошо понималъ серьезность вопроса, что закончилъ свою рѣчь словами: „Если вы не рѣшите этой задачи, то республика погибнетъ и общество попадетъ въ такое положеніе, котораго я и не хочу вамъ описывать. Вся почва теперь подрыта подъ вашими ногами“ [1])...

Три дня спустя, по всѣмъ парижскимъ стѣнамъ была расклеена рабочими Національныхъ мастерскихъ афиша, являвшаяся отвѣтомъ на эту рѣчь и содержавшая, между прочимъ, слѣдующія слова:

„Недостаетъ не нашего желанія работать, а работы сообразной съ нашими профессіями. Мы призываемъ ее къ себѣ всѣми силами своей души. Вы требуете немедленнаго упраздненія ста десяти тысячъ работниковъ, которые ежедневно ждутъ средствъ существованія для себя и для своихъ семействъ отъ своего скромнаго заработка. Неужели ихъ предоставятъ злымъ наущеніямъ голода, увлеченіямъ отчаянія?“

Таково было положеніе вещей, когда кризисъ усложнился вслѣдствіе интригъ бонапартистской партіи. Совершенно вѣрно, что, несмотря на неслыханныя усилія, направленныя къ тому, чтобы посѣять раздоры между Люксембургскими делегатами и делегатами Національныхъ мастерскихъ, здравый смыслъ народа одержалъ верхъ, такъ что, въ концѣ концовъ, они сблизились и столковались; но вѣрно также то, что надъ Національными мастерскими энергично работали бонапартистскіе агенты и что въ этой громадной массѣ рабочихъ, собранныхъ въ полки, они жадно выискивали себѣ сторонниковъ. Слѣдующая прокламація къ народу, напечатанная въ серединѣ іюня, покажетъ, въ какомъ направленіи проявлялось вліяніе Люксембургскихъ делегатовъ:

„Работники!

„Мы, Делегаты люксембургскихъ рабочихъ, мы, делегаты Національныхъ мастерскихъ, мы преданные душой и тѣломъ респуб-

[1]) Засѣданіе 15-го іюня 1848 г.

ликѣ, за которую, какъ всѣ вы, мы сражались, мы просимъ васъ, во имя свободы, купленной столь дорогой цѣной, во имя отечества вами возрожденнаго, во имя братства и равенства, не присоединять вашихъ голосовъ къ голосамъ анархическимъ и не оказывать имъ поддержки, не предоставлять вашихъ рукъ и сердецъ въ распоряженіе сторонниковъ трона, который вы сожгли. Эти люди безъ души и безъ характера неизбѣжно привели бы къ анархіи страну, которая нуждается только въ свободѣ и въ трудѣ.

„Никто не долженъ теперь стремиться къ иному титулу, нежели къ самому прекрасному изъ всѣхъ, къ названію гражданина. Никто не долженъ пытаться бороться съ истиннымъ властелиномъ, т. е. съ народомъ.

„Подобная попытка была бы гнуснымъ преступленіемъ, и тотъ, кто на нее рѣшился бы, измѣнилъ бы чести и отечеству.

„Реакція работаетъ и волнуется, ея многочисленные посланцы будутъ рисовать передъ вашими глазами, братья наши, картины несбыточнаго, безумнаго блаженства: она соритъ золотомъ—не довѣряйте ей, друзья, не довѣряйте! Погодите, погодите еще нѣсколько дней съ тѣмъ спокойствіемъ, которое вы уже выказали и которое представляетъ собой настоящую силу.

„Надѣйтесь, ибо время наступило, будущее намъ принадлежитъ: не поощряйте вашимъ присутствіемъ манифестацій, въ которыхъ народнаго—только ихъ названіе.

„Повѣрьте намъ; послушайте насъ! Единственная вещь, возможная теперь во Франціи это демократическая и соціальная республика.

„Исторія послѣдняго царствованія—ужасна; не будемъ-же продолжать ея. Не только короля не нужно, не нужно и *императора!* Нужны только свобода, равенство и братство.

Да здравствуетъ республика!

Пьеръ Венсаръ, президентъ Люксембургскихъ делегатовъ;
Огюстъ Блюмъ, вице-президентъ;
Жюльенъ, казначей;
Лефоръ, секретарь;
Баконъ, президентъ делегатовъ Національныхъ мастерскихъ;
Эженъ Гарленъ, секретарь:
Пети Бонно, лейтенантъ;
Ардильонъ, лейтенантъ.

Разскажемъ здѣсь фактъ мало извѣстный, но заслуживающій огласки. Наканунѣ дня, когда должна была произойти бонапартистская манифестація, президентъ Люксембургскихъ делегатовъ былъ позванъ въ замокъ Багатэлль однимъ изъ членовъ Исполнительной комиссіи, тѣмъ самымъ, который впослѣдствіи съ такимъ жаромъ возставалъ противъ народныхъ манифестацій, тѣмъ самымъ, который хвастался, что 16-го апрѣля онъ спасъ общество, (неподвергавшееся, мимоходомъ сказать, никакой опасности), однимъ словомъ, г-номъ де-Ламартиномъ, если ужъ нужно назвать его имя. Странные эти были переговоры. Г. де-Ламартинъ хотѣлъ, чтобы делегаты Люксембургской комиссіи приготовили противъ Луи-Бонапарта и въ пользу Исполнительной комиссіи второе 16-е апрѣля! Только, на этотъ разъ, г. де-Ламартинъ руководилъ бы манифестаціей, вмѣсто того, чтобы сражаться съ ней! Но Люксембургскіе делегаты были не такіе люди, чтобы участвовать въ борьбѣ честолюбій: они хотѣли оставаться и остались служителями народнаго дѣла.

Часы проходили за часами. „Мы даемъ три мѣсяца нашей бѣдности республикѣ“, благородно сказали рабочіе, и вотъ день, когда долженъ былъ истечь этотъ срокъ, уже прошелъ! 22-го іюня извѣщеніе о зачисленіи рабочихъ въ солдаты, зачисленіи насильственномъ, т. к. оно производилось при помощи голода, появилось въ *Moniteur'ѣ*, произведя впечатлѣніе громового удара. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ столицы, въ особенности, на площади св. Сульпиція рабочіе собираются безпорядочной толпой; бригады, посланныя въ Корбейль, поспѣшно покидаютъ свою работу и возвращаются въ Парижъ; раздаются первые грозовые раскаты гражданской войны. Ничего не значитъ, ничего! Нужно распустить Національныя мастерскія, нужно это сдѣлать и, главное, *„не впадая въ соціализмъ“*.— Но гражданская война... „Нѣтъ, нѣтъ: не нужно соціализма и... да свершатся судьбы“!..

Г. Лоланнъ, новый директоръ Національныхъ мастерскихъ, довѣренное лицо г-на Трела̀, выражался такимъ образомъ:

„Окружные начальники приглашаются послать въ манежъ, по-пятидесятой части своихъ людей каждый, сегодня въ три часа по-

полудни. Рѣчь идетъ объ отправкахъ, которыя должны произойти сегодня, завтра, и послѣ-завтра. Я самъ переговорю съ добровольцами, которые явятся. Правительство *хочетъ*, чтобы эти отправки произошли. Нужно, чтобы его *воля* была исполнена сегодня же".

Что же касается до того, чтобы сообщить несчастнымъ, которыхъ такимъ образомъ подвергли проскрипціи, какого рода работа и на какихъ условіяхъ ждетъ ихъ тамъ, куда заблагоразсудилось *спасателямъ общества* препроводить ихъ, то какъ-бы не такъ! „Правительство *хочетъ*, чтобы эти отправки произошли. *Нужно*, чтобы его *воля* была исполнена *сегодня-же*!"

22-го іюня въ девять часовъ утра гражданинъ Пюжоль, посланный въ качествѣ делегата рабочими къ членамъ Исполнительной комиссіи, былъ допущенъ вмѣстѣ съ четырьмя своими товарищами къ г-ну Мари. Онъ сказалъ, что, послѣ революціи 24-го февраля, рабочіе оставались все время жертвами произвола; что, если они проливали свою кровь, то дѣлали это съ цѣлью достигнуть демократической и соціальной республики, которая покончила бы наконецъ съ эксплоатаціей человѣка человѣкомъ; что они рѣшились на жертвы въ виду общественныхъ свободъ, но что они требуютъ, прежде всего, организаціи мастерскихъ, которыя могли бы служить убѣжищемъ для рабочихъ...

— „Рабочіе", рѣзко перебилъ его г. Мари, „которые не захотятъ подчиняться декрету, будутъ высланы изъ Парижа *силою*"...

Не слѣдуетъ забывать, что это былъ тотъ самый г. Мари, который при Временномъ правительствѣ говорилъ г-ну Эмилю Тома: „Можете ли вы разсчитывать на рабочихъ?.. Не жалѣйте денегъ: въ случаѣ надобности, вамъ выдадутъ секретные фонды... Можетъ быть, не далекъ день, когда прійдется двинуть рабочихъ на уличный бой" [1])...

По словамъ одной газеты того времени [2]), находившейся тогда въ самыхъ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Національными мастерскими, вотъ каковъ былъ отвѣтъ Пюжоля:

[1]) *Histoire de Ateliers nationaux*, par M. Émile Thomas.
[2]) La Vraie République, главнымъ редакторомъ которой былъ г. Торэ.

„Гражданинъ депутатъ, вы оскорбляете людей, облеченныхъ священнымъ характеромъ делегатовъ народа: мы удаляемся съ глубокимъ убѣжденіемъ, что вы не хотите ни организаціи труда, ни благоденствія рабочаго народа“.

— Вамъ вскружили голову, возражалъ г. Мари, это система Луи Блана; мы ея не хотимъ“.

Прекрасно! Но г. Мари не говорилъ, чего онъ *хотѣлъ* взамѣнъ того, чего онъ не хотѣлъ; а такъ какъ было необходимо или захотѣть чего-нибудь, или прійти къ гражданской войнѣ, то и пришли къ гражданской войнѣ.

Во время упомянутыхъ переговоровъ, г. Мари, шокированный авторитетнымъ, какъ ему показалось, тономъ г-на Пюжоля, сказалъ рабочимъ, сопровождавшимъ послѣдняго: „*Рабы* вы, что-ли, этого человѣка“ [1])? Эти слова, разнесшіяся по предмѣстьямъ, произвели тамъ впечатлѣніе набата. Былъ данъ приказъ арестовать пятьдесятъ шесть делегатовъ; онъ не былъ исполненъ. Они разсѣялись по всѣмъ кварталамъ, воспламеняя слушателей своимъ словомъ. И вечеромъ колонны манифестантовъ, двинувшіяся съ площади Пантеона, проходили по главнымъ артеріямъ города при свѣтѣ факеловъ. На бульварахъ раздавался уже мрачный напѣвъ: *хлѣба или свинца*!

Жребій былъ брошенъ. Въ 11 часовъ вечера испуганный г. Мари пишетъ генералу Каваньяку, военному министру, чтобы тотъ послалъ на слѣдующій-же день въ Люксембургскій дворецъ, для подкрѣпленія обыкновенной гвардіи, одинъ полкъ инфантеріи и два полка кавалеріи [2]). Приказъ этотъ исполняется [3]).

Въ два часа пополуночи посылается новое письмо генералу Каваньяку, на этотъ разъ, главнымъ секретаремъ Исполнительной коммиссіи г-номъ Бартелеми Сентъ Илеромъ. Въ этомъ письмѣ сооб-

---

[1]) См. рѣчь г-на Бартелеми Сентъ-Илера, засѣданіе 27-го ноября 1848 г., „Moniteur“, № 331

[2]) Письмо г-на Мари, прочтенное генераломъ Каваньякомъ на засѣданіи 25-го ноября 1848 г. См. *le Moniteur*, № 331.

[3]) Это доказалъ документами генералъ Каваньякъ на вышеупомянутомъ засѣданіи.

щалось, что рабочіе должны были собраться въ шесть часовъ утра на площади Пантеона, чтобы сосредоточиться тамъ и двинуться оттуда на Сентъ-Антуанское предмѣстіе; что объ этомъ знали; что важно было остановить движеніе въ самомъ его началѣ и поручить двумъ инфантерійскимъ и двумъ кавалерійскимъ батальонамъ занять Пантеонъ въ пять часовъ утра. Письмо добавляло: „Я не знаю, какія приказанія дала вамъ Исполнительная комиссія: ваше благоразуміе подскажетъ вамъ необходимыя мѣры“ [1]).

Предостереженіе было серьезно: для того, чтобы не пришлось потопить возстаніе въ волнахъ крови, нужно было предотвратить его или, по крайней мѣрѣ, попытаться эго сдѣлать. Однако генералъ Каваньякъ не обратилъ вниманія на это предупрежденіе: ни одного солдата не послали въ Пантеонъ.

Позднѣе, принужденный защищаться отъ этого обвиненія, генералъ Каваньякъ утверждалъ, что такъ какъ онъ уже получилъ отъ г-на Мари приказъ, который, въ ту минуту, когда пришло письмо отъ г-на Бартелеми Сентъ-Илера, былъ уже исполненъ, то онъ подумалъ. что это письмо было лишь повтореніемъ предыдущаго [2]). Но это объясненіе опровергается тѣмъ фактомъ, что первое требованіе о присылкѣ войскъ относилось къ Люксембургскому дворцу, а второе къ площади Пантеона, что первое имѣло цѣлью охрану мѣста пребыванія правительства, а второе имѣло цѣлью остановить возстаніе у его исходной точки.

И дѣйствительно, что-же произошло? А то, что утромъ въ половинѣ восьмого, найдя площадь свободной, двѣ тысячи рабочихъ собрались тамъ и отправились оттуда на площадь Бастиліи, чтобы найти тамъ соратниковъ и оружіе.

Здѣсь мы наталкиваемся на историческую проблему, которую слѣдуетъ выяснить. Могло ли быть предупреждено іюньское воз-

---

[1]) Письмо г-на Бартелеми Сентъ-Илера, прочтенное генераломъ Каваньякомъ на засѣданіи 25-го ноября 1848 г. „Moniteur“, № 331.

[2]) См. его отвѣтъ г-ну Бартелеми Сентъ-Илеру на засѣданіи 25-го ноября 1848 г. „Moniteur“, № 331.

station, можно ли было избѣгнуть кровопролитія посредствомъ громадной мобилизаціи войскъ, въ то время, когда не было еще ни одной баррикады? Члены Исполнительной комиссіи думали, что *да*, генералъ же Каваньякъ не захотѣлъ съ ними согласиться.

Утромъ 23-го іюня собрался Совѣтъ и тамъ, въ присутствіи генерала Каваньяка, генерала Фуше и нѣсколькихъ министровъ, стали говорить о приказѣ, неисполненіе котораго позволило образоваться первому большому сборищу. Тогда, вмѣсто того, чтобы дать объясненіе, къ которому ему пришлось прибѣгнуть позднѣе, генералъ Каваньякъ накинулся на генерала Фуше, что̀ повело за собой очень рѣзкій споръ, которому военный министръ положилъ конецъ, велѣвъ своему подчиненному молчать. Народъ въ это время занималъ еще Пантеонъ: предложены были различныя мѣры, долженствовавшія предотвратить сраженіе. Но не прошло ли уже время все остановить? Г. Рекюръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, утверждаетъ, что время еще не прошло. Г. Каваньякъ утверждаетъ противное. Начинаются очень страстныя пренія, и г. Рекюръ, сильно взволнованный, восклицаетъ: „Значитъ, вы хотите сраженія! Это сумасшествіе“ [1])!

Былъ еще другой предметъ разногласій между Исполнительной комиссіей и генераломъ Каваньякомъ. По мнѣнію Исполнительной комиссіи, нужно было, прежде всего, помѣшать сооруженію баррикадъ, пославъ не только національныхъ гвардейцевъ, но и солдатъ на всѣ пункты, которымъ грозило нападеніе. По мнѣнію генерала Каваньяка, нужно было, напротивъ, начать съ концентраціи линейныхъ войскъ, чтобы привести ихъ въ движеніе лишь въ рѣшительную минуту.

Между тѣмъ, если мнѣнію генерала Каваньяка суждено было восторжествовать, то, не будучи пророкомъ, можно было безошибочно предсказать слѣдующее:

---

[1]) Этимъ столь характернымъ подробностямъ, сообщеннымъ г-номъ Бартелеми Сентъ-Илеромъ въ рѣчи, произнесенной 25-го ноября 1818 г., генералъ Каваньякъ не противопоставилъ въ своемъ отвѣтѣ никакого возраженія. См. „Moniteur“, № 331.

Возстаніе, которому съ самаго начала будетъ предоставлено свободное поле дѣйствій и движеній, не замедлитъ развиться до громадныхъ размѣровъ.—Ряды національной гвардіи, которую выдвинутъ впередъ и оставятъ безъ поддержки, вскорѣ порѣдѣютъ.— Она станетъ просить подкрѣпленія и, не получая его, подумаетъ, что ее предала Исполнительная комиссія, которая одна отвѣтственна за положеніе вещей.—Реакціонное большинство Національнаго Собранія, страстно желая низвергнуть однихъ республиканцевъ посредствомъ другихъ, будетъ въ восторгѣ отъ того, что можно будетъ опрокинуть гг. Ламартина и Ледрю-Роллена посредствомъ генерала Каваньяка.—Такъ какъ армія вступитъ въ бой лишь послѣ національной гвардіи, то купитъ побѣду болѣе дешевой цѣной и, если возстаніе будетъ подавлено, то вся слава достанется на долю арміи.— Такимъ образомъ, ея начальникъ сдѣлается человѣкомъ необходимымъ и его диктатура, зародившаяся подъ давленіемъ обстоятельствъ, воцарится въ крови на обломкахъ владычества Исполнительной комиссіи, низвергнутой, осрамленной и проклятой.

Нужно думать, что люди столь умные, какъ члены Исполнительной комиссіи, болѣе или менѣе предчувствовали эти послѣдствія. Но они ждали битвы; генералъ Каваньякъ былъ человѣкомъ шпаги:—сочли необходимымъ поручить ему управленіе защитой, и послѣдовало то, на что заранѣе указывала логика.

Что касается до генерала Каваньякъ, то намѣревался ли онъ стать, въ цѣляхъ личнаго честолюбія, на мѣсто Исполнительной комиссіи, или же хотѣлъ только доставить солдатамъ, униженнымъ февральской народной побѣдой, блистательный *реваншъ*? По моему мнѣнію, справедлива вторая гипотеза; всѣ факты подтверждаютъ ее, и она вполнѣ оправдывается характеромъ и настроеніемъ генерала Каваньякъ, который, прежде всего и преимущественно, былъ *солдатомъ*. Я приведу тому неотразимое доказательство въ слѣдующей главѣ. Пока, ограничусь замѣчаніемъ, что въ ту пору часть арміи горѣла желаніемъ реванша. Она была убѣждена, или, вѣрнѣе сказать, ловкіе заговорщики, скрывавшіеся въ ея рядахъ, сумѣли ее убѣдить, что послѣ февральскихъ дней она

сдѣлалась предметомъ презрѣнія, что ее, повидимому, считали неспособной устоять противъ случайныхъ воиновъ, вооруженныхъ палками съ желѣзными наконечниками, и что ея честь требуетъ, чтобы она показала, при первомъ удобномъ случаѣ, какъ она сражается, когда сражается *взаправду*. Это чувство было столь сильно въ войскахъ, что одинъ изъ моихъ друзей, служившій капитаномъ, пришелъ ко мнѣ въ послѣднихъ числахъ мая, чтобы относительно этого пункта сообщить мнѣ свѣдѣнія, которыя онъ, по справедливости, считалъ весьма важными. „Будьте увѣрены, сказалъ онъ мнѣ, что ничего не забыли, что только можетъ экзальтировать до крайней степени и въ враждебномъ народу духѣ военное самолюбіе (point d'honneur). Я трепещу при мысли о томъ, что произойдетъ, если завяжется борьба. Солдаты хотятъ доказать,—и ихъ подстрекаютъ на это всякаго рода коварными рѣчами,—что, если они ушли изъ Парижа въ февралѣ, то *это потому, что сами захотѣли этого*. Помните о томъ, что я вамъ говорю".

Я убѣжденъ,—и это убѣжденіе опирается на письмо, съ которымъ генералъ Каваньякъ обратился къ Временному правительству и о которомъ будетъ упомянуто ниже [1]),—я глубоко убѣжденъ, что генералъ Каваньякъ раздѣлялъ это чувство, распространенное въ арміи. Ему нестерпима была мысль, что могутъ заподозрить мундиръ въ томъ, что послѣдній отступилъ передъ блузой. Его умъ, неспособный подняться выше чувства мелкой обиды, видѣлъ въ торжествѣ арміи какъ-бы удовлетвореніе чести и удобный случай, который представлялся самъ собою и котораго не слѣдовало упускать. Въ его оправданіе можно предположить только одно (и это предположеніе, быть можетъ, вѣрно), а именно, что онъ могъ самъ не видѣть истиннаго источника своихъ чувствъ и думать, какъ это часто случается въ человѣческихъ дѣяніяхъ, что имъ исключительно руководятъ такія-то побужденія, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ онъ, не признаваясь въ томъ самому

---

[1]) См. главу *Остракизмъ*.

*

себѣ, повиновался въ своихъ рѣшеніяхъ совершенно другимъ побужденіямъ.

Какъ бы то ни было, его поведеніе было странно и, если не попытались предотвратить это роковое возстаніе мѣропріятіями соціальными, то не постарались его предотвратить и военными средствами.

Къ довершенію несчастія, хотя надвигавшееся возстаніе было возстаніемъ голода, тѣмъ не менѣе, очевидное участіе въ немъ бонапартистовъ придало ему вначалѣ столь сомнительную окраску, что даже самые преданные народу республиканцы стали бояться, что оно будетъ имѣть, въ случаѣ своей удачи, лишь одинъ результатъ: посадить претендента на тронъ. Если же оно будетъ подавлено, говорили они себѣ, то что станется съ духовными завоеваніями революціи?

Существуетъ такъ много доказательствъ крамольной дѣятельности бонапартистовъ въ эти роковые часы, ихъ подвоховъ, ихъ развращающихъ происковъ, ихъ стараній извлечь изъ отчаянія столькихъ тысячъ людей выгоду одного человѣка, и эти доказательства такъ поразительны, что невозможно ни малѣйшее сомнѣніе относительно этого пункта. Представительницей бонапартистской партіи въ прессѣ была газета *Napoléon républicain* (Наполеонъ республиканецъ). Цѣль ея лишь наполовину опредѣлялась этимъ названіемъ, обнаружившимъ тактику, которая никого не обманывала. Эта партія имѣла много агентовъ, въ особенности, среди рабочихъ иностраннаго происхожденія. У нея на жалованіи были кабачные ораторы. Она съ особеннымъ усердіемъ вербовала себѣ сторонниковъ въ національной гвардіи. Вечеромъ 22-го іюня кандидатуру Луи Бонапарта на постъ лейтенанта-полковника 12-го легіона смѣло поставили и еще смѣлѣй стали поддерживать нѣкоторыя лица, „въ виду приближающейся борьбы“, какъ не побоялись они сказать, не давая другого объясненія [1]). Г. Эмиль Тома̀, бывшій

---

[1]) Я знаю этотъ фактъ отъ г-на Дюпона, кандидатурѣ котораго противопоставили кандидатуру Луи Бонапарта.

директоръ національныхъ мастерскихъ, былъ бонапартистомъ [1]); и вышеприведенная прокламація къ народу съ достаточной ясностью показываетъ, насколько опасность казалась дѣйствительной делегатамъ рабочаго класса.

Въ первыхъ рядахъ одѣтыхъ въ блузу вербовщиковъ бонапартизма фигурировалъ каменщикъ по имени Ларъ (Lahr). Этотъ Ларъ, человѣкъ, одаренный недюжинной энергіей и сильно вліявшій на своихъ товарищей, работалъ подъ руководствомъ г-на Надо (одного изъ самыхъ истинныхъ представителей, какихъ когда-либо имѣлъ народъ), при постройкахъ, начатыхъ на площади Пантеона. Однажды утромъ, за два или три дня до возстанія, г. Надо замѣчаетъ, что Ларъ, сотрудничество котораго было ему въ ту минуту необходимо, куда-то исчезъ. Наведя справки, г. Надо узналъ, что видѣли, какъ этотъ его товарищъ вошелъ въ сосѣдній кабачокъ. Онъ идетъ туда, входитъ и застаетъ Лара сидящимъ за столомъ съ нѣсколькими рабочими, большинство которыхъ состояло изъ нѣмцевъ. Ларъ сейчасъ же всталъ, пошелъ навстрѣчу неожиданному посѣтителю и, подавая ему стаканъ вина, воскликнулъ: „Ну-ка, товарищъ, за здравіе *малыша*!“ На приглашеніе объясниться, онъ отвѣтилъ: „Ну да, за здравіе Луи Бонапарта, потому пора уже намъ приняться *за дѣло*“ Г. Надо съ негодованіемъ оттолкнулъ отъ себя стаканъ и вышелъ. Нѣсколько дней спустя произошло за фонтеблосской заставой убійство генерала Бреа, за которое Ларъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ [2]).

Какъ было закрывать глаза на это необыкновенное стеченіе

---

[1]) Впослѣдствіи онъ поступилъ на службу къ Луи Бонапарту, какъ можно того было ожидать.

[2]) Я знаю эти важныя подробности отъ самого г-на Надó, одного изъ самыхъ благородныхъ характеровъ и самыхъ прямыхъ людей, какихъ мнѣ приводилось встрѣчать въ моей жизни.

Въ статьѣ о г-нѣ Надо въ Biographie des Contemporains сказано, что онъ вернулся во Францію и присоединился въ послѣднее время къ ученію г-на Прудона. Тутъ двѣ ошибки. Г. Надò не переставалъ жить въ Англіи въ качествѣ политическаго эмигранта, и его идеи не имѣютъ абсолютно ничего общаго съ тѣми, которыя являются личнымъ достояніемъ г-на Прудона.

обстоятельствъ, которыя всѣ указывали на призракъ бонапартизма по ту сторону ужасовъ гражданской войны? Какъ было не трепетать при мысли, что единственнымъ результатомъ борьбы, въ которой пролетаріи устелютъ Парижъ своими трупами, могло быть торжество честолюбія одного человѣка? А если, какъ это было слишкомъ легко предвидѣть, инсургенты будутъ побѣждены!.. Нѣтъ, думаю, что никакая агонія ума и сердца не сравнима съ тѣми терзаніями, которымъ эта адская альтернатива подвергла искреннихъ друзей народа. Что касается до меня, то я видѣлъ вещи въ такомъ мрачномъ освѣщеніи, что готовъ былъ бы выпустить всю кровь изъ своихъ жилъ, чтобы только отвратить бурю: но, кромѣ того, что я не былъ облеченъ никакой оффиціальной властью, злобныя подозрѣнія, которыми меня преслѣдовали какъ тогдашнія власти, такъ и большинство Собранія, сдѣлали мои сношенія съ рабочимъ классомъ въ его совокупности крайне затруднительными. И кромѣ того, хотя за послѣдніе дни безпокойство, охватившее населеніе Національныхъ мастерскихъ, принимало все болѣе грозную форму и хотя возстаніе очень легко было предвидѣть, тѣмъ не менѣе, безумныя мѣры, которыя окончательно превратили тревогу въ ярость, были приняты столь внезапно, что каждый, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, почувствовалъ себя какъ бы вовлеченнымъ въ ураганъ.

Утромъ 23-го іюня я сѣлъ въ карету съ однимъ изъ моихъ земляковъ г-номъ Савелли, который пришелъ навѣстить меня и предложилъ сопровождать меня въ Собраніе, какъ вдругъ у дверецъ появилось нѣсколько рабочихъ со словами: „Товарищъ, въ Парижѣ возстаетъ народъ; что дѣлать?“ Можно себѣ представить, какъ ужасно было мое положеніе. „Существуетъ ли, сказалъ я, какая-нибудь общая сходка, куда бы я могъ пойти, чтобы высказать то, что я чувствую?“ Они торопливо и съ живостью возразили: „Ради Бога, не ходите! Да и куда вы пойдете? Почти весь Парижъ на ногахъ, начиная отъ Рошешуарской заставы на правомъ берегу Сены, до Пантеона на ея лѣвомъ берегу. Скажите только, что мы должны передать тѣмъ изъ нашихъ товарищей, которыхъ мы встрѣтимъ?“. „Скажите имъ, что, если они возьмутся теперь за оружіе, то респуб-

лика по всей вѣроятности погибнетъ; скажите имъ, что противъ народа давно уже начали стягивать въ Парижъ громадныя военныя силы; что контръ-революція ни о чемъ другомъ не мечтаетъ, какъ объ удобномъ случаѣ раздавить его; что пораженіе народа почти несомнѣнно; что для успѣха ничего не готово; и что, если даже предположить, что народъ одержитъ побѣду, то не окажется недостатка въ честолюбцахъ, которые постараются завладѣть ея плодами". Они покачали головой, какъ бы говоря: „слишкомъ поздно", горячо пожали мнѣ руку и удалились [1]).

Я былъ въ отчаяніи. Что было дѣлать? Я подумалъ, что лучше всего было отправиться съ Собраніе, гдѣ я могъ, по крайней мѣрѣ, быть чѣмъ-нибудь полезенъ, возставая противъ насильственныхъ мѣръ, способныхъ лишь ухудшить или усложнить положеніе. Та же мысль пришла въ голову всѣмъ тѣмъ, изъ числа моихъ товарищей, которые принадлежали къ соціалистическому лагерю; всѣ они были на своихъ депутатскихъ мѣстахъ, и я нашелъ ихъ всѣхъ истерзанными нерѣшительностью, порожденной быстрою смѣной событій и смѣшеніемъ столькихъ перепутавшихся элементовъ. Истинный характеръ движенія, во всякомъ случаѣ, не замедлилъ обрисоваться. Бонапартистская и легитимистская партіи, попытавшіяся сначала захватить его въ свои руки (и можно было опасаться, что онѣ успѣютъ въ этомъ), вынуждены были спрятать свое знамя; и на баррикадахъ развѣвалось лишь одно знамя, знамя пролетаріата съ трогательной надписью: „*Хлѣба или свинца*!"

Но Собраніе стало тогда засѣдать непрерывно. Суровый надзоръ окружилъ тѣхъ, о комъ знали, что они сочувствуютъ тому дѣлу, за которое народъ вступилъ въ отчаянную битву, и первый изъ *насъ*, кто попытался бы выйти за порогъ Собранія, былъ бы въ ту же минуту арестованъ.

Утромъ на площади Бастиліи образовалась тѣсно сплоченная

---

[1]) Подтвержденіе этого можно найти въ письмѣ г-на Савелли къ президенту слѣдственной коммиссіи. См. *Moniteur* отчетъ о засѣданіи 25-го августа 1848 года.

колонна и докатилась, подобно снѣжной лавинѣ, до воротъ Сенъ-Дени, гдѣ произошла первая схватка. Но пока въ аристократическихъ кварталахъ медленно собирались гвардейскіе легіоны, въ многолюдныхъ кварталахъ улицы уже загромождались баррикадами.

Этотъ моментъ г. Фаллу выбралъ для того, чтобы представить съ высоты парламентской трибуны докладъ, заканчивавшійся предложеніемъ распустить Національныя матерскія, съ вознагражденіемъ приблизительно по 30-ти франковъ на человѣка [1]). Г. Прудонъ написалъ: „Тридцать франковъ въ видѣ платы за учрежденіе республики; тридцать франковъ, какъ выкупъ сохраненія капиталистической монополіи, тридцать франковъ взамѣнъ вѣчной нищеты! Это напоминало тридцать серебрениковъ, заплаченныхъ Іудѣ за кровь Іисуса Христа“.

Тѣмъ временемъ, перестрѣлка продолжалась, баррикады воздвигались, весь Парижъ вооружался. „Не думаю, чтобы это былъ подходящій моментъ для чтенія доклада!“ воскликнулъ г. Рэналь. Но контръ-революціонеры стали кричать: „Читайте, читайте!.....“ Г. де-Фаллу поспѣшилъ прочесть докладъ. Затѣмъ, чтобы повсюду шла война съ соціализмомъ, въ Собраніи стали громить мысль, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ должно быть государственнымъ предпріятіемъ. Снаружи народъ продолжалъ кричать: *хлѣба или свинца*!

Но, какъ видно, для того, чтобы заглушить этотъ вопль нескончаемаго страданія, недостаточно было зарядить пушки картечью, двинуть впередъ пѣхоту и кавалерію, подкрѣпить національную гвардію гвардіей республиканской, а республиканскую — гвардіей мобилей: сочли нужнымъ призвать къ себѣ на помощь клевету. Въ циркулярѣ, адресованномъ къ муниципалитетамъ двѣнадцати округовъ Парижа, г. Маррастъ осмѣлился изобразить эту возставшую армію голода въ видѣ сброда разбойниковъ, состоящихъ на жалованіи у иностранныхъ агентовъ. Онъ осмѣлился написать,

---

[1]) Предложенная сумма состояла изъ трехъ милліоновъ, которые нужно было подѣлить между ста семью тысячами человѣкъ. См. *Moniteur* іюнь 1848 г. № 176.

говоря о мнимыхъ зачинщикахъ возстанія: „Они не только хотѣли бы затѣять среди насъ гражданскую войну, но они собираются еще и *грабить*“.

О, конечно, среди партій, одѣтыхъ въ легитимисткую или въ имперіалистскую ливрею, были люди, готовые подстрекать народъ къ безпорядкамъ, въ надеждѣ, что эти безпорядки приведутъ къ осуществленію замысловъ этихъ партій; и люди эти дѣйствительно подстрекали народъ къ безпорядкамъ; но что сказать о человѣкѣ, указывающемъ на подобныя подстрекательства, которыя нигдѣ не дерзнули проявиться открыто, какъ на истинную причину, заставившую столько тысячъ человѣкъ взяться за оружіе, заявляющемъ, что баррикады были направлены лишь противъ республики, утверждающемъ, что *грабежъ* былъ цѣлью, за которую народъ шелъ умирать!.....

Тѣмъ не менѣе, эта изумительная клевета возымѣла успѣхъ, на который надѣялись. Искренніе республиканцы повѣрили тому, что республика—въ опасности; лже-республиканцы притворились, будто вѣрятъ, что ей грозитъ нападеніе: произошло полнѣйшее смѣшеніе языковъ и понятій, никто не зналъ, что ему дѣлать. Повстанцы продолжали восклицать, идя на бой: *Хлѣба или свинца*!

Слѣдуетъ отмѣтить, что это возстаніе, порожденное столь общими причинами и объединенное столь общимъ духомъ, почти всюду приняло форму мѣстнаго протеста. Во многихъ кварталахъ жители взяли охрану своихъ баррикадъ въ свое исключительное вѣдѣніе, отклоняя постороннюю помощь, ограничиваясь исключительно загражденіемъ доступа къ своимъ улицамъ и отказываясь принимать участіе въ наступательныхъ операціяхъ. Такъ, напримѣръ, когда, послѣ взятія восьмой и девятой мэріи, зашла рѣчь о штурмованіи Ратуши, то едва удалось набрать нѣсколько сотъ бойцовъ въ нижней части Сентъ-Антуанской улицы. А между тѣмъ, дѣло шло о взятіи очень сильной и очень энергично защищавшейся позиціи. Обратились за подкрѣпленіемъ къ отрядамъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстія, съ баррикадъ котораго можно было, безъ вреда для дѣла, увести часть защитниковъ: эта просьба

ни къ чему не привела. Среди сражающихся многіе понимали, что всякое возстаніе погибаетъ, когда оно не подвигается впередъ или хотя бы только на минуту пріостанавливается; но движенію недоставало какого бы то ни было единства направленія, а съ другой стороны, часть инсургентовъ была удержана отъ наступательныхъ дѣйствій сознаніемъ превосходства противниковъ въ дѣлѣ обращенія съ оружіемъ. Подъ ружье стояло со стороны рабочихъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, но сколь многіе изъ нихъ плохо стрѣляли! Иной боецъ, дѣйствительнымъ образомъ содѣйствовавшій защитѣ, могъ бы въ другомъ мѣстѣ оказаться только обузой. Во всякомъ случаѣ, въ богатыхъ кварталахъ тысячи изолированныхъ бойцовъ тщетно ждали возможности прорваться сквозь армію и присоединиться къ возстанію, а предмѣстья имѣли въ запасѣ около двадцати тысячъ человѣкъ, которые измѣнили бы, можетъ быть, исходъ этихъ событій, если бы двинулись впередъ.

Къ числу причинъ, которыя мѣшали бойцамъ слишкомъ отдаляться отъ баррикадъ, слѣдуетъ прибавить еще одну, имѣвшую рѣшающее значеніе: отсутствіе боевыхъ запасовъ. Инсургенты вынуждены были сами изготовлять порохъ, которымъ они пользовались; это обстоятельство давало огромное преимущество войскамъ, обильно снабженнымъ всѣмъ, что требуется въ сраженіяхъ.

Но если силы возстанія оказались недостаточными для того, чтобы оно могло перейти въ наступленіе, если для сосредоточенія боевыхъ операцій недоставало начальниковъ, если наконецъ не хватило пороху для продолженія битвы, то, тѣмъ не менѣе, борьба поражала неукротимой энергіей сражающихся. Національная гвардія и солдаты сражались храбро, какъ сражаются французы. Но даже тѣ, которые съ наибольшимъ остервенѣніемъ клеветали на чувства, руководившія инсургентами, сознаются, что безстрашіе послѣднихъ превосходило всякое вѣроятіе и что истраченнаго ими запаса храбрости хватило-бы подъ предводительствомъ какого-нибудь великаго полководца на то, чтобы завоевать міръ.

При томъ, національныя мастерскія были организованы на военный ладъ, благодаря г-ну Мари; ихъ раздѣлили на бригады,

отряды и роты; въ первыхъ были собраны жители одного и того-же городского округа, во вторыхъ жители одного и того-же квартала, въ третьихъ жители одной и той-же улицы; и въ этой баррикадной войнѣ, гдѣ каждый хотѣлъ сражаться и умереть передъ своимъ домомъ, за хлѣбъ своей семьи, подобная организація по необходимости придавала характеръ извѣстной планомѣрности даже чисто мѣстному сопротивленію.

Теперь посмотримъ, какъ велась защита.

Въ отвѣтъ на письмо, адресованное ему г-номъ Мари вечеромъ 22-го іюня, генералъ Каваньякъ послалъ въ Люксембургскій дворецъ два неполныхъ баталіона, численный составъ которыхъ не превышалъ 800 человѣкъ [1]). Несмотря на недостаточность этихъ силъ, исполнительная комиссія употребила Люксембургскую стражу на то, чтобы воспрепятствовать сооруженію баррикады. Но системѣ этой послѣдовали лишь на лѣвомъ берегу, да и то лишь отчасти. Согласно съ планомъ генерала Каваньяка, которому ввѣрено было главное распоряженіе военными силами, линейныя войска ни въ какомъ случаѣ не должны были разбрасываться, такъ что они появились лишь послѣ смертоносныхъ схватокъ между національной гвардіей и народомъ. Можно понять, что система сосредоточенія войскъ казалась африканскому генералу наилучшей; но спрашивается, почему, въ такомъ случаѣ, онъ не примѣнилъ этой системы къ національной гвардіи, почему онъ и этой послѣдней не помѣшалъ разсѣяться по Парижу и сражаться изолированными ротами; почему для концентраціи потребовалось такъ много времени, и почему войска, о которыхъ Ледрю-Роллену было сказано, что они готовы собраться при первыхъ звукахъ барабана, не были употреблены въ дѣло въ теченіе долгихъ часовъ этого дня [2]). Я съ большимъ вниманіемъ прочелъ отвѣтъ генерала Каваньяка на обвиненія, возведенныя на него г-номъ Бартелеми Сентъ-Илеромъ

[1]) Рѣчь, произнесенная г-номъ Бартелеми Сентъ-Илеромъ въ засѣданіи 25-го ноября 1848 года. *Moniteur* № 331. Генералъ Каваньякъ въ своемъ отвѣтѣ обходитъ это обстоятельство молчаніемъ.

[2]) См. рѣчь, произнесенную г-номъ Ледрю Ролленомъ на засѣданіи 25-го ноября 1848 г. *Moniteur* № 331.

на засѣданіи 25-го ноября 1848-года, и не нашелъ тамъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. Но пусть факты сами говорятъ за себя [1]).

Приблизительно въ половинѣ перваго пополудни генералъ пишетъ г-ну Гарнье-Пажесу, который одинъ остался въ зданіи, гдѣ засѣдало правительство, чтобы онъ вернулъ національному собранію оба уведенныхъ линейныхъ батальона. Они сражались въ то время: поэтому г. Гарнье-Пажесъ отказываетъ генералу въ просьбѣ. Адъютантъ, который принесъ первую бумагу отъ генерала Каваньяка, является вторично съ приказаніемъ полковнику коммендanту Люксембургскаго дворца выполнить распоряженіе подъ угрозой быть отданнымъ подъ военный судъ. Въ виду такой настойчивости, г. Гарнье-Пажесъ уступаетъ и войска удаляются, предоставляя эту часть лѣваго берега возстанію, которое быстро тамъ развивается [2]).

Было около двухъ часовъ, когда г. Гарнье Пажесъ, приведенный въ отчаяніе, отправляется присоединиться къ своимъ товарищамъ по Исполнительной коммиссіи въ національное собраніе, а именно въ кабинетъ президента, куда было перенесено мѣстопребываніе правительства. Грустное зрѣлище! Со всѣхъ сторонъ туда стекались съ просьбами о помощи офицеры національной гвардіи и гонцы отъ мэрій. Г. Биксіо пришелъ сказать, что видѣлъ на улицѣ Сенъ-Жакъ баррикаду, но что онъ ручается за то, что все остановитъ съ этой стороны, если только дадутъ въ его распоряженіе двѣсти человѣкъ. Неизмѣннымъ отвѣтомъ генерала Каваньяка были слова: „Я не хочу разбрасывать и подвергать опасности свои войска [3])“

Тѣмъ не менѣе, генералу Ламорисьеру было поручено взять предмѣстья Пуассоньеръ, Сенъ-Мартенъ и Сенъ-Дени. Въ три часа генералъ Каваньякъ узналъ, что съ праваго фланга Ламорисьера

---

[1]) Заимствую изъ рѣчи г-на Бартелеми Сентъ-Илера лишь факты, которые генералъ Каваньякъ обошелъ молчаніемъ.

[2]) Рѣчь г-на Бартелеми Сентъ-Илера, и т. д. *Moniteur*, 25-го ноября 1848 года, № 331.

[3]) Рѣчь г-на Бартелеми Сентъ-Илера, и т. д. *Монитеръ*, 25-го ноября 1848 года, № 331.

воздвигаются большія баррикады, а именно на улицѣ Фобуръ-дю-Тампль. Онъ счелъ необходимымъ послать туда подкрѣпленія; но какъ могла прійти ему въ голову мысль отправиться туда лично выручать своего лейтенанта, между тѣмъ какъ у него было подъ рукой столько умѣлыхъ и храбрыхъ офицеровъ и когда присутствіе главнокомандующаго было столь нужно въ правительственной резиденціи, куда все направлялось и откуда все должно было исходить? Тѣмъ не менѣе, онъ удалился, уводя съ собою семь баталіоновъ и обѣщавъ вернуться черезъ полъ-часа; онъ удалился, велѣвъ самымъ положительнымъ образомъ не отдавать никакихъ приказаній въ его отсутствіе. Это значило въ случаѣ, если-бы его отлучка продолжилась, оставить Исполнительную коммиссію въ нестерпимомъ положеніи, а отлучка его дѣйствительно затянулась настолько, что его увидѣли снова лишь въ восемь часовъ вечера. [1])

Изъ объясненія, представленнаго имъ впослѣдствіи, слѣдуетъ, что запозданіе это произошло отъ того, что онъ плохо разсчиталъ продолжительность ожидавшаго сопротивленія: „Я думалъ, что все будетъ кончено въ полчаса; къ несчастью, на это понадобилось болѣе трехъ часовъ [2])."

Какъ-бы то ни было, это обстоятельство нанесло Исполнительной коммиссіи смертельный ударъ; ибо, когда ординарцы, присылавшіеся изъ различныхъ кварталовъ выбившимися изъ силъ ротами національной гвардіи, прибѣгали одинъ за другимъ во дворецъ со словами: „Нашихъ истребляютъ! Дайте намъ батальонъ! Ради Бога, одинъ лишь батальонъ!" то коммиссія не могла ничего имъ сказать кромѣ слѣдующаго: „Мы не можемъ отдавать приказаній, т. к. главнокомандующаго съ нами нѣтъ. Погодите немного!" И отвѣтъ этотъ, проносясь отъ человѣка къ человѣку по рядамъ національной гвардіи, естественнымъ образомъ вызывалъ тамъ восклицаніе: „Исполнительная коммиссія предаетъ насъ; долой измѣнниковъ!" Т. к. и де-Ламартинъ отправился въ Тампльское пред-

---

[1]) Эти *факты* несомнѣнны, какъ таковые. Ихъ и не стали отрицать. См. засѣданіе 25-го ноября 1848 года, *Moniteur* № 331.

[2]) См. отвѣтъ генерала Каваньяка г-ну Бартелеми Сентъ-Илеру. Ibid.

мѣстье, г. Франсуа Араго въ кварталъ Пантеона, а г. Гарнье-Пажесъ принялся обходить восемь первыхъ округовъ, то вся тяжесть положенія легла на г-на Ледрю Роллена, который одинъ остался съ г-номъ Мари въ резиденціи правительства и на котораго его взгляды навлекали подозрѣніе національной гвардіи. Онъ самъ со страстнымъ краснорѣчіемъ описалъ то, что ему пришлось тогда выстрадать.

Въ это время весь Парижъ съ одного конца до другого обратился въ поле битвы. Вечеромъ Обществу правъ человѣка удалось собраться; но сообщенія во множествѣ мѣстъ были уже прерваны, такъ что стало невозможнымъ придать единство общаго плана дѣйствіямъ различныхъ секцій. Члены секцій восьмаго округа, которыми предводительствовали люди пылкіе и рѣшительные, приняли дѣятельное участіе въ нападеніи приступомъ на Вогезскую площадь. Въ редакціяхъ соціалистическихъ газетъ царила мучительная нерѣшительность, — такъ противорѣчивы и смутны были новости, приходившія съ театра борьбы! За кѣмъ останется побѣда? Несмотря на громадность силъ, находившихся въ распоряженіи правительства, побѣда долго не склонялась на сторону послѣдняго. На многихъ пунктахъ инсургенты дѣлали чудеса. Въ Тампльскомъ предмѣстьѣ, лишь только туда явился генералъ Каваньякъ, борьба приняла исполинскіе размѣры. Пушки громили инсургентовъ, не смущая ихъ храбрости; и сопротивленіе ихъ было столь энергично, что генералъ Каваньякъ, несмотря на свои семь батальоновъ и на свою артиллерію, былъ вынужденъ просить помощи у генерала Ламорисьера, къ которому онъ пришелъ на выручку. Вокругъ орудій валялись трупы двухъ третей прислуживавшихъ при нихъ канонировъ и привезшихъ ихъ лошадей [1])!

Въ Собраніи почти безпрерывная смѣна различныхъ донесеній заставляла умы постоянно переходить отъ страха къ надеждѣ и наоборотъ. То узнавали мы, что улицы Сенъ Жакъ, Maçons Jorbonne и Mathurins — покрыты баррикадами; то, что всѣ окна улицы

[1]) См. рѣчь генерала Каваньяка въ „Moniteur'ѣ", отчетъ о засѣданіи 25-го ноября 1848 г.

La Harpe обратились въ бойницы, то что на баррикадѣ, выстроенной при входѣ въ улицу Сенъ-Моръ, народъ обнаружилъ неукротимое безстрашіе. На слова г-на Пайера, сообщавшаго членамъ собранія, что на Сенмишельской площади, въ ту самую минуту, когда тамъ появился г. Араго, рисковавшій въ этотъ день своей жизнью съ героической безпечностью юноши, происходила пальба изъ пяти пушекъ, г. Бино отвѣтилъ слѣдующимъ крикомъ злобы и неблагодарности: „Что намъ за дѣло до этого“ [1])? Вотъ какъ реакція вознаградила васъ за то, что вы служили ей орудіемъ противъ авангарда вашей собственной партіи, о непослѣдовательные республиканцы! Я узналъ тогда, до чего можетъ дойти ярость разыгравшихся политическихъ страстей. Тщетно г. Консидеранъ почти умоляющимъ голосомъ проситъ позволенія прочесть прокламацію, которая должна, какъ онъ говоритъ, вернуть на путь истинный несчастныхъ заблудшихъ. Ему кричатъ среди шума: „Вы называете такъ убійцъ? [2])“ И вотируютъ противъ переходакъ обсужденію этого предложенія. Въ свою очередь, г. Коссидьеръ предлагаетъ, чтобы передъ инсургентами при свѣтѣ факеловъ была прочтена прокламація отъ имени Національнаго Собранія, и мы т. е. онъ, я и нѣсколько другихъ членовъ лѣвой вызываемся пойти на баррикады, чтобы попытаться остановить, если возможно, кровопролитіе; это предложеніе и наша готовность наталкиваются лишь на недовѣріе; ихъ называютъ крамольными. Назвать ли того, кто осмѣлился потребовать, чтобы ночью арестовали нѣсколькихъ журналистовъ и «чтобы они были отправлены въ ссылку по удостовѣреніи ихъ личности?“ Между тѣмъ, авторъ этого чудовищнаго предложенія не былъ членомъ правой. Это былъ человѣкъ, обезумѣвшій отъ страха передъ соціализмомъ и засѣдавшій въ рядахъ... республиканцевъ! [3]) Какъ онъ долженъ удивляться въ настоящее время своему тогдашнему заблужденію! „Правительство,“ отвѣтилъ министръ финансовъ, г. Дюклеркъ, показало вамъ свою энергію. Не-

---

[1]) См. *Moniteur,* іюнь, 1848 г. № 176.

[2]) См. *Moniteur,* іюнь, 1848 г. № 176.

[3]) Это былъ квесторъ Дегузэ (Degousée). *Перев.*

ужели вы потребуете отъ него ниспроверженія законности (coup d'Etat). Оно не вступитъ на этотъ путь" [1]).

Г. Бартелеми Сентъ-Илеръ разсказалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ съ высоты трибуны сцену, происшедшую вечеромъ 23-го іюня между генераломъ Каваньякомъ и членами Исполнительной комиссіи. „Сдѣлали послѣднюю попытку уговорить генерала. Г. Араго, Мари, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ съ г-номъ Бартелеми Сентъ-Илеромъ торопили его начать атаку. Генералъ оставался непреклоннымъ и, наконецъ, разгнѣванный настойчивыми упрашиваніями, сказалъ: „Неужели вы думаете, что я здѣсь для того, чтобы защищать вашихъ парижанъ, вашу національную гвардію? Пусть она сама защищаетъ свой городъ и свои лавочки. Я не хочу разбрасывать свои войска. Я помню 1830-й годъ, февральскую революцію. Если хоть одна изъ моихъ ротъ будетъ обезоружена, я пущу себѣ пулю въ лобъ; я не переживу этого безчестія". Напрасно генералу доказывали, что его самоубійство ничему не поможетъ, что дѣло идетъ о томъ, чтобы захватить баррикады, сооруженіе которыхъ онъ допустилъ; никакими аргументами нельзя было отъ него добиться приказанія начать атаку; онъ находилъ, что рѣшительный моментъ еще не наступилъ. На возраженіе, что инсургенты съ каждой минутой все больше овладѣваютъ полемъ битвы, генералъ отвѣтилъ: „Мнѣ какое дѣло! если они завоюютъ Парижъ, я отступлю съ моей арміей на равнину Сенъ-Дени и дамъ имъ сраженіе".—„Вотъ какъ!" сказалъ г. Араго, „но они не пойдутъ туда за вами" [2]).

Замѣтимъ, что генералъ Каваньякъ откладывалъ такимъ образомъ общую атаку вовсе не потому, что хотѣлъ дождаться, чтобы обстоятельства сдѣлали ее безполезной. Что онъ имѣлъ въ виду сраженіе, и сраженіе громадное, доказывается тѣмъ, что въ этотъ

---

[1]) Отчетъ о засѣданіи 23-го іюня 1848 года.

[2]) Рѣчь г-на Бартелеми Сентъ-Илера, на засѣданіи 25-го ноября 1848 года. Въ своемъ отвѣтѣ генералъ Каваньякъ, въ сущности, не отрицаетъ вѣрности этого разсказа. Онъ защищается только отъ обвиненія въ томъ, что употребилъ оскорбительныя для національной гвардіи выраженія. См. *Moniteur*, ноябрь, 1848 г. № 331.

же вечеръ полковникъ Мартенирэ былъ посланъ въ Венсенъ съ полкомъ пѣхотинцевъ и полкомъ кирасировъ, чтобы привезти оттуда пушки, ядра, бомбы и гранаты,—словомъ все, чего требуетъ правильная осада настоящей крѣпости.

Мы сказали, что генералъ Каваньякъ вернулся изъ Тампльскаго предмѣстья въ восемь часовъ вечера. Онъ снова ушелъ, чтобы увидѣться съ генераломъ Бедо, раненымъ при защитѣ Ратуши, и съ генераломъ Дамемомъ, занявшимъ Сенжанское предмѣстье. Онъ вернулся лишь къ двумъ часамъ ночи и сталъ было говорить, что пойдетъ прилечь въ военное министерство, но г. Ледрю-Ролленъ такъ энергично воспротивился этому, что въ концѣ концовъ генералъ рѣшился остаться и поспѣшилъ броситься, не раздѣваясь, на одинъ изъ дивановъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ и заснулъ. Позднѣе, когда ему съ трибуны напомнили объ этомъ обстоятельствѣ, онъ отвѣтилъ ироническимъ тономъ: „Говорятъ, что я спалъ; сознаюсь въ этомъ. Это иногда случается со мною“ [1]). Члены правой нашли это изреченіе восхитительнымъ!.... Что касается до членовъ Исполнительной комиссіи, то они не спали.

Въ пять часовъ утра г. Дюпонъ, батальонный командиръ 12-го легіона, проситъ позволенія видѣть генерала. Вмѣстѣ съ нѣсколькими сопровождающими его гражданами его допускаютъ къ генералу Каваньяку. „Чего вамъ нужно?“—Я пришелъ просить васъ распорядиться объ удаленіи штыковъ, наполняющихъ второй округъ. Я изъ этого квартала и знаю его. Я отвѣчаю за его спокойствіе, если только мѣра, о которой я прошу, будетъ принята.—Не покидая горизонтальнаго положенія, генералъ лаконически отвѣчалъ: „Невозможно. У меня всего одиннадцать батальоновъ на лѣвомъ берегу. Драться—такъ драться“ [2]).

Какъ нескончаемо тянулась и какъ мрачна была эта ночь съ 23-го на 24-ое іюня!

На слѣдующій день солнце не показывалось; небо казалось

---

[1]) См. рѣчь, произнесенную генералъ Каваньякомъ въ засѣданіи 25-го ноября 1848 года.

[2]) Я знаю объ этомъ эпизодѣ отъ самого г-на Дюпона.

столь же печальнымъ, какъ и сердца людей; мостовая тряслась подъ колесами пушекъ; и тѣ, кого голодъ посылалъ на смерть, повторили свой вчерашній кличъ: „Хлѣба или свинца!“

Все было готово въ эту минуту для военной диктатуры. Невозможность, въ которую была поставлена наканунѣ Исполнительная комиссія, послать помощь туда, гдѣ послѣдней ждали, укоренила въ національной гвардіи мысль о предательствѣ и вызвала въ этой средѣ крайнее ожесточеніе по отношенію къ *предателямъ*. Въ Собраніи знали, что эти предатели мужественно рисковали жизнью за дѣло, которое они въ сущности не должны были бы защищать; но многіе въ рядахъ правой думали втихомолку то, что г. Бино рѣшился выразить вслухъ: „Что намъ за дѣло?“ Ловкіе господа, въ родѣ г-на Фаллу и г-на Тьера, заранѣе усмѣхались въ душѣ, при видѣ этихъ республиканцевъ, которыхъ республиканецъ собирался растоптать ногами, губя, при этомъ, самого себя. А г. Маррастъ стоялъ за спиной генерала Каваньяка, нашептывая ему пагубныя рѣшенія. Уже начиная съ 22-го іюня генералъ получилъ отъ нѣсколькихъ членовъ клуба „*Національнаго дворца*“, предложенія, отклонить которыя онъ не счелъ себя обязаннымъ, хотя и поставилъ для ихъ принятія условія, налагаемыя въ подобныхъ случаяхъ правилами приличія; будучи агентомъ Исполнительной комиссіи, онъ соглашался занять ея мѣсто, если того пожелаетъ Собраніе, но не хотѣлъ обойтись безъ предварительнаго предупрежденія. Находясь въ такомъ настроеніи, онъ повелъ себя 23-го іюня вышеописаннымъ образомъ; и намѣренія его оставались конечно тѣми же самыми, когда 24-го, въ восемь часовъ утра, тѣ изъ депутатовъ, которые желали сдѣлать его диктаторомъ, пришли требовать отъ Исполнительной комиссіи, чтобы она подала въ отставку... Подать въ отставку до окончанія битвы, подать въ отставку подъ давленіемъ требованія, являвшагося для нея пощечиной! Нѣкоторые изъ ея членовъ отказались позволить этой парламентской группѣ распоряжаться такимъ образомъ ихъ честью, и они съ горечью вспомнили, что, когда, послѣ голосованія въ пользу допущенія Луи Бонапарта въ Собраніе, они

намѣревались сойти со сцены, имъ помѣшалъ это сдѣлать этотъ же самый генералъ Каваньякъ, сказавшій тогда слѣдующее: „Удалиться—значило бы обезчестить себя, и если бы, при настоящемъ положеніи республики, Исполнительная комиссія сложила съ себя власть, то могла бы вернуть ее себѣ лишь *посредствомъ новаго, но, на этотъ разъ, честнаго 15-го мая*“ [1]). Такимъ образомъ, отставка, которой нѣкоторыя лица такъ страстно добивались, была отсрочена до того времени, пока не произнесетъ своего рѣшенія все Собраніе.

Снаружи инсургенты убивали и умирали, восклицая: „*Хлѣба или свинца!*“

Около полудня на трибуну взошелъ г. Паскаль Дюпра. Онъ пришелъ предложить, чтобы Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, а генералъ Каваньякъ провозглашенъ диктаторомъ. Обнаружилось нѣкоторое колебаніе; раздались протесты. „О нѣтъ, не нужно диктатуры!“ воскликнулъ г. Лараби. И, сильно взволнованный, не обращая вниманія на ропотъ, онъ требовалъ слова, судорожно ухватившись за мраморную ограду трибуны. Приходитъ г. Бастидъ и говоритъ: „Умоляю васъ прекратить пренія и какъ можно скорѣе приступить къ голосованію; черезъ часъ Ратуша, можетъ быть, будетъ взята“. Душевная твердость г-на Бастида была извѣстна; его слова произвели глубокую сенсацію; и простымъ вставаніемъ было вотировано во имя республики ниспроверженіе всѣхъ республиканскихъ принциповъ. Черезъ часъ послѣ этого Исполнительная комиссія подала въ отставку. Роялисты, воспользовавшіеся ею противъ соціалистическихъ членовъ Временнаго правительства, воспользовались теперь генераломъ Каваньякомъ

---

[1]) Это было разсказано на засѣданіи 25-го ноября 1848 года г-номъ Бартелеми Сентъ-Илеромъ и не отрицалось генераломъ Каваньякомъ въ его отвѣтѣ. См. *Moniteur*, ноябрь, 1848 г., № 331.

Повторяю, что я постарался занести на эти страницы изъ всѣхъ обстоятельствъ, изложенныхъ на засѣданіи 25-го ноября, въ присутствіи самого генерала Каваньяка, лишь тѣ, которыхъ онъ не опровергъ въ своемъ отвѣтѣ.

противъ нея, въ ожиданіи того часа, когда они смогутъ воспользоваться Луи Бонапартомъ противъ генерала Каваньяка.

На улицахъ раздавался все тотъ же кличъ: „Хлѣба или свинца!“

Мысль, выражавшаяся этимъ кличемъ, была, увы! слишкомъ ясна. А между тѣмъ, вслѣдствіе одного изъ тѣхъ потрясающихъ недоразумѣній, которыя увеличиваютъ ужасы всѣхъ гражданскихъ войнъ, случилось, что въ кровавой тьмѣ, объявшей на время Парижъ, многіе республиканцы, республиканцы вполнѣ искренніе— (я видѣлъ ихъ впослѣдствіи проливающими слезы при этомъ траурномъ воспоминаніи!)—стали сражаться съ возстаніемъ, во имя республики, вообразивъ, что нападеніе направлено на нее. И что̀ ужаснѣе всего, особенно безжалостнымъ характеромъ отличалась борьба между мобильной гвардіей и рабочими предмѣстій; съ одной стороны дѣти, съ другой — отцы! Въ настоящее время всѣмъ извѣстно, что въ началѣ возстанія мобильная гвардія была готова поддержать его [1]). Но этимъ несчастнымъ столько разъ повторяли, что удары, наносимые инсургентами, направлены противъ республики! Къ несчастью, интриги бонапартистовъ придали этому страху за республику столь роковую силу! Сердце разрывается при мысли объ умопомраченіи, которое нашло на столькихъ людей въ эти черные дни. „О, какъ мой отецъ будетъ счастливъ!“ воскликнулъ молодой Гіацинтъ Мартэнъ, когда генералъ Каваньякъ вдѣлъ ему въ петлицу крестъ почетнаго Легіона. Онъ думалъ о своемъ отцѣ, этотъ сынъ народа, ополчившійся на народъ!

Я не стану вдаваться въ подробности военныхъ операцій. Результатомъ послѣднихъ было взятіе Пантеона 24-го числа, сохраненіе Ратуши 25-го, а 26-го сдача Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, послѣ бомбардировки.

---

[1]) Почти всѣ пишущіе объ іюньскомъ возстаніи утверждаютъ, что оно восторжествовало бы, если бы мобили присоединились къ инсургентамъ. Мобильная гвардія вербовалась въ простонародной городской молодежи.

Но на какомъ полѣ битвы побѣда когда-либо оспаривалась съ подобной отвагой и покупалась столь дорогой цѣной? Въ слѣдующей главѣ я докажу, что пуля, поразившая архіепископа парижскаго, вылетѣла не изъ ружья инсургента, и что убійство генерала Бреа было совершено бонапартистами. Что касается до генераловъ Дамема, Дювювье и Негріе, то смерть ихъ лишь доказываетъ серьезность и ожесточенность этой борьбы. Были баррикады, на которыхъ изъ ста тридцати солдатъ, осаждавшихъ ихъ, сорокъ было убито [1]). Храбрость сражавшихся, одинаковая съ обѣихъ сторонъ, имѣла смертоносныя послѣдствія.

Привожу нѣсколько оставшихся неизвѣстными подробностей о послѣднихъ минутахъ возстанія, подробностей, ярко обрисовывающихъ его характеръ.

Въ воскресенье вечеромъ, 25-го числа, послѣ того, какъ пѣхотный полкъ подъ командой полковника Бланшара, поддерживаемый значительнымъ числомъ національныхъ гвардейцевъ пятаго легіона, попытался завоевать позицію улицы La grange—aux—Belles и былъ отброшенъ, одинъ лейтенантъ, гражданинъ Раухеръ подошелъ къ баррикадѣ, въ сопровожденіи четырехъ національныхъ гвардейцевъ, которые несли за нимъ ружья вверхъ прикладами, въ знакъ мира. Дойдя до пункта, съ котораго его голосъ могъ донестись до защитниковъ баррикады, онъ предлагаетъ имъ вступить съ нимъ въ переговоры и, т. к. въ него стали прицѣливаться, то начальникъ баррикады становится между нимъ и инсургентами. Обмѣнявшись съ лейтенантомъ нѣсколькими словами, этотъ самый начальникъ баррикады рѣшается сопровождать его до канала, гдѣ его и двухъ присоединившихся къ нему товарищей принимаетъ полковникъ Бланшаръ. Солдаты, окружавшіе полковника, тряслись отъ гнѣва, и делегаты инсургентовъ можетъ быть, были бы умерщвлены, не будь офицеровъ національной гвардіи, вмѣшательство которыхъ въ этомъ случаѣ было столь же мужественно, сколь и лойяльно. Начальникъ баррикады потребовалъ гарантій для людей, участво-

---

[1]) Напр. на площади Моберъ. См. *Moniteur*, отчетъ о засѣданіи 24-го іюня 1848 года.

вавшихъ въ сраженіи на всемъ лѣвомъ берегу канала; полковникъ Бланшаръ отказался дать эти гарантіи; онъ велѣлъ начальнику инсургентовъ положить въ сторону оружіе и послалъ его подъ надежнымъ конвоемъ къ генералу Ламорисьеру, находившемуся въ это время въ кофейнѣ Арно подлѣ Тампльской улицы на бульварѣ.

Генералъ не давалъ приказанія начать переговоры, а, съ другой стороны, инсургенты не намѣревались, въ особенности послѣ своего военнаго успѣха, ходатайствовать объ этой странной милости: разрѣшеніи сдаться на произволъ противника.

Между тѣмъ, дольше сопротивляться стало невозможнымъ; множество позицій было отбито у инсургентовъ, а на тѣхъ позиціяхъ, которыя еще держались, не хватало уже патроновъ. Оставалось, значитъ, лишь величаво погибнуть и, подъ вліяніемъ этой мысли, начальникъ баррикады согласился показать видъ, что пришелъ вести переговоры объ условіяхъ заключенія мира.

Генералъ Ламорисьеръ казался очень возбужденнымъ; онъ встрѣтилъ начальника баррикады, не обнажая, головы и послѣдній поспѣшилъ надѣть фуражку, которую снялъ было для поклона. „Чего вамъ нужно отъ меня?“ спросилъ генералъ усталымъ голосомъ. Инсургентъ отвѣтилъ, что лейтенантъ Раухеръ пришелъ умолять его прекратить сраженіе, которое онъ и самъ, впрочемъ, считалъ теперь уже безполезнымъ, и что поэтому инсургенты желаютъ знать, на какихъ условіяхъ правительство приметъ сдачу Тампльскаго предмѣстья. Генералъ Ламорисьеръ отвѣтилъ: „Съ вами поступятъ, какъ съ національной гвардіей 12-го легіона, т. е. васъ обезоружатъ. А затѣмъ мы посмотримъ“.—„Коли такъ“, возразилъ предводитель инсургентовъ, „то граждане, которыми я имѣю честь командовать, предпочитаютъ искать спасенія въ какомъ-нибудь отчаянномъ рѣшеніи“. Генералъ Ламорисьеръ судорожно сжалъ рукоятку сабли, на которую опирался, и сказалъ голосомъ, дрожавшимъ отъ гнѣва: „Въ такомъ случаѣ мы угостимъ васъ ружейными выстрѣлами“. Затѣмъ, обернувшись къ офицерамъ національной гвардіи: „У національной гвардіи имѣется достаточно по-

роха и пуль, чтобы заставить васъ принять мое предложеніе. Вотъ прокламація главнокомандующаго. Прочтите ее и пораздумайте: я вамъ даю срокъ до десяти часовъ завтрашняго дня". — „Это безполезно, холодно возразилъ инсургентъ. Я съ своей стороны уже поразмыслилъ и отказываюсь отъ вашего предложенія. У насъ также есть ружья, порохъ, пули. (Онъ не хотѣлъ признаніемъ матеріальнаго превосходства своего собесѣдника обрадовать послѣдняго и дать ему надъ собой преимущество). И у насъ есть пули, а то, что теперь произошло, доказываетъ вамъ, что мы умѣемъ и сами за себя постоять". Такъ какъ онъ попросилъ позволенія удалиться, то генералъ приказалъ отвести его къ аванпостамъ, гдѣ ему было возвращено оружіе и откуда онъ отправился къ товарищамъ.

Выходя отъ генерала Ламорисьера, этотъ же делегатъ инсургентовъ слѣдующими словами заставилъ замолчать одного депутата, накинувшагося на него съ гнѣвными упреками: „Осадное положеніе уничтожило оффиціальное вмѣшательство членовъ Собранія въ эти дѣла, передавъ власть въ руки солдатъ." Дойдя до баррикады улицы Grange—aux—Belles, онъ отдалъ отчетъ своимъ товарищамъ, нетерпѣливо его ждавшимъ, въ результатѣ своихъ переговоровъ, прочелъ имъ прокламацію генерала Каваньяка, и впечатлѣніе, которое она на нихъ произвела, убѣдило его въ томъ, что, если бы не недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, то инсургенты не уступили-бы поля битвы. Но могло ли сопротивленіе продолжиться, когда противъ колоссальныхъ военныхъ силъ у него оставались лишь груды камней, ружья безъ зарядовъ?

Ночь прошла, однако, безъ нападенія со стороны войскъ: лишь на слѣдующій день 26-го числа около восьми или девяти часовъ солдаты обступили предмѣстье со всѣхъ сторонъ. Тогда инсургенты стали отступать въ мрачномъ отчаяніи и перестали стрѣлять лишь тогда, когда у нихъ не осталось болѣе ни одного заряда. Въ пять часовъ вечера округъ Ла—Виллетъ (la Vilette) былъ взятъ. У народа не было ни свинца, ни хлѣба!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Послѣ битвы.

Внѣшній видъ Парижа.—Прокламаціи генерала Каваньяка.—Данныя накaнунѣ обѣщанія забываются.—Месть побѣдителей.—Покушеніе на убійство.—Клеветы на инсургентовъ.—Лордъ Норменби подхватываетъ эти клеветы, несмотря на то, что онѣ были опровергнуты и даже оффиціально.—Письмо г-на Бастида къ Его сіятельству.—Аресты и ссылки безъ суда.—Лагарда, бывшаго президента Люксембургскихъ делегатовъ, посылаютъ на понтоны.—Что скажетъ исторія объ іюньскихъ инсургентахъ 1848 года.—Какую роль играла политическая интрига въ гражданской войнѣ.—Графъ де-Фушекуръ командуетъ баррикадой.—Раздача медалей съ изображеніемъ Генриха V.—Бонапартисты.—Люкъ.—Провинція спѣшитъ на помощь республикѣ.—Парижскій архіепископъ.—Съ чьей стороны прилетѣла сразившая его пуля; удостовѣреніе генеральнаго викарія Жакмэ.—Генералъ Бреа.—Кто былъ его убійца.—Мнимый іюньскій заговоръ.—Причины возстанія.

Невозможно описать положеніе и внѣшній видъ Парижа въ теченіе часовъ, непосредственно предшествовавшихъ окончанію этой неслыханной драмы, и въ теченіе часовъ, послѣдовавшихъ за нимъ. Лишь только осадное положеніе было объявлено, полицейскіе комиссары стали шнырять по всѣмъ направленіямъ, приказывая прохожимъ возвращаться домой. И горе тому, кто, не дождавшись новаго приказа, снова выходилъ на порогъ своего жилища! Если, вопреки декрету, кто-либо попадался на глаза властямъ вдали отъ своего жилища и въ штатскомъ платьѣ, то его отводили домой, переправляя съ поста на постъ, и заставляли запереться у себя въ комнатѣ. Послѣ ареста женщинъ, которыя переносили письма, запрятавъ ихъ въ волосахъ, и захвата патроновъ въ обивкѣ каретъ, все сдѣлалось предметомъ подозрѣнія. Въ гробахъ могъ заключаться порохъ: къ похоронамъ стали относиться съ

недовѣріемъ, и мертвецы, отправлявшіеся на вѣчный покой, попали въ число подозрительныхъ лицъ. Доставлявшіеся солдатамъ напитки могли быть отравлены: изъ предосторожности арестовывали бѣдныхъ торговцевъ лимонадомъ, и 15-лѣтнія маркитантки стали внушать опасенія. Гражданамъ запрещено было показываться въ окнахъ, запрещено даже открывать ставни, такъ какъ предполагалось, что окнами можно было пользоваться для соглядатайства и для убійства. Движенія зажженной лампы за стекломъ окна, отблеска луны на черепицѣ крыши достаточно было для того, чтобы навести ужасъ на обывателей. Никто не могъ безнаказанно жалѣть инсургентовъ, какъ людей введенныхъ въ заблужденіе, оплакивать близкихъ и дорогихъ среди такого множества побѣжденныхъ. Одну молодую дѣвушку разстрѣляли за то, что она щипала корпію на одномъ перевязочномъ пунктѣ инсургентовъ, для своего возлюбленнаго, можетъ быть, или для мужа, для отца!

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Парижъ имѣлъ видъ города, взятаго приступомъ. Число разрушенныхъ домовъ и зданій, въ которыхъ пушки пробили бреши, достаточно свидѣтельствовало о громадности усилія, сдѣланнаго доведеннымъ до отчаянія народомъ. Шеренги буржуа въ военныхъ мундирахъ заграждали улицы; патрули съ испуганнымъ видомъ шагали по мостовой. Елисейскія поля обратились въ бивуакъ; великолѣпныя аллеи, по которымъ въ праздничные дни катятся экипажи людей, не знающихъ что такое голодъ, покрылись точно въ лагерѣ соломой, служившей подстилкой для лошадей, и драгуны, снявъ мундиры, поили своихъ лошадей въ фонтанахъ площади Согласія.

Что сказать о подавленіи возстанія?

„Рабочіе и вы всѣ, продолжающіе еще сражаться съ республикой, молю васъ въ послѣдній разъ, во имя всего, что есть уважаемаго, святого, священнаго для людей, положите оружіе! Національное Собраніе, вся нація просятъ васъ объ этомъ. *Вамъ говорятъ, что васъ ждетъ ужасное отмщеніе: это говорятъ ваши и наши враги*! Вамъ говорятъ, что вы хладнокровно будете принесены на закланіе! Придите къ намъ, придите подобно

братьямъ раскаивающимся и покорившимся закону, и республика приметъ васъ въ свои объятія“ [1]).

Съ этимъ воззваніемъ генералъ Каваньякъ обратился 25-го іюня къ инсургентамъ. Во второй прокламаціи, обращенной 26-го числа къ національной гвардіи и къ арміи, онъ сказалъ: „Я вижу въ Парижѣ побѣдителей и побѣжденныхъ. Да будетъ проклято мое имя, если я допущу, чтобы въ немъ были жертвы“ [2]).

Конечно, никогда еще не были произнесены болѣе прекрасныя слова, особенно въ подобную минуту. Но, Боже, какъ это обѣщаніе было выполнено!

Твердо рѣшившись быть справедливымъ до конца и по отношенію ко всѣмъ, я часто спрашивалъ себя: не слѣдуетъ ли предположить, что людямъ, сдѣлавшимъ генерала Каваньяка орудіемъ замысловъ, совершенно отличныхъ отъ его собственныхъ, удалось держать его въ полномъ невѣдѣніи относительно послѣдовавшаго отмщенія? Къ несчастію, этимъ натянутымъ предположеніемъ нельзя прикрыть столько позорныхъ актовъ *оффиціальной* мести, которыхъ невозможно отрицать. Или ихъ слѣдуетъ приписать слабохарактерности генерала? Можетъ быть, онъ счелъ себя неспособнымъ удержать потокъ страстей, разнузданныхъ побѣдой, хотя и скорбѣлъ въ душѣ объ ихъ свирѣпости? Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было сохранять за собой власть и тѣмъ самымъ брать на себя отвѣтственность за положеніе, совладать съ которымъ онъ чувствовалъ себя не въ силахъ?

Несомнѣнно только то, что во многихъ мѣстахъ мщеніе имѣло дикій характеръ; что плѣнниковъ, скученныхъ въ Тюльерійскомъ саду, въ подземельѣ прибрежной террасы, убивали *наугадъ* пулями, направленными въ нихъ черезъ слуховыя окна; что взятыхъ въ плѣнъ поспѣшно разстрѣливали на Гренельскомъ полѣ, на Монпарнасскомъ кладбищѣ, въ Монмартрскихъ каменоломняхъ, во дворѣ дворца Клюни, во дворѣ монастыря св. Бенедикта [3]);

---

[1]) См. *Moniteur*.

[2]) Ibid.

[3]) См. въ *Le Peuple* отъ 12-го февраля, *Prologue d'une révolution*, показанія народныхъ представителей Матэ и Мадэ въ дѣлѣ о генералѣ

что на углу улицы Mathurin-Saint-Jacques пьяные мобили стрѣляли во всякаго прохожаго, одѣтаго въ блузу [1]); что въ предмѣстьѣ La Villette въ одного несчастнаго выстрѣлили почти въ упоръ только потому, что на немъ была красная шерстяная фуфайка; что, наконецъ, унизительный терроръ воцарился, по окончаніи борьбы, надъ опустошеннымъ Парижемъ.

Но я не могъ бы привести лучшаго доказательства этого разгула злобы, ея слѣпого бѣшенства и безнаказанности ея проявленій, чѣмъ посягательства на мою жизнь, повторявшіяся въ теченіе нѣсколькихъ дней. Первая попытка была сдѣлана 25-го іюня и чуть было не удалась. Я возвращался домой, когда на меня набросились какіе-то разъяренные люди, размахивая обнаженными саблями, съ угрожавшимъ мнѣ смертью гикомъ и крикомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь закрытіе національныхъ мастерскихъ, изъ-за котораго было пролито столько крови, было необходимымъ послѣдствіемъ ихъ учрежденія; а развѣ не было всѣми признано, что ихъ учредителемъ былъ я? Такъ что меня убили бы, если бы нѣсколько депутатовъ и нѣсколько честныхъ національныхъ гвардейцевъ, находившихся по близости, не прибѣжали защищать меня. Вокругъ моей особы и изъ-за нея завязалась настоящая свалка. Какой то неизвѣстный мнѣ человѣкъ, выходившій изъ кофейни Cardinal, которому удалось добраться до меня, приставилъ дуло пистолета къ моему виску. Г. Греппò, сопровождавшій меня, ударомъ ноги заставилъ его взмахнуть рукой— и пистолетъ выстрѣлилъ на воздухъ. Спасло меня то обстоятельство, что моимъ защитникамъ удалось втолкнуть меня въ кофейню Фраскати, которую затѣмъ убійцы подвергли своего рода осадѣ и

Бреà; и процессъ Луи Менара, сопровождаемый спискомъ тысячъ свидѣтелей, которые вызвались показывать подъ присягой и которыхъ отказались выслушать.

[1]) Тамъ то докторъ Девиль чуть не поплатился жизнію, пытаясь спасти отъ ярости этихъ ошалѣлыхъ мальчишекъ старика, совершенно безобиднаго, но одѣтаго *въ блузу*. Ружейный выстрѣлъ повергъ жертву къ ногамъ ея безстрашнаго покровителя, исполненнаго безсильнаго отчаянія.

изъ которой, по счастію, меня удалось вывести одному великодушному гражданину, а именно г-ну Бульону, благодаря носимому имъ званію лейтенанта-полковника 2-го легіона и благодаря находчивости, съ которой, взявъ меня подъ руку, онъ крикнулъ толпѣ: „Будьте почтительны къ Національному Собранію!“ Одинъ изъ моихъ коллегъ г. Дютье, совершенно впрочемъ враждебный моимъ взглядамъ, проѣзжалъ въ это время мимо насъ въ открытомъ кабріолетѣ. Онъ мужественно усадилъ меня туда рядомъ съ собой. Рискуя убить его вмѣсто меня, намъ въ догонку послали два ружейныхъ выстрѣла.

Было ли произведено по этому поводу слѣдствіе? Подверглись ли виновные судебному преслѣдованію? Потребовали ли отъ Собранія, чтобы оно рѣшило, будетъ ли отнынѣ дозволено убивать тѣхъ изъ его членовъ, которые сидятъ на скамьяхъ лѣвой, убивать ихъ среди бѣла дня и на самомъ бульварѣ? Нѣтъ; а между тѣмъ, знали, что неудавшаяся попытка будетъ возобновлена; что въ умѣ нѣкоторыхъ людей я былъ приговоренъ къ смерти; что люди эти дежурятъ передъ моимъ домомъ, выжидая удобнаго момента для того, чтобы убить меня. Въ этомъ столь мало сомнѣвались, что г. Сенаръ, бывшій въ то время президентомъ Собранія, сталъ умолять меня не оставлять Бурбонскаго дворца въ теченіе нѣсколькихъ дней, предлагая приготовить мнѣ въ немъ комнату для того, чтобы я могъ, скрываясь въ этомъ неприкосновенномъ убѣжищѣ, дождаться успокоенія умовъ. Это предложеніе было дружелюбно, но оно оскорбляло во мнѣ чувства, которыя мнѣ дороже жизни: поэтому я не принялъ его. Единственная уступка, которую я счелъ возможнымъ сдѣлать мольбамъ брата и неотступнымъ упрашиваніямъ друзей, состояла въ томъ, чтобы не возвращаться домой въ теченіе одной или двухъ недѣль. Одинъ изъ моихъ коллегъ, г. Бривъ, человѣкъ, въ которомъ неизмѣнно веселый нравъ и оригинальный складъ ума соединялись съ самыми серьезными качествами надежнаго патріота [1]) и преданнаго друга, предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ его помѣщеніе на улицѣ

[1]) Мы уже замѣтили, что во время великой французской революціи и въ первую половину девятнадцатаго столѣтія слово *патріотъ* во Франціи приближалось по смыслу къ слову *демократъ*. *Перев.*

Тронше: я согласился. Оттуда мы оба ежедневно отправлялись въ Собраніе на свои депутатскія мѣста, и я не долженъ забыть упомянуть о томъ, прекрасно рисующемъ тогдашнее положеніе, обстоятельствѣ, что всякій разъ, какъ я выходилъ изъ Національнаго Собранія, нѣкоторые мои товарищи старались окружить меня такъ, чтобы скрыть меня отъ взглядовъ публики,—настолько серьезная опасность угрожала, по ихъ мнѣнію, моей жизни! Я также имѣю, слѣдовательно, право принести свое показаніе на этотъ печальный процессъ, всѣ подробности котораго такъ важны для исторіи.

Слѣдующая черта закончитъ картину:

3-го іюля изъ погребовъ Военнаго училища (École militaire) вывели довольно большое число плѣнныхъ для того, чтобы отправить ихъ въ префектуру полиціи, а оттуда въ крѣпости. Ихъ связали очень крѣпко стянутыми веревками за руки, по четыре человѣка вмѣстѣ. Этимъ несчастнымъ, отощавшимъ и ослабѣвшимъ отъ голода, трудно было ходить, поэтому принесли и поставили передъ ними миски съ супомъ. Такъ какъ ихъ руки были связаны, то они должны были лечь на животъ и подползать къ чашкамъ, какъ животныя при хохотѣ офицеровъ стражи, называвшихъ это *соціализмомъ на практикѣ*! Я знаю объ этомъ фактѣ со словъ одной изъ жертвъ этого истязанія.

Поспѣшимъ, ради чести нашей страны и ради чести человѣческаго рода, отмѣтить чисто *индивидуальный* характеръ этихъ ужасовъ. Тутъ не должно быть ни коллективной отвѣтственности, ни обобщенныхъ обвиненій! Слава Богу, во Франціи не существуетъ класса, который, каковы бы ни были его предразсудки, можно было бы добросовѣстно обвинить въ подобныхъ звѣрствахъ, хотя бы и совершенныхъ въ чаду слѣпой ярости. Они были дѣломъ извергов, заслуживающихъ того, чтобы отъ нихъ отреклись всѣ партіи, но которымъ осадное положеніе, общественное оцѣпенѣніе, гнѣвъ и испугъ однихъ, безсильная скорбь другихъ дали силу, изъ которой было сдѣлано столь гнусное употребленіе.

Справедливость требуетъ также, чтобы мы помнили, что нѣ-

которыя газеты стали арсеналами смертоносныхъ измышленій. На ихъ столбцахъ всякое утро появлялись разрисованные, такъ сказать, кровавой кистью узоры, пересыпанные отрубленными головами мобилей, отрѣзанными кулаками драгунъ, трупами людей, отравленныхъ виномъ маркитантокъ! Не трудно догадаться, какъ дѣйствовали при неулегшемся еще сотрясеніи, произведенномъ безпримѣрной битвой, эти клеветы, злостность которыхъ лишь позднѣе была разоблачена самими военными судами.

Нужны были бы цѣлые томы для того, чтобы обозрѣть всѣ клеветы, бывшія въ обращеніи въ ту эпоху, когда произволъ заставилъ умолкнуть демократическую прессу. Чего только не говорили о знаменахъ, принесенныхъ въ національное Собраніе, на которыхъ будто-бы было написано: „Смерть собственникамъ“! А между тѣмъ знамена эти были тѣ самыя, которыя съ апрѣля мѣсяца развѣвались на окнахъ домовладѣльцевъ, отказавшихся отъ причитавшейся имъ квартирной платы и получившихъ въ даръ отъ благодарныхъ квартирантовъ знамена съ надписью: *Слава великодушнымъ домовладѣльцамъ!* (propriétaires). Въ предмѣстьяхъ были сотни такихъ знаменъ. Побѣдителямъ стоило только дать себѣ трудъ снять ихъ. Тщеславіе сдѣлало изъ нихъ трофеи, завоеванные на баррикадахъ, а недобросовѣстность исказила ихъ девизъ.

Ходили также всякаго рода клеветническія росказни относительно рода оружія, которымъ будто-бы пользовались инсургенты: утверждали, что они употребляли отравленныя пули или пули варварской формы. Такимъ образомъ невѣжественные люди объясняли измѣненія формы пуль, встрѣчавшихъ препятствія на своемъ пути. Страшное дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія внушило мысль о систематическихъ изувѣченіяхъ, слухи о коихъ были впослѣдствіи опровергнуты всѣми судебными разслѣдованіями. Несчастные случаи, причиненные пьянствомъ, жарой, запахомъ пороха, истолковывались, какъ результаты преступныхъ намѣреній.

Дошло до того, что само правительство сознало необходимость прервать молчаніе, хранить которое долѣе оно не могло,

не покрывая себя позоромъ; и всѣ эти выдумки, которыми услаждалась партійная ненависть, были официально опровергнуты *сообщеніемъ* (communiqué), посланнымъ во всѣ парижскія газеты. Мало того: *Gazette des Hôpitaux* напечатала особый оффиціальный докладъ, въ которомъ каждый смогъ прочесть слѣдующее: „Мы считаемъ долгомъ своимъ заявить, что не нашли слѣдовъ яда ни въ одной изъ пуль, извлеченныхъ нами изъ ранъ, и что самыя раны не представляли никакихъ признаковъ усложненій, проистекающихъ отъ ядовитыхъ веществъ. Кромѣ того, изъ анализа, сдѣланнаго г-номъ Пелузомъ, явствуетъ, что составъ жидкостей, считавшихся отравленными, ни разу не подтвердилъ подозрѣній, которыя они внушали [1]“. Нѣтъ надобности прибавлять, что въ настоящее время во Франціи никто уже не вѣритъ этимъ отвратительнымъ баснямъ. Но такъ какъ лордъ Норменби нуждался въ нихъ для своего романа, то онъ не только ихъ воскресилъ, но, не довольствуясь этимъ, захотѣлъ подкрѣпить ихъ уважаемымъ авторитетомъ; что онъ и сдѣлалъ съ обычной удачей. „Я спросилъ г-на Бастида“, говоритъ онъ, правда ли то, что разсказывалось о жестокостяхъ, совершенныхъ инсургентами. Онъ отвѣтилъ мнѣ, *что въ этомъ отношеніи не было никакого преувеличенія*“ [2]). Послѣ чего Его Сіятельство съ удовольствіемъ развертываетъ картину мнимо содѣянныхъ звѣрствъ.

Слѣдующее письмо, посланное въ *Times* г-номъ Бастидомъ, показываетъ, до какой степени забывчивъ бываетъ лордъ Норменби:

Господину редактору газеты *Times*.

Парижъ 14-го января 1858 года.

„Милостивый государь! въ номерѣ вашей газеты отъ 9-го января я прочелъ слѣдующее мѣсто, содержащее отрывки изъ брошюры лорда Норменби, которую я не имѣлъ случая прочесть:

---

[1]) Gazette des Hôpitaux, отъ 14-го іюля 1848 г.

Эти оффиціальныя сообщенія настолько убѣдительны, что нѣтъ надобности прибѣгать къ другимъ доказательствамъ. Достаточно сказать, что послѣднія имѣются въ изобиліи.

[2]) A Year of Revolution in Paris, т. II, стр. 79.

„I inquired of M. Bastide Whether. . . . .
„ . . . . “

„Позвольте мнѣ воспользоваться столбцами вашей уважаемой газеты, чтобы отвѣтить благородному лорду, что память плохо ему служитъ, если онъ думаетъ, что я далъ ему свѣдѣнія, которыя онъ почерпнулъ конечно изъ совершенно иного источника. Для меня важно, чтобы англійская публика, въ особенности, не думала, что я позволилъ себѣ разсказывать ея представителю столь нелѣпыя басни; это было бы мистификаціей дурного тона, недостойной положенія, которое мы оба тогда занимали.

„Дѣйствительно, всякій теперь знаетъ цѣну этой старой сказкѣ объ отравленныхъ пуляхъ, которая послѣ каждаго мятежа служитъ предметомъ толковъ нѣсколькихъ ротозѣевъ. Извѣстно, что хирурги почти всегда находятъ въ ранахъ обрывки бѣлья или верхняго платья: эти обрывки, увеличивающіе злокачественность раны, были оторваны пулями отъ одежды раненаго, и ни въ какомъ случаѣ не могли быть выброшены ружьями.

„Всякому извѣстно также, что во время лѣтняго солнцестоянія трупы быстрѣе разлагаются, въ особенности, если смерть пришла послѣ нѣсколькихъ дней утомленія и лихорадочнаго возбужденія.

„Его сіятельство—не химикъ, насколько мнѣ извѣстно. Тѣмъ не менѣе, я не могъ, не боясь, чтобы онъ не подумалъ, что я издѣваюсь надъ нимъ, разсказывать ему про насосъ, изъ котораго пускали будто-бы струю сѣрной кислоты въ лицо осаждающихъ. Подобный насосъ оказался бы на половину разрушеннымъ прежде, чѣмъ сталъ бы дѣйствовать; къ тому же инсургенты должны были бы быть ужъ очень наивны для того, чтобы предполагать, что непріятель пожелаетъ подойти къ нимъ на разстояніе 10-ти или 12-ти метровъ съ цѣлью быть облитымъ кислотой. Конечно, я не могъ приписать подобнаго промаха нашимъ парижскимъ инсургентамъ.

„Что же касается до отравленной корпіи, — отравленной, вѣроятно, какимъ-нибудь инсургентомъ, передѣтымъ сестрой милосердія или хирургомъ, — то для того, чтобы лордъ Нор-

менби могъ повѣрить этой легендѣ, нужно было скрыть отъ него, что раненые, кто бы они ни были, переносились въ общія залы и пользовались однимъ и тѣмъ же уходомъ, и что поэтому инсургентъ—отравитель рисковалъ бы подвергнуть своего товарища, или самого себя, дѣйствію смертоноснаго средства.

„Признаюсь, однако, что я могъ упомянуть о пуляхъ, снабженныхъ мѣдными наконечниками, такъ какъ если я не видалъ такихъ пуль въ іюнѣ, то видѣлъ ихъ въ февралѣ 1848-го года; онѣ были вынуты изъ патроновъ, розданныхъ муниципальнымъ гвардейцамъ Луи-Филиппа, убитымъ у Пале-Рояльскаго водоёма. У инсургентовъ, можетъ быть, имѣлись такія пули, отнятыя у защитниковъ монархіи. Къ тому же эти пули еще и въ настоящее время можно видѣть у оружейнаго мастера Девима, который не слыветъ свирѣпымъ человѣкомъ, не болѣе, чѣмъ покойный Луи-Филиппъ.

„Я ничего не скажу объ анекдотахъ, которыми оканчивается отрывокъ, заимствованный изъ книги лорда Норменби. Меня удивляетъ лишь отсутствіе знаменитаго анекдота о докторѣ, распиленномъ на-двое межъ двухъ досокъ.

„Если бы мнѣ не была извѣстна аристократическая утонченность привычекъ Его Сіятельства, то я подумалъ бы, что онъ подобралъ эти анекдоты въ какой-нибудь кордегардіи героевъ, одержавшихъ побѣду заднимъ числомъ и чужими руками.

Повторяю: я настолько уважаю англійскую націю, что не могъ разсказывать нелѣпости ея представителю, котораго я считалъ, къ тому же, человѣкомъ здравомыслящимъ и умнымъ [1]).

„Жюль Бастидъ,

„Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ французской республики“.

---

[1]) „Г. Норменби, въ французскомъ переводѣ своей книги, (т. II, стр. 142 и 143), оставилъ безъ измѣненія то мѣсто, въ которомъ говоритъ, что онъ узналъ отъ меня факты, изложенные въ его смѣхотворномъ разсказѣ о яко бы совершенныхъ іюньскими инсургентами звѣрствахъ. Но онъ прибавилъ примѣчаніе, изъ котораго, повидимому, слѣдуетъ, что я призналъ впослѣдствіи справедливость того, что говорится въ первомъ абзацѣ, т. е исторію съ отравленнымъ бѣльемъ. Вотъ какъ было дѣло:

Около 15.000 гражданъ было арестовано послѣ іюньскихъ событій, а 4.348 было сослано безъ суда, въ видахъ *охраны общественной безопасности* (административнымъ путемъ). Въ продолженіе двухъ лѣтъ они требовали суда: къ нимъ посылали комиссію о *помилованіи*; и если кого освобождали, то это происходило на основаніи чистѣйшаго произвола, какъ раньше—аресты. Повѣрятъ ли, что нашелся человѣкъ, который рѣшился произнести въ XIX-мъ столѣтіи передъ Національнымъ Собраніемъ слѣдующія слова: „Невозможно было бы судить бельильскихъ (de Belle Isle) ссыльныхъ; противъ многихъ изъ нихъ не существуетъ фактическихъ доказательствъ". И такъ какъ, по утвержденію этого человѣка, г-на Бароша, *не существовало фактическихъ доказательствъ*, позволявшихъ знать заранѣе и навѣрняка, что процессъ окончится осужденіемъ, то 468 заключенныхъ, содержавшихся на понтонахъ, было приговорено къ ссылкѣ въ Алжирскую область. Среди нихъ находился Лагардъ, бывшій президентъ Люксембургскихъ делегатовъ. Онъ написалъ изъ Бреста парижскимъ рабочимъ слѣдующее чудное и надрывающее душу письмо:

„Братья!

„Тотъ, кого февральскія событія 1848-го года призвали къ высокой чести стать во главѣ вашихъ рядовъ,—тотъ, кто, вотъ ужъ девятнадцать мѣсяцевъ, безмолвно терпитъ, вдали отъ своихъ

Г. Норменби, прочтя въ англійскихъ газетахъ мое письмо отъ 14-го іюля 1858 г., написалъ мнѣ, что газета „Times" ошиблась, цитируя его книгу. Я отвѣтилъ ему, что, зная эту книгу лишь по цитатѣ приведенной въ газетѣ „Times", я могъ быть введенъ въ заблужденіе, и что тѣмъ лучше, если все дѣло здѣсь въ недоразумѣніи.

„Поэтому я снова протестую противъ мысли, что я могъ потѣшаться надъ лордомъ Норменби, разсказывая ему бабушкины сказки, и въ особенности противъ мысли, что я распускалъ клеветы.

Ж. Б."

(Замѣтка, сообщенная г-номъ Бастидомъ).

Такъ какъ г-нъ Ламартинъ и г-нъ Бастидъ были единственными республиканцами, которыхъ ихъ оффиціальное положеніе привело въ соприкосновеніе съ лордомъ Норменби, то Его Сіятельство милостиво относится лишь къ нимъ однимъ. Смѣю увѣрить его, что личное знакомство съ членами партіи, на которую онъ нападалъ столь яростно, позволило бы ему быть менѣе несправедливымъ къ нимъ.

многочисленныхъ близкихъ, муки самой чудовищной неволи, тотъ, наконецъ, кого приговорили безъ суда къ 10-ти годамъ каторжныхъ работъ на чужбинѣ, приговорили въ силу закона, возымѣвшаго обратное дѣйствіе, задуманнаго, продиктованнаго, вотированнаго и изданнаго подъ вліяніемъ ненависти и страха, не захотѣлъ покинуть родную землю, не узнавъ соображеній, которыми не отступающій ни передъ чѣмъ министръ рѣшился обосновать ужаснѣйшую изъ проскрипцій.

„Поэтому онъ обратился къ командующему понтономъ „La Guerrière“, и получилъ отъ него слѣдующее *дословное* извлеченіе изъ дѣла, относящагося къ этому приговору: *Лагардъ, делегатъ* „*Люксембургской* комиссіи, человѣкъ „*несомнѣнной честности,* „*вполнѣ мирный,* „образованный, всѣми любимый, и по этому „самому *очень опасный,* какъ пропагандистъ“.

„Я отдаю одинъ этотъ фактъ на судъ своихъ согражданъ, будучи увѣренъ въ томъ, что ихъ совѣсть сумѣетъ рѣшить: кто заслуживаетъ большей жалости, жертва ли или палачи.

„А вамъ, братья, скажу, вотъ что: я уѣзжаю, но не побѣжденъ; знайте это! Я уѣзжаю, но не прощаюсь съ вами.

„Нѣтъ, братья, я не прощаюсь съ вами! Я вѣрю въ здравый смыслъ народа; я вѣрю въ святость дѣла, которому я посвятилъ всѣ свои умственныя способности; я вѣрю въ республику, потому что она неразрушима, какъ міръ.

„Вотъ почему я говорю вамъ: до свиданія, а главное, не забывайте девиза: *единеніе и милосердіе*!

„Да здравствуетъ республика!...

Лагардъ.

„Бывшій президентъ делегатовъ Люксембургской комиссіи.

„Въ Бретской гавани, на понтонѣ La Guerrière“ [1]).

Вотъ, что исторія, исторія правдивая скажетъ о парижскомъ народѣ; она скажетъ также, что даже тамъ, гдѣ іюньское возста-

---

[1]) Письмо это было напечатано въ нѣсколькихъ газетахъ, между прочимъ въ газетѣ *Nouveau Monde,* гдѣ его можно прочесть въ номерѣ отъ 15-го марта 1850 года.

*

ніе оставило наиболѣе прискорбные слѣды, изобиловали акты великодушія. Въ процессѣ одного начальника баррикады было констатировано на основаніи показаній артиллерійскаго вахмистра, что инсургенты устроили на улицѣ Saint-Maur нѣчто въ родѣ тюрьмы, гдѣ съ величайшей гуманностью, и даже съ крайней вѣжливостью, обращались со всѣми противниками, которые попадали въ ихъ руки: національными гвардейцами, членами мобилями, солдатами. Изъ показанія капитана Рибо, въ процессѣ одного изъ главныхъ инсургентовъ, выяснилось, что этотъ послѣдній спасъ двѣсти взятыхъ въ плѣнъ солдатъ, которыхъ онъ могъ велѣть разстрѣлять.

Много было тогда совершено актовъ гуманности, которые разсвирѣпѣвшая партія побѣдителей тщетно пыталась предать забвенію и которыхъ нельзя будетъ утаить отъ потомства.

Посмотримъ теперь, какую роль играла въ этой войнѣ политическая интрига.

На процессѣ г-на графа де Фушекура свидѣтель Геренъ заявилъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ онъ видѣлъ на площади Бастиліи, какъ г. де Фушекуръ завербовывалъ рабочихъ на службу легитимистской партіи, предлагая имъ по 2 франка въ день. Въ кварталѣ Вандомской площади проживала знатная особа, квартира которой была сборнымъ пунктомъ эмиссаровъ роялистской партіи. Въ теченіе дней, предшествовавшихъ возстанію, тамъ происходило непривычное движеніе мобилей, дѣйствительныхъ и ложныхъ рабочихъ, личностей, приносившихъ или уносившихъ деньги; такъ что сосѣди всполошились, по этому поводу, и когда гроза разразилась, дерзкій агентъ едва успѣлъ бѣжать. Извѣщенныя власти не произвели никакого дознанія.

Во время возстанія нѣкоторые посты были заняты легитимистами. Въ Марэ мы находимъ ихъ на улицѣ Saint-Louis, на улицѣ d'Angoulême и сосѣднихъ улицахъ. Тамъ и взяли въ плѣнъ г-на де Фушекура. Вотъ показаніе свидѣтеля Изамбера, артиллерійскаго лейтенанта: „Допрошенный г. де Фушекуръ отвѣтилъ, что онъ командовалъ баррикадами и сражался за демократическую и соціальную республику. Въ это же время и Бераръ, народный представи-

тель, допрашивалъ со своей стороны г-на де Фушекура сына, который сказалъ, что сражается за то же дѣло, что и его отецъ, а именно, по наружности, за красную республику, на самомъ же дѣлѣ, за легитимистскую партію". Г. де Фушекуръ, несмотря на всѣ усилія вліятельныхъ людей его партіи, былъ приговоренъ къ двадцати годамъ каторжныхъ работъ.

Въ кварталѣ сенжакскомъ, около церкви Св. Северина, легитимисты учредили нѣчто въ родѣ генеральнаго штаба, изъ котораго исходили ихъ распоряженія. Они раздавали медали съ изображеніемъ Генриха V-го; найдено было потомъ нѣсколько тысячъ такихъ медалей въ одномъ изъ домовъ улицы Saint Jean-de Beauvais. Эта самая церковь Св. Северина фигурировала въ преніяхъ процесса легіона Св. Губерта, такъ какъ благочестивыя братства, столь старательно организованныя вокругъ каждаго прихода въ народныхъ кварталахъ, представляютъ собой, въ дѣйствительности, лишь агентства, посредствомъ которыхъ нищіе завербовываются на службу реакціи.

Іюньское возстаніе на мгновеніе вывело на свѣтъ Божій еще одинъ элементъ, элементъ бонапартистскій. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Луи Бонапартъ былъ извѣстенъ во Франціи, лишь какъ племянникъ своего дяди и какъ виновникъ надѣлавшихъ шуму сумасбродныхъ приключеній. Они наполовину уложили его въ могилу: Исполнительная коммиссія воскресила его, показавъ, что боится его; пренія, вызванныя его избраніемъ въ члены Національноаго Собранія, привлекли на него всѣ взоры. Безхитростные умы раздражились; нѣкоторые старые солдаты заволновались; прозвучало слово *императоръ*; вспомнилась пѣсня Беранже...

Если бы даже можно было сомнѣваться въ стараніяхъ, употребленныхъ бонапартизмомъ для того, чтобы дать выгодный для себя оборотъ іюньскому возстанію, то слѣдующій разсказъ разсѣялъ бы всѣ сомнѣнія,—фактъ очень любопытный, очень важный, и до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ.

Въ то время, какъ на улицахъ сражались, генералъ Рапатель явился въ канцелярію президента Національнаго Собранія, въ которой было тогда мѣсто нахожденія правительства. Генералъ этотъ

держалъ въ рукѣ письмо, которое онъ желалъ передать генералу Каваньяку. Послѣдній, сильно занятый совѣщаніемъ съ другими лицами, поручилъ полковнику Шаррасу выслушать посѣтителя. Генералъ Рапатель подходитъ къ полковнику, котораго не зналъ и который вышелъ къ нему въ разстегнутой шинели и безъ знаковъ отличія, и, принимая его за генерала Каваньяка, котораго никогда не видалъ, вручаетъ Шаррасу письмо. Вотъ точный смыслъ, если не подлинныя выраженія этого письма:

Генералу Рапателю.

Лондонъ, 22-го іюня 1848-го.

„Генералъ, мнѣ извѣстны чувства, питаемыя Вами къ моей семьѣ. Если приготовляющіяся событія примутъ благопріятный для нея оборотъ, вы будете военнымъ министромъ.

„Наполеонъ-Луи-Бонапартъ".

Полковникъ Шаррасъ вздрогнулъ. „Я долженъ показать это генералу Каваньяку", сказалъ онъ г-ну Рапателю.—Какъ? воскликнулъ этотъ послѣдній,—развѣ Вы не генералъ Каваньякъ?—Нѣтъ,—отвѣтилъ полковникъ, но не безпокойтесь о своей ошибкѣ: онъ вѣроятно показалъ бы мнѣ это письмо."

Тогда генерала Рапателя ввели къ генералу Каваньяку. Слѣдовало ли дать огласку этому посланію? Вопросъ этотъ подвергся обсужденію. Боязнь увеличить такимъ образомъ значеніе Луи Бонапарта и указать на него инсургентамъ, какъ на предводителя, взяла верхъ: рѣшили соблюсти тайну относительно этого дѣла. И зачѣмъ только эта тайна не была раскрыта во-время? Ознакомленіе съ подобнымъ фактомъ бросило бы столь яркій свѣтъ на происки, закончившіеся декабрьскимъ переворотомъ!

Но что стало съ письмомъ, адресованнымъ генералу Рапателю? Оно было включено въ документы, собранные оффиціальнымъ слѣдствіемъ объ іюньскихъ событіяхъ. Было ли оно тамъ оставлено? Какъ бы то ни было, люди, читавшіе его, живы и по сіе время, за исключеніемъ генераловъ Каваньяка, Ламорисьера, Рапателя и полковника Шарраса; а такъ какъ они люди честные, свидѣтельство которыхъ есть лучшій изъ документовъ, то разсказанный мною

фактъ можно считать достояніемъ исторіи. Г. Бастидъ и г. Гетцель, бывшій тогда главнымъ секретаремъ исполнительной власти, принадлежатъ къ числу лицъ, видѣвшихъ это письмо. Ни одно изъ этихъ лицъ не опровергнетъ меня. Живя не во Франціи, я долго ничего не зналъ объ этомъ замѣчательномъ эпизодѣ; но теперь я имѣю основаніе обратить на него общественное вниманіе, и я знаю, что онъ нѣсколько разъ служилъ темой бесѣдъ генерала Каваньяка съ лицами, которыя могутъ это засвидѣтельствовать, напр. съ генераломъ Бедо.

Значитъ ли это, что іюньское возстаніе было возстаніемъ бонапартистскимъ? Избави меня, Боже, отъ такого убѣжденія, которое явилось бы самой черной и самой нелѣпой изъ клеветъ, направленныхъ на инсургентовъ! Нѣтъ и нѣтъ!

Истинная правда,—это и служитъ къ осужденію враговъ соціализма,—что единственнымъ знаменемъ іюньскихъ бойцовъ было знамя соціалистическое; истинная правда, — что болѣзнь разразилась смертнымъ кризисомъ вслѣдствіе безумнаго азарта, съ которымъ контръ-революціонеры стали отвергать цѣлебныя средства; истинная правда, что лозунгомъ возстанія были слова: хлѣба или свинца,— но не слова: *Да здравствуетъ тотъ или иной претендентъ*! Истинная правда, что бонапартисты или легитимисты, прокравшіеся было сначала за баррикады, либо не остались тамъ, либо смогли тамъ остаться, лишь скрывая свою цѣль: мы не только не отрицаемъ всего этого, но изъ всего этого составляемъ нашъ обвинительный актъ противъ тѣхъ, кто предпочелъ предоставить рѣшеніе задачи *свинцу* вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ реформамъ, которыя могли доставить *хлѣбъ*. Но все же, въ Сенмарсельскомъ, Сенжакскомъ, въ Монмартрскомъ, въ Бельвильскомъ предмѣстьяхъ среди сражавшихся встрѣчались бонапартисты; больше всего ихъ было въ Жантильи (gentilly), въ Deux—Moulins, у Фонтенблосской заставы, словомъ, въ мѣстности, гдѣ разыгралась драма убіенія генерала Бреа.

Однимъ изъ главныхъ обвиняемыхъ и наиболѣе сурово наказанныхъ въ этомъ дѣлѣ о генералѣ Бреа, былъ нѣкій дорожный

надсмотрщикъ, по имени Люкъ. Вотъ что разсказываетъ о немъ въ своемъ показанiи свидѣтель Пьеръ Менанъ, капралъ гвардiи мобилей:

„Я пошелъ на квартиру Люка; я нашелъ тамъ ружье и штыкъ; его самого я не засталъ, но нашелъ у него письмо, адресованое имъ Наполеону, находившемуся въ Отейлѣ (Auteuil)“.

Что касается до причинъ, побудившихъ въ iюнѣ мѣсяцѣ провинцiю двинуться на Парижъ, то онѣ требуютъ особаго разъясненiя.

Въ iюнѣ 1848-го года новыя идеи еще не сдѣлали въ департаментахъ тѣхъ успѣховъ, которые мы могли тамъ констатировать впослѣдствiи. Роялисты, изгнанные изъ Парижа своимъ собственнымъ страхомъ, рады были мстить за свое посрамленiе, пороча революцiю и ея виновниковъ. Депеши и прокламацiи, въ которыхъ iюньское правительство выставляло Францiю обреченной пожарамъ, грабежамъ, явились нежданнымъ подтвержденiемъ реакцiонныхъ клеветъ. Повсемѣстно первымъ движенiемъ было взяться за оружiе и пойти на *разбойниковъ*,—и тысячи волонтеровъ двинулись въ походъ. Ихъ послали въ боевой огонь, не давъ имъ времени опомниться, мало того, увѣривъ ихъ, что республика въ опасности, что нужно спѣшить къ ней на помощь. И, дѣйствительно, тысячи республиканцевъ единственно съ этой цѣлью сбѣжались въ Парижъ, гдѣ реакцiя коварно выдала ихъ присутствiе за торжественный протестъ провинцiи противъ столицы и соцiализма.

Но обманутые вскорѣ спросили себя: кто были эти враги, которыхъ только что передъ тѣмъ безжалостно травили, разстрѣливали пулями и картечью. Разсмотрѣли дымящiяся развалины, и оказалось, что не было другихъ пожаровъ, кромѣ тѣхъ, которые были зажжены ядрами и гранатами партiи порядка; на каждой покинутой баррикадѣ можно было прочесть этотъ столь краткiй кодексъ возстанiя: *Смерть грабителямъ! смерть ворамъ!* Тщетно нечистоплотные полицейскiе органы повторяли свои гнусныя росказни объ избiенiяхъ, изувѣченiяхъ, отравленiяхъ; въ концѣ концовъ, всѣ узнали, что единственно истиннымъ, единственно доказаннымъ

фактомъ—была варварская расправа съ плѣнными инсургентами въ первый моментъ послѣ побѣды.

Два крупныхъ факта въ іюньскомъ возстаніи послужили неисчерпаемой темой для витійства реакціонной прессы. Эти два факта —смерть архіепископа Парижскаго и смерть генерала Бреа.

Смерть архіепископа Парижскаго—событіе въ высшей степени прискорбное, но она не была результатомъ преступленія. И, если бы отвѣтственность за это несчастіе должна была,—отъ чего, Боже, упаси,—пасть на какую нибудь партію, то этой партіей, была бы не партія возстанія, но та, которая именовала себя партіей порядка. Прочтите слѣдующее заявленіе очевидца:

„Я, нижеподписавшійся, главный викарій архіепископа Парижскаго, имѣвшій честь сопровождать его въ предпринятой имъ миссіи мира и милосердія, свидѣтельствую, что, насколько возможно было объ этомъ судить среди такого смятенія, онъ былъ убитъ не защитниками баррикадъ“.

Слѣдуетъ подпись: Жакмэ, генеральный викарій—

26-го іюня 1848 года.

Этотъ рѣшающій документъ, написанный и подписанный рукой свидѣтеля, долго хранился у меня.

Какую роль играла политика въ убійствѣ генерала Бреа?

Читатель уже знаетъ, съ кѣмъ велъ переписку Люкъ, осужденный потомъ по этому дѣлу; а въ предъидущей главѣ мы видѣли, что самымъ дѣятельнымъ и вліятельнымъ изъ бонапартистскихъ вербовщиковъ былъ Ларъ (Lahr). Въ числѣ прочихъ доказательствъ того, что народъ можетъ многаго ждать отъ воцаренія Луи Бонапарта, Ларъ любилъ расказывать, что, въ бытность свою солдатомъ въ артиллерійскомъ полку, стоявшемъ въ Гамской крѣпости, онъ получилъ однажды для покупки трубокъ и табаку двадцатифранковую золотую монету, сдача съ которой была ему великодушно предоставлена „племянникомъ императора“. Во время своего пребыванія въ крѣпостяхъ, нѣкоторыя изъ лицъ, обвинявшихся въ убійствѣ генерала Бреа, обратили на себя вниманіе посторонныхъ экзальтированностью своихъ бонапартистскихъ мнѣній.

Къ тому же въ округѣ Двухъ Мельницъ (des Deux-Moulins) эти мнѣнія господствовали, что и обнаруживалось всякій разъ на выборахъ. Такъ что если бы непремѣнно нужно было дѣлать изъ умерщвленія генерала Бреа преступленіе цѣлой партіи—(что до меня касается, то я постыдился—бы снизойти до такой несправедливости), то у соціалистической-ли партіи слѣдовало бы требовать отчета въ этой крови?

Указавъ послѣдствія, остановимся на причинахъ, ибо преимущественно въ нихъ нужно искать уроковъ, заслуживающихъ размышленія.

Безсмертный памятникъ недобросовѣстности и низменной ярости, докладъ г-на Бошара былъ представленъ, когда торжествующая реакція требовала искупительныхъ жертвъ. Сочли нужнымъ все исказить: факты, слова, рѣчи; прибѣгли къ помощи тѣхъ грязныхъ агентовъ, которыхъ полиція держитъ про запасъ къ услугамъ всякаго лживаго измышленія: такимъ то образомъ былъ выдуманъ *іюньскій* заговоръ. Послушать-ка этихъ агентовъ, такъ не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что съ первыхъ дней марта образовался обширный комплотъ, въ которомъ приняло участіе большинство людей крайней партіи, комплотъ, исходная точка и заправилы котораго находились въ Люксембургской комиссіи, который пустилъ корни въ Національныхъ мастерскихъ и приготовилъ возстаніе.

Почему же, когда настало время военныхъ судовъ, не постарались выяснить причины этого громаднаго возмущенія? Не потому ли, что до 25-го августа клевета успѣла уже принести всѣ плоды, которыхъ отъ нея ждали? Не побоялись ли, чтобы это разслѣдованіе не освѣтило кровавымъ заревомъ физіономіи нѣкоторыхъ людей? Почему не приняли во вниманіе существованіе связи между различными процессами? Почему такъ старательно ограничили судебныя пренія областью матеріальныхъ фактовъ возстанія? Почему были усланы *безъ суда* на понтоны всѣ тѣ, чье присутствіе на судѣ могло бы содѣйствовать выясненію вопроса о заговорѣ и о нравственномъ соучастіи? Почему упорно отказывали въ судьяхъ Лагарду, Дефлоту, Терсону, многимъ обвиненнымъ журналистамъ?

Почему г. Пюжоль, котораго такъ выдвинула первая манифестація національныхъ мастерскихъ, былъ сосланъ на понтоны послѣ совершенно незначительныхъ судебныхъ преній?

Я объяснилъ выше, что, если сопротивленіе, хотя и локализированное, имѣло до извѣстной степени связный характеръ, то это произошло вслѣдствіе военной организаціи, данной національнымъ мастерскимъ г-номъ Мари. Но такъ какъ во что бы то ни стало нужно было взвалить на соціализмъ отвѣтственность за *заговоръ*, то что же сдѣлали? Съ шумомъ обнародовали планъ, выработанный инсургентами, расположеніе ихъ различныхъ запасныхъ отрядовъ, стратегическія мѣры генеральнаго штаба, порядокъ атаки, порядокъ обороны; и въ подтвержденіе предположенія, привели на военный судъ, какъ одного изъ *организаторовъ сраженія*, кого? Доктора Лакамбра, сидѣвшаго съ мая мѣсяца въ тюрьмѣ Консьержери! [1])

Нѣтъ и нѣтъ: іюньское возстаніе не было заранѣе подготовлено. Это былъ внезапный, электрическій, непреодолимый взрывъ народнаго отчаянія. Обвинять соціализмъ въ катастрофахъ, порожденныхъ безумной яростью его противниковъ, значитъ совершать

[1]) Это заставляетъ меня вспомнить, что лордъ Норменби изображаетъ г-на Барбеса, содержавшагося тогда въ заключеніи въ Венсенскомъ замкѣ, присоединяющимся къ іюньскимъ инсургентамъ! Правда, что текстъ гласитъ нѣсколько иначе: тамъ сказано только: „Цвѣта 12-го легіона (Барбесъ) появились на вершинѣ баррикады", и т. д... Т. I, стр. 46; но *index* (алфавитный указатель) выражается гораздо опредѣленнѣе *Barbès joins the insurgents*!

Вообще, этотъ *index* книги лорда Норменби замѣчателенъ тѣмъ, что постоянно утверждаетъ, какъ установленный фактъ, то, что въ текстѣ высказано лишь въ видѣ догадки или робкаго намека. Такъ, напримѣръ по поводу 16-го апрѣля въ текстѣ сказано: „Изъ тайныхъ свѣдѣній, доставленныхъ г-ну Ламартину его частными агентами, слѣдовало, что существовала тайная организація, имѣвшая цѣлью низложеніе Временнаго правительства въ Городской ратушѣ и назначеніе Комитета общественнаго спасенія, составленнаго изъ г.г. Араго, Ледрю-Роллена, Флокона, Альбера и Луи Блана". Въ индексѣ же онъ говоритъ о каждомъ изъ этихъ лицъ: *Joins the conspiracy to overthrow the government* (присоединяется къ заговору, имѣющему цѣлью низверженіе правительства). И неужели нельзя было въ этомъ пересмотрѣ текста пощадить хоть г-на Араго?

ужаснѣйшую изъ несправедливостей; а отрицать, что эти катастрофы можно было предотвратить послѣдовательнымъ введеніемъ реформъ, указанныхъ соціализмомъ, значить отрицать очевидность. Генералъ Дювивье, смертельно раненый въ бою съ инсургентами, былъ, тѣмъ не менѣе, такъ глубоко тронутъ бѣдствіями, заставившими ихъ взяться за оружіе, что объ этомъ только и думалъ въ послѣднія минуты своей жизни. На смертномъ одрѣ онъ сказалъ: „этихъ несчастныхъ рабочихъ необходимо сдерживать; но нужно сдѣлать что-нибудь для нихъ; нужно дать имъ работу; отечество должно подать имъ руку помощи“. А вы, г. де Ламартинъ, когда на засѣданіи 23-го іюня вы заявили, что готовы самолично пойти сражаться съ инсургентами, „что вы самолично пойдете туда, куда зоветъ васъ *слава*!“ вы, вѣроятно, забыли о данномъ вами въ это самое утро начальнику 12-го легіона приказѣ, раздавать народу *съѣстные припасы натурой* [1]), до такой крайности былъ доведенъ этотъ злосчастный народъ! А что долженъ былъ почувствовать г. Араго, когда на улицѣ Суффло, куда онъ явился съ пѣхотой, кавалеріей и пушками, къ нему приблизился съ спокойнымъ, безстрашнымъ и почтительнымъ видомъ одинъ изъ тѣхъ, которые шли умирать, и сказалъ ему: „Г. Араго, вы—хорошій человѣкъ, и мы преисполнены уваженія къ вамъ; но вы никогда не голодали!“

Пусть однако не заключаютъ изъ этого, что іюньское возстаніе было внушено единственно физическими потребностями и направлялось лишь грубыми побужденіями. Кромѣ того, что нѣтъ ничего грубаго въ столь естественномъ и столь законномъ желаніи жить своимъ трудомъ, никогда еще ни одинъ народъ не выказалъ болѣе поразительнымъ образомъ такой способности выносить физическія страданія, служа великому нравственному дѣлу, какъ французскій народъ. Первая революція доказала это; послѣдовавшіе же за февральской революціей три мѣсяца ясно показали, что, въ этомъ отношеніи, дѣти оказались достойными своихъ отцовъ. Майская демонстрація въ пользу Польши, какими бы роковыми ни

---

[1]) Начальникомъ этимъ, былъ г. профессоръ Дюпонъ, разсказавшій мнѣ объ этомъ случаѣ.

были ея послѣдствія, останется безсмертнымъ свидѣтельствомъ о безкорыстіи народныхъ симпатій; само распущеніе національныхъ мастерскихъ не привело бы къ гражданской войнѣ, если бы оно не было одной изъ цѣлаго ряда мѣръ и не вытекало бы изъ цѣлой системы идей, противныхъ принципу справедливости. Рабочій взялся за оружіе не во имя своихъ личныхъ страданій; онъ взялся за оружіе потому, что онъ страдалъ въ лицѣ своего старика-отца, своей жены, своихъ дѣтей, своихъ товарищей. Онъ протестовалъ противъ сохраненія нищеты не потому только, что она терзаетъ тѣло, но потому что она угнетаетъ духъ. Не жалѣя своей крови, онъ заступился за всѣ права человѣка, такъ какъ они всѣ заключаются въ томъ правѣ, за которое онъ сражался, въ *правѣ на жизнь*!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Остракизмъ.

Кто былъ хозяиномъ положенія послѣ іюньскаго возстанія.—Назначеніе парламентской комиссіи, которой поручается произвести разслѣдованіе о майскихъ и іюньскихъ событіяхъ.—Показаніе національнаго гвардейца Ватрена о томъ, что я будто бы находился въ ратушѣ 15-го мая.—Это заявленіе опровергается единогласіемъ противоположныхъ показаній и очевидностью самыхъ фактовъ.—Докладъ г-на Бошара отъ имени слѣдственной комиссіи.—Этотъ докладъ фальсифицируетъ мои люксембургскія рѣчи и вмѣняетъ ихъ мнѣ въ преступленіе.—*Оффиціальный* стенографъ лорда Норменби.—Забывчивость его сіятельства, упрекающаго меня въ ученіи исповѣдывавшемся Маколеемъ.—Большинство собранія мѣшаетъ намъ, т. е. г-ну Коссидьеру и мнѣ, немедленно отразить клеветы доклада.—Лига, составленная противъ насъ главами партій.—Засѣданіе 25-го августа: обсужденіе доклада.—Я защищаюсь.—Поведеніе правой во время произнесенія моей рѣчи.—Защитительная рѣчь г-на Коссидьера.—Внезапно вносится предложеніе о разрѣшеніи судебныхъ преслѣдованій противъ г-на Коссидьера и противъ меня.—Протесты г.г. Флокона и Теодора Бака.—Генеральный прокуроръ и глава исполнительной власти требуютъ принятія немедленнаго рѣшенія.—Собраніе отмѣняетъ свое прежнее рѣшеніе относительно меня.—Великодушное предложеніе г-на д'Арагона.—Отъѣздъ въ Лондонъ.—Эпизодъ на желѣзной дорогѣ.—Учрежденіе исключительнаго суда для майскихъ и іюньскихъ обвиняемыхъ.—Я отказываюсь предстать передъ этотъ судъ.—Письмо въ газеты съ объясненіемъ моего отказа.—Годфруа Каваньякъ; воспоминанія.

Начиная съ іюня мѣсяца, контръ-революція отказалась отъ всякой подпольной дѣятельности и смѣло развернула свое знамя. Подчиненная парламентскому большинству, диктатура генерала Каваньяка была лишь номинальной и продлилась лишь одинъ день: истинными хозяевами положенія были гг. Тьеръ, де Фаллу, де Монталамберъ, Одилонъ Барро, Беррье, однимъ словомъ, роялисты. Отъ республики осталось лишь названіе; и сохраненіе этого назва-

нія было несчастіемъ, потому что республику сдѣлали отвѣтственной за преступленія, совершенныя отъ ея имени, и ея смертельнѣйшими врагами, противъ свободы. Послѣ столь бѣдственныхъ событій, у людей, которые любили бы свое отечество возвышенной любовью, была лишь одна забота: какъ бы залѣчить огромную рану, зіяющую въ его груди. Но совершенно наоборотъ поступили побѣдители, употребившіе всѣ свои жестокія старанія на то, чтобы расширить и растравить рану, изъ которой сочилась еще кровь. Въ Собраніи было нѣсколько лицъ, присутствіе которыхъ досаждало имъ; чтобы раздавить ихъ, предводители реакціонныхъ партій поспѣшили воспользоваться кипѣніемъ страстей, разгулявшихся во время борьбы. Таково было происхожденіе знаменитой слѣдственной комиссіи, которая прежде всего рѣшила отдѣлаться отъ г-на Коссидьера и отъ меня и, съ этой цѣлью, связала іюньское возстаніе съ происшедшимъ 15-го мая вторженіемъ въ Собраніе. Въ томъ, что касалось до меня, затрудненіе было не малое, ибо меня охраняло отъ Собранія прежнее постановленіе этого же самаго Собранія. Какимъ образомъ можно было добиться отъ послѣдняго, чтобы оно обвинило въ томъ дѣяніи, въ которомъ оно уже признало меня невиннымъ? И все таки надѣялись привести Собраніе къ тому, чтобы, подъ вліяніемъ гнѣва и не исчезнувшаго еще страха, оно отмѣнило свое рѣшеніе.

А пока реакціонная пресса продолжала преслѣдовать меня съ безпримѣрнымъ остервенѣніемъ. Эта ярость внушала мнѣ такое презрѣніе, что я отказался отвѣчать пасквилянтамъ-приспѣшникамъ. Но такъ какъ Journal des Débats обнаружилъ умѣренность и чувство достоинства въ своей оппозиціи Временному правительству, то я адресовалъ въ эту газету 17-го іюля 1848 года письмо, противопоставлявшее безсовѣстнымъ нападкамъ тексты, не допускавшіе возраженій.

Слѣдственная коммиссія занялась формальностями процедуры подъ предсѣдательствомъ г-на Одилона Барро. Докладчикомъ былъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ и подобострастныхъ агентовъ, которыхъ побѣдоносная армія всегда можетъ разыскать прикорнувшими въ

ея багажѣ. Въ настоящее время онъ бонапартистъ. Его звали Бошаромъ. Нужно прочесть докладъ этого человѣка, чтобы узнать до чего можетъ дойти посредственность, прислуживающая лжи.

Впутать меня въ іюньское возстаніе было невозможно, а между тѣмъ я съ удивленіемъ спрашиваю себя, почему не попытались сдѣлать это. Съ другой стороны, нельзя было обвинить меня въ въ дѣлѣ 15-го мая, не уничтожая формальнаго рѣшенія Собранія. И вотъ придумали слѣдующее: былъ въ Парижѣ нѣкій Ватренъ, который, разсказывая о мнимыхъ услугахъ оказанныхъ имъ дѣлу порядка 15-го мая, договорился до утвержденія, будто онъ видѣлъ меня въ этотъ день въ Ратушѣ.

Бахвальство этого лжеца явилось драгоцѣнной находкой для слѣдственной коммиссіи. Какова же была цѣна показанію этого несчастнаго, объ этомъ можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ Буржскаго процесса:

Гражданинъ Ватренъ. — Въ день 15-го мая я дежурилъ со 2-мъ батальономъ 6-го легіона, которымъ командовалъ Лескувэ. Я пробрался въ ратушу вскорѣ послѣ того момента, когда крамольники бросали прокламаціи изъ оконъ; можетъ быть, въ то время они продолжали еще это дѣлать. Въ общей суматохѣ я не зналъ, гдѣ находится батальонъ; но хорошенько замѣтивъ окна, изъ которыхъ выбрасывались прокламаціи, я быстро взобрался наверхъ по лѣстницѣ, чтобы достигнуть комнаты, гдѣ находились люди, занимавшіеся этимъ дѣломъ. Въ послѣднюю минуту я очутился одинъ, такъ какъ члены національной гвардіи, взошедшіе со мной на верхній этажъ, пошли по другому направленію. Я отворилъ дверь, которая оказалась какъ разъ той, за которой толпилось нѣкоторое число лицъ, изъ которыхъ одни писали, другіе стояли у оконъ; замѣтивъ, что за мною никто не слѣдуетъ, я ограничился тѣмъ, что крикнулъ въ пріотворенную дверь: „Да здравствуетъ Національное Собраніе!“ Затѣмъ, сейчасъ-же захлопнувъ эту дверь, я спустился внизъ за подкрѣпленіемъ. За короткій промежутокъ времени, когда я разсматривалъ присутствовавшихъ въ этой залѣ, я узналъ, *или по*

крайней мѣрѣ мнѣ показалось, что я узналъ одного только Луи Блана...

Альберъ, вставая. — Клянусь честью въ томъ, что Луи Бланъ не проникалъ въ ратушу 15-го мая.

Гражданинъ Ватренъ—Онъ былъ въ числѣ сидѣвшихъ. Это была единственная фигура, немного поразившая меня и въ которую я поэтому вперилъ на мгновеніе свои глаза (sic).

„В.—Знали-ли вы Луи Блана до 15-го мая?

О.—*Я не зналъ его въ лицо, но видѣлъ его однажды на довольно большомъ разстояніи.*

„В.—Вполнѣ ли вы увѣрены въ томъ, что видѣли Луи Блана въ Ратушѣ?

„О.—*Мнѣ кажется, что я видѣлъ его.*

„В.—Какъ вы вошли въ залъ?

„О.—Я не то чтобы вошелъ, но я держалъ дверь пріотворенной.

„*Гражданинъ Барбесъ.* —Но свидѣтель не могъ дойти до двери; ее охраняло два человѣка; насъ сейчасъ-же предупредили о его появленіи. Наконецъ, комната, гдѣ мы находились, состояла изъ двухъ отдѣленій, и онъ не могъ насъ замѣтить...

„*Свидѣтель.*—Послѣ моего показанія много, но безуспѣшно старались заставить меня измѣнить его. Правда, что ко мнѣ приходило лицо, сказавшее, что тамъ былъ чиновникъ сильно походившій на Луи Блана. (сенсація). *Я могъ ошибиться, такъ какъ не явственно различалъ!*“

По-истинѣ, мнѣ стыдно за свою страну, при мысли, что такого рода показаніе отправило меня въ изгнаніе, длящееся вотъ уже двадцать лѣтъ! Правда, что это было преступленіе выставлявшееся только на видъ: настоящимъ же моимъ преступленіемъ, въ глазахъ моихъ преслѣдователей, было то, что я служилъ дѣлу отверженцевъ міра сего. Съ этой точки зрѣнія, моя виновность не подлежитъ сомнѣнію и такъ какъ я желаю оставаться виновнымъ, то назначенное мнѣ еще слишкомъ мягко!

Сказать ли, что показаніе этого человѣка, который *не зналъ*

меня въ лицо, который *одинъ разъ видѣлъ меня на довольно далекомъ разстояніи*, которому *казалось, что онъ узналъ меня* за полуоткрывшейся и сейчасъ же снова закрывшейся дверью, который *не явственно различалъ* и *могъ ошибаться*, было единственнымъ, абсолютно единственнымъ предлогомъ для обвиненія, который слѣдственная коммиссія смогла выискать, какъ оружіе противъ меня! Сказать-ли, что тысячи свидѣтелей всевозможныхъ общественныхъ положеній и взглядовъ, и тѣ, которые вторглись въ ратушу, и тѣ, которые должны были ее защищать, и тѣ, которые отвоевали ее обратно, всѣ, одинъ за другимъ, явились заявить, что они меня тамъ не видали, и что имъ невозможно было не увидѣть меня, если-бы я тамъ былъ [1])?

Напомнить-ли о заявленіи, сдѣланномъ съ трибуны г-номъ Маррастомъ, моимъ тогдашнимъ врагомъ? Привести-ли показаніе г-на де Ламартина передъ высшей палатой и показаніе г-на Банона, младшаго коменданта ратуши въ день 15-го мая [2])? Все было тщетно: что могло значить въ сравненіи съ утвержденіемъ... виноватъ! съ подозрѣніемъ г-на Ватрена единогласіе безчисленныхъ свидѣтельствъ, противорѣчившихъ ему?

Два письма заслуживаютъ быть помѣщенными здѣсь. Ихъ написали люди, благородныя сердца которыхъ такъ глубоко возмутились этой крайней несправедливостью, что они не поколебались рискнуть своей личной безопасностью для того, чтобы отдать должное истинѣ.

„Версаль, 11-го августа 1848-го года.

„Гражданинъ представитель народа, я считаю полезнымъ увѣдомить васъ, что я сегодня-же написалъ предсѣдателю слѣдственной коммиссіи и гражданину Жермэну Саррю, имя котораго я прочелъ вчера въ Courrier francais во главѣ списка членовъ коммиссіи перекрестнаго слѣдствія о майскихъ и іюньскихъ событіяхъ, чтобы

---

[1]) Все это содержится въ Буржскомъ процессѣ, документѣ крайне интересномъ и поучительномъ для историка.

[2]) Эти показанія приведены цѣликомъ въ подробномъ отчетѣ о Буржскомъ процессѣ, напечатанномъ газетой *Le Peuple*, въ мартѣ 1848 года.

увѣдомить ихъ, что, бывъ 15-го мая въ ратушѣ, я могу клятвенно засвидѣтельствовать, что васъ не было въ залѣ, о которой говоритъ гражданинъ Ватренъ въ своемъ показаніи. Докладъ коммиссіи привелъ меня въ такое негодованіе, что я, не оглядываясь назадъ, какъ велитъ евангеліе, сейчасъ-же рѣшился объявить истину. Привѣтъ и братство.

Тюмери,

Улица de la Paroisse 44".

„Гражданинъ Луи Бланъ!

Хотя положеніе, въ которомъ я нахожусь, какъ обвиняемый въ іюньскомъ дѣлѣ на основаніи ложнаго доноса, требуетъ отъ меня величайшей сдержанности и величайшей осмотрительности, совѣсть не позволяетъ мнѣ далѣе утаивать истину. Мой долгъ передъ моей страной—обнаружить эту истину, чтобы посрамить тѣхъ, которые хотятъ путемъ клятвопреступленія поразить человѣка въ томъ, что у него есть самаго священнаго, въ его чести, и безнаказанно издѣваться надъ индивидуальной свободой. Я готовъ, слѣдовательно, изобличить вашего презрѣннаго клеветника, рѣшившись претерпѣть всѣ послѣдствія, которыя мое заявленіе сможетъ навлечь на мою голову, въ моемъ настоящемъ положеніи.

„Привѣтъ и братство.

„Пеллотье де Лоржъ, *политическій заключенный.*

„Роменвальская крѣпость, 23-го августа 1848-го года [1])".

Привести противъ меня *факты* было нелегко; какъ видите: постарались обвинить меня въ словахъ; и то, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи г-номъ Одилономъ Барро, г-номъ Бошаромъ и ихъ союзниками, превосходитъ всякое вѣроятіе.

Свои люксембургскія рѣчи я произнесъ въ качествѣ члена Временнаго правительства; онѣ всѣ были цѣликомъ и дословно воспроизведены въ *Moniteur'ѣ*; Собраніе знало ихъ, когда вотировало знаменитый декретъ: „Временное правительство заслужило благодарность отечества". Съ трудомъ вѣрится, что черезъ

---

[1]) См. эти два письма въ отчетѣ о засѣданіи 25-го августа 1848 года, напечатанномъ въ „Moniteur'ѣ".

*

шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ былъ принятъ этотъ декретъ, тѣ, которые его вотировали, поставили мнѣ въ вину даже не общее содержаніе моихъ рѣчей, а семь или восемь фразъ, выхваченныхъ изъ разныхъ мѣстъ, фразъ, которыя они исказили, такъ какъ не могли прямо объявить ихъ преступными.

Такимъ образомъ, мнѣ заднимъ числомъ отказывали въ свободѣ слова люди, свободу которыхъ я, съ опасностью собственной жизни, охранялъ, будучи членомъ Временнаго правительства! И вмѣненныя мнѣ въ преступленіе немногія слова, сорвавшіяся съ моихъ устъ въ эпоху всеобщей горячки, среди бури умовъ, подъ властью необычайныхъ обстоятельствъ, въ пылу импровизаціи, эти немногія слова, несмотря на то, что они были напечатаны въ *Moniteur'ѣ*, даже не были вѣрно и честно переданы моими обвинителями!

Я желалъ бы, ради чести человѣческаго рода, имѣть возможность не касаться этой прискорбной темы; но приходится сдѣлать это, такъ какъ она доставила многимъ людямъ и еще недавно лорду Норменби случай оклеветать, въ моемъ лицѣ, дѣло и партію, которымъ я служу.

Лордъ Норменби, со словъ г-на Бошара, приводитъ восемь параграфовъ, которые опредѣляетъ такъ: „Извлеченія изъ *неопубликованныхъ* рѣчей Луи Блана къ люксембургскимъ делегатамъ, заимствованныя у оффиціальнаго стенографа, записавшаго ихъ въ свое время“ [1]).

Лордъ Норменби не называетъ стенографа, котораго именуетъ *оффиціальнымъ,* именно тогда, когда рѣчь идетъ о доставленномъ этимъ стенографомъ *неоффиціальномъ* свѣдѣніи. И Его Сіятельство не соблаговолилъ даже изложить соображенія, на которыхъ онъ основываетъ непогрѣшимость этого таинственнаго поставщика свѣдѣній, съ которымъ меня никогда не сводили на очную ставку. Но оставимъ это.

Изъ восьми приведенныхъ параграфовъ шесть извлечены, съ

---

¹) A Year of Revolution in Paris, т. II, стр. 145.

систематическимъ искаженіемъ смысла и выраженій, изъ рѣчей, цѣликомъ напечатанныхъ въ *Moniteur'ѣ*, а два просто на просто выдуманы.

Если бы лордъ Норменби далъ себѣ хоть немного труда для того, чтобы добросовѣстно выполнить поставленную имъ себѣ задачу, то ему достаточно было бы заглянуть въ „Moniteur", чтобы убѣдиться въ томъ, что отрывки, выдаваемые имъ за *ненапечатанные*, взяты — за исключеніемъ измѣненій, которыя найдено было нужнымъ въ нихъ сдѣлать, какъ путемъ сокращеній, такъ и путемъ добавленій,—изъ моихъ рѣчей, полностью напечатанныхъ въ „Moniteur'ѣ".

Всякій можетъ прочесть въ этой газетѣ слѣдующую фразу, напримѣръ:

„Вопреки всѣмъ препятствіямъ равенство восторжествуетъ, не то узкое и безплодное равенство, которое заключается въ пониженіи общаго уровня, но то равенство, которое состоитъ, напротивъ, въ погрессирующемъ и безпредѣльномъ повышеніи этого уровня, ибо, какъ прекрасно сказалъ св. Мартинъ, всѣ люди равны, значитъ, всѣ люди—цари".

Невозможно было ошибиться относительно смысла этихъ словъ: они означали, что истинный прогрессъ долженъ былъ привести не къ тому, чтобы стоящіе наверху спустились внизъ, а къ тому, чтобы стоящіе внизу взошли наверхъ. Въ другой формѣ это была та самая мысль, которую однажды высказалъ въ моемъ присутствіи Беранже въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Равенство должно состоять не въ томъ, чтобы укоротить сюртуки, а въ томъ, чтобы надставить куртки".

Любопытно видѣть, какъ, посредствомъ грубой и неизмѣнной хитрости, заключавшейся въ измѣненіи нѣкоторыхъ словъ и пропускѣ нѣкоторыхъ другихъ, эта мысль, высказанная для того, чтобы предостеречь тѣхъ, къ кому я обращался, отъ всякаго узкаго чувства зависти, превратилась, сначала въ докладѣ г-на Бошара, затѣмъ въ книгѣ лорда Норменби, въ химерическое и безумное обѣщаніе: „Знайте, друзья мои, что вы будете не только могу-

щественны, не только богаты, но будете и царями; ибо всѣ люди равны, всѣ люди цари" [1]).

Вотъ, во всемъ его блескѣ, искусство Лобардемоновъ: „Дайте мнѣ одну лишь строчку какого-нибудь человѣка, и я добьюсь его повѣшенія".

Нужно, кромѣ того, замѣтить, что если бы я дѣйствительно сказалъ, что каждое живое существо, безъ исключенія, сдѣлается впослѣдствіи царемъ надъ всѣми другими живыми существами и будетъ сидѣть на тронѣ съ короной на головѣ и скипетромъ въ рукѣ, было бы жестокостью подвергать меня судебной карѣ за это; справедливость потребовала бы, чтобы мнѣ обезпечили убѣжище въ домѣ умалишенныхъ и послали туда же вмѣстѣ со мной мою аудиторію, за то, что она повѣрила и рукоплескала мнѣ.

Вслѣдъ за г-номъ Бошаромъ лордъ Норменби ставитъ мнѣ въ улику, какъ преступленіе, котораго мнѣ никогда не удастся изгладить изъ моей памяти, слѣдующую фразу изъ одной изъ моихъ рѣчей:

„Умѣренность, ограниченная рѣшимостью быть бдительными; любовь къ порядку, ограниченная волей оставаться братьями, и, въ случаѣ надобности, приспособленная и ясно сознанная необходимость обратиться въ воиновъ" [2]).

Лордъ Норменби съ торжествомъ подчеркиваетъ послѣднія слова, и я откровенно признаюсь, что въ этомъ случаѣ онъ не совсѣмъ неправъ: весьма возможно, что, произнося ихъ, я ихъ мысленно подчеркнулъ. Вѣдь слова эти были сказаны на слѣдующій день послѣ событія, порожденнаго именно этой „необходимостью сдѣлаться воинами"; въ то время всѣ, начиная съ представителей университета и кончая представителями церкви, начиная отъ г-на Жерюзеза вплоть до архіепископа Парижскаго, поздравляли народъ съ тѣмъ, что онъ ясно сознáлъ эту необходимость; исключенія не составляла и газета „Univers", писавшая: „Революція 1848-го года есть извѣщеніе,

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, т. II, стр. 146.

[2]) Ibid.

посланное намъ Божественнымъ Промысломъ“. 29-го апрѣля 1848-го года мнѣ было весьма извинительно думать и говорить то, чего никто тогда не рѣшался не только отрицать, но даже подвергать сомнѣнію: т. е. то, что бываютъ революціи необходимыя; что, когда угрожаютъ свободѣ, долгъ каждаго честнаго гражданина состоитъ въ томъ, чтобы защищать ее, и что народъ, не охраняющій своихъ правъ съ ревнивой бдительностью, тѣмъ самымъ поощряетъ будущихъ тирановъ въ ихъ попыткахъ отнять эти права у него. Я разсуждалъ совершенно такъ, какъ Маколей, который, указавъ на нелѣпость и безнравственность пассивнаго повиновенія и непротивленія установленнымъ властямъ, въ слѣдующихъ словахъ резюмируетъ доктрину виговъ временъ Вильгельма III-го: „.....It followed that, to entitle a government to the allegiance of subjects, something was very different from were legitimacy, and different also from mere possession. What that something was the whits had no difficulty in pronouncing, In their view, the end for which all governments had been instituted was the happines of society“ [1]).

И г. Маколей нисколько не скрываетъ того, что онъ раздѣляетъ это ученіе, слѣдуя которому, народы не обязаны хранить долгъ вѣрности правительству, не исполняющему своихъ обязанностей, хотя бы это правительство опиралось на принципъ законнаго престолонаслѣдія или ссылалось на фактическое обладаніе властью; а между тѣмъ не только знаменитому историку не было вмѣнено въ вину напечатаніе книги, въ которой онъ провозглашаетъ это ученіе, но онъ былъ сдѣланъ пэромъ Англіи. Неужели лордъ Норменби не знаетъ этого?

И хоть бы, по крайней мѣрѣ, фраза, за которую лордъ Нор-

---

[1]) The History of England, т. III, стр. 449, т. е. „отсюда слѣдовало, что право требовать повиновенія со стороны подданныхъ правительство черпало въ чемъ то совершенно отличномъ отъ простаго законнаго престолонаслѣдія, какъ и отъ простаго обладанія фактическою властью. Въ чемъ состояло это *нѣчто*, виги не затруднялись сказать. Съ ихъ точки зрѣнія, цѣль, въ виду которой были установлены всѣ правительства, состояло въ благополучіи общества“.

менби готовъ обречь меня земнымъ и небеснымъ карамъ, была цитирована вмѣстѣ съ тѣмъ, что ей предшествуетъ, и тѣмъ, что за ней слѣдуетъ въ моей рѣчи. Но въ томъ-то и штука, что меня нельзя было бы осудить, если бы цитата было точною и если бы, съ незнакомой честнымъ людямъ ловкостью, не было выпущено слѣдующее дополняющее ее мѣсто: „я проникнутъ полной, незыблемой вѣрой въ побѣду идеи, разума, справедливости. Пусть только всѣ умы развиваются подъ вліяніемъ свободы прессы, свободы трибуны, свободы промышленности [1]), и революція восторжествуетъ, я увѣренъ въ этомъ".

Напрасно лордъ Норменби сталъ бы прятаться за спину г-на Бошара: я считаю его лично отвѣтственнымъ за это искаженіе моихъ словъ, такъ какъ я имѣлъ уже раньше случай разоблачить и заклеймить въ рѣчи, произнесенной передъ національнымъ собраніемъ въ присутствіи лорда Норменби [2]), эти недобросовѣстные пріемы. Поэтому справедливость и честь требовали отъ него, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, сообщилъ читателю мой отвѣтъ, съ тѣмъ чтобы показать затѣмъ, если это было возможно, неудовлетворительность этого отвѣта.

Что же касается до взведеннаго на меня обвиненія въ томъ, что я билъ въ набатъ противъ избранниковъ всеобщей подачи голосовъ, что я обстрѣливалъ невѣсть какими бѣшенными эпитетами современный соціальный строй и что я внушалъ народу мысль, будто достаточно одного мановенія моего волшебнаго жезла, чтобы не было болѣе ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, то все это неумѣлыя измышленія, до смѣшного далекія отъ правды; и пусть же мои обвинители найдутъ что нибудь подобное въ какомъ-нибудь изъ моихъ сочиненій! Что я сказалъ,—и въ чемъ я, послѣ многихъ дру-

---

[1]) Я конечно не забылъ объяснить моимъ слушателямъ, что свобода промышленности, въ томъ видѣ, какъ я ее понимаю, не имѣетъ ничего общаго съ той всеобщей и необузданной конкуренціей, которая, въ сущности, есть только освященіе права сильнаго и приводитъ къ порабощенію бѣдняка.

[2]) Онъ самъ въ этомъ признается. См. A Year of Revolution in Paris, т. II, стр. 146.

гихъ лицъ, болѣе авторитетныхъ, чѣмъ я, твердо убѣжденъ, — такъ это то, что современный соціальный порядокъ несправедливъ; что считать бѣдность зломъ, которое постепенно должно и можетъ исчезнуть, значитъ понимать духъ прогресса; что слова „успѣхи цивилизаціи", въ ихъ истинномъ значеніи, выражаютъ именно это и другого смысла не имѣютъ. Совершенно вѣрно также, что я рано обязался передъ самимъ собою содѣйствовать всѣми силами моего существа достиженію этого результата и что я имѣю гордость думать, что останусь вѣренъ этому обязательству до самой смерти.

Разсказывать ли теперь, какимъ образомъ лорду Норменби удалось прибавить свою каплю яду къ стряпнѣ г-на Бошара и какимъ образомъ, сдѣлавъ, своей личной властью, изъ меня какого то Аттилу собственности, онъ, на этомъ основаніи, обвиняетъ меня... въ чемъ? Послушаемъ-ка его самого.

Всякому извѣстно, что, когда 13-го іюля 1848-го года г. Прудонъ изложилъ съ парламентской трибуны взгляды, отличные отъ моихъ, и сдѣлалъ это въ рѣчи, имѣвшей претензію разгромить вся и всѣхъ, то я вотировалъ противъ этой рѣчи. Между тѣмъ лордъ Норменби восклицаетъ по этому поводу:

„По-истинѣ, гражданинъ Прудонъ могъ сказать: „Такъ то вы поддерживаете своихъ друзей?" Съ перемѣной времени года перемѣнился и Луи Бланъ. Августѣйшій Луи Бланъ былъ ужъ не тотъ, что февральскій!.. Вслѣдствіе ли запоздалаго раскаянія это произошло, или вслѣдствіе боязни разоблаченій, которыхъ ждали отъ нѣкоего приготовлявшагося доклада"?...

О счастіе! У меня какъ-разъ имѣется подъ рукой документъ, который позволитъ мнѣ отвѣтить Его Сіятельству и вполнѣ удовлетворить его любопытство. Причины моей оппозиціи г-ну Прудону повѣдаетъ ему самъ г. Прудонъ.

„*Вотумъ Луи Блана былъ самымъ добросовѣстнымъ изъ вотумовъ всего собранія.* Между нами цѣлая бездна... Соціализмъ такъ, какъ я его понимаю, діаметрально противоположенъ соціализму Луи Блана. Эта противоположность фатальна и я настаиваю на

ней не ради удовольствія перечить главѣ школы, но потому, что это необходимо для воспитанія народа [1])“.

Что думать послѣ этого о лордѣ Норменби? Какъ? онъ прожилъ столько времени въ Парижѣ, не зная, насколько взгляды г-на Прудона отличаются отъ моихъ! Не въ высшей ли степени смѣшно обвинять меня въ отступничествѣ по отношенію къ человѣку, который всегда былъ и никогда не переставалъ быть моимъ противникомъ? И какъ назвать образъ дѣйствій, состоящій въ томъ, чтобы подкрѣплять клеветническую инсинуацію жалкимъ промахомъ [2])?

Три народныхъ представителя были оффиціальнымъ и постыднымъ образомъ оклеветаны въ докладѣ г-на Бошара: гг. Ледрю—Ролленъ, Коссидьеръ и я. Первому разрѣшено было защищаться въ самый день нападенія; у меня и у Коссидьера поспѣшили отнять это право, подъ тѣмъ предлогомъ, что наша защита будетъ

[1]) Confessions d'un Révolutionnaire, стр. 54.

[2]) Лордъ Норменби (т. II, стр. 180) цѣликомъ приводитъ показаніе г-на Трела̀, о которомъ говоритъ, „что оно не было встрѣчено большимъ довѣріемъ“, что не мѣшаетъ ему его перепечатывать. Оно относится къ какому то предложенію, которое я будто бы сдѣлалъ г-ну Эмилю Тома̀, о чемъ послѣдній сообщилъ будто бы г-ну Трела̀. Если г. Эмиль Тома̀ утверждалъ когда либо что нибудь подобное, то это утвержденіе было бы верхомъ безстыдства, такъ какъ я никогда въ жизни *не видалъ* этого человѣка. Но онъ какъ разъ сказалъ послѣднее обо мнѣ самъ, будучи допрошенъ слѣдственной коммиссіей, и прибавилъ: „Заявленіе г-на Трела̀—ложь“.

Я упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ, 25-го августа, въ рѣчи, которую лордъ Норменби слышалъ, такъ какъ она была произнесена въ его присутствіи. Почему же онъ не привелъ моего замѣчанія, столь уничтожающаго для г. Трела̀? Не хотѣлъ ли лордъ Норменби, съ помощью этого очевидно намѣреннаго пропуска, навести своихъ читателей на мысль, что я былъ въ какихъ то сношеніяхъ съ директоромъ Національныхъ мастерскихъ?

Г. Трела̀—тотъ самый человѣкъ, который для того, чтобы впутать меня въ іюньское возстаніе, увѣрялъ, что узналъ звукъ моего голоса въ звукѣ голоса рабочихъ, и мои жесты въ ихъ жестахъ? Мы долго были дружны. Черезъ нѣсколько дней послѣ учрежденія Временнаго правительства, мой братъ пришелъ сказать мнѣ: „Я только что встрѣтилъ Трела̀. Какого врага ты имѣешь въ его лицѣ!“—Ну, вотъ еще, отвѣтилъ я смѣясь, какой же онъ мнѣ врагъ, Трела. „О, да! отвѣтилъ Шарль Бланъ. Я прочелъ это въ тонѣ, которымъ онъ произнесъ эти немногія слова: „Послушайте, Шарль, а вѣдь меня то вашъ братъ *во всемъ этомъ позабылъ*“!

умѣстнѣе послѣ напечатанія документовъ, и насъ заставили ждать, чтобы лживыя измышленія доклада, въ отсутствіи всякаго возраженія, произвели желаемое дѣйствіе на общественное мнѣніе.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней мы были предоставлены змѣиному жалу. Произведеніе грубаго озлобленія и безсильнаго бѣшенства, докладъ, на самомъ дѣлѣ, могъ послужить къ осужденію лишь тѣхъ, кто его составилъ, что и сказали въ одинъ голосъ всѣ честные люди. Но испорченныя уже души жадно восприняли приготовленный для нихъ ядъ. Къ тому же, у текста не оказалось недостатка въ комментаріяхъ. Воспроизведенный, развитый, обогащенный новыми выдумками, напечатанный на столбцахъ различныхъ газетъ въ числѣ пяти или шести сотъ тысячъ экземпляровъ, низкій пасквиль распространилъ по всей Европѣ обвиненія, которыя каждое попутное эхо подхватывало и усиливало. И когда, возмущенные этимъ медленнымъ нравственнымъ убійствомъ, мы требовали права обвинить въ свою очередь нашихъ обвинителей, намъ отвѣчали: „Копіи оправдательныхъ документовъ еще не готовы“, или: „Печатаніе еще не кончено“. А тѣмъ временемъ наши враги съ неутомимымъ усердіемъ трудились надъ *созданіемъ желательнаго для нихъ общественнаго мнѣнія*, держа въ рукахъ докладъ слѣдственной комиссіи.

Несмотря на это, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что побѣда осталась бы за истиной, которую на этотъ разъ поддерживала сама очевидность, если бы въ Собраніи не образовалась направленная противъ насъ лига, происхожденіе и характеръ которой слѣдуетъ съ точностью опредѣлить.

Вотируя обнародованіе доклада, Собраніе рѣшило, вѣроятно по оплошности, что *всѣ* оправдательные документы также будутъ обнародованы. Но когда пришлось привести этотъ вотумъ въ исполненіе, то замѣтили, что это сопряжено съ громадными опасностями.

Не предвидя того, что протоколы слѣдственной комиссіи когда-нибудь увидятъ свѣтъ, важныя особы оговорили одна другую, совершены были ужасныя неделикатности, выданы были роковые

секреты; правительство не стѣснялось, считая себя прикрытымъ анонимностью.

Что же могло отсюда выйти, если бы рѣшились снять со всего этого покровъ? Процессы за диффамацію, дуэли, ссоры на всю жизнь, громадный въ глазахъ публики скандалъ, междуусобица въ Собраніи, вотъ что высидѣли г. Барро и его друзья, занятые своими мелкими личными счетами, вотъ что могло выйти изъ полнаго опубликованія документовъ. Всѣхъ обуялъ испугъ.

Въ числѣ тѣхъ, которые болѣе всего боялись скандала этого рода, былъ генералъ Каваньякъ. Его диктатура, учрежденная въ іюнѣ мѣсяцѣ на обломкахъ Исполнительной комиссіи, дала поводъ къ страннымъ перешептываніямъ въ передней судебной палаты, обратившимся въ обвинительныя показанія передъ Слѣдственной комиссіей. Его изображали допускающимъ, чтобы были воздвигнуты баррикады, чему онъ могъ легко воспрепятствовать, заботящимся о томъ, чтобы сохранить за собой святотатственную честь потопить въ крови возстаніе, которое можно было предотвратить, остающимся глухимъ къ приказамъ Исполнительной комиссіи, выказывающимъ къ вооруженному вмѣшательству національной гвардіи презрѣніе, которое являлось лестью по отношенію къ войскамъ, словомъ, ведущимъ себя такъ, что среди объятаго пламенемъ Парижа низверженіе Исполнительной комиссіи становилось неизбѣжнымъ, а собственная его диктатура необходимой.

Обвиненія эти, отъ которыхъ его впослѣдствіи защитили на знаменитомъ парламентскомъ засѣданіи какъ самая серьезность ихъ, такъ и то, что реакція еще нуждалась въ немъ, исходили отъ свидѣтелей облеченныхъ оффиціальнымъ характеромъ, отъ людей, товарищемъ которыхъ онъ былъ у кормила правленія и какъ членъ Собранія. Поэтому имѣлъ-ли генералъ возможность оправдаться, или нѣтъ,—все равно, его диктаторская роль сильно пострадала бы отъ того, что онъ попалъ бы въ положеніе обвиняемаго. Партія его прекрасно поняла это, и *le National* употребилъ неимовѣрныя усилія, для того чтобы помѣшать полному обнародованію документовъ. Но рѣшеніе Собранія было на лицо, повелительное

и окончательное. Партіи генерала Каваньяка, если только она желала избѣжать роковыхъ преній, оставалось, слѣдовательно, лишь сблизиться съ партіей, представительницей которой являлась Слѣдственная комиссія.

Со своей стороны реакціонеры, производившіе дознаніе, были явнымъ образомъ заинтересованы въ этомъ временномъ сближеніи. Предоставленные собственнымъ силамъ, они не имѣли большинства въ Собраніи и рисковали быть сраженными вотировкой очереднаго порядка, которая перевела бы ихъ изъ категоріи судей въ категорію клеветниковъ. Кромѣ того ихъ тактика заключалась въ томъ, чтобы пользоваться республиканцами National'я противъ соціалистовъ, генераломъ Каваньякомъ противъ Коссидьера и противъ меня, съ тѣмъ, чтобы сломать инструментъ, воспользовавшись имъ и сточивъ его въ работѣ.

Изъ этой общности интересовъ и опасностей и вытекъ тотъ союзный договоръ, заключенный во имя кривды, жертвами котораго сдѣлались Коссидьеръ и я.

Что касается до Ледрю-Роллена, обвиненнаго вмѣстѣ съ нами, то онъ имѣлъ надъ нами то преимущество, что, какъ бывшій членъ Исполнительной комиссіи, принадлежалъ къ числу тѣхъ, въ комъ генералъ Каваньякъ могъ опасаться встрѣтить обвинителей. Поэтому рѣшено было щадить его, чѣмъ и объясняется знаменитое рукопожатіе генерала, происшедшее на глазахъ всего Собранія, когда Ледрю-Ролленъ въ первый разъ былъ призванъ къ отвѣту.

Не скоро будетъ забытъ поступокъ г-на Бароша, который, по совершенно непредвидѣнному наитію какой-то изощренной глупости и низости, осмѣлился распорядиться 25-го апрѣля 1849 г., чтобы имена заочно осужденныхъ по дѣлу 15-го мая были выставлены на столбахъ, которые народъ, въ порывѣ прекраснаго и поэтическаго негодованія, сейчасъ-же поспѣшилъ увить цвѣтами. На слѣдующій день въ газетѣ *La Presse* можно было прочесть слѣдующее:

„Если г. Каваньякъ проходилъ вчера по площади Судебной палаты (place du Palais de Iustice), когда къ находящемуся

тамъ столбу былъ прибитъ приговоръ, присуждающій г-на Луи-Блана къ ссылкѣ, то г. генералъ Каваньякъ долженъ былъ испытать мучительное чувство, ибо пишущій эти строки слышалъ 26-го августа отъ генерала Каваньяка слѣдующія слова: „Что касается до Луи-Блана, то, по моему глубокому убѣжденію, онъ не преступнѣе, чѣмъ я...“ Какъ объяснить, что г. Каваньякъ, исповѣдывавшій въ данный моментъ это убѣжденіе, взошелъ нѣсколько часовъ спустя на трибуну для того, чтобы заговорить въ совершенно другомъ духѣ“?

Немного позднѣе, 15-го іюня 1849-го года, г. Эмиль де Жирарденъ говорилъ въ письмѣ, обращенномъ къ генералу Каваньяку:

„Чтобы пробраться къ Вамъ, приходилось пройти сквозь тучу адъютантовъ и приставовъ. Было пять часовъ. Я приходилъ уже наканунѣ; но наканунѣ вы попросили меня прійти на слѣдующій день, такъ какъ Вы изнемогали подъ бременемъ утомленія, вызваннаго въ Васъ ночью проведенной на скамьѣ Національнаго собранія: въ эту ночь Вы два раза всходили на трибуну для того, чтобы добиться отъ Собранія разрѣшенія возбудить судебное преслѣдованіе противъ двухъ изъ его членовъ: г.г. Коссидьера и Луи-Блана. Я никогда не забуду того, что въ бесѣдѣ о нихъ вы сказали мнѣ: „Луи-Бланъ виновенъ не болѣе, чѣмъ я“. Тѣмъ не менѣе Вы потребовали слова и стали говорить противъ этого человѣка. Съ этой минуты мой умъ и моя совѣсть произнесли надъ вами приговоръ“ [1]).

Что отвѣтилъ генералъ Каваньякъ на это столь отчетливое утвержденіе, на этотъ столь настоятельный запросъ? Онъ отвѣтилъ молчаніемъ.

Ему, между тѣмъ, не безызвѣстно было, что я былъ товарищемъ по оружію, сотрудникомъ и другомъ его брата; что мать его обрѣла во мнѣ чисто сыновнюю привязанность къ ней; что въ минуту своего прощанія съ жизнью, Годфуа Каваньякъ оставилъ мнѣ въ наслѣдіе свои сокровеннѣйшія мысли... Не въ томъ ли здѣсь дѣло,

---

[1]) См. *la Presse*, отъ 15-го іюля 1849 г.

что къ жару встревоженнаго честолюбія присоединился уколъ какой нибудь тайной обиды? Разскажу факты; отъ комментаріевъ воздержусь.

Когда вспыхнула февральская революція, генералъ Каваньякъ давно уже служилъ въ Алжирской области. Я видалъ его поэтому лишь два или три раза, во время его кратковременныхъ посѣщеній Парижа. Но онъ слылъ республиканцемъ, и, кромѣ того я любилъ въ его лицѣ его брата.

Вслѣдствіе этого, я съ жаромъ и отъ всей души присоединился, какъ членъ Временнаго правительства, къ своимъ товарищамъ Флокону и Ледрю-Роллену, предложившимъ пожаловать г-ну Евгенію Каваньяку чинъ генералъ-лейтенанта и дать ходъ его карьерѣ, отнынѣ связанной съ судьбами республики. Нужно было выбрать военнаго министра: принято было предложеніе назначить имъ генерала Каваньяка, которому Временное правительство и написало объ этомъ. Какъ выразить то, что мы ощутили при чтеніи его отвѣта? Это было извѣщеніе объ отказѣ, составленное въ выраженіяхъ, полныхъ плохо скрываемаго высокомѣрія. Онъ какъ будто упрекалъ насъ въ томъ, что мы не отводили арміи достаточно высокаго мѣста въ нашихъ попеченіяхъ и не оказывали ей почтенія; гражданинъ совершенно заслонялся солдатомъ; я помню, что при чтеніи этого письма раздался общій возгласъ изумленія или, вѣрнѣе, негодованія. Что означалъ въ самомъ дѣлѣ этотъ тонъ, который присталъ бы независимому проконсулу? До какихъ предѣловъ могла зарваться продерзость этого выслужившагося вояки по отношенію къ людямъ, съ чьей стороны, въ концѣ концовъ, достаточно было одного лишь кивка, чтобы сломать шпагу въ его рукахъ? Онъ говорилъ объ арміи? Далекіе отъ того, чтобы относиться къ ней съ пренебреженіемъ, мы возвращали ей все героическое величіе ея роли, желая, чтобы она не имѣла другихъ враговъ, кромѣ враговъ Франціи, и стараясь отстранить отъ нея возможность ужасной и святотатственной *уличной* войны. Временное правительство рѣшило выразить генералу Каваньяку свое неудовольствіе въ повелительномъ письмѣ,

составить которое поручило тремъ изъ своихъ членовъ: Франсуа Араго, Арману Маррасту и мнѣ.

Вслѣдствіе чего, на слѣдующій день послѣ того, какъ это рѣшеніе было принято, я отправился въ морское министерство, гдѣ меня ждали г.г. Франсуа Араго и Маррастъ. Я заранѣе приготовилъ проектъ письма, который принесъ съ собой и прочелъ обоимъ товарищамъ. Онъ въ точности передавалъ чувства Совѣта, въ формѣ одновременно сдержанной и горделивой. Этотъ документъ оканчивался, если я не ошибаюсь, слѣдующей фразой, суровость которой генералъ Каваньякъ заслужилъ своей выходкой:

„Можетъ быть, недалекъ моментъ, когда мы будемъ вынуждены *воевать съ Европой: оставайтесь въ Африкѣ, генералъ, правительство удерживаетъ Васъ тамъ, на службѣ у республики*".

Моя редакція понравилась г.г. Франсуа Араго и Маррасту. Но такъ какъ послѣдній нашелъ ее еще недостаточно язвительной, то онъ приписалъ на поляхъ нѣсколько выраженій, имѣвшихъ цѣлью сдѣлать ее болѣе обидной для генерала. Но добавленія г-на Марраста, будущаго Пилада генерала Каваньяка, были отвергнуты Совѣтомъ, который нашелъ ихъ заходящими дальше, чѣмъ это было нужно. Такъ что письмо было отослано въ томъ видѣ, какой я ему придалъ. Подписалъ его г. Араго, въ качествѣ исполняющаго должность военнаго министра.

Передали-ли генералу Каваньяку впослѣдствіи то, что я здѣсь разсказываю? Я молчу, потому что не знаю этого.

Разъ было принято рѣшеніе сразить г-на Коссидьера и меня, то понятно, почему сговорились покончить съ этимъ дѣломъ въ теченіе одного засѣданія, хотя-бы послѣднее должно было продлиться отъ восхода до восхода солнца. Конечно, ничто не могло быть несправедливѣе этого. Вѣдь это значило заранѣе лишить насъ преимуществъ, сопряженныхъ съ возможнымъ поворотомъ въ общественномъ мнѣніи, это значило отказать защитѣ въ одномъ часѣ, въ теченіе котораго она могла бы произвести нравственное воз-

дѣйствіе, между тѣмъ какъ цѣлая недѣля была дана обвиненію, для того чтобы оно произвело свое дѣйствіе на умы.

25-го августа вопросъ былъ, наконецъ, представленъ на разсмотрѣніе Собранія. Я рѣшилъ не защищаться, а нападать. И дѣйствительно, въ какомъ преступленіи мнѣ было оправдываться? Мнѣ приходилось искупить пораженіе своей партіи,—вотъ и все. И теперь я еще болѣе, чѣмъ тогда, убѣжденъ въ томъ, что это было единственно правильное рѣшеніе. Къ несчастію, мои друзья въ Собраніи были введены въ заблужденіе относительно намѣреній части правой стороны: они отказывались вѣрить тому, что Собраніе до такой степени унизится, что возьметъ свое рѣшеніе обратно; они баюкали себя надеждой на то, что въ большинствѣ произойдетъ расколъ. Поэтому они стали меня неотступно умолять не приносить возможности одержать побѣду въ жертву горькому наслажденію, пренебречь врагами. Я уступилъ съ отвращеніемъ, но все таки уступилъ.

Тѣмъ не менѣе такъ какъ, несмотря на ихъ увѣренія, я ясно сознавалъ, что всхожу на трибуну въ послѣдній разъ, то я не захотѣлъ упустить этого случая торжественно воздать должное дѣлу, которому я служу. *Caesar, morituri te salutant!* Поэтому я провозгласилъ высокую нравственную и научную цѣнность соціализма, какъ я его понимаю и въ томъ видѣ какъ я его изложилъ предъ Люксембургской комиссіей. Я сказалъ, что современный соціальный порядокъ не осуществляетъ—ни свободы, ибо она не существуетъ тамъ, гдѣ тысячи человѣкъ обречены на голодную смерть, въ случаѣ если они не продадутъ съ публичнаго торга своего тѣла и своей души, ни равенства, ибо оно заключается для всѣхъ въ равномъ правѣ на развитіе своихъ *неравныхъ* способностей, а право это въ настоящее время отнято у значительной части человѣческаго рода монополизаціей орудій труда;—ни братства, ибо ничѣмъ неограниченная конкурренція основана на томъ же принципѣ, что и поединокъ на ножахъ, и представляетъ собой одну изъ формъ войны. Я сказалъ, что соціализмъ не только не стремится къ уничтоженію собственности, но хочетъ сдѣлать ее

доступной всѣмъ, видя въ ней осуществленіе всеобщаго права: права на жизнь; что онъ не только не враждебенъ семьѣ, но провозглашаетъ ея принципъ прекраснымъ, ставя его въ образецъ всемірному обществу, такъ какъ характерныя черты семьи, это безкорыстное и самоотверженное руководительство со стороны отца, добровольное повиновеніе со стороны дѣтей, и болѣе значительная доля нѣжности по отношенію къ немощному и больному [1]).

Меня упрекали въ слѣдующей фразѣ одной изъ моихъ Люксембургскихъ рѣчей: „Чуть еще не ребенкомъ я далъ себѣ Ганнибалову клятву быть непримиримымъ врагомъ этого соціальнаго порядка, который дѣлаетъ столь несчастнымъ значительное число моихъ братьевъ". Я согласился съ тѣмъ, что эти слова, произнесенныя въ пылу быстрой импровизаціи и подъ давленіемъ событій, не позволявшихъ приготовлять рѣчи, а еще менѣе взвѣшивать заранѣе каждое произносимое слово, дѣйствительно были слишкомъ горячи, если принять во вниманіе мое тогдашнее оффиціальное положеніе; и именно потому, что я самъ это понялъ, я смягчилъ, не измѣняя ни малѣйшимъ образомъ ихъ смысла, ихъ форму въ корректурѣ своей рѣчи, какъ это дѣлаютъ всѣ говорящіе передъ публикой, всѣ члены нашихъ собраній [2]); но я безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что поставленныя мнѣ въ вину слова столь хорошо выражаютъ мое мнѣніе, что я не стану отрекаться отъ нихъ: „Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего такого, что я могъ бы взять обратно!" воскликнулъ я; „да, это истинная правда; я всю жизнь говорилъ то, что сказалъ съ высоты люксембургской трибуны. Слова, которыя я произнесъ въ качествѣ члена Временнаго правительства,—тѣ самыя, которыя двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я писалъ, сидя въ своей мансардѣ. Я не стану оправды-

---

[1]) См. въ „Moniteur'ѣ" отчетъ о засѣданіи 25-го августа 1848 года.

[2]) Я замѣнилъ фразу, за которую меня такъ упрекали, слѣдующей: „Передъ Богомъ и своей совѣстью я взялъ на себя обязательство, ..." и т. д. Спрашиваю каждаго добросовѣстнаго человѣка, значило ли это совершенно измѣнить смыслъ моихъ словъ *certainly completely altering the sense*, какъ не постыдился сказать лордъ Норменби?

ваться въ томъ, что не измѣнился вмѣстѣ съ внѣшними обстоятельствами моей жизни“ [1]).

Такъ какъ докладъ г-на Бошара представляетъ собой своего рода чудо презрѣннаго искусства Лобардемоновъ и Джеффризовъ, то воспроизведеніе критическаго анализа, которому я его подвергъ, можетъ быть было бы не лишено интереса, но, увы, какого печальнаго интереса! Для тѣхъ, кто можетъ безъ сердечнаго надрыва заглянуть въ бездну неправды, имѣется собраніе номеровъ Moniteur'a.

Моя защита произвела сильное впечатлѣніе на лѣвую сторону [2]). Но лордъ Норменби совершенно правъ, когда пишетъ, что она была „безрезультатна“, такъ какъ большинство не хотѣло отказаться отъ предвзятаго рѣшенія: *the majority being determined to be diverted by no argument from their foregone conclusions* [3]). И дѣйствительно, въ то время какъ я говорилъ, я замѣтилъ, у подножія трибуны, одного члена правой, потиравшаго себѣ руки; и я услышалъ, какъ онъ бормоталъ: „Ладно, ладно, толкуй сколько хочешь—ты все равно... пропалъ“. Я избавляю читателя отъ грубаго выраженія, которое онъ употребилъ, и которое я замѣняю словомъ *„пропалъ“*.

Я кончилъ такъ: „Я сказалъ вамъ правду. Для тѣхъ, которые меня не знаютъ, нужны были доказательства, но я осмѣливаюсь сказать здѣсь, что знающимъ меня было бы достаточно моего слова, ибо имъ хорошо извѣстно, что ложь показалась бы мнѣ слишкомъ дорогой платой за жизнь“ [4]).

Было одиннадцать часовъ вечера. Засѣданіе, которое началось утромъ, которое пришлось прервать и которое протянулось затѣмъ всю ночь,—такъ боялись впечатлѣнія, которое пренія могли произвести на внѣшнюю публику!—было однимъ изъ длиннѣйшихъ, какія только отмѣчены въ парламентскихъ лѣтописяхъ. Зловѣщъ

---

[1]) См. „Moniteur“, отчетъ о засѣданіи 25-го августа 1848 года.

[2]) „Moniteur“, отчетъ о засѣданіи 25-го августа 1848 года.

[3]) A Year of Revolution in Paris, т. II, стр. 179.

[4]) *Moniteur*, засѣданіе 25-го августа 1848 г.

былъ видъ огромнаго зала, походившаго на склепъ, въ которомъ мерцаютъ погребальные свѣтильники. Увѣренное въ своемъ торжествѣ, большинство выжидало рѣшительнаго момента съ сдержаннымъ нетерпѣніемъ. Впервые послѣ долгаго времени люди эти сидѣли спокойно и неподвижно. На скамьяхъ лѣвой царила тишина томительно—тревожнаго ожиданія; на скамьяхъ правой—тишина ненависти. На переполненныхъ зрителями хорахъ, угрюмое любопытство кипѣвшихъ страстей, казалось, боролось съ усталостью на многихъ поблѣднѣвшихъ лицахъ.

Г. Коссидьеръ началъ говорить въ свою очередь. Онъ счелъ нужнымъ противопоставить обвинительному акту тщательно отдѣланную письменную защиту, и конечно она ничего не оставляла желать ни въ отношеніи изложенія фактовъ, ни въ отношеніи связности доказательствъ. Но г. Коссидьеръ не замедлилъ почувствовать себя стѣсненнымъ въ сковывавшихъ его вдохновеніе рамкахъ и, откладывая свою рукопись въ сторону, онъ нѣсколько разъ давалъ волю импровизаціи, вспыхивавшей выходками, исполненными оригинальности и силы. Но вокругъ него царило по-прежнему молчаніе грозное, неумолимое.

Вдругъ предсѣдатель встаетъ и сообщаетъ собранію обвинительный актъ, испрашивающій разрѣшенія начать судебное преслѣдованіе противъ г-на Коссидьера и противъ меня, хотя это самое собраніе уже разъ торжественной вотировкой отказало въ этомъ разрѣшеніи — въ томъ что касалось до моей особы. Тщетно г. Лоранъ (изъ Ардеши) запротестовалъ противъ этого coup d'Etat, трусливо укрывавшагося за юридическія тонкости; тщетно раздался защищавшій меня или мстившій за меня голосъ краснорѣчиваго и безстрашнаго друга, г-на Теодора Бака; тщетно г. Флоконъ оспаривалъ Коссидьера, своего бывшаго товарища по оружію, у ярости партіи, которая не могла утѣшиться въ томъ, что была побѣждена, не бывъ раздавленной...: голоса были подсчитаны заранѣе, а большинство, сдѣлавшееся тираномъ, не обсуждаетъ, оно лишь вотируетъ.

Тѣмъ не менѣе, рѣшеніе, которое собирались принять про-

тивъ меня, было рискованнымъ шагомъ, такъ какъ оно было сопряжено со скандаломъ и собранію приходилось *взять обратно свое собственное рѣшеніе.* Я и постарался это констатировать, такъ какъ приговоры въ родѣ того, который намѣревались постановить, всегда нуждались затѣмъ въ пересмотрѣ! Показаніе г-на Ватрена, то есть завѣдомое лжесвидѣтельство, явная и доказанная клевета, —вотъ какимъ предлогомъ воспользовался г. Корнъ, генеральный прокуроръ республики, для того чтобы снова поднять вопросъ, уже вполнѣ рѣшенный!

Генералъ Евгеній Каваньякъ, въ свою очередь, сталъ просить собраніе о томъ, чтобы оно поторопилось прійти къ заключенію. Я не слышалъ и не слушалъ его рѣчи. Въ то время, какъ онъ говорилъ противъ меня, я думалъ о Годфруа Каваньякѣ, о Годфруа, который былъ мнѣ обязанъ смягченіемъ суровости своего изгнанія въ томъ самомъ Лондонѣ, куда меня должна была забросить ночь 25-го августа, о Годфруа, наиболѣе оплакиваемомъ, самомъ дорогомъ изъ моихъ друзей, сказавшемъ мнѣ на смертномъ одрѣ: „Ты мой второй братъ“.

Тѣмъ временемъ, множество рабочихъ наполняло Лильскую улицу, съ безпокойствомъ ожидая результата преній; и несмотря на то, что со времени іюньскихъ дней народъ былъ лишь связаннымъ львомъ, его еще боялись.

Какъ только рѣшеніе стало извѣстнымъ, братъ мой и друзья стали умолять меня уѣхать. Сначала я не соглашался, изъ чувства, которое не трудно угадать. Между тѣмъ, убѣдительныя соображенія побуждали меня пожертвовать имъ. Если бы мой арестъ послужилъ поводомъ къ какимъ-нибудь безпорядкамъ, то не пала ли бы на меня отвѣтственность за нихъ, какъ передъ другими, такъ и передъ собственной совѣстью? Къ тому же, лишить моихъ враговъ удовольствія располагать моей судьбой, тоже чего нибудь да стоило! Не лучше ли было остаться свободнымъ человѣкомъ, для того чтобы продолжать бороться съ ними? Одинъ изъ народныхъ представителей, честнѣйшій и благороднѣйшій изъ людей, г. Д' Арагонъ, подошелъ ко мнѣ и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ:

„Я не раздѣляю вашихъ взглядовъ, но уважаю и люблю васъ. Если я кажусь вамъ достойнымъ вашего довѣрія, то идите ко мнѣ!“ Растроганный до глубины души, я послѣдовалъ за нимъ.— Смерть этого прекраснаго человѣка, о которой я узналъ вскорѣ послѣ своего прибытія въ Лондонъ, была первымъ горемъ, присоединившимся къ печали моего изгнанія!—Прійдя въ домъ г-на д' Арагона, я бросился на постель, не раздѣваясь, и крѣпко заснулъ. Два часа спустя меня разбудилъ хозяинъ. Мой братъ, предупрежденный о томъ, что полиція получила приказаніе перерыть мои бумаги, поспѣшно ушелъ, чтобы помѣшать, если это было возможно, вторженію въ мое жилище и запастись деньгами, необходимыми для моего отъѣзда. Я хотѣлъ было дождаться его возвращенія: мой великодушный хозяинъ, къ которому пришли мои друзья Дженъ Дюклеркъ и Феликсъ Піà, побоялся, чтобы дальнѣйшее промедленіе не возымѣло роковыхъ послѣдствій: онъ всунулъ мнѣ въ руку маленькій портфель, содержавшій два банковыхъ билета, и втолкнулъ меня въ карету, которая отвезла меня въ Сенъ-Дени, гдѣ я долженъ былъ сѣсть на Сѣверную желѣзную дорогу. Г. Феликсъ Піà сопровождалъ меня. Разставаясь съ нимъ, я вручилъ ему, съ просьбой обнародовать письмо, въ которомъ я обѣщалъ предстать, въ моментъ открытія судебнаго разбирательства, предъ лицо судей, которыхъ мнѣ назначалъ законъ. Въ минуту отъѣзда, Феликсъ Піà взволнованнымъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова, содержавшія пророчество, осуществившееся впослѣдствіи болѣе чѣмъ на-половину: „Прощайте, но не надолго: вы открываете шествіе; прочіе республиканцы послѣдуютъ за вами, мы пріѣдемъ къ вамъ туда всѣ, всѣ!“

Я не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности, чтобы избѣгнуть опасности быть узнаннымъ, предпочитая какой угодно рискъ униженію снизойти до переодѣванья. Но я имѣю основаніе думать, что правительство, будучи убѣждено въ моей невиновности, сильно боялось скандальнаго впечатлѣнія, которое произвелъ бы мой арестъ, и, въ сущности, было радешенько возможности избавиться отъ моего присутствія, не прибѣгая къ тюремщикамъ. Не-

сомнѣнно, что, если бы оно хотѣло меня арестовать, то ему стоило лишь пожелать этого; въ доказательство этого приведу случай, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошо показываетъ, отъ чего зависятъ антипатіи, питаемыя многими людьми къ этому особому разряду несчастливцевъ: къ общественнымъ дѣятелямъ!

Случилось, что на желѣзной дорогѣ я очутился сначала въ обществѣ людей, которые, не зная меня, стали свободно разговаривать о злобѣ дня. Въ числѣ ихъ была молодая дама съ необыкновенно кроткимъ лицомъ. Она освѣдомилась о результатѣ ночного засѣданія, который еще мало кому былъ извѣстенъ, такъ какъ оно было закрыто лишь въ это самое утро; и, узнавъ, что Собраніе приняло неблагопріятное для меня рѣшеніе, выразила свою радость съ экзальтаціей, которая показалась мнѣ граничащей съ жестокостью. Эти злобныя слова въ устахъ, которыя казались созданными для того, чтобы утѣшать и благословлять, вонзились въ мое сердце, какъ острый ножъ. Я промолчалъ. Между тѣмъ, по другимъ отдѣленіямъ пронесся слухъ о моемъ присутствіи, такъ что, когда поѣздъ остановился, то къ моему окну сбѣжались любопытные. Нѣкоторые выразили мнѣ свою симпатію, большинство хмурило брови. Какъ бы то ни было, сосѣди мои узнали, кто я такой; съ этой минуты ихъ поведеніе по отношенію ко мнѣ сдѣлалось полнымъ такта и деликатности. Что касается до молодой дамы, то нетрудно было прочитать въ выраженіи ея лица, какъ она страдала отъ того, что, сама того не зная, прибавила лишнюю каплю горечи къ горю павшаго человѣка. Доѣхавъ до станціи, гдѣ она должна была оставить поѣздъ, она вышла изъ вагона, въ сопровожденіи своего мужа, и стала удаляться съ нерѣшительнымъ видомъ; затѣмъ, поспѣшно вернувшись обратно въ ту самую минуту, когда поѣздъ долженъ былъ тронуться, она съ большимъ благородствомъ протянула мнѣ руку и тономъ, проникнутымъ самымъ великодушнымъ состраданіемъ, сказала мнѣ: „Дай Богъ вамъ счастья!“

Въ Лондонѣ я съ нетерпѣніемъ ждалъ дня судебнаго испытанія, увѣренный въ томъ, что оно приведетъ къ оффиціальному

обличенію совершившейся несправедливости. Каково же было мое изумленіе и мое негодованіе, когда я узналъ, что судъ, въ который требовали чтобы я явился, былъ созданъ спеціально на этотъ случай, заднимъ числомъ, и составленъ изъ *политическихъ* судей, словомъ, былъ однимъ изъ тѣхъ исключительныхъ судовъ, которыя г. Беранже [1]), согласившійся предсѣдательствовать на немъ,— поступокъ поистинѣ чудовищный! —когда-то самъ опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ:

„Какой бы личиной ихъ ни прикрывали,—какое наименованіе имъ ни давали бы, подъ какимъ бы предлогомъ ихъ не учреждали, на нихъ нужно смотрѣть какъ на суды, запятнанные кровью.... Единственный принципъ исключительнаго суда состоитъ въ обязанности сбыть съ рукъ дѣло, для котораго этотъ судъ былъ учрежденъ... Не ждите отъ него ни жалости, ни гуманности, ни чувства справедливости... Человѣкъ, достаточно подлый для того, чтобы взять на себя роль, которая ставитъ его въ необходимость наказывать поступки, считающіеся преступными лишь потому, что они не угодны какому-нибудь деспоту или какой-нибудь политической бандѣ, отказывается отъ своей чести и становится слугой несправедливости [2])“.

Въ довершеніе всего, вмѣсто того, чтобы открыть судебное разбирательство въ Парижѣ, гдѣ безчисленные свидѣтели могли содѣйствовать выясненію истины, позаботились перенести пренія въ Буржъ, для того чтобы она была тамъ побѣждена.

Я узналъ, что Барбесъ и Альберъ рѣшили категорически отвергнуть компетентность суда, являвшагося столь возмутительной насмѣшкой надъ правосудіемъ. Чувство, которое не позволило мнѣ предстать передъ этотъ судъ, было тѣмъ самымъ, которое помѣшало имъ защищаться, съ той лишь разницей, что съ моей стороны тутъ не было никакой заслуги, такъ какъ я былъ на сво-

---

[1]) Bérenger. Не смѣшивать съ фамиліей поэта, кажущейся Béranger. *Перев.*

[2]) De la justice criminelle en France, стр. 84 и 85, соч. г. Беранже (впослѣдствіи ставшаго предсѣдателемъ Буржской высшей палаты).

бодѣ, тогда какъ въ ихъ рѣшеніи было нѣчто героическое, потому что они сидѣли въ тюрьмѣ.

Вотъ письмо, посланное мною по этому поводу изъ Лондона въ различныя французскія газеты:

„Лондонъ, 3-го марта 1849 г.".

„26-го августа, покидая Парижъ, я написалъ, что, когда наступитъ день судоговоренія, я явлюсь на судъ присяжныхъ, и ничто на свѣтѣ не помѣшало бы мнѣ выполнить это обѣщаніе, такъ какъ держать слово—обязанность честнаго человѣка и добродѣтель республиканца.

„Но я не обязывался въ августѣ явиться въ судъ, который былъ созванъ лишь въ ноябрѣ!

„Я не обязывался въ августѣ отдать себя въ распоряженіе исключительнаго судопроизводства, созданнаго три мѣсяца спустя тѣми самыми людьми, которые меня подвергли преслѣдованію, созданнаго въ виду желательнаго имъ осужденія и наперекоръ вѣчно справедливому принципу, слѣдуя которому, законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія.

„Постановленіе, которымъ Собраніе, *взявъ обратно свое рѣшеніе*, выдало меня судебнымъ властямъ, и обвинительный актъ, не содержащій ни одной точной улики, достаточно показываютъ, что очевидность—ничто тамъ, гдѣ политическія страсти—все.

„Болѣе чѣмъ когда-либо Парижъ предоставленъ господству силы; тамъ потерялся счетъ скандальнымъ произвольнымъ арестамъ: тамъ царитъ разъяренная контръ-революція".

„При подобныхъ обстоятельствахъ, удрученный постыднѣйшей несправедливостью, какую когда-либо видѣли, я оставляю за собой право рѣшить вопросъ о томъ, не могу ли я сдѣлать для своего дѣла чего-нибудь лучшаго, чѣмъ отдаться въ руки враговъ этого дѣла. Мое рѣшеніе остается въ моей власти.

„День, когда партійная ненависть умолкнетъ передъ голосомъ истины, не можетъ быть далекъ. Я протестую и жду.

„Я прочелъ обвинительный актъ, и въ моемъ сердцѣ негодованіе вступило въ борьбу съ презрѣніемъ.

„Онъ гласитъ:

„Что 15-го мая мнѣ удалось бѣжать изъ Ратуши, *что разнесся слухъ объ этомъ!*

„Что 15-го мая вмѣсто того, чтобы уговаривать толпу разойтись, я поздравилъ ее съ завоеваніемъ права подавать петиціи; а нѣсколькими строками ниже меня изображаютъ приглашающимъ народъ предоставить Собранію свободу обсужденія!

„Что я держалъ 13-го мая въ Люксембургскомъ дворцѣ какую-то крамольную рѣчь, а 13-го мая *Монитеръ* констатируетъ, что меня ужъ не было больше въ Люксембургскомъ дворцѣ, обращенномъ тогда въ мѣсто пребыванія Исполнительной комиссіи!

„Вотъ что представляетъ изъ себя французское правосудіе въ настоящее время. Я не скажу ни слова больше.

„Луи Бланъ [1]).

Таково вѣрное изложеніе фактовъ, закончившихся моимъ изгнаніемъ, которое тянется вотъ уже двадцать лѣтъ. Они могутъ быть резюмированы словомъ—*остракизмъ* [2])!

---

[1]) Письмо это помѣщено во французскихъ газетахъ отъ 6-го и 7-го марта 1849 г.; см. напр. газету *le Peuple* отъ 6-го марта, № 107.

[2]) Я упомянулъ въ этой главѣ о Годфруа Каваньякѣ. Изъ воспоминаній, толпою нахлынувшихъ на меня при этомъ имени, нѣкоторыя могутъ помочь лучше понять эту крупную и прекрасную натуру: да будетъ мнѣ позволено привести ихъ здѣсь.

Небольшая услуга, которую мнѣ случилось оказать ему во время его лондонскаго изгнанія и о которой онъ лишь случайно узналъ много времени спустя, послужила исходной точкой нашей дружбы. Онъ питалъ ко мнѣ такую же привязанность, какъ къ Гинару, тому самому Гинару,

---

который столь долго и столь доблестно сражался за республику въ то время, когда торжество ея было еще такъ далеко, и о которомъ, какъ о Барбесѣ, можно сказать, что онъ былъ въ наши дни Баяромъ демократіи.

Политическая дѣятельность Годфруа Каваньяка достаточно извѣстна, но добродѣтели его частной жизни, его любовь къ матери, доходившая до культа, его преданность друзьямъ, его веселость, сквозь которую проглядывала какъ будто душа остроумнаго и шаловливаго ребенка и которая тѣмъ отчетливѣе оттѣняла серьезный умъ, гордый характеръ, сильный нравственный закалъ, нѣжная спиритуалистическая основа, сквозившая порой подъ выходками питомца восемнадцатаго вѣка, и его стремленія къ идеальному міру,—кто можетъ разсказать обо всемъ этомъ, кромѣ лицъ, слышавшихъ всѣ біенія его сердца?

Однажды, когда мы вмѣстѣ странствовали въ поискахъ за акціонерами для газеты *la Réforme*, созданной имъ и Флокономъ, онъ повелъ разговоръ объ одной изъ главъ *Исторіи десяти лѣтъ*, а именно о той, въ которой отдается справедливость выдающимся военнымъ качествамъ, обнаруженнымъ его братомъ въ Африкѣ. Вдругъ глаза его увлажились, голосъ измѣнился, и онъ сказалъ мнѣ: „Знаешь, что меня особенно тронуло въ этой главѣ? Это примѣчаніе, сообщающее читателю, что африканскій Каваньякъ—мой братъ; но почему ты не прибавилъ также, что онъ сынъ того другого Каваньяка, который“... Онъ посмотрѣлъ на небо, и отъ волненія не могъ кончить своей фразы.

Въ другой разъ—увы!—уже не во время нашихъ скитаній: жестокая болѣзнь, унесшая его отъ насъ, была на высшей точкѣ своего развитія и смерть приближалась,—я съ грустью сидѣлъ у его постели и ждалъ, чтобы онъ проснулся, такъ какъ онъ казался спящимъ. Онъ открылъ глаза; „Ну, какъ ты себя чувствуешь“? спросилъ я его. „Мнѣ холодно“, отвѣтилъ онъ, „и я думалъ о судьбѣ всѣхъ тѣхъ бѣдняковъ, у которыхъ зимой нечѣмъ топить“.

Незадолго до смерти у него явилось необыкновенно сильное желаніе послушать еще разъ музыку. Я зналъ Шопена; я предложилъ пойти за нимъ и привести его, если врачъ разрѣшитъ это. Тогда просьбы Годфруа

приняли характеръ мольбы. Съ согласія или, вѣрнѣе, по настоятельной просьбѣ г-жи Каваньякъ, я отправился къ Шопену. Я засталъ у него г-жу Жоржъ-Зандъ. Она трогательнымъ образомъ выразила живое участіе, которое внушалъ ей больной, а Шопенъ очень охотно и самымъ милымъ образомъ поспѣшилъ предоставить себя въ мое распоряженіе. Итакъ, я провелъ его въ комнату умирающаго, гдѣ стояло плохое піанино. Великій артистъ начинаетъ играть... Вдругъ рыданія прерываютъ его. Годфруа, въ порывѣ чувствительности, придавшей ему на минуту совершенно неожиданную физическую силу, приподнялся на своемъ страдальческомъ ложѣ. Лицо его было залито слезами. Шопенъ остановился въ большомъ смущеніи. Госпожа Каваньякъ, наклонившись къ сыну, съ безпокойствомъ вопрошала его взглядомъ. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы успокоиться, попытался улыбнуться и сказалъ слабымъ голосомъ: „Не безпокойся, мама, это вздоръ, чистѣйшее ребячество... Ахъ! какъ прекрасна музыка, понятая такимъ образомъ“! Онъ думалъ при этомъ,—и мы это хорошо поняли,— что онъ не услышитъ болѣе ничего подобнаго въ этомъ мірѣ; но онъ не высказалъ этой мысли.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ и при моемъ посредствѣ г-жа Каваньякъ познакомилась лично съ г-жею Жоржъ-Зандъ, геніемъ которой она всегда восхищалась, но о которой она составила себѣ ложное понятіе. Это понятіе мнѣ до того времени не удавалось исправить. Дѣйствительно, въ госпожѣ Каваньякъ, женщинѣ, вообще, очень замѣчательной, была странная смѣсь противорѣчивыхъ мнѣній и тенденцій; горячая республиканка, она, между тѣмъ, никогда не говорила о Наполеонѣ Первомъ иначе, какъ съ энтузіазмомъ; одаренная смѣлымъ и независимымъ умомъ, она, тѣмъ не менѣе, была настолько набожна, что иногда поддавалась поповскимъ вліяніямъ. Какъ бы тамъ ни было, первое свиданіе съ госпожею Жоржъ-Зандъ произвело на нее рѣшающее впечатлѣніе; это впечатлѣніе она сама выразила мнѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Ну, наконецъ-то, я ее увидѣла, эту ужасную геніальную женщину. И что она? Она обворожила меня, что называется обворожила!“

Годфруа Каваньякъ оставилъ мнѣ, умирая, бумаги, которыми онъ очень

дорожилъ, между прочимъ, рукописи, предназначенныя для напечатанія. Черезъ нѣкоторое время послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ, его братъ, генералъ, захотѣлъ получить ихъ и, не осмѣливаясь обратиться ко мнѣ за этимъ прямо, онъ сдѣлалъ это черезъ г-на Шельхера. Мой отвѣтъ, бывшій лишь простымъ сообщеніемъ истиннаго факта, содержалъ въ себѣ поученіе, и какое поученіе! Я просилъ передать генералу, что очень жалѣю о томъ, что не могу исполнить его желанія, но что бумаги его брата уже не находятся въ моихъ рукахъ,—такъ какъ, въ числѣ многихъ другихъ дорогихъ для меня документовъ, онѣ были захвачены полицейскими агентами, которые въ его, генерала Каваньяка, правленіе, ворвались въ мое жилище утромъ 26-го августа 1848 года, и что, поэтому, къ этимъ агентамъ я, къ своему величайшему прискорбію, и вынужденъ его направить!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Посѣщеніе Гамской крѣпости.

О мнимомъ присоединеніи соціалистовъ къ бонапартистскому движенію, послѣднее слово лорду Норменби.—Исторія моихъ личныхъ сношеній съ Луи Бонапартомъ.—Критическая статья объ *Idées Napoléoniennes*, напечатанная въ *Revue du Progrès*.—Отвѣтъ фанатика-бонапартиста.—Булонская потасовка.—Полемика газеты Bon Sens противъ преданія обвиняемыхъ исключительному суду.—Благодарственное письмо Луи Бонапарта.—Онъ проситъ меня навѣстить его въ Гамской крѣпости.—Госпожа Гордонъ и корифеи бонапартистской партіи.—Г. Акаръ.—Пышная тюрьма.—Мои бесѣды съ Луи Бонапартомъ.—Какъ онъ понималъ народное верховенство, и что онъ думалъ объ имперіи.—Выраженные имъ соціалистическіе взгляды.—Его негодованіе по поводу надзора за нимъ и системы шпіонства вообще.—Онъ спѣшитъ навѣстить меня въ Лондонѣ, во время моего изгнанія.—Его увѣренія въ политической симпатіи.—Бонапартистское сборище въ *Гостинницѣ принца Уэльскаго*.

„Увѣряютъ,—говоритъ лордъ Норменби, пишущій это въ іюнѣ 1848 года,—что бонапартистское движеніе поддерживается въ низшихъ классахъ (the lower classes) тѣми, кто доступенъ вліянію Луи Блана“ [1]).

Смыслъ этой фразы не совсѣмъ ясенъ. Если лордъ Норменби хотѣлъ навести читателя на мысль, что я стоялъ за претендента, то инсинуація эта была бы хуже заблужденія; и я не могъ бы лучше отвѣтить на нее, нежели разсказомъ о моихъ личныхъ сношеніяхъ съ Луи Бонапартомъ,—разсказомъ, которому, къ тому же, настоящее положеніе этого человѣка придаетъ особенный интересъ и особенную важность.

Кто не помнитъ того, что послѣ Булонской попытки Луи

---

[1]) A Year of Revolution in Paris, ч. I, стр. 456.

Наполеонъ сталъ посмѣшищемъ Европы? Паденіе его, сколь страннымъ это ни показалось бы въ настоящее время, было встрѣчено во всей Франціи потокомъ ругательствъ съ одной стороны и взрывомъ гомерическаго хохота съ другой. Еще, можетъ быть, никогда не было такого разлива оскорбленій. Его имя плохо защищало его отъ стрѣлъ, которыя направились въ него со всѣхъ концовъ страны. Даже друзья покинули его. Газета, основанная на его счетъ подъ названіемъ *Капитолій* (le Capitole) для защиты его претензій, поддалась общему настроенію. *Страсбургскій* заговорщикъ былъ прощенъ: если бы Луи-Филиппъ велѣлъ разстрѣлять *Булонскаго* заговорщика, то сомнительно, чтобы противъ этой мѣры стали протестовать.

Я издавалъ въ ту пору демократическій журналъ, *Revue du Progrès*, сборникъ, въ которомъ писали замѣчательнѣйшіе дѣятели республиканской партіи, въ томъ числѣ г.г. Франсуа Араго, Мишель (изъ Буржа), Торэ, Анри де Латушъ, Феликсъ Піа, Маррастъ, Годфруа Каваньякъ, Ламеннэ; и въ этомъ же журналѣ я за годъ передъ тѣмъ помѣстилъ свою рецензію на книгу Луи Бонапарта *les idees napoleoniennes*. Статья оканчивалась такъ: „Вамъ говорятъ: Нужно воскресить имперію! Но это была бы... *имперія безъ императора*“.

Статья эта произвела сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. На слѣдующій день, когда я возвращался домой, около 10 часовъ вечера, какой то неизвѣстный мнѣ человѣкъ нанесъ мнѣ сзади палкой сильный ударъ по головѣ, отъ котораго я упалъ на землю, потерявъ сознаніе. Меня подняли залитымъ кровью и отнесли на улицу *de la Paix* къ одному аптекарю, г-ну Бералю. Поспѣшили позвать врача, который, лишь только меня увидѣлъ, заявилъ, что я погибъ. И, дѣйствительно, я поправился лишь съ трудомъ, послѣ мѣсяца жестокихъ страданій. Хотя въ ту минуту, когда мнѣ былъ нанесенъ ударъ, улица была полна людей, убійца скрылся. Полиція тщетно старалась найти его. Удалось узнать только то, посредствомъ опроса сосѣдей, что злодѣй имѣлъ видъ человѣка переодѣтаго и что онъ долго прогуливался передъ моей

дверью прежде, чѣмъ напасть на меня. Сохрани меня Богъ обвинять цѣлую партію въ преступленіи отдѣльнаго лица! Но я имѣю право сказать, что, по выраженному газетами тогдашнему общему мнѣнію, это покушеніе на убійство являлось отвѣтомъ какого нибудь фанатика-бонапартиста на мою рецензію на „Idées napoléoniennes“.

Не знаю, найдетъ ли лордъ Норменби въ этихъ фактахъ доказательство моего присоединенія къ „бонапартистскому движенію“. Во всякомъ случаѣ, вотъ плоды, которые это „присоединеніе“ мнѣ принесло до того времени, когда, въ августѣ мѣсяцѣ 1840 года, Булонскій заговоръ былъ раскрытъ, а его организаторъ заточенъ въ тюрьму. Я осуждалъ намѣренія Луи-Наполеона болѣе, чѣмъ кто либо. Но, узнавъ среди тѣхъ, которые наиболѣе яростно преслѣдовали его своей бранью, низкихъ льстецовъ его дяди, я не смогъ подавить въ себѣ негодованія, смѣшаннаго съ презрѣніемъ. Я вспомнилъ, что Malè, когда судьи спросили его: „кто ваши соучастники?“— великолѣпно отвѣтилъ: „Вы, если бы моя попытка удалась!“ [1]). Я не сомнѣвался въ томъ, что, если бы Луи Бонапартъ когда нибудь восторжествовалъ, то тѣ, которые теперь глумились надъ его несчастіемъ, очутились бы у его ногъ. Въ настоящее время можно видѣть, ошибался ли я тогда! Кромѣ того я всегда былъ проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ уклоняться отъ строгихъ правилъ справедливости. Если бы Луи Бонапарта судили и приговорили, какъ претендента и крамольника, кто рѣшился бы возражать противъ этого? Но предавать его исключительному суду значило поступить съ нимъ какъ съ врагомъ,—слѣдовало отнестись къ нему, какъ къ виновному. Я развилъ эти соображенія въ статьѣ, помѣщенной въ *Revue du Progrès*, 1-го сентября 1840 года. Эта статья раздалась внезапной дисгармонической ноткой среди концерта брани

---

[1]) Генералъ Мале, устроившій въ 1812 году неудавшійся заговоръ противъ Наполеона I, съ цѣлью провозглашенія республики и казненный за это. См. объ этой героической личности Histoire de la conspiration du général Malet, par Ernest Hamel. *Перев.*

и съ этой стороны, по крайней мѣрѣ, не могла не привлечь вниманія Луи Бонапарта.

Изъ Гамскаго замка, куда его заключили, онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ, благодаря меня за то, что я не попиралъ ногой побѣжденнаго противника, онъ выражалъ живѣйшее желаніе, чтобы я провелъ по близости отъ него, въ Гамѣ, нѣсколько дней.

Въ ту пору онъ былъ окруженъ единственнымъ обаяніемъ, передъ которымъ соглашается преклониться истинно-республиканская душа: онъ былъ несчастливъ. Его послѣдняя мятежная попытка разсѣялась точно въ дыму авантюры. Его партіи и слѣдъ простылъ. Онъ же самъ, поваленный на землю, отданный подъ судъ, приговоренный къ заключенію въ крѣпости, отринутый своими тогдашними друзьями, преслѣдуемый насмѣшками и оскорбленіями со стороны своихъ теперешнихъ льстецовъ, томился въ уединенной крѣпости, гдѣ повѣрялъ свои горести лишь своему врачу, доктору Конно́, да мѣстному аптекарю г-ну Акару. *Res sacra miser.* Я отвергъ бы просьбу принца, но уступилъ просьбѣ узника. Онъ добился для меня, у министра внутреннихъ дѣлъ, разрѣшенія посѣтить его въ его тюрьмѣ, и я отправился туда.

Отъ госпожи Гордонъ, которая была, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Лэти, душой страсбургскаго заговора, я зналъ о бонапартистской партіи немного болѣе того, что было о послѣдней извѣстно публикѣ. Госпожа Гордонъ была женщина неугомонная, пристрастившаяся болѣе, чѣмъ слѣдовало, къ политическимъ интригамъ, но въ которой красивая наружность соединялась съ пылкой душой, природнымъ краснорѣчіемъ, настойчивостью и мужествомъ. Я узналъ отъ нея, что, когда страсбургскимъ заговорщикамъ понадобился старый солдатъ, имя и чинъ котораго могли бы произвести впечатлѣніе на страсбургскій гарнизонъ, она отправилась въ Дижонъ, гдѣ въ то время находился полковникъ Водрэ, колебанія котораго она съ такой властностью сумѣла побѣдить, что тутъ же увезла его въ Страсбургъ, едва давъ ему время снять туфли. Госпожа Гордонъ питала къ памяти Наполеона благоговѣніе, добровольно слѣпое, суевѣрное, безграничное; но она не высоко ста-

вила партію бонапартистовъ, которой, по ея словамъ, недоставало умныхъ и рѣшительныхъ людей, за исключеніемъ г-дъ Лэти, Аладениза и Фіалена. Г. Фіаленъ, назвавшій себя де Персиньи и сдѣлавшій своимъ девизомъ слово: „Служу“ (Je sers), былъ, по мнѣнію г-жи Гордонъ, столпомъ партіи. Что же касается до Луи Бонапарта, то она, повидимому, весьма мало цѣнила его. Когда я однажды, шутя, спросилъ ее, любитъ ли она его, она отвѣтила съ улыбкой: „Я люблю его политически“ и прибавила: „по правдѣ сказать, онъ производитъ на меня впечатлѣніе женщины“.

Вотъ что я перебиралъ въ своей памяти во время путешествія.

Первымъ, кого я увидалъ въ Гамскомъ замкѣ, былъ г. Акаръ. Политическія убѣжденія г-на Акара представляли собой необъяснимую смѣсь бонапартизма съ республиканствомъ. Болѣе преданнаго друга, чѣмъ онъ, Луи Бонапартъ не имѣлъ; а между тѣмъ, г. Акаръ называлъ себя республиканцемъ: я думаю, что онъ и былъ республиканцемъ по-своему. Онъ выказалъ радость по поводу моего пріѣзда. „Вотъ“, воскликнулъ онъ весело, „союзная сила, и я надѣюсь, что мы наконецъ убѣдимъ Луи Бонапарта“. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что друзья заключеннаго дѣлятся на два разряда; что во главѣ одного изъ этихъ разрядовъ фигурируютъ г. де Персиньи и нѣсколько фанатическихъ сторонниковъ имперіи, а другой состоитъ изъ искреннихъ горячихъ республиканцевъ, какъ, напр., гг. Фредерикъ Дежоржъ, Поже́, Жоли, лейтенантъ Лэти и онъ самъ, Акаръ; что Луи Бонапартъ въ нерѣшительности колеблется между этими двумя противоположными вліяніями; что справедливость требуетъ, чтобы я принялъ во вниманіе затруднительность его положенія; что у него прямодушныя намѣренія, но что онъ легко можетъ сбиться съ дороги, если будетъ предоставленъ совѣтамъ имперіалистовъ, и что слѣдуетъ принять противъ этого мѣры. Между тѣмъ какъ онъ говорилъ это, я смотрѣлъ на него съ крайнимъ удивленіемъ, не будучи въ состояніи понять, въ какомъ отношеніи водвореніе республики можетъ зависѣть отъ того, присоединится ли къ ней Луи Бонапартъ, или нѣтъ.

Какъ бы то ни было, я отправился въ замокъ, гдѣ меня ввели

въ обширное, хорошо меблированное и снабженное всѣмъ, что нужно для домашняго комфорта, помѣщеніе. Одного взгляда мнѣ было достаточно для того, чтобы замѣтить, что, — да послужитъ это къ чести Луи-Филиппа,—съ узникомъ хорошо обходились. Онъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ, между каминомъ и столомъ, покрытымъ бумагами и книгами. Увидавъ меня, онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку, дружески, но не безъ примѣси сдержанности. Мнѣ показалось, въ эту минуту, что ему пришла было въ голову мысль принять величественный видъ; но, если въ его умѣ и промелькнула такая мысль, то она моментально исчезла; мы вступили въ бѣсѣду. Я его видѣлъ въ первый разъ и, такъ какъ я не зналъ въ то время другихъ членовъ семьи Наполеона, то не имѣлъ возможности замѣтить, насколько онъ отличается отъ нихъ лицомъ и манерами. Но отъ меня все-таки не ускользнуло то обстоятельство, что онъ не имѣлъ ничего общаго съ Наполеоновскимъ типомъ, что въ его произношеніи было что-то иностранное и что онъ изъяснялся съ большимъ трудомъ.

Пока разговоръ шелъ о политикѣ Луи-Филиппа, мы сходились во мнѣніяхъ: не можетъ, говорили мы, быть долговѣчнымъ правительство при внутреннемъ растлѣніи и внѣшнемъ національномъ униженіи. Но какъ только мы перешли къ вопросу о будущемъ проявилось разногласіе [1]).

Такъ какъ онъ заявилъ себя искреннимъ демократомъ и высказался за принципъ народнаго верховенства, я спросилъ его:

— Но какъ же вы понимаете осуществленіе этого принципа?

Онъ, не колеблясь, отвѣтилъ:

— Посредствомъ всеобщей подачи голосовъ.

— Никогда, возразилъ я, всеобщая подача голосовъ въ принципѣ не имѣла болѣе горячаго сторонника, чѣмъ я; но слѣдуетъ постоянно думать о результатѣ. Вамъ извѣстно, какъ велико во Франціи невѣжество среди крестьянъ и что многіе изъ нихъ даже

[1]) Вернувшись изъ Гама, я записалъ видѣнное и слышанное. По этимъ замѣткамъ, служащимъ мнѣ поручительствомъ за вѣрность моихъ воспоминаній, и составленъ мой разсказъ.

*

неграмотны. Съ другой стороны, сколько людей изъ народа, при современномъ соціальномъ порядкѣ, зависятъ отъ другихъ въ томъ, что касается хлѣба насущнаго, которымъ они кормятся вмѣстѣ съ своими семьями.

— То-есть вы хотите сказать, что незачѣмъ считаться съ волей націи и что вы имѣете право навязать, если можете, ваши политическія убѣжденія большинству, которое ихъ отвергаетъ?

— Я не говорю этого; но полагаю, что всеобщее избирательное право не должно играть роли заряженнаго пистолета въ рукахъ ребенка. Народное верховенство никоимъ образомъ не означаетъ умственнаго отреченія со стороны тѣхъ, кто въ состояніи своими писаніями или рѣчами толкнуть народную волю на путь великодушныхъ и просвѣщенныхъ стремленій. Право и обязанность каждаго честнаго человѣка—стараться увлечь народъ за собою и препятствовать тому, чтобы народомъ воспользовались для его же угнетенія.

— Это такъ.

— Поэтому недостаточно провозгласить въ теоріи народное верховенство; нужно знать, куда кто стремится, провозглашая его, и въ какую сторону онъ постарается, по мѣрѣ силъ, направить его; нужно имѣть политическій символъ вѣры.

— Мой символъ вѣры, сказалъ Луи Бонапартъ послѣ минутнаго молчанія, это имперія. Не имперія ли довела Францію до вершины величія? Не имперія ли вернула ей порядокъ? Не имперія ли дала ей славу? Что касается до меня, то я убѣжденъ въ томъ, что воля націи—это имперія.

— Но имперія предполагаетъ принципъ престолонаслѣдованія.

— Да, конечно.

— Такъ какъ же примирить съ принципомъ престолонаслѣдованія принципъ народнаго верховенства? Эти термины противорѣчатъ одинъ другому: второй есть отрицаніе перваго. Народная воля можетъ измѣниться и по самой природѣ вещей, ей свойственно мѣняться, тогда какъ наслѣдственная власть по существу

неизмѣнна. Нелѣпо, чтобы сегодняшняя воля народа была призвана заранѣе уничтожить его завтрашнюю волю, и чтобы нація отказывалась отъ своего самодержавія актомъ самаго самодержавія. Обнять человѣка для того, чтобы задушить его—есть предательство, а не принципъ. Можетъ ли современное поколѣніе, путемъ провозглашенія принципа престолонаслѣдованія, отнять законнымъ образомъ ихъ право у всѣхъ послѣдующихъ поколѣній? Подобный договоръ, очевидно, недѣйствителенъ".

Луи Бонапартъ не сталъ настаивать, какъ будто почувствовавъ себя на неудобной для себя позиціи. И вскорѣ, давая разговору другой оборотъ, онъ сказалъ:

„Въ сущности, важна не форма правительства, важно то, чтобы оно заботилось о благоденствіи народа".

И онъ сталъ говорить о неотложной необходимости соціальныхъ реформъ; его взгляды въ этомъ отношеніи показались мнѣ не особенно расходящимися съ моими. Во всякомъ случаѣ, насколько мнѣ не понравились его политическія мнѣнія, настолько же я былъ изумленъ готовностью, съ которой онъ принималъ соціалистическіе принципы, оказавшіеся ему впослѣдствіи столь полезными, когда нужно было проложить себѣ дорогу къ имперіи.

У меня еще до сихъ поръ хранится книга, которую онъ мнѣ подарилъ и на первой страницѣ которой значатся слѣдующія слова, написанныя его рукой:

Луи Блану, въ знакъ дружбы и уваженія, отъ автора.

Л.-Н. Б.

Книга эта полна соціалистическихъ стремленій и озаглавлена: *Уничтоженіе пауперизма*!

Я получилъ разрѣшеніе лишь на три дня, которые мы провели въ разговорахъ, какъ объ общемъ положеніи дѣлъ, такъ и въ частности о положеніи самого узника.

Среди различныхъ памятныхъ мнѣ обстоятельствъ слѣдуетъ упомянуть объ одномъ. Разъ въ послѣобѣденное время, онъ сталъ было разсказывать мнѣ подробности своей булонской экспедиціи,

какъ вдругъ голосъ измѣнилъ ему. Онъ остановился, сдѣлалъ тщетное усиліе подавить свое волненіе и залился слезами.

Я также никогда не забуду о томъ, какъ мы гуляли по узкой насыпи, отведенной для его меланхолическихъ прогулокъ и со всѣхъ сторонъ охранявшейся часовыми. Я какъ теперь вижу его медленно бредущимъ съ понуренной головой и слышу слова, которыя онъ, боясь, чтобы они не донеслись до тюремщика, произноситъ вполголоса. Разговоръ шелъ на этотъ разъ объ *Исторіи императоровъ*, написанной лицомъ, которое Луи Бонапартъ сильно расхваливалъ за то, что оно выступило въ защиту этихъ тирановъ, навѣки заклейменныхъ Тацитомъ. По мнѣнію Луи Бонапарта, Тацитъ былъ неправъ. Я не читалъ книги, которою такъ восхищался заключенный, но не трудно было угадать причины его восхищенія ею. Я сталъ его оспаривать съ живостью, вызвавшею неожиданный совѣтъ съ его стороны:

„Говорите тише!“ сказалъ онъ мнѣ.

И, обернувшись, онъ указалъ мнѣ на человѣка, который, закутавшись въ плащъ, слѣдовалъ за нами на небольшомъ разстояніи, ни на минуту не теряя насъ изъ виду. Луи Бонапартъ, вѣроятно, не помнитъ, а я помню, что это послужило ему поводомъ къ энергической выходкѣ противъ низости тѣхъ правительствъ, которыя нуждаются въ черной арміи шпіоновъ и, опираясь на самыя грязныя побужденія человѣческой натуры, радуются нравственному паденію своихъ агентовъ.

Такъ какъ наше свиданіе близилось къ концу, то я счелъ нужнымъ въ послѣдній разъ обратиться къ чувствамъ моего собесѣдника и сказалъ ему:

„Помните, что имперія заключалась въ императорѣ. Можетъ ли императоръ возстать изъ гроба? Теченіе времени создало для насъ новыя жизненныя условія. Современная Франція уже не та, что была пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. На мѣсто бранныхъ видѣній выдвинулась теперь идея труда. Новыя стремленія и новыя потребности требуютъ новыхъ учрежденій, другихъ героевъ. Честолюбіе народовъ перестало заключаться въ томъ, чтобы надѣвъ мун-

диры, отправляться убивать другихъ и погибать самимъ. Отнынѣ задача состоитъ не въ томъ, чтобы порабощать и изумлять людей, а въ томъ, чтобы дѣлать изъ нихъ существа лучшія и болѣе счастливыя. Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ: самъ Наполеонъ, если бы онъ воскресъ, не могъ бы повториться. Какъ могли бы вы совершить съ помощью его лишь имени то, чего онъ самъ не могъ бы сдѣлать въ наше время съ помощью всего своего генія? Воскресшая имперія была бы возможна лишь въ формѣ кроваваго метеора. Во времена вашего дяди деспотизмъ являлся, по крайней мѣрѣ, облаченнымъ въ порфиру славы — и даже въ такомъ видѣ скелетъ его вселялъ ужасъ. Вспомните, что Франція дала пасть Наполеону, будучи не въ силахъ долѣе нести его на своихъ плечахъ. Если бы онъ не былъ покинутъ ею, его судьба не закончилась бы сраженіемъ при Ватерлоо. Вспомните, какъ онъ умеръ и гдѣ! Я не стану утверждать, что совершенно невозможно было бы окрестить новую монархію въ народной крови и навремя сохранить ее, окруживъ Парижъ солдатами, введя повсюду шпіоновъ, зажавъ ротъ прессѣ, поощряя мерзкій, бездушный культъ матеріальныхъ интересовъ и вернувъ сенаторамъ и лакеямъ ихъ ливреи. Но кто пожелаетъ вѣнца, завоеваннаго и сохраняемаго такими способами? Повѣрьте мнѣ, во Франціи допустима только республика, — республика вѣрная своему принципу, — ибо полвѣка революцій неразрывно связали Францію съ доктриной равенства. Откажитесь поэтому отъ этой роли претендента, для которой у васъ нѣтъ подходящей сцены. Предоставьте вашему безкорыстію позаботиться о вашей судьбѣ. Рѣшитесь стать и заявить себя республиканцемъ“.

Не только Луи Бонапартъ выслушалъ меня, но мои слова, повидимому, растрогали его. Прощаясь съ нимъ, я замѣтилъ, что его глаза влажны; онъ крѣпко сжалъ меня въ объятіяхъ и я, противъ собственной воли, былъ тронутъ этимъ порывомъ. Спустившись внизъ по лѣстницѣ, я слышу его голосъ, оборачиваюсь. Онъ кричитъ мнѣ сверху, смѣясь: „Не забудьте поцѣловать за меня г-жу Гордонъ“. Вотъ какъ мы разстались.

Съ тѣхъ поръ и до дня его бѣгства изъ Гамской крѣпости, я поддерживалъ съ нимъ, при посредствѣ одного общаго друга, нѣкоторыя сношенія чисто личнаго характера. Признаюсь, что я имѣлъ крайнюю наивность считать его окончательное обращеніе въ республиканскую вѣру вещью не абсолютно невозможной; и надежду эту я выразилъ въ письмѣ, которое я послалъ ему, когда онъ еще находился въ Гамской крѣпости, и которое онъ напечаталъ, когда выставилъ свою кандидатуру на президентское мѣсто; онъ думалъ, что этимъ путемъ расположитъ въ свою пользу парижскихъ рабочихъ. Между тѣмъ, письмо это было конфиденціально и онъ не спрашивалъ у меня позволенія сдѣлать изъ него такое употребленіе.

Послѣ его бѣгства изъ Гамскаго замка, сношенія между нами совершенно прервались. Я даже не видалъ его въ февралѣ 1848-го года, когда онъ явился во Францію съ предложеніемъ своихъ услугъ Временному правительству.

Я уже разсказалъ, какъ я отстаивалъ его допущеніе въ Національное собраніе, членомъ котораго онъ былъ избранъ, и какъ въ то-же самое время я предложилъ, чтобы во Франціи не было президентской должности: вѣрное средство разстроить козни претендента, не нарушая, между тѣмъ, справедливости. Къ несчастію, Собраніе безразсудно вписало въ Конституцію 1848-го г. статью, учреждающую постъ президента республики, что значило вотировать второе 18-ое брюмера.

Тѣмъ не менѣе, онъ еще не воспользовался декретомъ, открывавшимъ ему двери во Францію, когда я пріѣхалъ въ Лондонъ, какъ изгнанникъ, послѣ того какъ протестовалъ противъ изгнанія семейства Орлеановъ и семейства Бонапартовъ. Это было въ началѣ сентября. Я остановился въ *Брауншвейгской гостинницѣ* (*Hôtel de Brunswick*), на Jermyn street. Едва я успѣлъ расположиться тамъ, какъ мнѣ доложили о желавшемъ меня видѣть посѣтителѣ: это былъ Луи Бонапартъ. Онъ сталъ говорить со мной крайне сердечнымъ тономъ и выразилъ сильнѣйшее негодованіе по поводу того, какъ со мной поступили. Я попалъ въ большее затрудненіе: рѣзко оттолкнуть его любезности—значило нарушить за-

коны вѣжливости и приличія; съ другой-же стороны, я имѣлъ серьезныя политическія основанія для того, чтобы впредь избѣгать всякихъ сношеній съ нимъ. Поскольку благовоспитанность это допускала, я и не сталъ стараться скрывать это чувство; и мнѣ кажется, что онъ его угадалъ: ибо онъ явнымъ образомъ обнаружилъ желаніе убѣдить меня въ томъ, что его единственная мечта—получить возможность служить республикѣ, что онъ всецѣло преданъ народному дѣлу, и что въ частности его взгляды на соціальные вопросы во многомъ сходятся съ моими.

Изъ различныхъ мѣропріятій имперіалистской политики лишь одно можетъ считаться соотвѣтствующимъ моимъ мнѣніямъ: это прямой и національный заемъ. Я давно уже въ газетѣ *Bon Sens*, главнымъ редакторомъ которой я тогда былъ, подалъ мысль о такомъ займѣ и послѣдняя привела къ полемикѣ между мною и знаменитымъ банкиромъ Жакомъ Лафитомъ, полемикѣ, которая въ теченіе нѣсколькихъ дней заполняла столбцы моей газеты и надѣлала шуму.

Какъ бы тамъ ни было, то, что Луи Бонапартъ говорилъ мнѣ въ Лондонѣ, такъ мало согласовалось съ мыслью объ имперіи, что, когда я вспоминаю объ этомъ теперь, я спрашиваю себя: не сонъ ли это былъ?

Впрочемъ, если бы мнѣ и возможно было въ ту пору поддаться чувству довѣрчивости, то нѣкоторые факты скоро разувѣрили бы меня.

Однажды вечеромъ, поздно возвращаясь изъ Ричмонда, гдѣ я провелъ весь день, я засталъ необычное оживленіе въ домѣ, гдѣ я жилъ, въ Пиккадилли. *Land-lady*, сильно взволнованная, выбѣжала ко мнѣ навстрѣчу, со словами: „Г-нъ Луи Бланъ, въ Парижѣ произошло, вѣроятно, какое нибудь важное событіе. Удивительное дѣло!—Что же случилось?—Приходилъ молодой человѣкъ, желавшій непремѣнно васъ видѣть. Какъ я ни увѣряла, что васъ нѣтъ, онъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить. Онъ казался возбужденнымъ до крайности. Дошло до того, что, несмотря на мой протестъ, онъ вошелъ въ вашу комнату для того, чтобы убѣдиться, что васъ

тамъ дѣйствительно нѣтъ. Сначала онъ какъ будто собрался ждать васъ, но черезъ нѣсколько минутъ онъ рѣшился уйти, оставивъ вотъ это". И хозяйка дома вручила мнѣ карточку, на которой торопливо были написаны слѣдующія слова: „Въ какомъ бы часу ночи Вы ни вернулись, ради Бога поспѣшите, не теряя ни минуты, въ *гостиницу Принца Уэльскаго*, Лестеръ сквэръ (Leicester Square). Дѣло важное и не терпящее отлагательствъ".

Легко догадаться, что подобнаго рода приглашеніе, столь таинственное и полученное въ такой поздній часъ, показалось мнѣ крайне страннымъ и сначала я не особенно расположенъ былъ ему послѣдовать. Но потомъ во мнѣ заговорило любопытство. Положеніе Франціи было тревожное; оно могло со дня на день измѣниться. Можетъ быть, меня ждало дѣйствительно серьезное извѣстіе. Было уже очень поздно; дождь лилъ, какъ изъ ведра; но это только доказывало, что рѣчь шла о дѣйствительно важномъ дѣлѣ. Я рѣшился пойти.

На указанномъ мѣстѣ, на самомъ порогѣ гостиницы я увидѣлъ группу молодыхъ людей подозрительнаго вида, перешептывавшихся между собой. Я вошелъ въ гостиницу; меня ввели въ одну изъ комнатъ перваго этажа и я очутился въ обществѣ двухъ лицъ, изъ которыхъ одно было какимъ-то совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, а другое—Луи Бонапартомъ. Не давъ мнѣ времени прійти въ себя отъ удивленія и необыкновенно быстро ворочая языкомъ, незнакомецъ объяснилъ мнѣ, что пріѣхалъ изъ Лилля; что онъ имѣлъ тамъ рѣшающее свиданіе съ вліятельнѣйшими изъ мѣстныхъ демократическихъ дѣятелей; что предводители демократической партіи и сторонники *принца* дѣйствуютъ сообща; словомъ, что во Франціи все готово для торжества *народа* въ лицѣ племянника императора. Легко понять, какое чувство вызвали во мнѣ эти слова. Возрастъ говорившаго, время, мѣсто, группа, образовавшаяся на порогѣ гостиницы, и характеръ подобнаго сообщенія, сдѣланнаго республиканцу, достаточно, слава Богу, извѣстному за таковаго, все это было такъ странно, что я не захотѣлъ продолжать слушать и сейчасъ же ушелъ, съ смѣшаннымъ чувствомъ изумленія и негодованія.

На слѣдующій день Луи Бонапартъ посѣтилъ меня. Онъ пришелъ сказать мнѣ, что чрезвычайно сожалѣетъ о происшедшемъ, что онъ тутъ ни при чемъ и что его также завлекли въ *Гостиницу принца Уэльскаго* такимъ же точно образомъ, какъ и меня. Но съ меня было довольно! Нѣсколько времени спустя онъ уѣхалъ въ Парижъ; и съ этой минуты онъ сталъ мнѣ столь же чуждъ лично, какъ если бы мы никогда не встрѣчались.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Здѣсь кончается разсказъ о событіяхъ, въ которыя я былъ замѣшанъ.

Тѣ, которые злоупотребляли во вредъ намъ своимъ кратковременнымъ торжествомъ, избѣгли ли сами наказанія за свои поступки? Нѣтъ. Гонители подверглись гоненію, судившіе были сами осуждены; люди, попиравшіе насъ ногами подъ тѣмъ предлогомъ, что *общество нужно спасти во что бы то ни стало*, подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ были растоптаны въ свою очередь.

Я разскажу въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, какъ это произошло, и разскажу это не изъ пошлаго чувства удовлетворенной мстительности, но потому, что отсюда вытекаетъ то важное поученіе, что никакая партія, нарушая вѣчные законы справедливости, не можетъ быть увѣрена въ томъ, что она не будетъ когда-нибудь вынуждена взывать къ этимъ законамъ въ свою защиту.

Среди различныхъ причинъ, породившихъ имперію, слѣдуетъ въ особенности отмѣтить одну, имѣвшую пагубное вліяніе: это учрежденіе лиги, извѣстной подъ названіемъ лиги *улицы Пуатье*. Эта лига, состоявшая изъ всѣхъ вожаковъ реакціонной партіи, и по поводу которой д'Орсэ писалъ мнѣ: „Улица Пуатье—это парижская холера", открыла, въ президентство Луи Бонапарта, подписку съ цѣлью *спасенія* общества, не замедлившую дать около двухсотъ тысячъ франковъ.

Всѣ деньги, вырученныя этой подпиской, были употреблены на напечатаніе и распространеніе пасквилей, направленныхъ противъ соціализма. На этихъ пропитанныхъ ядомъ страницахъ, которыя

раздавались *даромъ* и въ большомъ количествѣ экземпляровъ въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, вплоть до самыхъ отдаленныхъ деревушекъ, всякій кто былъ виновенъ въ томъ преступленіи, что онъ желалъ какого-нибудь улучшенія, полезнаго для народа, оказывался *коммунистомъ*. А быть *коммунистомъ* значило стремиться къ аграрному закону, (передѣлу земель), хотя коммунисты, наоборотъ, были сторонниками крупнаго хозяйства; это значило желать системы общеложства (promiscuité), хотя коммунисты высказывались въ пользу брака [1]);—это значило добиваться уничтоженія религіознаго чувства, хотя коммунисты основывали свою соціальную экономію на евангельской этикѣ [2]);—это значило грезить лишь о насиліи, хотя нѣкоторые изъ коммунистовъ съ опаснымъ преувеличеніемъ осуждали всякое употребленіе силы [3]). Въ

[1]) Это учрежденіе никогда не имѣло сторонника болѣе ревностнаго, чѣмъ г. Кабэ, который, само собою, разумѣется, сдѣлалъ его однимъ изъ устоевъ своей икарійской колоніи.

[2]) См. книгу г-на Кабэ, подъ заглавіемъ: *Истинное христіанство (Le vrai Christianisme).*

[3]) Напримѣръ г. Кабэ, *принципіально* отрицавшій употребленіе физической силы.

Такъ какъ изъ соціализма постарались сдѣлать пугало, и такъ какъ этотъ маневръ удался настолько, что примирилъ многихъ съ идеей *coup d'Etat,* то слѣдующій анекдотъ окажется, можетъ быть, здѣсь умѣстнымъ.

Какъ то разъ я спорилъ съ Пьеромъ Леру, въ присутствіи нѣсколькихъ общихъ друзей, о законности войны и сопротивленія угнетенію. Вполнѣ признавая, что война и вооруженные мятежи—зло, уничтоженіе котораго крайне важно для человѣчества, я заявилъ, что со своей стороны считаю ихъ необходимыми до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать *причины* войны и угнетенія. Тогда Пьеръ Леру сталъ доказывать, что существуетъ лишь два ученія, за одно изъ которыхъ человѣколюбивые мыслители должны были бы рѣшительно высказаться: ученіе Магомета, которое борется со зломъ средствами, изъ него вытекающими, напримѣръ, мечомъ; и ученіе Зороастра, противопоставляющее злу лишь добро. Послѣднее ученіе, по его мнѣнію, было единственнымъ достигающимъ цѣли и прямо ведущимъ къ прогрессу. Я поставилъ Пьеру Леру слѣдующій вопросъ: „Вы, вѣроятно, считаете себя полезнымъ ближнему своими писаніями, рѣчами, примѣромъ. Хорошо же; предположимъ, что, подвергшись вооруженному нападенію, вы поставлены въ необходимость лишиться жизни или защищаться отъ человѣка, котораго вы считаете чудовищемъ и бичемъ человѣчества. Какъ бы вы поступили?“ Онъ отвѣтилъ, не колеблясь: „Если бы я былъ увѣренъ, что умираю за истину, то я далъ бы себя убить, убѣжденный въ томъ, что изъ всѣхъ способовъ слу-

коммунистической программѣ былъ пунктъ, слѣдуя которому, дѣти, проведя свои первые годы подъ материнскимъ крыломъ, должны были воспользоваться благами общественнаго воспитанія и это на счетъ всего общества, такъ какъ въ томъ, чтобы всѣ дѣти получали хорошее воспитаніе, всѣ заинтересованы настолько же, насколько въ содержаніи арміи и даже болѣе; на этомъ мнѣніи основали чудовищное обвиненіе, будто коммунисты требовали уничтоженія семьи. Они указали, какъ на еще отдаленный, но желанный результатъ человѣческаго прогресса, на такой соціальный порядокъ, при которомъ будутъ утилизированы всѣ преимущества, связанныя съ режимомъ ассоціаціи, какъ напр. общія пріемныя, общія залы для игръ, общія читальни, (какъ это дѣлается даже въ настоящее время въ пиренейскихъ курортахъ, въ нѣкоторыхъ большихъ отеляхъ нашихъ городовъ, въ лондонскихъ клубахъ),—разумѣется оставляя каждому его независимость, его индивидуальность, выборъ друзей, жилища, семейнаго очага, этой неприкосновенной святыни: отсюда пошло то другое обвиненіе, будто коммунисты имѣли въ виду какую-то безнравственную и отвратительную совмѣстность (общность) домашней жизни.

Къ несчастью, два обстоятельства содѣйствовали успѣху этихъ систематическихъ клеветъ: во-первыхъ, характеръ самаго слова *коммунизмъ*, выраженія очень неудачно выбраннаго, такъ какъ оно какъ будто дѣйствительно заключаетъ въ себѣ понятіе о какомъ-то соціальномъ мѣсивѣ, и которое коммунисты напрасно стали употреблять, прежде чѣмъ публика успѣла ознакомиться съ его дѣйствительнымъ значеніемъ; во-вторыхъ, значительная сила обвинителей при ничтожныхъ рессурсахъ, которыми располагали обвиняемые. Двѣ или три газеты, расходившіяся въ очень узкомъ кругу читателей, и нѣсколько мало извѣстныхъ книгъ—вотъ все, что коммунисты могли противопоставить ужасающей пропагандѣ лжи.

жить своему дѣлу, это самый дѣйствительный".—„Такъ что, по вашему мнѣнію, такимъ способомъ было бы—„*Мученичество*".

Вотъ соціалистъ, котораго лордъ Норменби, говоря о его избраніи въ парижскіе депутаты, называетъ *неистовымъ* демагогомъ.

15-го сентября 1849-го года я адресовалъ изъ Лондона через газету, которую я тогда издавалъ, слѣдующее письмо членамъ Комитета улицы Пуатье:

„Милостивые государи,

„Чтобы спасти старый умирающій міръ;

„Чтобы подрѣзать крылья соціализму;

„Чтобы убѣдить мучениковъ столькихъ конвенціональныхъ неравенствъ, что проповѣдью равенства ихъ ведутъ въ страну сновидѣній;

„Чтобы заставить несчастныхъ полюбить свою нищету;

„Чтобы возвѣстить бѣднякамъ, что бѣдность—божественнаго происхожденія и что она безсмертна по самой своей сущности;

„Чтобы доказать, что не существуетъ обязанности обезпечить хлѣбъ зарабатывающему его въ потѣ лица.... и чтобы доказать это голоднымъ людямъ;

„Чтобы показать городскимъ рабочимъ, рабамъ заработной платы, и земледѣльцамъ, рабамъ ростовщичества, кумиръ-капиталъ, красующійся на алтарѣ, и прокричать на всю Францію: „На колѣни передъ нимъ!“

„Наконецъ, чтобы украсить лентами головы жертвъ зла и внушить имъ культъ ложныхъ боговъ, въ честь которыхъ ихъ отдаютъ на закланіе;...

„Вы открыли, милостивые государи, подписку; и такъ какъ на вашъ зовъ деньги поспѣшно пришли на защиту власти денегъ, то вы собрали 169.584 франка.

„Признаться ли вамъ въ этомъ? Сначала мы встрепенулись отъ радости при этомъ извѣстіи, мы, противъ кого направленъ этотъ великій крестовый походъ. Свободное обсужденіе уничтожаетъ лишь заблужденія; а такъ какъ мы увѣрены въ томъ, что истина на нашей сторонѣ, то мы не могли не радоваться тому, что вы на свой счетъ расширяете поле битвы и придаете сраженію болѣе всеобщій характеръ.

„Къ тому же, естественно склонные уважать себя въ лицѣ

своихъ противниковъ, мы разсчитывали на то, что ваша враждебность будетъ честной, что ваши страхи и ваша ненависть будутъ выражены добросовѣстно. Мы заранѣе льстили себя надеждой на то, что, обвиняя насъ, вы будете обосновывать свои обвиненія, что, опровергая насъ, вы будете насъ цитировать; такъ ли вы поступили!

„Передо мной вашъ отчетъ. Изъ него явствуетъ, что по вашему заказу составлена тридцать одна брошюра, и что эти брошюры отпечатаны въ числѣ 2.500.000 экземпляровъ. Вотъ, по истинѣ, широкая гласность, и если только разумъ на вашей сторонѣ, то все кончено: въ то время, какъ я говорю, соціализмъ ужъ умеръ.

„Но посмотримъ, что говорятъ эти брошюры. Открываю ихъ и читаю;—ибо мы, соціалисты, ничего не измышляемъ: мы доказываемъ, и, когда намъ случается нападать на какое-нибудь писаніе, мы считаемъ себя обязанными *цитировать*:

„Не знаю право, гдѣ у этихъ людей голова, и что они себѣ „воображаютъ, разсказывая намъ подобныя глупости. Они, должно „быть, считаютъ насъ большими дуралеями, невѣждами и прохвостами. „Что они, которымъ нечего терять, нечего беречь, которые могутъ „лишь выиграть отъ безпорядка, занимаются своимъ ремесломъ „анархистовъ и разбойниковъ, это вполнѣ понятно. Они хотѣли „бы имѣть возможность всѣхъ обкрадывать и всѣхъ грабить. Они „не чтутъ ничего, ни прошлаго, ни настоящаго, ни того, что было, „ни того, что есть. Имъ все трынь-трава; что̀ имъ за дѣло до „справедливости, закона нравственности, общества, религіи? Ихъ „понятія не имѣютъ ничего общаго со всѣмъ этимъ. Когда я слышу, „какъ эти передѣльщики (partageux) точатъ свои балясы, у меня „всегда является охота протурить ихъ дубиной“.

Les Partageux, par Wallon, стр. 58.
(*Передѣльщики*, Валлона).

„Если бы Прудонъ мнѣ попался въ руки, я бы его, кажется, „задушилъ.“

(Lettre de Pierre Favel, стр. 3).
(Письмо Пьера Фавеля).

„Безъ семьи человѣкъ опустился бы до уровня животнаго, которое выкармливаетъ своихъ дѣтенышей, а потомъ перестаетъ ихъ узнавать: таковъ прогрессъ, который вамъ проповѣдуютъ реформаторы общества.“

Le Club de village, par M. Lamarque—Plaisance, стр. 16.

(Деревенскій клубъ, г-на Ламарка—Плезанса, стр. 16).

„Вѣчно и вѣчно все та же система. Брать у однихъ, чтобы давать другимъ, брать у тѣхъ, которые обладаютъ имуществомъ законно, чтобы отдать его тѣмъ, кто не имѣетъ на него ни малѣйшаго права. Но до сихъ поръ хотѣли давить богатыхъ, безъ „пользы для бѣдныхъ, даже во вредъ имъ, удовлетворяя чувства „ненависти и зависти. Теперь же обижаютъ самого бѣдняка „для того, чтобы обогатить неизвѣстно кого, въ особенности же для „того, чтобы ослѣпить въ день выборовъ тѣхъ, кто имѣлъ бы простодушіе дать себя провести. Таковъ послѣдній прогрессъ соціализма; таковъ гнуснѣйшій изъ его подвоховъ.

Le Budget de la République rouge, p. 33.

(Бюджетъ красной республики, стр. 33).

„Вы, въ особенности вы, парижскіе рабочіе, должны хорошо „помнить это недостойное шарлатанство. Подъ предлогомъ организаціи труда, самозванные народные трибуны, большіе любители „всѣхъ усладъ жизни, устроились въ роскошномъ Люксембургскомъ „дворцѣ. Они кутили тамъ на счетъ общественной казны; они запивали начиненныя трюфелями куропатки винами лучшихъ сортовъ, а въ промежуткахъ этихъ занятій они ежедневно преподносили одураченнымъ бѣднякамъ неудобопонятныя теоріи.“

La vérité aux ouvriers, aux paysans, aux soldats, par M. Théodore Muret, p. 5.

(Слово правды рабочимъ, крестьянамъ, солдатамъ г. Теодора Мюре, стр. 5).

„Г. Кабэ со своей Икаріей; г. Кабэ, который своей сладенькой внѣшностью завлекъ столько несчастныхъ въ бездну; г. Кабэ, „чье имя ежедневно встрѣчается въ газетахъ, замѣшанное во вся-

„каго рода мерзости и мошенничества, тотъ г. Кабэ, однимъ сло-
„вомъ, который въ настоящее время, можетъ быть, осуществляетъ
„свои очаровательныя теоріи въ желудкѣ какого-нибудь икарійскаго
„крокодила......“

Où est le salut du pays? par un Ami de la France, стр. 8 и 9.

(Въ чемъ спасеніе страны? Одинъ изъ друзей Франціи, стр. 8 и 9).

„Соціалисты и коммунисты—это монтаньяры въ квадратѣ......
„Это сбродъ авантюристовъ, людей разорившихся, запутавшихся
„въ долгахъ, бѣглыхъ каторжниковъ, свора проходимцевъ, раз-
„вратниковъ, лежебоковъ, хотящихъ сладко жить на чужой счетъ.“

Petit Manuel du paysan électeur, p. 22.

(Краткое руководство для крестьянина-избирателя, стр. 22).

„Чувство отвращенія не позволяетъ мнѣ продолжать. Да, для того чтобы распространить эти поразительныя гадости повсюду, для того чтобы отравить ядомъ этой лжи духовную пищу невѣжественныхъ умовъ и простыхъ сердецъ, чтобы обезпечить вознагражденіе этому литературному распутству, которое удивило бы тѣнь самого Эбера, истрачено вотъ ужъ почти двѣсти тысячъ франковъ.... на которые можно было бы спасти на цѣлый годъ отъ голода двѣсти семействъ!

„Нѣтъ, вы вѣроятно не читали этихъ книгъ, которыя вы заказывали и за которыя вы платите, неправда ли, господа? Нѣтъ, невозможно, чтобы вы брали на себя отвѣтственность за такіе полемическіе пріемы, чтобы вы компрометировали себя солидарностью съ такими низостями, вы, г. Тьеръ, имѣвшій честь сидѣть за зеленымъ столомъ, на которомъ короли разыгрываютъ свою партію противъ народовъ, вы, г. де Монталамберъ, прислушивающійся, должно быть, къ голосу вашей набожной совѣсти, вы, г. Барагэ д'Илье, знающій, что такое честь солдата, наконецъ всѣ вы, составляющіе совѣтъ шестидесяти пяти, ученые экономисты, люди науки, съ торжественной поступью и задумчивымъ лицомъ, элегантныя знаменитости лѣваго берега Сены, герои хорошаго тона, Камиллы Демулены контръ-революціи! Васъ компрометируютъ, преду-

преждаю васъ объ этомъ. Ваши слуги проѣдаютъ свое жалованіе, занимаясь лишь тѣмъ, что создаютъ вамъ дурную репутацію. Подумайте объ этомъ серьезно, серьезно! Ваша ливрея опозорена!"

„Чего же хотятъ достигнуть тѣ, которые дискредитируютъ такимъ образомъ столь высокихъ покровителей? Того, чтобы насъ перерѣзали? Приходится такъ полагать, послѣ того, какъ одинъ изъ этихъ честныхъ философовъ воскликнулъ: „существуетъ лишь одинъ аргументъ противъ соціалистовъ, ружье или вилы."

„Вамъ остается поразмыслить, милостивые государи: не лучше ли вамъ будетъ отречься отъ неистовства низшихъ агентовъ, вмѣсто того чтобы позволять имъ рядиться въ ваши цвѣта; ибо вы которые конечно раздумывали надъ исторіей и ея уроками, вы знаете, что преслѣдовать доктрину ружьями и вилами—крайне опасно; что въ охотѣ за мыслями, когда хотятъ чтобы она была кровавой и когда рогъ трубитъ побѣду, легко случается, что псы оборачиваются противъ ловцовъ; что въ мірѣ семъ самое главное—быть правымъ посредствомъ разума; что, въ концѣ концовъ, клевета никогда такъ долго не живетъ, какъ вѣрная мысль; что первые христіане, которыхъ называли разбойниками, были отданы на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, чѣмъ только ускорилось торжество христіанства, и что, если ихъ учитель умеръ распятымъ межъ двухъ воровъ, позднѣе превративъ безчестіе въ славу, истина сдѣлала символомъ искупленія человѣческаго рода именно.... позоръ висѣлицы.

„Повѣрьте мнѣ, милостивые государи, что если ваши убѣжденія—одного закала съ нашими, то вы лучше всего поступите, употребивъ на борьбу съ нами двѣсти тысячъ франковъ... двѣсти милліоновъ, если возможно, но прибавивъ къ нимъ добросовѣстность и благопристойность.

„Хотите ли вы, чтобы ваши писаки обязались не клеветать на насъ, не приписывать намъ лживо идей, которыя никогда не были нашими, и намѣреній, внушающихъ намъ отвращеніе? Хотите ли вы, чтобы они дали слово *цитировать*, опровергая насъ, наши сочиненія?

*

Съ этимъ условіемъ, милостивые государи, я подписываюсь на дѣло высшей пропаганды; болѣе того, я открываю народную подписку, съ цѣлью расширить его.

Но создайте бюджетъ для свободнаго обсужденія; до сихъ поръ, нужно думать, сами того не зная, вы снабдили бюджетомъ лишь клевету".

Перчатка не была принята; призывъ не былъ услышанъ; и Францію продолжали наводнять памфлеты, въ которыхъ истина подвергалась поруганію почти на каждой страницѣ. Въ нихъ только и рѣчи было, что объ аграрномъ законѣ, причемъ этимъ словамъ придавался угрожающій смыслъ; въ нихъ говорилось о *партіи передѣльщиковъ*, готовой растерзать страну на клочки. Многіе почтенные, но несвѣдущіе люди встревожились. Другіе, извлекавшіе выгоду изъ злоупотребленій, которыя они за собой сознавали, были въ восторгѣ отъ того, что они могли набросить покровъ на то, что было некрасиваго въ ихъ дѣйствительныхъ опасеніяхъ. Распространили слухъ, что выборы 1852 года послужатъ сигналомъ убійствъ и грабежа.

Какъ ни безсмысленны были эти предсказанія, они доставили реакціонерамъ Собранія въ войнѣ не на животъ, а на смерть, которую послѣдніе объявили тому, что оставалось отъ февральской революціи, поддержку со стороны буржуазіи; реакціонеры воспользовались этимъ обстоятельствомъ не только для того, чтобы уничтожить всеобщее избирательное право, но и для того еще, чтобы обезоружить парижскій народъ, что значило уничтожить единственную силу, которая могла бы ихъ защитить отъ возможности государственнаго переворота. Затѣмъ, въ довершеніе безумія, они кончили тѣмъ, что предоставили армію въ распоряженіе Луи Бонапарта—при чемъ, увы, ихъ поддержали члены лѣвой, обманутые на этотъ разъ страхомъ, который имъ внушали генералъ Шангарнье и перспектива новаго 18-го фрюктидора. Такъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ парламентскому режиму. Оказалось, что апостолы, проповѣдывавшіе великій крестовый походъ противъ соціализма, доставили Луи Бонапарту поводъ и матеріальную воз-

можность *спасти общество* безъ нихъ и противъ нихъ. Мина взорвала тѣхъ, кто ее подвелъ.

Еще нѣсколько словъ.

Давно уже я писалъ въ заключеніи *Исторіи десяти лѣтъ*:

„Боже насъ сохрани, однако, отчаиваться въ нашей странѣ! Существуютъ общества, такъ сказать, окостенѣлыя, не гибкія, и которыя хочется сравнить съ тяжеловѣсными средневѣковыми всадниками, закованными въ желѣзо: ихъ трудно было ранить сквозь ихъ плотную броню, но разъ сброшенные на землю, они не могли ужъ подняться. Не такова Франція, общество, обладающее не только сильной изумительной гибкостью и кажущееся вѣчно юнымъ. Съ какимъ только безпримѣрнымъ и неимѣющимъ названія изнуреніемъ она ни справлялась! Съ 1789-го по 1815-й годъ у нея были такіе припадки гнѣва, она испытала такія страданія и совершила такіе труды, которые могли бы истощить самую сильную націю. Она однако же не умерла, и къ 1830-му, послѣ пятнадцати лѣтъ кажущейся истомы, оказалось, что она возстановила свои силы. Да, Франція создана для того, чтобы прожить нѣсколько жизней. Въ ней найдется чѣмъ, подъ различными и неожиданными видами, удивлять еще людей. Ни одинъ еще народъ, по выраженію Монтэня, говорящаго объ Александрѣ, не отличался столь *многоликой* красотой, какъ французскій. Не исполняла ли Франція самыхъ яркихъ ролей? Не олицетворялась ли она послѣдовательно въ революціи и въ имперіи? Не станемъ же терять бодрости. Зло происходитъ отъ ошибки, которую такъ легко поправить! Можно ли допустить мысль, что буржуазія станетъ упорствовать въ своемъ ослѣпленіи? Являясь естественной опекуншей народа, неужели она будетъ продолжать бояться его, какъ врага? Тѣ, которые подстрекаютъ ее къ этому, обманываютъ ее и собираются ее поработить; вселяя въ нее страхъ передъ народомъ, у нея отняли сознаніе истинныхъ опасностей, грозящихъ ей. Онѣ находятся не столько у ея ногъ, сколько вокругъ нея и надъ ея головой. Пусть она подумаетъ объ этомъ!“

Въ этомъ мѣстѣ моей книгѣ содержатся два предсказанія, одно

утѣшительное, другое угрожающее; и оба исполнились. Сначала, пришла революція 1848-го года, показавшая сколько жизненности еще таитъ въ себѣ Франція. Затѣмъ декабрьскій государственный переворотъ ужаснымъ образомъ показалъ, какія опасности и невзгоды буржуазія неизбѣжно навлекаетъ на себя всякій разъ, какъ она отказывается отъ союза съ народомъ. И дѣйствительно, что мы видѣли? Въ то время, какъ мнимые *спасители общества* ежедневно оскорбляли рабочихъ, лишали ихъ избирательнаго голоса, называли ихъ „презрѣнной чернью“, уча ихъ, такимъ образомъ, видѣть въ возможной диктатурѣ генерала Шангарнье [1]) худшее изъ бѣдствій; потерявшая голову буржуазія, приходившая въ ужасъ при одной мысли о выборахъ 1852-го года, собиралась, со своей стороны, бѣжать, какъ призрачная тѣнь, съ поля сраженія, рискуя полетѣть въ бездну, зіяющую бездну военной диктатуры.

Но кто можетъ хоть на минуту предположить, что геній Франціи потухъ, что ея пульсъ пересталъ биться, что ея благородныя стремленія навѣки изсякли? О нѣтъ! Она молчитъ, но ея безмолвіе полно мысли. Подъ ледяной корой непреоборимое теченіе рѣки не остановилось. Свѣточъ на время прикрытъ, но продолжаетъ горѣть неугасимо.

---

¹) Многіе рабочіе готовы были поддержать Луи Бонапарта изъ ненависти къ Шангарнье, на котораго правая возлагала въ 1850 г. всѣ свои надежды. *Перев.*

Приложенія.

I. Ученіе о государствѣ [1]).

Что такое государство?

Въ монархическомъ режимѣ это власть одного лица—тиранія, воплощенная въ одномъ человѣкѣ.

Въ олигархическомъ режимѣ это власть небольшого числа людей, тиранія, воплощенная въ нѣсколькихъ лицахъ.

Въ аристократическомъ режимѣ это власть одного класса, тиранія значительнаго числа лицъ.

Въ анархическомъ режимѣ—это власть перваго, кто окажется умнѣе и сильнѣе другихъ, это тиранія хаоса.

Въ демократическомъ государствѣ это власть народа, которому служатъ его избранники, это царство свободы.

Да, государство и свобода, это соотносительные термины.

Въ чемъ состоитъ свобода? Въ полномъ развитіи способностей каждаго.

Одинаковыя ли способности у всѣхъ людей? Равны ли онѣ по силѣ и уму? Нѣтъ.

Что произойдетъ, если болѣе умному и сильному, позволятъ

---

[1]) Нижеслѣдующая полемика составляетъ извлеченіе изъ *Новаго міра* (Nouveau Monde). Читатель замѣтитъ, что я счелъ своей обязанностью дословно воспроизвести аргументы г-на Прудона. Я пропустилъ изъ своего отвѣта, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ тогда появился, лишь нѣсколько мѣстъ, которыя, будучи вызваны тономъ нападеній г-на Прудона, отличались слишкомъ рѣзкимъ характеромъ и не заслуживаютъ того, чтобы фигурировать въ принципіальномъ спорѣ.

препятствовать развитію способностей менѣе сильнаго или менѣе умнаго? Произойдетъ то, что свобода окажется уничтоженной.

Какъ помѣшать этому преступленію? Отдѣливъ угнетеннаго отъ угнетателя всей силой народа, какъ стѣной.

Если Яковъ угнетаетъ Петра, неужели тридцать четыре милліона человѣкъ, изъ которыхъ состоитъ французское общество, сразу всѣ прибѣгутъ защищать Петра и оберегать его свободу? Было бы шутовствомъ утверждать что нибудь подобное.

Какимъ же образомъ проявится вмѣшательство общества? Через посредство тѣхъ лицъ, которыхъ оно сдѣлаетъ своими представителями въ этомъ случаѣ.

Но кто они, эти представители общества, эти слуги всего народа? Государство.

Итакъ, государство въ данномъ случаѣ есть ничто иное, какъ само общество, дѣйствующее въ *качествѣ общества*, чтобы помѣшать... чему? Угнетенію; чтобы поддержать... что? Свободу.

Итакъ, требовать упраздненія государства даже въ томъ случаѣ, когда оно выражаетъ лишь власть *всѣхъ* по отношенію къ *каждому*, значитъ требовать расторженія общества какъ таковаго; значитъ выдавать ласточекъ хищнымъ птицамъ; значитъ стараться, чтобы всегда были эксплоататоры и эксплоатируемые, богатые и бѣдные; это значитъ водворять тиранію посредствомъ всеобщаго безпорядка, значитъ не только покидать пути соціализма, но проповѣдывать индивидуализмъ въ самой необузданной формѣ, это значитъ идти прямымъ путемъ къ разрушенію свободы.

Отдаютъ ли себѣ отчетъ въ томъ, чего они хотятъ, тѣ, которые восклицаютъ: „намъ дѣла нѣтъ до того, будетъ ли государство такимъ или инымъ, мы не хотимъ никакого государства?" Понимаютъ ли они сами, чего требуютъ? Я, не колеблясь, отвѣчаю: *нѣтъ*.

Если они отвергаютъ принципъ народнаго верховенства, то пусть сознаются въ этомъ. Если они его принимаютъ, то этимъ все сказано. Ибо совершенно очевидно, что самодержавіе народа не можетъ заключаться въ томъ, чтобы за нѣсколькими милліо-

нами людей было признано право рѣзать другъ друга до тѣхъ поръ, пока самые сильные не воцарятся на трупахъ.

Тотъ, кто подъ народнымъ самодержавіемъ дерзаетъ разумѣть всеобщую свалку индивидуальныхъ хотѣній, *совершенно свободно* ведущихъ одно съ другимъ губительную войну, долженъ въ этомъ откровенно сознаться. Въ такомъ случаѣ, мы будемъ знать, въ чемъ дѣло—и если ужъ намъ непремѣнно предстоитъ выбрать одну изъ этихъ двухъ тираній, то мы предпочтемъ покориться той, которая будетъ угнетать насъ, не обманывая призракомъ свободы.

А пока мы, которые глубоко вѣримъ въ народное самодержавіе, мы, которые желаемъ, чтобы оно осуществилось въ самой полной и отчетливой формѣ, и не ставимъ словъ на мѣсто вещей, мы скажемъ, что народное самодержавіе есть власть, примѣняемая отъ имени народа, подъ его наблюденіемъ, въ зависимости отъ него, въ его интересахъ, тѣми, кому онъ поручилъ это дѣлать.

Именно это выражается съ демократической точки зрѣнія словомъ *государство*.

Говорить, что истинно демократическій режимъ стремится замѣнить государство обществомъ, значитъ болтать вздоръ, не стоющій того, чтобы на немъ останавливаться; это все равно, что сказать: демократія стремится замѣнить общество... обществомъ.

Въ книгѣ, изданной подъ заглавіемъ: *Признанія революціонера*, которую я, безъ всякихъ околичностей, опредѣляю такъ: *Кодексъ тиранніи хаоса*, г. Прудонъ говоритъ: „Всякій, заносящій на меня руку для того, чтобы управлять мною, есть узурпаторъ и тиранъ: я объявляю себя его врагомъ“.

И я также.

Но именно для того, чтобы помѣшать этому дерзкому преступленію, я утверждаю государство, тогда какъ г. Прудонъ его отрицаетъ. Ибо, если мой врагъ сильнѣе меня и если между нами нѣтъ рѣшительно никакой преграды, то кто помѣшаетъ ему сдѣлаться моимъ тираномъ?

Г. Прудонъ сообщаетъ намъ, что, когда люди въ первый

разъ собрались на опушкѣ лѣса для того, чтобы основать общество, то они не сказали другъ другу, какъ это сдѣлали бы акціонеры какого-нибудь коммерческаго товарищества: „Организуемъ наши права и обязанности такимъ образомъ, чтобы для каждаго изъ насъ и для всѣхъ насъ получилась наибольшая сумма благополучія, и чтобы въ то же время мы пользовались равенствомъ и независимостью“. Я не знаю, это ли именно говорили люди, впервые собравшіеся на опушкѣ лѣса, но я увѣренъ, что, создавая общественное устройство, люди могли имѣть лишь одну цѣль: взаимную защиту отъ козней и покушеній со стороны болѣе хитрыхъ, болѣе отважныхъ и болѣе сильныхъ. Такъ что идея *государства* родилась именно изъ потребности предохранить себя отъ *тиранніи*.

Правда, совершенно справедливо то, что, благодаря дурному устройству, власть не осталась вѣрной своему происхожденію; что охранители свободы употребили ввѣренную имъ силу во вредъ самой свободѣ; что за угнетеніемъ путемъ анархіи послѣдовало угнетеніе посредствомъ правительства, что искусственный и условный деспотизмъ, съ отвратительной ловкостью возведенный въ систему, послѣдовалъ за прежнимъ деспотизмомъ перваго встрѣчнаго. Только дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Что же сказать о полемистахъ, которые клянутся намъ, что вѣрятъ въ прогрессъ, а, между тѣмъ, изъ того, что до сихъ поръ средства не были приведены въ соотвѣтствіе съ цѣлью, заключаютъ, что самая цѣль химерична!

Господъ, какихъ бы то ни было, мы не желаемъ болѣе, ни подъ какимъ названіемъ, ни подъ какимъ предлогомъ. Очень хорошо. Мы хотимъ, чтобы правители,—мы готовы вычеркнуть это слово, если оно шокируетъ пуристовъ анархіи, — были просто агентами народа, его смѣняемыми и отвѣтственными повѣренными, приказчиками, слугами. Разъ эти условія будутъ соблюдены, будетъ ли еще имѣть смыслъ велерѣчивая анаѳема, направленная г-номъ Прудономъ противъ государства, какъ принципа?

Имѣетъ ли народъ право держать приказчиковъ, выбирае-

мыхъ имъ самимъ и смѣняемыхъ въ случаѣ, если они дурно справляются со своими обязанностями? Могутъ ли, напримѣръ, 34 милліона человѣкъ обходиться въ своихъ дѣлахъ безъ того, безъ чего не можетъ обойтись мелкій негоціантъ? Если вы скажете: *да*, то мнѣ останется только удивиться смѣлости вашего безумія; если вы скажете: *нѣтъ*, то ваша война съ государствомъ будетъ безсмыслицей.

Непостижимая вещь! Для того, чтобы дойти до понятія о государствѣ, какъ служителѣ, пришлось дать тысячу кровавыхъ сраженій, пройти черезъ тысячи убійственныхъ революцій и, когда власть, столь долго употреблявшаяся противъ народа, готова выступить на его защиту, находятся люди, предлагающіе намъ пойти вспять по пути исторіи, до временъ тиранніи перваго встрѣчнаго, предлагающіе сдѣлать насъ свободными на манеръ дикарей, сдѣлать насъ самодержцами на подобіе жителей Огненной или Ванъ-Дименовой земли!

Г. Прудонъ спрашиваетъ: „Кто дерзнетъ, наконецъ, сказать: „Все для народа и все посредствомъ народа, все, даже правительство?“ [1]).

Кто дерзнетъ это сказать? Тотъ, кто признаетъ принципъ верховенства не на словахъ только, а на дѣлѣ, тотъ, кто требуетъ, чтобы индивидуальная тираннія смирилась передъ силой всѣхъ или государствомъ, тотъ, кто имѣетъ основаніе считать себя истиннымъ демократомъ-соціалистомъ...

Кто дерзнетъ это сказать? Я.

Къ тому же эта теорія верховенства каждаго отдѣльнаго индивидуума, понимаемая, какъ отрицаніе верховенства всѣхъ, нисколько не нова: это теорія либераловъ, бывшихъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательными. Поклоняясь Ваалу, ревностно стараясь отстранить отъ *капитала* [2]) все, что можетъ стѣснить его въ

---

[1]) *Признанія революціонера.*

[2]) Нѣтъ надобности заявлять, что соціалисты никогда не нападали на самый капиталъ, что было бы чистымъ сумасшествіемъ: несправедливымъ они находятъ то, что въ договорахъ съ рабочимъ капиталисту достается львиная доля.

его деспотизмѣ, они придумали эти милыя правила: *Laissez faire, laissez passer*; *каждый у себя, каждый за себя*. Это свобода, какъ ее понимаютъ дикари: „Я сильнѣе тебя, поэтому я убиваю тебя“. Только здѣсь говорили: „Я богаче тебя, поэтому разоряю тебя“. Мы какъ то не ожидали услышать отъ противниковъ капитала совѣтъ слѣдовать тому самому принципу, на которомъ ученые защитники капитала съ такимъ успѣхомъ основываютъ царство!

Вспомнимъ, какъ принялись за дѣло Талліены и Бурдоны (изъ Уазы), когда они поклялись погубить революцію. Они стали громогласно заявлять свою ненависть къ власти и убили Робеспьера словомъ диктатура, обращеннымъ ими въ отточенную сѣкиру.

Правда, что г. Прудонъ, оказываясь логичнымъ по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, ничего противъ этого поведенія не имѣетъ. Цитирую дословно:

„Замѣтьте силу принциповъ. Едва образовавъ собой собраніе, имѣвшее цѣлью наказать отъ имени революціи королевскія клятвопреступленія, эти люди были охвачены настоящей бѣшеной страстью правительствовать. Сначала сдѣлались необходимыми мѣры общественнаго спасенія, не сопровождаемыя законными формальностями; вскорѣ затѣмъ произволъ диктаторовъ замѣнилъ собой всякій разумный доводъ съ ихъ стороны; они только и знали, что устраивать проскрипціи да гильотинировать. Они были властью, поэтому дѣйствовали, какъ короли. Абсолютизмъ ожилъ въ ихъ декретахъ и въ ихъ дѣяніяхъ. А между тѣмъ, это были философы! Пришлось реагировать противъ этого деспотическаго изступленія: 9-ое термидора было предостереженіемъ, даннымъ власти конвента страною. Пока народъ боялся за завоеванія революціи, за независимость территоріи и за единство республики, онъ терпѣлъ диктатуру комитетовъ. Въ тотъ день, когда терроръ сталъ системой, когда это временное кровавое правленіе захотѣло, повидимому, водвориться окончательно, когда утопія проникла въ правящіе совѣты, когда Робеспьеръ, въ которомъ воплощалась плебейская месть, превратился въ простого главу секты, въ этотъ день кризисъ сдѣлался неизбѣ-

женъ. Логика добродѣтельнаго реформатора заставляла его уничтожать людей одновременно съ злоупотребленіями: якобинцевъ погубила власть!“

Итакъ, когда Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ захотѣли, чтобы терроръ перересталъ быть системой, а вовсе не чтобы онъ сталъ системой, они только и знали, что устраивать проскрипціи и гильотинировать! Когда съ почти баснословнымъ самоотверженіемъ эти герои общественнаго спасенія добровольно и заранѣе предоставляли свои сердца безпримѣрнымъ мукамъ, свои головы палачу, свои тѣла позорищу, свои имена клеветамъ исторіи, написанной побѣдителями, *они поступали какъ короли*! Когда, побѣжденный коалиціей плутовъ и эгоистовъ, трусовъ и растлѣнныхъ людей, Робеспьеръ воскликнулъ: „Разбойники торжествуютъ!“—онъ не замѣчалъ, что съ ними торжествуетъ сама *страна* и что самъ *народъ*, утомленный диктатурой комитетовъ и олицетворенный, вѣроятно, въ честномъ Талліенѣ, посылаетъ *главѣ секты* это́ знаменитое *предостереженіе*... выразившееся въ ударѣ топора!

Прудонъ говоритъ, что *власть* погубила якобинцевъ; но онъ забываетъ прибавить, что на власть якобинцевъ напустились контръреволюціонеры. Это и не было промахомъ съ ихъ стороны такъ какъ въ рукахъ Робеспьера и Сенъ-Жюста *власть* якобинцевъ была самой революціей.

Вотъ что поняли хоро́шо, хотя увы, слишкомъ поздно нѣкоторые патріоты, которые, какъ Бильо-Варенъ и Комбонъ, имѣли несчастье участвовать въ Термидорскомъ преступленіи. Начиная съ этой роковой минуты, Комбона преслѣдовали угрызенія совѣсти, которыя ему удавалось смягчать немного лишь признаніемъ въ ихъ острой горечи, а Бильо-Вареннъ умеръ, ударяя себя въ грудь и прося прощенія у тѣни Робеспьера.

Что касается до насъ, то, если мы не фанатики анархіи, какъ г. Прудонъ, то не поклоняемся фанатически и власти. Мы любимъ ее въ роли покровительницы, великодушной и самоотверженной, избравшей своимъ девизомъ полныя глубокаго значенія слова Евангелія: „Пусть первый между вами будетъ служителемъ всѣхъ

остальныхъ", но мы ненавидимъ ее развращенной, развращающей, притѣснительной, распоряжающейся съ народомъ, какъ съ своей добычей. Мы восхищаемся ею тамъ, гдѣ она является представительницей благородной и живой части человѣчества, и проклинаемъ ее тамъ, гдѣ она представительница соціальной мертвечины. Мы возстаемъ противъ всего того, что есть дерзкаго, узурпаторскаго, разбойническаго въ понятіи о *государствѣ-господинѣ*, и мы апплодируемъ тому, что есть трогательнаго, плодотворнаго и благороднаго въ понятіи о *государствѣ-служителѣ*.

Скажемъ лучше: существуетъ вѣрованіе, которое намъ въ тысячу разъ дороже жизни, это наша вѣра въ близкое и окончательное преобразованіе самой сущности *власти*. Въ этомъ преобразованіи заключается тріумфальный переходъ отъ стараго міра къ новому.

„Когда экономическая революція совершится, спрашиваетъ г. Прудонъ, должно ли еще будетъ существовать правительство?"

Но въ томъ-то именно и вопросъ, не необходимо ли, прежде всего, вмѣшательство государства для того, чтобы совершилась экономическая революція.

„Мы утверждаемъ, и до сихъ поръ, это утверждаемъ одни мы,— я думаю!—что исчезновеніе государства есть необходимое послѣдствіе организаціи кредита и реформы налога".

Это мы еще посмотримъ; а пока гражданинъ Прудонъ все болѣе погрязаетъ въ своемъ любимомъ грѣхѣ: petitio principii. Ибо, прежде чѣмъ *утверждать*, что исчезновеніе государства есть необходимое послѣдствіе организаціи кредита и реформы налога, не мѣшало-бы *доказать* что организація кредита и реформа налога могутъ обойтись безъ государственнаго вмѣшательства. Я позволяю себѣ думать, что банкъ гражданина Прудона слабо свидѣтельствуетъ въ пользу опытовъ организаціи кредита, сдѣланныхъ помимо государства, и осмѣливаюсь сомнѣваться въ томъ, чтобы система налоговъ преобразовалась сама собой!

„Для нихъ,—т. е. для Луи Блана и Пьера Леру,—политическій вопросъ продолжаетъ существовать, вмѣсто того чтобы уничтожиться,

отождествившись съ экономическимъ; они сохраняютъ, еще усиливая ихъ, государство, власть, авторитетъ, правительство. Они только мѣняютъ названія; они говорятъ, напримѣръ, вмѣсто *государство— господинъ*, *государство служитель*, какъ будто для того, чтобы измѣнить вещи, достаточно измѣнить слова!“

Я съ точностью опредѣлилъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ словами *государство служитель*. Я объяснилъ, что въ демократическомъ режимѣ власть должна исходить изъ всеобщей подачи голосовъ; что тѣ, которые ею облечены по волѣ народа, не имѣютъ, въ качествѣ его слугъ, никакого права на бо́льшія удовольствія или на бо́льшіе доходы и лишь должны нести, въ этой роли, бо́льшія обязанности; что срокъ ихъ полномочій долженъ быть елико возможно коротокъ; что они должны быть смѣняемы; что они должны быть отвѣтственны; что ихъ слѣдуетъ лишить права распоряжаться арміей, какъ орудія тиранніи, и лишить права пользоваться секретными фондами, какъ средства подкупа. Развѣ желать замѣнить властелина, начинающаго править во чревѣ матери, приказчиками, которымъ народъ поручаетъ заниматься общественными дѣлами, значитъ измѣнять слова, не мѣняя вещей? Развѣ дѣлать изъ власти тягость и высокій поводъ къ самоотверженію, а не приманку для эгоизма, добычу алчнаго и низменнаго честолюбія, значитъ мѣнять названія, не мѣняя вещей? Имѣть слугъ, которыхъ можешь разсчитать и наказать, если они дурно исполняютъ свои обязанности, *то ли же это самое*, что жить скрючившись подъ игомъ неприкосновеннаго владыки, имѣющаго подъ рукой пушки, заряженныя картечью, для поддержанія своей неприкосновенности?

„Чтобы покончить со споромъ, разсмотримъ государство уже не съ точки зрѣнія стараго общества, породившаго его съ естественной необходимостью и уже близящагося къ концу, а съ точки зрѣнія новаго общества.“

Именно такъ.

„Если мы докажемъ, что, во первыхъ, съ этой послѣдней точки зрѣнія, государство, разсматриваемое въ своей сущности, основано

на совершенно ложной гипотезѣ; что, во вторыхъ, разсматриваемое въ своемъ объектѣ, оно можетъ оправдать свое существованіе лишь второй гипотезой одинаково ложной; что, наконецъ, разсматриваемое по отношенію къ причинамъ, побуждающимъ сохранить его въ будущемъ, государство можетъ сослаться въ свою пользу лишь на гипотезу столь же ложную, какъ и двѣ первыя; по выясненіи этихъ трехъ пунктовъ, вопросъ будетъ рѣшенъ; государство будетъ признано вещью излишней, слѣдовательно вредной, невозможной; всякое правительство будетъ осуществленнымъ противорѣчіемъ".

Согласенъ. Послушаемъ-же какъ намъ это докажутъ.

1) О сущности государства.

Процитировавъ мое опредѣленіе различныхъ формъ правительства, г. Прудонъ говоритъ:

„Повидимому, никто изъ гражданъ-делегатовъ не учился греческому языку. Иначе, они увидѣли бы, что ихъ учитель и другъ Луи Бланъ, вмѣсто того чтобы сказать, что такое государство, всего только перевелъ на французскій языкъ греческія слова *моносъ*—одинъ; *олигой*—немногіе; *аристой*—знатные; *дэмосъ* народъ и отрицательную частицу *а*, значущую не. Съ помощью этихъ словъ Аристотель опредѣлилъ различныя формы государства, которое называется *архе*, власть, правительство, государство. Покорнѣйше просимъ читателя извинить насъ, но не наша вина, что политическая ученость президента Люксембургской коммиссіи не идетъ дальше этимологіи."

Съ тѣхъ поръ, какъ мелютъ вздоръ въ мірѣ семъ, никогда еще, можетъ быть, не упрекали опредѣленіе въ томъ, что оно согласно съ этимологіей [1]). Но этому еще не стоитъ удивляться; насъ не то еще ждетъ.

„Государство есть внѣшнее устройство соціальной силы...

„Это внѣшнее устройство коллективной силы, которое греки

---

[1]) И упрекъ этотъ тѣмъ болѣе страненъ со стороны г-на Прудона, что, для того, чтобы показать, насколько онъ самъ уважаетъ этимологію, онъ позаботился написать слово, резюмирующее его мнимую систему, такъ *ан—архія*

назвали *архе́*, т. е. начальствомъ, властью, правительствомъ, основано, слѣдовательно, на той гипотезѣ, что народъ, что коллективное существо, называемое обществомъ, не можетъ управлять собой, мыслить, дѣйствовать, самостоятельно выражаться, подобно существамъ одареннымъ индивидуальной личностью; что для этого ему нужно быть представленнымъ одной или нѣсколькими особами, которыя, на какомъ-нибудь основаніи, считаются выразителями народной воли и ея агентами. Слѣдуя этой гипотезѣ, невозможно, чтобы коллективная сила, принадлежащая по существу массѣ, выражалась и дѣйствовала прямо, безъ посредства органовъ нарочно устроенныхъ, и, такъ сказать, уготованныхъ ad hoc.“

Какъ! Такъ вотъ одна изъ тѣхъ *ложныхъ* гипотезъ, о которыхъ намъ только что говорили. Какъ! мы высказали ложную гипотезу, предположивъ, что тридцать четыре милліона человѣкъ, разсѣянныхъ по широкому пространству, называющемуся Франціей, не могутъ столковаться между собой безъ помощи посредниковъ, не могутъ образовать коллективное цѣлое, не вступая въ сообщество, не могутъ образовать сообщество, не условившись предварительно о его основаніяхъ, не могутъ условиться объ этихъ основаніяхъ, не обративъ въ нѣчто реальное, дѣйствующее, живое то, что есть коллективнаго въ волѣ Петра, Якова, Павла, Франциска, которые начинаютъ составлять коллективное цѣлое лишь съ того момента, когда они собираются во-едино для того, чтобы сообразоваться съ общими правилами и избирать общихъ представителей! И какимъ образомъ, помимо этой гипотезы, которую объявляютъ *ложной*, коллективное цѣлое могло-бы выясниться въ этой 34-хъ милліонной массѣ, каждая единица которой имѣетъ свою особую организацію, свою индивидуальную жизнь, свою собственную волю? Если это коллективное цѣлое, существованіе котораго признаетъ г. Прудонъ, не есть собраніе ничего не означающихъ звуковъ, то оно должно осуществляться. Но *осуществленное* коллективное цѣлое и есть государство. Такъ что, желая доказать, что государство не должно существовать, г. Прудонъ, самъ того не замѣчая, показываетъ, что существованіе государства необходимо; ибо

тамъ гдѣ нѣтъ государства, коллективное цѣлое не *осуществлено*, а если оно не осуществлено, то оно все равно, что не существуетъ.

Я не знаю, согласится ли г. Прудонъ сохранить до поры до времени какую нибудь форму общественной жизни; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ-бы соблаговолить сказать намъ, въ чемъ будетъ состоять связь между членами общества, въ чемъ будетъ выражаться соціальное единство. Если *ан—архія* г-на Прудона ограничитъ свои благодѣянія тѣмъ, что обезпечитъ намъ независимость полипа на коралловомъ стволѣ, то печальная судьба постигнетъ желѣзныя дороги, каналы, школы, мастерскія, магазины...

Зато въ воздухѣ будетъ носиться что-то такое, что г. Прудонъ называетъ коллективнымъ цѣлымъ! Намъ отвѣтятъ: а обмѣнъ, а даровой кредитъ, основанный на взаимности услугъ, а Народный банкъ?... Позвольте—все это ни малѣйшимъ образомъ не позволяетъ обойтись безъ государства. Когда понадобилось объяснить паденіе народнаго банка, гражданинъ Прудонъ сталъ жаловаться на то, что его недостаточно поддержали; ему захотѣли-де навязать идеи, которыхъ онъ не раздѣлялъ, ставили препятствія его *власти*, словомъ, онъ испыталъ на себѣ свою излюбленную *ан—архію*, и Народный банкъ рухнулъ отчасти вслѣдствіе отсутствія достаточно объединенной и крѣпкой конституціи въ Прудоновскомъ государствѣ.

„Мы отрицаемъ государство и правительство, ибо мы утверждаемъ то, во что никогда не вѣрили устроители государствъ, а именно—личность и автономію массъ“

Позвольте. Мы вполнѣ вѣримъ въ автономію массъ, т. е. въ ихъ способность къ самоуправленію. Но мы не довольствуемся названіемъ, намъ нужна сама вещь; и именно для того, чтобы осуществить эту автономію, мы утверждаемъ государство.

До сихъ поръ, какъ видите, гражданинъ Прудонъ ограничивался лишь рѣзкими утвержденіями; на какихъ доказательствахъ онъ ихъ основываетъ? По его словамъ, онъ доказываетъ необходимость *ан-архіи* двумя способами:

„Во-первыхъ, путемъ историческаго и отрицательнаго метода, показывая, что всякое установленіе власти, всякая организація коллективной силы путемъ ея отчужденія и перенесенія на тѣхъ или другихъ людей (extériorätion) сдѣлались для насъ невозможными.—Мы это и начали развивать въ *Признаніяхъ революціонера*, разсказывая о паденіи всѣхъ правительствъ за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, выясняя причины ихъ уничтоженія и указывая, наконецъ, на истощеніе и вымираніе власти въ развращенное царствованіе Луи-Филиппа, во время бездѣйственной диктатуры Временнаго правительства и при ничего не означавшемъ президентствѣ генерала Каваньяка и Луи Бонапарта“.

Иными словами, изъ того, что развращенность погубила власть Луи-Филиппа, явствуетъ, что власть не развращенная погибла бы такимъ же образомъ; изъ того, что диктатура Временнаго правительства была бездѣйственна, слѣдуетъ, что дѣятельное правительство невозможно, а президентство генерала Каваньяка и Луи Бонапарта показываетъ, что государство ничего не означаетъ. Такъ это называется историческимъ методомъ? Хорошо, что насъ предупредили объ этомъ. Сами мы никогда бы не догадались. Перейдемъ ко второму доказательству.

„Во-вторыхъ, мы доказываемъ наше положеніе, объясняя, какъ, посредствомъ экономической реформы, промышленной солидарности и организаціи всеобщаго избирательнаго права, народъ переходитъ отъ непосредственности къ рефлексіи и сознанію, начинаетъ дѣйствовать не по увлеченію и не изъ фанатизма, а сознательно; выучивается обходиться какъ безъ господъ, такъ и безъ слугъ, какъ безъ делегатовъ, такъ и безъ аристократіи, совершенно такъ, какъ дѣлалъ бы отдѣльный индивидуумъ. Такимъ образомъ, понятіе о личности, понятіе о *я* расширяется и обобщается; существуетъ, съ одной стороны, индивидуальная личность, индивидуальное *я*, а съ другой стороны, коллективная личность или коллективное *я*; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, воля, дѣйствіе, душа, духъ, жизнь, источникъ которыхъ невѣдомъ, сущность которыхъ неуловима, вытекаютъ изъ духовно-жизненнаго

факта, т. е. изъ организаціи. Психологія націй и человѣчества становится возможной наукой, подобно психологіи человѣка. Къ этому-то позитивному доказательству мы написали вступленіе, какъ въ томъ, что мы издали касательно обмѣна и кредита, такъ и въ XIV-й главѣ манифеста, помѣщеннаго въ *Voix du Peuple* и касающагося конституціи".

Трудно повѣрить тому, что вслѣдъ за этимъ мѣстомъ, которое Вольтеръ, съ непочтительной рѣзкостью своего здраваго смысла, назвалъ бы двойной галиматьей, авторъ съ гордостью восклицаетъ: „Намъ кажется,—неправда ли, читатель?—что вопросъ о государствѣ начинаетъ понемногу разъясняться". Какъ это вамъ понравится? Нѣтъ, право же, публика не такъ глупа, какъ нѣкоторые воображаютъ.

Изъ всего этого мы въ силахъ понять лишь то, что г. Прудонъ приравниваетъ коллективное *я* къ индивидуальному *я* и желаетъ, чтобы оно вело себя такимъ же образомъ. Мы тѣмъ охотнѣе допускаемъ это сравненіе, что считаемъ человѣческое тѣло образцомъ, даннымъ людямъ самой природой для подражанія, божественнымъ образомъ, къ которому, по мѣрѣ своего усовершенствованія, общества стремятся все болѣе приблизиться, и вѣрное воспроизведеніе котораго въ соціальномъ организмѣ было бы крайнимъ предѣломъ, до котораго можетъ вознестись политическій геній.

Человѣческое тѣло замѣчательно тѣмъ, что всѣ его члены, повинуясь закону полной солидарности, услуживаютъ другъ другу; и зависимость эта не только не ведетъ къ рабству котораго-нибудь изъ нихъ, а, напротивъ, въ силу самой своей взаимности, обезпечиваетъ ихъ общую свободу. Ни одинъ членъ тѣла не принужденъ отправлять функцію, превосходящую его силы.—*Отъ каждаго по его способностямъ*!—Ни одинъ не получаетъ менѣе того, что ему необходимо для отправленія своей спеціальной функціи.—*Каждому по его потребностямъ*!—Это прообразъ равенства. Если повреждена рука или нога, то все тѣло отъ этого страдаетъ. Это прообразъ братства. Но какъ объяснить изумитель-

ное согласіе, царящее въ этомъ цѣломъ? Вотъ предметъ, который нужно схватить; глазъ различаетъ его, нога къ нему ведетъ, рука беретъ его. Но не существуетъ ли чего-то, что заставляетъ эти различныя функціи стремиться къ достиженію общаго результата? Очевидно, существуетъ, и это нѣчто есть —мозгъ, символизирующій не идею угнетенія, а идею единства и гармоніи.

2) *О цѣли или задачѣ государства.*

Приведя опредѣленіе государства, данное мной въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала *Nouveau Monde*, гражданинъ Прудонъ говоритъ:

„Это, по крайней мѣрѣ, ясно: государство является *представителемъ* общества, организующаго свои внѣшнія силы для того, чтобы защищать слабаго отъ сильнаго; иными словами, для того, чтобы водворять миръ между сражающимися и возстановлять порядокъ! Луи Бланъ, какъ видите, не сталъ далеко искать опредѣленія задачи государства. Оно повторяется со времени Гроціуса, Юстиніана, Цицерона и др., всѣми авторами, писавшими о государственномъ правѣ. Это орфическое преданіе, изложенное Гораціемъ“.

Я очень радъ этой констатаціи. Она показываетъ, что здравый смыслъ существуетъ не со вчерашняго дня.

„Власть произошла изъ варварства, ея учрежденіе у первобытныхъ людей указываетъ на состояніе жестокости и насилія, вытекавшее изъ полнаго отсутствія промышленности и торговли. Этой дикости государство должно было положить конецъ, противопоставивъ силѣ каждаго индивидуума высшую силу, способную обуздать его волю, за неимѣніемъ другихъ способовъ воздѣйствія. Учрежденіе государства предполагаетъ, слѣдовательно, какъ мы это только-что сказали, глубокій соціальный антагонизмъ, *homo homini lupus*: самъ Луи Бланъ говоритъ это, когда, раздѣливъ людей на *сильныхъ* и *слабыхъ*, вырывающихъ другъ у друга пищу на подобіе дикихъ звѣрей, онъ дѣлаетъ государство посредникомъ между ними.

Стало быть, государство сдѣлалось бы безполезнымъ, государ-

ство потеряло бы цѣль и смыслъ, оно должно было бы упразднить само себя, если бы наступилъ моментъ, когда, почему-либо, общество перестало бы дѣлиться на *сильныхъ* и *слабыхъ*, т. е., когда неравенство физическихъ и умственныхъ силъ независимо отъ государственнаго покровительства, скорѣе, впрочемъ, фиктивнаго, чѣмъ дѣйствительнаго, не смогло бы болѣе служить основаніемъ для ограбленія и угнетенія.

„Этотъ именно тезисъ мы теперь доказываемъ.

„Смягчаетъ нравы и постепенно водворяетъ право на мѣсто силы, обезпечивавшей сначала безопасность, создаетъ постепенно свободу и равенство не столько религія и государство, сколько трудъ,—т. е., прежде всего, торговля и промышленность,—затѣмъ наука, одухотворяющая его, наконецъ, искусство, его безсмертный цвѣтокъ. Религія своими обѣщаніями и своими угрозами, государство своими судилищами и войсками лишь санкціонировали единственнымъ понятнымъ для дикихъ умовъ образомъ чувство права, слишкомъ слабое въ первобытномъ человѣчествѣ. Для насъ, которыхъ, по словамъ Жанъ-Жака, развратили промышленность, искусства, литература и науки, эта санкція состоитъ въ другомъ, а именно — въ раздѣлѣ имуществъ, во взаимной связи индустріи, въ развитіи роскоши, въ властной потребности во благосостояніи, потребности, налагающей на всѣхъ необходимость трудиться. Послѣ первобытной грубости, послѣ кастового чванства и феодальнаго устройства старинныхъ обществъ, оставался послѣдній элементъ рабства: капиталъ. Съ уничтоженіемъ преобладанія капитала, работникъ, т. е. коммерсантъ, промышленникъ, ученый, художникъ, перестаетъ нуждаться въ защитѣ; его защита заключается въ его талантѣ, въ его знаніяхъ, въ его индустріи. Послѣ низверженія капитала, сохраненіе государства не только не понадобилось бы для охраны свободы, но являлось бы для послѣдней опасностью“.

Итакъ, г. Прудонъ соглашается съ тѣмъ, что, когда не существовало ни торговли, ни промышленности, государство „должно было положить конецъ этой дикости, противопоставивъ силѣ каждаго индивидуума высшую силу“. Не такъ выражается авторъ въ

Признаніяхъ революціонера (стр. 6), говоря о происхожденіи идеи *государства*; ну да ужъ не станемъ къ этому придираться! Вѣдь противорѣчіямъ г-на Прудона и счетъ потерянъ! Итакъ, намъ уступаютъ первый пунктъ: когда торговля и промышленность не существовали, когда физическая сила рѣшала все, когда слабый былъ добычей сильнаго, понадобилось, чтобы государство положило конецъ этой дикости, праву сильнаго.

Но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ первый фазисъ общественности смѣнился промышленной эрой, развѣ не возникъ новый родъ тиранніи? Не послѣдовало ли за неравенствомъ мускульной силы неравенство средствъ къ развитію, за царствомъ Антеевъ и Прокрустовъ владычество Ротшильдовъ, и за матеріальнымъ правомъ сильнаго, т. е. за кулачнымъ правомъ,—промышленное право сильнаго, т. е. конкурренція? И если пришлось призвать государство на помощь для борьбы съ старинной формой неравенства, то почему не обратиться къ нему за поддержкой въ борьбѣ съ современной формой неравенства? Если государство было необходимо для того, чтобы прекратить пожираніе слабыхъ сильными, почему не призвать его для того, чтобы помѣшать порабощенію рабочаго капиталистомъ?

Но какъ можетъ г. Прудонъ утверждать въ этомъ случаѣ, что благодаря именно *труду право мало-по-малу воцаряется на мѣсто силы?* Воцаряется ли право на мѣстѣ силы благодаря труду американскаго негра, согбеннаго и стенающаго подъ бичемъ надсмотрщика? Воцаряется ли право на мѣстѣ силы благодаря труду европейскаго пролетарія, который можетъ остаться безъ хлѣба, одежды и крова, вспахавъ кормилицу-землю, соткавъ парчевыя и шелковыя ткани и построивъ великолѣпные дворцы? Трудъ, какъ его теперь понимаютъ, не только не водворяетъ права на мѣсто силы, но самъ вытекаетъ изъ силы, замѣняющей право. Итакъ, здѣсь слѣдовало говорить не о трудѣ самомъ по себѣ, а о способахъ организовать его. А ниже мы докажемъ, что лучшая и справедливая организація труда связана съ преобразованіемъ и вмѣшательствомъ государства.

Нѣтъ надобности утверждать, что въ настоящее время санкція чувства права заключается въ раздѣленіи имуществъ;—ибо о какомъ

раздѣленіи имуществъ идетъ рѣчь? или въ взаимной связи индустрій;—ибо какого рода связь здѣсь подразумѣвается? или въ развитіи роскоши;— ибо путемъ какой соціальной организаціи это развитіе можетъ быть выгоднымъ для всѣхъ? или въ властной потребности въ благосостояніи;—ибо при какихъ условіяхъ эта потребность будетъ признаваться одинаково законной у всѣхъ и у всѣхъ же удовлетворяться? Если г. Прудонъ понимаетъ подъ раздѣломъ имуществъ аграрный законъ; подъ взаимной связью индустрій—конкурренцію; подъ развитіемъ роскоши побѣдное шествіе той наглой пышности, посредствомъ которой богачъ старается затмить или унизить своего сосѣда; подъ властной потребностью въ благосостояніи жажду эгоистическаго или завоеваннаго насиліемъ благополучія... то это будетъ не царствомъ права, а царствомъ силы. Если, напротивъ, г. Прудонъ желаетъ, чтобы собственность была сокровищницей общихъ радостей, чтобы различныя отрасли промышленности стали солидарны между собой, чтобы роскошь развивалась въ коллективной формѣ, чтобы потребность въ благосостояніи удовлетворялась у всѣхъ людей посредствомъ примѣненія формулы: *каждому по его потребностямъ...* о, въ такомъ случаѣ, прекрасно! сила испускаетъ дыханіе у ногъ торжествующаго права. Но, въ такомъ случаѣ, г. Прудонъ оказывается обреченнымъ на единомысліе съ *„этими бѣдными люксембургскими делегатами“*; онъ принужденъ желать соціальнаго единства, т. е. государства въ обществѣ и головы въ человѣческомъ тѣлѣ!

3) О будущемъ назначеніи государства.

„Что касается до преобразованія государства въ утилитарномъ духѣ, то мы считаемъ это утопіей, которой противорѣчатъ одновременно и правительственная традиція, и революціонная тенденція, и духъ экономическихъ реформъ, нынѣ признанныхъ. Во всякомъ случаѣ, мы утверждаемъ, что преобразовать власть надлежитъ свободѣ и только свободѣ, а въ настоящее время это равняется полному исключенію власти“.

Въ этомъ мѣстѣ мы находимъ четыре утвержденія, четыре основныхъ заблужденія.

1) Фактически неточно и принципіально невѣрно, что преобразованіе государства въ утилитарномъ духѣ—утопія, которой противорѣчитъ революціонная традиція; ибо революціонная традиція показываетъ намъ въ Комитетѣ общественнаго спасенія власть, конечно грозную, какъ и породившее ее положеніе, но безстрашную, самоотверженную, инціаторскую въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова и преданную народу на жизнь и на смерть. Но если бы даже не было ни одного подобнаго примѣра въ исторіи, мы не имѣли бы права выводить изъ того, что было, заключеніе о томъ, что должно быть. Это значило бы отрицать прогрессъ, и г. Фульдъ поспѣшилъ бы, въ такомъ случаѣ, установить, съ помощью капиталистической традиціи, ту истину, что уравненіе капитала и труда есть химера. Г. Прудонъ разсуждаетъ совершенно такъ, какъ реакціонеры. Совѣтуемъ ему поостеречься!

2) Невѣрно, что переустройство государства въ утилитарномъ духѣ есть утопія, которой противорѣчитъ революціонная тенденція. Наоборотъ, ученіе объ инціативѣ народа въ государствѣ и при посредствѣ государства раздѣляется громаднымъ большинствомъ нашей партіи. Достаточнымъ доказательствомъ этого служатъ предсказанія самого г-на Прудона, который, впадая въ одно изъ тѣхъ противорѣчій, удивляться которымъ мы давно уже перестали, называетъ насъ, т. е. Пьера Леру и меня, *послѣдними представителями* идеи *государства*, и затѣмъ тѣмъ же перомъ пишетъ слѣдующее:

„Вслѣдствіе этого предрасположенія нашей дорогой и несчастной родины, и принимая во вниманіе быструю смѣну событій, я предвижу, совершенно безпристрастнымъ образомъ, какъ вы въ этомъ убѣдитесь, что демократическая и соціальная республика учредится подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которымъ вы служите; и что когда-нибудь, можетъ быть вскорѣ, вы займете въ государствѣ тотъ важный постъ, къ которому стремится ваше честолюбіе. Предсказанный мною демагогическій карнавалъ долженъ осуществиться. Такъ какъ идеи опережаются событіями и такъ какъ ваша чисто воображаемая государственная теорія легче усваивается,

чѣмъ научная теорія свободы, то мнѣ кажется почти невозможнымъ, чтобы мы избѣгли эксперимента Люксембургскихъ теорій".

3) Духъ нынѣ признанныхъ экономическихъ реформъ не только не противорѣчитъ тому, что г. Прудонъ называетъ утопіей утилитарнаго переустройства государства, а наоборотъ, самымъ побѣдоноснымъ образомъ доказываетъ необходимость этого переустройства. Примѣромъ этому можетъ служить безвозмездность кредита. Для того, чтобы работники могли пользоваться даровымъ кредитомъ, не должны ли они перестать нуждаться въ индивидуальномъ капиталѣ, ссужаемомъ подъ проценты, не должны ли они найти способъ создать себѣ коллективный капиталъ? Для того, чтобы создать коллективный капиталъ, не должны ли они вступить въ плодотворную ассоціацію? Для того, чтобы сдѣлать это, не потребуются ли имъ значительные авансы, которые они распредѣлятъ между своими, связанными взаимной солидарностью ассоціаціями? А для того, чтобы эта солидарность поддерживалась, направлялась, охранялась отъ давленія враждебной среды, во-первыхъ, затѣмъ отъ тиранническихъ претензій индивидуальнаго эгоизма, не потребуется ли центръ, единство дѣйствія, власть: т. е. резюмированный народъ, государство? Даровой кредитъ не можетъ быть созданъ безъ того, чтобы ассоціація стала *всеобщей*; ассоціація не можетъ стать всеобщей и продержаться въ качествѣ таковой безъ государства. Итакъ, между даровымъ кредитомъ и государствомъ существуетъ связь, которой нельзя ни отрицать, ни уничтожить.

Я воспользуюсь представляющимся мнѣ случаемъ, чтобы замѣтить здѣсь мимоходомъ, что уничтоженіе ссуды подъ проценты и даровой кредитъ составляютъ именно основу системы, которую я развилъ въ *Организаціи труда*, когда я еще ничего не зналъ о г-нѣ Прудонѣ, ни даже его имени. Такъ что онъ былъ бы совершенно неправъ, если бы приписалъ себѣ изобрѣтеніе безплатнаго кредита, достоинство котораго столь давно и столь краснорѣчиво провозгласили св. Григорій Нисскій, св. Амвросій и многіе другіе отцы церкви. Справедливо будетъ признать, и я это охотно дѣлаю,

что г. Прудонъ мощно содѣйствовалъ распространенію и популяризаціи этой истины. Но недостаточно восклицать: „Даровой кредитъ! даровой кредитъ!“ Важно осуществить его, а это невозможно безъ ассоціаціи.

4) Утверждать, что одной лишь свободѣ надлежитъ организовать власть, значитъ говорить правду постольку, поскольку здѣсь подъ свободой подразумѣваютъ волю народа, свободно выражающуюся всеобщей подачей голосовъ; но прибавлять, что это „въ настоящее время равняется полному исключенію власти“, значитъ говорить нѣчто совершенно неудобопонятное, что долженъ былъ бы намъ объяснить г. Прудонъ, если только онъ самъ себя понялъ.

„Предупреждаю васъ объ этомъ заранѣе, вамъ не удастся управлять такъ, какъ вы это себѣ воображаете, ни вамъ, ни кому бы то ни было другому. Какъ бы сочувственно рабочій ни относился къ вашимъ идеямъ, онъ на этотъ разъ не предоставитъ вамъ иниціативы; онъ намѣренъ править самолично; вы сдѣлаетесь орудіемъ неорганизованной массы, и вы вторично подвергнете опасности дѣло февральской революціи, обращаясь постоянно не къ работѣ мысли, а къ революціоннымъ страстямъ“.

Эта угроза, что править будетъ самъ народъ, является для насъ не угрозой, а надеждой. Народъ будетъ править? Да намъ этого только и нужно. Когда мы такъ настойчиво уговариваемъ рабочихъ ассоціироваться, а ассоціаціи—вступить въ общій союзъ, въ чемъ состоитъ наша цѣль, какъ не въ томъ, чтобы народъ выучился всегда самъ надзирать за своими дѣлами и самъ руководить ими? А это значитъ приготовлять пришествіе *государства—служителя*. Мы не особенно боимся этой толпы, о которой намъ говорятъ, что она, по необходимости, будетъ *неорганизованной*, если только ее не организуетъ *анархія*! Сдѣлаться же орудіемъ этой толпы не позоръ, а честь, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, рѣшившемъ не поступаться, служа ей, ни своимъ достоинствомъ, ни своей совѣстью, ни своимъ разумомъ. Друзья мои, вы, на чьихъ глазахъ я провелъ два бурныхъ мѣсяца,— мартъ и апрѣль, скажите: поощрилъ ли я когда-либо какое-ни-

будь несправедливое требованіе, или хотя бы какое-нибудь преждевременное притязаніе? принесъ ли я когда-либо обязанность служить народу въ жертву желанію ему нравиться? Рабочіе! вы, которые вскорѣ будете истинными властителями, тѣ васъ не понимаютъ, тѣ клевещутъ на васъ, которые воображаютъ, что, подобно королямъ, вы нуждаетесь въ льстецахъ и прислужникахъ. Пусть г. Прудонъ знаетъ и помнитъ, что народъ обладаетъ поразительнымъ инстинктомъ, указывающимъ ему на тѣхъ, кто его любитъ; онъ способенъ угадать біеніе преданнаго ему сердца даже въ словахъ, которыя ему не нравятся, и рукоплескать своимъ друзьямъ, когда они ему сопротивляются для его же пользы.

А теперь не попытаться ли мнѣ защититься отъ обвиненія, взводимаго на меня г-номъ Прудономъ, въ томъ, что я подвергъ опасности результаты февральской революціи? Но эту защиту представилъ, вмѣсто меня, самъ г. Прудонъ. Вотъ, что онъ пишетъ:

„Былъ во Временномъ правительствѣ человѣкъ, завоевавшій себѣ почти не по лѣтамъ раннюю знаменитость, принужденный самимъ своимъ прошлымъ дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи и, кромѣ того, въ силу своего характера, рѣшившійся не упускать случая. Этотъ человѣкъ назывался Луи Бланомъ. Онъ-то поставилъ революціонный вопросъ.

За нѣсколько лѣтъ до революціи, онъ издалъ брошюру, въ которой, несмотря на ея заглавіе, *Организація труда*, не содержалось ничего, кромѣ краснорѣчивой критики конкурренціи и кое-какихъ болѣе или менѣе точныхъ замѣтокъ о рабочихъ ассоціаціяхъ. Я могу теперь сказать, не вредя репутаціи этого сочиненія и самого автора, то, что я думаю объ этой брошюрѣ, содержаніе которой исчезаетъ въ лучахъ заглавія: *Организація труда*.

„И дѣйствительно, что намъ за дѣло до содержанія и до научной цѣнности этой книги? Важна лишь цѣль.

„Наканунѣ революціи книга Луи Блана была только превосходнымъ литературнымъ отрывкомъ, на слѣдующій день послѣ

революціи она стала политическимъ событіемъ. Завиcть могла сказать, что авторъ, подымая въ Люксембургскомъ дворцѣ вопросъ о трудѣ, создавалъ коммерческую рекламу своему, переставшему было раскупаться, сочиненію: серьезный историкъ не останавливается на подобныхъ гадостяхъ. *Организація труда*,—вотъ въ чемъ состояла задача февральской революціи, а задачу эту поставилъ Луи Бланъ. Этого достаточно, чтобы сдѣлать безсмертными имя автора и заглавіе его сочиненія.

„Спрашивается теперь, что такое организація труда? Какъ организовать трудъ? Луи Бланъ могъ ошибиться, отвѣчая на этотъ вопросъ; никто не въ правѣ упрекать его за это. Его право, его обязанность, его слава состояли въ томъ, чтобы сказать вовсеуслышаніе: „Задача февральской революціи есть задача организаціи труда“.

„У Луи Блана, памфлетиста, журналиста, оратора, историка, человѣка воображенія, чувства и символизма, былъ товарищъ и помощникъ, рабочій **Альберъ:** рабочій подавалъ руку литератору!.. На долю ихъ выпала миссія подготовить души, разбросать революціонное сѣмя и дать ему произрасти, поливая его поэзіей и краснорѣчіемъ.

„Вслѣдъ за соціалистической пропагандой родилась вскорѣ реакція. Узнавъ свое истинное имя, республика узнала также и своихъ противниковъ. Настало для нее время всяческихъ напастей. Секта экономистовъ стала метать свои перуны въ Люксембургскія конференціи; академія наукъ (l'Institut) пришла на подмогу соціальной реакціи, а газеты открыли послѣдней свои столбцы. Кто хотѣлъ сдѣлать карьеру при новомъ правительствѣ, тотъ дослуживался до чиновъ и орденовъ, нападая на Луи Блана. Сражаться съ соціализмомъ стало лучшимъ способомъ зарекомендовать себя съ выгодной стороны при республикѣ, соціалистической по существу. Въ настоящее время г.г. Фаллу и Фоше состоятъ министрами; Луи Бланъ проживаетъ въ Лондонѣ, Альберъ сидитъ въ Венсенскомъ замкѣ. Одно время модной остротой была фраза, что *Организація труда* Луи Блана дезорганизовала трудъ. Хо-

тѣлъ бы я знать, поправятся ли наши дѣла отъ Фошеровскаго „довѣрія“... [1])?

Въ одной изъ моихъ предыдущихъ статей я доказалъ, что отрицаніе государства приводитъ къ отрицанію свободы: я не отложу въ сторону пера, пока не докажу, что оно приводитъ также къ отрицанію равенства и братства.

И не замѣчательно ли, въ самомъ дѣлѣ, что столь пламенно желаетъ уничтоженія государства человѣкъ, осмѣлившійся написать: „*Каждому по его потребностямъ! Да, это меньше, чѣмъ равенство!*“ Какъ будто равенство можетъ существовать тамъ, гдѣ потребности одного удовлетворены, въ то время, какъ потребности другого остаются неудовлетворенными, тамъ, гдѣ законы природы соблюдаются по отношенію къ одному, не не по отношенію къ другому!

Значитъ, эти непримиримые противники государства держатся сен-симонистской доктрины: каждому по его дѣламъ! Но кто будетъ судить о цѣнѣ и законности этихъ дѣлъ! Какая-нибудь власть? Но г. Прудонъ не признаетъ никакой власти, будучи въ этомъ случаѣ менѣе послѣдовательнымъ, чѣмъ сен-симонисты, признававшіе, по крайней мѣрѣ, своего папу. Или же сен-симонистская формула будетъ примѣняться посредствомъ правила, столь восхваляемаго школой либеральныхъ экономистовъ, правила, основаннаго на игрѣ случая и порождающаго угнетеніе, словомъ—этого грубаго факта, нагло возведеннаго въ принципъ и называемаго закономъ спроса и предложенія? Смиримся въ такомъ случаѣ. Мы, значитъ, навсегда заключены въ тюрьму, именуемую современнымъ обществомъ. Дорогу капиталу, дорогу той формѣ справедливости, которая называется конкурренціей!

Каждому по его дѣламъ! Эта формула распредѣленія настолько ложна, такъ явно несправедлива и нелѣпа, что существованіе общества сдѣлается невозможнымъ въ тотъ день, когда ее перестанутъ нарушать. Какую формулу примѣняетъ мать, корми-

---

[1]) „Le Peuple“, отъ 19-го февраля 1849 года.

щая грудью сына, дѣла котораго въ настоящемъ не существуютъ, а въ будущемъ неизвѣстны, формулу ли *каждому по его дѣламъ*, или формулу *каждому по его потребностямъ?* Съ формулой ли *каждому по его дѣламъ*, или съ формулой *каждому по его потребностямъ*, сообразуется сынъ, заботящійся о своемъ престарѣломъ отцѣ, не соразмѣряя своихъ попеченій съ его настоящими или прошлыми заслугами? И формулу ли *каждому по его заслугамъ*, или формулу *каждому по его потребностямъ* читаетъ духовное око на дверяхъ школъ, въ которыхъ воспитываются дѣти, госпиталей, гдѣ ухаживаютъ за ранеными, пріютовъ, гдѣ призрѣваютъ стариковъ, палатъ, гдѣ содержатся умалишенные? О, непослѣдовательное общество! Ты не рѣшаешься логично и полностью примѣнить принципъ, отказавшись отъ котораго ты обрекло бы на гибель стариковъ и дѣтей, т. е. прошлое и грядущее!

Но, возражаетъ г. Прудонъ, какъ сдѣлать правиломъ распредѣленія законъ потребностей, когда потребленіе безконечно растяжимо, а производство ограничено? Въ самомъ дѣлѣ? Значитъ, на свѣтѣ существуютъ люди, безконечно нуждающіеся въ томъ, чтобы жить одновременно въ ста и болѣе дворцахъ, носить сразу тысячу и болѣе одеждъ, обѣдать десять тысячъ и болѣе разъ въ день! До сихъ поръ мы думали, что необходимыми границами потребленія являются границы самого производства. Оказывается, что это глубокое экономическое заблужденіе и что человѣкъ можетъ, не рискуя попасть въ домъ умалишенныхъ, пожелать съѣсть больше хлѣба, чѣмъ сколько производитъ послѣдняго вся земля!

Что въ обществѣ, устроенномъ, какъ современное, на индивидуалистическомъ принципѣ, формула *каждому по его потребностямъ*, въ цѣломъ, непримѣнима, что она можетъ быть примѣнена лишь при режимѣ братской ассоціаціи, и что, даже и при этомъ послѣднемъ режимѣ, если бы онъ былъ немедленно введенъ, развитіе истиннаго принципа равенства и справедливости встрѣтило бы разныя препятствія, такъ какъ растлѣнная цивилизація, подъ гнетомъ которой мы еще находимся, создала множество

искусственныхъ потребностей и извращенныхъ вкусовъ, которые смогутъ породить несправедливыя притязанія,—я это первый готовъ признать.

Но несомнѣнно и то, что именно *этотъ* принципъ слѣдуетъ принять, что къ достиженію именно *этой* цѣли слѣдуетъ стремиться и что въ виду этой реформы изъ реформъ должна совершиться соціальная революція.

Что бы тамъ ни говорили, сама природа назначаетъ границы физическимъ потребностямъ человѣка. У него есть духовныя потребности, которыя въ правильной и прогрессирующей ассоціаціи могли бы развиваться и удовлетворяться на коллективной почвѣ. Что же касается до чисто искусственныхъ потребностей, создаваемыхъ полной изъяновъ цивилизаціей и могущихъ породить эксцентрическія требованія, то въ правильно устроенномъ обществѣ онѣ или совсѣмъ не зарождались бы, или являлись бы тамъ индивидуальными болѣзнями, которыя общество не поощряло бы, а лѣчило бы.

Еще одно послѣднее слово. Чтобы доказать, что, пуская въ обращеніе этотъ тезисъ *ан-архіи*, г. Прудонъ лишь жонглировалъ словами, или же самъ себя не понималъ, на чей авторитетъ мы сошлемся? На авторитетъ самого г-на Прудона. Цитируемъ дословно его политическую программу:

„Для того, чтобы нація выразилась въ своемъ единствѣ, необходимо централизовать ея религію, централизовать ея юстицію, военную силу, земледѣліе, промышленность, торговлю, финансы, словомъ, централизовать всѣ ея функціи и виды дѣятельности; централизація эта должна идти снизу вверхъ, отъ окружности къ центру, а не наоборотъ, и всѣ эти функціи должны оставаться независимыми и сами собой управляться.

„Сгруппируйте затѣмъ вершины этихъ различныхъ администрацій: у васъ получится вашъ совѣтъ министровъ, ваша *исполнительная власть*, которая прекрасно сможетъ тогда обойтись безъ государственнаго совѣта.

„Поставьте надъ всѣмъ этимъ верховное жюри, т. е. законо-

дательное или національное собраніе, избираемое прямой и всеобщей подачей голосовъ, и возложите на него не обязанность назначать министровъ,—послѣдніе получаютъ свои полномочія отъ своихъ особыхъ довѣрителей,—а обязанность повѣрять счеты, издавать законы, устанавливать бюджетъ, разбирать споры, возникающіе между различными администраціями, все это по выслушаніи заключеній государственнаго прокурора (ministère public), т. е. министра внутреннихъ дѣлъ (къ его особѣ сведется тогда все правительство): у васъ получится централизація тѣмъ болѣе крѣпкая, что вы умножите ея фокусы, отвѣтственность тѣмъ болѣе дѣйствительная, что разграниченіе между властями будетъ какъ можно рѣзче проведено: у васъ получится конституція одновременно политическая и соціальная.

„Тамъ, гдѣ правительство, государство, власть, — какъ тамъ ихъ ни назовите, — заключены въ надлежащія границы, т. е. гдѣ имъ приходится не *законодательствовать*, не *исполнять*, ни даже *воевать* или *судить*, а въ качествѣ прокурорскаго надзора (ministére public) присутствовать на судебныхъ разбирательствахъ, или на преніяхъ, напоминая о смыслѣ законовъ и не позволяя имъ противорѣчить одинъ другому, надзирать, въ роли полиціи, за ихъ исполненіемъ и преслѣдовать ихъ нарушителей; тамъ, говорю я, правительство есть лишь инспекторъ общества, часовой, поставленный народомъ“ [1]). Итакъ, этотъ страшный противникъ государства, государства въ самомъ его принципѣ, государства какого-бы то ни было, предлагаетъ намъ все *централизировать*, имѣть *національное представительство*, *исполнительную власть*, *государственнаго прокурора*, *министерство внутреннихъ дѣлъ*; онъ не пренебрегаетъ *повѣркой счетовъ*, онъ допускаетъ *бюджетъ*, онъ прекрасно мирится съ существованіемъ *судовъ*, онъ хочетъ, чтобы нарушители законовъ подвергались *преслѣдованію*, онъ хочетъ *полиціи*, о ужасъ!—и доходитъ до того, что предлагаетъ правительство, да — это его собственныя слова—*правительство въ роли инспектора*!

[1]) „Confessions d'un Revolutionnaire“, стр. 63.

Это дѣлаетъ всякіе комментаріи излишними и прекращаетъ споръ!

Свобода.

Что великодушные умы, что философы, въ геніи которыхъ я такъ часто подслушивалъ біеніе гуманнаго сердца, часто говорятъ такой вздоръ въ своихъ изслѣдованіяхъ по рабочему вопросу, несомнѣнно служитъ однимъ изъ поразительнѣйшихъ доказательствъ власти ходячихъ предразсудковъ и силы сопротивленія, которой обладаютъ старинныя заблужденія.

Какъ! Они говорятъ о *свободѣ* и не понимаютъ, что невѣжество и бѣдность являются самымъ жестокимъ изъ всѣхъ видовъ рабства.

И они называютъ *сектантами*, — слово это заимствовано изъ словаря инквизиціи, — тѣхъ, которые считаютъ одной изъ важнѣйшихъ соціальныхъ обязанностей обязанность вмѣшательства въ пользу того, кто не могъ-бы собственными своими слабыми силами защититься отъ угнетенія!

И они считаютъ неприкосновенной эту громадную систему *регламентаціи*, въ силу которой бѣднякъ, потому только, что онъ сынъ бѣдняка, не имѣетъ права вспахать этотъ клочекъ земли, напиться воды изъ этого ручья, сорвать эти плоды, убить эту птицу, чтобы утолить ею свой голодъ, закинуть удочку въ эту рѣку.

И подъ тѣмъ предлогомъ, что это было-бы *регламентаціей*, они отказываютъ во всякомъ соціальномъ вознагражденіи этимъ милліонамъ обездоленныхъ людей, отъ которыхъ они, между тѣмъ, требуютъ уваженія и любви къ закону, — самому *регламентаторскому*, который только можно себѣ представить, — стремящемуся путемъ наслѣдства сосредоточить въ немногихъ рукахъ всѣ орудія труда!

И когда они объявляютъ право собственности естественнымъ правомъ, присущимъ человѣческой природѣ, что совершенно справедливо, они не видятъ того, что именно поэтому нужно посред-

ствомъ ассоціаціи сдѣлать это право доступнымъ для всѣхъ, дабы никто не нуждался въ томъ, *что присуще его природѣ*!

Тѣ, которые не сомнѣваются въ справедливости общей системы налоговъ, заставляющей такое громадное количество тружениковъ содѣйствовать поддержанію всей совокупности учрежденій, которыми пользуется столько тунеядцевъ, возмущаются при мысли о повинности, имѣющей цѣлью доставить работу людямъ, желающимъ трудиться и умирающимъ съ голоду, за ненахожденіемъ себѣ занятія!

И тѣ, которые ничего не имѣютъ противъ вмѣшательства государства, когда послѣднее, въ видѣ жандарма, солдата или полицейскаго, охраняетъ имущество богатаго, предаютъ анаѳемѣ это самое вмѣшательство, когда кто либо предлагаетъ, чтобы оно проявлялось въ научной формѣ съ цѣлью охраненія жизни бѣдняка!

Отъ нихъ ускользаетъ то обстоятельство, что въ демократіи государство—это всѣ граждане, пекущіеся объ интересахъ всѣхъ гражданъ!

И потому, что *въ теоріи* „между трудомъ и капиталомъ не можетъ существовать пропасти“, они не хотятъ чтобы изслѣдователи старались узнать, не существуетъ ли эта пропасть *въ дѣйствительности*!

И потому, что „капиталъ нуждается въ талантѣ и рабочихъ рукахъ настолько же, насколько талантъ и рабочія руки нуждаются въ капиталѣ“, они воображаютъ, что капиталистъ настолько же нуждается въ рабочемъ, насколько рабочій нуждается въ капиталистѣ, при чемъ не принимаютъ въ разсчетъ того, что первый заключаетъ условіе ради барыша, а второй ради хлѣба, первый для обогащенія, второй для того, чтобы не умереть съ голоду; что и создаетъ между ними всю разницу, существующую между возможностью ждать и невозможностью этого, между положеніемъ *свободнымъ* и положеніемъ *подневольнымъ*!

И они воображаютъ себя сторонниками *свободы*, когда заявляютъ, что „договоръ о наймѣ устанавливается силой вещей“, какъ будто право сильнаго есть *свобода* и какъ будто они ни-

когда не читали на эту тему одну изъ самыхъ мѣткихъ басенъ Лафонтена!“

Они отрицаютъ право на трудъ: почему же не отрицаютъ они права на жизнь?....

Если бы меня спросили, какимъ словомъ болѣе всего злоупотребляли въ нашей современной цивилизаціи, какое слово служило гнету наиболѣе удобной маской, и являлось наилучшимъ средствомъ убаюкивать отчаяніе жертвъ этого гнета, я отвѣтилъ бы: слово *свобода*.

Вотъ два человѣка: они оба созданы, говорятъ, по образу и подобію Божію; первый продаетъ свою жизнь, да саму жизнь, а второй покупаетъ ее: предоставимъ свободу сдѣлкамъ!

Шейлокъ, держа контрактъ въ одной рукѣ и ножъ въ другой, собирается вырѣзать уловленный фунтъ мяса изъ груди Антоніо: предоставьте свободу капиталу!

Конкурренція дѣлаетъ неодушевленную природу соперницей природы мыслящей, чувствующей и страдающей; она замѣняетъ работой машины, не знающей голода, работу живого существа, которое умираетъ, если не имѣетъ занятія; она замѣняетъ упраздненнаго человѣка вращающейся рукояткой: предоставьте промышленности свободу!

Биржа открыта: предоставьте свободу ажіотажу!

Но да не посмѣетъ этотъ блѣднолицый оборванецъ взывать къ жалости прохожаго; да не вздумаетъ этотъ бездомный пролетарій уснуть на мостовой между двумя рядами пустыхъ дворцовъ; развѣ нищетѣ предоставляется свобода?

Благодареніе Богу! Еще не дошли до того, чтобы обратить въ частную собственность солнечные лучи. А то намъ сказали бы: „Вы будете платить столько-то за минуту пользованія дневнымъ свѣтомъ“ и право погружать насъ въ вѣчную ночь назвали бы свободой!

О, свобода, свобода! божество горныхъ душъ, сколько видовъ тираніи развернулось во всю ширь, прикрываясь твоимъ именемъ!

Пора наконецъ объясниться. Вы говорите мнѣ о томъ, какъ драгоцѣнна свобода? Я хочу сначала знать: что такое она.

Я нахожу, что она опредѣлена съ ясностью и глубиной въ *Деклараціи Правъ*. „Свобода есть принадлежащая человѣку возможность (pouvoir) упражнять по своему усмотрѣнію всѣ свои способности: справедливость служитъ ей правиломъ, права другихъ людей границей, природа основаніемъ и законъ охраной“.

Замѣтьте слово *возможность*; оно содержитъ въ себѣ цѣлое ученіе.

Право, *возможность*. Между этими двумя понятіями такая же разница, какъ между теоріей и практикой, абстракціей и дѣйствительностью, тѣнью и тѣломъ. Что толку въ томъ, что вы скажете этому паралитику, что онъ имѣетъ *право* встать и ходить? Онъ долженъ имѣть возможность это сдѣлать. Дайте ее ему, вы, врачи желающіе его спасти, и онъ благословитъ васъ.

Вопросъ слѣдовательно сводится къ тому, чтобы найти такой соціальный порядокъ, при которомъ каждый *могъ бы* наилучшимъ образомъ развивать всѣ свои способности по своему усмотрѣнію, не мѣшая развитію способностей другихъ.

Ученіе, которому мы служимъ, упрекали въ томъ, что оно приводитъ къ уничтоженію индивидуальной свободы, къ чистому деспотизму. Насъ называютъ врагами свободы! Но что̀ же съ самаго нашего появленія на свѣтъ внѣдрило въ насъ любовь къ республикѣ, что̀ всегда было предметомъ нашихъ самыхъ горячихъ стремленій, что̀ дѣлаетъ намъ столь дорогимъ принципъ ассоціаціи, что̀ заставляетъ насъ такъ пылко требовать демократическаго вмѣшательства государства въ великое дѣло освобожденія народа, что̀, какъ не *свобода?*

Это я и хочу доказать здѣсь окончательнымъ образомъ, разъ навсегда.

Во-первыхъ, каковъ этотъ новый міръ, куда намѣревается ввести насъ доктрина, въ результатѣ которой намъ съ испуганнымъ видомъ указываютъ на подавленіе всякаго самостоятельнаго движенія души, на удушающую атмосферу до крайности регламентиро-

ваннаго режима, на монастырскую дисциплину, какъ выразился гдѣ то г. де Ламартинъ, или на правительство Мегемета-Али, какъ сказалъ однажды съ высоты трибуны г. де Ламорисьеръ?

Міръ, отъ котораго васъ стараются отвратить, запугивая васъ призракомъ всевозможныхъ формъ деспотизма, это міръ, который я уже описалъ вамъ [1]), это тотъ міръ:

Гдѣ, благодаря совмѣстному безплатному и обязательному обученію, умъ и сердце всѣхъ гражданъ могли бы достигнуть наивысшаго уровня своего возможнаго развитія;

Гдѣ поэтому пороки, преступленія и несчастія, порождаемыя невѣжествомъ, были бы истреблены въ самомъ своемъ зародышѣ;

Гдѣ религія состояла бы въ философскомъ и искреннемъ примѣненіи нравственныхъ законовъ евангелія,

Гдѣ область промышленности и область земледѣлія, вмѣсто того, чтобы представлять собой поле битвы, усѣянное развалинами и трупами, оплодотворялись бы братскими ассоціаціями, связанными взаимной солидарностью;

Гдѣ распредѣленіе труда и плодовъ его основывалось бы на принципѣ, лежащемъ въ настоящее время въ основѣ семьи: *отъ каждаго по его способностямъ и каждому по его потребностямъ*;

Гдѣ соревнованіе перестало бы проявляться въ зависти, въ корыстолюбіи, въ надменности, въ ненависти, такъ какъ интересы каждаго были бы неразрывно связаны съ интересами всѣхъ;

Гдѣ общественное богатство, развитіе котораго задерживается слѣпой и анархической конкурренціей, безпредѣльно возросло бы благодаря гармонической комбинаціи всѣхъ способностей и всѣхъ силъ;

Гдѣ это богатство не могла бы пожирать тѣснящаяся вокругъ него толпа посредниковъ-паразитовъ, которыхъ дѣлаютъ необходимыми въ настоящее время единственно разъединеніе и антагонизмъ интересовъ;

---

[1]) Catéchisme des socialistes, 1849.

Гдѣ братство, сблизивъ сначала отдѣльныхъ людей, сблизило бы затѣмъ народы, сдѣлало бы въ концѣ концовъ войну невозможной и упразднило бы арміи;

Гдѣ государство было бы лишь собраніемъ преданныхъ и умныхъ людей, свободно избранныхъ равными имъ, для того чтобы играть по отношенію къ обществу роль, которую голова играетъ по отношенію къ тѣлу;

Гдѣ налогъ былъ бы лишь частью общаго дохода, употребляемой на общеполезныя дѣла;

Гдѣ на злодѣевъ смотрѣли бы какъ на больныхъ, отъ которыхъ старались бы оградиться, вмѣсто того чтобы мстить имъ, и которыхъ старались бы лѣчить, вмѣсто того чтобы ихъ мучить:

Гдѣ наконецъ цивилизація, прогоняющая дикихъ звѣрей въ пустыню по мѣрѣ своего распространенія, такъ что ихъ породы клонятся къ исчезновенію, уничтожила бы также бѣдность, а съ бѣдностью всѣ пороки, всѣ преступленія, всѣ несчастія, которыхъ она является источникомъ.

Вотъ нашъ *новый міръ:* посмотримъ же, какъ въ него могъ бы проникнуть деспотизмъ.

Въ подобномъ соціальномъ устройствѣ все общество заботилось бы о существованіи каждаго изъ своихъ членовъ и дѣти выростали бы подъ крылышкомъ родителей, не страдая отъ бѣдности послѣднихъ. Не было бы тамъ, значитъ, несчастныхъ созданій, вынужденныхъ, ради средствъ существованія, работать въ 7 лѣтъ и становиться проститутками въ 17; не было бы больше дѣтоубійствъ, причиненныхъ нищетой, не было бы пріютовъ, открытыхъ материнству, отрекающемуся отъ самого себя, „туровъ“ [1]) придуманныхъ въ виду стыдливости женщины, которая, жертвуя плодомъ своего чрева, сохраняетъ однако способность краснѣть. Такимъ образомъ, тысячи существъ получили бы на самомъ порогѣ жизни *свободу жить.*

---

[1]) *Tour*, такъ называлось особое окно въ прежнихъ французскихъ дѣтскихъ пріютахъ, выходившее на улицу и въ которое могли подбрасывать дѣтей лица, не желавшія быть узнанными. *Перев.*

Такъ какъ воспитаніе было бы одинаково для всѣхъ безплатнымъ, всеобщимъ, обязательнымъ, то никому не приходилось бы изнывать въ тѣхъ тискахъ, которыми деспотизмъ невѣжества сдавливаетъ умъ и сердце; никто не былъ бы лишенъ образованія, которое является для *свободнаго* развитія человѣка тѣмъ, чѣмъ является вода для *свободнаго* развитія орошаемыхъ ею растеній.

Такъ какъ всѣ полезныя функціи считались бы одинаково почетными и такъ какъ ихъ различіе не влекло бы за собой удовольствій для однихъ и лишеній для другихъ, то ничто не препятствовало бы каждому избирать занятіе, наиболѣе соотвѣтствующее его вкусамъ и способностямъ; такой человѣкъ какъ Людовикъ XVI-й, рожденный для того, чтобы быть честнымъ и превосходнымъ слесаремъ, не былъ бы поставленъ во главѣ государства и его не ждалъ бы эшафотъ; человѣкъ, родившійся съ задатками генія, не былъ бы съ самаго рожденія поставленъ въ отупляющую необходимость работать въ теченіе всей своей жизни по двѣнадцати часовъ въ день надъ выдѣлкой булавочныхъ головокъ; такъ что деспотизму случая не было бы мѣста при распредѣленіи общественныхъ функцій; онъ былъ бы замѣненъ первой изъ свободъ: *свободой призваній.*

Распредѣленіе общественныхъ благъ перестало бы зависѣть отъ іерархической разницы должностей; эти должности, какія бы онѣ ни были, не давали бы болѣе никакихъ привилегій, а, съ другой стороны, никто не имѣлъ бы надъ собой іерархическихъ начальниковъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ самъ выбралъ въ собственныхъ своихъ интересахъ. Съ одной стороны существовало бы безкорыстное управленіе, съ другой—добровольное повиновеніе: гдѣ былъ бы деспотизмъ? И возможно ли отвести еще большее мѣсто *свободѣ?*

Такъ какъ никто не былъ бы обязанъ работать ни сверхъ своихъ силъ, ни наперекоръ своимъ наклонностямъ, и такъ какъ никто—въ общественномъ устройствѣ, при которомъ общая масса богатства увеличилась бы въ 100 разъ благодаря союзу силъ, замѣнившему ихъ разорительный антагонизмъ,—не получалъ бы менѣе

того, что нужно его потребностямъ и вкусамъ, то деспотизмъ постылаго и принудительнаго труда уступилъ бы мѣсто *свободно избираемому труду* и *свобода изобилія* появились бы тамъ, гдѣ въ настоящее время мы видимъ лишь деспотизмъ голода.

И пусть не возражаютъ намъ, указывая на невозможность или трудность достиженія этого идеала; ибо въ настоящую минуту мы заняты не доказываніемъ того, что наши доктрины постепенно осуществимы, что, впрочемъ, очень легко показать: намъ возражаютъ, что онѣ ведутъ къ деспотизму и на это-то намъ нужно отвѣтить. Весь споръ вертится единственно около этого пункта, отъ котораго во избѣжаніе путаницы не слѣдуетъ уклоняться.

Существовало ли когда либо заблужденіе, равное заблужденію нашихъ противниковъ, объявляющихъ противнымъ свободѣ соціальный порядокъ, при которомъ каждый получилъ бы *возможность* упражнять всѣ свои способности, *возможность* удовлетворять всѣ свои потребности и вкусы, *возможность* наконецъ жить сообразно съ законами своей организаціи и выполнять свое земное назначеніе соотвѣтственно законамъ природы?

Но насколько увеличивается это удивленіе, когда подумаешь *какой* режимъ пытаются отстоять тѣ, которые выступаютъ противъ насъ въ качествѣ поклонниковъ свободы! Обратимся къ современному обществу и разсмотримъ въ немъ исторію *свободнаго человѣка*.

Прежде еще, чѣмъ вступить въ жизнь, и на самомъ ея порогѣ сынъ бѣдняка наталкивается на деспотизмъ неуловимый, таинственный, но тотчасъ же завладѣвающій имъ, какъ своей добычей, и въ тысячу разъ болѣе жестокій, чѣмъ всяческіе деспотизмы въ человѣческомъ образѣ. Не спрашивайте, получилъ ли отъ природы начинающій жить ребенокъ любовь къ искусствамъ, страсть къ наукѣ, искру геніальности: развѣ душа и умъ бѣдняка не обречены на то, чтобы преждевременно заглохнуть? Не спрашивайте о его призваніи: развѣ сынъ пролетарія не подвластенъ бѣдности, безсмысленному, слѣпому и глухому тирану, который при распредѣленіи труда, навязываемаго имъ его жертвамъ, никогда не сооб-

ражается съ ихъ способностями ни даже съ ихъ силами? Но вотъ открываются передъ ребенкомъ годы беззаботности и игръ: принадлежатъ ли ему, по крайней мѣрѣ, эти годы? дадутъ ли ему вдыхать воздухъ полной грудью, свободно наслаждаться просторомъ полей и бѣгать на солнцѣ? Нѣтъ: онъ даже принужденъ изнурять себя работой, для того чтобы пополнять нѣсколькими, въ мукахъ добытыми, сантимами недостаточный бюджетъ семьи. Вмѣсто ароматнаго воздуха садовъ, его заставляютъ дышать атмосферой, насыщенной хлопкомъ. Прощай, просторъ! прощай, солнце! Сосѣдняя фабрика требуетъ къ себѣ несчастнаго и, можетъ быть, онъ выйдетъ изъ нея въ 20 лѣтъ съ хилымъ тѣломъ, съ исхудалымъ лицомъ, со спиной, сгорбленной, какъ у старика. Новый фазисъ его свободы: онъ становится солдатомъ. Съ опасностью жизни онъ долженъ будетъ защищать эту землю, на которой ни онъ, ни его близкіе не имѣютъ и камня, куда преклонить свою голову, и отъ участія въ защитѣ которой ея обладатели откупаются золотомъ, и счастье его еще, если его пошлютъ на врага, а не вмѣнятъ ему въ долгъ чести пойти убивать, изъ послушанія своему капралу, гражданъ, въ числѣ которыхъ можетъ оказаться его отецъ! По отбытіи военной службы онъ перебивается, какъ можетъ, работая до восемнадцати часовъ въ сутки, для того только чтобы не помереть съ голоду, постоянно натыкаясь на него по сосѣдству съ болѣзнью и безработицей; затѣмъ онъ женится, производитъ на свѣтъ дѣтей, которыхъ нужно кормить, и рискуетъ при этомъ попасть въ ужасающее положеніе Уголино, только не въ уединеніи темницы, а на улицѣ, подъ шумъ празднествъ, передъ роскошно сервированными столами! Состарившись,—если только онъ доживетъ до старости,—пусть онъ поскорѣй умираетъ! Начало его свободы, это смерть!

Вотъ исторія *свободнаго человѣка.*

Сравните и разсудите сами.

Правда, что предыдущее не ко всѣмъ примѣнимо въ современномъ обществѣ; но неужели вамъ мало, неужели вы не находите чрезмѣрнымъ того, что это можетъ относиться *къ боль-*

шинству? Кромѣ того, мнѣ не трудно было бы, проанализировавъ *ложную* свободу бѣдняка, показать затѣмъ, какимъ превратностямъ нашъ ничего не обезпечивающій режимъ подвергаетъ *дѣйствительную* свободу богатаго и сколько горечи кроется подъ наружнымъ счастьемъ по винѣ нашихъ несовершенныхъ учрежденій.

Положимъ, правда, что при новомъ соціальномъ устройствѣ никто не имѣлъ бы:

Ни свободы захватывать дома своихъ братьевъ при разработкѣ громаднаго достоянія, предоставленнаго природой человѣчеству;

Ни свободы обезпечивать себѣ, посредствомъ монополизаціи орудій производства, средство пользоваться плодами труда, отстраняя отъ нихъ трудящихся;

Ни свободы отдавать человѣка въ рабство капиталу, порабощать живое богатство богатствомъ мертвымъ;

Ни, какъ энергично выражается Св. Амвросій, свободы обогащаться на счетъ несчастія другихъ, добывать себѣ прибыль отъ чужихъ слезъ, кормиться чужимъ голодомъ;

Ни свободы вооружать одну половину сонма бѣдняковъ, чтобы съ ея помощью сдерживать другую половину.

Если вы боитесь потерять эти именно свободы, то осмѣльтесь сказать это; осмѣльтесь требовать отъ насъ уваженія къ свободѣ быть тираномъ.

Хотя мы и не согласились бы съ упрекомъ въ томъ, что наше ученіе основано на недопустимой гипотезѣ, а именно на мысли, что возможно осуществить одинаковую свободу для всѣхъ,— но, по крайней мѣрѣ, мы поняли бы этотъ упрекъ; но вѣдь на насъ нападаютъ, какъ на хвалителей притѣснительнаго и деспотическаго режима: вотъ что насъ ставитъ втупикъ!

„Допустимъ“, прекрасно говоритъ Морелли [1]) во второй главѣ своей *Базиліады*, „допустимъ, что свободная дѣятельность человѣка вноситъ въ общую сокровищницу болѣе, чѣмъ сколько чело-

---

[1]) Аббатъ Морелли (Morelly), самый замѣчательный коммунистическій писатель XVIII-го столѣтія, авторъ Code de la Nature и Basiliade.
Перев.

вѣческія потребности могутъ черпать изъ послѣдней; ясно, что законы и регламенты въ этомъ случаѣ почти безполезны, такъ какъ всякой необходимой функціи соотвѣтствуетъ природная склонность, опредѣленное призваніе индивидуумовъ. Указанія распорядителей охотно будутъ приниматься; никто не будетъ считать себя освобожденнымъ отъ труда, который сдѣлается привлекательнымъ и разнообразнымъ вслѣдствіе единодушнаго взаимнаго содѣйствія индивидуальныхъ усилій. И различныя занятія изъ труда превратятся въ забаву. Ничего не можетъ быть легче, какъ законодательствовать въ подобномъ братскомъ союзѣ; ибо изъ самой неограниченной свободы вытекалъ бы здѣсь полнѣйшій порядокъ: тогда дѣйствительно можно было бы избрать себѣ въ наставницы природу и сдѣлать единственнымъ правиломъ поведенія заповѣдь, которую Рабле начерталъ на вратахъ Телемскаго аббатства: *Дѣлай, что хочешь.* (Fay ce gue vouldras).

Читатель видѣлъ, что, проведя въ жизнь то, что есть наиболѣе смѣлаго и наиболѣе идеальнаго въ нашемъ ученіи, люди осуществили бы свободу для всѣхъ членовъ общества въ мѣрѣ столь полной, въ какой эта свобода вообразима. Намъ остается посмотрѣть— не въ промежуточной ли системѣ, посредствомъ которой мы намѣреваемся добиться торжества нашихъ идей, заключается тотъ мнимый *деспотизмъ* нашихъ тенденцій, которымъ стращаютъ невѣжественныхъ людей.

Извѣстно, въ чемъ состоитъ эта система. Мы хотѣли бы, чтобы среди современнаго общества государство создало образецъ будущаго общества такъ, чтобы, постепенно и благодаря лишь дѣйствію яркаго примѣра, первое исчезло, поглощенное вторымъ. Гдѣ же здѣсь хоть признакъ деспотизма! Ибо,—не слѣдуетъ этого забывать,—если мы требуемъ государственнаго вмѣшательства, то дѣлаемъ это лишь въ томъ предположеніи, что осуществлена организованная демократія и оживотворенное народное верховенство.

Тѣ, которые не могутъ безъ содроганія слышать слово *государство*, все еще воображаютъ, что государство есть непремѣнно исполнительная власть, тотъ или другой всесильный министръ,

тотъ или другой абсолютный монархъ, тотъ или другой диктаторъ, какой-нибудь Людовикъ XIV-й или Кромвель. Дѣлая прошедшее мѣриломъ и правиломъ будущаго, смѣшивая всѣ принципы и не различая режимовъ, они мнятъ, что государство можетъ существовать лишь въ лицѣ какого-нибудь человѣка и должно носить имя собственное.

Какое заблужденіе! Въ демократіи государство—это само общество, дѣйствующее въ качествѣ таковаго черезъ отвѣтственныхъ и смѣняемыхъ повѣренныхъ.

И неужели же общество непремѣнно становится деспотичнымъ, разъ оно измѣняетъ и улучшаетъ не только свое политическое, но и свое соціальное устройство! Можно ли сказать, что больной тиранизируетъ самого себя, когда онъ хлопочетъ о своемъ выздоровленіи? Какъ! Нація, выраженная собраніемъ своихъ уполномоченныхъ, можетъ улучшать тюремный режимъ, а между тѣмъ не можетъ, не подвергаясь обвиненію въ деспотизмѣ, улучшить режимъ труда! Было бы тиранніей создавать, согласно съ волей всего общества, ассоціаціи работниковъ, основывать же въ угоду лишь нѣсколькимъ частнымъ интересамъ капиталистическія компаніи, это не тираннія! Странное дѣло! Когда законы издаются для охраны и поддержанія права небольшого числа людей быть исключительными обладателями всѣхъ орудій труда, или для того, чтобы отдать какой-нибудь сотнѣ привилегированныхъ лицъ пути сообщенія, т. е. дыхательные органы промышленности, или еще для того, чтобы провозгласить, что нищета существуетъ въ силу божественнаго и безсмертнаго закона, то никто не протестуетъ противъ этого во имя свободы; но стоитъ лишь намъ предложить законы, имѣющіе цѣлью уничтоженіе невѣжества и бѣдности, этой двойной формы тяготѣющаго надъ народомъ рабства, и тотчасъ же вокругъ насъ возопіютъ о деспотизмѣ! Видно, улучшеніе нравственнаго и физическаго положенія всѣхъ не должно быть первой заботой и главной задачей всѣхъ! Видно, общество, дѣйствующее въ качествѣ таковаго,—иными словами, государство,—

не имѣетъ права разыскивать и уничтожать причину страданій большинства своихъ членовъ!

Между тѣмъ, къ этому сводится весь вопросъ!

Ибо говорили ли мы когда-нибудь о томъ, что можно насильно навязывать обществу какія-нибудь индивидуальныя ученія?

Признавали ли мы когда-либо за кѣмъ бы то ни было право насильно гнуть другихъ людей подъ иго своихъ убѣжденій?

Развѣ мы постоянно не требовали, не восхваляли, не призывали всеобщаго избирательнаго права, какъ высшаго испытанія, которому смиренно должна себя подвергнуть всякая идея?

Считали ли мы когда-либо законной какую-нибудь власть, кромѣ власти народа, выражающаго свою волю посредствомъ собранія, составленнаго по его выбору!

Развѣ мы тысячу разъ не утверждали, что абсолютное подчиненіе исполнительной власти законодательному верховенству совершенно необходимо въ республиканскомъ режимѣ?

Развѣ, защищая политическую централизацію, мы не ратовали противъ централизаціи административной, во имя коммунальной свободы?

Не свободу ли слабаго и бѣднаго мы защищали, нападая на конкурренцію, эту неравную борьбу, въ которой слабый и бѣдный неизбѣжно бываютъ угнетены?

Наконецъ, развѣ мы не показали, до какой степени мы боимся злоупотребленія, какъ силой, такъ и числомъ, когда объявили стоящими выше даже права большинства и абсолютно ненарушимыми:

Свободу прессы,

Свободу совѣсти,

Свободу ассоціацій,

Свободу собраній,

Право на трудъ!

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ нашъ символъ вѣры:

1) Нашъ идеалъ — это такое общественное устройство, при которомъ каждый, имѣя возможность упражнять самымъ полнымъ

образомъ всѣ свои способности и удовлетворять вполнѣ всѣ свои потребности, пользовался бы наибольшой суммой свободъ, какую только можно себѣ представить.

2) Убѣжденные въ томъ, что этотъ идеалъ слишкомъ отличается отъ современнаго общественнаго устройства, для того, чтобы осуществиться немедленно, мы предложили переходныя мѣры, могущія, по нашему мнѣнію, привести къ нему постепенно и безъ потрясеній; но мы не хотимъ, чтобы кто нибудь *навязалъ* эти мѣры обществу. Онѣ подлежатъ обсужденію: пусть общественное мнѣніе судитъ о нихъ и пусть оно же, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, отвергнетъ ихъ, если найдетъ ихъ дурными, или приметъ, если сочтетъ ихъ хорошими. Вотъ чего мы требуемъ и никогда мы не требовали ничего другого.

Свобода! свобода! Опредѣлите ее разъ навсегда; перестаньте отдѣлять ее отъ равенства и братства, ея божественныхъ спутниковъ; признайте, что она должна существовать для всѣхъ, для всѣхъ безъ исключенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, ея нѣтъ... и тогда мы осмѣлимся сказать, что никогда еще никто на землѣ не шелъ дальше нашего въ любви къ свободѣ, въ культѣ ея и страсти къ ней!

II. Разъясненіе относительно люксембургскихъ доктринъ.

Г-ну К***

„Милостивый государь!

Въ *Independance Belge* отъ 20-го октября вы высказали о моихъ доктринахъ и поступкахъ сужденіе, которое, несмотря на свою строгость, свидѣтельствуетъ, тѣмъ не менѣе, о вашемъ формальномъ намѣреніи быть справедливымъ.

Такъ, напримѣръ, пренебрегая грубыми клеветами, которыми

меня имѣли низость преслѣдовать даже въ изгнаніи, вы добросовѣстно признали и лойяльно сообщили другимъ:

Что въ 1848-мъ году я не только не разжигалъ въ народѣ дикаго нетерпѣнія, а старался, наоборотъ, предотвратить это нетерпѣніе;

Что я не только не баюкалъ рабочихъ химерическими надеждами,—въ чемъ меня такъ часто и несправедливо упрекали, — но не скрывалъ отъ нихъ ни одного изъ препятствій, которыя предстояло преодолѣть;

Что никогда мысль о насиліи не приходила мнѣ на умъ;

Что съ моею дѣятельностью постоянно изподтишка боролись тѣ, отъ кого я долженъ былъ ждать помощи и содѣйствія;

Что, имѣвъ несчастіе навлечь на себя неразборчивую въ выборѣ средствъ, и систематическую и безсовѣстную вражду, я, послѣ революціи, сдѣлался „козлищемъ отпущенія, на которое Израиль взвалилъ всѣ прегрѣшенія свои“;

Что, напримѣръ, эти знаменитыя *Національныя мастерскія,* изъ-за которыхъ меня чуть не убили въ Парижѣ, среди бѣла дня, на бульварѣ, не были ни моимъ твореніемъ, ни примѣненіемъ, хотя бы косвеннымъ, моихъ доктринъ, но исключительно дѣломъ враждебныхъ мнѣ членовъ Временнаго правительства; такъ что я палъ жертвой самаго дерзкаго и самаго гнуснаго обмана, какой когда либо видѣли.

Да, милостивый государь, все это вытекаетъ изъ вашей статьи. Я имѣю, слѣдовательно, основаніе смотрѣть на васъ, какъ на искренняго и честнаго критика и желаніе отвѣтить вамъ должно было явиться у меня весьма естественнымъ образомъ. Тамъ, гдѣ споръ не служитъ пищей ни ненависти, ни лжи, всякій затѣвающій его оказываетъ услугу истинѣ.

Вы начинаете съ того, что говорите:

„Если бы я имѣлъ несчастіе считать революцію необходимой, и еще большее несчастіе —стараться приблизить ея пришествіе, я счелъ бы своимъ самымъ строгимъ долгомъ выработать, какъ для себя самого, такъ и для своихъ товарищей, планъ дѣйствій,

столь хорошо составленный, что разъ нагрянувшей революціи осталось бы только пойти по пути, который я ей намѣтилъ бы заранѣе".

Неужели же вы думаете, милостивый государь, что революція можетъ быть результатомъ дѣятельности *какого нибудь одного человѣка*? Найдется ли человѣкъ, доходящій въ своей самонадѣянности до того, чтобы считать себя способнымъ охватить, направить, измѣнить по своему желанію обширную и таинственную совокупность историческихъ обстоятельствъ, продуктомъ которой является революція? Эти великія перемѣны происходятъ лишь въ силу общихъ и логичныхъ законовъ, которымъ отдѣльныя личности, даже кажущіяся наиболѣе могущественными, служатъ лишь наполовину слѣпыми орудіями. Дѣло, касающееся всѣхъ, дѣлается лишь всѣми. Движеніе созидающихся обществъ не повинуется ничьей командѣ; исторія не надѣваетъ ничьей ливреи.

„Предположимъ,—продолжаете вы—что, въ чаду разгулявшихся революціонныхъ страстей, не обратятъ вниманія на предлагаемыя мной средства; я смогу, по крайней мѣрѣ, сказать, что сдѣлалъ все, что въ предѣлахъ человѣческихъ силъ, для того чтобы крутой склонъ революціи былъ менѣе обрывистъ; я показалъ бы братьямъ пристань и убѣжище, и забрался бы въ извилины лабиринта не иначе, какъ съ путеводной нитью, которая должна спасти страну".

Если вы хотите этимъ сказать, что тѣ, которые работаютъ надъ приближеніемъ срока революціи, потому что считаютъ ее необходимой и законной, не должны полагаться на авось, если вы хотите сказать, что каждый обязанъ сообразно съ своими убѣжденіями и по мѣрѣ своихъ силъ искать заранѣе лучшаго пути, чтобы позвать на него своихъ братьевъ, то я совершенно съ вами согласенъ; но почему вы восклицаете: „Не такъ поступилъ г. Луи-Бланъ?"

Прошу у васъ извиненія, милостивый государь, я поступилъ именно такъ. Развѣ я ждалъ 1848 года для того, чтобы заняться направленіемъ, которое, *по моему* мнѣнію, должно было быть дано

социальной революціи? Развѣ я не напечаталъ, за 10 лѣтъ до того времени, книгу, въ которой изложено было мое мнѣніе объ этомъ? Развѣ съ перваго же дня революціи я не объяснился относительно этого пункта? Развѣ, указавъ то, что, *по моему мнѣнію*, слѣдовало сдѣлать, и не довольствуясь этими указаніями, я не сталъ настойчиво требовать средствъ для осуществленія этой попытки? И развѣ вы не знаете, что упрямый отказъ, на который натолкнулось это требованіе, явился первымъ эпизодомъ междоусобной войны внутри Временнаго правительства? Вы порицаете меня за то, что я предложилъ Люксембургской комиссіи заняться *изученіемъ* вопросовъ, которые нужно было разрѣшить. О, конечно, милостивый государь, разрѣшить ихъ было бы лучше, чѣмъ изучать: разрѣшить ихъ слѣдовало по крайней мѣрѣ *попытаться* безъ опрометчивой поспѣшности, не горячась и во всякомъ случаѣ съ твердостью. Но развѣ вамъ неизвѣстно, что именно этого я и хотѣлъ и что большинство Временнаго правительства этого не захотѣло? Развѣ вамъ неизвѣстно, что моимъ величайшимъ преступленіемъ въ его глазахъ было то, что я имѣлъ тотъ *планъ*, о которомъ вы говорите, и желалъ его успѣха со всѣмъ пыломъ убѣжденія, которое и теперь еще остается въ моемъ сердцѣ болѣе живымъ, чѣмъ когда либо? То, что мнѣ казалось назрѣвшимъ—мои коллеги, къ несчастью, не находили назрѣвшимъ. Именно для того, чтобы можно было прямо приступить къ *рѣшенію*, я потребовалъ учрежденія *Министерства труда*; именно для того чтобы остановиться на *изученіи*, они со своей стороны предложили учредить *Люксембургскую комиссію*. Въ „Pages d'histoire“ я изобразилъ бурныя сцены, разыгравшіяся по этому случаю въ Совѣтѣ; я разсказалъ о томъ, какъ энергично я воспротивился проэкту, который, вмѣсто того чтобы дать мнѣ средства, необходимыя для примѣненія моихъ идей, посылалъ меня читать лекціи о голодѣ передъ голодающимъ народомъ.—Но, скажутъ мнѣ, почему вы не удалились въ такомъ случаѣ?—Потому что, когда я заявилъ, что подаю въ отставку, послѣднюю отвергли съ почти трагической запальчивостью; потому что мои коллеги, испугавшись, заранѣе объявили меня, въ случаѣ

упорства съ моей стороны, отвѣтственнымъ за гражданскую войну, которая-де неминуемо произойдетъ отъ моего удаленія; наконецъ, потому что я сказалъ себѣ, что люксембургское собраніе доставитъ соціализму трибуну, съ которой далеко будетъ разноситься каждый звукъ и что, за неимѣніемъ лучшаго, дѣйствіе путемъ пропаганды есть революціонное средство, не заслуживающее пренебреженія.

По вашимъ словамъ, милостивый государь, я постоянно повторялъ, что *народныя желанія, для того чтобы осуществиться, не должны быть слишкомъ нетерпѣливыми.* Неужели я долженъ оправдываться и въ этомъ обвиненіи? Увы, до сихъ поръ меня упрекали не въ этомъ, и я вамъ благодаренъ за обвиненіе, которое отдаетъ мнѣ справедливость. Значитъ, неправда, что я воспламенилъ народное воображеніе неисполнимыми обѣщаніями! Значитъ, невѣрно, что я завелъ народъ въ страну несбыточныхъ грезъ, не заботясь о томъ, что разочарованіе сможетъ затѣмъ вызвать въ немъ припадокъ бѣшенства! Вотъ что вы констатируете, милостивый государь; вотъ что вы доказываете, опираясь на мои же собственныя слова: еще разъ благодарю васъ за это.

Вы говорите: „Отчетъ о засѣданіяхъ Люксембургской комиссіи помѣщался въ *Moniteur*'ѣ. Оффиціальная газета никогда не забывала сообщать полностью рѣчи и мнѣнія г-на Луи Блана; что же касается до рѣчей и мнѣній его противниковъ, то она сводила ихъ къ нѣсколькимъ строчкамъ или обходила молчаніемъ“.

Это, милостивый государь, совершенно невѣрно, и заблужденіе ваше происходитъ оттого, что вы смѣшали двѣ различныя вещи. Тѣ изъ моихъ рѣчей, которыя „*Moniteur*“ воспроизводитъ *in extenso*, были произнесены въ отсутствіе всякаго оппонента, въ палатѣ пэровъ, передъ общимъ собраніемъ делегатовъ. Что же касается до преній, происходившихъ въ спеціальной Люксембургской комиссіи, то, такъ какъ они были столь длинны, что для дословнаго ихъ воспроизведенія въ газетахъ не нашлось бы мѣста, то печаталось лишь ихъ сокращенное изложеніе (резюме), но сокращенію подвергалось и то, что было сказано мною, а не только то, что говорили

*

мои противники. Доказательствомъ можетъ служить самое засѣданіе 19-го марта, о которомъ вы упоминаете; ибо въ текстѣ *Moniteur*'а слова г-на Воловскаго занимаютъ лишь на 50 строчекъ менѣе мѣста, чѣмъ мои! Вы утверждаете затѣмъ, что рѣчь, произнесенная г-номъ Викторомъ Консидераномъ на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, была пропущена *Moniteur*'омъ. Но этого слѣдующаго засѣданія совсѣмъ нѣтъ въ M*oniteru*'ѣ и поэтому пропущены не только возраженія г-на Консидерана, но и мой отвѣтъ на нихъ. Дѣло въ томъ, что въ эти дни, заполненные столь необычайной, столь лихорадочной дѣятельностью, намъ часто не хватало времени для вещей, которыя мы ближе всего принимали къ сердцу, такъ что не было издано протоколовъ нѣкоторыхъ засѣданій специальной Люксембургской комиссіи. Но въ такихъ случаяхъ для M*oniteur*'а не было привилегированныхъ лицъ; онъ обходилъ молчаніемъ все, что было сказано какъ одними, такъ и другими. Да и не было ли бы съ моей стороны странной непослѣдовательностью лишать моихъ оппонентовъ преимущества, заключающагося въ гласности, когда, будучи воленъ составить по своему благоусмотрѣнію персоналъ комиссіи, я счелъ своей обязанностью, собрать въ ней представителей всѣхъ ученій и съ поспѣшностью, которой никто не станетъ отрицать, вызвалъ моихъ самыхъ извѣстныхъ и самыхъ дѣльныхъ противниковъ на арену, предоставленную въ мое распоряженіе? И какъ допустить, въ особенности, мысль, что мнѣ могло вздуматься заглушить слова такого человѣка, какъ Викторъ Консидеранъ, соціалиста, искренность, знанія, просвѣщенный умъ котораго я чтилъ больше, чѣмъ кто либо, и сочиненія котораго я первый изъ сотрудниковъ ежедневной прессы рекомендовалъ въ свое время читателямъ, несмотря на то, что не раздѣлялъ всѣхъ его убѣжденій.

. Позвольте же мнѣ, милостивый государь, отклонить отъ себя упрекъ въ томъ, что я „виталъ въ области абсолютнаго, имѣлъ претензію прорицать, яко Пиѳія, и отдѣлывался отъ тѣхъ, кто мнѣ мѣшалъ". Любовь къ истинѣ была страстью всей моей жизни; я

могу заявить это, положивъ руку на сердце, и никогда мои поступки не противорѣчили этому заявленію.

Продолжаю цитировать:

„Г. Луи Бланъ—антиподъ г-на Прудона. Послѣдній, изъ ненависти къ государству, хочетъ анархіи; первый, изъ ненависти къ анархіи, хочетъ государства. Слѣдующее предложеніе можетъ показаться страннымъ, но оно справедливо: г. Луи Бланъ—фанатикъ порядка до такой степени, что онъ готовъ былъ бы, изъ любви къ порядку, превратить общество въ хорошо устроенный механизмъ, всѣ движенія котораго происходили бы съ математической правильностью, подъ давленіемъ механика-государства".

Какъ, милостивый государь, вы меня читали, и вы могли это подумать! Итакъ я мечтаю о деспотической регламентаціи, я, который потому только и ратую противъ современнаго режима, что онъ содержитъ въ себѣ деспотизмъ вещей, случая, нищеты и голода! Я готовъ принести свободу въ жертву порядку, я, для котораго порядокъ безъ свободы есть лишь спокойствіе кладбища, безмолвіе могилъ, я, который на слѣдующій же день послѣ февральской революціи сказалъ въ отвѣтъ на рѣчь предсѣдателя государственнаго контроля въ городской ратушѣ: „Порядокъ и свобода одно и тоже; нашимъ девизомъ будетъ: *Порядокъ въ свободѣ*!" И почему, спрашивается, я всегда такъ энергично и рѣшительно нападалъ на систему неограниченной конкурренціи? Не потому ли, что она разнуздываетъ борьбу, въ которой жалкимъ образомъ погибаетъ неминуемо раздавленная свобода слабаго и бѣднаго. Да, конечно, я ненавижу анархію пламенной и страстной ненавистью. Но почему? Потому что она есть лишь безпорядочное угнетеніе. Не все ли мнѣ равно, путемъ-ли приказаній проявляется тираннія или путемъ невмѣшательства (laisser faire)? Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, она мнѣ ненавистна и, когда она свирѣпствуетъ, я смотрю не на ея маску, а на наносимые ею удары. Путемъ-ли ростовщичества совершается убійство, въ силу неправильнаго порядка вещей и притѣснительныхъ законовъ, рѣжетъ-ли разбойникъ безоружныхъ путниковъ на большой дорогѣ въ силу анархіи, въ обоихъ

случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ тираннiей и я нисколько не расположенъ украшать прекраснымъ именемъ свободы легальныя права Шейлока, или фактическiй перевѣсъ силы Мандрена.

Но отсюда еще далеко до желанiя, чтобы общество жило автоматически и, такъ сказать, держалось на пружинахъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, милостивый государь, что подобный упрекъ глубоко изумляетъ меня. То, чего, наоборотъ, я хотѣлъ бы, то, къ чему я стремлюсь всей силой своихъ желанiй, всѣми фибрами своей души, это такое общественное устройство, въ которомъ каждый получилъ бы какъ *возможность* свободно развивать всѣ свои способности, такъ и *возможность* вполнѣ удовлетворять всѣ свои потребности. Ибо, въ чемъ въ концѣ концовъ состоитъ идеалъ ученiя, которому я служу? Въ слѣдующемъ правилѣ: *Отъ каждаго по его силамъ, посредствомъ группировки (иассоцiацiи) силъ и способностей и каждому по его потребностямъ, посредствомъ участiя всѣхъ въ пользованiи продуктами.*

Осуществленiе этого идеала представляется вамъ невозможнымъ. Очень хорошо. Перенесите же споръ на эту почву, и я съ вами потягаюсь; но не выставляйте противниками свободы тѣхъ, которые требуютъ, чтобы человѣческой природѣ въ каждомъ индивидуумѣ какъ въ отношенiи упражненiя способностей, такъ и въ отношенiи удовлетворенiя потребностей, было обезпечено самое полное развитiе, какое только можно вообразить!

Правда, что, приступая къ разсмотрѣнiю великой и священной проблемы о томъ, какъ произвести соцiальную революцiю, я требую государственнаго вмѣшательства, и вотъ почему нѣкоторые, напр. г. Прудонъ, кричатъ мнѣ: „Вы требуете деспотизма!“ Но оставимъ дѣтямъ боязнь призраковъ, а софистамъ злоупотребленiе словами. Чѣмъ является государство въ моемъ ученiи? Или, можетъ быть, вопреки правилу Паскаля, я употребилъ это слово, не опредѣливъ и не объяснивъ его? Развѣ государство, въ системѣ, ради торжества которой я требую его вмѣшательства, есть Тиверiй, совѣтъ десяти, Людовикъ XIV, Ришелье? Развѣ это то, что называется *исполнительной властью* въ ребяческой теорiи равновѣсiя вла-

стей? Нѣтъ, милостивый государь, въ демократіи, т. е. въ режимѣ, въ которомъ народное самодержавіе не только признано, но и осуществлено всеобщей подачей голосовъ, государство есть собраніе народныхъ представителей, отвѣтственныхъ, смѣняемыхъ и избираемыхъ всѣми, уполномоченныхъ формулировать въ законахъ волю всѣхъ. Какимъ же образомъ вмѣшательство государства, опредѣленнаго такимъ образомъ, могло бы грозить намъ деспотизмомъ? Тамъ, гдѣ общество само ведетъ свои дѣла черезъ посредство зависящихъ отъ него представителей, которыхъ оно назначаетъ или смѣщаетъ по своему усмотрѣнію, развѣ вы не видите, что государство не можетъ тамъ отличаться отъ общества? Поэтому, если бы государству было запрещено дѣйствовать, на томъ основаніи, что его дѣйствія неизбѣжно должны имѣть тиранническій характеръ, то значитъ само общество не можетъ стараться объ улучшеніи своей участи, не впадая въ тираннію, и значитъ возможно, чтобы оно насиловало само себя, было угнетено самимъ собой, что заключаетъ въ себѣ противорѣчіе.

Я знаю, что въ дѣйствительности народное верховенство не опирается на единогласіе избирателей; я знаю, что во всякомъ собраніи, даже въ собраніи, вышедшемъ изъ всеобщей подачи голосовъ, меньшинство можетъ быть угнетено большинствомъ. Поэтому-то я всегда объявлялъ стоящими выше права большинства и абсолютно ненарушимыми:

Свободу печати,
Свободу совѣсти,
Свободу союзовъ,
Свободу собраній,
Право на трудъ,
И всѣ вообще гарантіи, позволяющія меньшинству сдѣлаться въ свою очередь большинствомъ, лишь бы оно было право и доказало это.

Это ли вы находите теоріей деспотизма, милостивый государь?

Ниже (для того, чтобы не мѣнять порядка, въ которомъ вы сами ведете полемику) я разсмотрю, не заключаются ли сѣмена де-

спотизма въ предлагаемой мной *формѣ* государственнаго вмѣшательства. А пока я перейду къ замѣчаніямъ, навѣяннымъ на васъ войною, которую я объявилъ принципу современнаго общества.

Процитировавъ нѣсколько строкъ изъ моей книги, вы говорите:

„Есть кое-что вѣрное въ нарисованной г-номъ Луи Бланомъ картинѣ результатовъ конкурренціи: не будь доли истины въ этомъ изображеніи, никто бы не попался на его удочки. Но г. Луи Бланъ старательно скрываетъ отъ нашихъ глазъ хорошую сторону конкурренціи, а именно широкій размахъ человѣческой дѣятельности, вырвавшейся на волю!“

Широкій размахъ человѣческой дѣятельности, вырвавшейся на волю! Вмѣсто того, чтобы давать этотъ прекрасный результатъ, конкурренція напротивъ мѣшаетъ ему, что̀ является одной изъ причинъ, по которымъ я воюю съ нею. Она мощно возбуждаетъ дѣятельность однихъ,—съ этимъ я согласенъ,—но она подавляетъ дѣятельность другихъ. Когда конкурренція между рабочими одной и той же профессіи заставляетъ многихъ изъ нихъ покоряться смертоносному пониженію заработной платы и продаваться за кусокъ хлѣба, какое поощреніе находятъ они въ конкурренціи и обѣщаетъ ли она этимъ несчастнымъ какое-нибудь вознагражденіе за ихъ дѣятельность? Когда въ каждодневной экономической борьбѣ фабрикантъ, съ помощью какой-нибудь вновь изобрѣтенной машины, выбиваетъ оружіе изъ рукъ своихъ злополучныхъ соперниковъ, чѣмъ конкурренція благопріятствуетъ дѣятельности сраженныхъ въ неравномъ бою предпринимателей, и рабочихъ, которымъ они давали занятіе? Когда въ лихорадочной погонѣ за покупателями, купецъ, благодаря болѣе значительнымъ денежнымъ рессурсамъ и систематически понижая цѣны, доводитъ своихъ конкуррентовъ до полнаго раззоренія, то получаетъ ли отъ конкурренціи дѣятельность побѣжденныхъ, которымъ остается только оплакивать свою закрытую лавку и свои канувшіе въ воду капиталы, какое-нибудь удовлетвореніе за убытки? Кто станетъ отрицать, что конкурренція есть стимулъ? Но этотъ стимулъ убиваетъ тамъ, гдѣ онъ не подталкиваетъ впередъ. Конкурренція, безспорно,—сила, но сила въ

той-же мѣрѣ разрушительная, въ какой и творческая. Какъ всякая война, конкурренція создаетъ тріумфаторовъ, но, какъ всякая война, она впрягаетъ плѣнниковъ въ каждую тріумфальную колесницу.

Вы говорите, милостивый государь, о *хорошей сторонѣ* конкурренціи: посмотримъ, въ чемъ вы видите преимущества этого принципа. Привожу ваши слова буквально: „Путемъ именно конкурренціи, дары природы, которыми различныя страны и различные люди неравномѣрно надѣлены, стремятся распредѣляться между нами согласно съ справедливостью".

Вы явнымъ образомъ ошибаетесь, милостивый государь: конкурренція не только не смягчаетъ послѣдствій естественнаго или соціальнаго неравенства между людьми, но стремится, наоборотъ, къ тому, чтобы дѣлать ихъ все болѣе пагубными и, подъ ея вліяніемъ, это неравенство приводитъ къ тиранніи, а не къ царству справедливости. Что такое конкурренція? Это видъ борьбы. Но необходимымъ послѣдствіемъ всякой борьбы неравныхъ силъ является пораженіе и угнетеніе болѣе слабыхъ. Возьмите какого - нибудь атлета и человѣка тщедушнаго: сдѣлать для каждаго изъ нихъ право на жизнь наградой за побѣду въ поединкѣ между ними, это все равно, что приговорить тщедушнаго человѣка къ смерти. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что въ поединкѣ, называемомъ конкурренціей, богатый капиталистъ играетъ роль атлета, а бѣдный производитель, съ которымъ сражается первый, роль тщедушнаго человѣка. И въ самомъ дѣлѣ, что за зрѣлище представляетъ собою современное общество? Чѣмъ кто въ немъ богаче, тѣмъ богаче онъ можетъ сдѣлаться; чѣмъ больше онъ уже имѣлъ успѣха, тѣмъ легче ему добиться дальнѣйшихъ успѣховъ, и съ другой стороны, чѣмъ больше кто-нибудь нуждается въ кредитѣ, тѣмъ съ бо́льшимъ трудомъ онъ его достаетъ, и чѣмъ кто бѣднѣе, тѣмъ труднѣе ему стряхнуть съ себя ярмо нищеты. Такъ что конкурренція не только не стремится къ тому, чтобы, какъ вы говорите, распредѣлять согласно съ справедливостью неравномѣрно розданные природой дары, но приводитъ это неравенство въ дѣйствіе, усиливаетъ его и раздавливаетъ имъ большинство населенія.

„Конкурренція ведетъ къ тому, что различные народы земного шара обмѣниваются между собой только лишь трудомъ, только лишь болѣе или менѣе уравненнымъ усиліемъ, и вдобавокъ, по справедливому замѣчанію г-на Бастіа, взаимно оказываютъ другъ другу естественныя услуги, находящіяся въ ихъ власти“.

Въ *Исторіи французской революціи* я имѣлъ случай отвѣтить на это возраженіе экономистовъ школы г-на Бастіа словами, которыя я здѣсь припомню читателю. Представимъ себѣ, на минуту, народы примирившимися. Вѣчный миръ обѣщанъ человѣческому роду; ненависть стихаетъ и вымираетъ; соперничества унимаются; война сдѣлана навсегда невозможной; націи образуютъ собой лишь одну громадную семью, которая путемъ непрерывнаго обмѣна, дѣлитъ между всѣми своими членами плоды земли; и этотъ раздѣлъ, повышающій уровень общихъ наслажденій, обезпечиваетъ согласіе между народами, такъ какъ результатъ въ свою очередь становится причиной. Въ этомъ смѣломъ предположеніи, которое обыкновенно называютъ мечтой, столько разъ обсуждавшійся, вопросъ о *свободномъ обмѣнѣ* разрѣшается самъ собой. Когда на Антильскихъ островахъ сахарный тростникъ зрѣетъ подъ лучами тропическаго солнца, зачѣмъ европейцу извлекать съ помощью дорогихъ приспособленій сахаръ изъ растеній своего огорода? Развѣ нѣтъ привилегированной страны для каждаго продукта? Развѣ нѣтъ своего отечества у кофе, тонкихъ винъ, чая, ванили? Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, создавать съ трудомъ искусственные климаты для продуктовъ, которые, по ту сторону таможенъ, безъ помощи человѣческаго труда или качественно лучшими даетъ благопріятная температура? Слѣдовательно, свободный обмѣнъ есть одно изъ благодѣяній распространенной на международныя отношенія системы братской ассоціаціи. Но стоитъ только спустить съ цѣпи неограниченную конкурренцію—и дѣло принимаетъ другой оборотъ. Ибо всякое разумное правительство, какъ республика, такъ и монархія, какъ Кромвель, такъ и Кольберъ, можетъ сознать настоятельную необходимость защитить свой народъ, борющійся съ другими, отъ случайностей антагонизма, всегда рокового для менѣе сильнаго. Война создала

необходимость обнесенныхъ окопами лагерей: запретительная система есть укрѣпленный лагерь, потому что конкурренція есть война. Сдѣлавъ изъ свободнаго обмѣна послѣдствіе конкурренціи, тогда какъ изъ нея, напротивъ, проистекла роковая необходимость таможенъ, г. Бастіа впалъ въ ошибку непостижимо грубую и явную.

„Благодаря конкурренціи, способы производства умножаются, цѣны продуктовъ постоянно понижаются и вознагражденіе капитала и работника все болѣе уменьшается въ отношеніи интенсивности, но увеличивается въ отношеніи своего протяженія, такъ что рѣдкое становится распространеннымъ, а то, что было привилегіей немногихъ, дѣлается, такъ сказать, общимъ достояніемъ; то, что прежде дорого стоило, дѣлается почти даровыхъ"

Я согласенъ съ тѣмъ, что конкурренція создаетъ *дешевизну*. Но что толку въ томъ, что цѣна продуктовъ понижается, если задѣльная плата, на которую они покупаются, падаетъ—въ той же прогрессіи или еще быстрѣе? Послѣдняя статистическая таблица *внѣшней торговли*, обнародованная французской администраціей, показываетъ, что съ 1826-го года по 1847-й г. стоимость съѣстныхъ припасовъ возросла на 17%, а въ частности стоимость мяса (говядины и баранины) на 37%, тогда какъ мануфактурныя издѣлія подверглись обезцѣненію, которое по отношенію къ нѣкоторымъ бумажнымъ тканямъ, бѣлымъ или тисненнымъ холстамъ, уменьшило ихъ стоимость на 75%. Не находите ли вы, милостивый государь, что подобное сопоставленіе проливаетъ яркій свѣтъ на ужасное положеніе рабочихъ, занятыхъ изготовленіемъ этихъ тканей? Съ помощью цифръ, и цифръ оффиціальныхъ, я доказалъ въ послѣднемъ изданіи *„Организаціи труда"*, что за послѣднія десять лѣтъ заработная плата подвергалась непрерывному пониженію, которому постоянно и фатально соотвѣтствовало постоянное повышеніе цѣнъ съѣстныхъ припасовъ. Дѣло въ томъ, что при современномъ режимѣ, дешевизна имѣетъ свою оборотную сторону, а именно пониженіе заработной платы, почти всегда составляющее одинъ изъ элементовъ удешевленія продуктовъ. Такъ что народъ, вслѣдствіе конкурренціи, почти всегда теряетъ въ качествѣ производителя

больше, нежели выигрываетъ въ качествѣ потребителя. Прибавьте къ этому, что *дешевизна*, вещь прекрасная сама по себѣ, превращена конкурренціей въ боевое орудіе, посредствомъ котораго капиталисты, могущіе продавать товары въ продолженіе нѣкотораго времени въ убытокъ, убиваютъ навѣрняка своихъ соперниковъ. Такова зловредная сила ложныхъ принциповъ: самое добро они обращаютъ во зло.

„Посредствомъ конкурренціи, наконецъ, капиталъ, этотъ великій освободитель трудящихся классовъ, растетъ и все болѣе и болѣе поступаетъ на службу къ труду“.

Если бы конкурренція, дѣйствительно, давала такой результатъ, милостивый государь, то оставалось бы только благословить ее. Ибо несомнѣнно, что вознагражденіе за трудъ зависитъ отъ соотношенія между числомъ работниковъ и капиталомъ, назначеннымъ на плату за ихъ услуги, какъ это совершенно правильно замѣтилъ г. Джонъ Стюартъ Милль, самый ученый изъ англійскихъ экономистовъ: *Wages depend on the proportion between the number of the labouring population and the capital devoted to the purchase of labor*. Но какъ можете вы утверждать, милостивый государь, что результатомъ конкурренціи является увеличеніе общей суммы богатства? Также и здѣсь справедливо совершенно обратное. Для того, чтобы какой нибудь продуктъ сталъ *цѣнностью*, составляя часть общаго богатства, онъ долженъ быть кому нибудь полезенъ въ какомъ нибудь отношеніи, не правда ли? А для того, чтобы быть кому нибудь полезнымъ, онъ долженъ найти себѣ потребителя. Всякая *произведенная* и не *потребленная* вещь составляетъ потерю, а не увеличеніе богатства. Вопросъ значитъ въ томъ, является ли естественнымъ слѣдствіемъ конкурренціи то равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, которое экономическая наука ставитъ себѣ высшей цѣлью. Какъ вы объ этомъ думаете, милостивый государь? Не очевидно ли и не безспорно ли, что конкуренція заставляетъ производство работать въ виду ненадежной кліентуры, постоянно мѣняющейся, такъ какъ производители ожесточенно оспариваютъ послѣднюю другъ у друга? Сегодня вы отнимаете у

меня часть моихъ заказчиковъ, завтра другой отниметъ у васъ часть вашихъ: чѣмъ будетъ регулироваться среди этой неустойчивости, этихъ постоянныхъ перемѣнъ, этого каждодневнаго безпорядка, ваша и моя дѣятельность? Не рискуемъ ли мы оба производить то слишкомъ много, то слишкомъ мало? При подобномъ режимѣ наука не направляетъ производства; все зависитъ отъ игры случая и промышленная жизнь становится лишь рядомъ авантюръ; крахи слѣдуютъ за крахами, и трудъ, который долженъ былъ бы порождать лишь богатство, постоянно бываетъ чреватъ нищетой. Взгляните на страны, гдѣ конкурренція всего болѣе дала почувствовать свою власть и гдѣ производство достигло наивысшаго развитія: въ этихъ то именно странахъ все шире распространяется нищета, какъ громадная и съ каждымъ днемъ все страшнѣе разверзающаяся рана. Тутъ не можетъ быть, увы, ошибки съ моей стороны, ибо я пишу это въ странѣ... самой дѣятельной и наиболѣе переполненной бѣдными, какая только существуетъ на землѣ. Неожиданные крахи, банкротства, безработица, недостатокъ на одномъ рынкѣ, переполненіе на другомъ, періодическіе кризисы, частичныя, но частыя постоянно возобновляющіяся уничтоженія продуктовъ, необходимость, въ которую поставлено общество, содержать множество непроизводительныхъ агентовъ, паразитовъ, высасывающихъ его соки, вотъ, милостивый государь, бѣдствія, непосредственно порождаемыя конкурренціей. Вопреки вашему мнѣнію, она не увеличиваетъ капитала: лучше скажите, что она стремится къ сосредоточенію его въ немногихъ рукахъ, что не одно и тоже; скажите, что она всасывающій насосъ, посредствомъ котораго богатство постоянно притягивается наверхъ и создаетъ господство денежнаго феодализма, чье золотое иго, болѣе страшное и болѣе тяжкое, чѣмъ желѣзное иго былого военнаго феодализма, будетъ труднѣе сломить.

Перехожу къ вашей критикѣ моей системы и воспроизвожу ее дословно:

„Парижскіе шляпочники вступаютъ въ ассоціацію съ помощью государственной субсидіи. Ихъ двадцать или тридцать че-

ловѣкъ и они выдѣлываютъ извѣстное число шляпъ, установленное статистикой...“—Позвольте мнѣ, милостивый государь, замѣнить эти послѣднія слова, принадлежащія вамъ, слѣдующими моими словами: „установленное спросомъ“. Ассоціація процвѣтаетъ и постепенно убиваетъ частную конкурренцію. Мало по малу всѣ парижскіе шляпочники образуютъ большое общество, изготовляющее шляпы исключительно для парижскихъ головъ. Но въ Мо, въ Мелекѣ, въ Версали, въ Руанѣ, въ Шатрѣ... тоже есть шляпочники. Сколько есть городовъ, столько будетъ и ассоціацій. Затѣмъ всѣ ассоціаціи ассоціируются между собой, солидаризируются, связываютъ себя узами взаимности. Прибыль каждой ассоціаціи въ отдѣльности поступаетъ въ центральную кассу общей ассоціаціи и дѣлится затѣмъ между всѣми членами послѣдней. Но для того чтобы существовала прибыль, нужно опредѣлить, что стоитъ продуктъ самому производителю (prix de revient). Какова же будетъ эта стоимость? Будетъ ли стоимость выдѣлки продукта одинакова въ Байоннѣ и въ Ліонѣ? Одинакова ли будетъ высота *дозволенной* прибыли въ Нимѣ и Дюнкирхенѣ? Въ чемъ будетъ состоять эта *дозволенная* прибыль? Кто ее будетъ устанавливать? Какое страшно сложное счетоводство, въ которомъ нельзя будетъ разобраться! Какихъ неимовѣрныхъ трудовъ требуетъ распредѣленіе! Такъ какъ условія матеріальной жизни во Франціи не вездѣ тождественны, то какими размѣрами заработной платы можно будетъ имъ удовлетворить? Пришлось бы назначить въ Пасси одну задѣльную плату, въ Понтуазѣ другую, въ Парижѣ третью. Напрасно понтуазскій работникъ сталъ бы изъ кожи лѣзть, чтобы работать лучше, чѣмъ парижскій, онъ получалъ бы лишь плату, установленную для Понтуаза. Шляпочникъ мюльгаузенской ассоціаціи не имѣлъ бы права работать въ Верденѣ; дѣйствительно, зачѣмъ Верденской ассоціаціи лишній работникъ, разъ она въ полномъ комплектѣ? Слѣдовательно рабочій былъ бы прикрѣпленъ къ мѣсту своей ассоціаціи. Онъ жилъ бы на подобіе моллюска, приросшаго къ своей скалѣ; или, можетъ быть, правительство, регулирующее производство, будетъ переводить отряды рабочихъ изъ

города въ городъ, смотря по надобностямъ, подобно тому, какъ оно перемѣщаетъ полки изъ гарнизона въ гарнизонъ?“

Если бы въ то время, когда впервые рѣчь зашла о томъ, чтобы государство организовало почту, кто нибудь воскликнулъ: „Какъ! Письма, которыя тридцать милліоновъ человѣкъ могутъ адресовать тридцати милліонамъ человѣкъ ежедневно, ежечасно, эти письма вы считаете возможнымъ доставить безъ затрудненія, безъ помѣхъ, въ опредѣленный моментъ на мѣсто ихъ назначенія и все это благодаря единой администраціи, отъ которой все будетъ исходить и къ которой все будетъ направляться! Но кто опредѣлитъ, во что обойдется почтовой администраціи оказанныя ею услуги? Будетъ ли заработная плата Ліонскихъ почталіоновъ равняться заработной платѣ байонскихъ? Одинаковое ли жалованье будутъ получать нимскіе и дюнкирхенскіе чиновники? Сколько будетъ стоить доставка писемъ? Кто высчитаетъ ихъ число, длину каждаго пройденнаго ими разстоянія? Какое страшно сложно счетоводство, въ которомъ нельзя будетъ разобраться. Какихъ неимовѣрныхъ трудовъ потребуетъ распредѣленіе!“ и т. д., и т. д., я увѣренъ, милостивый государь, что человѣкъ, который сдѣлалъ бы всѣ эти возраженія, прослылъ бы въ глазахъ многихъ людей умомъ крайне практическимъ. Вы знаете, однако, что почтовая администрація не есть утопія, и знаете также, съ какой легкостью, съ какой быстротой, съ какой изумительной точностью происходитъ то, что, не будучи начатымъ, могло казаться почти неосуществимымъ [1]). Что бы вы отвѣтили тому, кто спросилъ бы васъ, въ силу какого волшебнаго уговора, милліонная армія передвигается и дѣйствуетъ, какъ одинъ человѣкъ? Вы отвѣтили бы, что армія дѣлится на корпуса, каждый корпусъ—на полки, каждый полкъ—на батальоны, каждый батальонъ на роты... и что въ этомъ вся тайна.

---

[1]) Этотъ отвѣтъ Луи Блана оказывается еще мѣтче въ настоящее время, когда почтовая организація сдѣлалась гораздо сложнѣй, съ своими телеграфическими и интернаціональными переводами денегъ (mandats-poste internationaux) и т. п. *Перев.*

Серьезно ли вы указываете намъ на необходимость опредѣлить, во что обходится продуктъ (prix revient) производителю, какъ на непреодолимое препятствіе? Эта стоимость состоитъ: 1) изъ уплоченной задѣльной платы, 2) изъ цѣны употребленныхъ въ дѣло матеріаловъ; 3) изъ платы за пользованіе капиталами. Но не вполнѣ ли вычислимы всѣ эти расходы? И если любой фабрикантъ можетъ, сводя свои счеты, узнать, что ему приносятъ его операціи, то почему этого не могла бы сдѣлать ассоціація? Неужели изъ того, что стоимость изготовленія продукта въ Ліонѣ, можетъ быть, не та, что въ Байоннѣ, вы заключите, что, состоя какъ въ Ліонѣ, такъ и въ Байоннѣ, изъ вполнѣ опредѣляемыхъ элементовъ, она не сможетъ быть опредѣлена ни тамъ, ни здѣсь? Согласитесь, что это была бы странная логика.

Что же касается до разницы въ заработной платѣ, разницы, соотвѣтствующей различіямъ условій матеріальной жизни въ разныхъ пунктахъ Франціи, то меня удивляютъ ваши недоумѣнія по этому поводу. Взгляните на карту промышленности въ современномъ режимѣ: развѣ заработная плата одинакова повсюду въ каждой профессіи? Когда вы говорите: „Напрасно понтуазскій рабочій будетъ изъ кожи лѣзть, чтобы работать лучше парижскаго, онъ будетъ получать лишь плату, предписанную для Понтуаза“, развѣ вы не видите, что это возраженіе наноситъ гораздо болѣе сильный ударъ вашей любимой системѣ, чѣмъ той, на которую вы нападаете? Ибо при режимѣ ассоціаціи *разница* соотвѣтствуетъ идеѣ пропорціональнаго равенства, идеѣ справедливости и регулируется научнымъ образомъ, между тѣмъ какъ подъ давленіемъ конкурренціи, не допускающей иныхъ правилъ, кромѣ случайности и непредвидѣнности, *разница* происходитъ отъ тысячи нечаянныхъ и перепутавшихся между собой причинъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ равенству и справедливости.

Вы не хотите, чтобы рабочій проводилъ жизнь такъ, какъ ее проводитъ моллюскъ, приросшій къ своей скалѣ, и въ этомъ случаѣ вы совершенно правы, милостивый государь. Я настолько согласенъ съ вами въ этомъ случаѣ, что на основаніи именно этого,—

въ числѣ прочихъ,—соображенія, объявилъ войну современному режиму, гдѣ я всюду вижу печальное явленіе, противъ котораго вы протестуете. Родиться, прозябать, страдать и умереть все на одномъ и томъ же мѣстѣ—не такова ли въ настоящее время участь большинства рабочихъ? Почему же это? Да именно потому, что конкуренція обращаетъ промышленность въ безпорядочную толчею и мѣшаетъ производству сообразовать свой ходъ съ нуждами потребленія, вслѣдствіе чего рабочій почти никогда не можетъ знать, гдѣ всего болѣе нужны его руки, а слѣдовательно, не можетъ туда отправиться. И если даже предположить, что ему захочется переѣхать на новое мѣсто, вмѣстѣ со своей семьей, то легко ли будетъ ему найти средства для этого? Онъ, слѣдовательно, дѣйствительно остается прикрѣпленнымъ къ мѣсту; ничего подобнаго не происходило-бы при режимѣ солидарныхъ между собой ассоціацій. Тогда и только тогда предложеніе услугъ могло бы направляться туда, гдѣ въ нихъ нуждаются, такъ какъ рынокъ былъ бы извѣстенъ и ни одинъ работникъ не былъ бы предоставленъ своей безпомощности или своему незнанію. Вы говорите о полкахъ, переводимыхъ изъ города въ городъ. Есть, милостивый государь, вещь болѣе неразумная, чѣмъ заставлять ихъ мѣнять свою резиденцію въ случаѣ надобности, это держать ихъ неизмѣнно на одномъ и томъ же мѣстѣ, когда этого не слѣдуетъ дѣлать.

„Но это не единственныя затрудненія. Рабочіе получали бы заработную плату. Но что такое заработная плата? Гдѣ ея мѣрило? Во что оцѣнить рабочій день? Что стоитъ трудъ ребенка, юноши, женщины, взрослаго мужчины? Какъ опредѣлить эту стоимость согласно съ разумомъ и справедливостью? Какъ дать каждому ровно столько, сколько ему слѣдуетъ, не больше и не меньше? Какъ сообразовать распредѣленіе съ такой-то степенью силы, такой-то степенью ума, постоянства и энергіи въ работѣ?“

На этотъ разъ, милостивый государь, вы заимствовали у г-на Прудона оружіе, которымъ онъ пользуется въ борьбѣ со мною. Въ „Признаніяхъ революціонера“ (Confessions d'un Revolutionnaire) онъ пишетъ:

„Опредѣлять стоимость изготовленія продукта (le prix de revient)—это, приблизительно, все равно, что сказать: найдутъ perpetuum mobile, осуществятъ квадратуру круга. Стоимость изготовленія продукта состоитъ, если довести анализъ до конца, изъ различныхъ пластовъ заработной платы; но что есть заработная плата? Что есть рабочій день? Опредѣляется ли заработная плата потребностями рабочаго или цѣной, даваемой за товаръ потребителемъ? Что такое цѣна? что такое стоимость? Постоянно приходится возвращаться къ этому вопросу“ [1]).

Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы отъ имени и въ защиту соціализма, я воспользуюсь ими и, въ свою очередь, поставлю ихъ этой старой, такъ называемой *либеральной* политической экономіи, на смѣну которой пришелъ соціализмъ. Да, именно, что такое заработная плата въ настоящемъ режимѣ? Гдѣ ея мѣрило? Что стоитъ трудъ юноши, женщины, взрослаго мужчины? Какимъ образомъ каждому даютъ столько, сколько ему слѣдуетъ, не больше и не меньше? Какимъ образомъ стоимость опредѣляется согласно съ разумомъ и справедливостью?

Если я обращусь съ этими вопросами къ Тюрго, онъ мнѣ скажетъ: „Простой рабочій, обладающій лишь своими руками, можетъ что-нибудь получать лишь постольку, поскольку онъ продастъ другимъ свой трудъ. Онъ продаетъ его болѣе или менѣе дорого; но эта болѣе или менѣе высокая цѣна не отъ него одного зависитъ: она зависитъ отъ соглашенія, въ которое онъ вступаетъ съ тѣмъ, кто платитъ за его трудъ. Покупатель труда старается заплатить какъ можно меньше; такъ какъ у него есть значительный выборъ, то онъ предпочитаетъ того рабочаго, который работаетъ за болѣе дешевую плату. Поэтому рабочіе принуждены понижать плату, перебивая работу другъ у друга. *Во всякомъ видѣ труда должно происходить и происходитъ то, что задѣльная плата рабочаго ограничивается тѣмъ, что ему необходимо для пропитанія*“ [2]). Если я вопрошу Жана-Батиста

---

[1]) „Confessions d'un Revolutionnaire“, стр. 75.

[2]) Réflexions sur la formation et la distribution des richesses.

Сэ, онъ скажетъ мнѣ то же самое: „Заработная плата тѣмъ выше, чѣмъ больше спросъ на трудъ рабочаго и чѣмъ меньше предложеніе этого труда, она понижается по мѣрѣ того, какъ предложеніе труда рабочаго увеличивается, а спросъ уменьшается. Соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ регулируетъ цѣну товара, называемаго трудомъ рабочаго, подобно тому, какъ оно регулируетъ цѣну всѣхъ другихъ общественныхъ услугъ. Когда заработная плата слегка превышаетъ уровень, необходимый для того, чтобы семьи рабочихъ могли существовать, увеличивается число дѣтей и большее предложеніе вскорѣ начинаетъ соотвѣтствовать расширившемуся спросу. Когда же, наоборотъ, спросъ на рабочихъ отстаетъ отъ числа людей, предлагающихъ свои услуги, ихъ заработки падаютъ ниже уровня, необходимаго для того, чтобы не уменьшилось число людей ихъ класса, семьи, наиболѣе обремененныя дѣтьми, исчезаютъ, вслѣдствіе чего предложеніе труда уменьшается, что ведетъ къ повышенію цѣны. *Такъ что трудно, чтобы цѣна труда простого поденщика поднималась выше или опускалась ниже уровня, необходимаго для поддержанія рабочаго класса въ потребномъ количествѣ* [1]).

Я обращаюсь, наконецъ, съ тѣмъ же вопросомъ къ г-ну Прудону, онъ, не колеблясь, отвѣчаетъ:

„Цѣна, какъ и цѣнность, есть вещь существенно подвижная, слѣдовательно, измѣнчивая и регулируемая въ своихъ измѣненіяхъ одной только конкурренціей,—конкурренціей, которая,—не станемъ этого забывать,—по признанію Тюрго и Сэ, имѣетъ *необходимымъ* послѣдствіемъ то, что рабочій получаетъ лишь такую заработную плату, которая не даетъ ему прямо умереть съ голоду, *и поддерживаетъ рабочій классъ въ требующемся количествѣ*".

Теперь мы хорошо освѣдомлены! Намъ съ несомнѣнностью извѣстно, если вѣрить Тюрго, Сэ, Прудону и всѣмъ свѣтиламъ старой политической экономіи, что заработная плата не можетъ

---

[1]) Cours complet d'économie politique, часть 5, глава X.

*

имѣть иного основанія, какъ соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ, хотя изъ этого слѣдуетъ, что вознагражденіе за трудъ ограничивается тѣмъ, что строго необходимо рабочему для того, чтобы не умереть отъ отощанія. Прекрасно, и остается лишь повторить слова, сорвавшіяся съ искреннихъ устъ Смита, главы этой школы: *Въ этомъ мало утѣшительнаго для индивидуумовъ, не имѣющихъ иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ труда!*

Но не все еще сказано, и серія вопросовъ, которые я собираюсь поставить противникамъ соціализма, пользуясь при этомъ вашими собственными выраженіями, милостивый государь, не вся еще исчерпана.

Тюрго, Сэ, Прудонъ повѣдали намъ, что заработную плату опредѣляетъ отношеніе между предложеніемъ и спросомъ. Но хорошо ли это? Согласно ли съ справедливостью то, что создатели богатства, подъ давленіемъ грубаго и тиранническаго закона соотношенія между предложеніемъ и спросомъ, обречены на бѣдственную жизнь, сводящуюся для нихъ и для ихъ дѣтей къ куску хлѣба, и которая лишается и этого куска, когда ихъ количество превышаетъ *потребную* численность класса одушевленныхъ машинъ?

Если я спрошу объ этомъ важномъ пунктѣ экономистовъ школы Смита—они либо ничего не отвѣтятъ, либо скажутъ: „Что же дѣлать? Мы тутъ не причемъ, таковъ законъ. Это происходитъ, какъ сказалъ Тюрго, и *должно* происходить!“

Это то именно и отрицаютъ соціалисты, милостивый государь, Они сочли бы себя виновными въ ужасномъ кощунствѣ, еслибы стали утверждать *необходимость* того, что очевидно *несправедливо*. Они согласны съ тѣмъ, что *при современномъ режимѣ* вознагражденіе за трудъ дѣйствительно регулируется соотношеніемъ между предложеніемъ и спросомъ; но они всѣми силами своей души отрицаютъ невозможность найти лучшее основаніе для распредѣленія доходовъ *при другомъ режимѣ* и повторяютъ, вслѣдъ за человѣкомъ, въ которомъ большой умъ со-

единяется съ большимъ сердцемъ, вслѣдъ за Джономъ Стюартомъ Миллемъ:

„Очевидно, что изслѣдованіе цѣнности относится лишь ко второму изъ этихъ двухъ главныхъ отдѣловъ политической экономіи: производство богатства и его распредѣленіе; причемъ это справедливо лишь постольку, поскольку конкуренція, а не нравы и обычай, является агентомъ распредѣленія. Условія и законы производства могли бы быть въ общественномъ устройствѣ, не зависящемъ отъ обмѣна и не допускающемъ его, тѣми же, что и теперь.

Обмѣнъ является основнымъ закономъ распредѣленія продуктовъ не въ большой степени, чѣмъ колеса и повозки являются основными законами движенія, и смѣшивать эти понятія, на мой взглядъ, есть не только логическая, но и практическая несуразность [1])“.

Утверждая, что все регулируется конкурренціей, г. Прудонъ впадаетъ въ указанную г-номъ Миллемъ ошибку. Онъ принимаетъ относительное за безусловное; онъ принимаетъ преходящій фактъ за неизмѣнный принципъ; онъ принимаетъ за основной законъ всякаго общества то, что есть лишь несовершенный способъ существованія всякаго общества, *организованнаго* по образцу нашего современнаго общества; словомъ, его возраженіе сводится къ слѣдующей наивности: заработная плата, процентъ, цѣна, цѣнность, регулируются только конкурренціей... тамъ, гдѣ только конкурренціей регулируются заработная плата, процентъ, цѣнность.

Представьте себѣ, милостивый государь, ассоціаціи, объединен-

---

[1]) It is evident that of the two great departments of political Economy, the production of wealth and its distribution, the consideration of value has to do with the latter alone; and with that, only so far as competition, and not usage or custom, is the distributing agency. The conditions and laws of production wonld be same as they are, if the arrangements of society did not depend on Exchange, or did not admit of it. Exchange is not the fundamental law of the distribution of the produce, no more than roads and corriages are the essential laws of motion. To confond these ideas seems to me not only a logical, but a practical blunder. (Principles of political Economy, ч. I, книга 3, глава 1, § 1, стр. 514).

ныя взаимной солидарностью и похожія на тѣ общины средневѣковой Германіи, которыя, подъ названіемъ *Моравскихъ братьевъ*, сгруппировали до шестидесяти тысячъ членовъ, образовавъ собой семью работниковъ, столь трудолюбивую, столь плодовитую, столь вліятельную примѣромъ своего благоденствія, что, дабы помѣшать имъ мирнымъ путемъ завоевать міръ, испугавшаяся тираннія рѣшилась ихъ истребить [1]). Такъ какъ въ каждой изъ этихъ общинъ взятой въ отдѣльности, распредѣленіе работъ происходило бы сообразно со способностями, а распредѣленіе продуктовъ—сообразно съ потребностями, то къ чему свелись бы между рабочими, живущими какъ бы дружной семьей, сдѣлки, основанныя въ настоящее время исключительно на принципѣ обмѣна? Что же касается до сношеній между различными общинами, то не ясно ли, что доставка продуктовъ изъ мѣста, гдѣ они изобилуютъ, туда, гдѣ въ нихъ чувствуется недостатокъ, могла бы быть поручена агентамъ общей ассоціаціи, которые выполняли бы эту обязанность въ качествѣ чиновниковъ? Осуществленіе этой гипотезы, въ которой нѣтъ ничего химерическаго, такъ какъ она была испытана на дѣлѣ въ очень широкомъ масштабѣ, какъ о томъ сообщаетъ исторія, положило бы конецъ коммерческой анархіи и убійственнымъ колебаніямъ цѣнъ, изъ нея проистекающимъ. Такъ какъ антагонизмъ уступилъ бы мѣсто согласію и производство стало бы соизмѣрять свою дѣятельность съ нуждами потребленія, то цѣнность стала бы измѣряться количествомъ потраченнаго труда, что естественно и справедливо, вмѣсто того, чтобы зависѣть отъ одного лишь соотношенія между спросомъ и предложеніемъ, что, по признанію Смита, Сэ и Тюрго, дѣлаетъ изъ труда *товаръ*, изъ рабочаго живую машину, получающую лишь то, что необходимо для ея существованія, а изъ народа классъ, *который не долженъ превосходить потребнаго количества людей*. Въ случаѣ осуществленія этой гипотезы, нечего будетъ заботиться о заработной платѣ, такъ какъ наемные

---

[1]) См. *Исторію анабаптистовъ* отца Катротта, свидѣтельство котораго не можетъ быть заподозрѣно, такъ какъ онъ заявляетъ себя врагомъ анабаптизма.

работники исчезли бы и въ обществѣ остались бы только чиновники, да, чиновники, служебныя обязанности которыхъ опредѣлялись бы ихъ склонностями, а вознагражденіе—ихъ потребностями, сообразно съ законами разума, справедливости и природы.

Зачѣмъ бы я сталъ это скрывать? Къ этому именно идеалу ведетъ моя система, которую я всегда выдавалъ лишь за то, что она есть т. е. за мирно-революціонный и переходный способъ дѣйствій. Мнѣ дѣйствительно извѣстно, что преобразованіе обществъ не можетъ произойти въ одинъ день: что оно требуетъ большой осмотрительности и благоразумныхъ предосторожностей, что, для того чтобы уничтожить крупныя злоупотребленія, нужно прежде всего принять во вниманіе созданныя ими привычки и интересы, порожденныя ими обстоятельства, и что, если нужно заранѣе хорошо знать цѣль, къ которой направляешься, то не менѣе важно имѣть передъ глазами перечень этаповъ, которые сначала должны быть пройдены. Вы, быть можетъ, возразите мнѣ: „Такъ какъ ваша система имѣетъ лишь переходный характеръ и предполагаетъ, что необходимо считаться,—до того времени, когда вашъ идеалъ будетъ достигнутъ,—съ условіями современнаго общества, т. е. съ заработной платой и ея колебаніями, съ конкурренціей, какъ распредѣлительницей продуктовъ, съ соотношеніемъ между предложеніемъ и спросомъ, соотношеніемъ, регулирующимъ обмѣнъ цѣнностей, то мы имѣемъ право поставить вамъ слѣдующіе вопросы: какое будетъ мѣрило заработной платы, по крайней мѣрѣ, пока будетъ существовать ваша система? и какъ высчитаете вы стоимость изготовленія продукта? какъ отдѣлите вы цифру дозволенной прибыли? Вѣдь всѣ эти вещи останутся существенно измѣнчивыми, пока не будутъ ниспровергнуты основные устои современнаго общества“.

Какъ видите, милостивый государь, я безъ всякихъ увертокъ иду навстрѣчу всѣмъ этимъ возраженіямъ. Вотъ мой отвѣтъ:

Изъ того, что цѣнность какого-нибудь предмета *измѣнчива*, слѣдуетъ, что нельзя было бы опредѣлить ее *неизмѣннымъ* образомъ, но вовсе не слѣдуетъ, что невозможно было бы опредѣлить ее въ тотъ или другой данный моментъ, слѣдя за ея по-

слѣдовательными колебаніями. Это и видимъ мы каждый день. Развѣ высота заработной платы, процента на капиталъ, цѣны товаровъ, сумма обмѣниваемыхъ цѣнностей и т. д. не являются для какого-нибудь фабриканта вещами столь же измѣнчивыми, какъ и для ассоціаціи братски объединенныхъ рабочихъ? Мѣшаетъ ли это фабриканту подводить каждый годъ итоги своему расходу и приходу, что позволяетъ ему разсчитывать на опредѣленную выручку въ слѣдующемъ году? Солидарныя ассоціаціи поступали бы такимъ же точно образомъ. Прежде всего онѣ установили бы общую рыночную цѣну, по которой стали бы продавать свои продукты для того, чтобы не возникла конкурренція между самими ассоціаціями, но само собой разумѣется, что, устанавливая эту общую, хотя и не неизмѣнную цѣну, онѣ принимали бы во вниманіе положеніе рынка и необходимость противоборствовать частной промышленности, пока она мало-по-малу не будетъ поглощена ассоціацией.

Слыша это, вы восклицаете:

„Конкурренціей пользуются для того, чтобы зарѣзать конкурренцію.

Ah! doit-on hériter de ceux qu'on assassine“ [1])?

Успокойтесь, милостивый государь, мы никого не собираемся убивать. Весь вопросъ въ томъ, *въ одномъ-ли только классѣ* конкуренція причиняетъ обѣдненіе и экономическое недомоганіе или-же *во всемъ обществѣ*. Если справедливо,—а мнѣ кажется, что я доказалъ это неотразимыми аргументами,—что конкуренція, независимо отъ того, что она освящаетъ несправедливости, гибельна для *всего общества*, то желательно для *всѣхъ*, чтобы она исчезла и очевидно, что тѣ, которые въ настоящее время растрачиваютъ въ анархическихъ усиліяхъ и судорогахъ частной промышленности свои средства и свою дѣятельность, нашли бы послѣднимъ употребленіе, съ большей для себя выгодой и при большей безопасно-

---

[1]) „Долженъ ли ты наслѣдовать тому, кого ты убилъ“? Стихъ Кребильона Старшаго. *Перев.*

сти, въ режимѣ ассоціаціи, который, по моему проэкту, всегда остается для нихъ открытымъ.

Скажу болѣе. Именно конкуренцію я упрекаю въ томъ, что она дѣлаетъ убійцъ наслѣдниками ихъ собственныхъ жертвъ. Когда купецъ, посредствомъ конкуренціи и пользуясь тѣмъ, что они менѣе его въ состояніи выдержать борьбу, принуждаетъ своихъ сосѣдей внезапно закрыть лавки, не наслѣдуетъ ли онъ тѣмъ, у кого отнялъ покупателей и кого разорилъ? Когдя патентованный фабрикантъ, вооруженный вновь изобрѣтенной машиной, точно палицей, повергаетъ на-земь своихъ соперниковъ, не получаетъ ли онъ ихъ барышей въ наслѣдство? Когда богатый спекулянтъ, посредствомъ систематическаго пониженія цѣнъ и *продажи въ убытокъ*, совершенно овладѣваетъ рынкомъ, не имѣетъ ли онъ цѣлью дѣлаться наслѣдникомъ жертвъ своей монополіи? Но оглянитесь же пожалуйста на то, что дѣлается вокругъ васъ! Вы увидите, что земля усыпана тѣлами побѣжденныхъ, достояніе которыхъ вслѣдствіе конкурренціи сдѣлалось наслѣдіемъ побѣдителей. Кребильонъ совершенно правъ, милостивый государь:

Ah! doit-on hériter de ceux qu' on assassine?

Будемъ продолжать. Вы говорите:

„Г. Луи Бланъ хочетъ создать солидарность между всѣми различными отраслями промышленности и ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы барыши каждой отрасли промышленности поступали въ общую кассу и чтобы сумма этихъ барышей дѣлилась между всѣми рабочими. Но г. Луи Бланъ не замѣчаетъ, что онъ высказываетъ здѣсь двѣ идеи, противорѣчащія одна другой. Если всѣ рабочіе ассоціируются, то какъ смогутъ они выгадывать другъ на другѣ? Въ обществѣ не бываетъ чистаго дохода, бываетъ лишь валовой доходъ, являющійся фондомъ, на который живетъ общество. Одинъ членъ ассоціаціи не получаетъ прибыли насчетъ другого. То, что называютъ прибылью, есть результатъ закона спроса и предложенія, а г. Луи Бланъ хочетъ уничтожить этотъ законъ; слѣдовательно, онъ уничтожаетъ и прибыль; почему же, въ такомъ случаѣ, она фигурируетъ въ его проектѣ?“

Еще одно возраженіе, въ которомъ вы сходитесь съ г. Прудономъ. Онъ пишетъ въ *Признаніяхъ революціонера*, пытаясь опровергнуть меня:

„Въ обществѣ съ раздѣльными хозяйствами и анархической конкурренціей барышъ одного образуется изъ дефицита другого; прибыль указываетъ на соперническія и антагонистическія отношенія, свойственныя режиму частнаго хозяйства. Но тамъ, гдѣ всѣ рабочіе одной отрасли промышленности, гдѣ всѣ отрасли промышленности въ государствѣ соединены въ одну ассоціацію и солидарны, тамъ нѣтъ больше мѣста барышу. Ибо, если всѣ получаютъ одинаковый барышъ, то онъ равенъ нулю; существуетъ тождество между стоимостью выдѣлки продукта (prix de revient) и его продажной цѣной, между *чистымъ* и *валовымъ* доходомъ. Раздѣлъ прибыли между всѣми рабочими каждой отрасли промышленности такая же нелѣпость, какъ идея дать всѣмъ людямъ ренту въ 25.000 франковъ въ годъ“ [1]).

По-истинѣ, г. Прудонъ издѣвается надъ своими читателями, а вы, милостивый государь,—извините меня,—строите, по его примѣру, вѣтряныя мельницы для того, чтобы имѣть удовольствіе сражаться съ ними. Само собой разумѣется, что члены общества не могли бы выгадывать другъ на другѣ, если бы *всѣ, рѣшительно всѣ*, поступили въ общую ассоціацію. Конечно, прибыль въ теперешнемъ смыслѣ этого слова была бы невозможна въ обществѣ, превратившемся въ одну большую семью, такъ какъ нельзя выгадывать насчетъ самого себя. Все это совершенно наивныя истины, достойныя г. де Ла Палиса. Но для того, чтобы *валовой* доходъ пересталъ отличаться отъ чистаго, нужно, чтобы совершенно исчезли *процентъ, рента* и все, что составляетъ привилегіи собственника и капиталиста. Для того, чтобы общество перестало получать прибыль,—ибо нельзя получать прибыль отъ самого себя,—оно должно перестать дѣлиться на нѣсколько обществъ, изъ которыхъ одно старается поживиться на счетъ другого. А до тѣхъ поръ бу-

---

[1]) „Confessions d'un Revolutionnaire“, стр. 76.

детъ существовать *валовой доходъ* и *чистый доходъ;* до тѣхъ поръ будутъ возможны и будутъ непремѣнно получаться барыши, сумму которыхъ можно будетъ дѣлить между работниками. Ибо,— г. Прудонъ принужденъ въ этомъ сознаться,—„въ обществѣ съ раздѣльными хозяйствами и анархической конкурренціей прибыль одного образуется изъ убыли другого." Но къ какого рода обществу относится, милостивый государь, предлагаемая мною система? Среди какого соціальнаго устройства она должна развиваться? Не будутъ ли солидарныя ассоціаціи имѣть дѣло „съ обществомъ съ раздѣльными хозяйствами и анархической конкурренціей", *до тѣхъ поръ*, пока не произойдетъ полное преобразованіе этого общества!? Такъ какъ, по словамъ г. Прудона, „прибыль указываетъ на соперническія и антагонистическія отношенія", то ясно, что ассоціаціи будутъ получать прибыль до тѣхъ поръ, пока имъ нужно будетъ бороться съ неассоціированными и соперническими предпріятіями. Повторяю, что моя система относится исключительно къ этому переходному положенію вещей; она послужитъ какъ бы мостомъ, переброшеннымъ отъ современнаго общества къ обществу будущему, въ которомъ *валовой* и *чистый* доходъ сольются во-едино, и гдѣ, такъ какъ производство будетъ слѣдовать закону силъ, а потребленіе закону потребностей, не будетъ больше, само собою разумѣется, ни наемнаго труда, ни процента, ни купли-продажи, ни обмѣна цѣнностей, обусловливаемаго столь любезнымъ сердцу г-на Прудона и всѣхъ экономистовъ старой школы и ведущимъ къ угнетенію народа—соотношеніемъ между предложеніемъ и спросомъ.

„Декретами", прибавляете вы, противопоставляя мнѣ слова какого-то соціалиста, котораго вы не называете, „общества не передѣлываютъ, не передѣлывали никогда и никогда не передѣлаютъ. Декретами учреждаютъ конституцію, вводятъ законы, создаютъ механическія и внѣшнія формы; но декретами не создаются внутренніе факты и молекулярная организація (надѣюсь, что это выраженіе будетъ понято), которыми обусловливается состояніе общества. Но и законы и фабрикуемыя конституціи годны лишь въ томъ случаѣ, когда они согласуются съ этими самыми внутренними и живыми

фактами, соотвѣтствуютъ имъ и являются, такъ сказать, ихъ кристаллизацiей. Вы можете, въ крайнемъ случаѣ, измѣнить декретами внѣшнюю и физическую форму; закономъ вы никогда не измѣните внутренняго и химическаго состава. Составъ этотъ зависитъ исключительно отъ химическаго сродства элементовъ; вы не сможете имъ навязать отношенiй, установленiю которыхъ не способствуетъ само по себѣ взаимное притяженiе этихъ элементовъ. Если ваши законы предпишутъ этимъ послѣднимъ соотношенiя противныя ихъ сродству, то эти элементы не подчинятся вашимъ безсильнымъ законамъ или станутъ противодѣйствовать имъ до тѣхъ поръ, пока не разрушатъ навязанныхъ вами законовъ."

„Общества никогда не передѣлывали декретами!" Увѣрены ли вы въ этомъ, милостивый государь? А какимъ же образомъ было передѣлано, въ знаменитую ночь 4-го августа 1789-го года, общество, существовавшее тогда и отъ котораго столь глубоко отличается наше современное общество? Исключительно ли къ *внѣшней и физической формѣ* относились декреты объ отмѣнѣ леннаго судопроизводства, о замѣнѣ церковной десятины налогомъ, объ уничтоженiи феодализма во Францiи? Внутреннiй ли *фактъ*, *молекулярную ли организацiю*, или только *механическую форму* мѣнялъ Тюрго, когда въ засѣданiи 12-го марта 1776 года онъ заставилъ парламентъ узаконить знаменитый эдиктъ, упразднявшiй барщину и цехи? Если режимъ неограниченной конкурренцiи былъ введенъ во Францiи путемъ декретовъ, то почему путемъ декретовъ же нельзя было бы произвести постепеннаго переустройства этого режима? Я очень далекъ отъ того, чтобы отрицать, что декреты эти оказались бы безсильными, если бы не совпали съ потребностями, съ сродствомъ элементовъ общества и не исходили изъ его воли. Потому я всегда требовалъ свободы обсужденiя идей, которыя считаю истинными, и рѣшающаго испытанiя ихъ путемъ всеобщаго голосованiя въ томъ, что касается до практическаго ихъ примѣненiя.

По этому поводу я позволю себѣ рекомендовать вашему вниманiю, милостивый государь, то, что я писалъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ журнала „Nouveau Monde":

1) „Мой идеалъ—это такое общественное устройство, при которомъ каждый, имѣя возможность упражнять самымъ полнымъ образомъ всѣ свои способности и вполнѣ удовлетворять всѣ свои потребности, пользовался бы наибольшей суммой свободъ, какую только можно себѣ представить.

2) „Убѣжденный въ томъ, что этотъ идеалъ слишкомъ отличается отъ современнаго общественнаго устройства, для того чтобы осуществиться немедленно, я предложилъ переходныя мѣры, могущія, по моему мнѣнію, привести къ нему постепенно и безъ потрясеній; но я не хочу, чтобы эти мѣры были навязаны обществу. Онѣ подлежатъ обсужденію: пусть общественное мнѣніе судитъ о нихъ и пусть посредствомъ всеобщей подачи голосовъ отвергнетъ ихъ, если найдетъ дурными, или приметъ, если сочтетъ ихъ хорошими".

Въ чемъ, въ сущности, дѣло? Въ томъ, чтобы государство, т. е. собраніе народныхъ представителей, создало среди современнаго общества сколь возможно полные образцы будущаго общества, такъ чтобы постепенно и исключительно притягательной силой дѣйствующей истины второе общество поглотило первое.

Государство, опредѣленное въ демократическомъ духѣ, я назвалъ *государствомъ-служителемъ*, противопоставивъ его *государству властителю* и вы пользуетесь этимъ, чтобы утверждать, что я рѣшаю громадный по своей важности вопросъ о власти простою *игрою словъ*; г. Прудонъ, который очевидно не знаетъ, что такое анаграмма, сказалъ, что я рѣшаю его *анаграммой*. Откровенно говоря, милостивый государь, вы должны были бы оставить ему печальную привилегію замѣнять серьезные доводы буфонствомъ. Столь несерьезный отвѣтъ былъ бы извинителенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы я употребилъ выраженіе: *государство-служитель*, не опредѣляя его, не объясняя его содержанія, не показывая, какимъ образомъ измѣненію въ *словахъ* соотвѣтствуетъ здѣсь громадное измѣненіе *въ вещахъ*. Но, слава Богу, мнѣ не приходится упрекать себя въ подобной забывчивости. Неужели разница между государствомъ, состоящимъ изъ смѣняемыхъ и отвѣтственныхъ народныхъ представителей, и государствомъ, олицетворяющимся въ одномъ

лицѣ, которое имѣетъ дерзость говорить: „Государство это я", заключается лишь въ *игрѣ словъ* или *анаграммѣ?* Неужели разница между демократической организаціей государства посредствомъ всеобщей подачи голосовъ и его монархическимъ устройствомъ, основанномъ на божественномъ правѣ, заключается лишь въ *игрѣ словъ* или *анаграммѣ?* Дѣйствовать въ качествѣ агента всеобщей воли, въ качествѣ народнаго приказчика, отъ котораго народъ можетъ отречься, смѣняя и наказывая его въ случаѣ дурного исполненія этимъ лицомъ возложенныхъ на него обязанностей, и дѣйствовать по своему личному произволу, истребляя тѣхъ, которымъ онъ не нравится, неужели это одно и то же, если не считать *анаграммы* или *игры словъ?*

Безполезно прибавлять, что я никогда не собирался дѣлать государство производителемъ и обременять его неисполнимой работой. Пусть оно сдѣлается кредиторомъ и законодателемъ ассоціацій,—я отъ него бо̀льшаго не требую.

Я, кажется, отвѣтилъ на всѣ ваши возраженія. Мнѣ остается только исправить нѣкоторыя ваши неточныя утвержденія.

Вы утверждаете, что, изъ всѣхъ системъ, моя потеряла наибольшее число сторонниковъ. Это ошибка, и вы увидѣли бы, насколько она груба, если бы я имѣлъ возможность показать вамъ свою непрерывную переписку съ наиболѣе прямыми представителями народнаго мнѣнія. Да вы и сами признаёте, „что первая соціальная мастерская, устроенная въ Клиши, въ довольно обширномъ масштабѣ, послужила образцомъ для устройства почти всѣхъ рабочихъ ассоціацій, изъ которыхъ нѣкоторыя, — прибавляете вы, сообщая, что ихъ 112, — организованы прочно и держатся". Правда, вы спѣшите замѣтить, что нельзя будетъ добиться, чтобы онѣ солидализировались между собой. Я же, съ своей стороны, убѣжденъ, что въ этомъ для нихъ единственное средство побѣдить давленіе окружающей среды и недоброжелательство правительства, которое, вмѣсто того, чтобы давать имъ субсидіи и покровительствовать имъ, старается создать имъ тысячи препятствій. Нѣкоторыя изъ ассоціацій прекрасно это понимаютъ, и если со-

лидаризація еще не осуществлена, то это происходитъ отъ временныхъ затрудненій, а не отъ логической и непреодолимой невозможности.

Вы говорите о послѣдовательныхъ *эволюціяхъ* моей мысли; вы изображаете земледѣльческія мастерскія, даровой кредитъ, переходъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства, идеями, которыя я взялъ напрокатъ у другихъ съ тѣмъ, чтобы обогатить ими свою „Организацію труда“.

Будь это обвиненіе справедливо, я не сталъ бы въ этомъ оправдываться, или, вѣрнѣе, почелъ бы это за честь. Слѣдить за научной литературой и употреблять пріобрѣтенныя свѣдѣнія на пользу идеѣ, которую считаешь согласной съ принципами вѣчной справедливости, есть долгъ каждаго общественнаго дѣятеля. Но, на самомъ дѣлѣ, заслуги мои въ этомъ отношеніи гораздо менѣе серьезны, чѣмъ вы думаете.

Земледѣльческая реформа и реформа промышленная были столь тѣсно связаны между собой въ моемъ умѣ, что правила, слѣдуя которымъ трудъ долженъ былъ быть организованъ въ городахъ, по моему проекту, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя я впослѣдствіи предложилъ въ виду организаціи труда въ деревняхъ; такъ что въ послѣднемъ изданіи моей книги одинъ и тотъ же законопроектъ относится и къ той, и къ другой организаціи. Вы говорите о даровомъ кредитѣ. Но что такое организація труда путемъ солидарныхъ между собой ассоціацій, какъ не самое дѣйствительное, вѣрное, единственное средство достигнуть уничтоженія процента посредствомъ созданія большого коллективнаго капитала, принадлежащаго всей совокупности работниковъ? Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что первое изданіе моей книги вышло въ свѣтъ въ 1839 году, т. е. въ эпоху, когда г. Прудонъ не былъ извѣстенъ ни мнѣ, ни другимъ. Комбинировать же, по примѣру г-на Прудона, доктрину дарового кредита съ доктриной конкурренціи и laissez faire, — вещь совершенно смѣхотворная и безразсудная. Каждый заимодавецъ, если онъ не съумасшедшій, хочетъ и долженъ быть увѣренъ въ томъ, что ему полностью будетъ возвращенъ капиталъ, кото-

рый онъ наврема передаетъ въ пользованіе другимъ; ему нужны, слѣдовательно, *реальныя* гарантіи, такъ какъ режимъ всеобщаго антагонизма дѣлаетъ всѣ положенія необезпеченными и не допускаетъ точной оцѣнки чисто *личныхъ* гарантій, которыя можетъ представить бѣднякъ. Чтобы брать взаймы, въ царствѣ конкурренціи нужно представить *залогъ*; чтобы доставить залогъ, нужно обладать *имуществомъ*, а у бѣдныхъ нѣтъ *имущества*. Не толкуйте имъ о безплатномъ кредитѣ, провозвѣстникъ индивидуализма, когда вы не можете открыть имъ не только безплатный, но и какой бы то ни было кредитъ, и вашъ *Народный банкъ* слишкомъ хорошо доказалъ это. Осуществить всеобщій безплатный кредитъ возможно лишь посредствомъ ассоціаціи.

Вы говорите о передачѣ желѣзныхъ дорогъ государству... Если бы вы были немного болѣе знакомы съ прошлымъ французской журналистики, то вы знали бы, милостивый государь, что я развивалъ эту мысль съ первыхъ своихъ шаговъ на политическомъ поприщѣ, т. е. 15 лѣтъ тому назадъ; вы знали бы, что, въ качествѣ главнаго редактора газеты „*Bon Sens*“, я первый въ парижской ежедневной прессѣ сталъ требовать, чтобы желѣзныя дороги строились государствомъ и были его собственностью, и долгое время оставался единственнымъ представителемъ этого взгляда въ этой прессѣ; вы знали бы, наконецъ, что именно поэтому я покинулъ газету „*Bon Sens*“, такъ какъ владѣлецъ ея, членъ Бельгійскаго сената, г. Лефевръ-Мерэ (Lefevre-Meuret), оказался иного мнѣнія, чѣмъ я, а каждый честный человѣкъ долженъ предпочитать свое убѣжденіе своему положенію.

Вы думаете, что въ вопросѣ о равенствѣ заработной платы я придерживался то одного, то другого мнѣнія. Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь. Я всегда и неизмѣнно держался лишь одного принципа: *Отъ каждаго по его способностямъ; каждому по его потребностямъ.*

Пересмотрите различныя изданія *Организаціи труда*, начиная съ перваго; въ каждомъ изъ нихъ вы прочтете:

„Нужно уничтожить много ложныхъ идей; онѣ исчезнутъ, не

станемъ въ этомъ сомнѣваться. Такъ, напримѣръ, настанетъ день, когда будетъ признано, что тотъ, кто получилъ отъ Бога больше силы или больше ума, имѣетъ большія обязанности передъ себѣ подобными. Тогда геній будетъ судить о своей законной власти, достойнымъ своего величія образомъ, не по значительности дани, взимаемой имъ съ общества, а по размѣрамъ услугъ, которыя онъ ему будетъ оказывать. Ибо неравенство способностей должно вести не къ неравенству правъ, а къ неравенству обязанностей" [1]). Раскройте *Исторію десяти лѣтъ*, вы найдете тамъ слѣдующій отвѣтъ сен-симонизму:

„Есть двѣ вещи въ человѣкѣ: потребности и способности. Со стороны потребностей, онъ пассивенъ, со стороны способностей—активенъ. Потребности заставляютъ его звать ближнихъ къ себѣ на помощь; благодаря своимъ способностямъ, онъ служитъ своимъ ближнимъ. Слѣдовательно, мы обязаны давать больше тому, кто въ большемъ нуждается, можемъ требовать большаго отъ того, кто болѣе одаренъ способностями. Итакъ, божественный законъ, начертанный въ организаціи каждаго человѣка, гласитъ, что большій умъ долженъ сопровождаться болѣе полезной дѣятельностью, а не болѣе значительнымъ вознагражденіемъ, и неравенство способностей ведетъ законнымъ образомъ лишь къ неравенству обязанностей" [2]).

Итакъ, я всегда проповѣдывалъ не абсолютное равенство, а равенство пропорціональное, единственное, дѣйствительно согласующееся съ законами справедливости и природы. Но такъ какъ это ученіе можетъ быть осуществлено лишь тогда, когда, въ виду производства, всѣ силы будутъ собраны въ коллективное цѣлое, и когда, въ виду потребленія, всѣ продукты будутъ поступать въ общее пользованіе (mis en commun), и такъ какъ, съ другой стороны, нельзя перейти сразу отъ зла къ добру, отъ режима абсолютнаго безпорядка къ режиму полной гармоніи, то я провозгласилъ этотъ принципъ, не вѣря въ возможность его *немедлен-*

---

[1]) Organisation du travail, заключеніе 5-й главы.

[2]) Histoire de Dix ans, т. III, глава III.

наго примѣненія; но самаго принципа я никогда, никогда не скрывалъ.

Что я говорилъ въ Люксембургскомъ дворцѣ? Воспроизвожу „Moniteur":

„Боже насъ сохрани считать равенство заработной платы полнымъ осуществленіемъ принципа справедливости. Истина заключается въ слѣдующей формулѣ: пусть каждый производитъ по своимъ силамъ и способностямъ, пусть каждый потребляетъ по своимъ потребностямъ" [1]).

Что же касается до возраженій, которыя обыкновенно противопоставляютъ этой святой формулѣ, то я постарался опровергнуть ихъ одно за другимъ въ *Almanach du Nouveau Monde* 1851 г. Да и какъ могъ бы я въ принципѣ желать строгаго и абсолютнаго равенства заработной платы, когда всѣ помыслы и усилія мои направлены къ постепенному, но радикальному и окончательному уничтоженію оплачиваемаго труда (salariat)?

Ваша лойяльность, милостивый государь, и добросовѣстность газеты, въ которой вы пишете, позволяютъ мнѣ надѣяться, что эти разъясненія будутъ напечатаны. Что же касается до подчасъ слишкомъ язвительныхъ выраженій въ вызвавшей эти разъясненія статьѣ, то я не стану ни упрекать васъ за нихъ, ни жаловаться. Подвергаться на своемъ пути оскорбленіямъ... къ этому должны быть готовы бойцы за будущій міръ, и малодушіемъ было бы сѣтовать на раны, полученныя на службѣ у истины.

Прим. перев. Мы позволили себѣ выпустить 3-е, 4-е и 5-е приложеніе къ сочиненію Луи Блана; первое имѣетъ лишь документальное значеніе, содержа протоколы различныхъ посредничествъ Люксембургской комиссіи между хозяевами и рабочими, оба же остальныя касаются вопросовъ французской политической жизни, потерявшихъ интересъ для современнаго читателя въ виду измѣнившихся историческихъ обстоятельствъ (вопросъ о президентствѣ республики, вопросъ о французской коммунальной администраціи).

КОНЕЦЪ.

---

[1]) См. „Moniteur" отъ 3-го апрѣля 1848 года.

Оглавленіе.

Февральская революція 1848 года.

Стр.

ОПЕЧАТКИ.

Стран	*Строчка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
4	8 сн.	движеніемъ	уваженіемъ
16	13 св.	одинъ видъ	лишь одинъ видъ
17	1 сн.	мужество	мужествомъ
18	5 св.	противъ потока	проливъ потоки
18	7 св.	безстрастіемъ	безстрашіемъ.
21	14 св.	придворника	привратника
25	1 св.	чтобы между	между
25	12 св.	Потому	Поэтому
25	12 св.	меньше	не столько
25	13 св.	чѣмъ	сколько
29	12 сн.	или оперной: грязи	или оперной грязи:
29	11 сн.	столько для	столько-то для
35	3 сн.	льстивыхъ	лживыхъ
35	2 сн.	побѣду разочарованія	побѣду; разочарованія
36	14 св.	подѣйствовать	не подѣйствовать
39	9 св.	уменьшенія	умаленія
39	11 сн.	апологисты	апологеты
42	12 св.	прямое	упрямое
42	17 св.	движенія	уваженія
46	11 св.	оптимумъ	оптимизмъ
49	5 св.	безвозвратно	безповоротно
50	3 св.	настойчивой	неустойчивой
51	11 св.	близкіе	приближенные
56	12 сн.	Днусонскомъ	Дижонскомъ
64	11 св.	гвардейцы, люди	гвардейцы и люди
67	1	городовыми	гороховыми
70	11 св.	пошлой по поводу басни	по поводу пошлой басни
71	2 св.	изобрѣлъ	изобразилъ
73	2 сн.	и содѣйствовалъ	содѣйствовалъ
75	3 сн.	доставать	доставлять
76	5 св.	переименовывать	переименовывая
76	9 св.	какъ бы	сколь
80	3 св.	назначила	назначили
85	8 сн.	Въ этотъ	Что въ этотъ
86	5 св.	Пьера	Тьера
88	7 св.	вознесшій	воскурившій
88	11 св.	посвященія	освященія
90	8 св.	смогъ	смогъ затѣмъ
102	1 св.		вычеркнуть слова: большинству въ провинціяхъ
110	8 сн.	священную	священнѣйшую
121	17 сн.	заявленіемъ	заявленіямъ
121	6 сн.	конституціонный государь (souverain) лишь	конституціонный монархъ—государь (souverain) лишь

127	8 сн.	отвѣтственность, перемѣна	отвѣтственность за перемѣну
132	1 св.	крутизну	корзину
138	6 св.	одну за другой; я не стану	я не стану, одну за другой
141	5 св.	бивака	дивана
150	15 и 16 св.	связанное	связанныхъ
159	15 св.	Пьеромъ	Тьеромъ
162	15 св.	Продолжить	Проложить
176	13 сн.	основѣ своихъ	осуществленіи этихъ
177	16 св.	гребцамъ	гребцомъ
179	6 св.	дѣти богача отъ которой цѣною золота откупаются	отъ которой откупаются цѣною золота дѣти богача
181	1 сн.	сомнительной	и сомнительной
186	14 сн.	неудачнымъ	неудачи
187	9 св.	опасеніе	спасеніе
188	1 св.	забылъ-бы	забылъ
188	2 св.	выслушивалъ бы	выслушивалъ
188	11 св.	пришелъ	прошелъ
198	4 св.	могутъ	смогутъ
208	16 св.	незначительныя	значительныя
210	3 сн.	сдѣлавшуюся	сдѣлавшейся
225	1 сн.	отвѣта; и процессъ	отвѣта; процессъ
230	16 св.	избѣжали	избѣгали
241	18 св.	безвозвратно	безповоротно
247	9 сн.	организаціи труда	„Организаціи труда“
248	13 сн.	нужнымъ	шумнымъ
251	12 сн.	холодныхъ	голодныхъ
252	7 св.	дворѣ	дворцѣ
252	12 св.	движеніемъ	уваженіемъ
253	7 св.	умѣло	открыто
254	6 св.	компанія	кампанія
254	16 сн.	уловкой людей	временной уловкой
255	14 св.	полезныхъ	полезнымъ
271	6 св.	и Гарнье Пажесъ	Гарнье Пажесъ
273	7 св.	соединилась	соединялась
275	13 сн.	равенства	регентства
282	11 св.	казался	оказался
286	7 сн.	считать	питать
292	17 св.	монетазація	монетизація
294	10 сн.	между	между тѣмъ
299	6 сн.	образованные	обрадованные
303	14 св.	braiг	bravi
309	2 сн.	замѣчалась	заключалась
309	5 св.	вознагражденіе	вознагражденія
310	11 сн.	тонъ	токъ
315	15 св.	правамъ	нравамъ
316	14 св.	Дантонъ	Дантанъ
317	3 сн.	этомъ	томъ
318	13 св.	изъ героя избранника случайно	героя изъ избранника случая
325	1 св.	выражавшейся	выразившейся
327	1 св.	отношеній	сношеній
330	4 св.	учрежденнаго	учрежденный
330	8 сн.	настроеніямъ	построеніямъ
333	8 св.	любознательности,	любознательной
341	14 св.	сообщалась	сообщилась
351	7 св.	за собой	за своей
354	7 св.	лучезарныхъ,	лучезарныхъ словъ,
361	15 сн.	почти	пойти

364	14 св.	созваніе	что созваніе
365	11 св.	должны бы	должны были
369	8 св.	симпатію энтузіазма, братскія упованія	симпатію, энтузіазмъ, братскія упованія
388	6 св.	потомъ	потокомъ
392	14 сн.	Бога людей	Бога и людей;
393	2 св.	преклоняющейся	преклоняющійся
396	14 св.	никогда въ одной	никогда ни въ одной
397	2 сн.	примѣняема	примѣняется
402	1 св.	не зналъ; почему я не могу	не зналъ, почему; я же могу
404	13 сн.	разнымъ	ручнымъ
413	7 сн.	война	воина
415	1 сн.	вообще	всеобщее
420	5 сн.	оплевали	оплевывали
422	13 сн.	былъ	быть
427	4 св.	Потому	Поэтому
433	14 св.	любителей	мобилей
437	6 св.	сзади	у
437	11 св.	удивляться умѣренности	удивляться ея умѣренности
437	14 св.	услужившая	услуживавшая
437	15 св.	не изъ тѣхъ, которыя ихъ	не изъ тѣхъ, которыя потрясаютъ троны, а изъ тѣхъ, которыя ихъ
439	18 сн.	destures	gestures
440	11 сн.	Милюзъ	Милнзъ
441	13 сн.	заклинаете	попросите
446	15 сн.	послѣдствій	послѣдствій,—
448	13 св.	тотъ	этотъ
450	11 сн.	польскому	прусскому
459	8 сн.	и одинъ изъ нашихъ товарищей Лантюинэ	и отецъ одного изъ нашихъ товарищей Ланжюинэ
460	18 св.	движеніемъ	движеніями
471	16 св.	Пьеръ	Тьеръ
472	10 сн.	высказывать	воскрешать
475	17 св.	прорвалъ	подорвалъ
506	7 св.	стояло	стало
507	14 св.	баррикады	баррикадъ
509	4 св.	лейтенанта	подчиненнаго
509	4 сн.	и де-Ламартинъ	г. де-Ламартинъ
514	3 св.	повторили	повторяли
532	7 св.	членами мобилями	мобилями
535	11 св.	убѣжденія	утвержденія
566	14 св.	Дженъ	Эженъ
568	3 сн.	кажущейся	значущейся
572	3 сн.	И что она?	И что-же?
596	2 св.	высшей	вашей
596	7 св.	принята	поднята
599	10 сн.	онѣ	они
604	8 св.	царство	его царство
628	14 св.	уловленный	условленный
628	2 сн.	горныхъ	гордыхъ
634	5 св.	даже	уже
635	8 св.	дома	долю
636	15 св.	(Fay ce gue voqldras).	Fay ce gue vouldras)“.
658	1 св.	опредѣлять	опредѣлятъ